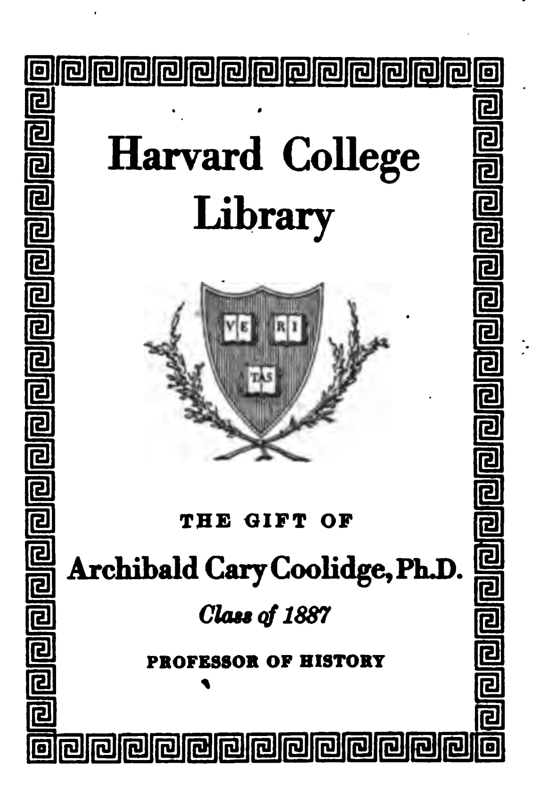

VE RI TAS

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(XIII-ое, XIV-ое И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV СТОЛ.).

(Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета за 1889 г.).

1889.

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

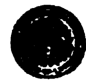
УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть первая.

(XIII СТОЛѢТІЕ).

1889.

КАЗАНЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 15 декабря 1888 года.

(Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета за 1889 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

втораго тома.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

VI.

VII.

VI.

ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА.

ВРЕМЯ ПАПЫ ИННОКЕНТІЯ III И ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА II.

1) Папа Иннокентій III; его отношенія къ Западу и Востоку Европы.

Вторая половина среднихъ вѣковъ открывается полнымъ торжествомъ папской власти. Духовный авторитетъ римскихъ первосвященниковъ достигаетъ такой реальной силы, что папская курія начинаетъ оказывать вліяніе на политику и исторію не только всей западной Европы, но направляетъ судьбы нѣкоторыхъ государствъ и народовъ Востока. Эта духовная сила, облекшись политическими формами, получаетъ матеріальное могущество. Римъ становится не только духовнымъ, но и политическимъ центромъ. Въ немъ сходятся тѣ нити, которыя даютъ импульсъ исторической жизни Европы на цѣлое столѣтіе.

Общій характеръ XIII вѣка.

Передъ нами воскресаетъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ теократія отдаленной, библейской древности, теократія оригинальная, тайна обаянія которой утеряна для насъ. Тринадцатое столѣтіе — это время торжества папской власти по преимуществу. Но теократическая идея, хотя преобладающая, не составляетъ исключительнаго явленія этого вѣка. Рядомъ съ торжествомъ ея мы наблюдаемъ въ половинѣ XIII столѣтія одновременное развитіе всѣхъ другихъ идей, составляющихъ сущность средневѣковой жизни. Вмѣстѣ съ разви-

тіемъ католическихъ институцій рыцарство осуществляетъ свои высшіе идеалы, а оппозиція Римской Церкви собираетъ на Западѣ подъ свое альбигойское знамя все недовольное церковными порядками, объявляя папству непримиримую войну. Одновременно съ провозглашеніемъ единой имперіи подъ папской гегемоніей, отдѣльные народы заявляютъ свое право на самостоятельное развитіе и, сквозь подавляющій теократическій сумракъ, прорывается государственная идея, сперва въ сословной феодальной формѣ, а потомъ въ торжествѣ королевской власти, которая стремится получить повсюду высшій авторитетъ. Въ юридической области параллельно съ послѣднимъ движеніемъ сказывается преобладаніе идей римскаго права, на статуты котораго скоро обопрется королевская власть и въ нихъ будетъ искать свое оправданіе.

Все это заставляетъ считать XIII столѣтіе какъ бы фокусомъ средневѣковой исторіи. Вся цивилизація среднихъ вѣковъ, какъ мы привыкли понимать ее, воплощается въ немъ лучшими и существеннѣйшими своими сторонами; всѣ типичныя явленія средневѣковой жизни какъ бы торопятся въ немъ сосредоточиться.

Рядомъ съ богатствомъ фактовъ въ сферѣ церковной, политической и юридической, XIII вѣкъ представляетъ замѣчательную духовную производительность. Вѣкъ Перикла былъ характернымъ и центральнымъ во всей исторіи древнихъ эллиновъ; время Юлія Цезаря было типичнымъ въ общей исторіи древняго Рима; XIII столѣтіе, а преимущественно первая половина его, является съ такимъ же значеніемъ для средневѣковой исторіи.

Передъ нами пройдутъ самые энергичные образы исторіи средневѣковаго міра. Это вѣкъ Иннокентія III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X Кастильскихъ, Филиппа-Августа, Луи IX и Филиппа Красиваго, Іакова I Завоевателя, покорителя мавровъ, вѣкъ Альберта Великаго, Рожера Бэкона и Ѳомы Аквинскаго, наконецъ, на закатѣ своемъ, это вѣкъ Данте. То было время начала аррагонской конституціи и англійскаго парламента, время славы коммунъ и цеховъ, время могущества Ганзы и городскихъ союзовъ въ Германіи, время феодальной расправы и тайныхъ судовъ Вестфаліи, судовъ, не признававшихъ силы слагавшихся статутовъ, время лучшихъ пѣсенъ трубадуровъ, обоготворенія женщинъ и философіи.

Когда всѣ существенныя идеи среднихъ вѣковъ проявились въ высшемъ своемъ развитіи, онѣ не могли оставаться долго на одной точкѣ. Историческая жизнь продолжала направляться присущимъ ей правильнымъ теченіемъ. Въ сущности основныхъ началъ средневѣковой исторіи лежало зерно развитія новыхъ историческихъ явленій. Это зерно сперва едва наблюдается, но оно постепенно разростается и наконецъ проявляется въ довольно осязательныхъ формахъ въ слѣдующіе вѣка. Такой эмбріологическій процессъ совершается во второй половинѣ XIII столѣтія. Этотъ вѣкъ кончается трагичеcкой катастрофой папства въ лицѣ Бонифація VIII и публичнымъ попраніемъ папскаго авторитета. Такое рѣзкое явленіе не могло совершиться безъ подготовки. Средневѣковыя основныя начала пытаются сохранить свое обаяніе въ XIII вѣкѣ, но новый духъ, чуждый теократіи, даетъ себя чувствовать на закатѣ этого столѣтія. Это столкновеніе идей ведетъ къ борьбѣ, которая особенно замѣтна въ десятилѣтія, непосредственно предшествовавшія XIV вѣку, и которая проявляется въ разныхъ сферахъ исторической жизни. Тутъ борьба Церкви съ оппозиціей еретиковъ; борьба клерикальнаго гнета съ проявленіями свободной мысли въ поэзіи сирвентовъ; борьба папъ съ свѣтской государственной властью, возставшей противъ теократіи; борьба старыхъ правдъ съ нивелирующей идеей римскаго права; борьба феодализма съ монархическимъ авторитетомъ; борьба патриціевъ съ цехами. Подобныя же боренія совершаются въ духовной сферѣ, гдѣ номиналисты борятся съ реалистами, а надъ идеалами трубадуровъ посмѣиваются мейстерзенгеры. — Но обаяніе Церкви тѣмъ не менѣе продолжаетъ царить въ исторіи этого вѣка.

Характеристика Иннокентія III (1198-1216 г.).

Торжеству Церкви главнымъ образомъ способствовала личность человѣка, который на рубежѣ XIII вѣка служилъ ея вождемъ и всестороннимъ представителемъ. Когда папству грозила опасность, оно стало пріобрѣтать искусствомъ этого вождя еще большую внутреннюю и внѣшнюю крѣпость. Геніальный государственный дѣятель, онъ будто нарочно былъ призванъ на сцену дѣйствія въ критическую минуту. Превосходною системою взялась заправлять рука человѣка, именемъ котораго обозначается цѣлая эпоха. То былъ папа Иннокентій III.

Рѣдкій первосвященникъ надѣвалъ тіару такъ рано и рѣдкій выступалъ на историческую сцену болѣе приготовленнымъ. Онъ приносилъ съ собою на папскій престолъ грандіозную и прочувствованную идею; она выработана была, правда, прежнею исторіею, но въ немъ нашла своего полнаго и лучшаго выразителя. Онъ призванъ былъ завершить и создать величавое, хотя не совсѣмъ безупречное, зданіе католицизма и потому его симпатіи лежали въ прошедшихъ идеалахъ; стоя на стражѣ минувшаго, онъ долженъ былъ охранять думы и убѣжденія прошлаго. Цѣлью Иннокентія III было закрѣпить владычество папъ надъ Европой.

Между тѣмъ около того времени палъ авторитетъ первосвященниковъ въ ихъ собственномъ государствѣ. Папы послѣднихъ десятилѣтій XII вѣка безсильны въ своей столицѣ; тіаристы находятся въ зависимости отъ городскихъ аристократическихъ партій. Тѣсно связанные съ ними, они не въ силахъ умиротворить городъ; такое безсиліе выдавалось тѣмъ съ большею яркостью, что по всему Западу сила ихъ казалась такъ грозною. Эти первосвященники почти всегда избирались въ преклонныхъ лѣтахъ; они были могучи не какъ личности, а какъ представители наслѣдственной политики римской куріи.

Не таковъ былъ человѣкъ, который водворился на папскомъ тронѣ въ 1198 году. Онъ самъ происходилъ изъ древняго римскаго рода графовъ Конти, извѣстность котораго уходитъ дальше времени, фактически извѣстнаго исторіи. Смѣлые генеалогисты связываютъ этотъ родъ преемственностью двѣнадцати столѣтій [1]; знаменитаго папу считали потомкомъ перваго герцога Сполетскаго, получившаго свои владѣнія отъ лонгобардскаго короля Гримоальда еще въ VII вѣкѣ. Достовѣрнѣе, что знаменитость средневѣковаго Рима, префектъ Крешенци, былъ его предкомъ. Наслѣдственныя владѣнія графовъ Конти не давали имъ ни особой славы, ни достаточнаго для того богатства [2]. Въ ряду не менѣе древ-

---

(1) Hurter. Geschichte Papst Innocenz des Dritten; 1834; erstes Buch, Anmerk. 3, 8, 15.

(2) У Конти были владѣнія въ Римѣ и окрестностяхъ; имъ же могло принадлежать графство Сеньи, въ Кампаніи, чѣмъ объясняется выраженіе оффиціальнаго біографа: «ex patre Transmundo de comitibus Signiae» (ed. Baluzii, Gesta Innocentii III; c. 1). «Famille des comtes de Segni, connue

ней аристократіи не имѣлъ значенія и графъ Тразимундо, отецъ будущаго папы (¹). Его далеко оттѣсняли вліятельные на выборахъ: Орсини, Колонна, Франджипани, Савелли. Родъ Конти суждено было возвысить Джіованни Лотарю. Онъ родился около 1161 года (²). Мать дала ему возможность получить воспитаніе въ школѣ св. Іоанна Латеранскаго, которая была разсадникомъ католическихъ проповѣдниковъ. Онъ кончилъ свое образованіе въ парижскомъ и болонскомъ университетахъ,—тамъ онъ погрузился въ занятія современною философіей (³), но изъ его сочиненій видно, что онъ хорошо изучилъ и классиковъ. Парижъ славился богословіемъ и схоластикой; Болонья правомъ; это были главнѣйшіе разсадники средневѣковаго образованія (⁴). Въ Парижѣ училось много знаменитыхъ современниковъ Иннокентія; тутъ были и будущіе епископы и поэты, какъ Вальтеръ Фогельвейде. Здѣсь Лотарь сошелся съ Стефаномъ Лангтономъ и другими; товарищи дѣтства послужили орудіемъ выполненія плановъ Иннокентія III. Лотарь возвратился въ Римъ при папѣ Лучіи III, который тогда же далъ ему нѣсколько порученій, успѣшно исполненныхъ. Его полная извѣстность началась скоро. Григорій VIII дѣлаетъ его, еще молодаго, субъ-діакономъ (1187 г.). Конти выдвигается впередъ, благодаря нѣкоторымъ фамильнымъ связямъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе своихъ способностей.

encore aujourd'hui à Rome sous le nom de Conti» (Brequigny et La Porte du Theil. Diplomata, chartae ad res Francicas spectantia, Innocentii III papae regesta. 1791; intr.).

(¹) Raynaldi. Annales ecclesiastici, ed. 1647; I, 2; по другимъ варіантамъ Transmundo.

(²) Gesta Innocentii III, c. 3,—такъ можно заключить изъ намека: «Clemens III papa promovit in diaconum cardinalem, vicesimum nonum aetatis annum agentem...», а это было въ 1190 году. Въ изданіи Migne—Patrologia, t. CCXIV, p, XVIII, nota 9, ошибочно показаны 1171—1172 годы.— Въ кодексѣ Amalrici Augerii два списка біографія Иннокентія III, краткій—Bernardi Guidonis (Muratori, III, II, 480—486) и подробный—Baluzii (Muratori; III, II, 486—568).—Watterich. Pont. rom. vitae. L. 1862.

(³) Gesta Inn. c. 2... Scholasticis studiis insudavit, et super coaetaneos suos tam in philosophica quam theologica disciplina profecit.

(⁴) Hurter; I, 12—32,—университетская жизнь того времени. —Въ письмѣ къ Филиппу II французскому, Иннокентій вспоминаетъ съ признательностью о парижскомъ университетѣ (Regestorum l. II, ep. 17).

То было время Ричарда, Саладина; шелъ третій крестовый походъ съ Барбароссой во главѣ. Римская канцелярія была въ полной дѣятельности. Климентъ III, дядя Лотаря, дѣлаетъ его въ 1190 году кардиналомъ-діакономъ. Это равнялось званію государственнаго секретаря. Ему было тогда 29 лѣтъ. Такое назначеніе произвело общую радость въ Церкви, въ народѣ и „возбудило большія надежды“, неожиданно замѣчаетъ авторъ „дѣяній“ (¹). Можно судить поэтому какую популярность пріобрѣлъ Лотарь. Молодаго кардинала уже тогда хватало на все; онъ развивалъ самые громадные планы и не упускалъ изъ вида мелочей дѣла. Но вотъ враждебная фамилія Орсини захватила престолъ. Целестинъ III удалилъ отъ должности Лотаря. Этимъ воспользовался будущій преемникъ Целестина, чтобы въ уединеніи, и думою, и литературными занятіями, развить свои духовныя силы. Въ эти промежуточныя шесть лѣтъ у него созрѣли тѣ теократическіе замыслы и та многосторонняя политика, которая можетъ возбуждать протестъ, но, какъ полезная для того времени, имѣетъ право на историческій смыслъ. Въ немъ совершалась внутренняя борьба. Въ сочиненіяхъ своихъ, написанныхъ въ это время, онъ томится міромъ, ищетъ покоя и уединенія, когда болѣе чѣмъ кто нибудь онъ былъ призванъ къ дѣятельности (²). А между тѣмъ какъ онъ, въ своемъ отшельническомъ уединеніи, живя въ Ананьи, окруженный всѣмъ книжнымъ запасомъ тогдашней учености, отрекался отъ міра,— этотъ міръ уже завязывалъ тѣ узлы, которые пришлось распутать ему.

Папа Целестинъ III (1191-1198 г.) и императоръ Генрихъ VI (1190—97 г.).

Императоръ Генрихъ VI терпѣлъ униженіе отъ Целестина III. Ему не отворяютъ главныхъ воротъ города; народъ не хочетъ видѣть ни одного нѣмца въ Римѣ. Старый Целестинъ принимаетъ Генриха въ своемъ загородномъ дворцѣ. Какъ ни гордъ былъ сынъ Барбароссы, онъ долженъ выносить оскорбительныя выходки первосвященника. Чтобы показать

(¹) Procifiebat autem, sicut aetate, sic etiam probitate coram Deo et omni populo, ita ut omnes de ipsius sublimatione praesumerent et sperarent. Gesta, c. 3.

(²) De contemptu mundi sive de miseriis humanae conditionis помѣщено въ Патрологіи — Migne; CCXVII, 701—746. Напримѣръ: «Divitiae non liberabunt a morte, epulae non defendent a morte, nec deliciae a verme, honores non eripient a fetore (737).— Разборъ у Hurter; I, 49—55.

зависимость отъ Рима императорской короны, папа, сидя на возвышенномъ престолѣ, сбросилъ ее съ головы Генриха и лишь послѣ позволилъ ее надѣть снова. Это была дерзкая и неумѣстная выходка со стороны папы; впрочемъ достовѣрность этого разсказа хроникера подлежитъ сомнѣнію. Императоръ далъ присягу охранять всѣ права Церкви, соблюдать ея привилегіи, править по началамъ кротости и справедливости, не отчуждать римскихъ патримоній. Генрихъ шелъ на Неаполь наслѣдовать королевство обѣихъ Сицилій по праву своей жены, послѣдней нормандки Констанціи. Это королевство было уже давно подъ покровительствомъ Церкви; оно считалось вассальствомъ римскимъ и болѣе соотвѣтствовало такому положенію, чѣмъ всѣ другіе мнимые феоды папъ. Но въ Неаполѣ былъ уже другой король, по избранію вольныхъ бароновъ, незаконный сынъ Рожера Апулійскаго, Танкредъ, графъ Лечче. Танкредъ былъ искуснѣе въ битвахъ. Генрихъ не могъ прогнать его. Танкредъ былъ сильно любимъ и баронами и народомъ, всегда продолжавшими хранить, какъ бы по преданію, вѣрность королевскимъ династіямъ. Генрихъ вернулся въ Германію. Когда Танкредъ умеръ, то его сынъ, молодой Вильгельмъ III, не могъ устоять противъ нѣмецкихъ латниковъ. Генрихъ овладѣлъ королевствомъ, и то лишь при помощи генуэзцевъ и пизанцевъ. Онъ захватилъ короля на условіяхъ оставить за нимъ графство Лечче, но измѣннически ослѣпилъ его, заключилъ въ тюрьму, перевазнилъ весь родъ нормандскій, всѣхъ приверженцевъ его и принялъ такую истребительную систему, что заслуженно пріобрѣлъ себѣ прозвище „свирѣпаго циклопа". Безсердечная жестокость была его свойствомъ, даже по сознанію швабскихъ хроникъ; онъ выказалъ ее въ поступкѣ съ Ричардомъ англійскимъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя негодованіе всего рыцарства Европы. Дочери Танкреда были въ тѣсномъ заключеніи; нѣсколько лѣтъ онѣ никого не видали, кромѣ священника и тюремщика. Свирѣпость Генриха была уже не по силамъ неаполитанцамъ; подозрѣваютъ, что она была причиной его смерти, но достовѣрнѣе объяснить кончину его изнурительной лихорадкой. Папа тщетно останавливалъ Генриха отъ звѣрскихъ поступковъ и наконецъ отлучилъ его ([1]). Онъ умеръ

([1]) Otto de Sancto Blasio (Muratori. Scrip. rerum ital. VI, 901) только одинъ защищаетъ память Генриха VI, котораго такъ превознесъ Weber. Allg. Weltg. VII, 1.—Срв. Töche. Kaiser Heinrich VI (L. 1865) и Schirrmacher. Gesch. Kastiliens im XII und XIII Jahrh. (G. 1881).

отлученнымъ съ своими замыслами о мести Риму и о единой имперіи; ему было лишь 32 года (сент. 1197 г.). Онъ оставилъ послѣ себя четырехлѣтняго сына, знаменитаго впослѣдствіи Фридриха II (род. 26 декаб. 1194), общую ненависть къ своей памяти и междоусобія за престолъ въ Германіи.

Папамъ надо было дѣйствовать такъ, чтобы не только не потерять старыхъ пріобрѣтеній въ предстоящемъ замѣшательствѣ и безначаліи въ южной Италіи и въ Германіи, но чтобы, напротивъ, увеличить ихъ, пользуясь первымъ представившимся случаемъ.

Доселѣ, впродолженіи XII-го столѣтія, папы были побѣдителями Германскихъ императоровъ на столько, что могли раздавать и снимать короны. Это было обусловлено тѣмъ, что въ Ломбардіи не имѣлось намѣренія пропускать императора въ Римъ. Но если бы номинальные повелители имперіи, каковы были германскіе императоры, успѣли утвердиться въ южной Италіи, то, естественно, политическое положеніе папъ и Рима было бы стѣснено съ юга и сѣвера — со стороны южной Италіи и со стороны германскихъ императоровъ.

Избраніе Иннокентія III.

Вотъ въ это то время, когда Риму и всей Италіи, вмѣстѣ съ самими первосвященниками, грозила опасность подпасть императорской власти, необходимо было выбрать человѣка большой энергіи и талантовъ. Хотя умиравшій Целестинъ III указывалъ на своего друга Колонну, но его не слушали. Тогдашній конклавъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ остановился на кардиналѣ-діаконѣ Лотарѣ Конти, который и былъ выбранъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, подъ именемъ Иннокентія III въ 1198 г. Онъ былъ очень молодъ для этого высочайшаго поста въ католическомъ мірѣ; ему шелъ всего 38 годъ. Онъ не только не былъ епископомъ, но, служа послѣдніе годы въ папской канцеляріи, не имѣлъ даже священническаго рукоположенія. Пресвитерскій санъ онъ получилъ послѣ выборовъ. Для него было сдѣлано, въ виду важныхъ обстоятельствъ, такое рѣдкое, почти небывалое исключеніе. Несомнѣнно, конклавъ стоялъ на должной высотѣ; онъ одушевленъ былъ желаніемъ вручить власть достойнѣйшему. Впослѣдствіи Иннокентій III заявлялъ, что онъ долго отказывался отъ тіары, что онъ со слезами на глазахъ умолялъ кардиналовъ избавить его отъ той отвѣтственности, которую возлагали на него. Но конклавъ былъ

непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Старшій изъ кардиналовъ подошелъ къ Лотарю Конти и нарекъ его Иннокентіемъ III. Тогда все было кончено. Избранникъ былъ торжественно провозглашенъ передъ римской толпой.

Современныя „gesta“ находятъ, что выборъ папы выгодно отразился на настроеніи Рима; прихотливая римская толпа была довольна; торжественная коронація заняла народъ, въ средѣ котораго новоизбранный былъ очень популяренъ. Но надо помнить, что власть папы мало значила въ самомъ Римѣ, подъ вліяніемъ борьбы аристократическихъ партій. Вообще бароны относились презрительно къ римскимъ первосвященникамъ; эта аристократія сильно мѣшала простору дѣйствій куріи; она привыкла заправлять народной силой. Такъ было въ XI, XII, такъ было и въ XIII столѣтіи. Извѣстно, что самъ Григорій VII, голосъ котораго грозно гремѣлъ во всей католической Европѣ, не переставалъ быть въ то же время игралищемъ аристократическихъ партій. Въ Италіи, въ самомъ Римѣ, папѣ не придавали никакого значенія; тамъ знали его въ домашнемъ быту, какъ бы запросто. Подъ вліяніемъ аристократическихъ партій народъ возставалъ массою, хотя продолжалъ служить только матеріаломъ въ рукахъ разныхъ Колонна и Орсини. Тѣмъ менѣе было возможности для императорской власти оказать свое вліяніе въ Римѣ; императорскій префектъ былъ орудіемъ римскихъ нобилей; онъ передалъ свои права сенату, который, идя часто врознь съ народомъ, юридически дѣйствовалъ отъ его имени, будучи независимъ отъ папы. Среди такой борьбы аристократическаго и демократическаго элементовъ власть папской куріи рѣдко проявлялась даже въ предѣлахъ Рима. А чтобы дѣйствовать съ достоинствомъ на всю Церковную область, надо было прежде всего закрѣпить свое вліяніе въ Римѣ. Иннокентій съ первыхъ же дней подчинилъ себѣ столицу. На другой день своего избранія онъ призвалъ къ себѣ городскаго префекта и заставилъ его дать клятву для блага и славы Церкви,—ни продавать, ни отчуждать никакимъ образомъ (nec locabo, nec infendabo, nec impignorabo) какую либо часть церковныхъ владѣній ([1]). Онъ обѣщался оберегать замки и крѣпость, никогда не укрѣпляться въ нихъ, не сооружать новыхъ замковъ безъ согласія папы, во всемъ отдавать отчетъ папѣ и,

---

([1]) Migne. CCXIV, 529.

чтò ему будетъ приказано первосвященникомъ или Церковью Римскою, безотлагательно исполнять. Префектъ обѣщалъ. Такимъ образомъ иноземныя претензіи, хотя номинальныя, уничтожились совершенно; городъ сдѣлался папскимъ, послѣ одного непродолжительнаго частнаго разговора. Вмѣсто меча, знака императорской инвеституры, папа вручилъ префекту золотую чашу, „какъ знакъ милости сюзерена". Съ своей стороны народъ поддерживалъ такое популярное дѣло, исходившее отъ такого популярнаго лица. Сенатъ сталъ дѣйствовать уже не отъ имени народа, а отъ лица папы. Такъ исчезли навсегда республиканскія вольности города, но ими давно пользовался не народъ, а патриціи; къ тому же онѣ вредили авторитету папы, являвшагося игралищемъ римскихъ партій. Главный сенаторъ принесъ присягу оберегать личность папы. Участіе Иннокентія въ облегченіи ужасовъ тогдашняго голода закрѣпило на долго связь между народомъ и папой и положило начало организаціи Церковной области. Въ такихъ предѣлахъ эта область сохранилась почти до нашего времени; лишь четверть вѣка тому назадъ была сокрушена власть, ставшая анахронизмомъ. Упрочивъ свое положеніе въ столицѣ, Иннокентій обратился къ дѣламъ Италіи и Германіи.

Южная Италія. Незадолго до своей кончины Генрихъ VI успѣлъ овладѣть Анконской и Романской марками, передавъ ихъ Марквальду; въ Сполетто былъ другой нѣмецкій владѣтель Конрадъ. Такимъ образомъ почти вся Италія подпала нѣмецкому владычеству. Папа былъ на столько итальянецъ, что потребовалъ отъ Марквальда возвращенія всѣхъ владѣній Церкви. Марквальдъ отказался; его поддержалъ Конрадъ. Марквальдъ испыталъ дѣйствіе папскаго гнѣва. Народъ никогда не терпѣлъ нѣмецкой власти и папа получилъ желаемое. Въ Сполетто также произошло народное движеніе. Конрадъ бѣжалъ; нѣмцы были прогнаны и наслѣдство Матильды цѣликомъ вернулось въ папскія руки. Флорентійскіе города организовали свой союзъ, но и здѣсь вліяніе папы было велико; не прошло и года, какъ Церковная область достигла крайнихъ своихъ предѣловъ; она простиралась отъ Анконы и Перуджіи до Беневенто и Сполетто. Всѣ почти города сдавались добровольно. Національное чувство было возбуждено. Доселѣ Италія сильно терпѣла отъ нѣмецкой власти и только въ Римѣ восторжествовало начало національности. Теперь, уже надолго, части средней южной

Италіи подчинились папской власти. Замѣтимъ, что эта власть представлялась болѣе гуманной, чѣмъ власть феодаловъ; поэтому нельзя не относиться къ ней безъ нѣкотораго сочувствія. Прочно утвердившись и увеличивъ свои матеріальныя средства, Иннокентій заявилъ, что его система будетъ теократической. Деспотическій образъ дѣйствій, наступательный по своему характеру, не могъ не возбуждать къ себѣ недовѣрія, даже отвращенія. Теократизмъ означалъ главенство одного человѣка именемъ духа религіи надъ цѣлыми народами. Человѣкъ сколько нибудь энергичный, при малѣйшемъ честолюбіи, опираясь на теократизмъ, могъ быть въ высшей степени вреденъ для историческаго развитія. Но слѣдуетъ признать, что Иннокентій, установивъ эту власть, не думалъ требовать крайняго ея примѣненія. Этотъ теократизмъ при Иннокентіи въ Римѣ былъ оппозиціей нѣмецкой власти; курія тогда заботилась о массѣ; она защищала слабыхъ. Опираясь на представительство небеснаго посланничества, папы легко могли оказать большія услуги благосостоянію народныхъ массъ; угрожая отлученіемъ, они могли какъ крѣпкой уздой сдерживать сотни тѣхъ разбойниковъ, которые назывались баронами. Народъ былъ бы беззащитенъ отъ этихъ разбойниковъ, если бы онъ не нашелъ крѣпкой опоры въ рукахъ папы.

Характеръ теократіи.

Понятно, что осуществляя свою систему, Иннокентій поступалъ не всегда безупречно. Завѣщая будущему свои теократическіе идеалы, онъ не всегда достигалъ ихъ мирными средствами; свѣтское честолюбіе было присуще ему. Обладая безусловной гегемоніей, этотъ человѣкъ часто сходилъ съ духовной почвы; иногда, подобно другимъ тіаристамъ, онъ злоупотреблялъ религіей. Но всѣ эти уклоненія съ прямаго пути ничего не значили въ сравненіи съ злоупотребленіями другихъ папъ; въ немъ никогда не исчезала идея о высшей справедливости. Онъ былъ искрененъ, когда провозглашалъ послѣднюю. Въ его перепискѣ находимъ много фактовъ, выставляющихъ его въ такомъ видѣ, какимъ мы его обрисовали.

Можно привести много данныхъ изъ разсказовъ современниковъ. Взглянемъ, какъ самъ папа понималъ смыслъ теократизма. Въ первые дни своей власти, онъ слѣдующимъ образомъ высказывалъ свою политическую и моральную доктрину. „На нашемъ попеченіи лежитъ забота о процвѣтаніи Церкви. И жизнь и смерть наша будутъ посвя-

щены дѣлу справедливости. Мы знаемъ, что наша первая обязанность блюсти права всякаго и ничто не заставитъ насъ уклониться съ этого пути. Передъ нами великое обиліе дѣла. ежедневныя заботы о благѣ всѣхъ церквей; мы потому не болѣе, какъ служители слугъ Божіихъ, согласно съ титулованіемъ нашимъ. На насъ тяжелый долгъ и мы слабы силами для выполненія его. Но мы вѣримъ, что волею Божіей возведены изъ ничтожества на этотъ престолъ, съ котораго должны творить истинный судъ и надъ князьями, и даже надъ тѣми, кто выше ихъ" (¹). Есть много основаній, заставляющихъ вѣрить искренности этихъ словъ; въ общемъ приходится согласиться, что поступки папы не расходились со словами, что̀ и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Политическія обстоятельства сами по себѣ давали Иннокентію надежду на осуществленіе теократическихъ замысловъ. Это проявилось въ отношеніяхъ его къ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Португаліи, славянскимъ землямъ и даже Россіи.

Филиппъ (1198-1208 г.) и Оттонъ IV (1209-1219 г.) въ Германіи.

Въ Германіи продолжалось полное смятеніе; шла борьба за императорскій престолъ. Здѣсь авторитетъ папы опредѣлялъ надежды партій. Отъ папы зависѣло поддержать троихъ претендентовъ. То были: братъ и сынъ покойнаго императора Генриха VI, Филиппъ и Фридрихъ Гогенштауфены, затѣмъ Оттонъ, — герцогъ Брауншвейгскій. Существенно важенъ смыслъ тогдашней великой борьбы. То была война Гвельфовъ, сторонниковъ папы и Гибеллиновъ, поборниковъ свѣтской власти. Эти партіи возникли въ Германіи, затѣмъ перешли на почву Италіи и получили извѣстный смыслъ. Такимъ образомъ три претендента на германскій престолъ породили междоусобія на полуостровѣ; но то была война не народная; въ этихъ междоусобіяхъ принималъ участіе тотъ или другой кружокъ князей. Филиппъ и Оттонъ IV были выбраны германскими князьями почти въ одно время, каждый своей партіей. Между соперниками открылась война. На прямаго наслѣдника, Фридриха, не обращали никакого вниманія въ первое время.—Когда умеръ отецъ Фридриха, ребенокъ жилъ въ Италіи. Мать его Констанція торопилась короновать его королемъ Обѣихъ Сицилій. Въ Мессинѣ, весною 1193 года,

(¹) Innoc. Regest. I, ep. 15. 230.

собрались всѣ свѣтскіе и духовные вельможи сицилійскаго королевства. Но сицилійскіе аристократы не любили Гогенштауфеновъ; они не могли питать симпатіи къ нѣмецкой новой династіи, потому что съ ней было много связано кровавыхъ эпизодовъ. Вельможи присягнули сыну Констанціи послѣ увѣренія, что нѣмецкое вліяніе въ государствѣ будетъ уравновѣшено вліяніемъ мѣстныхъ вельможъ. Но надежда на сицилійскихъ вельможъ была слаба. Констанція обратилась къ папѣ; его могучей поддержкой она хотѣла обезпечить судьбу своего сына. Находясь въ такомъ безъисходномъ положеніи, она должна была принести присягу надъ Евангеліемъ. Отдавая себя и своего сына подъ покровительство папы, она обѣщалась платить ему ежегодно 2000 марокъ. Такимъ образомъ въ рукахъ папы очутился наслѣдникъ Гогенштауфеновъ, претендентъ на германскій престолъ. Конечно, провозглашать теперь ребенка было нельзя. Въ Германіи не желали его, боясь, чтобы новый императоръ не затѣялъ войны въ Италіи, какъ это было при Барбароссѣ, походы и честолюбіе котораго сильно ослабили нѣмецкое рыцарство. Самъ Иннокентій III въ первое время вовсе не желалъ соединенія Сициліи съ германской имперіей, не желалъ, чтобы его кліентъ сдѣлался германскимъ императоромъ. „Это будетъ, писалъ онъ, неудобно для Церкви. Едва ли императоръ дастъ клятву въ вассальной зависимости Св. Церкви за свои владѣнія: за Сицилію и нѣмецкія земли“. Однимъ словомъ самъ папа не признавалъ возможною кандидатуру Фридриха, но вмѣстѣ съ тѣмъ остановиться на кандидатурѣ Филиппа было нельзя, потому что тотъ, подобно Генриху, былъ отлученъ отъ Церкви Гоноріемъ и опустошалъ итальянскія земли. Онъ не обѣщалъ ничего хорошаго для Церкви, хотя былъ избранъ большинствомъ. Такимъ образомъ оставался одинъ кандидатъ, Оттонъ. Его правда выбрало меньшинство, но папа полагалъ, что лучше смотрѣть на качество, чѣмъ на количество избирателей. Оттонъ былъ Гвельфъ; онъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать зла Италіи; все это въ концѣ концовъ рѣшило его выборъ. Булла о подтвержденіи Оттона императоромъ была помѣчена январемъ 1202 года, но коронація оттянулась до смерти Филиппа.

Однако у Филиппа была большая и вліятельная партія. Его поддерживали: король Чехіи и Моравіи, Саксонія, Штирія, Австрія, цѣлый рядъ епископовъ, почти вся средняя и юж-

ная Германія; за Оттона же стояла сѣверная Германія. Князья вооружились противъ вмѣшательства папы и отъ лица этихъ князей пришло въ Римъ рѣзкое посланіе, которое доказало, какъ непрочно было вліяніе папъ въ Германіи. Князья такъ защищаютъ выборъ Филиппа: „Человѣческій разумъ не въ силахъ оцѣнить и неопытное простодушіе не можетъ повѣрить тому, чтобы произволъ господствовалъ тамъ, гдѣ правосудіе остается до сихъ поръ непоколебимымъ. Кто согласится, чтобы тамъ было суевѣріе, гдѣ должна обитать святость. Божественнымъ опредѣленіемъ, а не человѣческимъ рѣшеніемъ предусмотрѣно, чтобы Римъ, гдѣ недавно былъ король суевѣрія, обратился въ престолъ святости (ut in urbe Romana, ubi olim erat caput superstitionis, illic quiescevet caput sanctitatis). Всѣ желаютъ и молятся, чтобы не вернулся старый порядокъ вещей, чтобы опять не довелось обратиться отъ омеги къ альфѣ. Гдѣ вы читали, первосвященники, гдѣ вы слышали, святые отцы и кардиналы, чтобы ваши предшественники вмѣшивались въ выборъ римскихъ императоровъ? Отвѣчайте, если можете. Если міранинъ въ своемъ простодушіи (si laicalis simplicitas) изъ почтенія къ Церкви отказался отъ избранія папъ, которое принадлежало ему по праву, то неужели папа дерзаетъ простирать свою руку на избраніе императора? Можетъ быть святая курія въ своей родительской нѣжности считаетъ насъ за дополненіе къ римской имперіи (ascripti titulum). Если такъ, то мы не можемъ не заявить несправедливости всего этого. Если избраніе выйдетъ беззаконнымъ, то гдѣ будетъ высшій судья, который разберетъ дѣло. Нѣтъ, лишь одни князья могутъ избирать себѣ государя. Божественный посредникъ между небомъ и людьми, Христосъ, раздѣлилъ обѣ власти и каждой предоставилъ различное бытіе; тотъ, кто служитъ Богу, не долженъ заниматься мірскими дѣлами; а тотъ, кто посвящаетъ себя дѣламъ міра сего, не долженъ мѣшаться въ духовныя" (1). За Филиппа ручались, что онъ окажетъ папѣ и Церкви все должное (Deo et vobis sua devotio reddet acceptum) и объявляли, что вся Германія будетъ стоять за Филиппа Гогенштауфена. Папу просятъ, чтобы онъ не сопротивлялся выбору князей и чтобы въ Римѣ не разстраивали коронаціи, когда она наступитъ (sicut vestri officii est) (2).

(1) Migne. CCXVI, 1063—1064. Abel. König Philipp. B. 1852.
(2) Ib. CCXVI, 1063—1064. Winkelmann. Philipp und Otto IV. (L. 2 B. 1873—78).

Папѣ приходилось отстаивать основы своихъ замысловъ. Онъ продолжаетъ развивать мысли Григорія VII и защищаетъ свои верховныя права въ отвѣтномъ письмѣ на имя герцога Тюрингенскаго слѣдующимъ образомъ: „Вы должны уяснить себѣ, на чемъ опирается наше право раздавать корону императорамъ. Не римская ли Церковь со времени Карла Великаго возъимѣла такое право, та Церковь, которая имперію перенесла отъ Грековъ къ германцамъ. Вы согласны, писалъ онъ, что папа коронуетъ императора? А если намъ принадлежитъ такое право, то вы должны знать, что можемъ по всей справедливости имѣть свой взглядъ на избираемаго; это уже общее право, что послѣднее слово принадлежитъ тому, кто возводитъ, кто посвящаетъ. Если бы князья, хотя единодушно, избрали святотатца, отлученнаго, помѣшаннаго, еретика, язычника—развѣ мы обязаны короновать таковаго"? Въ концѣ посланія онъ убѣждаетъ признать Оттона и заявляетъ князьямъ, что святая Церковь не можетъ оставаться безъ защитниковъ (1).

Князья между тѣмъ отстаивали права Филиппа.

Напрасно Иннокентій отлучалъ всѣхъ, кто держалъ сторону Шваба. Епископы не слушались и продолжали священнослуженіе. Гогенштауфена стали поддерживать сильные вассалы. Настойчивость Иннокентія, его угрозы возбуждали только силы противной партіи. За Филиппа внезапно раздался сильный голосъ со стороны; за него неожиданно заговорилъ король французскій. Филиппъ II указывалъ, что вмѣшательство папы въ дѣла имперіи можетъ невыгодно отразиться во Франціи. Такимъ образомъ, перевѣсъ видимо склонялся на сторону Шваба. „Это несправедливо, пишетъ папѣ король французскій,—относительно всѣхъ государей. Мы спокойно перенесемъ многое, но никогда то, что позоритъ нашу честь и унижаетъ достоинство короны". Слѣдовательно, въ то время въ понятіяхъ французскаго властителя возродилась мысль о національности, о вредѣ чуждаго вліянія, какое видѣли въ папѣ. „Если вы будете упорствовать въ вашихъ намѣреніяхъ, продолжаетъ король далѣе, мы съ своей стороны примемъ такія мѣры, которыхъ требуютъ наше положеніе и обстоятельства дѣла" (2).

---

(1) Migne. CCXVI, 1065—1067. Abel. Otto und Friedrich II. B. 1856.
(2) Ibid. CCXVI, 1068.

Иннокентій отвѣчалъ французскому королю своей аргументаціей; онъ кончалъ посланіе желаніемъ, чтобы никогда король французскій не оставлялъ римской Церкви, а римская Церковь—королевства франковъ (1).

Твердость папы боролась съ политикой. Изъ разсчетовъ онъ смягчился относительно Германіи и сталъ теперь подумывать даже объ уступкахъ. Филиппъ Гогенштауфенъ хотѣлъ войти въ родственныя связи съ папой; онъ предлагалъ свою дочь въ замужество одному изъ Конти. Иннокентій съ своей стороны рекомендовалъ Оттону выгоды соглашенія, — но неожиданное событіе удержало его отъ дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути и избавило папу отъ необходимости отказываться отъ своихъ притязаній. 23 іюня 1208 года Филиппъ былъ убитъ въ Бамбергѣ, на мосту, своимъ личнымъ врагомъ Оттономъ Виттельсбахомъ, баварскимъ графомъ; причиной мести было оскорбленное самолюбіе. Участіе въ убійствѣ принимали нѣсколько князей, имена которыхъ неизвѣстны. Такимъ образомъ Оттонъ Брауншвейгскій остался безъ соперника, а партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ примирились на нѣкоторое время. Оттонъ женился на дочери Филиппа, Беатрисѣ и тѣмъ увеличилъ число своихъ приверженцевъ въ Германіи. Иннокентій, обрадованный тѣмъ, что теперь сама судьба за него, полагалъ, что уже не далеки его идеалы о вѣчномъ мирѣ. „И вотъ, мой любезный сынъ, наконецъ-то душа наша соединяется съ твоею, сердца наши сливаются; мы начинаемъ ощущать присутствіе одной души,— пишетъ папа Оттону IV въ порывѣ чувства. И что будетъ изъ того? Перо не въ состояніи изобразить, языкъ высказать, а умъ понять всѣхъ слѣдствій этого мира. Двоимъ намъ вручено теперь верховное управленіе надъ вселенной. Если мы будемъ жить въ согласіи, если мы соединимся чтобы дѣлать добро, тогда сбудутся слова Пророка: — солнце и луна придутъ въ свой порядокъ, все кривое будетъ прямымъ, все неровное сгладится, — для того чтобы мы, подъ покровомъ Божіимъ, не встрѣчая препятствія и сопротивленія, властвовали, владѣя этими двумя мечами и т. д.“ (2). Ученіе о двухъ мечахъ, т. е. силѣ слова и оружія (Лука XXII, 38), высказывалось двумя столѣтіями ранѣе, но никогда еще эти

(1) **Migne.** CCXVI, 1071.

(2) **Ibid.** CCXVI, 1162.

два меча не заключали столь тѣснаго союза; потому можно сказать, что нѣсколько лѣтъ папствованія Иннокентія были воплощеніемъ и осуществленіемъ этой идеи. Оттонъ между тѣмъ пріѣхалъ въ Римъ и былъ коронованъ на условіяхъ измѣненія въ пользу Рима Вормскаго конкордата. Грамотою въ Шпейерѣ Оттонъ отказался отъ императорскаго права регалій.—Шелъ 1209 годъ. Церковь теперь рѣшительно достигла своихъ цѣлей. У Оттона было много приверженцевъ въ сѣверной Италіи. Верона отворила ему свои ворота; тосканцы признавали его своимъ королемъ; будущее улыбалось ему; но онъ самъ испортилъ свое дѣло. Императорскому престолу онъ хотѣлъ подчинить владѣнія всѣхъ нѣмецкихъ князей, но такъ могъ дѣйствовать только человѣкъ гораздо большей энергіи и силы.

Онъ напалъ на сицилійскія владѣнія Гогенштауфеновъ. Опираясь на свою итальянскую партію, Оттонъ началъ завоеваніе полуострова; онъ овладѣлъ всей Апуліей и захватилъ даже папскія владѣнія. Папа отлучилъ своего кліента. Такимъ образомъ дружба съ папой не продолжалась и года. Тогда счастіе стало быстро покидать Оттона. Отлученіе повліяло на массу: такъ могущественна была эта сила въ средніе вѣка. Когда умерла жена Оттона Беатриса, тогда порвалась послѣдняя связь съ партіей Гибеллиновъ.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ (1212-1250 г.).

Вскорѣ по отлученіи Оттона, князья вспомнили о Фридрихѣ. Два швабскихъ вассала пробирались съ посланіемъ къ сицилійскому королю, предлагая ему германскій престолъ. Этотъ юноша, молодой Гогенштауфенъ—о которомъ говоритъ посланіе, что онъ „надѣленный великими дарами природы, молодъ лишь по лѣтамъ, а старъ по уму и по опытности“—получилъ свое воспитаніе подъ наблюденіемъ Иннокентія III. Его главный наставникъ былъ кардиналъ Ченчіо, родственникъ Иннокентія, бывшій потомъ папою подъ именемъ Гонорія III.—У Иннокентія не было личныхъ видовъ на Фридриха. Въ 1208 году, въ Палермо, Иннокентій въ первый разъ увидѣлся съ Фридрихомъ и предложилъ мальчику жениться на аррагонской принцессѣ. Тогда же была приведена въ порядокъ администрація сицилійскаго королевства. Папа повелѣлъ, чтобы всѣ хранили миръ между собою. „Если кто будетъ оскорбленъ, тотъ долженъ прибѣгать къ суду графа, а не

къ собственной расправѣ: иначе грозила опала [1]. Изъ этого видно, что гуманное вліяніе Римской Церкви было необходимо и имѣло благодѣтельное вліяніе.

Фридрихъ получилъ многостороннее развитіе. Въ немъ совмѣстились три цивилизаціи: германская, итальянская и арабская. Онъ отличался такимъ свободомысліемъ, что не могло быть и рѣчи объ умственномъ гнетѣ со стороны папы. Желаніе избѣгать всякаго вліянія постороннихъ составляло, конечно, лучшую черту его характера. Мы въ свое время болѣе подробно остановимся на развитіи характера Фридриха и укажемъ, съ какими высокими побужденіями приступалъ онъ къ дѣлу и какъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Теперь мы должны закончить наше изложеніе о дѣятельности Иннокентія по отношенію къ Германіи.

Предложеніе швабскихъ князей возбудило честолюбіе Фридриха. Иннокентій и самъ былъ не прочь отъ такого исхода; онъ надѣялся, что Франція останется въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ. Такъ и случилось. Будущій императоръ, семнадцатилѣтній Фридрихъ пріѣхалъ въ 1212 году въ Римъ; тогда онъ былъ женатъ и уже имѣлъ сына. Онъ отказался отъ Сициліи въ пользу послѣдняго, младенца Генриха, отдавая его подъ покровительство папы; такимъ образомъ онъ хотѣлъ сосредоточиться на одной Германіи, за которой было болѣе обаянія и гдѣ онъ былъ бы сильнѣе, чѣмъ въ своемъ сицилійскомъ королевствѣ. Теперь Римъ считалъ возможнымъ довѣрить императорскую корону своему кліенту, какъ считали Фридриха въ Германіи. Но для послѣдняго трудно было добраться до Германіи; Фридриха сторожили приверженцы Оттона; у него была небольшая свита; проходы въ горахъ были неудобны. Только что Фридрихъ успѣлъ прибыть въ Констанцъ, какъ черезъ три часа передъ городомъ явился его соперникъ Оттонъ; ворота были заперты и Фридрихъ спасся. Три года долженъ былъ Фридрихъ бороться съ Оттономъ. Въ Германіи первый подалъ руку помощи Фридриху чешскій король Оттокаръ. Фридрихъ имѣлъ личное свиданіе съ принцемъ Луи, сыномъ Филиппа II. Король французскій также собрался на помощь

---

(1) Gesta Innocentii III, c. 30 и документы: comitibus, baronibus atc. Epist. XI, 130 и Ordinatio super succursu et adjuratio d. regis etc. Epist. XI, 132, 133.

Фридриху въ концѣ 1212 года. Черезъ три года за Фридриха была почти вся Германія; по крайней мѣрѣ у него не было явныхъ соперниковъ. Къ тому же Оттонъ сдѣлалъ непростительную ошибку, вторгнувшись съ войскомъ во Францію. При Бовинѣ онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, гдѣ потерялъ почти все рыцарство, и принужденъ былъ покориться Фридриху.

Фридрихъ торжествовалъ и въ іюлѣ 1215 года послѣдовала его коронація. То было вмѣстѣ и торжествомъ папской политики. Фридрихъ оставался въ дружбѣ съ Иннокентіемъ III до самой смерти послѣдняго. Имперія была такимъ образомъ подчинена папской волѣ, которая царила тогда вездѣ. Идеалы Иннокентія III сбывались... Оттонъ же удалился въ свои наслѣдственныя владѣнія, гдѣ и умеръ въ неизвѣстности въ 1218 г. Онъ никакъ не ожидалъ что „изъ медвѣженка Фридриха выростетъ сильный медвѣдь".

Отношенія Иннокентія III къ Франціи. Филиппъ II Августъ и Ингебурга.

По отношенію къ Франціи всѣ усилія Иннокентія были направлены на борьбу съ тогдашнимъ честолюбивымъ королемъ ея. Дѣло въ томъ, что Филиппъ II Августъ, оставшись вдовцемъ послѣ Изабеллы Гено, предложилъ Кануту IV, королю Даніи, отдать за него свою сестру. Это была датская принцесса Ингебурга. Бракъ съ Ингебургой имѣлъ прежде всего политическіе разсчеты. Филиппъ нуждался въ союзѣ съ Даніей противъ Ричарда, короля Англіи. Филиппъ былъ доволенъ своей невѣстой. По общему мнѣнію современниковъ, новая французская королева отличалась умомъ, любезностью и привѣтливостью; но разладъ съ королемъ вышелъ въ день коронованія, на другой день свадьбы. Говорили, что когда обрядъ приходилъ къ концу, король взглянувъ на жену, испугался, поблѣднѣлъ и едва дождался окончанія церемоніи. Съ этой минуты начинается ненависть Филиппа къ королевѣ. „Кудесничествомъ ли волшебниковъ, навѣтомъ ли діавола, только король безъ ужаса, съ нѣкотораго времени, не могъ видѣть своей жены, которую такъ любилъ невѣстой" (¹). Филиппъ предложилъ Ингебургѣ развестись и возвратиться на родину, но она не согласилась. Тогда, по желанію короля, пріискали родство между первой и второй

(¹) Rigordus. Philippi Augusti vita, 112; Guilelmus Brito. Historia, 210 (Collection de Guizot. 1825).

женой; соборъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Реймскаго, дяди короля, разрѣшилъ разводъ. Несчастная королева присутствовала на этомъ соборѣ, не понимая, что дѣлается. Когда ей растолковали рѣшеніе собора, она воскликнула, вся въ слезахъ: „Male France, Rome, Rome“ какъ бы взывая тѣмъ къ верховному заступничеству главы Церкви [1]. Ингебурга отказалась вернуться въ Данію и не думала о другомъ замужествѣ. Она просила, чтобы ей дали пріютъ въ какой нибудь обители и Филиппъ назначилъ ей самый дурной монастырь въ Турнэ, гдѣ ей, по его распоряженію, отказывали даже во всемъ необходимомъ [2]. Оскорбленный братъ ея, король Датскій, Канутъ IV, жаловался въ Римѣ. Тогда папой былъ еще Целестинъ III. На его представленіе король отказалъ на отрѣзъ и черезъ два года женился на красивой Агнесѣ де-Меранъ, дочери одного тирольскаго князя. Целестинъ уничтожилъ рѣшеніе собора о королевскомъ разводѣ; ни на что большее онъ не рѣшался. Не таковъ былъ Иннокентій III. Онъ привыкъ, чтобы дѣла всѣхъ народовъ и государей рѣшались у него; уступокъ и снисхожденія онъ не оказывалъ и въ семейныхъ вопросахъ. Онъ напрямикъ потребовалъ, чтобы Филиппъ отослалъ любовницу, какъ онъ называлъ, третью жену. Изъ этихъ фактовъ видно, какъ была сильна идея теократизма. Въ 1198 году въ Парижъ былъ посланъ кардиналъ Петръ Капуанскій съ самыми рѣшительными полномочіями. Онъ заявилъ себя на первыхъ же порахъ. Въ соборѣ Notre Dame, только что отстроенномъ Филиппомъ II, совершалось ежегодное торжество со временъ язычества, извѣстное подъ именемъ праздника дураковъ: то была смѣсь сатурналій съ пародіей католическихъ обрядовъ. Кардиналъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, рѣшительно запретилъ этотъ праздникъ, затѣмъ отправился къ королю исполнить свое полномочіе. Именемъ папы онъ просилъ, убѣждалъ, наконецъ, грозилъ. Филиппъ не соглашался ни на что. Папа могъ бы простить этотъ семейный грѣхъ французскаго короля, если бы его разсчеты были исключительно политическіе, но Иннокентій въ этомъ дѣлѣ выше ставилъ интересы нравственности. Для насъ важенъ одинъ отрывокъ, который показываетъ замѣчательную для

(1) Henri Martin. Hist. de France; III. 561.

(2) Спец. монографія объ Ингебургѣ въ Bibl. de l'Ecole des Chartes, 1844. t. I.—Géraud. Ingeburge de Danemark.

того времени строгость въ вопросѣ о публичной морали. Въ письмѣ къ Парижскому архіепископу, Иннокентій говоритъ о бракѣ и его важномъ, божественномъ происхожденіи. „Если позволить королю французскому развестись съ женой, то и прочіе государи, наконецъ и самые граждане послѣдуютъ такому примѣру. Таинство, освящаемое Церковью, сдѣлается простымъ наложничествомъ; зло надо остановить въ самомъ началѣ". Въ рѣшительныхъ выраженіяхъ писалъ онъ къ Августу, какъ Филиппъ называлъ себя. „Внушаемые Богомъ, мы непреклонны духомъ и неизмѣнны въ намѣреніяхъ. Ни мольбы, ни могущество, ни любовь, ни ненависть не заставятъ насъ уклониться съ прямаго пути; идя по царственной стезѣ, мы не свернемъ ни на право, ни на лѣво, безъ страстей, безъ лицепріятія. Какъ бы ты высоко ни ставилъ свой санъ и могущество, все же ты не можешь противостоять лицу, не говорю нашему, а Божіему, котораго мы, хотя и недостойные, считаемся на землѣ представителями. Наше дѣло есть дѣло правды и истины" ([1]).

Отношеніе Франціи въ 1202 г.

Ровно годъ прошелъ въ переговорахъ. Когда всѣ убѣжденія были напрасны, легату разрѣшено было изъ Рима приступить къ дѣйствительному исполненію угрозы. Въ январѣ 1200 года французское духовенство приглашалось на соборъ въ Вьенну. Колокола звонили погребально; иконы покрывались трауромъ; мощи прятали подъ спудъ; у епископовъ и священниковъ въ рукахъ были факелы. Легатъ въ черныхъ ризахъ объявилъ, что именемъ Іисуса Христа вся Франція предана отлученію отъ Церкви за грѣхи своего короля. Это было первое приведеніе въ исполненіе высшаго церковнаго наказанія народа. Франція, должно замѣтить, тогда не имѣла еще понятія, что такое папскій интердиктъ. Ея короли были наказываемы личнымъ отлученіемъ; но далеко это отлученіе не имѣло такихъ послѣдствій; прежде государи терпѣли отъ такого отлученія, а теперь страдала вся страна за грѣхъ одного человѣка. Такой интердиктъ, примѣненный къ дѣлу, замѣнялъ для папы блистательное сраженіе. Въ Римѣ убѣдились, что это средство, какъ ни мало было въ немъ христіанскаго, совершенно достигало своей цѣли. Интердиктъ долженъ былъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока король не прерветъ беззакон-

---

([1]) Migne. Patrologia. CCXVI, 150.

ной связи съ наложницей. Какъ только рѣшительное слово было произнесено, разсказываетъ очевидецъ,—стонъ печали, рыданія стариковъ и женщинъ, даже плачъ дѣтей,—раздирающіе звуки раздались подъ сводами портиковъ вьенскаго каѳедрала. „Казалось, насталъ день послѣдняго суда".

Общій ужасъ овладѣлъ всѣми. Нельзя судить о впечатлѣніи папскаго интердикта по нашимъ понятіямъ. Надо мысленно перенестись въ средніе вѣка, чтобы понять его ужасающую силу. Всѣ привыкали считать неодолимымъ Филиппа; онъ былъ первымъ могущественнымъ собирателемъ французскихъ земель. Онъ былъ страшенъ даже для своихъ отдаленныхъ вассаловъ; его слова были закономъ. Франція въ это время готовилась перейти изъ феодализма въ монархію. Для всѣхъ Филиппъ, казалось, былъ идеаломъ самовластнаго государя и вдругъ нашлась власть болѣе его грозная. Вспомнимъ, что все тогда жило религіей, съ ея обрядами и вдругъ цѣлымъ массамъ запрещено было молиться. Въ это время всеобщаго безправія, церковь была одной отрадой въ жизни; теперь же она будетъ подъ запретомъ. Народу казалось, что въ самомъ воздухѣ носится что-то тяжелое; жизнь вездѣ замирала; удовольствія прекращались; о пирахъ не было слуха; прохожіе и проѣзжіе при встрѣчѣ боялись привѣтствовать другъ друга; на всемъ лежала печать покаянія; вездѣ траурныя одежды, небритыя бороды. Церковныя торжества не радовали болѣе народа; двери храмовъ были заперты, кресты на нихъ опрокинуты, колокола сняты, образа завѣшаны, мощи убраны. Гробовое молчаніе наводило общее уныніе; нельзя было ни крестить, ни вѣнчаться, ни хоронить; всему этому не было религіознаго напутствія. На кладбищѣ крестили умирающаго младенца; изрѣдка лишь вѣнчали около могилъ; мертвыхъ или оставляли гнить, въ надеждѣ на отпѣваніе или зарывали на дорогѣ, какъ скотъ или преступниковъ. Ужасъ за будущее овладѣлъ тогда народнымъ чувствомъ. Только крестоносцу было спасеніе; его напутствовали благословеніемъ, но отправляли умирать въ чужую землю, и народъ завидовалъ что онъ умретъ въ землѣ святой, а не на проклятой родинѣ. Наказаніе это тѣмъ болѣе было ужасно, что Франція первый разъ подвергалась такому отлученію. Когда опомнились, то нѣкоторые епископы просили папу смягчить интердиктъ, указывая на то, что народъ напрасно терпитъ, что этимъ не будетъ спасена нравственность христіанскаго міра. Папа соглашался съ

этимъ, но не смилостивился на отмѣну. Папа достигъ своей цѣли. Филиппъ понялъ свой промахъ, но его самолюбіе страдало; уступить ему не хотѣлось. Напрасно Филиппъ препятствовалъ исполненію интердикта; онъ грозилъ конфискаціей и смертью тѣмъ духовнымъ, которые будутъ вводить его. Всѣ его усилія были тщетны. Вездѣ былъ ропотъ на короля. Филиппъ понялъ, что онъ напрасно рискуетъ многимъ. Можно было стѣснить епископовъ, но потомъ слѣдовало приняться за феодаловъ, за народъ; пришлось бы разгромить все королевство. Но это было невозможно. Онъ видѣлъ, что отъ него отпадаютъ послѣдніе приверженцы, даже родные отшатнулись отъ него. Все корепилось въ томъ, что общее мнѣніе было за Иннокентія и король, наконецъ, понялъ это. Напрасно Агнеса явилась предъ съѣздомъ бароновъ; она хотѣла склонить дворъ короля на свою сторону. Какъ Андромаха, она думала умолить станъ греческій, замѣчаетъ хроникеръ. Отвѣтъ былъ одинъ: король долженъ покориться безусловно. Агнеса была удалена. Осьмимѣсячный интердиктъ былъ снятъ въ сентябрѣ 1202 года и вся страна вздохнула свободно; колокола зазвонили, храмы открылись. Безсильно было раздраженіе Филиппа. Уступая волѣ Иннокентія, король съ горечью произнесъ: „какъ счастливъ Саладинъ, что у него нѣтъ папы“.

Въ замкѣ Пуасси умерла Агнеса; она оставила своему мужу двоихъ сыновей, которыхъ папа дозволилъ считать законными. Пораженный смертью любимой женщины, Филиппъ послѣдовательно вымещалъ свои несчастія на женѣ. Ингебурга не могла замѣнить Агнесу въ сердцѣ короля. Онъ заключилъ ее вторично. Такъ томилась она десять лѣтъ, всегда и вездѣ оскорбляемая. Ея несчастная участь глубоко печалила Иннокентія; онъ сознавалъ, что судьба опредѣлила ей послужить орудіемъ къ увеличенію его могущества. „Король долженъ дать дѣйствительное удовлетвореніе, писалъ папа въ томъ же году легату; онъ думаетъ обмануть насъ, но скорѣе самъ обманется; мы прольемъ, если то придется, нашу кровь за торжество правды и справедливости“ (¹). Ингебурга писала папѣ въ отчаяніи: „Отъ васъ, св. отецъ, отъ васъ только я могу ждать облегченія моихъ страданій,

(¹) Migne: CCXIV, 895.

самыхъ ужасныхъ, какія только могутъ быть ниспосланы. Поддержите меня, чтобы я не погибла; нельзя перечислить вамъ несчастій моихъ; такъ велики они. Все, въ чемъ не отказываютъ послѣдней христіанкѣ, отказано мнѣ; меня обвиняютъ въ томъ, въ чемъ не слѣдуетъ обвинять преступнѣйшую изъ женщинъ... Письма вашего святѣйшества не доходятъ до меня... Спасите меня хотя отъ смерти душевной, а смерть тѣлесная будетъ даже отрадна и сладка мнѣ горемычной, покинутой и презрѣнной всѣми" (1). Папа, обличая жестокость и все поведеніе Филиппа, нѣжно утѣшалъ королеву. „Мы понимаемъ всю тяжесть твоей участи... Богу угодно испытать твою добродѣтель... Переноси всѣ огорченія, всѣ несчастія, переноси ихъ съ твердостью не изъ крайности, но добровольно; не подчиняться только надо волѣ Божіей, а воспринимать ее. Если что происходитъ въ жизни не по твоимъ желаніямъ, принеси то въ жертву Богу; въ нашей жизни необходимы такія жертвы всегда (quaedam necessaria sunt humanae vitae tributa)... Добродѣтель ослабѣваетъ безъ борьбы; все ея величіе, ея силы проявляются только въ терпѣніи; мы должны покоряться и несчастіямъ; тѣмъ печаль наша не увеличится, а душа укрѣпится" (2). Побуждая королеву къ христіанскому терпѣнію, папа не переставалъ обнадеживать улучшеніемъ ея тягостнаго положенія: „Тотъ, у кого въ рукахъ сердца царей, склонитъ къ тебѣ любовь супруга".— А между тѣмъ Иннокентій не переставалъ порицать Филиппа. Онъ писалъ ему, что съ законной женой своей позорно обходиться какъ съ рабыней, что слезы, день и ночь проливаемыя королевою, стали ея пищею, что вся жизнь ея отравлена. Папа грозилъ гнѣвомъ неба, взывалъ къ принципамъ чести, человѣчности; онъ напоминалъ, что смерть Ингебурги падетъ на голову короля (3). Время изгладило многое въ непонятной, но инстинктивной ненависти Филиппа; оно нѣсколько облегчило, но не исцѣлило горя Ингебурги.—Съ 1212 г. король вновь призвалъ ее. Политическія обстоятельства были побудительною причиной къ тому. Филиппъ готовился къ походу въ Англію; онъ сталъ нуждаться въ поддержкѣ Рима и первымъ дѣломъ его было призвать и примириться съ

(1) Migne; CCXV, 86—88.
(2) Migne; CCXVI, 258.
(3) Migne; CCXV, 88.

Ингебургой. Но счастья ей не суждено было испытать; призракъ Агнесы всегда былъ между ней и королемъ. На нѣсколько лѣтъ она пережила своего мужа.

Такъ, даже надъ этимъ наиболѣе честолюбивымъ и энергичнымъ государемъ теократія восторжествовала.

Отношеніе Иннокентія III къ Англіи. Іоаннъ I (1199-1216 г.).

Еще скорѣе было сломлено королевское честолюбіе въ Англіи. Это государство также подпало римскому гнѣву; оно испытало тѣ же послѣдствія интердикта. И тутъ и тамъ причиной былъ скорѣе капризъ королевскій, чѣмъ другое уважительное побужденіе. Но такъ какъ въ Англіи былъ не даровитый Августъ Французскій, а взбалмошный и безхарактерный Іоаннъ, то Иннокентій вышелъ съ большими пріобрѣтеніями изъ борьбы. Его политикой Англія была унижена до того, что сдѣлалась вассальствомъ Рима. Іоаннъ упорно придерживался симоній; изъ за этого у него постоянно выходили серьезныя препиранія съ Римомъ. Дѣло началось съ 1205 года изъ за выбора архіепископа Кентерберійскаго уже рѣшительнымъ образомъ. Священники избрали на это мѣсто пріора Регинальда и просили утвержденія папы (¹). Король провѣдалъ о томъ и, по обыкновенію пришелъ въ неумѣренную злобу. Онъ велѣлъ выбрать другого по своему назначенію и въ добавокъ совершенно пренебрегъ папскимъ утвержденіемъ. Иннокентій не одобрилъ ни того, ни другаго кандидата: въ духовныхъ онъ видѣлъ самовластіе, въ королѣ пристрастіе. Онъ велѣлъ произвести третьи выборы въ Римѣ. Изъ пятнадцати англійскихъ духовныхъ онъ указалъ на Стефана Лангтона, какъ на способнѣйшаго и патріота по убѣжденіямъ.

Король отказался принять прелата и въ порывѣ злобы послалъ двухъ отчаянныхъ рыцарей въ Кентерберійское аббатство на грабежъ. Иннокентій началъ съ увѣщаній, которыя поручилъ епископамъ Лондонскому и Ворстерскому. Королю стали грозить отлученіемъ. Іоаннъ отвѣчалъ на это заявленіемъ желанія изгнать все духовенство изъ Англіи, если только кто посмѣетъ произнести проклятіе или отлученіе, а всѣхъ итальянскихъ священниковъ и легатовъ грозилъ изувѣчить, чтобы вездѣ могли признать ихъ; онъ прогналъ всѣхъ увѣща-

(¹) Подр. Rogerus de Wendover что вошло въ сокращ. хрон. Матвѣя Парижскаго въ изданіи Madden 1866 г. (II, 104—106)

телей съ глазъ подъ страхомъ истязаній и казни. Отвѣтъ былъ ясенъ; знавшіе характеръ Іоанна полагали, что онъ способенъ привести въ исполненіе свое обѣщаніе. Но не далѣе, какъ пять лѣтъ тому назадъ, Римъ заставилъ преклониться передъ собой горделивѣйшаго изъ государей и конечно, личность Іоанна обусловливала прозорливой и опытной куріи еще болѣе рѣшительное торжество. Интердиктъ былъ произнесенъ надъ всей Англіей съ тѣми же формальностями; онъ приносилъ съ собою для страны то же ужасное состояніе. Непостоянный, прихотливый, къ тому же жестокій, Іоаннъ никогда не пользовался любовью вассаловъ; его имя не было популярно и въ народѣ. Въ глазахъ горожанъ и крестьянъ оно не имѣло обаянія. Онъ не приносилъ пользы сословіямъ, уваженія къ нему могло быть еще меньше, Іоаннъ казался злымъ мальчикомъ на королевскомъ тронѣ. Общественное мнѣніе при немъ было также настроено, какъ и при отцѣ его. Генрихъ II, въ одеждѣ кающагося, колѣнопреклоненный надъ гробницей Бекета, не послужилъ ему примѣромъ. Чтобы сколько нибудь сопротивляться силѣ исторіи и народнаго настроенія, надо было имѣть особыя дарованія, какими вовсе не обладалъ Іоаннъ. Онъ думалъ все подавить жестокостью, но вся тиранническая система оказалась безполезною; онъ пролилъ только лишніе потоки крови. Король велѣлъ хватать, вѣшать, рѣзать тѣхъ духовныхъ, которые подчинятся интердикту. Король не довольствовался конфискаціей имѣній; въ порывѣ безумія онъ поощрялъ разбои и грабежи въ государствѣ, особенно если все это вредило духовнымъ. Онъ не замедлилъ обратиться и на свѣтскую аристократію, которую поголовно заподозрилъ въ римскихъ симпатіяхъ. Онъ отнималъ владѣнія, у кого былъ въ силахъ, бралъ заложниковъ въ богатыхъ семействахъ, запрещалъ охотиться за дичью въ лѣсахъ, своихъ оленей напускалъ на чужія поля, дѣлалъ всевозможныя мелкія притѣсненія и, одновременно раздраживъ противъ себя всѣ сословія Англіи, своими руками подготовилъ будущую Magna Charta, а съ ней свободу и парламентеризмъ. Народъ уже явно волновался вслѣдствіе церковнаго отлученія, а Иннокентій между тѣмъ шелъ дальше. Онъ произнесъ анаѳему на короля и на всякаго, кто будетъ поддерживать его (1209 г.), а черезъ три года рѣшился на послѣднее средство, которымъ ясно высказалъ свою теократическую тенденцію. Иннокентій разрѣшилъ англійскихъ вассаловъ отъ присяги, данной ими

Іоанну и дарилъ англійское королевство всякому, кто возьметъ на себя наказаніе „безбожнаго тирана“. При другихъ обстоятельствахъ положеніе Іоанна заслуживало бы сочувствія, но за него не было никого и никого не могло быть. Лишенный всякихъ государственныхъ способностей, онъ съумѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ и съ удивленіемъ понялъ всю оригинальность своего положенія, когда узналъ что у него нѣтъ ни войска, ни средствъ, ни партіи и что легаты папскіе благословляютъ французскій флотъ, который готовится сдѣлать высадку въ Англіи. Его королевствомъ распоряжался человѣкъ, который нѣкогда казался ему безсильнымъ.

Тогда король пришелъ въ себя и тотчасъ же упалъ духомъ. Первою его мыслью было полнѣйшее раболѣпство. Въ его понятіяхъ иного исхода быть не могло. Онъ изъявилъ желаніе не только смириться предъ силой духовнаго оружія, но отдаться во власть папы, какъ государя—„cum omni jure et pertinentiis suis“. Мотивомъ отдачи выставлялось: „pro remissione peccatorum nostrorum et totius generis nostri, tam pro vivis, quam defunctis“. Онъ отказывался отъ Англіи въ пользу Рима. Онъ, по доброй и свободной волѣ, какъ гласитъ актъ, передавалъ Англію и Ирландію на всѣхъ правахъ Богу, апостоламъ Петру и Павлу, Церкви Римской и своему владыкѣ, папѣ Иннокентію III и его католическимъ преемникамъ (¹). Отдавъ въ подданство государство Иннокентію, онъ получилъ его обратно отъ него, уже какъ „человѣкъ“ папы, какъ его „homo“, пребывать вѣрнымъ которому онъ обѣщалъ съ самаго часа клятвы на вѣки, обязываясь сверхъ того вносить ежегодно дань въ количествѣ 1000 марокъ—700 за Англію и 300 за Шотландію. Повторилась сцена, которою наносилъ Римъ такіе страшные удары свѣтской власти, заявляя тѣмъ свое духовное первенство и свое политическое искусство. Каносса и Кентербери повторились въ Дуврѣ. Въ дуврскомъ каѳедралѣ 15 мая 1213 года Іоаннъ торжественно сложилъ корону и скипетръ предъ алтаремъ. Папу замѣнялъ его суровый легатъ, кардиналъ Пандольфо. Человѣкъ святой жизни, по словамъ современниковъ, онъ непреклонностью своего характера напоминалъ лучшихъ представителей римскаго сената. Король опустился передъ нимъ на колѣни, легатъ прочелъ надъ нимъ молитву. Король, на

(¹) **Migne**; CCXVI, 880.

колѣняхъ же, произнесъ ленную присягу. Тогда легатъ передалъ ему изъ своихъ рукъ корону и скипетръ обратно, уже милостію папы. Подъ вассальной грамотой, какъ свидѣтели, указываются: архіепископъ Дублинскій, епископъ Норвичскій, графы Эссексъ, Пемброкъ, Варренъ, Арондель и семеро другихъ. Король обѣщался надъ Евангеліемъ защищать, на сколько силъ хватитъ (pro posse meo), церковныя владѣнія, а особенно все английское королевство, держать въ тайнѣ тѣ совѣты, тѣ намѣренія, которые благоволитъ сообщить ему святой отецъ или его легаты (1). Одно утѣшеніе оставалось Іоанну. „Онъ владѣлъ теперь, по словамъ Иннокентія, своимъ государствомъ съ бо́льшею славою и съ большимъ правомъ, такъ какъ оно сдѣлалось теперь государствомъ священнымъ, согласно Писанію, а вѣдь этимъ способомъ и самъ онъ скорѣе можетъ достигнуть блаженства вѣчнаго“ (2).

Отношенія къ Пиринейскому полуострову. Кастилія и Леонъ.

Не одну английскую корону держалъ въ своихъ рукахъ Иннокентій. Еще раньше того онъ принималъ и передавалъ короны королевскія. На Пиринейскомъ полуостровѣ шла тогда борьба съ маврами. Въ это время тамъ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: всѣ они были слишкомъ не сильны порознь, пока не сложились въ болѣе крупныя единицы. Португалія была отдѣльнымъ государствомъ уже съ 1139 года. Леонъ, Кастилія, Наварра, Каталонія, Аррагонія, независимые графства и города, княжества мусульманскія—вели свое отдѣльное существованіе. Зарождалась аррагонская конституція и „communidades“ подъ звуки пѣсенъ „веселой науки“ (gaya ciençia), которая вдохновлялась боевой жизнью, любовью, наслажденіями, безпрерывными походами на невѣрныхъ. Альфонсъ VIII кастильскій (1185—1214 г.) особенно ознаменовалъ себя ревностью въ борьбѣ съ мусульманами. Онъ былъ одинъ на поляхъ Аларкоса, когда, въ 1195 году, встрѣтился съ воинственнымъ племенемъ, которое было одушевлено фанатизмомъ своего пророка Могади. Частныя междоусобія отвлекали королей норманскихъ отъ единодушныхъ дѣйствій, парализуя тѣмъ успѣхи и торжество креста. Альфонсъ VIII былъ разбитъ наголову Юсуфомъ; эта была одна изъ блестящихъ побѣдъ мусульманъ. Альфонсъ, немного оправившись, обратилъ

(1) Reg. Inn. III; l. XVI, ep. 77.
(2) Migne; CCXVI, 881.

свое оружіе на королей Леона и Наварры. Жестоко тѣснимая имъ, Наварра принуждена была,—что должно было произвести тогда ужасное впечатлѣніе,—искать защиты у арабовъ. Папа Целестинъ III за это отлучилъ отъ Церкви Наваррское королевство. Между тѣмъ Альфонсъ VIII помирился съ королемъ Альфонсомъ IX и чтобы сдѣлать миръ болѣе прочнымъ, отдалъ свою дочь Беренгарію въ замужество королю Леону своему недавнему противнику. По старымъ родственнымъ связямъ между двумя королевскими домами дѣйствительно нарушалось каноническое правило брака. Целестинъ не призналъ этотъ бракъ. Всегда вѣрный самому себѣ Иннокентій III, хотя понималъ хорошо политическія выгоды для христіанства отъ этого союза, не соглашался все таки освятить его. Для него это было соблазнительное средство къ достиженію хорошей цѣли. Онъ не санктировалъ его, давая тѣмъ знать, что для него интересы публичной нравственности выше политическихъ интересовъ. Дѣло Беренгаріи совпадало съ дѣломъ Ингебурги; и въ томъ и въ другомъ папа дѣйствовалъ рѣшительно. Иннокентій грозилъ Леону тѣмъ же интердиктомъ, какой недавно постигъ Францію; примѣръ былъ слишкомъ поучителенъ и къ тому же на Пиринеяхъ крѣпче держалось христіанское чувство отъ непрерывной крестовой борьбы. Альфонсъ VIII, опираясь на волю папскую, снова началъ войну съ Леономъ. Въ 1204 году Беренгарія вернулась къ отцу и война прекратилась. Иннокентій, для всѣхъ нелицепріятный, призналъ законость ея сына, который былъ провозглашенъ наслѣдникомъ леонскаго королевства. Церковь тѣмъ много выиграла. Сыномъ Беренгаріи былъ, столь знаменитый послѣ король Кастиліи, Фердинандъ III, прозванный святымъ (1217—1252 г.) Альфонсъ VIII не имѣлъ другихъ дѣтей кромѣ сына Генриха, еще несовершеннолѣтняго, правившаго лишь три года (1214—1217 г.) послѣ его смерти, и дочери Беренгаріи, смѣнившей Генриха, такъ какъ кастильскіе государственные законы не устраняли женщину отъ престолонаслѣдія. Эта была вдовствующая королева при живомъ и любившемъ ее мужѣ. Она отреклась отъ короны въ пользу своего сына, который черезъ 13 лѣтъ наслѣдовалъ и леонское королевство. Такимъ образомъ въ 1230 году совершилось соединеніе Кастиліи съ Леономъ, которое и было объявлено кортесами нераздѣльнымъ и ненарушимымъ. Въ Фердинандѣ III Церковь видѣла надежнаго ревнителя; это

былъ прототипъ будущихъ католическихъ энтузіастовъ на испанскомъ тронѣ. Мы еще встрѣтимся съ его дѣятельностью въ тѣхъ войнахъ съ маврами, которыя онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Іаковомъ I Завоевателемъ, королемъ аррагонскимъ, съ которымъ такъ связывало его единство намѣреній, убѣжденій, даже характеровъ. Вдвоемъ они кладутъ такой воинственный отпечатокъ, полный движенія и событій, на жизнь полуострова въ XIII вѣкѣ. Христіане овладѣли тогда Валенсіей, Мурсіей, значительной частью Андалузіи и самой Севильею.

Подданство Аррагоніи Риму въ 1204 г.

Предокъ этого Іакова, Раймундъ Беренгарій IV, еще въ половинѣ XII вѣка, брачнымъ союзомъ присоединилъ Аррагонію къ поэтической Каталоніи ([1]). Его внукъ Педро II (1196—1213 г.) былъ современникомъ Иннокентія III. Поэтъ въ душѣ, рыцарь по характеру, увлекавшійся всякимъ обаяніемъ даровитости, онъ не могъ не подчиниться сильному уму папы. Увлекся-ли онъ грандіозными планами мірової теократіи, руководился-ли онъ чувствомъ благодарности за благотворное вліяніе Иннокентія въ его дѣлѣ съ матерью ([2]), подчинялся-ли онъ внушенію другихъ побужденій,— только у него явилось желаніе сдѣлаться однимъ изъ орудій папскаго всевластія ([3]). Онъ первый хотѣлъ показать примѣръ добровольнаго подчиненія Риму. Въ 1204 году онъ пріѣхалъ въ столицу первосвященника. Его клятва, первоначально произнесенная въ монастырѣ Св. Панкратія, за Тибромъ,—состояла въ слѣдующемъ. „Я Петръ,—король Аррагоніи, обѣщаюсь и клянусь торжественно быть всегда вѣрнымъ и послушнымъ моему господину папѣ Иннокентію и его преемникамъ, клянусь употреблять всѣ усилія, чтобы сохранить мое королевство въ послушаніи святой Церкви, обѣщаю защищать католическую вѣру, преслѣдовать злоухищренія ереси, покровительствовать свободнымъ правамъ Церкви и во всѣхъ земляхъ мнѣ подвластныхъ, содѣйствовать миру и правосудію“ ([4]). При-

---

([1]) Раймундъ, обыкновенно называемый графомъ Барселоны, обручился съ Петрониллою, тогда еще малолѣтней племянницей знаменитаго Альфонса Батальядора. Ея отецъ Рамиро II отказался отъ аррагонскаго престола и ушелъ въ монастырь. Это было въ 1197 году.

([2]) Hurter; I, 183.

([3]) Ferreras (Synopsis hist.-chron. de España. Madr. 1720; t. VI). Schmidt. Gesch. Arragoniens im Mittelalter (L. 1828).

([4]) Gesta Innocentii III, c. 120.

сягнувъ надъ Евангеліемъ, король отправился въ соборъ св. Петра, сопутствуемый папой. Тамъ онъ снялъ съ себя корону, отдалъ вмѣстѣ съ нею скипетръ Иннокентію и получилъ отъ него обратно вмѣстѣ съ мечами. На алтарь онъ самъ положилъ грамоту, которою свидѣтельствовалось его подданничество. Этотъ документъ очень интересенъ для характеристики времени. „Вѣруя, такъ начинался онъ, что римскій первосвященникъ есть истинный преемникъ апостола Петра и намѣстникъ Того, волею котораго царствуютъ всѣ государи, я поставилъ свое королевство подъ покровъ верховнаго апостола и обязался для спасенія души моей, а также моихъ предковъ платить, верховный господинъ, Иннокентій, тебѣ и твоимъ преемникамъ, ежегодную дань (¹); за которую даю слово за себя и за моихъ преемниковъ. Въ возмездіе за то папа приметъ подъ свой кровъ меня, мои владѣнія и будущихъ королей Аррагоніи. Въ удостовѣреніе чего я изготовилъ сію грамоту съ приложеніемъ моей печати и съ одобренія вассаловъ двора моего, въ присутствіи архіепископа Арльскаго, моего дяди и другихъ лицъ“ (²). Несомнѣнно, этотъ документъ именно важенъ во всѣхъ отношеніяхъ для характеристики тогдашнихъ понятій о католицизмѣ. У Педро была въ высшей степени увлекающаяся натура. Теперь онъ сердечно отдавался Иннокентію, а послѣ съ тѣмъ же энтузіазмомъ шелъ на помощь альбигойцамъ, которые на смерть боролись съ Римомъ. Энтузіастомъ же онъ сложилъ голову подъ Мюрэтомъ за дѣло еретиковъ.

Такъ быстро развивалось могущество Иннокентія. Предъ нимъ склонили свои гордыя головы короли Европы. Иначе держалъ себя относительно Иннокентія король португальскій Санчо (1185—1211 г.), Земледѣлецъ (Labrador). Это **Португалія.**

(¹) Въ количествѣ 250 massenatinae — сарацинская золотая монета.

(²) По лучшему «codex Vallicelanus» у Migne въ Gesta c. 121, pag. 160; у Raynaldi въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неважныя уклоненія. Самая передача выражена: Ego Petrus Dei gratia rex Arragonum, comes Barcinonae et dominus Montis Pessulani, cupiens principaliter, post Deum, beati Petri et apostolicae sedis protectione muniri, tibi, reverendissime pater et domine summe pontifex Innocenti et per te, sacrosanctae Romanae Ecclesiae offero regnum meum, illudque tibi et successoribus tuis in perpetuum, divini amoris intuitu, et pro remedio animae meae et pro genitorum nostrorum etc.

былъ демократъ въ душѣ, человѣкъ безъ претензій выдаваться, блестѣть и уже безъ всякихъ увлеченій. Христіанскимъ фанатизмомъ онъ пользовался развѣ для расширенія своего небольшаго королевства. Онъ долженъ былъ встать въ оппозиціонныя отношенія къ Риму, когда задумалъ стѣснять независимость высшаго духовенства, отъ чего отказались уже давно даже императоры германскіе. Церкви, монастыри, епископы были богаче его, а экономическія реформы въ народномъ хозяйствѣ не могли обойтись безъ столкновеній съ духовнымъ сословіемъ, владѣвшимъ такими доменами. Ультракатолическіе историки отдаютъ должное его образу дѣйствій, хотя направленному противъ церковныхъ привилегій, считая его мудрымъ правителемъ (¹). Онъ остановилъ платежъ обѣщанной еще давно дани Риму и сталъ облагать монастыри поборами. Изъ Рима послѣдовали замѣчанія. Но Санчо былъ слишкомъ не опасенъ для Иннокентія, который не видѣлъ особаго ущерба для католицизма въ осуществленіи многихъ намѣреній Санчо и который самъ часто ограничивалъ привилегіи духовенства въ денежномъ отношеніи, требуя отъ него прежде всего исполненія своихъ духовныхъ обязанностей. Но когда сынъ Санчо, Альфонсъ II Толстый (1211 — 1223 г.), заставилъ удалиться изъ Португаліи высшихъ духовныхъ лицъ, дѣйствуя съ явной враждебностью, то Римъ прибѣгнулъ съ своей стороны къ рѣшительнымъ средствамъ. Альфонсъ умеръ отлученнымъ (²).

Теократія на Западѣ. Такъ весь Западъ охваченъ былъ политикой Иннокентія (³). Это было въ то время, когда во имя его овладѣвали

(¹) Напр. Hurter (Inn. III) называетъ его weiser Herrscher; I, 185.

(²) По сіе время важны спеціальныя сочиненія о Санчо и Альфонсѣ II въ формѣ хроники — Ruy de Pina, 1727; Lisb. fol. на португальскомъ языкѣ, о каждомъ отдѣльно. Schäfer. Gesch. von Port. 1836.

(³) Нельзя говорить о началѣ XIII вѣка, не поставивъ во главѣ литературы вопроса книгу, которая полстолѣтія не потеряла своего руководящаго значенія. Фридрихъ Гуртеръ, занимая оффиціальное мѣсто пастора въ одномъ швейцарскомъ мѣстечкѣ, долго и постепенно собиралъ всевозможные матеріалы для исторіи Иннокентія III. Достигнувъ особаго уваженія прихожанъ за достоинства своего характера и жизни, онъ сдѣлался президентомъ консисторіи въ Шафгаузенѣ. Онъ готовился къ прославившему его труду самымъ тщательнымъ образомъ и дѣйствительно подарилъ науку

Византійской Имперіей и водворяли снова католицизмъ въ Провансѣ. Три раза въ недѣлю собирался совѣтъ кардиналовъ

капитальнымъ для своего времени сочиненіемъ по средневѣковой исторіи— Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen въ 4 убористыхъ томахъ (Hamburg 1834—42). Собственно біографія заключается въ 2 первыхъ томахъ, а послѣдніе могутъ назваться особымъ трудомъ — Kirchliche Zustände zu Papst Innocenz des Dritten Zeiten (франц. переводъ Saint-Cheron и Kohen такъ и сдѣланъ отдѣльно съ подробной біографіей автора). Этотъ трудъ неразлучно связанъ съ исторіографіей папства; онъ былъ и лучшимъ трудомъ самого Гуртера и однимъ изъ важнѣйшихъ явленій нѣмецкой науки; ни прежде (въ ист. Θеодорика готскаго), ни послѣ (въ ист. имп. Фердинанда II), Гуртеръ не создавалъ равнаго ни по эрудиціи, ни по историческимъ достоинствамъ. Гуртеръ принадлежалъ къ числу страстныхъ натуръ, на сколько таковымъ можетъ быть нѣмецкій ученый. Если ему не данъ талантъ художественности, то у него много сердечнаго увлеченія и притомъ серьезнаго, опирающагося на дослѣдованную истину. Величіе излагаемыхъ явленій,—Церкви въ ея апоѳеозѣ съ геніальнымъ представителемъ, темныя стороны котораго совершенно искупляются грандіозностью и чистотою побужденій,—произвело не одно только поверхностное увлеченіе въ авторѣ, но оно самого его заставило сдѣлаться вѣрнымъ адептомъ папства. Идеализація, составлявшая принадлежность его природы, облекла особымъ ореоломъ предметъ, сдѣлавъ его необыкновенно привлекательнымъ. Католицизмъ, изучаемый авторомъ въ исторіи, увлекъ пастора до того, что онъ самъ сдѣлался католикомъ, когда уже сталъ кончать свою книгу (лѣтомъ 1841 г.). Замѣчательно, что постепенное развитіе его религіозныхъ убѣжденій шло рядомъ съ продолженіемъ его труда. Къ неизмѣнному рѣшенію побудила его внезапная смерть двухъ любимыхъ дочерей, страшно потрясшая его и сдѣлавшая изъ него мистика. Католическая апологія въ книгѣ, написанной учителемъ протестантовъ, — апологія, явившаяся лишь слѣдствіемъ удачно выбраннаго момента исторіи католицизма, — сильно поддержала обаяніе католицизма; притомъ, это было время политической и церковной реакціи. Можно судить, какъ возненавидѣли Гуртера его простестантскіе собратья. Никто не хотѣлъ вѣрить, что ренегатство произошло лишь по сознательному увлеченію, вслѣдствіе глубокой внутренней причины, что, если оно бросаетъ тѣнь на его характеръ, то не имѣетъ соотношенія къ его честности. Клеветы на пастора, всякія выходки не имѣли успѣха. Слѣды ненависти его прежнихъ единовѣрцевъ не умолкли съ годами. Такъ Гельбигъ въ статьѣ о Гуртерѣ (у Зибеля въ Hist. Zeitschrift; 1860, № 4) отзывается о немъ какъ о человѣкѣ, вполнѣ неспособномъ; ему отказывается во всѣхъ качествахъ историка, — «er hat keinen historischen Sinn und keine historische Bildung (с. 176)»; все это изъ религіозныхъ принциповъ и вражды

подъ его предсѣдательствомъ, въ его кабинетѣ. Онъ самъ

къ клерикально-австрійской партіи (183). За то католики превозносятъ его даже за послѣднее сочиненіе по 30-лѣтней войнѣ, гдѣ онъ дошелъ до клерикальности въ ущербъ истинѣ и самого изложенія, сдѣлавшагося чисто полемическимъ. Но это не относится къ его «Жизни Иннокентія III», которая вмѣстѣ съ «Исторіей Гогенштауфеновъ Раумера» (1840, 6 v.) можетъ назваться лучшимъ пособіемъ по XIII вѣку во всѣхъ отношеніяхъ. Но Гуртеръ поклонникъ не папской системы; онъ преклоняется лишь передъ личностью Иннокентія; онъ не былъ тогда еще апологетомъ первой. «Всякое понятіе можетъ быть или справедливо или ошибочно; соглашается-ли мысль о папскомъ идеалѣ съ широкопонятымъ христіанствомъ, вытекаетъ ли такая система изъ ученія Основателя религіи или нѣтъ, — объ этомъ не спрашивайте историка; такое разбирательство падаетъ на догматика и: и полемика; для историка важно собственно то,—производится ли подобное явленіе эпохою, какъ глубоко оно коренится въ человѣческихъ учрежденіяхъ, что оно создаетъ въ свою очередь, прогрессивно ли оно такъ разсуждаетъ Гуртеръ пр. V—VI...). Ничего не можетъ быть несправедливѣе отрицать высокія качества ума и характера (hohe ethische Würde) лишь потому, что не понимаютъ и не сочувствуютъ тѣмъ внѣшнимъ формамъ и обстоятельствамъ, въ которыхъ случайно проявляется дѣятельность извѣстныхъ людей. А между послѣдними никто не превзошелъ Иннокентія, если принять въ соображеніе его проницательность, его свѣдѣнія, его неутомимую дѣятельность, его нравственныя добродѣтели, его величавость, когда онъ говоритъ о своемъ призваніи, его смиреніе, которое просвѣчиваетъ сквозь всю его личность. Если изучать процессъ его жизни, все что онъ сдѣлалъ и что онъ хотѣлъ сдѣлать, то надо придти къ убѣжденію, что Иннокентій имѣлъ ясное сознаніе о томъ, что лишь предчувствовалъ Григорій VII. То, что было въ помыслахъ Гильдебранда, получило полное развитіе въ Иннокентіи III; мысль, за которую Александръ III такъ долго сражался съ древне-римской стойкостью, всегда выставлялась на видъ въ его дѣйствіяхъ».—Главнымъ источникомъ были для Гуртера, конечно, письма Иннокентія, которыя дошли до насъ не въ полномъ видѣ. Они сгруппированы въ книги. Не цѣликомъ имѣлись 3 и 5 книга; вовсе не было 4, 17, 18. Кромѣ Балузія (Epistolarum Innocentii III Romani pontifici libri XI, P. 1682, 2 f.), они изданы у Bréquigny et La-Porte du-Theil (Diplomata et alia documenta ad res Francicas spectantia, въ Парижѣ 1791, 2 v.). По поводу ихъ Дю-тейль, раціоналистъ и республиканецъ, рисуетъ вѣрными красками личность папы. Его сужденіе практически вѣрно; онъ не скрываетъ, что глазами строгаго моралиста нельзя мѣрить историческую личность (Il n'a pas été celui, dont l'ambition ait eu le moins de palliatifs et d'excuses), что къ суду призвано лицо, а не система. «Имя Иннокентія III всегда будетъ наводить воспоминаніе о человѣкѣ, который дѣйствовалъ

вникалъ въ каждое дѣло до всѣхъ мелочей, было ли оно по-

на сценѣ міра съ сильнымъ блескомъ и въ которомъ безпристрастная философія будетъ умѣть всегда различить добродѣтель и проступки. Когда я говорю о проступкахъ (défauts), то думаю о тѣхъ, которые читали сочиненія политическія и историческія, гдѣ этотъ папа такъ положительно обвиняется въ рѣшительныхъ преступленіяхъ». Признавая, что лишь тенденціозность и радикализмъ могутъ держаться такого убѣжденія и что подобный пріемъ не имѣетъ права на авторитетъ въ вопросахъ философско-историческихъ,—Дю-тейль отдаетъ полную справедливость достоинствамъ папы (une fermeté d'âme à l'épreuve, une constance inébranlable dans les projets, une zèle infatigable pour la chose publique, une pureté des moeurs sans reproches). Тутъ изданы письма полнѣе; еще лучше классическое изданіе у **Migne** (Patrologia въ т. 214—216, Парижъ 1855) съ дополненіями, проповѣдями и всѣми сочиненіями (т. 217), — которое мы и будемъ цитировать. Одно неизданное письмо помѣщено въ Bibl. de l'Ecole des Chartes въ 1872 г. Важныя дополненія къ письмамъ помѣщены у **Theiner** (Mon. Slavorum mer.) и въ капитальномъ изданіи **Potthast** (Regesta pont. Rom. ab 1298 ad a. 1304, Ber. 1873), который въ трехъ первыхъ выпускахъ изъ 10 напечаталъ 5316 посланій Иннокентія III, этого «величайшаго изъ папъ» и 143 посланія Григорія III. Но въ это изданіе регестъ не входитъ полный текстъ писемъ. Въ томъ же 1873 г. **Rocquain** въ Journal des Savants (6 — 8) помѣстилъ немного новаго матеріала въ своемъ очеркѣ — Lettres d'Innocent III. Эта сжатая, но отчетливая картина грандіозной дѣятельности папской канцеляріи того времени. — Кромѣ писемъ мы имѣемъ еще старыя біографіи Иннокентія. Извѣстно, что въ трехъ кодексахъ содержатся жизнеописанія папскія. Древнѣйшія принадлежатъ архиваріусу папскому **Анастасію**, который дошелъ лишь до Николая I (**Muratori**. Script. III. p. I; 93—277) и пользоваться которыми надо по критическимъ диссертаціямъ **Чіампини** и **Бланкини** (idem 33 — 55, 55 — 93). Съ Льва IX — до Іоанна XXII довелъ кардиналъ **Николай аррагонскій** (id. 277—685). Полный кодексъ другой редакціи, но съ той же узкой папской точки сведенъ **Амальрикомъ Авгеріемъ** изъ мелкихъ біографій до Сикста IV включительно, занимая особый фоліантъ Муратори. Для Иннокентія III имѣются здѣсь два списка: краткій **Бернара Гвидона** (Mur. III, p. II, 480—486) и большой **Ст. Балузія** (id. 486—568). Собственно церковная исторія для XIII ст. въ хроникахъ **Nicolai de Syghen** (конца XV в.) и **Joh. Stellae**. Болѣе обширная —**Ptolomaei Lucensis** до 1312 г., доминиканца (Mur. XV, 741). Новѣйшее изданіе всѣхъ папскихъ біографій сдѣлано въ Германіи **Ваттерихомъ** (Pont. Rom. vitae; Leipz., 1862). Но этими біографіями, весьма односторонними, довольствоваться нельзя; тутъ вовсе не приводится документовъ, для чего обыкновенно употребляютъ многотомный **Bullarium Romanum**. Подробное содержаніе церковной исторіи по ватиканскимъ архи-

литическое или частное. Нельзя не удивляться массѣ остав-

вамъ предпринялъ въ концѣ XVI вѣка кардиналъ Baronius († 1607)—Annales ecclesiastici a Chr. nato ad annum 1198 (лучшее отдѣльное изд. въ Майнцѣ 1706, 12 f., просмотрѣнное авторомъ)—по порученію Рима. Естественно, оно не можетъ быть причислено къ числу безпристрастныхъ; тутъ есть и фактическое извращеніе и фальшивые документы и стихотворныя повѣтствованія, саги, легенды. Тѣ же свойства и у его продолжателей, поставленныхъ въ такія же условія: кардинала Одерикъ Райнальди († 1670), дошедшаго до 1565 (9 f.), Ладерки, добавившаго еще 6 лѣтъ и Пагги, составившаго нѣсколько критическихъ статей и указатель. Все это вмѣстѣ составляетъ въ лучшемъ Лукскомъ изданіи 35 т. текста и 3 указ. (1738—59).—Литература будетъ указываться въ своемъ мѣстѣ, какъ для Иннокентія III, такъ и для другихъ вопросовъ исторіи XIII вѣка. Но нельзя оставить безъ упоминанія, рядомъ съ классическими трудами, сочиненій графа Riant, особенно: Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat (Revue des quest. histor. 1875) и отдѣльно въ томъ же году. Эта небольшая по объему, но весьма содержательная книга по критикѣ матеріала, стоила автору большихъ трудовъ. Въ томъ же смыслѣ важенъ вообще для первой половины XIII вѣка трудъ Klimke (1875) объ источникахъ IV крестоваго похода.

Теперь обратимся къ памятникамъ позднѣйшей эпохи.

Мы должны отмѣтить лишь тѣхъ лѣтописцевъ, которые писали въ XIII столѣтіи общую исторію своего времени и которые слѣдовательно имѣютъ значеніе для всѣхъ отдѣловъ нашего курса.—Преемственный рядъ таковыхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Radulphus de Diceto, деканъ лондонской церкви св. Павла († 1210); его «сокращеніе хроникъ» заключаются между 598—1198, а «историческія изображенія»—1148—1200 г. По сіе время нѣтъ хорошаго изданія (въ отрывкахъ у Bouquet XIII, 183—205; XVII, 616—660). Какъ и всѣ средневѣковые хроникеры въ началѣ онъ списываетъ своихъ предшественниковъ, сокращая ихъ, или даже цѣликомъ, ручаясь лишь за тѣ годы, которыхъ былъ очевидцемъ въ Англіи изъ своего кентерберійскаго архіепископства. Въ нашей «Исторіографіи» указанъ характеръ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, ихъ убѣжденія, ихъ пріемы, ихъ воззрѣнія. Они не перемѣнились къ XIII столѣтію. Они по прежнему бились надъ вопросомъ объ отношеніи духа къ тѣлу, неба къ землѣ, власти духовной къ свѣтской. Средневѣковое міросозерцаніе отражается въ прологахъ этихъ лѣтописей, какъ напримѣръ у лучшаго изъ авторовъ — Оттона Фрейзингенскаго. «Часто и много размышляя о перемѣнчивости земныхъ дѣлъ, о ихъ непостоянствѣ, разнообразномъ и безпорядочномъ ходѣ, я убѣдился и рѣшилъ, что мудрый человѣкъ долженъ не останавливаться на нихъ, но удаляться отъ нихъ. Какой здравомыслящій человѣкъ не согласится, что мудрецъ долженъ обратить свой взоръ къ неизмѣнному и вѣчному государству, такъ какъ движенія временъ остановить нельзя.

ленныхъ имъ писемъ, декретовъ, буллъ, когда узнаемъ, что

Это есть царство Божіе, небесный Іерусалимъ, по которомъ тоскуютъ дѣти Божіи, живущіе на чужбинѣ и лишь тяготящіеся землею, какъ плѣненіемъ вавилонскимъ. Лишь два существуютъ царства, одно временное, другое вѣчное: одно земное, сатанино, другое небесное, Христово». Этими словами характеризуется общій тонъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, такъ любившихъ мистику; къ исторической достовѣрности надо относиться также съ осторожностью, допытавшись прежде подробностей жизни и симпатій. Большіе Кельнскіе Анналы съ 516 до 1237 г., важны по отношенію къ Гогенштауфенамъ, а съ 1198 г. преимущественно. Они состоятъ изъ 3 различныхъ рецензій; древнѣйшая рукопись открыта не очень давно, —въ 1857 г. Долго ошибочно приписывали ихъ монаху Годфриду (S. Pantaleonis); иногда лѣтопись эта называлась chronica regia S. Pantaleonis. Анонимъ загадочно называетъ себя porfirogenitus et primitivus filius. Ваттенбахъ думаетъ, что часть анналъ принадлежитъ нотаріусу Бурхарду, спутнику Фридриха I; имя продолжателя для позднѣйшаго времени и для XIII вѣка неизвѣстно. По убѣжденіямъ онъ долженъ быть горожаниномъ, партіи императорской; онъ то на сторонѣ Оттона IV, то Фридриха II, преслѣдуемыхъ папами. Такой главнѣйшій памятникъ нѣмецкой исторіи не изслѣдованъ должнымъ образомъ за трудностью, даже въ нѣмецкой наукѣ. За то совершенно ясны Annales Stadenses, достигающія до 1256 г., авторомъ которыхъ былъ Альбертъ, настоятель маріинскаго монастыря въ г. Штадѣ. Оставивъ аббатство, онъ пошелъ въ 1240 г. въ францисканцы и сдѣлался генераломъ ордена, когда и окончилъ свою хронику. Онъ держится извѣстныхъ трудовъ Еккегарда, Адама Бременскаго, Беды, Гельмольда; но его работа слабѣе; факты чередуются сказками; много хронологическихъ ошибокъ, хотя у другихъ еще больше. Онъ не рабски держится папской партіи. Такъ, по поводу низложенія Фридриха II на ліонскомъ соборѣ, онъ замѣчаетъ, что папамъ не прилично осуждать, а тѣмъ болѣе низлагать государей, что ихъ дѣло лишь короновать избранныхъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Напрасно обвинять его, слѣдуя Ваттенбаху, въ недостаткѣ внутренней послѣдовательности (с. 498); это уже общее свойство всякаго лѣтописнаго изложенія. У Альберта богатство фактовъ и неотъемлемая достовѣрность большей части изъ нихъ. — Но самое важное значеніе при занятіяхъ XIII вѣкомъ имѣетъ такъ называемая Historia major Angliae, неразлучно связанная съ именемъ Матвѣя Парижскаго до 1273 г., какъ лучшаго средневѣковаго писателя Запада, такъ и замѣчательнаго національнаго англійскаго историка. Въ сущности ему принадлежитъ лишь обширнѣйшая часть ея для небольшаго, но важнѣйшаго періода 1235—1259 г.; его предшественникомъ былъ Рожеръ Вендоверъ, писавшій отъ 1066 до 1235 г. такъ называемую «flores historiarum», а продолжателемъ Вильямъ Рисгангеръ, записавшій сжато 1259—1273 г. Чаще всего это сводное сочиненіе цитируютъ именемъ Матвѣя.

онъ лично имѣлъ еще время и охоту съ судейскаго кресла

Все вмѣстѣ это лучшій памятникъ старой англійской исторіографіи для громаднаго періода двухъ столѣтій изъ года въ годъ съ обзоромъ всѣхъ современныхъ событій европейскихъ, особенно фазисовъ папско-императорской борьбы; для нея онъ одинъ изъ первыхъ источниковъ. Родившись въ Англіи, Матвѣй воспитывался въ Парижѣ и на 20 году постригся въ монахи въ знаменитомъ по всей Англіи монастырѣ С. Альбани (на сѣверъ отъ Лондона, на мѣстѣ римскаго Верулама). Онъ пріобрѣлъ между товарищами извѣстность какъ ученый и каллиграфъ. Аббатъ поручилъ ему продолжать Вендовера. Матвѣй, какъ оффиціальный лѣтописецъ, пріобрѣлъ важное общественное положеніе; онъ былъ лично знакомъ съ королями англійскимъ, французскимъ, нормандскимъ. Онъ имѣлъ случай вручить письмо Луи IX Св. Гакону V норвежскому; по личной просьбѣ Генриха III описываетъ лондонскій соборъ, говоритъ о священномъ сосудѣ съ кровью Спасителя, въ подлинности которой убѣждалъ доставившій ее тампліеръ; вслѣдствіе убѣжденія норвежскихъ монаховъ, онъ умиротворяетъ гольмскій монастырь (Въ «Исторіографіи» пропущена статья о немъ Бильбасова въ Унив. Изв. Кіевск., 1867 г. № 4). Благодаря своимъ связямъ и покровительству королевскаго дома, Матвѣй могъ собрать до 250 документовъ, которые и помѣстилъ въ свою исторію. Впрочемъ, знатокъ англійской исторіи, Pauli (G. von England. 1853; III, 883) умаляетъ достоинство этихъ документовъ; онъ приписываетъ имъ «eine unverdiente Abgötterei». По сознанію нѣмецкой критики, Matthaeus Paris. такъ важенъ, напримѣръ, для Гогенштауфеновъ, что долженъ быть цитуемъ какъ главный источникъ, тѣмъ болѣе что онъ всегда объясняетъ отношенія Германіи къ другимъ странамъ (Wattenbach, 505), благодаря достоинству и обилію приводимыхъ фактовъ.[1] Онъ писалъ до самой смерти и часто былъ лично посѣщаемъ королемъ, съ которымъ бывалъ и за столомъ, и во дворцѣ и въ спальнѣ (et in thalamo) и который рачительно и дружески руководилъ его перомъ (direxit scribentis calamum satis diligenter et amicabiliter). Самый монастырь, почти первый въ Англіи, игралъ роль въ событіяхъ; его монахи были посылаемы иногда въ Римъ, и оттуда они привозили акты, заносимые въ «англійскую исторію". Взглядъ Матвѣя Пар. достаточно либераленъ, что дало поводъ подозрѣвать въ его трудѣ сильную протестантскую интерполяцію. Онъ часто любитъ анекдоты, но не нарушаетъ тѣмъ истины. Его достоинства таковы, что самъ Baronius называетъ его работу золотою книгой—«aureum sane commentarium». Лучшимъ изданіемъ по прежнему остается Wats'a (Lond. 1684); полный французскій переводъ сдѣлалъ Huillard Bréholles, лучшій знатокъ XIII вѣка вообще (Par. 1849. 9 v.); къ переводу приложена обстоятельная статья de-Luynes. Въ другомъ, сжатомъ видѣ сочиненія Матвѣя изданы лишь въ 60 годахъ въ большой коллекціи Romilly (Rer. Brit. medii aevi script.),—hist. Anglorum seu h. minor Angliae (въ 1866 г. доведено до 1245 г. въ 2. т.) подъ редакціей Madden (рецензія у Зибеля

разбирать дѣла римскихъ гражданъ и своихъ непосредствен-

въ Hist. Zeitschrift; 1867, № 3, стр. 213—218). Продолженіе его,—сдѣланное Рисгангеромъ, сжато, на манеръ всѣхъ хроникъ, — выдается фактической сухостью и весьма кратко (въ томъ же Rer. brit. 1865 изд. Риля). Рѣшеніе вопроса о Матвѣѣ принадлежитъ Коксу, изд. Вендовера (въ English historical Society въ 5 т. 1841—44). Прежде всѣ три лѣтописи считали за одну.— Рядомъ съ такимъ богатымъ развитіемъ англійской исторіографіи идетъ полный упадокъ ея въ Германіи, гдѣ въ XII — XV ст. встрѣчаемъ лишь компиляціи и ничтожныя монастырскія анналы. Только нѣсколько разнообразится она появленіемъ новаго пріема—синхронистическаго по отношенію папъ къ императорамъ; это попытка на учебникъ. Изъ такихъ извѣстны для того времени три: анонимная до 1215, Гильберта до 1226 (не изданы) и чешскаго монаха Мартина изъ Троппавы (Chr. de summis pontificibus atque imperat. usque ad Rudolphum I et Nicolaum III—изд. въ Кельнѣ 1616 г. и у Böhmer'а въ Fontes во 2-мъ томѣ). Послѣдній заслуживаетъ большую извѣстность, какъ даровитый славянинъ. Онъ принадлежалъ къ доминиканскому ордену; папа сдѣлалъ его своимъ капелланомъ (penitenciarius et cepellanus). Долго пробывъ въ такомъ званіи, онъ въ 1278 г. былъ назначенъ архіепископомъ въ Гнѣзно, почему его и называютъ Martinus Polonus. Это тѣмъ болѣе неосновательно, что онъ даже не доѣхалъ до Польши и умеръ дорогою. Онъ говорилъ и писалъ много проповѣдей, много трудился въ Римѣ по редакціи каноническаго права и составилъ свою исторію для употребленія богослововъ и канонистовъ, для которыхъ, онъ говоритъ, «необходимо знать исторію папъ, императоровъ, и другихъ современныхъ государей». Его книга предназначалась быть учебникомъ и въ то же время популярнымъ сочиненіемъ. Согласно духу времени, въ нее внесены всѣ басни, которыя и упрочились потому надолго. Имена папъ и императоровъ помѣщены на противоположныхъ страницахъ; на каждой страницѣ 50 строкъ, изъ которыхъ для каждой опредѣленъ годъ времени; такъ сдѣлано первое изданіе. У Бёмера, лишь не очень давно, доведена лѣтопись до 1277 г. Въ его хроникѣ, изъ любви къ анекдотамъ, помѣщена замѣтка о паписсѣ Іоаннѣ, совершенно неумѣстная; она дала поводъ къ той громадной литературѣ и полемикѣ, которая порѣшена лишь въ послѣднее время опроверженіемъ басни, созданной легендарнымъ воображеніемъ новеллистовъ и протестантовъ. Scheffer-Boichorst въ своей критической, хотя весьма натянутой статьѣ, — желая во что бы то ни стало доказать подложность хроники Малеспини (Die flor. Gesch. der Malespini eine Fälschung — Hist. Zeitschrift. 1870, XXIV), съ чѣмъ никакъ нельзя не согласиться по причинамъ, о коихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, — сопоставленіемъ доказываетъ какъ усердно переводилъ Мартина знаменитый Джіованни Виллани. Сочиненіе Мартина возбудило подражателей, а факты мало заслуженный авторитетъ. Впрочемъ Ваттенбахъ слишкомъ рѣзко называетъ хронику «ein jämmerliches Gemisch von Fabeln und Unwahrheiten (514)».—

ныхъ подданныхъ ([1]). Доступъ къ нему былъ открытъ для

По времени слѣдуютъ арабское соч. Абуль-Фарагія — въ латинскомъ переводѣ: historia compendiosa dinastiorum seu hist. universalis ab a. c. usque ad 1280 (съ арабскимъ и лат. текстомъ 1663, 2 v.) по важности иновѣрнаго взгляда. По отношенію къ итальянской исторіи — оффиціальныя Генуэзскія анналы 1100 — 1253 г. (Muratori; VI, 241—607), писанныя 19 авторами послѣдовательно. Какъ государственная лѣтопись, веденная современниками по документамъ, она составляетъ важнѣйшій историческій источникъ для итальянской исторіи, особенно по широкой аренѣ событій для XIII вѣка вообще. Вся лѣтопись дѣлится на 10 книгъ. Отношенія къ Риму занимаютъ первое мѣсто послѣ дѣлъ мѣстныхъ. Послѣдней общей хроникой будетъ соч. моралиста XIV вѣка, канонника въ Шартрѣ, француза,— Landulphus de Columna (breviarium historiale usque 1320 изд. вполнѣ только въ 1479 г.); онъ былъ современникомъ паденія папскаго могущества и торжества королевской власти.—Нѣкоторыя общія хроники по XIII ст. вовсе не изданы или изданы не вполнѣ, какъ стихотворная «Всемірная Исторія» Рудольфа Эмскаго († 1254), составленная для Конрада IV. Эта поэма-хроника весьма обширная; она существуетъ въ двухъ разныхъ редакціяхъ. Для исторіи нравовъ и духовнаго состоянія общества полезны, какъ его отраженія, такъ называемыя «Историческія зеркала» Адама Клермонскаго (до 1270 г.) и Викентія Бовэ, тоже пока въ старыхъ изданіяхъ (Ven. 1494).—весьма популярныя въ вѣкъ Возрожденія.

([1]) Fuit vir perspicacis ingenii et tenacis memoriae, in divinis et humanis litteris eruditus, sermone tam vulgari quam litterali disertus, exercitatus in cantilena et psalmodia, statura mediocris et decorus aspectu, medius inter prodigalitatem et avaritiam, sed in eleemosynis et victualibus magis largus et in aliis magis parcus, nisi cum necessitatis articulus exigebat; severus contra rebelles et contumaces, sed benignus erga humiles et devotos, fortis et stabilis, magnanimus et astutus; fidei defensor, et haeresis expugnator; in justitia rigidus, sed in misericordia pius; humilis in prosperis, et patiens in adversis; naturae tamen aliquantulum indignantis, sed facile ignoscentis». Gesta Innocentii III; c. 1. — Рѣдкая личность и общественная дѣятельность вызываютъ столь единодушное сочувствіе историковъ и изслѣдователей. Всѣ политическіе и религіозные оттѣнки въ убѣжденіяхъ сглаживаются при оцѣнкѣ историческихъ заслугъ и частнаго характера даровитѣйшаго изъ папъ. Болѣе взыскательны, если не считать Вольтера и Дрепэра, сколько намъ извѣстно, приговоры Неандера и Шерре. «Doch da er für jenes System der geistlichen Weltmonarchie, in welchem Weltliches und Geistliches schon so sehr mit einander vermischt worden, als ein auf göttlichem Rechte gegründetes, eiferte; da er dies System gegen die von einem gutem, wie die von einem schlechtem Geiste ausgehenden Reactionen vertheidigen musste: so wurde er durch die schlechte Sache zum Gebrauch schlechter Mittel fortgerissen» (Neander. Gesch. der christlichen

всѣхъ. Разрѣшая мелкія тяжбы, онъ обсуждалъ въ тоже время до всѣхъ подробностей обширныя государственныя соображенія. „На совѣщаніяхъ кардинальской коллегіи, говорить про него Раумеръ, онъ разбиралъ и изучалъ всякое показаніе съ такою честностью и проницательностью, обнаруживалъ такое безпристрастіе и благородство, что и теперь, дошедшія до насъ письма его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, могутъ служить образцомъ юридическихъ разборовъ и рѣшеній“ (¹). Это былъ, по удачному выраженію Грегоровіуса, пылкій идеалистъ на папскомъ тронѣ и въ тоже время самый практическій государь (²). Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимымъ писателемъ-богословомъ, при чемъ обнаружилъ философскую подготовку. Работая надъ церковнымъ ритуаломъ, почти созидая его, вникая въ исполненіе всѣхъ обрядностей богослуженія, онъ объяснялъ католическую догматику въ ея деталяхъ раньше Ѳомы Аквинскаго и оставилъ массу проповѣдей и солидныхъ сочиненій, которыя составляютъ компактный и массивный томъ латинской „Патрологіи“ (³).

Замыслы Иннокентія III не ограничивались однимъ Западомъ. Съ первыхъ же годовъ своего папствованія онъ обратилъ вниманіе на Сѣверъ и Востокъ. Въ Норвегіи онъ укротилъ свирѣпыя наклонности варяга Сверера. Тамъ, въ тотъ вѣкъ уже укрѣплялось христіанство; въ Швеціи оно лишь проповѣдывалось въ разныхъ мѣстахъ. Но понятно, что христіанская цивилизація была слишкомъ непрочна въ Норвегіи. Свереръ, напримѣръ, занимался открытымъ грабежомъ, жилъ съ двумя женами, раззорялъ духовныхъ и церкви, когда мѣшали ему; то давалъ, то отнималъ церковныя имущества. Целестинъ III пробовалъ посылать туда легата; кунингъ прогналъ его съ бранью. Иннокентій, всегда изворотливый, понялъ ха-

Отношенія къ Норвегіи.

Religion und Kirche; 1841; V, I, 334).— «Cet assemblage de bien et de mal, de grandes qualités et d'actes répréhensibles doit. dans le jugement à porter sur ce pontife, en faire écarter les louanges excessives et le blâme absolu» (Cherrier. Histoire de la lutte des papes et des empereurs de la maison de Souabe; 2 éd. I, 481).

(¹) Raumer. Gesch. der Hohenstaufen und ihrer Zeit. III, 247.

(²) «Ein kalter Jurist»... Gregorowius. Rom im Mittelalter. 1865; V, 100.

(³) Migne. CCXVII. Это послѣдній томъ громаднаго изданія Патрологіи.

рактеръ этой полудикой натуры; онъ скорѣе достигъ цѣли. Папа заручился его расположеніемъ, потомъ постепенно подчинилъ себѣ его порывы. Онъ не только заставилъ его повести болѣе приличную жизнь, но даже сдѣлался послѣ судьей между двумя соискателями норвежской короны. Скандинавія вообще подчинилась вліянію Рима. Въ тоже время Иннокентій дѣлалъ обширныя пріобрѣтенія католицизму въ земляхъ прибрежныхъ Балтійскому поморью.

Прибалтійскій край. Прибалтійскій край уже давно занималъ мысли папъ. Германская склонность распространять свою цивилизацію, хотя бы насильственно, прекрасно способствовала видамъ Рима. Тутъ можно было бы встрѣтить одно сопротивленіе — со стороны русскихъ, но холодное равнодушіе къ интересамъ своей вѣры составляло тогда характерную черту обитателей восточной равнины Европы. Тутъ духовенство было слишкомъ апатично къ расширенію своего вліянія и распространенію своей паствы. Въ князьяхъ же русскихъ нѣмцы могли встрѣтить враговъ лишь тогда, когда бы на нихъ самихъ обратили свою пропаганду. Въ 1158 г. купцы изъ Бремена пришли къ устью Двины и завели съ жителями края торговыя сношенія; къ торговлѣ присоединилось просвѣтительное дѣло вѣры (1). Ливь, латыши, леты, чудь, эсты занимали эту скудную и сырую полосу — до протяженія Финскаго залива. Всѣ они хранили крѣпкую привязанность къ своимъ богамъ и даже христіанами не могли разлучиться съ понятіями о Торѣ, Перунѣ, Земиникѣ, этомъ богѣ земныхъ плодовъ. Главнаго идола Юмалу ливь и чудь считали за творца вселенной, которая ограничивалась ихъ бѣднымъ краемъ (2). Когда нѣмцы стали склонять ихъ къ христіанству, они, по преданію, бросили жребій, какая вѣра лучше: отечественная или католическая и

(1) Scriptores rerum Livonicarum. Riga. 1847—49; 3 ч. и въ 1853,— Разборъ хроникъ у Gadebusch, B. 1832 и Napiersky, 1840. Съ 1876 г. въ Ригѣ издается Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Въ 1 томѣ помѣщена въ русскомъ переводѣ интересная хроника свящ. Генриха Латышскаго, весьма важная для начала XIII вѣка. По латыни онъ назывался Henricus de Lettis.

(2) Подробности въ лучшей лифляндской хроникѣ, написанной на platt-deutsch — Бальтазара Руссова Scrp. rer. Liv. t. I.

судьба рѣшила въ пользу послѣдней. Но достовѣрнѣе, что ей было оказано сильное сопротивленіе. Каждый разъ, когда миссіонеры оставляли язычниковъ, они въ рѣкѣ смывали съ себя воду крещенія. Они по прежнему ходили молиться въ лѣса, обожали деревья и, даже будучи христіанами, хоронили мертвыхъ по языческому обряду съ оружіемъ и припасами и, угнетаемые, утѣшали себя напутствіемъ лучшей жизни покойнику, который на томъ свѣтѣ избавится хотя отъ нѣмцевъ, ставшихъ теперь господами. Бременскіе купцы привезли съ собой августинскаго священника Мейнгарда, энергичнаго старика, энтузіаста своей вѣры; онъ напоминалъ Вонифація и другихъ католическихъ просвѣтителей (1). Въ Икесколѣ онъ основалъ первую христіанскую церковь (Uxcul, ниже Риги на Двинѣ). Въ Бременѣ посвятили его въ санъ перваго епископа Ливонскаго. Когда онъ вернулся, ему пришлось начать дѣло сызнова; почти всѣ новообращенные приняли язычество; противъ христіанства началась борьба (2). Его преемникъ Бертольдъ долженъ былъ бѣжать; всѣмъ христіанамъ грозили смертью.

---

(1) «Названный священникъ, достопочтенный и посѣдѣвшій въ благочестіи мужъ, разсказываетъ Henricus de Lettis, получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоцекскаго (полоцкаго князя), Владиміра, которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ. Въ этой деревнѣ прежде всѣхъ крестились Идо, отецъ Кулева, и Вицо, отецъ Ало, а за ними послѣдовали и другіе». Матеріалы по исторіи Прибалтійскаго края; I, 74.

(2) Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Мейнгарда, цистерціанецъ Теодорихъ, бывшій послѣ епископомъ Эстонскимъ, едва не сталъ мученикомъ за вѣру. Ливы, разсказываетъ Генрихъ Латышскій, въ окрестностяхъ Трейдена (на рѣкѣ Аа) рѣшили принести его въ жертву своимъ богамъ: «дабы посѣвы на ихъ поляхъ были плодоноснѣе и нивы ихъ не терпѣли отъ ливней. Народъ собрался. Чтобы узнать волю боговъ на счетъ жертвоприношенія, бросили жребій. Положили копье на землю и повели черезъ него коня; конь ступилъ, по волѣ Божіей, черезъ копье ногою, опредѣленною для жизни. Монахъ въ это время молился и рукою благословлялъ народъ. Кудесникъ утверждалъ, что христіанскій Богъ сидитъ на хребтѣ коня и направляетъ конскія ноги и что потому надобно обмыть хребетъ коня, чтобы сбросить Бога. Когда это сдѣлали и конь снова ступилъ черезъ копье ногою жизни, брата Теодориха оставили въ живыхъ. «Хроника Генриха»; I, 10—въ Матеріалахъ по исторіи Прибалтійскаго края; I, 76

Иннокентій III не могъ отнестись равнодушно къ такому ходу дѣла. Посылка миссіонеровъ въ тотъ далекій и незнакомый край, оказавшій уже такое рѣшительное сопротивленіе, не могла принести Риму желаемыхъ цѣлей. Надо было или отказаться отъ начатаго, уступить язычеству, сознать безсиліе католицизма, или дѣйствовать силою. Иннокентій объявилъ крестовый походъ на язычниковъ, но онъ старался по возможности ограничить неумѣстную ревность и проявленіе всякаго насилія. Не слѣдуетъ ставить въ вину и самую систему насильственнаго просвѣщенія. Надо вспомнить, что послѣ самъ либеральный Фридрихъ II, врагъ Рима, дѣлалъ подобное же воззваніе къ Европѣ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ; онъ говорилъ, что Господь для того и даровалъ силу царямъ земнымъ, чтобы они пеклись о распространеніи вѣры между язычниками. Крестоносцевъ, по зову Иннокентія, нашлось много. Ливоніи отдавали преимущество предъ Палестиной, гдѣ теперь восторжествовало мусульманское оружіе. Скоро убѣдились, что до тѣхъ поръ не можетъ быть прочныхъ успѣховъ, пока не возьмутся за нѣмецкую колонизацію страны. Епископъ Альбертъ въ 1199 г. прибылъ съ новымъ ополченіемъ и съ мыслью о цѣломъ братствѣ, которое должно было посвятить себя дѣлу распространенія христіанства въ Ливоніи. Иннокентій одобрилъ это и преимущественно изъ нѣмцевъ возникло общество „Brüder des Ritterdienstes Christi“ — или иначе Меченосцевъ — отъ изображенія меча съ крестомъ на орденскомъ плащѣ. Чтобы доставить рыцарямъ пунктъ соединенія, въ 1200 г. была основана Рига ([1]).

Отношенія къ Литвѣ. Замыслы ордена обнимали не однихъ ливонскихъ и эстскихъ язычниковъ. Рыцари думали и о Литвѣ. Иногда они встрѣчали сопротивленіе въ русскихъ князьяхъ, которые помогали литовцамъ, но это бывало очень рѣдко, — а одинъ

([1]) «Передъ отъѣздомъ епископа въ Германію ливы отвели ему мѣсто для города, которое онъ назвалъ Ригою,— отъ озера ли Риги, или какъ мѣсто орошенное (irrigua), ибо это мѣсто имѣло воды вверху и воды внизу, орошаясь снизу рѣкою, или же потому что въ ней грѣшники получили прощеніе грѣховъ, чрезъ что получали орошеніе сверху, сподобляясь царства небеснаго; или же Рига значитъ орошенная (rigata) новою вѣрою и служащая источникомъ крещенія сосѣднимъ съ нею язычникамъ» (Хроника Генриха; IV, 5. Матеріалы; I 86). Въ XIII вѣкѣ даже имена городовъ толковались съ церковной точки зрѣнія.

изъ русскихъ князей Всеволодъ двинскій сдѣлался даже данникомъ ливонскаго епископа и орудіемъ римской Церкви. Альбертъ, овладѣвши Кукейносомъ и прогнавъ русскихъ, приступилъ къ Герсину (нынѣ Крейцбургъ); онъ побѣдилъ Всеволода, взялъ и сжегъ Герсинъ, а княгиню полонилъ. Онъ освободилъ ее лишь на условіяхъ подданства Всеволода. Князь подъ знаменами клялся вѣрно служить Богородицѣ; онъ торжественно назвалъ Альберта своимъ отцемъ, а себя его намѣстникомъ въ Герсинѣ. Успѣхи меченосцевъ увеличились съ прибытіемъ лунденскаго архіепископа Андрея и союзнаго датскаго флота. Русскіе не хотѣли уступить нѣмцамъ только сѣверной Ливоніи. За то часто страдалъ Псковъ, такъ что князь Владиміръ Мстиславовичъ вступилъ наконецъ въ тѣсный союзъ съ орденомъ и даже въ родство съ братомъ Альберта, Дитрихомъ. Но за этими предѣлами наблюдалъ знаменитый Мстиславъ Новгородскій, — стражъ сѣверной Россіи ([1]). Овладѣвъ чудскими берегами, онъ обѣщалъ было прислать язычникамъ русскихъ священниковъ, но послѣднимъ трудно было бы бороться съ Альбертовыми миссіонерами. Нѣкоторое сопротивленіе оказалъ рыцарямъ полоцкій князь Владиміръ. Онъ потребовалъ свиданія съ Альбертомъ. Князь просилъ не трогать язычниковъ и, конечно, совершенно напрасно. Отвѣтъ былъ одинъ — „такъ угодно Богу и господину папѣ". Князь грозилъ обратить въ пепелъ Ригу и тутъ же обнажилъ было мечъ; ихъ рознялъ сынъ Мстислава. Владиміръ полоцкій умеръ, когда сбирался въ походъ на Ригу. Съ нимъ прекратилась мысль о всякомъ сопротивленіи; впрочемъ оно становилось безполезнымъ. Теперь съ Меченосцами дѣйствовало Тевтонское братство, призванное просвѣщать пруссовъ оружіемъ и проповѣдями бернардина Христіана, перваго епископа Прусскаго. А когда палъ Царьградъ, то въ Римѣ стали думать о пріобрѣтеніи католицизму и Россіи, гдѣ проповѣдывать когда то предлагали еще св. Бернарду ([2]).

Отношенія къ Руси.

Съ Иннокентіемъ III неразлученъ сводъ подобныхъ попытокъ. Извѣщая русское духовенство о взятіи Царьграда, Иннокентій съ буллой — „archiepiscopis, episcopis per Ru-

([1]) Такъ называетъ его Карамзинъ, Исторія госуд. Росс. III, 87—90.

([2]) Объ этомъ упоминаетъ Длугошъ въ Historia polonica, указывая на письмо краковскаго епископа отъ XII вѣка.

theniam constitutis“ — посылалъ въ Россію кардинала для проповѣдыванія и убѣжденія князей. Указывая на паденіе греческой имперіи, онъ совѣтовалъ русскимъ не сопротивляться и не отпадать отъ единой паствы Христовой (¹); вся булла написана очень сдержанно и кончается выраженіемъ надежды единенія. Понятно, что такія попытки, обращаемыя къ русскимъ, всегда должны были оставаться безполезными. Также напрасны были усилія Иннокентіева посла убѣдить Романа Мстиславича Галицкаго; князь отвѣчалъ послу указаніемъ на собственный мечъ. Тутъ встрѣтилась съ итальянскимъ искусствомъ сила живаго убѣжденія. Слѣдуетъ замѣтить, что мысль о соединеніи Церквей возникла у Иннокентія еще въ первый годъ его папства. Онъ повторилъ свой маневръ черезъ три года, отправляя кардинала Виталиса въ Россію съ предложеніемъ духовенству и народу перейти въ католичество (²). Свои доводы о соединеніи Церквей Иннокентій развиваетъ въ буллѣ къ болгарскому царю (³); они весьма обыкновенны. При великихъ преданіяхъ Восточной Церкви они не могли имѣть силы убѣжденія и не давали надеждъ раньше тѣхъ событій, которыми ознаменовалось покореніе Царьграда.

Отношенія къ Сербіи и Далмаціи. То же сопротивленіе, какое встрѣтилъ Иннокентій въ Россіи, пыталась оказать ему Сербія; но здѣсь не было непреклоннаго хладнокровія и религіознаго единодушія русскихъ князей.—Замыслы Иннокентія простирались на всѣхъ славянъ. Между славянами западными, у чеховъ и поляковъ, крѣпко внѣдрилось католическое вѣроисповѣданіе; въ Чехіи Иннокентій подтвердилъ лишь королевскій титулъ, данный еще Барбароссою Владиславу II. Духъ Иннокентія требовалъ безпрерывной пропаганды. Обстоятельства нѣсколько благопріятствовали ему въ Сербіи.— Мы узнаемъ послѣ, какъ великій объединитель сербской земли Стефанъ Неманя, одолѣвъ старшихъ братьевъ, создалъ крѣпкое православное сербское царство. Сокрушивъ еретиковъ богомиловъ, загнавъ ихъ въ Боснію, онъ уничтожилъ самостоятельность областныхъ жупановъ и обратилъ ихъ въ туземныхъ бояръ. Онъ правилъ до 1195 г.; затѣмъ, вѣнчавъ своего сына Стефана великимъ жу-

---

(¹) Изъ Витербо, отъ 7 окт. 1207 г. Migne t. CCXV, p. 1232—34; epist. l. X, 138.
(²) Графъ Д. А. Толстой (Римскій катол. въ Россіи; I, 5—6) на основаніи Hist. Russiae monumenta.
(³) Migne. CCXV, 277—280.

паномъ, постригся въ монахи и умеръ на Святой Горѣ въ Хиландарской обители въ 1200 г. Младшему сыну Вукану онъ далъ Зету и Хлумъ съ титуломъ великаго князя. Стефанъ и Вуканъ были въ ссорѣ между собою. Король венгерскій, пользуясь ихъ раздорами, отнялъ Боснію и предложилъ папѣ воспользоваться рознею для извлеченія выгодъ католицизму. Вуканъ измѣнилъ своей вѣрѣ и народу; онъ сталъ поддерживать латинство. Онъ заключилъ договоръ съ Андреемъ венгерскимъ (который считалъ себя королемъ Сербіи до 1203 г.), этимъ вѣрнымъ слугою папы, и послалъ въ Римъ просить легатовъ для просвѣщенія Сербіи католицизмомъ. Иннокентій выбралъ двухъ искусныхъ на такое дѣло людей и отправилъ ихъ въ Далмацію, гдѣ собственно правилъ Вуканъ. За нимъ былъ подтвержденъ королевскій титулъ и онъ сдѣлался также ленникомъ римскимъ. Его вездѣ именуетъ Иннокентій: illuster rex Dalmatiae et Diocleae (¹). Архіепископу Діоклейскому былъ посланъ палліумъ. Далмація окончательно закрѣпилась за католичествомъ и скоро сдѣлалась страною полуитальянскою, — послѣ венеціанскаго завоеванія. Отъ политики Иннокентія, начатой еще Григоріемъ VII, много зависѣла историческая судьба этой небольшой области. Тутъ папа не встрѣтилъ такого сопротивленія, какъ на Руси и въ Сербіи. Измѣнившему завѣтамъ отца, Стефану Сербскому Гонорій III даровалъ было въ 1217 г. королевскій титулъ, но всѣ попытки черезъ Далмацію склонить къ себѣ восточную Сербію не принесли успѣха. Скоро св. Сава, братъ Стефана, создалъ устои православной Церкви въ Сербіи и самъ вѣнчалъ Стефана на королевство въ 1222 г., назвавъ его первовѣнчаннымъ, какъ бы презирая папское вѣнчаніе. Здѣсь было рѣшительное сопротивленіе со стороны той религіи, которая если не имѣла духа наступательнаго, то по крайней мѣрѣ была крѣпка въ своемъ охранительномъ началѣ.

Отношенія къ Болгаріи.

Политическіе разсчеты впрочемъ заставили государя другой славянской земли — Болгаріи, царя Іоанна изъ династіи Асеней, временно войти въ унію съ Римомъ, но въ народѣ болгарскомъ латинство не могло пустить корней. Ренегатство проявилось лишь въ высшей сферѣ и было крайне непродолжительно. Для уясненія этихъ отношеній мы должны вернуться нѣсколько назадъ и остановиться на фактахъ исторіи втораго болгарскаго царства. Первое,—благодаря главнымъ образомъ

(¹) Ibid. CCXIV, 280—282. — Майковъ. Ист. серб. языка; 219—220.

ограниченности неудавшихся преемниковъ великаго Симеона (I. 341),—прекратилось въ 1018 г. полнымъ погромомъ Болгаріи и подчиненіемъ ея Византіи, при чемъ усиленная греческая колонизація направилась въ Македонію, Албанію и южную Ѳракію, стараясь смести слѣдъ болгарской національности. Почти 170 лѣтъ Болгарія не существовала, хотя былъ болгарскій народъ. Только съ 1185 г. зародилась мысль о возстановленіи болгарской самостоятельности, о второмъ болгарскомъ царствѣ, имѣющемъ важное значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ.

Второе болгарское царство. Братья Асени.

Эту патріотическую мысль осуществили послѣ долгой и геройской борьбы отважные братья: Петръ, Асень и Іоаннъ, носившіе общее имя Асановъ или Асеней, имя, происхожденіе котораго можетъ быть восточное, можетъ быть румынское, а вѣрнѣе всего болгарское ([1]). Младшій братъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Византіи, гдѣ учился военному и административному искусству побѣдителей. Старшіе были „жупанами", властелями своихъ родовъ, хотя греческіе историки съ простодушной злобой считаютъ ихъ пастухами. Они хотѣли поступить на службу къ императору Исааку Ангелу, но ихъ предложеніе было отвергнуто. Это будто еще болѣе озлобило ихъ противъ грековъ. Они сперва призвали свои роды къ возстанію, а потомъ набрали значительныя силы среди вѣчно недовольныхъ, подвижныхъ, но храбрыхъ валаховъ, находившихся еще въ язычествѣ—предковъ нынѣшнихъ румынъ, которые должны были оказать поддержку болгарамъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Движеніе шло изъ Добруджи. Мало по малу возставшіе утвердились въ восточной части нынѣшней Болгаріи; о Македоніи и Ѳракіи, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, братья пока не думали. Скоро къ нимъ прибылъ изъ Византіи младшій, Калоянъ или Іоаннъ, которому судьба опредѣлила прославить домъ Асеней и возстановить болгарское царство. Братья пришли къ мысли раздѣлить отвоеванную Болгарію на удѣлы: въ Прѣславѣ (Силистріи) сѣлъ Петръ, въ Тырновѣ — Асень, въ Провадѣ (Овечъ) — Іоаннъ.

Возстаніе бояръ. Иванъ-Алексѣй.

Византійское правительство поспѣшило по своему обыкновенію, прибѣгнуть къ интригѣ и уже готовилось пожать ея плоды. Оно склонило одного изъ бояръ, Ивана, возстать противъ князей Асеней, которые вообще не щадили своево-

([1]) О происхожденіи Асеней подр. у Успенскаго. Второе болгарское царство, 105—108.

лія бояръ. Иванъ обѣщалъ друзьямъ и товарищамъ своимъ возстановить боярскія вольности, т. е. самоуправство, ограниченное князьями. Возстаніе уже удавалось. Асеня былъ убитъ мятежниками; Иванъ овладѣлъ Тырновымъ, но князь Петръ осадилъ его и принудилъ бѣжать въ Византію, гдѣ его немедленно вознаградили за измѣну. Здѣсь Иванъ нашелъ себѣ надлежащее мѣсто; онъ выдвинулся на столько, что вступилъ въ родство съ императорскимъ домомъ, вслѣдствіе чего получилъ царскій титулъ, наименовавъ себя Иваномъ-Алексѣемъ. Оказалось, что новый царь слишкомъ поторопился. Ему поручено было отъ императора усмирить возстаніе болгаръ, для чего предоставлена была большая военная сила вмѣстѣ съ постомъ филиппопольскаго губернатора. Но онъ не могъ вновь склонить подъ ярмо своихъ соотечественниковъ. Хотя князь Петръ былъ вскорѣ убитъ измѣнниками, болгаре не теряли энергіи.

Царь Іоаннъ Асеня († 1210 г.).

У нихъ остался самый энергичный дѣятель и вождь, младшій Асеня, Іоаннъ. Онъ крѣпко взялъ въ руки единоличную власть, завелъ сношенія съ западными болгарами и скоро всѣ пограничныя области охватило возстаніе. Конецъ XII вѣка застаетъ Болгарію увлеченною единодушнымъ патріотическимъ порывомъ.

Молодой и увлекающійся „царь", какъ титуловалъ себя Іоаннъ, готовъ былъ на все для осуществленія своего политическаго идеала; онъ готовъ былъ войти въ сдѣлку съ римскимъ первосвященникомъ, заключить унію, пожертвовать всѣмъ, чтобы добыть только право считаться въ ряду самостоятельныхъ государей. Вѣроятно въ Римѣ провѣдали о такомъ настроеніи отважнаго честолюбца и спѣшили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Славянинъ самъ шелъ въ римскія сѣти. Переписка Иннокентія III съ Іоанномъ начинается съ 1199 г. Очевидно, царь прежде чѣмъ рисковать войно́ю запасался могущественными союзниками, хотя дѣйствовалъ очертя голову.

Попытки уніи въ 1199 г.

Изъ сохранившихся документовъ видно, что сношенія завязаны были самимъ папою. Онъ съ ловкостью итальянскаго дипломата счелъ нужнымъ польстить „варвару". Онъ открылъ „римское" происхожденіе его династіи. Для Іоанна это было весьма цѣнное сообщеніе; онъ могъ упрочить свой домъ на западныхъ основахъ.

— „Услышавъ, что предки твои, пишетъ папа, проис-

ходятъ изъ благороднаго племени римскаго и что ты унаслѣдовалъ отъ нихъ и чистоту крови и искреннюю преданность, которую ты питаешь къ римскому престолу, какъ бы по наслѣдственному праву, еще прежде вознамѣрились послать тебѣ грамоты и пословъ (1)". Неизвѣстно что отвѣчалъ царь, но онъ былъ польщенъ и далъ вѣроятно просторъ католической пропагандѣ. Впрочемъ военныя приготовленія отвлекли его отъ уніи съ Римомъ.

Война за освобождение болгаръ. Весною 1201 г. Іоаннъ началъ войну. Она была необыкновенно счастлива для болгаръ. Занявъ выгодную позицію между Филиппополемъ и Адріанополемъ, царь болгарскій бросился на Варну, хорошо укрѣпленную греками при помощи итальянцевъ. Въ три дня крѣпость была взята. Это было въ страстную субботу. Всѣхъ плѣнниковъ Іоаннъ, не стѣсняясь святостью дня, велѣлъ бросить въ ровъ и заживо похоронить (2).

Императоръ Алексѣй Ангелъ поспѣшилъ заключить миръ и уступилъ побѣдителю, какъ можно полагать, всю забалканскую Болгарію. Этимъ онъ признавалъ начало втораго самостоятельнаго царства Болгарскаго. Формально же оба государя обязались быть въ дружбѣ.

Сношенія Иннокентія III съ Іоанномъ. Но Іоанну этого было недостаточно. Успѣхи окрылили его. Его манила честолюбивая мысль провозгласить себя императоромъ, равнымъ Византійскому. Онъ хотѣлъ имѣть свою автокефальную Церковь. Всего этого нельзя было получить изъ Царьграда. Онъ не стѣснился обратиться въ Римъ, откуда уже разъ послѣдовало любезное обращеніе. Царь осенью 1202 г. вошелъ въ переписку съ Иннокентіемъ III. Онъ просилъ у папы корону и за нею отправилъ болгарскаго священника Власія; Іоаннъ полагалъ, что такъ поступали прежніе цари Петръ, Самуилъ и другіе, желая тѣмъ оправдать свои заискиванія. Съ той же просьбой обратился и архіепископъ тырновскій Василій. Но папа не думалъ дешево предлагать свои услуги. Онъ прямо потребовалъ уніи, т. е. признанія своего главенства. Препровождая архіепископу Василію палліумъ, Иннокентій увѣщеваетъ его „признать власть

(1) Въ изд. Theiner, ср. 18. Въ извлеченіи у Успенскаго, 112.

(2) Такъ сообщаетъ враждебный болгарамъ, греческій историкъ Никита Акоминатъ.

и первенство апостольскаго престола — Magisterium et Primatum sedis Apostolicae— твердо стоять въ преданности намъ и Римской Церкви, дабы тѣ, которые произошли отъ римлянъ, слѣдовали учрежденіямъ Римской Церкви (¹)".

Такъ дорого для болгарскаго царя должно было обойтись удовольствіе считаться въ родствѣ съ „римлянами". Подобно германскимъ старымъ кунингамъ, приходилось разрывать всякую связь съ прошлымъ.

Іоаннъ находилъ цѣну союза очень дорогою. Онъ не отказывался быть „рабомъ Рима", добровольно надѣвалъ на себя узы, но просилъ императорскаго титула и особаго патріархата, прибавляя что таковыя предложенія ему были уже сдѣланы греками (²). Онъ послалъ архіепископа за посвященіемъ въ Римъ, но путешествіе Василія не удалось. Тѣмъ не менѣе тырновская каѳедра была объявлена приматствомъ. Но все это было не то, чего домогался честолюбивый царь, уже измѣнившій завѣтамъ прошлаго. Онъ просилъ патріархата съ правомъ самостоятельнаго посвященія и избранія высшихъ іерарховъ, настаивалъ на дозволеніи варить въ Тырновѣ св. муро, а для себя просилъ императорской короны и приглашалъ прислать кардинала для совершенія коронаціи.— „Если все это будетъ исполнено, клялся царь, *то я съ потомствомъ моимъ и со всѣми грядущими поколѣніями болгаръ* и валаховъ буду считать себя возлюбленнымъ сыномъ св. Римской Церкви" (³).

Наконецъ, желанія болгарскаго царя исполнились. Папа въ ноябрѣ 1204 г. прислалъ полномочнаго легата въ Тырново, кардинала Льва. Онъ долженъ былъ короновать „Кало-іоанна" въ „короли", но за это взять отъ него и отъ высшаго духовенства письменную присягу на вѣрность и послушаніе Риму. Василію было растолковано, что примасъ и патріархъ одно и тоже, что св. муро впредь могутъ варить въ Тырновѣ, но что бывшіе священники-схизматики теперь же должны быть вновь помазаны муромъ въ знакъ своего очищенія.

Подчиненіе Болгаріи Риму въ 1204 г.

(¹) **Theiner**, ep. 29.
(²) **Migne**; CCXV, 155 (VI, 142). **Theiner**, 36.
(³) **Theiner**; ep. 46.

Но кажется самого Іоанна не убѣдили что „rex“ и „imperator“ также одно и то же. По крайней мѣрѣ, онъ не чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Легатъ ласково принятъ при дворѣ ренегата. 8 ноября 1204 г. совершилась коронація и заключено условіе между Римомъ и Болгаріей. Царь, принимая спорные догматическіе пункты, подчиняясь Иннокентію, не давалъ однакоже большихъ правъ Риму въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, устраняя тутъ всякое вмѣшательство. Но онъ за то обязался всѣ земли, которыя впредь отойдутъ къ Болгаріи, языческія или христіанскія, обращать въ католичество. Черезъ недѣлю легатъ выѣхалъ въ обратный путь съ благодарственнымъ письмомъ отъ царя, который, упорно отстаивая свое, подписался: „Imperator Bulgariae Calojoannes“. Между Болгаріей и Римомъ при Иннокентіи III были частыя сношенія ([1]), но о полномъ измѣненіи болгарскаго народнаго исповѣданія нельзя было думать; весь ходъ дѣла былъ обусловленъ событіями въ судьбахъ Латинской имперіи въ Константинополѣ. Съ политической точки правильнѣе смотрѣть на унію, хотя тѣмъ не менѣе нельзя не отнести паденіе византійскаго церковнаго авторитета въ Болгаріи, хотя бы то было и временное, къ недостатку дѣятельности и просвѣщенія въ восточномъ духовенствѣ.

Отношенія къ Арменіи. Другія страны, какъ Арменія, подчинялись Иннокентію помимо всякой пропаганды. Въ 1202 г. прибыло въ Римъ посольство отъ армянскаго князя Льва. Послы говорили, что вѣра ихъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ сходится съ Римской, но прибавляли, что на это не смотрятъ „подданные папы“. Жаловались, что крестоносцы, владѣтели Палестины и Антіохіи, для нихъ хуже самыхъ невѣрныхъ, что они оказываютъ всякое противодѣйствіе христіанскому дѣлу и только одни Тампліеры честно исполняютъ свое назначеніе; лишь они помогаютъ иногда армянамъ въ борьбѣ съ мусульманами и, что при такомъ разладѣ, дѣла не могутъ хорошо идти на Востокѣ ([2]). Владѣтелю Арменіи въ знакъ вниманія папы

([1]) Всѣ подр. въ Gesta c. 65, 70—77, 80 и въ Epist. VII, 1—14, 126; 137, 230, 231.

([2]) Reg. Inn. CCCXIV, 819. — Rohde. K. Leo II von Kleinarmenien. G. 1869.

данъ титулъ короля. Католикосъ армянскій также писалъ отъ себя папѣ и получилъ отъ него священныя одежды.

Такъ широко осуществлялись чуть не фантастическіе замыслы папства. Въ личности Иннокентія III идеалъ католицизма достигаетъ высшаго разцвѣта. Мечтанія честолюбивѣйшихъ первосвященниковъ, мечтанія самыя смѣлыя и, казалось, самыя неисполнимыя, получили осуществленіе. Голосъ Римской куріи громко и повелительно раздается не только съ одного конца Европы до другаго, но слышится въ Азіи. Народы, не имѣвшіе между собою ни племеннаго, ни культурнаго сродства, рабски склоняются передъ волею человѣка, въ рукахъ котораго нѣтъ никакой физической силы, который не располагаетъ ни однимъ воиномъ, который уже по положенію своему не можетъ прибѣгнуть къ мечу. Точно околдованные этою магическою волею, колѣнопреклоненные народы съ ихъ вождями исполняютъ велѣнія римскаго монаха. Иннокентій III остался вѣренъ себѣ всю жизнь; онъ никогда не думаетъ о себѣ, о выгодахъ своего дома, объ увеличеніи непосредственно папскихъ владѣній. Онъ думаетъ о мірѣ и въ этихъ стремленіяхъ вездѣ водворить духовный авторитетъ нѣтъ предѣловъ его дѣятельности. Англія, Аррагонія, Венгрія, Арменія, Болгарія увеличили собою тотъ длинный списокъ римскихъ ленниковъ, которымъ кичатся папы и который находится въ Ватиканской библіотекѣ, какъ ея горделивѣйшее украшеніе [1].

Его открываетъ рядъ королей, за ними—князья, графы, епископы, города, бароны....

Въ этомъ длинномъ спискѣ вассаловъ римскихъ выразилось торжество духовной идеи и политическаго искусства. Могущество католицизма достигло своего апогея. Это была могущественнѣйшая имперія, управляемая духовнымъ авторитетомъ, имперія, которая въ милліонахъ своихъ подданныхъ считала имена государей.

---

[1] Подъ № 3535, см. Gregorowius. Rom. im Mittelalter; V, 102.

2) Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія въ Византіи.

Мы пытались представить общую картину дѣятельности папы Иннокентія III по отношенію къ западной Европѣ. Но не одинъ Западъ привлекалъ на себя вниманіе этого первосвященника. Восточная имперія, державшаяся особаго религіознаго обряда, издавна обращала на себя завистливый взоръ римской куріи. Но впродолженіи двухъ, даже трехъ столѣтій не было удобнаго момента, чтобы снова объединить Востокъ съ Западомъ въ религіозномъ отношеніи. Правда, крестовые походы возбуждали нѣкоторыя надежды на соединеніе, но всегда недоразумѣнія устранялись и греки такъ или иначе оказывали содѣйствіе крестоносцамъ, спѣша переправить ихъ въ Азію. Болѣе выгодныя условія для объединенія Востока съ Западомъ настали въ началѣ XIII столѣтія. Иннокентій желалъ возвращенія Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ съ одной стороны и извѣстнаго компромиса, такой сдѣлки, которая умиротворила бы Церкви, — съ другой. Хотя обстоятельства въ то время были равно благопріятны для того и другаго дѣла, но онъ никогда не желалъ, чтобы греки платились своимъ имуществомъ, даже своею жизнію за корыстолюбивые замыслы крестоносцевъ ([1]).

([1]) Обращаясь къ исторіи Латинской имперіи, мы укажемъ источники, которые служатъ для изученія этой эпохи. Эти источники принадлежатъ къ двумъ категоріямъ: одни западные, другіе восточные. Въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаетъ обширная переписка папы Иннокентія III съ различными лицами о новомъ (четвертомъ) крестовомъ походѣ. Переписка Иннокентія III имѣла нѣсколько изданій (Балузія, Минья и др.), о чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ.—Между греками первое мѣсто занимаетъ Никита Акоминатъ или Хоніатъ, названный такъ по мѣсту своего рожденія въ городѣ Хонѣ (Колоссеяхъ) во Фригіи. Получивъ воспитаніе въ Константинополѣ, онъ занималъ впослѣдствіи различныя важныя должности и достигъ наконецъ званія логоѳета (канцлера). Въ эпоху взятія Константинополя латинами Никита находился въ столицѣ, едва успѣлъ спастись и удалился въ Никею, гдѣ и провелъ остатокъ жизни, посвятивъ себя описанію плачевныхъ событій, которыя ему пришлось пережить. Никита

Византія въ концѣ XII вѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи латинской имперіи, бросимъ взглядъ на Византію, передъ завоеваніемъ ея крестоносцами. Тогда въ ней царили Комнены. Начиная со времени Юстиніана Византія переживаетъ однообразную судьбу при всѣхъ династіяхъ. Всегда Византія нахо-

оставилъ послѣ себя большую хронику, Ιστορία, которая обнимаетъ періодъ византійской исторіи въ 1118—1206 г. (О ней подробнѣе см. въ «Очеркѣ средневѣковой Исторіографіи», стр. 81—84). Какъ бы въ дополненіе этой хроники Никита написалъ особый трактатъ Περὶ Κωνσταντινουπόλεως, гдѣ онъ описываетъ памятники древняго искусства, которыми были украшены площади Византіи до завоеванія ея латинами и которые погибли отъ варварства побѣдителей. Исторія Никиты Хоніата издана въ сборникѣ Нибура (t. 48 — Corpus scriptorum historiae Byzantiae). Она переведена на русскій языкъ два раза. Для изученія этого писателя мы имѣемъ критическую монографію г. Успенскаго, вышедшую въ 1874 году. Никита Хоніатъ пишетъ для всѣхъ, сколько для образованныхъ, столько для массы; онъ пишетъ просто, ясно, но не безпристрастно, потому что онъ заинтересованъ въ событіяхъ. Сочиненіе его пополняетъ значительный пробѣлъ въ византійской исторіи, которая не богата для второй половины XII вѣка. Онъ весьма высоко цѣнитъ исторію. Но Никита относится къ исторіи съ дидактизмомъ; онъ видитъ въ событіяхъ уроки для современниковъ. По отношенію къ завоевателямъ его родины онъ, понятно, слишкомъ раздраженъ, чтобы могъ простить имъ ихъ истребительную систему. «Проклятые латины», такъ выражаетъ онъ свое негодованіе противъ завоевателей, «считая нашу землю раемъ, стараются строить козни противъ насъ и успѣли въ этомъ». Никита вѣритъ въ сверженіе этой чужеземной власти; но онъ далеко не дожилъ до того: онъ умеръ въ 1218 году, когда на греческой почвѣ продолжала господствовать латинская власть. Для позднѣйшей византійской исторіи укажемъ на Никифора Грегораса, исторія котораго обнимаетъ время 1204—1359 г. (см. Очеркъ средневѣк. ист. 84). Затѣмъ надо вспомнить Георгія Пахимера, который считается талантливымъ писателемъ и который спеціально изложилъ намъ царствованіе Михаила — перваго Палеолога, свергнувшаго въ 1261 году чужеземную власть.

Первый по времени и первый по значенію историческій памятникъ для даннаго вопроса даетъ Франція. Жоффруа де Вильгардуэнъ (Geoffroy de Ville-Hardouin), одинъ изъ участниковъ латинскаго завоеванія, маршалъ Шампаньи, получившій по завоеваніи въ управленіе значительную провинцію Романію (Румелію), оставилъ намъ свои мемуары за 1198—1205 г. Онъ жилъ около 1150—1218 г. Во время похода и осады Византіи Жоффруа принималъ участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, а потому хорошо зналъ происходившее въ лагерѣ; но, какъ участникъ движенія, онъ заставляетъ критически относиться къ его словамъ. Его мемуары от-

дилась въ соприкосновеніи съ славянскими народами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ. Къ XIII вѣку среди этихъ славянскихъ земель выдвигаются царство Сербское гдѣ процвѣтаетъ династія Неманичей, и царство Болгарское, гдѣ царствуетъ могущественный и честолюбивый Іоаннъ Асеня. Между

личаются полнотою изложенія и весьма важны для пониманія нравовъ и обычаевъ того времени (Подробнѣе въ ст. Natalis de Wailly въ предисловіи къ изд. и въ Очеркѣ среднев. Исторіогр. 35). Они написаны на старо-французскомъ языкѣ. Лучшія изд. Ducange (1657) и Natalis de Wailly (2 éd. 1874).—Остальные записные историки писали по-латыни; ихъ лѣтописи служатъ источниками крестовыхъ походовъ вообще. Такъ Вильгельмъ Тирскій написалъ Belli sacri historia, которая обнимаетъ собою время крестовыхъ походовъ отъ ихъ начала до 1184 года; исторію Вильгельма Тирскаго продолжилъ до 1229 г. Эрнуль; до 1231 г., а можетъ быть и до 1230 г. велъ ее сотрудникъ императора Фридриха II, его казначей Бернардъ; неизвѣстное лицо, или нѣсколько лицъ одно за другимъ довели хронику до 1275 года. Эта хроника помѣщена въ ново-французскомъ переводѣ въ коллекціи Гизо, т. XIX. Обыкновенно все продолженіе отъ 1184 до 1250 приписываютъ Бернарду. — Изъ англійскихъ лѣтописцевъ укажемъ на Рожера Вендовера; его лѣтопись доведена до 1240 года.

Интересно, что судьбы византійской имперіи нашли отголосокъ въ нашихъ лѣтописяхъ, которыя извергаютъ всевозможныя проклятія на еретиковъ; можно указать на новгородскія лѣтописи, помѣщенныя въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей въ III т. Отдѣльно изданы Яковлевымъ — Сказанія о Царѣградѣ, (П. 1868) по древнимъ рукописямъ съ варіантами. Эти сказанія слѣдующія: объ основаніи Цареграда, объ осадѣ его персами, о взятіи латинами, о покореніи турками. Здѣсь интересно наблюдать, какъ событія византійской исторіи отражались въ умахъ русскихъ лѣтописцевъ, очевидно интересовавшихся судьбами Византіи. Понятно, вслѣдствіе безграмотности, имена извращены до того, что дѣлаются неузнаваемыми. Такъ, въ сказаніи о взятіи Константинополя латинами, читаемъ: «Се же бяше воеводы Фрягомъ: первыи Маркосъ отъ Рима изъ града Берны (это никто другой какъ маркграфъ Монферратскій Бонифацій) идѣже бѣ жили поганыи и злыи Дедрикъ (Теодорикъ Великій), вторыи же Кондофъ Фладръ (Балдуинъ графъ Фландрскій), третіи же именемъ Доужъ отъ Маркова острова Венедиктъ» (дожъ Венеціи Генрихъ Дандоло) и пр. При этомъ ослѣпленіе дожа приписывается «царю Мануилу».

Источники лѣтописные собраны въ академическомъ изданіи: Recueil des historiens des Croisades (3 f. P. 1859—75, hist. occidentaux, hist. grecs, hist. orientaux); Вильгардуэнъ сверхъ того въ цѣнномъ изданіи: Histoire de Constantinople sous les empereurs français par Ducange (P. 1657, въ 1 ч.), при чемъ вторая имѣетъ предметомъ — Histoire générale de ce que les Français et les Latins ont fait de plus memorable dans l' Empire de Constantinople, а въ концѣ ея документы интересные для исторіи ла-

этими двумя славянскими народами, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ поглотить другой, происходитъ постоянная борьба, которая и была существенною причиной продолжительнаго существованія Византіи. Столицу гарантировало ея топографическое положеніе, а прочности имперіи содѣйствовалъ механизмъ

тинской имперіи скомпонованы въ «Recueil des diverses Chartes».—Отрывочныя свѣдѣнія даютъ слѣдующіе современные итальянскіе лѣтописцы: Richardus de S. Germano (до 1243, Muratori; VII, 963—1052), Sicardus episcopus Cremonensis (до 1215, Mur. VII, 521—626), Otto de S. Blasio (до 1223, Mur. VI, 865—910) Annales Genuenses (l. IV—VI, составленные Огеріемъ Панисомъ, Маркизіемъ, Бартоломеемъ, Mur. VI, 300 — 380). Изъ нѣмецкихъ—Annales Colonienses maximi (до 1237 г.) et minimi до 1206 г. (Pertz; XVII и въ XII томѣ Fontes rerum austriacarum W. 1856) главнымъ образомъ по отношенію къ венеціанскому вмѣшательству. Документы и письма съ французской стороны въ XVIII т. Bouquet подъ редакціей Бріаля.—Для исторіи Венеціи, кромѣ основной хроники Іоанна Діакона, относящейся къ болѣе раннему періоду и доведенной до 1008 г. (Pertz; VII, 4—38) существенная — Martino da Canale до 1275 (Archivio storico italiano 1845; VIII, 267—766). Разборъ источниковъ въ монографіяхъ: Michaud (Bibliographie des Croisades, 2 vls. P. 1822), Klimke (Die Quellen zur Gesch. des IV Kreuzzuges. Br. 1875), Hopf, труды котораго (Griechenlands Geschichte, въ 85 и 86 т. Энцикл. Эрша и Грубера L. 1867) направлены противъ славянской теоріи Фальмерайера о заселеніи средневѣковой Греціи, Finlay (A history of Greece, v. IV, Oxf. 1877). Изъ пособій, кромѣ уже названныхъ въ первомъ томѣ старыхъ сочиненій Гиббона, Геллера, Функа, Шпитлера, Мишо, Вилькена, Ле-Бо, Сегюра и прежнихъ византологовъ, русской монографіи Медовикова (Латинскіе имп. въ Конст. М. 1849), разобранной въ свое время Грановскимъ, популярнаго соч. Куглера (G. der Kreuzzüge. B. 1880 въ колл. Онкена),—новый свѣтъ пролили на вопросъ статьи графа Riant: Inn. III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrant (Revue des questions histor. 1875, t. XVII, XVIII и отдѣльно; тамъ же письмо N. de-Wailly), Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIII siècle par les Latins (Mém. de la Soc. des Ant. 1875 и отдѣльно) и обширное его же изданіе—Exuviae Sacrae Constantinopolitanae (P. 2 vls. 1876), также Le changement de direction de la IV croisade (R. des quest. hist. 1878), Hanotaux, Les vénitiens ont-il trahi la chrétienté en 1202, написанныя въ защиту Венеціанской республики (P. 1877) и Streit (Beiträge zur G. des IV Kreuzz. A. 1877). Для исторіи Венеціи старое соч. Daru и новыя Galibert и Romanini. Для славянскихъ отношеній русскія монографіи Макушева (Болгарія въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. въ Варш. Ун. Изв. 1872) и Успенскаго (Образованіе втораго Болгарскаго царства. Од. 1879). Случайно касающіяся вопроса замѣтки разсѣяны въ Historische Zeitschrift, напр. по поводу трудовъ Ріана и Климке (XXXVI, 500), изданія Regestъ (Pothast. Reg. pont. Rom. 1873; XXXI, 171) и пр.

администраціи, унаслѣдованный отъ Рима, тотъ механизмъ, который опирался на письменное право и централизацію. Наконецъ, одна изъ причинъ долгаго существованія имперіи заключалась въ религіозномъ объединеніи всего греко-восточнаго міра подъ знаменемъ православія. Это были положительныя условія существованія Византіи. Но внутренній бытъ государства былъ въ страшномъ разложеніи. Дворъ находился въ рукахъ женщинъ. Къ этому присоединялся произволъ чиновниковъ, монополія крупныхъ фамилій въ торговлѣ и собираніи налоговъ и вражда религіозныхъ партій. Западъ не имѣлъ понятія о столькихъ ересяхъ, которыя явились на византійской почвѣ. XII вѣкъ былъ лучшею эпохою Византійской исторіи: императоры счастливо отражали внѣшнихъ враговъ и смиряли внутреннія крамолы. Но весь этотъ успѣхъ основывался на личностяхъ правителей. То были Алексѣй I Комненъ и два его преемника Іоаннъ и Мануилъ, умершіе въ 1180 году. Достаточно было нѣсколько лѣтъ по смерти Мануила, чтобы язвы византійскаго общества обнаружились вполнѣ и сдѣлали понятною легкость завоеванія имперіи латинянами.

Императоръ Андроникъ I (1183-1185 г.). На престолѣ византійскомъ мы видимъ человѣка, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, прошедшаго всѣ ступени общественнаго положенія отъ низкаго преступника до императорскаго престола. Андроникъ, хотя и принадлежалъ къ династіи Комненовъ, но незаконно, силою и преступленіями овладѣлъ престоломъ.

Мануилъ, передавая престолъ малолѣтнему своему сыну Алексѣю II, надѣялся, что Андроникъ поддержитъ своего племянника и будетъ его надежнымъ опекуномъ; но на дѣлѣ вышло не то. Андроникъ вѣроятно убилъ Алексѣя, когда тотъ очутился въ его рукахъ, и самъ воцарился, устранивъ законнаго императора. Нѣкоторые историки, не смотря на эти преступленія, видятъ и симпатичныя черты въ дѣятельноности Андроника—строгость къ продажнымъ чиновникамъ, къ казнокрадамъ, любовь къ народу. Но нельзя полагать, чтобы эти стремленія были присущи Андронику; скорѣе они были случайными явленіями. Чтобы изобразить ту кровожадность, съ какою онъ истреблялъ всѣхъ, которые его ненавидѣли, или могли уличить, достаточно указать на то, что недѣля, въ которую онъ, будучи императоромъ, не пролилъ крови,

называлась „временемъ счастливыхъ дней“ лѣтописцами его жизни. Андроникъ не могъ долго править государствомъ и чрезъ два года былъ лишенъ престола негодовавшимъ народомъ, схваченъ въ театрѣ, растерзанъ и въ заключеніе повѣшенъ за ноги между двумя колоннами, на верху которыхъ были прицѣплены волкъ и свинья.

Династія Ангеловъ: Исаакъ (1185-1195 г.).

Новый императоръ Исаакъ, изъ династіи Ангеловъ, только по женской линіи связанный съ Комненами, держался другой политики, менѣе національной. При немъ цѣлыя улицы въ Византіи были полны иностранцами,—венеціанцами, генуэзцами, пизанцами, которые жили въ Византіи съ торговою цѣлью и пользовались огромными привилегіями. Они никогда не прерывали связи съ своей родиной, усердно колонизировали Царьградъ и можно было предвидѣть, что черезъ 30 или 40 лѣтъ Византія сама собою сольется съ Западомъ. Византіи нужно было придать новую силу и жизнь; западные выходцы приносили съ собою эти новые взгляды на вещи и новыя симпатіи. Выходило такъ, что Исаакъ Ангелъ, который опирался на эту иностранную партію въ Византіи, въ сущности дѣйствовалъ весьма исторично, но и въ немъ, во всякомъ случаѣ, продолжала таиться подозрительность и ненависть къ крестоносцамъ. Онъ ревниво смотрѣлъ, какъ новыя толпы крестоносцевъ съ Запада проходили чрезъ его владѣнія въ Палестину, какъ каждая изъ этихъ проходившихъ партій оставляла слѣды своего пребыванія въ Византіи. Надо замѣтить, что Исаакъ Ангелъ чуть было не погубилъ Барбароссу и только великодушіе послѣдняго отстранило возможность непріятнаго и страшнаго столкновенія. Третій крестовый походъ не принесъ, какъ извѣстно, рѣшительныхъ результатовъ. Филиппъ Августъ вернулся во Францію; Барбаросса погибъ во время переправы чрезъ Каликадну въ Малой Азіи. Оставался Ричардъ, король англійскій, который не могъ овладѣть Іерусалимомъ и подъ конецъ опять пріѣхалъ въ Европу (*Ист. ср. вѣковъ*; I, 590—591).

Необходимо замѣтить, что въ концѣ XII вѣка среди христіанъ Европы, которые въ то время болѣе жили чувствомъ, нежели умомъ, послѣ значительнаго отдыха, снова возбуждается религіозное чувство, желаніе спасти своихъ единовѣрцевъ. Въ этотъ самый моментъ вступилъ на папскій престолъ Иннокентій III. Его завѣтною мыслію было снова

возбудить крестовое движенiе. Но судьба сыграла съ нимъ злую шутку; онъ никакъ не думалъ, что крестоносцы опозорятъ себя „измѣной“ и обратятъ свое оружiе на истребленiе христiанъ.

Приготовленiя къ IV крестовому походу.

Нѣтъ основанiй сомнѣваться, что лучшею мыслiю Иннокентiя III при его вступленiи на папскiй престолъ была организацiя крестоваго предпрiятiя, которому, казалось, обстоятельства благопрiятствовали, такъ какъ сыновья Саладина, раздѣлившiе по смерти отца его обширное государство, постоянно ссорились между собою и станъ невѣрныхъ представлялся безсильнымъ. Иннокентiй составилъ планъ новой крестовой экспедицiи. Онъ назывался — „Expiditionis pro recuperanda terra sancta ordinatio“. Въ видахъ освобожденiя святой земли отъ невѣрныхъ, Иннокентiй III дѣлалъ обязательнымъ для каждаго католика участiе въ походѣ на Востокъ, участiе или личное или посредствомъ пожертвованiй. Папа предлагаетъ королямъ и баронамъ, городскимъ и сельскимъ общинамъ, чтобы всѣ тѣ, которые сами лично не отправятся на помощь святой землѣ, поставили соотвѣтственное число воиновъ и взяли на себя необходимые расходы на три года, во отпущенiе грѣховъ даже тѣмъ, кто будетъ строить корабли. „Мы сами и наша братiя кардиналы будемъ вносить десятую часть въ продолженiе трехъ лѣтъ, возвѣщаетъ папа всему Западу. Мы постановили, чтобы и остальные клирики, какъ подчиненные, такъ и прелаты представляли въ теченiе трехъ лѣтъ двадцатую часть церковныхъ доходовъ. Мы даемъ особенныя преимущества крестоносцамъ со времени ихъ отправленiя въ походъ; они пользуются освобожденiемъ отъ всѣхъ налоговъ; кромѣ того назначаются еще особые защитники для наблюденiя за цѣлостью и неприкосновенностью ихъ имуществъ. Если кто нибудь замыслитъ противъ нихъ злое, то будетъ судимъ церковнымъ судомъ, а если заимодавцы задержатъ кого нибудь изъ крестоносцевъ, принуждая внести клятвенно утвержденные проценты, то Церковь предписываетъ съ такою же строгостью заставлять таковыхъ отказаться отъ данной имъ клятвы. „Хотя на различныхъ соборахъ вообще запрещали турниры подъ угрозою извѣстныхъ наказанiй, но „такъ какъ въ нынѣшнее время они служатъ большимъ препятствiемъ крестоносному дѣлу“, то папа запрещаетъ ихъ строжайше на три года подъ страхомъ отлученiя“. Такъ

какъ для исполненія такого предпріятія въ особенности необходимо, чтобы князья и христіанскіе народы сохраняли миръ, то мы постановили, чтобы по крайней мѣрѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ сохранялся всеобщій миръ на всей землѣ христіанской. Кромѣ церковной власти на нарушителей этого мира призывается свѣтская власть. Отпущеніе грѣховъ даруется всѣмъ, кто какимъ либо образомъ поможетъ крестовому дѣлу".

Фульконъ и его проповѣди.

Изъ всего этого можно видѣть, какъ любовно, какъ горячо относился къ новому крестовому подвигу Иннокентій. Роль провозвѣстника новой священной войны онъ возложилъ на французскаго священника Фулькона Нейльи, ибо слава о пламенныхъ проповѣдяхъ, святости и чудесахъ послѣдняго разнеслась по всѣмъ католическимъ землямъ и дошла до Иннокентія. Описаніе проповѣдей Фулькона и громаднаго вліянія, какое производилъ онъ на массы, находимъ у лѣтописца этого времени Якова, епископа Витрійскаго. Не разъ случалось что толпа сдавливала проповѣдника невыносимымъ образомъ, и онъ билъ палкой тѣхъ, которые приставали къ нему; онъ боялся погибнуть отъ экзальтированнаго выраженія чувствъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, которыхъ безъ всякихъ околичностей билъ посохомъ. Тѣ, которые страдали отъ его ударовъ, не оскорблялись и не роптали въ избыткѣ своего благочестія и, увлеченные фанатизмомъ, цѣловали собственную кровь, „какъ освященную Божіимъ человѣкомъ". Господь исполнялъ его слова такимъ авторитетомъ и такою благодатью, что магистры и схолары, т. е. студенты города Парижа записывали за нимъ его рѣчи, но слова не имѣли уже столько силы въ устахъ другаго и не были столь плодотворны при своемъ повтореніи ([1]). Съ неутомимой ревностью онъ проповѣдывалъ походъ, и въ этомъ ему сильно помогали лучшіе ученики парижскаго университета, прославившіеся послѣ, какъ ученые, кардиналы и государственные люди.

Крестъ приняли Бонифацій—маркграфъ Монферратскій, Балдуинъ—графъ Фландрскій, Симонъ Монфоръ—тотъ самый, который позже игралъ главную роль въ Альбигойскихъ войнахъ и многіе другіе.

([1]) Jacobus de Vitriaco. Historia orientalis; l. III. Этотъ интересный для изученія эпохи памятникъ переведенъ въ XXII т. коллекціи Guizot и въ отрывкахъ въ III т. у Стасюлевича.

Вражда греховъ и латинянъ. Крестоносцы никакъ не предполагали, что они останутся въ Византіи и „искупаются не въ крови невѣрныхъ, а въ крови христіанъ“ и въ вознагражденіе получатъ куски греческой имперіи. Иннокентій могъ думать объ этомъ менѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Правда, латинскіе крестоносцы всегда враждовали съ греками. Католики презирали грековъ за ихъ слабость, за лицемѣріе — это качество слабыхъ,—и считали ихъ виновниками ересей. Въ свою очередь греки по прежнему называли латинянъ варварами и, по словамъ современника, считали ихъ не людьми, а собаками, пролить кровь которыхъ ничего не значитъ. По словамъ Балдуина (изъ его письма къ Иннокентію III): laicos omnes non hominum nomine dignabatur, ses canum, quorum sanguinem effundere, pene inter merita reputabant. Греки уживались скорѣе съ мусульманами, чѣмъ съ такъ называемыми франками. На улицахъ своихъ городовъ они нерѣдко защищали мусульманъ отъ мечей крестоносцевъ. Таково было враждебное настроеніе обоихъ народовъ, близкое къ взрыву.

Крестоносцы рѣшились отправиться въ Палестину моремъ, такъ какъ прежніе походы доказали неудобство сухопутныхъ экспедицій, но у нихъ не было кораблей. Мы говорили, что на Западѣ всѣ сословія и всѣ народы были возбуждены идеей крестоваго похода, кромѣ тѣхъ, которые жили не идеалами, а руководились практическимъ смысломъ, всѣ, кромѣ торговыхъ итальянскихъ республикъ, для которыхъ каждый крестовый походъ былъ выгодной спекуляціей. Такъ какъ въ то время Генуя и Пиза вели между собой кровавую войну, то крестоносцы, для заключенія договора о перевозкѣ, обратились къ Венеціи, что дало всему дѣлу совершенно неожиданный оборотъ.

Венеція: ея начальная исторія. Здѣсь мы должны прервать наше изложеніе и перенестись на лагуны Адріатики, чтобы познакомиться съ главными фактами прошлой жизни Венеціи, которой надлежало играть не только такую важную роль въ судьбахъ четвертаго крестоваго похода и въ исторіи Византійской имперіи, но которая вообще получила такое вліятельное мѣсто въ исторіи всемірной.

Основаніе Венеціанской республики относится къ начальному періоду среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ первыхъ лѣтописцевъ Венеціи, діаконъ Іоаннъ, которымъ пользовались

всѣ прочіе историки знаменитой республики, такъ разсказываетъ о началѣ Венеціи, на первыхъ страницахъ своей хроники. Его повѣствованіе отличается простотою, наивностью и точностью (1).

«Венецій было двѣ. Объ одной Венеціи говорится въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ. Она простиралась отъ границъ Панонніи до рѣки Адды. Главнымъ городомъ этой Венеціанской области была Аквилея (Aquilegia), въ которой блаженный евангелистъ Маркъ, озаренный божественной благодатью, прославлялъ Господа Іисуса Христа. Другая же Венеція та, которую мы знаемъ расположенной на островахъ, удивительнымъ образомъ связанныхъ волнами въ заливѣ Адріатическаго моря и населенныхъ множествомъ жителей. Жители эти, насколько можно судить по ихъ имени и насколько доказывается лѣтописными хартіями, ведутъ свое происхожденіе изъ первой Венеціи. Причина же, почему они поселились на этихъ островахъ, была слѣдующая: народъ Венидовъ и Лангобардовъ, вышедшій съ береговъ Сѣвернаго океана, обошелъ войной различныя страны и наконецъ пришелъ въ Паннонію. Здѣсь они засѣли, не осмѣливаясь далѣе двигаться. Прошло 42 года послѣ того, какъ этотъ народъ поселился на томъ мѣстѣ. Въ это время въ Константинополѣ управлялъ Римской имперіей Юстиніанъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ римскихъ императоровъ. Этотъ Юстиніанъ послалъ въ городъ Римъ патриція Нарзеса, евнуха, съ тѣмъ чтобы тотъ съ Божьей помощью уничтожилъ войско Тотилы, царя Готскаго, которое опустошало тогда Италію. Нарзесъ, вступивъ въ Италію, сперва заключилъ миръ съ Лангобардами, а потомъ, направился противъ Готовъ, уничтожилъ царя Тотилу и самый народъ готовъ и завладѣлъ такимъ образомъ всей Италіей.

Въ это время Римскою церковью управлялъ папа Бенедиктъ, мужъ очень святой. Въ Аквилеѣ же патріархомъ былъ Павелъ, который, боясь свирѣпости Лангобардовъ, бѣжалъ изъ Аквилеи на островъ Градусъ, захвативъ съ собою мощи блаженнаго мученика Гермахора и другихъ святыхъ, которые тамъ были похоронены. На этомъ островѣ онъ основалъ укрѣпленный городъ, названный имъ Новой Аквилеей. Въ этомъ самомъ городѣ нѣкоторое время спустя Геліасъ (Helyas), славный патріархъ, принявшій

---

(1) Авторство Іоанна діакона (Urseolus) установлено съ достаточными основаніями, хотя хроника анонимная и ранѣе приписывалась Giovanni Sagornini. Объ этомъ статья—Gar (Archivio storico italiano, V, 283). Тотъ же Іоаннъ оставилъ Chronicon Gradense usque ad a. 1008, что и навело на соображенія объ его авторствѣ.

управленіе Церковью послѣ Павла, получивъ согласіе блаженнѣйшаго папы Пелагія, созвалъ соборъ изъ 20 епископовъ, на которомъ было постановлено, чтобы Граденскій городъ былъ метрополіей всей Венеціи. Этому городу впослѣдствіи императоръ Гераклій, движимый любовью къ святынѣ, даровалъ престолъ блаженнѣйшаго Марка, когда-то перенесенный изъ Александріи Еленой, матерью Константина. Этотъ престолъ и до сихъ поръ тамъ почитается наравнѣ съ каѳедрой, которую занималъ блаженный мученикъ Гермахоръ. Но когда прошло 540 лѣтъ отъ Р. Хр., пришли въ Венецію, эту пограничную область Италіи, Лангобарды. Они завоевали Виченцу, Верону и многіе другіе города, за исключеніемъ Падуи, Опитергіума, Мантуи и Альтины. Жители этой провинціи, не желая подчиниться власти Лангобардовъ, направились къ ближнимъ островамъ. Этимъ островамъ они передали имя Венеціи, изъ которой вышли; сами же стали называться Венеціанцами. Греки называютъ ихъ Генетами (Heneti), что гораздо правильнѣе; у Латинянъ же можно одну букву прибавить. Рѣшившись поселиться на этихъ островахъ, они построили нѣкоторыя укрѣпленія и города и такимъ образомъ воспроизвели себѣ новую Венецію. Теперь же необходимо перечислить названія этихъ острововъ. Первый изъ нихъ называется Градо (Gradus). Онъ существуетъ еще теперь, украшенный высокими стѣнами и множествомъ церквей и охраняемый помощью святыхъ точно такъ же, какъ Аквилея прежней Венеціи. Этотъ островъ можно назвать метрополіей всей новой Венеціи.

Второй островъ называется Бибіо (Bibiones).

Третій—Caprulas (Caorle). Сюда пришелъ епископъ изъ Конкордіи съ жителями своей епархіи, спасаясь отъ свирѣпости Лангобардовъ. Съ разрѣшенія папы Деодата (Deusdedi), онъ утвердилъ на будущее время на этомъ островѣ свою епископію и резиденцію.

На четвертомъ островѣ Гераклієвомъ, еще прежде былъ построенъ императоромъ Гераклiемъ городъ, но онъ уже развалился отъ древности. Венеціанцы возобновили его въ маломъ видѣ. Когда же городъ Опитергіумъ былъ завоеванъ королемъ Ротарикомъ, епископъ этого города, съ разрѣшенія папы Северіана, направился на Гераклею и тамъ утвердилъ свою епархію.

Пятый островъ называется Equilus (Jesulo). Онъ сначала не имѣлъ епископскаго престола, только впослѣдствіи было учреждено тамъ новое епископство.

Шестой островъ—Torcellus,—хотя менѣе замѣчателенъ городскими зданіями, но за то считается самымъ безопаснымъ, такъ какъ окруженъ укрѣпленіями другихъ острововъ.

Седьмой островъ—Morianas (Murano).

Восьмой островъ называется Rivoaltus (Rialto). Хотя онъ былъ заселенъ послѣ всѣхъ, однако же считается самымъ богатымъ и

лучшимъ изъ всѣхъ острововъ. Онъ отличается не только отдѣлкой церквей и домовъ, но здѣсь находятся и дожескій тронъ и епископскій престолъ.

Девятый островъ—Metamaucus (Malamocco)—не имѣетъ никакого городскаго укрѣпленія, но за то окруженъ почти со всѣхъ сторонъ прекраснымъ морскимъ берегомъ. Жители этого острова съ папскаго разрѣшенія имѣютъ особое епископство.

Десятый островъ—Pupilia (Poveglia).

Одиннадцатый—Minor Clugies (Chiozza) съ монастыремъ Св. Михаила.

Двѣнадцатый—Clugies Major.

На крайнемъ пунктѣ Венеціи находится крѣпость, называющаяся Caput Argilis (Capo d'Argine). Кромѣ того на этой же окраинѣ находится безчисленное множество острововъ, также населенныхъ.

Когда умеръ въ Аквилеѣ патріархъ Пробинъ, правившій церковью только впродолженіи одного года, патріархомъ этой церкви былъ избранъ Геліасъ, который чудеснымъ образомъ собралъ упомянутыя мощи святыхъ, и надъ соборнымъ постановленіемъ приписалъ: «Любезнѣйшіе братья! насъ постигаютъ различныя несчастія, ежедневно насъ поражаетъ вражескій бичъ. Уже прежде нашъ городъ Аквилея былъ до тла раззоренъ Атилою, царемъ Гунновъ, затѣмъ, подвергнувшись нашествію Готовъ и другихъ варваровъ, онъ едва держался. Теперь же мы не можемъ воспрепятствовать нашествію ужаснаго народа Лангобардовъ. Въ виду этого мы думаемъ, если это угодно будетъ Вашему Святѣйшеству, утвердить нашу метрополію въ крѣпости Градо».

Избраніе дожа.

Когда число жителей Венеціанской области увеличилось, они пожелали быть управляемыми трибунами. Теперь они скорбѣли о томъ, что предѣлы ихъ отечества были заняты варварами, которые часто нападали на нихъ и приносили имъ различныя бѣдствія и опустошенія. Въ царствованіе же императора Анастасія и Ліутпранда, короля Лангобардовъ, всѣ Венеціанцы, собравшись вмѣстѣ съ патріархомъ и епископами, на общемъ совѣтѣ постановили, что съ этого времени достойнѣе повиноваться (герцогамъ) дожамъ, чѣмъ трибунамъ. Послѣ долгихъ разсужденій, кого возвысить въ это достоинство, остановились на весьма опытномъ и знаменитомъ мужѣ Павликонѣ (Paulitio). Давши ему присягу въ вѣрности, они утвердили его дожемъ въ Геракліи. Онъ былъ очень справедливъ и всѣхъ своихъ подданныхъ судилъ съ одинаковой строгостью. Съ королемъ Ліутпрандомъ онъ заключилъ вѣчный миръ; отъ него же онъ получилъ мирныя условія, которыя и теперь (т. е. въ концѣ X вѣка) въ силѣ между Венеціанцами и Лангобардами. Онъ же установилъ съ королемъ границы новаго государства,

которыми Венеціанцы и до сихъ поръ владѣютъ. (т. е. до начала XI вѣка). Эти границы слѣдующія: отъ рѣки Плавы (Піавы) внизъ по ея теченію до Плавизы (Piavisella) (¹).

Это было около 697 г. Выгодное топографическое положеніе Венеціи вообще дѣлало ея неуязвимой для внѣшнихъ враговъ. Это же условіе наложило особую печать на ея внутреннее развитіе. Оно содѣйствовало образованію своеобразнаго государственнаго строя, а послѣдній въ свою очередь содѣйствовалъ экономическому преуспѣянію Венеціи. Это матеріальное развитіе, дававшее республикѣ огромныя богатства, было на столько существенно, что повліяло на ходъ европейской цивилизаціи вообще. Маленькія общины рыбаковъ, разбросанныя на небольшихъ островахъ лагунъ, таили въ себѣ зерно высшаго историческаго порядка. Водвореніе прочной власти, т. е. избраніе одного властителя, хотя и безъ наслѣдственныхъ правъ, создало политическую силу. Если Венеція продолжала до XII вѣка признавать власть византійскаго императора, какъ послѣ того номинальную власть повелителя Священной Римской Имперіи, то въ сущности она была независима. Центральная власть перешла сперва на островъ Маламокко, а въ 810 г. на Ріальто. По общему характеру своему, новое оригинальное маленькое государство было морскимъ. На всемъ протяженіи его не было слышно лошадиныхъ копытъ, хотя острова, соединенные тогда же мостами, могли быть доступны для пѣшехода.

Покореніе Далмаціи. Столкновенія съ норманнами, арабами, славянскими пиратами вызвали развитіе морскаго военнаго могущества Венеціи. Въ началѣ XII вѣка въ городахъ Далмаціи начинаютъ постепенно утверждаться венеціанцы, начиная съ Виса. Медленно, но вѣрно, они итальянизируютъ далматинскихъ сербовъ, которые подъ властью венгровъ умѣли сохранить свою національность, свои политическія привилегіи, но которые оказались необычайно податливы при столкновеніи съ итальянцами (²). Договоры славянскихъ общинъ въ Далмаціи съ Ве-

---

(¹) Chronicon Venetum. Pertz. Mon. V, 4—5.

(²) Въ русской ученой литературѣ спеціальный трудъ: И. Н. Смирнова. Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV вѣка (К. 1880).

неціанской республикой, положившіе начало закабаленію и окатоличенію славянъ, обыкновенно начинались такъ: „изъ чувства самосохраненія и ради спокойствія города,—власти и община, послѣ долгаго размышленія, рѣшились обратиться къ покровительству Венеціи, гуманное и мягкое, для всѣхъ одинаковое управленіе которой они видѣли"... (¹) Республика опутывала славянскія общины то залогами, то ссудами, то гарантіями, то, наконецъ, круговою имущественною отвѣтственностью, дѣлала ихъ своими данниками и, наконецъ, подданными. Такой участи подверглись Сплетъ, Трогиръ, Дубровникъ, Синь, Шибеникъ, Скрадинъ, Задръ, а затѣмъ Корчула и Хваръ, послѣ энергичнаго сопротивленія оказаннаго дожу Петру Орсеоли въ 997 г.

Совѣтъ приглашенныхъ.

Это было тогда, когда форма правленія въ Венеціи приняла аристократическій характеръ. Отъ торговли и, главнымъ образомъ, отъ эксплуатаціи славянъ, разбогатѣли многія семейства. Ихъ представители пріобрѣли потому вліяніе на выборы и привилегію на званіе дожа. Народныя собранія созывались рѣже и рѣже; выборы опредѣлялись по соглашенію нѣсколькихъ домовъ. Образовалась знать, nobili. Такъ въ X вѣкѣ выборы на высшую должность въ республикѣ упростились до того, что дожемъ могъ быть только или Кандіане или Партиципати. Эти счастливцы стали разыгрывать роль королей, опираясь на поддержку императоровъ. Хотя одинъ изъ Кандіане въ 976 г. былъ изгнанъ, но въ XI вѣкѣ ихъ примѣру слѣдовали Орсеоли, особенно Петръ Орсеоли II (991—1009 г.), который послѣ побѣдъ надъ славянскими общинами, въ 998 г. принялъ титулъ „герцога Далмаціи" сдѣлавъ Венецію истинною царицею Адріатики. Его преемники и сыновья пытались удержать санъ дожа наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ, пока этой узурпаціей не вызвали народнаго возстанія. Послѣдствіемъ стремленій честолюбца было изгнаніе всѣхъ Орсеоли въ 1032 г. и ограниченіе власти дожа надзоромъ 2 вельможъ и учрежденіемъ совѣта приглашенныхъ синьоровъ — consiglio dei pregadi. Основательно предполагалось, что зависть честолюбивцевъ устранитъ опасность для республики.

(¹) Ljubić. Monumenta spectantia Slavorum meridionalium; I, 331 etc.

Крестовые походы въ высшей степени содѣйствовали богатству сѣверныхъ итальянскихъ городовъ, а особенно Венеціи. Крестоносцы несли ей сокровища; для нея они закладывали и продавали свои наслѣдственныя имущества, земли, феодальныя права, оставляя себѣ только славу и раны. Этимъ экзальтированнымъ настроеніемъ умѣло пользовались разсчетливые венеціанцы, то принимая на себя перевозку крестоваго воинства, то снабжая крестоносцевъ припасами и оружіемъ, то ссужая ихъ деньгами подъ вѣрные залоги за большіе проценты.

Большой Совѣтъ. Обогащеніе развивало политическое значеніе. Венеція, какъ извѣстно, пріобрѣла рѣшающій голосъ въ борьбѣ ломбардскихъ коммунъ съ Фридрихомъ I Барбароссой. Папа Александръ III считалъ венеціанцевъ опорою папства и независимости Италіи. Подъ сводами каѳедрала св. Марка гордый и дотолѣ непобѣдимый Гогенштауфенъ, распростерся передъ папой, на глазахъ венеціанской знати и народа (см. I, 547). Тогда же Венеція вступила въ борьбу съ Византійской имперіей за Анкону, на которую въ Константинополѣ рѣшились заявить старинныя историческія претензіи. Эта борьба была неудачна; къ тому же въ Венеціи распространился моръ. Народъ взволновался, заподозрилъ дожа Микіэли въ измѣнѣ и убилъ его въ 1172 г. Послѣдствіемъ возстанія было новое ограниченіе центральной власти. Каждая изъ 80 частей города стала избирать своего представителя для участія въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ составился Большой Совѣтъ — il Consiglio Grande, имѣвшій наблюдать за дожемъ, руководить дѣйствіями его, а равно и синьоріей, непосредственно состоявшей при особѣ правителя. Слишкомъ многочисленный составъ коллегіи лишалъ ее должнаго значенія. Такой совѣтъ могъ съ успѣхомъ проявлять лишь контролирующую власть; вмѣшательство же его въ государственныя дѣла, а особенно въ область внѣшней политики, приносило скорѣе отрицательные результаты, такъ какъ онъ состоялъ изъ людей случайныхъ и неопытныхъ.

Но къ счастію Венеціи, во главѣ исполнительной власти къ началу XIII вѣка, стоялъ человѣкъ съ выдающимися государственными и военными способностями, съ закаленной энергіей, неразборчивый въ средствахъ, лукавый и хитрый отъ

природы, притомъ одушевленный честолюбіемъ, отвагой, предпріимчивостью (¹).

Энрико Дандоло. Энрико Дандоло считалъ себѣ много лѣтъ, когда въ 1192 г. былъ почтенъ званіемъ дожа. Онъ славился какъ морякъ, избороздившій Адріатику и Средиземное море. Онъ давно потерялъ зрѣніе, но тѣмъ энергичнѣе работало его честолюбіе. Приближеніе крестоносцевъ возбуждало его надежды, которымъ казалось трудно было осуществиться. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время Задръ (Зара) въ Далмаціи отложился отъ Венеціи и передался венгерскому королю Белѣ. На морѣ венеціанцы были сильны, но бороться съ венгерцами было рискованно. Появленіе первыхъ партій крестоносцевъ въ Венеціи навело стараго дожа на цѣлый рядъ смѣлыхъ мыслей. Слѣдовало только воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестоносцевъ, которые не могли безъ содѣйствія венеціанскаго флота переправиться на Востокъ. То, чего не могли пришельцы заплатить деньгами, они могли доплатить, по разсчетамъ дожа, своею кровью.

За перевозку крестоносцевъ венеціанцы запросили 85,000 марокъ серебра. Это соотвѣтствуетъ 4½ милліонамъ франковъ. На сколько тутъ они соблюдали свои выгоды можно видѣть изъ того, что въ то время цѣлыя княжества продавались за 10,000 марокъ, а за боеваго коня платили 15 марокъ. Рыцарей и бароновъ изумила эта сумма, но религіозный экстазъ былъ слишкомъ великъ. Жоффруа Вильгардуэнъ, участникъ четвертаго крестоваго похода, говоритъ, что бароны готовы были отдать послѣднія свои драгоцѣнности, но и тогда многаго не достало бы до условленной суммы. Дожъ соглашался ждать недостающихъ денегъ, имѣя свои виды....

Походъ на Задръ. Очень обрадовался высокій дожъ Венеціи, старый мессиръ Дандоло,—разсказываетъ венеціанскій хроникеръ Мартино да-Канале со словъ современниковъ, когда ему передали просьбу французскихъ рыцарей о переправѣ. Это было въ половинѣ февраля 1201 г. (²). Онъ сдѣлался очень веселъ

(¹) «Dux, licet, senex et visu debilis, fortis tamen et fraudus animo». Andreae Danduli Chron. (Muratori; XII, 322). Западныя свидѣтельства также сходятся въ этой характеристикѣ.

(²) Такъ вычисляетъ Klimke. Die Quellen, 82.

и, принявъ пословъ на аудіенціи, отпустилъ ихъ съ слѣдующими словами:

— Идите и скажите господамъ баронамъ, что какъ только они захотятъ прибыть въ Венецію, такъ сейчасъ найдутъ корабли готовыми для переправы. И я самъ съ собственнымъ отрядомъ пойду съ ними послужить Св. Церкви (¹).

Но посольство не отдѣлалось такъ просто. Было заключено условіе, въ силу котораго французамъ предоставлялось 50 галеръ за уплату вышесказанной суммы, но съ тѣмъ что завоеванія, которыя произведутъ крестоносцы, дѣлятся пополамъ. Французы стали съѣзжаться въ Венецію, гдѣ въ честь ихъ устраивались празднества и увеселенія. Скоро имъ пришлось разочароваться. Чтобы заплатить за переправу пришлось разстаться съ драгоцѣнностями. „Сколько прекрасной золотой и серебряной посуды было снесено во дворецъ дожа для уплаты",— сожалѣетъ Вильгардуэнъ. Венеціанское правительство, такъ искусившееся на сдѣлкахъ и торговыхъ операціяхъ, требовало деньги впередъ. Все таки не хватило 34 тысячъ марокъ. Дожъ, какъ искусившійся ростовщикъ, поставилъ это на счетъ крестоносцамъ, зная что все вернетъ съ лихвой.

Къ тому времени прибылъ въ Венецію папскій легатъ, который былъ уполномоченъ дать впередъ крестоносцамъ разрѣшеніе отъ всѣхъ прегрѣшеній. Тогда и самъ свѣтлѣйшій дожъ, исполняя „свое обѣщаніе, принялъ крестъ вмѣстѣ со многими венеціанцами" и занялъ мѣсто на адмиральскомъ кораблѣ во главѣ крестоносцевъ. Французскіе герцоги и графы сѣли на корабли для нихъ приготовленные; рыцари же съ оруженосцами и слугами на другіе суда, на которыхъ были размѣщены и ихъ лошади.

Скоро, благодаря попутному вѣтру, венеціанская эскадра подошла къ берегу, гдѣ на крутой скалѣ высились стѣны Задра.

— Синьоры, видите вы этотъ городъ, воскликнулъ дожъ. Знайте, что онъ мой, но жители его такъ высокомѣрны, что отвергаютъ мое владычество. Я желалъ бы, чтобы вы подождали меня здѣсь и видѣли какъ расплачиваются съ тѣми, кто отвергаетъ власть сюзерена.

— Сиръ, мы готовы помогать Вашей Свѣтлости вмѣстѣ съ рыцарями, отвѣчали французы.

(¹) Martino da Canale. Cronica veneta, c. 32.

— Клянусь Господомъ, прервалъ ихъ дожъ; да не сойдетъ никто изъ васъ на эту землю Вы только посмотрите, какъ я съ моими венеціанцами одинъ раздѣлаюсь съ ними ([1]).

Но дожъ хвасталъ, если только дѣйствительно происходилъ этотъ разговоръ. Онъ не могъ одинъ сладить съ укрѣпленнымъ славянскимъ городомъ. Жители энергично защищались и долго не допускали десанта на берегъ. Надо полагать, французы сами рвались помочь венеціанцамъ. Романцы, подобно германцамъ, смотрѣли на славянъ а тѣмъ болѣе на православныхъ, не лучше чѣмъ на невѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ содѣйствіе французовъ входило въ дальновидные разсчеты дожа. Нельзя утвердительно сказать, что походъ на Задръ былъ условленъ ранѣе, хотя французскій и нѣмецкій лѣтописецъ—оба современники, изъ коихъ первый былъ участникъ похода, констатируютъ что подобное предложеніе было сдѣлано ([2]). Но дожъ зналъ, что французы не будутъ простыми зрителями штурма Задра. Какъ бы то ни было, вопреки запрещенію легата, крестоносцы вмѣшались въ чужое дѣло, и подъ стѣнами Задра пролили обильно христіанскую кровь. Венеціанцы очень ловко заставили воиновъ Христа дѣйствовать во имя совершенно противоположныхъ интересовъ. Папа былъ очень недоволенъ разграбленіемъ христіанскаго города, такъ какъ въ Зарѣ (по итальянскому названію) была значительная масса католиковъ. Крестоносцы старались оправдаться, послали посольство съ цѣлью умилостивить папу; венеціанцы же не обратили вниманія на выговоръ первосвященника. Ихъ мало интересовало крестовое дѣло.

Напротивъ, венеціанцы, а тѣмъ болѣе дожъ Дандоло, способны были на нѣчто худшее. Ходили темные слухи про то, что Венеція продала дѣло Креста, что отъ египетскаго султана Малекъ эл-Аделя пріѣзжало посольство къ правительству республики съ богатыми подарками и съ проектомъ выгоднаго для венеціанскихъ купцовъ торговаго договора.

([1]) **Martino da Canale**, Cronica c. 28—29.

([2]) **Villehardouin**, c. 33. — **Albericus** (Chronicon usque ad 1241) замѣчаетъ подъ 1202 г., что венеціанцы заранѣе предусмотрѣли необходимость поддержки со стороны французовъ: Venetianis callide cogitantes.... **Juraverunt** et cum ipsis navigantes Jazeram obsederunt, ceperunt et Venetianis subegerunt (Bouquet; XVIII, 765). Надо оговориться, что монахъ Альберикъ слышалъ это долгое время спустя.

Султанъ просилъ только объ одномъ: нельзя ли сдѣлать такъ чтобы христіане вовсе не пошли въ египетскую землю. Этотъ фактъ былъ занесенъ нѣкіимъ Эрнулемъ въ продолженіе крестовой исторіи Вильгельма Тирскаго. Мало въ старое время придавали значенія этому извѣстію; потомъ оно рѣшительно было отвергнуто, но въ послѣдніе годы историческая критика вновь установила вопросы объ этомъ великомъ историческомъ преступленіи венеціанцевъ. По крайней мѣрѣ такіе знатоки какъ Гопфъ и Ріанъ считали правдоподобнымъ предательскія сношенія Венеціи съ султаномъ ([1]).

Предательство венеціанцевъ.

([1]) Этотъ вопросъ объ «измѣнѣ» очень интересенъ. Теперь думаютъ что Hernoul, а не Bernard le Trésorier былъ авторомъ лѣтописи отъ 1184—1229, хотя «Histoire de Eracles empereur» цитуется подъ его именемъ. Это мѣсто находится во 2 гл. XXXVIII кн. и повторяется въ 14 гл. Затѣмъ этотъ же фактъ голословно передаютъ: Chronicon Gallicum ineditum (это компиляція Бодуэна д'Авенскаго, жившаго послѣ въ Константинополѣ), Chron. Flandriae (Fontes rerum Austriacarum; XII, 296, 332), Galeotto del Carreto (Hist. patriae monumenta; XII, 1139—почти буквальный переводъ изъ текста, когда то приписываемаго Бернару — pregandolo volesse far tanto, che gli christiani non passavero nella terra d'Egytto, promettendoli dar ancora gran valsente, et farli gran francheze et immunitate al porto de Alexandria) и, наконецъ, Ricobaldo Ferrarese (Historia imperiale; Muratori; IX, 417). Послѣднее свидѣтельство можетъ казаться болѣе достовѣрнымъ; до автора дошли какіе-то другіе источники. Онъ разсказываетъ, что султанъ послалъ отъ себя пословъ не только въ Венецію, но въ Пизу и Геную, чтобы помѣшать нашествію крестоносцевъ; всѣмъ тремъ республикамъ предлагалъ льготы и привилегіи, если только итальянцы откажутъ въ транспортныхъ средствахъ. Генуэзцы и пизанцы будто не приняли пословъ и немедленно отослали ихъ назадъ, но въ Венеціи они пробыли довольно долгое (più lungamente) время. «Неизвѣстно, какое соглашеніе состоялось, но послѣдствія послѣ сказались. Бароны, которые должны были переправляться на венеціанскихъ судахъ, были отклонены съ пути (furono per opera loro divietati dal santo pelerinaggio) и не могли достигнуть Святыхъ мѣстъ» и пр. Всѣ эти отрывочныя и голословныя указанія не имѣли бы значенія, если бы недавно не появилось въ XIII томѣ «Австрійскихъ источниковъ» четырехъ неизданныхъ ранѣе документовъ. Въ нихъ помѣщенъ текстъ союзныхъ договоровъ венеціанцевъ съ султаномъ Абу-Бекромъ бэнъ Эйюбомъ (извѣстнымъ подъ именемъ Малекъ эл-Аделя). Издатели Тафель и Томасъ относятъ ихъ къ 1217 г., но этимъ годомъ помѣчены только два послѣднихъ; прочіе, къ сожалѣнію, безъ датъ и видимо имѣютъ одно происхожденіе, будучи частями цѣлаго; они написаны государственнымъ секретаремъ Венеціи Вивіаномъ, тѣмъ самымъ, который

Разграбивъ Задръ, крестоносцы думали отправиться въ дальнѣйшій путь, въ Святую землю, какъ вдругъ были остановлены пріѣзжимъ царевичемъ Алексѣемъ. Теперь онъ былъ даже не царевичъ, а скиталецъ,—жертва насилій своего дяди. Его отецъ Исаакъ, законный императоръ, хотя слабый и раз- **Предложеніе царевича Алексѣя и походъ на Царьградъ.**

контрасигнировалъ акты заключенные дожемъ Энрико Дандоло съ Бонифаціемъ Монферратскимъ, раннія копіи которыхъ находятся въ Вѣнѣ и можетъ быть найдутся со временемъ въ Венеціанскомъ Государственномъ Архивѣ. Изданные Тафелемъ и Томасомъ документы помѣчены 19 луннаго мѣсяца шабана, т. е. той датой, которая по всему вѣроятію совпадаетъ съ переговорами въ Каирѣ венеціанцевъ съ султаномъ въ маѣ 1201 г. или въ мартѣ 1208 г. Первый обратилъ вниманіе на это обстоятельство и выставилъ улики противъ Венеціи Ma-Latry (Hist. de l'île de Chypre, 1861, I, 161—164). Вскорѣ знатокъ средневѣковой Греціи, достойный соперникъ Фальмерайера, Hopf, кенигсбергскій профессоръ, въ 1867 г. въ «Исторіи Греціи» развилъ мнѣнія Ма-Латри но, подводя дату договора къ христіанскому календарю, допустилъ натяжки, желая непремѣнно уличить венеціанцевъ. «Вскорѣ послѣ того какъ Венеція заключила союзъ съ французскими баронами, говоритъ Гопфъ, по поводу крестоваго похода противъ Малекъ эл-Аделя, можетъ быть вслѣдствіе приглашенія, полученнаго въ Венеціи отъ султана, Марино Дандоло и Доменико Микіели были отправлены въ посольство въ Каиръ. Они были встрѣчены султаномъ съ знаками самаго горячаго расположенія и скоро сговорились. Дожъ объявилъ себя честнымъ и вѣрнымъ другомъ Эйюбидовъ и обѣщалъ султану свое расположеніе безъ обмана и хитрости. Пока крестоносцы на Лидо съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали часа отправленія въ походъ противъ невѣрныхъ, венеціанское посольство дѣйствительно *13 мая 1202 г.* заключило торговый договоръ, который составляетъ предметъ спора. Чтобы скрѣпить договоръ былъ посланъ въ Венецію эмиръ Сеадъ-Эддинъ. Предложенныя Малекъ эл-Аделемъ условія, столь выгодныя для республики, рѣшили участь крестоваго похода». Но Гопфъ не доказалъ главнаго; слѣдуетъ ли 19 шабана считать непремѣнно въ маѣ — и притомъ 25 мая 1201, 14 м. 1202, 4 м. 1203, какъ хотѣлось ему, игнорируя что по L'Art de vérifier les dates (чѣмъ послѣ воспользовался Hanotaux. R. des quest. hist.) эта дата падаетъ также на 9 марта 1208. 21 марта 1207 и 31 марта 1206 г. Потому всѣмъ этимъ доводамъ въ 1873 г. не придавалъ никакого значенія извѣстный Natalis-de Wailly (въ приложеніяхъ къ изд. Вильгардуэна) и горячо отстаивалъ Венецію и историка, «который будто скрылъ истину». Обходя трудности вопроса, онъ между прочимъ опирается на посланіе Иннокентія III въ маѣ 1205, которое только что тогда издалъ Deslisle, гдѣ выражается увѣренность, что крестоносцы направятся безотлагательно въ Св. землю. «Между крестоносцами не было ни глупцовъ, ни измѣнниковъ», рѣшаетъ французскій ученый. Но Riant черезъ 2 года, въ своемъ соч. о IV кресто-

вращенный, былъ свергнутъ съ престола своимъ честолюбивымъ братомъ Алексѣемъ, который провозгласилъ себя императоромъ, а Исаака приказалъ ослѣпить (8 апрѣля 1195 г.). Царевичъ Алексѣй успѣлъ ускользнуть изъ рукъ дяди и бѣжалъ въ Римъ просить заступничества папы. Отсюда его послали въ Германію. Императоръ Филиппъ приходился ему родственникомъ по женѣ, но не могъ ничего сдѣлать и рекомендовалъ побывать въ Венеціи, куда собиралось французское рыцарство. Не здѣсь-ли зародилась первая мысль о томъ, чтобы воспользоваться силами крестоносцевъ? Въ Венеціи Алексѣй не засталъ дожа и французовъ. Онъ предсталъ предъ ними подъ стѣнами Задра и униженно просилъ ихъ защиты правому дѣлу. Напрасно легатъ увѣщевалъ крестоносцевъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла; напрасно самъ Иннокентій III въ посланіи рѣшительно воспретилъ всякія попытки противъ Византійской имперіи и вновь грозилъ отлученіемъ. „Non est tamen vestrum de ipsorum judicare delictis", писалъ онъ. Дандоло игралъ роль соблазнителя. Онъ прельстилъ крестоносцевъ легкостью завоеванія Византіи, громадностью добычи и поддержкою, которую можетъ оказать новый императоръ въ крестовомъ походѣ. Но уговаривая такимъ образомъ крестоносцевъ, Дандоло вовсе не хотѣлъ поддержать царевича Алексѣя... Онъ имѣлъ совершенно другіе планы.

Честолюбивый дожъ хотѣлъ утвержденія венеціанскаго владычества въ Византіи; крестоносцы были для него только орудіемъ. Казалось, что обѣщанія Алексѣя прежде всего подѣйствовали на Дандоло и венеціанцевъ, которые уже убѣдили потомъ крестоносныхъ вождей обратить оружіе противъ Константинополя и противъ императора, ослѣпившаго Исаака. Это заставляетъ думать, что у Дандоло были заранѣе обдуманы замыслы на счетъ Константинополя, а дѣло царевича было пущено въ ходъ, какъ предлогъ. Всякій могъ догадаться, что условія, которыя предлагаетъ царевичъ, не могутъ быть выполнены. Онъ обѣщалъ выплатить венеціанцамъ

вомъ походѣ, возсталъ противъ увѣреній де-Вайльи, вновь пересмотрѣлъ вопросъ, подвелъ дату договора къ 4 маю 1203 и выдвинулъ впередъ интриги и вліяніе императора Филиппа Швабскаго. Это еще сильнѣе развито имъ въ статьѣ Le chang. de dir. de la IV croisade (i b. 1878). Можно сказать, что теперь обвинители Венеціи имѣютъ на своей сторонѣ нѣсколько болѣе обставленныя улики, хотя Hanotaux опровергъ Ріана по отношенію къ датѣ, доказавъ что спорные документы относятся къ марту 1208 г.

и французамъ по 100 тысячъ марокъ (1), безплатно перевезти ихъ въ Палестину, выставить 10 тысячъ своего войска, навсегда содержать тамъ 500 рыцарей, и въ заключеніе обнадежилъ соединеніемъ Церквей греческой и латинской. Изъ этихъ условій послѣднее всего менѣе имѣло основаніе быть выполненнымъ. Нужно было предположить, что Алексѣй или говоритъ вздоръ, или же хочетъ втянуть латинянъ въ бѣду. Во всякомъ случаѣ только одинъ Дандоло проникалъ истинныя цѣли предпріятія. Впрочемъ настоянія папы не были совершенно безплодны: отъ крестоносцевъ отдѣлился съ своими друзьями Симонъ Монфоръ, храбрѣйшій изъ тогдашнихъ рыцарей, будущій палачъ Альбигойцевъ, который исполнялъ безпрекословно всѣ велѣнія первосвященника. Его не прельщала даже слава содѣйствовать соединенію Церквей.

Алексѣй сопутствовалъ завоевателямъ своего отечества; 23 іюня 1203 года союзники были уже въ виду Цареграда, который своимъ величественнымъ видомъ, громадными стѣнами и башнями окружавшими городъ, великолѣпными дворцами, безчисленнымъ множествомъ куполовъ долженъ былъ поразить крестоносцевъ. Тогда Константинополь былъ въ пять разъ населеннѣе самыхъ большихъ городовъ Запада. Крестоносцы высадились частью въ Санъ-Стефано, частью на азіатскомъ берегу Босфора. Императоръ Костантинополя Алексѣй III отправилъ къ нимъ парламентера, изъявлялъ готовность всѣми силами содѣйствовать освобожденію Святой земли отъ невѣрныхъ; онъ просилъ только не мѣшаться въ его дѣла и, давая объясненія по поводу ослѣпленія отца Алексѣя, старался оправдать себя. Но бароны гордо отвѣтили, что они презираютъ его оправданія и обѣщанія, хотя согласны дать ему прощеніе, если только онъ откажется отъ короны въ пользу законнаго императора, который находится въ ихъ станѣ.

Началась энергичная осада Константинополя, дѣлались вылазки, происходили битвы. 17 іюня былъ назначенъ общій приступъ. Венеціанцы дѣйствовали съ моря, въ то время какъ итальянцы и французы приступали съ суши. Французы были опрокинуты, но венеціанцы успѣли занять до двадцати пяти городскихъ башенъ. Когда французы съ сухаго пути были оттѣснены греческой кавалеріей, Дандоло имѣлъ благоразуміе поспѣшить имъ на помощь. Греки были обратно прогнаны въ городъ.

---

(1) Riant (Revue; XVIII, 36) говоритъ о 300 тыс. марокъ.

Бѣгство Алексѣя III.

Никто не ждалъ чтобы это сраженіе имѣло какія нибудь важныя послѣдствія, но совсѣмъ оробѣвшій, Алексѣй III, захвативъ государственную казну, убѣжалъ изъ Константинополя и скрылся въ Балканскихъ проходахъ. Оставленный своимъ императоромъ, народъ возмутился, бросился къ тюрьмѣ ослѣпленнаго Исаака и провозгласилъ его вновь. Такимъ образомъ царевичъ Алексѣй былъ удовлетворенъ; его отецъ былъ на престолѣ. Тѣ же придворные, которые посадили Исаака на тронъ, полагая, что дѣло кончено, отправились въ непріятельскій лагерь и просили царевича идти царствовать вмѣстѣ съ отцемъ. Но крестоносцы не хотѣли выпускать отъ себя Алексѣя, пока его обѣщанія не будутъ подтверждены его отцемъ. Для этого они отправили въ столицу пословъ: между ними былъ и знакомый намъ историкъ Жоффруа Вильгардуэнъ.

— „Государь, ты знаешь, какую услугу мы оказали твоему сыну, и какъ мы выполнили заключенное съ нимъ соглашеніе. Но онъ не можетъ войти въ городъ, пока самъ не выполнитъ условій съ своей стороны. Онъ проситъ теперь, какъ вашъ сынъ, чтобы вы утвердили его договоръ съ нами".—Такъ говорили послы.

Затѣмъ они передали условія договора.

— Условія эти тяжки, отвѣчалъ слѣпой императоръ; ихъ трудно выполнить: но вы оказали такую услугу и ему и мнѣ, что если бы вамъ отдать всю имперію, то и это было бы сообразно съ вашею услугой.

Какъ бы то ни было, приходилось утвердить договоръ. Алексѣй вступилъ во дворецъ и короновался въ храмѣ св. Софіи, какъ соправитель отца. Крестоносцы заняли Галатъ; ихъ не было и 20 тысячъ, а населеніе Константинополя простиралось до полумилліона. Царевичъ просилъ крестоносцевъ повременить исполненіемъ договора до марта слѣдующаго года. Между тѣмъ Балдуинъ Фландрскій утвердился въ столицѣ. Императоръ объявилъ налогъ въ уплату за содѣйствіе крестоносцамъ, но, не дожидаясь поступленій, по требованію незваныхъ пришельцевъ, онъ сталъ хватать священные предметы изъ церквей и грабить церковную казну. Такое святотатство возбудило вооруженное возстаніе византійцевъ. Духовные подбивали народъ, боясь предстоящаго соединенія Церквей. На улицахъ стали чаще и чаще повторяться столкновенія между западными рыцарями и византійцами. Однажды рыцари начали разрушать мечеть; греки вступились за мусульманъ,

вступились за ихъ святыню, собственно изъ ненависти къ католикамъ. Началась рѣзня, которая повела къ тому, что рыцари французскіе и итальянскіе ворвались въ городъ, но, опасаясь народной массы, они должны были на другой день оставить столицу.

Исаакъ и его сынъ были въ самомъ злополучномъ положеніи; они должны были дѣйствовать по волѣ крестоносцевъ и въ тоже время предвидѣли опасность народнаго волненія. Отецъ и сынъ находились между двухъ огней, между крестоносцами съ одной стороны и озлобленнымъ народомъ съ другой. Гнѣвъ буйныхъ рыцарей дошелъ наконецъ до того, что они послали къ императору депутатовъ, поручивъ имъ настоятельно требовать выполненія обязательствъ, а если оно не будетъ исполнено, сдѣлать Исааку формальный вызовъ. Тогда снова начались непріятельскія дѣйствія: крестоносцы начали грабить окрестности, а греки задумали сжечь венеціанскій флотъ, но неудачно.

Народное возстаніе и взятіе Византіи крестоносцами 12 апрѣля 1204 г.

Наконецъ въ Византіи возмутившійся народъ потребовалъ избранія новаго императора. Династія Ангеловъ была свергнута. Выборъ палъ на молодаго Николая Канаву. Между тѣмъ Алексѣй тайно вступилъ въ соглашеніе съ латинянами, но онъ былъ постыдно обманутъ Мурзуфломъ, которому поручилъ вести переговоры. Послѣдній подкупилъ гвардію и распустилъ въ городѣ слухъ, что императоръ сносится съ латинянами. Мурзуфлъ былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ приказалъ убить Алексѣя „по волѣ народа", вѣру котораго тотъ хотѣлъ попрать. Престарѣлый Исаакъ умеръ отъ одного страха, а Николая Канаву бросили въ темницу.

Мурзуфлъ вступилъ въ переговоры съ латинянами и отвѣчалъ на ихъ предложенія, что о деньгахъ можно еще сговориться, но что онъ скорѣе дастъ себя изрубить въ куски, чѣмъ признаетъ папу главою Восточной Церкви. Крестоносцы торжественно объявили, что греки измѣнили своему обѣщанію присоединиться къ Римской Церкви, что они обманули Господа и папу, а потому война противъ нихъ священна и законна. Иннокентій не раздѣлялъ такого убѣжденія, онъ тогда вовсе не настаивалъ на присоединеніи грековъ къ западной Церкви. Крестоносцы приготовились къ штурму Константинополя, разсчитывая заранѣе, что дряхлое государство не устоитъ въ борьбѣ; венеціанцы заключили съ крестоносцами въ мартѣ 1204 г. новый договоръ относительно пред-

стоящаго завоеванія. Избранный императоромъ получитъ въ пожизненное владѣніе четвертую часть имперіи, остальное дѣлится поровну между венеціанцами и крестоносцами. Патріархъ въ новомъ государствѣ будетъ выбранъ изъ среды той націи, изъ которой не будетъ выбранъ императоръ.

Мартъ прошелъ въ переговорахъ. Наконецъ, крестоносцы рѣшились на штурмъ. Первый приступъ 9 апрѣля былъ отбитъ. Затѣмъ послѣдовалъ второй приступъ 12 апрѣля. Два корабля венеціанскихъ опять придвинулись къ стѣнамъ города, успѣли сбросить на валы мостики, завладѣли нѣсколькими башнями и отворили ворота. Крестоносцы ворвались въ городъ. Греки разсыпались какъ песокъ, испарились какъ дымъ ([1]). Мурзуфлъ бѣжалъ.

Съ первыхъ же дней начался грабежъ. Латиняне, сгорая корыстолюбіемъ, разсказываетъ Никита Акоминатъ, изобрѣли новый способъ грабежа, не испытанный еще никѣмъ изъ тѣхъ, кто до того времени грабилъ Константинополь. Вскрывъ гробницы императоровъ и погребенныхъ въ храмѣ героевъ, они разграбили тамъ все что нашли и набили себѣ пазухи съ неслыханной дерзостью золотыми украшеніями, алмазами и чистѣйшими драгоцѣнными каменьями. Приступивъ къ трупу Юстиніана, они хотя и взирали на него съ изумленіемъ, но все же не удержались отъ того, чтобы не содрать съ него украшеній. Потому справедливо говорили, что западные люди не щадятъ ни живыхъ ни мертвыхъ и въ хищеніи ни для кого не дѣлаютъ исключенія. Нѣсколько времени спустя они разхитили завѣсу главнаго храма, которая цѣнилась въ нѣсколько тысячъ минъ чистаго серебра, потому что была заткана золотомъ ([2]). Запрестольный образъ св. Софіи былъ искрошенъ въ мелкіе куски.

Скоро хищническія страсти, полному проявленію которыхъ не было запрета, разгорѣлись и настала анархія. Грабители, не довольствуясь разносомъ частныхъ домовъ, совершали насилія надъ женщинами; затѣмъ начались убійства безъ различія пола и возраста. Храмъ св. Софіи, послѣ грабежа, былъ обращенъ въ католическій; причтъ былъ разогнанъ, священниковъ силою заставляли принимать иновѣріе. Другія церкви пострадали еще болѣе. Образа были перело-

---

([1]) Sicardus (Chronicon; Muratori; VII, 620) выражается: «gens illa sicut pulvis disperiit, sicut fumus evanuit».

([2]) Подробностей въ этомъ родѣ очень много у Никиты Онъ, наконецъ, отказывается «передавать потомству дѣла варваровъ».

маны и осквернены, мощи святыхъ мучениковъ выброшены въ ямы, наполненныя нечистотами. По свидѣтельству греческаго историка, латиняне, вторгаясь въ церкви во время богослуженія, разбрасывали и разливали по полу Св. Дары.

Скоро начались пожары. Они могли быть вызваны случайностями во время уличныхъ безпорядковъ и разбоевъ. Но разъяренные побѣдители первое время, считая себѣ все позволеннымъ, конечно, не желали щадить и собственность схизматиковъ. Столица, роскошнѣе которой ничего не могли себѣ представить грубые крестоносцы, запылала. Сгорѣло столько домовъ, сколько ихъ было въ трехъ большихъ городахъ Франціи; добычи награблено было столько, что она заняла три храма, куда снесено было для раздѣла 400 тысячъ марокъ серебра. Но что заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія—это истребленіе рукописей, разрушеніе памятниковъ искусства.

Иннокентій, исполненный негодованія, возмущенный до глубины души, писалъ что нельзя думать о соединеніи Церквей, когда католики, подъ видомъ богоугоднаго дѣла, творятъ дѣла тьмы.

Завоеваніе Византійской имперіи латинянами совершившееся непредвидѣнно для Римской куріи ([1]), обрушилось всею тяжестью вмѣсто мусульманъ на грековъ. Хотя въ помыслахъ Иннокентія III и было объединеніе греческой Церкви съ католической, но насильственныя мѣры и притомъ въ данное время для достиженія этой цѣли никогда не входили въ его планы. Но мнимые крестоносцы менѣе всего думали о Церкви. Они поспѣшили удовлетворить свои личные интересы.

Балдуинъ I, латинскій императоръ (1204-1206г.).

Прошло двѣ недѣли послѣ штурма; анархія продолжалась. Настала Пасха. Она приходилась въ этотъ годъ 25 апрѣля. Въ этотъ великій день, который чествовали одновременно и побѣдители и побѣжденные, рѣшено было устроить порядокъ и выбрать императора. Кандидатовъ было трое; венеціанцы, конечно, имѣли въ виду своего дожа, этого „мудрѣйшаго изъ мудрыхъ“, но Дандоло поспѣшилъ отказаться. Затѣмъ симпатіи крестоносцевъ дѣлились между Балдуиномъ, графомъ Фландріи и Бонифаціемъ, маркизомъ Монферрата. Трудно было сказать, кто одолѣетъ, но во всякомъ случаѣ торжество одного грозило опасностью для латинянъ. Привер-

([1]) Riant (Innocent III etc. Revue des questions hist. XIII, 56.) особенно старался доказать этотъ безспорный фактъ.

женцы противника могли вмѣстѣ съ своимъ кандидатомъ оставить столицу, ослабить силы и тѣмъ дать возможность грекамъ восторжествовать. Нѣчто подобное дѣйствительно произошло въ Іерусалимѣ въ 1099 г., при выборахъ Готфрида Бульонскаго, когда огорченный соперникъ, Раймондъ Тулузскій оставилъ крестоносцевъ и увелъ много бароновъ, едва не погубивъ дѣло христіанъ. Наученные такимъ историческимъ примѣромъ, эти псевдо-крестоносцы прибѣгнули къ сдѣлкѣ. Рѣшено было предоставить выборъ изъ двухъ кандидатовъ особому совѣту 12 выборщиковъ, но съ тѣмъ что неизбранный получитъ азіатскія земли имперіи и островъ Кандію на условіяхъ вассальства.

Выборщики серьезно отнеслись къ возложенному на нихъ порученію. Уже по составу ихъ можно было опредѣлить, что восторжествуетъ Балдуинъ. За него вотировали 5 венеціанцевъ и духовные. Интересъ бароновъ и рыцарей былъ крайне возбужденъ. Всю ночь стояла толпа ихъ передъ закрытыми дверями часовни императорскаго дворца. Провозглашеніе Балдуина, графа Фландріи, императоромъ Константинопольскимъ, вызвало энтузіазмъ. Его соперникъ, Бонифацій, первый склонился предъ нимъ.

Феодализмъ въ Византійской имперіи.

Раздѣлъ не встрѣтилъ затрудненій. Маркизъ отказался отъ того, на что имѣлъ право, можетъ быть потому что Анатолію не такъ легко было покорить, какъ Царьградъ. Бонифацій удовольствовался Македоніей и титуломъ короля Ѳессалоники. Кандію онъ продалъ Венеціи за 1000 марокъ: такъ дешево пошелъ богатый островъ. Маркизъ присоединилъ къ Македоніи Аѳины и Ѳивы, передавъ оба города своему сыну Оттону съ титуломъ герцога Аѳинскаго. Вильгельмъ, графъ Шампаньи утвердился въ Пелопоннесѣ (1) съ титуломъ герцога Ахайскаго; туда же онъ повезъ съ собою историка Вильгардуэна, своего маршала и вассала. Въ Аргосѣ и Коринѳѣ недолго властвовалъ грекъ Левъ Скуръ; его скоро вытѣснилъ племянникъ Вильгардуэна, Готфридъ который завоевалъ всю т. н. Морею и унаслѣдовалъ послѣ графа Шампаньи титулъ герцога

(1) Подъ вліяніемъ романскаго завоеванія скоро Пелопоннесъ сталъ именоваться Мореею, Μωρεας или Μωραίας (вмѣсто Ῥωμαία)—т. е. страна ромеевъ, грековъ.

Ахайи. Въ Эпирѣ засѣлъ Михаилъ Комненъ, именовавшійся деспотомъ. Въ Азіи возникли два латинскихъ владѣнія, въ которыхъ надлежало еще упрочиться: герцогства Никейское (Виѳинія) и Филадельфійское, гдѣ считались синьорами Луи Блуа и Стефанъ де-Першс. Но рядомъ съ ними, въ Анатоліи, какъ залогъ болѣе счастливаго будущаго, какъ опора освобожденія, образовались національныя греческія царства: Никейское, гдѣ утвердился Ѳеодоръ Ласкарисъ, увлекая за собою патріарха, и Трапезундское, гдѣ водворился Комненъ. Здѣсь скрывалась могущественная оппозиція; покоренные и забитые греки, впродолженіи полувѣка, ждали отсюда возрожденія. Въ Европѣ національный элементъ таился только въ городахъ и ущельяхъ Ѳессаліи,—это т. н. Влахъ (Μεγα—Βλάχος); но и здѣсь десятки лѣтъ онъ оставался несокрушимымъ.

9 Мая 1204 г. происходила коронація Балдуина. Онъ понималъ, что его выбрали собственно венеціанцы. Дѣйствительно, получивъ корону, Балдуинъ лишался права на богатый островъ Кандію, которымъ онъ съ своими отличными моряками и флотомъ сумѣлъ бы воспользоваться въ ущербъ торговымъ и политическимъ интересамъ венеціанцевъ, тогда какъ Бонифацію Монферратскому, не имѣвшему приморскихъ владѣній, ничего не оставалось дѣлать съ доставшимся ему по условію островомъ, какъ только уступить его венеціанцамъ. Такимъ образомъ послѣдніе ловко и хитро достигли своихъ существенныхъ цѣлей. Балдуинъ сталъ называться „Dei gratia fidelissimus in Christo imperator, a Deo coronatus, Romaniae moderator et semper Augustus“, но не присвоилъ себѣ наименованія „автократора“, которымъ титуловались греческіе императоры. Доселѣ въ Византіи господствовалъ неограниченный деспотизмъ; императоры были полными распорядителями жизни, совѣсти и имущества гражданъ. Этотъ деспотизмъ особенно окрѣпъ подъ вліяніемъ сосѣдства съ азіатскими государствами. Теперь западные завоеватели, потомки франкскихъ кунинговъ, воспитанные въ другихъ условіяхъ, приносили съ собою новый общественный порядокъ въ страну, надъ которой около десяти вѣковъ тяготѣлъ неограниченный произволъ всевластныхъ повелителей. Западные завоеватели на восточную почву Византіи старались насадить совершенно новыя формы политическихъ и общественныхъ отношеній. Императоръ стоялъ во

главѣ длинной феодальной іерархіи, которая развѣтвлялась по всѣмъ общественнымъ должностямъ.

Положеніе латинскаго императора въ Константинополѣ имѣло много сходства съ положеніемъ германскихъ кунинговъ, занявшихъ въ эпоху великаго переселенія народовъ римскую почву, и съ положеніемъ германскаго императора, какъ представителя и вождя всего феодальнаго общества на Западѣ. Новая государственная система представляла смѣсь элементовъ, аналогичныхъ съ одной стороны съ республиканскимъ строемъ итальянскихъ коммунъ: демократической Флоренціи, аристократической Венеціи, съ другой—съ строемъ феодальной Германіи. Византійская имперія стала теперь громаднымъ леннымъ государствомъ, разбросаннымъ въ предѣлахъ всего Балканскаго полуострова.

Іерусалимскіе ассизы. Административный строй этого государства, надо полагать, представлялъ повтореніе государственнаго строя іерусалимскаго королевства, которое также было создано мечами крестоносцевъ и утверждено на феодальныхъ началахъ. Западные завоеватели, есть основаніе заключить, примѣнили къ новому государству іерусалимскія постановленія (Assisi regni Hierosolymitani). Но была и разница въ устройствѣ Латинской имперіи и Іерусалимскаго королевства. Въ Палестинѣ духовенство имѣло больше силы и значенія; мы усматриваемъ здѣсь обоюдное воздѣйствіе элементовъ феодальнаго и духовнаго. Правда, такое воздѣйствіе не было чуждо и Латинской имперіи въ первые годы ея существованія, но съ теченіемъ времени оно перешло въ упорную борьбу между феодалами и духовенствомъ, не хотѣвшимъ раздѣлять съ первыми повинностей, сопряженныхъ съ землевладѣльческими правами.

Главную силу въ Латинской имперіи имѣли венеціанцы; они захватили въ свои руки всѣ выгоды завоеванія и вліяніе ихъ обнаруживалось во всѣхъ частяхъ государственнаго строя. Избравши императора, они возвели на патріаршій престолъ Ѳому Морозини, происходившаго изъ знатной венеціанской фамиліи. Онъ привлекъ за собою большое число духовныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое—отъ епископа и прелата до послѣдняго причетника—должно было, по западнымъ понятіямъ, пользоваться землею на ленныхъ условіяхъ. Такой порядокъ казался страннымъ и непонятнымъ для Византіи, такъ какъ здѣсь право владѣнія землею предоставлялось однимъ монастырямъ, при чемъ ленниками считались не настоятели

ихъ, а самые монастыри. Въ виду нашего предположенія, что въ Латинской имперіи примѣнялись порядки Іерусалимскаго королевства, мы остановимся на той редакціи, которую въ половинѣ XIII вѣка составилъ для Іерусалима графъ Яффы, Jean d' Ibelin. Этотъ трудъ извѣстенъ подъ названіемъ „Livre des assises et des bons usages dou royaume de Iherusalem". Въ государственномъ венеціанскомъ архивѣ сохранился итальянскій переводъ старо-французскаго списка, который и можетъ служить источникомъ для изученія государственнаго порядка не только въ предѣлахъ іерусалимскаго королевства, но и въ тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ утвердилась западная власть (¹).

Дворъ и ленники.

Во главѣ новаго государства стоялъ избираемый императоръ, ограниченный избирателями, пользовавшійся титуломъ и положеніемъ императора. Его дворъ напоминалъ французскій не однимъ языкомъ; вокругъ его были тѣ же придворные чины: сенешалъ, коннетабль, маршалъ, каммергеръ или великій гардеробъ-мейстеръ и пр. Такъ было въ Іерусалимѣ, такъ стало въ Византіи подъ латинскою властью.

Ленныя отношенія основывались на обоюдномъ договорѣ между сюзереномъ и вассалами. Всѣ, получившіе лены, должны были давать ленную присягу и изъявлять покорность (faire homage) своему сюзерену. Одинъ дожъ венеціанскій былъ свободенъ отъ обязанности давать присягу на вѣрность императору. Когда ленникъ получалъ отъ императора землю, то въ первыхъ словахъ присяги клялся въ безусловной преданности и обязывался всячески помогать ему, что однако исполнялось рѣдко. „Государь! говорилъ онъ, я дѣлаюсь вашимъ ленникомъ (votre homme lyè de tel fiè) и обѣщаю защищать Васъ противъ всѣхъ людей (qui vivre et morir puissent), которые могутъ жить и умереть".

Обязанности вассала къ сюзерену, въ силу договора, заключались: во 1-хъ въ томъ, что вассалъ никогда не долженъ поднимать руки на сюзерена; во 2-хъ—обладаніе ленами обязывало владѣльцевъ участвовать въ войнахъ по вызову сюзерена; въ 3-хъ—вассалъ долженъ былъ всѣми мѣрами заботиться о своемъ патронѣ, защищать его отъ заочной брани,

(¹) Ассизы вошли въ академическій сборникъ Recueil des historiens des croisades съ предисловіемъ Beugnot и изданы отдѣльно Foucher (старо-франц. и итальянскій тексты) съ примѣчаніями и комментаріемъ. Въ извлеченіи на русскомъ языкѣ они помѣщены въ III т. изданія г. Стасюлевича (стр. 792—817).

ограждать честь и безопасность всего его семейства, жены, дѣтей и всякихъ родственниковъ, являться немедленно на судъ сюзерена, ручаться за него во всѣхъ его дѣлахъ, даже отдавать себя въ залогъ, освобождать изъ тюрьмы сюзерена и т. п.

Въ вознагражденіе за такія услуги сюзеренъ обязывался защищать честь и имущество вассала, помогать ему противъ его притѣснителей. Безъ приговора суда пэровъ сюзеренъ не могъ заключить вассала въ тюрьму. Если сюзеренъ выходилъ изъ круга своихъ правъ относительно вассаловъ, то они могли отказать ему, по общему согласію, въ подчиненіи и даже прибѣгать къ силѣ.

Такимъ образомъ феодальныя отношенія были укрѣплены взаимнымъ обязательствомъ сюзереновъ и вассаловъ. Въ основѣ этого обязательства лежали нравственныя начала — сознаніе долга и политическая честность.

Эта черта составляетъ отраднѣйшую сторону средневѣковой исторіи. Что дѣйствительно ленный порядокъ исходилъ изъ понятій вѣрности и чести,—это можно видѣть изъ того, что въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы долго существовать и смѣнился бы господствомъ физической силы, торжествомъ кулачнаго права. Поэтому тѣ укоризны, которыя обращаютъ огульно къ ленной системѣ, должны быть пріурочены лишь къ эпохѣ перерожденія членовъ феодальнаго общества, къ XIV вѣку, когда были нарушены условія ленныхъ отношеній.

Вассалъ, недовольный своимъ сюзереномъ, могъ прибѣгать къ помощи суда. Арестовать вассала можно было только за измѣну или убійство; за все другое онъ подвергался отнятію лена на одинъ годъ, или пожизненно, смотря по винѣ.

Судъ. Судебная власть тогда смѣшалась съ административной. Верхняя палата, которая изображала кассаціонную инстанцію, въ то же время обладала властью законодательной и исполнительной. Эта maior curia имѣла значеніе верховнаго судилища, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ король или императоръ, а членами были сильнѣйшіе рыцари и бароны. Нижняя палата состояла также изъ рыцарей и депутатовъ городовъ. Въ каждомъ городѣ дѣйствовали нижніе суды (curiae minores), гдѣ предсѣдательствовалъ виконтъ, назначаемый императоромъ. Кодексъ ассизовъ былъ переведенъ на греческій языкъ, но имѣлъ непосредственное примѣненіе только къ западнымъ

феодаламъ, опредѣляя ихъ обязанности ко главѣ имперіи и взаимныя отношенія. Что касается до греческаго населенія, то оно не находило въ немъ защиту своихъ правъ отъ произвола рыцарей. По свидѣтельству лѣтописей, греки терпѣли отъ пришельцевъ постоянныя притѣсненія, доходившія до грабежа и разбоя. Низшіе слои общества, какъ то, поселяне, плѣнные, рабы, составляя собственность владѣльцевъ, находились въ полной отъ нихъ зависимости. Если по смыслу 24 статьи кодекса государь долженъ наблюдать, чтобы бароны ничего не отнимали у вилланов насильственнымъ образомъ, то 174 статья предоставляетъ барону право лишать ихъ дома и движимаго имущества, оставляя самое необходимое для содержанія. Виконты, уполномоченные императоромъ вершить судъ и расправу, какъ предполагалось, должны были любить Бога и творить правду, внимательно выслушивать жалобы и дѣлать по нимъ безпристрастныя рѣшенія, чего они далеко не исполняли на дѣлѣ.

Приговоры по гражданскимъ дѣламъ выражались денежными взысканіями, и только въ важныхъ случаяхъ предписывались поединки. Всѣ бароны были вполнѣ независимы въ своихъ діоцезахъ; они могли вести войну между собою, строили замки и крѣпости, имѣли право уголовнаго суда надъ своими подданными: они же предсѣдательствовали въ судахъ своихъ вассаловъ и назначали виконтовъ въ городскіе трибуналы. Здѣсь опредѣленія сюзерена получали силу только послѣ подписи и приложенія печати барона.

Всѣ, получившіе лены въ покоренной странѣ,—бароны, вассалы, духовенство и рыцари,—составили высшій слой общества. Другую и гораздо большую часть его представляли вилланы, служившіе своимъ владѣльцамъ, и горожане, находившіеся подъ управленіемъ собственныхъ вождей. Первые поселились на земляхъ своихъ владѣльцевъ, а вторые въ городахъ, куда выписали свои семейства, проявивъ торговую и промышленную дѣятельность.

Послѣдніе приносили съ собою начала городскаго корпоративнаго строя и составили городскія общины по образцу западныхъ, но коммунальная организація могла развиться только въ тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ поселились пришельцы изъ городовъ адріатическаго прибрежья, близкихъ къ Венеціи. Города Латинской имперіи.

Многіе греческіе города сохранили прежніе порядки и были вполнѣ самостоятельны въ области внутренняго управленія. Сами западные рыцари не особенно сочувствовали развитію на Востокѣ муниципальнаго строя. Видя подъ своею властью забитыхъ, безгласныхъ грековъ, вассалъ переставалъ ограничивать личный произволъ и скоро входилъ въ роль прежнихъ деспотическихъ намѣстниковъ греческаго императора. Съ той минуты, когда въ какомъ либо городѣ поселялся западный рыцарь, горожане лишались гарантій порядка. Причиною чрезмѣрныхъ жестокостей, доходившихъ до самыхъ отдаленныхъ деревень и хижинъ, были невѣжество, фанатизмъ и бѣдность рыцарей, возбуждавшіе ихъ къ постояннымъ грабежамъ и разбоямъ среди туземнаго населенія.—Въ такомъ тяжеломъ положеніи греки искали помощи у разныхъ туземныхъ владѣльцевъ, усилившихся въ нѣкоторыхъ областяхъ имперіи.

Національныя движенія среди византійцевъ.

Желаніе освободиться отъ чужеземнаго господства вызывало частыя столкновенія между греками и католиками. Борьба должна была особенно усилиться съ ослабленіемъ латинской власти. Если при самомъ началѣ имперіи значительная часть греческаго народа могла сохранить нѣкоторую самостоятельность, то по мѣрѣ ослабленія чужеземнаго господства стремленіе къ свободѣ обнаруживалось сильнѣе и дѣлалось общимъ, такъ что въ половинѣ XIII вѣка, во время упадка латинской власти, ей были покорны только жители Царьграда, а остальные греки, подъ начальствомъ то владѣтеля Эпирскаго, то царя Болгарскаго, то наконецъ императора Никейскаго, изгоняли иноземное владычество изъ своихъ городовъ. Даже населеніе столицы было враждебно къ латинянамъ до послѣдней минуты ихъ господства и радостно привѣтствовало возвращеніе туземнаго государя.

Непріязненное чувство въ грекахъ особенно возбуждалось униженіемъ православія, введеніемъ латинскаго богослуженія и обрядовъ и изгнаніемъ православныхъ священниковъ. „Вы властны въ нашемъ тѣлѣ, а не въ душѣ и совѣсти", говорили греки рыцарямъ, когда послѣдніе хотѣли обратить ихъ въ католичество. Но были между греками и такіе люди, которые изъ практическихъ выгодъ принимали религію завоевателей. Нашъ Никоновскій лѣтописецъ говоритъ: „и инози греци въ ихъ законъ и обычай внидоша, и спроста рещи,

вся быша въ Царѣ-градѣ по римскому закону творима и совершима“ (¹). Исторія латинскаго владычества въ Византійской имперіи показываетъ, что оно было прочнѣе въ тѣхъ областяхъ, которыя испытывали меньше притѣсненій въ дѣлахъ вѣры. Поэтому не только Иннокентій III, но и его преемники предписывали своимъ миссіонерамъ пропагандировать католическое ученіе не оружіемъ, а силою слова, добрымъ примѣромъ и терпѣніемъ.

Покореніе Византіи далеко не оправдало тѣхъ преобразовательныхъ цѣлей, какія западные завоеватели хотѣли въ ней осуществить. Слабѣвшее тѣло Восточной имперіи было неспособно воспринять въ себя жизненныя силы Запада, и стремленіе ввести въ ней новые порядки подняло противъ латинянъ отдаленныя провинціи, гдѣ греки искали убѣжища, чтобы сохранить неприкосновенность своей вѣры и національности. Греческіе вельможи, отличавшіеся изнѣженностью, прониклись дотолѣ чуждымъ для нихъ мужествомъ въ борьбѣ за вѣру и народность, тогда какъ завоеватели, подъ вліяніемъ новаго климата и вполнѣ обезпеченнаго положенія, предались роскоши и порокамъ. Когда силы ихъ видимо ослабѣли, ѳракійскіе греки сдѣлали попытку сбросить латинское иго.

Болгарія и битва при Адріанополѣ въ 1205 г.

Они помирились для этой цѣли съ своими злѣйшими врагами — болгарами, валахами и половцами и подъ предводительствомъ Болгарскаго царя Іоанна вступили въ борьбу съ латинянами. Не задолго до взятія Константинополя, Іоаннъ, съ цѣлью упрочиться въ своемъ государствѣ, призналъ надъ собою власть папы и, получивши отъ Иннокентія III королевскій титулъ, былъ коронованъ его легатомъ (²). Такъ какъ латинское правительство не хотѣло его признать самостоятельнымъ государемъ и стремилось поставить въ ленную зависимость отъ императора, то тотъ же Асеня вступилъ съ 14,000 войскомъ въ предѣлы Латинской имперіи.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Балдуинъ, не дождавшись возвращенія изъ Азіи своего брата Генриха, поспѣшилъ къ мѣсту возстанія — Адріанополю, въ сопровожденіи 140 рыцарей и незначительнаго войска; къ нимъ присоединился дожъ Дандоло съ небольшимъ отрядомъ. Лишь только лати-

(¹) Никоновскій Лѣт. стр. 278.

(²) См. выше у насъ, стр. 51.

няне начали осаду Адріанополя, ихъ со всѣхъ сторонъ окружили войска царя Болгарскаго. Балдуинъ въ сопровожденіи небольшого числа рыцарей, обманутый притворнымъ бѣгствомъ половцевъ въ разсыпную, пустился ихъ преслѣдовать. Черезъ двѣ мили бѣжавшіе половцы остановились, уничтожили почти весь отрядъ рыцарей и взяли въ плѣнъ Балдуина. Только Жоффруа де Вильгардуэнъ, принявшій начальство надъ уцѣлѣвшимъ отрядомъ, сдѣлалъ мастерское отступленіе и привелъ своихъ въ Родосто.

Битва при Адріанополѣ (14 апрѣля 1205 года) распространила паническій страхъ въ Константинополѣ. Нѣсколько тысячъ франковъ, въ томъ числѣ многіе рыцари, поспѣшили удалиться въ свое отечество, между тѣмъ греки, славяне и половцы продолжали и учащали свои нападенія.

Въ такомъ опасномъ положеніи имперіи защиту ея взялъ на себя братъ плѣннаго императора Генрихъ, возвратившійся изъ Азіи и выбранный въ правители государства съ титуломъ регента.

Императоръ Генрихъ I (1206-1216 г.).

Послѣ пораженія латинянъ при Адріанополѣ, національная партія въ Византіи оживилась и патріоты стали заботиться о сверженіи латинскаго ига. Потому отъ Генриха, отъ его личныхъ качествъ зависѣло удержать хотя бы на время господство латинской власти въ Византіи. Въ августѣ 1206 года, когда было получено извѣстіе о смерти Балдуина въ плѣну, Генрихъ былъ возведенъ на императорскій престолъ и коронованъ. Болгарскій царь, снова подступившій съ своими войсками къ Адріанополю, узнавъ объ избраніи Генриха въ императоры, отошелъ къ Балканамъ. Генрихъ преслѣдовалъ его въ Болгаріи, отбилъ у него множество плѣнныхъ грековъ, разрушалъ города и селенія, обращая въ пустыню страну, чрезъ которую проходилъ. Усмиривши Болгарскаго царя, Латинскій императоръ затѣялъ борьбу съ греческими владѣтелями: Михаиломъ Комненомъ, деспотомъ Эпира, Этоліи и Акарнаніи и Ѳедоромъ Ласкарисомъ, государемъ Никейскимъ. Владѣнія ихъ служили притономъ эмигрантовъ, недовольныхъ латинскими порядками, являясь центромъ оппозиціи противъ имперіи. Отсюда патріоты ждали спасенія самостоятельности греческой имперіи, ея возрожденія; здѣсь выростали цѣлыя поколѣнія въ духѣ непримиримой ненависти къ завоевателямъ.

Михаилъ эпирскій представляетъ типъ жестокаго восточнаго тиранна, безпощадно истреблявшаго враговъ своихъ латинянъ. Вынужденный обстоятельствами, онъ однажды подчинился Генриху и призналъ себя вассаломъ имперіи, но черезъ годъ, вопреки договору, возобновилъ военныя дѣйствія. Захвативши въ плѣнъ многихъ рыцарей, онъ закопалъ большую часть плѣнныхъ въ землю. Противъ латинянъ онъ велъ постоянную упорную борьбу, до конца которой Генрихъ не дожилъ.

Михаилъ Комненъ и Ѳедоръ Ласкарисъ.

Болѣе сильнымъ противникомъ оказался Ѳедоръ Ласкарисъ, зять Алексѣя III, основавшій самостоятельное греческое государство, столицею котораго была Никея. Послѣ Адріанопольской битвы онъ овладѣлъ всѣми приморскими городами, принадлежавшими Латинской имперіи и господствовалъ отъ береговъ Пропонтиды до Эфеса — надъ Виѳиніею, Лидіею и частью Фригіи. Въ борьбѣ съ Генрихомъ честь побѣдителя по большей части доставалась ему. Постоянно получая подкрѣпленія отъ туземнаго населенія, Ласкарисъ становился и послѣ пораженій еще болѣе дѣятельнымъ, еще болѣе сильнымъ. Генрихъ принужденъ былъ заключить съ нимъ перемиріе на два года и уступить ему между прочимъ городъ Никомидію. Султанъ Иконійскій, возбужденный Алексѣемъ III, требовалъ отъ Ласкариса, чтобы тотъ отказался отъ власти въ пользу своего тестя, какъ законнаго императора. Но Ѳеодоръ не согласился, вступилъ въ борьбу съ султаномъ и проигралъ битву на берегахъ рѣки Меандра. Здѣсь 800 храбрыхъ французовъ пали за иновѣрнаго государя.

Гибель султана, неосторожно преслѣдовавшаго грековъ, возстановила счастіе Ласкариса. Онъ долженъ былъ начать войну съ Генрихомъ, вступившимъ во владѣнія деспота Ѳедора. Послѣдній нашелъ отличнаго полководца въ своемъ зятѣ Андроникѣ Палеологѣ, который сумѣлъ остановить нападеніе латинянъ на Никею. Война кончилась миромъ въ 1214 г., по которому Ласкарисъ удержалъ всѣ свои владѣнія, а латиняне не получили никакой выгоды. Черезъ два года Генрихъ умеръ, и съ его смертію настала для Латинской имперіи эпоха быстраго, неудержимаго паденія. Если мужество Балдуина и благоразумная твердость Генриха не могли упрочить на Востокѣ латинской власти, которая уже въ самомъ началѣ обнаруживала признаки скораго паденія, какъ введенная насильственно,—то тѣмъ менѣе могла сохранить самостоятельность

эта феодальная федерація, когда во главѣ ея не стало искусныхъ руководителей.

Императоръ Петръ де Куртнэ (1216-1219 г.).

По смерти Генриха бароны вступили въ пререканія относительно выбора новаго императора: одни хотѣли видѣть на престолѣ короля Венгерскаго Андрея II, другіе, преимущественно венеціанцы,—Петра де Куртнэ, мужа сестры покойнаго императора Іоланты и родственника французской королевской и германской императорской фамилій. Выборъ палъ на послѣдняго. Въ Римѣ онъ былъ коронованъ Гоноріемъ III, какъ императоръ Константинопольскій. Но этотъ несчастный императоръ не имѣлъ даже денегъ на проѣздъ въ свою столицу. Тѣ же венеціанцы взялись довести его со свитой на своихъ судахъ въ Константинополь безплатно. Они же устроили ему обстановку, приличную особѣ императорской.

На пути въ Византію венеціанцы хотѣли возвратить себѣ изъ подъ власти Θедора Эпирскаго — Дураццо, но это предпріятіе имъ не удалось. Тогда Петръ де Куртнэ отправился вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ сухимъ путемъ и попалъ въ плѣнъ къ эпирскому деспоту, который въ два года уморилъ его въ тюрьмѣ.

Когда огласилось заключеніе Петра, въ Европѣ начали проповѣдывать крестовый походъ, который далъ бы Петру де Куртнэ средства поддержать себя, но въ это время его уже не было въ живыхъ. Императрица Іоланта замѣнила своего мужа на престолѣ, но и она умерла въ слѣдующемъ 1220 году.

Императоры: Робертъ де Куртнэ (1221-1228 г.) и Θедоръ Ласкарисъ (1204-1222 г.).

Право на престолъ принадлежало старшему сыну Петра де Куртнэ—Филиппу, но онъ, наученный примѣромъ отца, отказался отъ предлагаемой ему короны и бароны долго убѣждали вступить на престолъ его втораго сына Роберта (1221 г.). Пріѣхавъ въ Константинополь, онъ короновался, по примѣру предшественниковъ, въ Софійскомъ храмѣ и немедленно подтвердилъ всѣ права и привилегіи латинскаго духовенства и феодаловъ. Положеніе имперіи становилось все печальнѣе. Ее продолжали терзать съ разныхъ сторонъ: и деспотъ эпирскій, и царь болгарскій, и императоръ никейскій. Въ добавокъ латинская власть сама подрывала свою силу притѣсненіемъ туземнаго населенія въ дѣлахъ вѣры, такъ что папа принужденъ былъ требовать отъ своихъ миссіонеровъ, чтобы они не прибѣгали къ насилію при исполненіи возложенныхъ

на нихъ обязанностей. „Volo procedere, писалъ онъ, mansuetudine potius, quam rigore“.

Въ то самое время, какъ Робертъ короновался въ Константинополѣ, Ѳедоръ Ласкарисъ уже давно разыгрывавшій независимаго государя, провозгласилъ себя Византійскимъ императоромъ, такъ что явилось два императора. Ласкарисъ, не смотря на то, что былъ женатъ на сестрѣ Роберта, никогда не отступалъ отъ своей цѣли уничтожить латинское господство въ Византіи. Робертъ поспѣшилъ войти съ нимъ въ мирныя сношенія; но когда, по смерти Ласкариса (въ 1222 году), на престолъ никейскій вступилъ его зять Іоаннъ Дука Ватацесъ, еще болѣе сильныя несчастія обрушились на импровизованную имперію.

Іоаннъ Ватацесъ (1222-1255 г.).

Въ Іоаннѣ греки нашли новую, давно забытую силу, которая можетъ быть на полвѣка приблизила освобожденіе Византіи отъ иноземнаго владычества. Черезъ два года по вступленіи на престолъ, Ватацесъ нанесъ Роберту рѣшительное пораженіе. Безсиліе и униженіе латинскаго императора доходило до того, что онъ искалъ покровительства у болгарскаго царя Іоанна Асени II (1210—41 г.) и предложилъ ему быть своимъ соправителемъ. Царь принялъ это предложеніе и, разбивъ врага латинянъ, эпирскаго деспота, скоро соединился съ своими прежними союзниками половцами и пошелъ съ ними на Константинополь. Византійскій флотъ, о которомъ такъ заботились греческіе императоры, на этотъ разъ спасъ Латинскую имперію.

Отвсюду стѣсненный, нигдѣ не находившій помощи, Робертъ отправился въ Римъ искать покровительства папы, но тотъ посовѣтовалъ ему возвратиться въ свою столицу, на пути къ которой онъ умеръ (1228 г.).

Іоаннъ Бріенскій, король Іерусалима († 1237 г.) и императоръ Балдуинъ II (1228-1275 г.)

Третьему сыну Петра де Куртнэ—Балдуину II было въ это время только одинадцать лѣтъ. Его признали императоромъ, но при затруднительномъ положеніи имперіи во главѣ ея долженъ былъ стоять человѣкъ, способный управлять государственными дѣлами и предводительствовать войскомъ. Потому бароны предложили регентство Іоанну Бріенскому. Рожденный простымъ рыцаремъ, Іоаннъ носилъ такимъ образомъ двѣ короны — королевскую и императорскую, былъ затемъ двухъ королей, тестемъ двухъ императоровъ. Ему было 89

лѣтъ, когда онъ сдѣлался Константинопольскимъ императоромъ. Не смотря на храбрость и энергію, которыя сохранились у Іоанна и въ старости, онъ однако не могъ принести большой пользы Латинской имперіи, доведенной до крайняго истощенія силъ и, умирая, оставилъ государство Балдуину II въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ принялъ его.

Смерть Іоанна Бріенскаго нанесла новый ударъ латинянамъ, такъ какъ въ немъ они лишились императора, имѣвшаго большія родственныя связи съ государями Европы и репутацію доблестнаго рыцаря. Титулярный императоръ Балдуинъ II цѣлыхъ два года странствовалъ по Европѣ, вымаливая у папы и королей денегъ и войска для своего государства. Просьбы его не остались безъ успѣха. Многіе французскіе феодалы приняли крестъ, чтобы поддержать романскую власть на Востокѣ. Король англійскій Генрихъ III подарилъ Балдуину 700 марокъ серебра. Гораздо болѣе помогли Константинопольскому императору французскій король Луи IX и папа; первый предоставилъ ему сборъ налоговъ, взимавшихся во Франціи съ евреевъ, а второй, приглашая королей на помощь Балдуину, съ своей стороны назначилъ на издержки предстоящаго похода суммы, отчасти принадлежавшія къ церковнымъ доходамъ, отчасти собранныя для Палестины. Но такая помощь далеко не соотвѣтствовала нуждамъ Латинской имперіи. Потому Балдуинъ, чтобы добыть денегъ, заложилъ собственное Намюрское графство и, наконецъ, собравши значительное наемное войско, отправился съ нимъ въ Константинополь. Отсюда онъ предпринималъ нѣсколько походовъ, но вскорѣ его казна истощилась, и онъ принужденъ былъ распустить приведенныхъ съ Запада наемниковъ, которые перешли къ его противнику—императору Никейскому.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Балдуина, Ватацесъ съ успѣхомъ расширялъ свои владѣнія на счетъ Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи и такъ близко подошелъ къ Царьграду, что послѣдній казался островомъ среди туземнаго и славянскаго населенія. Ватацесъ успѣлъ взять въ плѣнъ эпирскаго деспота и подчинить себѣ остальныхъ членовъ эпирской династіи. Балдуинъ, встревоженный его побѣдами, искалъ помощи у Иконійскаго султана, обѣщая ему для гарема одну изъ своихъ племянницъ, а затѣмъ опять отправился нищен-

ствовать по Италіи и Франціи, но черезъ четыре года возвратился въ Византію, ничего не добившись.

До самой смерти этотъ бѣднякъ былъ въ положеніи унизительномъ даже для частнаго человѣка. Все, что могло быть употреблено на монету, было обращено въ нее. Латиняне не пощадили даже свинцовыхъ крышъ дворцовъ и церквей. Заложивъ всѣ церковныя имѣнія, Балдуинъ дошелъ наконецъ до такой бѣдности, что жилъ съ своей женой милостыней, вымоленной у французской королевы.

Въ то время какъ латинская имперія доживала свои послѣдніе дни, Никейское государство достигло замѣчательной силы и процвѣтанія. Ватацесъ подчинилъ себѣ еще дотолѣ независимыхъ владѣтелей Өессалоники Іоанна и Димитрія, а также Михаила Ангела Комнена, владѣвшаго частью Өессаліи. Всѣ они признали верховную власть Никейскаго владыки, которому патріотическая партія дала титулъ императора. Собирая вокругъ себя силы, Ватацесъ велъ дѣло съ замѣчательной осторожностью и искусствомъ. Онъ старался расположить въ свою пользу даже папу, указывая ему въ недалекомъ будущемъ на возможность соединенія Церквей. Смерть въ 1255 году прекратила многостороннюю дѣятельность Ватацеса, завѣщавшаго довершеніе намѣченныхъ плановъ своему сыну Өеодору II Ласкарису. Но послѣдній не могъ исполнить этого завѣщанія, такъ какъ далеко уступалъ своему отцу въ политической мудрости. Өеодоръ II оставилъ престолъ малолѣтнему сыну Іоанну, поручивъ опеку надъ нимъ своему любимцу Георгію Музалону и патріарху Арсенію. Но Георгій скоро погибъ жертвой заговора, главнымъ участникомъ котораго былъ Михаилъ Палеологъ, занявшій должность опекуна и регента.

Михаилъ Палеологъ (1260-1282 г.) и возстановленіе греческой имперіи въ 1261 г.

Ставши во главѣ Никейскаго царства, Михаилъ Палеологъ роздалъ важнѣйшія мѣста своимъ знакомымъ, друзьямъ и роднымъ, привязалъ къ себѣ войско и провозгласилъ себя императоромъ. Черезъ два года онъ велѣлъ ослѣпить и посадить въ темницу молодаго царевича Іоанна, послѣднюю отрасль Ласкарисовъ. Этотъ поступокъ поставилъ его въ непріязненныя отношенія къ патріарху Арсенію, но когда послѣдній удалился въ монастырь и на его мѣсто былъ выбранъ другой, Михаилъ приготовился къ окончательному сверженію латинскаго ига.

Напрасно Балдуинъ отправилъ къ Михаилу пословъ, изъявляя готовность признать Михаила императоромъ Никеи, если онъ откажется въ пользу латинянъ отъ Ѳессалоники и всѣхъ своихъ завоеваній въ Македоніи и Ѳессаліи. Палеологъ отвѣчалъ требованіемъ дани, немедленно выступилъ въ походъ подъ Константинополь и безъ труда покорилъ окрестности Византіи, но, получивъ извѣстіе о вторженіи монголовъ во владѣнія Иконійскаго султана, рѣшился отступить, оставивъ въ завоеванныхъ пунктахъ свои гарнизоны и заключивъ съ Балдуиномъ перемиріе на одинъ годъ.

Когда опасность отъ монголовъ миновала, Михаилъ, не дождавшись срока перемирія, быстро двинулся къ Константинополю, приблизился къ нему въ темнотѣ и, пославъ 50 человѣкъ взобраться на стѣны и отворить ворота, безпрепятственно утвердился въ столицѣ. Онъ зажегъ ее въ нѣскольких мѣстахъ, чтобы выжить латинянъ изъ города. Дѣйствительно пришельцы, съ Балдуиномъ во главѣ, устремились на корабли съ цѣлью отплыть въ западную Европу. 15-го августа 1261 г. Михаилъ Палеологъ вступилъ за торжественнымъ крестнымъ ходомъ чрезъ Золотыя ворота въ Царьградъ, слѣдуя за иконой Богоматери пѣшкомъ, съ обнаженной головой и безъ всякихъ знаковъ царскаго достоинства.

Слѣдствія латинскаго завоеванія.

Утвердивъ свою власть, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы залѣчить раны государства и уничтожить слѣды разрушенія, которое всюду оставило иноземное господство. Но нельзя было возстановить памятниковъ искусства, этихъ замѣчательныхъ статуй, зданій и храмовъ,—нельзя было возродить дорогихъ рукописей, находившихся въ такомъ обиліи въ монастырскихъ библіотекахъ.

Были и другіе практическіе слѣды латинскаго владычества. До того греки находились въ мирныхъ отношеніяхъ съ славянами, поддерживали ихъ взаимныя ссоры и тѣмъ отвращали ихъ отъ нападеній на Византію. Теперь же славяне почувствовали силу и нашли возможнымъ противодѣйствовать ея завоевательнымъ притязаніямъ. Такимъ образомъ измѣненіе отношеній славянъ къ Византійской имперіи было непосредственнымъ результатомъ латинскаго владычества, во время котораго славяне успѣли познать внутреннюю несостоятельность имперіи. Мы подробнѣе будемъ говорить объ этомъ, когда займемся судьбою балканскихъ славянъ въ XIII и

XIV вѣкахъ. Политическое обновленіе царствъ сербскаго и болгарскаго, ихъ полная національная самостоятельность есть прямое слѣдствіе этой эпизодической имперіи, пронесшейся тяжелымъ метеоромъ надъ Византіей.

Съ вступленіемъ на престолъ династіи Палеологовъ въ Византіи водворился прежній деспотическій порядокъ, а съ нимъ и всѣ его дурныя послѣдствія—притѣсненія населенія, нравственное растлѣніе правителей и народа. Что касается до латинскихъ порядковъ, то они, какъ совершенно чуждые Востоку, нисколько не привились на его почвѣ, такъ что спустя два вѣка, когда османскіе турки взяли Константинополь, не было видно даже слѣдовъ латинскаго владычества. Нѣкоторые клерикальные западные историки думаютъ, что завоеваніе Константинополя было карой Божіей за незаконное отнятіе престола у западныхъ завоевателей.

Это было горькое утѣшеніе. Латинское господство имѣло вліяніе на крестовыя движенія, поглотивъ въ себя силы, предназначенныя совсѣмъ для другой цѣли. Что ревность къ крестовымъ походамъ нисколько не ослабѣла въ ту пору, это видно изъ походовъ дѣтей. Эти походы, которые пытались отвергать нѣкоторые историки, дѣйствительно происходили. Первый относится къ 1212 году или 1213 г. (1). Поводомъ къ походу были слухи, что засуха въ этотъ годъ будетъ очень велика, море пересохнетъ, такъ что можно будетъ дойти до Константинополя сухимъ путемъ. Такое странное въ исторіи явленіе, какъ движеніе среди юношей, показываетъ, что мысль тогдашняго общества жила въ области мистическихъ и идеальныхъ представленій и что религіозное одушевленіе было очень сильно, если имъ могли проникнуться даже дѣти. **Крестовые походы дѣтей.**

Юные крестоносцы принадлежали къ двумъ націямъ—французской и итальянской. Предпріятіе, конечно, имѣло очень грустный исходъ. Дѣти раздѣлились на два отряда: одинъ прибылъ въ Геную, другой въ Марсель. Послѣдній отрядъ взяли подъ свое покровительство марсельскіе купцы; они ловко заманили дѣтей на свои суда и немедленно повезли

(1) Des Essarts. La croisade des enfants (P. 1875).—Статья Röhricht. Der Kinderkreuzzug (Hist. Zeitschrift; XXXVI, 1—3). Эти походы констатируютъ: Albericus подъ 1212 и 1228, Annales Colon. maximi, Ann. Plac. и другіе лѣтописцы.

ихъ вмѣсто Палестины—къ африканскимъ мусульманамъ для продажи. Изъ тысячи плѣнныхъ дѣтей въ живыхъ остались немногія, которыхъ принудили принять мусульманство. Что касается до другой партіи дѣтей, то генуэзцы нашли лучшимъ сдѣлать ихъ матросами, чѣмъ крестоносцами.—Нѣсколько лѣтъ спустя, юные нѣмцы въ числѣ 20 тысячъ, подъ начальствомъ 10-лѣтняго мальчика Николая, перевалили Альпы; большая часть разбѣжалась, другихъ вернули изъ Піаченцы. Во всей Европѣ обнаружилось сильное возбужденіе юнаго поколѣнія, неудержимо стремившагося противъ невѣрныхъ; какая-то непонятная сила одушевляла юношество. Когда отцы семействъ начали удерживать и запирать дѣтей, то они разбивали замки, рвали веревки. Очень можетъ быть что эти юные воители были плодомъ того нервознаго поколѣнія, которое страдало крестовой mania religiosa, плодомъ тѣхъ матерей, которыя бились въ конвульсіяхъ на площадяхъ городовъ, взывая къ Гробу Господню ([1]). Къ дѣтямъ присоединялись бродяги, искатели приключеній, монахи....

Когда Иннокентій III узналъ о дѣтскомъ походѣ, то говорилъ что дѣти служатъ укоризной старшимъ, остававшимся въ бездѣйствіи. Конечно онъ не могъ раздѣлять дѣтскихъ увлеченій, но масса сочувствовала дѣтямъ-крестоносцамъ, такъ какъ думала, что Богъ будетъ благосклоненъ къ безгрѣшнымъ дѣтямъ и поможетъ имъ въ борьбѣ съ невѣрными.

Что касается до болѣе серьезнаго крестоваго предпріятія на Востокъ, который хотѣлъ возбудить Иннокеній III, то оно не состоялось. Вниманіе римскаго первосвященника и его куріи было отвлечено другимъ болѣе опаснымъ и даже грознымъ движеніемъ, проявившимся по сосѣдству съ Италіей и имѣвшимъ характеръ ереси. Въ подавленіи этого движенія обнаружилось много отрицательныхъ сторонъ какъ въ самой теократической идеѣ, такъ и въ нравахъ католическаго духовенства.

Переходимъ къ этой великой и кровавой борьбѣ, вызванной ересью такъ называемыхъ Альбигойцевъ.

([1]) Объ этомъ, на основаніи свидѣтельства Alberti Stadensis, говоритъ Preger. G. der deutschen Mystik im Mittelalter; I, 54.

3) Развитіе еретическихъ ученій подъ славянскимъ вліяніемъ. Богомилы, патарены, катары и вальдензы. Альбигойскія войны и послѣдствія ихъ. Подчиненіе Лангедока французской коронѣ.

Въ изложеніи дѣятельности Иннокентія III мы усмотрѣли, какъ широко охватывала его власть тогдашній западный міръ. Мы видѣли, что въ отношеніяхъ ко всѣмъ европейскимъ государямъ онъ оставался безграничнымъ повелителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ побѣды теократіи на Западѣ, Иннокентію, казалось, представилась возможность водворить то единство каѳолической Церкви, какое было четыре вѣка тому назадъ. Въ этихъ видахъ, четвертый крестовый походъ давалъ нѣкоторыя надежды римской куріи присоединить къ своей Церкви эту твердыню православія, Византійскую имперію. Изъ очерка судебъ Латинской имперіи въ Константинополѣ можно убѣдиться, какъ ошибочны были такія надежды и какъ мало расположенъ былъ тамъ народъ къ перемѣнѣ православія на католичество. Ни патріархи латинскіе, ни іерархія католическая, ни искусство пропаганды, ни личность Иннокентія III сама по себѣ — ничего не могли сдѣлать для церковнаго объединенія Востока съ Западомъ. Этотъ широкій замыселъ римской куріи былъ оригиналенъ уже и потому, что въ это время побѣдоносная курія страдала болѣзнями, вытекавшими изъ склада ея собственнаго организма. Для папской власти появилась опасность въ видѣ ереси тамъ, гдѣ, конечно, можно было ожидать ее всего менѣе. Громадное тѣло католицизма представило такую брешь, которая грозила ему разрушеніемъ и была подготовлена рядомъ предшествовавшихъ событій. Разумѣемъ протестантскія ученія, которыя въ XII вѣкѣ были особенно сильны на почвѣ южной Галліи, въ областяхъ, говорившихъ языкомъ провансальскимъ, въ нынѣшней южной Франціи, преимущественно на правомъ берегу средняго теченія Роны.

Графство Тулузское.

Здѣсь были расположены владѣнія съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ управленіемъ въ каждомъ городѣ. Эти домены и города только номинально подчинялись власти своихъ феодаловъ, тѣхъ феодаловъ, которые въ свою очередь считали своимъ сюзереномъ то герцога Аквитаніи, то короля Арраго-

ніи, то короля Франціи. Изъ этихъ владѣтелей выдавался въ началѣ XIII вѣка герцогъ тулузскій Раймондъ VI, которому принадлежали: герцогство Нарбонна, графства Венэссенъ, Санъ-Жиль, Де Фуа и Комменгъ, виконтства Альбижуа, Вивофэ, Геводанъ, Велэ, области Руэргъ, Аженуа и Керси.

Династія Раймондовъ была извѣстна еще въ VIII вѣкѣ. Около Раймунда VI собирались трубадуры, подсмѣивавшіеся давно надъ католической Церковью; при его дворѣ происходили суды любви, возбуждавшіе столько вопросовъ во взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины, дававшіе свѣжія краски пѣснямъ трубадуровъ. Эти графы, окруженные лучшими представителями древней культуры, не чуждые прикосновенія съ сарраценской цивилизаціей, жили въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ своимъ роднымъ городомъ Тулузой. Со времени римлянъ города латинскіе,—такъ назывались коммуны южной Галліи, и Тулуза въ томъ числѣ,—пользовались полной самостоятельностью, управлялись преимущественно консулами и имѣли письменные римскіе кодексы. На этомъ благодатномъ Югѣ феодальные властители чувствовали себя пришельцами. Даруя самоуправленіе горожанамъ, они должны были защищать ихъ отъ покушеній болѣе крупныхъ феодаловъ, герцога Аквитаніи, королей Аррагоніи и Франціи.

Графы Тулузскіе, еще съ конца IX столѣтія, владѣли областью Альбижуа, названной такъ по имени города Альби, города, получившаго потомъ столь громкую извѣстность, какъ центръ ереси, извѣстной подъ именемъ ереси „Альбигойцевъ“.

Происхожденіе альбигойскаго катаризма.

Здѣсь собственно проявилось два церковныхъ направленія, кромѣ ортодоксальнаго: *одно* вело свое происхожденіе отъ восточныхъ гностическихъ и манихейскихъ ученій и отличалось восточнымъ мистицизмомъ; *другое* было болѣе близко къ Европѣ и представляло изъ себя раціональное развитіе тогдашняго христіанства. Первое направленіе составляетъ собственно догма альбигойцевъ или катаровъ, второе — ученіе такъ называемыхъ вальдензовъ. Должно замѣтить, что оба эти направленія часто безразлично называются ересью альбигойцевъ и даже церковные историки нашего времени, не всегда умѣя ихъ различить, часто обвиняютъ вальдензовъ въ тѣхъ фантазіяхъ и заблужденіяхъ, которыя всегда проявляли лишь альбигойцы катары. Это альбигойское вѣроученіе, жестоко заклейменное католиками, было тоже не самостоятельно. Пока

займемся альбигойскимъ направленiемъ собственно, т. е. восточной вѣтвью ереси, которая имѣетъ свой корень въ ученiи персидскихъ маговъ, въ бредняхъ гностиковъ, манихейцевъ и павликiанъ.

Вѣками оно шло и надвигалось съ Востока на Западъ, идя упорно, оставляя послѣ себя слѣды въ церковныхъ догматическихъ положенiяхъ. Можно опредѣлить каждый моментъ постепеннаго развитiя этого, такъ называемаго альбигойскаго вѣроученiя, исходившаго изъ восточныхъ источниковъ. Можно отмѣтить также тѣ слѣды, которые оставляло оно въ своемъ шествiи до появленiя на почвѣ южной Галлiи. Манихейцы, бывшiе, какъ извѣстно, послѣдователями ученiя Манеса, который въ свою очередь былъ ученикомъ Зороастра, и павликiане, развившiе ученiе манихейцевъ, — тѣ и другiе породили эти не столько богословскiя, сколько фантастическiя идеи на Балканскомъ полуостровѣ. *Послѣдователи Манеса были первымъ звеномъ въ образованiи ученiя катаровъ.* О нихъ мы говорили въ свое время (I, 20—23) въ первомъ томѣ нашего труда (¹). Изъ глубины Азiи манихейцы перенесли свои мечтанiя на Балканскiй полуостровъ въ предѣлы имперiи. Ихъ догма удерживала существенный характеръ; мѣнялись только подробности отъ разныхъ наслоенiй.

Павликiане.

Однимъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ исторiи образованiя дуалистической догмы катаровъ было обращенiе ея въ греческiя формы „павликiанъ и эвхитовъ“ и въ славянскiя тенденцiи „богомиловъ“. Въ этихъ своихъ формахъ манихеизмъ еще одною ступенью приблизился къ альбигойству.

Еретиковъ въ Восточной имперiи распространилось болѣе чѣмъ въ Западной. Что они тамъ составляли вмѣстѣ и политическое общество, это видно на исторiи восточныхъ павликiанъ, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ западныхъ, гдѣ эта секта далеко не имѣла такого значенiя. Павликiане вышли изъ Арменiи. Тамъ былъ главный центръ этой ереси. Когда часть ихъ исчезла на Западѣ Европы, остальные представили тѣмъ болѣе грозную силу въ предѣлахъ Византiйской имперiи. Они рано сложили догму своей религiи подъ влiянiемъ теологическихъ идей Востока и позже своихъ западныхъ со-

---

(¹) Еще подробнѣе въ Исторiи Альбигойцевъ; I, 117—121, гдѣ приведена литература вопроса.

братьевъ вступили на сцену исторіи. Нѣкогда они называли себя дѣтьми солнца, т. е. его слугами. Ихъ проповѣдники: Константинъ (въ VII вѣкѣ) и его преемники Симеонъ, Павелъ, Іосифъ (въ VIII вѣкѣ), постепенно распространили павликіанскую догму въ Малой Азіи, учредивъ административный центръ своего общества въ Фанарѣ на Геллеспонтѣ. Они умѣли ладить съ арабами и греками; пользуясь тогдашними политическими событіями, они пріобрѣли себѣ самостоятельность. Когда императоры приказали ихъ преслѣдовать, то встрѣтили въ лицѣ ихъ пророка и вождя Корбеаса энергическое сопротивленіе. Всѣ мелкія секты соединились вокругъ него и сдѣлались даже нападающею стороной. Исповѣдники павликіанства составляли какъ бы status in statu; они имѣли своего вождя, свое почти независимое общество, свою территорію. Они вели прямую войну съ императоромъ Василіемъ; ихъ полководцы, послѣ многихъ неудачъ, подчинились правительству. Іоаннъ Цимисхій далъ имъ землю для поселенія, обязавъ защищать ее отъ „хищничества скиѳовъ“, предоставляя за то павликіанамъ свободу вѣры. Это была большая страна во Ѳракіи, около Филиппополя, имѣвшая такое большое значеніе въ глазахъ альбигойцевъ, какъ центральный источникъ еретическаго ученія. Скоро, говоритъ Анна Комненъ, все кругомъ Филиппополя стало еретическимъ (¹). Страна эта сдѣлалась мѣстомъ спасенія всѣхъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ за убѣжденія, преимущественно религіозныя; она покрылась общинами еретиковъ.

Эвхиты. Эвхиты и мессаліане были однимъ изъ такихъ обществъ, вѣтвью павликіанъ. Лукапетра и его ученика Сергія они считали своими ересеначальниками, выработавшими ихъ догму. Сергій считался также реформаторомъ общественнымъ. Для доказательства своихъ убѣжденій, еретики перетолковывали нѣкоторыя мѣста евангелія отъ Матѳея. Новый завѣтъ они принимали не вполнѣ, ограничиваясь четверо-евангеліемъ, четырьмя посланіями Павла, посланіями Іакова, Іоанна, Іуды и Дѣяніями. Скорѣе католики чѣмъ дуалисты, они не остались однако чуждыми нѣкоторымъ обрядамъ и обычаямъ манихейства и магіи. Ихъ упрекали между прочимъ въ сно-

(¹) Annae Comnenae Alex. l. XV (ed. Niebuhr, 1839).

шеніяхъ съ духами, которыхъ они одолѣвали молитвою и изгоняли, совершая различныя тѣлодвиженія. Но, придя въ страну дуализма, они должны были заимствовать чужое ученіе, сочетать съ нимъ свое и составить систему, которая вышла въ нѣкоторыхъ частяхъ мистическою, въ остальныхъ же манихейскою. Крещеніе они отвергнули; церковная внѣшность была для нихъ дѣломъ постороннимъ. Въ каждомъ человѣкѣ, по убѣжденію евхитовъ, присутствуютъ демоны, съ самаго дня рожденія: исцѣлиться отъ нихъ можно только неустанною молитвою. Потому качество пищи не казалось важнымъ; воздержаніе отъ мяса было необязательно. Но аскетизмъ и иноческая жизнь требовались этою системою болѣе, чѣмъ какою либо изъ манихейскихъ. Страна скоро покрылась монастырями, около которыхъ стали появляться отшельники. Мессаліане давно таили въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни — съ тѣхъ поръ, какъ только запоминали себя въ предѣлахъ Месопотаміи, Сиріи и Памфиліи. Догматика секты состояла въ признаніи вѣчной борьбы добраго Бога съ злымъ демономъ, въ исчезновеніи души въ звѣздныхъ сферахъ, въ необходимости отчужденія отъ злаго духа. Православные греки разсказывали про тайныя собранія еретиковъ много ужаснаго, упоминали про свальный грѣхъ, про умерщвленіе младенцевъ, кровь и пепелъ которыхъ они-де истребляли, но подобные разсказы передавались и про первыхъ христіанъ и про другія общества, уклонившіяся отъ правовѣрія, если только оба пола участвовали на такихъ собраніяхъ. Евхитовъ иначе называли греки энтузіастами или пневматиками. Зенды, сирійскій гнозисъ, манихеизмъ, всѣ эти стороны азіатскаго философскаго духа оказали вліяніе на фанатическое ученіе эвхитовъ, современное развитію религіозныхъ созерцаній богомиловъ Болгаріи (1). Собственно послѣдніе вводятъ насъ во ***второй періодъ альбигойства, періодъ славянскій.***

Славянскія вліянія.

Такъ называемое богомильство послужило переходомъ къ альбигойству. Богомильство есть продуктъ или точнѣе разви-

---

(1) Schnitzer. Die Euchiten im XI Iahrhundert (Studien der Geistlichkeit Würtemberg's; B. XI, № 1, J. 1839). — Gieseler. Untersuchungen über die Gesch. der Paulicianer (Theologische Studien und Kritiken. J. 1829, № 1).— Petri Siculi hist. Man. et Paulic.—F. Schmidt. Hist. Paulic. orientalium. 1826. — Источникомъ служитъ: Euthymius Zygabenus. Triumphus de secta Messalianorum qui et Bogomili, nec non Euchitae, Enthusiastae, Encratitae et Marcionitae appellantur (Bibl. Max. Patrum; XIV, 293 etc.).

тіе манихейскаго ученія, которое среди мѣстныхъ политическихъ и религіозныхъ условій балканскихъ славянъ нашло себѣ благопріятное развитіе. Самый складъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ славянъ-язычниковъ не остался безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу христіанства въ Болгаріи. Объяснить распространеніе ереси между слявянами исключительно посредствомъ одной пропаганды павликіанъ, — нельзя. Въ другихъ концахъ балканскаго полуострова, кромѣ окрестностей Филиппополя, дуалисты имѣли свои церкви еще раньше. Такъ было въ западной Македоніи, между прочимъ, въ городѣ Филиппахъ; такія еретическія церкви попадались до павликіанъ въ Ахаіи. Но тѣмъ не менѣе манихейство упрочилось въ Болгаріи и переработалось тамъ въ новую систему. Болѣе того: существуя въ странѣ издавна, оно противодѣйствовало распространенію въ ней христіанскаго ученія. Великіе просвѣтители и апостолы славянскіе, по обращеніи Бориса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи оставили язычество неискорененнымъ; тамъ оно продолжало существовать до самаго царя Петра Симеоновича. Оставшееся язычество стало предметомъ прозелитизма манихейцевъ, имѣвшихъ своихъ проповѣдниковъ и вліятельныхъ представителей во всѣхъ предѣлахъ имперіи. Еретики отличались радушіемъ, общительностью, краснорѣчіемъ. Іоаннъ, извѣстный экзархъ болгарскій, въ своемъ четвертомъ словѣ, смѣшиваетъ язычниковъ съ еретиками: „да ся срамляютъ убо вси пошибени и скверніи Манихеи и вси погани Словени и вси языцы зловѣрніи“, говоритъ онъ ([1]). Не успѣлъ еще умолкнуть послѣдній звукъ поученія просвѣтителей Болгаріи, какъ туда прибыли павликіанскіе миссіонеры изъ Арменіи ([2]). Они повели дѣло съ необыкновеннымъ успѣхомъ и скоро ихъ заблужденія стали грозить православію. Если не стало язычниковъ, то появилось несравненно болѣе опасное и страшное общество, сочлены котораго пользовались большими средствами и нравственнымъ авторитетомъ. Еще опаснѣе стали они, когда явился между ними одинъ изъ тѣхъ вождей, которые призваны быть ересіархами. Онъ совершилъ реформу въ манихеизмѣ и создалъ особый видъ этой ереси, прозванной по его имени.

([1]) С. П. Палаузовъ. Вѣкъ болгарскаго короля Симеона; 92.

([2]) Petri Siculi—hist. Man. 2,—въ письмѣ къ архіепископу болгарскому, для котораго предназначалось все сочиненіе; онъ узналъ о посольствѣ отъ павликіанъ армянскаго мѣстечка Тигрикъ.

Причины и условія успѣховъ ереси среди славянъ.

Это былъ попъ именемъ Богоумилъ, о которомъ замѣтилъ православный обличитель — „а по истинѣ Богоу не милъ“ ([1]). Онъ, — это было въ концѣ X вѣка, — жилъ въ царствованіе Самуила ([2]). Успѣхамъ этого славянскаго Манеса способствовали политическія обстоятельства и основныя причины. На болгарахъ и прочихъ славянахъ столкнулись претензіи двухъ властей церковныхъ: папы римскаго и патріарха константинопольскаго. Польскій историкъ Мацеёвскій, убѣдительно доказалъ, что первый свѣтъ христіанства на славянъ былъ пролитъ съ Востока, что они издавна входили въ составъ восточнаго патріархата, но папы съ своими свѣтскими стремленіями насильственно вовлекали славянъ въ лоно католической Церкви ([3]). Характеръ проповѣдей тѣхъ и другихъ миссіонеровъ значительно различался въ пріемахъ. Рѣчь западныхъ была на непонятномъ языкѣ; она часто приносила съ собою только притѣсненія и нищету для обращаемыхъ; греческая же проповѣдь обладала тайною успѣха. Славяне, обитавшіе вблизи Византіи, охотно принимали христіанство, потому что святые апостолы объясняли имъ таинства вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Хотя они и любили языческіе обряды, продолжая слѣдовать имъ, даже будучи христіанами, но никогда не защищали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Потому сцена проповѣди греческихъ монаховъ распространилась до далекихъ предѣловъ. Католическимъ же ученымъ—особенно Мацеёвскому—принадлежитъ честь сознанія,

([1]) Слово святаго Козмы презвитера на еретики препреніє, въ редакціи XVI вѣка, по рукописи Московской Духовной Академіи напечатано въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku (v Zagrebu); od god 1857, knjiga IV; 72) а по рукописи Соловецкой, находящейся въ Казанской Академіи, въ Православномъ Собесѣдникѣ 1864 (I, 486—500, II. 82, 198, 310, 411). Это лучшее и болѣе научное изданіе.

([2]) Такъ показываетъ и другое свидѣтельство, записанное о Богомилѣ въ синодикѣ царя Бориса отъ 1210 года. См. А. Ѳ. Гильфердинга. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ; I, 172. (М. 1856—57).—По Euthymius Zyg. именованіе секты происходитъ отъ «Боже милуй». Chr. Wolf. Historia Bogomilorum (Witt. 1712, in) 4); p. 1.

([3]) Maciejewski. Pierwotne dzieje chrzc. kośc. u Slowin—въ Pamiętniki o dziejach Słowian (Pet. 1839; t. I. 41—193). Русскій переводъ отдѣльнымъ сочиненіемъ Евецкаго (Исторія первобытной христіанской Церкви у Славянъ. 1840), стр. 17—18.

что во всѣхъ славянскихъ земляхъ, до горъ Татры, первоначальнымъ христіанствомъ было восточное и что только искусствомъ и политикою Рима оно замѣнилось латинскимъ ([1]). Оно съ изначала было посѣяно въ Моравіи ([2]), Чехіи ([3]), Кроаціи ([4]), Силезіи ([5]), даже въ Польшѣ ([6]) и наконецъ въ Венгріи ([7]). — Возвращаясь для уясненія богомильства къ эпохѣ распространенія христіанства въ Болгаріи, замѣтимъ прежде всего, что въ то самое время, когда казалось были навсегда утеряны для католицизма славянскія страны, римская курія съ удивительною прозорливостію не только уничтожила среди западныхъ славянъ слѣды греческаго миссіонерства, но даже умѣла склонить болгаръ къ отложенію отъ восточной Церкви, только что усыновившей ихъ Едва успѣлъ императоръ Михаилъ удалить римско-католическаго епископа, какъ поспѣшилъ дать большія права болгарской Церкви, чтобы удержать ее за собой; ея архіерей получилъ второе мѣсто послѣ константинопольскаго, а около половины X вѣка сдѣлался независимымъ патріархомъ, но впрочемъ не надолго. Болгарія, возбуждавшая зависть папъ, была долго предметомъ вражды двухъ великихъ Церквей; она послужила наконецъ одною изъ причинъ ихъ раздѣленія. Важно то, что въ отношеніи Болгаріи столько же играли роль экономическіе интересы папъ, сколько универсальные виды герман-

([1]) Maciejowski замѣчаетъ по этому поводу: «Дѣйствительно иностранцы спѣшили водворить за Карпатами западную образованность, зная, что чужеземное растеніе, пересаженное на чуждую для него почву и воспитанное нерадивымъ наемникомъ, не улучшитъ земли, въ которую оно пуститъ корни, а напротивъ повредитъ ей, поглощая питательные соки, необходимые для произращенія чужеземныхъ растеній». Таково было и вліяніе чужой цивилизаціи. Pamiętniki; I, 112.

([2]) Мацеёвскій. Ист. первобытной христ. Церкви у Славянъ; 55, 84.

([3]) Тамъ-же; 162.—Е. Новиковъ. Православіе у Чеховъ. М. 1848.— Остатки слов. богослуженія у Чеховъ. изд. Ганки. Прага, 1859.

([4]) Мацеёвскій; 55.

([5]) Тамъ-же; 165.

([6]) Тамъ-же; 163. Фризе, Бандтке, Оссолинскій, Сярчинскій и Семенскій, — принимаютъ греко-славянское вѣроисповѣданіе древнѣйшимъ.

([7]) Мацеёвскій; 72—75. Въ маджарскомъ языкѣ сохраняются греческія слова по предмету богослуженія. Также замѣтны кое-гдѣ остатки греко-славянскаго богослуженія въ т. н. «гайдукскихъ» городахъ.

скихъ императоровъ. Въ болгарской странѣ, гдѣ дьяволъ и нѣмецъ стали синонимами, вмѣстѣ съ римской пропагандой грозило и онѣмеченіе, уничтоженіе національности въ будущемъ (1). Въ силу того папская политика упорно сопротивлялась введенію отечественнаго языка въ богослуженіе въ то время, когда нѣмецкая цивилизація, по сознанію самого Раумера, напрягала съ своей стороны усилія къ уничтоженію славянскаго языка и народности между западными славянами (2). Надо замѣтить, что такая непріязненная политика, какъ увидимъ сейчасъ, должна была сильно способствовать образованію славянскаго дуализма, который въ свою очередь сталъ непосредственнымъ предшественникомъ катаризма альбигойцевъ. Принятіе христіанства славянами изъ Цареграда и обусловливалось именно характеромъ византійской церковной пропаганды, которая никогда не устраняла мѣстной церковной особенности. „Восточное христіанство никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя слово Бога на ихъ языкѣ и охотно дозволяя перелагать его на всевозможные глаголы человѣческіе“ (3). Не такъ поступала Римская Церковь, имѣвшая, на основаніи историческихъ традицій, великіе унитарные виды.

Когда, вслѣдствіе указанныхъ несогласій съ греками, болгары стали колебаться между верховными Церквами, а чехи и мораване совершенно подчинились Риму, то эта политика папъ, проводимая со всѣмъ искусствомъ, послужила причиною зарожденія оппозиціи, отклонявшейся отъ чистаго христіанства и ради любви къ національному культу склонявшейся на сторону манихейскаго вѣроученія, которое между тѣмъ не переставало до и послѣ богомиловъ вести свою пропаганду. Рядъ папскихъ грамотъ направленъ противъ славянскаго языка. Первыя изъ нихъ еще дѣлаютъ нѣкоторыя уступки. Тогда еще живы были просвѣтители, тогда необходимо было заручиться расположеніемъ новообращаемаго племени и отвратить его отъ враждебныхъ грековъ. Такой снисходительной политики держатся Адріанъ II (4) и Іоаннъ VIII

(1) Мацеёвскій. 72 и др. Также думалъ ученый Engel. Gesch. des ungrischen Reichs (Wien, 1813); I, 87.

(2) У Мацеёвскаго прим. 168.

(3) О. М. Бодянскій. О времени происх. слав. письменъ; 380.

(4) Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae; I, 14 — 15 (1855). — Папа

(867—882 г.), изъ которыхъ послѣдній сперва запретилъ славянскій языкъ ([1]), но потомъ, послѣ принесенія оправданія, защитилъ Меѳодія отъ постоянныхъ нападокъ нѣмецкаго духовенства ([2]). Стефанъ V (885 — 891 г.) возстаетъ противъ мѣстнаго языка съ такою рѣшительностью, которая показываетъ всю настоятельную важность его для интересовъ славянскаго населенія ([3]), неправильно понимавшаго догматъ о Троицѣ. Культъ славянскаго богослуженія распространенъ былъ даже въ тѣхъ странахъ, которыя всегда имѣли связь съ Римомъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Іоаннъ X (812—928 г.) въ посланіи къ сполатрскому духовенству требуетъ непремѣннаго употребленія латинскаго языка ([4]), и въ грамотѣ къ Томиславу, королю хорватскому, замѣчаетъ, что много неправильностей въ книгахъ славянскихъ ([5]). Далмація и Славонія, о которыхъ папа такъ заботился, дѣйствительно послужили послѣ посредствующимъ пунктомъ въ передачѣ богомильскихъ воззрѣній въ Италію къ патаренамъ и въ Лангедокъ къ альбигойцамъ. Римъ такимъ образомъ давно предчувствовалъ опасность. Въ той же Далмаціи, сплѣтскій соборъ въ 925 году постановилъ, что „епископъ не можетъ посвящать въ какой либо церковный санъ того, кто знаетъ только славянскій языкъ" ([6]). Іоаннъ XIII (964—972 г.) въ

позволялъ читать Апостолъ и Евангеліе по славянски, но только въ видѣ перевода послѣ латинскаго чтенія.

([1]) Erben, Regesta; I, 16.

([2]) Меѳодій вернулся изъ Рима, куда вызывалъ его папа, оправданнымъ отъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій. Іоаннъ VIII соглашался на условія Адріана II; Erben. I, 17—18. По поводу суда надъ Меѳодіемъ см. розысканія Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій, какъ правосл. пропов. 1863; 413—416) и Бильбасова (Кир. и Меѳодій, II. 1868; I, 88—92). Объ этомъ у насъ въ Ист. ср. вѣковъ, въ первомъ томѣ, стр. 350.

([3]) Wattenbach. Beiträge zur Gesch. der christichen Kirche in Mähren und Böhmen (W. 1849); 43. — Erben полагаетъ принять датой 884 г.; I, 20.—О спорныхъ вопросахъ относительно этого письма, въ подлинности котораго нѣтъ достаточнаго основанія сомнѣваться, см. у Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій, какъ прав. проп. стр. 17—27) и Е. Голубинскаго (Очеркъ исторіи прав. Церквей болг., сербской и румынской М. 1871).

([4]) Farlati. Illyricum sacrum; III, 93—94.

([5]) Farlati; III, 94—96.

([6]) Artic. X въ постановленіяхъ этого собора,—у Farlati; III, 97.— Статья въ Прав. Соб.—«О сербской Церкви»; 1866 г. II, 36.

посланіи къ Болеславу II чешскому, разрѣшая ему учредить свою епископію, обязываетъ его непремѣннымъ условіемъ совершать богослуженіе „не по обряду и сектѣ народовъ болгарскаго или русскаго, и притомъ не на славянскомъ языкѣ, а слѣдуя въ точности учрежденіямъ и постановленіямъ (?) апостольскимъ" (1). Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія новый сплѣтскій соборъ считаетъ полезнымъ подтвердить запретъ славянскаго церковнослуженія, постановивъ при этомъ, что ни одинъ славянинъ не можетъ быть возведенъ въ священническій санъ (2). Еще болѣе побудительныя основанія для оппозиціи католичеству должны были существовать на Балканскомъ полуостровѣ, въ предѣлахъ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи, Хорватіи, особенно при Гильдебрандѣ, который исходилъ изъ крайнихъ воззрѣній католической исключительности (3).

Впрочемъ были и прямыя причины подготовившія почву для дуализма.

Мы замѣтили въ свое время (I, 339) что, съ самыхъ древнихъ временъ, славяне предрасположены были къ дуалистическому представленію о высшихъ правящихъ силахъ. Дуализмъ былъ сроденъ славянской натурѣ; еще язычникомъ, славянинъ зналъ о немъ. То показываетъ славянская миѳологія, которая не объединяла понятіе о божествѣ, а напротивъ раздробляла его. Славянское человѣчество привыкло издревле выражать свое счастіе бѣлымъ цвѣтомъ или свѣтомъ, а несчастіе чернымъ или мракомъ. Въ основѣ того лежала холодная метафорическая мысль о причинахъ. Потому, олицетворивъ невѣдомую причину, славянинъ основалъ свое вѣрованіе на мысли, что „доброе начало всегда производитъ для человѣка только добрыя послѣдствія, а злое—всегда только пагубныя". Отъ этой мысли произошло раздѣленіе и самыхъ олицетвореній на „бѣлыхъ боговъ", которые уже никогда не дѣлали зла, и „черныхъ", которые никогда не дѣлали добра (4). Между собою они всегда враждуютъ; добрые и злые духи соблюдаютъ и защищаютъ свои интересы,—свидѣтельствомъ того служатъ **Дуализмъ у Славянъ.**

(1) Erben. Regesta; I, 29.

(2) «In primis proscripta fuit atque interdicta liturgia Slavonica, et gravissimis poenis interpositis cautum est, ne quis in posterum alia lingua, nisi aut Latina, aut Graeca ad rem divinam faciendam precesque publicas Deo divisque adhibendas uteretur». Farlati; III, 128—130.

(3) Erben; I, 70.—Статья о болг. Церкви въ Прав. Соб. 1865 г. кн. IX.

(4) Венелинъ. Древніе и нынѣшніе Болгаре (М. 1829—41); II, 151.

произведенія славянской народной поэзіи (1). Дуализмъ, присущій религіозно-христіанскимъ вѣрованіямъ славянскаго племени, былъ отмѣченъ священникомъ бюцовскимъ Гельмольдомъ, путешествовавшимъ между померанскими славянами во второй половинѣ XII вѣка. Языческій культъ дуализма не переставалъ рѣшительно прорываться среди христіанства. „Удивительно заблужденіе славянъ, говоритъ Гельмольдъ въ своей хроникѣ; на сходбищахъ своихъ и играхъ, они обносятъ круговую чашу, возглашая надъ ней слова не скажу, благословленія, но проклятія, именемъ боговъ добраго и злаго, ибо они ожидаютъ отъ добраго Бога счастливой доли, а отъ злаго несчастливой; потому злаго бога и называютъ на своемъ языкѣ діаволомъ или Чернобогомъ, т. е. богомъ чернымъ, а добраго Бѣлбогомъ" (2). Славянскіе Бѣлбогъ и Чернобогъ были обоготвореніемъ противоположныхъ началъ, столь вліятельныхъ въ судьбѣ человѣка, первое какъ символъ развитія, второе— увяданія. „Такое двойственное воззрѣніе, говоритъ одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ славянской науки, воззрѣніе на природу, въ царствѣ которой дѣйствуютъ и добрыя и злыя силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на всѣ религіозныя представленія. Поклоняясь стихійнымъ божествамъ, человѣкъ одни и тѣ же явленія различалъ по мѣрѣ участія ихъ въ созданіи и разрушеніи міровой жизни, по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи ихъ съ элементами свѣта и тепла. Такъ, опустошительныя бури и зимнія вьюги почитались порожденіемъ нечистой силы,—рыщущими по полямъ бѣсами, тогда какъ весенніе вѣтры, пригоняющіе

(1) Тамъ-же; II, 154.

(2) «Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationes, sed execrationis verba, sub nomine deorum boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appelant. — bonumque Belboch» (прибавляется по инымъ спискамъ). Helmoldus. Chronicon sive Annales Slavorum; l. I, c. 52. Въ другомъ мѣстѣ (I. 24), онъ признаетъ у славянъ единаго Бога на небесахъ повелѣвающаго другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ (И. И. Срезневскій. Языческое благослуженіе др. Славянъ; срв. стр. 2 и 19).—Такое сочетаніе представленій издревле способствовало устраненію крайностей дуалистическаго направленія. Gieseler, Ueber den Dualismus der Slaven (Theolog. Studien und Kritiken. 1837; II, 357).

дождевыя облака и очищающіе воздухъ отъ вредныхъ испареній, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками въ битвахъ со злыми духами (1)". Черезъ нѣкоторое время, славянинъ перенесъ власть злой силы на все имѣющее подобіе мраку, разрушенію въ мірѣ нравственномъ и ставилъ то ей въ подначаліе,—подобно тому какъ съ Бѣлбогомъ онъ слилъ понятіе о Свѣтовидѣ, на основаніи тождества представленій о бѣломъ и свѣтломъ. Древняя дуалистическая система принадлежала всему славянскому племени. Въ странахъ имъ занимаемыхъ, даже въ Россіи, сохранились доказательства того въ остаткахъ географическихъ названій. Въ землѣ лужичанъ, близь Будишина, есть гора Чернобогъ, и не подалеку отъ нея другая Бѣлбогъ и здѣсь же по преданію были мѣста языческаго служенія (2); слѣдовательно— каждому богу полагался отдѣльный культъ служенія. Наконецъ убѣдительное доказательство того, сколько благопріятныхъ элементовъ для дуалистическаго христіанскаго культа представлялось въ язычествѣ,—такое доказательство представляетъ мѣсто изъ Густинской Лѣтописи, гдѣ стариннымъ волхвамъ славянскимъ приписывается убѣжденіе: „два суть бози: единъ небесный, другой во адѣ" (3). Все это показываетъ, какое предрасположеніе къ дуалистической ереси было вообще въ славянскомъ духѣ. Въ свою очередь политическія событія, честолюбивыя стремленія папъ, неопредѣленность отношеній Болгаріи къ Византіи, ея колебанія между Греческою и Римскою Церковью, вѣчныя опасенія населенія подпасть Римскому духовенству въ виду исключительной политики первосвященниковъ,— съ своей стороны побуждали ожидать серьезнаго и стройнаго проявленія недовольства между болгарами.

---

(1) А. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (М. 1865); I, 112 и вообще I. 89—113.

(2) И. И. Срезневскій. Языч. богосл. др. сл. 13.—Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. Сл. I. 93. Воспоминанія въ слѣд, мѣстностяхъ Россіи: урочище Бѣлые боги за Москвой, Троицко-Бѣлбожскій монастырь въ костромской губ. и Чернобожье. Въ Бамбергѣ былъ найденъ идолъ Чернобога въ видѣ волка,—какъ миѳическаго представителя ночи, тучъ и зимы,—съ рунической надписью.

(3) Густинская лѣтопись подъ 1070 годомъ. См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей; II, 273.

И дѣйствительно, въ Болгаріи изъ манихейско-павликіанскихъ воззрѣній образовалась Церковь съ тою іерархіей и догматикой, которыя послужили послѣ образцомъ для провансальскихъ катаровъ.

Богомилъ и его послѣдователи.

Богомилъ, по инымъ онъ же и Іеремія, вождь первыхъ еретиковъ Болгаріи, создавъ эту Церковь въ главныхъ манихейско-павликіанскихъ основаніяхъ ея, оставилъ продолжать дѣло взлелѣянной имъ вѣры своимъ ученикамъ. „Синодикъ царя Бориса", предавая всѣхъ ихъ анаѳемѣ, перечисляетъ имена проповѣдниковъ и разсадниковъ славянскаго дуализма. То были Михаилъ, Ѳеодоръ, Добря, Стефанъ, наконецъ, Василій и Петръ ([1]). Каждый изъ нихъ выдавалъ себя за Іисуса, какъ пророки русскихъ духоборцевъ и подобные имъ сектаторы, окружая себя апостолами, а иногда и простыми учениками. Одинъ изъ нихъ, Василій дѣйствовалъ съ особой ревностію. Онъ давно прославился искусствомъ проповѣди и тайной вліянія. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, когда вышелъ на проповѣдь. Онъ носилъ иноческую рясу, но оставался врачемъ по ремеслу во все продолженіе своей 50-лѣтней проповѣди. Онъ назывался то апостоломъ Петромъ, то самимъ Спасителемъ ([2]). Тогдашній императоръ Алексѣй Комненъ отличался ревностью прозелита къ православію. Еще въ Филиппополѣ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, онъ принялъ мѣры противъ павликіанъ. Негодованіе его усилилось, когда онъ узналъ, что еретики, послѣдователи и ученики Василія, скрываются въ самомъ Царьградѣ. Императоръ велѣлъ захватить престарѣлаго проповѣдника. Но напрасно царь истощалъ все свое краснорѣчіе: онъ не получилъ надежды когда либо убѣдить его. Василій былъ осужденъ на сожженіе. Его ученики были заключены въ тюрьмахъ, гдѣ отецъ ученой Анны самъ навѣщалъ ихъ ([3]). Тѣмъ не менѣе, мученическая судьба Василія нисколько не потрясла церкви Богомила. Центромъ ереси продолжалъ быть

([1]) Приведено къ книгѣ А. Ѳ. Гильфердинга. Письма о Серб. и Болг. I, 172.—Объ имени Іеремія, см. Šafarik. Památky hlaholského pisemnictvi (Pr. 1853); úvod; p. LX.

([2]) Euthymins Zygabenus. Victoria de Messal. secta apud Schmidt. Hist. des Cathares; I. 13.

([3]) Anna Comnena. Alex. I. XV.

Филиппополь. Отсюда-то богомильство распространилось за Балканы, на Западъ, гдѣ предстояла ему цѣлая исторія, полная грустнаго и вмѣстѣ драматическаго содержанія.

Тѣснимое и гонимое властями, богомильство не думало совершенно покидать своей отчизны, где слѣды его, какъ отдѣльной организаціи, съ особымъ богословіемъ Константина Хризомата, можно отчетливо наблюдать до XII столѣтія. *Богомилы называли себя* также и греческимъ словомъ *„катары"*, тѣмъ именемъ, которое, слѣдуетъ замѣтить, еще съ первыхъ вѣковъ христіанской вѣры, прилагалось ко всѣмъ измышленіямъ, имѣвшимъ между прочимъ въ предметѣ нѣкоторое воздержаніе. Чтобы жизнь вполнѣ соотвѣтствовала такому названію, духъ долженъ осуществить полную побѣду надъ грубымъ матеріальнымъ бытіемъ, побѣду надъ діяволомъ, который хочетъ быть совершенно равносильнымъ Богу. Признаніе Новаго Завѣта, переведеннаго съ греческаго текста на славянскій, отверженіе Ветхаго какъ изобрѣтенія діявольскаго, общедоступная проповѣдь на отечественномъ языкѣ въ видахъ распространенія пропаганды, отрицаніе Крещенія и Причащенія, мысль, что Христосъ имѣлъ только видимое тѣло, непринятіе образовъ и креста, соблюденіе нѣкоторыхъ практическихъ обрядовъ, — все это связывало богомильство съ предшествовавшимъ ему манихействомъ и восточнымъ павликіанствомъ, изъ которыхъ оно органически развилось. Собственно богомилами выработанъ обрядъ возложенія рукъ для сообщенія Духа Святаго, вполнѣ заимствованный отъ нихъ альбигойцами (consolamentum). Фактическое раздѣленіе сектантовъ на два толка, безусловнаго дуализма и смягченнаго, повторилось въ непосредственной исторіи альбигойцевъ. Толки богомильства.

Дѣло въ томъ, что съ древнѣйшихъ временъ, ранѣе Зороастра, *системою маговъ, былъ высказанъ суровый принципъ исконнаго и вѣчнаго бытія двухъ* равносильныхъ, равноправныхъ и *между собою враждебныхъ боговъ*, чему слѣдовалъ и Манесъ; для богомиловъ это былъ толкъ безусловнаго дуализма. Еще *Зороастръ рѣшился смягчить неутѣшительную*, фатальную *основу маговъ* и мысль его не утерялась среди тысячелѣтняго ряда системъ. Онъ полагалъ, что искони существовало только одно божество; оно произвело изъ себя, какъ называли болгары, Христа и Сатанаила, доброе и злое начало. Сатанаилъ создалъ перваго человѣка и весь види-

мый міръ, подобно злому духу манихейцевъ и павликіанъ: Христосъ же открываетъ человѣку путь ко спасенію. *Въ Болгаріи оба толка*, существовавшіе тамъ издавна, *получили самостоятельное значеніе*. Это были двѣ церкви, которыя инквизиторъ Райнеръ считаетъ отдѣльными въ ряду прочихъ церквей, исповѣдывавшихъ катаризмъ. По предположенію нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, ихъ отдѣльность доходила до того, что еретики имѣли даже особую азбуку, т. н. глаголитскую, которую будто еще въ IX столѣтіи они изобрѣли вмѣстѣ съ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіемъ, враждебнымъ греческому; эта гипотеза принадлежитъ „къ числу вопросовъ пока безотвѣтныхъ, однакоже возможныхъ для филологіи славянской“ ([1]).

Двумя сказанными толками не ограничивались церкви еретиковъ балканскаго полуострова. Какъ ни неохотно говоритъ о нихъ католическій монахъ, онъ находитъ однако необходимымъ насчитать число всѣхъ дуалистическихъ церквей ему современныхъ до 16. Должно замѣтить, что вся разница ограничивалась одною мѣстностью, ибо внутреннихъ особенностей въ большинствѣ не существовало. Изъ словъ Райнера видно, что многія изъ этихъ церквей существовали еще въ это время между славянами и греками. Это были: Ecclesia Sclavoniae, Ecclesia Latinornm de Constantinopoli, Ecclesia Graecorum de Constantinopoli (съ знаменитымъ патріархомъ Никитою, ставившимъ въ XII столѣтіи епископовъ альбигойскихъ епархій), Ecclesia Philadelphiae Romaniolae, Ecclesia Bulgariae, Ecclesiae Dugraniciae ([2]). Двѣ послѣднія, по словамъ Райнера послужившія источникомъ всѣхъ послѣдующихъ дуалистическихъ вѣроученій, обозначаютъ

([1]) И. И. Срезневскій. Древнія письмена Славянскія (Ж. М. Н. П. 1848 г.; ч. LIX, стр. 60).—С. Н. Палаузовъ. Вѣкъ Симеона; 130.—Мысль, что судьбы глаголитской азбуки соединены были съ гоненіемъ богомиловъ (у сербовъ назв. бабунами), принималъ В. И. Григоровичъ. О древней письменности Славянъ (Каз. 1852), стр. 13 и въ статьяхъ о др. слов. языкѣ (Каз. 1852); стр. 66.—Срав. Šafarik. Památky hlaholského pisemnictvi; uvod; p. XXIII) и мнѣніе О. М. Бодянскаго. Слав. письмена; 271.

([2]) Reinerus. Contra Wald. c. 6,—apud Gretser; XII, II, 35. Слово «Dugranicia» по другимъ чтеніямъ: Drogometia,— въ актахъ соборныхъ у Bouquet (XIV, 448), Druguria (Vignier. Hist. de l'Eglise, 258), Dugunthia (по старинному чтенію Гретсера).

смягченный и крайній толки богомильства или славянскаго катаризма, ибо то и другое, по нашему мнѣнію, равнозначительно и представляется синонимомъ.

Богомильское ученіе.

Неизвѣстно, каковы были первоначальныя вѣрованія дуалистовъ болгарскихъ, но несомнѣнно, что историческіе источники застаютъ ихъ за развитіемъ, однимъ изъ фазисовъ первоначальной системы. Воображеніе играетъ большую роль въ этой богословской эпопеѣ славянъ (1). Злое и доброе начало богомилы, — будучи въ массѣ умѣреннаго толка, — считали порожденнымъ отъ высшаго, особаго верховнаго Существа и притомъ такъ, что Сатанаилъ былъ старшимъ его сыномъ, а Іисусъ младшимъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ Троицу, надъ которою витаетъ еще вторая, явно гностическая, изъ Бога, Слова и Духа Святаго. Троица столь же духовна, какъ и само Существо, которое пребываетъ безтѣлеснымъ, но человѣкоподобнымъ—ἀνθρωπόμορφος, по выраженію Евѳимія. Сатанаилъ позорно властвуетъ надъ міромъ видимымъ. Полный гордости, онъ возмутилъ ангеловъ противъ Бога, отца ихъ, и послѣдній принужденъ былъ низвергнуть дерзкихъ съ неба. Сатана только того и ждалъ. И вотъ онъ, довольный видимымъ успѣхомъ своихъ замысловъ, основываетъ изъ новыхъ подданныхъ новое царство, міръ тѣлесный. Изъ матеріи, при помощи земли и воды, составляетъ онъ Адама. Первый человѣкъ уперся ногою въ землю и изъ ноги его потекла влажность, принявшая форму змія; затѣмъ потекъ духовный эѳиръ, но свойства нечистаго. Сатана думалъ обратить эѳиръ на человѣка, но попалъ въ змія. Са-

(1) Кромѣ «Слова Козьмы» источниками для богомильской ереси служатъ Euthymius Zygabenus (Panoplia dogmatica; pars II. titul. XXIV —κατὰ βογομίλων), спеціально изслѣдованный въ диссертаціи Chr. Wolfii (1712; Witt.) — а также Psellus. — περὶ ἐνεργείας δαιμόνων — Съ полемическимъ направленіемъ Nicetas Acominatus. Thesaurus orthodoxae fidei, fragmenta ex I. XIX,—apud Montfaucon. Paleog. graeca.—Пособія: Oeder. Hist. Bogomilornm critica. (Gött. 1743). Engelhardt. Die Bogomilen (Kirchengeschichtliche Abbandlungen. 1832; 157—206) Божидаръ Петрановиђ. Богомили, црьква босаньска и крьстяни (Задръ, 1887). Fr. Rački. Bogomili i Patareni. (Rad jug. Ak. t. 7, 8, 10). Райчо Королевъ. О богомильствѣ (Пер. Сп. Бр. кн. 3—8). Въ русской лит. нѣсколько страницъ у Голубинскаго (Ист. Церкви), Пыпина (Ист. слав. лит.) и монографія Левицкаго. Богомильство, болгарская ересь X—XIV в. (П. 1870).

тана обратился тогда съ молитвою къ верховному Богу и просилъ его дать ему одну изъ запасныхъ душъ; потомъ понадобилась другая для жены Евы. Но прежде чѣмъ допустить Адама до Евы, Сатана самъ сталъ ея мужемъ. Сынъ Каинъ и дочь Каломена были плодомъ этого союза; въ нихъ сѣмя великаго нечестія. Отъ Адама же Ева родила Авеля. Если тѣло людей губительно, то въ душахъ наслѣдственно продолжаетъ присутствовать часть небеснаго ѳеира, какъ ни старается мрачный Сатана ввести гибельное паденіе въ родъ человѣческій. Верховное Существо сжалилось. Господь послалъ другаго сына своего, Христа; имя ему Слово или архангелъ Михаилъ. Онъ вселился въ одного изъ ангеловъ, въ Марію, и пройдя черезъ ея ухо, какъ говоритъ тотъ же Евѳимій, остался чистъ и святъ по прежнему, съ тѣмъ же небеснымъ, призрачнымъ тѣломъ, чуждымъ земныхъ ощущеній, какое было у него всегда. Онъ погибъ ради спасенія людей, долго гонимый и наконецъ убитый своимъ могучимъ братомъ. Снизойдя во адъ, Іисусъ приковалъ Сатану, но не избавилъ отъ его происковъ, отъ его заразы родъ человѣческій, которому, дабы достигнуть спасенія, необходимо бороться съ плотью. Совершивъ свою спасительную миссію, Іисусъ вернется къ пославшему его, съ которымъ онъ и св. Духъ сольются во едино. Зло исчезнетъ тогда; никакого иного Бога не станетъ, кромѣ безтѣлеснаго, но человѣкоподобнаго существа верховнаго.

Мы увидимъ скоро, что все это ученіе, конспектъ котораго приведенъ нами, почти дословно было перенято большинствомъ альбигойцевъ. Мы убѣдимся тогда, что формами религіознаго вольнодумства сказалось великое значеніе славянской мысли для дальнѣйшей исторіи обще-европейской.

Богомильство искало выхода на Западъ; оно шло по историческому общему пути для всякой идеи. Оно не могло не остановиться въ сѣверной части Италіи, не могло не осмотрѣться прежде чѣмъ надвинуться на Галлію. Тамъ почва была предрасположена къ ереси предшествовавшими вѣками исторіи полуострова. Тамъ когда-то жгли манихейцевъ; тамъ противъ нихъ издавались указы Ѳеодорика; тамъ боролся съ ними Григорій Великій (¹). Обитатели долинъ Ломбардіи долго были аріанами; католическіе римляне презирались ими по

(¹) Gregorii Magni Regest. l. II, ep. 37; l. V. ep. 8 (Migne; LXXVII, p. 575, 729).

привычкѣ; свободный духъ одушевлялъ города ихъ. А въ десятомъ столѣтіи, когда славяне почувствовали потребность дѣлиться своимъ катаризмомъ, духовенство Ломбардіи находилось въ весьма жалкомъ положеніи. Оно большею частію было невѣжественно въ дѣлѣ религіи до того, что врядъ ли могло ясно отличить противоположность новыхъ воззрѣній по отношенію къ ортодоксіи. Большинство веронскихъ клириковъ тогда не знало Символа Вѣры, а въ Виченцѣ иные священники простодушно представляли себѣ Бога съ человѣческими членами. Новое ученіе было заманчиво; много непонятнаго оно уясняло самымъ простымъ образомъ; жизнію своихъ послѣдователей оно внушало подражаніе. Дуализмъ сталъ легко распространяться въ Ломбардіи и готовить проповѣдниковъ для сосѣдней Галліи. Нельзя отмѣчать духовное движеніе точными цифрами; идея способна разноситься съ особенной быстротой и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Оттого во Франціи ощутили появленіе болгарской системы почти въ то же время, какъ и въ Италіи, что объясняется сходствомъ манихейскихъ ученій старыхъ и новыхъ.

Переходъ богомильства въ Италію.

Въ Италіи и именно въ сѣверной, болгарство запечатлѣло свое движеніе даже географическими терминами. Въ округѣ туринскомъ еще ранѣе 1047 г. одно мѣсто носило названіе „Bulgaro“ (1). Замокъ того же имени существовалъ и въ діоцезѣ Верчелли (2). Одна знатная фамилія въ Туринѣ называется—Булгарелло еще прежде 1116 года (3); подобные же роды жили въ Болоньѣ, Сіеннѣ и другихъ городахъ, какъ Bulgaro, Bulgarini. Около первой четверти XI вѣка дуализмъ заявляетъ себя торжественнымъ образомъ. Тогда онъ считалъ многихъ вліятельныхъ приверженцевъ въ аристократіи ломбардской.

Джерардо.

Замокъ Монтефорте, близъ Турина, соименный домену будущаго истребителя ереси, былъ мѣстомъ убѣжища проповѣдниковъ ученія. Джерардо, пылкій энтузіастъ, отличался между ними дарованіемъ и успѣхами. Онъ разносилъ воззрѣнія катаровъ дуалистовъ, хотя умѣлъ прикрывать ихъ видимымъ подобіемъ съ христіанской догматикой (il Padre è

(1) Monumenta historiae patriae (Turin, 1836),—chartarum; I, 262.
(2) Monum. hist. patr. I. 794.
(3) ibid. 741.

l'eterno, in cui e per cui tutte le cose sono: il Figliuolo è lo Spirito dell' uomo, cui Dio ama: lo spirito Santo è l' intelletto delle scienze divine, dal quale tutte le cose sono regolate). Онъ твердилъ, что жизнь — это цѣлое покаяніе; что, чѣмъ оно суровѣе, тѣмъ болѣе спасаетъ человѣка; рай открывается только путемъ земныхъ самоистязаній, подавленіемъ плоти и желаній; не только всякое наслажденіе чувственное губительно, но соучастіе со св. Духомъ само по себѣ требуетъ скорѣйшаго разлученія души съ тѣломъ, а мученическая смерть представляется отраднымъ блаженствомъ. Особенно сильно возставали послѣдователи Джерарда противъ папства и соблазновъ Римской Церкви. Архіепископъ миланскій Ериберто да-Канту, ненавидимый въ странѣ, поднялъ противъ еретиковъ окрестныхъ бароновъ. Готовность, съ какою послѣдніе спѣшили осадить замокъ, куда отвсюду стали сходиться еретики, объясняется развѣ тѣмъ отношеніемъ, въ которое поставило себя новое ученіе къ земледѣльцамъ. Слова Козьмы о богомилахъ: — „учать не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя.... и всякому рабу не велять работати господину своему“, — можно примѣнить и къ монтефортскимъ еретикамъ (1). Противъ нихъ были озлоблены именно феодалы. Важность задѣтаго вопроса всполошила ихъ. Замокъ былъ взятъ и разрушенъ. Монтефортцамъ предстояло или отречься отъ своей ереси, или умереть на кострѣ. Почти всѣ съ видимой радостью бросились въ огонь (2).

Это были первые мученики; примѣръ провансальцамъ былъ такимъ образомъ поданъ изъ Италіи, дуалисты которой только однимъ именемъ „патареновъ“ отличались отъ альбигойцевъ (3).

(1) Это обстоятельство служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ подтвержденій нашего положенія о передачѣ на Западъ богомильской, а не отвлеченной катарской ереси, вымышленной К. Шмидтомъ.

(2) Landulphus Senior. Hist. Mediolanensis, apud Muratori. Scriptores; IV, 88—89.—Cantu. Gli eretici d'Italia, I, 76; discorso IV.

(3) Поводомъ къ этому имени послужило обстоятельство, не имѣвшее общихъ связей съ существенными стремленіями итальянскихъ катаровъ. То была реформа Гильдебранда. Сторонники ея въ Миланѣ, съ діакономъ Арнольдомъ въ главѣ, громко требовали уничтоженія браковъ въ духовенствѣ. Преслѣдуемые народомъ, новаторы заключились въ грязномъ городскомъ кварталѣ, называвшемся «Pataria», обыкновенно убѣжищѣ бродягъ, ветошниковъ и нищихъ. Народъ въ насмѣшку прозвалъ ихъ Патаренами

Мы не имѣемъ многихъ подробностей о судьбѣ богомильства въ Италіи, такъ какъ весь историческій матеріалъ относится къ тому времени, когда дуализмъ, назвавшійся альбигойствомъ, всецѣло упрочился въ южной Галліи, въ земляхъ провансальскаго языка. Мы знаемъ, что въ Ломбардіи еретики назывались разными именами: Gazari, Arnoldisti, Giuseppini, Insavattati, Leonisti, Bulgari, Circoncisi, Publicani, Comisti, di Bagnolo, di Concorezo, Vanni, Tursci, Romulari, Ceruntani (¹), —но всѣ они обобщались въ имени патареновъ. Церковь патареновъ имѣла постоянныя сношенія съ Болгаріей и Византіею. Изъ Болгаріи сюда доставленъ былъ апокрифъ евангелія св. Іоанна (²). Извѣстный патріархъ Никита давалъ ей епископовъ, какъ Марка, Іоанна еврея,— тогда какъ другой толкъ имѣлъ особыхъ духовныхъ начальниковъ. Часто архіереи богомильскіе сами появлялись въ Ломбардіи для проповѣди. Постепенное усиленіе ереси показываетъ всю важность посредствующей роли Ломбардіи. Напримѣръ, Миланъ, около половины XII вѣка, былъ скорѣе еретическимъ городомъ, чѣмъ католическимъ. Проповѣдники патареновъ учили публично на площадяхъ столицы. Усилія архіепископа Галлинга напрасно боролись съ торжествомъ ереси, за которую были всѣ городскія власти; Галлингъ палъ жертвою своихъ тщетныхъ усилій. Даже женщины, увлекаясь общимъ духомъ, дѣлались проповѣдницами и начальницами еретиковъ. Такъ въ Орвіето властвовали Милита и Джуліета, своею чистою жизнью возбуждавшія уваженіе и удивленіе. Изъ Феррары пришлось удалять еретиковъ силою оружія. Короче, въ концѣ XII вѣка, католики принуждены были сознаться, что города, бурги, замки наполнены лжепророками, что ересь стучитъ въ ворота самого Рима, что „пора идти на помощь Богу“ (³). Патарены.

и имя враговъ женатыхъ священниковъ было перенесено на ненавистниковъ брака вообще, на всѣхъ послѣдователей дуализма въ Италіи, такъ какъ эта сторона ихъ ученія скорѣе всего поражала воображеніе толпы. См. Ducange. Glossarium mediae latinitatis (1840); V, 137.—О другихъ невѣрныхъ объясненіяхъ см. Schmidt. Hist. des Cathares; II, 278—280.

(¹) Раздѣленіе патареновъ — по Cantu. Gli eretici d'Italia; I, 80.

(²) Benoist. Hist. des Albig. I, 296. Спец. соч. Venedey. Die Patar. im XI und XII Jahrh. 1854. Подробности въ новѣйшемъ соч. E. Comba. Hist. of the Waldenses of Italy, transl. from the author's revised edition by Teofilo Comba. L. 1888.

(³) Bonacursus. Manifestatio haeresis Catharorum,—apud d'Achéry. Spicilegium vet. scrp. I, 209. — Количество церквей еретическихъ въ Италіи вычисляетъ инквизиторъ Reinerus, Liber contra Waldenses. c. 6.

Кипучая жизнь апеннинскаго полуострова, занятаго исключительно экономическими и чисто гражданскими интересами, не дала возможности концентрироваться ереси въ видѣ отдѣльной плотной массы, какъ произошло послѣ въ Лангедокѣ. Въ Италіи слишкомъ развита была индивидуальность, преобладалъ интересъ частный, такъ что религіозный духъ не могъ господствовать; это и дѣлало изъ Ломбардіи удобный, посредствующій органъ. Потому Италія считалась разсадникомъ дуалистическаго ученія во Франціи и Фландріи, а Джерардо Монтефортскій могъ восклицать, что единомышленники его разсѣяны по разнымъ странамъ и что Духъ Святый невидимо и ежедневно посѣщаетъ ихъ ([1]). Неудержимо шла ересь по почвѣ итальянской, энергично и стремительно подвигаясь къ Западу. Только Океанъ могъ остановить ее.

Катары въ Лангедокѣ и ихъ памятники. Должно замѣтить, приступая къ изученію провансальскаго богомильства или альбигойства собственно, что всѣ источники для исторіи такъ называемыхъ альбигойцевъ написаны католическими монахами, инквизиторами, непримиримыми врагами еретиковъ. Сочиненія же самихъ альбигойцевъ до насъ не дошли, хотя провансальскіе еретики имѣли громадную богословскую литературу. Маркизъ Монферратскій собиралъ впродолженіе своей жизни произведенія альбигойской богословской литературы и предъ смертью сжегъ всѣ эти сокровища. Тщательно истреблялись монахами всѣ произведенія альбигойцевъ. Намъ извѣстны только имена альбигойскихъ богослововъ. Таковы были итальянецъ Джіованни де Луджіо, Өеодорикъ Неверскій и Арнольдъ изъ Прованса. Такимъ образомъ весь матеріалъ для изученія альбигойскаго вѣроученія дали лишь католическіе инквизиторы ([2]). При такой односторонности источниковъ очень можетъ быть, что

([1]) Land. Senior. Hist. Med. (Muratori; IV, 89).

([2]) Латинскія обличенія ереси альбигойцевъ француза Петра изъ Сэрнэ, нѣмца Экберта, испанца Луки Туденскаго, миланца Боанакорсо, флорентійца Григорія и особенно инквизитора Рейнера Саккони изъ Піаченцы (Liber contra Waldenses, Summa de Catharis et Leonistis) и Монеты изъ Кремоны (Adversus Catharos et Waldenses) — вотъ враждебные источники для изученія содержанія альбигойскихъ вѣроученій. Оцѣнку этихъ памятниковъ см. въ приложеніи къ 1 т. нашей Исторіи Альбигойцевъ (559—563, 581—582).

многое изъ еретическихъ ученій передано въ искаженномъ, превратномъ видѣ, — а между тѣмъ это единственный матеріалъ для ознакомленія съ альбигойствомъ.

Мы уже замѣтили, что катары отвергали Ветхій Завѣтъ, Новый же—альбигойцы имѣли въ провансальскомъ переводѣ, сдѣланномъ, вѣроятно, не съ латинской вульгаты, а съ греческаго текста, если не съ славянскаго кирилло-меѳодіевскаго перевода. Въ еретическихъ евангеліяхъ, употреблявшихся въ Италіи и Провансѣ, были тѣ же уклоненія отъ латинскаго текста, какія встрѣчаются въ греческомъ и славянскомъ. Такъ напримѣръ Молитва Господня кончается тамъ словами, смыслъ которыхъ: „яко твое есть царство, сила и слава во вѣки вѣковъ", — чего нѣтъ въ Вульгатѣ. Многимъ мѣстамъ альбигойцы придавали мистическій смыслъ и видимо выводили ученіе не изъ священнаго писанія, а напротивъ,—приноравливали къ своему ученію христіанскіе догматы. Такимъ образомъ, они не обосновывали свою систему евангеліемъ, а евангеліе объясняли этой самой системой. Поэтому-то альбигойство отличается не столько христіанскимъ, сколько философскимъ характеромъ, не смотря на все стремленіе альбигойцевъ привить къ своему философскому ученію начала христіанской догматики. Кромѣ Новаго Завѣта катары держались еще апокрифовъ и именно тѣхъ, составленіе которыхъ объясняется подъ восточнымъ вліяніемъ. Они принимали: „Видѣніе пророка Исаіи о существѣ Троицы и искушеніи рода человѣческаго", любимое гностиками, богомилами и крайними дуалистами, дошедшее до альбигойцевъ въ итальянской редакціи. Они принимали также Никодимовское евангеліе, запрещенное Церковью, и усердно цитировали: „Апокрифическое сказаніе о вопросахъ Іоанновыхъ и отвѣтахъ на нихъ Христовыхъ". Въ послѣднемъ Іисусъ бесѣдуетъ съ любимымъ своимъ ученикомъ, Іоанномъ, о тайнахъ творенія совершенно въ альбигойскомъ духѣ, въ смыслѣ дуалистическомъ. Въ его отвѣтахъ дуалисты читаютъ исторію творенія міра, при чемъ разрѣшаются вопросы о концѣ свѣта и общемъ судѣ. Греческій оригиналъ этого апокрифа былъ занесенъ изъ Болгаріи въ концѣ XII столѣтія. Все это показываетъ, что альбигойцы не были самостоятельны, что они въ существенныхъ вопросахъ догматики, въ обычаяхъ и даже въ ритуалѣ были безусловными послѣдователями болгарскихъ богомиловъ.

Толки альбигойскаго катаризма.

Альбигойцы были прежде всего высокіе идеалисты, но въ то же время оставались суевѣрами. Односторонніе въ своемъ увлеченіи, они сохраняли логичность въ выводахъ до крайнихъ послѣдствій. Думая поклоняться безсмертному духу, что было какъ бы въ природѣ многихъ азіатскихъ народовъ, они тѣмъ самымъ презирали смертное тѣло. Оттого-то искреннѣйшіе изъ нихъ, такъ называемые „совершенные", съ такой охотою шли на казнь, что ихъ жизнь за рубежомъ смерти освѣщалась тѣмъ новымъ безконечнымъ сіяніемъ, предъ обаяніемъ котораго ничтожны были всѣ земныя страсти, страданія и наслажденія. По мнѣнію ихъ, злое божество было при самомъ началѣ творенія и долго оставалось равноправнымъ доброму божеству. Такъ, впрочемъ, думали лишь на первыхъ порахъ; съ теченіемъ же времени появился болѣе мягкій, примиряющій взглядъ на отношеніе дьявола къ человѣческому тѣлу, чѣмъ секта пріобрѣла скорѣйшій успѣхъ. Явилась гипотеза, что демонъ зла, созданный Богомъ, уклонился изъ подъ его воли, возсталъ противъ него, сдѣлался злымъ геніемъ и положилъ начало всему дурному. Послѣдователи первой системы (дреговичи па Балканахъ, албанцы въ Италіи) назывались крайними дуалистами; послѣдователи второй системы, признававшіе начальнымъ творцемъ единаго добраго Бога, назывались умѣренными дуалистами.

Послѣдніе были несравненно многочисленнѣе первыхъ. Во всякомъ случаѣ система умѣреннаго дуализма была порожденіемъ, или вѣрнѣе—уклоненіемъ системы дуализма крайняго. Вездѣ въ крайнемъ дуализмѣ ветхозавѣтный богъ считался злымъ демономъ, противоположнымъ божеству христіанскому. Потому-то альбигойцы не могли увѣровать въ ветхозавѣтныя книги; они видѣли въ нихъ противорѣчіе съ книгами Новаго Завѣта, видѣли громадную разницу въ ученіи Евангелія и въ ученіи Моисея. Что ветхозавѣтный богъ золъ, такъ разсуждали они, поверхностно скользя по Писанію, —это видно изъ всѣхъ его дѣйствій. Онъ произвелъ потопъ, разрушилъ Содомъ и Гомору, далъ законъ возмездія и не велѣлъ оставлять камня на камнѣ въ домахъ вражескихъ. Не то Іисусъ, посланный искупить человѣческія души, совершеннѣйшій изъ ангеловъ Божіихъ, существъ невидимыхъ, духовныхъ. Онъ былъ безтѣлесенъ. Въ самомъ дѣлѣ, позорно было бы для Бога быть заключеннымъ въ чревѣ жены. Поэтому учили, что Христосъ, какъ духъ, вошелъ въ одно ухо

Богородицы и вышелъ тѣмъ же путемъ. Умѣренные же дуалисты считали Богородицу однимъ изъ небесныхъ духовъ, также какъ Іоанна Крестителя, тогда какъ крайніе никакимъ образомъ не могли примириться съ Іоанномъ, крестившимъ водою, а не духомъ, бывшимъ посломъ сатаны.

Добрый Богъ создалъ души человѣческія, дьяволъ облекъ ихъ плотью, которую онѣ носятъ до тѣхъ поръ, пока не освободятся отъ грѣховъ и земныхъ узъ. Со временемъ всѣ вернутся въ горнюю обитель, всѣ будутъ спасены. По Божьему предопредѣленію, ни одна душа, имъ созданная, не погибла со дня творенія; погибли только тѣла; душа же или достигла горней обители, если увѣровала въ альбигойское ученіе, или же еще пребываетъ и мучится на землѣ. Чтобы примирить ученіе объ общемъ блаженствѣ съ участью людей, умершихъ раньше появленія альбигойства, было принято азіатское ученіе о переселеніи душъ. Если душа не вернулась въ небесную незримую Церковь, если еще не увѣровала въ альбигойское ученіе, то, мучась, она непремѣнно блуждаетъ на землѣ, или въ другихъ людяхъ, или даже въ тѣлахъ животныхъ. Количество тѣлъ, доступныхъ блужданію душъ, было безпредѣльно. Оно не ограничивалось тѣлами человѣческими. Тѣ, которые упорно отказывались отъ покаянія, въ наказаніе помѣщаемы были въ животныхъ; для этого предназначались птицы, четвероногія и другія животныя, кромѣ гадовъ; погибшее отъ плоти и не увѣровавшее въ истинное ученію, да будетъ наказано плотью. Такъ какъ, истребляя животныхъ, можно было бы поглотить душу, то альбигойцы запрещали употреблять животную пищу; вслѣдствіе этого они не убивали животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отрицали потребность въ загробной жизни по христіанскимъ понятіямъ. Переселеніе душъ.

При такомъ взглядѣ на твореніе не предстояло надобности ни въ общемъ воскресеніи, ни въ страшномъ судѣ. Такъ какъ исходная цѣль для всякой души—переселиться на небо уже въ силу одного существа ея, то понятно, что никакія молитвы земной церкви не могутъ оказать вспомогательнаго дѣйствія. Души, сотворенныя демономъ, не могутъ быть выручены ею, а для прочихъ молитва безполезна, ибо и безъ нея онѣ будутъ сопричастными небесной жизни. Добрыя дѣла живыхъ и заслуги святыхъ одинаково безсильны въ этомъ отношеніи.

Ученіе о спасеніи. По ученію Луджіо, матерія существовала раньше творенія и оба божества находились во взаимной борьбѣ. Когда добрый Богъ творилъ духъ, то въ тоже время Сатаніилъ, духъ злобы творилъ тѣла. Такимъ образомъ эти оба божества суть дѣти единаго существа, неразрывно соединенныя съ земнымъ и небеснымъ міромъ. Одинъ изъ нихъ далъ людямъ плоть, другой—душу. Всѣ люди происходятъ отъ одной пары: отъ двухъ первоначальныхъ душъ рождаются всѣ послѣдующія, ибо, сказано въ Писаніи, „рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ". Спасеніе пріобрѣтается заслугами Богородицы, хотя принятіе альбигойства и есть непремѣнное условіе спасенія, къ осуществленію котораго служило посланничество Христа. Такъ думали только умѣренные альбигойцы, которые примирились съ Іоанномъ Крестителемъ, безусловно отринутымъ крайними дуалистами. Онъ является для нихъ посланникомъ Бога, а не дьявола, и принадлежитъ къ числу ангеловъ неба (¹).

(¹) Пособія по исторіи альбигойцевъ-катаровъ касаются въ одинаковой степени и вальдензовъ, такъ какъ долго даже спеціалисты перемѣшивали тѣхъ и другихъ сектантовъ, не всегда различая ихъ и въ настоящее время. По своему направленію эта литература принадлежитъ въ большинствѣ къ католическому лагерю, въ меньшинствѣ къ протестантскому. J. de Tillet. Sommaire de la guerre faite contre les hérétiques albigeois (P. 1590), —кат.—J. Chassanion. Hist. des Albigeois (P. 1525), вальд.—I. P. Perrin. Hist. des chrestiens alb. (G. 1618),—гуг. пасторъ.— Benoist. Hist. des Albigeois et des Vaudois ou Barbets (P. 1691, 2 vls.),— домин.— I. B. Langlois. Hist. des croisades contre les Alb. (P. 1703), — iезуитъ.— Blair. Hist. of the Waldenses and Albigenses (Ed. 1633, 2 vls.), — калв. — J. de Parctelaine. Hist. de la guerre contre les Albig. (P. 1833).— Jas. De Waldensium secta ab Alb. beue distinguenda (L. 1838), — реформатъ. — Barrau et Darragon. Hist. des croisades contre les Alb. (P. 2 vls.). — Maitland. Facts, doctrine aud rites of the ancient Alb. and Wald. (L. 1838).— Stanley Faber. An inquiry etc. (L. 1838).—Hahn. G. der Ketzer im Mittelalter (St. 3 B. 1848—50). —C. Schmidt. Hist. et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois (2 v. P. 1849). — Bender. G. der Waldenser (Ulm. 1850). — Dickhoff. Die Waldenser (G. 1851).—Болѣе подробная оцѣнка пособій въ нашей Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени (К. 1869—1872, 2 т.); I, 583—587. — Послѣ выхода ея въ свѣтъ, — явились соч. Douais. Les Albigeois (P. 1880) и Molinier. L'inquisition dans le Midi de la France au XIII et XIV siècle (P. 1880). Авторъ послѣдняго труда пользовался тѣми же архивными коллекціями протоколовъ, тѣмъ же сборникомъ Doat, коимъ пользовались мы въ

Образъ жизни и обычаи альбигойцевъ.

Катары въ глазахъ самаго строгаго нравственнаго суда удовлетворяли тому названію, которое они возложили на себя. Только аскетическое подвижничество въ католической Церкви могло представлять явленіе аналогичное съ тѣми, которыя составляли обычныя черты послѣдователей альбигойства. Высшее духовное совершенство выставлялось цѣлью земнаго существованія катара; тяжелый путь велъ къ достиженію ея. Смертный грѣхъ представлялся всюду суровому ригористу альбигойскому. Эта секта смотрѣла на намѣреніе, какъ на преступленіе. Кодексъ ея воспрещалъ подъ страхомъ исключенія, вмѣстѣ съ убійствомъ, нанесеніемъ кровавыхъ ранъ, даже всякое обладаніе земными благами,—этой ржавчиной души (rubigo animae); этотъ кодексъ предписывалъ умудреніе души возвышеннымъ созерцаніемъ. Отсюда законъ о совершенномъ ниществѣ, почему сектанты часто называли себя нищими во Христѣ (nos pauperes Christi). Сношеніе съ людьми, не принадлежащими сектѣ, привязанными къ міру, могло быть только въ видахъ обращенія таковыхъ къ альбигойскому ученію. Отступничество отъ убѣжденій въ принципѣ преслѣдовалось, но тѣмъ не менѣе словесныя отпирательства и уклончивость по примѣру богомиловъ, практическое искусство хранить свою вѣру и избѣгать преслѣдованій,—встрѣчалось нерѣдко и между провансальскими катарами, хотя съ другой стороны часто были примѣры геройской честности и твердости. Божба и клятва не существовала въ альбигойскихъ общинахъ. Клятва не дозволялась даже при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать непосредственныя выгоды ереси. Передъ трибуналомъ инквизиціи, одинъ альбигоецъ объявилъ, что если бы клятва его въ святости исповѣдуемаго имъ ученія могла весь міръ обратить къ нему и изъ религіи гонимой сдѣлать религіею царствующею, то и тогда онъ не рѣшился бы дать такую клятву. Запрещая убійство, альбигойцы запрещали всякое кровопролитіе, вообще войну. Въ крайнемъ случаѣ, даже убиваемые за ученіе „совершенные" альбигойцы должны терпѣливо сносить раны и смерть и не поднимать руки въ свою защиту. „Хотя бы за самое святое дѣло проливалась кровь,—она не угодна Богу". Потому только непосвященные, простые вѣрующіе думали достигнуть спасенія

Національной Библіотекѣ въ Парижѣ; процессъ завоеванія Лангедока онъ оставляетъ въ сторонѣ. Новѣйшее соч. Comba (1888) касается собственно исторіи патареновъ.

путемъ мученичества, когда крестоносцы обагрили кровью долины Лангедока. Избѣгая убійства вообще, альбигойцы запрещали убивать всѣхъ животныхъ, кромѣ гадовъ, бывшихъ вмѣстилищемъ демоновъ и не приносившихъ ничего кромѣ вреда. Принятіе мясной пищи, какъ дѣло плотоугодія, считалось за тотъ же смертный грѣхъ, тѣмъ болѣе что мясо, даже сыръ и молоко служили орудіемъ и порожденіемъ діавольской силы. Наконецъ, съѣдая мясо, катаръ могъ помѣшать покаянію какой-либо души, облеченной въ этотъ моментъ въ плоть животнаго. Катары ссылались на апостола Павла, который писалъ: лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отчего братъ твой соблазняется. Совершенные катары скорѣе умерли бы отъ голода, нежели позволили бы себѣ вкусить мяса. Рыба не запрещалась отчасти потому, что въ средніе вѣка полагали, что зарожденіе рыбы чуждо плотскаго акта, а также слѣдуя указанію Христа, вкусившаго рыбы и хлѣба и тою же пищею насыщавшаго другихъ. Дозволялось питаться хлѣбомъ, плодами, оливками, овощами, вообще произведеніями растительнаго царства, хотя нѣкоторые полагали, что и это все порожденіе діавола. Прекратить жизнь голодомъ нельзя было уже потому, что тѣмъ могъ остановиться процессъ покаянія. Лишь какъ на горькую необходимость катары смотрѣли на бракъ. Самъ по себѣ онъ вреденъ, онъ узаконяетъ наслажденіе, потворствуетъ губительнымъ страстямъ плоти; но, говорили крайніе дуалисты, если воспретить развитіе тѣлесной матеріи формъ человѣческихъ, то куда, послѣ смерти бреннаго тѣла, помѣститься душѣ, жаждущей покаянія. За то съ тѣхъ поръ, когда это покаяніе совершится, когда весь міръ приметъ чистую вѣру, то бракъ теряетъ свой смыслъ: организація новыхъ тѣлъ изъ прежнихъ прекращается. Между тѣмъ большинство умѣренныхъ, исходя изъ мысли постепеннаго продолженія грѣховныхъ душъ изъ первой пары, не находило повода къ оправданію брака, къ этому расположенію зла, и проповѣдовало его запрещенія. Въ Новомъ Завѣтѣ они встрѣчали свидѣтельства и за и противъ. Всегда злоупотребляя Евангеліемъ, они все неблагопріятное своей системѣ перетолковывали въ смыслѣ аллегорическомъ, говоря, что бракъ евангельскій означаетъ соединеніе души съ небеснымъ тѣломъ или съ Духомъ Святымъ, а положительное запрещеніе его высказано у Павла: „Добро человѣку женѣ не прикасатися

(Кор. VII, 1). Не плотскія дѣти суть дѣти Божіи, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя“ (Рим. IX, 8). Наконецъ, говорили они, самъ Христосъ сказалъ: „Чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ. А сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ, ни женятся, ни замужъ не выходятъ. И умереть уже не могутъ; ибо они равны Ангеламъ, и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія“.

а) Совершенные.

Если цѣль жизни всякаго человѣка покаяніе, неразлучное съ исходнымъ пребываніемъ въ Церкви альбигойской, то принятіе въ нее, какъ важнѣйшій актъ жизни, должно было ознаменовываться особымъ обрядомъ. Крещеніе водою катары отвергали, какъ матеріальное, а въ замѣнъ того принимали „крещеніе духомъ“, называемое “consolamentum“, т. е. утѣшеніе души на время земнаго пребыванія посредствомъ духовнаго обѣтованія. Весь обрядъ состоялъ въ возложеніи рукъ съ произнесеніемъ извѣстныхъ символическихъ словъ. Получившій consolamentum, и слѣдовательно отрѣшившійся отъ власти демона, отъ увлеченій плотскихъ, назывался другомъ Божіимъ, добрымъ человѣкомъ (lo bos homes), добрымъ христіаниномъ, но чаще „совершеннымъ“ (perfectus). Метафорическими наименованіями ихъ, принесенными съ славянской и греческой почвы, были: отцы по Господѣ (θεότοκοι) и „утѣшенные“ или параклеты. Эту центральную силу ереси католики ненавидѣли особенно и называли „совершенныхъ“ еретиками по преимуществу; ихъ даже малосвѣдущіе писатели строго отличали отъ вальдензовъ. Остальную же массу катаровъ называли обыкновенно вѣрующими или вѣрными. Совершенные считали себя непосредственными преемниками апостоловъ; свое призваніе они ограничивали распространеніемъ и проповѣданіемъ истинной вѣры. Они отрѣшались отъ міра и общества; ихъ имущества принадлежали всей церкви и шли на ея цѣли такъ же, какъ и вклады, которые они получали отъ вѣрующихъ и отъ новообращаемыхъ, удостоенныхъ „утѣшенія“ во время болѣзней, или хотя бы въ минуту смерти. Ихъ жизнь была рядомъ аскетическихъ подвиговъ. Они отрекались отъ семейныхъ и родственныхъ узъ. Они давали обѣты цѣломудрія и нищеты. Четыре раза въ годъ они соблюдали великіе 40-дневные посты; три раза въ недѣлю они не ѣли ничего, кромѣ хлѣба и воды. За каждымъ изъ нихъ слѣдилъ

неотступный глазъ другаго. Подобно позднѣйшимъ іезуитамъ, „совершенные“ не оставались на единѣ ни во время отдыха, ни во время занятій, ни въ путешествіи, ни въ молитвѣ. Имъ сопутствовали часто и непосвященные. „Какъ овцы среди волковъ,—говорили они про себя,—блуждаемъ мы отъ города до города; жизнь наша трудная и скитальческая, но святая и подвижническая. Мы терпимъ преслѣдованія и поношенія, подобно апостоламъ и мученикамъ; проводимъ время въ подвигахъ уничиженія, въ молитвахъ; въ трудахъ, которые ничто остановить не можетъ, — но все это не трудно намъ, ибо мы не принадлежимъ сему міру“ (¹). Черная одежда, кожаная сумка черезъ плечо съ провансальскимъ переводомъ Новаго Завѣта, составляла отличительные признаки странствующаго проповѣдника. Они узнавали другъ друга по особымъ жестамъ и символическимъ фразамъ. Ихъ дома также носили особые знаки, загадочные для другихъ, но понятные еретикамъ. Женщины также принимались въ число посвященныхъ. Онѣ также могли совершать consolamentum, но только въ крайнихъ случаяхъ; проповѣдывать же онѣ не имѣли права. Онѣ жили или уединенно въ отдѣльныхъ домахъ, или составляли особыя общины, въ которыхъ занимались рукодѣльными работами или воспитаніемъ дѣвочекъ, принимая также на свое попеченіе больныхъ. Это былъ родъ католическаго монастыря. Женщинамъ не дозволялось сидѣть за однимъ столомъ съ посвященными своими братьями. Сами инквизиторы свидѣтельствуютъ, что посвященные никогда не позволяли себѣ даже рукой прикоснуться къ женщинѣ (²). Число посвященныхъ того и другаго пола одинъ изъ инквизиторовъ половины XIII столѣтія насчитываетъ около четырехъ тысячъ человѣкъ; но тогда многіе погибли въ битвахъ и на кострахъ,—ибо преслѣдованіе всегда съ особенною силою направлялось на нихъ. Понятно, что они пользовались безграничнымъ уваженіемъ среди альбигойцевъ. Ихъ появленіе въ селѣ было праздникомъ; широко растворялись предъ ними ворота феодальнаго замка; гостепріимный владѣтель его велитъ нести всё лучшее для нихъ и ихъ спутниковъ, зная, что деньги и яства будутъ сбережены для бѣдныхъ и больныхъ общины; знатный и гор-

---

(¹) Evervini epist. (Mabillon. Vet. anal. III, 454).

(²) Liber sentent. inquis. Tolosanae: «Non tangunt mulierem nec permitunt se tangi a muliere»,—apud Schmidt; II, 96, n. 5.

дый баронъ самъ служилъ при столѣ „утѣшителя"; онъ и его вассалы окружали плотною толпою проповѣдника; его поученія народъ ловилъ съ жадностію; его совѣтовъ нельзя было не исполнять,—онъ обладалъ сверхъестественною силой; это былъ чудотворецъ католическій. Внѣшность такихъ людей, величавая походка, ихъ манера говорить, напоминали жрецовъ Востока и судей еврейскихъ. Они назывались иногда діаконами. Ихъ благословеніе считалось милостію неба. Въ обрядѣ благословенія видны воспоминанія славянскія. Склонивъ голову и поклонившись до земли, подходилъ къ проповѣднику альбигоецъ и говорилъ: „добрый христіанинъ, благослови меня" и, обнявшись три раза, припадалъ головой къ его плечу; женщины же складывали на груди руки и склоняли голову. —Да благословитъ васъ Господь Богъ, было отвѣтомъ. Передъ женщинами, удостоившимися благодати утѣшенія, складывали крестообразно руки и, преклонивъ голову, но не подходя близко, въ согбенномъ положеніи ждали благословенія, всегда цѣнили очень высоко. Входя въ чье-либо жилище и оставляя его, эти „святые" люди награждали домъ своимъ благословеніемъ.

б) Вѣрующіе и слушающіе.

Вся остальная масса дуалистовъ дѣлилась на вѣрующихъ (credentes) и слушающихъ (auditores), т. е. поучающихся ([1]). Послѣдніе, представляя третью низшую степень, были новичками въ альбигойской вѣрѣ и имѣли изъ нея только элементарныя свѣдѣнія. Философія ученія, символизмъ обрядовъ, — это было тайною для нихъ. Но надо полагать, что такой искусъ не составлялъ необходимости для каждаго, переходившаго въ альбигойство. Иногда представлялась возможность поступать прямо въ число „совершенныхъ"; иные на одрѣ смерти принимали consolamentum и о такихъ нерѣдко упоминаютъ памятники. Большинствомъ всегда были вѣрующіе. Они могли жениться, носить оружіе; имъ прощалось многое ради одного исповѣданія ученія. Но тѣмъ не менѣе они должны были хотя бы подъ конецъ жизни принять посвященіе; если этого не удавалось, то обрядъ совершался въ послѣднюю минуту жизни, чтобы умереть съ „хорошимъ концемъ".

([1]) Срв. у Martène et Durand (Veteri scriptores; I, 776) и Mabillon (Vet. anal. III, 455). «Habet enim (haeresis) auditores, qui ad errorem initiantur; habet credentes, qui jam decepti sunt».

Посвященіе и самоубійство.

Бывали примѣры, что надъ умершими младенцами совершали обрядъ т. н. посвященія, дабы не дать напрасно погибнуть душѣ. „Consolamentum" замѣняло для еретиковъ и крещеніе, и причащеніе вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ оно называлось convenenza (stare in convenientia Dei). Этотъ обрядъ совершался надъ больными, особенно если болѣзнь грозила смертельнымъ исходомъ. Въ легкихъ болѣзняхъ діаконы не всегда соглашались на обрядъ, опасаясь, что если больной останется въ живыхъ, то не будетъ въ состояніи исполнить строгія правила посвященныхъ. Потому, если наступалъ благопріятный кризисъ, то обрядъ воспрещался. Впослѣдствіи вошло въ обычай придавать столь высокое значеніе этому рѣшительному обряду, что никто не рѣшался принимать его иначе, какъ въ самый часъ смерти, подобно тому, какъ въ IV столѣтіи христіане часто крестились только умирая, потому что великому таинству приписывали силу очищать всѣ прежніе грѣхи. Такъ какъ могло случиться, что принявшій утѣшеніе подвергался опасности совратиться и могъ потерять полученную благодать, то во избѣжаніе соблазна допускалось даже убійство; оно истекало изъ отвращенія къ матеріи. Это такъ называемая endura (1).

Такое добровольное убійство, предпринятое ради спасенія души, бывало двухъ родовъ: или мученическое или исповѣдническое. Въ первомъ случаѣ принято было удавленіе, во второмъ — голодная смерть. Часто прибѣгали къ самоубійству для избѣжанія пытокъ и костровъ инквизиціи; въ ваннахъ открывали жилы, принимали ядъ, пили толченое стекло. Такое геройство считалось признакомъ святости; оно не было доступно для всѣхъ; къ самоубійству дозволялось прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Жизнь альбигойца имѣетъ особую цѣну; онъ одинъ изъ послѣдователей истиннаго христіанства; всѣ прочіе мнимые христіане служатъ царству мрака и діавола. Достоинство этой церкви, ея превосходство предъ католическою, еще болѣе увеличивались тѣмъ кроткимъ духомъ, чуждымъ насилія и гоненій, который полагался въ основаніи ея, а также нравственною чистотою ея сочленовъ, среди коихъ были такъ называемые „совершенные". Представляя

(1) Liber sent. inquis. Tolosanae apud Schmidt; II, 102—103.

собою много дѣйствительно замѣчательныхъ сторонъ, она считала себя въ правѣ поносить католическую вѣру.

Ритуалъ альбигойцевъ. Альбигойцы сходились на молитву вездѣ, гдѣ представлялись къ тому нѣкоторыя удобства. Они собирались въ замкахъ, хижинахъ, на поляхъ и долинахъ, въ пещерахъ и лѣсахъ. Были и особые молитвенные дома тамъ, гдѣ альбигойство пользовалось уже признаннымъ авторитетомъ. Въ нихъ не было ни малѣйшей роскоши. Все убранство состояло изъ скамейки и простаго деревяннаго стола, накрытаго бѣлой скатертью; на немъ лежалъ Новый Завѣтъ, развернутый обыкновенно на первой главѣ Евангелія Іоанна. Въ молельняхъ не было каѳедры для проповѣдника; колокольный звонъ здѣсь не раздавался. Христосъ присланъ былъ освободить насъ отъ идолопоклонства, потому не прилично, разсуждали еретики, въ мѣстахъ, посвященныхъ его воспоминанію, обожать статуи, иконы, кресты; послѣдніе особенно должны быть отвратительны для взора христіанина, какъ орудіе торжества Сатаны надъ Богомъ. Еретики употребляли всѣ усилія, чтобы поселить отвращеніе къ предметамъ, обожаемымъ у христіанъ. Они не ограничивались отрицаніемъ иконъ. Они осмѣивали лица, на иконахъ изображаемыя, въ карикатурныхъ рисункахъ. Молитвенными собраніями еретиковъ руководилъ одинъ изъ священнослужителей или старшій между присутствовавшими „совершенными". Они открывались чтеніемъ какого-либо мѣста изъ Новаго Завѣта; проповѣдники толковали его въ смыслѣ альбигойскомъ, при чемъ объясняли отличіе отъ католическаго богословія и доказывали на сколько католицизмъ отступилъ отъ Евангелія. Послѣ проповѣди наступало такъ называемое благословеніе. Отъ нѣмецкихъ катаровъ мы имѣемъ даже подлинную молитву, составленную риѳмованною прозою:— „Nimmer müsse ich ersterben.— Ich müsse um euch erwerben,— Dass mein end gut werde",— а священникъ заканчивая, произносилъ: „Und werdest ein gut mann". Послѣ того все собраніе начинало пѣть молитву Господню, „единственно указанную истиннымъ христіанамъ". Молитва вообще, по ихъ мнѣнію, должна быть по возможности короче и никоимъ образомъ не обращаться къ святымъ и Богородицѣ или къ Сыну и Духу: она должна призывать только одного благаго Бога.

Вальдензы. Альбигойцы манихейскаго толка не исчерпываютъ собой еретическихъ движеній на почвѣ Лангедока и Прованса въ XII и XIII вѣкахъ. Мы видѣли, что по догматикѣ и направленію нельзя назвать альбигойцевъ реформаторами. Реформа предполагаетъ преобразованіе въ чемъ нибудь, во всякомъ случаѣ стремленіе къ движенію впередъ. Альбигойцы же не шли впередъ, а отстали даже отъ тогдашняго узкаго круга идей и были врагами какъ свободы мысли, такъ вообще тѣхъ условій, на которыхъ зиждется прогрессивное движеніе. Но рядомъ съ этими философски-богословскими фантазіями альбигойцевъ развивалось раціональное направленіе, родственное и отчасти тождественное съ позднѣйшимъ кальвинизмомъ. Послѣдователи этого раціональнаго направленія назывались вальдензами. Ихъ ученіе было совершенно инаго характера. Раціоналистическое, нравственное по своей сущности, оно имѣло на своей сторонѣ многочисленныхъ приверженцевъ.

Вальдензы были искреннѣйшими протестантами; они поразительнымъ образомъ напоминаютъ позднѣйшихъ кальвинистовъ и по справедливости могутъ назваться провозвѣстниками протестантизма, предтечами прогресса Европы. Но и вальдензы не представляли изъ себя одного вѣроученія. Религія вальдензовъ была объединительнымъ терминомъ для многихъ сектъ раціоналистическаго, или точнѣе, реформатскаго направленія. Въ противоположность дуалистической церкви, начало которой исчезаетъ въ древности, каждая изъ сектъ реформатскихъ имѣла своего основателя, давшаго ей догматъ, моральный и практическій кодексъ.

Ранѣе всѣхъ началъ свою проповѣдь народу въ смыслѣ исправленія католицизма священникъ Петръ де Брюи, т. е. Петръ изъ Брюи. Его послѣдователи назвались петробрусіанцами.

Петръ де Брюи. Петръ де Брюи дѣйствовалъ въ первые годы XII вѣка въ Гіени и Лангедокѣ. Извѣстно, что онъ былъ схваченъ католическими властями и сожженъ въ 1125 году въ городѣ Санъ-Жиллѣ. Его ученіе записано католическимъ аббатомъ, Петромъ Достопочтеннымъ (Petrus Venerabilis). Оно заключается въ пяти пунктахъ. Въ первомъ пунктѣ запрещается крестить младенцевъ, — но не по тенденціи альбигойцевъ, которые, какъ враги всякой плоти, отвергали крещеніе, какъ матеріальное, — а только потому, что младенцы не сознаютъ

значенія этого таинства. Если же крещеніе, совершенное въ дѣтствѣ, не дѣйствительно, то не только прежнее человѣчество, но и самые такъ называемые отцы Церкви, мученики, тѣмъ болѣе всѣ папы, епископы, священники должны быть изъяты изъ христіанскаго общества и осуждены, какъ не христіане. По второму пункту ученія Петра де Брюи запрещается построеніе храмовъ, какъ излишнее: „ибо Церковь Христова складывается не изъ стѣнъ, не изъ камней, а изъ духовнаго соединенія вѣрующихъ". Также удобно молиться въ тавернѣ, какъ въ церкви, говорилъ Петръ; „передъ стойломъ также, какъ предъ алтаремъ, одинаково можно быть услышаннымъ Богомъ". По третьему пункту—кресты должны быть сломаны и сожжены, какъ орудіе, на которомъ мученически пострадалъ Спаситель и которое должно быть сопряжено въ умѣ христіанъ не съ почитаніемъ, а съ презрѣніемъ. Тоже утверждали и катары, но по другимъ мотивамъ. Послѣ казни Петра де Брюи послѣдователи его сожгли публично огромное множество крестовъ въ видѣ протеста противъ католической Церкви. Четвертый пунктъ гласилъ: тѣло и кровь Христовы ни силою божественной, ни заслугами священниковъ не претворяются. Потому еретики отвергали причащеніе. У нихъ не было даже внѣшняго напоминанія этого таинства. По пятому пункту они отвергали необходимость молитвы и милостыни для спасенія мертвыхъ; они предполагали, что душа уже заранѣе предназначена или на мученіе, или на жизнь вѣчную.

Еще разительнѣе было сходство съ Кальвиномъ у Петра де Брюи въ его антипатіи ко всякой церковной внѣшности, къ украшеніямъ, къ музыкѣ, орга́намъ католическимъ. Въ ихъ молитвахъ возбранялась всякая мелодія. За то съ другой стороны петробрусіанцы представляли сходство съ катарами въ томъ, что они принимали непреложнымъ только одно Евангеліе, отрицали Ветхій Завѣтъ, порицали Дѣянія и посланія Павла. Что касается до обычаевъ, то въ этомъ отношеніи петробрусіанцы не представляютъ ничего общаго съ катарами. Они ѣли мясо, сильно вооружались противъ католическихъ постовъ, отрицали необходимость плотскаго воздержанія и всегда признавали бракъ, столь ненавистный альбигойцамъ. Ученіе Петра имѣло много послѣдователей въ южной Галліи.

Генрихъ. Оно было точнѣе формулировано и лучше развито современникомъ его Генрихомъ, національное происхожденіе котораго не вполнѣ извѣстно. Мы застаемъ его въ Лозаннѣ, небольшомъ городѣ, живописно расположенномъ на южномъ берегу Женевскаго озера, среди виноградниковъ; тамъ принимали Генриха за итальянца. Но врядъ ли онъ былъ родомъ изъ Италіи. Также сомнительно, зналъ ли онъ раньше Петра де Брюи. Надо думать, что онъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, но потомъ былъ ученикомъ Петра де Брюи и заимствовалъ идеи послѣдняго. Съ первой проповѣди въ городѣ Мансѣ въ 1116 году, Генрихъ имѣлъ огромный успѣхъ. Толпа народа всегда окружала его. Въ черной рясѣ, истомленный бдѣніемъ, съ длинной бородой, съ крестомъ въ рукѣ, всегда поучающій пылкой рѣчью, онъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Когда онъ сталъ говорить о фарисействѣ католическаго духовенства, толпа кинулась на присутствующихъ священниковъ, которые, избитые едва могли спастись. Изъ города Манса его изгналъ епископъ. Направившись въ Бордо, проповѣдникъ встрѣтилъ Петра де Брюи и сдѣлался его ученикомъ. Послѣ казни учителя, Генрихъ бѣжалъ въ Гасконь, гдѣ его схватили и отправили въ Римъ на судъ папы. Здѣсь, ко всеобщему удивленію, было поступлено съ нимъ снисходительно. Его поручили присмотру и наставленіямъ знаменитаго Бернара, который обращалъ тогда на себя вниманіе, какъ аскетъ и фанатикъ, какъ человѣкъ, почти поборовшій чувства и тѣлесныя побужденія. Бернаръ держалъ подъ своимъ вліяніемъ не только все тогдашнее католическое духовенство, но папъ, королей и императоровъ. Въ его натурѣ замѣчательно сочетаніе аскетизма монаха съ широтой взгляда философа. Папа склонялся предъ нимъ и Бернаръ властвовалъ въ католической Церкви, которая послѣ канонизировала его.

Предполагали, что такой святой человѣкъ способенъ отклонить даже закоснѣлаго ересіарха отъ всякихъ заблужденій. Но Генрихъ не поддавался. Онъ убѣжалъ отъ назиданій святаго въ Лангедокъ. Въ Тулузѣ онъ склоняетъ на свою сторону могущественнаго феодала, герцога Раймонда, а съ нимъ всѣ граждане стали открытыми послѣдователями Генриха. Въ Римѣ рѣшили воспользоваться словомъ Бернара, чтобы остановить распространеніе ереси. Когда Бернаръ, не боясь раздраженнаго народа, сталъ проповѣдывать въ тулузскомъ каѳедралѣ, мужчины и женщины плакали въ церкви, публично

каясь. Бернаръ увлекся своими первыми успѣхами. Онъ писалъ, что въ Тулузѣ нѣтъ ереси, а она только начиналась. Правда, Генрихъ былъ осужденъ на пожизненное заточеніе и скоро умеръ, но его ученіе не погибло съ его смертью. Петробусіанцы стали теперь называться генрисіанами.

Съ именами Генриха и Петра де Брюи связано начало раціональныхъ ересей. Отчетливыхъ подробностей о догматикѣ Генриха мы не имѣемъ. Можетъ быть, онъ допускалъ крестъ и въ этомъ отношеніи отличался отъ Петра. Во всякомъ случаѣ послѣдователи Петра де Брюи и Генриха слились въ одно; всѣ поборники реформаціоннаго направленія стали называться вальдензами.

Петръ Вальдо.

Когда явился Петръ Вальдо, бѣднякъ Ліонскій, самыя имена Петра де Брюи и Генриха стали исчезать въ памяти современниковъ. Оттого реформу Брюи и Генриха поспѣшили связать съ именемъ Вальдо. Это было въ концѣ XII вѣка на томъ же Югѣ, гдѣ такъ развита была ересь катаровъ. Но ересь катаровъ не была исторична, потому что она требовала такихъ подвиговъ, какіе трудно было переносить ради совершенно вредной цѣли, а новое ученіе, стараясь достичь нравственныхъ цѣлей, выставило на своемъ знамени свободу мысли и прогрессивное развитіе. Извѣстно, что Вальдо выступилъ на реформатскую арену около 1175 года. Богатый купецъ, пораженный смертью своего брата, Вальдо позналъ суету богатства; ради любви къ Богу и ближнимъ, онъ роздалъ все имѣніе и сталъ нищимъ для Господа. Интересно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что имя вальдензовъ встрѣчается два раза въ памятникахъ еще за 30 лѣтъ до появленія Вальдо. Въ первой половинѣ XII вѣка о „вальдензахъ“ пишутъ Errard de Bethune и Bernard de Fontcaud. За 30 лѣтъ до появленія Вальдо—Фонко уже сочинилъ памфлетъ: Contra Valdenses et Arianos. Слѣдовательно подъ словомъ „вальдензы“ эти авторы не могли понимать послѣдователей Вальдо, о которомъ тогда еще не слыхали. Слово „Valdenses“ мы производимъ отъ слова „vallis“; оно означаетъ „обитателей долинъ“, въ которыхъ долго проживали еретики. Добровольно сдѣлавшись нищимъ, Петръ Вальдо посвятилъ себя на проповѣдь Евангелія, которое сталъ толковать въ Ліонѣ, пользуясь провансальскимъ переводомъ, сдѣланнымъ для альбигойцевъ. Что касается до Пророковъ и Дѣяній апостольскихъ, то извѣстно,

что Вальдо перевелъ эти творенія на провансальскій языкъ. Петръ говорилъ, что въ дѣлѣ религіи надо повиноваться одному Богу, а не людямъ, что Римская Церковь отказалась отъ истинной вѣры и сдѣлалась вавилонской блудницей, тою безплодной смоковницей, которую проклялъ Іисусъ и повелѣлъ уничтожить. Вальдо вооружался противъ монастырей, противъ святыхъ, противъ обѣдни, противъ чистилища, противъ молитвъ за усопшихъ, называя все это изобрѣтеніемъ сатаны. Онъ обладалъ громаднымъ вліяніемъ на массы; народъ, увлекшись новой вѣрой, сталъ стремиться узнать истинное Евангеліе. „Большіе и малые, говоритъ лѣтописецъ, мужчины и женщины дни и ночи стали проводить въ томъ, что учили и учились". Папа предалъ Вальдо анаѳемѣ. Тогда онъ бѣжалъ изъ Ліона сперва во Фландрію, а потомъ отправился на югъ, въ горы и ущелья Дофинэ и Пьемонта. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

Памятники, догма и жизнь вальдензовъ.

Извѣстно, что вальдензы засѣли въ Пьемонтѣ, гдѣ, благодаря условіямъ мѣстности, въ чистотѣ сохранили свое ученіе. Впослѣдствіи въ той самой мѣстности, гдѣ утвердилось ученіе вальдензовъ, нашли благопріятную почву Цвингли, Кальвинъ и другіе реформаторы. Тамъ, въ этихъ недоступныхъ ущельяхъ и горахъ, въ которыя можно было проникнуть только извилистыми тропинками, свято, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавали вальдензы свою церковную традицію и принципы свободы совѣсти, благоговѣйно сохраняя книги, въ которыхъ было выражено ихъ ученіе. Главнѣйшіе памятники, когда во время гоненій имъ стало грозить истребленіе, были перенесены въ Англію при Кромвелѣ. Съ 1658 г. эти рукописи хранятся въ библіотекѣ Кембриджа въ оригиналѣ на провансальскомъ языкѣ (¹). Это множество памятниковъ богословскаго, назидательнаго, историческаго и обрядоваго характера. Важнѣйшіе изъ нихъ, — это „Катехизисъ", затѣмъ „Исповѣданіе вѣры", „Сокровище вѣры", толкованіе молитвы Господней, „Духовный альманахъ" (нравственный практическій кодексъ) и „Книга о дисциплинѣ". Собственно для догматики служатъ „Катехизисъ" и „Испо-

(¹) Онѣ перепечатаны въ книгахъ Jean Leger (Hist. des Eglises Évangeliques des vallées de Piémont. Leyde, 1669) и Perrin (Hist. des Chrestiens Albigeois, Gen. 1618).

вѣданіе вѣры“. Изъ сличенія содержанія этихъ книгъ съ ученіемъ альбигойцевъ становится очевиднымъ, что между катарами и вальдензами не было ничего общаго въ догматикѣ. Послѣдніе признавали Троицу, говорили, что Богъ, будучи въ трехъ лицахъ, не перестаетъ быть единымъ; они не признавали борьбы добраго Бога со злымъ и принимали, согласно съ католиками, что Духъ святой исходитъ и отъ Сына (filioque). Катары отрицали свободную волю и вѣрили въ предопредѣленіе; вальдензы не признавали послѣдняго, доказывая, что Богъ предоставилъ человѣку на волю поступать хорошо или дурно. У вальдензовъ не было рѣшительной антипатіи, какъ у альбигойцевъ, къ Ветхому завѣту, который они даже любили цитировать, подобно позднѣйшимъ пуританамъ. Съ пуританами сближаетъ вальдензовъ также отношеніе къ католическимъ обрядамъ, къ постамъ, къ мессѣ, иконамъ, святымъ, къ молитвѣ за усопшихъ, къ освященію воды. Въ вопросѣ о таинствахъ было также существенное сходство между кальвинистами и вальдензами, ибо послѣдніе признавали только крещеніе и евхаристію, избѣгая примѣнять эти таинства къ дѣтямъ. Вальдензы также допускали бракъ своихъ бородачей (barbas), т. е. священниковъ.

Практическій кодексъ нравственной жизни вальдензовъ и обязанности духовенства ихъ предписываются стихами назидательной Nobla leyçon: „Пастыри церковные не должны проклинать и убивать лучшихъ людей и оставлять жить въ мірѣ злыхъ и обманщиковъ; этимъ доказывается только, что они пастыри не добрые, что они любятъ овецъ только для того, чтобы стричь ихъ. Но Писаніе гласитъ, да и видѣть теперь можно вездѣ, что есть добрые люди, любящіе Бога и Христа, которые не хотятъ ни злорѣчить, ни клясться, ни лгать, ни любодѣйствовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своимъ врагамъ: это-то и есть вальдензы, за это-то ихъ и влекутъ на казнь. Тѣ злые пастыри совершаютъ много грѣховъ, за 100, за 200, за 300 лиръ они даютъ разрѣшеніе, а довѣрчивая паства не знаетъ, что этимъ впадаетъ въ смертный грѣхъ, ибо я могу сказать вамъ навѣрное (таковы слова барбы), что всѣ папы, послѣ Сильвестра до настоящаго времени, кардиналы, епископы, аббаты, всѣ вмѣстѣ не могутъ дать ни одного разрѣшенія и простить смертныхъ грѣховъ кому бы то ни было. Ибо одинъ Богъ прощаетъ, никто другой не можетъ, а истинные пастыри должны проповѣды-

вать народу и непрестанно внушать ему божественное ученіе, очищать его добрымъ примѣромъ (donanta lor decipliina) и добрыми увѣщаніями, заставить его покаяться, дабы идти по слѣдамъ Іисуса Христа, исполняя его волю, неуклонно соблюдая все. что повелѣлъ Господь. Только тѣмъ можно избѣжать антихриста и не подчиниться его дѣламъ и словамъ. а по Писанію уже много антихристовъ, ибо Антихристъ значитъ все противное Христу (¹)“.—Частная жизнь этихъ сектантовъ была безупречна; она напоминаетъ намъ пуританъ XVII столѣтія, съ которыми вальдензы имѣютъ удивительное сходство. Подобно имъ, они доходили до ригоризма и, живя на почвѣ Юга, будто принесли туда начало сѣверной стойкости и неодолимой крѣпости духа въ виду соблазновъ міра. Подобно имъ, они любили говорить ветхозавѣтнымъ языкомъ, а кротость и молчаніе тѣхъ и другихъ могли обратиться въ неудержимое негодованіе только при видѣ иконы или католической статуи. Барбы вальдензовъ старались принимать внѣшность еврейскихъ судей. Вальдензы питали одинаковую съ пуританами ненависть къ свѣтскимъ удовольствіямъ, играмъ и танцамъ. Въ танцахъ грѣшатъ разными способами, какъ-то излишнимъ и долгимъ хожденіемъ, прикосновеніемъ къ женскому стану, блескомъ нарядовъ, пѣніемъ, суетой и пр. Дьяволъ въ началѣ, серединѣ и концѣ каждаго танца. Балъ и вообще увеселеніе съ участіемъ женщинъ угождаетъ дьяволу. Женщина, поющая на балу, — игуменья дьявола, вторящіе ей—клирики римскіе, зрители же — прихожане католическіе. Женщины на балахъ прельщаютъ тремя способами: своимъ прикосновеніемъ, взорами, слухомъ и этимъ завлекаютъ людей маломудрыхъ. Присутствующіе на балу грѣшатъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей и каждой отдѣльно. Умерщвлять плоть, избѣгать праздности есть назначеніе и долгъ каждаго христіанина.

Этотъ образъ жизни вытекалъ не изъ тѣхъ началъ, которыми руководились дуалисты, т. е. альбигойцы. Собственно вальдензы проповѣдывали въ области политики безусловное повиновеніе властямъ и признавали, что всякіе нарушители общественнаго спокойствія заслуживаютъ мученія въ аду въ кипящемъ маслѣ. Вальдензы не были потому опасны свѣтскимъ властямъ, тогда какъ альбигойцы враждовали съ общественнымъ и государственнымъ строемъ. За то вальдензы

(¹) Leger. Hist. des Eglises Évangeliques de Piémont; I, 28—30.

внушали постоянное опасеніе Римской Церкви, которая и объявила имъ рядъ непримиримыхъ войнъ ([1]).

Альбигойскія войны имѣли рѣшительное вліяніе на судьбы провансальской національности, которая погибла въ пылу этихъ войнъ и такимъ образомъ навсегда исчезла для исторіи.

Первоначальное отношеніе Рима къ ереси.

Интересно наблюдать, какъ постепенно развивалась идея крестовыхъ походовъ противъ еретиковъ. Должно сознаться, что рѣшительный характеръ война съ альбигойцами приняла благодаря только случайности. Въ политикѣ Иннокентія III не было предвзятой цѣли истребить ересь насильственными мѣрами. Въ первые годы своего правленія онъ былъ противъ всякихъ жестокихъ мѣръ. По словамъ позднѣйшаго церковнаго католическаго историка, Иннокентій засталъ болѣе 1000 мѣстъ въ южной Галліи и столько же въ верхней Италіи, объятыми ересью съ многочисленными вѣтвями ея отъ богомильскаго дуализма и вальдензовъ до жидовствующихъ и перекрещенцевъ. Онъ засталъ аристократію Юга и Ломбардіи почти явно отложившеюся отъ католичества, расположеніе къ ереси даже въ Церковной области, отступничество въ духовенствѣ, между аббатами и священниками. И не смотря на все это, папа не былъ склоненъ прибѣгать къ внѣшней силѣ по отношенію къ еретикамъ. „Когда врачи узнаютъ содержаніе болѣзни, говорилъ онъ, тогда лишь приступаютъ къ ея исцѣленію. И мы думаемъ, что союзъ еретиковъ разрушится только солиднымъ и приличествующимъ увѣщаніемъ, ибо Господь сказалъ: не хочу смерти грѣшника, но да обратится и живетъ. Только проповѣдью истины подкапываются основы заблужденія“. Онъ вѣрилъ, что слова увѣщанія и проповѣди глубже проникаютъ, чѣмъ мечъ, не всегда надежный. И это говорилъ новый папа, когда города были

([1]) Приступая къ изложенію альбигойскихъ войнъ, должно замѣтить, что для исторіи ихъ существуютъ два главныхъ, совершенно противоположныхъ источника. Это латинское сочиненіе француза Петра Сернейскаго (переведено въ т. XIV коллекціи Гизо) и стихотворная хроника неизвѣстнаго автора, написанная сочувственно еретикамъ, на провансальскомъ языкѣ, — La cansos de la crozada contr els ereges въ 9578 стиховъ (изд. Fauriel съ пер. P. 1837; стихотворный пер. Mary-Lafon—La croisade contre les Alb. P. 1868). Послѣдняя, которая можетъ имѣть только относительное значеніе, по своему содержанію распадается на двѣ или точнѣе на три части: церковную, феодальную и общественную. Разборъ въ приложеніи къ I т. Исторія Альбигойцевъ, стр. 563—569.

переполнены еретиками, когда альбигойское ученіе проповѣдывалось и упрочивалось открыто, когда архіереи богомильскіе имѣли резиденціи въ Миланѣ, Мантуѣ и Брешіи, когда они имѣли смѣлость пробраться въ самый Римъ.

Въ первой буллѣ отъ 1 апрѣля 1190 года по дѣлу альбигойцевъ (¹), обращенной къ одному изъ провансальскихъ архіепископовъ,—папа предписываетъ принимать противъ еретиковъ только такія мѣры, которыя были бы въ предѣлахъ духовно-церковной власти (ecclesiasticae districtionis), т. е. мѣры, чисто нравственныя. При дальнѣйшемъ сопротивленіи предполагалось прибѣгать къ репрессаліямъ и то только тогда, если бы потребовала необходимость (si necesse fuerit), можно обращаться, при посредствѣ государей и народа, къ силѣ свѣтскаго меча.

Для начала Иннокентій снялъ отлученіе съ графа тулузскаго Раймонда VI, но въ то же время отправилъ въ Лангедокъ двоихъ цистерціанскихъ монаховъ, Райнера и Гвидона, съ обширными полномочіями. Легаты немедленно взялись за дѣло, но послѣ полуторагодоваго опыта оказалось, что ихъ полномочія не приводятъ къ цѣлямъ. Въ самой Италіи, рядомъ съ папской резиденціей, безсильно папское вліяніе; ересь патареновъ стучится въ ворота Рима. Первосвященникъ римскій боится пріѣхать въ близкій ему — Витербо; городъ наполненъ еретиками. Казалось, это въ состояніи было привести его въ негодованіе, но и здѣсь онъ только повысилъ тонъ. Въ посланіи къ витербскимъ гражданамъ Иннокентій запрещаетъ повиновеніе еретическимъ властямъ, приказываетъ патаренамъ въ 15 дней оставить городъ, грозитъ городу отлученіемъ и прекращеніемъ богослуженія. Все это не производитъ никакого дѣйствія; отлученіе безсильно, прекращеніе католическаго богослуженія могло только радовать еретиковъ. Въ случаѣ упорства папа грозитъ войной; еретики смѣются въ отвѣтъ. Иннокентій затаилъ въ себѣ чувство ненависти.

Раймондъ VI Тулузскій. Витербскія и подобныя имъ сцены заставили наконецъ папу перемѣнить свой примирительный взглядъ на еретиковъ, побудили его обратиться къ мѣрамъ строгости. Его больше всего раздражало поведеніе Раймонда VI, графа тулузскаго, который явно покровительствовалъ ереси. На графа были обра-

(¹) Reg. Inn. III; l. I, ep. 84.

щены надежды послѣдователей новаго вѣроученія. Въ церковь онъ водилъ своего шута, который подпѣвалъ священнику, кривлялся, гримасничалъ и, стоя спиной къ алтарю, благословлялъ народъ. Владѣтель Тулузы не захотѣлъ наказывать даже самыхъ послѣднихъ гражданъ за ихъ явное кощунство, находя это дѣло пустымъ по своей сущности. Раймонда часто видали на торжественныхъ собраніяхъ еретиковъ. Онъ преклонялъ колѣна, выслушивая молитвы „утѣшенныхъ“, или принималъ ихъ благословенія. Его лучшимъ желаніемъ было умереть на рукахъ „добрыхъ людей“. Хотя оффиціально онъ и держалъ капеллана, но мало стѣснялся католическими приличіями и высказывалъ свои убѣжденія, не обращая вниманія на окружающихъ. „Сразу видно, что дьяволъ создалъ міръ, ничего въ немъ не дѣлается по нашему“, говаривалъ онъ. Къ церковному скандалу Раймондъ перемѣнилъ пять женъ, и три изъ нихъ пережили его. Своимъ вліяніемъ онъ побуждалъ склоняться на сторону еретиковъ такихъ мужественныхъ своихъ вассаловъ, какъ виконты безьерскій и беарнскій, графъ де Фуа и др. Всѣ они впослѣдствіи жестоко пострадали вмѣстѣ съ своимъ сюзереномъ.

Между тѣмъ Иннокентій продолжаетъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла неудачному выбору легатовъ. Онъ посылаетъ опять двухъ новыхъ, изъ цистерціанскихъ монаховъ: Петра де Кастельно и Рауля, полагая, что они не обманутъ надеждъ куріи. Первый славился энергіей характера, и подвигами, искалъ вѣнца мученическаго; другой былъ образованный человѣкъ, имѣлъ степень доктора. Въ концѣ 1203 года легаты начали свою дѣятельность въ Тулузѣ. Они склонили на свою сторону народную партію, весь демократическій элементъ, хотя Раймондъ VI былъ гуманнѣйшимъ властителемъ. „Благородная“ Тулуза, какъ онъ называлъ свою резиденцію, пользовалась полнымъ самоуправленіемъ. Горожане, подъ вліяніемъ пропаганды легатовъ, дали клятву блюсти католичество. Но ничего изъ этого не вышло. Между самими католическими властями начинаются раздоры; легаты ссорятся съ архіепископомъ нарбоннскимъ и другими провансальскими епископами и между собой. Слѣдуютъ доносы папѣ съ одной стороны на нерадѣніе къ Церкви, на симонію прелатовъ, съ другой на превышеніе власти. Понимая, что изъ такихъ раздоровъ не можетъ выдти ничего кромѣ вреда католическому дѣлу, Инно- Легаты на Югѣ.

кентій въ маѣ 1204 года назначаетъ третье лицо, съ тѣмъ же званіемъ легата, но съ полномочіемъ еще болѣе обширнымъ. То былъ Арнольдъ, настоятель главнаго цистерціанскаго монастыря, прозванный потому аббатомъ аббатовъ, человѣкъ громаднаго авторитета въ церковномъ мірѣ, выдающагося краснорѣчія, энергичный, способный властвовать надъ сердцами и чрезвычайно хитрый. Онъ былъ поставленъ старшимъ надъ легатами.

Убійство Петра де-Кастельно.

По указу Иннокентія всѣ три легата начали дѣйствовать вмѣстѣ. Полагая, что причиной успѣховъ ереси служитъ нерадѣніе мѣстныхъ духовныхъ властей, они предаютъ ихъ проклятію, гонятъ съ каѳедръ, лишаютъ сановъ. Но ударъ былъ направленъ совсѣмъ не туда. Гораздо вѣрнѣе угадали они, когда обрушились на самого Раймонда. Графъ Тулузскій былъ отлученъ. Петръ де-Кастельно лично вручилъ ему отлучительную грамоту и произнесъ проклятіе въ довольно рѣзкой формѣ. Это проклятіе не могло не раздражить гордаго графа Тулузы. Раздраженіе перешло въ желаніе мести. Раймондъ поклялся отмстить, и не прошло одного дня, какъ монахъ Петръ былъ убитъ подкупленными убійцами при переправѣ черезъ рѣку.

Можно представить себѣ негодованіе папы и всего католическаго міра при вѣсти объ этомъ неслыханномъ злодѣйствѣ. Никогда курія не терпѣла такого страшнаго поношенія. Вѣсть объ избіеніи апостоловъ язычниками производила на первыхъ христіанъ впечатлѣніе гораздо болѣе слабое. Только оскорбленіе древнихъ римскихъ пословъ во времена республики возбуждало такое же волненіе въ стѣнахъ вѣчнаго города, какъ теперь въ католическомъ мірѣ вѣсть о злодѣйствѣ надъ легатомъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль читали грамоту, въ которой Иннокентій оповѣщалъ весь міръ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему лично и всей католической Церкви. Тонъ посланія былъ тѣмъ болѣе рѣзокъ, что тотъ же папа въ продолженіе девяти лѣтъ—выказывалъ примирительныя стремленія по отношенію къ еретикамъ; теперь онъ дѣлается непримиримъ и чуждается всякихъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ съ альбигойцами; теперь онъ даетъ полную волю своему гнѣву.

Призывъ къ крестовой войнѣ.

Призывная грамота дышетъ жаждою мести. Папа призываетъ „universos fideles in obsequium Christi“ къ оружію, предписываетъ архіепископамъ и прочимъ легатамъ приглашать прихожанъ идти противъ еретиковъ. — Да будете вы подвижниками и защитниками святой вѣры! восклицаетъ онъ.

Это воззваніе произвело потрясающее впечатлѣніе на всемъ Западѣ. Крестоносцы стали собираться массами подъ знамена Церкви. Раймондъ испугался, смирился, принесъ папѣ въ залогъ семь лучшихъ замковъ. Папа не прочь былъ помириться лично съ графомъ, принялъ его замки, велѣлъ ему ждать рѣшенія суда, а дѣло организованія крестоваго похода продолжалъ; десятилѣтнимъ опытомъ онъ убѣдился въ необходимости энергическихъ мѣръ противъ еретиковъ.

Иннокентій прежде всего постарался склонить на свою сторону французскаго короля Филиппа Августа. Онъ пишетъ королю собственноручно письмо, призываетъ его возстать за дѣло Божіе, соглашается украсить его войска символомъ креста. Но хитрый и практичный Филиппъ отказывается отъ личнаго участія въ походѣ, хотя и не препятствуетъ,— да онъ и не могъ воспрепятствовать тому, такъ велико было религіозное движеніе, охватившее его подданныхъ, — чтобы вассалы его помогли папѣ. Напрасно секретарь папы уговаривалъ Филиппа. Августъ ссылался на войну съ Оттономъ германскимъ и на непріязненныя отношенія къ Іоанну англійскому. На самомъ же дѣлѣ французскій король былъ слишкомъ практиченъ, чтобы не воспользоваться готовой добычей, кровью и трудами другихъ. Какъ опытный хищникъ, онъ хотѣлъ выжидать результатовъ войны, выслѣживалъ провансальцевъ, равно какъ и крестоносцевъ, чтобы при случаѣ вмѣшаться и наложить свою крѣпкую руку.

За то миссіонеры дѣйствовали успѣшно въ предѣлахъ Франціи. Ихъ пропаганда проникла даже въ Германію; крестоносцы всѣхъ сословій, всѣхъ состояній собирались отовсюду. Простой народъ шелъ на войну, какъ ему казалось, священную, — шелъ изъ фанатизма, какъ послушное орудіе папства, увлекаемый индульгенціями и щедрыми обѣщаніями. Рыцари соблазнялись грабежемъ и доменами. Но не одна страсть къ грабежу руководила рыцарями сѣверной Франціи. Другая, болѣе внутренняя причина давала имъ толчекъ; то было желаніе поработить свободу Юга сѣверному абсолютизму. Это порабощеніе Юга, это уничтоженіе провансаль-

скихъ нравовъ, языка, коммунъ, духа свободы и оппозиціи, всего что было такъ ненавистно для французскихъ королей, — все это для сѣверныхъ французовъ было вопросомъ ихъ государственнаго развитія, задачею ихъ политическаго роста.

Сѣверъ и Югъ Галліи. Короли французскіе, которые задались теперь идеей централизаціи своего государства, не могли выносить этого духа оппозиціи, негодовали на провансальскія коммуны, непризнававшія никакой власти. Новѣйшіе французскіе историки склоняются къ мысли, что сѣверное французское рыцарство помогало Церкви изъ желанія перенести свое владычество на почву южной Галліи. Въ продолженіе всей французской исторіи, оппозиція правительству всегда идетъ съ Юга, изъ этого порабощеннаго Прованса, лишеннаго своей цивилизаціи, своей самостоятельности, своихъ отличительныхъ, часто оригинальныхъ формъ. Югъ всегда превосходилъ Сѣверъ Галліи своей литературой, своей многосторонней, широкой жизнію, уступая ему въ воинственности.

На Югѣ отлично понимали конечную цѣль войны. Тамъ также готовились. Понятна вполнѣ ненависть жителей Прованса къ французамъ сѣвернымъ, ненависть слабыхъ, защищающихъ свою свободу отъ ея поработителей. Число крестоносцевъ стихотворная провансальская хроника опредѣляетъ до полумилліона, — цифра преувеличенная, но та сотня тысячъ, которая шла на Югъ, не могла не внушать ужаса.

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Ліонъ. Въ іюлѣ 1209 года на горахъ и улицахъ Ліона можно было видѣть всякій сбродъ; всюду было замѣтно какое-то дикое и мрачное настроеніе. Тутъ сновали монахи и пестрыя толпы поселянъ. Это была странная смѣсь племенъ; тутъ были воители изъ Нормандіи, Фландріи, Бургундіи, Лотарингіи, Италіи и даже Германіи. „И никогда, какъ я родился, восклицаетъ авторъ провансальской хроники, не видалъ столь великаго воинства.... Тутъ надѣли крестъ герцогъ Бургундскій, графъ Наварскій и другіе многіе синьоры.... Еще не былъ на свѣтѣ такой латинистъ, или такой ученый клирикъ, который изъ всего этого могъ бы разсказать половину или треть, или переписать имена всѣхъ священниковъ и аббатовъ, которые собрались въ лагерѣ подъ Безьеромъ, за стѣнами города, на поляхъ окрестныхъ“. Между воителями свѣтскими выдавался Симонъ Монфоръ, графъ лейчестерскій, между

духовными аббатъ Арнольдъ, онъ же папскій легатъ. Послѣдній былъ провозглашенъ номинально генералиссимусомъ всѣхъ крестоносныхъ войскъ.

Въ іюлѣ же все пестрое многочисленное воинство, нашивъ кресты, переправилось за Рону. Передъ нимъ открылись прекрасныя провансальскія поселенія, съ богатой культурой, промышленностью, фабриками, съ народомъ, говорившимъ своимъ языкомъ, народомъ торговымъ, но никогда не отличавшимся воинственностью. Провансальцы напоминали собой древнихъ грековъ предъ лицемъ наступавшихъ римлянъ. Но вторженіе французовъ по своему характеру уподоблялось монгольскому нашествію. Крестоносцы были силой, способной только разрушать; они не были дисциплированы, не имѣли общаго вождя. Отъ этого отсутствія дисциплины и послѣдовало варварское истребленіе провансальской цивилизаціи. Воины Монфора мало отличались отъ воиновъ Чингиза и Батыя. Страна свободы вынесла отъ нихъ то, что черезъ 30 лѣтъ вынесли наши предки отъ восточныхъ завоевателей. Они не хотѣли давать пощады ни одному провансальцу. Страхъ далеко предшествовалъ имъ, распространяясь по странѣ Прованса съ самаго вторженія этихъ озлобленныхъ и фанатизированныхъ массъ. **Начало войны.**

Раймондъ VI между тѣмъ переживалъ тяжелые дни. Онъ преклонялся предъ папой, призналъ себя виновнымъ, думая тѣмъ спасти себя и свою Тулузу, просилъ пощады и снятія отлученія. Назначено было публичное покаяніе. Папскій легатъ заставилъ его вынести позорное наказаніе. 18 іюля 1209 г. въ Санъ-Жиллѣ, томъ самомъ городѣ, гдѣ былъ похороненъ Петръ де Кастельно, на городской площади, въ присутствіи вассаловъ, среди толпы народа, склонился могущественный графъ Тулузскій къ ногамъ легата. Монахъ обнажилъ ему спину, ударилъ нѣсколько разъ веревкою, надѣлъ веревку на шею и повелъ въ каѳедральный соборъ. Въ слезахъ покаянія, а можетъ быть горькаго оскорбленія, Раймондъ распростерся на амвонѣ, принесъ покаяніе во грѣхахъ и въ сочувствіи еретикамъ. Тогда легатъ далъ ему отпущеніе именемъ „господина папы Иннокентія III“. Раймондъ долженъ былъ передать всѣ свои владѣнія папѣ, отъ котораго и получилъ ихъ обратно, какъ вассалъ. Такому позорному обряду былъ подвергнутъ сильный, любимый народомъ государь, вла- **Покаяніе Раймонда VI.**

дѣтель довольно обширной территоріи, родственникъ королей аррагонскаго, англійскаго и французскаго. Такъ рѣшительно проявилось папское могущество.

Погромъ Прованса.

Пока бичевали главнаго покровителя ереси, крестоносцы начали разрушать города Прованса. Первымъ долженъ былъ пасть подъ ихъ ударами Безьеръ, который былъ взятъ приступомъ, выжженъ и разрушенъ до основанія: пощады не было оказано ни полу, ни возрасту; 60.000 женщинъ и дѣтей погибло, по словамъ провансальскаго пѣвца, отъ меча и въ огнѣ. „Никогда, я думаю, со временъ самихъ сарацинъ, такого избіенія не было ни задумано, ни исполнено", говоритъ хроникеръ. Напрасно думать, будто Иннокентій одобрялъ всѣ эти ужасы. Когда легатъ съ восторгомъ доносилъ о преуспѣяніи дѣла Божія, о жестокой карѣ, постигшей еретиковъ, папа отвѣтилъ молчаніемъ. Отдохнувъ на развалинахъ Безьера, крестоносцы пошли далѣе. Власти Нарбонны, напуганныя безьерскими событіями, рѣшились издать декретъ противъ еретиковъ, покорились папской волѣ и прибыли въ лагерь крестоносцевъ. Путь крестоносцевъ лежалъ на Каркассону. Малодоступная по своему положенію, отчаянно защищаемая жителями, подъ начальствомъ самого виконта Раймонда Рожера, она должна была вынести осаду. Наскучивъ продолжительностью осады, крестоносцы пошли на приступъ, но потерпѣли рѣшительную неудачу. Тогда вожди ихъ, эти монахи въ бронѣ, рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Они заманили виконта въ свой лагерь и плѣнили. Граждане пали духомъ и сдались. Виконтъ Рожеръ былъ посаженъ въ тюрьму, подвергся оскорбленіямъ и истязаніямъ.

Симонъ Монфоръ.

Мало по малу изъ среды крестоносныхъ вождей выдвигается личность Монфора. Онъ дѣлается руководящимъ дѣятелемъ въ войнѣ, становится главнымъ лицомъ альбигойской драмы. Это герой французскихъ рыцарскихъ сказокъ. Современныя рыцарскія хроники исполнены хвалы ему. Это для нихъ какой-то богатырь, въ родѣ нашего Ильи Муромца, который способенъ творить подвиги сверхъестественные, который не знаетъ неудачъ, для котораго нѣтъ невозможнаго. Суровый характеромъ, онъ былъ способенъ ввести порядки своей родины на почву Юга. Онъ былъ до того грубъ, невѣжественъ и дикъ, что впослѣдствіи одно имя его способно было вызывать страшную непри-

миримую ненависть во всякомъ провансальцѣ. Еретикамъ же онъ напоминалъ того сатану, въ котораго вѣрили альбигойцы.

Происхожденіе Монфоровъ кроется въ отдаленныхъ преданіяхъ первыхъ варварскихъ поселеній. Этотъ родъ прекратился въ мужскомъ потомствѣ въ началѣ X вѣка; тогда послѣдняя въ родѣ Монфоровъ вышла за мужъ за графа Гено. Такимъ образомъ вождь крестоносцевъ носилъ имя Монфора по женской линіи.

Сынъ послѣдняго изъ Монфоровъ назывался Амори и въ началѣ X вѣка присоединилъ къ своему титулу старинное родовое имя матери. Отецъ Симона, получившаго столь кровавую извѣстность въ началѣ XIII столѣтія, былъ женатъ на англійской графинѣ Лейстеръ и распространилъ свои домены на два государства. Потому потомство Симона стало носить титулъ графовъ Лейстеровъ, проявивъ впослѣдствіи свою плодотворную дѣятельность въ исторіи Англіи (см. ниже II, 331—338). Надо было случиться, что съ памятью о Симонѣ-отцѣ сочеталось представленіе о гонителѣ и тиранѣ, а съ памятью о Симонѣ-сынѣ признательность всѣхъ сторонниковъ политической свободы въ Европѣ.

Въ представленіи современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній, Симонъ Монфоръ-отецъ, графъ Гено, является воплощеніемъ жестокости, но въ то же время твердыней католицизма, преданнѣйшимъ слугою Церкви. Такимъ былъ въ XVI вѣкѣ испанскій герцогъ Альба. Впрочемъ Симонъ былъ свирѣпъ и жестокъ до того, что даже ультра-католическій историкъ Райнальди упрекаетъ его въ излишествахъ. Вѣрно то, что благодаря Монфору, папство могло съ перваго-же года похода гордиться успѣхомъ, отъ котораго впрочемъ приходится стыдиться. Какъ бы то ни было, на войско и рыцарство Симонъ производилъ впечатлѣніе своей воинственной наружностью и замѣчательной физической силой; онъ не былъ чуждъ военныхъ талантовъ и отличался необузданной храбростью и магическимъ вліяніемъ на преданныхъ ему воиновъ. Въ Монфорѣ выражается политическій смыслъ крестовыхъ войнъ,—подчиненіе самостоятельныхъ южанъ сѣвернымъ французамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Монфоръ былъ той силой, благодаря авторитету которой, легаты, сопровождавшіе его, могли приводить въ исполненіе волю папы.

Вмѣшательство аррагонскаго короля.

Послѣ унизительнаго покаянія, Раймондъ Тулузскій, бывшій главнымъ покровителемъ ереси альбигойской, перешелъ въ лагерь католическій, но это не освобождало его отъ подозрѣнія куріи. Ему нужно было ѣхать въ Римъ лично

объясниться съ папой. Послѣднiй принялъ его милостиво, выслушалъ его просьбу и, отпуская, далъ предписанiе легатамъ и Монфору не занимать владѣнiй графа. Но слабой стороной Иннокентiя была всегда излишняя довѣрчивость съ его стороны къ исполнителямъ его воли.

Между тѣмъ,—въ виду явной враждебности легатовъ, въ виду обнаружившихся политическихъ и завоевательныхъ стремленiй Монфора и вообще сѣвернаго рыцарства,—Лангедоку грозила опасность полнаго порабощенiя. Покоренные, угрожаемые, офранцуживаемые провансальцы думаютъ найти единственное спасенiе въ чужой помощи, въ народѣ, который только одинъ во всей Европѣ былъ близокъ къ нимъ по родству, по исторiи, который только одинъ во всей Европѣ могъ симпатизировать имъ,—въ народѣ аррагонскомъ и его рыцарственномъ королѣ. Прямымъ предлогомъ для вмѣшательства аррагонскаго короля было отнятiе владѣнiй у графовъ Тулузскаго, де Фуа и др., а также и жестокости, совершенныя крестоносцами. Эти жестокости еще болѣе усилились, когда подъ Тулузой Монфоръ долженъ былъ понести пораженiе. Сперва аррагонскiй король велъ войну тайно. Правда, и крестоносцы дѣлали диверсiи въ его подвассальныя владѣнiя, но открыто противники не вступали въ войну.

По желанiю донъ Педро аррагонскаго, папа далъ повелѣнiе легатамъ удовлетворить всѣхъ утѣсняемыхъ владѣтелей Прованса. Но этимъ дѣло не поправилось. Хитрые монахи сумѣли обойти папскiя повелѣнiя; въ ихъ разсчеты входило завлечь Аррагонiю и ея короля въ войну,—по возможности продолжительную. Вражда между донъ-Педро и Монфоромъ уже по существу была непримиримая и какъ бы нацiональная. Легаты изъявляли притязанiе на свѣтскую власть. Арнольдъ, напримѣръ, уже былъ архiепископомъ Нарбонны съ 40,000 марокъ годоваго дохода. Самъ Монфоръ объявилъ себя виконтомъ безьерскимъ и даже домогался графства Тулузскаго.

Онъ предпринялъ важный шагъ къ упроченiю сѣверныхъ порядковъ въ областяхъ завоеваннаго Лангедока. Имъ были введены такъ называемые статуты и ордонансы Памьерскiе въ 1212 году, впослѣдствiи названные Монфоровскими, въ силу коихъ регулировалась новая соцiальная и государственная жизнь Лангедока. Акты эти были учинены при содѣйствiи духовныхъ властей и папскихъ легатовъ; они были скрѣплены ихъ подписями и печатями. Въ новыхъ кутюмахъ, въ этихъ обычныхъ законахъ, нельзя не видѣть политическаго влiянiя идей Сѣвера на Югъ. Изъ вѣчно веселаго, ликовавшаго Юга статуты Памьерскiе сдѣлали угрюмый монастырь,

изъ царства трубадуровъ — царство прелатовъ съ невыносимѣйшимъ изъ гнетовъ, гнетомъ клерикальнымъ. Государство Монфора стремилось поработить и стереть мѣстную свѣтскую аристократію, замѣнивъ ее французской. Оно внесло въ страну не только незнакомое государственное начало, но сдѣлало изъ нея нѣчто въ родѣ французской области, находившейся на военномъ положеніи.

Столицею Монфора стала Каркассона, этотъ первый лавръ крестоносцевъ. Такъ Церковь открыто покровительствовала росту французской власти на почвѣ Лангедока. Король аррагонскій не стерпѣлъ этого присутствія французской власти въ Провансѣ. Онъ вступился за провансальцевъ, родственныхъ ему по духу и крови. Отправляясь въ Тулузу, онъ обѣщалъ своей возлюбленной вернуться побѣдителемъ.— „Благородная дама, говорилъ король по словамъ стихотворной хроники, я иду на Тулузу, я выгоню для Васъ французовъ изъ Лангедока". Онъ принялъ вассальную присягу отъ графовъ Тулузскаго, де Фуа и другихъ, объявилъ себя защитникомъ угнетенныхъ, потребовалъ возстановленія ихъ правъ, а отъ Монфора присяги за нѣкоторыя занятыя послѣднимъ области. Монфоръ отвѣтилъ ему вызовомъ на смертный бой. Что касается Раймонда, то онъ уже слишкомъ много испыталъ превратностей судьбы, чтобы увлекаться. Онъ не ждалъ успѣха отъ случая, отъ счастія; онъ видѣлъ его только въ перемѣнѣ папской политики. Но теперь, когда король аррагонскій сталъ открыто противъ Церкви, онъ пересталъ даже вѣрить въ серьезную перемѣну къ лучшему, предвидя пораженіе донъ-Педро.

Битва подъ Мюре и ея послѣдствія.

Противники сошлись передъ замкомъ Мюрэ. Легаты хотѣли было помирить соперниковъ; но сами аррагонцы не допускали этого. Должна была состояться рѣшительная битва. Пылкій король хотѣлъ во что бы то ни стало лично помѣряться съ Монфоромъ и даже перемѣнилъ королевскую одежду на костюмъ простаго рыцаря. —„Я найду тебя, Монфоръ", воскликнулъ онъ, бросаясь въ средину сражающихся. Эта битва была несчастна для аррагонцевъ и донъ Педро погибъ въ ней. Онъ самъ выдалъ себя. Два французскіе рыцаря погнались за нимъ и убили. Его трупъ былъ ограбленъ до нага и едва отысканъ по приказанію Монфора, который воздалъ подобающія почести тѣлу своего царственнаго противника. Монфоръ преклонилъ колѣна предъ мертвымъ королемъ, искренно опла-

кивалъ его, велѣлъ торжественно похоронить, передавъ трупъ на руки госпиталитовъ, чтобы тѣ отвезли его въ Аррагонію. Въ этой битвѣ погибло множество альбигойскихъ рыцарей, слѣдовавшихъ за аррагонскимъ королемъ.

Два года спустя Монфоръ былъ провозглашенъ повелителемъ всего Юга на соборѣ въ Монпелье.

Графъ Тулузскій сдѣлался частнымъ человѣкомъ; онъ удалился въ домъ одного тулузскаго горожанина; тамъ предстояло ему оплакивать свое сочувствіе къ альбигойцамъ. Опредѣленіе собора было отправлено на утвержденіе папы, но послѣдній не рѣшился на столь смѣлый шагъ, не далъ утвержденія соборнаго постановленія относительно Монфора. Папа предоставилъ ему право пользоваться доходами съ тулузскихъ доменовъ, творить тамъ судъ и расправу, совершать походы, но не согласился, чтобы Монфоръ былъ признанъ de jure владѣтелемъ Лангедока. Замки Раймонда были объявлены собственностью Церкви впредь до рѣшенія собора, который имѣлъ состояться на слѣдующій годъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что около этого времени въ лагерѣ крестоносцевъ появляется сынъ французскаго короля, принцъ Луи, будущій король. Тогда же начался сильный споръ между духовными и свѣтскими властями, завоевавшими Провансъ. Монфоръ ни за что не хотѣлъ уступить легату папскому Арнольду—Нарбонну. Въ возникшемъ отсюда спорѣ принцъ Луи принялъ сторону Монфора, а архіепископъ жаловался папѣ. Для разбора этого дѣла, для окончательнаго рѣшенія судьбы Лангедока и для проведенія задуманныхъ Иннокентіемъ реформъ въ католической Церкви былъ назначенъ соборъ въ Римѣ, въ храмѣ Іоанна Латеранскаго, который существуетъ и до сихъ поръ.

Латеранскій соборъ 1215 г.

Время открытія собора было высшей степенью папскаго могущества. Иннокентій былъ на верху своего счастія. Всѣ замыслы его осуществились. Могущественные государи и народы были покорны ему. Французскій король смирился и изъявилъ повиновеніе; на престолѣ Германіи сидѣлъ преданный другъ Иннокентія, Фридрихъ II; Англія была у ногъ папы; Аррагонія и государства пиринейскія—подъ опекою легатовъ; ересь альбигойская, казалось, была истреблена; могущественный графъ тулузскій низложенъ; Византія покорена; на мѣстѣ греческой имперіи явилась латинская; непокорныя общины

Юга трепетали за свою безопасность; на дальнемъ сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, прививалась католическая проповѣдь. Было сдѣлано все, что въ силахъ сдѣлать человѣкъ, самый энергичный и геніальный для осуществленія своихъ идей.

Оставалось только сплотить все одной общей связью и тѣмъ завершить зданіе католицизма. Еще въ 1213 году папа думалъ созвать соборъ, но два года прошли въ приготовленіяхъ. Этотъ соборъ долженъ былъ заняться громадными общественными задачами. Цѣлью его, такъ гласили папскіе манифесты, было: искорененіе всякихъ пороковъ, насажденіе добродѣтелей, преобразованіе нравовъ, уничтоженіе ересей, укрѣпленіе вѣры, прекращеніе раздоровъ, закрѣпленіе мира, огражденіе свободы каждаго католика. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о новомъ походѣ на невѣрныхъ,—эту любимую мечту Иннокентія, два раза уже неудавшуюся. Здѣсь же предстояло произвести измѣненія въ бытѣ высшаго и низшаго клира, опредѣлить отношеніе Церкви къ обществу. Наконецъ собору предстояло заняться вопросомъ о лангедокскихъ еретикахъ и рѣшить участь гонимыхъ провансальскихъ феодаловъ. Изъ каждой епархіи было назначено по два представителя изъ высшаго духовенства и столько же изъ низшаго. Всего на соборѣ 1215 года присутствовало 412 епископовъ, 900 аббатовъ и множество другаго духовенства. Тутъ были послы государей рядомъ съ латинскимъ патріархомъ Константинополя, тутъ сидѣлъ самъ патріархъ Іерусалимскій, делегаты другихъ восточныхъ патріарховъ, множество рыцарей, членовъ военно-монашескихъ орденовъ. Иннокентію удалось установить на этомъ соборѣ принципъ теократіи, насколько онъ могъ практически осуществиться. Онъ организовалъ строй католическаго міра такъ, что незримое но всевидящее папское око должно было оцѣпить весь міръ одной сѣтью, подчинить его своей власти. Каждая область была подъ строгимъ надзоромъ римской куріи.

Его постановленія.

Протоколы этого собора въ 70 канонахъ, исходившіе большею частію отъ самаго папы, вошли въ „Corpus juris canonici clausum", составивъ его существенное основаніе. Было опредѣлено, что каждый католикъ долженъ выбрать себѣ духовника, долженъ исповѣдаться и причащаться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ. Каждый сообразуется въ дѣлахъ

совѣсти съ совѣтами своего духовника. Сами духовники должны исповѣдываться у своихъ старшихъ, или у священника другаго прихода. Тутъ же были опредѣлены брачныя отношенія; родство даже въ четвертой степени признавалось препятствіемъ къ браку. Здѣсь же были положены основанія инквизиціонныхъ судовъ, вошедшія впослѣдствіи въ свѣтскій, гражданскій и уголовный кодексъ. Папа видимо хотѣлъ по возможности усилить наблюденіе со стороны католическихъ духовныхъ лицъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ совѣсть цѣлаго Запада. Конечно все это было только на бумагѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что нравственное положеніе народовъ нѣсколько повысилось. Особенныя усилія прилагалъ Иннокентій къ улучшенію нравовъ клириковъ. Духовные должны служить примѣромъ. Ихъ поведеніе опредѣлено со всею точностію. Они должны отказаться отъ всякихъ свѣтскихъ удовольствій; имъ воспрещались пышныя одежды. Священники должны быть особенно искусны „in officiis divinis". При каѳедральныхъ церквахъ, для проповѣди, должны быть особые ученые магистры, а при епархіальныхъ церквахъ доктора богословія, которые поучаютъ священниковъ Писанію и душевному спасенію. Мало расположенный къ монахамъ, папа запретилъ имъ брать на руки деньги, безъ разрѣшенія аббата. Онъ не утвердилъ новыхъ монашескихъ орденовъ и даже постановилъ, что никто и впредь не можетъ основывать орденовъ,—распоряженіе, какъ увидимъ, впослѣдствіи отмѣненное куріей. Объ инквизиціи также говорилось на этомъ соборѣ, но регламента не было выработано. Духовенству дано право вмѣшиваться въ свѣтскую юрисдикцію, но оно не должно произносить и подписывать смертныхъ приговоровъ; духовнымъ запрещено лицезрѣть казни; они не должны ни подъ какимъ видомъ присутствовать при операціяхъ хирургическихъ, прижиганіяхъ, ампутаціяхъ: они должны избѣгать даже вида человѣческой крови.

Кромѣ этихъ законоположеній по отношенію къ жизни духовенства были разсмотрѣны нѣкоторые другіе существенные вопросы. Симонія снова строго запрещена во всѣхъ ея видахъ; таксы и подарки за духовныя мѣста уничтожены; запрещена торговля при монастыряхъ священными предметами, особенно мощами, запрещена плата за молитвы, молебны и таинства, запрещено злоупотреблять правомъ отлученія; предписано прибѣгать къ нему только по уважительнымъ причи-

намъ, въ исключительныхъ случаяхъ (manifesta et rationali causa). Въ награду за ограниченія, которыя были возложены на духовныхъ, имъ были даны особыя привилегіи: они не подлежали свѣтскому суду; аббаты не приносятъ міряпину клятвы въ вѣрности за земли; въ своихъ бенефиціяхъ они могутъ не исполнять приказаній сюзереновъ. Доходя до всѣхъ мелочей духовной и практической жизни, проникая въ частный бытъ семействъ, соборъ предписалъ особыя одежды евреямъ и сарацинамъ; онъ дозволилъ имъ занимать общественныя должности, но не подчинять себѣ христіанъ. Соборъ былъ жестокъ къ альбигойцамъ, хотя и не упоминаетъ о нихъ. Особенное вниманіе было обращено на вновь появившихся еретиковъ, послѣдователей монаха Іоакима, увлекшагося пантеизмомъ и религіею чистаго духа.

Латеранскій соборъ былъ послѣднимъ дѣломъ Иннокентія III. Онъ хотѣлъ дать нравственныя основы духовенству и тѣмъ заставить общество невольно подчиниться его превосходству. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ мало привились въ жизни намѣренія Иннокентія, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того благороднаго стремленія, которое было положено въ основаніе этого собора. Цѣлью его было преобразованіе Церкви въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Лучшей мыслію послѣднихъ дней великаго папы былъ походъ европейскихъ государей на невѣрныхъ. Судьба уже два раза не дала исполниться его желанію; два похода были предприняты, но оба неудачно, такъ какъ оба преслѣдовали совсѣмъ другія цѣли. Не удалось папѣ видѣть осуществленія и новаго похода.

Кончина Иннокентія III.

Онъ понималъ, что для успѣшнаго исполненія замысла, нужно склонить на свою сторону итальянскія республики, которыя однѣ могли дать средства къ походу и перевезти крестоносцевъ въ Палестину. Эти республики, какъ и всегда, враждовали между собой. Чтобы примирить ихъ, папа хотѣлъ лично посѣтить нѣкоторые итальянскіе города. Весною выѣхалъ онъ изъ Рима. Дорогою онъ схватилъ лихорадку. Едва онъ успѣлъ доѣхать до Перуджіи; здѣсь, спустя нѣсколько дней, 17 іюля 1216 года, Иннокентія не стало.

Тѣло его похоронили въ Перуджіи. Простая гробница скрываетъ кости человѣка, слава котораго нѣкогда наполняла цѣлый свѣтъ, который одинъ могъ господствовать надъ этимъ

міромъ не силою оружія, а словомъ. Для всѣхъ ясны его ошибки, истекавшія изъ излишней довѣрчивости папы къ исполнителямъ его воли, его увлеченія, но нельзя отрицать того, что время его было въ высшей степени прогрессивно и плодотворно для католическаго міра, нельзя игнорировать его высокихъ стремленій и существенной важности нѣкоторыхъ реформъ, проведенныхъ на латеранскомъ соборѣ. Послѣдній годъ его жизни былъ высшимъ годомъ въ исторіи папства и послѣднимъ въ исторіи западной теократіи.

Католическое духовенство, ему современное, могло только радоваться смерти человѣка, который наложилъ на него нравственную узду. Избавившись отъ опеки, оно быстро пошло къ своему паденію, увлекая за собой и весь католическій міръ. Въ особенности были недовольны Иннокентіемъ крупные прелаты, привыкшіе къ пышной и роскошной жизни. Теперь они почувствовали себя на свободѣ. Это высшее духовенство, а равнымъ образомъ и еретики мстили памяти Иннокентія, какъ могли. Они сочинили сказку, что душа его по временамъ выходитъ изъ чистилища на землю и у креста вымаливаетъ прощеніе своихъ грѣховъ. Можно сказать, что эта легенда служитъ проявленіемъ того благочестиваго духа, который оскорбляется вмѣшательствомъ политики въ область духовную.

Борьба на Югѣ. Когда умеръ Иннокентій III, чужеземная власть уже господствовала въ Провансѣ. Рѣшеніе латеранскаго собора, въ силу котораго земли графа тулузскаго передавались французамъ и Симону Монфору, нисколько не соотвѣтствовало желанію провансальцевъ. Признаніе Монфора государемъ на Югѣ могло быть достигнуто только насиліемъ; Монфоръ былъ тамъ совершенно чужой; съ именемъ же Раймонда соединилось все лучшее для провансальцевъ, счастье ихъ страны, честь, право, цивилизація, гуманность; его династія была вполнѣ національною. Франція, въ глазахъ южанъ, была страной насилій, всякихъ ужасовъ и несправедливостей [1].

Казалось ересь была уничтожена на дѣлѣ, но альбигойская вѣра обладала замѣчательною эластичностью; она внезапно то скрывалась, то опять появлялась, возрождаясь

[1] Подр. во II т. Исторіи Альбигойцевъ: Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами (К. 1872).

при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это само по себѣ показываетъ, что альбигойское ученіе было явленіемъ національнымъ, что оно нравилось провансальской народности. Когда Раймондъ возвращался изъ Рима, послѣ свиданія съ папою, то городъ Марсель сдѣлалъ ему блистательную овацію, хотя не былъ подвластенъ ему. Марсель сочувствовалъ графу тулузскому, какъ покровителю провансальцевъ. Авиньонъ и Бокеръ, также не принадлежавшіе Раймонду, восторженно встрѣтили его и открыли ему ворота, какъ своему государю. Вездѣ выражалась открытая ненависть не столько къ французамъ, сколько къ католическому духовенству. Всѣ знали, что оно было главною причиною бѣдствій провансальцевъ. Попы и монахи лгутъ, толковали провансальцы, если говорятъ, что преслѣдуя графа, они служатъ христіанству. — „Придетъ часъ, когда злоба накипитъ вполнѣ у меня въ груди, говоритъ одинъ сатирикъ Прованса; я плачу ночью, вздыхаю днемъ, куда ни обращусь, все вижу одно: французы обираютъ до нага провансальцевъ. Господи! есть ли у нихъ сколько нибудь жалости, когда они идутъ на грабежъ. О Тулуза, о Провансъ, о Безьеръ, Каркассона, въ какомъ ужасномъ видѣ представляетесь вы мнѣ!" — „Французы, вы ничего не оставляете при себѣ, съ ѣдкой ироніей восклицаетъ сатирикъ; вы готовы на самыя ужасныя лишенія, вы отдаете все, у васъ даже нѣтъ никакихъ желаній".

Понятно, что враждебное чувство должно было накопиться у провансальцевъ противъ крестоносцевъ-завоевателей и противъ французской національности вообще. Принимая въ соображеніе эту ненависть, мы поймемъ, что при несчастіи Раймонда поднялся весь Провансъ. Въ Тулузѣ, этой столицѣ Юга, также началось сильное патріотическое движеніе. Монфоръ поспѣшилъ въ Тулузу, когда узналъ, что ея гарнизонъ не можетъ долго сопротивляться, и обманомъ взялъ городъ. Столица была ограблена и крестоносцы совершили возмутительныя жестокости. Вслѣдствіе этого произошло единодушное возстаніе жителей и крестоносцы должны были отступить изъ города, только что занятаго ими. Монфоръ снова обманомъ вошелъ въ Тулузу, захватилъ знатнѣйшихъ сановниковъ города. въ качествѣ заложниковъ, и потребовалъ 30 тысячъ серебряныхъ марокъ выкупу. Послѣ того, уже имѣя заложниковъ и думая, что городъ въ его рукахъ, Монфоръ уѣхалъ въ Авиньонъ. Но когда онъ мысленно наслаждался своимъ

счастіемъ, вѣстникъ изъ Нарбонны отъ его жены Алисы принесъ печальную вѣсть, что Раймондъ сдѣлалъ нападеніе на Тулузу и взялъ ее, перерѣзавъ при этомъ гарнизонъ. Монфоръ поспѣшилъ сюда, но, сознавая, что ему трудно будетъ взять городъ, наскоро укрѣпленный Раймондомъ, просилъ помощи у французскаго короля Филиппа, который до послѣдней минуты говорилъ, что еще не пришелъ его часъ. Наконецъ, до 100 тысячъ всякаго сброда подошли къ Тулузѣ.

Битва подъ Тулузой и смерть Симона.

25 іюня 1218 года произошла рѣшительная битва между тулузцами и крестоносцами. Графъ Раймондъ сдѣлалъ вылазку на зарѣ и произвелъ переполохъ въ спящемъ лагерѣ крестоносцевъ.— „Тулуза и смерть", девизъ провансальцевъ, подпялъ на ноги воиновъ Монфора. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью и ни одна не поддавалась Раймондъ руководилъ боемъ и ободрялъ своихъ собственнымъ примѣромъ; альбигойцы дрались съ отчаяніемъ и потѣснили крестоносцевъ. Вдругъ посреди непріятеля появился Монфоръ съ подкрѣпленіями. Стремительнымъ натискомъ онъ обратилъ въ бѣгство провансальцевъ и погнался за ними по пятамъ. Уже онъ былъ у самыхъ стѣнъ города, уже колонны крестоносцевъ готовы были взобраться на стѣны, какъ вдругъ камень, брошенный мѣткой рукой, пробилъ шлемъ Симона и почти раздробилъ черепъ. Вождь крестоносцевъ упалъ на землю, весь черный. Два рыцаря поспѣшили прикрыть его лицо платкомъ. Послѣднимъ конвульсивнымъ движеніемъ, умирающій ударилъ себя два раза въ грудь и испустилъ духъ. Когда этотъ атлетическій трупъ понесли съ мѣста боя, между рядами французовъ стало распространяться общее смятеніе. Крестоносцы проиграли битву. Въ то время когда пилигримы и крестоносцы били себя въ грудь, обливаясь слезами, провансальцы ликовали. Съ понятной быстротой распространилась радостная вѣсть по всей Тулузѣ. Горожане праздновали не побѣду, а смерть Симона. —„Онъ былъ злой и великій убійца (els com quera malignes e homicidiers), говорили они; оттого онъ и умеръ безъ покаянія, что самъ губилъ другихъ мечемъ".

Амори Монфоръ.

Сынъ убитаго, Амори Монфоръ, назначенный по предложенію кардинала-легата вождемъ крестоноснаго ополченія, не былъ достойнымъ наслѣдникомъ своего отца. Тулуза на

нѣкоторое время была спасена; перевѣсъ былъ теперь вполнѣ на сторонѣ провансальцевъ. Отступивъ съ позоромъ отъ Тулузы, молодой Монфоръ со слезами просилъ крестоносцевъ не оставлять его. Его средства были ничтожны. Правда папа Гонорій III, преемникъ Иннокентія III, утвердилъ Амори государемъ Прованса, но Амори былъ владѣтелемъ только по имени. Сынъ несчастнаго Раймонда VI, Раймондъ Юный сталъ во главѣ національности провансальской еще при жизни отца. Онъ двинулся на Амори со всѣми силами, а французскіе прелаты, бывшіе въ его лагерѣ, видимо потеряли всякую энергію, встрѣчая общую ненависть жителей къ пришельцамъ. Они думали, что походъ обойдется имъ дешево, что они займутся только ловлей еретиковъ, что города, напротивъ, радостно откроютъ имъ ворота. Одинъ за другимъ они стали оставлять Амори, не желая подвергать свое войско случайностямъ серьезной битвы. Самъ по себѣ Амори былъ слабъ. Раймондъ наносилъ ему ударъ за ударомъ, гналъ его неустанно изъ мѣста въ мѣсто и наконецъ заперъ въ Каркассонѣ.

Больше 50 городовъ и замковъ, одинъ за другимъ, сдались безпрекословно Раймонду; ихъ отряды увеличили собою войско освободителя. Раймондъ VI, уже какъ независимый государь, отдаетъ теперь отъ своего имени повелѣнія и законы, установляетъ пошлины и налоги. Для того чтобы хотя чѣмъ нибудь залѣчить язвы страны, разоренной французами, онъ строитъ новые города у подошвы замковъ, содѣйствуетъ исправленію и заселенію старыхъ.

Освобожденіе страны приносило съ собой вѣротерпимость. Альбигойцы смѣло открывали свои соборы. Въ архивахъ инквизиціи подъ 1222 г. записано объ одномъ изъ нихъ. Онъ происходилъ въ Разесѣ, въ городѣ Пьессанѣ; на него собралось около сотни альбигойскихъ духовныхъ; тулузскій епископъ Гильябертъ предсѣдательствовалъ. Разесцы просили себѣ особаго епископа; ихъ желаніе было исполнено. Простымъ возложеніемъ рукъ былъ посвященъ въ эту должность Бенедиктъ изъ Тереса; онъ самъ избралъ себѣ по обычаю двухъ „сыновъ“, старшаго и младшаго. Публичному совершенію альбигойскаго и вальденскаго богослуженія теперь никто не препятствовалъ. Мѣстное католическое духовенство настолько стало теперь вѣротерпимымъ, что не высказывало даже протеста.

Въ виду этого Римъ конечно напрягалъ всевозможныя усилія къ достиженію цѣли. Оба Раймонда подверглись новому проклятію. Въ началѣ 1222 г. была получена такая папская булла:

„Нашъ возлюбленный сынъ, кардиналъ Бернардъ, легатъ Апостольской Церкви, принимая во вниманіе, что Раймондъ, сынъ Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, не только подражаетъ злодѣяніямъ своего отца, но даже превзошелъ его въ нихъ, — лишилъ его Раймонда права на владѣніе всѣми доменами, которыя принадлежали его отцу и которыми въ бытность вышеназваннаго кардинала онъ владѣлъ. Мы же нашею апостольскою властью вполнѣ подтверждаемъ его рѣшеніе, какъ справедливое, произнесенное въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ его оглашеніяхъ“ ([1]).

Если это въ сущности не особенно пугало Раймонда, то иначе отразилось на немъ новое предложеніе папы, сдѣланное Филиппу Августу въ февралѣ 1222 г.—возродить дѣло Церкви, погибшей въ странѣ альбигойской ([2]). Вѣротерпимость Раймонда дѣлала его предметомъ ужаса и отвращенія для Рима. Тамъ порѣшили, какъ видно изъ Райнальди, что католическая Церковь въ Лангедокѣ не господствующая, а гонимая, что католиковъ всячески преслѣдуютъ, мучатъ, что оскорбляютъ поношеніями, пачкаютъ, оскверняютъ, топчутъ ногами иконы. Страшныя сцены языческихъ гоненій и мученичества представлялись напуганной куріи, въ которой находили мѣсто самые нелѣпые слухи. Изъ Раймонда дѣлали вождя иконоборцевъ, слугу сатаны. И все это, благодаря одному невмѣшательству графа въ дѣла церковныя, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ гуманныхъ предковъ.

При такихъ обстоятельствахъ Гонорій III представилъ Амори, что теперь не время думать объ его утвержденіи въ наслѣдствѣ отца, что онъ, прогнанный и побѣжденный Раймондомъ, не можетъ ничѣмъ помочь ни себѣ ни Церкви, что крестоносцы напуганы неудачами и что только одинъ сильный король французскій можетъ спасти святую вѣру въ Лангедокѣ. Фанатическое рыцарство, какъ всегда, готово было посвятить свои силы на служеніе Церкви, готово было жертвовать своими личными интересами великому дѣлу. Король, сю-

([1]) Raynaldi, Annales ecclesiastici, p. 497, a. 1221.

([2]) Duchesne. Francorum historiae scriptores; V, 547.

зеренъ, вѣрный своему слову, иначе не пойдетъ на завоеваніе Лангедока, какъ послѣ пріобрѣтенія права на эту страну отъ Монфора. Амори предстояло отказаться отъ отцовскаго наслѣдія въ пользу французской короны. Счастіе повернулось лицомъ къ врагу, и онъ, повинуясь обстоятельствамъ, оставленный всѣми въ эту минуту и даже Римомъ, которому такъ ревностно служилъ его отецъ, отдалъ свой мечъ и владѣнія въ распоряженіе короля Франціи и сошелъ съ исторической сцены, на которой былъ такъ несчастливъ. Его утѣшало одно,—это было чувство мести. Онъ былъ увѣренъ, что его ненавистный соперникъ не дольше его будетъ торжествовать въ Лангедокѣ, что оружіе французовъ жестоко отмститъ ему. Онъ ждалъ скораго пораженія противника.

Передача папою завоеваній Монфора на Югѣ французской коронѣ.

14 мая 1222 г. Гонорій III послалъ Филиппу Августу грамоту, существенно важную для исторіи Франціи. Папство въ средніе вѣка присвоило себѣ право раздачи народовъ, скипетровъ, ссылаясь на волю Господа. И на этотъ разъ, руководимый ложнымъ опасеніемъ гибели вѣры, первосвященникъ санктировалъ за французской короной полное и нераздѣльное обладаніе прелестной страной, которая своими идеями, поэтическимъ духомъ, плодородной почвой, богатствомъ и промышленностью жителей, стала послѣ—ея драгоцѣннымъ украшеніемъ. Феодальныя обязательства, чувство государственной чести, были забыты; королю показали хорошую добычу и пригласили овладѣть ею по новому праву, по праву сильнаго.

„Ты знаешь, возлюбленный сынъ нашъ, писалъ папа, какъ сильно потрясена по грѣхамъ нашимъ въ настоящее время Церковь Христова (graviter sit concussa), особенно въ странѣ альбигойской, на границахъ твоего королевства. Еретики побораютъ ее, публично учатъ въ школахъ невѣрію и рядомъ съ нашими епископами ставятъ своихъ. Кто не знаетъ тѣхъ усилій, которыя употребляла Римская Церковь для уничтоженія этой язвы въ государствѣ твоемъ, а равно ея мѣропріятій не только духовныхъ, но и гражданскихъ. Тебѣ извѣстно, возлюбленный сынъ, что свѣтская власть имѣетъ право употреблять мечъ вещественный, когда духовный не въ силахъ остановить нечестіе, что государи должны изгонять дурныхъ людей изъ своихъ владѣній и что Церковь, въ случаѣ ихъ нерадѣнія, имѣетъ право отнимать ихъ достоянія.

Если мы обращаемся къ другимъ владѣтелямъ съ просьбой очистить ихъ земли отъ еретиковъ, и эта язва между тѣмъ вновь преуспѣваетъ въ твоемъ государствѣ, такъ что враги вѣры видимо гордятся силою и торжествуютъ надъ вѣрными, то тѣмъ болѣе подобаетъ твоему высочеству, если ты неравнодушенъ къ твоей чести и къ спасенію души твоей, сражаться всѣми силами и со всею скоростью противъ еретиковъ твоего государства и ихъ соумышленниковъ, дабы отъ медлительности не погибла вѣра вмѣстѣ съ остальною страною, которая пока во власти католиковъ, чтобы заблужденіе не проникло въ сосѣднія страны, чего слѣдуетъ особенно опасаться. Безъ сомнѣнія, твоему благоразумію не безъизвѣстно, какая опасность предстоитъ Церкви Господней и твоему государству".

„Потому, дабы впредь не было повода приписывать паденіе вѣры ни твоимъ ошибкамъ, ни намъ, которые обязаны взывать къ тебѣ объ изверженіи еретиковъ, въ недостаткѣ чего насъ уже неоднократно упрекали, мы просимъ твое высочество и увѣщеваемъ именемъ Господа, со всѣмъ благорасположеніемъ нашимъ, — поставляя тебѣ то во исцѣленіе грѣховъ, — съ общаго обсужденія и согласія нашихъ братьевъ, *присоединить къ твоимъ владѣніямъ всѣ земли, относительно которыхъ графъ Монфоръ состоялъ твоимъ вассаломъ*, ибо графъ этотъ не въ силахъ болѣе ихъ защищать. Онъ обѣщалъ ихъ тебѣ еще чрезъ епископовъ нимскаго и безьерскаго, а также въ своихъ недавнихъ письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ я усмотрѣлъ, что ты получаешь ихъ въ твое потомственное вѣчное владѣніе, и можешь владѣть ими ненарушимо. И такъ трудись неустанно и дружно вмѣстѣ съ нами, какъ и подобаетъ королевскому великолѣпію, для ускоренія этого дѣла, дабы кто другой не отнялъ эту землю отъ тебя или отъ дѣтей твоихъ". Цитируя постановленіе латеранскаго собора, по которому Раймондъ былъ лишенъ своихъ владѣній, законно переданныхъ Симону Монфору, папа успокоиваетъ совѣсть короля.—„Будь увѣренъ, что мы уже давно отлучили Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, его сына и друзей ихъ, что мы увѣщевали ихъ съ кротостію, но они не хотѣли обратиться и упорствовали въ своемъ коварствѣ. Мы обѣщаемъ всякое содѣйствіе и помощь съ нашей стороны на все время, пока ты доброхотно будешь служить этому дѣлу, которое есть дѣло Христово, какъ относи-

тельно полудесятины, сбираемой для этой цѣли, индульгенцій, предназначаемыхъ тѣмъ, кто ополчится на альбигойцевъ, такъ и относительно покровительства и защиты земли твоей, если бы кто либо захотѣлъ напасть на тебя въ твое отсутствіе" (1).

Но Филиппъ Августъ, всегда сдержанный, не обнаружилъ своей радости. Онъ будто давно ожидалъ такого предложенія. Онъ смотрѣлъ на завоеваніе Юга, какъ на дѣло весьма серьезное. Больше осторожный, чѣмъ когда нибудь, онъ видимо это рискованное альбигойское дѣло хотѣлъ предоставить времени и своимъ преемникамъ. Занятый англійскими дѣлами, онъ придерживался своей постоянной политики, не мѣшалъ никому изъ своихъ сильныхъ вассаловъ вступить въ борьбу съ графомъ Тулузы. Онъ понималъ, что это—великолѣпное средство къ ослабленію и Лангедока и феодализма въ одно и то же время. Онъ не прочь былъ, чтобы долины и горы Прованса сдѣлались могилой для буйныхъ и непокорныхъ владѣтелей, недавно еще считавшихъ своего короля ничѣмъ инымъ, какъ первымъ между баронами. Когда Тибо, графъ Шампаньи, побуждаемый легатомъ, вызвался попытать счастье въ Лангедокѣ, король отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ, если это ничѣмъ не повредитъ прочимъ обязательствамъ графа предъ короной (in omnibus feodis et servitiis nostris sine quaestione et quando ea habere volumus). „Мы, пишетъ Филиппъ II, пока не хотимъ себя связывать никакими обѣщаніями въ этомъ дѣлѣ, потому что у насъ на рукахъ война съ королемъ Англіи, а перемиріе, съ нимъ заключенное, продлится не болѣе какъ на годъ до будущей пасхи.

(1) Raynaldi; p. 509—510; a. 1222.—Hoc interim spatio, замѣчаетъ Райнальди, haeretici Albigenses motus in Galliis excire, omnia perturbare, orthodoxos insequi et vexare, catholicam religionem afficere contumeliis, proterere, sacra denique inquinare, conculcare ac polluere. — Для исторіи Филиппа II Августа служатъ: Rigordus (Gesta Phil.), аббатъ св. Діонисія, южанинъ родомъ, но описавшій событія отъ 1179 до 1207 г. (Bouquet; XVII, 1—62) съ французской точки зрѣнія. Его продолжалъ Guilelmus Brito seu Aremoricus, капелланъ и спутникъ короля въ походахъ, разсказавшій въ Historia de vita et gestis Philippi Augusti время до 1219 г. (Bouquet; XVII, 62—116). Вильгельма продолжалъ анонимъ до 1223 г. Интересна поэтическая хроника или точнѣе эпопея—Philippidos l. XII (перев. Гизо, Coll. t. XII), воспѣвающая подвиги Августа впрочемъ безъ всякой художественности. О ней старая критическая дисс. Бартіуса (Zw. 1697), доказывающая поэтическія вольности автора и недостовѣрность фактовъ.

Не слѣдъ намъ заниматься какими либо предпріятіями (nec decet nos ut aliquas imprisias faciamus), которыя могли-бы отвратить насъ отъ защиты самихъ себя и нашего государства, ради чего мы должны бы были оставить всѣ прочія дѣла" (1).

Съ своей стороны и Раймондъ Юный думалъ подѣйствовать на великодушіе Филиппа Августа. При одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ хотѣлъ повторить маневръ своего отца. Онъ простодушно разсчитывалъ тронуть короля и склонить его въ свою пользу:—„Я прибѣгаю къ вамъ, государь, какъ къ моему единственному покровителю, какъ къ старшему и господину (apud dominum meum et maiorem) и если смѣю такъ высказаться, къ моему единокровному. Я униженно васъ прошу и умоляю сжалиться надо мною, и помочь мнѣ, предъ очами Божіими возвратиться въ лоно св. Церкви, дабы тѣмъ избавленный отъ позора быть лишеннымъ своего наслѣдія, я бы могъ получить мое достояніе отъ васъ".

Смерть Раймонда VI. Въ этихъ строкахъ слышалась неподдѣльная мольба вассала, который не хотѣлъ бы навлекать на дорогой для него народъ бѣдствій непріятельскаго нашествія. Онъ писалъ это письмо на глазахъ хилѣвшаго отца. Раймондъ VI въ послѣднее время не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ былъ старъ и дряхлъ; ему шелъ 67 годъ. Столько бурныхъ годовъ пережившій въ своей жизни, сперва счастливый, потомъ публично опозоренный и униженный, влачившій дни въ изгнаніи среди чужихъ, насильственно принужденный стоять въ рядахъ враговъ своего народа и бороться съ тѣми, которыхъ такъ любилъ, — онъ наконецъ испыталъ рѣдкое счастіе—видѣть хотя кратковременное торжество своего праваго дѣла и на послѣдокъ дней своихъ вкусить высокую для изгнанника отраду, возможность умереть на родной землѣ, въ своей наслѣдственной столицѣ, среди дорогихъ для него друзей. Ненавидѣвшая его Церковь хотѣла сдѣлать изъ него еретика, но этотъ еретикъ сознательно пишетъ завѣщаніе, въ которомъ отдаетъ доходы съ своихъ тулузскихъ имѣній госпиталитамъ и тампліерамъ для раздачи бѣднымъ подъ наблюденіемъ своего душеприкащика и кузена графа Коммингъ и молодого графа де-Фуа. Всѣ свои владѣнія и имущество онъ завѣщалъ сыну Раймонду, на попеченіе ко-

(1) Dom-Vaissete. Preuves de l'hist. de Languedoc (par du Mege, Toulouse, 1840); V, 615.

тораго оставлялъ втораго сына Бертрана ([1]). Въ другомъ документѣ онъ изъявилъ желаніе принять посвященіе въ члены духовно-рыцарскаго ордена госпиталитовъ.

Чувствуя приближеніе смерти, Раймондъ VI просилъ тулузскаго коммандора госпиталитовъ Кабанеса не отказать ему въ послѣднемъ мѣстѣ успокоенія среди братьевъ столько послужившихъ Христу, если бы онъ умеръ, не успѣвъ принять посвященіе. Коммандоръ тогда же принялъ его въ братство именемъ пріора санъ-жилльскаго ([2]).

Смерть постигла его почти внезапно; онъ никогда не испытывалъ тяжелыхъ болѣзней. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней, возвращаясь изъ церкви отъ обѣдни, онъ зашелъ къ одному знакомому горожанину. Почувствовавъ предсмертныя страданія, онъ поспѣшилъ послать за каѳедральнымъ аббатомъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ и пользовавшимся его полнымъ расположеніемъ. Умирающій уже 10 лѣтъ находился подъ церковнымъ отлученіемъ. Онъ давно въ душѣ примирился съ Церковью. Въ такой торжественный часъ онъ надѣялся получить прощеніе у своихъ враговъ и думалъ, что на порогѣ могилы его не осмѣлятся лишить св. причастія и общенія съ вѣрными. Аббатъ долго не появлялся; между тѣмъ съ больнымъ началась агонія. Среди страданій, онъ спрашивалъ отчего нѣтъ священника; его томила тяжелая неизвѣстность; онъ страшился умереть отлученнымъ. Раймондъ шевелилъ губами, видимо молился, со слезами на глазахъ. Когда прибылъ аббатъ, графъ уже не владѣлъ языкомъ, хотя былъ еще въ памяти и сознаніи. Знаками умирающій просилъ аббата подойти ближе, протянулъ ему руку и крѣпко пожалъ ее, въ знакъ примиренія съ Церковью. Надъ нимъ совершена была глухая исповѣдь, но аббатъ не имѣлъ разрѣшенія пріобщить отлученнаго. Даже въ эту всепримиряющую минуту, Церковь не отказалась отъ своей вражды. Потухавшими глазами, полными слезъ, Раймондъ какъ бы молилъ о чемъ-то аббата. Руки графа лежали въ его рукахъ. Умирающаго окружали госпиталиты; они были свидѣтелями раскаянія и предсмертной борьбы графа. Одинъ изъ нихъ снялъ съ себя мантію съ бѣлымъ крестомъ и прикрылъ ею Раймонда.

([1]) La-Faille. Annales de Toulouse; I, 224.

([2]) Catel. Histoire des comtes de Toulouse (1625), 318.— Percin. Monumenta conventus Tolosani; bellum Alb. p. 77, n. 17.

Аббатъ хотѣлъ сорвать ее,—но, прежде чѣмъ испустить послѣдній вздохъ, Раймондъ конвульсивнымъ движеніемъ ухватился за нее, притянулъ къ себѣ и благоговѣйно поцѣловалъ ея крестъ. Въ ту же минуту его не стало.

Слухъ о смерти графа быстро разнесся по городу. Густая толпа окружила домъ, гдѣ лежалъ трупъ человѣка, столь дорогаго для нея. Аббатъ вышелъ къ народу, извѣстилъ его о смерти графа, сказалъ что графъ умеръ, какъ приличествуетъ христіанину, и что теперь надо молиться объ успокоеніи его души. Онъ убѣждалъ народъ не давать тѣло графа госпиталитамъ, какъ просили тѣ въ силу завѣщанія, а похоронить его у св. Сатурнина, въ приходѣ котораго онъ скончался. Но госпиталиты уже завладѣли трупомъ, отнесли его въ свой домъ, хотя не рѣшились похоронить безъ разрѣшенія, такъ какъ Раймондъ умеръ отлученнымъ (1).

Ожидаемаго разрѣшенія не послѣдовало. Ни Гонорій III, ни его суровые преемники не хотѣли простить человѣку, имѣвшему нѣкогда смѣлость возстать противъ ихъ всемогущаго предшественника во имя вѣротерпимости и рѣшившагося протестовать противъ гнета совѣсти.

Трупъ Раймонда истлѣлъ безъ погребенія, обезображенный, ограбленный, на половину изъѣденный крысами (2). Еще въ началѣ XVI вѣка, показывали около кладбища тулузскихъ госпиталитовъ деревянный ящикъ, въ которомъ дотлѣвали кости героя альбигойской эпохи. Черепъ сохранился неповрежденный и современники видѣли на затылкѣ его небольшую, но очень отчетливую лилію красноватаго цвѣта, походившую очертаніемъ на лилію французскаго герба. Этотъ френологическій признакъ въ глазахъ наблюдателей служилъ предзнаменованіемъ присоединенія Лангедока къ королевской коронѣ Франціи (3). Національность провансальская должна была прекратить свое существованіе: невидимая рука какъ бы начертала таинственныя письмена объ ея судьбѣ на челѣ послѣдняго представителя независимости Лангедока.

---

(1) Inquisitio de Raymundo comite Tolosano apud Percin. Monumenta, 76—82. изъ подлиннаго манускрипта; hist. conv. p. 53, N. 10. Допросные пункты послужили существеннымъ матеріаломъ для нашего разсказа.

(2) Aymarus de Peyraci,—apud Vaissete; l. XXIII, c. 63.

(3) Bertrandus. De gest. Tol. ibid.

Одновременно съ Раймондомъ VI умеръ и другъ его, графъ де Фуа. Старый Фуа, умирая, говорилъ сыну: „живи доблестно, дорогой мой сынъ, управляй твоимъ народомъ, какъ отецъ, и будь первымъ вассаломъ нашихъ законовъ; подавай примѣръ справедливости, милости и великодушія". Слова рѣдкія въ завѣщаніяхъ феодаловъ вообще; но эти рѣдкія явленія въ Европѣ не были исключеніемъ въ примѣненіи къ феодаламъ и рыцарямъ провансальскаго Юга...

Отношеніе Филиппа II Августа къ Югу.

Завѣщаніе графа не осуществилось на дѣлѣ; новые порядки наступили въ Лангедокѣ. Господство надъ всѣми провансальскими землями должно было перейти къ королю французскому, хотя онъ долго былъ безучастнымъ въ крестовой войнѣ; но это равнодушіе было только наружное. Филиппъ II понималъ, что соединеніе всѣхъ французскихъ земель въ одно политическое цѣлое, къ чему онъ стремился всю жизнь, можетъ быть достигнуто только послѣ истребленія могущественной тулузской династіи. Онъ всегда смотрѣлъ на завоеваніе Юга, какъ на дѣло весьма серьезное. Отказавшись отъ явной вражды, подъ видомъ нейтралитета, онъ велъ войну съ Лангедокомъ, скрытую, упорную, но болѣе гибельную. Не показывая никакого вида, онъ давно уже помогалъ крестоносцамъ, будто бы въ интересахъ Церкви, но въ сущности въ ожиданіи будущей добычи.

Французскій король продолжалъ оказывать наружное равнодушіе къ крестовой войнѣ и къ выгодамъ, которыми думали соблазнить его папскіе легаты.—„Я знаю, говорилъ онъ епископу Фулькону, что духовные употребятъ всѣ усилія, чтобы вмѣшать моего сына Луи въ альбигойскія дѣла. Но Луи и слабъ здоровьемъ и хилаго сложенія; онъ не вынесетъ этой войны и скоро умретъ. Я предвижу, что королевство попадетъ въ руки женщины и дѣтей и подвергнется большимъ опасностямъ" (¹).

Что касается до Амори Монфора, то онъ ни мало не безпокоилъ патріотовъ. Его собственное положеніе сдѣлалось оборонительнымъ. Онъ опустошилъ было альбійскій діоцезъ, но оба графа оттѣснили его на берега Гаронны и заставили принять мирныя условія. Онъ видѣлъ себя покинутымъ и при-

---

(¹) Guillelmus de Podio Laurentii. Bella adversus Albigenses ab 1092—1271 (Bouquet; XIX, 193—225, XX, 764—776); c. 34.

нужденъ былъ унизиться предъ счастливымъ соперникомъ. Положеніе крестоносцевъ, окруженныхъ провансальцами, было таково, что, по выраженію легата Конрада въ посланіи къ Филиппу Августу, они готовились „съ каждымъ днемъ къ смерти въ виду враговъ вѣры". Пока было заключено перемиріе; одна изъ сестеръ Амори была предназначена въ супруги Раймонду VII, чтобы тѣмъ приличнѣе могъ Монфоръ возвратить свои завоеванія.

Папа долженъ былъ признать фактъ. Съ свойственной куріи эластичностью и со всегдашнимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, Гонорій III приказываетъ своему легату позаботиться о выгодахъ епископовъ при заключеніи мира. Онъ теперь называетъ Раймонда „благороднымъ мужемъ" и не имѣетъ ничего противъ созыва собора въ Сансѣ (Sans), куда были перенесены вмѣстѣ и засѣданія изъ Санъ-Флора. Въ Сансъ съѣхалось 6 архіепископовъ и 20 епископовъ; отъ Тулузы былъ только одинъ Фульконъ. Король Филиппъ Августъ изъявилъ желаніе присутствовать на соборѣ.

Король прибылъ въ городъ, но чувствовалъ себя весьма дурно. Онъ уже 10 мѣсяцевъ боролся съ лихорадкой; его крѣпкое здоровье стало слабѣть. Онъ просилъ, чтобы его скорѣе увезли въ Парижъ. Но ему не суждено было еще разъ увидѣть свою луврскую башню. Дорогой, въ городѣ Мантѣ, королевскій поѣздъ долженъ былъ остановиться. Здѣсь, 14 іюля 1225 года, Филиппъ скончался. Передъ смертью онъ хотѣлъ сдѣлать уступку духовенству. По завѣщанію, онъ оставлялъ 20 тысячъ ливровъ Амори Монфору на борьбу съ ересью.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, какъ смотрѣлъ король на свое пожертвованіе. Роль „великаго покровителя Церкви", какъ титулуетъ его оффиціальный хроникеръ, примѣнима къ нему весьма условно. Филиппъ Августъ прежде всего преслѣдовалъ политическую задачу, закрѣпляя французское королевство, собирая сосѣднія земли и разсчитывая возвести со временемъ свое государство на высоту монархіи Карла Великаго. Въ этомъ его историческое значеніе.

Луи VIII (1223-1226 г.). Его 36-лѣтній сынъ вступилъ на престолъ уже по праву наслѣдства, а не избранія. Такимъ образомъ, онъ былъ первый изъ Капетинговъ, который рѣшился презрѣть старый обычай, сдѣлавшійся однимъ воспоминаніемъ.

Это могущество новаго короля было побужденіемъ для духовенства начать свое предстательство объ уничтоженіи альбигойцевъ. Изъ Рима опять стали посылать буллы.

Едва успѣли опустить въ склепы Сенъ-Дени тѣло Филиппа, какъ легатъ Конрадъ уже побуждаетъ Луи VIII оказать содѣйствіе прелатамъ французскимъ въ войнѣ съ еретиками Онъ сознавался, что безъ личнаго вмѣшательства короля теперь нельзя вести наступательной войны. Дѣла въ такомъ положеніи, что надо стараться спасти какъ нибудь остатки крестоносцевъ, стоящихъ въ нѣкоторыхъ замкахъ. На этотъ предметъ король велѣлъ отпустить половину суммы, назначенной въ завѣщаніи отца, но отказалъ въ личномъ участіи, такъ какъ хотѣлъ заняться покореніемъ Гіени. Луи VIII, по своей пылкой и вмѣстѣ набожной натурѣ, былъ всегда способенъ подчиниться вліянію крестовой идеи. Онъ разъ уже пробовалъ свои силы въ Лангедокѣ. Его совѣтники видѣли въ завоеваніи Юга задачу французской политики. Королевская власть сильно возрасла при немъ. Съ первыхъ же дней своего правленія, онъ нанесъ тяжелый ударъ пэрамъ и феодализму. Простымъ указомъ, изданнымъ молодымъ королемъ, было возвѣщено, что чиновники королевскіе, наравнѣ съ великими вельможами Франціи, имѣютъ право по волѣ короля засѣдать въ судѣ пэровъ. Рядомъ съ герцогомъ бургундскимъ и графомъ Шампаньи теперь сидѣли въ совѣтѣ канцлеръ, кравчій и камергеръ короля; они судили тѣхъ самыхъ пэровъ, которые прежде относились къ нимъ не иначе какъ съ презрѣніемъ. Это было началомъ паденія феодализма и знаменіемъ роста королевской власти.

Пока Луи VIII воевалъ въ Гіени, папа, прелаты и легатъ готовили его къ предпріятію славнѣйшему въ ихъ глазахъ. Возбуждая религіозное рвеніе, не забывали дѣйствовать и на корысть короля. Въ февралѣ 1228 г. Амори Монфоръ, по прибытіи ко двору въ Парижъ, составилъ формальную передачу своихъ владѣній уже отъ своего лица въ такой формѣ: „Вѣдайте всѣ, что мы Амори, синьоръ Монфора, оставляемъ нашему дражайшему господину Людовику, славному королю Франціи и его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, всѣ привилегіи и даянія, которыя Римская Церковь принесла Симону, нашему отцу, блаженной памяти,—въ полное его распоряженіе, во всемъ что касается графства тулузскаго и другихъ альбигойскихъ странъ, но подъ условіемъ,

что папа исполнитъ всѣ предложенія короля, сдѣланныя ему чрезъ архіепископа буржскаго и епископовъ лангрскаго и шартрскаго. Иначе, да будетъ вѣдомо, что ничего и никому не уступаемъ изъ владѣній нашихъ" (1).

Послѣднее условіе было пустой оговоркой. Кто больше самого папы могъ стараться о скорѣйшемъ осуществленіи предпріятія и о принятіи мѣръ для успѣха дѣла? Когда три названные прелата прибыли къ королю, обѣщая отъ имени папы и кардиналовъ предоставить въ его распоряженіе всѣ сокровища Церкви на дѣло, которое они имѣли претензію считать святымъ,—то король, собравши свой совѣтъ, великодушно просилъ папу о самыхъ легкихъ для Рима услугахъ. Онъ желалъ прежде всего получить индульгенцію крестоносцевъ для себя и для тѣхъ, которые пойдутъ съ нимъ въ Альбижуа. Архіепископы буржскій, реймскій и санскій, должны были получить власть отлучать отъ Церкви и налагать интердиктъ на земли тѣхъ, которые осмѣлятся напасть на владѣнія или на лица, ополчившіяся во имя креста. Онъ же получитъ благословленіе поступать такъ со всякимъ барономъ Франціи, вассаломъ королевскимъ, который лично не пойдетъ въ походъ на альбигойцевъ или который, не будучи въ состояніи идти, не заплатитъ достаточной суммы на истребленіе враговъ вѣры; ибо бароны (неудачно мотивировалъ французскій дворъ) обязаны вѣрностью и присягой служить королю противъ всѣхъ, кто нападетъ на королевство, а государство не имѣетъ болѣе опасныхъ утѣснителей, какъ еретики. Всѣ эти отлученія и интердикты предполагалось снимать лишь послѣ полнаго удовлетворенія. Король требовалъ отъ папы изданія буллы, по которой Раймондъ VII и вассалъ его, виконтъ безъерскій, лишались графства тулузскаго и другихъ своихъ владѣній, какъ и всѣ тѣ, которые будутъ противиться этому предпріятію или станутъ противодѣйствовать силою. Всѣ эти земли даются на вѣчныя времена ко-

---

(1) Dom-Vaissete. Preuves de l'hist. de Lang.; V, 625. Сочиненіе Вессэ († 1756) — обширнѣйшая исторія Лангедока и одно изъ замѣчательнѣйшихъ классическихъ твореній въ наукѣ, которое стоило ученому бенедиктинцу 30 лѣтъ труда. Эта громадная работа состоитъ изъ текста, примѣчаній и «preuves» (изд. Alb. du-Mége, Toul. 10 vls, 1840 etc.). — Praecl. Franc. fac. a. 1224 — анонимная исторія о Монфорахъ крайне пристрастная.

ролю, его наслѣдникамъ или кому онъ прикажетъ, при сохраненіи сюзеренныхъ правъ его. Король желалъ имѣть при себѣ, въ качествѣ легата, архіепископа буржскаго, съ правами и властью кардинала Конрада, съ тѣмъ чтобы онъ проповѣдывалъ по всему королевству о походѣ на землю альбигойскую. Папа обязался также ходатайствовать предъ императоромъ Фридрихомъ II, чтобы король не встрѣтилъ какого либо препятствія изъ земель смежныхъ съ страною альбигойскою, т. е. съ Лангедокомъ (¹). Не смотря на то, что граница имперіи была на Ронѣ, король выговорилъ себѣ право перейти эту рѣку и внести оружіе въ Провансъ, для окончательнаго искорененія ереси. Папа взялся хлопотать о продленіи на 10 лѣтъ перемирія, заключеннаго съ англійскимъ королемъ, такъ какъ война съ альбигойцами грозила затянуться на много лѣтъ и требовала большой затраты людьми и деньгами. Наконецъ король требовалъ у папы существенной услуги, платежа въ теченіе 10 лѣтъ ежегодно по 60 тыс. парижскихъ ливровъ (т. е. до 4 мил. нашихъ рублей) на военныя издержки (²). Сборъ полудесятины въ его пользу уже давно производился по распоряженію папы. „Если мнѣ обяжутся въ исполненіи этихъ условій, прибавлялъ король, то я лично пойду въ Альбижуа и вѣрно буду служить этому дѣлу. Римская курія предоставитъ мнѣ и моимъ наслѣдникамъ право утвердиться въ этой странѣ, занять ее и возвратиться когда намъ будетъ угодно. Если же наши предложенія не будутъ приняты, я не обязанъ буду идти въ Альбижуа или пойду, когда сочту это возможнымъ" (³).

Въ дѣйствительности эта рѣшительная борьба Франціи и Лангедока началась лишь чрезъ два года. Раймондъ, въ виду грозы, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство. Король англійскій Генрихъ III былъ его близкій

(¹) «Item petit quod Dominus papa procuret erga imperatorem, quod terrae suae vicinae Albigesio non noceant regi in hoc negotio». Это мѣсто буллы важно, какъ доказательство широкаго географическаго понятія Альбижуа, въ смыслѣ еретической страны.

(²) Парижскій ливръ имѣлъ 20 пар. солидовъ; солидъ — 7 фр. 35 сант. Тогда деньги по Мартэну (H. Martin. Hist. de France, IV, 112) были приблизительно въ 6 разъ выше настоящей ихъ цѣнности. Потому 60 тыс. ливровъ = 9,720,000 франковъ.

(³) Preuves; V, 626.

родственникъ по матери. Онъ приказалъ своему послу въ Римѣ, епископу лигфельдскому, употребить всѣ усилія въ пользу графа тулузскаго. Съ своей стороны Раймондъ униженно склонялся передъ первосвященникомъ. Папа смягчился и обязалъ Раймонда немедленно изгнать еретиковъ и войти въ переговоры съ Амори. Къ тому же другія обстоятельства вліяли на Гонорія III. Фридрихъ II затѣвалъ походъ въ св. землю. Индульгенціи и расходы, предназначенные для альбигойцевъ, понадобились теперь для Палестины. Папа, видя что Раймондъ готовъ смириться изъ одного страха французскаго оружія, счелъ его добрымъ католикомъ.

Совѣщаніе нотаблей касательно Лангедока.

Этимъ король былъ недоволенъ. 28 января 1226 года, въ Парижѣ былъ съѣздъ нотаблей духовныхъ и свѣтскихъ. Король спрашивалъ ихъ мнѣнія объ альбигойскомъ дѣлѣ. Его предпріятіе одобрили и дали въ томъ письменныя увѣренія. Вассалы обѣщали помогать ему какъ государю во все продолженіе войны. На третій день король принялъ крестъ изъ рукъ легата. Проповѣдники пошли по всѣмъ концамъ страны поднимать народъ и вербовать дружины крестоносцевъ,—чтобы опустошить въ конецъ многострадальный Лангедокъ. Положеніе Раймонда и его друзей было ужасное. Они привыкли разгонять толпы крестоносцевъ, но имъ нельзя было разсчитывать выдержать борьбу съ регулярнымъ войскомъ Франціи, закалившимся на поляхъ Нормандіи, Пуату и Гіени.

Въ Европѣ онъ видѣлъ двухъ преданныхъ друзей; оба они были могущественными государями. Съ королемъ Англіи у него былъ заключенъ тайный трактатъ объ оборонительномъ союзѣ ([1]), но изъ страха римскаго проклятія или по нерѣшительности, Генрихъ III не оказалъ содѣйствія въ рѣшительную минуту. Папское посланіе застало его во главѣ арміи. Говорятъ, что онъ хотѣлъ идти на помощь Раймонду, но астрологъ, бывшій при войскѣ, будто предсказалъ неудачу похода англичанъ. Другой сторонникъ Раймонда, позволявшій себѣ тогда изрѣдка посмѣиваться надъ вѣрой и куріей, молодой императоръ Фридрихъ II, не могъ не питать къ Раймонду живой симпатіи по радушію и впечатлительности своего характера. Но эта симпатія тоже не обратилась въ дѣло.

([1]) Въ 1225 году 14 авг. Rymers. Acta publica; I, 241.

Императоръ хворалъ и лѣчился въ Италіи, собираясь совершить прогулку въ св. землю и подтрунивалъ надъ усердными приготовленіями папы. Но симпатіи современниковъ перешли въ потомство и сантъ-альбанскій монахъ занесъ эти чувства въ свою великолѣпную лѣтопись. „Многимъ по истинѣ казалось великимъ злоупотребленіемъ объявить войну вѣрному христіанину, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно, какъ графъ настоятельно просилъ легата на буржскомъ соборѣ лично посѣтить его городъ и освѣдомиться исповѣдуетъ-ли онъ католическую вѣру. Что касалось лично до него, то онъ обѣщалъ, въ случаѣ, если въ чемъ прегрѣшилъ—хотя онъ не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ, — оказать полное удовлетвореніе Богу и Церкви, и какъ слѣдуетъ вѣрному христіанину отвѣтить на всѣ вопросы о вѣрѣ, о которой легатъ найдетъ нужнымъ его спросить. Но легатъ пренебрегъ всѣми этими обѣщаніями, и графу, хотя вполнѣ католическому, нельзя было найти пощады у него, иначе какъ навсегда отказавшись отъ всѣхъ своихъ владѣній“ (1).

Раймондъ, какъ всегда въ тяжелыя годины, надѣялся на преданность своихъ подданныхъ, хотя понималъ, что имъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не устоять противъ соединенныхъ силъ Франціи. Онъ поспѣшно объѣзжаетъ страну, подтверждаетъ и раздаетъ привилегіи городамъ, слушаетъ вездѣ увѣренія и клятвы въ вѣрности. Его сопровождаетъ общая симпатія горожанъ; католики на его глазахъ клялись надъ Евангеліемъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. „Если король французскій, крестоносцы или другіе люди ворвутся въ земли нашего господина графа, клялась община города Ажена со всѣми консулами, то мы безъ него, безъ его совѣта, безъ его воли, не заключимъ мира и соглашенія и никогда не откажемся отъ его синьоріи и отъ соблюденія вѣрности къ нему; все время мы останемся вѣрны и покорны (fiel e leial) его власти. Если бы даже Церковь или кто либо изъ прелатовъ захотѣли разрѣшить насъ отъ клятвы и обязанностей къ господину графу, то мы сами не будемъ считать себя разрѣшенными и свободными отъ заключенныхъ съ нимъ условій“ (2).

(1) Matthaeus Par. a. 1226. Эти слова могутъ быть приписаны и Рожеру Вендоверу, который, какъ извѣстно (Pauli—England's Geschichte; III, 881), былъ авторомъ Historiae majoris Angliae до 1235 года.

(2) Preuves; V, 637, См. также документы N. 129 и 133.

Увлеченіе было искреннее, всеобщее, но въ немъ было не мало и легкомыслія. Въ виду наступленія массъ была безсильна эта благородная преданность общинъ своему государю, проявившему такой рѣдкій въ исторіи примѣръ умѣренности, гуманности обхожденія и уваженія свободы. Раймондъ тѣмъ менѣе могъ надѣяться на обѣщанія южанъ, что зналъ по опыту ихъ невоинственность.

Вторженіе французовъ въ 1226 г. Французская армія способна была привести въ трепетъ города Лангедока своимъ появленіемъ. Луи VIII велъ 50 тысячъ однихъ рыцарей и оруженосцевъ; пѣхоты было столько-же, если не больше. Опытные полководцы сопровождали короля. Амори, съ новымъ саномъ конетабля Франціи и его дядя Гюи Монфоръ были въ свитѣ королевской. Французы пошли на этотъ разъ новымъ путемъ; они рѣшились двинуться съ восточной границы герцогства нарбоннскаго, а не съ сѣверной. Для этого слѣдовало овладѣть богатыми городами по Ронѣ. Въ Ліонѣ было приготовлено множество транспортныхъ судовъ. Обозъ, машины и припасы спустили внизъ по Ронѣ, а армія пошла берегомъ. Лишь только французы подошли къ владѣніямъ тулузскаго графа, ближайшія коммуны стали высылать депутаціи въ лагерь. Нимъ подалъ первый примѣръ. Онъ безусловно принесъ присягу на вѣрность коронѣ, чрезъ посредство своего епископа, обязуясь удовлетворить всѣмъ требованіямъ королевскимъ. Діоцезъ нимскій былъ тогда же присоединенъ къ короннымъ владѣніямъ. То же было съ Пюи-Лораномъ и Кастромъ въ Альбижуа. Королевскіе бальи смѣняли городскихъ властей, хотя армія была довольно далеко. Одинъ за другимъ сдавались отряды провансальскихъ рыцарей....

Авиньонцы, которые, какъ подданные императора, въ сущности были безопасны, съ своей стороны отправили депутацію къ Луи VIII и легату съ просьбою о снятіи отлученія и съ изъявленіемъ покорности. Они не желали, чтобы въ городъ вступила вся французская армія; они хотѣли принять одного короля съ его свитой. По требованію короля, было представлено въ лагерь 50 заложниковъ. Легатъ требовалъ безусловной сдачи, а община боялась мести короля за преданность графу тулузскому. Городъ могъ хорошо защищаться, благодаря выгодной мѣстности. Французы подошли къ берегу Роны въ огромныхъ массахъ и стали переправляться

черезъ мостъ. Граждане заперли ворота; съ другой стороны они были недоступны. Энергія охватила общину. Французовъ, которые были въ городѣ, убивали. Сообщенія арміи прервались, когда авиньонцамъ удалось сломать мостъ на Ронѣ. Легатъ проклялъ городъ и обрекъ его мести крестоносцевъ, какъ зараженный ересью. Король рѣшился приступить къ правильной осадѣ. Его нападенія во всѣхъ мѣстахъ были отбиты. Осада должна была затянуться. Прелаты, опасаясь, что императоръ вмѣшается въ войну, если узнаетъ о нападеніи на Авиньонъ, совѣтовали предупредить Фридриха объ этомъ обстоятельствѣ. Императора извѣщали, что французы осаждаютъ Авиньонъ, какъ простые пилигримы, во имя любви Божіей, для спасенія католической вѣры, такъ какъ въ этомъ городѣ живутъ еретики, ихъ укрыватели и соумышленники, что права императорскія не будутъ ни въ чемъ нарушены. Особое посольство должно было отвезти это письмо къ императору (¹). Въ ожиданіи императорскаго отвѣта, король не терялъ времени за осадой. Удерживая Авиньонъ силою оружія, онъ дѣйствовалъ на Лангедокъ страхомъ своего имени. Надо удивляться той паникѣ, какая охватила эти всегда пылкія южныя общины, при приближеніи французской арміи.

Подчиненіе Лангедока и Прованса.

Лангедокъ точно прочелъ свою судьбу; онъ видѣлъ безполезность сопротивленія. Одного появленія короля да увѣщанія архіепископа нарбоннскаго было достаточно, чтобы замки и „добрые города“, на всемъ широкомъ пространствѣ отъ Гаррoны до Роны, склонились подъ ярмо Церкви и Франціи. Синьоры, консулы текли въ станъ короля съ повинной головой (²). Даже сильная Каркассона прислала свои ключи Луи VIII. Графъ Комминга, Бернаръ VI, одинъ изъ союзниковъ Раймонда, прибылъ лично въ авиньонскій лагерь и присягнулъ королю, обѣщая помогать противъ враговъ, особенно противъ графа тулузскаго. Рожеръ-Бернаръ, графъ де-Фуа, положилъ оружіе, не поднимая его, если вѣрить лѣтописцамъ, и просилъ мира; но его условій не приняли. Можно бы заподозрить хронику, написанную офранцузившимся провансальцемъ

(¹) Это посланіе шло отъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ Франціи за 20 печатями, изъ которыхъ одна принадлежитъ Амори Монфору. Preuves de l'hist. de Lang. N. 133.

(²) Guil. de Podio Laur. c. 35.

изъ Пюи-Лорана, если бы не хранилось въ Національномъ Архивѣ Франціи документовъ (¹) о сдачѣ самыхъ большихъ городовъ: Безъера (3 мая), Альби, замка Ажена, города Нима (3 іюня) и Каркассоны (14 іюля). Только Тулуза стояла по прежнему, гордая, непреклонная, отвергая всякую мысль о сдѣлкѣ съ врагомъ. Какова бы ни была несоразмѣрность силъ, но Лангедокъ первый разъ такъ позорно склонилъ голову передъ ярмомъ. Отдавать безъ боя крѣпкіе замки и города, не видя даже въ лицо вооруженнаго непріятеля, падать ницъ предъ католическимъ епископомъ, — со стороны полу-еретическихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою исторію,—было низкою слабостью. Трудно было бы подъискать хотя одно смягчающее обстоятельство для объясненія этого грустнаго и во всякомъ случаѣ страннаго явленія. Впечатлительность провансальцевъ, ихъ способность быстро переходить отъ радости къ отчаянію, присущая имъ въ большей степени чѣмъ французамъ, была бы сама по себѣ недостаточнымъ мотивомъ. .

Должно замѣтить, что въ станъ альбигойскій проникла измѣна. Провансъ, т. е. заронскій край, въ такой же степени былъ пріютомъ новой вѣры, какъ и самый Лангедокъ. Борьба могла быть ведена только при общемъ единодушіи городовъ обоихъ береговъ Роны. Луи VIII своимъ движеніемъ по Ронѣ удачно раздѣлилъ союзниковъ и, прежде чѣмъ Лангедокъ могъ взяться за оружіе, — графъ Прованса Раймондъ-Беренгарій заключилъ союзъ съ Франціей. Онъ обязался помогать королю противъ Раймонда тулузскаго и защищать тѣ прировскія земли, которыя французы завоюютъ. Въ слѣдъ за своимъ графомъ, слабые вассалы провансальскіе въ числѣ пятнадцати „отдали себя, всѣхъ бароновъ и людей своихъ и всю землю свою въ полную волю возлюбленнаго господина своего Людовика, преславнаго короля французовъ“ и принесли ему свою вассальную присягу (faciunt ei homagium contra omnes homines et foeminas qui possunt vivere et mori) по французскому обычаю (²).

(¹) Для Альби въ коллекціи Кольбера, для прочихъ въ Thrésorier des Chartes (Archives de France).

(²) Preuves; V. 632, 641; N. 125, 136.

Взятіе Авиньона французами.

Затѣмъ король, не смотря на протестъ императора, осадилъ Авиньонъ, который жилъ общими интересами съ Югомъ, но былъ зависимъ отъ другого верховнаго сюзерена. Три мѣсяца храбро защищались авиньонцы, показавъ благородный примѣръ, но изъ опасенія голода принуждены были сдаться (12 сентября 1226 г.). Триста лучшихъ людей было взято въ заложники. Городъ обязался повиноваться приказаніямъ Церкви. Въ наказаніе за сопротивленіе, городскія стѣны и укрѣпленія были разрушены. Жители были подвергнуты разнымъ наказаніямъ, въ знакъ покаянія, по распоряженію легата ([1]).

Когда городъ сдался, императоръ написалъ гнѣвное письмо папѣ съ жалобой на дерзость Луи VIII, покусившагося на предѣлы имперіи. Легату было приказано снять отлученіе и смягчить участь города. Но онъ былъ сильнѣе Гонорія III: онъ снялъ отлученіе, обложивъ городъ новымъ поборомъ въ семь тысячъ марокъ въ пользу Церкви и короля. Триста домовъ было при этомъ срыто въ городѣ. Ходатайство Фридриха не было уважено.

Такъ палъ Авиньонъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду провансальскихъ городовъ. Онъ на 80 лѣтъ сдѣлался резиденціею папы, но никогда уже не стоялъ на такой высотѣ промышленнаго и духовнаго развитія, какъ до нашествія Луи VIII. Нѣкогда онъ былъ прекраснымъ и всестороннимъ представителемъ провансальской національности, теперь низошелъ до степени заурядныхъ провинціальныхъ французскихъ городовъ, которыхъ одна слава заключается въ климатѣ и обаятельныхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Отступленіе и смерть Луи VIII.

Французы были уже близко отъ Тулузы. Столица ждала новой осады. Но судьба отстрочила ненадолго ея паденіе. Король уже давно чувствовалъ себя больнымъ, однако перемогался. Теперь, когда онъ достигалъ цѣли своихъ желаній, силы измѣнили ему. Въ его лагерѣ, послѣ авиньонской осады, свирѣпствовала зараза. Нѣсколько выдающихся лицъ при дворѣ уже стали ея жертвою. Король боялся заразиться и рѣшился оставить теперь же армію, надѣясь вернуться къ будущей кампаніи. Но, покидая Лангедокъ, онъ уносилъ съ собою зародышъ смерти.

([1]) Guil. de Podio Laur. c. 35.— Объ участіи Фридриха II — apud Raynaldi, p. 573.

Чрезъ Кастельнодари, Лаворъ, Альби король со всѣмъ дворомъ спѣшилъ въ Овернь. Изъ Альби, этого центра ереси, гдѣ была принесена ему жителями торжественная присяга, онъ назначилъ своимъ „лейтенантомъ" въ завоеванной странѣ Гумберта Божё, который былъ такимъ образомъ первымъ французскимъ намѣстникомъ въ Лангедокѣ, а послѣ сдѣлался великимъ конетаблемъ Франціи. Амори Монфоръ остался въ качествѣ его помощника. Большая армія, раскинутая по городамъ, была предоставлена въ распоряженіе Божё, до предстоявшаго возвращенія короля.

Луи VIII не суждено было больше вернуться въ покоренную имъ страну. Въ послѣднихъ числахъ октября онъ переѣхалъ старую границу Лангедока, но, миновавъ Клермонъ, не могъ продолжать путешествія. Въ замкѣ Монпансье силы окончательно оставили его и онъ слегъ въ постель. Придворные не знали причины страданій короля, но тѣмъ не менѣе пытались предложить оригинальныя и постыдныя средства излѣченія (¹). За пять дней до смерти, 3 ноября, онъ призвалъ къ себѣ прелатовъ и главныхъ вассаловъ, заклиналъ ихъ присягой, которую они дали, вѣрно служить своему старшему сыну Луи, повиноваться ему какъ королю и господину, и короновать его какъ можно скорѣе, чтобы не произошло безпорядковъ въ государствѣ.

Такъ замѣчательно точно исполнилось предсказаніе Филиппа Августа. Луи VIII сталъ жертвою происковъ духовенства и повелъ французовъ на Лангедокъ. Онъ разстроилъ свое здоровье въ этомъ походѣ, не столько прославившемъ его оружіе, сколько унизившемъ провансальцевъ, и погибъ въ самомъ разгарѣ задуманнаго предпріятія, оставивъ государство въ рукахъ 12-лѣтняго сына и своей молодой жены.

Но дѣло имъ начатое и почти оконченное не могло погибнуть. Судьбы Лангедока были предначертаны. Со смертію короля Луи VIII провансальцамъ мудрено было стряхнуть съ себя французское владычество. Въ Альби и Каркассонѣ были не только французскія войска, но была прочная французская гражданская власть въ лицѣ намѣстниковъ и сенешаловъ, которая пускала свои вѣтви по всей странѣ и крѣп-

(¹) Guil. de Podio c. 36—передаетъ весьма нескромныя подробности по поводу попытокъ придворныхъ вылѣчить короля цѣною чести одной дѣвушки.

кими узами сбиралась притянуть къ Парижу и волѣ королевской каждый городской ленъ и каждаго рыцаря провансальскаго. Божё распоряжался самовластно. Онъ велѣлъ сжечь живымъ популярнаго альбигойскаго епископа Петра Изарна, осужденнаго архіепископомъ нарбоннскимъ, и тѣмъ открылъ казни инквизиціи.

Королева Бланка.

Вдовѣ Луи VIII, Бланкѣ Кастильской предстояло дѣйствовать въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Она не потерялась на своемъ посту. Обладая замѣчательными правительственными талантами, она была способна защищать наслѣдіе Филиппа Августа. По словамъ французскихъ историковъ, Бланка была величайшею женщиною изъ всѣхъ носившихъ въ Галліи корону послѣ Брунгильды. У ней было много осторожности, предусмотрительности и энергіи, тѣхъ качествъ, которыя составляли славу Филиппа II. Въ независимости своего характера и въ превосходствѣ своего ума, она почерпнула умѣнье предохранить тронъ своего сына отъ подкоповъ феодаловъ и отъ покушеній клерикальной партіи. Натура гордая, призванная къ власти, она предалась своему дѣлу всецѣло. Страстно, до смѣшныхъ выходокъ ревности любя своего сына, она выдержала его въ суровой домашней школѣ. Она вселила въ него то стремленіе къ аскетическому идеалу, которое сдѣлалось послѣ основною чертою его характера „Я соглашусь лучше видѣть своего сына мертвымъ, хотя люблю его больше всего на свѣтѣ, говорила она, но не позволю ему полюбить постороннюю женщину и тѣмъ совершить смертный грѣхъ“. Тогдашніе школьные пріемы не отличались, не смотря на проповѣди св. Ансельма, мягкостью. Суровые прецепторы позорнымъ образомъ били и терзали дѣтей королевскихъ для внушенія имъ дисциплины и страха Божія. Такъ воспитывался и Луи IX, подъ зоркимъ наблюденіемъ матери, предоставивши дѣла государства на ея полное усмотрѣніе.

Заносчивые и могущественные феодалы почувствовали оскорбленіе, видя себя въ рукахъ иностранки, энергія которой доходила иногда до упорства, а твердость до деспотизма. Они не привыкли и въ короляхъ встрѣчать такую строго-выдержанную силу характера. Бланка доказала ее въ день коронованія Луи IX. По старому французскому обычаю, такой день былъ знаменуемъ дѣлами милости — по отношенію

къ заключеннымъ преступникамъ. Уже 12 лѣтъ томились въ тюрьмахъ королевскихъ графы фландрскій и булонскій и другіе бароны, посаженные туда Филиппомъ вопреки привилегіямъ феодаловъ, которыхъ должны были судить свои пэры. Земли ихъ были конфискованы Филиппомъ. Друзья требовали теперь ихъ освобожденія и возвращенія доменовъ. Бланка, поддерживаемая папскимъ легатомъ кардиналомъ Романомъ, съ которымъ она находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, рѣшительно отказала въ этой просьбѣ и совершила обрядъ коронаціи, въ присутствіи всѣхъ значительныхъ пэровъ Франціи. Королевѣ-матери была принесена такая-же присяга, какъ и ея сыну. Уже послѣ коронаціи, она освободила графа фландрскаго, но въ тоже время подтвердила сильному графу Шампаньи Тибо, своему поклоннику, запрещеніе строить новыя крѣпости. Это возмутило и Тибо и его друзей. Скоро на Западѣ Франціи, начиная съ Бретани, возникло волненіе противъ короны. Недавнее владычество англійскаго короля казалось баронамъ гораздо легче господства и тираніи женщины. Герцогъ Гвіенскій, братъ Генриха III и графъ де-Ла-Маршъ находили выгоднымъ поддерживать возстаніе въ этихъ провинціяхъ. Англійскіе агенты появились въ Нормандіи, Бретани, Анжу и Пуату и давали обѣщанія вольности баронамъ, надѣясь снова склонить ихъ на сторону Англіи. Королева лично повела королевскія войска и подавила возстаніе въ самомъ началѣ. Графъ Тибо не устоялъ противъ давнишней страсти и подъ вліяніемъ своего чувства, самъ явился въ лагерь королевы.—„Мое сердце и вся моя земля въ вашей власти; нѣтъ ничего, чего-бы я не сдѣлалъ согласно вашему желанію", говорилъ онъ ей съ рыцарской любезностью. Его поступокъ склонилъ успѣхъ на сторону Бланки. Проклиная его, графы Бретани и де-Ла-Маршъ сдались тоже. Одинъ за другимъ являлись въ ея лагерь за прощеніемъ гордые графы и бароны. Казалось лига распалась, но она возродилась снова. Графъ Филиппъ булонскій составилъ заговоръ, чтобы захвавить короля и его мать въ Орлеанѣ, и только вѣрность Тибо и живая преданность парижскаго населенія, которое выступило вооруженной массой по орлеанской дорогѣ при первомъ слухѣ объ опасности, спасли монархію во Франціи. Бланка торжественно вступила въ Лувръ, окруженная торговцами, студентами и ремесленниками ([1]). Но въ Бретани опасность

([1]) Joinville. Hist. de S. Louys, c. 40.—Matth. Par. a. 1228.

не прекращалась. Бланка, прибывшая туда безъ войска для переговоровъ, благодаря новой измѣнѣ едва было не попалась въ руки графа Пьера Маклера, регента Бретани, и снова Тибо спасъ ее своимъ внезапнымъ появленіемъ, какъ рыцарь волшебныхъ сказокъ. Онъ же помогъ королевѣ смирить гордаго графа Бретани, заставивъ его сдаться и просить милости. Такая преданность къ ненавистной „чужестранкѣ" вызвала среди другихъ феодаловъ недовѣріе, а потомъ и явную вражду къ Тибо. Пустили слухи о его связи съ королевой, о насильственной смерти покойнаго короля, сведеннаго будто отравою въ могилу руками измѣнницы и фаворита. Интрига создала цѣлую лигу. Пэры и бароны изъявили желаніе мстить за Луи VIII. Они оставили королеву и самовольно, но единодушно кинулись на Шампань, кто съ сѣвера, кто съ юга. Шампань была страною по преимуществу демократической, благодаря своей промышленности и торговлѣ виномъ. Тамъ графы „больше дѣлали для буржуа и крестьянъ, чѣмъ для рыцарей", говоритъ мѣстный хроникеръ и понятно, что они были тамъ популярны. Графу стоило только стать во главѣ своихъ городовъ, и они принесли ему всѣ требуемыя жертвы. Чтобы не доставаться непріятелю, три города погибли въ пламени. Жители великодушно ихъ покинули, ради спасенія своего графа, который послѣ геройской защиты родной страны, дождался наконецъ прибытія союзныхъ королевскихъ войскъ. Феодальная сила такимъ образомъ была сломлена; мятежные вассалы принуждены были оставить Шампань, разсчитывая осуществить свои замыслы при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ мѣстѣ. Всѣ города французскіе оказывали въ этой борьбѣ съ лигой искреннее содѣйствіе королевской власти. Въ концѣ 1228 г. магистраты всѣхъ коммунъ Франціи торжественно клялись защищать короля, его мать и братьевъ противъ всѣхъ и всякаго (¹). Это показывало, на сколько созрѣло національное чувство во Франціи. Городское сословіе далеко опередило въ немъ феодальное. Это чувство было тѣмъ выше, что обнаружилось въ одну изъ минутъ испытанія; оно свидѣтельствовало объ историческомъ назначеніи Франціи, такъ какъ вокругъ королевскаго знамени неожиданно возникла новая сила, по своему духу представлявшая въ ряду средневѣковыхъ идей явленіе высшее, — сила націо-

(¹) Le Nain de Tillemont. Vie de S. Louis (P. 6 vls. 1847—51); I, 529.

нально-патріотическая. Черезъ два-три года, король, благодаря искусству своей матери и поддержкѣ добрыхъ городовъ, платившихъ съ своей стороны услугой за услугу, могъ спокойно властвовать не только во Франціи, но и въ Лангедокѣ.

Договоръ о подданствѣ графства Тулузскаго королю Франціи въ 1229 г.

Несчастный Раймондъ VII, вновь отлученный и проклятый соборомъ былъ доведенъ до послѣдней крайности, и вотъ въ 1229 г. Парижъ былъ свидѣтелемъ такой сцены:— 12 апрѣля около полудня городъ съ утра пришелъ въ необычайное движеніе. Народъ густыми толпами пробирался къ тѣсной площади предъ соборомъ Богоматери. Молодой король съ Раймондомъ VII, въ сопровожденіи блестящей свиты кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ, торжественно проѣхалъ среди многочисленнаго стеченія народа къ собору и занялъ мѣсто у великолѣпнаго портала. Среди площади возвышалась эстрада, на которой стоялъ аналой, а на немъ лежалъ великолѣпный манускриптъ евангелія. По данному знаку все затихло и королевскій клеркъ, поднявшись на ступени эстрады, прочиталъ статьи мирнаго договора между Луи, королемъ французскимъ и Раймондомъ тулузскимъ, по которымъ Раймондъ лишался своей независимости и дѣлался простымъ вассаломъ французскаго короля. Мирный договоръ заключался въ слѣдующемъ. Раймондъ получаетъ въ управленіе епископство тулузское, провинціи: Альби, Руэргъ, Аженуа съ тѣмъ, чтобы дочь его вступила въ бракъ съ братомъ короля Альфонсомъ; всѣ же остальныя тулузскія владѣнія,—а это было по крайней мѣрѣ двѣ трети прежней территоріи Раймонда—графъ уступаетъ на вѣчныя времена королю французскому, которому онъ пребудетъ вѣренъ и послушенъ до самой смерти своей. Графъ обязуется вмѣстѣ съ своими вассалами искоренить ересь альбигойцевъ, а также содержать въ Тулузѣ на свой счетъ профессоровъ богословія и каноническаго права. Для искупленія своихъ грѣховъ онъ долженъ отправиться за море и служить пять лѣтъ противъ сарацинъ. Стѣны Тулузы онъ сроетъ до основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушитъ стѣны 30 замковъ и городовъ. По прочтеніи этого акта, Раймондъ подошелъ къ эстрадѣ, положилъ руку на евангеліе и произнесъ клятву въ исполненіи пунктовъ договора. Потомъ проклятіе, такъ долго тяготѣвшее надъ нимъ и надъ его домомъ, было снято папскимъ легатомъ. При этомъ повторилась, хотя и не въ столь позорной формѣ, та унизительная сцена, которая была совершена надъ его отцемъ. — На подобныхъ же условіяхъ былъ

заключенъ миръ съ графомъ де-Фуа, а виконтъ безъерскій бѣжалъ въ Аррагонію, отдавая тѣмъ свои земли Франціи.

Раймондъ VII жилъ до 1249 г. и, умирая, долженъ былъ объявить наслѣдницей свою дочь Жанну, передавая тѣмъ остальную треть прежнихъ доменовъ въ руки французскаго правительства, такъ какъ Жанна не имѣла дѣтей.

Послѣдствія альбигойскихъ войнъ.

Инквизиція послѣ 1229 г. перешла къ доминиканцамъ и дѣятельными мѣрами этого ордена ересь была подавлена (¹). Только въ Босніи и Герцеговинѣ преслѣдованіе еретиковъ было безуспѣшно. Богомильство существовало на Балканскомъ полуостровѣ до XVI в. и уничтожено было турками, которые склонили послѣднихъ богомиловъ принять магометанство. Преимущественно отъ этихъ богомиловъ ведутъ свое происхожденіе настоящіе беги и аги Босніи.

Извѣстіе о смерти Раймонда застало Альфонса въ египетскомъ походѣ, несчастія котораго онъ раздѣлялъ съ братомъ своимъ, королемъ Луи IX. Альфонсъ былъ почти только номинальнымъ правителемъ Тулузы. Онъ умеръ въ 1271 году бездѣтнымъ, передавъ Югъ Филиппу III. Окончательное соединеніе послѣдовало почти чрезъ сто лѣтъ, а именно въ 1361 г., когда Югъ слился съ сѣверной Галліей, и когда французы нанесли національности провансальцевъ такіе рѣшительные удары, что теперь можно слышать звуки провансальскаго языка только въ пяти или шести деревняхъ около Тулузы.

Таковы были политическія послѣдствія альбигойской крестовой войны, предавшей весь Провансъ подъ власть сѣверной Франціи, мало сходной съ южанами и весьма имъ враждебной. Но кромѣ этихъ политическихъ результатовъ для Франціи, альбигойство важно во всемірной исторіи. Протестъ, поднятый альбигойцами, укрѣпилъ въ тогдашнемъ обществѣ вѣру въ свободу мысли, которая дала возможность зародиться Реформаціи. Мученичество и гоненія на альбигойцевъ способствовали только распространенію идеи свободомыслія.

Въ свою очередь папство, благодаря тому, что опозорило себя введніемъ инквизиціи и принятіемъ насильственныхъ мѣръ, лишилось своего высокаго и доселѣ незыблемаго авторитета. Теократіи папской уже не было болѣе мѣста.

(¹) Подробности этого вопроса относятся болѣе къ исторіи Церкви, и разработаны въ моемъ сочиненіи «Первая инквизиція». Существенные факты будутъ указаны ниже, въ слѣд. главѣ.

Сирвенты трубадуровъ. Съ особенною яростью обрушились теперь провансальскіе сатирики на духовенство. Петръ Кардиналь, человѣкъ, принадлежавшій къ французской аристократіи, долго и много писалъ противъ священниковъ и монаховъ. Народная скорбь, лишеніе національнаго языка, старинныхъ правъ, послужили содержаніемъ для поэзіи сирвентовъ....

— „Французы и монахи зло считаютъ честью. *Они погрузили вселенную въ глубокій мракъ; теперь всякая новая вѣра будетъ знать свою участь.* Знаютъ-ли они, куда пойдутъ награбленныя сокровища? Придетъ другой суровый грабитель, который разоблачитъ насъ до нага. Для смерти, которая всѣхъ ждетъ, не надо этихъ сокровищъ. Она нагихъ также удобно уложитъ въ четыре ольховыхъ доски" (¹).—Кардиналь не щадитъ и высшее духовенство. Въ сатирѣ на архіепископа нарбоннскаго онъ говоритъ, что тѣ, „кто носитъ митры на головахъ и бѣлыя одежды на плечахъ, несутъ на устахъ низость и измѣну, какъ волки и змѣи" (²).

— „Кто хочетъ слышать сирвенту изъ печали, покрытую гнѣвомъ? — спрашиваетъ онъ-же въ другомъ мѣстѣ. Люблю честныхъ и храбрыхъ, чуждаюсь злыхъ и клятвопреступныхъ, потому удаляюсь отъ беззаконныхъ клириковъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ всю гордость, всѣ обманы и всю алчность нашего вѣка. Они торгуютъ измѣной и своими индульгенціями; они отняли у насъ все, что осталось. Не думайте излѣчить поповское племя; чѣмъ выше стоятъ они, тѣмъ больше въ нихъ обмана, тѣмъ меньше вѣры, меньше любви и больше жестокости. А рыцари, какъ унижены они теперь! Жизнь ихъ хуже смерти, священники ихъ попираютъ, короли грабятъ. Они подданные поповскіе по смерти, и еще болѣе при жизни. Между тѣмъ лукавые священники, обобравъ церкви, завладѣвъ всѣмъ остальнымъ, сдѣлались властителями міра. Тѣхъ, кто долженъ управлять, они попрали ногами своими.

— „Къ своимъ порокамъ они присоединяютъ измѣну, продолжаетъ Кардиналь. Они приказываютъ послушаніе фран-

(¹) Въ сборникѣ Raynouard. Choix des poésies des troubadours (IV, 357). Полный нѣм. стих переводъ у Kannegiesser. Gedichte der Troub. 323 — Въ Nouveau choix des poés. orig. des troub. (Raynouard; Lexique roman, 1838; I, 437—464) помѣщено много подобныхъ сирвентъ Кардиналя.

(²) P. Cardinal, — Fauriel. Hist. de la poésie prov. (3 vls. 1846); I, 439.

цузамъ, этимъ куропаткамъ, этому низкому и измѣнническому племени А французы съ каждымъ часомъ приносятъ намъ свои обычаи, *свою привычку* уважать только тѣхъ, кто можетъ вдоволь попить и поѣсть, и *презирать бѣдняковъ*; они стремятся богатѣть и ничего не давать; ихъ правители изъ торговцевъ (brocanteur); они возвышаютъ измѣнниковъ и унижаютъ честныхъ людей. Да есть-ли нынче хоть одинъ человѣкъ, который бы не думалъ только о своемъ желудкѣ; только тѣ и счастливы. Тотъ, кто любитъ справедливость и негодуетъ противъ дурнаго, будетъ опозоренъ; кто начнетъ вести свѣтскую жизнь, того будутъ преслѣдовать. Теперь всякій обманщикъ торжествуетъ". Священники-же превосходятъ ихъ всѣхъ. „Вы никакъ не сосчитаете, когда они грѣшатъ, потому что это происходитъ цѣлый день и цѣлую ночь. Въ остальное время они прекрасные люди, не ненавистники, не симонисты, и ничего не берутъ насильно" (¹).

Въ противоположность Кардиналю, Вильгельмъ Фигвейрасъ, столь же даровитый и смѣлый, вышедшій изъ простаго народа, служитъ выразителемъ настроенія массы. Его произведенія потому именно и драгоцѣнны для насъ. Сынъ тулузскаго ремесленника, бѣдный портной, онъ вмѣстѣ съ Пегвильей въ молодые годы вращался въ кругу рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, жилъ въ трущобахъ бродягъ и обиженныхъ судьбой. Онъ хорошо зналъ, что думаетъ народъ; ему можно повѣрить, потому что онъ искрененъ. За то никто изъ поэтовъ Прованса не былъ такъ популяренъ. Въ его тенсонахъ и сирвентахъ провансальская поэзія рѣшительно измѣняетъ свой характеръ. Фигвейрасъ наноситъ ударъ лирикѣ рыцарской. Поэзія, нѣкогда пышная и чопорная, облачилась въ грубыя деревенскія одежды и посвятила себя на служеніе мести. Она уже никогда не получитъ прежняго отраднаго свѣтлаго колорита. Но если въ ней не видно уже прежней граціозности, то она стала болѣе существенною и искреннею. Эта муза такъ же сумрачна, такъ же печальна, какъ то несчастное отечество, которое она оплакиваетъ. Ее преслѣдуютъ; но пѣвцы изъ изгнанія распространяютъ свои бичующія сатиры съ тою же энергіей. Къ чему приведетъ ихъ месть? Враги ихъ такъ сильны; пѣвцовъ такъ немного; кажется они избрали орудіе самое слабое. Главный врагъ ихъ была

(¹) Fauriel; II, 219.

римская тіара. Она была всесильна и, казалось, могла раздавить ихъ, какъ пигмеевъ. На Римѣ сосредоточивалось все чувство горечи и ненависти, которое кипѣло въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ. Изъ за Рима забыли французовъ. Предъ послѣдними народъ долженъ былъ склониться; онъ призналъ французскаго короля, онъ забылъ о Раймондѣ, но тѣмъ больше возненавидѣлъ ту страшную силу, которая была дѣйствительной причиной уничтоженія національности. И что же? Стоило только раздаться этимъ негодующимъ звукамъ, чтобъ страшная сила заколебалась, стала подозрительно оглядываться вокругъ себя, потеряла опору, почву подъ ногами, лишилась своего обаянія, лишилась прежней энергіи и съ недосягаемыхъ высотъ стала быстро спускаться въ бездну. Ее унизили теперь тѣ самые, которыхъ нѣкогда она сама попирала. Она была освистана общественнымъ мнѣніемъ и въ первый разъ національная литература, въ лицѣ Фигвейраса, выступила какъ двигатель событій, какъ историческое орудіе.

Фигвейрасъ о Римѣ. Чтобы познакомить съ характеромъ этой новой исторической силы, приведемъ одну изъ лучшихъ сирвентъ Фигвейраса, проклявшаго Римъ за 250 лѣтъ до Лютера. Она имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

— Я хочу написать сирвенту въ томъ же тонѣ, какъ пишу всегда. Я не хочу болѣе молчать. Я знаю, что наживу себѣ враговъ, такъ какъ пишу сирвенту о людяхъ, исполненныхъ лжи, о Римѣ, который причина всего зла и одно прикосновеніе котораго разрушаетъ все доброе.

— Римъ, я не удивляюсь нисколько тому, если весь міръ заблуждается; ты низринулъ нашъ вѣкъ въ тяжкія опасности и войну; ты мертвишь и истребляешь достоинство и добродѣтель. Вѣроломный Римъ, тобою былъ преданъ добрый англійскій король; ты вмѣстилище и источникъ всѣхъ золъ.

— Лживый Римъ, алчность увлекаетъ тебя; ты стрижешь слишкомъ коротко своихъ овецъ. Но св. Духъ, пріявшій плоть человѣческую, да услышитъ мольбы мои и сокрушитъ клювъ твой. Я отрекаюсь отъ тебя, Римъ; ты несправедливо и жестоко поступаешь какъ съ нами, такъ и съ греками.

— Римъ, ты сокрушаешь плоть и кости невѣждъ, а ослѣпленныхъ ты ведешь съ собою въ пропасть Ты уже слишкомъ преступаешь повелѣнія Божіи. Твоя алчность такъ велика, что ты отпускаешь грѣхи за денаріи. Ты навлекаешь на себя страшную отвѣтственность.

— Знай же, Римъ, что твоею низкой торговлею и твоимъ безуміемъ погибла Даміетта [1]. Ты преступно царствуешь, Римъ; да разрушитъ въ прахъ тебя Господь, потому что ты лживо властвуешь. Ты низкой породы, Римъ; ты клятвопреступенъ.

— Римъ, намъ хорошо извѣстно, что глупостью одурачивъ народъ, подъ видомъ ложнаго снисхожденія, ты повергнулъ въ несчастіе бароновъ Франціи и народъ французскій. Даже добрый король Луи погибъ отъ руки твоей, потому что лживымъ предсказаніемъ ты удалилъ его изъ родины....

— Римъ, сарацинамъ ты нанесъ мало вреда; но ты въ конецъ уничтожилъ грековъ и латинянъ. Римъ, твое мѣсто въ пламени ада....

— Римъ, я хорошо вижу множество злоупотребленій твоихъ, о которыхъ неудобно говорить. Ты смѣешься надъ мученичествомъ христіанъ; въ какой книгѣ написано, Римъ, чтобы ты убивалъ христіанъ? Истинный Богъ, который посылаетъ мнѣ насущный хлѣбъ, да поможетъ мнѣ увидѣть отъ римлянъ то, что я желаю видѣть отъ нихъ.

— Теперь ты, Римъ, слишкомъ занятъ твоими предательскими проповѣдями противъ Тулузы; ты съ низостью кусаешь руки и сильныхъ и слабыхъ, подобно бѣшенымъ змѣямъ. Но если достойный графъ проживетъ два года, Франція почувствуетъ всю горечь твоихъ обмановъ.

— Моя надежда и утѣшеніе въ одномъ, Римъ, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье къ германскому императору, пусть только онъ поступитъ какъ слѣдуетъ съ тобой, тогда, Римъ, увидимъ какъ сокрушится твое могущество. Боже, владыка міра, соверши это скорѣе.

— Римъ, ты такъ хорошо забираешь въ свои когти, что отъ тебя тяжело отнять то, что захватилъ ты. Если ты вскорѣ не лишишься твоей силы, то это значило-бы, что міръ подчиненъ злому року и что онъ погибъ въ конецъ.

— Твой папа тогда сдѣлалъ-бы чудо, Римъ. Папа занимается дурнымъ дѣломъ. Онъ ссорится съ императоромъ и продаетъ его корону. Онъ прощаетъ его враговъ, а такое прощеніе, безосновательное и несправедливое, не заслуживаетъ похвалы, потому что въ корнѣ своемъ оно мерзко.

— Римъ, ты развращенъ до такой степени, что презираешь Бога и его святыхъ; вотъ до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Римъ. Вотъ почему въ тебѣ скрываются, гнѣз-

[1] Здѣсь поэтъ намекаетъ на несчастный походъ Андрея II венгерскаго, когда Даміетта, взятая 5 ноября 1219 г. христіанами, была уступлена въ августѣ 1221 г. султану Малекъ-эл-Камелю, о чемъ мы будемъ говорить въ другой главѣ.

дятся и развиваются пороки міра сего; такъ велика твоя несправедливость относительно графа Раймонда.

— Римъ, Богъ помогаетъ этому графу и даетъ ему власть и силу, ему, который рѣжетъ французовъ, сдираетъ съ нихъ кожу, вѣшаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ мосты при осадахъ, когда ихъ много. А я, Римъ, страстно желаю, чтобы Богъ вспомнилъ о твоихъ злодѣйствахъ, чтобы вырвалъ онъ графа изъ твоихъ рукъ, то есть изъ объятій смерти....

— Римъ, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто брѣешь; я думаю, что тебѣ и не надо много мозга, потому что ты властвуешь дурно, какъ и цистерціанцы. Въ Безьерѣ вы произвели страшную рѣзню.

— Римъ, своими лживыми соблазнами ты ставишь сѣти и пожираешь много дурныхъ кусковъ, раздирая на части нуждающагося въ утѣшеніи. Ты носишь личину кроткаго агнца, но внутри ты бѣшеный волкъ, порожденіе эхидны; ты *змѣя коронованная;* оттого-то дьяволъ называетъ тебя своимъ твореніемъ (¹).

Это перечень преступныхъ дѣяній Рима; здѣсь ничего не забыто. Рѣдко сатира доходила до такой рѣзкости; сердце поэта накипѣло до того, что онъ не могъ сдержать своихъ порывовъ. Справедливо говорятъ, что эти стансы написаны кровью. Поэтъ къ небу взываетъ объ отмщеніи, и мщеніе для него самое высокое наслажденіе. Его въ отвѣтъ назвали еретикомъ; ему до того не было никакого дѣла. Онъ съ тѣмъ же огнемъ, съ тою же отвагой продолжаетъ бичевать „вѣнчанную змѣю“ и ея слугъ, которые своими лукавыми рѣчами *похитили у міра свѣтъ*. Неизвѣстно, когда возвратятъ его людямъ, спрашиваетъ поэтъ (²)?

И такъ говорилъ не одинъ, не десятокъ пѣвцовъ, а почти всѣ представители тогдашней провансальской національности. Трубадуровъ насчитываютъ до 360; между ними только одинъ опозорилъ себя содѣйствіемъ крестоносцамъ и агитаціей въ пользу Монфора. За то онъ палъ подъ тяжестью отверженія и проклятія всего народа. Лишившись даже куска хлѣба, умирая съ голода, презираемый всѣми, онъ искалъ спасенія въ стѣнахъ монастыря (³). На него смотрѣли какъ на прокаженнаго. Тогда вся литература провансальская въ

(¹) Raynouard; IV, 309.— Переводы: франц. Villemain (Littérature du moyen âge, leç. VI), нѣм. Kannegiesser, 355—365, но оба неполные.

(²) G. Figueiras,—Choix; IV, 307.

(³) Онъ назывался Perigon, — изъ Лесперона и былъ вассаломъ графа тулузскаго. О немъ Fauriel; II, 215.

своихъ лучшихъ представителяхъ приняла обличительное направленіе. Дѣло не въ красотахъ этихъ замѣчательныхъ произведеній, не въ ихъ частностяхъ, а въ томъ громадномъ вліяніи, какое они своими идеями оказали на Провансъ и на всю Европу. Грамотные попадались рѣдко; не всѣ трубадуры умѣли писать. Они наизусть разучивали сирвенты и чрезъ жонглеровъ разносили ихъ повсюду. Сирвента соотвѣтствовала нашимъ газетамъ ([1]); она стала нравственною силою, общественнымъ мнѣніемъ. Перейдя за предѣлы Лангедока, она вооружила противъ папства и другіе народы, привила къ нимъ свое существенное содержаніе, — эту смертельную ненависть къ Римской Церкви и средневѣковому духовенству. Много новаго сказала она. Она познакомила другія страны Запада съ Провансомъ; она всѣмъ повѣствовала скорбное, полное ужасовъ сказаніе объ альбигойской рѣзнѣ и о тиранніи королей. Сирвента трубадуровъ приняла участіе въ подготовленіи народовъ Запада къ воспріятію Реформы. Въ этомъ — высокое историческое значеніе провансальской литературы. Но, если въ исторіи паденія папства, сирвента должна занимать одно изъ вліятельныхъ мѣстъ, то ея непосредственное вліяніе на развитіе національной литературы было пагубно. Поэзія Прованса погибла вмѣстѣ съ нею. Такое радикальное измѣненіе содержанія было ей не по силамъ ([2]). Новаго направленія она не могла принять. Прежняя исторія ея была такъ богата. Теперь нечему было радоваться, нечего было воспѣвать. Разрушенные замки, ограбленные города и села, пепелъ еретиковъ, тысяча людей заточенныхъ по тюрьмамъ, изгнанные патріоты, паденіе свободы, новый суровый порядокъ, продажная администрація, — все это могло возбудить лишь негодованіе, а когда относительно проявленій даже безмолвной оппозиціи были приняты строгія мѣры и страна была офранцужена, то и ему не было мѣста. Потому, когда замолкла послѣдняя сирвента, провансальская литература прекратила свое существованіе; она стала достояніемъ исторіи.

([1]) Brinckmeier. Die provenzalischen Troub. 77.

([2]) «Die sonnige Provence, deren Bewohner bis dahin nur dem Tage gelebt, und am Morgen keine grössere Sorge gekannt hatten, als mit welchem Vergnügen sie den Tag ausfüllen würden, verlor den Reiz der dämmernden Ruhe, des Wohlgefühls, als Bigotterie und Blutdurst heimisch wurden. Der Krieg gegen die Albigenser gab der provenzalischen Poesie den Todesstoss, so dass sie nicht wieder aufblühte». Brinckmeier, 63.

Негодованіе противъ католической іерархіи растетъ съ годами и проникаетъ въ народъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственное паденіе католическаго духовенства, послѣдовавшее за ужасами альбигойской рѣзни и обусловленное этою рѣзнею, особенно содѣйствовало великой Реформаціи.

---

4) Римская Церковь въ XIII вѣкѣ и отношеніе къ ней общества. Монахи и инквизиція. Идеалы рыцарства и духовно-рыцарскіе ордена.

Изучая общественный строй средневѣковаго міра, мы должны съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на католицизмѣ и рыцарствѣ. Католицизмъ не только былъ вопросомъ вѣры, но и обусловливалъ всѣ проявленія жизни государственной и частной. Католическія церковныя представленія проникли во всѣ сферы, но они долго не облекались въ прочныя, отчетливыя формы; эти формы были даны католицизму преимущественно Иннокентіемъ III. Конечно, это были такія формы, которыя соотвѣтствовали только духу средневѣковой цивилизаціи.

Значеніе Иннокентія III.

Политическія стремленія папы Иннокентія III, какъ ни были они обширны, не поглощали однако собою всей его дѣятельности. Они далеко не исчерпывали ея уже потому, что сами являлись результатомъ болѣе сложныхъ соображеній этого всесторонняго ума. Чтобы такія стремленія имѣли значеніе и смыслъ, надобно было создать силу, на которую они могли бы опереться; самое ихъ существованіе обусловливалось прочностью и достоинствомъ тѣхъ учрежденій, во имя которыхъ они имѣли право на осуществленіе и примѣненіе къ исторической жизни. Эта сила была, правда, духовная; но ей слѣдовало дать матеріальныя формы, помощію которыхъ она могла бы дѣйствовать систематично. И Иннокентій создалъ то, что̀ понимается обыкновенно подъ именемъ католицизма. Умирая, онъ оставлялъ внѣшнія формы этого грандіознаго зданія совершенно законченными. Онъ далъ іерархіи, законамъ, претензіямъ, наконецъ хозяйству католической Церкви ту окончательную форму, въ которой все это представляется обыкновенно въ исторіи. Ничто не миновало его

рукъ, его просмотра, исправленій; многое было изобрѣтено имъ самимъ, какъ идеалъ, завѣщанный Церкви. Его преемники могли развивать его трудъ, но уже съ нарушеніемъ правды и законности. Иннокентій работалъ для Церкви, для господства началъ христіанства, широко имъ понятаго, въ жизни государственной и частной; самое папство, по его понятіямъ, было лишь слугою Церкви, какъ это показываетъ вся его дѣятельность. Преемники же его въ XIII вѣкѣ задались мыслью подчинить самую Церковь папству; они дерзко извратили дѣло Иннокентія, и зданіе, пошатнувшееся въ главной основѣ, должно было клониться къ паденію. Для Иннокентія Римъ значилъ не больше, какъ резиденція верховнаго надъ духовенствомъ властителя; всякій уголокъ Европы былъ одинаково близокъ его сердцу. При его непосредственныхъ преемникахъ Римъ и Церковь стали разъединяться; всѣ силы напрягаются къ обогащенію Рима на счетъ довѣрчивой западной паствы, и напрягаются до тѣхъ поръ, пока въ борьбѣ съ прогрессомъ первосвященники вооружаютъ противъ себя все мыслящее въ Европѣ. Потому паденіе началось немедленно за смертью Иннокентія III. Послѣ него папы уже не возбуждали сочувствія; они перестали выражать собою задачи вѣка, и чѣмъ дальше шла исторія папства, тѣмъ большее негодованіе оно возбуждало противъ себя, подрывая своимъ нравственнымъ обликомъ авторитетъ Церкви. Какъ только гибельная мысль поставить папство выше Церкви созрѣла въ Римѣ,—былъ данъ сигналъ къ паденію католическаго идеала, а съ нимъ и самой римско-католической Церкви, ибо папство и Церковь были поставлены Иннокентіемъ въ тѣснѣйшую зависимость другъ отъ друга. Для Иннокентія, какъ справедливо выражается Гуртеръ, „высокій идеалъ Церкви былъ пульсомъ его жизни, его поступковъ". Если Церковь и впредь хотѣла удержать вліяніе, она должна была бы дать возможность развиться въ ея нѣдрахъ живымъ формамъ, согласнымъ съ исторіей и успѣхомъ человѣческаго сознанія; но на погибель себѣ она сурово стала подавлять это сознаніе, и держась охранительныхъ принциповъ по внѣшности, а внутри попуская полную разнузданность, могла въ величавомъ своемъ видѣ просуществовать лишь недолго, и то въ силу старыхъ заслугъ своихъ и преданій. Весь этотъ процессъ ея внутренней исторіи мы увидѣли бы лишь послѣ всесторонняго изученія частностей; теперь же ознакомимся съ ея положи-

тельною стороной, съ формами зданія католицизма, то-есть Церкви католической, отчасти данными прежде, отчасти вновь созданными Иннокентіемъ. Но мы не вышли бы изъ предѣловъ церковной исторіи, если бы миновали существенную сторону дѣла; къ нашей цѣли также относится обзоръ того вліянія, которое послѣдовательно оказывала церковь на общество. Все это составитъ содержаніе настоящей главы, матеріалъ для которой почерпается въ массивной коллекціи писемъ и сочиненій, оставленныхъ Иннокентіемъ III, а также въ поэтическихъ памятникахъ эпохи и въ лѣтописяхъ ([1]).

Самая догма католическаго вѣроисповѣданія была усовершенствована и цѣлостно развита Иннокентіемъ III. Это показываютъ его богословскія сочиненія ([2]), и особенно его проповѣди ([3]), изъ которыхъ каждая развивала извѣстный католическій догматъ со всею логическою строгостью и законченностью, дѣлавшею его канонически прочнымъ. Въ проповѣдяхъ онъ подражалъ папамъ Льву I и Григорію I. Его понятія, его взгляды, самое изложеніе остались присущими католическому богословію. Онъ редактировалъ молитвы: изящные гимны Veni creator и Stabat mater составлены имъ вполнѣ. Даже въ письмахъ Иннокентія можно видѣть развитіе воззрѣній его объ основахъ христіанскаго ученія, о его будущности, какъ вселенской религіи, съ какими бы подраздѣленіями оно ни являлось, наконецъ, собственно латинскую догматику, понятія о Троицѣ, о таинствахъ, о прирожденномъ грѣхѣ, о молитвѣ, о праздникахъ, постахъ, предстательствѣ за умершихъ, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о спасеніи, обязанностяхъ священства,—короче, о всемъ католическомъ богословіи догматическомъ, полемическомъ и нравственномъ. До насъ все это не относится. Мы остановимся на понятіяхъ Иннокентія о его собственномъ санѣ, на мотивахъ папско-императорскихъ отношеній, что составляетъ существенный пунктъ средневѣ-

---

([1]) Эта глава перепечатана съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, на основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій автора, изъ Ж. Мин. Нар. Просв., ч. CXLXI.

([2]) De contemptu mundi, Libellus de eleemosyna, Encomium charitatis, Mysterium evangelicae legis et sacramenti eucharistiae, Comment. in septem psalmos poenitentiales.

([3]) 99 sermones in tempore, 31 serm. de sanctis, 12 in festis, 8 de diversis.

ковой исторіи, а потомъ обратимся къ очерку исторіи каноническаго права, къ составу іерархіи духовной, ея экономическому состоянію, папскимъ доходамъ, къ монастырямъ, къ инквизиціи, ея судилищамъ и производству въ нихъ, къ орденамъ монашескимъ и духовно-рыцарскимъ, наконецъ, къ нравамъ и образу жизни католическаго церковнаго міра.

Ученіе о двухъ мечахъ.

Изъ исторіи развитія папской власти до XIII вѣка видно, что уже давно установилось понятіе о необходимости верховной духовной власти. Призваніемъ этой власти было, съ одной стороны, дѣйствовать на государей для блага народа (1) и на народъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ея авторитетомъ поддержать монархическую власть, если только она благотворна. Такъ училъ и Ѳома Аквинскій въ своемъ сочиненіи De regimine principum; онъ предписывалъ даже насильственное сверженіе монарха, если онъ не удовлетворяетъ своему назначенію, требованіямъ закона и справедливости. Лучшіе изъ папъ сознавали, что на нихъ лежитъ отвѣтственность передъ Богомъ за счастіе народа; потому-то Иннокентій III считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ интердиктамъ, если государи не исполняли его увѣщаній. „Страхъ никогда не заставитъ меня — говорилъ въ этихъ случаяхъ Иннокентій — принести въ жертву вѣчныя и драгоцѣнныя нужды римской Церкви; идя по слѣдамъ моихъ предшественниковъ, я готовъ для такой цѣли презрѣть всѣ опасности и даже самую жизнь". Если же папа бралъ на себя наблюденіе надъ государями, то значитъ, онъ присвоивалъ себѣ высшую степень власти. Но убѣжденіе въ превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою, явившееся какъ потребность эпохи, не могло быть навязано обществу, а должно было корениться въ сознаніи самого общества. Силою добыть себѣ такое право было нельзя: оружія у папъ не было; на религію, какъ ни могущественно было ея вліяніе, не всегда опирались папы. Если бы мы захотѣли изучить духовное настроеніе общества, то прежде всего встрѣтились бы съ благопріятнымъ для папскихъ притязаній настроеніемъ въ мысляхъ людей, высоко поставленныхъ. Самъ

(1) «Ut vindictam in nationibus et increpationes in populis facere teneantur»,—какъ выражается Иннокентій въ письмѣ къ Льву, королю Арменіи, имъ же возведенному въ этотъ санъ.— Epist. l. XVI, ep. 2 (Migne; CCXVI, 785). См. выше, стр. 52 въ этомъ томѣ.

Барбаросса, въ письмѣ къ императору Мануилу, признаетъ за церковью два меча: свѣтскій и духовный. Извѣстная Элеонора Гвіенская, вдова двухъ королей, женщина легкой нравственности, вовсе не расположенная къ мистицизму, пишетъ папѣ Целестину III: „Власть апостольская царствуетъ и правитъ въ Римѣ, гдѣ съ достаточною твердостью произноситъ свой судъ надъ народами. Обнажайте противъ нечестивыхъ мечъ св. Петра; для этого онъ поставилъ васъ надъ царями и народами. Крестъ Христовъ долженъ быть впереди орловъ цезаревыхъ; какъ мечъ Петровъ сильнѣе меча Константина, такъ и Церковь апостольская сильнѣе власти императорской" (1). Подеста въ Реджіо утверждаетъ, что одинъ папа можетъ совмѣстить въ себѣ и духовныя, и свѣтскія обязанности. Впрочемъ такое мнѣніе не было общимъ. Всѣ вѣрили, что если папа нуждается въ физической силѣ, то должно обращаться за этимъ къ свѣтской власти, обязанность которой была безпрекословно содѣйствовать первосвященнику. Отсюда понятіе о неразлучномъ дружествѣ духовной власти съ императорскою, какъ высшимъ выраженіемъ свѣтской власти. Такъ говорятъ всѣ памятники эпохи. Саксонское зерцало выражается на этотъ счетъ такъ: „Zwey Swert sinz Got in ertriche zu beschirmen dû christenheit, dem pabeste das geisliche, dem Kaiser das weltliche". Бонифацій VIII въ буллѣ „Unam Sanctam" говоритъ: „Uterque est in potestate ecclesiae, spiritualis scilicet et materialis gladius, sed is quidem *pro* ecclesia, ille vero *ab* ecclesia exercendus" (2). Намѣстникъ Арелатскаго королевства, посвящая одно сочиненіе Оттону IV, говоритъ въ предисловіи: „Священникъ призываетъ Бога; король управляетъ; первый отпускаетъ грѣхи, второй казнитъ и умерщвляетъ тѣло. Оба исполняютъ божественную волю и оба поступаютъ справедливо. Но королевская власть должна знать, что она лишь возсоединяется съ священной, и что надъ нею никакъ не можетъ быть поставлена; она должна только помогать какъ власть исполнительная" (3). Радость овладѣваетъ народомъ, когда обѣ власти живутъ въ дружбѣ. Тогда міръ хорошо управляется, тогда Церковь даетъ цвѣты и плоды. Но если есть несогласіе между ними, тогда

(1) Rymes, Acte; I, 24.
(2) Hurter; III, 121.
(3) Ib. III, 129.

все малое перестаетъ рости, а все великое обращается въ прахъ.

Иннокентій, конечно, пользовался своевременно общественнымъ настроеніемъ, но не злоупотреблялъ имъ; вотъ въ чемъ глубокое значеніе его личности въ папской исторіи ([1]). Въ письмѣ къ Оттону IV,—которое пріобрѣло особенную извѣстность, благодаря классическому уподобленію властей духовной и свѣтской солнцу и лунѣ ([2]), — что̀ впервые, какъ извѣстно, было высказано не имъ, а Гильдебрандтомъ, — Иннокентій развиваетъ мысль, что папство имѣетъ то преимущество передъ монархическою властію, что почерпаетъ свою силу съ неба и отъ духа. Короли управляютъ государствами, областями, баронами. Петръ же, напротивъ того, превосходитъ всѣхъ ихъ и обширностью и авторитетомъ власти, потому что онъ намѣстникъ Бога. „Надобно притомъ больше искусства и мудрости, чтобы завѣдывать дѣлами духовными, убѣждаетъ папа далѣе, такъ какъ извѣстно, что никакой императоръ не пытался еще судить постановленій Римской Церкви".

Если, по понятіямъ Иннокентія, такое высокое и независимое положеніе занимаетъ первосвященникъ западнаго міра, то страшно велика и отвѣтственность его. Онъ долженъ быть одаренъ великими способностями; ему нѣтъ отдыха; его дѣятельности нѣтъ предѣловъ. Онъ долженъ неуклонно идти по царственной стезѣ справедливости; онъ не будетъ презирать бѣднаго ради нищеты его и не станетъ предпочитать ему богатаго ради богатствъ его; онъ долженъ цѣнить истинную заслугу каждаго; примѣняясь къ просьбамъ, обращеннымъ къ нему, онъ творитъ правый судъ всѣмъ. Онъ поднятъ такъ высоко для того, чтобы быть слугою всѣхъ, чтобы имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ и помнить, что передъ безпри-

([1]) Только одинъ французскій историкъ высказываетъ противное. Это Cherrier въ Histoire de la lutte des empereurs de la maison de Souabe (2 éd. 3 vols. 1858). Но мнѣніе его бездоказательно. «Assemblage de bien et de mal, de grandes qualités et d'actes répréhensibles doit, dans le jugement à porter sur ce pontife, en faire écarter les louanges excessives et le blâme absolu» (I, 481).

([2]) ... «Sicut circa mundi creationem et saeculorum initia duo magna luminaria in firmamento coeli constitut, unum quod illuminaret diem, alterum quod in tenebris radiaret, sic processu temporum ad firmamentum Ecclesiae, quae coeli nomine designatur duas magnas instituit dignitates». Registrum super negotio Romani imperii (Migne; CCXVI, 1055), ep. 32.

страстнымъ судомъ онъ отвѣчаетъ не за одного себя, а за все христіанство.... „Кого не смутятъ“ — пишетъ папа — „тѣ обязанности, которыя возлагаетъ на епископа апостолъ Павелъ“? Впрочемъ Гильдебрандъ и Иннокентій III приблизились къ нимъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ папъ. Иннокентій удовлетворялъ имъ самимъ начертанному идеалу. Ставя такъ недосягаемо эту власть и требуя такой тяжелой нравственной подготовки къ ней, онъ считалъ всѣ другія духовныя степени ниже папской, черезъ которую прямой путь къ небу. Иннокентій распредѣлилъ градаціи духовныхъ должностей. Никто не могъ стоять съ нимъ рядомъ, каково бы ни было мѣсто, занимаемое имъ въ Церкви; каждый находился въ извѣстной подчиненности къ первосвященнику. Право на палліумъ принадлежало только ему; онъ удѣлялъ его съ извѣстными ограниченіями архіепископамъ. Работавшіе съ нимъ кардиналы были ближе всѣхъ къ папскому престолу; они дѣлили его труды и заботы; но при всей громадности дѣла, они были лишь исполнителями его предначертаній. Непосредственная власть папы въ тотъ вѣкъ простиралась на всѣ лица, причастныя къ отправленію духовныхъ обязанностей ([1]), на всю церковную собственность, гдѣ бы она ни была ([2]). Эта власть не ограничена по своей природѣ; она даетъ папѣ право не только судить, но и приказывать. Въ силу такой власти всѣ церковныя дѣла, а важнѣйшія исключительно, повергаются на его разсмотрѣніе; онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ прибѣгать къ милости и строгости. Онъ, лично, или черезъ посланныхъ, слѣдитъ за всею католическою Европой, наблюдая за исполненіемъ его распоряженій; его глазъ долженъ предвидѣть всѣ бѣдствія и несчастія, какія могутъ постигнуть Церковь; онъ останавливаетъ ихъ въ самомъ началѣ. Какъ верховный правитель, онъ слѣдитъ, чтобы Церковь не умалилась ни въ своихъ правахъ, ни въ силѣ. Въ случаяхъ затруднительныхъ, архіепископы и епископы обращаются къ нему, какъ къ источнику церковнаго права; онъ лишь одинъ рѣшаетъ спорные вопросы по этому предмету, когда они имѣютъ существенную важность. Всякій духовный можетъ быть увѣренъ, что его сомнѣнія разрѣшатся въ Римѣ; всякій мірянинъ соображаетъ свою жизнь и поведеніе съ ука-

---

([1]) Gesta Innocentii III, apud Migne; t. CCXII, c. 103.

([2]) Inn. III Regestorum; II, 1; X, 200.

заніями, полученными изъ Рима. При такой системѣ выходило, что папа заправлялъ всѣмъ какъ въ частной, такъ и общественной жизни; что̀ казалось хорошимъ ему, вводилось вездѣ, какъ обязательное; все порицаемое и отвергаемое имъ, порицалось и отвергалось обществомъ. Въ Римѣ сходились узлы богословскіе съ литературными, юридическіе съ нравственными, экономическіе съ житейскими. „Никогда — говоритъ Гуртеръ — свѣтъ не видѣлъ такой удивительной организаціи, организаціи болѣе проникнутой однимъ духомъ, тверже прикрѣпленной къ одному центру, исчезавшей въ отдаленныхъ концахъ міра и соединявшей въ себѣ столько различныхъ народовъ; организаціи, сдѣлавшей изъ исторіи всеобщей исторію Церкви; достигшей высшей точки своего развитія и своей крѣпости прежде нежели суждено было ей уклониться съ истинной дороги для преслѣдованія личныхъ цѣлей вождей католицизма, цѣлей часто свѣтскихъ и матеріальныхъ, и потому ослабившихъ ея строй ложнымъ направленіемъ, въ которое, къ собственному ущербу и гибели, Церковь была вовлечена многими римскими владыками своими“ (¹).

Каноническое право.

Юридическое положеніе католицизма въ гражданскомъ быту обусловливалось тѣмъ же каноническимъ правомъ, которое опредѣляло его формы въ области непосредственно церковной. Свѣтская власть сама давала духовенству привилегированное положеніе. Крѣпко сплоченная организація его подчинила ему средневѣковую жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Священники и монахи являлись вездѣ съ своимъ словомъ дозволенія и запрета, и во дворцѣ, и на рынкѣ. Духовенство уже давно имѣло свои собственныя судебныя учрежденія; передъ нимъ преклонялись варвары; оно властвовало надъ сердцами Карловинговъ; свободное отъ податей, держа ключи къ будущей жизни, оно богатѣло въ этой. Убѣжденіе, что духовенству принадлежитъ первое мѣсто въ свѣтскомъ обществѣ и что во всемъ міряне подчинены ему, сдѣлалось въ XIII вѣкѣ общимъ (sacerdotes a regibus honorandi sunt, non judicandi). Иннокентій III выразилъ это подчиненіе своимъ распоряженіемъ о правѣ аппеляцій епископамъ на свѣтскіе суды; епископы же передавали дѣла особой важности на судъ самого папы. Наконецъ духовенство рѣ-

(¹) Hurter. III, 116.

шительно вторглось въ свѣтскую область; особые церковные суды рѣшали дѣла гражданскія рядомъ съ свѣтскими судами. Они привлекали къ себѣ большее число тяжущихся, такъ какъ руководились ясными и положительными формами римскаго права. Всякое дѣло, въ которомъ предполагалось участіе ереси и колдовства, рѣшалось исключительно въ церковныхъ судахъ; на всѣ дѣла, въ которыхъ играли роль вопросы чести, гдѣ страдали нравственные и религіозные интересы,—а понимать это можно было въ широкихъ размѣрахъ,—папы XIII вѣка изъявляли притязанія. Церковь хранила завѣщанія, исправляла обязанности нотаріуса и маклера, и въ случаѣ чьей-либо кончины безъ предсмертныхъ распоряженій, брала себѣ долю имущества покойнаго, на доминъ души.

Источники церковнаго права—fontes juris spiritualis seu juris ecclesiastici (для насъ каноническаго, отъ слова κανών, означавшаго на греческомъ языкѣ соборное постановленіе въ противоположность свѣтскому закону, который назывался νόμος), составились еще въ IV вѣкѣ изъ правилъ церковной и нравственной дисциплины (¹). Ранѣе 500 года уже были извѣстны два сборника каноновъ и папскихъ указовъ (декреталій), собранные монахомъ Діонисіемъ Малымъ; они были примѣнены въ Испаніи, Англіи и у франковъ. Въ 636 г. епископъ Исидоръ Севильскій составилъ Hispala съ подобною же цѣлью, но тѣмъ не менѣе для обширной имперіи Карла Великаго былъ обязателенъ сборникъ Діонисія, рекомендованный императору папой Адріаномъ I въ 774 г., съ небольшими дополненіями. Въ 857 году въ Майнцѣ явились поддѣльныя, извѣстныя подъ именемъ епископа, такъ-называемыя лже-исидоровскія декреталіи, авторомъ которыхъ считается Isidorus Mercator. Этотъ несомнѣнно поддѣльный сборникъ дѣлится на три части. Въ первой 60 подложныхъ папскихъ декретовъ, частію въ формѣ посланій отъ папы Климента до Мельхіада, носившаго тіару въ началѣ IV вѣка. Во второй части фигурируетъ дарственная грамота императора Константина I папѣ Сильвестру, затѣмъ соборныя постановленія. Въ третьей части декреты папъ отъ Сильвестра до Григорія II, т. е. до 731 г. Въ мас-

(¹) Fontes jur. eccl. изданы въ Боннѣ въ 1862 году Вальтеромъ, которому принадлежатъ общіе труды и по исторіи церковнаго права, какъ напр. Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen (14 Ausg. Bonn, 1871), также Friedberg, L. 1876.—Новѣйшее: Richter. Lehrbuch des kathol. und evangel. Kirchenrechts, 1886 (8 изд. въ переработкѣ—Dove und Kohl).—Schulte. Quellen und Liter. des kanon. Rechts.

сѣ этихъ декретовъ 35 подложныхъ; на нихъ-то опирались всѣ главныя претензіи римскихъ тіаристовъ на первенство надъ другими патріархами. Болѣе полная редакція каноническаго права, съ характеромъ обширнаго учебника, сдѣлана была въ Болоньѣ монахомъ Граціаномъ въ 1110 году. Это Decretum Gratiani самъ авторъ называлъ „Discordantium canonum concordia". Въ Италіи проводилась тогда въ жизнь императорская идея; тамъ, преимущественно съ каѳедръ Болонскаго университета, прославлялось достоинство римскаго права. Понятно, что всѣ юридическія постановленія этого сборника опирались на античныя правовыя идеи, а наставленія практической нравственности исходили изъ поученій отцевъ Церкви и изъ посланій патріарховъ и епископовъ. Декретъ Граціановскій дѣлится на три части: въ первой 101 distinctiones говорятъ о раздѣленіи каноническаго права, а также о правахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ; во второй 36 causae о судебныхъ и непосредственно церковныхъ дѣлахъ; въ третьей 5 consecrationes заключаютъ въ себѣ постановленія о священныхъ вещахъ и о богослуженіи. Въ Decretum Gratiani важна связь католическаго церковнаго права съ идеями и канонами Вселенской Церкви. Вообще онъ легъ въ основу позднѣйшаго латинскаго Corpus juris canonici. Впослѣдствіи сохраняли старое право, дѣлая къ тексту лишь добавленія. Такъ въ 1234 году папа Григорій IX ввелъ дополнительные „Extravagantes" (то-есть, quae extra decretum vagabantur); тутъ были исключительно соборныя рѣшенія и папскія постановленія, по преимуществу за послѣднее время и случайно пропущенныя прежде. Такъ какъ главный матеріалъ заимствовался изъ указовъ римской коллегіи, то сюда много вошло того, что не соотвѣтствуетъ прямому назначенію Церкви. Этимъ изданіемъ завѣдывалъ, по повелѣнію Григорія IX, Raymundo de Pegnaforte. Онъ раздѣлилъ Extravagantes на пять книгъ по содержанію каждой: judex, judicium, clerus, connubia, crimen. Шестая книга, обыкновенно цитируемая какъ „liber sextus", прибавлена въ 1298 году папою Бонифаціемъ VIII (изъ 185 титуловъ), хотя сама по себѣ она дѣлилась на 5 отдѣльныхъ частей, сообразно характеру предшествовавшаго сборника [1]. Седьмая

[1] За эту дѣятельность Данте въ «Раю» порицаетъ Бонифація VIII (c. IX, v. 174—177), замѣчая, что тогда «никто не изучалъ съ толкомъ церковныхъ проповѣдниковъ, — за то внимательно законы изучаютъ».

и послѣдняя книга, „liber septimus“, была издана при Іоаннѣ XXII въ 1313 году изъ постановленій Климента V и рѣшеній Віеннскаго собора, почему глоссаторами она была переименована въ Constitutiones Clementinae. Всѣ эти сборники, вмѣстѣ съ „Paleae“, составляютъ „Corpus juris canonici clausum“ и цитируются нынѣ въ окончательной редакціи XVI вѣка и съ исправленіями „корректоровъ“ Пія IV.

Кромѣ общаго развитія, обязательнаго по своему содержанію для всего духовенства, каноническое право имѣло еще развитіе частное. Провинціальное католическое духовенство съѣзжалось на соборы; папскій легатъ, если онъ былъ по близости, обыкновенно принималъ предсѣдательство: но примѣненіе такихъ рѣшеній, конечно, могло быть только мѣстное. Народъ охотно подчинялся каноническому суду и свѣтская власть тому не препятствовала. Въ этомъ сходились и Барбаросса и Рудольфъ I Габсбургскій; оба императора сдѣлали рѣшенія мѣстныхъ соборовъ обязательными для имперіи. Во Франціи противъ такихъ церковныхъ приговоровъ возставали бароны; они говорили противъ сильнаго распространенія власти церковныхъ судовъ и противъ строгости папской, отлучавшей отъ Церкви даже такихъ христіанъ, которые были не въ состояніи заплатить своихъ долговъ.

Курія и кардиналы. Взглянемъ теперь на тѣ стороны каноническаго права, которыя опредѣляютъ степени и обязанности представителей церковной іерархіи, особенно въ XIII вѣкѣ.

Послѣ папы высшее мѣсто въ католической іерархіи занимали кардиналы. Единству дѣйствій и вѣрно опредѣленной цѣли ихъ кардинальская коллегія обязана своими успѣхами, такъ какъ выгоды ея и правившаго папы были неразлучны. Прежде всего въ исторіи ея поражаетъ слѣпая и безусловная покорность человѣку, который былъ выбранъ коллегіей изъ ея же среды на высочайшую степень властвованія, человѣку, по отношенію къ которому прежде, можетъ быть, бо́льшая часть членовъ коллегіи питала недружелюбныя чувства. По сану своему, кардиналы, подобно епископамъ, братья папы; они — постоянные совѣтники его; всякое рѣшеніе имѣетъ въ заголовкѣ: „Consilio et assensu venerabilium fratrum nostrorum“. Свержение Іоанна, короля англійскаго, провозглашено послѣ совѣщанія съ кардиналами, епископами и по совѣту „aliorum virorum prudentium“. Гонорій III не рѣшался ни на одно важное дѣло, хотя свирѣпствовавшая тогда

malaria вынудила многихъ кардиналовъ уѣхать изъ Рима. Каждый изъ кардиналовъ имѣетъ на своемъ попеченіи какую-нибудь римскую городскую церковь въ качествѣ діакона, священника и даже викарія. Отъ нихъ зависѣлъ прежде выборъ папы, сперва въ цѣлой коллегіи, а послѣ, при папѣ Николаѣ II, право избранія дано лишь семи кардиналамъ-епископамъ; впрочемъ послѣдніе не пользовались своимъ правомъ исключительно, допуская къ выбору и прочихъ кардиналовъ, не епископовъ. Доходы они получали съ своихъ римскихъ приходовъ, и суммы ихъ были довольно значительны; иногда они обращались въ пенсію. Разъ Климентъ IV назначилъ пожизненную ренту въ 300 марокъ одному бѣдному кардиналу. Большинство кардиналовъ принадлежало къ родовой римской аристократіи, но встрѣчались имена и изъ городскаго класса. Много въ католической іерархіи значилъ умъ, заслуги, государственная опытность и ученость. Такъ въ XIII вѣкѣ выдались между прочими кардиналами Стефанъ Лангтонъ и Яковъ Витрійскій. Образъ жизни кардиналовъ былъ почти всегда свѣтскій и пышный. Каноническое право развивалось подъ вліяніемъ кардиналовъ; одни изъ нихъ собирали и сводили папскіе декреты, другіе комментировали ихъ. Большею же частію они занимались церковною литературой и вообще писательствомъ. Яковъ Витрійскій трудился надъ исторіей крестовыхъ походовъ и святой земли. Пандольфо Маска составилъ исторію папъ отъ Льва IX до Иннокентія II и исторію Пизы, своего роднаго города. Лангтонъ оставилъ послѣ себя біографіи Ѳомы кентерберійскаго, короля Ричарда и Магомета, а Оттонъ Монферратскій возбудилъ подозрѣнія въ чернокнижничествѣ, такъ какъ занимался математикой и астрономіей, что совпадало тогда съ астрологіей.

Легаты.

Кромѣ непосредственныхъ совѣтниковъ, папамъ необходимо было имѣть довѣренныхъ людей, которымъ можно было бы поручать присмотръ на мѣстахъ за ходомъ и интересами католической и теократической пропаганды. Страданія народа не могутъ доходить до Рима по отдаленности, но они не могутъ также оставаться безъ его вниманія и сочувствія, и съ этою цѣлью,— подобно Моисею, который въ такихъ случаяхъ назначалъ судей, чтобы выслушивать народъ,—папа поручаетъ своимъ легатамъ и делегатамъ заботы о дѣлахъ въ

странахъ отдаленныхъ ([1]). Какъ ни обширна ихъ власть, но въ сомнительныхъ случаяхъ однако они должны обращаться за совѣтами и наставленіями въ Римъ. Съ именами легатовъ связаны всѣ великія событія въ исторіи общей и церковной. Они поднимали крестовые походы, они присутствовали при подавленіи ересей; они приводили въ исполненіе папскіе интердикты; они принимали и раздавали королевскія короны. Ихъ особа окружалась особеннымъ почтеніемъ, какъ священная и неприкосновенная. Древніе римляне не дорожили такъ честію своего представителя. Изъ-за убійства легата разгорѣлась альбигойская война. Легаты избирались изъ ближайшихъ къ папѣ и наиболѣе значительныхъ, если не по свѣдѣніямъ, то по характеру, духовныхъ лицъ. Первое время ихъ дѣятельность была благотворна и часто проявлялась подвигами. Впослѣдствіи легатство сдѣлалось однимъ изъ поводовъ къ нападенію на самоуправство Церкви; оно поселяло раздоръ въ самомъ строѣ Церкви. Легаты дерзко и презрительно стали обходиться съ мѣстнымъ духовенствомъ, высшимъ и низшимъ; они требовали архіепископовъ къ себѣ на судъ и вмѣшивались въ ихъ дѣла. Предсѣдательствуя на мѣстныхъ соборахъ съ неограниченною властью, они часто, вслѣдствіе одного самолюбія, становились въ самыя враждебныя отношенія къ духовенству; они злоупотребляли именемъ своихъ довѣрителей. Монастыри и епископы должны были доставлять легату, во время пребыванія его въ странѣ, продовольствіе и деньги. Эти такъ-называемыя прокураціи становились часто весьма разорительными. Еще въ XII вѣкѣ св. Бернаръ писалъ папѣ Евгенію III, что „его легатъ совершенно ограбилъ деревни на всемъ пространствѣ отъ Альпъ до Пиринеевъ, такъ что можно подумать, будто мадьяры были въ этой странѣ". А Іоаннъ Салисберійскій замѣчаетъ, что „когда римскій легатъ пріѣзжаетъ въ провинцію, то все равно, что діаволъ, мучившій Іова, исходитъ отъ Господа для опустошенія земли". Личности, въ родѣ кардинала Петра Даміани и Готфрида шартрскаго, становились весьма рѣдкими. Съ общимъ обновленіемъ католицизма улучшились и нравы духовенства, а съ ними вмѣстѣ и пріемы легатовъ. Жана Санъ-Поля не могли преклонить всѣ соблазны и мольбы гордаго и могущественнаго Филиппа II французскаго. Но послѣ Инно-

([1]) Epistolae Inn. III; XVI, 12.

кентія III нравы духовенства, только что улучшившіеся, стали постепенно измѣняться къ худшему. Борьба Церкви съ Фридрихомъ II требовала сильныхъ поборовъ; легаты стали снова возбуждать противъ себя справедливое негодованіе. На Ліонскомъ соборѣ, когда Иннокентій IV торжественно отлучалъ Фридриха II, противъ нихъ особенно протестуютъ; самыя рѣзкія жалобы слышатся отъ англичанъ.

Архіепископы.

Власть архіепископская по характеру своему нѣсколько подходила къ обязанностямъ и значенію папскаго легата. Архіепископъ представлялъ собою папу въ извѣстной территоріи; нѣсколько епархій соединились въ его рукахъ. Ему не подчинялись только дворцовые капелланы и иногда привилегированные монашескіе ордена. Въ католическомъ чиноначаліи архіепископъ слѣдовалъ непосредственно за папою, хотя кардиналы пользовались лучшимъ положеніемъ. Нѣкоторые сильные архіепископы, по отдаленности и при удобныхъ условіяхъ, пытались основать отдѣльную Церковь и думали отложиться отъ Рима, какъ, напримѣръ, Адальбертъ, архіепископъ бременскій, который игралъ такую важную роль въ Германіи въ малолѣтство императора Генриха IV (¹). Адальбертъ задумалъ основать сѣверную славянскую Церковь, независимую отъ Рима; но это не могло осуществиться до тѣхъ поръ, пока въ національныхъ католическихъ Церквахъ не произошло внутренняго движенія. Архіепископъ майнцскій всегда игралъ въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ Германіи первенствующую роль, также какъ архіепископъ кентерберійскій въ Англіи. Папы всегда слѣдовали ихъ голосу и поддерживали ихъ интересы, тѣсно закрѣпляя между собою и ими нравственныя и іерархическія связи. Препятствіе къ пріобрѣтенію архіепископами самостоятельности лежало въ томъ, что какъ только они заявляли притязанія на равноправность съ римскимъ первосвященникомъ, тотчасъ въ подобныя же отношенія они становили относительно себя подчиненныхъ имъ епископовъ. Положеніе, занимаемое ими, было бы рѣшительно для судебъ католицизма, если бы, съ одной стороны, эти архіепископы не должны были находиться въ нѣкоторой зависимости отъ свѣтской власти, и если бы, съ другой стороны,

(¹) О немъ спеціальная монографія на русскомъ языкѣ В. К. Надлера: Адальбертъ Бременскій, 1867, Харьковъ.

ихъ положеніе имѣло болѣе прочную почву подъ собою. Они не были, подобно епископамъ, божественнымъ установленіемъ, хотя и выходили изъ ихъ рядовъ; они не принимали особаго рукоположенія. Поэтому Иннокентій III, понявшій ихъ затаенные помыслы, ссылался именно на эту слабую сторону ихъ. Онъ говоритъ (¹), что все существованіе ихъ связано съ главенствомъ папы; они лишь „subditi" относительно его; ихъ обширная мѣстная власть проистекаетъ отъ обилія могущества папскаго. Папа давалъ имъ палліумъ; еще съ IX вѣка они могли законно требовать его изъ Рима. Въ ознаменованіе ихъ намѣстничества, они носятъ палліумъ лишь въ предѣлахъ своего архіепископства, и то лишь въ большіе праздники. Раздача палліума еще болѣе упрочивала убѣжденіе въ томъ, что архіепископства зависятъ „отъ общей матери Римской Церкви". Но если архіепископъ имѣлъ обширныя права, если онъ могъ по своей волѣ отлучать отъ Церкви даже епископовъ, то это нисколько не избавляло его, въ свою очередь, отъ отвѣтственности передъ папскими легатами. Наконецъ, въ Римѣ, особенно при Иннокентіѣ III, слѣдили за тѣмъ, чтобъ архіепископы не уклонялись отъ исполненія своихъ вассальныхъ обязанностей по отношенію къ королю въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти обязанности признавались Церковью (²). Архіепископы пользовались и доходами болѣе значительными, чѣмъ епископы.

Епископы. Бо̀льшею легальностью отличалось положеніе епископовъ. Между тѣмъ на ихъ долю оставалось только сознаніе, что права ихъ узурпированы папами. Эти права опирались на болѣе чистую и болѣе прочную почву. Въ случаѣ борьбы, добиваясь самостоятельности, они могли указать на себя какъ на равныхъ папамъ. Лже-Исидоровскія декреталіи, демократическія по своимъ церковнымъ взглядамъ, поставили ихъ въ зависимость отъ главенства Рима. Имѣя въ виду осуществленіе великой исторической задачи, Григорій VII сумѣлъ подчинить себѣ епископовъ. Все стало исходить изъ Рима; слѣдовательно, власть и права епископовъ считались лишь даяніемъ Рима. Папы присвоили себѣ общую епископскую власть; по взгляду истинной Церкви они поступили несправедливо. Каждый епископъ долженъ былъ имѣть независимую юстицію въ своей епархіи;

(¹) Epist. Inn. III; X, 68.

никто, кромѣ собора, не имѣлъ права дѣлать ему замѣчаній или давать приказанія. Между тѣмъ римскіе епископы отняли у прочихъ всякую тѣнь самостоятельности, сдѣлавъ ихъ своими орудіями, даже подчинивъ наблюденію и контролю со стороны архіепископовъ и легатовъ. Гильдебрандъ безусловно заставилъ всѣхъ ихъ давать Риму ленную присягу; сначала она требовалась только отъ епископовъ Церковной области, потомъ стали ее требовать отъ всѣхъ итальянскихъ епископовъ. Уже послѣ миссіонерской дѣятельности первыхъ просвѣтителей Англіи и Германіи идея церковнаго, моральнаго, даже умственнаго объединенія западной Европы стала казаться серьезной. Григорій VII строилъ это зданіе; Иннокентій III завершилъ его. Упомянутое миссіонерство послужило имъ главною опорою; чрезъ него Римъ становился метрополіей церковныхъ колоній, ставшихъ прямо въ подданническія отношенія, окрѣпшихъ благодаря общимъ интересамъ и традиціонной политикѣ Рима. За присягою первыхъ архіепископовъ послѣдовало іерархическое подчиненіе всѣхъ духовныхъ лицъ и прежде всего епископовъ. Выборное начало было уничтожено. Папы сперва утверждаютъ и посвящаютъ заочно; если епископъ умираетъ въ Римѣ, то папы сами назначаютъ ему преемника; наконецъ они начинаютъ назначать епископовъ во всѣхъ случаяхъ. А въ томъ правителѣ, который одинъ имѣетъ право назначенія и утвержденія духовныхъ лицъ, заключается и источникъ всякой церковной власти.

Въ исторіи городскихъ общинъ можно наблюдать политическое значеніе епископовъ въ качествѣ владѣтелей и покровителей коммунъ. Владѣнія епископскія пользовались особыми политическими привилегіями; власть епископа какъ-бы освящала подчиняемыхъ, и потому такъ домогались ея въ первое время города итальянскіе. Епископы правили то черезъ своихъ намѣстниковъ, то сами; они ходили въ походы вооруженные, дрались на коняхъ и часто переходили въ ряды свѣтской аристократіи. Рѣзкій примѣръ этого составляютъ судьбы дома Висконти; ихъ предокъ имѣлъ архіепископскую власть въ Миланѣ; въ этой династіи духовный санъ принадлежалъ нѣкоторымъ ея членамъ и послѣ того. Такія явленія впрочемъ не современны Иннокентію III. Епископскіе города выработ-

(¹) Примѣръ см. въ Gallia Christiana; II, 63.

тали себѣ право независимаго суда, имѣли свои статуты, какъ напримѣръ, въ Ломбардіи, которая управлялась ими не исключительно впрочемъ, а съ примѣненіемъ дополнительныхъ положеній императорскаго леннаго права. Въ сущности эти статуты составляли члены городскаго совѣта, а епископы, въ большинствѣ случаевъ, только утверждали ихъ. Такіе епископы пользовались и исключительными богатствами отъ своихъ вассальныхъ городовъ. Въ XIII вѣкѣ они встрѣчаются рѣдко; это—явленіе болѣе ранней эпохи. Ихъ экономическій бытъ при Иннокентіѣ III сложился на каноническихъ основаніяхъ, сдѣлавшихся общими; средства ихъ существованія состояли въ доходахъ съ паствы. Эти доходы можно раздѣлить на чрезвычайные и обыкновенные. Первые — состояли изъ земель, которыя дарились Церкви на поминъ души; епископы пользовались ими на правахъ собственности; съ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы назначались на хозяйство епископа, съ другихъ на его столъ. Сбереженія изъ нихъ составляли сокровища церквей; епископы извлекали изъ такихъ земель еще бо̀льшія выгоды, чѣмъ свѣтскіе владѣтели; напримѣръ, во время общаго интердикта они снимали отлученіе съ нѣкоторыхъ лицъ за извѣстную сумму. Противъ этого обычая сильно возставалъ Иннокентій III ([1]). Случалось, что епископскія земли находились въ чужой епархіи.

Каноники. Непосредственное отношеніе къ народу имѣли каноники. Ихъ организація была создана еще блаженнымъ Августиномъ. Они дѣлились на три степени: священниковъ, діаконовъ и иподіаконовъ. Они составляли совѣтъ своего епископа, подобно тому какъ кардиналы, тоже трехъ степеней, были совѣтниками папы. Архидіаконы же, образовавшіеся въ XII вѣкѣ изъ „episcopi regenarii“, были епископскими блюстителями за клиромъ, а одинъ изъ старшихъ настоятелей занималъ должность епископскаго викарія. Съ постепеннымъ развитіемъ богатствъ и силы церковной росла численность мелкаго духовенства. Въ XI вѣкѣ въ Миланѣ насчитывалось 24 священника, 7 діаконовъ, 7 иподіаконовъ, нѣсколько нотаріусовъ церковныхъ, 28 пис-

([1]) Напр. въ Regestorum (I, 181) находимъ: «Indulgemus etiam vobis ut, si quando homines monasterii vestri vinculo tenentur excommunicationis astricti, pro eorum absolutione praefatus episcopus vel quilibet alius potestatem non habeat pecuniam extorquendi». Migne; CCXIV, 163.

цовъ, 16 старостъ изъ лучшихъ фамилій города. Въ Сенъ-Клермонѣ самъ Иннокентій III признавалъ необходимымъ 40 канониковъ, а въ Блуа 80. Лучшіе изъ папъ старались уравнять число духовныхъ съ доходомъ, чтобъ устранить излишнее обогащеніе; епископы не противились тому. Папы присылали часто своихъ канониковъ, на основаніи такъ-называемыхъ reservationes или provisiones. Еще во время борьбы за инвеституру иныя церкви обращались къ папѣ за указаніемъ достойныхъ лицъ. Адріанъ IV первый сталъ самъ присылать канониковъ. Когда епископы стали было сопротивляться, то Александръ II высказался категорически. Иннокентій III въ 1210 году объявилъ прямо, что въ силу его власти онъ можетъ назначить надежнаго и хорошо послужившаго клирика на всякую свободную бенефицію, гдѣ бы она ни была. Но Иннокентій III всегда давалъ мѣста людямъ способнымъ, ученымъ и примѣрной нравственности; потому-то его система проявлялась благотворно, ибо устраняла всякую симонію, тогда какъ его преемники, нуждаясь въ средствахъ, стали злоупотреблять своею властью. Матвѣй Парижскій записалъ подъ 1240 годомъ, какъ 300 итальянскихъ клириковъ были присланы тремъ англійскимъ епископамъ, потому что они купили свои мѣста въ папской канцеляріи. Потому въ 1251 г. парламентъ издалъ постановленіе, устранявшее назначеніе изъ Рима на духовныя мѣста въ Англіи. Прежде сама Церковь ратовала противъ такой постыдной торговли; при Иннокентіѣ III о ней не было слышно. Понятно, когда торги открылись въ самомъ средоточіи церковной власти, то некому было „опрокидывать столовъ съ деньгами“. Между тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возрасталъ произволъ папъ. Авиньонскіе папы пріобрѣли въ этомъ отношеніи „plenam et liberam auctoritatem“, которая простиралась на всѣ церковныя должности и званія. Булла „Execrabilis“, обнародованная Іоанномъ XXII въ 1317 году, открыла общую продажу должностей. Между сотнями епископовъ, тогда, по словамъ современника, былъ развѣ одинъ, про котораго можно было сказать, что онъ пріобрѣлъ свое званіе достойнымъ образомъ.

Доходы духовенства.

Обыкновенно доходы епископовъ состояли изъ четвертой доли сбора десятинъ съ земель, приписанныхъ къ церквамъ, такъ какъ всякая десятина дѣлилась между каѳедраломъ, его

причтомъ, бѣднымя и епископомъ ([1]); ему же шла четвертая доля всѣхъ стороннихъ пожертвованій церквамъ, если завѣщатель не опредѣлялъ ему большаго особымъ распоряженіемъ. Въ знакъ зависимости отъ епископа, каждый приходъ платилъ ему небольшую подать (synodaticum); кромѣ того всякій пріѣхавшій представляться епископу платилъ на украшеніе его храма, а при ревизіяхъ приходъ долженъ былъ довольствовать епископа припасами. Епископъ въ свою очередь, удѣливъ долю архіепископу, платилъ куріи ([2]). Интересно опредѣлить цифрами богатства епископовъ. Замѣтимъ прежде, что въ то время цѣнность монеты приблизительно была не менѣе какъ въ пять разъ выше нынѣшней: это опредѣлялось въ частности экономическимъ развитіемъ страны; о точныхъ и опредѣлительныхъ цифрахъ, за отсутствіемъ указаній, конечно, нельзя и думать. Епископъ въ Тулѣ, напримѣръ, считался богачемъ при 1.000 ливровъ; чтобы усвоить эту цѣнность, надобно замѣтить, что, напримѣръ, однажды Иннокентій III роздалъ 17 ливровъ на 1.300 человѣкъ нищихъ ([3]). Иннокентій впрочемъ считалъ для епископа всегда достаточнымъ 30 ливровъ, и это онъ давалъ въ пенсію тулузскому епископу. За то въ богатой Италіи простой священникъ получалъ 1.000 ливровъ изъ доходовъ веронскаго епископства только въ пенсію. Иннокентій иногда вдвое увеличивалъ причтъ, чтобъ соразмѣрять доходы каждаго лица отдѣльно. Въ Англіи ежегодный доходъ долженъ былъ доходить до 10 ф. стерлинговъ въ мѣсяцъ. Тамъ, при слабости экономическаго развитія, только духовенство и пользовалось преимуществомъ, а указанная цифра была minimum для приличнаго обезпеченія. Іоркскія богатства составляли исключеніе; въ концѣ XII вѣка въ Іоркскомъ монастырѣ насчитывалось нѣсколько пудовъ серебряныхъ сосудовъ, 300 золотыхъ и 11.000 старыхъ серебряныхъ монетъ. Такія же условія были въ Даніи. Архі-

([1]) Regest. V, 5.

([2]) Плата за требы здѣсь была замѣчательно высокая. Разъ, на похоронахъ одного владѣтельнаго синьора, духовныхъ наградили слѣдующимъ образомъ: епископамъ по 100 лиръ, аббатамъ по 60, пріорамъ по 40, священникамъ до 20 л., простымъ клирикамъ по 2 л. (Cibrario, Economia pol. del medio evo; III, 338).

([3]) На долю каждаго пришлось 3 динарія, слѣдовательно, въ ливрѣ или фунтѣ считалось 230 динаріевъ—французскихъ «deniers».

епископъ лунденскій имѣлъ въ срединѣ XIII вѣка 8.000 золотыхъ флориновъ. За то нѣкоторыя епископства были очень бѣдны. При Александрѣ III на соборъ прибыли два шотландскіе епископа; у одного была только верховая лошадь, у другаго былъ только слуга. Одинъ ирландскій епископъ, при общемъ хохотѣ своихъ итальянскихъ и англійскихъ товарищей, разсказывалъ, какъ все его богатство состояло изъ двухъ коровъ, которыхъ даже и прокормить было нечѣмъ. Взоры епископовъ часто обращались на монастыри, которые они изъяли изъ вѣдѣнія строителей и брали себѣ; помѣстные соборы противились этому. Въ Утрехтѣ рѣшили, что если епископъ по востребованіи не возвратитъ похищеннаго черезъ двѣ недѣли, то всѣ церкви могутъ соединиться противъ него и жаловаться архіепископу и даже прямо папѣ.

Подобно епископскимъ, доходы священниковъ также были чрезвычайные и обыкновенные. Къ первымъ причислялись плата за требы и пожертвованія на церковь или личность: въ случаѣ смерти священника безъ завѣщанія, его имущество переходило къ церкви, при которой онъ служилъ. Доходы обыкновенные состояли изъ десятинъ, земельнаго оброка и натуральныхъ повинностей; иногда источники расходовъ были очень оригинальны. Такъ Фридрихъ II отдалъ палермскому собору въ распоряженіе всѣхъ евреевъ, для сбиранія съ нихъ денегъ, что̀ составляло особую привилегію этого собора. Чѣмъ церковь была старѣе, тѣмъ обширнѣе были ея доходы; иныя же едва могли существовать. Палермскій соборъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ; доходъ его деньгами простирался до 30 тысячъ тариновъ; о цѣнности этой суммы можно судить по тому, что при всей роскоши торжественнаго богослуженія въ большіе праздники, оно обходилось въ 200 тариновъ и что по 30 тысячъ тариновъ Констанція обязалась вносить Иннокентію III, какъ опекуну малолѣтняго Фридриха. Церковь получала свои деньги помѣсячно изъ городскихъ доходовъ; кромѣ того, натурою 200 salmi ржи и 70 ячменя—съ городскихъ и 100 s. ржи и 30 ячменя—съ королевскихъ десятинъ, а также отъ двора 200 бочекъ сладкаго и 100 бочекъ крѣпкаго виноградпаго вина. Какія богатства сосредоточивались вообще въ рукахъ духовенства, можно судить по тому, что въ Англіи изъ 60.215 ленныхъ участковъ на долю церквей приходилось 28.015. Съ богатствомъ духовенства связано было матеріальное обезпеченіе папы. Значительная часть суммъ,

проходя черезъ руки епископовъ и архіепископовъ, достигала и Рима, гдѣ, составляя долю папской казны, содѣйствовала извѣстнымъ образомъ успѣху теократическихъ цѣлей.

Папскій бюджетъ.

Для изученія папскаго бюджета въ XII вѣкѣ мы имѣемъ прекрасный источникъ въ трудѣ кардинала Ченчіо, составленномъ въ 1192 году, при папѣ Целестинѣ III, подъ заглавіемъ: *Liber censuum Romanae Ecclesiae a Cencio Camerario compositus secundum antiquorum patrum regesta et memorabilia diversa* [1]. Папы съ давнихъ поръ вели подобные счеты: тамъ помѣщались списки церквей, монастырей, дворовъ, замковъ, городовъ, земель, баронствъ, бывшихъ въ непосредственной зависимости отъ Римской Церкви. Въ нихъ часто приходилось дѣлать измѣненія, такъ какъ нѣкоторыя вассальства составляли отдѣльныя области, преимущественно въ Италіи, и въ то же время прибывали новыя владѣнія въ церквахъ, монастыряхъ, графствахъ, большихъ городахъ, славныхъ богатствами, какъ Монпелье при Иннокентіѣ III и Марсель при Григоріѣ IX. На это обстоятельство указываетъ Ченчіо,—родственникъ, и вѣроятно, казначей папскій,—какъ на поводъ къ составленію полной и новой редакціи счетной книги. Она описываетъ папскую казну именно въ то время, которое подлежитъ нашему изложенію, и регистры ея были приняты за основу дальнѣйшихъ работъ по этой части, благодаря удобству системы и богатству матеріаловъ, коими пользовался авторъ. Ченчіо дѣлитъ всѣ епископства на платящія и не платящія въ папскую казну. Всѣхъ католическихъ архіепископствъ и епископствъ составитель насчитываетъ въ свое время 633; изъ нихъ платящихъ было 330; многія вносили плату натурой. Трибуты съ однихъ были опредѣлены вѣчные, съ другихъ временные, съ третьихъ чрезвычайные: все зависѣло отъ отдаленности мѣста, отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ условій страны. Нѣкоторые церкви и монастыри были обложены предметами, необходимыми для богослуженія въ папскихъ базиликахъ; иныя земли поставляли 18 фунтовъ ладана и 110 фунтовъ воска, чѣмъ и ограничивался доходъ съ нихъ. Папы часто раздавали принадлежавшіе имъ

(1) Помѣщено въ лат. изд. Muratorius, Antiquitates italianae medii aevi (Mil. 1738—42), t. V, p. 851—910 съ спеціальнымъ изслѣдованіемъ издателя по этому вопросу; V, 797. Послѣднее изсл. Woker. Das Kirchliche Finanzwesen der Päpste (Nördl. 1878). Въ приложеніи перепечатана книга обложеній съ изд. 1520 г., которая велась въ папской канцеляріи.

въ разныхъ частяхъ Европы феоды за извѣстную сумму; это значилось также въ числѣ особыхъ доходовъ. Такъ графу Овернскому курія дала въ аренду замокъ d' Ussom съ окрестностями за унцію золота (2 лота); на этомъ же основаніи графы Неверскіе и принцы Оранскіе были одно время вассалами Церкви. Многіе, особенно въ Провансѣ во время альбигойскихъ войнъ, добровольно отказывались отъ своихъ владѣній въ пользу Церкви, чтобы спасти только землю отъ разоренія, и послѣ получали домены снова; такой оборотъ доставлялъ большія выгоды; ради покровительства Рима не жалѣли денегъ, потому что папское господство было самое удобное для вассаловъ. Замѣчательно, что въ эпоху Иннокентія III подать вездѣ является, какъ даяніе добровольное, не Римомъ опредѣляемое; отъ того такая разница въ суммахъ. Церкви чешскія, польскія, ирландскія вовсе ничего не платили. Странно, что богатые монастыри также уклонялись отъ взносовъ, какъ, напримѣръ, знаменитое Вестминстерское аббатство, а монастырь св. Діонисія во Франціи только въ концѣ XIII вѣка сталъ вносить по одной унціи золота. Въ регистрѣ показано всего 375 платящихъ монастырей, преимущественно итальянскихъ. Датскіе монастыри вовсе не дѣлали взносовъ, хотя были довольно обезпечены; такую же привилегію имѣли монастыри картезіанскаго ордена. Нельзя опредѣлить всю сумму сбора съ церквей и монастырей, ибо она выражалась мѣстными монетами каждой страны, ключъ къ опредѣленію цѣнности которыхъ теперь потерянъ въ большинствѣ случаевъ, да и сумма эта не была особенно значительна.

У папъ были самые разнообразные финансовые источники; всякая статья дохода предназначалась на извѣстныя потребности. Такъ папскія кабинетныя деньги получались съ римскаго собора св. Петра; папа могъ, сверхъ того, располагать всѣми драгоцѣнностями этого собора въ вещахъ и монетѣ. Если онъ лично служилъ литургію въ соборѣ, то получалъ за это 3 ливра и 4 бутылки дорогаго краснаго вина; когда онъ говорилъ одну вечерню, то получалъ только 2 ливра, то-есть, около 25 солидовъ (solidus — унціи сер. = 20 динаріямъ). Иннокентій III не бралъ ничего, а отдавалъ свою долю бѣднымъ и нищимъ. Кромѣ того папа получалъ въ періодъ времени между днями св. Григорія и Пятидесятницы (съ февраля по іюнь мѣсяцъ) по 12 динаріевъ въ сутки.

Собственно государственные доходы съ Церковной области извѣстны менѣе всего. Деревни и города Сполетскаго герцогства были обложены 1.080 ливрами и 1.038 солидами и еще нѣсколькими другими поборами. Съ Сабины получалось 154 ливра и 10 солидовъ; съ иныхъ мѣстъ шли только припасы; другихъ указаній въ этомъ родѣ нѣтъ. Какъ государь, папа содержалъ на своей счетъ гарнизоны въ нѣкоторыхъ городахъ области и строилъ съ этою цѣлью свои замки, укрѣпленные башнями и бойницами. Почти всѣ католическія государства вносили ежегодную подать въ Римъ, считая это тѣмъ же дѣломъ благочестія, какимъ было, съ ихъ стороны, построеніе церквей и монастырей. Между ними были такія, властители которыхъ приносили папѣ присягу за себя и народъ свой, становясь тѣмъ совершенно въ подданническія отношенія. Англія еще со времени Ины Вестсекскаго платила дань Риму, и тогда каждый домъ вносилъ на это динарій подъ видомъ поддержанія англійской церкви, сооруженной въ Римѣ; при Оффѣ требовалось уже по 30 динаріевъ, такъ что ежегодный платежъ доходилъ до 300 марокъ,—суммы громадной по тому времени, составлявшей нѣсколько пудовъ золота (¹). Генрихъ II обѣщалъ вносить и за Ирландію. При Иннокентіѣ III эта регулярная дань, главный источникъ папскихъ капиталовъ, дошла до 1.000 марокъ. Данія со времени Канута Великаго присылала деньги непосредственно папѣ; этотъ сборъ сдѣлался послѣ обязательнымъ для всѣхъ епископовъ, которые передавали суммы черезъ лунденскаго архіепископа. Адріанъ IV, еще будучи кардиналомъ, обязалъ къ тому же Норвегію и Швецію, въ знакъ единенія съ Римскою Церковью. Гуртеръ приблизительно опредѣляетъ доходъ со всей Скандинавіи въ 300 марокъ, но эта сумма кажется слишкомъ большой для этой земли. Григорій VII пытался подобнымъ же образомъ воспользоваться Франціей и Кастиліей, указывая первой на примѣръ Карла Великаго, а послѣдней,—и вообще государствамъ Пиринейскаго полуострова,—на свое содѣйствіе къ изгнанію магометанъ, но успѣха не имѣлъ. Аррагонія же при Иннокентіѣ III сама подчинилась Риму и стала вносить 250 золотыхъ оболовъ. Мелкія государства сами искали покровительства Рима, ибо

(¹) Еще въ 1213 году марка стоила отъ 5 до 30 солидовъ, а во Франціи до 1305 г. = 55 sols 6 deniers, или $50^1/_2$ франкамъ.

посредствомъ его избавлялись отъ притѣсненій могущественныхъ сосѣдей; такъ было со Стефаномъ венгерскимъ, который впрочемъ былъ освобожденъ отъ платы, и съ Давидомъ шотландскимъ. Съ нѣкоторыхъ государствъ поборы были только номинальны; такъ Польша заплатила всего 4 марки въ три года (¹); графъ барцелонскій 25 серебряныхъ ливровъ въ 5 лѣтъ; Альфонсъ I португальскій внесъ за титулъ короля всего 2 марки золотомъ. Въ совершенно иныя отношенія къ папамъ было поставлено королевство Неаполитанское. Оно было обложено сборомъ по большей части доходныхъ статей, главнымъ же образомъ съ тягла, что составляло 12 тысячъ денаріевъ съ острова Сициліи и 1.000 золотыхъ монетъ съ Апуліи. Ченчіо не даетъ итога валоваго дохода папскаго, такъ какъ въ то время въ столицѣ западнаго міра были въ ходу всевозможныя деньги. Во всякомъ случаѣ средства были достаточны для того, чтобы Иннокентій III а также IV могли вести свои обширныя предпріятія и крестовыя войны, поддерживать свои партіи въ разныхъ странахъ, для чего золото требовалось независимо отъ духовнаго авторитета, содержать наемниковъ въ Церковной области и расширять ее. Опредѣлить подробно каждую статью расхода нельзя; извѣстно, что большія суммы сберегались въ Римѣ, хотя много шло на дѣла благотворенія. Преемники Иннокентія III не довольствовались своими богатствами. Иннокентій IV, увлеченный борьбою съ Гогенштауфенами, ввелъ новые рессурсы, не совсѣмъ законные; они же и послужили послѣ предлогомъ къ взрыву негодованія въ разныхъ странахъ католической Европы. Папы конца XII вѣка и позднѣйшіе стали раздавать аннаты, то-есть право на доходы съ вакантныхъ мѣстъ въ продолженіе одного года, стали продавать индульгенціи за грѣхи и обѣты. Они за деньги готовы были дѣлать исключенія изъ каноническихъ правилъ. Увеличивая плату за посвященіе епископовъ и аббатовъ, они въ то же время издерживали въ интересахъ Церкви и своего честолюбія громадныя суммы на крестовые походы. Они рѣшались на поступки весьма темнаго свойства; но все это постигло Римскую Церковь съ конца XIII вѣка, возрастая прогрессивно (²). Послѣ Иннокентія III, Церковь продолжаетъ

(¹) Inn. III Epist. XIV, 44; въ «liber censuum» по ошибкѣ переписчика показано 4 тысячи.

(²) Acosta. Hist. de l'origine et du progrès des revenues ecclès. 1874.

еще стоять нѣкоторое время на нравственной высотѣ; но въ половинѣ XIII вѣка уже обнаруживаются признаки паденія. Это можно узнать изъ цитованной росписи доходовъ, въ которомъ впрочемъ еще не значатся источники, послужившіе впослѣдствіи главнымъ обвиненіемъ противъ папства. Но по мѣрѣ того, какъ совершаются измѣненія въ римской финансовой системѣ, самое папство начинаетъ клониться къ паденію. Постоянно требуя денегъ на цѣли чисто мірскія и даже личныя, папы съ высоты идеала спустились въ житейскія дрязги и дали возможность народамъ отнестись къ себѣ съ тѣмъ скептицизмомъ, которое выработалъ тогда духъ вѣка. Самый бытъ духовенства, которое, смѣло можно сказать, при Иннокентіѣ III стояло въ большинствѣ на должной высотѣ, теперь измѣнился. Съ возрастаніемъ папскихъ доходовъ увеличились финансовые источники духовенства вообще. Отражая на себѣ духовное состояніе общества, оно подчинилось невольно тому духу новизны, который готовился повѣять въ этомъ обществѣ, такъ какъ средневѣковыя формы были уже доведены до высшаго развитія. Монастыри, епископы, священники не могли уже получить ни нравственной крѣпости, ни примѣровъ чистоты въ жизни оттуда, гдѣ полвѣка тому назадъ всѣ почерпали высокій образецъ историческаго подвига и строгаго жизненнаго благородства. Живительный прогрессъ теперь уже покидалъ стѣны Рима; его придется искать въ противоположномъ лагерѣ; онъ на сторонѣ протестующихъ. Церковь побѣдила, но проиграла свое счастье; идеи враждебныя теократіи были временно побѣждены, но въ слѣдующихъ вѣкахъ онѣ восторжествовали въ исторіи. Дѣло альбигойцевъ, неправое въ глазахъ Иннокентія III, стало пониматься иначе, а несчастные мученики Прованса, послуживъ живымъ укоромъ папству за убѣжденія, посрамили Римъ своимъ подвигомъ.

Монастыри. Главная опора нравственнаго авторитета Рима заключалась часто въ монастыряхъ; когда упадали они, начиналось и нравственное паденіе Рима. Такъ-называемая иноческая жизнь, въ какой бы вѣкъ и въ какой бы религіи она ни проявлялась, по существу своему должна быть лучшимъ отраженіемъ жизни общественной; она можетъ служить пульсомъ послѣдней. Въ монастырь удаляется то, что̀ ищетъ духовныхъ подвиговъ; тамъ успокоиваются страсти; тамъ живутъ

дружно и ученый, и воинъ, и нищій, и богачъ. Въ то бурное время нигдѣ нельзя было найти себѣ болѣе спокойнаго пріюта, какъ только въ стѣнахъ монастырскихъ, гостепріимно открывавшихъ свои кельи всякому безъ различія возраста и происхожденія. Монастыри созидались на мощахъ святыхъ; тѣ варвары, для которыхъ не было ничего святаго въ мірѣ, съ благоговѣніемъ проходили мимо воротъ монастырскихъ. При такихъ условіяхъ монастырь могъ служить отраднымъ пріютомъ образованности; тамъ бережно хранились памятники классической литературы; въ монастырскихъ стѣнахъ росла средневѣковая наука, при всей ограниченности своей, единственное умственное достояніе эпохи; обители приготовили тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось отчасти Возрожденіе. Въ нихъ же оберегались идеалы нравственной чистоты и истинно-серьезнаго отношенія къ жизни; ихъ примѣрами прививалось христіанство въ тѣхъ странахъ, гдѣ распространилось болѣе или менѣе случайно. Цивилизующее значеніе монастыря прекрасно характеризовалъ Дрэперъ: „Путь къ цивилизаціи — говоритъ онъ — былъ указанъ сельскому классу Европы главнымъ образомъ монастырями. Религіозные обряды и подвиги милосердія; суровая жизнь братьевъ; ихъ воздержность въ пищѣ; ихъ бѣдная одежда, самая дешевая въ странѣ, гдѣ они жили; ихъ выстриженныя головы или капишонъ, скрывавшій отъ глазъ грѣховные предметы; длинная палка въ ихъ рукахъ; ихъ голыя ноги; ихъ путешествія вдвоемъ, при чемъ каждый былъ блюстителемъ другаго брата; запрещеніе ѣсть внѣ стѣнъ монастыря, который имѣлъ свою собственную мельницу, свою пекарню и все, что нужно было для умѣреннаго домашняго хозяйства; ихъ безмолвное гостепріимство относительно путниковъ, которые находили отдохновеніе въ особыхъ комнатахъ; земля около ихъ построекъ, обращенная изъ пустыни въ садъ, и всего больше — трудъ, возвышенный и облагороженный ихъ святыми руками и безбрачіе навсегда, въ глазахъ простаго народа служившее доказательствомъ удаленія отъ міра и жертвы небу,—всѣ эти вещи привлекали вниманіе европейскихъ варваровъ и вели ихъ къ цивилизаціи.... Съ помощью досуга, доставленнаго имъ богатствами, западные монастыри произвели много людей, занимавшихся литературой, и сохранили для насъ литературные остатки древнихъ временъ. Счастливый былъ тотъ день, когда монахъ отъ плетенія цыновокъ обратился къ списыванію

рукописей; счастливый день, когда онъ началъ составлять тѣ благородные гимны и музыкальныя молитвы, которые будутъ жить всегда. Изъ величаво-погребальнаго „Dies irae“ звучитъ высокая поэзія даже въ монашеской латыни. Постоянныя движенія монашескихъ орденовъ дали жизнь Церкви. Протестантъ соглашается, что Реформація была совершена рѣшительнымъ монахомъ“ (1). Жизнь монастырская не требуетъ аскетизма, который, будучи крайностью, является не надолго лишь какъ реакція послѣ паденія прежнихъ идеаловъ. Аскетизмъ христіанскій проявляется рѣдко въ исторіи и въ самой меньшей степени — въ германской. Бенедиктинскій орденъ, при своемъ основаніи, имѣлъ довольно суровыя задачи, но потомъ онъ измѣнилъ свои цѣли; никакое общество не оказало столько услугъ дѣлу цивилизаціи и образованія, какъ члены этого ордена взятые вмѣстѣ. Доминиканцы и францисканцы задались такою же задачею, но, какъ извѣстно, скоро измѣнили ее въ интересахъ прозелитизма: первые распространяли католицизмъ словомъ, вторые—примѣромъ. Самые картезіанцы и траписты, которые болѣе всего посвятили себя подвижничеству, не строго относились впослѣдствіи къ своему идеалу. Опираясь на ту исходную мысль, что исторія монашества отражается на исторіи общественной нравственности, и что въ свою очередь она находится въ тѣсной связи съ состояніемъ духовенства вообще, мы должны обратиться къ этой сторонѣ католицизма (2). Прослѣдивъ въ сжатомъ очеркѣ исторію монашескихъ орденовъ, мы остановимся на знаменитыхъ братствахъ XIII вѣка.

Монашескіе ордена: *Бенедиктинцы.*

Начало монашескаго общежитія идетъ съ Востока. Египетъ былъ особенно богатъ явленіями этого рода; тамъ, всякій жизненный подвигъ направлялся къ борьбѣ съ подавляющею, но соблазнительно чувственною силою природы. Изъ пустынь Ѳиваиды монашество проникло въ Италію. Въ лѣсахъ, около пещеръ, прославленныхъ чудодѣйственными подвигами анахорета, возникали монастыри, благоговѣйно хранившіе останки

(1) Ист. умств. разв. Европы въ пер. А. Н. Пыпина (1 р. изд. 1866): I, 363.

(2) По настоящее время самымъ полнымъ пособіемъ къ исторіи монашества остается обширный трудъ: Helyot, Histoire des ordres monastiques religieux et militaires. 8 v., P. 1715. Изъ новыхъ: Montalembert, Des moines de l'Occident depuis St. Benoit jusqu'à St. Bernard, 2 vols. 1860.

своихъ основателей. Подражая въ жизни подвижникамъ этихъ мѣстъ, монахи отказывались отъ удовольствій, имуществъ, преодолѣвали чувство голода, жажды и истомленія. Когда такіе примѣры оказывались плодотворными, то находились люди въ родѣ Василія, епископа Кесарійскаго (*Базиліанскій орденъ*, 370 года), которые связывали узами однихъ и тѣхъ же правилъ монастыри, разбросанные въ разныхъ предѣлахъ и странахъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и знаменитый Бенедиктъ, родомъ изъ Нурсіи (480 до 543 г.), оставившій наслажденія жизни въ ту эпоху всеобщаго запустѣнія и разложенія, которая ознаменовалась переходомъ древняго міра въ средневѣковой. Въ Римѣ онъ посвятилъ себя наукамъ, а потомъ, въ горныхъ ущельяхъ Симбрунскихъ (на берегахъ р. Аніо), отшельничеству. Его монастырь, устроенный въ 529 году послѣ долгаго подготовленія со стороны основателя, послужилъ первообразомъ римско католическихъ монастырей. Онъ былъ построенъ въ Кампаніи, на Monte-Cassino; имъ открывается богатая исторіи *Бенедиктинскаго* ордена ([1]). Въ IX вѣкѣ былъ пересмотрѣнъ его уставъ; члены ордена обязывались только достойною и мудрою жизнью (vitae merito et sapientia abbas eligatur). Въ монастырѣ было прекрасное убѣжище для всего, что выдавалось умомъ и руководилось честностью жизненныхъ правилъ. Этотъ орденъ породилъ изъ себя много другихъ, слагавшихся подъ стремленіемъ возвратить разложившуюся отъ времени конгрегацію на истинную дорогу, указанную ей основателемъ.

Клюнійцы.

Въ X столѣтіи въ Бургундіи, близь Макона, въ нынѣшнемъ департаментѣ Saône et Loire, возникъ знаменитый *Клюнійскій* монастырь, аббаты котораго въ періодъ темныхъ вѣковъ играли большую роль, чѣмъ короли французскіе. Монастырь основанъ былъ Бернономъ, но организацію далъ ему Одонъ, бывшій аббатомъ съ 927 по 942 годъ. Его цѣлью было обновленіе общества живымъ примѣромъ умѣренной и плодотворной жизни. По этому образцу возникли прочіе клюнійскіе монастыри во Франціи, Германіи и Италіи. Вспомнимъ, что изъ римскаго клюнійскаго монастыря (S. Paolo fuori le mure) вышелъ Гильдебрандъ. Благодаря чистотѣ

([1]) **Mabillon.** Annales Ordinis S. Benedicti. P. 1700—53, 4 fol. и его же изд. жизнеописаній святыхъ изъ этого ордена въ 9 fol.

жизни своей, настоятели Клюньи дѣлаются къ концу X вѣка судьями государей западной Европы. Одилонъ былъ изъ числа знаменитыхъ аббатовъ этого монастыря (отъ 993 до 1047 года); онъ далъ ордену и его учрежденіямъ рѣшительное направленіе. Въ XII вѣкѣ клюнійскому аббату Петру Почтенному было подчинено до тысячи монастырей, такъ что настоятель получилъ епископскія права. Въ Клюньи соединялись удобства жизни съ служеніемъ духу. Этотъ монастырь смотрѣлъ не обителью, а небольшимъ городкомъ.

Въ Германіи монастырю Клюньи соотвѣтствовалъ бенедиктинскій Санъ-Галленскій монастырь, анналы котораго весьма извѣстны въ средневѣковой исторіографіи. Планъ этого монастыря сохранился; онъ относится къ 820 году (1). Благодаря этому плану, мы можемъ представить себѣ внѣшность учрежденія, еще болѣе разбогатѣвшаго въ позднѣйшее время. Въ серединѣ обширнаго двора возвышалась церковь съ мощами святаго; къ ней примыкали кельи монаховъ, библіотека, внутренняя школа для послушниковъ, кладовыя, необходимыя мастерскія и огромная столовая съ общею залою для совѣщаній; все это было обнесено рѣшеткою. Но цѣлый міръ самой разнообразной дѣятельности скрывался за этою оградою. Дворецъ настоятеля имѣлъ свое отдѣльное хозяйство съ особымъ дворомъ, далѣе была обширная школа для прихожанъ, страннопріимный домъ въ родѣ гостинницы для путешественниковъ и посѣтителей мірскихъ и духовныхъ; далѣе больницы, а при нихъ аптека съ квартирою врача изъ монаховъ. Еще дальше помѣщались мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, иконописныя, ювелирныя, оружейныя, сѣдельныя и др. Всѣмъ занимались монахи, для помѣщенія которыхъ отводилась только рабочая комната и небольшая келья. Наконецъ шли принадлежности обширнаго хозяйства: конюшни, людскія, амбары, пивоварни, кладовыя, птичники, ботаническій и аптекарскій сады, огороды, овощами которыхъ довольствовался весь этотъ городокъ, а тамъ вглубь уходилъ церковный погостъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и фруктовымъ садомъ. Всѣ зданія и отдѣльныя строенія были раздѣлены небольшими улицами и тропинками, изгородями или стѣнами. Весь этотъ міръ тружениковъ былъ хранителемъ наукъ, ремеслъ, а иногда и памятниковъ литературы и поэзіи. Снаружи ихъ

(1) Изданъ Келлеромъ въ 1844 году.

пріютъ представлялъ замкнутый четыреугольникъ, обнесенный сперва частоколомъ и рвомъ, а позже стѣнами и башнями, именно съ тѣхъ поръ, какъ кулачное право не стало щадить и этихъ пріютовъ міра.

Значеніе и заслуги монастырей опредѣляются цифрами дѣятелей бенедиктинскаго ордена. То вліяніе, какое имѣлъ этотъ орденъ, выразилось ко времени Констанскаго собора внушительными цифрами. Изъ его среды вышло 35 папъ, 200 кардиналовъ, 1.164 архіепископа, 3.512 епископовъ, безчисленное множество писателей, тысячи монаховъ и монахинь (¹). Почти всѣ владѣтельныя особы Запада, короли, королевы и императрицы считали за честь записываться въ это громадное, безпримѣрное общество, изъ котораго 55.460 человѣкъ было канонизовано за святую жизнь и заслуги Церкви. Изъ этой среды вышло множество ученыхъ людей, пріобрѣвшихъ извѣстность на томъ или другомъ поприщѣ, какъ напримѣръ, Рабанъ въ Германіи и Алкуинъ во Франціи, какъ Діонисій Малый съ своимъ календаремъ, Гвидо д'Ареццо съ нотною азбукой, замѣнившею неудобный греческій уставъ. Бенедиктинцами пополнялись силы католицизма, изъ этой среды получившаго проповѣдниковъ до учрежденія доминиканскаго ордена. Большинство изъ нихъ занималось литературною работой, слѣдуя главному пункту орденскаго устава, укрѣпившемуся обычаемъ. Турскій аббатъ, 90-лѣтній баварецъ Виктердъ, полуслѣпой, слабою рукой дописывалъ свою предсмертную рукопись, сидя за которой скончался. Только въ бенедиктинскихъ монастыряхъ можно было встрѣтить въ эту эпоху развитыхъ женщинъ, въ родѣ извѣстной Гросвиты, племянницы императора Оттона I, обитавшей въ саксонскомъ королевскомъ монастырѣ близь Гандерсгейма. Надобно впрочемъ прибавить, что въ большинствѣ случаевъ эти монастыри носили аристократическій характеръ, наполняясь преимущественнно высшимъ сословіемъ; этимъ отчасти объясняется ихъ направленіе, чуждое аскетизма и христіанскаго подвижничества, предаваться которому начали съ особенною ревностью минориты-францисканцы, уже въ XIII столѣтіи. Монастыри располагали большими суммами, и слѣдуя уставу, значительную долю ихъ удѣляли на собираніе рукописей, кото-

(¹) См. G. Freytag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit; въ русскомъ переводѣ—Картины средневѣковой жизни. М. 1868, стр. 222.

рыми такъ богаты бенедиктинскія библіотеки; традиціонное трудолюбіе и любовь къ книгамъ перешли на отдаленныя поколѣнія бенедиктинскихъ монаховъ ([1]).

Камальдолы. Когда въ обществѣ возникли новыя духовныя потребности, то въ XI вѣкѣ явились три равно замѣчательныхъ ордена: итальянское братство *Камальдоліанцевъ* и возникшіе въ предѣлахъ Франціи *Картезіанскій* и *Цистерціанскій* ордена, созданные на строгихъ началахъ, отчасти сохранившихся и по настоящее время. Ромуальдъ изъ Равенны въ 1012 году построилъ первый камальдоліанскій монастырь въ дикой долинѣ Аппенинскихъ горъ, между Флоренціей и Ареццо, среди скалъ, покрытыхъ снѣгомъ впродолженіе двухъ третей года. Ромуальдъ происходилъ изъ владѣтельнаго герцогскаго дома; въ молодости онъ велъ бурную и развратную жизнь. Одно приключеніе на охотѣ и трагическое событіе въ семействѣ, когда одинъ изъ его родственниковъ былъ убитъ на дуэли его отцемъ, было причиной его душевнаго потрясенія и глубокаго раскаянія. Онъ не могъ остаться довольнымъ Монтекассинскимъ бенедиктинскимъ монастыремъ, въ которомъ главное вниманіе было обращено тогда на занятія литературныя, и собравъ монаховъ и мірянъ, склонныхъ къ аскетическимъ подвигамъ, пошелъ искать другаго убѣжища. Въ уставѣ камальдоліанскомъ первое время было запрещено пріобрѣтать научныя свѣдѣнія, которыя замѣнялись подвижничествомъ и отшельничествомъ ([2]). Вся пища по возможности ограничивалась кореньями и хлѣбомъ, что добывалось собственными руками даже людьми слабыми; питьемъ была только одна вода. Когда къ XIII вѣку орденъ сталъ уклоняться отъ прежнихъ суровыхъ правилъ, то пріоръ Плачидій († 1199 г.), а впослѣдствіи и самъ Иннокентій III, преобразовали уставъ, подчинивъ орденъ пріору д'Авизскаго монастыря (d'Avesa), который былъ утверждаемъ непосредственно папою.

Картезіанцы. Брунонъ изъ Кёльна въ 1086 году построилъ первый картезіанскій монастырь въ угрюмой долинѣ Chartreux, близь Гренобля. Здѣсь также господствовало аскетическое направ-

([1]) Ихъ гигантскія, изумительныя по трудолюбію, изданія памятниковъ по исторіи Церкви, а особенно по политической и литературной исторіи Франціи — безцѣнны по сіе время.

([2]) Жизнь св. Ромуальда описана кардиналомъ Петромъ Даміани въ Acta Sanctorum, подъ VII числомъ февраля.

леніе. Пища первыхъ братьевъ состояла только изъ хлѣба и кореньевъ; разговоръ допускался лишь въ крайнемъ случаѣ; умерщвленіе плоти, власяница, ночныя бдѣнія были обязательны. Картезіанцы пріобрѣли репутацію очень строгихъ монаховъ.

Цистерціанцы и св. Бернаръ. Цистерціанскій орденъ конца XI вѣка былъ реорганизаціей клюнійскаго ордена, сдѣланною св. Робертомъ въ 1098 году въ монастырѣ Сито (Cisterium, Citeaux), основанномъ близь Дижона, на суровыхъ правилахъ, такъ какъ бенедиктинцы и клюнійцы уже не удовлетворяли аскетизму, а послѣдній сталъ потребностью общества [1]. Св. Бернаръ особенно поддержалъ славу этого ордена, принявъ въ немъ непосредственное участіе. Онъ упрочилъ строгость его устава основаніемъ подвижническаго монастыря въ долинѣ Clairvaux, въ Бургундіи же (Claravallis, ясная долина). Личностью Бернара (1091—1153 г.), какъ ее изобразили намъ современники [2] характеризуется образъ жизни аскетовъ той эпохи. Бернаръ притупилъ свои чувства; воздержаніе сдѣлалось его природой; онъ не понималъ разницы въ пищѣ; онъ не отличалъ масла отъ воды. „Приступая къ ѣдѣ — говоритъ очевидецъ — Бернаръ, еще не садясь за столъ, насыщался уже одною мыслію объ яствахъ, а потому и шелъ къ столу, какъ на казнь; желудокъ его былъ такъ испорченъ, что онъ немедленно извергалъ ртомъ еще непереваренную пищу. Поглощенный весь духомъ, направляя свои упованія къ Богу, занятый лишь духовными упражненіями, Бернаръ видя не видѣлъ, слушая не слышалъ; вкушаемое не имѣло для него никакого вкуса и съ трудомъ какой-нибудь изъ органовъ чувственнаго восприятія доводилъ до его свѣдѣнія впечатлѣнія внѣшняго міра. Онъ прожилъ уже цѣлый годъ въ кельѣ послушниковъ, и выйдя оттуда, все еще не зналъ, былъ ли тамъ потолокъ, называемый обыкновенно сводомъ; ему случалось нерѣдко посѣщать помѣщеніе монаховъ, входить туда и

(1) Winter. Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands bis zum Auftreten des Bettelorden (G. 1868). — Janauschek. Origines Cistercienses, t. I. W. 1877.—О клюнійцахъ спеціальное соч. Pignot. Hist. de l'ordre de Cluny 909—1157 (3 vls. 1868).

(2) Монахъ Вильгельмъ до 1130 года, аббатъ Арнольдъ до 1140 и секретарь его, монахъ Готфридъ до 1153 въ общей Vita S. Bernardi, abbatis Claraevallensis primi въ Acta Sanctorum подъ 20-мъ августа (см. I, 570).— Neander. Der heilige Bernard. B. 1848. — Ratisbonne. Hist. de S. Bernard. P. 1842.

выходить, а онъ все-таки продолжалъ думать, что тамъ было одно окно впереди, между тѣмъ какъ ихъ было три. Подавивъ въ себѣ всякое любопытство, онъ не получалъ внѣшнихъ впечатлѣній, и если, случайно, приходилось ему взглянуть на что-нибудь, то занятый другими мыслями, онъ ничего не замѣчалъ" (¹).

Кармелиты. Изъ бенедиктинцевъ же вышли премонстраты въ 1120 году (близь Лана), разсѣявшіеся послѣ по Германіи, и кармелиты въ Палестинѣ (первымъ изъ коихъ былъ Брокардъ, въ концѣ XII вѣка). Число монастырей кармелитскихъ, мужскихъ и женскихъ, увеличилось, распространяясь по Европѣ, въ XIII вѣкѣ, когда Иннокентій III въ 1209 году утвердилъ орденскій уставъ, составленный Альбертомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, на началахъ демократическихъ.

Средства монастырей. Количество монаховъ часто ограничивалось законами; это было необходимо, особенно въ примѣненіи къ женскимъ монастырямъ, которые существовали лишь въ частныхъ видахъ, безъ религіозныхъ цѣлей. Такъ во Франціи Луи VII запретилъ имѣть въ Фармунтье болѣе 100 монаховъ, а Филиппъ II ограничилъ женскій Суассонскій монастырь 216 монахинями. Въ самомъ Клюньи обыкновенно бывало около 200; это немного по сравненію съ восточными монастырями, напримѣръ, константинопольскими, гдѣ бывало по 1.000 монаховъ. Матеріальныя средства монастырей были большею частью въ прекрасномъ состояніи; монастыри выдерживали цѣлыя войны, осады, какъ напримѣръ, Монте-Кассино, св. Діонисія, Клюнійскій. Къ монастырямъ приписывались земли, лѣса, деревни, мызы, церкви, часовни и разныя угодья. Такъ инымъ принадлежало до 200 церквей; аббаты имѣли по нѣскольку блестящихъ резиденцій. За то нѣкоторые монастыри страдали крайнею бѣдностью, такъ что одинъ англійскій аббатъ принужденъ былъ заложить еврею руку отъ св. мощей. Иннокентій III пользовался этимъ въ видахъ сокращенія монастырей, за крайнею бѣдностью и малочисленностью монаховъ. Онъ вообще не былъ расположенъ къ увеличенію орденовъ. Францисканскій и доминиканскій ордена возникли безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. На IV Латеранскомъ соборѣ, который былъ вмѣстѣ предсмертною апоѳеозою папы, въ 1216 году было постановлено: „Дабы отъ многообразія орденовъ не произошло замѣшательствъ въ Церкви Божіей, мы

(¹) Guillelmus. Vita S. Bernardi, c. 4. Acta Sanct. aug. IV, 268.

запрещаемъ впредь учреждать какой-либо новый орденъ. Если кто пожелаетъ поступить въ монашескій чинъ, пусть изберетъ одинъ изъ тѣхъ, которые уже существуютъ. Мы запрещаемъ также, чтобы одно и то же лицо считалось монашествующимъ въ разныхъ монастыряхъ, и чтобы одинъ аббатъ управлялъ разными монастырями". Но этому распоряженію не слѣдовала позднѣйшая Церковь. Ордена продолжали размножаться и послѣ августинцевъ, францисканцевъ и доминиканцевъ, возникшихъ въ XIII вѣкѣ (орденъ целестинскій въ 1264 году, іеронимиты въ 1373 году, паулины въ XV вѣкѣ, капуцины и іезуиты въ XVI вѣкѣ, мавры и трапписты въ XVII столѣтіи), хотя аскетизмъ францисканцевъ и невѣроятное увеличеніе монастырей миноритовъ, какъ скоро увидимъ, должно было бы удовлетворить стремленіямъ общества.

Августинцы.

Эти стремленія всегда проявляются въ моменты увлеченія матеріализмомъ, когда законъ исторіи требуетъ примѣненія физическихъ законовъ равенства угловъ паденія и отраженія. Исправленіе нравовъ духовенства въ XI вѣкѣ реформою Гильдебранда совпадало съ вѣкомъ цистерціанцевъ, картезіанцевъ и камальдоліанцевъ. Послѣ того дѣло нравственности опять колеблется. Къ концу XII столѣтія наступаетъ полное торжество теократіи, но это не способствовало улучшенію общественной нравственности, такъ какъ теократія произвела ослабленіе энергіи и задержала развитіе. Въ концѣ этой главы мы остановимся на такихъ явленіяхъ по отношенію къ монашеству и бѣлому духовенству. Въ эпоху Иннокентія III эти интересы не могли остаться въ забвеніи; имъ посвящены были лучшіе помыслы папы. Тогда-то, рядомъ, идетъ самостоятельная попытка въ средѣ общества ко внутреннему его обновленію, въ формѣ развитія монашескихъ орденовъ. Старыя мысли св. Августина, сохранившіяся въ письмѣ его къ сестрѣ (¹), теперь получили новое обаяніе. Августинъ ратовалъ за благочестивую жизнь въ обществѣ вдовъ и сиротъ; помнили также, что въ Африкѣ, въ Гиппонѣ, онъ примѣнилъ свои убѣжденія къ дѣлу, окруживъ себя священниками и діаконами съ общеніемъ имущества, на основаніи примѣра апостольскаго. Послѣ всякая попытка провести это на практикѣ въ священнической средѣ вѣнчалась именемъ Августина. Такія общества, руководимыя лишь евангельскими уставами, не походили на монастыри, а

(¹) Migne. Patrologia. Epist. Augustini; XLVII, 109.

скорѣе на церковныя коммуны. И вотъ, въ первые годы XIII столѣтія четыре лучшихъ профессора Парижскаго университета, славившіеся умомъ и характеромъ, Вильгельмъ Ланглоа, Ричардъ, Эвраръ и Манассія, увидѣли въ одну ночь одно и то же видѣніе, которое велѣло имъ всѣмъ посвятить себя подвижнической жизни. Пѣшіе, они вмѣстѣ двинулись въ путь. Недалеко отъ Лангра, въ каменистыхъ ущельяхъ, они выбрали удобную мѣстность для построенія себѣ жилища: четыре хижины появились между скалъ. За профессорами двинулось 37 парижскихъ студентовъ, и возникла конгрегація Vallis Scholarium, уставъ которой былъ составленъ Вильгельмомъ въ 1216 году, на началѣ тѣсной зависимости послѣдующихъ общинъ отъ первой, про членовъ которой говорили, что они: „erant viri divinis et humanis disciplinis ad plenum eruditi et famosissimi". Орденъ былъ посвященъ церковному священнослуженію и богословію; онъ жилъ не подвигами, а мыслію. Безъ согласія мѣстнаго епископа Лангрскаго уставъ не могъ быть измѣняемъ. Черезъ 20 лѣтъ, 16 другихъ церковныхъ коммунъ были основаны съ тою же цѣлью. Но такимъ братствомъ эпоха не могла довольствоваться. Когда возникалъ орденъ августинцевъ, фанатики своихъ убѣжденій, св. Доминикъ и св. Франческо, съ мечтательно настроеннымъ воображеніемъ и изможденнымъ тѣломъ, приступили къ своему замѣчательному плану нравственнаго обновленія общества.

Нищенствующіе ордена.

Доминикъ д'Аца.

По католическимъ легендамъ, видѣнія и чудеса предупредили рожденіе Доминика. Онъ былъ родомъ изъ мѣстечка Каларноха. Отца его звали Феликсомъ, мать Іоанной. Семейство д'Аца, извѣстное въ околодкѣ благочестивою жизнію, было въ родственныхъ связяхъ съ мѣстными епископами. Основатель доминиканскаго ордена родился со звѣздою на челѣ, какъ бы съ печатью избранія. Еще до рожденія этого избранника, матери казалось, что она носитъ въ утробѣ щенка, который лаемъ всегда напоминаетъ о себѣ; иногда видѣлось ей, что она родила младенца, который зажегъ весь міръ своимъ свѣтильникомъ. „Добрыя были предзнаменованія", замѣчаетъ біографъ. Дядя епископъ руководилъ воспитаніемъ ребенка. Онъ вмѣстѣ съ матерью направлялъ его къ смиренію, дѣламъ благочестія, умудряя чтеніемъ Библіи. Отправляясь учиться въ Паленсію, въ этотъ „museum", изъ котораго послѣ возникъ саламанкскій университетъ, Доминикъ первымъ дѣломъ

поспѣшилъ продать свои книги, употребивъ вырученныя деньги на бѣдныхъ. Онъ чуждался общества сверстниковъ, не шутилъ, не смѣялся, велъ затворническую жизнь, не ѣлъ мясной пищи, спалъ на камняхъ или на голой землѣ. Его видѣли только въ церквахъ, гдѣ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ проповѣди. Когда богословское образованіе юноши кончилось, Діэго—такъ звали епископа—указалъ ему на духовную карьеру, исключительно подходившую къ одностороннему аскетическому складу его натуры, и тогда же сдѣлалъ его каноникомъ въ своей церкви, посвятивъ въ августинскій орденъ. Душа молодаго августинца не могла удовлетвориться тѣснымъ кругомъ проповѣднической дѣятельности въ какой нибудь Паленсіи. По выраженію поклонника Доминика, Апольды, слова его зажигали слушателей, подобно свѣтильнику Иліи. Онъ готовъ былъ, говоритъ Бартоломей Тридентскій, разорвать тѣло свое на куски изъ ревности къ вѣрѣ, а любви божественной въ немъ было такъ много, что для выгодъ христіанства онъ готовъ былъ пожертвовать собою, продать себя, если бы то потребовалось. Сама судьба привела его въ Лангедокъ въ свитѣ донъ-Діэго. Гдѣ какъ не тамъ предстояли подвиги для ревности католическихъ духовныхъ? Отъ катаровъ, отъ этихъ гонимыхъ еретиковъ, Доминикъ предлагаетъ заимствовать чистоту жизни, ихъ воздержаніе, ихъ презрѣніе плоти.

— „Не такъ, братья, не такъ надо дѣйствовать, твердилъ Діэго, а за нимъ и Доминикъ, обращаясь къ блестящимъ легатамъ и ихъ изнѣженнымъ спутникамъ. Мнѣ кажется, что невозможно обратить этихъ людей словами; скорѣе дѣломъ и примѣромъ вы исправите ихъ, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторонѣ основаніе безнаказанно выхвалять свою собственную жизнь“. — Какой же совѣтъ ты дашь намъ, отче, говорили аббаты?—„Дѣлайте то, что вамъ слѣдуетъ дѣлать“.— И онъ посовѣтовалъ имъ отказаться отъ экипажей, слугъ и всѣхъ удобствъ житейскихъ, которыя сопровождали ихъ путешествіе; пѣшими и нищими, по примѣру апостоловъ, спѣшить укрѣплять вѣрныхъ и направлять колеблющихся. Преобразились аббаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ слава проповѣдника привлекла къ нему 12 учениковъ. Доминикъ, тринадцатый между ними, сдѣлался ихъ начальникомъ; въ него вѣрили и всѣ единодушно считали его истиннымъ „учителемъ и господиномъ“ ([1]).

([1]) Duodecim patres conjunxit sibi verbo et exemplo tertius decimus

Какими поступками, какъ не мнимою способностью къ чудотвореніямъ, можно было производить обаяніе въ тотъ суевѣрный вѣкъ? Только на нихъ могла опираться прочная сила и популярность человѣка, замыслившаго нравственное обновленіе католическаго общества. И дѣйствительно, куда и когда ни показывался этотъ человѣкъ, онъ вездѣ производилъ сильное вліяніе на массу своею личностью, огненною рѣчью и особенно обаяніемъ чудесъ. Шли слухи, что онъ обладаетъ тайной исцѣлять самыя разнообразныя болѣзни, своими молитвами становитъ на ноги умирающихъ, излѣчиваетъ сумасшедшихъ, изгоняетъ нечистыхъ духовъ, которые повинуются одному его мановенію, наконецъ что онъ можетъ даже воскрешать умершихъ. Послѣ его смерти, одна женщина, которая не совсѣмъ довѣряла этимъ слухамъ, злобно посмѣиваясь надъ чудесами святаго, была наказана жестокими язвами и болѣзнію, отъ которой не могли пособить никакія усилія тогдашнихъ медиковъ; только одно раскаяніе передъ образомъ святаго, въ день его праздника, сразу превозмогло всѣ пособія врачей и совершенно исцѣлило больную ([1]). По кончинѣ Доминика, въ тѣлѣ его, какъ извѣстно, сохранилась та же таинственная цѣлительная сила, помогавшая вѣрующимъ, какую онъ имѣлъ способность обнаруживать при жизни. Цѣлые списки чудесъ помѣщаются обыкновенно въ приложеніи къ его житіямъ. Они подписаны 300 и болѣе свидѣтелей; доминиканцы, инквизиторы, посторонніе мужчины и женщины, всѣ подъ присягою свидѣтельствуютъ достовѣрность сказаннаго ими и записаннаго. На сколько условна такая достовѣрность, видно изъ свидѣтельства нѣкоей Беренгаріи, бывшей еретички, обращенной Доминикомъ. Она собственными глазами видѣла бѣса, который сидѣлъ въ девяти еретикахъ и вышелъ изъ нихъ по мановенію святаго, причемъ Беренгарія успѣла тщательно опредѣлить формы и размѣры этого загадочнаго существа. По ея словамъ, вылетѣвшій бѣсъ величиною былъ съ собаку, похожъ на кота, глаза какъ у быка, весь красный какъ въ пламени, языкъ у него съ полфута, а хвостъ съ поллоктя ([2]). Нѣкоторыя изъ чудесъ, совершенныхъ мо-

pater patrum et patriarcha factus, quem tamquam magistrum et dominum unanimiter sequebantur. Theodoricus de Appoldia. Acta ampliora ord. Praedic. c. 30, Acta Sanctorum (P. 1867) aug. t. I, p. 565.

([1]) Acta Sanct. ib. p. 647.

([2]) Acta Sanct. ib. 643. Epist. authentica qua subdelegati inqui-

литвами Доминика, уже послѣ кончины его, были довольно страннаго свойства. Одна дѣвушка, желая посвятить себя иноческой жизни, отказывалась отъ замужества, вопреки настояніямъ отца. Когда всякое дальнѣйшее сопротивленіе становилось безполезнымъ, она обратилась къ предстательству святаго Доминика и по его молитвамъ въ канунъ назначеннаго брака, невѣста проснулась съ такимъ обезображеннымъ лицомъ, что жениху оставалось отказаться и предоставить дѣвушкѣ идти въ орденъ доминиканскій ([1]). По своему произволу Доминикъ могъ мѣнять органы человѣческаго тѣла. Такъ случилось съ однимъ испанскимъ юношей, который матерью былъ предназначенъ въ доминиканцы и организмъ котораго было нѣсколько уродливымъ; молитвами святаго физическій недостатокъ будущаго монаха былъ исправленъ.

Личное подвижничество Доминика также было засвидѣтельствовано очевидцами, какъ и чудеса его. Онъ подвергалъ себя тяжелому изнуренію, носилъ вериги, власяницы. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ онъ названъ „преслѣдователемъ ереси, упорнымъ гонителемъ ея и словомъ и примѣромъ“, но всюду личность его представляется кроткою, щедрою, радушною, скромною, готовою на всякія жертвы для блага *всѣхъ* христіанъ, чуждою суетъ нашего міра ([2]). Но нѣтъ сомнѣнія, что слѣпой фанатизмъ, свойственный ему, способенъ былъ не разъ запятнать исторію католичества. Въ этомъ отношеніи бо̀льшая отвѣтственность лежитъ на его ученикахъ и послѣдователяхъ, которые въ своемъ увлеченіи не стѣснялись въ выборѣ средствъ.

Слава подвижника и необычайнаго человѣка была пріобрѣтена Доминикомъ съ первыхъ годовъ его проповѣди и пребыванія въ Лангедокѣ. Вмѣстѣ съ Діэго онъ обдумывалъ органическій планъ духовнаго воздѣйствія на ересь. Назиданіе и христіанское воспитаніе обращенныхъ согласовались съ помыслами тогдашняго папы Иннокентія III. Братство, составъ и характеръ котораго онъ уже предначерталъ, думая о томъ еще на родинѣ, могло, по его разсчетамъ, удов-

---

sitores exponunt ea, quae circa virtutes et miracula S. Dominici (Quetiv et Echard, Scrp. ord. praed. I, 56.—Acta Sanct. aug. t. I, p. 641—643), c. 11.

([1]) Acta Sanct. ib. p. 652.

([2]) Epist. auth. p. 641—643. Доминику приписываютъ молитву за грѣхи всѣхъ людей: «Domine miserere populi. Quid facient peccatores»? Et sic noctes ducebat insomnes plorando et ejulando pro peccatis aliorum (p. 642).

летворить стремленіямъ первосвященника. Прежде чѣмъ просить духовнаго разрѣшенія объ утвержденіи цѣлаго общества, имѣвшаго въ виду обнять весь католическій міръ, Доминикъ захотѣлъ примѣнить теперь же нѣкоторыя свои предположенія. Скоро узнали, что онъ основалъ, по благословенію Діэго, собственный монастырь Прулліанскій (de Prouille), недалеко отъ Монреаля, на землѣ тулузскаго епископа. Онъ предназначался для укрѣпленія въ вѣрѣ обратившихся еретичекъ, преимущественно изъ извѣстныхъ провансальскихъ фамилій; на первое время тамъ помѣщено было одиннадцать дѣвицъ. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось работою разгонять скуку. По иниціативѣ Доминика, возникли и мужскія школы, питомцы которыхъ были подготовляемы къ проповѣдыванію слова Божія и къ обращенію еретиковъ. Мало по малу стали открываться монастыри общества „бѣдныхъ католиковъ",—эти родоначальники доминиканскихъ. Сюда стремились поклонники Доминика, его первые послѣдователи. Братія и ученики жили милостыней. Иннокентій III принималъ эти монастыри подъ свое покровительство ([1]), но еще не учреждалъ доминиканскаго общества, не утверждалъ особой конгрегаціи, такъ какъ далъ себѣ обѣщаніе не разрѣшать ихъ въ виду многочисленности прежнихъ орденовъ. Діэго не суждено было дожить до осуществленія мечтаній своего питомца. Онъ вернулся въ Кастилію, гдѣ скоро умеръ. Доминикъ остался одинъ съ своею упрочившеюся популярностью и сталъ бороться съ ересью.

Когда д'Аца частнымъ образомъ основывалъ свое братство, желая служить примѣромъ для небольшаго кружка истинно благочестивыхъ католиковъ, то врядъ ли тогда въ головѣ его носились картины допросовъ, пытокъ, казней, костровъ и всего того, что сдѣлало столь страшнымъ инквизицію. Напротивъ, есть причины думать, что онъ имѣлъ въ виду исключительно духовное назиданіе. Два года уже онъ хлопоталъ объ учрежденіи регулярнаго братства для содѣйствія дѣламъ церковнымъ въ Лангедокѣ. Какъ ни трудно было получить такое разрѣшеніе отъ Иннокентія III, Доминикъ выхлопоталъ его на томъ самомъ латеранскомъ соборѣ, на которомъ между прочимъ было постановлено не допускать новыхъ духовныхъ

([1]) Regestorum Innocentii III; l. VI, ep. 196, 197, 199; l. XII. ep. 17, 66—69; l. XIII, ep. 63, 77, 78; l. XV, ep. 82, 90, 93, 96.

орденовъ. Доминикъ долженъ былъ подчиниться съ своею братіею какому либо прежнему уставу. Онъ избралъ новѣйшій августинскій, къ которому принадлежали преимущественно ученые духовные, но присоединилъ къ уставу нѣсколько строгихъ житейскихъ правилъ, согласно своему личному воззрѣнію. Такъ какъ цѣлью братства была проповѣдь въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, то орденъ не долженъ былъ пріобрѣтать недвижимостей для своего обезпеченія, а довольствоваться сборами и даяніями. Когда съ этимъ желаннымъ разрѣшеніемъ, осуществлявшимъ болѣе половины его претензій, Доминикъ вернулся въ Тулузу, то городъ, по настоянію епископа Фулькона, предложилъ въ его распоряженіе особую церковь съ монастыремъ по имени S. Romain. Въ это пріорство въ 1216 году перебралось 16 первыхъ доминиканцевъ изъ своего прежняго помѣщенія, названнаго впослѣдствіи инквизиціоннымъ домомъ и занятаго судилищемъ. Тамъ открылась школа, изъ которой вышли первые проповѣдники ([1]).

Но этимъ первообразомъ ордена, этимъ полузаимствованіемъ, не могъ удовольствоваться человѣкъ, считавшій себя призваннымъ свыше создать особое, самостоятельное учрежденіе въ Римской Церкви. Онъ мучился, что умретъ не завершивъ своихъ начинаній. Въ томъ же году, онъ опять пошелъ въ Римъ, дабы у ногъ Гонорія III вымолить разрѣшеніе особаго проповѣдническаго братства. Доминикъ очевидно, при всей готовности къ самопожертвованію, не чуждъ былъ тщеславной мысли оставить свое имя въ исторіи церковно-католическихъ учрежденій. Онъ усердно молился въ церквахъ вѣчнаго города прежде чѣмъ предстать предъ первосвященникомъ. Разъ ночью, послѣ напряженнаго бдѣнія, было ему видѣніе, которое записали набожные біографы. Онъ видѣлъ Сына Божія, возсѣдавшаго на высокомъ тронѣ, въ предѣлахъ горнихъ, по правую сторону Бога Отца. Онъ сидѣлъ гнѣвный, раздраженный, передъ толпою грѣшниковъ, поникшихъ передъ нимъ. Въ рукахъ его было три копья, предназначенныхъ для истребленія прегрѣшившихъ: одно для гордыхъ, другое для скупыхъ, третье для развратныхъ. Пресвятая Матерь обнимала его ноги, умоляя о милосердіи къ падшимъ, о смягченіи ихъ участи.—„Развѣ не видишь ты,

---

([1]) Подробности въ новѣйшемъ изслѣдованіи Douais. L'organisation des études dans l'ordre des frères precheurs (1216—1342). P. 1885.

отвѣчалъ Ей Іисусъ, сколько неправды они содѣлали мнѣ? Моя справедливость не потерпитъ втунѣ столько зла безнаказаннымъ".—Тогда Пресвятая Дѣва сказала ему:—„Ты вѣдаешь, Господи, какимъ путемъ надо направить ихъ. Я знаю вѣрнаго слугу, котораго ты пошлешь въ міръ, дабы онъ возвѣстилъ ученіе твое; тогда всѣ познаютъ и обрящутъ тебя. Я дамъ ему въ помощники еще другаго слугу, который совершитъ то же дѣло". По желанію Господа, котораго смягчили Ея просьбы, Она подвела Ему монаха, въ чертахъ котораго Доминикъ узналъ самого себя. — „Онъ способенъ исполнить то, что сказала ты", изрекъ Господь. Слѣдомъ за нимъ Она подвела другаго монаха, который предназначался въ соратники ему. Лицо его было незнакомо; Доминикъ никогда не видалъ его прежде. Но, придя на другой день въ церковь, онъ нашелъ его между молящимися и тогда, смѣло обратившись къ нему, воскликнулъ:—„Ты товарищъ мой, ты пойдешь вмѣстѣ со мною; будемъ дѣйствовать вмѣстѣ и никто не одолѣетъ насъ". — Новаго знакомца звали Францискомъ (¹). Это былъ другой фанатикъ своихъ убѣжденій.

Франческо Бернардоне. Онъ жилъ въ Римѣ съ тою же цѣлью, какъ и Доминикъ. Онъ имѣлъ съ нимъ удивительное сходство по подвижничеству, по симпатіямъ. Его помыслы клонились къ тому же возрожденію католическаго духовенства отъ долгой апатіи,

---

(¹) Gerardus de Fracheto. Vitae fratrum; Acta Sanct. p. 441. — Разсказанное видѣніе и сближеніе Доминика и Франциска даетъ случай Апольдѣ высказать цѣль миссіи того и другаго дѣятеля: «Mihi vero de divina providentia admiranti dixit Dominus (такимъ смысломъ облекаетъ онъ свое сужденіе): Servum meum electum Franciscum ad hoc in mundum destinavi, ut clericorum avaritiam malam, irrationabilem et detestabilem ostenderem, quaestumque inutilem et damnabilem confutando libertatem misericordiae imitabilem, humilitatemque virtutum omnium eximiam in ejus conversatione mihi placitam declararem, paupertatemque evangelicam cunctis Venerabilem, meisque conspectibus acceptabilem comprobarem.... Et famulum meum Dominicum verbi mei bajulum ac praedicatorem inclytum ad incredulorum duritiam, haereticorumque perfidiam conferendam direxi. Ecclesiaeque meae aream ab erroribus doctrinae exempli ventilabro permutandam. Dedi eum in lucem gentium, ut sapientibus et insipientibus debitor illuminet eos, qui in tenebris et in umbra mortis sedent, dans salutis scientiam plebi meae, fiantque oris ejus verba sustentantio lassorum, consolatio afflictorum, et medicina saluberrima peccatorum» (id. 623).

къ тому же нравственному обновленію общества, но идеалы Франциска были исключительно аскетическаго свойства. Ознакомиться съ этою личностью весьма важно для изученія той эпохи.

Франческо Бернардоне былъ сынъ богатаго купца изъ итальянскаго города Ассизи ([1]). Онъ съ дѣтства почувствовалъ свое призваніе. Съ первыхъ годовъ молодости онъ удерживалъ вырученныя за товары деньги для бѣдныхъ и больныхъ. Разъ, когда въ храмѣ читали объ евангельскомъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно настроенная къ тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Онъ отказался отъ богатствъ отцовскихъ и въ рубищѣ, босой, сталъ ходить по городу, питаясь милостыней. Съ нимъ начались галлюцинаціи; онъ видѣлъ видѣнія, слышалъ пѣніе ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ. Отецъ, черезъ епископа, прибѣгнулъ къ увѣщанію, а потомъ и къ мѣрамъ строгости. Семья презирала его и оттолкнула; Франческо расторгъ всѣ связи съ ней и сталъ проповѣдывать о необходимости строгаго покаянія, суровой жизни и отреченія отъ мірскихъ благъ. Онъ притупилъ свои чувства и тѣло. Передъ этимъ героизмомъ лишенія начали склоняться. Одинъ богачъ ассизскій смѣялся надъ Франческо, но, послѣ одной страстной проповѣди, распродалъ свои богатства и пошелъ за этимъ человѣкомъ, оригинальнымъ, но магнетически обаятельнымъ. Еще шесть человѣкъ пристало къ нему тогда. Всѣ они поселились у ручья въ тѣсномъ шалашѣ, въ окрестностяхъ города; попеременно они ходили на проповѣдь. Тогда Оттонъ IV короновался въ Римѣ (1207 г.); Франческо послалъ напомнить императору о

([1]) Первымъ біографомъ св. Франциска слылъ его ученикъ I. Bonaventura; къ слѣд. принадлежатъ: Th. Celano, I. de Ceperano. Въ Acta Sanctorum (oct. t. II, 1866) помѣщено, кромѣ соч. Бонавентуры (742—798), краткое дополненіе къ житію, приписываемое тремъ друзьямъ Франциска,—auctore Leone, Rufino et Angelo (723—742). См. Wadding (Annales Ordinis Minorum. Roma, 1731—1846, 22 f.).—Изъ пособій, которыя въ большинствѣ принадлежатъ къ клерикальному направленію, лучшее: Ed. Vogt, Der heilige Franciscus von Assisi, biographischer Versuch (Tüb. 1840), и протестантское Hase, Franz von Assisi, ein Heiligenbild (Lpz. 1856).—Важны новѣйшія работы: Karl Müller, Die Anfänge des Minoritenordens (Fr. 1885, B. I), по новымъ изысканіямъ о первыхъ фактахъ орденской исторіи и цѣннымъ приложеніямъ,—особенно второе съ древнѣйшимъ регламентомъ ордена,—и Evers, Analecta ad fratrum minorum historiam (L. 1881).

суетѣ мірской и о томъ, что вся слава его пройдетъ какъ сонъ. Его страстная натура не могла успокоиться самоуглубленіемъ и созерцаніемъ. Онъ старался измождить свое тѣло. Трижды въ ночь онъ бичевалъ себя: одинъ разъ за свои грѣхи, другой за живущихъ, третій за души въ чистилищѣ. Чтобы притупить тѣлесныя ощущенія, онъ нагой кидался въ снѣгъ, и умирая, распростертый на сырой землѣ, онъ оставался тѣмъ же героическимъ аскетомъ, какимъ былъ всегда при жизни. Добиваясь невѣдомыхъ и томительныхъ подвиговъ, Франческо кинулся изъ Ассизи въ Мараско; потомъ, напрасно испрашивая у Иннокентія III разрѣшенія открыть братство „нищенствующихъ францисканцевъ", обошелъ всю южную Италію и бросился въ Палестину. Онъ былъ въ Сиріи и Египтѣ; всюду его сопровождала молва чудотворенія. Говорили, что жизнь его напоминаетъ жизнь Спасителя отъ самаго рожденія, что онъ даже превосходитъ Христа своими подвигами ([1]). Его миссіонеры распространяли идею отреченія отъ міра въ Испаніи и Франціи, сѣверной и южной; въ Германіи ихъ постигали неудачи.—„Германія не для насъ, любилъ повторять Франческо, избави насъ Господи отъ нѣмцевъ". Вторично онъ явился въ Римъ въ концѣ 1216 года, одновременно съ Доминикомъ, но опять потерпѣлъ неудачу.

Доминиканцы.

Между тѣмъ Доминикъ скорѣе достигъ цѣли, онъ былъ счастливѣе своего друга Франческо. Орденъ „проповѣдниковъ" былъ наконецъ утвержденъ Гоноріемъ III. Необходимость бороться словами съ ересью альбигойцевъ и вальдензовъ, которые не переставали безпокоить Церковь, была, вѣроятно, побудительною причиною, въ силу коей папа, 22 декабря 1216 года,—съ цѣлью учрежденія общества на началахъ „Божіихъ и правилахъ св. Августина" —далъ „брату Доминику, пріору S. Romanis въ Тулузѣ", утвердительную буллу, оставивъ разрѣшеніе вопроса о францисканскомъ братствѣ до другаго времени. Франческо суждено было увидѣть исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній лишь спустя шесть лѣтъ, когда число его

([1]) Весьма рѣдкое теперь соч. B. de Pisis. Liber conformitatum vitae S. Francisci cum vita Iesu Christi (Med. 1513, f.); слѣд. изд. съ пропусками. Францискъ былъ канонизированъ Григоріемъ IX въ іюлѣ 1228 г. (см. лѣтопись Riccardo di S. Germano. Muratori; VII, 992), потому-де что онъ открыто совершилъ два чуда: возвратилъ зрѣніе слѣпому и исцѣлилъ хромаго.

„кающихся“, послѣ назвавшихся „меньшими братьями“, удивило Церковь своею громадностью, своимъ полнымъ презрѣніемъ благъ міра, которыя они старались не видѣть изъ-за капишона своей убогой одежды, и своею способностью фанатизировать проповѣдями простой народъ ([1]). Но и теперь уже за Франческо стояло нѣсколько тысячъ послѣдователей. Ему отчасти былъ обязанъ Доминикъ своими успѣхами въ Римѣ. Франческо безкорыстно поддерживалъ его передъ папой и кардиналами, забывая на время свое собственное дѣло.

Новое доминиканское братство имѣло цѣли мирныя, невоинственныя. Проповѣдь, и только, была его непосредственнымъ назначеніемъ. Самое названіе „проповѣдническое“ вытекало изъ обращенія, какое сдѣлалъ къ Доминику Гонорій III въ своемъ посланіи: „Fratri Dominico et cum eo praedicantibus in partibus Tolosanis“, и которое папа вскорѣ же велѣлъ замѣнить словами: „Magistro Dominico et fratribus praedicatoribus“ ([2]) — „Принимая въ соображеніе, такъ начиналась папская булла, что братья вашего ордена, всегда будутъ защитниками вѣры и истинными свѣточами міра, мы утверждаемъ орденъ со всѣми его имуществами и правами“ ([3]). Другая грамота содержала въ себѣ 14 статей. Папа бралъ подъ свое покровительство церковь св. Романа и соглашался чтобы орденъ канониковъ, который имѣлъ тамъ пребываніе, существовалъ на вѣчныя времена. Онъ предоставлялъ братству обладаніе его церковнымъ имуществомъ и всѣмъ тѣмъ, что оно пріобрѣтетъ въ послѣдствіи, освобождая братьевъ отъ платежа десятины съ новинъ, которыя они обработываютъ своими руками или на свой счетъ, а также и отъ натуральныхъ церковныхъ повинностей. Братство должно обращаться къ мѣстнымъ епископамъ за святымъ мѵромъ, и приглашать ихъ для освященія алтарей и церквей и для посвященія клириковъ. Пріоты въ монастыряхъ должны выбираться монахами свободной подачей голосовъ, безъ всякаго посторонняго вліянія ([4]). Въ этомъ первомъ видѣ, орденъ еще не былъ нищенствующимъ; это было братство обыкновенныхъ канониковъ; обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія опре-

([1]) **Karl Müller** недавно доказалъ, что первоначальнымъ наименованіемъ общины францисканской было не «fratres minores», а «viri poenitentiales de civitate Assisi oriundi».

([2]) **Acta Sanct.** aug. t. I, 447.

([3]) **Raynaldi.** Annales eccl. (ed. 1747. Lucca), a. 1216, p. 402.

([4]) **Bullarium Romanum** (ed. 1857, Turin), III, 309.

дѣлились впослѣдствіи; пока выяснилось только непосредственное значеніе братства—проповѣдь и обращеніе еретиковъ. Гонорій III не рѣшался такъ скоро уничтожить формальное запрещеніе своего предшественника.

Учрежденіе нищенствующихъ орденовъ знаменуетъ довольно отчетливый переломъ въ нравственномъ настроеніи тогдашняго общества. Это была реакція успѣхамъ ереси, которая доселѣ проявлялась въ массахъ. Мы имѣли случай замѣтить, что съ 1216 года, когда начались засѣданія четвертаго латеранскаго собора, альбигойская ересь теряетъ то значеніе знамени патріотическихъ интересовъ, какое имѣла доселѣ, и существуетъ скорѣе какъ сердечное вѣрованіе отдѣльныхъ личностей (1). Что реакція была сильна, что идеалы нищенствующихъ коренились въ самомъ обществѣ, что на нихъ сильно отзывались — видно изъ той изумительной быстроты, съ какою размножалось число послѣдователей Доминика и Франциска. Не прошло и 20 лѣтъ со дня утвержденія орденовъ, какъ въ западной Европѣ было 400 доминиканскихъ и 1000 францисканскихъ монастырей; между тѣмъ, чтобы быть францисканцемъ того перваго времени требовалось много энергіи и самоотверженія (2). Эти годы принадлежатъ къ эпохѣ нравственнаго обновленія общества.

Францисканцы-минориты. Всякій, поступавшій въ орденъ нищенствующихъ, уже тѣмъ самымъ отказывался отъ настоящей и будущей собственности. Никто не могъ имѣть въ рукахъ денегъ; самая одежда, сѣрая или коричневая ряса, прикрывавшая тѣло, принадлежала всему ордену, который обязывался не пріобрѣтать имѣній и чего либо свыше необходимаго. Церкви францисканцевъ были тѣсны и безъ украшеній; ихъ пища едва удовлетворяла чувство голода. По степени подвижничества и по образу жизни, францисканцы послѣ раздѣлились на конвентуаловъ, спиритуаловъ, босоногихъ и пр. Капуцины вышли также изъ ихъ среды. И доминиканскій и францисканскій орденъ, при полной организаціи, управлялись каждый своимъ „minister generalis"; отдѣльными провинціями завѣдывалъ „minister provincialis"; непосредственная власть была у „minister guardianus". Терціаты или кающіеся составляли первую сту-

(1) См. нашу Исторію Альбигойцевъ; I, 553.

(2) Въ 1220 году пятерыхъ францисканцевъ замучили въ Марокко (K. Müller. Die Anfänge. 3 прил.); но это не испугало ихъ.—Не смотря на нерасположеніе къ нѣмцамъ, въ 1226 г. подъ начальствомъ брата Цезаря Шпейерскаго францисканцы вполнѣ упрочились въ Германіи.

пень отреченія; они жили въ свѣтѣ, хотя принадлежали къ францисканскому братству. Не обязанные всею строгостью монашескихъ обѣтовъ, они были необходимы для цѣлей общества; живыми примѣрами они указывали испорченнымъ современникамъ образецъ простой умѣренной жизни, чуждой крайностей того и другаго направленія.

Такъ формировалось новое воинство для борьбы съ ересью...

Первая доминиканская инквизиція.

Многіе историки, старые и новые, католическіе и протестантскіе безразлично, съ удивительной развязностью приписываютъ учрежденіе инквизиціи тому самому Доминику, который былъ основателемъ братства проповѣдниковъ; они склонны даже смѣшивать доминиканскій орденъ съ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Это мнѣніе — вполнѣ ошибочно. Полицейская система допросовъ, розыска по дѣламъ церковнымъ, съ ихъ извѣстными всякому послѣдствіями, постоянное примѣненіе свѣтскаго меча, все это развивается изъ сущности римско-католическихъ воззрѣній, укрѣпившихся исторіею. Эта система не входила, конечно, въ католическое ученіе непосредственно, но привлекалась къ нему лжеумствованіями, софизмами, низкими страстями духовенства, — когда въ примѣненіи ея чувствовалась надобность, когда опасность начинала грозить католической Церкви, когда слово убѣжденія становилось недѣйствительнымъ и ощущалась потребность въ содѣйствіи той темной силы, которая для извращеннаго пониманія представлялась способной возмѣстить силу духа и убѣжденія.

Инквизиція, повторяемъ, развилась незамѣтнымъ путемъ. Въ силу того, что фактически она всегда существовала и притомъ отражалась на многихъ весьма чувствительно, всѣ позднѣйшіе документы касательно ея организаціи и устройства имѣли лишь значеніе теоретическое. Она шла не изъ бумаги въ жизнь, а обратно.

Но что разумѣется подъ институціей первой инквизиціи?

Этотъ терминъ необходимо выражаетъ сочетаніе двухъ понятій, особаго судопроизводства и участія въ немъ т. н. нищенствующихъ монаховъ. Самый принципъ ея, наказанія, участіе свѣтской власти, все это выработывалось ранѣе долгой подготовительной исторіей.

Первое понятіе, т. е. особое судопроизводство сдѣлалось фактомъ въ 1229 году, второе, особенно спорное, руководящее, т. е. участіе доминиканцевъ, проявилось въ 1233 году.

Въ рукописяхъ королевскаго испанскаго архива, въ сборникѣ соборовъ, имѣется окружная булла Григорія IX отъ 8 ноября 1235 г. Въ ней предлагается соблюдать относительно еретиковъ извѣстные законы 1231 г., направленные противъ римскихъ патареновъ, и въ виду того, что доминиканцы особенно успѣшно ведутъ борьбу съ еретиками, имъ предписывается исполненіе буллы. При этомъ дѣлается ссылка на бреве 20 мая 1233 г., обращенное къ доминиканскому пріору Ломбардской провинціи, въ которой дѣйствовали способнѣйшіе изъ проповѣдниковъ.

Оно начинается негодованіемъ папы на дьявола, который заразилъ тулузскіе предѣлы. „Не будучи достаточно сильны, продолжаетъ Григорій IX, остановить такое поношеніе Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душъ заблудшихъ, мы просимъ тебя, убѣждаемъ и приказываемъ, симъ апостольскимъ посланіемъ, подъ страхомъ божественнаго суда, дабы ты тѣхъ изъ братьевъ ввѣренныхъ тебѣ, которые научены закону Господню и которыхъ ты признаешь склонными къ этому дѣлу, разослалъ по разнымъ сопредѣльнымъ мѣстамъ твоего надзора, дабы они поучали клиръ и народъ общею проповѣдью, гдѣ сочтутъ ее удобной. Для основательнаго исполненія этого дѣла они изберутъ себѣ разныя мѣстности и займутся съ особеннымъ стараніемъ еретиками и отлученными (infamatis). Если виновные и отлученные, будучи допрошены, не захотятъ вполнѣ подчиниться приказаніямъ Церкви, то братья станутъ исполнять относительно ихъ наши справедливые статуты противъ еретиковъ, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитниковъ и покровителей еретиковъ, дѣйствуя однакожъ въ предѣлахъ этихъ статутовъ (secundum eadem statuta nihilominus processuri)“. Тѣ, которые, отрекшись отъ ереси, захотятъ обратиться къ Церкви, могутъ получить общеніе и разрѣшеніе по обрядамъ церковнымъ и возсоединиться съ нею, если того заслуживаютъ, смотря по степени ихъ заблужденія и по статутамъ. Папа давалъ 20-дневную индульгенцію тѣмъ, которые будутъ присутствовать при проповѣди доминиканцевъ; самимъ же братьямъ-проповѣдникамъ, рѣшившимся взяться за это дѣло, обѣщалъ полную индульгенцію во всѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ они принесутъ покаянія. Въ то-же время, и даже нѣсколько раньше, французскіе прелаты получили отъ папы извѣщеніе о предпринимаемой имъ мѣрѣ.

Григорій IX понялъ, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, отнимая отъ епископовъ право, которымъ они весьма дорожили. Довольно искусно папа обошелъ щекотливый вопросъ. Онъ старался накинуть покровъ на сущность дѣла, смягчить подробности; при этомъ онъ задобриваетъ, льститъ прелатамъ, не желая изъ понятныхъ разсчетовъ поселить раздоръ въ администраціи Церкви наканунѣ предстоящихъ ей усилій, требовавшихъ безусловнаго единодушія. Но Пеньафорте, начавшій тогда составлять собраніе церковныхъ каноновъ и декретовъ, достаточно хорошо изучилъ ихъ, чтобы допустить возможность мысли о какомъ либо протестѣ или противодѣйствіи епископовъ, уже 400 лѣтъ закабаленныхъ „намѣстнику Христа". Папа находитъ нужнымъ чтобы бремя ихъ (onera vestra) было раздѣлено съ другими, и указывая на примѣръ Спасителя, который избралъ не только 12 апостоловъ, но и 72 учениковъ, пославъ ихъ проповѣдывать по двое, — предназначаетъ доминиканцевъ дѣйствовать противъ ереси во Франціи и прилежащихъ къ ней провинціяхъ. Епископамъ предлагалось благосклонно принять ихъ, оказывать имъ помощь, давать совѣты и вообще относиться со всѣмъ вниманіемъ (honeste tractantes), дабы они могли исполнить свое назначеніе, а папа могъ достаточно и по заслугамъ оцѣнить искреннюю ревность епископовъ (¹).

Черезъ мѣсяцъ были написаны въ Латеранѣ подобныя же сообщенія баронамъ Франціи и Аквитаніи, графу де-Фуа, графу Раймонду VII и капитулу Тулузы. Но издавъ буллу, Римъ не придавалъ ей широкаго значенія. Онъ смотрѣлъ на трибуналъ, какъ на дѣло временное. Рѣшительное распоряженіе, обобщавшее инквизицію и заносившее ее навсегда въ исторію, послѣдовало лишь въ 1254 и 1261 годахъ.

Во всякомъ случаѣ съ 1233 г. могли открыться дѣйствительные спеціальные суды по дѣламъ ереси. Доминиканцы разсыпались по всей Италіи и Лангедоку. Ихъ инквизиторы съ папскимъ полномочіемъ въ рукахъ даже опередили лангедокскихъ собратьевъ въ Кастиліи, Наваррѣ, Аррагоніи,

(¹) Percin (Monum. ib.) помѣстилъ буллу, но только въ извлеченіи. Она помѣчена idibus Aprilis, pontif. a. VII.— Въ рукописяхъ Doat изъ тулузскаго архива мы нашли подобную буллу къ франц. прелатамъ объ оказаніи содѣйствія и о покровительствѣ доминиканцамъ. Но на недѣлю числа не сходятся; она 20 апрѣля 1234 г. (XXXI, 21—25).

Португаліи, Франціи и Германіи. Средоточіемъ и опорой ихъ дѣйствій были монастыри, къ тому времени насажденные въ достаточномъ количествѣ.

Первые трибуналы съ 1237 г.

На сколько можно добиться истины, при отсутствіи актовъ и по одному наведенію,— первый трибуналъ былъ устроенъ въ испанскомъ городкѣ Лерида ([1]). Но первыя дѣйствія испанскихъ доминиканцевъ оказались неудачны. Въ Каталоніи, въ городѣ Ургелѣ, въ томъ же году, жители возмутились противъ инквизитора, монаха Петра, и убили его. Онъ скоро былъ сопричтенъ къ святымъ, какъ мученикъ, а трупъ его по сіе время покоится въ каѳедральномъ соборѣ города. Новый инквизиторъ Понсъ д'Эспира былъ отравленъ еретиками въ 1242 году.

Доминиканцы въ Лангедокѣ дѣйствовали осторожнѣе. Но и тамъ трое также пострадали въ эти годы отъ тайныхъ убійцъ изъ Кордеса. Хотя Раймондъ VII противъ воли оказывалъ инквизиторамъ всякое содѣйствіе, но они не сразу открыли свои трибуналы и первый разъ протоколъ тулузскаго инквизиціоннаго суда *подписанъ 26 мая* (VI kal. jun.) *1237 года* ([2]). До сихъ поръ постояннаго трибунала видимо не существовало, а если онъ и былъ, то о дѣятельности его мы имѣемъ только три случайныхъ постановленія. Преслѣдованіе получило скоро систематическую, вполнѣ прочную организацію. Эта организація уничтожала всякую надежду на слабость, снисхожденіе, сдѣлку и отступленіе; она была заправляема самыми энергическими людьми, основательно знавшими альбигойскую догматику, одинаково ненавидѣвшими и ересь и еретиковъ. Альбигойство, въ комъ оно не скользило, а дѣйствительно существовало, должно было скрываться; высказавшись, оно не только не могло побѣдить такихъ искусныхъ судей, но не могло и существовать. Ему оставалось только умерсть. И вотъ начинаются длинные ряды сентенцій инквизиціи, которые только въ извлеченіи занимаютъ десятки фоліантовъ Національной библіотеки Франціи.

(1) Fr. Diago. Hist. de los predicadores de la provincia de Aragon, l. I. c. 3.—См. Llorente. Hist. de l'inq. I, 68.

(2) Рукописный сборникъ Doat (XXI, 143) по дѣламъ инквизиціи, которымъ мы пользовались въ Парижѣ. На листахъ 160 — 166 этого тома есть три сентенціи. болѣе раннія (4 id. nov. 1235, id. febr., 6 non. mart. 1236), но онѣ не характеризуютъ постояннаго трибунала.

Начало существованія инквизиціи ознаменовалось гибелью ея служителей. Это былъ не одиночный фактъ. Причина скрывалась въ производствѣ процесса. Народъ на всемъ Западѣ слишкомъ привыкъ къ старымъ римскимъ формамъ судопроизводства. Сама Церковь это понимала. Въ силу каноническаго права, при Иннокентіѣ III и Гоноріѣ III, обвинительные процессы производились на основаніи римскаго кодекса, чѣмъ бы процессъ ни возбуждался: донесеніемъ, слѣдствіемъ или розыскомъ. Еретики, какъ и прочіе подсудимые, могли знать имена своихъ обвинителей и свидѣтелей, имѣли защитниковъ и судились гласнымъ судомъ. О тайномъ судопроизводствѣ нигдѣ не имѣли понятія до тулузскаго собора 1229 г. (¹). Когда душегубцы, закоренѣлые преступники и отъявленные негодяи имѣли право защиты, заподозрѣнные въ ереси, безъ различія происхожденія, лишались ея, отдаваясь вполнѣ въ руки судей, относившихся къ нимъ заранѣе съ затаенною ненавистью или, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ нерасположеніемъ. Отсюда уже оставался шагъ до пытки, какъ средства принудить (compellere intrare) согласиться съ извѣстными и заочными свидѣтелями, часто подставными. Наказанія, налагаемыя доминиканскими инквизиторами, не были въ началѣ особенно тяжелы, но одного измѣненія формъ уголовнаго судопроизводства, сдѣланнаго ими такъ внезапно, было достаточно, чтобы вооружить противъ монаховъ населеніе. Оно задѣвало самыя дорогія права, а народъ думалъ отстоять ихъ, если убьетъ того или другаго инквизитора. Прежде чѣмъ тулузскіе доминиканцы задумали открыть свой трибуналъ, они получили извѣстіе о гибели знаменитаго нѣмецкаго инквизитора Конрада марбургскаго. Богатыя способности этого человѣка направлялись на преслѣдованіе себѣ подобныхъ. Всюду онъ приносилъ съ собою проклятіе и безжалостный судъ. Попасть въ его руки значило или проститься съ жизнію, или навсегда опозорить себя. Его примѣру подражали прочіе инквизиторы. Онъ прощалъ еретиковъ не за сознаніе, а за доносъ на друзей; протестъ грозилъ костромъ; приговоръ постановлялся въ тотъ же день. Судъ однимъ взмахомъ вершалъ быстро и безпощадно, не требуя сознанія и не разбирая званія подсудимыхъ. Въ гла-

(¹) Cantu (Gli eretici d'Italia; I, 107) неосновательно приписываетъ Бонифацію VIII введеніе тайнаго процесса, установленнаго гораздо раньше.

захъ его палачей всѣ были равны. Онъ началъ поселянами, а окончилъ баронами. Въ торопяхъ, въ этой „ревности не по разуму", онъ дѣйствительно сжегъ много знатныхъ, а нѣкоторыхъ совершенно напрасно. Аппеляціи не допускалось, такъ какъ не было защиты, а личные протесты не принимались. Архіепископы кельнскій, трирскій и майнцскій пытались остановить его свирѣпость. Конрадъ не только не слушалъ ихъ, но, оскорбленный ихъ вмѣшательствомъ, объявилъ крестовый походъ. Неизвѣстно чѣмъ бы окончилось это интересное столкновеніе, если бы Конрадъ не палъ отъ руки неизвѣстныхъ убійцъ. Его убили 30 іюня 1233 г. люди, къ которымъ онъ самъ никогда не имѣлъ никакой жалости и терпѣніе которыхъ превзошло всякую мѣру. Марбургъ, а затѣмъ вся Германія радовались; освобожденные отъ тирана торжествовали. Помѣстный соборъ нѣмецкаго духовенства, подъ впечатлѣніемъ радости, постановилъ прекратить инквизиторскія слѣдствія въ Германіи и закрыть трибуналы. Но это не продолжалось и года. Въ 1235 г. въ Бреве отъ 31 іюля, Григорій IX велѣлъ возобновить ихъ и снова завести духовные суды по всей имперіи.

Для того чтобы болѣе поощрить доминиканцевъ, папа подтвердилъ канонизацію знаменитаго основателя ихъ ордена. Предъ лицомъ всего католическаго міра отъ 3 іюля 1234 г., онъ снова и болѣе торжественно заявилъ о великихъ заслугахъ Доминика, назвалъ его пастыремъ и вождемъ народа Божьяго, свидѣтельствовалъ объ его дарѣ чудотворенія, которое осталось присущимъ и его тѣлу, и предписалъ включить усопшаго въ число святыхъ, праздновать его память 5 августа, объявивъ при этомъ, что за посѣщеніе его гробницы дается индульгенція и прощеніе грѣховъ всѣмъ вѣрующимъ на одинъ годъ ([1]). Все это должно было возвысить доминиканцевъ въ глазахъ прочаго духовенства, которое относилось къ нимъ съ понятной ревностью. Ихъ опора и авторитетъ скрывались въ обаяніи все еще живыхъ воспоминаній о Доминикѣ, ходившихъ въ народѣ, но для остальнаго духовенства они оставались новыми, еще начинающими и неопытными дѣятелями.

Особенно были недовольны новой инквизиціей епископы. Они оказывали ей глухую оппозицію. Въ этой оппозиціи за-

---

([1]) Bullarium Romanum; III, 483.—Срв. Ricc. di S. Germano. Muratori; scrp. VII, 992.

ключалась одна изъ причинъ трудности и медленности введенія инквизиціи. Къ столкновенію были поводы уже потому, что о новыхъ правахъ, предоставленныхъ доминиканцамъ, не было повѣщено оффиціальнымъ порядкомъ, какъ можно было ожидать. Фактъ существовалъ, опираясь лишь на частные документы, данные ломбардскимъ, лангедокскимъ и испанскимъ доминиканцамъ, но еще не прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Епископы, не имѣя формальной окружной буллы, которую Римъ будто все боялся издать, могли законно отстранять инквизиторовъ отъ исполненія ихъ новыхъ обязанностей. По канонамъ и преданіямъ духовный судъ всецѣло принадлежалъ епископамъ. Въ новомъ распоряженіи, въ которомъ имъ предлагали молодыхъ монаховъ, они видѣли деспотическое нарушеніе своихъ правъ и привилегій. Если велико было почтеніе къ папскому престолу, то паствы не менѣе уважали и епископскій санъ, который вліялъ на нихъ непосредственнѣе. Съ понятіемъ о соборѣ, какъ высшей власти церковной и народной, связывалось представленіе о высокомъ смыслѣ епископскаго сана, въ дѣйствительности потерявшаго прежнее значеніе. Другое препятствіе учрежденію инквизиціи заключалось въ государственной власти. Нельзя было лишить свѣтскихъ судей ихъ права участвовать въ процессахъ еретиковъ, что было утверждено за ними послѣдними законами. Свѣтской власти приходилось-бы дѣлиться съ молодымъ орденомъ верховнымъ правомъ жизни и смерти, подобно тому какъ епископы дѣлились съ нимъ своимъ значеніемъ и привилегіями. Встрѣтивъ такую усиленную оппозицію, всякій другой папа, менѣе энергичный, отказался-бы отъ рискованнаго предпріятія. Но не таковъ былъ Григорій IX и его другъ Пеньафорте, люди, никогда не отступавшіе отъ разъ поставленной задачи.

Пеньафорте употребилъ все свое искусство, чтобы осуществить задуманную мысль, ловко провелъ новый корабль чрезъ всѣ подводныя скалы и крѣпко поставилъ его на якорь. Епископамъ внушили, что они ничего не теряютъ, что они имѣютъ право судить совмѣстно съ инквизиторами, когда того желаютъ. Ихъ утѣшили игрушкой права, такъ какъ хорошо знали, что при многочисленности ихъ занятій и ихъ склонности къ почестямъ, а не къ дѣйствительнымъ привилегіямъ, они никогда сами не придутъ въ трибуналъ. Они стали потому тѣнью судей, а вся сила, знаніе и власть остались за инквизиторами, которые со временемъ могли совершенно ихъ

вытѣснить и дѣйствовать не только вполнѣ самовластно, но даже какъ безаппеляціонное учрежденіе, независимо отъ римскаго престола. Что касается свѣтской власти, то одной анаѳемы, которая безгранично расточалась папами въ то время, было бы достаточно, чтобы заставить непокорныхъ государей привести въ исполненіе всякую мѣру латеранскаго двора. Но, не пользуясь своимъ историческимъ могуществомъ, папство хотѣло съ обоюднаго согласія провести новую мѣру. Свѣтскимъ судьямъ предоставили также мнимое участіе въ трибуналѣ. Правительство и городъ назначили своихъ ассессоровъ и другихъ членовъ въ трибуналъ, которые постепенно лишались всякаго голоса въ каноническихъ дѣлахъ, имъ мало знакомыхъ, и которые, опасаясь невольнаго, но легко возможнаго перемѣщенія на скамью подсудимыхъ, должны были подтверждать приговоры инквизиторовъ. Третья часть конфискованныхъ имуществъ шла въ вознагражденіе правительству за такую сдѣлку.

Преодолѣвъ эти препятствія, инквизиція встрѣтила новыя. Они заключались въ прінсканіи средствъ къ существованію трибуналовъ. Надо было платить свѣтскимъ судьямъ, содержать инквизиторовъ и тюрьмы, кормить плѣнниковъ, съ достаточной церемоніей исполнять постановленія инквизиціи. Для этого изыскивали разные источники, но, не желая вооружить народъ новыми десятинами, сошлись на томъ, чтобы городъ содержалъ трибуналы на свой счетъ, а въ вознагражденіе пользовался долею конфискацій и штрафовъ. Заручившись правомъ существованія, скоро сдѣлавшись вполнѣ самостоятельной, инквизиція черезъ четыре столѣтія, стала не только грозою тѣхъ же епископовъ, но вмѣстѣ и императоровъ и даже самого римскаго престола, который подчинила своему контролю. Она совершала безнаказанно всякія злодѣйства, потому что убѣжденіе въ ея силѣ и даже святости укоренилось въ умахъ.

Она назвалась Officium Sanctae inquisitionis. Уже первыя возстанія противъ нея окружили ее ореоломъ какого-то страдальчества за правду. Протестъ, который сопровождалъ первые, робкіе шаги ея, выходилъ даже отъ самыхъ ревностныхъ католиковъ. Онъ вырывался какъ вопль негодованія средневѣковой общины, которая видѣла, что теряетъ свои существенныя привилегіи, первой изъ которыхъ было право всякой личности судиться гласнымъ, болѣе или менѣе гуман-

нымъ и независимымъ судомъ. Для массы, въ первый еще разъ, послѣ введенія христіанства, религія явилась какимъ-то гнетомъ. Уничтоженіе ереси не могло искупить всего зла, какое приносилъ съ собою этотъ чуждый, азіятскій юридическій принципъ. Либеральныя римскія и германскія формы суда успѣли пустить глубокіе корни на Западѣ; вырвать ихъ могли лишь послѣ сопротивленія и именно только авторитетомъ религіи. Вопли негодованія послышались во всѣхъ странахъ и нельзя не подмѣтить въ нихъ борьбы за старое право противъ новаго, которое впослѣдствіи организовалось у Ле-Бутельера и въ Каролинѣ по инквизиціонному образцу.

Засѣданія происходили въ опредѣленные дни и часы. Въ каждомъ большемъ городѣ Европы былъ непремѣнно доминиканскій монастырь. Одну изъ залъ его очищали для засѣданій трибунала. Въ Тулузѣ онъ имѣлъ даже особый домъ, этотъ первообразъ всѣхъ доминиканскихъ монастырей. Такой же домъ былъ въ Каркассонѣ, богатый архивъ которой служитъ источникомъ для исторіи инквизиціи. При такихъ монастыряхъ, въ подвальныхъ этажахъ, обращенныхъ во дворъ, часто устраивали тюрьмы съ желѣзными дверями и рѣшетками, безъ пола и безъ свѣта. Если въ какомъ монастырѣ тюрьмы не было, то городъ обязанъ былъ или приготовить особое помѣщеніе для церковныхъ преступниковъ въ своей темницѣ или выстроить особую тюрьму. **Инквизиціонное судопроизводство.**

При входѣ въ монастырь и въ залъ трибунала, стояла инквизиціонная стража. Въ низенькой, но большой комнатѣ, въ которую едва прорывался слабый свѣтъ изъ маленькихъ оконъ, невзрачной, какъ всѣ помѣщенія того времени, съ узорчатымъ деревяннымъ потолкомъ, за длиннымъ столомъ, на широкой лавкѣ сидѣли инквизиторы въ бѣлыхъ и коричневыхъ сутанахъ, съ шапочками на головахъ, подпоясанные веревками. Около нихъ помѣщался архіепископъ, епископъ или архидіаконъ въ парадномъ костюмѣ, за ними нѣсколько священниковъ и человѣкъ 10 или 20 черныхъ оффиціаловъ трибунала. На стѣнѣ висѣли—булла и крестъ, эмблема инквизиціи. На особомъ мѣстѣ помѣщался нотаріусъ или секретарь, чаще всего тоже изъ духовныхъ, а иногда одинъ изъ консультантовъ, къ которымъ судьи обыкновенно мало обращались. Сперва приглашали свидѣтелей и, послѣ прочтенія краснорѣчиваго внушенія, отбирали и записывали ихъ показанія.

Такимъ образомъ составлялся цѣлый актъ, который снова прочитывался вслухъ свидѣтелямъ, при чемъ спрашивали ихъ подтвержденія. По этому акту постановляли приговоръ объ арестѣ обвиняемаго. Въ тотъ же день его сажали въ тюрьму. На слѣдующее засѣданіе стража вводила подсудимаго. Ему прочитывали обвиненія неизвѣстнаго лица, гдѣ рядомъ съ истинными подробностями естественно перемѣшивались ложь и клевета. Немногіе имѣли смѣлость сразу и прямо признавать себя еретиками. Съ ними дѣло кончалось скоро или обращеніемъ, соединеннымъ съ наказаніемъ, или казнію въ случаѣ упорства. Обыкновенно главный инквизиторъ начиналъ допросъ подсудимаго, искусно испытывая его въ вѣрѣ. Для этого у инквизитора имѣется особая инструкція „ad haereticos". Допросы по пунктамъ незначительно варіировались, смотря по роду обвиненія. Но количество вопросовъ оставалось почти всегда одинаковое. Записавъ показанія, инквизиторъ сравнивалъ ихъ съ словами доносчиковъ и допрошенныхъ свидѣтелей. Въ случаѣ, если подсудимый начиналъ сбиваться, противорѣчить самому себѣ, обвинять въ клеветѣ неизвѣстнаго доносчика, то снисходительный инквизиторъ могъ показать ему копію доноса, но съ пропускомъ именъ. Онъ могъ спросить его: — нѣтъ-ли у него личныхъ враговъ, давно-ли и почему они питаютъ злобу къ нему и кто именно? Онъ также будто случайно напоминаетъ ему имена лицъ, сопричастныхъ обвиненію, интересуется въ какомъ отношеніи онъ находится къ нимъ, а если оказывалось, что подсудимый не имѣетъ противъ нихъ ничего, то уже не могло быть мѣста оправданію. Продолжая упорствовать, онъ одинаково навлекалъ на себя или осужденіе, если попадалъ въ руки снисходительныхъ, или мученія пытки, если имѣлъ несчастіе стать жертвою какого нибудь суроваго фанатика.

Еще до введенія инквизиціи, на всемъ Западѣ прибѣгали къ испытанію огнемъ и водою, какъ къ средству дознанія истины. Такой обычай господствовалъ и въ варварскіе и въ темные вѣка. По древнимъ германскимъ преданіямъ еще языческой эпохи, всякій, выдержавшій такое испытаніе, считался оправданнымъ. Судъ огнемъ и водой былъ короткимъ и правымъ въ глазахъ людей, не вышедшихъ еще изъ дикаго кочеваго состоянія. Этимъ людямъ могло казаться, что само божество вмѣшивается свыше въ положеніе человѣка и посылаетъ слабому смертному могучія силы выдержать

страшное испытаніе. Введеніе пытки въ процессахъ религіозныхъ было однимъ изъ наслѣдій, переданныхъ германскимъ язычествомъ христіанскому міру и Церкви. Ордаліи въ сущности были пыткой; за то, вынесшій испытаніе безусловно считался оправданнымъ. Но служители христіанскаго Бога оказывали несравненно меньшее состраданіе къ вынесшему пытку, чѣмъ язычники; первые не признавали его правымъ, если бы онъ продолжалъ отрекаться отъ ереси, если бы даже на ихъ глазахъ оказалъ чудеса геройства, потому что эти люди не могли примириться ни съ какою уступкой, не нарушивъ своихъ основныхъ принциповъ. Понятно, что ордаліи дикихъ, грубыя сами по себѣ, являлись чѣмъ-то благороднымъ, сравнительно съ пыткою, введенною въ трибуналахъ инквизиціи. Развившись изъ языческихъ ордалій, пытка сперва и носила такой характеръ. Извѣстія о первыхъ пыткахъ въ религіозныхъ дѣлахъ тщательно занесены въ лѣтописи. Въ 1144 г. въ Суассонѣ въ первый разъ подвергли испытанію водой найденныхъ тамъ катаровъ, потомъ въ Арассѣ въ 1182 году. На реймскомъ соборѣ 1157 г. было постановлено пытать еретиковъ раскаленнымъ желѣзомъ. Въ Безансонѣ въ 1209 г. и въ Страсбургѣ въ 1212 г. такая пытка была примѣнена къ вальдензамъ (1). Это привело въ негодованіе папу Иннокентія III, который сдѣлалъ строгій выговоръ епископамъ и на латеранскомъ соборѣ 1215 г. въ XVIII канонѣ воспретилъ это варварство. Но послѣ его смерти, злоупотребленія епископовъ возобновились. Въ 1217 г. пытали еретиковъ въ Камбре (2). Но тогда выдержавшій пытку могъ еще надѣяться получить оправданіе. Когда инквизиція упрочилась съ 1233 г., то она эксплуатировала эту наивную вѣру германскихъ племенъ въ ордаліи. Въ ея рукахъ испытаніе сдѣлалось лишь принудительнымъ средствомъ къ сознанію.

Такъ какъ вообще инквизиторы не нуждалась въ сознаніи подсудимаго, то пытка являлась ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ жестокости. Впрочемъ должно замѣтить, что она была заимствована изъ свѣтскихъ судовъ. Одинъ изъ инквизиторовъ наединѣ руководилъ истязаніями; ему нужны были только служители и иногда секретарь; послѣдній былъ тоже изъ духовныхъ. Конрадъ марбургскій отличался особенной изобрѣ-

(1) Regest. Innoc. III; XI, 46; XIV, 138.

(2) Ces. Heisterbacensis. Illustria miracula, 167.

тательностію въ пыткахъ; онъ говорилъ, что добивается признанія только для оправданія своей совѣсти. Но личности въ родѣ Конрада марбургскаго или Петра веронскаго были исключеніями даже между инквизиторами. Сравнительно съ испанской эпохой, инквизиція Лангедока и Италіи употребляла пытки весьма рѣдко. Тогда какъ въ Испаніи инквизиторы почти все дѣло производили въ пытальной камерѣ, доминиканцы перваго времени, за ничтожными исключеніями, относились къ пыткѣ съ внутреннимъ отвращеніемъ. Они старались дѣйствовать не на тѣло, а на духъ подсудимаго. Они никогда правда не стѣснялись обманомъ и лукавствомъ, хотя дѣйствовали вообще осторожно. Большинство инквизиторовъ разсчитывали на свою итальянскую ловкость и на краснорѣчіе (1). Они пугали подсудимаго страхомъ смерти, рисовали ему ужасы ада. Въ темницѣ грозили ему дать очную ставку съ свидѣтелями, что отстраняло само собою всякое снисхожденіе. Наконецъ въ казематъ являлись бывшіе знакомые и друзья несчастнаго, подосланные трибуналомъ. Они уговаривали его во всемъ сознаться, чтобы избѣгнуть смерти. Тотъ увѣрялъ ихъ, что обвиненіе вымышлено, что онъ честный католикъ, въ чемъ приносилъ клятву. Тогда инквизиторъ приказывалъ привести жертву въ пытальную камеру. Страшныя орудія, хотя не доведенныя еще до позднѣйшаго усовершенствованія и артистической утонченности, непривѣтливо выглядывали съ разныхъ концевъ. Жертва была непреклонна. Инквизиторъ говорилъ подсудимому, что его клятва ложна, что онъ напрасно клевещетъ на себя и навлекаетъ тѣмъ на инквизицію тяжелую обязанность (2). Пытки одна за другой слѣдовали по ихъ тяжести:—дымомъ, водой и огнемъ. Немногіе могли дотянуть до третьей. Это разнообразіе и методичность истязаній могли появиться только послѣ буллы Иннокентія IV 1252 г., гдѣ вѣжливо пытка была замаскирована словами „умаленіе членовъ“. Инквизиція

---

(1) Нотаріусъ и секретарь, выбранные изъ священниковъ или мелкаго духовенства, въ силу буллы отъ 9 дек. 1256 г., отнимали всякій характеръ правосудія и самостоятельности отъ трибунала. Въ буллѣ не скрывали цѣли: Nos tamen in favorem fidei, cujus in hac parte negotium geritur etc. (Doat; XXXI, 198, также f. 271), что подтверждено въ 1260 г. Но впослѣдствіи явились во Франціи широкія гарантіи для нотаріусовъ, ставшихъ агентами королевскаго прокурора; объ этомъ у Doat. XXXI, 15.

(2) Ivonetus. Tract. de haer. paup. de Lugduno,—Mart. et Dur. V, 1789.

взяла отъ свѣтскихъ судовъ готовыя формы пытки и ея орудія. Постоянное вздергиваніе на блокѣ, отъ котораго растягивались мускулы и хрустѣли кости въ обыкновенной пыткѣ испанскихъ инквизиторовъ, нѣсколько подходило къ смыслу этого выраженія, но это ничѣмъ не напоминало германскія ордаліи. Палачи были одѣты въ длинную черную одежду кающихся; ихъ голова была закрыта капишономъ, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, носа и рта. Они связывали назадъ руки подсудимаго, поднимали его по блоку на воздухъ за веревку, нѣсколько времени держали въ такомъ положеніи на воздухѣ, и потомъ сразу кидали на полъ. Ужасныхъ криковъ, которые тогда издавала жертва, никто не слышалъ, такъ какъ пытки производились обыкновенно ночью, въ глухомъ подвалѣ, откуда не проникалъ ни одинъ звукъ. Давъ пытаемому придти въ себя, приступали къ нему тотчасъ же или немного спустя съ новыми допросами, за которыми могла послѣдовать пытка водой. Подсудимаго опаивали, вливали воду въ носъ и въ уши до онѣмѣнія. Это сопровождалось еще наружными истязаніями, страшной болью отъ гвоздей, которыми была истыкана скамья и которые впивались въ тѣло. Еретикъ истекалъ кровью, но его могли подвергнуть новой ужаснѣйшей пыткѣ: разводили огонь, клали ногами къ пламени и палили въ такомъ положеніи медленнымъ огнемъ (1). Каждая пытка продолжалась около часа. Но, повторяемъ, разукрашенныя подробности пытокъ, которыя связаны съ памятью объ инквизиціи, относятся преимущественно къ испанской эпохѣ, къ временамъ истребленія мавровъ, евреевъ, колдуновъ, вѣдьмъ, къ XV и XVI столѣтіямъ. Въ XIII и XIV вѣкахъ въ Ломбардіи, Лангедокѣ, Франціи и Италіи, пытка примѣнялась рѣдко; орудія ея не были замысловаты; системы и утонченностей почти не существовало. Личная жестокость какого нибудь инквизитора значила здѣсь столько-же какъ отдѣльный фактъ свирѣпаго насилія, деспотизма и имѣла смыслъ частнаго явленія. Въ 1311 г. Климентъ V, если не могъ возбранить пытку, то по крайней мѣрѣ ограничилъ ея приложеніе. Въ силу „Климентинъ“ для нея требовалось непремѣнное согласіе епископа.

---

(1) Mém. conc. l'inq. p. 27.—Подробнѣе Llorente для позднѣйшаго времени, т. е. примѣнительно къ испанской инквизиціи.

Такъ или иначе, но признаніе отъ подсудимаго добывали. Защитить его никто не могъ. Трибуналъ былъ учрежденіемъ закрытымъ; проникнуть въ него постороннему безъ приглашенія было почти невозможно. Всякая дружба, преданность, энергія замирали на его порогѣ. Но въ свободныхъ городахъ Италіи и Лангедока, съ издавна привыкшихъ къ суду гласному, съ присяжными и защитниками, не могло не проявиться попытки внести защиту и въ духовный трибуналъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого Григорій IX издалъ буллу, въ которой запрещалъ свѣтскимъ судьямъ, адвокатамъ, нотаріусамъ оказывать какую либо защиту подсудимымъ, подъ опасеніемъ лишенія должностей. Единственно, что допускалось,—и то вѣроятно для лицъ высокопоставленныхъ въ должностной и свѣтской іерархіи,—это аппеляція къ папѣ. Тогда всѣ документы, протоколъ и приговоръ, посылали въ Римъ. Тамъ, согласно каноническому праву, папа утверждалъ или измѣнялъ сентенцію. Инквизиторы лично ѣздили въ Римъ оправдываться и давать объясненія. Только папа могъ взять осужденнаго подъ свое покровительство. Кардиналы изрѣдка являлись разбирать жалобы на инквизиторовъ. Такъ продолжалось до половины XIV столѣтія. Но потомъ и эта слабая узда была снята.

Впрочемъ провансальская инквизиція не всегда была безпощадна; она знала оправдательные приговоры. Тогда трибуналъ выдавалъ подсудимому копію съ своего постановленія, въ которомъ имя обвинителя конечно не упоминалось. Тѣнь подозрѣнія все-таки оставалась; подсудимый былъ близокъ къ преступленію по убѣжденію инквизиторовъ, и легкое дисциплинарное наказаніе, какъ то: усиленная молитва, земные поклоны считались необходимыми. Въ то же время, оправданный получалъ отъ инквизитора секретно, ad cautelam, разрѣшеніе отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія за свой мнимый проступокъ.

Приговоры инквизиторовъ.

Разбирая громадную массу протоколовъ, чаще всего встрѣчаешь приговоръ, объявлявшій подсудимыхъ въ положеніи подозрѣваемыхъ. При многочисленности подсудимыхъ, при томъ характерѣ процесса, когда малѣйшаго желанія всякаго лица было достаточно для привлеченія кого угодно къ отвѣтственности, — это было весьма естественно. Улики были ничтожныя, свидѣтель твердилъ однѣ стереотипныя

фразы: я слышалъ, такъ говорили, и т. п. Подсудимый оказывался съ виду истиннымъ католикомъ, но разъ закравшееся подозрѣніе нельзя было уничтожить никакими доводами. Подозрѣніе формулировалось трояко: слабое, тяжкое и сильное. Но должно замѣтить, что даже для права быть въ подозрѣніи требовалось все таки оправданіе отъ обвиненія, а слѣдовательно, казалось бы и отъ всякаго соучастія. За симъ слѣдовало полное клятвенное отреченіе отъ всякихъ видовъ ереси, которой прежде можетъ быть вовсе и не зналъ подозрѣваемый. Тогда съ него снимали отлученіе и принимали въ лоно Церкви какъ обращеннаго (reconciliatus), но присуждали все же къ церковному покаянію на три года. Это значило оставить въ самомъ легкомъ подозрѣніи.

Тотъ, который послѣ всѣхъ допросовъ, даже пытки, отказывался дать отреченіе отъ ереси, можетъ быть не чувствуя за собой никакой вины и не желая клеветать на себя, а можетъ быть и по упорству, наказывался собственно по категоріи подозрѣваемыхъ. Такіе считались оставленными въ тяжкомъ и сильномъ подозрѣніи. Они состояли подъ анаѳемой и, если въ продолженіи года не пріобрѣтали права освободиться отъ нея, то считались еретиками упорными (obstinati), хотя бы противъ нихъ въ этотъ годъ не было представлено никакихъ обвиненій. Тогда ихъ снова приводили въ трибуналъ и безповоротно рѣшали ихъ участь, передавая въ руки свѣтской власти. Вполнѣ отрекшійся и получившій прощеніе, но послѣ снова впавшій въ ересь или заподозрѣнный, уже не получалъ никакого снисхожденія, а признавался отпавшимъ (relapsus). Ему былъ одинъ исходъ — смерть на кострѣ, — судьба еретика нераскаяннаго и необращеннаго. Обратившійся къ трибуналамъ съ раскаяніемъ раньше года получалъ прощеніе, снятіе отлученія, но подъ условіемъ примѣненія особыхъ дисциплинарныхъ наказаній, весьма тяжелыхъ. Онъ долженъ былъ носить покаянную одежду темнаго цвѣта, сшитую на манеръ сутаны съ большимъ крестомъ на груди и на спинѣ—saco bendito, san benito (zamarra у испанцевъ)—мѣшокъ, въ который просовывалась одна голова. Онъ долженъ публично бичевать себя и примириться съ путешествіями къ св. мѣстамъ, бдѣніемъ, постомъ, истязаніями и постоянной молитвою въ продолженіи опредѣленнаго времени. Самый обрядъ разрѣшенія, по истеченіи срока

эпитимьи, совершался торжественно въ главной церкви города, въ присутствіи разрѣшеннаго.

Acta fidei. Первая инквизиція несравненно болѣе дорожила жизнію человѣка, чѣмъ испанская. Казни сравнительно были ничтожны. Это происходило не столько отъ духа ея законодательства, хотя послѣ оно стало значительно суровѣе, сколько отъ условій средневѣковыхъ ересей. Большая часть альбигойцевъ предпочитала обращеніе и покаяніе, хотя и притворное; не только подозрѣваемые соумышленники, даже прямые еретики, въ большинствѣ случаевъ сознавались при началѣ допроса; многіе являлись добровольно, разсчитывая на снисхожденіе. Мы говорили, что альбигойство, по самому принципу своихъ доктринъ, не любило и не цѣнило мученичествъ. И потому въ нѣсколькихъ фоліантахъ протоколовъ передача въ руки свѣтской власти, т. е. смертный приговоръ, встрѣчается весьма рѣдко, какъ исключеніе. За то въ большихъ городахъ рѣдкое воскресенье въ доминиканскихъ монастыряхъ и въ каѳедралахъ не было обращенія какого нибудь еретика и подозрѣваемаго, а по улицамъ провансальскихъ и ломбардскихъ городовъ постоянно сновали взадъ и впередъ черные люди съ двумя крестами на груди, а нерѣдко съ опущенными на лицо капишонами, а также женщины съ желтыми крестами на черныхъ вуаляхъ. Такъ какъ казни были рѣдки, то актъ вѣры, actum fidei, atto di fede, а у испанцевъ auto da fe, какъ единственный публичный обрядъ инквизиціи, привлекалъ къ себѣ все вниманіе публики и потому совершался съ нѣкоторою торжественностію. По воскресеньямъ обыкновенно читали въ церквахъ, кого, гдѣ и когда будутъ принимать въ лоно католичества, и приглашали народъ слушать проповѣдь такого-то отца инквизитора. Если обращенный былъ изъ числа сильно подозрительныхъ, то во всѣхъ церквахъ въ назначенный день не допускали проповѣди, чтобы сосредоточить все вниманіе на одномъ мѣстѣ. Какъ на праздникъ, народъ устремлялся въ соборъ смотрѣть на еретика. По большей части это былъ человѣкъ ничѣмъ не причастный къ альбигойству, а такой же католикъ какъ и другіе, имѣвшій счастіе быть оставленнымъ въ слабомъ подозрѣніи. Онъ стоялъ на особой эстрадѣ, босой, въ простой черной одеждѣ. Начиналась обѣдня. Послѣ Апостола, отецъ инквизиторъ велерѣчиво громилъ еретиковъ. Потомъ онъ переходилъ къ предмету торжества. Онъ разсказывалъ, какъ было дѣло,

скрывая имена, и заключалъ, что подсудимому дозволено отречься въ присутствіи всѣхъ предстоящихъ. Тотъ клялся надъ крестомъ и Евангеліемъ, подписывалъ актъ отреченія, если умѣлъ писать, инквизиторъ разрѣшалъ его и внятно прочитывалъ то каноническое наказаніе, которому онъ подвергался.

Наказанія.

Оно различествовало по степени подозрѣнія и по прихотливой изобрѣтательности различныхъ соборовъ. Постановленія, начертанныя самимъ Доминикомъ, служили основой всякой эпитимьи ([1]). Но костюмъ и другія условія покаянія разнообразились. Простые еретики и подозрѣваемые носили два желтыхъ креста, но бывшіе „совершенными" и духовными альбигойскими носили третій крестъ, мужчины на капишонахъ, а женщины на вуаляхъ. Капишонъ спускался на лицо; въ немъ были прорѣзаны отверстія для глазъ и губъ. Въ такомъ нарядѣ, обращенный еретикъ походилъ на фигуру восточнаго схимника. При каждой церковной процессіи всѣ каящіеся должны были присутствовать. Вмѣсто свѣчей они несли розги. По окончаніи крестнаго хода они подходили къ священникамъ для полученія слѣдуемыхъ ударовъ. Разъ въ мѣсяцъ они должны были являться съ такой же странной просьбой въ тѣ дома, гдѣ прежде они встрѣчались съ еретиками. Они три раза въ году пріобщались; дома и въ церкви клали учащенные поклоны. Они не могли пропускать ни одной службы и соблюдали посты. Въ этомъ отношеніи каявшемуся предлагалась цѣлая діэта, тщательно опредѣлявшая, въ какой день ему слѣдовала какая пища. Во время поста онъ стоялъ за дверью церковной до Великаго Четверга. Ему предписано было обойти замѣчательные храмы и монастыри Франціи, Италіи и Испаніи, славные или своими мощами или воспоминаніями.

Гораздо безпощаднѣе относилась инквизиція къ тѣмъ, кто предъ лицомъ ея сохранялъ упорство въ своей вѣрѣ и, горделиво не отрекаясь отъ ереси, провозглашалъ свою вѣру святой или кто только на пыткѣ сознавался въ ереси. Первое влекло къ костру, второе къ пожизненному заключенію въ государственной тюрьмѣ. То и другое сопровождалось про-

---

([1]) «Hoc officium delegatae Inquisitionis generalis inquisitor Dominicus pro toto mundo esse creatum». Ludovicus a Paramo. De origine et progressu S. Inquis. C. I, c. 2. Въ рукописныхъ протоколахъ passim, напр. Doat; XXXI, 2 etc.

клятіемъ. Каждое воскресенье повторялась эта анаѳема на страхъ всѣмъ вѣрнымъ. Во время чтенія похороннаго списка, молящіеся тушили свои свѣчи, а колокола погребально звонили.

Отношеніе государственной власти.

Государственная власть съ своей стороны бралась быть орудіемъ исполненія приговора и въ вознагражденіе получала большую долю изъ имущества осужденнаго. Обыкновенно коммуна, инквизиція, епископъ одинаково были наслѣдниками всего достоянія казненнаго. Коммуну смѣнилъ впослѣдствіи королевскій фискъ, когда Лангедокъ сталъ принадлежать королевской коронѣ, а въ Италіи — мѣстные принчипи, когда исчезла независимость городовъ (1). Описанная движимость шла на тюрьмы и на содержаніе служителей трибуналовъ. Дома, въ которыхъ жили еретики, не доставались никому. Они, какъ оскверненные, должны быть разрушены; на то мѣсто, гдѣ они стояли, свозили нечистоты (2). Всякій, кто сталъ бы строиться тутъ или предполагалъ очистить и культивировать такое мѣсто, подвергался отлученію. Инквизиція въ точности опиралась на законы Фридриха II. Раймондъ VII тулузскій до того простеръ свою ревность къ истребленію альбигойскихъ жилищъ, что даже озаботился сносить отдаленныя хижины въ лѣсахъ и горахъ. Интересно наблюдать въ документахъ эту сдѣлку. За сколько продавали себя инквизиторамъ католическіе государи?

Содѣйствіе королей Франціи.

Во Франціи могущественная королевская власть цѣлыя столѣтія служила инквизиторамъ своими прокурорами и нотаріусами для производства дѣла. Съ теченіемъ времени, около XIV столѣтія, когда послѣдніе встали подъ наблюденіе прокурора, тотъ предписывалъ имъ слѣдить чтобы не было злоупотребленій и грабежа (pilleries) монаховъ въ трибуналахъ. Нотаріусы, прежде весьма скромные, стали теперь значить болѣе чѣмъ секретари; они назначались изъ легистовъ

---

(1) Альфонсъ, графъ Тулузы, не выѣзжавшій почти изъ Франціи, особенно заботился объ этой статьѣ своихъ доходовъ. Онъ часто напоминалъ о томъ своимъ viguiers. Doat. XXXI, 228, 254 etc. Тамъ же IX булла Иннокентія IV; f, 71.

(2) Fiat sordium receptaculum, писалъ еще Иннокентій III въ Reg. X, 130, — Sententia contra pomos in quibus fuerunt personae hereticate, произнесенная въ 1309 г., подтверждается въ Liber sent. inq. Tolosanae.

съ учеными степенями докторовъ и баккалавровъ. Они сами и ихъ помощники должны были непремѣнно присутствовать при каждомъ процессѣ. Они скрѣпляли, подписывали приговоръ и прикладывали къ нему печать (praesens interfui, recepi et solito signo meo hic manu propria me subscripsi). Всѣ легаты заботились лишь о выгодѣ королевскаго фиска, и имъ было съ руки подобное учрежденіе, которое легко могло подъискивать внезапные источники доходовъ. Мы знаемъ, что послѣ короли довели свою законную треть до половины. При канцеляріяхъ инквизиціи открылась особая канцелярія нотаріуса. Королевскій прокуроръ просматривалъ всѣ процессы, которые нотаріусъ обязанъ былъ препровождать къ нему подъ опасеніемъ штрафа въ 100 солидовъ. Прокурора интересовалъ собственно доходъ, а вовсе не юстиція, потому что онъ на каждой страницѣ видѣлъ ея посмѣяніе.

Обѣ стороны жили въ тѣсной дружбѣ. Одна изъ другой извлекала возможныя выгоды. Ни нотаріусъ, ни кто либо изъ свѣтскихъ лицъ не могли касаться духовныхъ дѣлъ безъ полномочія инквизиторовъ. Никто не могъ быть арестованъ по какому бы то ни было церковному дѣлу безъ приказанія инквизиторовъ, а это была обширная подсудность, такъ какъ сверхъ всего трибуналъ наблюдаетъ еще за благочиніемъ и жизнью священниковъ, благочиніемъ церковнымъ и порядкомъ богослуженія (¹). Что могло избавить и обезопасить отъ знакомства съ застѣнками инквизиціи, особенно при такихъ отношеніяхъ къ ней свѣтской власти? Послѣдняя за всѣ свои услуги требовала одного, чтобы ей сообщали объ арестахъ и осужденіяхъ — „et ouy le procureur du Roi afin que le droit du Roy soit garde et justice decisement administrée“ (²). Такимъ удовлетвореніемъ личнаго самолюбія до-

---

(¹) Это видно изъ «Forma sent. degraditionis et immurationis contra aliquem sacerdotem vel clericum aut personam Ecclesiasticam qui baptizavit aliquos imagines in fontibus baptismalibus in formam baptismii in Ecclesia aliqua vel exiam contra Ecclesiam ad feciendum aliqua sortilegia, vel maleficia, seu ad aliquos actus illicitos, vel in debite procurandum.... Item qui hostiam non consecratam ministravit scienter alicui loco hostiae consecratae cum pari reverentia et honore». Doat: XXIX, 259 — 263. «Procedere contra omnes qui se opposuerunt contra officium seu negotium fidei sibi commissum». XXX, 23.

(²) Doat; XXXI, 17.

вольствовалась монархическая власть. Никакой королевскій чиновникъ не могъ освободить изъ тюрьмы человѣка, заключеннаго инквизиторами. Такая попытка судилась-бы на равнѣ съ еретичествомъ. Бонифацій VIII подтвердилъ это своими декреталіями (¹).

Всякій гражданинъ, подданный короля, подвергнутый заточенію, становился собственностью инквизиціи или лучше одного папы. На вѣчное заточеніе обрекались тѣ подсудимые, которые только послѣ крайнихъ угрозъ и пытки, отрекались отъ ереси. Заточеніе могло быть временнымъ, если преступникъ обнаруживалъ признаки искренняго раскаянія. Но это было исключеніемъ и нуждалось въ особомъ утвержденіи епископа. По освобожденіи, обращенный былъ обязанъ самъ преслѣдовать еретиковъ. Просидѣвшій въ заточеніи опредѣленное время, всегда могъ быть снова привлеченъ къ наказанію, если того требовала польза вѣры, а поводовъ къ тому всегда бывало достаточно.

Казни еретиковъ. Еретики, отъ которыхъ судъ не могъ вынудить отреченіе, такъ называемые упорные (impenitenter obstinati) и вторично отпавшіе (relapsi),—присуждались къ смерти, безъ упоминанія слова казнь. Трибуналъ въ такихъ случаяхъ постановлялъ: предать виновнаго въ руки свѣтской власти. Послѣдняя знала, что́ скрывается подъ этими лаконическими словами. Такъ велось съ веронскаго собора 1183 г. Въ свою очередь властямъ нельзя было не совершить казни надъ осужденнымъ, ибо это равнялось ослушанію воли и распоряженія трибунала. Должно замѣтить, что инквизиторы вообще избѣгали этой формулы. Они употребляли всѣ искреннія усилія, чтобы одолѣть нераскаяннаго и не допустить его до костра. Они понимали, что казнь за убѣжденія не есть само по себѣ ни исправленіе, ни наказаніе, что она осѣняетъ преступника вѣнцомъ мученика и многихъ подчиняетъ его примѣру. Они высоко цѣнили жизнь человѣка. Все, что внушало имъ благоразуміе, діалектика, искусство убѣжденія — они прилагали къ дѣлу; они всѣми мѣрами строгости и кротости старались подѣйствовать на нераскаяннаго, чтобы вернуть его къ Церкви. Ему давали время одуматься. Родные, друзья, ловкіе проповѣдни-

(¹) Traité sur les privilèges de l'inq.—Doat, XXX, 21.

ки навѣщали его въ тюрьмѣ и бесѣдовали съ нимъ. Наконецъ приходилъ самъ епископъ. Еретикъ уже требовалъ казни; онъ видимо горѣлъ нетерпѣніемъ погибнуть на кострѣ. Но инквизиторы тоже не уступали; они удвоивали свои просьбы и свою любезность. Ему обѣщали облегчить заключеніе по возможности. Когда ничто не помогало — назначали день казни и снова отдаляли его. Иногда приговоръ смѣнялся заключеніемъ накапунѣ траурной церемоніи. Такъ какъ казни случались довольно рѣдко и были событіемъ, то онѣ обыкновенно волновали всю окрестность. Народъ стекался въ городъ, по особому извѣщенію, ко дню казни. Объ этомъ читали во всѣхъ церквахъ епархіи. На площади готовили подмостки съ связками дровъ. Осужденнаго приводили въ одной рубашкѣ, окруженнаго служителями инквизиціи. Въ его рукѣ былъ факелъ; передъ нимъ несли распятіе. Духовенство съ хоругвями открывало процессію, потомъ шелъ главный инквизиторъ, окруженный клирошанами, пѣвшими духовные гимны, и знаменосецъ инквизиціи. За нимъ, по два въ рядъ, шли члены трибунала. Народъ, переполнявшій площадь и кровли домовъ, падалъ ницъ передъ страшнымъ знаменемъ. Когда процессія останавливалась на мѣстѣ казни, то секретарь прочитывалъ краткое извлеченіе изъ дѣла и приговоръ инквизиціи. Тогда инквизиторъ всходилъ на трибуну. Онъ говорилъ объ ужасахъ и нечестіи ереси, передавалъ осужденнаго, какъ нераскаяннаго, въ руки свѣтскаго правосудія и произносилъ надъ нимъ проклятіе. Тогда окружалъ еретика отрядъ воиновъ, одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ возглашалъ, что въ силу существующихъ узаконеній еретики предаются сожженію. Палачи связывали осужденнаго и костеръ поджигали.

Такъ какъ фанатичные еретики, не ожидая пощады, сами умерщвляли себя (endura) то инквизиціонная бюрократія выработала актъ объ особомъ осужденіи тѣхъ еретиковъ, которые наложатъ на себя руки (¹).

Если агенты инквизиціи нигдѣ не находили еретика и онъ не являлся по вызову, то какъ contumax, ослушный, онъ тѣмъ самымъ признавалъ себя нераскаяннымъ еретикомъ. По этому заочный приговоръ составлялся обыкновенно въ этомъ смыслѣ, съ тою только разницей, что вмѣсто отсутствующаго горѣло его изображеніе деревянное, или бумаж-

(¹) Doat; XXIX, 208—210.

ное. Дѣти и внуки погибшаго на кострѣ еретика были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ; они не могли получить никакого гражданскаго и духовнаго мѣста, хотя бы оставались католиками. Надъ ними тяготѣло проклятіе отцевъ.

Страшныя жертвы, принесенныя инквизиціею во имя религіи, послужили не на пользу, а во вредъ ей. Церковь въ нихъ не могла нуждаться, потому что онѣ опозорили ее. Скоро и сами инквизиторы, хранившіе долго безстрастность и руководившіеся одною фанатическою ревностію къ своему дѣлу, подпали соблазну и стали злоупотреблять своей безотчетной и громадной властью. Уже въ XIII ст. раздался обвинительный голосъ противъ злоупотребленій. „Почему отказываютъ обвиненнымъ въ законномъ ихъ правѣ защищать себя? спрашивалъ одинъ изъ католическихъ богослововъ. Зачѣмъ обвиняютъ въ ереси честныхъ женщинъ, единственно за то, что онѣ отказываются удовлетворить безпутнымъ предложеніямъ нѣкоторыхъ священниковъ, тогда какъ въ то же время отпускаютъ безъ покаянія богатыхъ еретиковъ, которые могутъ заплатить судьямъ и откупиться?“ (¹).

Эти слова открываютъ такія тайны трибуналовъ, которыя никакъ не могли попасть въ оффиціальные протоколы инквизиціи. Значитъ позднѣйшіе инквизиторы, которые безчестили еретичекъ и мнимыхъ вѣдьмъ послѣ осужденія, или покупали ихъ расположеніе ложными обѣщаніями спасенія ихъ жизни, имѣли отчасти готовый примѣръ въ преданіяхъ трибуналовъ прежняго времени. Пылкая ненависть, которую всегда внушали къ себѣ католическіе духовные въ Лангедокѣ, бывшіе гасителями культуры и цивилизаціи страны, ненависть, художественнымъ памятникомъ которой служатъ вѣчно свѣжіе стансы провансальскихъ трубадуровъ, обязана своею силою болѣе всего дѣятельности инквизиторовъ, системѣ насилія, которую они приносили съ собою, ихъ методичной жестокости, особенно лицемѣрію, корыстолюбію и низости. Въ инквизиціи выразилась отрицательная сторона Римской Церкви, вредившая католицизму, ослаблявшая и подрывавшая его авторитетъ.

Перейдемъ теперь къ явленіямъ инаго характера, къ положительной сторонѣ въ историческихъ судьбахъ этой Церкви.

(¹) Petrus Cantor. «Verbum abbreviatum». — Migne. Patr. CCV.

Рыцарство и его происхожденіе.

Общая картина жизни католической Церкви будетъ далеко не полна, если мы не представимъ развитія тѣхъ сторонъ ея и учрежденій, въ которыхъ выразилось ея соприкосновеніе съ самимъ обществомъ. Типичнѣе всего проявились эти стороны въ рыцарствѣ, духъ и организація котораго были обусловлены Церковью и еще ярче въ такъ называемыхъ духовно-рыцарскихъ орденахъ, блистательная эпоха существованія которыхъ принадлежитъ къ XIII столѣтію. Потому, прежде чѣмъ закончить эту главу разсмотрѣніемъ нравственнаго состоянія духовенства, слѣдуетъ съ должнымъ вниманіемъ, хотя не съ спеціальными подробностями, остановиться на происхожденіи, обычаяхъ, образѣ жизни рыцарей лучшей поры ихъ, а также на исторіи трехъ знаменитыхъ обществъ: госпиталитовъ, тампліеровъ и тевтоновъ. Этимъ выяснится и сила церковнаго вліянія на общество того времени, и тѣсная связь католицизма съ жизнію. Въ формѣ рыцарскихъ учрежденій общество вступило въ живое соприкосновеніе съ Церковью.

Рыцарство было порожденіемъ католической Церкви; оно выросло подъ ея крыломъ и окрѣпло въ ея нѣдрахъ; оно служило Церкви, а вмѣстѣ и общественному порядку, продолжая играть великую историческую роль, пока не образовались и не развились другія учрежденія на закатѣ среднихъ вѣковъ, болѣе соотвѣтствовавшія такому призванію. Что рыцарство было созданіемъ Церкви видно изъ того, что оно умерло съ упадкомъ религіознаго энтузіазма. Несправедливо думать что рыцарство возникло въ лѣсахъ полудикой Германіи; еще неосновательнѣе выводить его происхожденіе изъ условій воинственной жизни сарацинъ. И теперь еще, многіе историки объясняютъ возникновеніе учрежденій рыцарства указаніемъ на обычаи древнихъ германскихъ воиновъ, которые, препоясывая мечемъ своихъ сыновей, возлагали на нихъ руки, наставляли ихъ въ храбрости и брали съ нихъ клятву сражаться за родину. Эти воители отдаленныхъ вѣковъ не руководились тѣмъ возвышеннымъ духомъ самоотверженія, который составляетъ отличительную сторону рыцарства всѣхъ христіанскихъ народовъ безъ различія племени. Равнымъ образомъ нельзя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими историками, приписывать королю германскому Генриху Птицелову (918—936 г.) руководящую роль въ развитіи рыцарства. Это предположеніе основывается на боевой славѣ и гром-

кихъ побѣдахъ Генриха, одержанныхъ имъ надъ венграми, датчанами, славянами. Полагали, что этими побѣдами король былъ обязанъ усовершенствованію военнаго дѣла и преимущественно кавалерійскаго строя, вообще той дисциплинѣ, которую Генрихъ умѣлъ придать тогдашнему нѣмецкому воинству. Нѣкоторые нѣмецкіе историки шли еще дальше и утверждали, что именно въ 914 г., послѣ битвы съ венграми подъ Мерзебургомъ, король въ окрестностяхъ Геттингена устроилъ первый рыцарскій турниръ. Конечно, такія историческія явленія, какъ рыцарство, не создаются волею государей и ихъ повелѣніями. Рыцарство принимало постепенно ту сложную и типичную организацію, съ которою оно извѣстно въ исторіи. Надо замѣтить, что воображеніе средневѣковыхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ приписывало тому же Генриху Птицелову такія дѣянія, которыя были результатомъ исторіи цѣлыхъ столѣтій. Онъ считался, напримѣръ, виновникомъ возникновенія городскаго сословія. Что Генрихъ не могъ имѣть понятія о ритуалѣ рыцарей, тогда не существовавшемъ,—это несомнѣнно. Онъ самъ не былъ проникнутъ идеями рыцарства и, конечно, не могъ внушить ихъ другимъ. Между пограничной стражей въ маркахъ короля Генриха и рыцарствомъ среднихъ вѣковъ нѣтъ ничего общаго. Въ рыцарствѣ выразилось торжество идеальныхъ началъ надъ матеріальными условіями жизни. Духъ рыцарства,—въ коемъ объединяется весь Западъ и всѣ племена населявшія его,—приносилъ за собою прогрессъ. Мусульманскіе витязи вовсе также не расположены были погибать ради идеи служенія ближнему. Такой духъ только и могъ проявляться подъ вліяніемъ христіанства и особенно католицизма, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ условій, которые переживалъ Западъ въ эпоху всеобщаго разложенія общественныхъ элементовъ, въ страшное время политической безурядицы и гражданскаго хаоса, когда чувствовалась необходимость нравственной сдержки. Тогда, какъ извѣстно, Римская Церковь пришла на помощь обществу. Она старалась спасти что было возможно, умиротворяя, подавляя насилія и раздоры, дѣйствуя словомъ проповѣди и страшнаго загробнаго наказанія на непокорныхъ. Благотворному вліянію и энергіи правящаго католическаго духовенства Западъ былъ обязанъ Божьимъ перемиріемъ, о чемъ мы говорили въ свое время (I, 424). Но и этого было мало. Надо было воззвать къ благороднымъ чувствамъ немногихъ, призвать ихъ на помощь

страдающимъ отъ насилія себѣ подобныхъ, надо было самоотверженными подвигами этихъ немногихъ, обнажившихъ мечъ въ защиту ближнихъ, устыдить тѣхъ, которые унизились до звѣрскаго состоянія. Этого Церковь достигла поученіями и назиданіями; она задѣла благороднѣйшія струны человѣческой природы и увидѣла, какъ тутъ и тамъ, на Западѣ воины-феодалы, чаще и чаще, становились защитниками храмовъ, слабыхъ, безпомощныхъ, женщинъ и дѣтей. Тогда-то и реализировалась христіанская идея любви къ ближнему въ т. н. рыцарствѣ ([1]).

Призваніе и обязанности рыцаря.

Истинный рыцарь былъ прежде всего воинъ (Ritter, chevalier), но подъ однимъ условіемъ борьбы въ защиту слабаго и обиженнаго. Нельзя документально прослѣдить исторію рыцарства; рыцарскіе уставы рѣдко регламентировались на бумагѣ; они сами собою проникали въ жизнь; ихъ знали всѣ, до кого они касались; ихъ не было надобности издавать.

Существеннымъ призваніемъ рыцарства было служеніе Богу, чести и женщинѣ. Во Франціи, гдѣ рыцарство нашло наиболѣе благопріятную почву, благодаря вліянію увлекающагося кельтскаго племени, въ XIII вѣкѣ сложился девизъ, выражающій это призваніе: A Dieu mon âme,—Ma vie au

([1]) О рыцарствѣ много писали въ старое время. До сихъ поръ имѣетъ классическое значеніе сочиненіе: La-Curne de Sainte Palaye. Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire. P. 3 vls. 1759—87; съ прим. Nodier, P. 2 vls. 1826.—Conz. Über den Geist und die Gesch. des Ritterwesens älterer Zeit, vorzüglich in Rücksicht auf Deutschland, G. 1786.—Ziegesar. Über Ritterwesen, Point d'honneur etc. Stg. 1793.—Kaiserer. G. des Ritterwesens im Mittelalter. W. 1804.—Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen. L. 1823.—Gottschalk. Die Ritterburgen und Bergerschlösser Deutschlands. H. 9 B. 1835.—C. Mills. History of Chivalry, or Knighthood and it times. L. 2 v. 1826.—F. Serré et P. Lacroix. Vie militaire et religieuse au moyen âge et à l'époque de la Renaissance. P. 5 éd. 1876,—одинъ изъ 4 томовъ великолѣпно иллюстрированнаго и капитальнаго изданія по среднимъ вѣкамъ, единственный недостатокъ котораго отсутствіе указаній источниковъ и пособій. Прочіе томы посвящены искусству, наукѣ и литературѣ, обычаямъ и нравамъ (5 изд. 1877). Изъ новѣйшихъ соч.—Prutz. Kulturgeschichte des Kreuzzüge, B. 1883.—Въ русской литературѣ заслуживаетъ вниманія статья Ешевскаго. Женщина въ средніе вѣка въ Западной Европѣ (Соч. т. III, 343—403).—Популярный очеркъ Петелина,—Рыцарство (Новь, 1888, № 21—24)—хорошо составленный, удобенъ для чтенія въ классахъ.

roi,—Mon coeur aux dames,—L'honneur pour moi. Это служеніе проявлялось въ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Для рыцаря были обязательны слѣд. положенія, своего рода 10 заповѣдей, въ коихъ всѣ дѣйствія его были предусмотрѣны. Рыцарь долженъ былъ: 1) быть вѣрнымъ сыномъ католической Церкви, 2)—слугою ея и борцемъ, 3)—защищать слабыхъ и угнетенныхъ, 4)—любить родину, 5)—сражаться съ невѣрными, 6)—не отступать передъ врагами, 7)—повиноваться сюзерену, 8)—быть щедрымъ и милостивымъ ко всѣмъ, 9)—исполнять разъ данное слово, чего бы это ни стоило, 10)—бороться съ неправдой и съ насиліемъ, гдѣ бы рыцарь ни встрѣтилъ такое зло. Въ этихъ заповѣдяхъ выразилось все призваніе и назначеніе рыцаря, небеснымъ покровителемъ котораго по справедливости считался архангелъ Михаилъ, по Апокалипсису, низринувшій чудовищнаго дракона въ преисподнюю. Подобно ему, христіанскій рыцарь долженъ былъ карать и уничтожать всякое зло на землѣ.

Обстановка рыцаря соотвѣтствовала его призванію и назначенію.

Рыцарскіе замки.

Эти укрѣпленные непривѣтливые замки, называвшіеся донжонами, обнесенные стѣнами, широкими внизу и съуженными вверху, съ выступными въ стѣнахъ балконами, восточными мушараби и съ отверстіями вдоль ихъ, т. н. мамикулями, съ башнями и съ бойницами, опоясанные глубокими рвами, по первому знаку наполнявшимися водою, съ поднятыми перпендикулярно на цѣпяхъ подъемными мостами, эти узкіе, длинные, неубранные, съ каменнымъ поломъ покои, отъ которыхъ всегда вѣяло холодомъ и пахло сыростью и плѣсенью, гдѣ пауки свободно плели паутину, и гдѣ по ночамъ сновали летучія мыши, это отсутствіе всякихъ удобствъ и обстановки, эти голыя деревянныя скамьи вдоль стѣнъ, массивные сундуки, простые столы для трапезы, покои, украшавшіеся только гигантскими каминами, въ которыхъ сразу сгорали цѣлые стволы деревьевъ, неуютныя семейныя комнаты съ узкими окнами, въ которыхъ долго стекла замѣняли слюда, промасленная бумага и роговыя пластинки, едва пропускавшія свѣтъ, эти темницы въ подвалахъ для непокорныхъ слугъ и плѣнниковъ, которыя были немногимъ хуже помѣщенія свиты, эти потаенные ходы прорытые подъ оврагами, плохо сколоченныя деревянныя службы, напоминавшія простые сараи,—все это по-

казывало что обитатели рыцарскихъ замковъ не привыкли къ удобствамъ жизни и вовсе не были избалованы комфортомъ. Если король Филиппъ II Августъ и его супруга мѣняли платья только три раза въ годъ: на Рождество, въ Успенье и въ день св. Андрея, а бѣлье немного чаще, то во сколько разъ хуже была обставлена жизнь феодаловъ и прочихъ рыцарей. И мущины и женщины средневѣковаго времени жили въ грязи, носили бѣлье до износа и привыкали къ миріадамъ насѣкомыхъ, какъ къ обычнымъ своимъ житейскимъ спутникамъ.

Дѣтство рыцаря.

Къ этой суровой жизни, исполненной часто добровольныхъ лишеній, будущій рыцарь подготовлялся съ дѣтства. Когда мальчикъ достигалъ 7-лѣтняго возраста, мать предоставляла воспитаніе ребенка отцу, который черезъ 5—6 лѣтъ обыкновенно отправлялъ сына въ чужой домъ, чаще всего къ сюзерену, гдѣ его помѣщали въ числѣ пажей, нисколько не заботясь о какихъ либо удобствахъ. Въ рыцарскихъ романахъ часто изображаются трогательныя сцены прощанья отцовъ и матерей съ дѣтьми, осужденными, казалось, безъ всякой надобности, вести въ нѣжные годы скитальческую жизнь, обреченными питаться подачками съ чужаго стола, лишенными на долго материнскихъ заботъ и родительскихъ ласкъ. Въ этихъ наставленіяхъ выражаются взгляды людей тогдашняго такъ называемаго высшаго общества на задачи жизни.

—„Прежде всего, наставляли родители, помни что ты сынъ рыцаря, руководись всегда честью и храни славу своего рода. Будь храбръ и скроменъ вездѣ и со всѣми, потому что похвальба въ устахъ хвастуна есть порицаніе самого себя. Полагайся во всемъ на Бога. Когда выростешь, будь первымъ въ бою и послѣднимъ въ совѣтахъ; старайся хвалить подвиги не свои, а другихъ рыцарей, ибо тотъ кто скрываетъ славу рыцаря, есть грабитель его. Къ низшимъ будь добръ и снисходителенъ; за это отъ нихъ тебѣ воздастся сторицею противъ высшихъ, ибо люди сильные похвалы твои всегда примутъ за должное, а бѣдняки повсюду разнесутъ твою славу.“—Мать надѣвала на сына ковчежецъ съ мощами, отецъ вручалъ кошелекъ съ небольшимъ количествомъ монетъ на дорожные расходы, домашній капелянъ, совершивъ мессу, благословлялъ будущаго рыцаря, и вотъ мальчикъ, взобравшись на мула, сопутствуемый вѣрнымъ дядькой, переселялся къ своему сюзерену.

Пажи.

Здѣсь ему поручали разныя обязанности; очень часто изъ него дѣлали слугу. Онъ назывался во Франціи пажемъ, валетомъ, въ Германіи юнкеромъ. Онъ прислуживалъ госпожѣ, господину и ихъ гостямъ за столомъ, былъ на посылкахъ, сопутствовалъ въ прогулкахъ и на охотѣ, обучался пѣснямъ трубадуровъ, если имѣлъ призваніе, но всегда занимался физическими упражненіями, гимнастикою, въ которой достигалъ замѣчательнаго совершенства. Верховая ѣзда, искусство владѣть оружіемъ, копьемъ, мечомъ, алебардой и сѣкирой, охота—все это было на первомъ планѣ. Весьма часто молодые люди достигали удивительнаго развитія физической силы и изумительной ловкости. Они не только однимъ ударомъ копья пробивали насквозь метталлическія латы, но взмахомъ сѣкиры или алебарды разбивали большіе камни; они должны были не только достигнуть совершенства въ управленіи боевымъ конемъ, но старались въ тяжелыхъ доспѣхахъ съ разбѣга вскочить на лошадь безъ стремянъ и, не довольствуясь тѣмъ, съ пріемами искуснѣйшихъ и отважныхъ наѣздниковъ, ухитрялись перепрыгивать черезъ коня и даже черезъ голову всадника, уцѣпившись за его плечи.

Оруженосцы.

Обыкновенно на 15-мъ году опытный и отважный пажъ становился оруженосцемъ своего господина. Для этого требовалась особая религіозная церемонія. Родители пріѣзжали въ замокъ принять участіе въ торжествѣ. Они подводили сына къ алтарю, имѣя зажженныя свѣчи въ рукахъ; капелянъ благословлялъ мечъ и кинжалъ, передавая то и другое будущему воину. Тогда обязанности юноши становились болѣе отвѣтственными и положеніе его въ замкѣ значительно улучшалось. Онъ становился членомъ семьи, если ему не давали спеціальныхъ порученій, напримѣръ, завѣдыванія столомъ, слугами, конюшней. Но обыкновенно было принято за правило проводить оруженосца по всѣмъ степенямъ домашняго хозяйства, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него спутника и сотрудника въ походахъ. Въ бою оруженосцы,—имѣвшіе право носить кромѣ обычнаго платья только кожаный или шерстяной гобиссонъ, обыкновенно набитый паклей, стальную броню изъ колечекъ и шишакъ безъ забрала и нашлемника,—располагались во второй линіи. Они подавали рыцарямъ запасное вооруженіе, обмывали ихъ раны, исполняли обязанность слугъ и вступали въ бой только какъ резервъ, когда первая линія терпѣла пораженіе.

Оруженосцы не ограничивались службою у одного господина. Они переходили отъ одного къ другому, чтобы пріобрѣсти большую опытность въ военномъ дѣлѣ. Ихъ рѣдко допускали до участія въ турнирахъ, но имъ не возбранялось, а даже предлагалось устраивать примѣрные турниры, на которыхъ сражались оружіемъ неопаснымъ для противниковъ. Опытные рыцари руководили этимъ пробнымъ состязаніемъ.

Посвященіе въ рыцари.

Наконецъ, послѣ долгаго испытанія, наставала пора оруженосцу сдѣлаться рыцаремъ. Убѣдившись въ достаточной военной подготовкѣ оруженосца, а прежде всего въ его нравственныхъ качествахъ, въ преданности Церкви, въ честности и вѣрности слову, — синьоръ назначалъ день посвященія въ рыцари. Въ мирное, спокойное время эта церемонія обставлялась особою торжественностью и обыкновенно совершалась наканунѣ великихъ праздниковъ или дней, чествуемыхъ королевскимъ дворомъ. Она носила религіозный характеръ такъ какъ главное призваніе рыцаря заключалось въ защитѣ Церкви. Новиціатъ готовился къ рыцарскому посвященію строгимъ постомъ и молитвою. Послѣ исповѣди и причастія, онъ надѣвалъ на себя бѣлыя льняныя одежды и, становясь „кандидатомъ“ въ рыцари (отъ слова candidus), съ вечера удалялся въ церковь, гдѣ, послѣ вечерни, оставался на всю ночь, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ. Рано утромъ являлись въ церковь воспріемники и уводили новиціата въ баню. Затѣмъ его клали на постель, одѣвали въ тѣ же бѣлыя одежды, опоясывали мечемъ, накидывали на плечи бѣлый или черный плащъ и вводили въ церковь. Обрядъ посвященія начинался въ церкви, а кончался въ большой залѣ донжона. Священники читали соотвѣтственныя молитвы надъ каждымъ предметомъ вооруженія и одѣянія рыцарскаго, но самое облаченіе совершалось въ залѣ замка, куда кандидатъ шествовалъ, при звукѣ трубъ и громѣ барабановъ, въ сопровожденіи свиты и пажей, несшихъ его доспѣхи и оружіе на бархатныхъ подушкахъ. Обрядъ посвященія совершало коронованное или знатное лицо, пользовавшееся громкою славою или особою извѣстностью. Посвящаемый падалъ ницъ передъ синьоромъ; тотъ давалъ ему лобзаніе и приказывалъ выслушать чтеніе рыцарскихъ законовъ. Длинный свитокъ развертывался на аналоѣ. Это было подробное изложеніе 10 основныхъ заповѣдей рыцаря. По выслушаніи поученія, синьоръ ударялъ

колѣнопреклоненнаго новиціата мечомъ по плечу три раза, цѣловалъ его и приказывалъ помазать елеемъ. При этомъ онъ произносилъ слѣдующую формулу:

— Именемъ Бога Всемогущаго, во славу Отца и Сына и Святаго Духа и св. великомученика Георгія, провозглашаю тебя рыцаремъ. Отнынѣ ты будешь соблюдать всѣ правила и добрые уставы рыцарства. Блюди вѣрность Богу, своему синьору и дамѣ. Помогай вдовамъ и слабымъ, щади сирыхъ, не спѣши карою и местью. Посѣщай храмъ Божій и твори милостыню. Служи женщинамъ и защищай честь ихъ, ибо слава рыцаря, послѣ Бога, создается женщиной".

— „Въ незримомъ соприсутствіи Господа Бога, отвѣчалъ рыцарь, передъ лицомъ моего синьора, возлагая руки на сіе Евангеліе, обѣщаюсь и клянусь соблюдать законы наши и служить вѣрно славному рыцарству нашему".

Съ этой минуты всѣ государи и могущественные синьоры становились равными посвященному.

Возложеніе доспѣховъ и оружія сопровождалось по ритуалу особыми возглашеніями и небольшими рѣчами, текстъ которыхъ въ разныхъ странахъ не представлялъ значительныхъ измѣненій. Надо замѣтить, что въ подробностяхъ самый ритуалъ выработался лишь въ позднѣйшее время, къ XIII столѣтію; въ X--XI вѣкахъ его не знали, такъ какъ посвящали въ рыцари чаще всего на боевомъ полѣ или на дворѣ замка, безъ особаго торжества. Но ударъ мечомъ колѣнопреклоненнаго оруженосца, краткое назиданіе въ нѣсколькихъ словахъ составляли постоянную и существенную часть обряда посвященія. Затѣмъ рыцарю подвязывали золотыя шпоры, подавали ему щитъ съ родовымъ гербомъ, знакомъ доблести предковъ, мечъ, копье, надѣвали на голову шлемъ съ рѣшетчатымъ забраломъ, которое закрывало лицо во время боя, и надшлемникомъ, на руки перчатки, на грудь панцырь. Этимъ церемонія кончалась. Рыцарь садился на коня, покрытаго богатой попоной съ гербами и роскошно убраннаго, при чемъ говорились реплики по поводу каждой части конскаго убора. Одна изъ красавицъ или супруга синьора въ заключеніе прикалывала перья къ шлему рыцаря и перевязывала его шарфомъ. Трубные радостные звуки заканчивали церемонію, за которою слѣдовалъ пиръ. На немъ посвященный, освободившись отъ доспѣховъ и вооруженія, занималъ почетное мѣсто, одѣтый обыкновенно въ мантію на бѣличьемъ мѣху (¹).

(¹) Сохранилась стихотворная эпопея Гуго изъ Тиверіады (Hugues de

Значительное большинство рыцарей вышло изъ среды потомковъ германскихъ и норманскихъ завоевателей. Но были рыцари и изъ народа. Тогда ихъ посвящали сами государи. Въ этомъ отношеніи былъ щедръ императоръ Фридрихъ I Барбаросса, часто посвящавшій храбрецовъ на полѣ битвы. Когда французскій король Филиппъ IV былъ разбитъ на голову фламандцами,—о чемъ мы будемъ говорить въ свое время,—то въ видахъ продолженія войны онъ объявилъ наборъ конницы безъ различія сословій, при чемъ отецъ, хотя бы то былъ виланъ, имѣвшій двухъ сыновей, долженъ былъ отдать одного для королевской службы, а имѣвшій трехъ сыновей — двухъ. Изъ этихъ рядовъ очень многіе простолюдины за выдающуюся храбрость были возведены королемъ въ рыцари. Но они никогда не могли быть знаменными рыцарями (le chevalier banneret, di bandiera, Bannerheer), которые имѣли привилегію надѣвать знамя на концѣ копья и которымъ предшествовало большое квадратное гербовое знамя.

Турниры. Извѣстно, что въ средніе вѣка общественные элементы складывались не по національностямъ, а по сословіямъ. Рыцари всѣхъ странъ были близки между собою. Понятно, что они уже по уставу рыцарскому щадили другъ друга. Потому до изобрѣтенія пороха битвы не были кровопролитны. Воинственное возбужденіе поддерживали въ рыцарствѣ т. н. турниры. Эти примѣрныя сраженія были сперва практикою, средствомъ изученія военнаго дѣла, соотвѣтствуя нашимъ маневрамъ. Потомъ средство стало цѣлью и турниры устраивались совершенно самостоятельно между рыцарями одной націи даже въ военное время, въ промежуткахъ между сраженіями. Они бывали иногда также—и даже болѣе—кровопролитны какъ и настоящія битвы ([1]). Это была дань храбрости, отвагѣ, стремленіе къ подвигу, прорывавшееся въ безцѣльной тратѣ физическихъ силъ, которыхъ чувствовался избытокъ. Церковь иногда

Tabaric) о посвященіи въ рыцари Саладина, въ которой художественно объясненъ каждый актъ церемоніи. См. F. Serré. Vie militaire et religieuse; 159—160. Это — поэтическое развитіе обращеній къ посвящаемому.

([1]) Историки сохранили память о погибшихъ на турнирахъ. Такъ въ Саксоніи на турнирахъ 1175 г. пало 60 рыцарей, въ Нейссѣ — 42 рыцаря и много пажей. Особенно много погибло въ Шалонѣ въ 1273 г., почему шалонскій турниръ названъ «малой войной». Здѣсь сражался Эдуардъ I съ графомъ Шалонскимъ. Въ 1175 г. убитъ на турнирѣ молодой графъ Конрадъ Мейссенскій, а въ 1260 г. маркграфъ Іоаннъ Бранденбургскій.

препятствовала этимъ кровавымъ упражненіямъ, особенно если они сопряжены были съ гибельными послѣдствіями [1]. Папа Иннокентій II запретилъ предавать христіанскому погребенію убитыхъ на турнирахъ Эти кровавые поединки большею частію въ глазахъ общества сочетались съ идеею преданности дамамъ, во имя которыхъ они обыкновенно устраивались, но очень часто красавица была только предлогомъ для схватки между двумя партіями рыцарей, коими руководило не сердечное чувство, а военное соревнованіе. Турниры велись по особому обстоятельно составленному уставу. Сословный, строго аристократическій принципъ лежалъ въ основѣ турнировъ. Сражаться могли рыцари равнаго происхожденія; на поединокъ выходили люди, гордившіеся не менѣе какъ четырьмя поколѣніями благородныхъ предковъ. Заподозрѣнные въ чемъ либо рыцари, происходившіе изъ горожанъ или хотя и знатные, но состоявшіе на жалованьи у городовъ, до турнировъ не допускались. Все это провѣрялось особою коммиссіею почтнѣйшихъ рыцарей. Одинъ изъ старѣйшихъ рыцарей былъ распорядителемъ и главнымъ посредникомъ; на его обязанности лежало слѣдить за ходомъ турнира; однимъ прикосновеніемъ своего копья онъ заблаговременно прекращалъ поединокъ, если исходъ его грозилъ смертельной опасностью той или другой сторонѣ.

О предполагаемомъ турнирѣ оповѣщали задолго, разсчитывая дать время приготовиться сторонникамъ, друзьямъ и знакомымъ обоихъ соперниковъ. Дамы и дѣвицы занимали почетнѣйшія мѣста. Пышно одѣтыя въ цвѣта той или другой партіи, онѣ пріѣзжали часто издалека. Въ нихъ заключался для рыцарей весь интересъ предстоящаго боя, ибо каждый воинъ избиралъ одну изъ нихъ предметомъ своей нѣмой страсти и считалъ отрадой пролить кровь ради ея улыбки. Получить за храбрость послѣ побѣды въ награду изъ рукъ дамы серебряный или золотой вѣнокъ, перстень или вышитую перевязь—считалось верхомъ блаженства. Предварительно герольды опредѣляли право участія въ бою рыцарей по гербамъ и шлемамъ, при чемъ недостаточно родовитые устранялись.

Раздавались звуки сигнальнаго рожка. Рыцари по-парно, подчиняясь жребію, выѣзжали на арену окруженную амфи-

---

[1] У Матвѣя Парижскаго подъ 1228 г. мы нашли интересное указаніе по поводу турнировъ. Баронъ Рожеръ Тони, котораго считали умершимъ, воскресъ, чтобы разсказать своему брату о томъ,—какія муки его ожидаютъ на томъ свѣтѣ за участіе въ турнирахъ.

театромъ, нижнія ступени котораго были унизаны дамами въ яркихъ платьяхъ, обшитыхъ золотыми и серебряными позументами, а верхнія—массою горожанъ, горожанокъ, цеховыхъ и виланов. По данному знаку рыцари начинали съѣзжаться сперва по двое, потомъ въ прогрессивно возрастающемъ количествѣ паръ, держа копья на перевѣсъ. Пораженные и выбитые изъ сѣдла, если на то соглашались побѣдители, могли драться на мечахъ пѣшими и иногда поединокъ кончался смертельной раной, если посредникъ не останавливалъ рѣзню во время. Обыкновенно ряды сражавшихся увеличивались появленіемъ новыхъ храбрѣйшихъ, часто неизвѣстныхъ рыцарей, объявлявшихъ свои имена только судьямъ турнира, намѣренно скрывавшихъ свой гербъ. Они чаще всего рѣшали исходъ турнира и, избѣгая огласки, добровольно лишаясь заслуженной награды изъ рукъ „королевы“, спѣшили удалиться. Очень рѣдко ихъ успѣвали остановить и вручить призъ и еще рѣже убѣждали открыть свое имя.

Мы уже говорили, какъ неправильно приписывали Генриху I Птицелову учрежденіе турнировъ. Если начало ихъ нельзя относить къ 914 г., то несомнѣнно, что въ первой половинѣ XI вѣка турниры уже упрочились и стали обычнымъ рыцарскимъ упражненіемъ, потому что около 1050 г. Готфридъ Прельи (Geoffroi Preuilli) составилъ уставъ турнировъ. Такимъ образомъ первые поединки рыцарей, хотя безъ правилъ, могли происходить въ концѣ X вѣка или въ началѣ XI вѣка. Этимъ путемъ разрѣшается вопросъ о времени происхожденія рыцарства по крайней мѣрѣ въ сѣверной Галліи и въ Германіи. Это не значило что культъ рыцарства выработался въ это время повсюду. Въ Италіи, напримѣръ, слабо привилось рыцарство; тамъ оно было не популярно, ибо на аппенинскомъ полуостровѣ царила муниципальная идея, содѣйствовавшая болѣе другихъ прогрессу исторіи, идея, рядомъ съ которой рыцарство представлялось чѣмъ то отсталымъ. Рыцарство имѣло существенною задачей защищать слабыхъ, а въ Италіи это само собою достигалось законами, которые существовали не только въ бумажныхъ латинскихъ формулахъ, но и на самомъ дѣлѣ внушали къ себѣ уваженіе. Рыцарство защищало честь женщинъ, но послѣднія въ Италіи издавна были подъ гарантіей общественнаго высокаго культурнаго развитія. Рыцарство ратовало за вѣру, а въ Италіи, въ эпоху самаго горячаго энтузіазма, во время даже первыхъ крестовыхъ походовъ, относились скептически не только къ по-

бужденіямъ крестоносцевъ, но вообще къ вопросамъ вѣры. Тамъ старались извлечь коммерческія выгоды и изъ энтузіазма зальпійскихъ народовъ и изъ фанатизма крестоваго ополченія. Французы и англичане, испанцы и германцы поступали самоотверженно, а итальянцы расцѣнивали это самоотверженіе на деньги. Такимъ образомъ въ эпоху развитія рыцарства Италія заняла изолированное положеніе. Но за исключеніемъ Италіи повсюду на Западѣ было одинаковое настроеніе.

Служеніе Церкви было высшимъ призваніемъ и благороднѣйшимъ назначеніемъ рыцаря. Этимъ рыцарство отражало общее настроеніе громаднаго большинства населенія католическихъ государствъ западной и средней Европы.

Общественные типы.

Богатые и бѣдные, колоны и крѣпостные одинаково видѣли въ борьбѣ за вѣру свое призваніе въ жизни. Богатыя женщины поддерживали Церковь пожертвованіями. Самоотверженіе было въ жизни весьма обычнымъ явленіемъ; служеніе Богу понимается при такихъ условіяхъ даже лучшими людьми въ смыслѣ аскетическихъ подвиговъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крайности такого рода встрѣчались тѣмъ чаще, чѣмъ ниже стояла практическая нравственность въ массѣ общественной. Генрихъ Бородатый, силезскій герцогъ, и его жена Гедвига тридцать лѣтъ жили подвижническимъ образомъ; они совершенно притупили свои чувства. Крайняя степень раскаянія послѣ бурной и разбойнической жизни овладѣвала страстными дѣятелями той эпохи; въ монастырѣ они терзали свое тѣло. Графъ Вильгельмъ Монпелье отказалъ бóльшую часть своихъ доходовъ и имущества духовенству: четырехъ сыновей онъ назначилъ въ духовное сословіе, а пятаго отдалъ въ опеку епископа до его совершеннолѣтія, оставивъ ему лишь часть законнаго наслѣдства. Все это дѣлалось подъ вліяніемъ религіознаго увлеченія, обратившагося въ потребность. Чтобы проникнуть въ ту эпоху и ея духовно-нравственные идеалы, надо ознакомиться съ спеціальными монографіями, хотя бы напримѣръ, о знаменитой подвижницѣ той эпохи, Елизаветѣ (1). Дочь венгерскаго короля, она была выдана за ландграфа Тюрингіи Людвига IV, въ которомъ предугадала человѣка, сходнаго съ ней по натурѣ. Онъ еще при жизни

(1) **Montalembert**. Hist. de Sainte Elisabeth de Hongrie.—**Wegele**. Die heilige Elisabeth von Thüringen.

считался святымъ. Елизавета завидовала его подвигамъ и вполнѣ слѣдовала его примѣру. Она любила мужа; у ней вырвался сердечный крикъ боли при извѣстіи о его кончинѣ: „все погибло для меня, весь міръ умеръ въ немъ". Ея сынъ остался малолѣтнимъ; регентомъ былъ объявленъ ея шуринъ, будущій соперникъ Фридриха II, анти-императоръ Генрихъ IV Распе. Герцогиня осталась вдовою на 21 году; она рѣшительно отвергла всякія предложенія о замужествѣ; она презрѣла красоту свою. Прежде всего она открыла народу обширные хлѣбные и зерновые магазины; она быстро раздала хлѣбомъ и деньгами 64 тысячи флориновъ, сумму огромную для того времени, изъ собственной казны; она ежедневно кормила 900 человѣкъ нищихъ. Съ нѣжностью матери ухаживала она за больными женщинами въ устроенномъ ею лазаретѣ для простаго народа. Четыре года спустя, она умерла францисканкой. Страдальческій образъ этой женщины, столь типичной для оцѣнки лучшей стороны нравовъ той эпохи, не былъ исключительнымъ явленіемъ.

Культъ Мадонны.

Рыцарская эпоха цѣнила эти нравственныя доблести, но не ограничивалась ими. Рыцари искали чего-то неземнаго и находили это на небѣ. Тогда католическое богословіе разработало догматъ о Богородицѣ. Это поэтическое представленіе не могло не увлечь рыцарей, по крайней мѣрѣ благороднѣйшихъ и самоотверженнѣйшихъ изъ нихъ. Такіе рыцари посвятили себя всецѣло борьбѣ за идеально-небесную личность, которая постепенно приняла человѣческія формы въ ихъ пылко настроенномъ воображеніи, доходившемъ до болѣзненности.

Эта борьба вытекла изъ обожанія Мадонны, развившагося въ поклоненіе ей. Обтвореніе Богоматери, этого идеала высоко-вдохновенныхъ душъ, приводило часто къ самоубійству. Оно шло вмѣстѣ съ развитіемъ обожанія женщины; одно сильно вліяло на другое; скоро для иныхъ оба понятія, небесное и чувственное, смѣшались. Нашъ Пушкинъ воспроизвелъ такого рыцаря. Точно вызванный изъ могилы, грустный образъ витязя вновь ожилъ благодаря творчеству поэта (¹).

(¹) Пушкинъ. Сцены изъ рыцарскихъ временъ. (Соч. изд. Литер. фонда, 1887; IV, 328). «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный.—Молчаливый и простой» и т. д. Окончаніе первоначальной редакціи не вошло въ извѣстное теперь стихотвореніе (см. тамъ же, стр. 334).

«И Пречистая сердечно — Заступилась за него
«И пустила въ царство вѣчно — Паладина своего.

Города, государства отдавались покровительству Богородицы. Культъ Св. Дѣвы былъ существеннымъ явленіемъ среднихъ вѣковъ. Мадонна сдѣлалась любимымъ образомъ поэтовъ. Рыцарь вспоминалъ, какъ ребенкомъ онъ слышалъ въ проповѣди: „Избери ее за мать, за супругу, за подругу. Какъ только ты полюбишь ее, то почувствуешь неизъяснимую сладость быть любимымъ взаимно и тогда уже нельзя будетъ полюбить никакую другую женщину". Энтузіазмъ къ Мадоннѣ поддерживался легендами въ тѣхъ людяхъ, которые предпочитали обожаніе ея всѣмъ мірскимъ наслажденіямъ; умереть въ бою за нее было верхомъ и земнаго и небеснаго блаженства; то было мученичество. Конечно все это могли испытывать лишь тѣ, которые, чувствуя призваніе къ серьознымъ цѣлямъ жизни, отказывались отъ всякихъ земныхъ увлеченій. Въ односторонне развитомъ воображеніи средневѣковаго рыцаря, при имени Дѣвы Маріи, являлось представленіе о томъ безмѣрно высокомъ положеніи, какое занимала она въ небесной іерархіи, являлось понятіе объ особомъ ея покровительствѣ всякому рыцарскому служенію во славу женщины; отсюда уже культъ переходилъ въ практическую жизнь.

Суды любви. Отношенія къ женщинѣ выработали цѣлый условный кодексъ чувствъ, выразившійся въ регламентаціи взаимныхъ отношеній, „въ судахъ любви". Но это обожаніе женщины возвышало ее только въ обществѣ; въ семьѣ положеніе женщины оставалось такимъ же, какимъ оно было и прежде, если еще не сдѣлалось хуже. Никто изъ рыцарей не могъ уклониться отъ поклоненія красотѣ. Съ той минуты, какъ рыцарь получалъ посвященіе, онъ избиралъ себѣ даму, которой обязывался въ вѣрности, хотя бы онъ былъ семьяниномъ. Жена его оставалась низшимъ, закрѣпощеннымъ существомъ. Рыцарь, живя съ женой, переносилъ свою идеальную любовь на другую женщину. Конечно, разсчитывать на одни платоническія отношенія при этомъ было бы не вполнѣ справедливо. Часто эти платоническія отношенія не выдерживали и перваго опыта. Тѣмъ не менѣе было весьма обычно, если мужъ или жена, по взаимному безмолвному соглашенію, переносили свою идеальную любовь на постороннихъ лицъ. Ни тотъ, ни другая не имѣли права обижаться этимъ. Конечно это можетъ быть и смягчало нравы, способствовало развитію галантности въ обращеніи,—но все это вредило семейной жизни, не возвышало, а напротивъ, закрѣпощало женщину въ семьѣ.

Любовь имѣла свой кодексъ. Суды любви, развившіеся въ Провансѣ, рѣшали сложныя взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной, борьбу чувственныхъ и идеальныхъ порывовъ. На этихъ судахъ выработались правила взаимныхъ отношеній, провозглашенъ былъ принципъ, что рыцарь не долженъ питать идеальной любви къ своей женѣ, ибо чувственныя отношенія препятствуютъ идеальнымъ.

Характеръ супружеской взаимности.

Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ подъ предсѣдательствомъ графини Шампаньи 3 мая 1174 г. совершенно категорически въ слѣдующей латинской редакціи: — „Мы говоримъ и постановляемъ, что любовь не должна имѣть мѣсто между двумя особами состоящими въ бракѣ (amorem non posse inter duos jugales suas extendere vires). Дѣйствительно влюбленные согласны между собою во всемъ, безъ всякаго понужденія со стороны, но именно потому что эти отношенія не обязательны и не вызваны необходимостью. Между тѣмъ супруги по чувству долга должны взаимно подчинить свою волю, не отказывая ни въ чемъ одинъ другому. Да будетъ для васъ это рѣшеніе, произнесенное съ крайней осмотрительностью, по опредѣленію множества другихъ дамъ,—выраженіемъ вѣчной и ненарушимой истины (1)“. На основаніи этого постановленія въ первый пунктъ кодекса или „Ученія о любви“, составленнаго итальянцемъ Барберини въ XIV вѣкѣ, вошла формула: „Causa conjugii non est ab amore excusatio recta“ (2).

Впослѣдствіи это опредѣленіе было рѣшительно подтверждено по слѣдующему случаю. На судъ знаменитой графини Элеоноры Пуатье отдано было дѣло объ обманѣ одной дамой рыцаря, надѣявшагося на любовь ея и отвергнутаго послѣ выхода ея въ замужество. Бракъ былъ по любви и собственно это побуждало рыцаря предъявить свои права, такъ какъ по общепринятому мнѣнію между супругами не должно быть любви. Претендентъ ссылался на то, что дама обѣщала ему полюбить его, если покинетъ того кого любила ранѣе; теперь, выйдя замужъ, она уже не могла ссылаться на свое чувство, такъ какъ сердце ея оставалось свободнымъ. Напрасно дама, отклоняя пылкаго рыцаря, доказывала что съ заму-

(1) Приведено у Raynouard. Des troubadours, 107.

(2) Кодексъ цѣликомъ приводимъ ниже, на стр. 269. Кромѣ Барберини рыцарство изобразили Латуръ де Ландри въ концѣ XIV вѣка и графиня Элеонора Пуатье въ началѣ XV вѣка въ сочиненіи: Les honneurs de la cour.

жествомъ ея чувство еще болѣе окрѣпло. Рыцарь перенесъ дѣло въ судъ любви. Приговоръ послѣдовалъ въ пользу претензій рыцаря; этого и слѣдовало ожидать, зная воззрѣнія слишкомъ легкомысленной предсѣдательницы судилища. Она однако сочла полезнымъ сослаться на авторитетъ прежнихъ судовъ.— „Мы не можемъ противорѣчить рѣшенію графини Шампаньи, которая въ торжественномъ засѣданіи заявила, что между супругами не можетъ быть любви. Мы находимъ, что дама, о которой идетъ рѣчь, должна исполнить свое обѣщаніе". Отсюда возникала мысль, что послѣ брака отношенія между супругами должны получить основанія болѣе прозаическія, конечно съ точки зрѣнія рыцарскихъ судовъ (inter eos haud nefandum at jucundum judicamus amorem). Основаніе для такого оригинальнаго и неожиданнаго вывода заключалось въ томъ, по толкованіямъ рыцарскихъ поэмъ, что любовь супруговъ нисколько не возвышаетъ въ глазахъ ихъ самихъ достоинство другъ друга; изъ брака не выйдетъ ничего инаго, кромѣ того, что каждой сторонѣ обусловлено закономъ (1).

Задачи въ судахъ любви.

Иногда кодексъ рыцарской любви уходилъ въ дебри метафизики. Представлялся, напримѣръ, серьезнымъ вопросъ:— Какая любовь лучше, та-ли которая только что зарождается, или любовь, которая разгорается? Это было разрѣшено по слѣдующему поводу. Одинъ рыцарь просилъ позволенія дамы перенести свои чувства на другую. На это послѣдовало согласіе. Неожиданно, черезъ мѣсяцъ, рыцарь вернулся къ предмету своей первой страсти; онъ заявилъ что оставался ей вѣренъ и что все случившееся было невинною хитростью; рыцарь хотѣлъ-де убѣдиться въ ея вѣрности. Въ свою очередь дама отвергнула его, такъ какъ считала для себя унизительнымъ быть предметомъ его опытовъ. Судъ не согласился съ мнѣніемъ дамы, такъ какъ никогда рыцарю нельзя воспретить испытывать вѣрность и постоянство своей возлюбленной: это значило бы посягать на право поклонниковъ, отказывая имъ въ расположеніи, тѣмъ болѣе если они не нарушали своего долга и своихъ обязанностей и не давали повода къ обвиненію въ невѣрности. Таково уже свойство любви (ex amoris quippe cognoscimus procedere natum).

Такого же отвлеченнаго характера были слѣд. вопросы на судахъ любви:—Кто лучше изъ двухъ любящихъ: тотъ ли,

(1) Raynouard, 110.

кто умеръ отъ печали, не видавъ свою возлюбленную, или же тотъ, кто умеръ отъ радости, увидавъ ее?—Какой ревнивецъ болѣе сумасшедшій, имѣющій-ли красивую жену, или надѣленный безобразной супругой?—Что лучше: пить, пѣть и смѣяться, или плакать, страдать и любить?—Что болѣе внушаетъ чувство глаза или сердце? Какой народъ болѣе благороденъ и изященъ: провансальскій или ломбардскій?—Составъ судовъ любви былъ аналогиченъ съ составомъ обыкновенныхъ трибуналовъ и въ сѣверной и въ южной Франціи, гдѣ они назывались courts amoureuses. Они имѣли президентомъ до XV вѣка очень часто почетную и высокопоставленную даму. Въ Эксѣ (Aix) выше ихъ стояли „князья любви", избиравшіе своихъ замѣстителей (lieutenant), должность, которая была уничтожена закономъ 1668 г. вслѣдствіе значительныхъ суммъ, уплачиваемыхъ городомъ на содержаніе этого лица. Затѣмъ слѣдовали: аудиторы, совѣтники, товарищи генеральнаго прокурора, секретари. Эти чиновники пережили самые суды, которые дѣйствовали только въ лучшую пору средневѣковья, т. е. до XV столѣтія, когда рыцарство ослабѣло и потребность въ этомъ оригинальномъ учрежденіи прекратилась. На этихъ судахъ прежде выработывались статуты, обычаи любви, „права" любви, имѣвшіе въ рыцарскихъ кругахъ обязательное значеніе. Главнѣйшій изъ кодексовъ, состоявшій изъ провансальской редакціи въ 31 пунктахъ, необходимо было знать рыцарямъ (¹).

(¹) Онъ напечатанъ у Ренуара цѣликомъ, CV—CVI, прим. Вотъ въ оригиналѣ всѣ пункты кодекса: 1) Causa conjugii ab amore non est excusatio recta. 2) Qui non celat amare non potest. 3) Nemo duplici potest amore ligari. 4) Semper amorem minui vel crescere constat. 5) Non sest sapidum quod amans ab invito sumit amante. 6) Masculus non solet nisi in plenâ pubertate amare. 7) Biennalis viduitas pro amante defuncto superstiti præscribitur amanti. 8) Nemo, sine rationis excessu, suo debet amore privari. 9) Amare nemo potest, nisi qui amoris suasione compellitur. 10) Amor semper ab avaritiæ consuevit domiciliis exulare. 11) Non decet amare quarum pudor est nuptias affectare. 12) Verus amans alterius nisi suæ coamantis ex affectu non cupit amplexus. 13) Amor raro consuevit durare vulgatus. 14) Facilis perceptio contemptibilem reddit amorem, difficilis eum Carum facit haberi. 15) Omnis consuevit amans in coamantis aspectu pallescere. 16) In repentinâ coamantis visione, cor tremescit amantis. 17) Novus amor veterem compellit abire. 18) Probitas sola quemcumque dignum facit amore. 19) Si amor minuatur, citò deficit et rarò convalescit. 20) Amorosus semper est timorosus. 21) Ex verâ zelotypiâ affectus semper crescit amandi. 22) De coamante suspicione perceptâ zelus interea et

Отражствующіе рыцари.

Давши клятву вѣрности дамѣ, положивъ торжественно свои руки въ ея руки, получивъ, колѣнопреклоненный, отъ нея шарфъ, перстень, поясъ, ленту или перчатку,—рыцарь долженъ былъ совершить рядъ подвиговъ во славу ея, въ честь красоты ея. Онъ долженъ былъ всюду, при каждомъ случаѣ, прославлять свою даму и быть готовымъ всегда обнажить мечъ противъ всякаго, кто чѣмъ нибудь выражаетъ недовѣріе къ его восторженнымъ словамъ. Подвиги рыцарей въ честь дамъ теперь могутъ вызывать улыбку, но въ свое время они были симпатичнымъ явленіемъ, потому что направлялись великодушнымъ порывомъ, готовностью къ самопожертвованію. По дорогѣ, во славу дамы, хорошій рыцарь считаетъ долгомъ заставить всякаго, кто къ нему обращался, признать красоту и достоинство его дамы. Онъ ломалъ копья со всѣми, кто дѣлалъ ему вызовъ и въ свою очередъ предлагалъ встрѣтившимся преломить съ нимъ копье, если онъ не признаетъ красоты его возлюбленной. Это конечно вызывало множество столкновеній и, при воинственныхъ склонностяхъ рыцарей, непривыкшихъ сдерживаться, отравляло путешешествія мирныхъ гражданъ, которые всюду должны были исполнять прихоти рыцарей. Задолго до появленія великаго произведенія Сервантеса, на повалъ убившаго рыцарство, жизнь породила множество дѣйствительныхъ, невымышленныхъ донъ-Кихотовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники. Изъ любви къ дамѣ рыцари готовы были на всякія безумства; въ ихъ поступкахъ, подъ вліяніемъ экзальтаціи, можно было заподозрить проявленія психическаго разстройства, хотя причина, вызывавшая эти аномаліи, сама по себѣ заслуживала уваженіе. Еще прежде чѣмъ сдѣлать какого либо рыцаря другомъ, дама испытывала его чувство и не было никакого опыта, которому рыцарь не согласился бы подвергнуться. Въ этомъ отношеніи интересно повѣствованіе „О трехъ рыцаряхъ“ сохранившееся въ рукописяхъ туринской библіотеки (¹).

---

affectus crescit amandi. 23) Minus dormit et edit quem amoris cogitatio vexat. 24) Quilibet amantis actus in coamantis cogitatione finitur. 25) Verus amans nihil beatum credit, nisi quod cogitat amanti placere. 26) Amor nihil posset amori denegare. 27) Amans coamantis solatiis satiari non petest. 28) Modica præsumptio cogit amantem de coamante suspicari sinistra. 29) Non solet amare quem nimia voluptatis abundantia vexat. 30) Verus amans assiduâ, sine intermissione, coamantis imagine detinetur. 31) Unam feminam nihil prohibet a duobus amari et a duabus mulieribus unum.

(¹) Ешевскій. Сочиненія; III, 376—377.

Содержаніе сказанія въ томъ, что три рыцаря молили супругу одного знатнаго феодала о любви. Она не знала кому отдать предпочтеніе и, пользуясь предстоящимъ турниромъ, придумала испытать степень преданности и вѣрности своихъ поклонниковъ. Она позвала надежнаго конюшаго и вручила ему свою сорочку съ тѣмъ, чтобы онъ тайно по очереди предложилъ каждому изъ трехъ рыцарей явиться на турнирѣ въ этомъ оригинальномъ нарядѣ, не имѣя на себѣ другихъ доспѣховъ и оружія, кромѣ шлема, наножниковъ, щита и меча. Кто согласится на это условіе и выдержитъ испытаніе, тотъ будетъ ея рыцаремъ и другомъ. Первый, къ которому обратился конюшій, согласился было на испытаніе, но при видѣ закованныхъ съ головы до ногъ въ желѣзо противниковъ, оробѣлъ и, возвративъ конюшему дамское одѣяніе, отказался отъ чести быть рыцаремъ гордой дамы. Другой на отрѣзъ отказался. Только третій, увлеченный истинной рыцарской любовью, принялъ предложеніе и въ этомъ неслыханномъ вооруженіи сразился на турнирѣ. Онъ, конечно, пострадалъ, но, къ общему изумленію, исколотый и изрубленный, онъ остался побѣдителемъ и былъ на рукахъ унесенъ съ поединка. Всѣ ждали его смерти. Дама была тронута, явилась къ умирающему рыцарю и объявила что отдаетъ ему свое сердце. Эта вѣсть подѣйствовала спасительно на рыцаря. Когда ему стало лучше, синьоръ замка далъ великолѣпный турниръ въ честь рыцарства. На пиршествѣ, которое слѣдовало за турниромъ, рыцарь, совершившій столь невѣроятный подвигъ въ честь дамы, въ свою очередь захотѣлъ испытать и ее. Онъ послалъ ей съ оруженосцемъ залитую кровью и изсѣченную сорочку, прося надѣть ее немедленно сверхъ платья и оставаться съ ней во время пира. Дама не колебалась ни минуты и исполнила въ точности желаніе рыцаря. Все общество было занято вопросомъ: чей подвигъ удивительнѣе, подвигъ-ли рыцаря или его дамы?

Бывали рыцарскія приключенія еще болѣе поразительныя. Одинъ провансальскій трубадуръ, авторъ замѣчательныхъ политическихъ сирвентъ, Петръ Видаль, въ угоду своей дамѣ, зашилъ себя въ волчью шкуру и съ воемъ на четвереңькахъ ползалъ по горамъ, пока овчарки не наказали его жесточайшимъ образомъ. Въ этомъ же родѣ были удивительными и въ то же время забавными похожденія нѣмецкаго рыцаря Ульриха фонъ-Лихтенштейна. Этотъ миннезингеръ

не только озаботился составленіемъ кодекса о служеніи женщинѣ, который назывался Trown-dienst, но старался на дѣлѣ осуществить собственными силами то, что развивалъ въ трактатѣ. Онъ еще въ дѣтствѣ посвятилъ себя служенію женщинамъ въ званіи пажа, но проявлялъ особенное увлеченіе по мѣрѣ приближенія къ старческому возрасту. По требованію издѣвавшейся надъ нимъ дамы, онъ обрѣзалъ себѣ нижнюю губу и палецъ, который приложилъ въ подлинникѣ къ посланію адресованному къ предмету страсти. Дама назначила Ульриху второе испытаніе. Онъ долженъ быть въ костюмѣ Венеры проѣхать изъ Венеціи въ Баварію. Онъ облекся въ женскій нарядъ, отпустилъ косы, подвязалъ голову платкомъ, поверхъ котораго надѣлъ шляпу съ павлинымъ перомъ—эмблемой вѣрности ([1]). По дорогѣ Ульрихъ вызывалъ па бой всякаго встрѣтившагося ему рыцаря, предлагая преломить копье въ честь Венеры и въ случаѣ побѣды получить таинственное кольцо, для передачи дамѣ; этотъ перстень обладаетъ способностью дѣлать свою владѣлицу еще прекраснѣе. Побѣжденный отдѣлывается очень просто: онъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны. Тревизскій подеста арестовалъ страннаго путешественника; дамы выручили его Но Лихтенштейнъ не довольствовался этимъ убѣдительнымъ доказательствомъ своихъ чувствъ. По сумасбродному капризу своей дамы, онъ помѣщается въ толпу прокаженныхъ, этихъ несчастныхъ отверженниковъ средневѣковаго времени, добываетъ себѣ рубище и чашку прокаженныхъ, окрашиваетъ волосы сѣрою краскою. Чтобы уподобиться настоящему прокаженному онъ беретъ въ ротъ корень, отъ котораго его лицо пухнетъ и блѣднѣетъ. Въ такомъ убранствѣ, прекрасно играя свою роль, онъ проситъ милостыню. Когда послѣ подобныхъ 13-лѣтнихъ упражненій, дама все таки осмѣяла его, онъ выбралъ себѣ другую повелительницу сердца, такъ какъ въ средніе вѣка рыцарю нельзя было жить безъ дамы и любви. Ради этой новой дамы, миннезингеръ совершаетъ новое путешествіе, по пути сражается на всѣхъ турнирахъ, то въ качествѣ короля Артура, прибывшаго изъ рая возстановить общество волшебныхъ рыца-

([1]) Надъ жаренымъ павлиномъ, украшеннымъ перьями, рыцари обыкновенно за трапезой приносили клятву въ дружбѣ и взаимной вѣрности, а потомъ съѣдали павлина по кускамъ.

рей Круглаго Стола, то въ роли освободителя всѣхъ заколдованныхъ чарами кудесниковъ.

Правильное, достойное науки отношеніе ко всѣмъ этимъ безумствамъ требуетъ оцѣнки руководящихъ стремленій, того энтузіазма, той жажды подвига, тѣхъ идеальныхъ влеченій, которыми руководились странствующіе авантюристы, забавные по виду, но благородные по самоотверженію. Въ вопросы чувства рыцари внесли регламентацію, подчиняя его чуть не вычисленіямъ. Ихъ взгляды развиты въ пѣсняхъ трубадуровъ.—„Есть четыре степени любви, поетъ одинъ трубадуръ: первая степень—колеблющагося, вторая—молящаго, третья—выслушиваемаго, четвертая - друга. Тотъ, кто хотѣлъ бы любить даму и желалъ бы часто ее видѣть, но не смѣетъ говорить о любви, тотъ робкій колеблющійся. Но если дама дѣлаетъ ему честь и удостоитъ его одобренія, такъ что онъ осмѣлится сказать о своемъ страданіи, тогда его по справедливости можно назвать молящимъ. И если, говоря и моля, онъ поведетъ дѣло такъ хорошо, что дама удержитъ его и дастъ ему ленту, перчатку или поясъ — то онъ уже поднимается до степени выслушиваемаго; тогда онъ равенъ королю Кастиліи. Если же дамѣ угодно поцѣлуемъ оказать любовь вѣрному выслушиваемому, то она дѣлаетъ изъ него друга. Этого много, даже слишкомъ много для истинной любви". Другой трубадуръ прямо ограничиваетъ степень проявленій любви, которая всегда должна оставаться платоническою. —„Это уже не любовь, которая перестаетъ быть поклоненіемъ одного чувства и мысли. Сердце не дается по обязанности. Для друга довольно, если онъ имѣетъ отъ своей дамы кольцо или шнуръ. Онъ можетъ тогда считать себя равнымъ повелителю Кастиліи. Если онъ получитъ отъ нея какую нибудь драгоцѣнность а при случаѣ поцѣлуй,—этого много, даже слишкомъ много для истинной любви (¹)".

Такъ обстоятельно трубадуры Прованса, а частію труверы Франціи и миннезингеры Германіи выяснили законы любви, разработавъ ихъ съ большою подробностью. Службу Богу они ставили не выше своихъ обязанностей къ дамамъ. Но между рыцарями были особенныя монашескія корпораціи, которыя служили непосредственно католической Церкви и которыя явились непо- **Духовно-рыцарскіе ордена.**

(¹) Кшевскій. Сочиненія; III, 373, 379.

средственнымъ звеномъ между свѣтскимъ и богословскимъ началами въ жизни. На ихъ судьбахъ отражается исторія духовенства въ его нравственномъ движеніи. У этихъ орденовъ было много общаго съ духовенствомъ относительно жизненныхъ правилъ, тогда какъ въ смыслѣ политическомъ они вліяли на исторію вмѣстѣ съ свѣтскимъ рыцарскимъ сословіемъ. Безъ ихъ исторіи средніе вѣка, и католицизмъ особенно, лишились бы самыхъ яркихъ красокъ; нравы и обычаи орденовъ принадлежатъ къ области католическихъ идеаловъ.

Эти ордена дѣйствовали на одинаковыхъ началахъ; разница была только въ ихъ политическихъ судьбахъ, такъ какъ они и сами по себѣ значительно повліяли на политическую исторію Франціи и Германіи, не говоря уже объ ихъ энергичной поддержкѣ крестоваго движенія. Призваніе и цѣль этихъ трехъ великихъ учрежденій были одинаковы, хотя ордена возникли порознь и не въ одинъ вѣкъ; три главнѣйшія націи западной Европы имѣли послѣдовательный починъ въ этомъ дѣлѣ [1].

Госпиталиты. По времени первыми были Іерусалимскіе рыцари или итальянскіе госпиталиты, продолжавшіе свое долгое существованіе подъ именемъ мальтійскихъ. Пилигримство въ Святую Землю удовлетворяло лучшимъ духовнымъ побужденіямъ средневѣковыхъ людей; отклонить отъ этихъ странствованій не могъ цѣлый рядъ бѣдственныхъ приключеній, какія приходилось испытывать путешественнику въ мусульманскихъ странахъ. Отправляясь въ дальнее странствованіе, полное опасностей, пилигримъ мечталъ о благополучномъ возвращеніи домой, но тѣмъ не менѣе благочестивыя цѣли оставались завѣтными, какъ святое завершеніе христіанской жизни. Потому въ 1048 году итальянскіе купцы изъ Амальфи, по торговымъ сношеніямъ своимъ очень близкіе къ арабамъ египетскаго и сирійскаго прибрежья, просили у египетскаго халифа владычествовавшаго въ Палестинѣ, разрѣшенія выстроить монастырь въ Іерусалимѣ. Выхлопотавъ позволеніе безъ особенныхъ трудовъ, они выбрали мѣсто около святаго Гроба и посвятили монастырь Богоматери. Скоро явился другой монастырь и христіанскій „госпиталь“ для пилигримовъ, гдѣ можно было получать пищу и одежду бѣднымъ безплатно, а прочимъ за

---

[1] Общее пособіе (анонимное)—Das Ritterwesen und die Templer, Iohanniter und Marianer insbesondere. St. 1822, 3 B.

умѣренную плату. При больницѣ былъ устроенъ молитвенный домъ, посвященный св. Іоанну, отчего произошло и позднѣйшее наименованіе іоаннитовъ. Въ страннопріимномъ домѣ давали пріютъ и женщинамъ, почему основалось особое женское общество. Почти безъ матеріальныхъ средствъ, мужское и женское братства посвятили себя дѣлу призрѣнія. Эти люди сами довольствовались хлѣбомъ изъ отрубей, чтобы насыщать богомольцевъ; они сдѣлались истинными монахами по жизни и надѣли рясу съ бѣлымъ крестомъ. Черезъ 50 лѣтъ крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ; изъ пришельцевъ іоанниты дѣлаются хозяевами въ городѣ, уже христіанскомъ. Ихъ начальникъ, французъ Гераръ, оказывалъ большое содѣйствіе осаждающимъ, за чтò и вытерпѣлъ тяжелое наказаніе (1). Готфридъ Буйльойнскій посѣщалъ заведенія госпиталитовъ; онъ тутъ же подарилъ имъ имѣнія въ Брабантѣ и наградилъ ихъ важными правами. Въ ихъ пользу назначались всѣ выморочныя владѣнія въ Палестинѣ, а также обезпечивались доходы съ владѣній, которыя они завоюютъ. Преемникъ Готфрида Балдуинъ назначилъ имъ десятую долю со всякой добычи на полѣ сраженія. Скоро со всѣхъ сторонъ полились богатства на рыцарей, но они честно исполняли свое призваніе. Всякій страдалецъ, единственно вслѣдствіе своего несчастія, дѣлается ихъ господиномъ, служить которому долженъ былъ рыцарь. Въ 1113 году папа Пасхалій II призналъ это общество въ качествѣ церковнаго ордена, со всѣми его привилегіями и владѣніями въ Европѣ и Азіи, избавилъ орденъ отъ сбора десятины церковной, которому подлежали всѣ земли, причисленныя къ приходамъ, даровавъ ему право на самоуправленіе и избраніе собственнаго начальника.

При преемникѣ Герара, крестоносномъ товарищѣ Готфрида, магистрѣ Раймундѣ де-Пюи, былъ пересмотрѣнъ и окончательно редактированъ орденскій уставъ. Братство сложилось изъ трехъ корпорацій: военной, духовной и слугъ (2).

---

(1) Guill. Tyr. VII, 23.

(2) Bosio, Istoria della sacra religione dell'illustrissima militia di San Giovanni Gierosolimitano. R. 3 f., 1602.—Vertot d' Auboeuf, Histoire des chevaliers de S. Jean. 1726, P. 6, 4 vls.—написанная тономъ апологіи, но съ увлеченіемъ, и Brès, Malta antica illustrata con monumenti e l'istorie. R. 1816. Изъ новыхъ сочиненій: Herquet, Chronologie des Grossmeister des Hospitalordens, während der Kreuzzüge (B. 1880)—важное собственно для третьяго крестоваго похода; оно доведено до 1291 г. Его же спеціальная монографія о гроссмейстерѣ де-Герединѣ (1377—1391), Mühlhausen. 1878.

По примѣру монашествующихъ, въ основаніе были положены обѣты бѣдности, послушанія и цѣломудрія. Во имя бѣдности рыцарь долженъ былъ ѣсть только хлѣбъ, пить одну воду и носить самую простую одежду съ изображеніемъ бѣлаго креста на груди, какъ эмблемы своей чистой вѣры. Отлучаться изъ дома можно было только въ сопровожденіи другаго брата; рыцарь обязывается не принимать никакихъ услугъ отъ женщинъ и вездѣ творить дѣла милосердія. Запрещалось ѣсть болѣе двухъ разъ въ день; 70 дней передъ Пасхой и еженедѣльно по четвергамъ и субботамъ назначался строгій постъ. Ложась спать, рыцарь не долженъ былъ раздѣваться до нага и подъ страхомъ 40-дневнаго наказанія не долженъ былъ разговаривать, лежа на постели. Если кого уличали въ плотскомъ грѣхѣ, совершенномъ тайно, то виновнаго наказывали публично; если же онъ жилъ въ братскомъ домѣ (obedientia), то по воскресеньямъ публично сѣкли его розгами на мѣстѣ преступленія. Если кто заспоритъ съ братомъ и тѣмъ произведетъ раздоръ, то долженъ, въ продолженіе семи дней, принимать пищу, сидя на землѣ; если же ударитъ, то срокъ увеличивался до 40 дней; такое же наказаніе опредѣлялось за самовольную отлучку изъ дома, за доказанное пьянство; всякое укрывательство денегъ наказывалось тѣмъ же. Если кто оказалъ товарищу услуги за какое-либо вознагражденіе, то исключался изъ ордена. Всякій могъ уличить другаго въ присутствіи двухъ рыцарей, но для формальнаго обвиненія требовались доказательства. Рыцарь не могъ самъ ударить своего слугу, а долженъ былъ обратиться съ жалобою къ начальнику. Рука іоаннита могла подниматься только на невѣрныхъ. И битвы на Востокѣ рѣдко обходились безъ ихъ участія; часто они, вмѣстѣ съ тампліерами, склоняли успѣхъ сраженія на сторону христіанъ. Они послѣдніе оставили Палестину. Лишь въ 1285 году сдали они свои укрѣпленія торжествующимъ мусульманамъ. Тогда они удалились на Кипръ, гдѣ продолжали рядъ подвиговъ съ тою же мыслью о возвращеніи святаго Гроба, которая не покидала ихъ послѣ ни на Родосѣ, ни на Мальтѣ. Вездѣ они поддерживали дѣло Церкви, между прочимъ и въ Провансѣ, противъ альбигойцевъ, при чемъ впрочемъ обходились рыцарски съ побѣжденными,—и въ Испаніи противъ арабовъ, гдѣ на равнинахъ Толеды поддержали честь христіанскаго знамени. Иннокентій II избавилъ ихъ отъ сбора соляныхъ пошлинъ и грозилъ

отлученіемъ всѣмъ священникамъ, которые осмѣлятся дѣлать притѣсненія ордену. Рыцарь никогда не подлежалъ отлученію. Въ странѣ интердикта онъ спокойно продолжалъ священнослуженіе, къ которому могъ допускать избранныхъ по своему желанію; потому, если смерть застигала рыцаря въ землѣ отлученія, то онъ одинъ не лишался христіанскаго погребенія. Впослѣдствіи эти права и привилегіи сдѣлались общими для всѣхъ духовныхъ рыцарей.

Императоръ Фридрихъ I покровительствовалъ имъ наравнѣ съ папами: они были избавлены отъ всякихъ государственныхъ налоговъ и повинностей. Наконецъ Иннокентій III объявилъ, что такъ какъ для нихъ нѣтъ другаго епископа, кромѣ папы, то никакому иному церковному судилищу они не подлежатъ, и только папская булла можетъ когда-либо объявить ихъ въ немилости. Между тѣмъ ихъ богатства, составлявшіяся съ XI вѣка изъ скудныхъ частныхъ приношеній, возросли къ половинѣ XIII столѣтія до большихъ размѣровъ. Тогда насчитывалось около 19.000 участковыхъ владѣній и 3.500 орденскихъ церквей, а еще за 80 лѣтъ предъ тѣмъ братья вели трудовую жизнь, и на обществѣ считалось много долговъ. Одинъ изъ магистровъ XIII вѣка былъ уже вынужденъ издавать законы противъ роскоши, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ рыцаряхъ; ему отвѣчали, что онъ требуетъ невозможнаго. Онъ грозилъ наказаніемъ; тогда противъ него составили заговоръ, и Альфонсъ Португальскій нашелся вынужденнымъ сложить съ себя званіе магистра. При Григоріи IX жалуются на орденъ, что онъ укрываетъ преступниковъ, что рыцари сами разбойничаютъ на дорогахъ, поддѣлываютъ завѣщанія и укрываютъ еретиковъ. Папа отнесся къ доносу строго; это обстоятельство само по себѣ показываетъ, что подобные навѣты поддерживались прежними примѣрами. Архіепископъ Тирскій былъ облеченъ полною властью надъ орденомъ; ему поручалось даже ввести должныя преобразованія. Слѣдствіе впрочемъ открыло далеко не такія преступленія: виновны были лишь немногіе. Порча не проникла еще въ орденскую корпорацію, которая честно поддерживала свою репутацію; ее долго не покидали прежнія традиціи. Женскій орденъ также перешелъ въ Европу и нашелъ пріютъ у королевы Кастильской, дочери императора Альфонса. Въ этомъ роскошномъ монастырѣ, построенномъ отъ щедротъ королевы, недалеко отъ Сарагоссы (въ 1088 году),

всѣ инокини были знатнаго происхожденія. Въ этомъ только и состояло сходство этого привелегированнаго общества съ іерусалимскимъ братствомъ, доступъ въ которое, какъ и вообще въ духовное рыцарство, былъ открытъ только знатнымъ родамъ. На началахъ общежитія, по правиламъ св. Августина, госпиталитки составили особый орденъ, уставъ котораго былъ утвержденъ Целестиномъ III, разумѣется не на тѣхъ уже основаніяхъ, на какихъ созидалось іерусалимское братство.

Тампліеры. Съ тою же цѣлью покровительства пилигримамъ, только полвѣка спустя, возникло общество тампліеровъ (храмовниковъ). Въ 1118 году два рыцаря Hugues des Payens и Godefroi de Saint-Omer нашли себѣ пятерыхъ друзей. Всѣ вмѣстѣ они посвятили себя защитѣ странниковъ отъ арабовъ, египтянъ, бедуиновъ. Гуго (¹) былъ первымъ магистромъ этого военнаго братства, которое одушевляла лишь одна фантастическая мысль объ особомъ покровительствѣ Святой Дѣвы. Первые рыцари были такъ бѣдны, что у основателей былъ одинъ общій конь, что̀ вошло въ гербъ ордена, означая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсный взаимный союзъ братьевъ (¹). Король Балдуинъ далъ имъ уголъ своего дворца, захватывавшій часть мѣста стараго храма Соломона, отчего происходитъ ихъ наименованіе: „fratres militiae Salomonis“, а также ихъ резиденцій въ Парижѣ и Лондонѣ (templi). Они жили скудною милостынею, довольствовались тѣмъ, что имъ давали, и часть сбора употребили на постройку страннопріимнаго дома, земля для котораго была куплена отъ церкви Святаго Гроба. Но ихъ положеніе поправилось въ короткое время, благодаря участію государей. Св. Бернаръ составилъ для нихъ уставъ, для насъ не сохранившійся; позднѣйшій составленъ подъ вліяніемъ строгихъ бенедиктинцевъ. Въ немъ предписаны тѣ же обѣты, что и въ уставѣ госпиталитовъ, только съ бо̀льшимъ элементомъ подвижничества. Тампліеры должны были обѣдать вмѣстѣ, молча, слушая душеспасительное чтеніе. Товарищи молятся за умершаго брата, и впродолженіе 40 дней его долею кормятся бѣдные. Каждому дню соотвѣствовала извѣст-

(¹) По однимъ французъ, по другимъ провансалецъ, а по Du-Puy,— Hist. véritable des Templiers (P. 1654), стр. 2,—неаполитанецъ.

ная пища, посты были обременительны. Вечерніе разговоры допускались только о дѣлахъ важныхъ, и то по необходимости, если о нихъ не успѣвали переговорить днемъ. Цвѣтъ платья, сперва необязательный, послѣ былъ введенъ и узаконенъ—бѣлый для рыцарей съ краснымъ крестомъ въ знакъ крови за имя Христово, и черный—для непосвященныхъ. Всякія украшенія, золото и серебро на сбруѣ, воспрещались. Дома рыцарь въ цвѣтущую пору ордена не смѣлъ держать болѣе трехъ лошадей; онъ спалъ на соломѣ и носилъ льняное платье лѣтомъ и шерстяное зимой; шелковое одѣяніе, несмотря на дешевизну онаго въ странахъ Востока, было запрещено. Рыцарь не имѣлъ, наконецъ, своей воли; онъ весь былъ въ рукахъ магистра; дисциплинарныя наказанія были жестоки и отважный воитель у себя дома отдыхалъ по приказу и росписанію. Всякія мірскія стремленія подавлялись въ обществѣ рыцарей; даже упоминаніе свѣтскихъ удовольствій въ разговорѣ запрещалось. Между братьями не дозволялась купля и мѣна; рыцари не смѣли охотиться, и если сопровождали охотниковъ, то только для защиты ихъ отъ невѣрныхъ. Всякій долженъ былъ сдерживать гнѣвъ и личное раздраженіе, а тѣмъ болѣе злословіе на брата. За уклоненія отъ устава начальники подвергали воиновъ всѣхъ степеней опредѣленнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ до заключенія въ тюрьму и, уже послѣ всего,—исключенію изъ братства вмѣстѣ съ церковнымъ отлученіемъ. За то и поступленіе въ такое суровое братство было сопряжено съ рядомъ продолжительныхъ испытаній и систематическаго пребыванія въ услугѣ и военной наукѣ у старыхъ рыцарей. Самое братство представляло крѣпко испытанную фалангу: это были такъ-называемые fratres remanentes, далѣе—взятые на срокъ и на искусъ, ad terminum servientes, и наконецъ, женатые рыцари, сражавшіеся за орденъ и дѣлившіеся съ нимъ имуществомъ, но лишенные орденскаго костюма и привилегій. Главною обязанностью тампліеровъ осталась все-таки военная служба; храмовникъ не смѣлъ покидать поля битвы, имѣя противъ себя трехъ враговъ. Въ битвахъ они пріобрѣли огромную извѣстность отважными подвигами и военную репутацію на всю Европу. Они вели самостоятельныя войны; ихъ мечъ никогда не притуплялся на турокъ; одно появленіе бѣлаго тампліера гнало десятки непріятелей. Съ ними соревновало рыцарское самолюбіе на Западѣ. Зритель или участникъ турнира,—хра-

мовникъ всегда занималъ въ немъ почетное мѣсто. Европейскіе государи считали за честь ласкать ихъ. Императоры: Лотарь II и Барбаросса, короли: Генрихъ I и II англійскіе, Луи VII французскій, Раймундъ III, графъ барселонскій, принадлежали къ числу друзей тампліеровъ. Въ XIII вѣкѣ рѣдкій государь или баронъ умиралъ, не завѣщавъ землю или деньги ордену, или не назначивъ одного изъ сыновей въ это славное братство. Первые храмовники были подчинены патріарху Іерусалимскому; они платили десятины и только своимъ смиреніемъ и военною отвагой снискивали себѣ общую симпатію. Они до того прославились святостью своей жизни и заслугами, что вошло въ обычай, въ отлученныхъ земляхъ, дозволять хотя разъ въ годъ службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошла нога храмовника. Оффиціально только Александръ III избавилъ ихъ отъ десятины, по примѣру госпиталитовъ; даже можетъ быть еще во второй половинѣ XII вѣка, они пользовались этою привилегіей. Иннокентій III особенно увеличилъ ихъ права; онъ освободилъ отъ налоговъ и платежа пошлинъ всѣ тѣ предметы, въ которыхъ они имѣли надобность, объявивъ, что ихъ церкви и они сами—внѣ суда епископскаго и подлежатъ вѣдѣнію только одного папы; священнослужители тампліеровъ не присягали епископамъ, которые не могли отлучать ихъ даже за нарушеніе церковнаго благочинія; наконецъ, Иннокентій объявилъ ничтожнымъ всякій указъ, который пойдетъ противъ ихъ привилегій. Онъ требовалъ отъ нихъ только подчиненія своимъ легатамъ (1), по поводу чего поступали частые доносы въ Римъ. Въ одномъ письмѣ Иннокентія сохранился упрекъ, что тампліеры любятъ часто оправдываться невѣдѣніемъ и слабостью; тѣмъ не менѣе папа поручаетъ патріарху Іерусалимскому принять должныя мѣры (cum his autem qui hactenus simplicitate peccarunt, si urgens necessitas aut evidens utilitas postularit, mitius agere pateris, prout tuae discretionis prudentia viderit expedire). Трагическое паденіе ордена будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно имѣетъ тѣсную связь съ политическими судьбами Фран-

---

(1) Wilcke, Gesch. des Tempelherren Ordens, 2 Aufl, Halle, 2 voll. 1860. H. Prutz, Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrenordens (B. 1879), на основаніи изд. Michelet, Procés des Templiers (въ Collection de Guizot, P. 2 vls. 1840—41). Изъ старыхъ, кромѣ De-Puy, выдержавшаго 5 изд., замѣчательно соч. Grouvelle, Mèm. hist. sur les Templiers (P. 1805).

ціи. Замѣтимъ пока, что причина гибели храмовниковъ скрывается въ громадныхъ богатствахъ тампліеровъ, возбудившихъ личную жадность французскаго короля, а отчасти въ легкомысленномъ ихъ отношеніи къ религіи, которое явилось слѣдствіемъ какъ изнѣженной ихъ жизни, такъ и неудачи крестовыхъ походовъ, развитія новыхъ общественныхъ отношеній, а равно возникновенія отрицательныхъ взглядовъ на религію. Такія убѣжденія коренились тогда не въ однихъ тампліерахъ; ихъ судьи, осуждая ихъ, лицемѣрили утонченнымъ образомъ. Тампліеры имѣли большую симпатію къ Востоку; они близко узнали личности султановъ и не могли не увлечься цвѣтущею цивилизацiей сарациновъ. При этихъ условіяхъ могла появиться въ извѣстныхъ размѣрахъ, въ средѣ общества храмовниковъ, склонность къ религіозному вольнодумству, къ чувственности, магіи, астрологіи, въ чемъ и обвиняли ихъ, хотя королевская партія, разрушая орденъ, въ сущности думала о грабежѣ. Уничтоженію храмовниковъ содѣйствовало насильственное возвышеніе королевской власти. Точно также, но при иныхъ условіяхъ, нѣмецкіе духовные рыцари были невольною причиною извѣстнаго развитія политическихъ событій въ сѣверной Германіи.

Начало тевтонскаго ордена надобно искать въ похожденіяхъ дружины двухъ сѣверо-нѣмецкихъ городовъ. Когда извѣстіе о побѣдахъ Саладина и о близкомъ паденіи христіанскихъ государствъ въ Палестинѣ дошло до Европы, то общее отчаяніе овладѣло католическимъ Западомъ. Торговцы Любека и Бремена не остались чужды религіозныхъ сокрушеній. Они снарядили 400 человѣкъ, и, нашивъ имъ черные кресты на плечи, отправили ихъ въ армію Барбароссы, подъ начальствомъ графа гольштейнскаго Адольфа. Когда императоръ потонулъ, то Адольфъ вернулся, а его дружина осталась на службѣ Фридриха, герцога швабскаго. При военныхъ неудачахъ христіанскаго ополченія, рыцари сочли за лучшее посвятить себя дѣлу попеченія о раненыхъ, чѣмъ уже ознаменовали себя итальянцы и французы. Еще при осадѣ Акры тевтонскіе рыцари посѣщали больныхъ размѣщенныхъ въ парусинныхъ палаткахъ, а по взятіи города они устроили въ Акрѣ странопріимный домъ, по примѣру того, который частнымъ образомъ существовалъ у нѣмцевъ въ Іерусалимѣ съ 1128 года и назвали его „Маріинскимъ нѣмецкимъ домомъ". Сюда стали приходить многіе знатные рыцари, которые посвя- **Тевтонцы.**

тили себя попеченію о несчастныхъ и освобожденію Святой земли. Ихъ было 40 человѣкъ, когда былъ избранъ первый великій магистръ Генрихъ Вальнотъ фонъ-Бассенгеймъ. Общество назвалось тевтонскимъ, а также „Marianenritter". По настоянію Фридриха швабскаго, Климентъ III и императоръ Генрихъ VI утвердили орденъ въ 1191 году (¹). Уставъ его сходенъ съ тампліерскимъ; сперва въ обществѣ были лишь рыцари и слуги, потомъ явилась духовная корпорація. По одеждѣ они также походили на храмовниковъ, отличаясь только цвѣтомъ креста. Папа Целестинъ III принялъ этотъ орденъ подъ свое особенное покровительство, давъ ему независимость отъ интердиктовъ и самостоятельную юрисдикцію. Иннокентій III предоставилъ имъ право имѣть своихъ священниковъ и освободилъ отъ взиманія десятины. Гонорій III ввелъ избраніе великихъ магистровъ цѣлымъ капитуломъ. Здѣсь всякое нововведеніе принималось только съ согласія цѣлаго ордена. Для обезпеченія общества были открыты сборы, но въ послѣдствіи цѣлыя владѣнія на Востокѣ и на Западѣ (въ Испаніи, Германіи, Венгріи) составили орденское достояніе и создали ему могущество. Императоры естественно отдавали ему преимущество; двое рыцарей, въ качествѣ представителей ордена, всегда находились при императорскомъ дворѣ.

Меченосцы и Добринцы. Когда въ виды папства вошло просвѣщеніе прибалтійскихъ язычниковъ, то вмѣсто одного нѣмецкаго ордена ихъ стало три: въ Ливоніи былъ учрежденъ (около 1200 года), стараніями епископа ливонскаго Альберта, орденъ меченосцевъ, который при первомъ магистрѣ своемъ, Виннонѣ фонъ-Рорбахѣ, овладѣлъ Эстоніей, а въ Пруссіи, по настоянію епископа Христіана, составился изъ 13 членовъ орденъ Іисусовъ, послѣ названный Добринскимъ, по имени замка, гдѣ было первое и послѣднее пристанище его членовъ. Добринцы не только удержали свои владѣнія, но отняли еще у пруссовъ часть Кульмской земли. Ихъ оставалось только пять человѣкъ, когда они перебрались въ Плоцкъ къ отряду Мазо-

---

(¹) Bachem. Chronologie der Hochmeister des deutschen Ordens vom 1190—1601 etc. 1802.—Hennig. Die Statuten des deutschen Ordens. Kön. 1806.—Voigt. G. des Deutschen Ritterordens in seinen 12 Balleien. B. 2 B. 1857.—Prutz. Die Besitzungen des Deutschen Ordens im Heiligen Land. L. 1879.

вецкаго герцога, Конрада. Положеніе герцога и ихъ самихъ было безнадежно; приходилось покидать все завоеванное. Но у людей того времени было много вѣры въ свое дѣло, въ особенности, если оно касалось религіозныхъ интересовъ.

Тотъ же Христіанъ предложилъ призвать на помощь изъ Палестины тевтонскій орденъ, которому теперь было мало дѣла въ Святой Землѣ, такъ какъ тамъ вездѣ тѣснили христіанъ. Тевтонцамъ отдавалась въ собственность Кульмская страна; Христіанъ поѣхалъ съ этимъ предложеніемъ въ Римъ, потомъ въ Птолемаиду, гдѣ видѣлся съ великимъ магистромъ тевтонцевъ, Германомъ Зальцею. Соглашаясь на условія, Зальца послалъ двухъ рыцарей къ герцогу Конраду для переговоровъ, и въ то же время испросилъ одобренія императора и папы на уничтоженіе добринцевъ, сліяніе ихъ съ тевтонами и на занятіе послѣдними ихъ земель. Фридрихъ II указомъ изъ Римини (1226 года) призналъ за орденомъ всѣ земли, которыми онъ овладѣетъ въ Пруссіи, освободивъ вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарей отъ всякихъ служебныхъ повинностей. Григорій IX подтвердилъ все это съ своей стороны. Зальца отдѣлилъ часть рыцарства вмѣстѣ съ ландмейстеромъ Германомъ Балкою, и эта дружина съ 1228 г. начала свои завоеванія основаніемъ городовъ, приглашеніемъ германскихъ колонистовъ, распространеніемъ по языческой еще странѣ нѣмецкихъ нравовъ, городскаго нѣмецкаго права; короче, положила зерно будущаго прусскаго государства. Въ 1229 г. самъ Зальца видѣлся въ Апуліи съ императоромъ, который вторичною грамотою (въ іюнѣ 1230 года) подтвердилъ за орденомъ Кульмерландію. Въ это же время второй магистръ меченосцевъ Вольквинъ (Фолькуинъ) Шенкъ, въ виду предстоявшей войны съ Даніей и опасаясь уже за пріобрѣтенныя выгоды, задумалъ слить свой орденъ съ тевтонско-добринскимъ. Онъ послалъ рыцаря Іоганна магдебургскаго къ Зальцѣ; тотъ засталъ магистра въ Римѣ. Здѣсь, во время переговоровъ, было получено извѣстіе, что одержана рѣшительная побѣда надъ меченосцами, и что самъ великій магистръ ихъ съ 48 рыцарями и множествомъ воиновъ погибъ въ сраженіи съ язычниками. Медлить болѣе было нельзя. Григорій IX одобрилъ планъ Зальцы. Даніи была уступлена Эстонія съ Ревелемъ, а остальное прибалтійское побережье предоставлено тевтонскому ордену. Въ Пруссіи и Ливоніи было учреждено девять епископствъ. Германъ Балка былъ названъ ланд-

мейстеромъ Пруссіи, вторымъ послѣ великаго магистра. И Балка, и Зальца умерли въ одинъ 1239 годъ. Обязанность рыцарей была проповѣдывать христіанство и защищать его оружіемъ. Мало по малу такое смѣшеніе духовной и военной власти породило жестокость и высокомѣріе въ нѣмецкомъ рыцарскомъ сословіи, въ замѣнъ прежней кротости. По этому исторія распространенія христіанства тевтонскими рыцарями среди латышей, эстовъ и пруссовъ полна крови и ужасовъ. Въ Пруссіи управлялъ ландмейстеръ съ огромною властью; его замѣнялъ иногда орденскій маршалъ; каждый замокъ съ своимъ округомъ подчинялся командорству. Въ трехъ епископіяхъ прусскихъ духовенство состояло также изъ рыцарей. Самъ великій магистръ избралъ своей резиденціей г. Мергентгеймъ (въ нынѣшнемъ Виртембергѣ). Съ переходомъ въ протестанство великаго магистра изъ Бранденбургскаго курфирстскаго дома, опредѣлилась будущность Пруссіи. Эта система орденскаго государства, представляя единственное явленіе въ исторіи, выражаетъ всю силу и гибкость католицизма.

Въ XV вѣкѣ уже замѣтно паденіе рыцарства; вмѣстѣ съ нимъ должны были потерять значеніе духовно-рыцарскіе ордена Тогда рыцарство сослужило свою службу: оно развило гуманныя чувства, галантность обращенія, упрочило идеальные порывы и высоко подняло надъ тогдашнимъ обществомъ знамя чести и долга.

Нравы духовенства. Если таковыя настроенія могли возникать въ обществѣ, то духовнымъ по профессіи предстояло играть въ немъ первую роль, и духовенство играло ее. Богословскій духъ проникалъ во всю средневѣковую жизнь, а имъ руководило духовенство. Отъ духовенства, слѣдовательно, зависѣли интересы католицизма. Хотя оно не представляло изъ себя касту. тѣмъ не менѣе съ успѣхами католицизма связанъ былъ образъ жизни духовенства. Прослѣдить это развитіе общественнаго мнѣнія, значитъ объяснить нравственное развитіе духовенства и обратно. Исправленное усиліями и благотворнымъ вліяніемъ римской куріи отъ порчи прежней эпохи, общественное мнѣніе во многомъ способствовало торжеству клерикальной партіи надъ Фридрихомъ II. Довольствуясь побѣдой, оно впало въ апатію и изнѣженность, отъ которыхъ пробудилъ его язвительный смѣхъ сирвентъ до-

пѣвавшихъ свои пѣсни трубадуровъ. Уже опытному взору Иннокентія III въ сильной степени представлялось развитіе дурныхъ сторонъ стараго наслѣдія; его переписка обнаруживаетъ всѣ заботы его объ искорененіи пороковъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще матеріалъ для характеристики тогдашнихъ нравовъ въ памятникахъ провансальской поэзіи, въ т. н. сирвентахъ, этихъ общественныхъ политическихъ сатирахъ эпохи и между прочимъ въ трудѣ „Объ іерусалимской исторіи" епископа Якова Витрійскаго, довѣрять которому, впрочемъ, какъ увидимъ, надобно съ большою осторожностью.

Замѣтимъ прежде всего, что въ большинствѣ такихъ случаевъ изслѣдователь становится въ положеніе судьи не безпристрастнаго. Хорошія стороны общественной нравственности современники не имѣютъ причины выставлять; онѣ не поражаютъ ихъ, какъ явленіе нормальное, а всякое уклоненіе обнажается со всѣми подробностями, съ крайнимъ ригоризмомъ и преувеличеніемъ, особенно если лѣтописецъ самъ полуаскетъ. Документовъ юридическаго характера бываетъ мало въ такихъ случаяхъ; потому, при изученіи исторіи нравственности, надобно весьма осторожно относиться къ замѣткамъ и особенно поэтическимъ декламаціямъ современниковъ.

Сирвенты трубадуровъ о духовенствѣ.

Тѣмъ не менѣе нельзя ихъ игнорировать, такъ какъ и поэтическіе памятники берутъ факты изъ жизни. Обратимся собственно къ тѣмъ памятникамъ поэтическаго и чисто историческаго характера, которые рисуютъ тогдашніе нравы католическаго духовенства.—„Церковь,—восклицаетъ трубадуръ де ла Гарда,—пренебрегаетъ самыми священными обязанностями своими. Удовлетворяя корыстолюбію и жадности, она за низкую цѣну прощаетъ всѣ преступленія. Священники неумолкая твердятъ съ каѳедръ, что не слѣдуетъ желать благъ земныхъ, но они весьма непослѣдовательны. Они защищаютъ убійство и кощунство, такъ какъ сами повинны въ томъ и другомъ; по несчастію, нашъ вѣкъ идетъ по ихъ слѣдамъ.— Священники сдѣлались инквизиторами нашихъ поступковъ. Я не за то порицаю ихъ, что они судятъ, но за то, что они властвуютъ по своимъ капризамъ. Пусть они сокрушаютъ заблужденія,—говоритъ Монтаньагу по поводу мѣръ строго-

(¹) Pons de la Garda: «De la gleisa». Raynouard,—Choix; IV, 278.

сти, принятыхъ Римомъ относительно еретиковъ,—но безъ злобы, одною силою убѣжденія; пусть они съ добротою приводятъ къ истинѣ тѣхъ, которые отклонились отъ вѣры; пусть они даруютъ милость и пощаду кающемуся, дабы виновный и невинный одинаково не дѣлались несчастными. Напрасно твердятъ они, что золотыя парчи неприлично носить дамамъ; если бы священники не дѣлали другаго зла, если бы они не возгордились вообще, то красивый нарядъ никогда не лишилъ бы ихъ милости Божіей. Тѣ, которые исполняютъ обязанности свои къ Богу, не отталкиваются имъ, потому только что роскошны ихъ одежды. Точно также и священники и монахи не заслужатъ еще награды отъ Бога, если ничего лучшаго не сумѣютъ сдѣлать, какъ вырядиться въ черныя рясы и бѣлые капишоны" ([1]).

Такъ высказывалось общественное мнѣніе собственно въ виду крутыхъ мѣръ Церкви по отношенію къ ересямъ и еще ранѣе ихъ ([2]). Въ то же время, когда началась альбигойская рѣзня, голосъ трубадуровъ, полный ненависти и мести, поднялся еще выше. Своею роскошью, богатствомъ, недоступностью—высшее духовенство того времени само возбуждало противъ себя общее негодованіе. Веселая и роскошная жизнь вельможъ и купцовъ лангедокскихъ всегда служила предметомъ соревнованія въ духовенствѣ. Если ихъ жилища были убраны бархатомъ, шелкомъ, самитомъ, если камни и жемчуги блестѣли на ихъ женахъ, если одежды ихъ кидались въ глаза великолѣпными украшеніями, а головные уборы изысканной странностью, то не меньшей пышностью и роскошью отличались красные и бѣлые наряды духовныхъ. Ихъ помѣстья, десятины приносили имъ мѣшки стерлинговъ, солидовъ, марботиновъ. На ихъ конюшнѣ стояли тысячныя лошади, лучшія у всей знати. Тогда какъ буржуа прекрасно умѣли прожить сутки на 2 солида и только 12 динаріевъ обходился хорошій столъ,—священники растрачивали сумму въ 20 разъ большую на одни покои съ росписными плафонами, на старый ячменный хлѣбъ, такъ любимый въ то время, на рѣдкаго лосося, на изысканное кушанье въ родѣ соуса

([1]) Raynouard. Choix; IV, 335.

([2]) О политическихъ сирвентахъ, направленныхъ собственно противъ французовъ и папства мы говорили выше (II, 180—185). Здѣсь идетъ рѣчь о сирвентахъ общественнаго характера, порицающихъ духовенство.

съ индійскимъ перцомъ и шафраномъ. Духовные не стѣснялись ежегодно перваго мая дарить своимъ возлюбленнымъ кольца, ожерелья, браслеты, драгоцѣнные камни. Отъ такой жизни не трудно было явиться распущенности нравовъ, понятной при всякой утонченной цивилизаціи. Эту жизнь уже давно изобличали трубадуры въ родѣ Вильгельма де ла-Фабръ и Вильгельма Лиможскаго. Ихъ сирвенты звучатъ грустью и страданіемъ за общество, но послѣ нихъ безнравственность въ этомъ обществѣ еще болѣе упрочилась преимущественно среди прелатовъ и священниковъ, которые даже превзошли свѣтскихъ феодаловъ. Сирвенты трубадуровъ, безпощадныя къ феодаламъ, презиравшія императора, съ заносчивыми выходками какъ у Сорделло,—поучавшаго всѣхъ государей Европы и совѣтывавшаго имъ съѣсть кусочекъ его сердца, чтобы вылѣчиться отъ трусости, тѣмъ смѣлѣе карали пороки духовенства: - „Чтобы излить свой гнѣвъ и печаль сердца (per espassar l'ira e la dolor), я, сильный моей надеждой на Бога, начинаю сирвенту противъ великаго безумія, которое, прикрываясь обманчивою наружностью, овладѣло этимъ двуличнымъ племенемъ,—такъ поетъ марсельскій трубадуръ при самомъ наступленіи XIII столѣтія. Племя это любитъ расточать хорошія слова, но поступать привыкло иначе. Тѣ, которые должны бы ходить по пути Господню, подвизаться въ жизни, по слабости человѣческой уклоняются и погибаютъ... Проповѣдникъ, внушающій надежду на Бога и убѣждающій къ добродѣтельной жизни, говоритъ прекрасныя вещи; но на дѣлѣ выходитъ другое. Истинная вѣра не нуждается въ мечѣ, чтобы губить, разить. О вы, лукавые, вѣроломные, клятвопреступные грабители, развратные, и нечестивые, вы столько уже совершили зла, что однимъ примѣромъ своимъ способны заразить всякаго. Св. Петръ не далъ вамъ права золотомъ уравновѣшивать грѣхи преступнаго (¹).... Къ чему, выряжаются клирики, къ чему эта роскошь, къ чему эти камни, когда Богъ жилъ такъ бѣдно и просто! Зачѣмъ клирики такъ любятъ брать чужое добро, когда они знаютъ хорошо, что отнимая крохи бѣдняка для своихъ яствъ, для своей роскоши—поступаютъ не по Писанію (²).... Я не испугаюсь

(¹) Raynouard Choix; IV, 284.

(²) «A! per que vol clercs bella vestidura». Bertrand Carbonel (Mary-Lafon, Midi de la France; II, 384).

и не оставлю бичевать гнусныхъ клириковъ; моими стихами да накажется низость этихъ душъ, это коварное поповское племя, которое чѣмъ больше имѣетъ силы, тѣмъ больше высказываетъ зла и неистовства. Всѣ эти ложные проповѣдники въ заблужденіе вводятъ свою паству; они совершаютъ смертный грѣхъ, и тѣ, которые поучаются у нихъ, подражаютъ тому же. Пастыри наши сдѣлались волками, грабителями: они грабятъ вездѣ, гдѣ могутъ и всегда съ видомъ ласковой дружбы. Они повергаютъ свѣтъ еще новому, а Бога еще большему униженію.... А между тѣмъ, если попробуете возвысить голосъ противъ священниковъ, то будете отлучены и если не отплатитесь, то не ждите ни любви, ни дружбы отъ нихъ; никто изъ нихъ не станетъ молиться за васъ. Пресвятая дѣва Марія! дай мнѣ хотя день прожить въ ладу съ ними и избѣгнуть ихъ господства. А ты, моя сирвента, лети и спѣши успокоить лукавыхъ пастырей; увѣрь ихъ, что тотъ подлежитъ смерти, кто осмѣлился бы не уважить ихъ могущество" ([1]).

Точно такъ высказывалась литература XVI столѣтія, въ эпоху Реформаціи. И тутъ и тамъ, литература беретъ на себя обличительную роль; и тутъ и тамъ, ея протестомъ руководятъ порывы свободной мысли и чисто христіанское желаніе остановить паденіе Церкви. И тутъ и тамъ были бы одни и тѣ же послѣдствія, если бы не крѣпость папской теократической системы, только что организованной Иннокентіемъ III. И тутъ и тамъ, побудительная причина протеста заключается въ условіяхъ нравственнаго состоянія духовенства.

Свидѣтельства документовъ. Не однѣ сирвенты карали порчу этого сословія. Если нравы духовенства этой эпохи,—полной ослѣпительныхъ контрастовъ и цѣлостныхъ характеровъ,—не отличались чистотой, если примѣры насилія, жестокости, разврата въ разныхъ слояхъ свѣтскаго общества встрѣчались часто, и притомъ во всѣхъ странахъ западной Европы,—то отъ всѣхъ такихъ явленій не изъято было въ тѣхъ же предѣлахъ и духовенство. Торжество папъ надъ императорами въ XII вѣкѣ, выгоды, пріобрѣтенныя римской куріей въ ея вѣковой борьбѣ, дали много силы и авторитета клерикальному эле-

([1]) No m'laissarai per paor (ib. II, 388).

менту. Послѣ вѣковаго напряженія и труда наступили годы пользованія побѣдой. Пріобрѣтенныя выгоды соблазнительно вели клиръ къ злоупотребленію торжествомъ и властью. Идеалы Гильдебранда были забыты. Высокая идея Пасхалиса II,—исправить духовенство самоотреченіемъ—была благородной утопіею, неоцѣненной современниками. Рядъ сочиненій въ разное время появляется въ средѣ самихъ католическихъ духовныхъ съ нескрываемой печалью о порчѣ Церкви. Мы уже говорили (I, 411—415, 437) о томъ, что предшествовало Гильдебранду въ самомъ Римѣ и среди духовенства. Нравственной реформѣ, предпринятой Григоріемъ VII, нельзя отказать въ успѣхѣ. Но когда прекратилось дѣйствіе инерціи, данной католическому міру этимъ человѣкомъ, тогда стало грозить возвращеніе прежняго нравственнаго разложенія, хотя и не съ его крайностями. Симонія еще господствовала въ полной силѣ; свидѣтелемъ ея былъ Ивонъ Шартрскій, констатировавшій это явленіе спустя 20 лѣтъ послѣ кончины Гильдебранда (1). Гильдебертъ, епископъ турскій, писавшій въ началѣ XII вѣка, изображаетъ правящее духовенство въ своемъ „Curiae romanae descripiio“ какъ такое сословіе, котораго надо опасаться.—„Они вездѣ стараются посѣять раздоръ и пользоваться смутами“, говоритъ онъ (2). Другой нѣмецкій аббатъ трактуетъ въ особомъ сочиненіи „О порчѣ Церкви при папѣ Евгеніи III“. Неслыханное дѣло, восклицаетъ авторъ, теперь вмѣсто *Церкви* римской стали говорить *курія* римская! (3). Англичанинъ Іоаннъ Сольсберійскій,—не щадившій, по словамъ поэта, ни друзей, ни недруговъ,—въ своемъ „Поликратикѣ или о лжи духовныхъ“, между прочимъ разсказываетъ, что, при свиданіи съ суровымъ папою Адріаномъ IV, онъ осмѣлился, увлекаемый побужденіемъ свободы и истины, откровенно высказать все, что дурнаго говорятъ въ далекихъ провинціяхъ про него и Римскую Церковь. „Она, мать всѣхъ Церквей, сдѣлалась теперь не матерью, а мачихой. Засѣдаютъ въ ней книжники и фарисеи; они возлагаютъ невыносимыя тяготы на плечи людей, а сами не дотронутся до нихъ пальцемъ, раздираютъ Церковь, возбуждаютъ вражду, воздвигаютъ народъ на духовенство. Они не сочувствуютъ несчастіямъ и страданіямъ

(1) Migne. Patrologia.—Baronius Ann. eccl. t. XVIII; a. 1104.
(2) Apud Gieseler. Kirchengeschichte; 4 Ausg. B. II, Th. II. S. 248.
(3) Baluzius. Miscellanea (P. 1768); V, 63.

оскорбленныхъ; они радуются униженію Церкви (et quaestum omnem reputant pietatem)... Чаще всего они приносятъ вредъ, подражая бѣсамъ, обитающимъ въ нихъ и которые только тогда ихъ оставляютъ, когда тѣ перестаютъ вредить; исключеніе составляютъ немногіе,—тѣ, кои преисполнены понятія о долгѣ и обязанностяхъ пастырскихъ. Но и самъ первосвященникъ римскій ужаснѣе всѣхъ (omnibus gravis) и почти невыносимъ... Дворцы блистаютъ духовными особами и въ рукахъ ихъ помрачается Церковь Христова. Они извлекаютъ богатства провинцій, думая нажить сокровища Креза; епархіи часто преданы на разграбленіе самымъ низкимъ людямъ. И я полагаю, что до тѣхъ поръ, пока они будутъ блуждать въ такой дебри, бичъ Божій не перестанетъ грозить имъ. Ибо въ Писаніи сказано quo judicio judicaverint, judicabuntur, et sua mensura remitietur eis" (1). Въ половинѣ XII вѣка, одинъ клюнійскій монахъ сочинилъ поэму о развращеніи міра (de contemptu mundi ad Petrum abbatem suum) и въ ней говоритъ между прочимъ: „Римъ даетъ все, но лишь тѣмъ, которые даютъ ему; въ Римѣ все за деньги; тамъ, гдѣ, казалось, прибѣжище правды, погибло всякое право. Какъ колесо, стремится эта римская колесница. Вредящій Римъ вредитъ (Roma nocens nocet) и самъ же учитъ искусству вредить, научаетъ забывать правду, а думать только о пріобрѣтеніи барыша, да о покупкѣ епископскаго палліума" (2). Нѣсколько позже, въ концѣ XII столѣтія, тѣ же голоса, тѣ же латинскіе стихи слышатся изъ Англіи и Германіи. Это извѣстное: „In Romanam Curiam". По словамъ автора, Римъ сталъ ничѣмъ инымъ, какъ рынкомъ, гдѣ съ аукціона продаются сенаторскія мѣста и въ консисторіи все дѣлаютъ за деньги (3):—„Nisi det pecuniam, Roma totum negat,—Qui plus dat pecuniam, melius allegat". Еще большее значеніе имѣютъ обличенія французскихъ современниковъ. Одному изъ нихъ, строгому иноку клюнійскому, приписываютъ самое сильное, написанное около 1203 года,—въ фор-

(1) Polycraticus seu de nugis Curialium; I. VI, c. 24,—Gieseler; ibid.—Cave. Scr. eccl. hist. litt. 1745.

(2) M. Flacius. Varia doctorum piorumque virorum de corrupto Ecclesiae statu poëmata (Bas. 1754); 351.

(3) Waltherus Mapes apud Flacium; 420.

мѣ поэмы, носящей заглавіе: La Bible de Guiot de Provins ([1]). Это памятникъ высокаго достоинства для ознакомленія съ той эпохою. Авторъ особенно нападалъ на высшее духовенство, кардиналовъ и легатовъ, которые, своимъ появленіемъ во Франціи и особенно Лангедокѣ, возбуждали, какъ позднѣе въ эпоху великой Реформаціи, сильное негодованіе. „Все пропадало и смущалось, когда наѣзжали кардиналы, всегда алчные, ищущіе добычи. Они приносятъ съ собою—симонію, показывая примѣръ нечестивой жизни; какъ бы неразумные, безъ вѣры, безъ религіи, они продаютъ Бога и Богородицу" ([2]). А нѣсколько далѣе идетъ обличеніе даже столповъ католичества, хотя таковое нельзя относить къ личности самого папы; это скорѣе отраженіе старыхъ воспоминаній, плоды старой накипѣвшей злобы, какое-то разочарованіе въ возможности поворота къ лучшему. „Всѣмъ видимо, что Римъ унизилъ нашъ законъ. Князья, герцоги, короли должны о томъ безотлагательно подумать. Римъ насъ язвитъ и пожираетъ; онъ разрушаетъ и умерщвляетъ всѣхъ. Римъ—это каналъ нечестія, откуда изливается преступный порокъ, это бассейнъ полный гадовъ (Rome est la doiz de la malice—Dont sordent tuit li malves vice;—C'est un viviers pleins de vermine). Въ тѣ же самые годы аббатъ Іоакимъ, мистикъ и аскетъ, называетъ Римскую Церковь вавилонской блудницею. „На сколько она удалилась отъ чистоты первоначальной Церкви, явствуетъ изъ многаго". Онъ уподобляетъ Церковь греческую Израилю, а латинскую Іудѣ, изъ которыхъ первую можно назвать противоборствующею (adversatrix), а вторую вѣроломной (praevaricatrix),—ибо иное дѣло уклоняться отъ вѣры и другое измѣнять ее" ([3]). Еретики прямо выставляютъ главною причиною своей оппозиціи нравственное паденіе западной Церкви и апологеты послѣдней, полемисты съ ересью, сдѣлавшіеся инквизиторами по убѣжденію,—какъ напримѣръ, Рейнеръ Сакконі,—сами сознаются въ томъ ([4]).

([1]) Barbazan. Fabliaux et contes des poètes françois de XI—XV siècles: P. 4 v. 1808.

([2]) La Bible de Guiot de Provins, v. 666—674 et v. 765—774.

([3]) Apud Gieseler; B. II, T. II, S. 353.

([4]) Reinerus. Contra Waldenses, c. 3, apud Grester. Opera (1738); XII, II, 27.

Правда, что съ самаго начала XIII столѣтія, новый Гильдебрандъ воцарился въ Римѣ, но ему досталось наслѣдіе слишкомъ запущенное, чтобы плоды его дѣятельности можно было ощутить немедленно. Иннокентій III положилъ лучшія усилія къ исправленію нравовъ духовенства, но ересь выросла подъ вліяніемъ условій, уже до него накопленныхъ исторіею. Онъ успѣлъ достигнуть своей цѣли лишь въ послѣдствіи, когда фактъ совершился, когда альбигойство было побѣждено насиліемъ. Самая ересь далеко опередила его появленіе, и не онъ виновникъ развитія ея. Потому, понятно, что образованныя лица, принадлежащія къ духовному сословію, и при немъ продолжаютъ рисовать жизнь духовенства мрачными красками.

Мы имѣемъ два свидѣтельства такого рода; оба они, какъ слова современниковъ начала XIII вѣка, требуютъ вниманія. Одно изъ нихъ, нѣсколько раннее, заключающееся въ хроникѣ пріора Готфрида, касается непосредственно соціальнаго быта Аквитаніи и Прованса и потому имѣетъ большое значеніе для исторіи эпохи, тѣмъ болѣе, что записанное въ 1185 году, представляетъ картину нравственнаго разложенія духовенства въ эпоху особеннаго процвѣтанія ересей. Уже тогда между католиками составилось убѣжденіе, что совершать таинство Евхаристіи не кому, такъ какъ достойныхъ для того лицъ во всемъ духовенствѣ не имѣется. О святости жизни въ духовныхъ пастыряхъ теперь не слышно. „Монахи, говоритъ по этому поводу настоятель восіенской обители, покидаютъ свое прежнее платье и ходятъ по улицамъ одѣтыми по новой модѣ; мясо они ѣдятъ, когда хотятъ. Самые неприличные раздоры совершаются въ монастыряхъ при избраніяхъ; такъ, я знаю монастырь, въ которомъ правятъ 4 аббата. Цистерціанцы еще чѣмъ нибудь заслуживаютъ похвалу; они расточаютъ большія милостыни, изучаютъ церковное пѣснопѣніе, творятъ много добрыхъ дѣлъ. Но и они искусны силой или хитростью присвоивать себѣ имущества и доходы другихъ орденовъ. Епископы же требуютъ съ приходовъ большія взятки, а мѣста продаютъ за деньги. Они не даютъ даромъ мѣстъ священнослужителямъ, а прежде требуютъ подарковъ, потому тѣ и стригутъ своихъ прихожанъ, какъ торговцы овецъ. Послѣдствія бываютъ еще ужаснѣе, когда священники подаютъ паствѣ примѣръ безнравственной жизни". Все преисполнилось пороковъ, и, какъ видно изъ

словъ пріора, побудительная причина заключается въ безнравственной жизни духовенства (¹).

Яковъ Витрійскій.

Еще бо̀льшимъ аскетизмомъ характеризуется взглядъ другаго высокопоставленнаго духовнаго лица, свидѣтеля самаго разгара альбигойскихъ войнъ и проповѣдника похода на еретиковъ. Надо впрочемъ замѣтить, что личности въ родѣ Якова Витрійскаго, епископа палестинской Акконы,—появляются при исключительныхъ обстоятельствахъ. Полу-аскетъ въ жизни, съ идеаломъ духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, суровый епископъ не хочетъ ничего видѣть въ современной ему эпохѣ, кромѣ зла, - а это было время самостоятельной цивилизаціи, осѣненное нѣкоторымъ блескомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ служителей Церкви, которые закалились борьбой Иннокентія III съ старыми порядками, борьбою за идеалы нравственной чистоты, борьбой, породившей много неукротимыхъ ригористовъ, которые, съ вѣчными текстами на устахъ, въ пылу увлеченія думая вернуть неумѣстную патріархальность нравовъ, впали въ противоположную крайность (²). Тѣмъ не менѣе, уже одно появленіе такихъ сочиненій, какъ „Іерусалимская исторія“, даетъ право вполнѣ повѣрить ироническимъ и озлобленнымъ трубадурамъ.

Замѣтивъ, что весь міръ потерялъ понятіе о добродѣтели, что все гибнетъ среди „пьянства, обжорства, пороковъ нравственныхъ и утѣхъ чувства, для которыхъ нѣтъ границъ даже въ различіи по̀ловъ“, что религія падаетъ отъ нечестиваго кощунства,—суровый епископъ, переходя спеціально къ духовнымъ, такъ отзывается про монаховъ: „Отказавшись отъ свѣта и отъ самаго вѣка, связанные однимъ долгомъ молитвы и вѣры, они еще ниже пали нравственно

(¹) Gaufredus Lemovic. Chronicon, c. 74.

(²) Онъ, какъ фанатическій католикъ, принималъ дѣятельное участіе въ проповѣданіи крестоваго похода на альбигойцевъ. Мѣстомъ рожденія его былъ городокъ Витри близъ Парижа. Онъ умеръ въ Италіи кардиналомъ въ 1246 году. Guizot, издавшій въ 22 т. Collection des mémoires франц. переводъ его сочиненія, относится съ справедливымъ недовѣріемъ къ декламаціямъ автора, къ этому риторизму общихъ мѣстъ. «Un tel tableau, même à cette époque, ne saurait être pris à la lettre; c'est le propre des écrivains ecclésiastiques de représenter toujours le monde comme à la veille de sa fin et universellement en proie au péché» (intr. p. XI). (См. нашъ Очеркъ средн. исторіографіи, 46—49). Въ извлеченіи пер. у Стасюлевича; III, 482, 581.

послѣ своихъ обѣтовъ. Вѣчно безпокойные, никого не признающіе надъ собой, терзая другъ друга, они носятъ крестъ Христовъ будто повинность и нечестивые, невоздержные, живутъ по плоти, а не по духу" (1). Тѣмъ рѣзче епископъ акконскій говоритъ о своихъ высшихъ собратьяхъ по сану, объ этихъ „ненасытныхъ прелатахъ, которые изъ-за пламени страсти никогда не видятъ солнца справедливости... Грабители, а не пастыри, новые Пилаты, а не прелаты, они не только пускаютъ волковъ въ стадо, но даже дружатся съ ними. Имъ надо сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: врачъ, исцѣли самъ себя; проповѣдуя не красть, ты крадешь, говоря не прелюбодѣйствуй, ты самъ прелюбодѣйствуешь (къ Рим. II, 21—22). Невѣста Христова, Церковь Божія такъ отдана была на поношеніе и любодѣйство тѣми, кои призваны были оберегать ее. Снова распиная Сына Божія и ругаясь ему, они, въ своемъ алчномъ корыстолюбіи, не только обличаютъ самихъ себя, но и со священныхъ предметовъ снимаютъ всякую благость и позорятъ ихъ примѣромъ своей преступности (2). Тономъ рѣшительнаго памфлета написана характеристика нравовъ и жизни французскаго духовенства. Тогда духовенство Парижа развращено было, по его словамъ, болѣе нежели прочіе классы (3). Въ столичной жизни, частной и публичной, въ продолженіе второй половины XII вѣка, позорныя явленія стали общимъ правиломъ. Такъ узнаемъ, что черное духовенство, какъ и бѣлое, пріобщало отлученныхъ за деньги, что больныхъ навѣщали и напутствовали ради вознагражденія, что монахини выходили изъ монастырей, бродили по всѣмъ площадямъ (4). Священники часто покидали свои приходы ради женитьбы. Иные клирики давали своимъ поведеніемъ поводы потѣшаться народному остроумію (5). Значи-

(1) Iacobus de Vitriaco. Historia orientalis seu hist. hierosolymitana abbreviata; l. II, intr. (Guizot; p. 280).

(2) Idem. l. II, c. 4 (Guizot; p. 282—283).

(3) Idem; l. II, c. 6; p. 290.

(4) Idem l. II, c. 7; p. 291,—типичныя сцены во время крестовой проповѣди священника Фулько Нельи, сдѣлавшагося въ Парижѣ бичемъ разврата.

(5) По этому поводу ходило между французскими жонглерами скабрезное стихотвореніе, помѣщенное у Capefigue (Hist. de Philippe Auguste, IV. 352) и намекающее на самыя грязные пороки католическихъ священниковъ:

Vilain mestier clercs nous apprennent etc.

тельная часть духовныхъ имѣла лучшія намѣренія и, считая среди себя людей справедливыхъ и богобоязненныхъ, соблюдала спасительныя правила и священныя учрежденія своихъ орденовъ, на сколько то было возможно среди общаго увлеченія,— „но нечестіе развращенныхъ и злонамѣренныхъ одерживало верхъ. Ихъ неправда была велика до того, что они часто допускали къ священному сану тѣхъ, на кого прелаты налагали запрещеніе. Оттого могущественныя узы церковной дисциплины ослабѣли; міряне и отлученные смѣялись надъ приговорами своихъ прелатовъ и презирали церковное правосудіе".

Будущіе клирики съ молодыхъ годовъ получали дурное и безнравственное направленіе. Епископъ, близко знавшій бытъ парижскихъ студентовъ, не щадитъ при описаніи его самыхъ черныхъ красокъ, разсказывая возмутительныя вещи.

Впрочемъ всѣ эти обличенія епископа Акконскаго изображаютъ нравы не столько XIII, сколько второй половины XII вѣка. Это видно изъ словъ самого автора: „Все сказанное нами приводится не съ тѣмъ, чтобъ упрекать потомство, живущее нынѣ, за преступленія ихъ предшественниковъ, но единственно для того, чтобъ оно, омывъ свои ноги въ крови нечестія, научилось подражать добрымъ, проклинать и осуждать злыхъ".

Ограниченность и пессимизмъ сужденій Якова видны изъ предисловія. Прежде, говоритъ онъ, такъ ревностно описывали дѣла язычниковъ, осужденныхъ Господомъ, а теперь, „въ наше время не найдется никого или очень мало, кто бы разсказалъ и описалъ битвы, преславныя побѣды и дивныя дѣла Царя Небеснаго, на славу и хвалу Того, Кто одинъ достоинъ хвалы и славы во вѣки.... Въ наши дни Господь совершилъ великія дѣла, достойныя восхваленія и воспоминанія людей, въ Испаніи противъ мавровъ, въ Провансѣ противъ еретиковъ альбигойцевъ, въ Греціи противъ схизматиковъ". Короче, епископу вездѣ видится гибель и пропасть неисходная. Тогда общественное мнѣніе ожидало конца міра; потому мистическая грусть за погибающаго безъ покаянія, смѣшанная съ воплями негодованія, послужила отличительной чертой его обличительной проповѣди.

Свидѣтельства Иннокентія III.

Манера писать общими мѣстами, не указывая точныхъ фактовъ, — заставляетъ заподозрить историческое достоинство этого памятника и ставитъ его ниже писемъ Иннокен-

тія III. У послѣдняго, напротивъ, мы видимъ основательное изложеніе фактовъ, живые примѣры частной и общественной жизни духовенства. Говоря о томъ, что священники увлекаются слабостями, предаются пьянству, папа не забываетъ сказать, какъ отражалось это на другихъ, и даже подъ какимъ настроеніемъ могло уменьшиться развитіе пагубной страсти. Одинъ клирикъ, пившій запоемъ, излѣчился сновидѣніемъ; онъ увидѣлъ, какъ въ аду сатана торжественно пилъ кубокъ со смолой за его здоровье. Другой клирикъ, имѣвшій обычай въ пьяномъ видѣ плясать въ обществѣ женщинъ, упалъ за этимъ занятіемъ въ погребъ и убился до смерти. Этотъ примѣръ, какъ видимое наказаніе неба, исцѣлилъ другихъ, подверженныхъ той же склонности. Только одинъ случай кощунства въ духовенствѣ былъ извѣстенъ папѣ. Вооообще всѣ доходившія до него свѣдѣнія влекли за собою рядъ мѣръ и предавались гласности.

Изъ тѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, которыя занесены въ папскую переписку, можно заключить, что священники сдѣлались торговцами (1), процентщиками, фальшивыми монетчиками (2). Они пьянствуютъ (3), разбойничаютъ (4), святотатствуютъ (5) и въ тоже время совершаютъ всевозможныя насилія надъ причтомъ и паствой (6). Изъ Бордо доносили о кровопролитныхъ схваткахъ между священниками (7), изъ Прованса объ азартныхъ играхъ, при чемъ обвиненный объяснялъ, что нѣтъ причины отказываться отъ наживы и не пользоваться счастьемъ, тѣмъ болѣе что это укоренившійся обычай во всемъ французскомъ духовенствѣ (8). Иннокентій прини-

---

(1) Innocentii III regest. l. XV, ep. 202,—Migne; CCXVI, 731.

(2) Hurter; III, 455.

(3) Regesta; l. VI, ep. 78.

(4) Id. I, 21; V, 54; V, 75; V, 95; VIII, 87.

(5) Regesta; l. V, ep. 54,—дѣло объ архидіаконѣ Ричмондскомъ (у Migne; CCXIV, 1021—1025), обвиняемомъ во множествѣ самыхъ ужасныхъ преступленій и между прочимъ въ вооруженномъ насиліи, поджогахъ и святотатствѣ.—О томъ же говоритъ Rogerius de Hoveden, подъ годами 1198, 1199 и 1201.

(6) Reg. l. I. ep. 209,—Migne; CCXIV, 181.

(7) Reg. l. VIII, ep. 151,—Migne; CCXV, 726.

(8) Reg. l. XI, ep. 264,—CCXV, 1576—1578. «Idem Petrus quod hoc fecerat juxta Gallorum consuetudinem clericorum, secundum quam fere clerici universi mutuant sic frequenter et ludunt».

малъ всѣ мѣры для уничтоженія и предупрежденія зла при каждомъ случаѣ. Онъ увѣщевалъ, наказывалъ, лишалъ сана, отлучалъ. Его проповѣдь, сказанная вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ моментъ самый рѣшительный для Церкви,—объясняющая будущую систему его внутренней политики по отношенію къ духовенству, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ матеріаловъ при изученіи нравовъ духовенства въ данное время. Рисуя идеалъ священника, съ авторитетностью государственнаго документа, рѣчь папы констатируетъ присутствіе въ духовенствѣ тѣхъ же самыхъ пороковъ, противъ которыхъ возставали трубадуры, Готфридъ и Яковъ Витрійскій. „Побужденія плотскія, соблазны глаза и личная гордость, вотъ тройныя узы грѣховнаго человѣка, говоритъ Иннокентій; онѣ опутываютъ и духовныхъ. Подъ тяжестью плотскихъ страстей, духовникъ не краснѣетъ. Узы похотей глаза въ томъ, что влекомые ими не стыдятся вести торговлю и заниматься ростовщичествомъ, при чемъ всѣ, отъ самыхъ высокихъ лицъ до малыхъ, совершаютъ тысячи обмановъ; они забываютъ, что священникъ, жадный къ деньгамъ, служитъ не Богу, а идолу. А тѣ, которые должны бы сдерживать другихъ, какъ собаки нѣмыя, боятся лишиться своихъ приношеній, десятинъ, богатствъ (oblationes, decimas, atque primitias).Изъ гордости происходитъ то, что мы склонны болѣе служить суетѣ, чѣмъ смиренію, выступая горделиво, разукрашенные нарядами, болѣе приличными людямъ свѣтскимъ, чѣмъ духовнымъ“ (¹)... Содержаніе папской проповѣди въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ слѣдуетъ примѣнить къ положенію лангедокскаго католическаго духовенства предъ наступленіемъ альбигойскихъ войнъ.

Тамъ, въ это время, католическая Церковь находилась въ страшномъ униженіи. Тамъ раздаются горькія жалобы, что опустѣлые храмы разрушены или заросли мхомъ, что духовенству не платятъ десятинъ и что оно обречено на нищенство, что сильные феодалы спѣшили обложить церкви и монастыри налогами (²). Епископы не заботились объ интересахъ своей паствы, а, отправляясь въ крестовые походы, оставляли священниковъ въ жестокихъ тискахъ бароновъ. Бы-

(¹) Innoc. sermones de tempore, s. XII,—Migne; CCXVII, 368—369.

(²) 5, 7 и 8 постановленія авиньонскаго собора 1209 г.—Schmidt. Hist. des Cathares; I, 192.

вали примѣры еще хуже. Одинъ изъ епископовъ нарбоннскихъ, для котораго, по словамъ Иннокентія, божествомъ были деньги, подрядился на войну съ разбойничьей шайкою ([1]). Въ храмахъ народъ часто вмѣсто молитвы предавался танцамъ, (histrionicae saltationes obscoeni motus), сопровождая ихъ эротическими пѣснями (dicuntur amatoria carmina vel cantilenae ibidem). Авиньонскій соборъ 1209 года долженъ былъ составить особый канонъ по этому поводу ([2])

Измѣненіе въ идеяхъ со второй половины XIII вѣка.

Личность и дѣятельность Иннокентія III сгладила тѣ рѣзкія стороны общественной нравственности, которыя принесла старая эпоха. Успѣхъ его стремленій доказывается тѣмъ, что за первую половину XIII вѣка уже не имѣется свидѣтельствъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Аскетическое движеніе было современно нравственному перерожденію общества; оно выразилось успѣхами нищенствующихъ орденовъ. Половина XIII столѣтія въ этомъ отношеніи лучшее время для Церкви. Но впослѣдствіи начинается паденіе; оно идетъ параллельно съ потерею довѣрія не только къ папской системѣ, но и къ самимъ истинамъ, провозглашеннымъ католицизмомъ. Крестовые походы, при всѣхъ жертвахъ и упованіяхъ западнаго міра, не удались; самыя напряженныя усилія оказывались напрасными. Покровительство неба христіанству теперь считали простымъ вымысломъ. Разочарованіе и недовольство Римомъ стало видимо проявляться. Папы нашли удобнымъ сослаться на грѣхи христіанъ; тогда стали съ особенною подозрительностью слѣдить за поведеніемъ римской куріи. Самихъ папъ XIII вѣка трудно было уличить въ оскорбленіи публичной нравственности и въ позорѣ христіанства, но подъ вліяніемъ подготовленнаго раздраженія сложились чудовищныя повѣсти о личности Бонифація VIII. Жестокости. совершенныя надъ альбигойцами, въ свою очередь, много содѣйствовали негодованію на духовенство и на папъ. Неудача крестовыхъ походовъ породила сомнѣніе въ существованіи извѣстныхъ отношеній между людьми и божествомъ; она поколебала многое изъ того, съ чѣмъ привыкли соединять понятіе о святынѣ. Папы имѣли неосторожность поставить вопросъ о крестовыхъ походахъ такъ, что отъ исхода дѣла

([1]) Regesta; l. III, ep. 24 (CCXIV, 903—906); l. X, ep. 68 (CCXV, 1165).
([2]) Mansi. Concilia; XXII, 791.

зависѣло понятіе о правовѣріи, о достоинствахъ христіанской догматики, такъ какъ истиннымъ критеріумомъ религіи выставлялось обладаніе святыми мѣстами. Это скорѣе всего было соображено въ Прованеѣ; тамъ издавна коренилось легкое отношеніе къ вопросамъ вѣры; теперь къ чувствамъ тамошнихъ трубадуровъ прибавилось личное раздраженіе. Тамъ накипѣла сердечная ненависть къ Риму; она разразилась тѣмъ громкимъ свистомъ, который способенъ былъ оглушать всю Европу; одни сочувствовали этому свисту, другіе въ ужасѣ разбѣгались. А этотъ свистъ, къ концу вѣка, подготовилъ то настроеніе общаго мнѣнія, подъ которымъ сталъ дѣйствовать король французскій Филиппъ IV Красивый.

Въ 1302 году внукъ Луи Святаго, Филиппъ Красивый сжегъ папскую буллу. Etats-généraux въ Парижѣ, публично созванные съ участіемъ средняго сословія, разбираютъ дѣло папы съ королемъ, а при французскомъ дворѣ, по разсказу офиціальнаго лѣтописца, публично представляется слѣдующая мистерія по поводу возведенія въ рыцарство сына короля: „И увидѣли“—пишетъ набожный лѣтописецъ—„ребенка, изображавшаго Спасителя, который рѣзвился около женщины, изображавшей Пресвятую Дѣву; съ апостолами прочелъ послѣ Спаситель „Отче нашъ“, а подъ конецъ при всей публикѣ воскрешалъ и судилъ мертвыхъ. Тутъ же были святые, пѣвшіе въ раю съ ангелами, и грѣшники въ мрачномъ и зловонномъ аду; тутъ же присутствовалъ и дьяволъ, издѣвавшійся надъ страданіями Спасителя.. И вотъ послѣ всего вышелъ передъ собраніе зрителей человѣкъ лукавый; сперва онъ былъ въ одеждѣ простаго причетника и пѣлъ псалмы Давида, потомъ онъ явился въ облаченіи епископскомъ, послѣ архіепископскомъ, наконецъ папскомъ; онъ истреблялъ передъ публикой огромное количество куръ и цыплятъ“... А дѣды не то видали въ этой странѣ, когда въ 1229 году три королевы: вдова Филиппа-Августа, Бланка Кастильская и королева Іерусалимская торжественною процессіей шли по городу обнаженныя съ благочестивою цѣлью (¹). Лѣтописецъ, записавшій приведенную мистерію, въ сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ свое негодованіе, а не болѣе какъ черезъ три года, французскій чиновникъ, по приказанію сво-

(¹) Mary Lafon. Midi; III, 268.

его короля, арестуетъ папу. Итальянскій авантюристъ даетъ ему публичную пощечину въ присутствіи владычествовавшаго надъ западнымъ міромъ клира, и мѣсяцъ спустя первосвященникъ Рима погибаетъ самымъ жалкимъ образомъ. Идеи альбигойцевъ изъ Прованса и штедингеровъ изъ Фрисландіи прививаются къ готовой почвѣ; трубадуры не стѣсняются въ выраженіяхъ о религіи. Поклоненіе дамѣ, а иногда и чувственности, ставится въ тотъ вѣкъ, который мы привыкли называть суевѣрнымъ, болѣе обязательнымъ для высшаго общества, чѣмъ почтительное отношеніе къ религіи.—„Да, я клянусь св. Евангеліемъ,—поетъ Hugues de la Bachilerie,—„что ни Андрей Парижскій, ни Флорисъ, ни Тристанъ, ни Амелисъ никогда не имѣли такой чистой страсти, такой вѣрной привязанности, какъ моя. Съ той минуты, какъ я поклялся служить моей дамѣ, я не прочту Pater Noster безъ того, чтобы въ словахъ „qui es in coelis" не подумать всѣмъ сердцемъ о ней (¹)".—Pons de Capdueil сознается, что не перестаетъ думать о своей дамѣ даже тогда, когда молитвы обращены къ Богу (²).—„Одинъ взглядъ моей дамы дѣлаетъ меня болѣе счастливымъ, даетъ больше радостей, чѣмъ попечительныя заботы 400 ангеловъ", говоритъ Rambeaud d'Orange... „Я полагаю, что безъ моей дамы и рай не будетъ хорошъ", восклицаетъ Boniface Calvo (³)... Эти стансы, въ которыхъ подъ наивностью поэзіи скрытъ легкомысленный и скептическій взглядъ на вѣру, и которые такой знатокъ, какъ Ренуаръ, называетъ l'abandon de la franchise, особенно зазвучали послѣ альбигойской рѣзни. Неудача крестовыхъ походовъ подорвала довѣріе къ тому особому покровительству небесъ, которое папство возводило въ догматъ; этому вторили уже бичующія сирвенты Монтаньягу и Фигвейраса, Пьера Кардиналя и др. „О Римъ, отъ тебя погибъ добрый король Луи (VIII), когда твои рѣчи завели его въ наши страны... Ты ведешь къ преступленію, потому что презираешь и Бога и святыхъ". Мы привели большую балладу Фигвейраса въ 16 строфъ (II, 184), изъ которыхъ каждая начинается указаніемъ позора Рима; это громовое выраженіе безсильнаго гнѣва угнетенныхъ провансальцевъ кажется опередило свое время на

(¹) Raynouard, Choix; III, 342.
(²) Ibid. III, 174.
(³) Ibid. III; 16, 447.

нѣсколько столѣтій; тутъ слышится сердечная ненависть германскихъ реформаторовъ. То былъ поворотный пунктъ въ католицизмѣ, имѣвшій огромное значеніе для всемірной исторіи. Недовѣріе издалека касалось уже догмы, но вмѣстѣ съ такимъ скептическимъ отношеніемъ проявлялось и усвоеніе задачи христіанской жизни. Два столѣтія тому назадъ какой то суевѣрный рыцарь разъ возжелалъ стать Богомъ съ цѣлью отмстить своему врагу, а теперь у Жуанвиля встрѣчаемъ слѣдующее задушевное сказаніе —„По улицамъ Дамаска проходилъ однажды доминиканецъ, сопутствовавшій Луи IX въ Палестину. Дорогой онъ встрѣтился со старою женщиной, которая несла въ правой рукѣ сосудъ съ огнемъ, а въ лѣвой кувшинъ съ водою. Братъ Ives (такъ звали монаха) спросилъ ее: „Что ты хочешь съ этимъ дѣлать“? И она отвѣчала ему, что хочетъ огнемъ поджечь рай, а водою потушить адъ, чтобы не было больше ни того, ни другаго. Тогда Ивъ спросилъ ее: „Зачѣмъ ты хочешь это сдѣлать“?—„Я хочу“, отвѣчала она, „чтобы никто не дѣлалъ добра ради вознагражденія въ раю, ни зла изъ страха ада, но чтобы добро дѣлалось единственно изъ любви къ Богу, въ которомъ заключаются всякія блага и который можетъ сдѣлать намъ все доброе“. Если Фридриха II современники обвиняли въ атеизмѣ, то Жуанвиль видимо проводитъ взглядъ будущаго протестанта, тотъ Жуанвиль, который откровенно сознавался Луи Святому, что согласится лучше сдѣлать тридцать смертныхъ грѣховъ, чѣмъ перенести проказу.

А между тѣмъ въ Провансѣ энергично продолжали порицать духовенство. Кастельно сожалѣетъ, что св. Петръ и Андрей перенесли столько мученій изъ-за рая, въ который можетъ попасть всякій монахъ, лакомый до яствъ и до наслажденій, а Вильгельмъ Монтаньягу еще съ большею горечью говоритъ про монаховъ, которые все спасеніе полагаютъ въ бѣлой и черной расѣ: „Если послушать ихъ, то они не хотятъ ничего, а посмотрѣть, такъ берутъ все. Зачѣмъ монахамъ такая роскошь, если самъ Богъ ходилъ въ бѣдномъ платьѣ“ (¹). Сирвенты, одна передъ другою, соперничали въ выходкахъ противъ Рима. Очевидно, что авторитетъ духовенства начиналъ сильно ослабѣвать и оно лишилось прежняго обаянія.

(¹) Mary Lafon. Midi; II, 384.

Данте о папахъ.

Геніальный современникъ этихъ событій въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ величавый по своей трагичности эпизодъ паденія папства. Въ невѣдомыхъ областяхъ чистилища, чудный грифъ мчитъ крылатую колесницу. Передъ нею 24 старца, съ золотыми свѣтильниками, во всемъ величіи Езекіиля. При пѣніи ангеловъ является Беатриче; колесница останавливается; орелъ низлетаетъ на нее и оставляетъ на ней нѣсколько перьевъ. Къ ней пробираются лисица и драконъ; на нее садится развратная женщина; ее хватаетъ великанъ, и воздушная колесница исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсу. Беатриче остается, прислонившись къ древу науки (1). Колесница—это Церковь; ее мчитъ Іисусъ Христосъ и его двойственная природа; орелъ—эмблема имперіи; его перья—церковныя имущества; лисица—ересь; позорная женщина—порочные папы; великанъ—Филиппъ Красивый.... Только руки этого призрачнаго великана недоставало еще, чтобы нанести тяжкій ударъ тому, что падало уже въ общественномъ мнѣніи Запада.

«Когда», говоритъ Данте,
«Я снова бросилъ взглядъ на колесницу
«То увидалъ на ней одну блудницу,
. . . .
. . . .
«Съ ней рядомъ я замѣтилъ великана,
«Который ту блудницу охранялъ.
. . . .
. . . .
«И грозно бичевать блудницу сталъ
«Безъ жалости тотъ великанъ громадный
«И въ гнѣвѣ колесницу отвязалъ,
«Съ которой скрылся въ лѣсъ онъ непроглядный.
«Обоихъ ихъ въ минуту слѣдъ простылъ.

Этою сценою поэтъ-патріотъ мстилъ папамъ за то равнодушіе, какое они обнаруживали къ политическимъ интересамъ Италіи; а въ исторіи ею закончилась та безграничность папской диктатуры, которая тяготѣла надъ западною Европой въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій.

(1) Dante. Divina Comedia, Purgatorio, XXXII, 102—157 (пер. Минаева. Чистилище; 308—310).

5) Борьба за политическую свободу въ Англіи при Іоаннѣ I Безземельномъ и Генрихѣ III.

Теократическая идея не устраняла самостоятельнаго развитія западно-европейскихъ государствъ. Такъ исторія Англіи въ XIII вѣкѣ получила особый политическій интересъ. Въ этомъ столѣтіи прелаты и бароны, соединившись съ горожанами, добываютъ политическія права, гарантирующія свободу англійскаго народа, а въ концѣ этого столѣтія утверждается конституція Англіи. Это явленіе идетъ совмѣстно съ теократіей и только послѣ папство становится враждебнымъ движенію (¹).

Элементы англійскаго народа.

Англійская нація, какъ уже было изложено ранѣе (I; 159, 302), сложилась подъ взаимодѣйствіемъ трехъ племенныхъ элементовъ — кельтскаго, германскаго и норманскаго. Послѣдній

(¹) Лѣтопись «Historia major Angliae» бенедиктинца Матвѣя Парижскаго, съ 1066 — или вѣрнѣе съ 1216 по 1259 г. — служитъ главнымъ источникомъ. Сперва не совсѣмъ точно приписывали часть хроники до 1235 г. Рожеру Вендоверу; во всякомъ случаѣ Матвѣй самостоятеленъ только съ 1235 г. До 1273 г. «Исторію» продолжалъ бенедиктинецъ Вильгельмъ Рисгангеръ, писавшій въ началѣ XIV вѣка по тому же широкому плану, захватывая событія на всемъ Западѣ (изд. Wats вмѣстѣ съ Матвѣемъ L. 1640, P. 1644, L. 1684, 1686. Отрывки у Bouquet; XVII, 679—768). Продолженіемъ служитъ Thomas Walsingham. Hist. Angliae brevis 1422—1273. — Изъ пособій: Pauli, Geschichte von England, и Hallam «View of the state of Europe during the Midle Ages» довольно сухое, но богатое въ фактическомъ отношеніи — хотя теперь устарѣвшее — сочиненіе. Въ послѣднее время вышелъ трудъ: Green, Hist. of the Englisch people (первый томъ, о которомъ мы упоминали своевременно — I, 577 — посвященъ средневѣковью до 1461 г., L. 1877), и нѣсколько ранѣе капитальный трудъ оксфордскаго профессора Stubbs по конституціонной исторіи Англіи, доведенный до XVI вѣка въ 4 томахъ Constitutional history of England, Oxf. 1871—74 и его же Select Charters and other Illustrations English history from the earliest times to the reign of Edward I, Oxf. 1870. — Фриманъ и Стебсъ. Опыты по исторіи англійской конституціи (р. пер. подъ ред. М. Ковалевскаго. М. 1880). Гнейстъ. Исторія госуд. учр. Англіи (р. пер. Венгерова. М. 1885); его же болѣе ранніе сочиненія: Gesch. und heutige Gestalt der englischen Kommunalverfassung (B. 1863), Das englische Verwaltungsrecht (B. 1867). — Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи (М. 1886). — Ясинскій. Исторія великой хартіи въ Англіи въ XIII вѣкѣ (Кіевъ, 1888).

былъ тоже германскаго происхожденія. Но англійскіе норманны обладали характеристическою особенностью, отличавшею ихъ отъ норманновъ другихъ странъ. Характеръ норманновъ измѣнялся, смотря по мѣстности, которую они заняли и отъ народа, вблизи котораго имъ пришлось жить. Такъ норманны съ острова Сициліи, итальянскіе норманны и норманны съ сѣверныхъ береговъ Галліи значительно разнятся другъ отъ друга. Три элемента, положившіе основаніе англійской націи, долго боролись, пока особенности ихъ не сгладились и они, смѣшавшись, образовали одну однородную массу, одинъ народъ. Исторія сплава враждебныхъ элементовъ есть „исторія несправедливостей, причиненныхъ и испытанныхъ различными племенами, которыя, правда, всѣ жили на англійской почвѣ, но относились одинъ къ другому съ такимъ отвращеніемъ, какое едвали когда нибудь существовало между обществами, отдѣленными другъ отъ друга естественными преградами" (¹). Въ этой борьбѣ болѣе всѣхъ пострадалъ элементъ кельтскій, а восторжествовалъ элементъ англо-саксонскій вмѣстѣ съ норманскимъ. Послѣднее, норманское вліяніе обозначилось особенно въ высшемъ, аристократическомъ сословіи Англіи; дворъ и англійская аристократія заговорили французскимъ языкомъ, который норманны усвоили, живя во Франціи, забывши свой родной скандинавскій языкъ. Этотъ новый норманно-французскій языкъ оказалъ сильное вліяніе на языкъ англо-саксскій. По смѣси тѣхъ и другихъ элементовъ въ англійской рѣчи можно опредѣлить качество и силу аггрегатовъ того или другаго языка. Каждое племя имѣло свою долю вліянія въ развитіи Англіи. Норманскій элементъ, прежде проявившій себя гнетомъ надъ другими, послѣ оказался благодѣтельнымъ для политическаго развитія страны, потому что англо-саксонцы содѣйствовали упроченію корпоративнаго строя городовъ. Такъ какъ то и другое племя—англо-саксы и норманны—германской расы, то и основы характера англичанъ—германскія; ихъ медлительность, терпѣніе, хладнокровіе, ихъ несокрушимая энергія, все это беретъ начало въ тевтонскомъ происхожденіи. Эта покорность судьбѣ, это отсутствіе иллюзій, всякихъ увлеченій и ложныхъ надеждъ, это упорное стремленіе не къ совершенству, а къ лучшему, этотъ наблюдательный умъ, все это объясняется происхожденіемъ англичанъ. Но торжество саксонцевъ и нор-

(¹) **Маколей.** Введеніе къ исторіи Англіи, т. VI, р. пер. стр. 16.

манновъ не уничтожило всѣхъ особенностей кельтическаго племени, въ которомъ было столько поэтичности. Переживъ столѣтія, кельтскій элементъ часто выступаетъ сквозь саксонскій германизмъ; онъ замѣтенъ отчасти въ англійскомъ юморѣ, въ расположеніи англичанъ къ играмъ, пари и спорту. Остатки кельтовъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ и теперь еще держатся въ Валлисѣ, сохраняя тамъ свою племенную особенность.

Въ началѣ XIII вѣка англосаксы и норманны, такъ долго враждовавшіе между собою, подали руки другъ другу, и примирились между собою, какъ скоро увидѣли, что у нихъ общіе интересы и общіе враги. Доселѣ нормансіе бароны на Англію смотрѣли, какъ на завоеванную провинцію; симпатіи тянули ихъ къ той странѣ, которая лежала по другую сторону пролива; но когда имъ пришлось дѣлать выборъ между островомъ и материкомъ, они предпочли быть сынами Британіи. Поэтому въ борьбѣ съ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, котораго одинаково ненавидѣли саксы и норманны за его тираннію, нормансіе бароны дѣйствуютъ за одно съ саксонскими горожанами, и только, благодаря этому единодушію, они пріобрѣли себѣ „великую хартію“, утвердившую на прочномъ основаніи политическую свободу англійскихъ гражданъ.

Начало конституціи въ Англіи имѣетъ связь какъ съ претензіями французскаго короля Филиппа II на обширныя домены англійскаго короля въ предѣлахъ Франціи, такъ и съ теократическими притязаніями на англійскую корону папскаго престола.

Іоаннъ I Безземельный (1199-1216 г.) и принцъ Артуръ.

Съ первыхъ дней вступленія на англійскій престолъ короля Іоанна проявились враждебныя къ нему отношенія честолюбиваго собирателя галльской земли, Филиппа II. Оба короля поссорились еще въ крестовомъ походѣ и злопамятный Филиппъ II, придравшись къ тому, что живъ сынъ старшаго брата Іоанна, Готфрида, принцъ Артуръ Бретанскій, не призналъ его королемъ, хотя Ричардъ Львиное Сердце еще при жизни назначилъ Іоанна своимъ преемникомъ. Игнорируя это послѣднее обстоятельство, Филиппъ вторгнулся въ континентальныя области англійской короны. Его походъ на этотъ разъ не удался; къ тому же Іоаннъ поспѣшилъ сдѣлать ему выгодныя предложенія. Онъ подарилъ сыну Филиппа, принцу Луи, или точнѣе его супругѣ Бланкѣ Кастильской (см. вы-

ше II, 175) графство Эвре на вассальныхъ условіяхъ. Самъ Филиппъ тогда предписалъ Артуру принести покорность дядѣ и присягу за Бретань. Миръ продолжался не долго. Въ слѣдующемъ году король Іоаннъ, плѣнившись красотой принцессы Ангулемской Іоанны, увезъ ее къ себѣ, не обращая вниманіе на помолвку ея съ графомъ Гуго де-ла-Маршъ. Въ рыцарское время такія обиды не проходили даромъ и оплачивались кровью. Хотя Гуго былъ вассаломъ Іоанна, но онъ немедленно поднялъ оружіе противъ англійскаго короля и обратился съ жалобою къ верховному сюзерену, Филиппу II. Это послужило прекраснымъ поводомъ послѣднему для возобновленія войны. На сторону Филиппа не замедлилъ встать принцъ Артуръ. Но подъ замкомъ Мирабо принцъ былъ окруженъ англійскими рыцарями подъ предводительствомъ самого короля и попалъ въ плѣнъ къ дядѣ, который отвезъ его въ Руанъ, посадилъ въ башню и черезъ нѣсколько дней умертвилъ. Вообще звѣрство, вмѣстѣ съ низостью, вѣроломствомъ и трусостью составляли отличительныя черты характера Іоанна.

Первое возстаніе бароновъ и вмѣшательство Филиппа II.

Все рыцарство Бретани возмутилось, узнавъ о смерти своего герцога, котораго когда-то считали претендентомъ на корону Англіи. Это негодованіе раздѣляли и другія сословія, которыя постепенно начинали сказываться какъ національные элементы. Государственные чины Бретани обратились къ королю Филиппу съ жалобою на насилія Іоанна и тотъ, пользуясь выгоднымъ случаемъ, вызвалъ Іоанна, какъ своего вассала, въ Парижъ на судъ перовъ Франціи. Конечно англійскій король не явился. Тогда судъ приговорилъ Іоанна заочно къ лишенію всѣхъ леновъ въ предѣлахъ французской территоріи, которые такимъ образомъ переходили по ленному праву въ непосредственную собственность французскаго короля.

Это право можно было осуществить только оружіемъ. Въ 1203 г. Филиппъ II началъ войну. Напрасно Иннокентій III, который тогда еще не успѣлъ поссориться съ Іоанномъ, по просьбѣ послѣдняго, уговаривалъ Филиппа и предлагалъ посредничество. Французскій король быстро вторгнулся въ Нормандію, гдѣ тогда находился Іоаннъ и заставилъ бѣжать его въ Англію. Только Руанъ держался долго и сдался лѣтомъ 1204 г. Нормандія, послѣ трехвѣковаго отдѣльнаго существованія, опять возсоединилась съ прочими землями французскаго королевства. Въ томъ же 1204 и въ 1205 г. Фи-

липпъ II покорилъ Мэнъ, Тюрень, Анжу и часть Пуату. Тогда только, уже въ 1206 г., достигнувъ цѣли, онъ принялъ папское посредничество и согласился на перемиріе съ противникомъ, который все время игралъ жалкую роль. Іоаннъ пользовался этой войною не для возстановленія своей чести, а для обогащенія своей казны. Военныя дѣйствія все время были предлогомъ для поборовъ. Іоаннъ требовалъ ежегодно съ бароновъ, церквей и „добрыхъ городовъ" новыхъ и новыхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличался удивительной изобрѣтательностью. Онъ взималъ то щитовыя ([1]), то ленныя, то вспомогательныя деньги, всегда съ цѣнности имущества, или съ тягла, или въ процентномъ отношеніи къ доходамъ; наконецъ въ 1205 г. дошелъ до загадочныхъ „pecuniam infinitam" ([2]). Онъ постоянно жаловался, что бароны, покинувъ его, лишаютъ возможности отвоевать французскія области, а самъ боялся сдѣлать высадку, предпочитая прятать фискальныя суммы въ свои сундуки. Надо удивляться средствамъ тогдашнихъ феодаловъ, если земля могла выносить ежегодно возраставшіе налоги ([3]). Только разъ лѣтомъ 1205 г. попытался трусливый король оставить берега Англіи, но черезъ три дня поспѣшилъ вернуться назадъ, ссылаясь на то, что его не поддерживаютъ вассалы, тогда какъ самъ просилъ бароновъ вносить поголовный выкупъ вмѣсто ленной службы. Между тѣмъ бароны еще съ 1201 г. прямо ставили вопросъ о субсидіи въ связь съ обязательствомъ короля гарантировать ихъ политическія права. Они настаивали на томъ чтобы король пересталъ назначать произвольные поборы, которые грозили привести къ обѣдненію всю Англію. Оскудѣніе бароновъ отражалось на благосостояніи прочихъ классовъ: вассаловъ, подвассаловъ, горожанъ и виллановъ. Уже это одно

---

(1) Scutagium, денежная повинность, которою вассалы откупались отъ дѣйствительной военной службы.

(2) Matthaeus Paris. Historia major Angliae, a. 1205.

(3) Такъ въ 1199 г. уплачено по 2 серебряныхъ марки съ каждаго лена, въ 1200 г. по 3 шиллинга съ каждой обработанной гиды, въ 1203 г. седьмая часть съ движимостей коронныхъ вассаловъ, въ 1204 г. уже 2½ марки съ каждаго лена, въ 1206 г. сборъ—infinitam, въ 1207 г. болѣе 7% съ движимаго (1/13 долю) и даже недвижимаго имущества; въ 1210 г. общій сборъ въ усиленномъ размѣрѣ, при чемъ одно духовенство дало 100 т. фунтовъ стерлинговъ; въ 1211 г. опять по 2 марки съ лена и т. д. Стебсъ. Очеркъ конст. исторіи, 195—196 (предисловіе къ Select Charters).

призывало всѣ сословія къ единодушію въ борьбѣ съ хищничествомъ короля.

Перемиріе, заключенное съ Филиппомъ II, обрадовало Іоанна. Но короля ждали новыя испытанія и новыя бѣдствія. Освободившись отъ страха французскаго оружія, онъ нажилъ себѣ болѣе серьезнаго врага въ папѣ Иннокентіѣ III, вслѣдствіе своей всегдашней ограниченности, неумѣстной заносчивости и постоянной кичливости характера.

Мы уже говорили, что король Іоаннъ не устоялъ въ борьбѣ съ папою Иннокентіемъ III, который постарался привлечь на свою сторону французскаго короля Филиппа Августа номинальною передачею ему правъ на англійскій престолъ (II, 25—28). Іоаннъ, ненавидимый подданными, струсилъ и рѣшился примириться съ папою во что бы то ни стало; съ позорною слабостью онъ согласился стать ленникомъ и рабомъ св. престола. Этимъ король расположилъ къ себѣ папу, который простилъ ему даже часть денегъ, назначенныхъ въ вознагражденіе духовенству. Когда прелаты, соединившись съ баронами, стали во главѣ недовольныхъ и начали дѣйствовать противъ короля, папа принялъ сторону послѣдняго. Прелаты Англіи волею-неволею обязаны были повиноваться первосвященнику, но враги ждали только удобнаго случая предъявить королю свои требованія, заставить его преклониться предъ собой, какъ онъ самъ преклонился предъ папою. Случай унизить короля-тирана скоро представился. Онъ былъ вызванъ отношеніями Іоанна къ французскому королю.

Противъ Франціи заключенъ былъ союзъ между Оттономъ IV, германскимъ императоромъ и англійскимъ королемъ; къ нимъ примкнули графы фландрскій и булонскій, герцогъ брабантскій и другіе нидерландскіе владѣтели.

Битва при Бовинѣ 27 іюня 1214 г.

Весною 1214 г. союзники вторглись во Францію съ двухъ сторонъ; изъ Пуату и Гіени напалъ Іоаннъ Безземельный, а съ сѣверо-востока — Оттонъ германскій съ графами фландрскимъ и булонскимъ (II, 19). Первый былъ отраженъ съ позоромъ принцемъ Луи, а послѣдній въ концѣ іюля потерпѣлъ пораженіе въ кровопролитномъ сраженіи при Бовинѣ (между Лилемъ и Турнэ), гдѣ рядомъ съ рыцарями сражалась впервые народная милиція. Здѣсь множество плѣнныхъ, богатая добыча и слава побѣды надъ значительно сильнѣйшимъ войскомъ были наградою мужества французовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились оба союзника Оттона, графы булонскій и

фландрскій. Сраженіемъ при Бовинѣ рѣшена была судьба кампаніи, столь несчастной для союзниковъ. Для Іоанна пораженіе здѣсь было гибельно не только по своимъ непосредственнымъ результатамъ, но и по своему вліянію на положеніе, которое тотчасъ же заняли его непримиримые враги въ Англіи.

Архіепископъ Стефанъ Лангтонъ.

Еще ранѣе этой битвы, архіепископъ Лангтонъ, весьма энергичный борецъ свободы Англіи, указалъ собравшимся баронамъ и епископамъ на древнюю хартію, напомнивъ имъ о правахъ, данныхъ народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ и подтвержденныхъ Генрихомъ I. Онъ склонилъ ихъ къ клятвенному обѣщанію начать противъ Іоанна войну, если король по возвращеніи не возстановитъ этихъ правъ (1). Когда король услыхалъ о волненіяхъ бароновъ, онъ бросилъ свои владѣнія во Франціи, бросилъ своихъ воиновъ и поспѣшилъ въ Англію. Но въ виду общаго раздраженія противъ себя, онъ укрылся въ своемъ замкѣ. Когда же онъ узналъ, что бароны положили настоять на своихъ требованіяхъ и опасаясь, чтобы они не рѣшились дѣйствовать силой, король захотѣлъ провести бароновъ, отвѣтивъ, что требованій ихъ не можетъ исполнить немедленно, такъ какъ дѣло это очень важное, которое сперва нужно основательно обсудить, и поэтому король просилъ отсрочки до Троицы, чтобы рѣшить это дѣло сообразно интересамъ бароновъ и королевскимъ. Бароны согласились дать отсрочку, когда за короля поручились архіепископъ кентерберійскій, епископъ винчестерскій и маршалъ королевства, —въ томъ, что въ извѣстный день король дастъ всѣмъ общее удовлетвореніе. Послѣ этого бароны разъѣхались и не было никого, кто бы заботился объ общемъ дѣлѣ. Это сообщеніе монаха хроникера. Очевидно, что современники сознавали, какое важное значеніе заключалось въ требованіяхъ бароновъ. Между тѣмъ король, желая усилить свою власть, искалъ себѣ союзниковъ, заставлялъ присягать себѣ новыхъ вассаловъ, преданныхъ монархическимъ интересамъ. Такіе поступки короля устраняли всякое сомнѣніе въ его намѣреніяхъ. Всѣмъ было ясно, что онъ, не желая уступать ничего изъ своихъ правъ, рѣшился

(1) **Фриманъ** въ своемъ «Очеркѣ англ. конституціи» замѣчаетъ, что Иннокентій III былъ послѣднимъ папою, «который сдѣлалъ добро Англіи, приславши Англіи Стефана Лангтона, хотя насильственный выборъ и назначеніе его было посягательствомъ на права англійской Церкви и народа» Опыты по исторіи англ. конст., стр. 71, 250.

сопротивляться баронамъ. Тогда крупные феодалы на общемъ съѣздѣ постановили оружіемъ отстаивать свои требованія. У оппозиціи составилась довольно внушительная армія, такъ какъ король Іоаннъ успѣлъ заслужить всеобщую ненависть. Вся почти знать пристала къ сторонѣ бароновъ, такъ что въ ихъ рядахъ было болѣе 2000 однихъ всадниковъ. Предводителями возстанія были Робертъ Готье, Ричардъ Перси, графъ Винчестеръ и друг., но главнымъ руководителемъ всей оппозиціи былъ Стефанъ Лангтонъ, архіепископъ кентерберійскій. Послѣдній впрочемъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ тайно, ибо обязанъ былъ повиноваться папѣ, который поддерживалъ короля. То обстоятельство, что прелаты дѣйствуютъ за одно съ баронами, подтверждаетъ очень убѣдительно связь идей теократической и конституціонной, которыя проявились одновременно по отношенію къ исторіи Англіи. Это, конечно, не препятствовало лично первосвященнику относиться неодобрительно къ наступательной политикѣ бароновъ противъ короля, состоявшаго вѣрнымъ вассаломъ Римской Церкви.

Борьба за права.

Король находился во время съѣзда феодаловъ въ Оксфордѣ. Узнавши о рѣшеніи пэровъ и не надѣясь въ настоящее время подавить возстаніе, король послалъ архіепископа спросить, какихъ гарантій себѣ требуютъ бароны. Послѣдніе подали королю петицію, въ которой изложены были по большей части старые, англосаксонскіе законы (кутюмы) и права, данныя народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ. Бароны оговорились, что если король не утвердитъ ихъ требованій, то они принудятъ его силой. Архіепископъ вернулся къ королю и показалъ ему грамоту, высказавъ содержаніе ея на словахъ по пунктамъ. Король, выслушавъ, сперва разсмѣялся, но потомъ пришелъ въ бѣшенство, говоря, что бароны требуютъ мало, что они могутъ потребовать отъ короля всего государства, назвалъ всѣ ихъ требованія вздорными, которыхъ они могутъ добиться только тогда, когда изъ короля сдѣлаютъ своего раба. Оставалось послѣднее средство — принудить короля къ уступкѣ силою. Бароны начали брать королевскіе замки, осадили Нортгамптонъ, но безуспѣшно. Бароны хотѣли было бросить дѣло и разъѣхаться по домамъ, какъ получили радостную вѣсть, что Лондонъ перешелъ на ихъ сторону и что лондонскій муниципалитетъ соглашается сдать городъ въ руки бароновъ. Послѣдніе поспѣшили въ Лондонъ, нашли одни изъ

воротъ города отворенными и въѣхали въ нихъ въ ночь передъ Вознесеньемъ (1215 г.). Поставивъ стражу у городскихъ воротъ, бароны стали хозяевами города, но они не дѣлали обидъ горожанамъ, понимая, что только вмѣстѣ съ ними они могутъ заставить короля подчиниться ихъ требованіямъ. Такъ въ самомъ началѣ возстанія было высказано столько политическаго пониманія всѣми сословіями, что дѣло обѣщало дать хорошій результатъ. Изъ Лондона возставшіе разослали письма къ тѣмъ баронамъ и рыцарямъ, которые еще держались короля, приглашая ихъ, оставивъ клятвопреступнаго сюзерена, пристать къ нимъ ради общаго дѣла, для защиты своихъ правъ, а ослушникамъ грозили разрушить ихъ замки и опустошить ихъ земли. Примѣру столицы послѣдовалъ Линкольнъ. Большая часть бароновъ и рыцарей явилась въ Лондонъ и соединилась съ возставшими, предоставивъ короля самому себѣ. Лондонъ, управляемый своимъ Большимъ Совѣтомъ, постепенно пріобрѣлъ политическое значеніе. Столица принимала участіе въ выборѣ королей еще въ XII вѣкѣ, рядомъ съ аристократіей свѣтской и духовной (¹). Король въ свою очередь разослалъ грамоты по всѣмъ областямъ, утверждая, что всѣ возставшіе англичане клятвопреступники и всякій съ оружіемъ можетъ нападать на нихъ. Впрочемъ никто не вѣрилъ королю, никто не спѣшилъ къ нему на помощь. Никто изъ феодальной аристократіи не вносилъ теперь денегъ въ казну короля; средства его оскудѣли, казна его опустѣла и ему трудно было бороться съ пустыми руками. Король попался въ собственныя сѣти, иронически замѣчаетъ лѣтописецъ. Хроникеръ понималъ, какъ тяжело было королю уступать феодаламъ. Неутолимая ненависть къ баронамъ закралась въ душу короля, замѣчаетъ лѣтописецъ. Король рѣшился заключить съ возставшими притворный миръ, чтобы потомъ, разсоривъ ихъ между собою, уничтожить каждаго порознь. Онъ посылаетъ графа Пемброка, одного изъ немногихъ своихъ приверженцевъ, съ извѣстіемъ о своемъ согласіи утвердить всѣ требованія бароновъ. Въ Лондонѣ это извѣстіе произвело общую радость. Бароны назначили королю свиданіе для переговоровъ на лугахъ между Стэномъ и Виндзоромъ въ долинѣ Темзы.

(¹) Въ памятникахъ прямо говорится: Londonienses qui sunt quasi optimates pro mansuetudine civitatis in Anglia.... Londonienses qui praecipue habebantur in Anglia, sicut proceres. См. ниже 2 прим. на стр. 316.

15 іюня 1215 года король прибылъ туда съ архіепископомъ кентерберійскимъ, который хотя по видимому былъ на его сторонѣ, но почти явно сносился съ врагами короля. Графы Пемброкъ и Сольсбери, которые до сихъ поръ были приверженцами Іоанна, на этотъ разъ предпочли дѣйствовать сообразно своимъ выгодамъ, а не интересамъ короля. Они рѣшились воспользоваться обстоятельствами, чтобы получить гарантіи политической свободы. Переговоры скоро кончились; ихъ вели уполномоченные съ той и другой стороны. Хроникеръ перечисляетъ приверженцевъ короля въ этомъ дѣлѣ, но отказывается перечислить враговъ, потому что всѣ бароны были въ рядахъ послѣднихъ, такъ какъ аристократія дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ какъ одинъ человѣкъ.

Magna Charta libertatum. Составленный здѣсь документъ носитъ названіе Magna charta. Доселѣ государствомъ правила королевская курія (curia regalis). Произволъ царилъ надъ всѣмъ, особенно при взбалмошномъ Іоаннѣ Безземельномъ, тѣмъ болѣе, что законы и учрежденія Эдуарда Исповѣдника давно уже не дѣйствовали. Новая хартія уже не носитъ исключительно феодальнаго характера; она столько же ограждаетъ интересы бароновъ, сколько интересы горожанъ, купцовъ и виллановъ. Она содержитъ въ себѣ 63 статьи. Это законодательный памятникъ, ограждающій права подданныхъ отъ незаконныхъ притязаній и невыгоднаго для нихъ вмѣшательства со стороны королевской власти. Здѣсь собраны и сведены въ одно тѣ гарантіи политической свободы гражданъ, которыя впослѣдствіи могли только развиваться, улучшая положеніе гражданъ, но не могли измѣняться въ своей сущности. Конечно, въ цѣломъ своемъ составѣ не всѣ статьи хартіи имѣютъ теперь значеніе, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ касались тѣхъ условій жизни, которыхъ теперь не существуетъ, каковы, напримѣръ, статьи, относящіяся до сбора пошлинъ. Но въ сущности, какъ несокрушимое основаніе политической свободы, Великая хартія навсегда сохранила свое значеніе (¹). Статьи 14, 21 и 39 самыя важныя: это основ-

(¹) Этотъ документъ, содержащій 63 статьи, касается феодальныхъ отношеній и управленія финансоваго и судебнаго (17—24, 31, 32, 40, 42, 44, 48, 53, 55, 59—62), гарантій личной свободы гражданъ (14, 20—22, 36, 38, 39, 51, 52, 54, 56, 61, 63), гарантій по имуществу гражданъ и законы о долгахъ и опекахъ (3—7, 9—12, 25, 27, 28, 29, 34, 40, 41, 45, 46, 55), гарантій для духовенства (1, 18, 22, 63); перечисляются права горожанъ,

ной камень, на которомъ покоится зданіе англійской конституціи, это неизмѣнныя гарантіи ея прочнаго существованія.

„Великая хартія“ гласила слѣдующее:

Іоаннъ, Божіею милостью, король Англіи, сеньоръ Ирландіи, герцогъ Нормандіи и Аквитаніи, графъ Анжу, архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, судьямъ, лѣсничимъ, шерифамъ, превô, чиновникамъ, всѣмъ баллифамъ (нисшимъ чинамъ) и своимъ вассаламъ— привѣтъ! Да будетъ вамъ извѣстно, что мы, по внушенію Бога и для спасенія души нашей и всѣхъ нашихъ предшественниковъ и преемниковъ, ради славы Бога, величія святой Церкви и блага нашего королевства, по совѣту достопочтенныхъ отцовъ нашихъ: архіепископа Кентерберійскаго Стефана Лангтона, примаса всей Англіи и кардинала св. римской Церкви, архіепископа Дублинскаго Генриха, епископовъ — Вильгельма Лондонскаго, Петра Винчестерскаго, Джосцелина Батскаго и Гластонберійскаго, Гуга Линкольнскаго, Вальтера Ворчестерскаго, Вильгельма Ковентрійскаго и Бенедикта Рочестерскаго, магистра Пандульфа, субъ-діакона и друга владыки папы, брата Эмериха, магистра ордена Тампліеровъ въ Англіи, и знатныхъ лицъ: Вильгельма Маршалля, графа Пемброка; Вильгельма, графа Сольсбери; Вильгельма, графа Варенна; Вильгельма, графа Арундель; Алана Гальвэя, констабля Шотландіи; Варина, сына Герольда; Петра, сына Герберта; Губерта Бурга, сенешаля Пуату; Гуга Невилля; Матвѣя, сына Герберта; Ѳомы Бассета; Филиппа Альбиньяка; Роберта Роплэ; Іоанна Маршалля; Іоанна, сына Гуга и другихъ нашихъ вассаловъ.

1) Прежде всего во имя Божіе и этою предлежащею хартіею нашею, за себя и преемниковъ своихъ, навсегда подтверждаемъ, чтобы англійская Церковь была свободна и сохраняла свои права неприкосновенными, а свои вольности нерушимыми. И что мы желаемъ поступать такъ, это видно изъ того, что свободу выборовъ, которая признается для англійской Церкви весьма важной и крайне необходимой, мы чистосердечно и вполнѣ добровольно пожаловали и нашей хартіей утвердили, до возникновенія между нами и нашими баронами раздора, и *исходатайствовали у папы Иннокентія III ея подтвержденіе;* **ее и мы будемъ соблюдать и желаемъ, чтобы преемники наши всегда добросовѣстно соблюдали. Далѣе, мы и наши въ грядущемъ преемники пожаловали всѣ нижеписанныя вольности всѣмъ свободнымъ людямъ нашего королевства, дабы они и наслѣдники ихъ владѣли и пользовались ими отъ насъ и преемниковъ нашихъ.**

купцовъ, ремесленниковъ, сервовъ и пр. (26—31, 36—38 и др.). Затѣмъ рядъ статей содержитъ спеціальные законы, постановленія объ евреяхъ и частныя привилегіи.

2) Если умретъ кто изъ графовъ, бароновъ или другихъ вассаловъ, которые держатъ ленъ непосредственно отъ насъ за рыцарскую службу, а наслѣдникъ, при его кончинѣ, будетъ совершеннолѣтнимъ,—то съ него слѣдуетъ получить «рельефъ» ([1]), и онъ вступаетъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ по установившейся издревле уплатѣ, т. е. наслѣдникъ или наслѣдники графа за цѣлую графскую баронію уплачиваютъ по 100 фун. стер. ([2]), наслѣдникъ или наслѣдники барона за цѣлую баронію—по 100 фун. стер., наслѣдникъ или наслѣдники рыцаря за цѣлый рыцарскій феодъ—по 100 полновѣсныхъ шиллинговъ; съ кого же менѣе будетъ слѣдовать, тотъ пусть менѣе уплачиваетъ, на основаніи издревле установившагося феодальнаго обычая.

3) Если же наслѣдникъ кого-либо изъ упомянутыхъ лицъ окажется малолѣтнимъ и подъ опекою, то онъ вступаетъ, по достиженіи совершеннолѣтія (т. е. на 22 году), во владѣніе своимъ наслѣдствомъ безъ уплаты рельефа и взысканія.

4) Опекунъ имѣнія такого наслѣдника, который окажется малолѣтнимъ, пусть собираетъ въ имѣніи лишь законные доходы, законныя взысканія и законныя службы, и то безъ опустошенія и разграбленія собственности населенія; если мы поручимъ опеку надъ имѣніемъ кого-либо изъ такихъ наслѣдниковъ шерифу или кому другому съ тѣмъ, что онъ обязанъ давать намъ отчетъ о доходахъ, а онъ произведетъ разграбленіе въ имѣніи или опустошеніе,—то намъ взыскать съ него убытки, а имѣніе передать въ завѣдываніе двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они давали намъ, или кому мы укажемъ, отчетъ о доходахъ. Если же мы передадимъ или отдадимъ на откупъ кому-либо опеку надъ имѣніемъ кого-нибудь изъ наслѣдниковъ, а тотъ произведетъ тамъ разграбленіе или опустошеніе, то лишить его самой опеки и передать таковую двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они намъ давали отчетъ, какъ выше было объяснено.

5) Опекунъ же, пока онъ будетъ завѣдывать опекою надъ имѣніемъ, обязывается поддерживать дома, парки, садки, пруды, мельницы и прочія того имѣнія угодья изъ доходовъ того же

([1]) Relevia, reliefs — въ силу права ленной опеки, предоставленной королемъ, до Генриха II были произвольны, а потомъ фиксировались. За каждый отдѣльный ленъ взималось 5 фунтовъ серебра или 100 шиллинговъ; за всю баронію 100 марокъ. Въ XI вѣкѣ цѣнность денегъ была въ 10 разъ выше, такъ что 100 ш., равняясь $7^{1}/_{2}$ марокъ, соотвѣтствовали 1000 талеровъ или 3000 нынѣшнихъ германскихъ марокъ, а 100 тогдашнихъ марокъ = 13000 талеровъ или 39000 нынѣшнихъ марокъ. Гнейстъ, 278—279.

([2]) Фунтъ = ливру = 20 шиллингамъ или солидамъ, соотвѣтствуя по цѣнности 600 нынѣшнихъ марокъ, а 100 ф. = 60 тыс. марокъ.

имѣнія; онъ обязывается передать наслѣднику, когда тотъ достигнетъ совершеннолѣтія, все его имѣніе съ исправнымъ инвентаремъ и такъ воздѣланнымъ, какъ того требуетъ время обработки, и насколько доходы имѣнія давали возможность хозяйственно распорядиться.

6) Браки наслѣдниковъ заключались бы равные съ тѣмъ однако, чтобы до заключенія брака близкіе родственники самого наслѣдника были извѣщены.

7) Вдова по смерти ея супруга тотчасъ и безпрепятственно пусть получаетъ приданое и свою собственность, ничего не уплачивая ни за свою вдовью часть (1), ни за свое приданое, ни за свою собственность изъ того имущества, которымъ ея супругъ и она владѣли совмѣстно въ день кончины самого супруга, и оставалась бы въ домѣ супруга сорокъ дней по смерти послѣдняго, въ теченіе которыхъ пусть опредѣлятъ ей вдовью часть.

8) Никакая вдова пусть не приневоливается къ выходу замужъ, если желаетъ вдовствовать (2) съ тѣмъ однако, чтобы она дала обязательство не выходить замужъ безъ нашего согласія, если будетъ держать феодъ отъ насъ, или безъ согласія того сеньора, отъ котораго будетъ держать феодъ, если она будетъ держать оный отъ кого-либо другаго.

9) Ни мы, ни баллифы наши не вступали бы во владѣніе какимъ-либо имѣніемъ или доходомъ за долги, пока у должника хватаетъ движимаго имущества для погашенія долга, равно не привлекались бы къ уплатѣ поручители самого должника, пока самъ главный должникъ въ силахъ уплатить долгъ; но если главный должникъ окажется не въ состояніи уплатить долгъ, не имѣя къ тому средствъ, отвѣчали бы за долгъ поручители. Когда они пожелаютъ, то пусть владѣютъ имѣніями и доходами должника, пока не вознаградятъ себя за долгъ, который ранѣе они уплатили, если главный должникъ не докажетъ, что онъ свободенъ отъ обязательства по отношенію къ этимъ самымъ поручителямъ.

10) Если кто возьметъ у евреевъ нѣкоторую сумму, какъ бы велика она ни была, въ займы и умретъ, не уплативши того долга, то долгъ, пока наслѣдникъ, отъ кого бы онъ ни держалъ феодъ, будетъ малолѣтнимъ, не подлежитъ росту; а если тотъ долгъ попадетъ въ наши руки, то мы будемъ взыскивать лишь капитальную сумму обязательства.

11) Если кто умретъ и долженъ будетъ евреямъ, то его жена пусть получаетъ свою вдовью часть и ничего не платитъ въ

(1) Dos—доля вдовы—равнялось третьей доли имущества мужа.

(2) Это была выгодная статья для короля. Напримѣръ, что графиня Алиса Варвикъ уплатила 1000 ливровъ и 10 иноходцевъ, чтобы король не принуждалъ ее ко вторичному браку.

счетъ того долга; а если останутся малолѣтнія дѣти покойнаго, то доставлять имъ необходимое, соотвѣтственное лену покойнаго, содержаніе, а остающееся, по выполненіи слѣдуемыхъ сеньорамъ службъ, идетъ въ уплату долга евреямъ. Подобнымъ же образомъ поступать съ долгами, которые слѣдуютъ другимъ лицамъ, какъ бы съ долгами еврейскими.

12) Всякія щитовыя деньги и субсидіи (¹) пусть назначаются въ нашемъ королевствѣ только общимъ нашего королевства собраніемъ, за исключеніемъ того, когда насъ выкупаютъ изъ плѣна, когда нашъ старшій сынъ посвящается въ рыцари, и наша старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ, но при этомъ взимать лишь законную субсидію. Подобнымъ же образомъ взимать субсидію въ городѣ Лондонѣ.

13) Городъ Лондонъ пусть владѣетъ всѣми старинными вольностями по своимъ свободнымъ обычаямъ, и на сушѣ, и на водахъ (²).

(¹) Король имѣлъ право требовать субсидію съ вассаловъ при замужествѣ старшей дочери. Духовные и свѣтскіе за выкупъ короля Ричарда изъ плѣна уплатили четвертую деньгу и сверхъ того по 20 шиллинговъ съ каждаго рыцарскаго лена.

(²) Еще въ англо-саксонскую пору городъ Лондонъ пользовался особенными вольностями и привилегіями, какъ можно видѣть изъ грамоты Вильгельма Завоевателя этому городу, данной на имя Лондонскаго епископа Вильгельма, городскаго альдермана (portirefan) Готфрида и всѣхъ горожанъ. Король желаетъ, чтобы горожане пользовались тѣми правами и законами, какіе у нихъ были во дни Эдуарда; изъ нихъ особо упоминается о равноправномъ наслѣдованіи всѣхъ дѣтей своимъ отцамъ. Гораздо подробнѣе хартія Генриха I городу Лондону: a) Лондонъ составляетъ графство Миддльсексъ, отданное за 300 фун. стер. на откупъ горожанъ, которые изъ своей среды избираютъ шерифа и юстиціарія для разбора судебныхъ дѣлъ; b) всѣ процессы, иски и судебныя дѣла горожанъ подсудны лишь городской юрисдикціи, т. е. юстиціарію или городскому суду, который засѣдаетъ еженедѣльно; процессы по имѣніямъ, которыми владѣютъ горожане внѣ городской территоріи, королевскіе судьи разбираютъ по закону города; должники горожанъ должны вести процессъ въ Лондонѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ долгъ съ нихъ взыскивается; c) горожане свободны отъ разныхъ налоговъ и никому не обязаны давать содержаніе, даже королю и его семейству, во время пребыванія въ ихъ городѣ; d) сами горожане и ихъ имущество свободны отъ платежа какихъ бы то ни было таможенныхъ пошлинъ по территоріи всей Англіи и во всѣхъ портахъ ея. Если же кто, вопреки тому, взыщетъ съ горожанина таможенную пошлину, то обязанъ не только возвратить взысканную сумму, но и вознаградить за убытки. Полное самоуправленіе городъ Лондонъ пріобрѣлъ въ 1161 году, когда онъ признанъ былъ коммуною. Грамота Іоанна Безземельнаго отъ 1215 года, утверждая за Лондонской коммуною всѣ пpi-

Кромѣ того мы хотимъ и жалуемъ, чтобы всѣ другія общины, бурги, города и порты ([1]) владѣли всѣми вольностями и удержали свои свободные обычаи.

14) При созывѣ же общаго государственнаго собранія *для вотированія субсидіи* въ другихъ случаяхъ, помимо трехъ вышеупомянутыхъ, или для назначенія щитовыхъ денегъ, *приглашали бы мы архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ личными призывными грамотами за нашею печатью;* а кромѣ того черезъ шерифовъ и нашихъ баллифовъ окружною грамотою приглашали *всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ* къ опредѣленному дню, т. е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока и въ опредѣленное мѣсто; но во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывали бы причину приглашенія. Потому, когда уже разосланы пригласительныя грамоты, дѣло въ назначенный день подлежитъ рѣшенію, согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы не всѣ изъ приглашенныхъ явились.

15) Мы не будемъ разрѣшать отнынѣ никому взимать субсидію съ его свободныхъ людей, за исключеніемъ того, когда его выкупаютъ изъ плѣна, когда старшій его сынъ посвящается въ рыцари и старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ; но при этомъ взимать лишь законную субсидію.

16) Никого не принуждать къ отправленію большей службы съ рыцарскаго феода или другаго свободнаго лена, чѣмъ сколько слѣдуетъ.

17) Судъ Общихъ Тяжбъ пусть не слѣдуетъ за нашимъ дворомъ, но засѣдаетъ въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ.

18) Слѣдствія о новомъ нарушеніи владѣнія, о смерти наслѣдодателя и о послѣднемъ назначеніи клирика на духовное мѣсто производить лишь по графствамъ, именно такимъ образомъ: мы или, если будемъ мы внѣ королевства, великій нашъ юстиціарій, отправляли бы двухъ объѣздныхъ судей въ каждое графство четыре раза въ годъ, чтобы они вмѣстѣ съ четырьмя рыцарями каждаго графства, выбранными въ графствѣ, произвели вышеуказанныя ассизы ([2])

обрѣтенныя ею права, давала горожанамъ право избирать ежегодно изъ своей среды мэра. Stubbs. Select Charters. 82, 83, 108 etc. — Ясинскій, 18—19.

([1]) Дуврь, Гайтъ, Гастингсъ, Сандвичъ, Ромни.

([2]) Процессъ ассизовъ былъ слѣдующій. Четыре рыцаря, не обращая вниманія на то, присутствуетъ-ли или нѣтъ отвѣтчикъ, приступаютъ къ составленію судебнаго жюри изъ 12 рыцарей, которое въ назначенный день производитъ разслѣдованіе, хотя бы отвѣтчикъ отсутствовалъ; показанія двѣнадцати даются подъ присягою (поэтому они называются juratores) и должны основываться на ихъ собственномъ свидѣтельствѣ или словахъ заслуживающихъ полной вѣры лицъ. Въ число ихъ, разумѣется,

въ графствѣ въ день и на мѣстѣ засѣданія ширмота (¹).

19) И если въ день засѣданія ширмота вышеуказанныя ассизы не могутъ быть произведены, то изъ засѣдающихъ въ тотъ день въ ширмотѣ лицъ оставалось бы такое количество рыцарей и свободныхъ владѣльцевъ, при участіи которыхъ возможно было бы удовлетворительно разсмотрѣть процессы, сообразно съ тѣмъ, насколько дѣло будетъ бо́льшей или меньшей важности.

20) Свободнаго человѣка штрафовать за маловажный проступокъ лишь сообразно размѣру проступка, а за значительный проступокъ штрафовать сообразно его тяжести, оставляя виновному средства къ содержанію; и равнымъ образомъ купцу оставлять средства для торговли, а крѣпостному — необходимое его хозяйство, если они подвергнутся нашей опалѣ; но всякую изъ вышеуказанныхъ опалъ налагать только послѣ опроса, подъ присягою добросовѣстныхъ сосѣдей.

21) *Графовъ и бароновъ штрафовать лишь по суду пэровъ и сообразно качеству проступка.*

22) Всякаго изъ клириковъ штрафовать, на основаніи только его свѣтскаго лена, согласно вышеуказанному для другихъ порядку, но не сообразуясь съ величиною его духовной бенефиціи.

23) Ни деревню, ни жителя не принуждать строить на рѣкахъ мосты, если къ этому они не обязываются стариною и закономъ.

24) Никто изъ шерифовъ, констаблей, коронеровъ или другихъ нашихъ баллифовъ не рѣшалъ бы процессовъ, касающихся нашей короны.

25) Всѣ графства, сотни и другіе округи отдавать на откупъ по старой цѣнѣ безъ всякой прибавки; исключеніе представляютъ наши королевскіе домены.

26) Если кто изъ держащихъ отъ насъ свѣтскій феодъ умретъ, а шерифъ или нашъ баллифъ предъявитъ нашъ приказъ о взысканіи долга, который намъ слѣдовалъ съ покойнаго, то дозволяется шерифу или нашему баллифу наложить, въ суммѣ того долга, запрещеніе и описать, въ присутствіи свѣдущихъ людей, движимое имущество покойнаго, находящееся въ свѣтскомъ феодѣ, чтобы оттуда ничего не унесли, прежде чѣмъ намъ не будетъ уплаченъ предъявленный долгъ; но остальное предоставляется въ распоряженіе душеприказчиковъ покойнаго. Если же намъ ничего не слѣ-

---

могутъ избираться лишь знающіе дѣло; показанія ихъ въ виду этого должны быть единогласны; въ случаѣ разногласія жюри, члены онаго распускаются и составляется новое жюри.

(¹) Ширмотъ (scyresmot), т. е. судъ графства, по законамъ Генриха I, собирался для разсмотрѣнія всевозможныхъ процессовъ дважды въ годъ. На ширмотѣ присутствовали епископы, графы, бароны и всѣ свободные жители графства.

дуетъ, то оставляли бы все движимое имущество покойнаго его супругѣ и дѣтямъ, при неприкосновенности ихъ законныхъ частей.

27) Если какой свободный человѣкъ скончается, не оставивши завѣщанія, то его движимое имущество, подъ контролемъ церковнаго суда, распредѣлить, при участіи близкихъ родственниковъ и его друзей, съ уплатою каждому долговъ, которые слѣдовали съ покойнаго.

28) Никто изъ констаблей или другихъ нашихъ баллифовъ не бралъ бы хлѣба и другаго движимаго имущества, безъ немедленной уплаты за это денегъ, если онъ не можетъ получить, съ согласія продавца, отсрочки.

29) Ни одинъ констабль не принуждалъ бы какого-либо рыцаря къ уплатѣ денегъ вмѣсто охраненія замка, если тотъ такое охраненіе пожелаетъ производить самолично или черезъ другое довѣренное лицо, если не можетъ самъ по законной причинѣ; но если мы поведемъ или пошлемъ его въ походъ, то онъ освобождается отъ охраненія замка въ теченіе того времени, пока изъ-за насъ будетъ въ походѣ.

30) Никакой шерифъ или баллифъ нашъ или кто другой не бралъ бы лошадей и подводъ какого-либо свободнаго человѣка для разъѣздовъ, безъ согласія самого свободнаго человѣка.

31) Ни мы, ни наши баллифы не брали бы чужаго лѣснаго матеріала для замка или другой нашей надобности, безъ согласія самого собственника.

32) Мы будемъ пользоваться имѣніями изобличенныхъ въ измѣнѣ лицъ только одинъ годъ и одинъ день, и тогда имѣнія передавать сеньорамъ феодовъ.

33) Отнынѣ уничтожить всѣ загражденія по Темзѣ, Медвэю и во всей Англіи, за исключеніемъ морскаго берега.

34) Отнынѣ не выдавать приказа никому на какой-либо ленъ, вслѣдствіе примѣненія котораго свободный человѣкъ могъ бы потерять свое право юрисдикціи.

35) Во всемъ нашемъ королевствѣ пусть будетъ одна мѣра вина, одна мѣра пива и одна мѣра хлѣба, т. е четверть лондонская, и одинаковая ширина суконъ крашеныхъ и красныхъ и матеріи, т. е. два локтя безъ кромки; съ вѣсами пусть будетъ, какъ съ мѣрами.

36) Ничего не давать и не брать впредь за приказъ о разслѣдованіи относительно жизни или увѣчья, но безвозмездно выдавать и не отказывать.

37) Если кто держитъ отъ насъ владѣніе,—феодъ, сокажъ ([1]),

([1]) Сокажъ — всякое свободное владѣніе, господинъ котораго ограничивался уплатой налоговъ, но не обязанъ былъ военной службою; бургажъ это тотъ же сокажъ — въ предѣлахъ города. Виноградовъ. Соц. ист. Англіи, 100.

или бургажъ, — и отъ другаго лица держитъ феодъ за рыцарскую службу, то мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ и его имѣніемъ, — чужаго феода, на условіяхъ соотвѣтственныхъ нашему феоду или сокажу или бургажу; не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ той феодо-фирмой, сокажемъ или бургажемъ, если съ самого феода не слѣдуетъ рыцарской службы. Мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ или его какимъ-нибудь имѣніемъ, которое онъ держитъ отъ другаго лица за рыцарскую службу, на основаніи какой-либо малой сержентеріи ([1]), которую отъ насъ онъ держитъ, обязываясь доставлять намъ ножи, стрѣлы, или тому подобное.

38) Никакой баллифъ впредь никого не понуждалъ бы къ ордаліямъ, на основаніи простой жалобы, когда при этомъ не представлены добросовѣстные свидѣтели.

39) *Ни одинъ свободный человѣкъ пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него войною, не пошлемъ за нимъ войска, развѣ лишь по законному рѣшенію его пэровъ или по закону страны* ([2]).

40) Никому мы не продадимъ, никому не откажемъ и не отсрочимъ примѣненія закона и справедливости при разборѣ дѣла ([3]).

41) Всѣ купцы должны имѣть свободный и безопасный выѣздъ изъ Англіи, въѣздъ въ Англію, пребываніе и путешествіе по Англіи, на сушѣ и на водѣ, для купли и продажи, безъ всякихъ несправедливыхъ сборовъ, на основаніи старинныхъ и законныхъ обычаевъ, если только въ военное время они не будутъ изъ воюющей съ нами страны; и если такіе будутъ находиться въ странѣ нашей въ началѣ войны, то задержимъ ихъ, но безъ ущерба для здоровья и товаровъ, пока нами или нашимъ великимъ юстиціаріемъ не получатся свѣдѣнія о томъ, какъ обращаются съ купцами нашей страны, которые тогда окажутся въ воюющей съ нами странѣ;

([1]) Parva sergenteria — владѣніе за особенную службу, исполняемую собственно по отношенію къ особѣ сеньора.

([2]) Эта основная статья политическихъ правъ англійскаго гражданина повторена въ знаменитомъ (1679 г.) «Habeas corpus Act.»

([3]) Въ объясненіе этой и 36-ой статьи надлежитъ замѣтить, что отправленіе юстиціи при норманскихъ короляхъ было проникнуто фискальнымъ духомъ, который поддерживался практикою казначейства; продавалось право судиться, помимо ширмота, въ королевскихъ судахъ, право апелляціи и неподсудности (franchises); вошло въ обычай давать подарки королю. Изъ древнихъ актовъ казначейства видно, что жалобщики давали деньги, лошадей и разныя вещи, чтобы добиться справедливости, а то иногда какая-либо изъ тяжущихся сторонъ обѣщала королю половину, четверть или другую часть выгоды отъ процесса въ случаѣ выигрыша дѣла. Ясинскій, 26.

и если наши купцы тамъ неприкосновенны, то равнымъ образомъ и чужіе неприкосновенны въ странѣ нашей.

42) Дозволяется каждому впредь выѣзжать изъ нашего королевства и возвращаться свободно и безопасно, по сушѣ и водѣ, подъ условіемъ сохраненія намъ вѣрности, но въ военное время лишь на нѣкоторый короткій срокъ ради общей государственной пользы, за исключеніемъ однако заключенныхъ въ тюрьмѣ, лишенныхъ по обычаямъ страны покровительства законовъ, уроженцевъ воюющей съ нами страны и купцовъ, съ которыми будетъ поступлено, согласно вышесказанному.

43) Если кто будетъ держать ленъ отъ какой-либо эскеты (выморочнаго владѣнія) въ родѣ бароніи Валингфортской, Нотингамской, Бононской, Ланкастерской, или отъ другихъ эскетъ, которыя находятся въ нашихъ рукахъ, будучи бароніями, — и скончается, то наслѣдникъ его пусть не уплачиваетъ иной пошлины, не несетъ намъ иной службы кромѣ той, какую онъ несъ бы, если бы таковая баронія находилась въ рукахъ барона, а мы таковую такъ же будемъ держать, какъ баронъ ее держалъ.

44) Обыватели, которые проживаютъ внѣ лѣснаго округа, не являлись бы впредь на ассизы нашихъ судей лѣснаго вѣдомства, въ силу общихъ призывныхъ грамотъ, если только они не причастны процессу и не являются поручителями за кого-либо изъ тѣхъ, которые задержаны изъ-за лѣсной прерогативы.

45) Мы будемъ назначать судей, констаблей, шерифовъ и баллифовъ лишь изъ такихъ лицъ, которыя знаютъ законы королевства и желаютъ ихъ добросовѣстно соблюдать.

46) Пусть всѣ бароны, основавшіе аббатства и имѣющіе на это учредительныя грамоты англійскихъ королей или право давности, удержатъ право охраны, въ случаѣ вакантности этихъ мѣстъ, согласно обычаю.

47) Со всѣхъ лѣсовъ, на которые въ наше правленіе наложено запрещеніе, таковое тотчасъ снять; также поступить съ рѣками, на которыя въ наше правленіе было наложено запрещеніе.

48) Обо всѣхъ злоупотребленіяхъ въ пользованіи лѣсами и бобровыми гонами, со стороны лѣсничихъ и бобровниковъ, шерифовъ и ихъ подчиненныхъ, рыбными ловами, со стороны сторожей—тотчасъ произвести въ каждомъ графствѣ разслѣдованіе, при посредствѣ жюри изъ 12 рыцарей этого графства, которыхъ должны выбрать добросовѣстные обыватели того же графства. Въ теченіе 40 дней послѣ окончанія разслѣдованія, злоупотребленія должны быть уничтожены этими же лицами, такъ чтобы никогда не возобновлялись, но съ тѣмъ, чтобы мы объ этомъ были ранѣе увѣдомлены или нашъ великій юстиціарій, если насъ не будетъ въ Англіи.

49) Всѣхъ заложниковъ и тѣ поручныя записи, которыя намъ

были вручены англичанами, въ обезпеченіе мира и вѣрной службы, мы немедленно возвратимъ.

50) Мы совершенно удалимъ изъ балльяжей родственниковъ Герарда (de Athyes), чтобы впредь они не имѣли въ Англіи никакого балльяжа, также Энгеларда (de Cygoniis), Андрея, Петра и Гюно de Cancellis, Гюно de Cigoniis, Гальфрида (de Martyni съ его братьями, Филиппа Марка и его братьевъ и Гальфрида, его племянника, и всю ихъ свиту.

51) И немедленно, по заключеніи мира, мы удалимъ изъ королевства всѣхъ чужеземныхъ рыцарей, стрѣлковъ, пѣхотинцевъ и наемниковъ, которые прибыли съ лошадьми и оружіемъ, ко вреду для королевства.

52) Если кто, безъ законнаго суда его пэровъ, будетъ лишенъ владѣнія или отстраненъ нами отъ имѣній, движимаго имущества, вольностей и права, то мы немедленно это ему возвратимъ; а если по этому поводу возникнетъ процессъ, тогда поступать по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже (въ ст. 61) упоминается. Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ, которые безъ законнаго суда ихъ пэровъ были лишены владѣній или отстранены отцемъ нашимъ королемъ Генрихомъ или братомъ нашимъ королемъ Ричардомъ отъ того, что нынѣ находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ подъ нашимъ сюзеренствомъ, мы предоставимъ отсрочку, какую обыкновенно даруютъ крестоносцамъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ былъ возбужденъ процессъ или произведено, по нашему указанію, разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ крестоваго похода, или, если случайно не состоится наше пилигримство, немедленно въ этомъ окажемъ имъ полную справедливость.

53) Той же самой отсрочкой и въ томъ же порядкѣ мы предоставляемъ себѣ воспользоваться, дабы оказать справедливость—по вопросу о томъ, снять ли запрещеніе съ лѣсовъ, на которые его наложили отецъ нашъ Генрихъ, либо братъ нашъ Ричардъ, или удержать, а равно по отношенію къ опекѣ надъ имѣніями, принадлежащими къ чужому феоду, какого рода опеки и доселѣ мы имѣли, на основаніи феода, который отъ насъ держали за рыцарскую службу, также по вопросу объ основанныхъ не на нашемъ, а на чужомъ феодѣ аббатствахъ, на которыя сеньоръ феода, по его словамъ, имѣетъ право патроната. Когда же возвратимся, или если случайно не состоится наше пилигримство, то этимъ жалобщикамъ полную справедливость немедленно окажемъ.

54) Никого не подвергать аресту или заключенію въ тюрьмѣ по донесенію женщины, касающемуся смерти посторонняго человѣка, а не ея мужа.

55) Всѣ взысканія, которыя несправедливо и вопреки законамъ страны были произведены нами, и всѣ несправедливо и воп-

реки законамъ страны наложенные штрафы совершенно простить или поступить по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже (въ ст. 61) упоминается, или по рѣшенію ихъ большинства, совмѣстно съ вышепомянутымъ Стефаномъ, архіепископомъ Кентерберійскимъ,— если ему будетъ возможно участвовать въ засѣданіи,—и съ другими лицами, коихъ онъ пожелаетъ къ себѣ для сего пригласить; но если ему не будетъ возможно засѣдать, то дѣло тѣмъ не менѣе подлежитъ рѣшенію безъ него, съ тѣмъ чтобы если одинъ или нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ 25 замѣшаны въ однородной тяжбѣ, то были бы они устраняемы только отъ рѣшенія этого дѣла, а другія лица приглашались бы на мѣсто ихъ остальными изъ тѣхъ же 25, исключительно для этого дѣла выбранными, по принесеніи присяги.

56) Если мы лишили владѣнія или отстранили валлійцевъ отъ имѣній, вольностей или другаго имущества безъ законнаго суда ихъ пэровъ въ Англіи или Валлисѣ, то ихъ немедленно удовлетворить, а если изъ-за этого возникнетъ процессъ, тогда поступать въ маркѣ по рѣшенію ихъ пэровъ: относительно леновъ Англіи, сообразуясь съ англійскимъ закономъ, леновъ Валлиса— съ валлійскимъ закономъ, леновъ марки—съ закономъ марки. Также будутъ поступать валлійцы по отношенію къ намъ и нашимъ.

57) Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ изъ валлійцевъ, которые безъ законнаго суда ихъ пэровъ отцемъ нашимъ королемъ Генрихомъ или братомъ нашимъ королемъ Ричардомъ были лишены владѣній или отстранены отъ того, что теперь находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ, подъ нашей гарантіей, мы будемъ имѣть отсрочку въ теченіе времени обычнаго для крестоносцевъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ возбужденъ былъ процессъ или произведено, по нашему указанію, разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ нашего пилигримства, или если случайно не состоится наше пилигримство, то мы немедленно въ этомъ окажемъ полную справедливость, сообразно законамъ валлійцевъ и вышеуказанныхъ странъ.

58) Мы немедленно возвратимъ сына Левелина и всѣхъ валлійскихъ заложниковъ и тѣ поручныя записи, которыя намъ, въ обезпеченіе мира, были вручены.

59) Мы удовлетворимъ Александра, короля Шотландіи, въ отношеніи его сестеръ, возвращенія заложниковъ, вольностей и правъ, соотвѣтственно той формѣ, которою мы удовлетворили другихъ нашихъ бароновъ въ Англіи, если только это не будетъ противорѣчить хартіямъ, которыя мы имѣемъ отъ его отца Вильгельма, покойнаго короля Шотландіи; но это будетъ рѣшаться судомъ его пэровъ при нашемъ дворѣ.

60) Всѣ же эти вышеуказанные обычаи и вольности, которые мы пожаловали въ нашемъ королевствѣ, какъ долженствующіе

подлежать исполненію, сколько до насъ касается, по отношенію къ нашимъ вассаламъ, всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сеньоры, сколько до нихъ касается, соблюдали бы по отношенію къ своимъ вассаламъ.

61) Такъ какъ, ради Господа и для блага нашего королевства и скорѣйшаго прекращенія возникшаго между нами и баронами нашими раздора, мы все это вышеуказанное пожаловали, то, изъ желанія, чтобы этимъ неприкосновеннымъ и прочнымъ спокойствіемъ они вѣчно наслаждались, мы даемъ и жалуемъ имъ нижеслѣдующую гарантію: именно, чтобы *бароны избрали 25 бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами стараться поддерживать и принуждать къ тому, чтобы соблюдали миръ и вольности, которыя мы имъ пожаловали и этою предлежащею хартіею подтвердили*, т. е. такъ, чтобы если мы или юстиціарій нашъ, или баллифы наши, или кто изъ подчиненныхъ нашихъ, погрѣшилъ въ какомъ отношеніи противъ кого-либо или преступилъ какой пунктъ мира или гарантіи, а проступокъ будетъ указанъ четырьмя изъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ, — то эти 4 барона обращались бы къ намъ или къ нашему юстиціарію, если мы будемъ внѣ королевства; докладывая намъ о правонарушеніи, они должны просить, чтобы мы немедленно заставили исправить правонарушеніе. И если мы не возстановимъ права, или, если будемъ внѣ королевства, юстиціарій нашъ не возстановитъ, въ теченіе 40 дней, считая съ того времени, когда было указано намъ или юстиціарію нашему, если бы мы были внѣ королевства, то вышеупомянутые 4 барона передаютъ это дѣло остальнымъ изъ 25 бароновъ, и тѣ 25 бароновъ, при содѣйствіи всей страны, будутъ принуждать и преслѣдовать насъ всѣми способами, какими бы могли, т. е. захватомъ замковъ, имѣній, владѣній и другими способами, какими пожелаютъ, пока не послѣдуетъ удовлетвореніе, согласно ихъ волѣ, при неприкосновенности нашей особы, королевы и дѣтей нашихъ; когда же послѣдуетъ удовлетвореніе, то они будутъ повиноваться намъ, какъ ранѣе поступали. И кто бы въ странѣ ни пожелалъ, можетъ дать присягу, что для достиженія всего вышеуказаннаго будетъ повиноваться приказаніямъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ и будетъ съ ними насъ преслѣдовать по силѣ возможности, а мы открыто и свободно даемъ позволеніе всякому, кто ни пожелаетъ, приносить подобную присягу, и никому никогда въ этомъ не воспрепятствуемъ. Всѣхъ же тѣхъ въ странѣ, которые сами по себѣ и добровольно не пожелаютъ принести 25 баронамъ присягу, и будутъ принуждать и преслѣдовать насъ вмѣстѣ съ ними, мы заставимъ принести присягу нашимъ указомъ, какъ было выше сказано. И если кто изъ 25 бароновъ скончается, удалится изъ страны или какимъ другимъ образомъ будетъ поставленъ въ затрудненіе, то остальные изъ вышеупомянутыхъ 25 ба-

роновъ, дабы они въ той же степени были въ состояніи выполнить вышеуказанное, по своей волѣ, выбираютъ на его мѣсто другаго, который такъ же, какъ прочіе, принесетъ присягу. При выполненіи всего, что этимъ 25 баронамъ поручается, если случится, что сами 25 будутъ присутствовать и между собою относительно чего-либо будутъ несогласны, или нѣкоторые изъ приглашенныхъ не захотятъ и не будутъ имѣть возможности принять участіе въ засѣданіи, — тогда одобренное или предписанное большинствомъ присутствующихъ признается рѣшеннымъ и установленнымъ, какъ еслибы по этому вопросу были въ согласіи всѣ 25. Вышеупомянутые же 25 пусть принесутъ присягу, что все вышеуказанное добросовѣстно будутъ соблюдать, и, по мѣрѣ своихъ силъ, будутъ другихъ заставлять, чтобы соблюдали. Мы же, ни сами лично, ни черезъ другаго, ни отъ кого *не потребуемъ ничего такого, вслѣдствіе чего отмѣнялась бы или умалялась хотя одна пожалованная вольность; и если что-либо такое будетъ отнято, то пусть таковое остается не имѣющимъ силы и ничтожнымъ, а мы, ни сами лично, ни черезъ другаго, не будемъ этимъ пользоваться* (*et nunquam eo utemur per nos vel per alium*).

62) Всѣ же зложеланія, обиды и оскорбленія, возникшія со времени раздора, между нами и вассалами нашими, духовными и свѣтскими, — мы всѣмъ вполнѣ отпустили. Кромѣ того, всѣ случаи измѣны, происшедшіе во время того же раздора, начиная съ Пасхи на 16-мъ году нашего правленія до заключенія мира, мы отпустили всѣмъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и, сколько зависитъ отъ насъ, совершенно простили. Сверхъ же сего мы соизволили выдать имъ, за поручительствомъ отца Стефана Лангтона, архіепископа Кентерберійскаго, отца Генриха, архіепископа Дублинскаго, вышепомянутыхъ епископовъ и магистра Пандульфа, грамоты на ту гарантію и пожалованія вышепрописанныя.

63) И такъ, мы желаемъ и неизмѣнно предписываемъ, чтобы англійская Церковь была свободна, и чтобы всѣ жители нашего королевства имѣли и пользовались всѣми вышеисчисленными вольностями, правами и пожалованіями, прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполнѣ и неприкосновенно, сами и наслѣдники ихъ, отъ насъ и преемниковъ нашихъ, во всемъ и на всѣхъ мѣстахъ, вѣчно, какъ выше было сказано. Дана присяга съ нашей стороны и со стороны бароновъ соблюдать добросовѣстно и безъ злоумышленія всѣ эти вышепрописанныя постановленія. Дано нами, въ присутствіи вышеупомянутыхъ и многихъ другихъ свидѣтелей, на Руннимедскомъ лугу, между Венделесомъ и Стайною, іюня въ 15 день, въ годъ правленія нашего семнадцатый» [1].

[1] Мы воспользовались точнымъ переводомъ г. Ясинскаго (11—34), сдѣлавъ небольшія измѣненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по сравненію съ оригиналомъ (Stubbs, Sel. Ch. 290—306 и въ новѣйшемъ изданіи Матвѣя Парижскаго — H. R. Luard. Rerum Brit. medii aevi scrp. (L. 1874; II, 589

Дѣйствительное значеніе Великой хартіи.

Изученіе этихъ статей доказываетъ, что въ нихъ преобладаетъ старинное обычное право англосаксовъ. Хартія отняла у короля право законодательной власти, его распоряженія безъ согласія парламента уже не могутъ имѣть силу закона. Въ силу хартіи парламентъ долженъ былъ состоять изъ представителей высшаго духовенства, графовъ, бароновъ и королевскихъ прямыхъ ленниковъ, но на самомъ дѣлѣ онъ состоялъ на первыхъ порахъ изъ представителей высшей аристократіи и только въ 1264 году въ первый разъ въ парламентъ, кромѣ аристократіи и высшаго духовенства, явились по два депутата отъ низшаго дворянства каждаго графства и извѣстное число представителей отъ городовъ, такъ что съ этого года впервые установились формы полнаго парламента послѣдующихъ эпохъ. Впрочемъ только при Эдуардѣ II совершилось окончательное раздѣленіе парламента на палату лордовъ и палату общинъ, а до него представители сословій не всегда раздѣлялись и часто засѣдали вмѣстѣ.

Значеніе Великой Хартіи для судебъ англійскаго парламентаризма обстоятельно выяснилъ Гнейстъ. Еще Галламъ замѣтилъ, что Magna Charta служитъ истиннымъ основаніемъ англійской свободы. Все достигнутое позднѣе въ этомъ направленіи было немногимъ болѣе комментарія къ ней. Если бы всѣ дальнѣйшіе законы были уничтожены, то все еще были бы замѣтны эти смѣлые штрихи, начертанные въ Великой Хартіи, отдѣляющіе свободную монархію отъ деспотической. Таковъ взглядъ Галлама. Гнейстъ, напротивъ, усматриваетъ въ этомъ документѣ гораздо менѣе формальныхъ конституціонныхъ правъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. „Тѣмъ не менѣе хартія уже заключаетъ въ себѣ главныя черты англійскаго характера и государственнаго устройства. Норманскіе крупные вассалы были принуждены теперь сдѣлать выборъ между островомъ и материкомъ. Въ Англіи они не могли защищаться отъ королевской власти въ стѣнахъ своихъ замковъ, а при невозможности отдѣльнаго сопротивленія должны были во всей совокупности, въ союзѣ съ духовенствомъ и опираясь на народныя симпатіи, сбросить господство произвола, добиться правъ и гарантій для себя и для народа, и такимъ образомъ основать государственный строй на личной свободѣ, на равномѣрной законной защитѣ личности и имущества.

—604). Рубриковка статей у каждаго издателя произвольна; въ подлинникѣ, конечно, статьи не обозначены, равно какъ и у Матвѣя Парижскаго.

Это дворянство, выносившее прежде всего на самомъ себѣ произволъ самовластнаго короля и бремя государственное, научилось сочувствовать страданіямъ народа и начало сознавать свое призваніе — находиться во главѣ націи въ дѣлѣ возникавшей конституціи. Въ этомъ смыслѣ Magna Charta была и залогомъ примиренія между сословіями. Ея возникновеніе и утвержденіе поддерживало въ теченіе столѣтій живое чувство общности извѣстныхъ основныхъ правъ для всѣхъ классовъ, — сознаніе, что дворянство не можетъ имѣть и отстаивать какія либо права и привилегіи безъ гарантіи личной свободы для болѣе слабыхъ классовъ населенія.... На пріобрѣтенныхъ основахъ всѣ дальнѣйшія стремленія не имѣли цѣлью создать для себя особое замкнутое право, а только желаніе регулировать закономъ права государственнаго верховенства и добиться конституціоннаго участія въ послѣднихъ....“

Дальнѣйшій ходъ конституціонной борьбы доказываетъ ту истину, что и самое справедливое сопротивленіе деспотизму и благороднѣйшій порывъ народнаго духа не могутъ сами по себѣ непосредственно вести къ политической свободѣ, а что нужна еще упорная работа и положительное преобразованіе государственнаго устройства, къ чему Великая хартія дала только толчекъ (¹). Очередь была за представителями народа.

Палата общинъ стала истинною представительницею націи въ текущемъ XIX столѣтіи, притомъ болѣе могущественною, чѣмъ палата лордовъ и король вмѣстѣ. Одною изъ важныхъ причинъ, непосредственно содѣйствовавшихъ палатѣ общинъ занять первое мѣсто въ государствѣ торговомъ и промышленномъ по преимуществу,—было могущество капитала, которое обыкновенно дается городамъ. Общины потому и вотируютъ бюджетъ на нужды государства.

Нарушеніе королемъ Іоанномъ его обязательствъ.

Magna charta по справедливости считается великимъ пріобрѣтеніемъ въ развитіи англійской политической свободы. Много вѣковъ спустя, билль о правахъ только повторилъ ее по существу (²). Изъ началъ этой хартіи развилась конституція, представительное правленіе Англіи. Но король Іоаннъ конечно не предвидѣлъ этого. Этотъ безхарактерный и легкомысленный правитель предательски смотрѣлъ на хартію. Король хотѣлъ клочкомъ пергамента устранить угрожавшую ему

(¹) Гнейстъ. Исторія гос. учр. Англіи; 276, 281.
(²) Фриманъ, Очеркъ разв. англ. конст. 73.

опасность со стороны бароновъ и горожанъ; онъ не заботился о приведенiи въ исполненiе дарованной имъ конституцiи, и только единодушiе сословiй и готовность бароновъ охранять дарованныя имъ права спасли хартiю отъ уничтоженiя и свободу англичанъ отъ лукавыхъ замысловъ короля. Намѣренiя послѣдняго англичане расторгли тремя гарантiями. Король во 1-хъ долженъ былъ выслать изъ страны всѣхъ иностранцевъ, чиновниковъ и королевскихъ служителей, во 2-хъ распустить иностранныя войска, при помощи которыхъ онъ тиранствовалъ; послѣднее, третье средство—самое важное по существу—заключалось въ томъ, что баронамъ было представлено право избрать изъ своей среды комитетъ изъ 25 лицъ, обязанный наблюдать за королемъ и его чиновниками, останавливать его при каждомъ нарушенiи хартiи и призывать нацiю къ вооруженному возстанiю, если въ теченiе сорока дней право не будетъ возстановлено. Это постановленiе повидимому водворяло въ Англiи олигархiю и въ другое время могло бы дать преобладающее значенiе высшему дворянству, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ оно послужило къ упроченiю народной свободы.

Не смотря на торжественную присягу новому уложенiю, Iоаннъ вовсе не думалъ держать своихъ обѣщанiй. Онъ не выполнилъ главнаго обязательства въ интересахъ свободы; вопреки 51 ст., онъ не распустилъ наемныхъ войскъ. Такимъ образомъ новая междоусобная война была неизбѣжна. Iоаннъ готовилъ противъ подданныхъ и физическое и духовное оружiе. Онъ укрѣплялъ замки, снабжалъ ихъ провiантомъ, заготовлялъ военныя машины и оружiе, нанималъ новыя войска во Францiи и Нидерландахъ и въ тоже время осаждалъ папу просьбами о помощи. Иннокентiй III принялъ его сторону и, какъ верховный сюзеренъ Англiи, издалъ буллу, которою уничтожалъ Великую хартiю, и отрекаясь отъ даннаго имъ согласiя, предалъ отлученiю всѣхъ ея защитниковъ. Тогда Iоаннъ отказался выполнять требованiя, налагаемыя на него статутами хартiи и началъ войну съ баронами, опустошая ихъ владѣнiя огнемъ и мечомъ. Бароны, повидимому, не ожидали, что король такъ скоро нарушитъ клятву; они, проводя время въ занятiяхъ турнирами, не приготовились къ отпору.

Французы въ Англiи. Чтобы избѣжать угрожавшей имъ опасности, бароны обратились къ французскому королю, предлагая ему ко-

рону. Изъ одной крайности они бросились въ другую, изъ огня попали въ полымя, такъ какъ Филиппъ нисколько не уступалъ въ деспотизмѣ Іоанну. Французскій король столько же заботился о законѣ и правѣ, какъ и англійскій король. Филиппъ Августъ отказался отъ предложенной ему короны; онъ на столько былъ благоразуменъ, что лично отказался вмѣшиваться въ дѣло, въ которомъ заинтересованъ былъ папа Иннокентій. Бароны лучше сдѣлали, когда обратились къ сыну Филиппа, принцу Луи, съ просьбой занять англійскій престолъ; Луи согласился. Союзъ бароновъ съ Франціей ставилъ Іоанна въ весьма затруднительное положеніе, но тутъ Иннокентій дѣйствовалъ, какъ вѣрный союзникъ; онъ послалъ легата къ французскому королю съ тѣмъ, чтобы положительно запретить ему вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи. Филиппъ, въ то время нуждаясь въ папѣ, вывернулся посредствомъ хитрости. Онъ самъ заставилъ сына, въ присутствіи легата, отказать ему въ повиновеніи. Въ маѣ 1216 г. Луи высадился на островѣ, а въ іюнѣ короновался въ Лондонѣ королемъ Англіи. Обѣ стороны воевали съ большимъ упорствомъ. Іоаннъ и Луи поступали съ королевствомъ, какъ съ завоеванной страной. Іоаннъ велъ войну съ баронами, Луи тѣснилъ его самого, а папскіе легаты грабили обѣ стороны. Опустошительная война длилась уже болѣе года, какъ вдругъ, къ величайшей радости своихъ вѣрноподданныхъ, Іоаннъ умеръ въ октябрѣ 1216 года.

Генрихъ III (1216—1272 г.).

Его сыну и наслѣднику, Генриху III, было тогда всего девять лѣтъ, но это было великимъ счастьемъ для Англіи. Молодому королю суждено было противъ своей воли довершить развитіе англійской свободы. У бароновъ тогда начались несогласія съ принцемъ Луи, а опека надъ юнымъ Генрихомъ досталась въ руки человѣка, умѣвшаго превосходно вести такое дѣло. Это былъ графъ Вильгельмъ Пемброкъ, маршалъ покойнаго короля. Онъ не медля короновалъ Генриха, и, объявивъ себя протекторомъ государства, вошелъ въ переговоры съ возставшими феодалами. Большинство бароновъ перешло на сторону Генриха. Луи, оставшись съ одними французскими авантюристами, былъ разбитъ на сушѣ и на морѣ. Тогда онъ заключилъ миръ съ Пемброкомъ, отказавшись отъ правъ на Англію, а Пемброкъ, съ своей стороны, обязался не только объявить амнистію всѣмъ его сторонни-

камъ, но и упрочить ихъ права и привилегіи. Вскорѣ послѣ того какъ спокойствіе и порядокъ судопроизводства были водворены, Пемброкъ умеръ (1219 г.). Протекторъ правилъ государствомъ только три года. Смерть его для молодаго короля была большимъ несчастіемъ, имѣвшимъ вліяніе на будущія событія въ Англіи.

Такъ какъ Генрихъ былъ еще двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и слѣдовательно не могъ править государствомъ, то эта обязанность выпала на долю двухъ приверженцевъ покойнаго короля, верховнаго судьи Англіи Губерта Борга и винчестерскаго епископа Петра де Рошъ—уроженца Пуату, слѣдовательно иностранца. Первымъ дѣломъ правителей было употребить насиліе противъ бароновъ, удерживавшихъ въ своей власти королевскіе замки. Начавшееся такимъ образомъ правленіе не предвѣщало ничего хорошаго. Виновникъ насилія надъ баронами, Боргъ сдѣлался предметомъ общей ненависти. Король же возбудилъ противъ себя недовѣріе тѣмъ, что вступая въ управленіе, не высказался о Великой хартіи. Однако возобновившаяся война, грозившая ему потерею англійскихъ владѣній во Франціи, а равно нужда въ деньгахъ заставили короля признать права народа и подтвердить Великую хартію. Сверхъ того бароны принудили короля отказаться отъ исключительныхъ правъ на лѣса и охоту, присвоенныхъ коронѣ еще Генрихомъ II, и вытребовали особую лѣсную грамоту (charta de foresta), которую король далъ крайне неохотно.

Такимъ образомъ свобода была возстановлена и правленіе по видимому начинало принимать конституціонныя формы. Но и Генрихъ III, какъ и отецъ его, не считалъ нужнымъ держаться данныхъ имъ обѣщаній. Какъ скоро миновала опасность, король, по совѣту Борга, отказался отъ выполненія обѣихъ хартій подъ тѣмъ предлогомъ, что утвердилъ ихъ своимъ подписомъ, будучи несовершеннолѣтнимъ. Папа, какъ и слѣдовало ожидать, во всемъ поддерживавшій короля, заключилъ съ нимъ союзъ и всѣми силами старался удерживать бароновъ въ повиновеніи королю. За то ни одна страна не страдала такъ сильно отъ папскихъ поборовъ, какъ Англія. Безстыдство легатовъ доходило до того, что однажды они потребовали, чтобы въ каждомъ монастырѣ было удержано нѣсколько доходнѣйшихъ мѣстъ въ пользу папы, и не разъ случалось, что у нихъ силой отнимали награбленное. Они

нашли однако способъ въ цѣлости пересылать въ Римъ собранныя сокровища, водворивъ въ Англіи своихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ, промышлявшихъ и въ остальной Европѣ денежною торговлею. Итальянскіе мѣнялы и ростовщики ввели здѣсь векселя и вексельное право, выжимая изъ народа процентами то, что оставалось отъ жадности духовенства и поборовъ короля. Хотя Генрихъ III уже достигъ совершеннолѣтія, протекторатъ Борга надъ королемъ продолжался. Регентъ съумѣлъ отстранить епископа, своего сотоварища, отъ власти и отъ вліянія на короля. Петръ де Рошъ понятно не могъ равнодушно перенести свое паденіе. По возвращеніи изъ Палестины въ 1232 году, епископъ Петръ такъ успѣлъ настроить Генриха противъ регента, что король приказалъ схватить его и выдать народу. Только заступничество духовенства спасло его отъ народной ярости, но все же дѣло не обошлось безъ побоевъ. Схваченный королемъ вторично, онъ былъ посаженъ въ тюрьму; однако друзьямъ черезъ полгода удалось его освободить. Впрочемъ хорошаго изъ этого ничего не вышло. Одинъ королевскій любимецъ былъ замѣненъ другимъ. Петръ занялъ мѣсто Губерта. Но характеръ управленія оставался все тотъ же; тиранія даже усилилась. Недовольство подданныхъ противъ короля возрасло до высшей степени. Всѣ лучшіе люди оставили Генриха. Королевство представляло двѣ враждебныя партіи. Генрихъ долженъ былъ подчиниться народнымъ требованіямъ. Французы были удалены отъ двора, епископъ Петръ былъ отосланъ въ свое епископство. Но и это не помогло устранить сколько нибудь анархію въ Англіи. Все зависѣло отъ энергіи государя, а Генрихъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ. Это былъ злой, неспособный къ серьезнымъ занятіямъ человѣкъ, которому всегда нуженъ былъ опекунъ и руководитель.

Симонъ, графъ Лейстеръ.

Въ это время является ко двору новый вассалъ изъ Франціи, Симонъ де-Монфоръ. Это былъ второй сынъ извѣстнаго палача альбигойцевъ. Онъ наслѣдовалъ отъ матери графство Лейстерское и нѣкоторыя другія владѣнія, а также и долю отцовскихъ воинскихъ талантовъ. Это былъ человѣкъ твердаго, рѣшительнаго характера. Въ то время какъ старшій Монфоръ, Амори, дѣйствовалъ во Франціи, младшій боролся въ Англіи за права бароновъ. Въ этой дѣятельности онъ нашелъ блестящее примѣненіе своимъ способностямъ, весь отдавшись политиче-

скимъ треволненіямъ, которыя тогда обуревали Англію. Породнившись съ королемъ, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на управленіе королевствомъ, которое усыновило его.

Борьба бароновъ съ Генрихомъ III. Вслѣдствіе того что Англія давно уже не вела внѣшнихъ войнъ, матеріальное благогосостояніе ея могло бы процвѣтать; но деньги, выжимаемыя королемъ всякими способами отъ его подданныхъ, шли на удовлетвореніе роскоши и мотовства двора, при чемъ часть ихъ предназначалась въ Римъ. Страсть къ роскоши по примѣру двора охватила всѣ сословія; иностранные товары сдѣлались обычною потребностью. Духовенство и горожане употребляли для домашняго обихода золотую и серебряную посуду, а рыцарство и бароны жили такъ пышно, что многіе изъ нихъ выписывали себѣ коней изъ Италіи. Однажды на придворномъ балѣ явилась чуть не тысяча рыцарей въ шелковыхъ костюмахъ, а на другой день гости одѣлись въ новые еще болѣе пышные наряды. При отсутствіи въ Англіи торговли и промышленности, эта роскошь добывалась плетями на спинахъ колоновъ и виллановъ. Въ то время римскіе поборы были особенно чувствительны не только для развитія торговли, но при чрезмѣрномъ отливѣ денегъ въ Италію, они порождали путаницу въ самомъ государственномъ управленіи. Папскіе поборы наконецъ вывели изъ терпѣнія самого короля. Пришлось серьезно позаботиться о финансахъ государства, предотвратить обѣдненіе страны. Созвавъ въ 1246 году феодальныхъ представителей и опираясь на нихъ, король постановилъ, чтобы никто не платилъ подать папѣ и не отсылалъ деньги въ Римъ, но потомъ самъ же малодушно отмѣнилъ свое распоряженіе. Въ 1248 году, когда денежныя затрудненія опять заставили короля созвать парламентъ, представители заговорили рѣшительнымъ языкомъ. Королю пришлось выслушать самыя жестокія укоризны за всѣ беззаконія, совершившіяся въ его царствованіе. Бароны напомнили королю, что онъ не замѣщаетъ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, незаконно пользуясь ихъ доходами, ежедневно нарушаетъ права гражданъ, не исполняетъ хартіи, данной его отцемъ, обращаетъ суды въ источникъ доходовъ и поборовъ. Королю нужны были деньги, поэтому онъ терпѣливо выслушивалъ жесточайшіе упреки и, публично извинившись въ нарушеніи обязательствъ, обѣщалъ исправиться. Но на этотъ разъ парламентъ далъ королю такъ мало, что для своихъ

собственныхъ издержекъ онъ принужденъ былъ продать все серебро и часть имѣній и едва вымолилъ небольшую сумму у жителей Лондона подъ предлогомъ крестоваго похода. Приближенные короля, почти исключительно французы, жили открытымъ грабежемъ, разбойничая по большимъ дорогамъ. Въ 1253 году денежныя затрудненія опять заставили короля созвать парламентъ. Король вновь явился съ повинной, но своею строптивостью возстановилъ противъ себя всѣхъ. Рыцарство сѣло на коней и заговорило такимъ тономъ, что Генрихъ поспѣшно распустилъ парламентъ, назначивъ новое собраніе въ Оксфордѣ. Тогда-то во главѣ недовольныхъ бароновъ сталъ Монфоръ, который имѣлъ давно личныя враждебныя отношенія съ королемъ. Графъ Лейстеръ не разъ дерзко называлъ короля въ глаза, при Ричардѣ и другихъ свидѣтеляхъ, лжецомъ и нехристемъ. Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ въ лигѣ недовольныхъ бароновъ.

Бѣшеный парламентъ 1258 г. и судьба Великой хартіи.

11-го іюня 1258 года собрался парламентъ въ Оксфордѣ, прозванный впослѣдствіи королевской партіею „Бѣшенымъ парламентомъ". Онъ долженъ былъ прежде всего разрѣшить въ положительномъ смыслѣ обострившійся вопросъ по поводу возстановленія Великой хартіи, на которую феодалы и горожане одинаково смотрѣли какъ на палладіумъ политической и гражданской свободы. Собственно всѣ усилія собранія были направлены какъ на этотъ вопросъ, такъ и на организацію правительственнаго кабинета, который долженъ былъ сдерживать деспотическіе порывы королевской власти и регулировать теченіе государственной жизни.

Надо замѣтить, возвращаясь нѣсколько назадъ, что Великую хартію постигли измѣненія на другой годъ ея появленія. Эти измѣненія впрочемъ касались частностей, а не тѣхъ политическихъ прерогативъ сословій, которыя легли въ ея основаніе. Въ сущности хартія подтверждалась всегда болѣе или менѣе торжественно. При этомъ однѣ статьи вовсе отмѣнялись, другія замѣнялись и редактировались вновь. Такъ въ ноябрѣ 1216 г. въ Бристолѣ, при первомъ подтвержденіи хартіи, послѣдовавшемъ по вступленіи на престолъ Генриха III, отмѣнены были всѣ тѣ статьи, которыя послѣ кончины Іоанна I потеряли всякое значеніе или которыя невозможно было исполнить при измѣнившихся обстоятельствахъ. Тогда были вычеркнуты статьи: 12, 14, 15, 25, 27, 42, 45 и 61, при

чемъ право бароновъ опредѣлять т. н. щитовой сборъ, предусмотрѣнное въ ст. 12, осталось на дѣлѣ, такъ какъ въ 1220 г. правительство съ согласія бароновъ произвело таковой сборъ. Что касается до ст. 61, предоставлявшей высшій контроль комитету 25, то она отмѣнена была не надолго и послѣ возстановлена самымъ торжественнымъ образомъ въ Оксфордѣ, какъ увидимъ ниже. Тогда же былъ измѣненъ цѣлый рядъ статей съ цѣлью предоставить регентамъ бо́льшій просторъ, а именно ст. 48—53, 55, 57, 58, 59, 62. Въ слѣдующемъ 1217 году хартія вновь подтверждалась съ уничтоженіемъ всѣхъ статей объ охранѣ лѣсовъ и съ разъясненіемъ и измѣненіемъ ст. 7, 13—15, 20, 34 и 35, касающихся судебныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ дополненіе ст. 39 было запрещено продавать лены въ размѣрахъ превышающихъ то количество земли, какое необходимо леннику для отбыванія повинностей въ пользу сюзерена. Въ редакціи 1217 г. хартія дѣйствовала во все время правленія Генриха III. Не смотря на совѣты нѣкоторыхъ приближенныхъ, старавшихся провести мысль, что король не обязанъ былъ исполнять обязательства, навязанныя его отцу бунтовщиками, Генрихъ III, искренности котораго нельзя было вѣрить, по настоянію прелатовъ и бароновъ, подтверждалъ хартію въ 1223, 1225, 1237 и 1253 годахъ всегда при торжественной обстановкѣ. Духовенство въ полномъ облаченіи, съ зажженными факелами въ рукахъ, въ самыхъ покояхъ короля, въ Вестминстерской залѣ, произнесло отлученіе на всѣхъ, кто осмѣлится нарушить вольности, обѣщанныя хартіей. Епископы бросили свои факелы на землю со словами: „Пусть смердитъ и погибнетъ во адѣ душа того, кто навлечетъ на себя этотъ приговоръ“. Впрочемъ, король видимо не боялся ада.

Клятва не помѣшала королю вновь нарушать хартію. Какъ прежде (въ 1237, 1242, 1244, 1248, 1252 гг.), только необходимость въ деньгахъ заставляла его признавать обязательства, а болѣе или менѣе обезпеченное положеніе вызывало рядъ насилій, — при чемъ онъ однимъ почеркомъ пера самовольно отмѣнилъ (въ 1227 г.) лѣсную хартію, — такъ и послѣ 1253 года король оказался не на высотѣ положенія. Это и повело впослѣдствіи къ кровавому столкновенію.

Оксфордскія постановленія.

Бароны въ заявленіи, прочтенномъ въ засѣданіи Оксфордскаго парламента, пересчитали множество злоупотребленій, допускаемыхъ и поощряемыхъ королемъ. Каждое изъ нихъ

не представляется особенно важнымъ, но взятыя вмѣстѣ они должны были тяжело отражаться на феодализмѣ. Существенное нарушеніе хартіи заключалось въ самовольномъ распоряженіи выморочными имуществами и даже въ пользованіи чужими феодами и правами подъ видомъ выморочныхъ, въ насиліяхъ и вымогательствахъ королевскихъ чиновниковъ, а также во вмѣшательствѣ короля въ самостоятельность судовъ, въ освобожденіи многихъ лицъ за деньги отъ обязанности присутствовать въ ассизахъ, почему происходила проволочка въ судопроизводствѣ. Тогдашніе англичане были слишкомъ ревнивы къ малѣйшему нарушенію сословныхъ правъ, понимая, что всякое нарушеніе закона, напримѣръ, предоставленіе безконтрольнаго простора дѣйствія власти, ведетъ къ упроченію деспотизма.

Для того чтобы побудить короля къ исполненію Великой хартіи, бароны потребовали удаленія иностранцевъ изъ Англіи и установленія такой формы правленія, которая ограничивала бы королевскую власть. Въ Оксфордѣ была избрана коммиссія изъ двадцати четырехъ членовъ, назначенныхъ на половину королемъ и дворянствомъ, для управленія государствомъ, съ правами королевскими впредь до окончанія занятій. Она составила такъ называемую оксфордскую конституцію, замѣнившую монархію аристократіей. Великая Хартія была возстановлена во всей силѣ; назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ было предоставлено двадцати четыремъ. Коренная реформа судопроизводства и всего порядка управленія поручена государственному совѣту изъ пятнадцати членовъ. Въ помощь коммиссіи, которой впредь предоставлялось право наблюдать за всѣми дѣйствіями короля, въ каждомъ графствѣ учреждены были коммиссіи изъ четырехъ рыцарей для разбора жалобъ. Это было возвращеніе къ ст. 61 Великой хартіи. Въ заключеніи сдѣлано было постановленіе относительно созыва парламента.

Таковы были постановленія оксфордскаго парламента, подъ которыми король долженъ былъ подписаться и обнародовать ихъ, какъ собственное распоряженіе.

Оксфордская конституція не могла быть прочна. Дѣло въ томъ, что горожане, лучшіе до сихъ поръ союзники феодальной партіи, не получили никакихъ гарантій отъ оксфордскихъ заправителей. Власть переходила въ руки аристократіи, слѣдовательно горожанамъ не было интереса поддерживать

олигархическое правленіе. Возникли неудовольствія и волненія высшей аристократіи. Съ одной стороны протестовалъ сводный братъ Генриха, Ричардъ Корнваллійскій, избранный германскимъ императоромъ, съ другой аристократія разсорилась съ низшимъ дворянствомъ, предпочитавшимъ одного короля двадцати четыремъ. Между тѣмъ бароны дѣйствовали. Генрихъ, принуждаемый феодалами, еще два раза присягалъ подданнымъ и два раза нарушалъ присягу.

Наконецъ бароны попытались обратиться къ третейскому суду французскаго короля Луи IX, пользовавшагося славной репутаціей праведнаго и чуть не святаго. Послѣдній, по своимъ нравственнымъ принципамъ, не могъ благопріятствовать какой либо одной сторонѣ. Онъ произнесъ по своему безпристрастное рѣшеніе, выгодное для обѣихъ сторонъ. Въ Амьенѣ онъ постановилъ въ 1264 году—въ присутствіи короля Генриха и сына графа Лейстера—отмѣнить оксфордскую конституцію, даровать амнистію возставшимъ и гарантировать права англійскаго народа. Все это конечно не повело ни къ чему. Англичане отвергли приговоръ благочестиваго Луи IX, какъ рѣшеніе одного государя въ пользу другаго. Война опять возобновилась.

Битва при Льюисѣ въ 1264 г.

Положеніе короля сдѣлалось особенно опаснымъ, когда во главѣ противной стороны всталъ Монфоръ графъ Лейстеръ. 14 мая 1264 года произошло рѣшительное сраженіе при Льюисѣ (въ Суссексѣ). У короля было больше рыцарей, но за то графъ Симонъ былъ отличный полководецъ. Побѣда осталась на сторонѣ Лейстера. Ему удалось взять въ плѣнъ короля и его брата Ричарда. Хотя на слѣдующее утро заключено было условіе, по которому король и Ричардъ получали свободу, а заложникомъ оставался принцъ Эдуардъ, но оно не было выполнено баронами. Короля побѣдители возили за собой. Только королева избѣжала плѣна. Она удалилась во Францію и, собравъ войска въ Гіени и Пуату, предприняла высадку въ Англію, пытая счастья, но была разбита Монфоромъ.

Правленіе графа Лейстера.

Съ этихъ поръ Симонъ, графъ Лейстеръ сталъ настоящимъ правителемъ государства. Съ плѣннымъ королемъ онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Генрихъ безусловно соглашался на всѣ требованія побѣдителя, который взялъ на себя роль оберегателя не только феодальныхъ, но вообще народныхъ

интересовъ. Владычество Монфора продолжалось болѣе года. Главною опорою его былъ народъ, сочувствовавшій ему за мѣру въ высшей степени важную для развитія англійской конституціи. При немъ въ первый разъ, 20 января 1265 г., были приглашены въ Лондонъ по два депутата отъ городовъ, бурговъ и графствъ для участія въ парламентскихъ засѣданіяхъ.

Такъ возникла палата общинъ или коммонеровъ въ Англіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великая хартія и Лѣсная хартія были вновь подтверждены въ Лондонѣ 14 марта 1265 г. королевскимъ словомъ. Правда Генрихъ былъ принужденъ къ тому силою, будучи въ рукахъ грозныхъ побѣдителей, державшихъ его въ плѣну. Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ онъ не согласился бы предоставить баронамъ право возстанія въ случаѣ неисполненія королемъ обязательствъ, притомъ въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ: liceat omnibus de regno nostro contra nos insurgere ([1]).

Пока король и наслѣдникъ престола Эдуардъ были во власти бароновъ, феодальная партія, подъ руководствомъ Симона Монфора, вполнѣ владычествовала въ странѣ. Лейстера укоряли въ суровыхъ отношеніяхъ къ королю. Ему приписывали такія честолюбивыя стремленія, о которыхъ онъ можетъ быть и не помышлялъ. Говорили, что онъ хочетъ овладѣть престоломъ.... Во всякомъ случаѣ очень понятно было возникновеніе недоразумѣній и раздоровъ въ лагерѣ побѣдителей. Къ тому же графъ Лейстеръ, будучи чужеземцемъ, въ глазахъ кровныхъ англичанъ не могъ пользоваться симпатіями. Онъ не отличался ловкостью обхожденія, мягкостью характера. Человѣкъ честолюбивый, грубый въ пріемахъ, онъ не любилъ сдерживать своихъ порывовъ и во многомъ напоминалъ суроваго отца. Скоро онъ оттолкнулъ отъ себя большинство бароновъ. Крупные феодалы называли его тираномъ, а мелкіе инстинктивно опасались.

Битва подъ Эвесгемомъ.

Къ тому же сынъ и наслѣдникъ короля принцъ Эдуардъ, привлекшій къ себѣ всѣхъ рыцарской любезностью и ласкою, успѣвъ вырваться изъ плѣна, собралъ ополченіе для освобожденія короля. Неудача при Льюисѣ сдѣлала Эдуарда осто-

([1]) Такія обѣщанія не значили ничего. Гнейстъ высчиталъ что до конца среднихъ вѣковъ Великая хартія 38 разъ подтверждалась и отмѣнялась (Ист. гос. учр. Англіи, стр. 277).

рожнѣе; онъ долго уклонялся отъ битвы, пока не нанесъ непріятелю рѣшительнаго пораженія подъ Эвесгемомъ въ августѣ 1265 г. Здѣсь Монфоръ погибъ. Онъ умеръ геройскою смертію, какъ защитникъ народныхъ интересовъ.

Значеніе графа Лейстера.

Одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ историковъ слѣдующими словами характеризуетъ значеніе Симона Лейстера, этого французскаго выходца, ставшаго защитникомъ англійскаго народа: — „Намъ не изъ за чего досадовать, что этотъ боецъ, этотъ мученикъ — иностранецъ по происхожденію. Мы должны гордиться, что плѣнили своихъ побѣдителей и превратили ихъ въ столь же вѣрныхъ сыновъ нашей страны, каковы мы сами. Принимая, мы усыновляли ихъ, ассимилировали и тѣмъ, что было наиболѣе цѣнно у другихъ народовъ, мы обогатили англійскую націю. Поэтому-то на ряду съ людьми, родившимися въ Англіи, мы можемъ оказывать уваженіе и тѣмъ выходцамъ изъ другихъ странъ, которые сдѣлали для Англіи то, что развѣ сыновья сдѣлали бы для матери. Будучи иностранцемъ, высадившимся на наши берега, чтобы получить тѣ земли и почести, которыя слѣдовали ему по наслѣдству, онъ сдѣлался нашимъ вождемъ противъ чужеземцевъ другаго рода, противъ авантюристовъ, тѣснившихся около короля, врага своего народа. Уважая его при жизни, какъ вождя и избранника Англіи, народъ поклонялся ему послѣ его смерти, какъ мученику за народное дѣло. Въ ту эпоху религія одушевляла всѣ чувства; патріотъ, возставшій за правду и свободу, чтился наравнѣ съ пострадавшими за вѣру. Въ то отдаленное время почести, воздаваемыя государственному человѣку, мало чѣмъ отличались отъ поклоненія, воздаваемаго святому. Вальтофа, Симона Монфора, Ѳому Ланкастерскаго провозгласили святыми заступниками Англіи и говорили даже, что чудеса совершались на ихъ останкахъ и могилахъ. Поэты на трехъ языкахъ на перерывъ воспѣвали человѣка, боровшагося и пострадавшаго за право и Монфоръ, защитникъ Англіи на полѣ битвы и въ парламентѣ, сталъ еще болѣе вѣрнымъ ея покровителемъ на небѣ, откуда, какъ были убѣждены наши отцы, не въ силахъ прогнать его проклятія Рима“ (¹).

(¹) Фриманъ. Очеркъ англ. конст. — Опыты, 78.

Одно время казалось, что вмѣстѣ съ Симономъ Лейстеромъ погибло и его дѣло. Дѣйствительно король Генрихъ перестадъ обращаться къ парламентамъ и долго управлялъ неограниченно. Онъ издалъ въ Кенильвортѣ эдиктъ, которымъ устранялось политическое значеніе Великой хартіи. Энергичный принцъ Эдуардъ поддерживалъ отца въ этой политикѣ, враждебной народнымъ интересамъ. Онъ обѣщалъ совершенно подавить феодальную партію. Къ счастію для послѣдней, Эдуардъ былъ увлеченъ жаждой крестовыхъ подвиговъ и св. землю предпочиталъ Англіи. Самое извѣстіе о смерти отца застало его на возвратномъ пути изъ Палестины. Генрихъ III умеръ въ ноябрѣ 1272 г., на 66 году отъ роду, въ полномъ разладѣ съ сословіями.

Эдуардъ I сразу проявилъ характеръ своей политики. Онъ издалъ послѣдовательно рядъ статутовъ, направленныхъ противъ привилегій феодаловъ, свѣтскихъ и духовныхъ. За то, когда честолюбивый король приступилъ къ покоренію Валлиса и Шотландіи, то потребность въ средствахъ заставила его обратиться къ тому же парламенту и волей-неволей созвать представителей графствъ и городовъ. Ему обѣщали собрать денегъ, но дали гораздо меньше, чѣмъ онъ просилъ. Тогда король рѣшился прибѣгнуть къ насилію. Онъ конфисковалъ имущества Кентерберійской епархіи и самовольно наложилъ пошлину на шерсть и кожи, приказывая захватывать въ портахъ суда и мѣшки съ шерстью, предназначенные къ отправленію на континентъ. Каждое графство должно было дать опредѣленное количество скота и хлѣба для войска, собиравшагося во Фландрію. Бароны сплотились. Тѣ могущественные феодалы, которые доселѣ были близки къ королю, какъ графы Норфолькъ и Герсфордъ, перешли на сторону оппозиціи. Эдуардъ приказывалъ Норфольку вести армію въ качествѣ маршала въ Гіеннь. Графъ рѣшительно отказался.

Эдуардъ I (1272-1307 г.).

— Клянусь Господомъ, графъ, вы пойдете или будете повѣшены, воскликнулъ король.

— Клянусь всѣми святыми, отвѣчалъ маршалъ, я не пойду и не буду повѣшенъ.

Норфолькъ однако не счелъ удобнымъ оставаться при крутомъ королѣ. Онъ поспѣшилъ покинуть дворъ и увлекъ за собою много бароновъ и 1500 рыцарей. Тогда король долженъ былъ склониться. Онъ отмѣнилъ свои противозаконныя

распоряженія, велѣлъ возвратить то, что еще было можно изъ конфискованныхъ имуществъ и, отплывая во Фландрію, на словахъ обѣщалъ подтвердить Великую хартію. Но вельможи не довольствовались словами. Пользуясь отсутствіемъ короля, графъ Норфолькъ потребовалъ у его наслѣдника, принца Эдуарда, не только подтвержденія грамоты, но и расширенія политическихъ правъ. Принцъ убѣдилъ отца согласиться на то, что было теперь безусловно необходимо въ виду сплоченности феодальной партіи.

Хартія 1297 г. 10 октября 1297 г. во Фландріи король на старо-французскомъ языкѣ обнародовалъ, наконецъ, свою Confirmatio Chartarum. Ею не только возстановлялись Великая и Лѣсная хартіи, но установлялись окончательно основныя начала англійской конституціи (¹). Всѣ нарушенія Magna Charta были признаны недѣйствительными; судопроизводство возстановлено по началамъ 1215 г.; въ силу 5 и 6 статей *всякіе денежные поборы, налоги, субсидіи, пошлины взимаются* только на основаніи обычая, *не иначе какъ съ общаго согласія и на общую пользу* (par commun assent de Rojaume, et a commun profit). Вскорѣ въ особомъ латинскомъ статутѣ (De talagio non concedendo), въ 3 статьѣ онаго, это положеніе облечено въ форму положительнаго закона. Этимъ самымъ упрочивался постоянный и правильный созывъ парламента въ томъ составѣ двухъ палатъ — феодаловъ и горожанъ, какой былъ намѣченъ графомъ Симономъ Лейстеромъ.

Король Эдуардъ I явился слѣдовательно продолжателемъ дѣла Симона Лейстера. По прекрасному выраженію Фримана, — на плечи Эдуарда упалъ плащъ Монфора; своему убійцѣ онъ передалъ факелъ, выпавшій изъ его холодѣющей руки. Можетъ быть противъ искренняго своего желанія, по политической прозорливости, король долженъ былъ твердою рукою держать этотъ факелъ, чтобы при его свѣтѣ найти средства къ укрѣпленію трона.

Такимъ образомъ все XIII столѣтіе въ Англіи прошло въ борьбѣ за конституцію. Для исторіи Британіи этотъ великій вѣкъ имѣетъ особенную важность. Никто не оцѣнилъ такъ вѣрно значеніе этого столѣтія для Англіи, какъ Маколей, этотъ вполнѣ національный историкъ своего народа. Его словами мы закончимъ нашъ очеркъ (²).

(¹) Помѣщена у Stubbs. Select Charters, 494 etc.
(²) Маколей. Сочиненія; VI, 17—19.

„Источники благороднѣйшихъ рѣкъ, распространяющихъ плодородіе по материкамъ и несущихъ въ море богато нагруженные корабли, находятся въ дикихъ и безплодныхъ нагорныхъ мѣстностяхъ, неточно означаемыхъ на картахъ и рѣдко изслѣдуемыхъ путешественниками. Съ такою мѣстностью можно безъ грѣха сравнить исторію нашего отечества въ XIII вѣкѣ. Какъ ни безплодна и какъ ни темна эта доля нашихъ лѣтописей, въ ней должны мы искать начала нашей свободы, нашего благоденствія и нашей славы. То было время, когда образовался великій англійскій народъ, когда національный характеръ сталъ обнаруживать тѣ особенности, которыя онъ съ тѣхъ поръ постоянно удерживалъ, когда отцы наши сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова островитянами, островитянами не только по географическому положенію, но и по своей политикѣ, своимъ чувствамъ и своимъ правамъ. Тогда впервые отчетливо обозначилась та конституція, которая съ тѣхъ поръ, вопреки всѣмъ перемѣнамъ, всегда сохраняла свое тожество; та конституція, съ которой скопированы всѣ прочія свободныя конституціи въ мірѣ, и которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, имѣетъ право считаться наилучшею, при какой когда-либо существовало великое общество въ теченіе многихъ вѣковъ. Тогда-то палата общинъ, первообразъ всѣхъ нынѣшнихъ представительныхъ собраній, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, открыла первыя свои засѣданія. Тогда-то общее право возвысилось на степень науки и вскорѣ сдѣлалось достойнымъ соперникомъ государственной юриспруденціи. Тогда-то храбрость тѣхъ моряковъ, которые подвизались на грубыхъ баркахъ пяти портовъ (¹), впервые сдѣлала англійскій флагъ грознымъ на моряхъ. Тогда-то основаны были древнѣйшія коллегіи, до сихъ поръ существующія въ двухъ великихъ національныхъ разсадникахъ учености. Тогда образовался англійскій языкъ. Тогда же явилось и первое слабое мерцаніе той благородной литературы, которая составляетъ самую блестящую и самую прочную славу многославной Англіи. Въ началѣ XIV вѣка племена слились почти оконча-

Значеніе XIII вѣка въ исторіи Англіи.

(¹) О пяти портахъ см. выше стр. 317. Они, преимущественно передъ всѣми прочими приморскими городами, обязаны были охранять государство отъ непріятельскихъ вторженій и потому пользовались особенными привилегіями, которыя въ значительной степени остались за ними и донынѣ въ силу благоговѣнія англичанъ передъ традиціями прошлаго.

тельно, и вскорѣ несомнѣнные признаки обнаружили, что народъ, ни въ чемъ не уступавшій другимъ существующимъ въ мірѣ народамъ, образовался путемъ смѣшенія трехъ отраслей тевтонскаго семейства другъ съ другомъ и съ первобытными бритами. Дѣйствительно между Англіею, въ которую Іоаннъ былъ прогнанъ Филиппомъ Августомъ, и Англіею, изъ которой войска Эдуарда III ходили завоевывать Францію, не было уже почти ничего общаго".

---

6) Императоръ Фридрихъ II гогенштауфенъ. Пятый и шестой крестовые походы.

Историческое значеніе извѣстнаго вѣка обыкновенно опредѣляется количествомъ великихъ умовъ въ политической и духовной жизни. Если это справедливо, то XIII вѣкъ въ этомъ смыслѣ долженъ считаться замѣчательнѣйшимъ. Въ ряду среднихъ вѣковъ ни одно столѣтіе не представляетъ такого количества выдающихся умовъ и талантовъ, какъ тринадцатое. Средніе вѣка сосредоточиваются въ немъ, какъ въ фокусѣ; его исторія есть, собственно, исторія всего средневѣковья. Это былъ періодъ самаго полнаго и широкаго развитія такъ называемаго средневѣковаго идеала со всѣми его сторонами. Но такова сила историческихъ явленій, что съ періодомъ высшаго развитія каждаго идеала соединяются первые моменты его паденія, а съ ними и появленіе новыхъ началъ. Такъ почти одновременно съ развитіемъ средневѣковыхъ формъ настаетъ и разложеніе жизни среднихъ вѣковъ. Застоя въ дѣйствительности не существуетъ и столкновеніе разнородныхъ началъ вызываетъ переворотъ во всѣхъ сферахъ — государственной, церковной, умственной. Всюду слышится наступленіе новыхъ началъ, началъ новаго времени.

Параллель Иннокентія III и Фридриха II. Типичнымъ лицомъ этого періода, кромѣ Иннокентія III, является Фридрихъ II гогенштауфенъ. Въ этомъ случаѣ поучительно прослѣдить дѣятельность того и другаго лица. Одинъ представляетъ собою начала минувшаго, другой будущаго. Оба они сыны одного еще вѣка, они жили на глазахъ почти одного поколѣнія, но въ ихъ образахъ удивительная противопо-

ложность. Великій папа стоялъ на стражѣ своего времени; онъ защищалъ идеалы и думы прошлаго. Другой воплощаетъ въ себѣ всѣ бурныя страсти эпохи, ея жажду перемѣнъ, ея стремленія къ иной новой жизни. Борьба идей проявляется—въ теократіи Иннокентія III, завѣщанной имъ послѣдующему времени, и въ противодѣйствіи ей Фридриха II, который хотѣлъ разрушить все, созданное сильными руками его воспитателя. Одинъ спокойно смотритъ на прошедшее и вѣнчаетъ зданіе католицизма; другой — Фридрихъ, одаренный геніальными способностями, но не знавшій вѣка и людей, мучится сомнѣніями и религіозный скептицизмъ приноситъ съ собою на престолъ Священной Римской имперіи. Фридрихъ воплощаетъ въ себѣ всѣ бурныя стремленія, направленныя противъ папскаго престола. Изъ глубины шести вѣковъ мы всегда узнаемъ въ Фридрихѣ знакомый намъ образъ и, конечно, ему не могло быть мѣста въ XIII столѣтіи. Онъ такъ далеко перегналъ свое время; въ его духѣ были такія силы, которыя не соотвѣтствовали самымъ смѣлымъ представленіямъ тогдашней эпохи. Онъ палъ въ неравной борьбѣ съ Римомъ, который такъ хорошо былъ организованъ къ борьбѣ его учителемъ и воспитателемъ. Его противниками были три достойные послѣдователи Иннокентія III. Это были: Гонорій III, Григорій IX и Иннокентій IV. Оба послѣдніе первосвященника были раньше друзьями императора, пока не надѣли тіару; первый, — даже больше того, — былъ его наставникомъ, и тѣмъ не менѣе готовъ былъ произнести отлученіе надъ своимъ питомцемъ. Конечно, каждая сторона въ этой борьбѣ выражала свои идеи и стремленія, имѣвшія высокое мѣсто въ исторіи. Всѣ три преемника Иннокентія III были поборниками идеи безусловной папской гегемоніи. Но дѣло потомства не осуждать, а изучать. Здѣсь, въ этой борьбѣ видимо дѣйствуетъ не эгоизмъ, а сила внутренняго убѣжденія а также завѣщанная предшествующими вѣками идея преобладанія духовной власти.

Средніе вѣка любили слѣпой фатализмъ, любили такую безвыходность положенія. Правда, что Фридрихъ II былъ менѣе историченъ въ сравненіи съ своими противниками; въ этомъ его преступленіе, въ этомъ же весь драматизмъ его личности. Поэтому понятно, что жизнь такого дѣятеля послужила ареной для состязаній партій. Одинъ изъ современниковъ говоритъ про него, что онъ omnibus fuit insuperabilis, и что онъ, превосходившій всѣхъ въ борьбѣ, поддался только смерти.

Между тѣмъ одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ ученыхъ клерикальный авторъ „Regesta imperii" находитъ, что Фридрихъ представляетъ собою воплощеніе жестокости, лжи и обмана—какъ императоръ, неблагодарности—какъ частный человѣкъ. И это было сказано лишь сорокъ лѣтъ тому назадъ. Для другихъ клерикальныхъ писателей, современныхъ и нынѣшнихъ, императоръ является чуть не шарлатаномъ, какимъ-то искателемъ приключеній. Правда, для нѣмцевъ, вообще для германской національности, Фридрихъ совершилъ сильное преступленіе. Нѣмецъ по рожденію, онъ и тѣломъ и духомъ слился съ любимымъ Неаполемъ, гдѣ онъ былъ королемъ и императоромъ болѣе, чѣмъ въ Германіи. Его итальянскій духъ не любилъ Германіи того времени; своею политическою дѣятельностью онъ отдалилъ объединеніе Германіи, особенно своею грамотою, благопріятствовавшею развитію феодализма. Поэтому при разборѣ памятниковъ и пособій о личности и дѣлахъ Фридриха II нужно быть весьма осторожнымъ ([1]).

([1]) Böhmer (Regesta imperii inde ab anno 1198 usque ad a. 1254. Stuttg. 1847—49) разработалъ факты основательнѣйшимъ образомъ и изложилъ ихъ въ точномъ хронологическомъ порядкѣ. — Почтенное явленіе составляетъ «Historia diplomatica Friderici Secundi sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus»; это богатый выборъ матеріаловъ, изданный историкомъ Huillard-Bréholles (P. 10 vls. 1852—61). Особенно интересенъ томъ, вмѣщающій предисловіе и введеніе. По этимъ документамъ составленъ въ послѣднее время обширный трудъ Ширмахера: Kaiser Friedrich der Zweite (4 v. 1859—65) и три диссертаціи бывшаго дерптскаго профессора Винкельмана, переработанныя въ монографію: Kaiser Friedrich II (B. 1865, Rev. 1865). Основательная монографія В. А. Бильбасова (П. 1863) относится собственно къ крестовому походу. Старыя біографіи Фридриха II съ католическимъ направленіемъ: Funck (1792 г.) и Höfler (M. 1844 г.) уже не имѣютъ значенія при массѣ новыхъ матеріаловъ, изданныхъ Бреголлемъ. Раумеръ, Гуртеръ, Вайтцъ и Шеррье такъ же важны для Фридриха II, какъ и для его предшественниковъ.—Главнымъ источникомъ служитъ хроника Матвѣя Парижскаго (мы пользуемся старымъ изд. Wats и новѣйшимъ H. R. Luard въ коллекціи Rerum Brit. medii aevi scriptores; L. 1872—77, I—IV до 1247 г.) и лѣтописи, помѣщенныя у Муратори, а именно латинскія Nicolaus de Jamsilla отъ 1210 до 1258 г. (VIII, 489—616), Richardus de S. Germano отъ 1189 до 1243 г. (VII, 963—1052) и только для юныхъ годовъ Фридриха II Otto de S. Blasio отъ 1146 до 1209 г. (VI, 865—910), итальянскія: Spinelli и Malespini. У Пертца, кромѣ спеціальныхъ хроникъ,— см. Albertus Stadensis до 1241 года (XVI, 283—378).

Фридрихъ II родился въ маленькомъ папскомъ городкѣ Іези 26 декабря 1194 г. отъ матери Констанціи и Генриха VI. Съ самаго дѣтства его преслѣдовали клеветы. Долго не хотѣли признавать его сыномъ императора, думали, что онъ сынъ мясника, сокольничаго. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы Констанція, не имѣя шесть лѣтъ дѣтей, могла подарить своему супругу наслѣдника. Ему отказывали въ законномъ происхожденіи отъ гогенштауфеновъ, хотя еще тогда, надо замѣтить, нѣкоторые писатели изъ современниковъ предполагали, что онъ соединяетъ въ себѣ твердость, силу и умъ гогенштауфеновъ и нормандцевъ. Съ большимъ трудомъ Фридриха II—двухлѣтняго ребенка—признали королемъ. Констанція была въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе волненій, возбужденныхъ въ королевствѣ варварствомъ ея мужа и своеволіемъ нѣмецкихъ князей и чиновниковъ. Она нуждалась въ папской защитѣ. Когда она обратилась въ Римъ, Иннокентій III согласился совершить обрядъ пожалованія ея леномъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она отказалась отъ упомянутаго права. Четырехъ лѣтъ мать короновала своего сына сицилійской короной и вскорѣ умерла, оставивъ его круглымъ сиротою. Впереди ему ничего свѣтлаго не представлялось. Констанція, умирая, въ завѣщаніи назначила опекуномъ надъ нимъ и регентомъ государства глубоко уважаемаго ею Иннокентія III. Въ силу завѣщанія послѣдній прислалъ легата принять отъ его имени присягу и поручилъ ему вмѣстѣ съ тремя епископами и государственнымъ канцлеромъ заботиться о несовершеннолѣтнемъ королѣ. Это было въ 1198 году. Легатомъ былъ тотъ, который сдѣлался преемникомъ Иннокентія III, принявъ папскую тіару подъ именемъ Гонорія III. Воспитаніе, ввѣренное главнымъ образомъ лицамъ духовнымъ, было далеко не одностороннимъ. Гуртеръ говоритъ, что познанія Фридриха всего лучше доказываютъ, что молодость его прошла не даромъ. Иннокентій III дѣйствительно заботился объ образованіи своего питомца совершенно безкорыстно. Онъ не препятствовалъ развитію интеллектуальныхъ способностей Фридриха II. Судьба сдѣлала Иннокентія III отчасти виновникомъ того, что онъ выростилъ такого могучаго соперника самому себѣ и Риму на борьбу съ теократіей. Самое рожденіе, жизнь и обстановка приготовили въ Фридрихѣ сильнаго противника теократическихъ тенденцій католической Церкви. Самъ Фридрихъ пишетъ въ одномъ письмѣ, что его жизнь протекла въ столкновеніи съ людьми столь преступными, что ни одинъ

Юность Фридриха II.

король не претерпѣвалъ такихъ безнаказанныхъ злодѣяній, какія онъ долженъ былъ переносить. Съ самого дня смерти матери до своего совершеннолѣтія Фридрихъ былъ игрушкой и предметомъ спора для окружающихъ. Пять разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, „какъ ягненокъ убитый, но еще не съѣденный“, говоритъ лѣтописецъ. Можетъ быть именно потому онъ и вышелъ такимъ могучимъ дѣятелемъ, что ему не пришлось подчиняться стороннимъ вліяніямъ окружавшихъ его лицъ.

Вѣнчаніе императорской короной.

Съ первыхъ же дней успѣхи сопутствовали юному королю. Почти неожиданно, по настоянію покровительствовавшаго ему папы, онъ получилъ императорскій престолъ. Пятаго декабря 1212 года князья и чины императорскіе избрали Фридерика Рожера, короля сицилійскаго, германскимъ императоромъ подъ именемъ Фридриха II, имя, которое за нимъ осталось и въ исторіи. Коронація была совершена въ Ахенѣ. Этотъ бѣлокурый рыцарь-императоръ, съ классическимъ профилемъ лица, съ чудными голубыми глазами, напоминалъ своею наружностью и пріемами сына обѣихъ націй—германской и итальянской. Онъ производилъ пріятное впечатлѣніе одновременно и на итальянцевъ и на германцевъ. Все же онъ былъ болѣе итальянецъ, чѣмъ нѣмецъ. Итальянцы справедливо считаютъ его болѣе своимъ, чѣмъ нѣмцы; въ немъ было больше крови матери, чѣмъ отцовской. Его имя связано неразлучно съ преданіями сицилійскаго королевства.

Здѣсь онъ очень рано отдался реформаторскимъ планамъ. Исполняя обѣщаніе, данное папѣ, онъ долженъ былъ короновать своего сына Генриха королемъ сицилійскимъ, конечно номинально, удерживая самъ всю власть въ своихъ рукахъ. Онъ уже заставилъ всѣхъ говорить о себѣ, а ему было едва 18 лѣтъ. Питая ненависть къ верхне-итальянскимъ городамъ, Фридрихъ въ 1224 году, какъ бы игнорируя совершенно Германію, открылъ въ Неаполѣ университетъ. Подрывая этимъ университетъ въ Болоньѣ, который привлекалъ къ себѣ болѣе 12 тысячъ иностранцевъ и который состоялъ подъ покровительствомъ Рима, Фридрихъ поражалъ разомъ и папу и ненавистный ему городъ. Это высшее учебное заведеніе прославилось лучшими профессорами философіи, богословія, правовѣдѣнія и медицины. Неаполитанскій университетъ въ скоромъ времени сравнялся и даже конкурировалъ съ своими старшими итальянскими собратьями въ Салерно, Падуѣ, Пизѣ и Болоньѣ.

По приказанію Фридриха, Петръ Винейскій составилъ сводъ старыхъ законовъ съ прибавленіемъ новыхъ, подъ названіемъ „Сицилійскихъ постановленій". Фридрихъ сдѣлалъ обязательными ихъ для своихъ итальянскихъ владѣній. Этотъ сводъ былъ обнародованъ и получилъ законную силу въ 1231 году ([1]). Въ немъ Фридрихъ II платилъ дань вѣку. Первыя

Сицилійскія постановленія.

([1]) Constitutiones regni Siciliae—замѣчательнѣйшій юридическій памятникъ среднихъ вѣковъ—имѣлъ значеніе не только для королевства обѣихъ Сицилій, въ предѣлахъ котораго «постановленія» были обязательны, но косвенно для всего Запада до обнародованія Каролины. Интересно предисловіе Петра Винейскаго, представляющее философію средневѣковаго права. Оно показываетъ какъ смотрѣли современники на законодательство.

Задачи власти.

— «По сотвореніи міра божественнымъ Провидѣніемъ и послѣ размѣщенія первоначальной матеріи въ образахъ существъ, созданныхъ для служенія высшей твари, Господь, осмотрѣвъ созданное и одобривъ оное, рѣшилъ, въ премудромъ совѣтѣ своемъ, предпочесть всѣмъ тварямъ въ подлунномъ мірѣ (a globo circuli lunaris inferius) человѣка, самое достойнѣйшее изъ твореній, созданное по собственному образу и подобію, которое почти сравнялъ съ ангелами. Взявши его изъ праха земнаго, онъ вдохнулъ въ него дыханіе жизни и, увѣнчавши его почетной и славной діадемой, далъ супругу и подругу, плоть отъ плоти его, и такъ ихъ превознесъ, что сначала сдѣлалъ обоихъ безсмертными; но однако постановилъ съ ними нѣкоторый завѣтъ (sub quadam lege precepti) — если его они не позаботятся сохранять, то въ наказаніе за грѣхопаденіе лишить дарованнаго имъ раньше безсмертія. Но чтобы не исказить такъ разрушительно и такъ неожиданно божественнаго милосердія ко всему предъ тѣмъ созданному и чтобы впослѣдствіи, за исчезновеніемъ человѣческаго образа, не послѣдовало растройство прочаго, такъ какъ оно останется безъ опредѣленной цѣли, и польза отъ него не послужитъ для выгодъ человѣка, отъ сѣмени обоихъ, Богъ наполнилъ землю смертными и покорилъ ее имъ. Они не дѣлили отцовскаго, но, такъ какъ прародительскій грѣхъ распространился и на нихъ, они воспылали ненавистью взаимно другъ къ другу, подѣлили владѣніе имуществомъ, общее по естественному праву, и человѣкъ, котораго Богъ создалъ прямымъ и простымъ, не обошелся безъ того, чтобы не впутаться въ раздоры. Такимъ образомъ, когда такая необходимость обстоятельствъ побуждала, а неменѣе и по внушенію божественнаго Провидѣнія, избираются правители народные, которые могли бы сдерживать произволъ преступленій; они, властители жизни и смерти, составляютъ для народовъ нѣкоторымъ образомъ исполнителей божественнаго Промысла, какимъ бы счастьемъ, участью и положеніемъ каждый ни пользовался. Чтобы они могли вполнѣ отдать отчетъ за врученный имъ виноградникъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ требуетъ особенно не допускать святую Церковь, мать

три главы имѣютъ въ виду суровую кару надъ еретиками, патаренами. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, Фридрихъ мало по малу сталъ проявлять самую широкую и полную религіозную

христіанской религіи, быть запятнанной тайнымъ вѣроломствомъ отступниковъ вѣры (detractorum fidei), охранять ее отъ нападеній явныхъ враговъ силой матеріальнаго меча и по мѣрѣ возможности хранить для народовъ миръ, а если они умиротворены, то самое правосудіе, ибо то и другое, какъ два брата неразрывно связаны. Поэтому возведенные, сверхъ всякаго ожиданія, однимъ только могуществомъ божественной десницы, до высотъ Римской имперіи и до почестей другихъ государствъ, желая возвратить живому Богу двойной талантъ ввѣренный намъ, изъ благоговѣнія къ Іисусу Христу, отъ котораго получили все что имѣемъ, мы должны руководиться уваженіемъ къ справедливости и установленнымъ законамъ, заботясь прежде о той части нашего управленія, которая извѣстна за нуждающуюся въ нашихъ заботливыхъ дѣйствіяхъ относительно правосудія. Потому, такъ какъ королевство обѣихъ Сицилій, драгоцѣнное наслѣдіе нашего величества, подвергалось до сихъ поръ случайностямъ предыдущихъ безпорядковъ и по причинѣ нашего отсутствія, и вслѣдствіе нашего малолѣтства,—мы полагаемъ, что слѣдуетъ заботиться всѣми силами о правосудіи и успокоеніи того, что мы видимъ всегда готовымъ къ повиновенію нашей свѣтлости и покорнымъ, хотя нѣкоторые, будучи не изъ среды вышесказаннаго государства и не изъ нашего, сопротивляются. И такъ мы желаемъ удержать настоящіе наши именные указы только въ нашемъ Сицилійскомъ королевствѣ и требуемъ, чтобы они ненарушимо сохранялись на будущее время всѣми».

Королевскіе судьи и нотаріусы.

— «Мы хотимъ, чтобы никто съ недозволенной смѣлостью не похищалъ того, что почитается относящимся къ особенному преимуществу и прямой власти нашего величества. Потому этимъ закономъ нашего величества, имѣющимъ силу навсегда, мы настойчиво требуемъ отъ прелатовъ, церквей, графовъ, бароновъ, вассаловъ и городскихъ (locorum) коммунъ, чтобы они не осмѣливались завѣдывать въ своихъ земляхъ должностью юстиціарія или повелѣвать кому нибудь отправлять ее; но пусть обращаются къ начальнику юстиціаріевъ и юстиціаріямъ, поставленнымъ нашимъ величествомъ (excellentia). Виновныхъ же противъ нашего запрещенія мы наказываемъ какъ постановляющихъ, такъ и поставленныхъ въ юстиціаріи, продажей съ аукціона ихъ земли» (ст. 49).

— «Такъ какъ оффиціаловъ, поставляемыхъ нашей верховной властью, вполнѣ достаточно для того, чтобы всякій какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ тяжбахъ могъ найти правый судъ, то запрещаемъ незаконное похищеніе власти, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего королевства. Повелѣваемъ, чтобы отнынѣ подесты, консулы, правители не избирались ни въ какихъ мѣстахъ, и никто не завладѣвалъ бы какой нибудь должностью или судебной властью въ силу какого либо обычая или по народному выбору; мы хотимъ, чтобы повсюду въ

терпимость. Онъ высоко поставилъ самостоятельность судебной власти со введеніемъ такъ называемаго обязательнаго наложенія защиты, уравнивавшей стороны, и строгимъ отноше-

королевствѣ существовали только оффиціалы, поставленные нашимъ величествомъ или по нашему повелѣнію, именно: начальники юстиціаріевъ, юстиціаріи, камераріи, баюлы и судьи, и такимъ образомъ они заботились бы какъ о нашихъ правахъ, такъ и о правахъ нашихъ вѣрноподданныхъ. Какая же община назначитъ подобныхъ впредь, подвергается уничтоженію навсегда, и всѣ жители того города пусть считаются навѣки податными. Того же, кто приметъ какую нибудь изъ вышеупомянутыхъ должностей, мы повелѣваемъ наказать смертью» (ст. 50).

— «Мы желаемъ чтобы въ мѣстахъ нашихъ владѣній, всюду по королевству, судей назначалось не больше трехъ, а нотаріусовъ—шесть, исключая только Неаполь, Салерно и Капую, въ которыхъ по нашему желанію должно постановляться пять судей и восемь нотаріусовъ,—въ этихъ городахъ почти всѣ контракты совершаютъ въ присутствіи судей и нотаріусовъ. Мы повелѣваемъ, чтобы они избирались не начальниками юстиціаріевъ или камераріями, какъ нѣкогда, но только нами (кромѣ судьи и актовыхъ нотаріусовъ — ихъ, какъ было предписано, могутъ назначать начальники камераріевъ). По нашему повелѣнію можно содѣйствовать имъ подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы никто не назначался въ судьи или общественные нотаріусы, если онъ не житель нашихъ владѣній, если онъ не занимаетъ никакого подчиненнаго положенія или должности, если не зависитъ ни отъ какой другой особы свѣтской или духовной, но только непосредственно отъ насъ. Вышеупомянутые—какъ судьи, такъ и нотаріусы,—пусть представляются намъ или тому, который вмѣсто насъ въ наше отсутствіе вообще будетъ управлять королевствомъ, съ письменнымъ свидѣтельствомъ жителей того мѣста, куда должно будетъ назначить избранныхъ. Это свидѣтельство должно заключать ручательство за надежность и нравственность постановляемаго судьи или нотаріуса, а потому онъ да будетъ свѣдущъ въ обычаяхъ той мѣстности. Испытаніе же знанія имъ грамоты и письменныхъ законовъ представляемъ нашей куріи» (ст. 79).

Гласный процессъ.

Законодатель высоко цѣнилъ независимость суда и старался внушить современникамъ уваженіе къ гласному судебному процессу. Такова 32 статья (и многія другія), начинающаяся многосодержательными словами: cultus justitie silentium reputatur.

— «Уваженіе къ суду выражается соблюденіемъ тишины. Потому, препятствуя неприличію тѣхъ, которые нарушаютъ часто порядокъ судопроизводства громкими криками, постановляемъ, чтобы тяжущіеся и всѣ другіе безъ различія, всѣ присутствующіе на судѣ, сохраняли тишину изъ уваженія къ правительству, дающему правый судъ. Пусть также не осмѣливаются выставлять свои права или просить за другаго, прежде чѣмъ получатъ по-

ніемъ къ судебной магистратурѣ онъ гарантировалъ правосудіе въ королевствѣ. Никто больше Фридриха II въ средніе и новые вѣка не оцѣнилъ достоинство и преимущества гласнаго суда, которому онъ убѣжденно покровительствовалъ и который считалъ опорой престола. Вообще, по своимъ идеямъ и

зволеніе отъ того, кто предсѣдательствуетъ на судѣ. Мы хотимъ, чтобы стороны на судѣ вполнѣ убѣжденно говорили въ защиту за себя или за другихъ, такъ что, если даже (помощникъ адвоката, coadvocatus) во время рѣчи адвоката пожелаетъ привести для памяти что нибудь изъ дѣла или изъ закона, пусть старается сказать, что ему нужно на ухо, шепотомъ; развѣ только рѣчь прервется въ виду необходимости быстраго протеста или потому, что кто нибудь тотчасъ захочетъ исправить ошибку адвоката, опасаясь вслѣдствіе молчанія дать поводъ къ преждевременному приговору суда (praejudicium). Если кто не замолчитъ, послѣ троекратнаго напоминанія баюломъ или судьей, или, какъ бываетъ обыкновенно, кто нибудь не захочетъ молчать послѣ запрещенія однократнаго, двукратнаго (съ нѣкоторымъ промежуткомъ), пренебрегая судьей и судомъ, тотъ вноситъ въ нашу курію, если будетъ графъ,—шестнадцать августалій; если баронъ,—восемь; если вассалъ,—четыре; если горожанинъ,—двѣ; если крестьянинъ,—одну августалію. Пусть всѣ наши оффиціалы твердо знаютъ, что если они изъ милости простятъ кому либо этотъ штрафъ, съ нихъ мы, не колеблясь, взыщемъ сполна изъ ихъ имущества».

Адвокатура и ея назначеніе. — «Въ 83 ст. и др. превосходно разработано назначеніе адвокатуры въ слѣдующихъ выраженіяхъ. — «Мы считаемъ за благо симъ постановленіемъ учредить должность адвокатовъ, которые разбираютъ неясныя данныя процессовъ, считая эту должность не только полезной, но даже необходимой. Мы желаемъ назначать ихъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они отважились защищать, будучи уже испытаны судьями нашей куріи и высочайше утвержденные. Подобнымъ образомъ они должны будутъ испытываться въ присутствіи областныхъ юстиціаріевъ судьями, которые будутъ присутствовать временно и послѣ того получатъ одобреніе отъ тѣхъ же юстиціаріевъ».

— «По нашей волѣ адвокаты, постановляемые какъ въ нашей куріи, такъ и въ присутствіи провинціальныхъ юстиціаріевъ и баюловъ, по всѣмъ частямъ нашего королевства, приносятъ до полученія должности клятву, коснувшись рукою св. Евангелія,— въ слѣдующемъ: Они постараются помогать сторонамъ, за защиту которыхъ они возьмутся, со всей добросовѣстностью и правдой, безъ всякихъ увертокъ; ознакомятъ послѣднихъ съ дѣломъ; сознавая истину, не станутъ представлять ничего противъ нея, а потому не возьмутся за безнадежныя дѣла, или если случайно возьмутся за какія нибудь, можетъ быть, представленныя превратно тяжущейся стороной, показавшіяся имъ сначала справедливыми, а при ходѣ дѣла оказавшіяся несправедливыми de facto или de jure, то оставятъ тот-

планамъ, Фридрихъ стоялъ гораздо выше своего вѣка. Онъ шелъ смѣло впередъ и въ реформахъ государственныхъ. Успѣху благопріятствовала самая почва неаполитанская, на которой еще раньше былъ выработанъ принципъ монархіи почти неограниченной. Тамъ еще до Фридриха II, король Рожеръ I

часъ защиту ихъ; оставленной сторонѣ, какъ было постановлено древними законами, должно отказать въ позволеніи прибѣгать къ отысканію защитника. Они поклянутся также, что не будутъ доискиваться увеличенія вознагражденія во время веденія дѣла и не вступятъ въ сдѣлки о своихъ интересахъ съ защищаемой стороной. Недостаточно, чтобы эта присяга давалась только однажды; они возобновятъ ее ежегодно, въ присутствіи начальника юстиціаріевъ и областныхъ юстиціаріевъ. Если же кто изъ адвокатовъ попытается идти противъ вышесказаннаго положенія и присяги въ какомъ незначительномъ или важномъ дѣлѣ, то лишится должностей, съ отмѣткой для всегдашняго посрамленія, и вноситъ въ казну нашей куріи 3 фунта самаго чистаго золота. Наконецъ мы запрещаемъ духовнымъ являться для защиты въ мірскихъ тяжбахъ и во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ тяжбъ своихъ собственныхъ, семейныхъ, также тяжбъ церковныхъ, равно по довѣрію заслуживающихъ сострраданія личностей, но съ тѣмъ что они будутъ защищать безвозмездно. Кто же изъ нашихъ (вѣрныхъ) оффиціаловъ допуститъ неправильно адвоката, пусть знаетъ, что вноситъ фунтъ золота въ нашу saero казну за невнимательность къ нашему настоящему постановленію; да и самъ адвокатъ, осмѣлившійся взять запрещенную защиту, долженъ будетъ подвергнуться тому же наказанію» (ст. 84).

— «Желая сократить порядокъ объявленій о судѣ, установленный древними законами, чтобы впослѣдствіи не могло явиться никакого повода къ недоразумѣнію, мы повелѣваемъ въ весьма ясномъ постановленіи передавать повѣстки, составленныя баюлами и юстиціаріями, вызываемому на судъ не черезъ его противника, какъ нѣкогда, но отдавать обвиненному черезъ какого нибудь добраго мужа, который находится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по свѣдѣніямъ живетъ вызываемый. Заявлять такія повѣстки можно на основаніи частнаго заявленія призывающаго или на основаніи другихъ свѣдѣній, даже не письменно. Въ этой бумагѣ должно быть обозначено опредѣленно кому, кѣмъ, какогс рода и по какому дѣлу представлена жалоба, а также точный срокъ, въ который призываемый долженъ явиться непремѣнно самъ, если слѣдствіе уголовное, и самъ или, замѣнивъ себя другимъ, если производится гражданское дѣло. Приглашеніе дѣлается одно для всѣхъ; оно будетъ содержать призывъ (peremptorium) и мѣсячный срокъ (и болѣе того), непрерывно считая отъ дня приглашенія, въ какой бы то ни было части королевства не пребывалъ приглашаемый. Большею же частью назначается болѣе короткій промежутокъ по характеру обстоятельствъ и по близости мѣстности, также если дѣло не терпитъ отлагательства, и

Судебныя извѣщенія.

норманскій ранѣе всѣхъ законодателей провозгласилъ принципъ новой политической теоріи. Гогенштауфенъ же съ высоты неаполитанскаго трона опредѣлилъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ значеніе верховной королевской власти. Четвер-

если по чему либо нельзя согласиться на болѣе продолжительное время. Если же тотъ, кого должно призвать на судъ, находится внѣ королевства, то въ повѣсткѣ тогда будетъ обозначенъ срокъ на 60 дней. Въ назначенное же время приглашенный обязанъ будетъ явиться самъ или прислать повѣреннаго, если дѣло гражданское; онъ долженъ защищаться въ важномъ дѣлѣ или за него должно быть принято законнымъ образомъ представленное объясненіе, на основаніи котораго онъ не можетъ или не обязанъ являться въ куріи въ вышеупомянутый назначенный ему срокъ» (ст. 97).

Начальникъ юстиціаріевъ. Учрежденіемъ должности верховнаго судьи, такъ называемаго начальника юстиціаріевъ (судей), Фридрихъ II вводитъ извѣстную дисциплину въ судебную магистратуру. Права этого лица разработаны особенно обстоятельно, дабы тѣмъ выяснить значеніе упрочиваемаго монархическаго порядка и власти королевской. Отъ этого лица требуется многое. Но предоставимъ говорить памятнику.

— «Мы желаемъ, чтобы среди всѣхъ обѣщаній, которыя содержатся въ клятвѣ, произносимой начальникомъ юстиціаріевъ (или юстиціаріями), когда они принимаютъ управленіе, должно въ особенности и яснѣе заключаться слѣдующее: имѣя передъ глазами Бога и правосудіе, пусть всякому просящему даютъ судъ правый, и будутъ стараться, какъ можно скорѣе, разрѣшать тяжбы» (ст. 36).

— «Мы хотимъ, чтобы начальникъ юстиціаріевъ великой нашей куріи, —какъ бы зерцало правосудія, помѣщенное въ судахъ нашего вѣдомства,— не столько именемъ начальника превосходилъ прочихъ юстиціаріевъ, сколько примѣромъ, чтобы прочіе нисшіе чины видѣли въ немъ то, чему надлежитъ подражать имъ самимъ. Иное однако настолько связано съ его судебной властью, что разслѣдовать за него другому не слѣдуетъ, безъ особеннаго позволенія отъ нашего имени, именно: дѣла о графствахъ, баронствахъ, городахъ, замкахъ и большихъ феодахъ» (ст. 40, п. 2).

— «Отдавая нашей куріи надлежащую честь и преимущество, повелѣваемъ, что если когда вышеупомянутый начальникъ юстиціаріевъ вступитъ въ какой либо городъ или мѣсто, областной юстиціарій, находившійся тамъ, долженъ будетъ бездѣйствовать, пока начальникъ юстиціаріевъ самъ вмѣстѣ съ своими судьями будетъ представлять (tenuerit) нашу курію и творить судъ въ той мѣстности, подобно тому какъ меньшее свѣтило меркнетъ при восхожденіи большаго» (ст. 41).

Феодальный судъ. — «Чтобы сохранить всецѣло должное уваженіе ко всѣмъ и каждому изъ благородныхъ нашего королевства, мы предоставляемъ графамъ, баронамъ и прочимъ рыцарямъ самимъ судить другъ друга. Именно пусть вышеупомянутые, какъ обвиненные слѣдственнымъ порядкомъ и уголов-

тый пунктъ Сицилійскихъ постановленій гласитъ о томъ, чтобы никто не судилъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ государей. „Не должно разсуждать о королевскихъ приговорахъ, мѣрахъ и о сдѣланныхъ постановленіяхъ, о поступкахъ должностныхъ

нымъ судомъ, такъ и вызванные по гражданскому дѣлу, признаютъ приговоры окончательные и оспариваемые, а также всякія заключенія, предшествовавшія окончательному рѣшенію (praejudicium), въ важномъ дѣлѣ только отъ бароновъ, графовъ и отъ тѣхъ, которые отъ насъ только получили феоды, а не отъ тѣхъ, которые обязаны ими другимъ графамъ и баронамъ. Приговоры должны сообразоваться съ рѣшеніемъ добрыхъ мужей и съ совѣтомъ другихъ благородныхъ и рѣшаться тѣми же графами и баронами, а иногда, въ случаѣ ихъ несогласія, судьями нашей куріи. И такъ какъ иногда не всѣ присутствуютъ при разборѣ во всю сессію, то юстиціаріи и судьи, выслушавши и разобравши вполнѣ процессъ, разъяснятъ отдѣльно благороднымъ, которые должны будутъ произнести приговоръ. Такимъ образомъ вышеупомянутые графы и бароны постараются окончить приговоромъ процессъ, согласно съ требованіями неба и правосудія, по нашимъ священнымъ постановленіямъ или, при недостаткѣ ихъ, по дѣйствующимъ обычаямъ королевства, а потомъ по законамъ, которымъ не противорѣчатъ постановленія наши и нашихъ предшественниковъ и, наконецъ, принявши велѣніе отъ нашего величества, если сомнѣніе о дѣлѣ потребуетъ того. Если случится, что послѣ такого приговора обратятся къ благоусмотрѣнію высшихъ судей или нашего величества, возлагая апелляціонныя дѣла на нашъ судъ и справедливость, то апелляціонный судья, обыкновенный или назначенный нами съ тою цѣлью, графъ или баронъ, пусть постарается, посовѣтовавшись съ другими графами и баронами, судьями и добрыми мужами, рѣшить утвержденіемъ или отмѣной прежняго приговора. Мы желаемъ, чтобы это ненарушимо соблюдалось не только въ судахъ нашего вѣдомства, но вообще во всѣхъ, — производится ли слѣдствіе какъ особо важное или по обыкновенному порядку. А чтобы не могло быть никакого колебанія у вышепомянутыхъ судей, мы желаемъ, чтобы графы, бароны и другіе, которые должны будутъ de cetero присутствовать при приговорахъ въ великой нашей куріи или въ другомъ мѣстѣ, давали присягу, что они будутъ стараться постановлять приговоры отъ чистаго сердца, не надѣясь на чье нибудь расположеніе или благодарность, сообразно съ святѣйшими постановленіями нашихъ предшественниковъ, королей Сициліи, съ нашими именными указами, а потомъ по дѣйствующимъ обычаямъ нашего королевства, по законамъ и, наконецъ, по внушеніямъ своей совѣсти. Но приговоры, которые до изданія настоящаго закона были произнесены безъ вышеупомянутой формы надъ графами и баронами и другими, пусть остаются въ своей силѣ». — Памятникъ вполнѣ издалъ впервые Carcani (Constitutiones regum regni utriusque Siciliae, Nap. 1786). Мы цитуемъ по Huillard-Bréholles (Hist. dipl. t. IV,

лицъ, а также о томъ, достоинъ ли тотъ, кого избралъ и назначилъ король на свое мѣсто, — потому что разсуждать объ этомъ будетъ почти что святотатство" [1]. Покровительствуя всѣми силами торговли и промышленности, устраивая по городамъ ярмарки, Фридрихъ II въ то же время запрещалъ баронамъ укрѣплять замки, строить башни и стѣны гораздо раньше, чѣмъ это пришло на умъ заальпійскимъ государямъ, а духовнымъ запрещалъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имѣнія. Это-то обстоятельство, вмѣстѣ съ фактами шестаго крестоваго похода, было побудительнымъ толчкомъ и главнымъ предлогомъ къ знаменитой борьбѣ Фридриха II съ папскою властью. Гонорій III (1216—1222 г.), Григорій IX (1227—1241 г.) и Иннокентій IV (1243—1254 г.)—эти три борца Церкви, получая тіару, дѣлались врагами Фридриха и возненавидѣли своего противника до того, что не страшились публично пользоваться религіею во зло для своихъ личныхъ цѣлей. Должно замѣтить, что въ великой средневѣковой борьбѣ христіанскія тенденціи часто забывались. Нерѣдко духовный вопросъ переносился на свѣтскую почву. Двѣ роковыя силы столкнулись для непримиримой борьбы.

Борьба Фридриха II съ Гоноріемъ III (1216-1222 г.). Гильдебрандъ, врагъ государственнаго начала, былъ даровитѣйшій и самый сильный представитель теократическихъ стремленій, былъ лучшій борецъ своей идеи. Таковъ былъ и Иннокентій III, но его преемники часто прибѣгали къ злоупотребленіямъ своею властью; они переносили вопросъ о принципѣ на личную почву. Иннокентій III писалъ: „ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Константинъ первый вручилъ власть папѣ, самъ Христосъ вручилъ ее папѣ. Іисусъ Христосъ основалъ царство и императорское и первосвященническое вмѣстѣ. Онъ далъ св. Петру право господствовать и надъ землей и надъ небомъ". Такимъ образомъ папы XIII вѣка хотѣли сконцетрировать власть въ своихъ рукахъ. Но отъ существенной

p. 1—254).—Прочіе указы и постановленія см. у Pertz. Monumenta; leges; II, 223—360; 571—582. Передъ этими «leges», богатыми по содержанію, всесторонне разработанными, блѣднѣютъ отрывочныя распоряженія императоровъ, предшествовавшихъ Фридриху II, которые оставили лишь по нѣсколько главъ, за исключеніемъ Барбароссы.

[1] Впрочемъ, слѣдующій capitulum требуетъ смягченія наказаній за святотатство, кромѣ случаевъ, когда съ явнымъ буйствомъ разрушаются храмы Божіи, похищаются св. Дары и священные сосуды (tit. 5—7).

органической причины борьбы надо отличать поводы къ ней. Поводами къ борьбѣ, наполняющей все царствованіе Фридриха II, служили: 1) соединеніе въ одномъ лицѣ, вопреки видамъ римскаго двора, короны неаполитанской и германской и 2) медленность, съ какою онъ снаряжался въ крестовый походъ. Это вызвало столкновеніе, которое поставило противниковъ въ положеніе Генриха IV и Гильдебранда.

Смыслъ борьбы.

По существу—это была борьба духа и физической силы, имѣвшая выяснить, какая власть выше, духовная или свѣтская. Еще святый Амвросій писалъ, что высота епископской власти не имѣетъ сравненія ни съ чѣмъ. Гильдебрандъ ставилъ духовную власть несравненно выше свѣтской. Имъ руководила божественность Церкви. Призваніе человѣка, по тогдашнимъ понятіямъ, умерщвлять свою плоть. Средневѣковой спиритуализмъ чуждался всякаго внѣшняго величія. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили (I, 451—452) о взглядахъ Григорія VII на превосходство папской власти надъ свѣтской. Онъ замѣтилъ между прочимъ что въ то время какъ короли, увлеченные ложною славой, болѣе любили земное наслажденіе, папы заботились создать теократію. Но эти люди, которые хотѣли создать теократію, не прочь были воспользоваться свѣтскими выгодами. „Подобно тому, какъ Богъ, творецъ вселенной, говорилъ Гильдебрандъ, поставилъ два великія свѣтила на тверди небесной, одно бо́льшее—да властвуетъ оно днемъ, другое ме́ньшее—да царитъ оно ночью, такъ точно и на тверди вселенской Церкви поставилъ онъ два великіе сана: одинъ бо́льшій—да господствуетъ онъ надъ душами, и другой ме́ньшій,—да направляетъ тѣла; первый—это папское главенство, второй—государственная власть... Подобно тому какъ луна, низшая и по величинѣ и по качеству, по положенію и по силѣ, продолжаетъ онъ, получаетъ свѣтъ свой только отъ солнца, такъ и королевская власть получаетъ блескъ своего сана отъ первоверховнаго главенства папы“. Позднѣйшіе богословы отнеслись къ сравненію папы съ солнцемъ, а императора съ луной съ большою серьезностью и пустились высчитывать съ математической точностью размѣры солнца и луны, чтобы убѣдиться во сколько разъ солнце больше луны, т. е. во сколько разъ папская власть выше императорской. Одинъ изъ нихъ нашелъ, что папская власть больше императорской въ 1744 раза. Другой поправилъ это вычисленіе съ ироніей и высчиталъ нѣсколько ты-

сячъ съ дробями. Этими соображеніями папа хотѣлъ доказать, что онъ имѣетъ высокое положеніе предъ императоромъ и что императорская власть должна находиться въ зависимости отъ духовной. Въ силу этой доктрины Григорій VII считалъ Генриха IV вассаломъ. Хотя Генрихъ IV въ борьбѣ съ папой пострадалъ, но это нисколько не пугало Фридриха II, болѣе геніальнаго, образованнаго и свободномыслящаго дѣятеля въ послѣдніе годы его власти. Въ немъ смѣло проводимыя воззрѣнія папъ нашли себѣ рѣшительнаго противника.

Его правленіе было непрерывною борьбою папства съ императоромъ, изъ которой первое вышло однако побѣдоноснымъ. У него были обширные замыслы. Это показываетъ, что онъ во всякомъ случаѣ владѣлъ данными для выполненія своихъ намѣреній. Современные хроникеры, напр. Otto de Sancto Blasio говоритъ, что онъ думалъ доконать Византійскую имперію, завоевавъ Царьградъ, и возстановить въ полномъ единствѣ древне-римскую имперію въ эпоху полнаго ея могущества. Они же находятъ, что одна только смерть помѣшала исполнить эти великіе замыслы. Мы не можемъ разрѣшить трудный вопросъ, что сдѣлалъ бы Фридрихъ II, если бы не помѣшали ему папы. Можно сказать, что эта выдающаяся личность умѣла внушать уваженіе, соединенное со страхомъ. Мы узнаемъ послѣ, что смерть врага оставила курію въ какомъ то недоумѣніи. Западъ не вѣрилъ въ его смерть и въ самомъ Римѣ едвали не опасались возможности его воскресенія. У него встрѣчаются такія мысли, до которыхъ не возвышался ни одинъ изъ средневѣковыхъ государей. Онъ училъ своего сына забыть королевское происхожденіе, ибо онъ долженъ быть прежде всего гражданиномъ и заниматься науками. Онъ прямо говоритъ, что только наука даетъ власть надъ народомъ, даетъ всѣмъ счастіе и благосостояніе. Онъ оказалъ наукѣ огромную услугу, замѣнивъ подлиннымъ Аристотелемъ искаженные латинскіе списки дурныхъ переводовъ съ арабскаго. Онъ самъ перевелъ нѣсколько сочиненій Аристотеля. Владѣя свободно греческимъ языкомъ, онъ велъ переписку съ византійскими друзьями. Онъ покровительствуетъ не только ученымъ, писателямъ, художникамъ, но даже и тѣмъ, которые за неимѣніемъ средствъ не могли получить образованіе. Вообще онъ оказалъ великія услуги исторіи. Но нужно замѣтить, что Фридрихъ былъ воспитанъ въ арабской мудрости и съ дѣтства былъ окруженъ магометанскими учеными и политиками;

поэтому онъ чувствовалъ понятную склонность къ исповѣдникамъ ислама и оказывалъ сильное расположеніе къ образу жизни, нравамъ и міросозерцанію Востока. Это сочувствіе всему что было ненавистно на Западѣ — весьма не нравилось Гонорію III и особенно Григорію IX. Послѣдній говорилъ, что Фридрихъ II — еретикъ, что для него христіане и магометане — одно и тоже и что называетъ онъ Христа постыднымъ именемъ, кощунствуя надъ Господомъ.

Пятый крестовый походъ.

Есть основаніе думать, что крестовый походъ былъ лишь предлогомъ къ началу борьбы папы съ императоромъ. Только при Гоноріѣ III, благодаря энергіи Иннокентія III на латеранскомъ соборѣ, былъ предпринятъ пятый крестовый походъ. Въ немъ участвовали венгры подъ начальствомъ короля Андрея II и нѣмцы изъ разныхъ земель подъ начальствомъ герцога австрійскаго Леопольда VII, графа Вильгельма Голландскаго, также много духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей. Походъ не принесъ желанныхъ результатовъ. Венгерскій король, выступивъ въ августѣ 1217 года, осенью достигнулъ Сиріи. Здѣсь король Андрей ограничился мелкими схватками и весною 1218 г. съ большею частью своихъ спутниковъ поплылъ назадъ. Послѣ пораженія при горѣ Ѳаворѣ,— гдѣ необъяснимый страхъ охватилъ нѣмцевъ, не смотря на то что патріархъ возбуждалъ энтузіазмъ указаніемъ на частицу св. Креста, — пришлось покинуть Палестину. Нѣмцы, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ королемъ, французскимъ рыцаремъ Іоанномъ Бріеннскимъ, пользуясь наемнымъ флотомъ, высадились въ Даміеттѣ въ іюнѣ 1218 г. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ главный ударъ нужно было нанести Египту. Дѣйствія крестоносцевъ начались осадою Даміетты, обширнаго торговаго города, считавшагося по своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ ключемъ всей страны (1).

Какъ разъ въ это время (31 августа 1218 г.) умеръ султанъ Малекъ эл-Адель, которому подчинялась и Сирія и Египетъ. Его монархія раздѣлилась. Въ Дамаскѣ ему на-

(1) Главный источникъ для V крестоваго похода Oliverus scholasticus изъ Кельна, написавшій Hist. Damiatina (Eccard. Corpus; II, 1797—1450). Его трудомъ очень усердно воспользовался извѣстный Яковъ Витрійскій въ своей Hist. orientalis. Онъ цѣликомъ почти списывалъ Оливера въ разсказѣ своемъ объ экспедиціи.

слѣдовалъ старшій сынъ Малекъ эл-Моаддемъ, а въ Египтѣ Малекъ эл-Камель. Крестоносцы разсчитывали на раздоры, но ихъ ожиданія не сбылись. Напротивъ, дамасскій султанъ послалъ войска на помощь своему брату, приказавъ имъ прогнать христіанъ отъ стѣнъ Даміетты. Здѣсь былъ собранъ цвѣтъ крестоваго воинства. Англія, Франція, Германія, даже Италія выслали отважнѣйшихъ сыновъ своихъ. Это была пестрая смѣсь воиновъ, одушевленныхъ однимъ духомъ. Крестоносцы, занявъ позицію на лѣвомъ берегу Нила, взяли съ геройскими усиліями башню на срединѣ рѣки, оберегавшую Даміетту и, пользуясь смятеніемъ среди мусульманъ, переправились въ бурную ночь на правый берегъ Нила. Казалось, что завѣтная цѣль достигалась. Вожди приказали приступить къ заготовленію машинъ и, не смотря на всѣ лишенія, упорно продолжали осаду Даміетты съ берега и съ суши впродолженіе зимы 1219 г. Тогда Камель, условившись съ своимъ братомъ, предложилъ крестоносцамъ оставить Египетъ, обѣщая за это возвратить христіанамъ всѣхъ плѣнниковъ, а вмѣстѣ съ ними все Іерусалимское королевство, за исключеніемъ двухъ небольшихъ укрѣпленій. Не было ничего выгоднѣе для крестоваго дѣла этого предложенія, хотя султаны говорили объ уничтоженіе стѣнъ Іерусалима. Крестоносные вожди съ радостью приняли условія, но вмѣшательство папскаго легата испортило все дѣло. Легатъ Гонорія III, а за нимъ іерусалимскій латинскій патріархъ доказывали, что св. городъ будетъ отнынѣ беззащитенъ противъ невѣрныхъ и при первомъ благопріятномъ случаѣ мусульмане не замедлятъ вновь отнять драгоцѣнную святыню отъ христіанъ. Они соглашались только тогда благословить договоръ съ невѣрными, когда султанъ Камель дастъ 300 тысячъ золотыхъ на возстановленіе стѣнъ и башенъ Іерусалима.

Взятіе Даміетты въ 1219 г.

Камель отказалъ христіанамъ въ ихъ требованіяхъ. Тѣмъ временемъ осада Даміетты продолжалась и, наконецъ, выморенное голодомъ, населеніе города сдалось въ началѣ ноября 1219 г. Если вѣрить арабскимъ историкамъ—изъ 70 тысячъ жителей Даміетты осталось не болѣе 3000 человѣкъ, но это были не люди, а живые трупы въ громадной могилѣ. Тотчасъ по занятіи Даміетты громадная мечеть ея, украшенная шестью обширными галлереями и 150 мраморными колоннами, была обращена въ храмъ Богородицы. Вскорѣ сдалась крѣпость

Танисъ. Христіане торжествовали. При нѣкоторой энергіи они могли прочной ногой встать въ Египтѣ и потребовать безусловнаго возвращенія св. Гроба.

Тогда раздоръ посѣтилъ христіанскій лагерь. Іерусалимскій король Іоаннъ, начальствовавшій крестоносцами, поссорился съ папскимъ легатомъ, и, досаждая ему, полтора года не хотѣлъ двигаться впередъ. Только лѣтомъ въ 1221 г., когда Людвигъ герцогъ Баварскій съ 400 нѣмецкихъ рыцарей, присланныхъ Фридрихомъ II, прибылъ въ Египетъ, крестоносцы, между которыми преобладали численностью нѣмцы, обильно снабженные припасами доставленными изъ Рима, двинулись впередъ на Каиръ. Тамъ, гдѣ Нилъ развѣтляется на два рукава, внезапно возникъ въ послѣднее время новый городъ Манзурахъ (побѣдоносный), который Камель оберегалъ лично, стараясь не допустить крестоносцевъ до переправы. Христіане смутились значительныхъ массъ мусульманъ. Они не могли рѣшиться на переправу и расположились на самой невыгодной позиціи, въ углу образуемомъ рукавами Нила. Здѣсь христіанъ постигла катастрофа. Большая мусульманская эскадра, проникнувъ въ рѣку черезъ дельту, показалась неожиданно на Нилѣ, ниже стоянки кораблей крестоносцевъ, которые теперь были отрѣзаны отъ Даміетты. Неожидавшій непріятеля, христіанскій флотъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ и сдался. Въ то же время, къ ужасу христіанъ, Нилъ началъ выступать изъ береговъ. Крестоносцы 27 августа 1219 г. бросились бѣжать въ полномъ разстройствѣ, охваченные паническимъ страхомъ. Тогда мусульмане переправились черезъ Ашмонскій каналъ и, преслѣдуя христіанъ, подняли шлюзы и прорвали плотины. Началось наводненіе, послѣдствій котораго не испытали побѣдители, но которое всѣми своими ужасами обрушилось на христіанское воинство. По его пятамъ шли волны Нила, раздраженные враги и ужасы голода. Тѣ вожди, которые недавно горделиво отвергли обмѣнъ Даміетты на все іерусалимское королевство, теперь молили о сохраненіи жизни и за жизнь воины креста сами предложили султану Даміетту. Эмиры, упоенные побѣдой, не хотѣли принимать предложеній франковъ, разсчитывая на ихъ поголовное истребленіе, но Камель замѣтилъ имъ, что рано торжествовать надъ христіанами, что могутъ прибыть съ Запада новыя военныя силы и всѣ плоды побѣды будутъ потеряны.

Договоръ 1221 г. съ Камелемъ. Переговоры продолжались недолго; 13 сентября 1221 г. вожди крестоносцевъ, потерявъ всѣ свои завоеванія, обязались сдать Даміетту, очистить Египетъ и не воевать 8 лѣтъ съ мусульманами, если только никто изъ коронованныхъ государей лично не возобновитъ войны. По вѣрному выраженію лѣтописца, крестоносцы „протянули руку египтянину и сирійцу, чтобы принять отъ него подачку хлѣба и убраться изъ Египта". Обѣ стороны обмѣнялись заложниками. Самъ король іерусалимскій Іоаннъ, герцогъ баварскій Людвигъ и отважный папскій легатъ, душа предпріятія, водившій христіанъ къ побѣдамъ, кардиналъ Пелагій, остались заложниками въ рукахъ султана, который отдалъ крестоносцамъ своего сына. Впрочемъ, скоро король іерусалимскій былъ освобожденъ и отплылъ въ Палестину.

Послѣдствія неудачи пятаго крестоваго похода отразились прежде всего на мѣстныхъ христіанахъ. Началось поголовное ихъ истребленіе. Тѣхъ, которыхъ не убили, ограбили. Церкви, которыя до сихъ поръ сарацины терпѣли въ долинѣ Нила, были разрушены и сожжены. Въ Акконѣ, этомъ послѣднемъ укрѣпленіи христіанъ на Востокѣ, извѣстіе о погромѣ подъ Даміеттой, произвело гнетущее впечатлѣніе. Тамъ потеряли всякую надежду на поправленіе крестоваго дѣла.

Въ неудачѣ египетскаго похода вся Европа обвиняла императора. Всѣ знали, что онъ еще въ 1215 г. въ Ахенѣ при коронаціи далъ обѣтъ предпринять походъ въ Палестину, что чрезъ пять лѣтъ, во время коронаціи въ Римѣ, повторилъ свое обѣщаніе и даже обязался выступить непремѣнно не позже какъ въ слѣдующемъ году.

Іоаннъ Бріеннскій. Тогда король Іоаннъ іерусалимскій совершалъ свою поѣздку по западной Европѣ въ надеждѣ поддержать энтузіазмъ къ своему дѣлу. Его всюду принимали съ большимъ почетомъ, какъ героя и страдальца. Во всѣхъ городахъ власти и процессіи встрѣчали его со всею торжественностью и съ колокольнымъ звономъ; папа Гонорій III оказалъ ему величайшее вниманіе; при европейскихъ дворахъ къ нему относились съ благоговѣніемъ. Императоръ съ своей стороны привѣтствовалъ его съ знаками самой сердечной почтительности и по совѣту папы, просилъ руки его дочери Іоланты. Король охотно согласился. Этимъ онъ какъ бы передавалъ зятю свои права на Іерусалимъ и прямо заинтересовывалъ его въ пред-

пріятіи. Свадьба скоро была отпразднована, но Фридрихъ II не тронулся въ путь. Напрасно тесть, отдавшій всю жизнь крестовой идеѣ, старался воодушевить своего зятя тѣмъ огнемъ, который горѣлъ въ его душѣ; напрасно онъ твердилъ ему, что въ Палестинѣ и на всемъ Востокѣ ждутъ „императора съ такими же упованіями, какъ нѣкогда ожидали Мессію или Спасителя міра". Фридрихъ II нисколько не увлекался и продолжалъ тревожиться за участь своихъ владѣній. Бесѣды тестя съ зятемъ кончились ссорой; папа старался примирить обоихъ государей. Онъ тоже возмущался поведеніемъ императора, недостойнымъ имени „вождя католичества".

Папа Гонорій настаивалъ на томъ, чтобы императоръ немедленно ѣхалъ въ Палестину, но Фридрихъ медлилъ, успокоивая первосвященника разными обѣщаніями. Онъ могъ участвовать въ походѣ только ради политическихъ разсчетовъ, а не по энтузіазму, котораго даже не имѣлъ. Гонорій III, въ виду нежеланія Фридриха совершить обѣщанную экспедицію въ Палестину, уже рѣшился отлучить его отъ Церкви, но внезапная смерть помѣшала ему исполнить это рѣшеніе. Ему не удалось видѣть осуществленія своихъ лучшихъ мечтаній.

Папа Григорій IX (1227-1241 г.).

Гонорій III отличался мягкостью характера, но не таковъ былъ его преемникъ Григорій IX, бывшій кардиналъ Уголино, родной племянникъ Иннокентія III. Онъ былъ весь въ своего знаменитаго дядю по наружности, твердости и силѣ воли; онъ слылъ за человѣка религіознаго и всесторонне образованнаго. Онъ отличался воздержностью образа жизни и безукоризненною нравственностью. Его современники называли: exemplar totius sanctitatis. Онъ не могъ примириться съ императоромъ. Ему не нравился веселый образъ жизни, сарацинскій дворъ гогенштауфена, для котораго остроумныя бесѣды, музыка, трубадуры были необходимостью. Неудовольствія между папой и императоромъ росли постепенно; медленность императора раздражала папу. Тогда императоръ не могъ уже долѣе противиться настояніямъ папы. Онъ сталъ готовиться и принимать мѣры. Онѣ носили главнымъ образомъ фискальный характеръ. Въ виду издержекъ на крестовый походъ, Фридрихъ II налагаетъ на все королевство подать, при чемъ съ монастырскихъ земель было взято немного, а именно до 480 золотыхъ унцій; земли бароновъ были обложены дороже (1).

(1) Röhricht (Beiträge zur Gesch. der Kreuzzüge I, 62) считаетъ золотую унцію въ $61^1/_2$ фр. Слѣдовательно сборъ былъ въ 30 тысячъ франковъ, около 11 тысячъ рублей (по курсу).

Приготовленія Фридриха II къ походу.

Въ августѣ 1221 г. императоръ прибылъ въ Бриндизи. гдѣ уже собралось крестоносное ополченіе и гдѣ суда были уже готовы къ отплытію. Воины креста стеклись сюда изъ разныхъ странъ. Это было лѣтомъ; отъ страшнаго скопленія людей, — разсказываетъ современникъ, именно Риккардо изъ Санъ-Джермано, — припасы вздорожали, вслѣдствіе чего народъ сдѣлался менѣе разборчивъ на пищу, страдая отъ несвѣжихъ припасовъ; жара содѣйствовала быстрому распространенію заразы и несчастныя толпы крестоносцевъ, покинувшихъ ради великаго дѣла свою родину, дѣлаются жертвою ужасной эпидеміи. Они посылали нерѣдко проклятія тому. кто подвинулъ ихъ на это дѣло, кто обѣщалъ имъ благословеніе неба и отпущеніе грѣховъ. Не смотря на эти несчастныя предзнаменованія, императоръ дѣятельно готовился къ походу и въ день Рождества Богородицы отправился изъ Бриндизи въ Палестину, посадивъ почти все войско на суда. Черезъ трое сутокъ онъ достигъ лишь береговъ Кандіи. Здѣсь, изнуренный болѣзнью, которую получилъ еще въ Отранто, задержанный противнымъ вѣтромъ, Фридрихъ, наконецъ, долженъ былъ вернуться назадъ. И вотъ, 14 сентября императорское судно вошло въ гавань Бриндизи, пробывъ въ морѣ шесть сутокъ. Императоръ тотчасъ же поѣхалъ лѣчиться на воды въ Пуццоли и послалъ вѣстниковъ увѣдомить Григорія IX о своемъ возвращеніи. Узнавъ объ этомъ и опираясь на постановленія Санджерманскаго договора, папа въ послѣднихъ числахъ сентября отлучилъ Фридриха отъ Церкви. Въ изданной буллѣ папа съ удивительнымъ озлобленіемъ изливаетъ весь свой гнѣвъ противъ императора, оповѣщая міръ о наложеніи па Фридриха святаго проклятія. Императоръ послалъ къ Григорію „самыхъ знаменитыхъ людей своего королевства“ въ качествѣ пословъ: двухъ архіепископовъ. герцога Райнольда Сполетскаго и графа Генриха. Они извѣщали папу, что Фридрихъ, дѣйствительно по болѣзни долженъ былъ вернуться. но это посольство императора къ папѣ не имѣло успѣха. Папа не захотѣлъ принять и выслушать делегатовъ и, собравши въ Римѣ итальянскихъ епископовъ, 17 ноября публично произнесъ вновь церковное отлученіе надъ Фридрихомъ, разославъ объ этомъ посланія по всему Западу. Этимъ папа какъ бы уничтожалъ навсегда попытку къ примиренію съ императоромъ. Фридрихъ отвѣчаетъ на это воззваніемъ ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и вла-

стямъ, въ которомъ жаловался на несправедливый поступокъ святѣйшаго отца; всѣхъ и каждаго извѣщалъ императоръ, что вернулся обратно не по пустымъ причинамъ, какъ лживо писалъ папа, но вслѣдствіе опасной болѣзни, что онъ объ этомъ увѣдомлялъ папу и посылалъ къ нему посольство, но первосвященникъ не повѣрилъ тому, что говорили послы, и, ради личной прихоти, ради своего каприза произнесъ надъ нимъ столь страшный приговоръ.

Слѣдомъ за тѣмъ Фридрихъ собралъ въ Капую всѣхъ знатныхъ особъ своего королевства и на собранномъ здѣсь съѣздѣ постановилъ, чтобы всѣ вассалы внесли ему, каждый съ своего помѣстья, по 8 унцій золота (около 300 рублей), сверхъ того обязуясь вооружить на свой счетъ по одному воину; далѣе императоръ объявлялъ о своемъ намѣреніи отправиться въ походъ въ маѣ 1228 года и звалъ всѣхъ собраться великимъ постомъ въ Равенну, гдѣ по этому случаю назначался съѣздъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ въ Римъ Готфрида Беневентскаго, бывшаго профессора Болонскаго университета, съ порученіемъ составить въ городѣ императорскую партію. Посольство имѣло полный успѣхъ; порученіе было исполнено блестяще; многія могущественныя и аристократическія фамиліи перешли на сторону императора. Такимъ образомъ императоръ, искусно парализуя дѣйствія папскаго отлученія, рѣшился теперь дѣйствовать противъ самого папы Григорія IX. Его партія быстро усиливалась; уже въ самомъ Римѣ стали открыто порицать поступки папы. Григорій IX не привыкъ обращать вниманіе на ропотъ подданныхъ и въ четвергъ на страстной недѣлѣ, 23 марта 1228 года (¹), снова произнесъ надъ императоромъ отлученіе, разрѣшая подданныхъ отъ присяги и налагая интердиктъ на все королевство. Тогда-то увеличился ропотъ; недовольные папою стали дѣйствовать смѣлѣе; во главѣ ихъ явились мѣстные крупные бароны. Разнаго рода возмутительными прокламаціями и соблазнительными обѣщаніями не трудно было увлечь народъ и воспламенить его къ возстанію. Римскій плебсъ возмутился противъ папы и преслѣдовалъ его до города Витербо. Испуганный Григорій IX бѣжалъ въ Перуджію, огульно громя народъ отлученіемъ, чѣмъ подорвалъ всякое уваженіе къ церковному наказанію.

(¹) По Raumer (III, 191)—27 марта; слѣдуетъ предпочесть выводъ, который сдѣлалъ Wilken (VI, 447).

Еще съ осени 1228 года императоръ дѣятельно готовился къ походу. Онъ собралъ необходимыя средства и запасы, и конечно самая большая часть поборовъ пала теперь на церкви и монастыри. Аббатъ Монтекассинскаго монастыря обязался содержать на счетъ обители сотню воиновъ и съ него взяли для того 1200 золотыхъ унцій (около 45 тыс. рублей). Въ мартѣ 1228 г. этотъ аббатъ получилъ приказаніе явиться къ императору въ Таренто; на пути къ нему присоединилось еще нѣсколько прелатовъ королевства, собиравшихся къ отплытію вмѣстѣ съ императоромъ.

Но не смотря на всѣ усилія Фридриха, не смотря на его можетъ быть и искреннія желанія спѣшить экспедиціей, приготовленія шли очень медленно. Даже Равеннскій съѣздъ, куда были приглашены и папскіе легаты, не состоялся, такъ какъ ломбардцы, вопреки даннымъ ими обѣщаніямъ, не пропустили чрезъ свои владѣнія германскихъ князей, спѣшившихъ на съѣздъ. Императоръ не протестовалъ и не хотѣлъ опять начинать распрю. Онъ спокойно и торжественно—хотя и отлученный—праздновалъ пасху въ Бароли. Не мало торжества и радости придало празднику извѣстіе изъ Палестины, присланное намѣстникомъ королевскимъ въ св. землѣ Ѳомою Аквинскимъ, графомъ Ацерры, о смерти дамасскаго султана; оно, по словамъ итальянскаго лѣтописца, не могло не порадовать императора. Папа, узнавъ о желаніи Фридриха исполнить свое обѣщаніе, не только не оказывалъ требуемаго содѣйствія къ успѣху экспедиціи, но, напротивъ, если вѣрить Матвѣю Парижскому и Риккардо, старался препятствовать походу всѣми мѣрами. Такъ папа будто разослалъ грамоты ко всѣмъ прелатамъ королевства, запрещая имъ оказывать помощь Фридриху; въ противномъ же случаѣ грозилъ имъ отлученіемъ отъ Церкви. Въ это же время супруга Фридриха Іоланта родила ему сына; новорожденный, будущій императоръ, былъ названъ „Конрадомъ“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, Іоланта умерла. Императоръ былъ въ Бароли, когда ему дали знать о рожденіи сына и смерти супруги. Это несчастіе, хотя тяжело отозвалось на немъ, но нисколько не остановило его кипучей дѣятельности. Близился май, а вмѣстѣ съ нимъ приближался и срокъ, назначенный самимъ императоромъ къ выступленію въ походъ. Уже не разъ сыпались на него обвиненія, что онъ не держитъ своего слова; потому Фридрихъ хотѣлъ теперь отправиться непремѣнно въ

маѣ. Въ концѣ апрѣля онъ уже сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, касающіяся не только предстоящаго похода, но главнымъ образомъ управленія государствомъ въ его отсутствіе. Съ наступленіемъ мая императоръ пригласилъ въ городъ Бароли королевскихъ прелатовъ и вельможъ. Здѣсь засѣданіе происходило подъ открытымъ небомъ, такъ какъ собралось множество народа; пришлось изготовить импровизованный тронъ (parato sibi tribunali sub divo propter gentis multitudinem, quae copiosa erat). Императоръ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ свою послѣднюю волю, и прочелъ нѣсколько постановленій, походившихъ своимъ содержаніемъ на духовное завѣщаніе. Сначала шли распоряженія, касавшіяся любезнаго ему сицилійскаго королевства. Императоръ приглашалъ всѣхъ сицилійцевъ, прелатовъ, бароновъ и всѣхъ его подданныхъ жить между собою въ мирѣ и спокойствіи, какъ жили они во времена Вильгельма II; правителемъ королевства на время своего отсутствія онъ назначалъ Райнольда, герцога Сполетскаго. Въ случаѣ, если императоръ умретъ, говорилось въ этомъ завѣщаніи, въ имперіи и въ королевствѣ ему наслѣдуетъ старшій его сынъ Генрихъ; если же и Генрихъ умретъ, не оставя послѣ себя дѣтей, ему наслѣдуетъ младшій братъ его Конрадъ; если же и Конрадъ, подобно Генриху, умретъ бездѣтнымъ, ему наслѣдуютъ въ королевствѣ оставшіеся въ живыхъ сыновья императора отъ законной супруги. Всѣ жители королевства поклялись исполнять завѣщаніе, если король погибнетъ въ походѣ и не оставитъ другаго завѣщанія (1). Наконецъ, императоръ былъ вынужденъ вторично отправиться въ Палестину (2).

(1) Этотъ документъ въ высшей степени важенъ; онъ показываетъ, что гогенштауфены не придавали значенія избирательному принципу и престолъ императорскій считали почти собственностью, считая излишнимъ даже обращаться къ избирателямъ. Завѣщаніе записано въ хроникѣ Riccardo di S. Germano, которой мы пользовались во всемъ этомъ разсказѣ.

(2) Для VI крестоваго похода, который Kugler считаетъ пятымъ, принимая его за продолженіе экспедиціи короля Андрея венгерскаго (Gesch. der Kreuzzüge, 325—347),—тѣ же общія пособія, какія были указаны выше въ концѣ примѣчанія на стр. 57. Спеціальная монографія принадлежитъ В. А. Бильбасову (Крестовый походъ Фридриха II, Спб. 1863), который впервые воспользовался итинераріемъ Фридриха II (изданнымъ въ Hist. diplomatica Fr. II) и подвергнулъ научной критикѣ трактатъ о перемиріи (Transcriptum capitulorum treugae etc.). Трудъ русскаго ученаго замѣ-

ромъ, который весело провелъ въ Яффѣ всю зиму 1220 г. и султаномъ Камелемъ, ведутся безпрерывно. Скоро результаты ихъ не замедлили обнаружиться.

Перемиріе въ Яффѣ 18 февраля 1229 г.

Весною 1229 года въ Европѣ узнали, что императоръ сумѣлъ, не обнажая оружія, овладѣть Іерусалимомъ, возстановить христіанское королевство въ Палестинѣ, но что всѣ эти выгоды достигнуты цѣною значительныхъ уступокъ, такъ какъ мусульмане отнынѣ будутъ свободно молиться въ храмѣ Іерусалимскомъ и поклоняться своей святынѣ. Притомъ Фридрихъ выговорилъ не миръ, а перемиріе на 10 лѣтъ. На папскую партію, на все высшее духовенство это извѣстіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Въ дипломатическомъ актѣ, которымъ гордился Фридрихъ, усмотрѣли предательство христіанскихъ интересовъ. Но при дворахъ, въ городахъ, въ рыцарствѣ, въ народѣ ликовали отъ такой безкровной побѣды, не обращая вниманія на подробности. — „Господь оказалъ милость своему народу и возвысилъ смиренныхъ.... Іисусъ Христосъ осыпалъ милостію своихъ людей.... христіане были отмщены“ — въ такихъ словахъ высказывали свою радость наиболѣе образованные современники, голосъ которыхъ всегда былъ за императора (¹).

Предоставимъ самому Фридриху II разсказать объ условіяхъ договора, имъ заключеннаго съ султаномъ Камелемъ.

Императоръ въ посланіи къ англійскому королю Генриху III сознается, что онъ находился въ затруднительномъ положеніи. Мусульманскія войска могли стѣснить его съ двухъ сторонъ: Камель стоялъ подлѣ города Газы; Давидъ занималъ Схему. Передовыя линіи обоихъ отрядовъ были не болѣе какъ на одинъ день пути отъ позицій крестоносцевъ. Правда оба вождя были въ ссорѣ, но изъ ненависти къ христіанамъ они могли примириться.

— «Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, пишетъ императоръ, взирая съ высоты небесъ на наше благочестивое терпѣніе и терпѣливое благочестіе и, сострадая въ своемъ милосердіи къ намъ, устроилъ такъ.

библіотеки,— варіантъ неизвѣстнаго продолжателя Вильгельма Тирскаго; султанъ замѣтилъ: tante pajenisme li corroit sus et lis caliphes mêmes l'entendroit a mescreant de la loy (p. 486, c. 6).

(¹) Къ числу таковыхъ принадлежалъ Матвѣй Парижскій, который не скрываетъ своего восторга.

что султанъ вавилонскій возвратилъ намъ св. городъ Іерусалимъ, мѣста, гдѣ ступала нога Его, мѣста, гдѣ почитатели истинной вѣры поклоняются Отцу въ духѣ и истинѣ. Не только возвращенъ намъ самый городъ, но вмѣстѣ съ нимъ и вся страна, которая лежитъ между Іерусалимомъ и Яффою. Такимъ образомъ на будущее время пилигримы могутъ свободно посѣщать Гробъ Господень и возвращаться безъ всякой опасности. При этомъ заключены слѣдующія условія. Сарацины, ради ихъ уваженія къ іерусалимскому храму, который они посѣщаютъ для молитвы и отправленія своихъ обрядовъ,—получаютъ отъ насъ право свободнаго доступа туда на будущее время, но мы предоставляемъ себѣ опредѣлить количество мусульманскихъ пилигримовъ. Они должны являться туда безъ оружія, должны жить не въ самомъ Іерусалимѣ, а за городомъ и по окончаніи молитвы немедленно удаляться. Далѣе, они уступаютъ намъ Виѳлеемъ и всю землю между этимъ городомъ и Іерусалимомъ, Назаретъ, и всю землю между имъ и Аккономъ, всю провинцію Таронъ, весьма обширную и полезную для христіанъ, Сидонъ (Саидъ) съ окрестностями и прилегающей страной. Владѣніе послѣднимъ городомъ будетъ тѣмъ болѣе важно для христіанъ, что до сихъ поръ сарацины извлекали изъ него большія для себя выгоды. Дѣйствительно Сидонъ представляетъ собою превосходную гавань, откуда все отправляется въ Дамаскъ, а отсюда очень часто въ Каиръ, напримѣръ оружіе и съѣстные припасы. По сему договору намъ позволено (licet nobis secundum pactum), соорудивъ за ново стѣны Іерусалима (reedificare muros), а равно и замокъ въ Яффѣ, Кесаріи, Сидонѣ и замокъ св. Маріи Тевтонской, который начали строить братья этого ордена на горѣ сосѣдней Аккону,—и чего они до того времени не могли никогда исполнить,—но самъ султанъ обязался не строить никакого зданія или замка, пока не окончится срокъ перемирія, заключеннаго нами на 10 лѣтъ и подтвержденнаго 18 февраля клятвою съ обѣихъ сторонъ.... Признавая столь великое благодѣяніе и честь, которую даровалъ намъ Господь въ своемъ милосердіи, не взирая на ничтожество наше и *вопреки ожиданіямъ многихъ* (contra opiniones multorum), къ вѣчной своей славѣ, и желая лично въ самомъ святомъ мѣстѣ принести Ему въ жертву нашего агнца лобзанія (vitulum labiorum nostrorum), мы 17 марта, въ субботу, вступили въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ прочими пилигримами, которые вѣрно служили Христу» ([1]).

([1]) Matthaeus Paris, a. 1229, приводитъ письмо цѣликомъ, помѣчая его 17 марта. Циркулярное посланіе императора отъ 18 марта — Comitibus. baronibus, militibus caeterisque nobilibus per imperium constitutis —помѣстилъ H. Huillard-Bréholles въ Hist. dipl. (III, 93—99). Текстъ Матвѣя значительно полнѣе въ концѣ. Нѣтъ основанія думать, что лѣтописецъ прибавилъ весьма важныя фразы отъ себя. Варіантъ у Pertz (Monumenta; dipl. IV, 261—263) также отъ 17 марта.

Фридрихъ II въ Іерусалимѣ и возвращеніе его въ Европу. Но Фридрихъ не досказываетъ что послѣдовало за тѣмъ. Если Яффскій трактатъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе въ Римѣ, то тѣмъ сильнѣе было озлобленіе высшаго католическаго духовенства въ Палестинѣ. Оно мстило императору какъ могло, хотя собственно мстило за то, что „законъ Магомета былъ дозволенъ публично". Когда слѣдовало бы, въ порывѣ общаго увлеченія, забыть прежнюю вражду, и склониться передъ святыней, іерусалимскій патріархъ запретилъ священнослуженіе у св. Гроба и по всѣмъ св. мѣстамъ, потому что нога отлученнаго императора осквернила храмы и св. землю. Христіанскія церкви въ Іерусалимѣ, прежде или заброшенныя или занятыя подъ мечети, были очищены, вымыты, приведены въ порядокъ, но служеніе въ нихъ не дозволялось во все время пребыванія императора въ стѣнахъ Іерусалима. Такимъ образомъ вся прелесть торжества и все величіе минуты были отравлены. „Восторгъ христіанъ былъ великъ, казалось утѣхи неба сошли на землю", восклицаетъ лѣтописецъ, а между тѣмъ Іерусалимъ въ эти торжественные дни смотрѣлъ могилою.

Фридрихъ II не дожидался расположенія духовныхъ. Вступивъ въ Іерусалимъ съ подобающимъ торжествомъ въ субботу 17 марта 1229 г., онъ на слѣдующій день поспѣшилъ самъ короновать себя въ церкви Воскресенія, которую покинули священники. Онъ возложилъ на себя вѣнецъ іерусалимскихъ королей и, не снимая его, прошелъ по улицѣ въ императорской мантіи до своего помѣщенія. Патріархъ выходилъ изъ себя, но не уступалъ. На другой день послѣ коронаціи, Фридрихъ II, отклонивъ всѣ объясненія съ тампліерами по поводу возстановленія стѣнъ, оставилъ Іерусалимъ и перебрался въ Аккону.

Здѣсь его ждали новыя непріятности. Всѣ пилигримы, монахи, священники были возбуждены до крайности высшими духовными властями. Въ порывѣ раздраженія и негодованія на недостойные подкопы патріарха, Фридрихъ воспретилъ приглашеніе рыцарей для защиты королевства на счетъ патріарха и на средства военно-рыцарскихъ орденовъ, ссылаясь на условіе, заключенное съ султаномъ Камелемъ. Это дало поводъ заподозрить императора въ измѣнѣ христіанству, о чемъ громко разглашали написты по всей западной Европѣ. Патріархъ имѣлъ дерзость заявить, что онъ не считалъ для себя удобнымъ объясняться съ человѣкомъ, отлученнымъ

Церковью. Въ отвѣтъ на это императоръ приказалъ рыцарямъ всѣхъ націй, подъ страхомъ преслѣдованія, оставить немедленно Палестину, а тампліеровъ, которые ему особенно досаждали, запретилъ впускать въ городъ. Узнавъ, что доминиканцы и францисканцы хотятъ проповѣдывать въ вербное воскресенье, онъ приказалъ разогнать ихъ, при чемъ упорныхъ императорскіе стрѣлки таскали по землѣ, били и сѣкли.

Тогда враги Фридриха II, по словамъ Матвѣя Парижскаго, подтвержденнымъ однимъ мусульманскимъ историкомъ XIV вѣка,—рѣшились прибѣгнуть къ тайному убійству. Императоръ по слухамъ собирался идти пѣшкомъ на берега Іордана, въ сопровожденіи очень не многихъ близкихъ къ нему лицъ. Изъ Акконы извѣщали объ этомъ вавилонскаго султана, при чемъ очень прозрачно совѣтовали покончить съ безоружнымъ императоромъ. Султанъ, возмущенный предательствомъ измѣнниковъ, воскликнулъ: „вотъ какова вѣрность христіанъ“. Приближенные присовѣтовали Камелю отослать къ Фридриху письмо съ печатью „чтобы пристыдить христіанъ“. Султанъ такъ и поступилъ ([1]).

Между тѣмъ до императора уже дошли слухи о готовившейся засадѣ другимъ путемъ. Сообщеніе Камеля убѣдило его окончательно въ гнусной интригѣ. Онъ поспѣшилъ тогда (30 іюня 1229 г.) оставить Палестину, сожалѣя что судьба не сдѣлала его повелителемъ мусульманъ. Патріархъ не преминулъ распустить сплетню, что Фридрихъ большую часть оружія, хранившагося въ складахъ Птолемаиды, послалъ тайно султану, и что, не довольствуясь тѣмъ, приказалъ жечь корабли крестоносцевъ и транспортные суда, стоявшіе въ гавани Акконы. Наконецъ онъ уѣхалъ.... „Дай Богъ, чтобы и

([1]) В. А. Бильбасовъ въ своей спеціальной монографіи замѣчаетъ по этому поводу: «зная стихійныя страсти и животныя побужденія папской партіи, мы хотя и не придали бы разсказу Матвѣя Парижскаго исторической достовѣрности, тѣмъ не менѣе должны были бы согласиться въ возможности подобной измѣны» (104). Авторъ проводитъ параллель съ извѣстнымъ разсказомъ о царѣ Пиррѣ и Фабриціи, хотя нельзя заподозрить заимствованія, и прибавляетъ: «мы и теперь смотримъ на это покушеніе только какъ на явленіе очень возможное».... Во всякомъ случаѣ нельзя вѣрить словамъ Фридриха II, будто самъ Григорій IX писалъ султану письмо, въ которомъ просилъ его не уступать Палестины императору. Это слишкомъ невѣроятно, хотя Фридрихъ увѣрялъ, что имѣетъ документы, свидѣтельствующіе о недоброжелательствѣ папы.

не возвращался“ воскликнулъ патріархъ, убѣдившись въ отъѣздѣ Фридриха.

Начало борьбы Фридриха II съ Римомъ. По возвращеніи Фридриха въ Европу, Григорію IX стоило большаго труда выпутаться изъ бѣды, такъ какъ въ отсутствіе императора онъ слишкомъ ревностно занялся свѣтскими дѣлами. Навербовавъ солдатъ и изобразивъ на ихъ знаменахъ ключи святаго Петра, онъ послалъ ихъ въ южную Италію подъ предводительствомъ Іоанна Бріеннскаго и кардинала Колоны. Эти солдаты уже заняли было часть королевства, но Фридрихъ вернулся, прогналъ ихъ, благодаря мусульманскимъ наемникамъ и сталъ угрожать папскимъ владѣніямъ. Однако, не вступая въ нихъ, онъ пригласилъ къ себѣ германскихъ князей, прося примирить его съ папой. Въ Неаполь съѣхалось множество князей и епископовъ, которые начали переговоры, и Григорій долженъ былъ помириться.

Миръ въ Санъ-Джермано въ 1230 г. Въ 1230 году былъ заключенъ миръ въ Санъ-Джермано (въ неаполитанскихъ предѣлахъ), по которому съ императора снималось отлученіе отъ Церкви, а онъ соглашался на всѣ требованія папы. Почтительно называя себя сыномъ Церкви и его святѣйшества, онъ говоритъ: „Отнынѣ мы перестаемъ вѣрить, что когда нибудь можетъ быть нарушена дружба отца и сына, напротивъ, мы убѣждены и потому объявляемъ всенародно, что двое насъ, какъ отецъ и сынъ, составляютъ одно существо (quod nos duo, velut pater et filius, unum sumus)“. Всѣ радовались и торжествовали на той и другой сторонѣ. „Снова солнце засвѣтилось надъ христіанскимъ міромъ“—восклицаютъ ликующіе лѣтописцы. Но это солнце скоро скрылось. Его почти не видалъ никто. Оказалось, что ни тотъ, ни другой изъ соперниковъ не считали примиреніе серьезнымъ и тотчасъ стали обманывать другъ друга. Императоръ, не смотря на видимое смиреніе, остался въ сношеніяхъ со всѣми врагами Григорія IX, особенно съ римскими мятежниками.

Папа сдѣлалъ противъ Фридриха два темныхъ поступка: онъ подстрекнулъ сына его противъ него и поднялъ ломбардскіе города. Фридрихъ смирилъ Генриха, подбитаго злонамѣренными совѣтчиками и испорченнаго обществомъ буйныхъ товарищей по охотѣ, странствующихъ скомороховъ и пѣвцовъ; онъ лишилъ его сана и велѣлъ отвести плѣн-

никомъ съ женою и дѣтьми въ южную Италію; тамъ въ одномъ замкѣ несчастный сынъ императора кончилъ свою жизнь. Наслѣдникомъ былъ провозглашенъ Конрадъ IV, послѣдній гогенштауфенъ. На него было безсильно вліяніе папы. Тогда клерикальная интрига проникла въ Ломбардію.

Война въ Ломбардіи и новое отлученіе въ 1239 г.

Когда императоръ задумалъ подчинить ломбардскіе города, сбросившіе въ сознаніи собственной силы и свободы нѣмецкую власть, то они возобновили свою прежнюю лигу и отказались признавать императора верховнымъ главою. Тогда возгорѣлась упорная война. Сначала въ союзѣ съ гибеллинами и при помощи своихъ надежныхъ сарациновъ и наемныхъ полчищъ, онъ нанесъ такое пораженіе соединенной арміи ломбардцевъ, что вскорѣ покорились всѣ города Ломбардіи, кромѣ Милана, Болоньи и немногихъ другихъ. Главный сановникъ ломбардской столицы былъ отправленъ на позорную казнь. Такъ какъ императоръ своею побѣдою пользовался слишкомъ безцеремонно и угрожалъ миланцамъ такою же расправою, какую произвелъ его дѣдъ,—когда онъ, не принявъ предложеннаго Григоріемъ IX третейскаго суда и посредничества, передалъ своему побочному сыну королевство Сардинію, на которое имѣли притязаніе папы, когда онъ сталъ угнетать Неаполь и Сицилію неслыханными поборами и военными налогами,—то престарѣлый папа возобновилъ въ 1239 г. церковное проклятіе, принялъ сторону ломбардцевъ и повсемѣстно старался возбуждать ненависть противъ императора, обвиняя его въ нечестіи и презрѣніи къ вѣрѣ. Это уже было не простое отлученіе отъ Церкви (excommunicatio) по правиламъ каноническимъ; это какое то озлобленіе,—апоѳеозъ святаго проклятья. Папа запрещаетъ всякое повиновеніе императору, отрѣшаетъ подданныхъ отъ ихъ клятвы, а его самого предаетъ сатанѣ на растерзаніе въ его предсмертный часъ: „Чудовище вышло изъ бездны моря, у него лапы медвѣдя, пасть льва, а туловище леопарда. Оно вѣчно святотатствуетъ именемъ Божіимъ; злобно оно оскорбляетъ и честную кровь Спасителя, и святыхъ обитающихъ въ предѣлахъ горнихъ. Прежде оно тайно строило свои козни противъ Церкви; теперь оно явно дерзаетъ поносить Искупителя рода человѣческаго“ (¹). Собственно о самомъ крестовомъ походѣ, какъ нарочно, ни-

(¹) Matthaeus Paris, a. 1239.

чего не упоминалось; только были слова: „за то, что дѣлу св. земли препятствуетъ (pro eo, quod per ipsum impeditus negotium Térrae sanctae)“. Обвиненія были или бездоказательны или незначительны; ихъ ничтожество бросалось въ глаза даже тѣмъ, которые по служебному долгу должны были привести буллу въ дѣйствіе. Когда священникъ парижской церкви S. Germain d'Auxerroix получилъ ее, то могъ только сказать своему приходу: „я отлучаю отъ Церкви одного изъ двухъ, именно того (alterutrum istorum), который несправедливо оскорбляетъ другаго и разрѣшаю того, который несправедливо страдаетъ“. Рѣзкія выраженія безтактной буллы сдѣлали изъ Фридриха какого-то страдальца; они вызвали къ нему всеобщее сочувствіе. Краснорѣчіе папское, обращенное ко всей Европѣ, не произвело должнаго дѣйствія и на владыкъ христіанскихъ. Напротивъ, даже такой христіаннѣйшій монархъ Франціи, какъ Луи IX Святой, рѣшился на открытое заступничество за Фридриха. Онъ положительно обвинялъ папу, какъ единственнаго виновника возобновленія вражды. Онъ рѣшительно не одобрилъ и не принялъ не только низложенія, но даже предлагаемаго отлученія Фридриха. Особенно досадовали французскіе бароны. „Мы убѣждены, во всеуслышаніе говорили они, что императоръ ревностно сражался во славу имени Господа нашего Іисуса Христа, геройски подвергаясь опасностямъ и на морѣ и на сушѣ. Подобной ревности мы однако не замѣчаемъ въ его святѣйшествѣ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать императору, вмѣсто того, чтобы осѣнить его именемъ Божіимъ,— папа старается вредить ему всегда и вездѣ, папа безчестно рѣшается сгубить его“ (¹).

Съ своей стороны императоръ постарался на дѣлѣ доказать Григорію свою ненависть къ свѣтской власти римскаго престола, и даже, къ ужасу вѣрующихъ, свой индифферентизмъ въ вопросахъ религіи. Правда онъ первое время сказалъ: „пусть Богъ разсудитъ насъ съ папою“,—однако не преминулъ допустить и свое собственное вмѣшательство въ спорное дѣло. Въ эту минуту ясно обнаружился его деспотизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно высказалась та идея, для осуществленія кото-

(¹) .... «Tantum religionis in Papa non invenimus: immo qui eum debuit promovisse et Deo militantem protexisse, eum conatus est absentem confundere et nequiter supplantare» (Matt. Par. a. 1239).

рой онъ рѣшался на все, даже, если угодно, рѣшался публично назвать себя еретикомъ.

Походъ на Римъ въ 1241 г.

Фридрихъ отмстилъ святому проклятію очень чувствительно. Всѣхъ монаховъ, которые имѣли тайное сношеніе съ папою, онъ выгналъ изъ королевства обѣихъ Сицилій. Изъ богатыхъ монастырей онъ обобралъ золото, серебро, драгоцѣнные камни, обращая все это въ деньги для борьбы съ папою. Своихъ подданныхъ онъ наказывалъ за одно сочувствіе къ Риму. Церкви, канонники, прелаты обязаны были платить подати соразмѣрно съ своими доходами. Имѣніе отсутствующаго духовенства было конфисковано. Всѣ сношенія съ римскимъ дворомъ были строго запрещены; письма туда и оттуда велѣно было перехватывать, а виновныхъ наказывать смертью. Наконецъ войска Фридриха показались въ Церковной области. Успѣхъ сопутствовалъ императору. Пылали села, сдавались папскіе города и замки. Уже паническій страхъ охватилъ римлянъ. Григорій IX велѣлъ проповѣдывать крестъ противъ императора. Но эти крестоносцы оказались ничтожествомъ на дѣлѣ; они разбѣгались. Фридрихъ велѣлъ ловить ихъ, четвертовать, выжигая крестъ на лбахъ воиновъ Христа. Перепуганный Григорій потерялъ всякую надежду на земныя средства. Однако его твердость, его энергія не поддавалась и не ослабѣвала въ виду успѣховъ разгнѣваннаго императора. Между тѣмъ Фридрихъ долженъ былъ отвлечься другимъ дѣломъ. Монголы завоевали восточную Европу; императоръ поднималъ противъ нихъ христіанъ (іюль 1241 г.). Потому-то онъ видимо склонялся на миръ съ Римомъ; наконецъ, будучи побѣдителемъ, онъ предлагаетъ его,—папа отказывается. Фридрихъ II стремительно кидается къ вѣчному городу; уже онъ въ девяти миляхъ отъ Рима. Папской столицѣ, раздираемой въ тоже время междоусобіями, грозятъ всѣ ужасы непріятельской осады. Григорій не уступаетъ; ежедневно религіозными процессіями онъ обходитъ городъ; его громовые циркуляры зовутъ епископовъ и прелатовъ всѣхъ католическихъ государствъ на соборъ римскій. Но къ дряхлому старику, все еще сохранившему непреклонный духъ, никто не является.... Императоръ прекратилъ всѣ сообщенія съ городомъ; проѣзжихъ духовныхъ задерживали и приводили къ нему.... Его свирѣпые наемники подходятъ ближе и ближе (21 августа 1241 г.).

Ихъ ряды, къ ужасу христіанскаго міра, состояли изъ сарацинъ. Уже они подъ стѣнами Рима....

Не смотря на крайне преклонные годы, этотъ столѣтній старецъ чувствовалъ въ себѣ силы титана. Григорій IX умираетъ въ самый рѣшительный моментъ. Онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ, а свою ненависть унесъ съ собой въ могилу.... Глубокимъ сочувствіемъ отмѣтили его жизнь папскіе лѣтописцы. „Послѣ многихъ треволненій и преслѣдованій, говоритъ одинъ изъ нихъ, отошелъ ко Христу (migravit ad Christum) папа Григорій, торжественно погребенный въ городѣ Римѣ духовенствомъ и народомъ. Болѣе четырнадцати лѣтъ управлялъ онъ Церковью въ то самое время, когда Фридрихъ тиранствовалъ въ имперіи“ (1). Фанатическій послѣдователь Иннокентія III, непреклонный боецъ за свою идею, этотъ энергичный и гордый владыка видѣлъ какъ Фридрихъ совершенно пересталъ стѣсняться въ выборѣ средствъ, выступая на роковую борьбу съ теократіей. Умирая, онъ не могъ не волноваться за судьбу папства.

Междупапствіе. Его опасенія, казалось, оправдывались при обстоятельствахъ самыхъ плачевныхъ. Наслѣдовавшій Григорію IX, Целестинъ IV правилъ только 18 дней, съ конца октября до 19 ноября 1241 г. Онъ умеръ внезапно, отъ старческой слабости, а въ Римѣ говорили что старика отравили (2). Кардиналы были въ смущеніи. Суровый, озлобленный врагъ стоялъ у стѣнъ Рима; всякіе выборы теперь были бы произведены подъ его вліяніемъ и давленіемъ. Тогда всѣ усилія Григорія VII, Иннокентія III и Григорія IX, всѣ завоеванія ими сдѣланныя, пропали бы для куріи. Теократія становилась преданіемъ.... Что было дѣлать кардиналамъ-избирателямъ при такихъ обстоятельствахъ? Дисциплина, въ которой цѣлыми вѣками была воспитана римская курія, подсказала ей рѣшеніе. Предпочли—не выбирать никого въ папы. И вотъ ровно полтора года Римская Церковь (съ ноября 1241 г. до іюля 1243 г.) не имѣла главы. Наконецъ, въ концѣ іюня 1243 г., въ Ананьи, недалеко отъ Рима, конклавъ выбралъ кардинала Синибальдо Фіеско, генуезца родомъ.

---

(1) Raynaldus. Ann. eccl. a. 1241.

(2) «Utinam non, ut dicitur, potionatus». Matt. Par. a. 1241.

Онъ принадлежалъ ранѣе къ партіи гибеллиновъ, что было хорошимъ знакомъ для Фридриха. Иннокентій воспитывался у графа Фіеско — своего дяди, въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался каноникомъ, и въ Болоньи занимался изученіемъ каноническаго права. Григорій IX далъ ему кардинальское достоинство. Онъ считался другомъ Фридриха II, но если даже наставникъ императора, сдѣлавшись папой, измѣнилъ ему, то тѣмъ менѣе могъ разсчитывать Фридрихъ на любезность Иннокентія IV. Съ вступленіемъ на папскій престолъ онъ проявилъ ту же твердость духа. Впрочемъ, въ началѣ 1244 г., папа умѣлъ заключить съ Фридрихомъ II мирный договоръ, условія котораго были скрѣплены въ мартѣ 1244 года. Но императоръ немедленно нарушилъ соглашеніе. Иннокентій IV потребовалъ, чтобы императоръ или оправдался, или доказалъ чѣмъ либо свою покорность. Фридрихъ отвѣчалъ на это новымъ вторженіемъ въ Италію. Иннокентій IV бѣжалъ въ Геную, чуть было не попался въ плѣнъ, затѣмъ удалился изъ Италіи и укрѣпился въ Ліонѣ. Вообще, когда Фридрихъ встрѣтилъ въ новомъ папѣ врага столь же непримиримаго, то потерялъ всякую надежду. Потому онъ рѣшился или погибнуть или одолѣть во что бы то ни стало. **Иннокентій IV (1243-1254 г.).**

Когда Иннокентій IV скрылся въ Ліонѣ, императоръ понялъ, что наступила рѣшительная минута. Ліонъ былъ независимъ отъ Фридриха; тамъ онъ только могъ явиться въ качествѣ подсудимаго, но никакъ не судьи. Ліонъ не зависѣлъ также и отъ французскаго короля, а зналъ только своего архіепископа. Тутъ папа созвалъ соборъ. На засѣданіяхъ собора была разсмотрѣна семейная жизнь Фридриха, его частныя дѣла, даже его помыслы. Непреклонная курія приготовила ему страшный ударъ. Въ одномъ изъ засѣданій, разсказываетъ Матвѣй Парижскій, папа появился въ парадномъ облаченіи; всѣ прелаты были также въ ризахъ. Иннокентій IV служилъ мессу, по окончаніи которой сталъ говорить проповѣдь. Его голосъ прерывался всхлипываньемъ и вздохами. Въ рѣчи своей онъ говорилъ о своихъ печаляхъ. Первою печалью его были безчеловѣчные татары, вторая причинена ему расколомъ Греческой Церкви и ея отпаденіемъ, третья — успѣхомъ новыхъ ересей, которыя запятнали многія государства, четвертая—порабощеніемъ Святой Земли, гдѣ господствуютъ гнусные иновѣрцы и, наконецъ, пятая причинена владыкою **Ліонскій соборъ 1245 г.**

міра, императоромъ, который сталъ внутреннимъ врагомъ Церкви и гонителемъ намѣстника Христова. Долго святой отецъ стоялъ на послѣднемъ пунктѣ. Ручьи слезъ текли изъ его глазъ. Между многими жалобами папа указываетъ на то, что императоръ воздвигъ большой городъ и населилъ его сарацинами, что онъ публично подражаетъ обрядамъ сарацинъ, пренебрегая своими, что заключилъ союзъ съ султаномъ,—этимъ папа намекаетъ на тѣ обстоятельства, при которыхъ Фридрихъ получилъ отъ Камеля весьма выгодныя условія міра. Папа не призналъ этого договора, который назвалъ обманнымъ. За все это Фридрихъ низлагался, отлучался отъ Церкви, его подданные разрѣшались отъ клятвы, исполненіе его повелѣній объявлялось преступленіемъ и влекло за собою отлученіе.—„Я сдѣлалъ", говорилъ папа въ послѣднемъ засѣданіи, то, что долженъ былъ сдѣлать; да исполнитъ Господь въ этомъ дѣлѣ то, что угодно ему". Эдиктъ низложенія явился въ 1245 году. Онъ имѣлъ рѣшительное дѣйствіе на Фридриха. Въ Германіи началось броженіе. Не разъ было говорено о послѣдствіяхъ папскихъ интердиктовъ и о томъ ужасномъ состояніи страны, въ которое они повергали страну. Но помимо того важно было самое измѣненіе общественныхъ и политическихъ отношеній. Всякій феодалъ могъ безнаказанно не исполнять императорскихъ повелѣній. Каждый разбойникъ могъ свободно, даже съ благословенія Церкви, поднять на него оружіе. Особенно это было примѣнимо къ Германіи, гдѣ и безъ того императоръ не игралъ видной роли среди независимыхъ князей. Вотъ почему интердиктъ долженъ былъ тяжело отозваться на Фридрихѣ.

Начало борьбы съ теократіей и вопросъ о свѣтской Церкви.

Ему приходилось, конечно, защищаться всякими способами. Онъ разорвалъ тогда всякія узы съ Римомъ, съ папами, съ тѣмъ оффиціальнымъ католицизмомъ, который хотѣлъ задушить его и смести съ лица земли. Очень можетъ быть, что онъ тогда рѣшился бы пропагандировать идею преобразованія Церкви, но во всякомъ случаѣ, если такія попытки были, то онѣ не представляли чего либо серьезнаго, организованнаго.

Въ своихъ дѣйствіяхъ Фридрихъ II представляется непреклоннымъ врагомъ не только теократіи, но вообще папства въ принципѣ. Какъ человѣкъ энергичнаго почина и неустанной дѣятельности, Фридрихъ способенъ былъ возбуждать симпатіи и антипатіи. Нельзя отнять отъ него великаго ума, но не-

сомнѣнно, что совѣсть его была испорчена; въ немъ итальянскій духъ сливался съ восточными нравами. Въ немъ было много коварства, хитрости, даже изобрѣтательной жестокости. Нельзя не согласиться съ выраженіемъ Бреголля, что Фридрихъ II знаменуетъ собой наступленіе смутной эпохи скептицизма. Время не было достаточно подготовлено для дѣятельности Фридриха II. Какъ сынъ Генриха VI, онъ былъ болѣе привязанъ къ итальянской почвѣ. На папу онъ смотрѣлъ, какъ на свѣтскаго государя. Въ его стремленіяхъ заключались не только цѣли религіозныя, но также и политическія. Онъ стремился къ всеміpному господству, думалъ объ объединеніи восточнаго и западнаго міра, при чемъ предоставлялъ себѣ первую роль. Онъ ратовалъ за перевѣсъ свѣтской власти, но идеаломъ его было объединеніе Италіи. Это заставляло его бороться съ папой, но изъ этого не выходило еще, чтобы онъ думалъ поставить себя на мѣсто папы и основать свѣтскую Церковь ([1]). Такое предположеніе могло воз-

([1]) Этотъ вопросъ былъ возбужденъ французскимъ изслѣдователемъ той эпохи (Huillard-Bréholles). Онъ былъ намѣченъ въ его предисловіи къ Historia diplomatica Friderici Secundi и развитъ въ спеціальной монографіи о Петрѣ Винейскомъ (Vie et correspondance de Pierre de la Vigne). Бреголль полагаетъ, что Фридрихъ II стремился основать новую Церковь, провозгласить себя намѣстникомъ Христа, а Петра Винейскаго хотѣлъ сдѣлать своимъ викаріемъ. Конечно такое оригинальное мнѣніе встрѣтило возраженія, высказанныя Вайцомъ и итальянскимъ историкомъ de Blasiis, который считаетъ эту мысль фантастическою (piu ingegnosa, che vera). Спеціальный біографъ императора также отвергаетъ это мнѣніе. Бреголль впалъ въ ошибку потому, что принялъ напыщенный тонъ современныхъ актовъ за буквальный, тогда какъ это есть ничто иное какъ библейское выраженіе, фразы, сказанныя сгоряча, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Спрашивается, на чемъ основано доказательство автора? «Приводится нѣсколько необдуманныхъ фразъ, которыя рекомендуютъ только свободное направленіе ума, цитуются высокопарныя выраженія о достоинствахъ римскаго императора, имѣющаго права и божескія и человѣческія; затѣмъ тщательно собраны ложныя толкованія, нелѣпые доносы и обвиненія со стороны Римской Церкви, и изъ всего этого составлено доказательство новой религіи Фридриха». При такомъ способѣ доказательствъ можно мечтать и фантазировать даже и по хорошимъ источникамъ и сооружать всевозможныя предположенія на основаніи актовъ, съ которыми не умѣютъ обращаться. Напротивъ, въ письмахъ и государственныхъ актахъ Фридрихъ II вѣрнѣйшій сынъ католической Церкви. Съ его устъ не сходятъ слова глубочайшаго почтенія къ Церкви, что отразилось и въ хроникахъ. — Объ этомъ вопросѣ см. въ книгѣ г. Вильбасова.

никнуть только изъ наивнаго довѣрія, которое принимаетъ букву за дѣйствительность. Въ XIII столѣтіи существовало двѣ теоріи папской императорской власти: первая была выражена въ Швабскомъ Зерцалѣ, вторая въ Саксонскомъ. По первой свѣтская власть является ленникомъ папства; императоръ подчиненъ папѣ, какъ своему сюзерену. Вторая провозглашаетъ самостоятельность властей духовной и свѣтской, папы и императора. Эта вторая, императорская теорія возникла послѣ папской, подъ вліяніемъ наступательной политики гогенштауфеновъ. Еще при жизни Фридриха I былъ поводъ, который далъ ложное основаніе для мнѣнія, что Барбаросса мечталъ объ особомъ нѣмецкомъ папствѣ, но всѣ доказательства по этому дѣлу были признаны подложными ([1]). Но за Фридриха II нѣтъ даже подлинныхъ документовъ. Такое крайне голословное убѣжденіе можетъ составиться только при чтеніи какихъ нибудь панегириковъ или памфлетистовъ. Такъ Бреголль вѣритъ Альберту Бегаму, бывшему пассаусскому архидіакону, впослѣдствіи легату Григорія IX. Понятна та искренняя ненависть, которую Альбертъ питаетъ къ Фридриху. Онъ клеймитъ его разными наименованіями и обвиняетъ его въ стремленіи взобраться на небо Церкви, сдѣлаться не только равнымъ, но даже высшимъ, чѣмъ намѣстникъ Христа, въ намѣреніи самому стать папою съ воинственнымъ мечемъ. Подобныя фразы есть не болѣе какъ фигуральныя выраженія, которыя были приняты за чистую монету приверженцами теоріи, приписавшей Фридриху стремленіе основать новую Церковь. Фридрихъ подозрѣвалъ папу въ намѣреніи отравить его, потому что онъ хотѣлъ реформировать Церковь, исправивъ нравы духовенства. Это обстоятельство опять даетъ поводъ Бреголлю подтверждать свою теорію. Конечно все это ничего не доказываетъ. Для своихъ цѣлей Бреголль сшиваетъ отдѣльные отрывки и выводитъ свое заключеніе изъ того, что Фридрихъ II презрительно третировалъ Церковь, захватывалъ церковныя

([1]) Упоминается объ этомъ только въ словахъ біографа Барбароссы, жившаго въ XIII вѣкѣ и котораго поддерживалъ въ послѣднее время только одинъ нѣмецкій историкъ Фикеръ въ монографіи (Reinhold von Dessau. 1850). Мнѣніе это несправедливо и имѣетъ весьма мало послѣдователей. Яффе доказалъ, что плана отдѣльной нѣмецкой Церкви не могло существовать; духовные князья не могли допустить этого. Германія находилась въ оппозиціи къ папѣ; та же оппозиція составилась бы и противъ втораго папы.

имущества, стремился вооружать другихъ государей противъ Рима. Не объясняется ли все это гораздо проще, какъ слѣдствіе увлеченій самого Фридриха? Онъ старается оградить свои верховныя права, говоритъ Бреголль, и это какъ разъ тогда, когда, послѣ Ліонскаго собора, Фридрихъ,—совершенно забитый, уже не могъ думать объ успѣхахъ дальнѣйшей борьбы.

Однимъ изъ поводовъ приписывать Фридриху II стремленіе къ новой Церкви служатъ его отношенія къ восточному исповѣданію. Фридрихъ не скрывалъ симпатіи къ грекамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ, что греки лучшіе христіане и удивляется, какъ осмѣливается папа называть ихъ еретиками; онъ жалуется на то, какъ можетъ папа, виновникъ раздѣленія Церквей, возводить обвиненія на невинныхъ. „О, счастливая Азія! о, счастливыя власти Востока!“ восклицаетъ онъ, „онѣ не боятся папскихъ козней“. Выводить отсюда какія либо рѣшительныя заключенія было бы слишкомъ смѣло. Надо помнить, что все это говорилось Фридрихомъ во время страстной борьбы обѣихъ сторонъ, когда выраженій не разбираютъ. Перенести на Западъ византійскій идеалъ отношенія властей было невозможно. Перевѣсъ свѣтской власти надъ духовной тамъ сложился долгимъ историческимъ процессомъ и при особыхъ условіяхъ.

Анти-императоры въ Германіи.

Между тѣмъ одними словами, да намѣреніями въ отдаленномъ будущемъ нельзя было бороться съ Римомъ отлученному и свергнутому императору. Отлученіе и отрѣшеніе Фридриха II отъ императорскаго престола должно было отразиться страшнымъ ударомъ на будущей судьбѣ его. Это было самое чувствительное и самое дѣйствительное наказаніе, которое могъ нанести папа. Въ эту минуту казалось погибли бодрость и отвага Фридриха II. Онъ усталъ; его физическія силы утомились въ долгой борьбѣ. Вездѣ его преслѣдовала мрачная гроза святаго проклятія. Онъ сознавался въ глазахъ своихъ друзей, что его имперія не его королевство, а онъ самъ въ немъ не имѣетъ никакого значенія. Должно замѣтить, что въ первое время Фридрихъ продолжалъ разсчитывать, что народъ поддержитъ его въ борьбѣ съ папой. Онъ думалъ, что эпоха уже достаточно отрѣшилась отъ одностороннихъ клерикальныхъ интересовъ. Но теперь онъ могъ убѣдиться, что слишкомъ рано приступилъ къ неравной борьбѣ и что большинство современниковъ не понимало его. Тутъ-то и высказывается весь драматическій интересъ борьбы. Престолъ его

подвергнулся самой рѣшительной опасности. Въ первой половинѣ XIII столѣтія Германія и безъ того отличалась отсутствіемъ серьезной монархической власти. Эта страна никогда не была благоустроеннымъ государствомъ, а теперь тѣмъ менѣе. Она всегда была разрознена и представляла множество отдѣльныхъ частей, часто враждовавшихъ между собою. Прелаты, князья и города дѣйствуютъ сообразно съ своими личными интересами. Если въ Италіи можно было разсчитывать, что императора укроютъ въ томъ или другомъ городѣ, то въ Германіи нельзя было ожидать ничего подобнаго. Здѣсь чуть не главное мѣсто занимали лица духовныя. Агитація этихъ духовныхъ лицъ привела къ тому, что Фридриху II былъ выставленъ анти-императоръ. Въ первое время императорская идея стояла слишкомъ высоко, такъ что анти-императоры не имѣли никакого значенія. Князья не рѣшались на открытую вражду противъ законнаго императора, они видимо стѣснялись чего-то, но въ послѣдствіи одинъ за другимъ являются претенденты. Князья предлагаютъ императорскую корону то королю чешскому, то герцогу австрійскому, то маркграфу бранденбургскому. Обращались даже къ владѣтелямъ Саксоніи, Баваріи, Мейсена, Брауншвейга, Брабанта. Но эти попытки при дворахъ восьми государей не удались. Тогда папа велѣлъ обратиться къ регенту тюрингенскаго ландграфства Генриху Распе, происходившему изъ дома Людвига Бородатаго.

Генрихъ Распе (1246—47 г.). Это былъ повелитель сравнительно небольшой территоріи и то не настоящій владѣтель, а лишь регентъ; онъ поэтому нисколько не былъ опасенъ для князей, но, будучи выдвинутъ куріей, становился опаснымъ соперникомъ Фридриху II ([1]). Это былъ человѣкъ предпріимчивый, находившійся пока въ плохихъ обстоятельствахъ. Какъ аферистъ, взялся онъ за это дѣло. У него достало таланта только на то, чтобы разбить подъ Франкфуртомъ Конрада, сына императора. Но онъ и года не считался римскимъ императоромъ, удовольствовавшись прозваніемъ „поповскаго короля". Онъ вершилъ дѣла только въ тѣхъ городахъ, гдѣ стояли его солдаты. Этого „поповскаго короля" вездѣ сопровождалъ папскій легатъ. Ему не удалось короноваться въ Ахенѣ вѣнцомъ Карла Великаго. Онъ умеръ отъ простуды въ 1247 году 17 февраля во время швабскаго

([1]) В. А. Бильбасовъ. Поповскій король Генрихъ IV Распе (Кіевъ, 1867).

похода. Императорскія хроники считали его безсильнымъ, слабымъ, но тѣмъ не менѣе онъ надѣлалъ много хлопотъ Фридриху II. Личность Генриха Распе имѣетъ только смыслъ какъ симптомъ паденія династіи гогенштауфеновъ и какъ орудіе могущественнаго духовенства, выдвинутое съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Духовенство его избрало, оно же дало ему воиновъ и денегъ, но все это не ради его самого.

Междоусобія продолжались и послѣ смерти Генриха, въ особенности въ Эльзасѣ. Сынъ Фридриха, Конрадъ все время долженъ былъ усмирять волненія, начиная съ 1241 года. Это было первое междуцарствіе. Въ рейнскихъ земляхъ и въ Швабіи духовные проявили энергичную пропаганду. Въ Стадентскихъ анналахъ читаемъ по этому поводу слѣдующее: „Въ Церкви Божіей стали собираться еретики, которые звономъ колоколовъ собираютъ народъ и открыто проповѣдуютъ ему, что папа еретикъ, епископы и прелаты тоже еретики, что священники подвержены порокамъ и потому не могутъ вязать и разрѣшать, а только морочатъ людей. Еретики приглашаютъ молиться за императора Фридриха и за сына его Конрада, такъ какъ оба они храбры и доблестны". Во многихъ мѣстахъ не признавали императорскую власть, и акты начинаются заголовкомъ: „Dei gratia", а кончаются: „regnante Domino Iesu Christo". Фридрихъ готовъ былъ войти въ сдѣлку съ папой въ настоящее время, но уже было поздно. Междоусобія.

Все было противъ императора. Онъ видѣлъ, какъ мало-по-малу уменьшалось число его сторонниковъ, какъ несчастія стали обрушиваться на него со всѣхъ сторонъ. Правда, онъ еще не былъ побѣжденъ, но положеніе его было незавидное. Надо было имѣть все величіе его духа, какъ говоритъ хроника (1), чтобы пораженному папскимъ проклятіемъ, съ глазу на глазъ передъ своимъ народомъ, геройски стоять за свое дѣло, чтобы продолжать отбиваться чуть не ежедневно. Съ твердостью стоика говоритъ онъ въ эту тяжелую минуту своей жизни: „Только для погибели моей папа созвалъ этотъ Ліонскій соборъ. Онъ лишилъ меня моей короны. Но нѣтъ! быть не можетъ! корона моя не потеряна! Ни папская злоба, ни соборное опредѣленіе,—ни что не въ состояніи отнять ее

(1) Superatus a divina potentia, quem gentes humanae non poterant superare.... Omnibus fuerat insuperabilis, solius mortis legi succubuit.

у меня. Только кровь и рѣзня могутъ вырвать ее изъ моихъ рукъ".

Иннокентій IV рѣшился направить противъ Фридриха всѣ силы христіанскаго міра. Онъ проповѣдуетъ по Европѣ крестовый походъ уже не противъ мусульманъ, а противъ императора. Папа рѣшился уничтожить врага что называется въ конецъ. Онъ сыплетъ сотни индульгенцій тѣмъ, кто подыметъ оружіе противъ императора. „Кто пойдетъ на Фридриха, тому простится всякое преступленіе, простится даже то, что до сихъ поръ еще никому не прощалось". Прощеніе объявлялось не только самимъ крестоносцамъ, но и ихъ матерямъ и отцамъ. Послѣ всего этого должно было рушиться и довѣріе къ папѣ. Страшными наказаніями грозилъ папа ослушникамъ: — „да ниспадутъ всѣ ужасы ада на тѣхъ, которые сохранятъ хотя малую привязанность къ королю". Такіе города теряютъ свои привилегіи, бароны лишаются своихъ леновъ, духовные своихъ земель. Дальнѣйшія событія какъ бы отплатили папѣ за такую узурпацію. Фридрихъ пытался искать мира, но напрасно. Папа желалъ его смерти, ему нуженъ былъ его трупъ. Ходатайство Луи IX, благочестиваго короля французскаго, тоже ни къ чему не привело. Напрасно изъ Іерусалима молили папу прекратить раздоры въ христіанскомъ мірѣ и освободить изъ рукъ невѣрныхъ святой городъ. Патріархъ іерусалимскій писалъ, что Гробъ Господень опозоренъ, что послѣдователи Христа или въ бѣгствѣ, или въ кандалахъ. Иннокентій IV не обращаетъ на это вниманія. Его болѣе занималъ крестовый походъ противъ безбожнаго императора. Онъ прибѣгалъ и къ другимъ мѣрамъ. Есть подозрѣніе, что папа не остановился даже на этотъ разъ передъ отравой.

Смерть Петра Винейскаго. Бенедиктинецъ Матвѣй Парижскій разсказываетъ, что орудіемъ Иннокентія IV на этотъ разъ сдѣлался любимецъ и другъ Фридриха, его министръ Петръ Винейскій, на которомъ Фридрихъ, какъ на камнѣ, хотѣлъ соорудить свою свѣтскую Церковь ([1]). Но есть серьезныя основанія отвергнуть это преданіе и признать, что Петръ погибъ тремя годами ранѣе, вслѣдствіе интригъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ требуетъ

([1]) Кромѣ Матвѣя Парижскаго объ этомъ говоритъ и самъ Фридрихъ въ письмахъ, помѣщенныхъ въ изданіи Huillard-Bréholles (Historia diplomatica; VI, 709).

вниманія. Петра рекомендовалъ Фридриху архіепископъ палермскій, какъ опытнаго юриста. Онъ былъ неизвѣстнаго происхожденія, ребенкомъ собиралъ на улицахъ Капуи подаяніе, вышелъ, вѣроятно, изъ простаго народа, и уже по тому одному былъ по сердцу Фридриху. Скоро по окончаніи занятій въ Болонскомъ университетѣ, Петръ обратилъ на себя вниманіе императора; онъ сдѣлался нотаріемъ, судьей, намѣстникомъ Апуліи, потомъ протонотаріемъ, что соотвѣтствовало обязанностямъ канцлера. Онъ побуждалъ Фридриха къ реформаторскимъ предпріятіямъ, давалъ указанія относительно тѣхъ преобразованій, о которыхъ мы говорили выше. Онъ сталъ заклятымъ врагомъ Рима, а потому невѣроятно чтобы онъ вошелъ въ переписку съ папой и подкупилъ того врача, который взялся отравить императора. Теперь доказано, что Петръ умеръ ранѣе 1249 года, къ которому пріурочена попытка папы погубить Фридриха II, что онъ пострадалъ въ 1246 году отъ подозрительности послѣдняго, который не могъ простить канцлеру его бездѣятельности на Ліонскомъ соборѣ. Фридрихъ, не разобравъ дѣло, допустилъ себя обойти клеветникамъ и велѣлъ пытать Петра, затѣмъ, ослѣпивъ его, возилъ за собою во время странствія по городамъ. Всѣ документальныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Петра Винейскаго сходятся въ томъ, что онъ, ослѣпленный, самъ окончилъ свою жизнь въ 1246 году. По первому свѣдѣнію, Фридрихъ велѣлъ выдать его пизанцамъ. Посаженный ими въ тюрьму, онъ раскроилъ себѣ черепъ о стѣну, къ которой былъ прикованъ. По второму извѣстію, взятому изъ одной флорентійской рукописи, онъ былъ посаженъ на мула и отправленъ въ городъ Пизу (¹). Ослѣпленный, онъ просилъ провести себя въ церковь и спросилъ сторожа, нѣтъ ли чего между имъ и стѣной и тогда ударился о стѣну. По третьему сказанію (²) онъ бросился со стѣны и загородилъ трупомъ дорогу Фридриху, который въ это время проходилъ по улицѣ. Данте, имѣвшій одинъ способность бесѣдовать съ мертвыми, объяснилъ вдохновеніемъ то, что не освѣщено въ историческихъ памятникахъ. Въ XIII пѣсни Ада

(¹) Приведено у Raumer. Gesch. von Hohenstaufen; IX, 95. Въ сущности тоже разсказываетъ Матвѣй Парижскій, относя невѣрно событіе къ 1249 году.

(²) Пизанскій манускриптъ въ монографіи Huillard-Bréholles. Pierre de la Vigne, 88.

поэтъ встрѣтился съ этимъ сподвижникомъ Фридриха II въ загробныхъ мѣстахъ преисподней. Онъ увидѣлъ, что мнимый измѣнникъ наказанъ лишь за самоубійство, что онъ, обращенный въ колючее дерево, стонетъ, обливаясь черной кровью. Когда рука поэта пробовала отломить одну изъ вѣтвей таинственнаго кустарника, то Петръ сказалъ:

— „Я держалъ оба ключа отъ сердца Фридриха: отпиралъ и запиралъ его. Я потерялъ сонъ и силы, исполняя свои великія обязанности. Но прелестница (la meretrice), никогда не отвращающая очей своихъ отъ царственныхъ палатъ кесаря, эта общая язва и зло дворцовъ (т. е. зависть), зажгла всѣ умы противъ меня и отъ ихъ пламени воспламенился Августъ до того, что радостныя почести обратились въ печальный трауръ. Клянусь новыми казнями этого дерева, что я никогда не преступалъ обѣта вѣрности моему достойному всякаго почтенія государю.

«Клянусь теперь я смѣло,
«Что я ему ни въ чемъ не измѣнялъ
«И вѣрность сохранилъ къ нему всецѣло.
«Я Кесаря до смерти обожалъ
«Онъ стоитъ и любви и уваженья....
«Пусть тотъ изъ васъ, кому я жалокъ сталъ
«Пусть тотъ изъ васъ, кого ждетъ возвращенье
«Въ живущій міръ, тамъ честь мою спасетъ
«И возстановитъ истинное мнѣнье
«О грѣшникѣ, котораго гнететъ
«И клевета, и ненависть людская».

— Я не могъ говорить съ нимъ больше, заключаетъ Данте, „такая жалость овладѣла мною (tanta pietà m' accorra)“ (¹).—Такимъ образомъ Данте, современнику первыхъ годовъ XIV столѣтія, когда страсти уже достаточно улеглись, удалось лучше, чѣмъ кому либо изъ лѣтописцевъ, понять личность главнѣйшаго сподвижника Фридриха II и выяснить, что Петръ погибъ совершенно безвинно.

Кончина Фридриха II.

Грустно прошли послѣдніе годы Фридриха послѣ смерти Петра Винейскаго. Ни въ чемъ не видѣлъ онъ утѣшенія, а несчастія сыпались на него одно за другимъ. Онъ умеръ въ одеждѣ цистерціанцевъ, на рукахъ своего любимѣйшаго сына

(¹) Div. Com. L'inferno. XIII, 82—122. Пер. Минаева. Адъ, 87—89.

Манфреда, такого же энтузіаста, какимъ нѣкогда былъ онъ самъ. Императоръ исповѣдывался и причастился изъ рукъ архіепископа Палермскаго, который его немедленно разрѣшилъ отъ отлученія, наложеннаго на него папою Иннокентіемъ IV. Смерть его была мучительна. По извѣстіямъ, передаваемымъ Матвѣемъ Парижскимъ, умирающій испускалъ страшные стоны и вопли и едва не проклиналъ день своего рожденія. Иногда стоны его утихали на нѣсколько минутъ; онъ сожалѣлъ, что взялъ на себя управленіе такими обширными странами, говорилъ, что испыталъ сильныя огорченія только за то, что желалъ возстановить и поддержать права имперіи. Наканунѣ его смерти ему сдѣлалось лучше. Онъ говорилъ, что хочетъ встать на другой день съ постели, но ночью ему сдѣлалось хуже, припадки обострились и утромъ 13 декабря 1250 года знаменитаго человѣка не стало. По завѣщанію императоръ роздалъ всѣмъ своимъ сыновьямъ, друзьямъ и приближеннымъ большія суммы денегъ, а своему любимцу Манфреду кромѣ того подарилъ Тарентъ и нѣкоторыя другія земли. Этотъ еретикъ и богохульникъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ безусловную покорность св. Римской Церкви. Таковъ былъ финалъ великой борьбы. Еще разъ была принесена жертва ради преобладанія теократіи, но эта жертва была послѣднею.

Между тѣмъ вражда Рима достигала крайняго предѣла. Римъ не могъ простить даже умершаго Фридриха. Вотъ какъ ликовалъ верховный католическій первосвященникъ надъ холоднымъ трупомъ Фридриха:—„Какъ небеса не возрадуются, какъ земля не возвеселится; молніи и бури, такъ долго шумѣвшія надъ нами, наконецъ исчезли, благодаря милосердію Господа. Погибъ тотъ, который постоянно терзалъ Церковь“. Папы не хотѣли даже признать факта; они не хотѣли повѣрить, что ихъ врагъ умеръ естественною смертью. Вотъ что между прочимъ находимъ въ одной спеціальной папской хроникѣ (1). Фридрихъ-де былъ разбитъ войсками папскими на

(1) Amalricus Augnerius. Vita Innocentii IV (Muratori; t. III, pars II, p. 402, 403). Онъ же придумалъ другую клевету на Фридриха II, обвиняя императора въ умерщвленіи сына Генриха.... «У него былъ (ibid.) еще другой законный сынъ, котораго онъ самъ провозгласилъ королемъ германскимъ (Regem Alamanniae) и который послѣ возсталъ противъ отца своего. Фридрихъ приказалъ схватить его и заключить въ одну изъ самыхъ крѣпкихъ темницъ, гдѣ онъ послѣ былъ задушенъ (in quibus postea fuit soffocatus)».

голову". Онъ лишился всего имущества; его оставили всѣ приближенные. Пораженный, онъ удалился въ Апулію и тамъ, снѣдаемый печалью, грустилъ безутѣшно. Манфредъ, его непризнанный сынъ, страстно желалъ овладѣть его престоломъ. Онъ тѣмъ болѣе могъ надѣяться на престолъ, что законный преемникъ Фридриха былъ еще малолѣтенъ. Этотъ-то Манфредъ, условившись съ секретаремъ Фридриха, задушилъ подушками своего отца, который недвижимо лежалъ на постели и былъ такъ слабъ, что не могъ оказать сопротивленія. Такимъ образомъ въ 1250 году, безъ св. причастія, проклятый, задушенный, погибъ схизматикъ.... Но иные, прибавляетъ хроникеръ, говорятъ, что передъ смертью онъ сознаяъ свою вину передъ Церковью и раскаялся во всемъ, въ чемъ только погрѣшилъ противъ нея. Раскаявшись, онъ приказывалъ не хоронить себя послѣ смерти съ приличными императору почестями".—Такова папская фабула.

Народъ нѣмецкій долго помнилъ Фридриха. Особенно популярно было его имя въ Римѣ. Тамъ въ 1283 году сожгли самозванца, выдававшаго себя за какого-то императора. Явился другой, который былъ схваченъ, закованъ, но бѣжалъ, потомъ опять выдавалъ себя за Фридриха, былъ снова пойманъ и повѣшенъ. Таково было обаяніе гогенштауфена на современниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкій народъ соединялъ воспоминаніе о Фридрихѣ II съ надеждами на лучшее будущее.

Одинъ швейцарскій лѣтописецъ (¹) въ 1328 году вотъ что записалъ по поводу слуховъ, ходившихъ спустя 78 лѣтъ послѣ смерти Фридриха: — „Онъ придетъ, нашъ спаситель, нашъ императоръ; если бы даже тѣло его было изрублено на 100 частей и превращено въ пепелъ, то онъ и тогда придетъ. Такъ постановлено въ Божьемъ совѣтѣ. Вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ ограбленнымъ онъ отдастъ все имъ принадлежащее, всѣмъ окажетъ полную справедливость, бѣдныхъ дѣвушекъ отдастъ за богатыхъ, священниковъ же онъ будетъ преслѣдовать, будетъ преслѣдовать съ такой злобой, что они покроютъ свои подрясники грязью, чтобы ихъ только не узнали. Монаховъ же, особенно нищенствующихъ, которые распространяютъ папскія отлученія, онъ сотретъ съ лица земли. Затѣмъ, совершивши все это, онъ отправится за море на

(¹) S. Vitodurani, лѣтопись Витодуранскаго монастыря въ швейцарскомъ собраніи хроникъ—Füsslin. Thesaurus historiae Helvetiae I, 86.

Масличную гору и, въ виду Іерусалима, сложитъ свою императорскую корону". Впрочемъ лѣтописецъ смутился, справился у Іова и Соломона и нашелъ, что крайне глупо вѣрить, будто покойный императоръ, еретикъ, можетъ воскреснуть. Во всякомъ случаѣ это мѣсто важно, такъ какъ отражаетъ сужденіе народа чуть не сто лѣтъ спустя послѣ смерти Фридриха.

Дѣйствительно Фридрихъ II глубоко симпатиченъ своими несчастіями. Въ его историческомъ характерѣ былъ одинъ недостатокъ: въ немъ было слишкомъ мало любви къ современности. „Несчастіе Фридриха", говоритъ о немъ русскій историкъ, „состояло именно въ томъ, что онъ съ своимъ свѣтлымъ умомъ слишкомъ опередилъ свое время, и потому не находилъ въ немъ довольно сочувствія себѣ И побѣды были не въ побѣды, когда противъ него было общее мнѣніе и національные интересы Италіи. Самыя крѣпкія силы должны были сокрушиться въ этой неравной борьбѣ мысли и духа одного человѣка противъ цѣлаго вѣка, и самая высокая доблесть оставалась безплодною. Мудрено-ли, что общее всѣмъ раздраженіе сообщилось и Фридриху? что онъ не разъ терялъ необходимое для великаго дѣла спокойствіе и выходилъ изъ предѣловъ благоразумной умѣренности? Враги искусно пользовались его ошибками, чтобы еще болѣе разжигать къ нему ненависть. Отчаявшись утомить самого Фридриха II, они старались по крайней мѣрѣ опутать его со всѣхъ сторонъ интригою и тѣмъ лишить его возможности дѣйствовать. Даже и онъ потерялъ бодрость и впалъ въ уныніе, когда измѣна проникла наконецъ въ его собственный лагерь и начала похищать у него, одного за другимъ, довѣреннѣйшихъ приверженцевъ, съ которыми онъ привыкъ дѣлить не только свои подвиги, но и самыя думы (¹)".

Явившись слишкомъ рано для борьбы съ теократіей, разойдясь съ современной эпохой, недостаточно поддержанный въ этой борьбѣ, онъ долженъ былъ пасть въ поединкѣ. Фридрихъ умеръ во враждѣ съ вѣкомъ, въ раздорѣ съ близкими къ нему людьми, не успѣвъ унести въ могилу надежды на приближеніе того лучшаго будущаго, котораго онъ такъ страстно домогался въ продолженіи своей бурной, кипучей дѣятельности.

(¹) Кудрявцевъ. Сочиненія; статья о Данте; I, 430.

VII.

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ПАПСКОЙ ГЕГЕМОНІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА.

1) Послѣдніе гогенштауфены.

Смерть Фридриха II гогенштауфена раздѣлила навсегда историческія судьбы Германіи и Италіи. Неаполитанское королевство, которое было чисто случайнымъ образомъ присоединено къ германской коронѣ священной Римской Имперіи, теперь отдѣлилось отъ нея. Только четыре года послѣ Фридриха II обѣ короны осѣняли одновременно главу императора и короля обѣихъ Сицилій. Затѣмъ обѣ короны раздѣлились навсегда. Въ этомъ папство одержало свою послѣднюю побѣду, пользуясь искусно борьбою политическихъ партій въ Италіи, враждой такъ называемыхъ гвельфовъ съ гибеллинами.

Гвельфы и Гибеллины въ южной Италіи.

Происхожденіе этой борьбы коренится въ спорахъ двухъ владѣтельныхъ домовъ въ Германіи за обладаніе престоломъ священной Римской Имперіи еще въ 1125 году. Когда въ 1138 г. императорская корона досталась дому Гогенштауфеновъ, то не менѣе если не болѣе сильный родъ Вельфовъ, господствовавшій въ Саксоніи и Баваріи, претендовавшій на германскій престолъ, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ (I, 525), сталъ съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться возвышенію ненавистныхъ гогенштауфеновъ. Извѣстна битва подъ Вейсбергомъ, въ которой Конрадъ III разбилъ Генриха Вельфа, при чемъ лозунгомъ обоихъ войскъ были клики Welf, Waiblingen (I, 425). Когда Барбаросса ввязался въ итальянскія дѣла и вступилъ въ несчастную для него борьбу съ коммунами Ломбардіи (I, 529—550), отдавшимися подъ

покровительство первосвященника, то все враждебное императорамъ осѣнялось именемъ Вельфа, хотя не становилось подъ его баварское знамя. Слово guelfo „гвельфъ" стало своего рода лозунгомъ патріотовъ итальянскихъ, поборниковъ самостоятельности Италіи подъ покровительствомъ папы. Слово ghibellino, „гибеллинъ", стало лозунгомъ сторонниковъ императоровъ Германіи. Это движеніе проявилось сперва съ сѣверной Италіи, а потомъ перешло и въ южную. Пока мы будемъ говорить о послѣднемъ.

Конрадъ IV (1250-1254 г.). Послѣ Фридриха II, его сынъ, несимпатичный для итальянцевъ, Конрадъ I (IV какъ императоръ) занялъ его мѣсто на престолѣ обѣихъ Сицилій (¹). Не совсѣмъ то желали его

(¹) Nicolaus de Jamsilla (Historia de rebus gestis Friderici II ejusque filiorum), представляя продолженіе хроники Риккардо Санъ-Джерманскаго, служитъ главнымъ источникомъ для эпохи послѣднихъ гогенштауфеновъ. Она написана не однимъ авторомъ, но двумя и помѣщена у Муратори (VIII, 489—616). Николай де Ямзилла свой разсказъ довелъ только до 1258 г., когда Манфредъ короновался королевской короной. Далѣе онъ не пошелъ въ изложеніи событій, можетъ быть, потому, говоритъ издатель въ предисловіи, что «Manfredum Romana Curia ferventius ejurare jam coeperat, eaque is agere videbatur, quae christiano ac honesto homini probari non poterant». Вторая часть хроники, изданная у Муратори подъ названіемъ «Supplementum anonymi» (VIII, 585—616), излагаетъ событія отъ 1258 г. до 1265 г., когда Конрадинъ прибылъ въ Италію. Эта часть значительно разнится отъ первой по своему языку, мѣстами весьма тяжелому и неудобочитаемому, и представляетъ собою сокращеніе—со многими измѣненіями въ воззрѣніяхъ—другого историческаго труда гвельфской партіи, именно, «Sabae vel Sabae Malaspinae historia»—Rerum Sicularum l. VI, отъ 1250 до 1285 (Muratori; VIII, 781 -874). Относительно субъективныхъ воззрѣній автора на ходъ событій слѣдуетъ отмѣтить его приверженность къ партіи гибеллиновъ; всѣ его симпатіи всецѣло принадлежатъ дому гогенштауфеновъ. Хроника начинается краткимъ изложеніемъ событій, случившихся при Фридрихѣ II. Все изложеніе носитъ на себѣ характеръ панегирика, что видно уже изъ первыхъ, вступительныхъ словъ хроники: «между тѣми, о которыхъ сохранилась память, въ Римской имперіи болѣе всего выдавался императоръ Фридрихъ II, который, будучи славнаго происхожденія, такъ возвысилъ достоинство имперіи своей мудростью и благородствомъ, что должно думать, что онъ былъ украшеніемъ имперіи, а не на оборотъ». Указавъ на его походы противъ папы, итальянскихъ городовъ, невѣрныхъ, перечисливъ за тѣмъ его заслуги въ дѣлѣ образованія, государственнаго устройства, управленія и суда, авторъ переходитъ къ

видѣть въ Неаполѣ. Папа жилъ въ Ліонѣ и не ѣхалъ въ Римъ, опасаясь сосѣдства гогенштауфеновъ. Съ сыномъ Фридриха II не могла примириться римская курія. Покойный императоръ былъ проклятъ Церковью со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не многаго могла ожидать императорская партія отъ личности Конрада. По общему убѣжденію современниковъ, онъ стоялъ далеко ниже своего отца. Бароны и простой народъ какъ-то невольно пугались церковнаго проклятія со всѣми его страшными послѣдствіями и не рисковали ужасами ада для своихъ симпатій къ императору, а тѣмъ болѣе для совершенно чужаго имъ Конрада. Тяжелая рука Фридриха II уже не была страшна для болѣе распущенной знати. Даже Неаполь отказался отъ гибеллиновъ и сдѣлался гвельфскимъ городомъ. Названія гвельфовъ (они же „Черные") и гибеллиновъ (отчасти „Бѣлые") сдѣлались въ то время общими девизами папы и императора, особенно въ Италіи. Вражда этихъ факцій современна враждѣ духовной и свѣтской власти. На самомъ дѣлѣ послѣдніе термины были ничѣмъ инымъ, какъ символомъ вражды двухъ домовъ, поссорившихся между собою. Подъ этими-то символами объединились двѣ партіи: папская и императорская. Во второй половинѣ XIII вѣка борьба была въ разгарѣ на всемъ полуостровѣ, о чемъ будемъ говорить послѣ.

Когда Фридрихъ II умеръ, Конрадъ былъ въ Германіи. Тамъ приходилось ему защищать свои права на императорскій престолъ противъ оппозиціи, выдвинутой Римомъ, во главѣ которой стоялъ Вильгельмъ, графъ голландскій. Онъ не разсчитывалъ скоро быть въ Италіи, потому что папа Иннокентій IV употреблялъ всѣ усилія къ тому чтобы задержать Конрада, имѣя въ виду, при помощи своихъ приверженцевъ въ южной Италіи, воспользоваться городами неаполитанскаго королевства, въ которыхъ папскіе агенты произвели волненія.

Манфредъ и возстаніе общинъ въ Апуліи.

Здѣсь правилъ, за отсутствіемъ Конрада, въ качествѣ его намѣстника, младшій сынъ Фридриха II и графини Ланчіи, принцъ Манфредъ. Онъ пользовался большою популярностью и славился истинно рыцарскими доблестями. Южно-итальян-

---

Конраду, сыну его.—Прекрасно обработанное пособіе въ сочиненіи: Schirrmacher (Die letzten Hohenstaufen, G. 1871) изъ трехъ книгъ: о Конрадѣ, Манфредѣ и Конрадинѣ.

скія хроники говорятъ о немъ съ горячимъ сочувствіемъ. Ямзилла, напримѣръ, такъ отзывается объ этомъ дѣйствительно симпатичномъ юношѣ: „Природа надѣлила его всѣми дарами.... Съ дѣтства занимаясь философіей, онъ проявилъ еще тогда врожденныя критическія способности и тѣмъ доказалъ, какою мудростью онъ будетъ обладать въ зрѣломъ возрастѣ (¹)". Ему было только 18 лѣтъ, а онъ проявилъ уже много такта, исполняя обязанности правителя королевства. Онъ не смѣстилъ никого изъ прежнихъ сановниковъ, не дѣлалъ никакихъ нововведеній, ни въ администраціи, ни въ судѣ, но являлся вездѣ, гдѣ грозила опасность государственному порядку, который въ неаполитанскихъ предѣлахъ господствовалъ ранѣе чѣмъ гдѣ либо. Города, увлекшіеся папскими обѣщаніями, скоро почувствовали приближеніе грозы.

Возстаніе вспыхнуло въ Апуліи, а именно въ городахъ: Андрія, Бароли и Фогія, а затѣмъ перешло въ предѣлы Кампаніи и разразилось въ Неаполѣ. Гвельфскія общины образовали тайный союзъ, въ которомъ средства для борьбы явились въ изобиліи. Эта была послѣдняя попытка во имя коммунальной идеи въ предѣлахъ королевства обѣихъ Сицилій. Она не удалась. Нѣмецкіе наемные латники Манфреда, которымъ нечего было щадить, однимъ своимъ появленіемъ передъ Андріей, заставили населеніе бѣжать изъ города. Манфредъ пригласилъ жителей вернуться и, ограничившись легкою денежной пенею, простилъ общину, имѣя въ виду „лишь исправленіе ея, а не наказаніе". Также принцъ поступилъ съ Фогіей, гдѣ женщины съ распущенными волосами, припавъ къ стонамъ Манфреда, ходатайствовали за своихъ мужей. Князь и здѣсь, въ замѣнъ поголовнаго тѣлеснаго наказанія, которое примѣнялось тогда въ подобныхъ случаяхъ, ограничился денежной пеней. Сверхъ того валы были срыты, а овраги засыпаны. Съ Бароли было поступлено хуже. Здѣсь самое движеніе носило болѣе обдуманный и серьезный характеръ. Граждане прогнали властей и судей, посаженныхъ Фридрихомъ и выбрали своихъ. Къ нимъ стало обращаться населеніе безъ всякихъ особыхъ распоряженій во всѣхъ дѣлахъ,

(¹) Nicolaus de Jamsilla (Muratori; VIII, 498). По этому поводу хроникеръ пускается въ филологическія тонкости объ имени героя. «Manfredus, id est manus Frederici, ut pote sceptrum tenere dignus est, quod manus paterna tenuerat, vel Manfredus, id est mens Frederici» (ibidem).

гражданскихъ и уголовныхъ. Манфредъ пошелъ на Бароли и потребовалъ отворить ворота; въ отвѣтъ посыпались со стѣнъ камни и стрѣлы. Манфредъ, не обращая на это вниманія, первый бросился къ воротамъ; за нимъ рванулись другіе: такая отвага увлекала южанъ и всегда усиливала популярность князя. Городъ былъ взятъ, стѣны и укрѣпленія были разрушены и сравнены съ землею.

Послѣ такого погрома, города Апуліи смирились. Манфредъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ наемникомъ графомъ Бертольдомъ, пошелъ на Неаполь, который также принялъ сторону папы. Здѣсь онъ встрѣтилъ грозныя приготовленія къ защитѣ и не посмѣлъ рискнуть осадой. Гордая столица съ многочисленнымъ населеніемъ смѣялась надъ усиліями Манфреда; обороной Неаполя заправляли папскіе агенты, хотя самъ Иннокентій IV скрывался тогда въ Ліонѣ. Манфредъ предложилъ сдѣлку и спросилъ объ условіяхъ. Папа изъ Ліона потребовалъ клятвы вѣрности Церкви со стороны принца, за что обѣщалъ ему въ ленъ Тарентъ; всѣ же прочіе города южной Италіи должны быть переданы папскимъ уполномоченнымъ. Конечно Манфредъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Между тѣмъ лѣтомъ 1281 г. король Конрадъ поспѣшилъ въ Италію изъ Германіи, гдѣ монахи открыто проповѣдывали противъ него крестовый походъ. Въ Ломбардіи гибеллины встрѣтили сына Фридриха съ особымъ торжествомъ и дали ему средства для борьбы съ папою. Много ломбардскихъ рыцарей присоединилось къ его спутникамъ. Конрадъ, чтобы не проходить черезъ территорію Церковной области, съ своимъ отрядомъ сѣлъ на суда въ Навоне и высадился весною 1252 г. на берегахъ Апуліи, близь Сапонта, встрѣченный братомъ. Конрадъ благодарилъ Манфреда за искусное управленіе королевствомъ, за его побѣды и, чтобы показать ему публично свое благоволеніе пригласилъ Манфреда идти рядомъ съ собою подъ балдахиномъ отъ берега до ближайшаго города, при чемъ Манфредъ, вѣрный завѣту отца и своей клятвѣ, изображалъ изъ себя „ревностнаго вѣрноподданнаго“.

Скоро дружескія отношенія между братьями охладѣли. Жадный и грубый Конрадъ поставилъ себѣ цѣлью отобрать отъ Манфреда его владѣнія. Онъ сперва просилъ и предлагалъ Манфреду показать примѣръ великодушія прочимъ вассаламъ, во имя блага государства, затѣмъ, пользуясь уступчивостью

брата, сталъ приказывать, лишая его постепенно того, что было предоставлено отцомъ и, наконецъ, ограничилъ его владѣнія однимъ Тарентомъ. И даже здѣсь Манфредъ былъ лишенъ права уголовной юрисдикціи, такъ какъ король въ видахъ централизаціи назначилъ своихъ юстиціаріевъ. Манфредъ не хотѣлъ заводить ссоры съ братомъ, къ которому относился со всею искренностью, какъ къ своему законному государю. Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на Капую и на Неаполь и содѣйствовалъ взятію этихъ городовъ. Столица была жестоко наказана и лишена своихъ муниципальныхъ правъ. Старинныя стѣны города были разрушены; на гигантскаго коня, стоявшаго на главной площади, надѣли узду; архіепископъ неаполитанскій, руководившій защитой, былъ изгнанъ; другіе главные сторонники гвельфской партіи были казнены.

Послѣ своей побѣды Конрадъ, продолжая сознавать могущество папы въ Италіи, думалъ смягчить первосвященника любезностью. Но Иннокентій IV отвергнулъ его заискиванья. Онъ требовалъ признанія своего сюзеренства въ южной Италіи и на этихъ условіяхъ завелъ переговоры съ королями французскимъ, англійскимъ и съ другими властителями, всюду подыскивая надежнаго кандидата. Онъ еще съ бо̀льшею охотою раздѣлилъ бы южную Италію на отдѣльныя княжества и коммуны, что облегчило бы куріи неослабный надзоръ за страною. Папа въ одномъ случаѣ примирился бы съ существованіемъ этого королевства: если бы Конрадъ отказался отъ престола или если бы ненавистный гогенштауфенъ пересталъ существовать.

Смерть Конрада, которой желалъ папа въ это время и которая грозила внезапно дать другой оборотъ римскому дѣлу, казалось, открывала ему возможность скорѣе достичь осуществленія своего идеала, отдѣлить во что бы то ни стало сицилійское королевство отъ имперіи и отдать первое въ надежныя руки вѣрнаго вассала. Понятно почему. У Конрада остался бы тогда одинъ малолѣтній сынъ Конрадинъ (какъ называли его итальянцы), родившійся въ 1252 г. Ребенка не избрали бы императоромъ; въ такомъ случаѣ на императорскомъ престолѣ швабская династія должна была прекратиться. Конрадинъ остался бы только королемъ сицилійскимъ и въ этомъ санѣ не представлялъ бы собою какой либо политической силы. Между тѣмъ, при энергичномъ Конрадѣ IV со всѣхъ сторонъ грозила опасность церковнымъ владѣніямъ, а съ

тѣмъ вмѣстѣ и свѣтскимъ претензіямъ папъ. И съ сѣвера и съ юга расположились противники, руководимые однимъ умомъ, одною силою. Конечно, имперія была опаснѣе, но характеръ императорской власти не допускалъ стремительности или особенной быстроты въ военныхъ диверсіяхъ. Скорѣе и успѣшнѣе могло давить Римъ королевство обѣихъ Сицилій. Разъединеніе двухъ коронъ было задушевною мечтою римскихъ первосвященниковъ. Оно открывало въ будущемъ перспективу торжества болѣе легкаго надъ имперіей. Потому-то теперь всѣ стремленія папской куріи были направлены къ тому, чтобы исправить ошибку папъ, которые случайно и необдуманно допустили соединеніе обѣихъ коронъ; потому-то существенной цѣлью куріи была передача короны Неаполя другому дому; такимъ образомъ, избавившись отъ опасностей, папство могло бы обезсилить императорскую власть([1]). Въ это самое время (1254 г.) папа получаетъ радостное извѣстіе о кончинѣ Конрада, какъ писали,—отъ изнурительной лихорадки. Конрадъ IV собирался въ Германію для набора войска и смерть застала его за приготовленіемъ къ отъѣзду. — „Я безъ ума отъ радости; я увѣренъ, что всѣ дѣти римской Церкви возрадуются со мною", воскликнулъ папа. Такая безумная радость и замѣчательно благопріятное стеченіе обстоятельствъ заставили подозрѣвать Иннокентія IV въ насильственной смерти Конрада. Но врядъ ли справедливо подобное подозрѣніе. Императоръ хворалъ почти цѣлый годъ; ядъ не могъ дѣйствовать такъ медленно ([2]).

Конрадинъ. Очень понятенъ былъ восторгъ папы при извѣстіи о смерти Конрада. Она осуществляла его планы, планы европейскихъ гвельфовъ, завѣтныя преданія римской куріи. Отнынѣ германская имперія и сицилійское королевство будутъ въ разныхъ рукахъ. Ошибка папы Урбана III, который нѣкогда допустилъ императоровъ на сицилійскій престолъ, который силою своей духовной власти не расторгнулъ брака сына Барбароссы съ Констанціей нормандскою, была заглажена. Малолѣтняго Конрадина папы смѣло могли принять подъ свое

([1]) Интересно, что Матвѣй Парижскій не скрываетъ своего сочувствія къ Конраду IV, о которомъ говоритъ такъ подъ 1552 г.: Conradus. tum propter sui generis praeclaram excellentiam, tum propter mam innatam benegnitatem, tum propter insuperabilem in militia strenuitatem» etc.

([2]) Jamsilla (VIII, 507). Тѣмъ болѣе нелѣпо подозрѣвать Манфреда въ смерти Конрада; этотъ слухъ пустили гвельфскіе лѣтописцы.

покровительство. Онъ былъ для римской куріи совершенно безопасенъ. Правда Иннокентій IV взялъ на себя дружелюбную отеческую роль опекуна надъ сиротой Конрадиномъ, но втайнѣ продолжалъ сноситься съ англійскимъ дворомъ, предлагая сицилійскую корону сыну Генриха III, принцу Эдмунду, брату будущаго короля Эдуарда I. Иннокентій IV считалъ себя вправѣ совершенно произвольно располагать престоломъ обѣихъ Сицилій. Онъ смотрѣлъ на это королевство, какъ на свой собственный ленъ. Однако онъ счелъ полезнымъ напомнить отечески нѣжный тонъ буллы, которою Иннокентій III когда-то заявилъ Европѣ свою тѣсную дружбу съ сильнымъ гогенштауфеномъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, папа разсчитывалъ въ одно и тоже время обмануть и англійскаго короля и гибеллиновъ. Все показываетъ, что въ этотъ удобный моментъ папа полагалъ подчинить непосредственно себѣ южную Италію съ Сициліею. Этимъ онъ надѣялся расширить Церковную область. Совершенно деспотически распоряжались его легаты въ Палермо и Неаполѣ. Конечно врядъ ли бы удачно кончились эти продѣлки; слабы и недостаточно надежны были средства Иннокентія IV. Скорая смерть этого безспорно даровитаго человѣка вывела курію изъ ея заблужденія. Она поставила его преемниковъ на истинную дорогу. Въ его предсмертныхъ словахъ, въ его завѣщаніи непримиримой вражды къ швабскому роду, заключался единственно выгодный выходъ для папъ. Потому-то его преемникъ, Александръ IV, принявши тіару, положительно и откровенно высказался въ намѣреніяхъ латеранскаго кабинета. Его задушевнымъ желаніемъ было лишить наслѣдниковъ Фридриха II сицилійской короны и передать ее королю англійскому.

Тѣмъ болѣе такая политика становилась теперь необходимостью для Рима, что сицилійскій престолъ занялъ ненавистный для папъ Манфредъ. Разнесся слухъ о смерти Конрадина. Тотчасъ же бароны короновали Манфреда въ городѣ Палермо (11 августа 1258 г.). Личность короля привлекла всѣхъ. Онъ многимъ напоминалъ умнаго и пылкаго отца, хотя въ немъ и не было того генія, какой проявлялся въ дѣйствіяхъ Фридриха II. Хотя слухъ оказался совершенно несправедливымъ, однако коронованный Манфредъ не уступилъ своей короны и отказалъ нѣмецкимъ опекунамъ Конрадина, который все это время былъ невольнымъ свидѣтелемъ господства кулачнаго права и дикой безурядицы въ Германіи.

Въ это же время проявились въ имперіи первыя неясныя начала военнаго наемничества, сдѣлавшагося такою страшною язвою слѣдующаго вѣка. Развѣ только на полуразбойничьи банды, переходившія для дневнаго грабежа отъ одного владѣтеля къ другому, могли разсчитывать приверженцы Конрадина, который оставался между тѣмъ совершенно одинокимъ въ чужой странѣ, отданной на жертву самоуправства, кровавыхъ безпорядковъ и всѣхъ ужасовъ анархіи. Что касается до папы, то еслибы и не вступилъ Манфредъ на престолъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно возобновилъ бы войну съ гогенштауфенами. Александръ IV началъ съ того, что отлучилъ похитителя престола и его приверженцевъ. Однако изнуренные гвельфы не шевельнулись. Можно сказать, что съ Иннокентіемъ IV умерла тайна быстрыхъ успѣховъ Рима. Его преемники, до нельзя похожіе другъ на друга, дѣйствуютъ по его завѣщанію, идутъ по протоптанной имъ дорогѣ, стремясь всѣми силами къ разъединенію имперіи и сицилійскаго королевства. Этотъ политическій маневръ былъ послѣднимъ словомъ долгой борьбы. Достаточно было для папъ уже того, что они, не обладая особыми талантами, вѣрно слѣдуютъ указаніямъ Григорія IX и Иннокентія IV. Потому, когда (1261 г.) Александра IV смѣнилъ Урбанъ IV, то планъ остался тотъ же, измѣнившись только въ своемъ примѣненіи. Новый папа, придумывая различныя, болѣе или менѣе затѣйливыя прозвища Манфреду (virulentus, praescidus ad malum), придумалъ между прочимъ одну важную мѣру, рѣшившую судьбу королевства сицилійскаго. Долгіе переговоры съ Англіей не привели ни къ чему. Папы обратились въ другую сторону,—къ Франціи.

Карлъ Анжуйскій (1265—85 г.). Тамъ продолжалъ царствовать Луи IX. Его братъ — Карлъ Анжуйскій (d'Anjou), женатый на Беатриче, которая принесла ему въ приданое Провансъ, предназначался папою въ короли обѣихъ Сицилій. Трудно подобрать такой рѣзкій контрастъ, какой представляли два родные брата, король Луи IX и Карлъ Анжуйскій. Они совершенно различались и характеромъ и наружностью. Женственный, кроткій типъ перваго смѣняется въ Карлѣ выраженіемъ суровости, энергіи. Всегда мрачный, молчаливый даже съ женой и друзьями, безъ улыбки на лицѣ, онъ былъ человѣкомъ неустаннаго труда, дѣльцомъ, думавшимъ только о достиженіи своихъ цѣлей. Онъ не любилъ

слушать ни мелодій арфиста, ни придворной баллады рыцаря, ни стиховъ трубадура, считая всѣхъ ихъ тунеядцами. Во всемъ онъ руководился политическими разсчетами. Въ немъ былъ обильный запасъ энергіи, доходившей въ иныхъ случаяхъ до пустаго упрямства. Какая-то пуританская суровость, эта нерѣдкая спутница великихъ историческихъ дѣятелей, не выдвинула его изъ ряда обыкновенныхъ королей. Причина заключалась въ томъ, что суровость его была именно только пуританскою. Она явилась слѣдствіемъ извѣстныхъ стремленій, честолюбивыхъ желаній, которыя, не двинутыя геніемъ и гуманнымъ развитіемъ, навсегда остались только одними стремленіями къ славѣ. Иначе нельзя объяснить такой двойственный харектеръ. Казалось, что Карлъ насильственно стремился къ простотѣ, къ суровой оболочкѣ. Она вытекала необходимымъ слѣдствіемъ его скудной натуры. Карлъ не допускалъ физическихъ удобствъ, гордился спартанскою пищею, грубой одеждой; онъ презиралъ чувственность, вино и женщинъ. Онъ позволялъ себѣ для развлеченія только игру въ кости. „Черный человѣкъ, никогда не спавшій" (по словамъ Виллани), онъ старался быть воиномъ, а не королемъ, — и какъ на рубаку смотрѣли на него современники. Морщины бороздили его лицо еще въ то время, когда ему было только съ небольшимъ двадцать лѣтъ и когда къ нему только что пріѣхали папскіе послы. Эти морщины были печатью страстнаго желанія славы и ея подвиговъ. Надо прибавить, что французскій принцъ не пренебрегалъ никакими средствами, никакими путями для ея достиженія. Для него цѣль совершенно оправдывала всѣ средства. Такой человѣкъ безумно былъ радъ неожиданному предложенію славной и видной короны. Еще болѣе побуждала его къ тому жена, которую честолюбіе томило въ такой же степени, какъ и мужа. Молодой, пылкой женщинѣ было обидно смотрѣть, какъ ея три сестры, дочери Раймонда, графа Прованса, сидѣли на престолахъ властительными королевами, какъ Маргарита была французской королевой, Элеонора — англійской, какъ Санкція была женой номинальнаго императора германскаго. Ей предназначалась лучшая участь. Ея руки искалъ Педро аррагонскій, а также императоръ Фридрихъ II для своего сына Конрада. Все это Беатриче неотступно припоминала своему мужу.—„Не безпокойтесь, графиня, говорилъ ей Карлъ, вы будете такою же королевой, какъ и всѣ другія". Сдержать свое слово теперь ему было очень легко.

Не думая долго, анжуйскій принцъ безпрекословно согласился на всѣ условія, какія предложили ему послы Урбана IV отъ имени его святѣйшества. Скорая смерть первосвященника нисколько не измѣнила положенія дѣлъ. Мы уже замѣчали, что личности папъ ничего не значили въ этомъ вопросѣ. Одна общая идея одушевляла курію; ее послѣдовательно усвоивалъ цѣлый рядъ первосвященниковъ. Климентъ IV вполнѣ подтвердилъ условіе своего предшественника и быстро покончилъ дѣло, обязывая Карла немедленно явиться съ надежнымъ войскомъ для покоренія сицилійскаго королевства,—которое Римъ имѣлъ слабость считать своимъ леномъ. Папа издалъ „золотую буллу", передававшую королевство въ руки французскаго принца. Въ ней были подробно поименованы всѣ условія, которыя на вѣчныя времена обязывалась исполнять анжуйская династія. Вотъ главнѣйшія изъ 25 положеній этой инвеституры (¹).

Королевство передавалось подъ условіемъ вассальной покорности римскимъ первосвященникамъ, въ знакъ чего короли обязуются дарить ежегодно папѣ статнаго бѣлаго коня. Карлъ и его потомки должны давать клятву вѣрности при вступленіи на престолъ и оказывать должное почтеніе святой Церкви. Короли сицилійскіе никогда и ни подъ какимъ видомъ не вступятъ на императорскій престолъ,—эту тему папа развилъ особенно подробно. Карлъ и его наслѣдники не должны увеличивать своихъ владѣній на счетъ сѣверной Италіи или какихъ либо другихъ земель. Короли сицилійскіе обязывались платить Риму ежегодно восемь тысячъ унцій золота на праздникъ Петра и Павла, да еще сверхъ того должны подарить теперь же, въ видѣ взноса на соборную церковь, пять тысячъ серебряныхъ марокъ единовременно. Въ заключеніе, короли обязуются содержать въ папскихъ войскахъ на свой счетъ 300 хорошо вооруженныхъ ратниковъ.

Климентъ IV короновалъ его и Беатриче тотчасъ же по заключеніи условій въ 1265 году.

Быстро, съ отборными отрядами нагрянулъ анжуйскій претендентъ на южную Италію и храбро началъ воевать свое будущее королевство. Скоро золотыя лиліи на голубомъ полѣ завѣяли въ городахъ и замкахъ апулійскихъ. Необыкновенный успѣхъ шелъ слѣдомъ за Карломъ и его воинами,

(¹) Приведено цѣликомъ у Summonte. Storia di Napoli; II, 177—179.

приведенными изъ Прованса и Франціи въ счетъ будущихъ благъ королевства. Кругомъ Манфреда были предатели. Съ тайнымъ предчувствіемъ гибели, давалъ онъ врагу рѣшительную битву — при Беневенто въ 1266 году. Здѣсь ему измѣнили. Нѣсколько отрядовъ отказались идти за нимъ; начальники были подкуплены папскимъ золотомъ и церковными угрозами. Оставленный, покинутый всѣми, съ предсмертнымъ отчаяніемъ бросился Манфредъ въ густые ряды непріятельской пѣхоты ([1]). Онъ палъ подъ французскими пиками. Черезъ нѣсколько дней нашли его трупъ и похоронили на полѣ битвы. Даже враги оказывали честь герою при погребеніи, но папскій легатъ велѣлъ вырыть трупъ короля и бросить на утесистой скалѣ, „какъ анаѳемскій прахъ нечестиваго еретика, недостойнаго погребенія".

Скоро, къ величайшему удовольствію папы Климента IV, королевство сицилійское, въ цѣломъ составѣ, и материкъ и островъ, было въ рукахъ Карла I Анжуйскаго. Папа не совсѣмъ честно писалъ о новомъ королѣ, какъ объ „ангелѣ хранителѣ, избранномъ Господомъ для спасенія своего народа и для успокоенія вѣрныхъ".

Между тѣмъ со всей изобрѣтательностью злобы пустился Климентъ IV на окончательное истребленіе гогенштауфеновъ. Какъ и слѣдовало ожидать, месть папъ не могла остановиться на половинѣ. Жена и четверо дѣтей Манфреда были заключены въ темницу. Тамъ умерла королева; дочь просидѣла въ заключеніи болѣе 18 лѣтъ, трое сыновей скончались въ тюрьмѣ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ несчастіе страдать этой ужасной жизнью еще 43 года послѣ битвы при Беневенто. Все время заключенія только священникъ и медикъ входили въ комнаты арестантовъ.

Оставался одинъ Конрадинъ, но онъ самъ давался въ руки своихъ закоснѣлыхъ враговъ. Когда страшная тиранія „ангела хранителя" вызвала контръ-революцію въ Неаполѣ, то пятитысячная итальяно-нѣмецкая дружина подъ начальствомъ одного изъ приверженцевъ гогенштауфеновъ, храбраго Фридриха Баденскаго ([2]), сверстника и друга пылкаго Конрадина, явилась защищать права гибеллиновъ въ Италіи. Въ

([1]) «Potius, inquit, hoc die volo mori rex, quam vivere exul et miser»... Это были послѣднія слова его.

([2]) Оттокаръ II, король чешскій, лишилъ его австрійскаго наслѣдства; оттого онъ повелъ жизнь авантюриста.

войскахъ противниковъ были итальянцы, готовые погибать за знамена и гвельфовъ и гибеллиновъ.

Сирота съ колыбели, Конрадинъ несъ на себѣ проклятіе четырехъ папъ. Напрасно отецъ, умирая, поручалъ его покровительству святаго престола; въ Римѣ давно отдали его престолъ и опустошали земли гогенштауфеновъ. Вступая въ Италію, Конрадинъ издалъ манифестъ противъ Карла Анжуйскаго, какъ похитителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ мольбой обращался къ папѣ.—„Смотрите, писалъ онъ, какъ крестъ Спасителя обращенъ противъ христіанина: сколько коварства было употреблено, чтобы довести насъ до ничтожества. Не довольствуясь тѣмъ, что отняли у насъ наше итальянское наслѣдіе, насъ преслѣдуютъ въ Германіи; намъ отказываютъ въ милосердіи, насъ хотятъ даже лишить королевскаго титула. Наконецъ преисполнили чашу нашихъ бѣдствій и дали Карлу даже достоинство викарія императорскаго; и будто всего этого недостаточно, чтобы унизить невиннаго, направили противъ насъ еще громы Церкви. Великій первосвященникъ! какое зло мы сдѣлали, чтобы съ нами обходились такимъ образомъ? Наше преступленіе въ твоихъ глазахъ—только одно существованіе наше, небо призываемъ въ свидѣтели, что на совѣсти нашей не лежитъ никакого преступленія и упрека. Повинуясь благороднымъ побужденіямъ своихъ друзей и желая показаться достойными нашихъ предковъ, мы обнажили мечъ, дабы съ Божіею помощью возвратить древнюю мощь нашего дома (alta potentia). Ничего не желая предпринимать противъ верховнаго первосвященника, нашего отца и государя, мы хотимъ только возвратить наши законныя права. Мы надѣемся, взывалъ онъ къ папѣ, что, узнавши нашу правоту, ты поможешь намъ совѣтомъ и милостью“. Папа тронулся воплями Конрадина, обѣщалъ особою буллою признать права его на королевства іерусалимское и обѣихъ Сицилій, но этимъ всталъ въ противорѣчіе съ своими прежними обѣщаніями, данными Карлу (1). Послѣдній, не обращая вниманія на папу, двинулся противъ Конрадина.

Битва при Тальякоццо въ 1268 г.

Рѣшительная битва близъ Тальякоццо на берегахъ Сальто, кончила дѣло въ пользу Карла. Это сраженіе было дано на развалинахъ Alba Fucentia, древнѣйшаго города этрусковъ,

(1) Булла у Raynaldi. Ann. eccl. a. 1254.

гдѣ нѣкогда римляне заточали покоренныхъ царей. Извѣстенъ конецъ этой отважной попытки юноши, который походилъ скорѣе на оруженосца какого нибудь рыцаря, а никакъ не на вождя политической факціи. Конрадинъ, спасавшійся бѣгствомъ изъ города въ городъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Фридрихомъ, былъ арестованъ гвельфомъ Франджипани и измѣннически преданъ Карлу, который давно рѣшилъ его судьбу.

Казнь Конрадина въ 1268 г.

Историковъ интересуетъ вопросъ, насколько папа Климентъ IV принималъ участіе въ гибели Конрадина? Однѣ лѣтописи утверждаютъ, что онъ совѣтовалъ королю казнить плѣнника, но не приводятъ доказательствъ. Другія—гвельфской партіи,—считаютъ его противникомъ такой мѣры. „Короля Карла отъ этого сильно удерживали папа и кардиналы (molto ripreso)“, говоритъ Малеспини. Виллани замѣчаетъ, что всѣ умные люди противились казни, „такъ какъ молодой государь былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ и его скорѣе слѣдовало содержать въ тюрьмѣ, чѣмъ лишать жизни и хотя нѣкоторые склонны были увѣрять, что самъ владыка Церкви разрѣшилъ казнь, но мы этому не вѣримъ, заключаетъ Виллани, такъ какъ Климентъ былъ святой человѣкъ (1)“. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, папа дѣйствовалъ уклончиво, не требовалъ казни, но „настаивалъ на правосудіи“. Другія повторяютъ басню древней исторіи, знакомую Геродоту; послы Карла, явившіеся за совѣтомъ, застали первосвященника въ саду за сбиваніемъ высокихъ верхушекъ деревьевъ. Между неаполитанскими учеными сохранилось убѣжденіе, что папа произнесъ рѣшительно: „Vita Conradini — mors Caroli; mors Caroli — vita Conradini“. Такъ полагаютъ позднѣйшіе историки: Колленуччіо, Суммонте, Фазелло, даже Джьанноне. Вѣроятнѣе всего, что Климентъ IV предоставилъ рѣшеніе участи Конрадина его собственному теченію,—но и это бросаетъ достаточную тѣнь на его личность и позоритъ папство, въ былыя времена старавшееся остановить всякое злодѣйство и вносить примиреніе.

Смертный приговоръ, произнесенный анжуйцами надъ Конрадиномъ и его отважнымъ другомъ, былъ результатомъ не судебнаго процесса, а преднамѣреннаго юридическаго убійства. Геройски умеръ Конрадинъ (29 окт. 1268 г.). Въ него,

---

(1) G. Villani. Historie fiorentine, l. III, c. 24.

въ эту послѣднюю минуту, какъ бы вдругъ вселилась вся гордость, вся мощь гогенштауфеновъ. Съ словами „о мать моя, въ какое страшное горе погрузитъ тебя вѣсть о моей смерти",—голова его и Фридриха съ товарищами ихъ похожденій пала отъ руки палача на кармелитскомъ рынкѣ въ Неаполѣ. Трупу Конрадина было отказано въ молитвѣ и погребеніи (¹). Тѣло послѣдняго представителя славнаго рода было выброшено на морской берегъ. По преданію нѣмецкому, орелъ виталъ надъ Конрадиномъ во время его казни и исчезъ, обагрившись въ крови императора, а палачъ былъ убитъ людьми въ маскахъ. Но наслѣдство Конрадина не много пользы принесло врагамъ. Сицилія навсегда ускользнула изъ рукъ анжуйскихъ, а на долю папъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія историческихъ событій, не досталось ничего кромѣ торжества тщеславія.

Современное мнѣніе о папахъ.

Общественное мнѣніе Запада еще раньше отвернулось отъ папъ; теперь оно уже не на ихъ сторонѣ. Доказательствомъ служитъ между прочимъ разсказъ, записанный сторонникомъ теократіи, англійскимъ монахомъ, хроникеромъ Сантъ-альбанскаго монастыря, такого содержанія. Прошло нѣсколько дней послѣ кончины Иннокентія IV, виновника гибели гогенштауфеновъ. Одному кардиналу, имя котораго лѣтописецъ не назвалъ однако изъ предосторожности (cujus nomen supprimitur ad cautelam), приснился страшный сонъ:—„На небѣ, на великолѣпномъ тронѣ, во всемъ своемъ величіи сидитъ Господь; вправо отъ него стоитъ Пресвятая Дѣва, Его мать; влѣво—прекраснѣйшая женщина; тѣло ея роскошно, ея строгое лицо внушаетъ уваженіе. Руки Господа простерты впередъ, въ лѣвой онъ держитъ храмъ, на лицевой сторонѣ котораго написано Ecclesia. На судъ божественнаго величія предсталъ папа Иннокентій IV. На колѣняхъ, съ сложенными руками, распростерся папа и проситъ милости, а не суда. Благороднѣйшая дама, стоявшая по лѣвую сторону отъ Господа, говоритъ:—„Всеправедный Судія! учини судъ праведный: Я обвиняю раба твоего въ трехъ преступленіяхъ. Во-первыхъ,

---

(¹) Barth. de Neocastro. Historia Sicula ab a. 1250—1294, c. 9—10 (Muratori. XIII, 1020). Изъ лѣтописцевъ за казнь Конрадина: Amalricus Augerius (Vita Clem. IV, Muratori, III, II, 423), Jamsilla и M. Spinelli (Diario napol. di 1247—1268; Mur. VII, 1058).

когда Ты учредилъ на землѣ Церковь, Ты даровалъ ей особыя милости, онъ же сдѣлалъ изъ нея покорнѣйшую рабыню. Во вторыхъ, Церковь основана ради спасенія грѣшника, т. е. ради стяжанія души несчастнаго, онъ же обратилъ ее въ мѣняльную лавку. Въ третьихъ, Церковь построена на твердой вѣрѣ, справедливости и истинѣ, онъ же, поколебавъ нравы и вѣру, уничтожилъ справедливость, помрачилъ истину. Учини же судъ праведный на мои обвиненія (justum ergo judicium redde mihi)". И отошла въ сторону. Тогда сказалъ Господь: —„Ступай и по заслугамъ твоимъ получи воздаяніе". И папа былъ увлеченъ (?). Когда кардиналъ проснулся, онъ весь дрожалъ; ужасный приговоръ испугалъ его страшно. Онъ сталъ кричать и долго не могъ прійти въ себя. Сбѣжавшіеся на крикъ, сочли его за помѣшаннаго. Когда первый испугъ прошелъ, кардиналъ началъ разсказывать о видѣніи, которое повсюду огласилось. Неизвѣстно, замѣчаетъ Матвѣй Парижскій, было-ли это видѣніе воображаемое; всегда ли оно могло устрашить многихъ; дай Богъ, чтобы оно очистило и дѣйствительно исправило кого слѣдуетъ" (1).

Поэтическій экстазъ, какъ убѣждаетъ приведенная легенда, не мѣшалъ средневѣковому человѣку мѣтко оцѣнивать земныя событія, отдѣлять идею отъ лица. Конечно понимать и сознавать ее могли люди болѣе или менѣе мыслящіе, но число послѣднихъ было тогда весьма незначительно. Авторитетъ духовенства сковывалъ мысль массы народной; могучее гвельфское вліяніе при самыхъ вопіющихъ событіяхъ преклоняло народы къ стопамъ папы, тогда какъ гибеллинъ могъ только подъ условіемъ личной геніальности обращать въ свою пользу симпатіи толпы. Папское дѣло, опираясь на католическіе аттрибуты, не требовало особеннаго искусства вождей, гибеллины же искали всегда сильныхъ талантовъ. Потому Фридрихъ II могъ бороться даже съ лучшими папами; Манфредъ и Конрадинъ не могли одолѣть даже посредственныхъ. Въ тѣсномъ смыслѣ кружокъ людей, съ искреннимъ убѣжденіемъ приверженныхъ къ той или другой партіи, т. е. крайнихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, былъ незначителенъ. Дѣло необходимо рѣшала масса своими сочувствіями, а эти сочувствія извѣстно были къ кому и къ чему. Для гвельфской побѣды

(1) Matth. Paris, a. 1254. Приведено въ монографіи Бильбасова безъ послѣднихъ строкъ, 168.

было потому всегда болѣе шансовъ, нежели для императорской. Папамъ вторилъ религіозный энтузіазмъ средневѣковаго человѣка.

Результаты побѣды папства.

Обращаясь къ продолженію нашего разсказа, надо замѣтить, что при всемъ значеніи одержаннаго перевѣса оригинальный оборотъ дѣла не позволилъ папамъ воспользоваться побѣдой въ томъ теократическомъ смыслѣ всемірной монархіи, къ которой такъ стремились первосвященники. Напротивъ, кратковременное, даже минутное упоеніе, — вотъ вся награда, весь результатъ ихъ тріумфа. Достигнувъ апогея величія, побѣдоносно озирая весь горизонтъ католическаго міра, нигдѣ не встрѣчая соперниковъ, они, въ тоже самое время, не могли воспользоваться ни выгодами, ни плодами побѣды. Въ самомъ дѣлѣ, что представилось папамъ? Гибеллиновъ въ смыслѣ органической факціи уже не существовало. Гвельфамъ не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было бороться; они тотчасъ же спокойно отдѣлились отъ своего вождя, оставляя его одинокимъ, безъ друзей, безъ надеждъ. Въ борьбѣ съ будущимъ германскимъ императоромъ, папу никто не поддержитъ; его же собственное государство было слишкомъ ничтожно, чтобы уравновѣшивать силы имперіи. Оно не могло даже имѣть достаточнаго авторитета для какихъ нибудь анжуйцевъ, которые одни своимъ вліяніемъ могли перевѣсить силы Церковной области. И дѣйствительно, въ своихъ схваткахъ съ Римомъ, Неаполь почти всегда торжествуетъ. Замѣтимъ, что здѣсь борьба возникла противъ всякаго ожиданія папъ, которые думали обязать анжуйскую династію вѣчною благодарностью за пожалованный престолъ. Оказалось, что они жестоко ошиблись въ разсчетѣ и въ друзьяхъ нашли самыхъ опасныхъ враговъ.

Впрочемъ съ перемѣною династіи совершенно измѣнился характеръ борьбы. Она перестала быть идеальной, возвышенной, уступивъ мѣсто простому политическому антагонизму. Нельзя доискиваться религіознаго элемента въ домашнихъ раздорахъ анжуйцевъ съ государями Римской области.

Тѣмъ грустнѣе сдѣлалось положеніе папъ, что, обводя безнадежнымъ взоромъ всю Италію, они нигдѣ не надѣялись встрѣтить сочувствія своимъ интересамъ. Ломбардія скорѣе отличалась императорскими симпатіями по близости къ Германіи. Противъ нея скоро пришлось гремѣть интердиктами и вести

крестовые походы. Она не подчинилась римскому вліянію и распалась на отдѣльные болѣе или менѣе самостоятельные принципаты,—маленькія монархіи разныхъ Скала, Романо и Висконти. Тоскана почти вся съ гвельфскимъ перевѣсомъ (кромѣ Пизы, центра тосканскаго гибеллинизма) вступала въ то время со всею силою молодой жизни въ великій періодъ общинъ. Она развивала подъ протекторствомъ Флоренціи демократическій духъ городовъ, которые къ XV вѣку выработали внутреннюю организацію древнихъ греческихъ республикъ. Она занялась общиннымъ и цеховымъ вопросомъ, заключилась въ отдѣльную самостоятельную жизнь, не интересуясь судьбою папы, какъ государя. Тосканскіе города, правда, сохранили знамена гвельфовъ и гибеллиновъ; они дѣйствительно по прежнему рѣзались изъ за идеи императорскаго и папскаго авторитета, но эта борьба, вселившись внутрь городовъ, сдѣлалась вопросомъ чисто мѣстнымъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Каждый городъ отнынѣ имѣетъ своихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, которые, какъ приливъ и отливъ, вліяютъ на внутреннее состояніе общины. Эта безостановочная полуторавѣковая междуусобная вражда нисколько однако не губила страну, а напротивъ, электризовала ее, развивала въ умственномъ и политическомъ отношеніи, обогащая въ тоже время города богатой и плодоносной еще при римлянахъ Этруріи. Этотъ періодъ домашней борьбы можно назвать вторымъ фазисомъ рѣзни гвельфовъ и гибеллиновъ. Онъ же былъ послѣднимъ; его исторія смѣняется исторіею самостоятельныхъ центральныхъ группъ. Таковы были отношенія Тосканы къ Риму. На Венецію же, Геную, Пьемонтъ менѣе всего простиралось вліяніе папъ. На ихъ содѣйствіе, конечно нельзя было разсчитывать въ случаѣ войны съ Неаполемъ. Тамъ слабѣе всего боролись черные и бѣлые. Тамъ, слѣдовательно, мало оставалось историческихъ симпатій и воспоминаній.

Вотъ въ какомъ не блестящемъ положеніи были дѣла Рима въ то время, когда онъ только что успѣлъ одержать славную, но безвыгодную побѣду.

Утвержденіе французской власти въ Неаполѣ.

Мы упомянули про раздоры, которые возникли между папой и Карломъ анжуйскимъ тотчасъ по завоеваніи королевства. Надо отдать полную справедливость папамъ въ этомъ случаѣ; они вступились за права оскорбляемаго народа. Разбойническіе отряды французскихъ мародеровъ и сотни сопровож-

давшихъ ихъ чиновниковъ наводнили Неаполь, обкрадывая итальянцевъ на каждомъ шагу, оскорбляя ихъ семейства, вездѣ презирая національныя чувства покореннаго народа. Началась тиранія мести. Вѣшали, казнили, заключали въ тюрьмы всѣхъ, въ комъ подозрѣвали малѣйшія симпатіи къ падшей династіи. Конечно этимъ еще болѣе вызывались воспоминанія о гогенштауфенахъ, съ которыми народъ успѣлъ сдружиться въ продолженіе семидесяти двухъ лѣтъ. Мы говоримъ „о народѣ", потому что въ средніе вѣка феодальные бароны слабо были привязаны къ родинѣ. Смѣло можно сказать, что для итальянскаго аристократа „ближе былъ какой нибудь скандинавскій рыцарь, нежели бѣдный крестьянинъ, жившій у подножія его богатой виллы". Но таковы результаты угнетенія, что и бароны волновались въ видахъ гогенштауфенской пропаганды. Папа вступился за угнетаемыхъ. Онъ обвинялъ Карла въ беззаконныхъ притѣсненіяхъ, въ своевольномъ деспотизмѣ. Надо замѣтить, что какіе бы испорченные первосвященники ни сидѣли на римскомъ престолѣ (а такіе встрѣчались весьма часто), надъ ними всегда вѣяла возвышенная идея католичества, идея широко понятаго христіанства. Если же ей не всегда суждено было проявляться на дѣлѣ, то она всегда существовала въ принципѣ, какъ веха, поставленная для указанія пути человѣку, котораго природныя наклонности часто сбиваютъ съ прямой дороги добра и правды.

Протестъ Климента IV противъ Карла. Руководимый такими побужденіями, Климентъ IV рѣшился остановить Карла. Онъ писалъ ему, полный негодованія:—„Только честолюбіе, развратъ, кровь! Вы не щадите ни церковнаго, ни мірскаго добра; не щадите ни состоянія, ни пола, ни возраста. Тѣ самые крестоносцы, которые должны бы были защищать церкви и монастыри, разрушаютъ и разоряютъ ихъ. Они сжигаютъ святыя иконы, они дерзаютъ прикасаться къ дѣвамъ, посвященнымъ Богу. И эти грабежи, эти убійства, эти беззаконія всякаго рода, не были послѣдствіями перваго пыла битвы. Нѣтъ, восемь дней продолжались они предъ твоими глазами и не было принято никакихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. Такого зла не дѣлалъ даже врагъ Церкви,— императоръ Фридрихъ II.... Я требую, чтобы каждое преступленіе было наказано; чтобы все похищенное было возвращено; чтобы было принесено покаяніе".

Но на это предложеніе французы не обратили вниманія. Папа между тѣмъ продолжалъ свои укоры.—„Не перестаютъ губить страну лихоимствомъ и воровствомъ, не перестаютъ раздражать народъ грабежами, прелюбодѣяніями, тысячами преступленій, которымъ нѣтъ даже имени“. Еще сильнѣе загремѣлъ первосвященникъ, когда обратился прямо къ Карлу, своему прежнему кліенту. Онъ писалъ: — „Тебя считаютъ безчеловѣчнымъ, ты ни къ кому не имѣешь состраданія, тебя всѣ ненавидятъ. Неужели вопли и стоны твоихъ подданныхъ не доходятъ до твоихъ ушей? Ты проклятъ всѣми!“. Если эти слова писалъ папа, то позволительно уклониться отъ подробнаго описанія подвиговъ французовъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Собственно патріотическое движеніе на островѣ ставило Карла не разъ въ затруднительное положеніе. Необходимость частыхъ экспедицій въ Сицилію для подавленія національныхъ движеній связывала Карла, отнимала у него значительныя средства. Мы разскажемъ послѣ какъ сицилійцы добились самостоятельности.

Королю пришельцу предстояло бороться еще съ возстаніями на материкѣ. Въ одной неаполитанской лѣтописи есть извѣстіе, что король еще въ 1270 году продолжалъ утверждать свою власть (¹). Слѣдовательно, болѣе пяти лѣтъ ушло на подавленіе внутреннихъ революцій. Воинственный духъ Карла искалъ только случая для борьбы, для подвиговъ, для неустанной дѣятельности. Но все проходило безъ слѣда для его славы. Неудача какъ бы силилась преодолѣть его предпріимчивость, его честолюбіе. Изъ Сициліи, изъ Неаполя, онъ бросился въ Тунисъ на помощь брату и привезъ оттуда только холодный трупъ святаго короля да номинальное обѣщаніе ежегодной дани въ 20 тысячъ пистолей, которой, разумѣется никто не заплатилъ. Однако, при всѣхъ своихъ неудачахъ, Карлъ I пріобрѣлъ значительный авторитетъ въ Италіи (²). Конечно его торжество, ограничиваясь

(¹) Этотъ фактъ мы нашли въ Giornali Napolitani dall' anno 1266 sino al 1478. «Carlo, duca d'Angiò e di Provenza, fratello di Luigi, Re di Francia, quale morio avanti (1270), che Carlo fosse in ordine per venire a tale conquista» (Muratori; XXI, 1031). Срв. съ Cronica de' re della casa d'Angiò (Raccolta di varie croniche alla storia di Napoli; I, 102).

(²) Замѣчательно, что старые итальянскіе историки, какъ напр. Denina (Rivoluzioni), а особенно неаполитанскіе, какъ Summonte, Constanzo и особенно Giannone стараются скрыть факты тираніи Карла.

только нравственнымъ вліяніемъ, не приносило никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Какъ сильнаго монарха, его опасались и республики средней Италіи и „принчипи“ верхней. Мелкіе владѣтели, невольно подчиняясь преобладанію сильнаго, искали союза Карла. Ссориться съ нимъ не хотѣли, потому что это было неудобно; стройная же оппозиція, при разъединенности интересовъ, не могла образоваться въ то время. Между тѣмъ—бурнаго тріумфа, цѣли своихъ задушевныхъ желаній Карлъ не встрѣтилъ. Тогда его постигло горькое разочарованіе, достигшее до полнаго презрѣнія жизни, которая не дала ему ничего, кромѣ безполезныхъ мукъ. Въ глубинѣ его души закопошилась злоба противъ самого себя. Карлъ не имѣлъ терпѣнія дождаться естественной смерти. Страшныя мученія неудовлетвореннаго честолюбія терзали его даже во время тяжкой болѣзни (1285 г.). Ночью, во время сильнаго припадка нервозной раздражительности, онъ схватилъ снурокъ и накинулъ его себѣ на шею, предупредивъ такимъ образомъ приближавшуюся смерть.

---

2) Святой король во Франціи. Седьмой и восьмой крестовые походы.

Характеристика Луи IX (1226—70 г.).

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы говорили о характерѣ дѣятельности императора Фридриха II, который у современниковъ не встрѣтилъ себѣ поддержки и сочувствія. Эта трагическая личность прекрасно выражаетъ собой ту борьбу, тотъ внутренній разладъ, которыми отличалась современная эпоха. Конечно его нельзя считать выразителемъ положительныхъ сторонъ эпохи. Эти стороны проявились въ другомъ современномъ государѣ, королѣ Франціи Луи IX, который воплотилъ въ себѣ лучшія черты минувшаго. Это былъ монахъ на престолѣ, строгій ревнитель вѣры, преслѣдовавшій страшными наказаніями всякое уклоненіе отъ католическаго благочестія. Въ воображеніи набожныхъ современниковъ

Денина былъ вовлеченъ въ ошибки пристрастіемъ къ провансальской хроникѣ Nostradamus и къ Chron. Placentinum. Изъ послѣдней выходило, что подданные обожали Карла.... ipsum volebant pro amico et non pro domino (Muratori; XVI, 476). Но масса фактовъ это опровергаетъ.

онъ представлялъ идеалъ христіанскаго аскета, защищавшаго знамя вѣры съ храбростью истиннаго рыцаря, хотя даже въ глазахъ простаго народа благочестіе короля часто вызывало упреки, такъ какъ святой государь не всегда стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ послѣднимъ монархомъ поддерживавшимъ, вопреки династическимъ интересамъ, феодализмъ, который королямъ Франціи по самому существу своему былъ въ сильной степени враждебнымъ. Луи IX началъ свое правленіе съ того, что предложилъ возвратить своимъ политическимъ соперникамъ всѣ домены и провинціи, отнятыя у нихъ его дѣдомъ. Онъ удерживалъ за собою только Тулузу и заставилъ Раймунда VII присягнуть въ томъ, что тотъ откажется отъ своихъ владѣній въ пользу французскаго короля, если не будетъ имѣть наслѣдниковъ, но за то Луи уступилъ своимъ врагамъ другія пріобрѣтенія предковъ. . Историки позитивной школы отзываются слишкомъ рѣзко о немъ. Напр. Дрэперъ находилъ, что Луи IX былъ фанатичнымъ представителемъ іерархической партіи, что онъ пользовался вліяніемъ, только благодаря своимъ связямъ съ Церковью, которой интересы онъ фанатически поддерживалъ и что относительно управленія своего народа онъ выказалъ себя не больше, какъ „недалекимъ простякомъ“. Дѣйствительно, въ надеждѣ удержать угрожавшее распространеніе ереси, онъ прибѣгалъ къ костру и мечу, полагая, что съ неправовѣрующимъ должно состязаться только насиліемъ и оружіемъ. Въ его вѣрѣ было дѣйствительно много наивнаго, грубаго и матеріальнаго ([1]). Тѣмъ не менѣе Луи IX, благодаря отличительнымъ свойствамъ своего характера, вносилъ въ средневѣковыя формы нѣкоторое начало новой гражданственности. Это новое начало проявлялось въ ограниченныхъ размѣрахъ, но факты показываютъ, что король иногда возставалъ противъ незаконныхъ отлученій отъ Церкви, къ которымъ высшія духовныя власти любили прибѣгать очень часто. Онъ ограничивалъ произволъ феодаловъ въ судебныхъ дѣлахъ, предоставивъ лицамъ, недовольнымъ рѣшеніемъ феодальныхъ судовъ, право апелляціи въ суды королевскіе. Во всемъ остальномъ онъ былъ поборникомъ чистѣйшихъ средневѣковыхъ идеаловъ; въ немъ не было даже тѣни гордости и тщеславія и въ этомъ отношеніи онъ является единственнымъ государемъ, за что съ особеннымъ сочувствіемъ

([1]) Дрэперъ (Ист. умств. разв. Европы, р. пер. 1874; II, 63) — особенно рѣзко отзывается по поводу благочестія короля.

къ нему относится русскій историкъ, обладавшій тонкимъ пониманіемъ людей и событій. Грановскій, въ одной изъ своихъ лекцій, вѣрно отозвался объ этомъ популярнѣйшемъ изъ властителей. „Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Луи IX, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и счастія? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода.... Вся жизнь его, во всѣхъ ея проявленіяхъ, была проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды (¹)“.

Впрочемъ было бы ошибочно думать, что Луи IX всегда отличался гуманностью; въ немъ было слишкомъ много фанатизма, доходившаго иногда до звѣрства. Если бы онъ не имѣлъ этихъ увлеченій, мы могли бы назвать его благороднѣйшимъ человѣкомъ среднихъ вѣковъ, но, какъ бы то ни было, онъ все таки остается типичнымъ представителемъ своего времени. Ради подданныхъ Луи IX не щадилъ собственной жизни; онъ умеръ за дѣло вѣры и послужилъ живымъ примѣромъ, какъ нужно жертвовать собой во имя идеи. Онъ былъ весь самопожертвованіе. Такимъ людямъ не всегда улыбается счастіе, особенно если съ нравственною чистотою они не соединяютъ практическихъ способностей. Дѣйствительно, благочестивый король былъ лишенъ такого рода талантовъ. Онъ былъ высокимъ идеалистомъ на тронѣ, но безъ призванія къ власти, безъ пониманія потребностей народныхъ. Въ своей дѣятельности онъ держался строгаго консерватизма и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже очень многихъ своихъ современниковъ. Онъ всегда былъ готовъ жертвовать Церкви всѣми земными интересами.

Причиною его извѣстности, обаянія его имени въ потомствѣ было то, что онъ въ замѣчательной гармоніи вопло-

(¹) Грановскій. Сочиненія; изд. второе. I, 366 и сл.

тилъ въ себѣ много лучшихъ сторонъ минувшаго. Онъ не обладалъ организаторскими способностями и ради небеснаго воздаянія жертвовалъ политическимъ благомъ Франціи. Онъ не скрывалъ этого отъ народа.— „Ты не король, а священникъ и монахъ", сказала ему разъ одна женщина.—Да ниспошлетъ Богъ лучшаго государя Франціи, отвѣтилъ ей король и приказалъ наградить ее. — Послѣдній могиканъ средневѣковыхъ идей, онъ бьется какъ рыцарь, во славу вѣры и Мадонны, пытаясь на своихъ слабыхъ плечахъ поддержать феодализмъ; онъ былъ послѣднимъ государемъ, который питалъ сочувствіе къ феодализму вопреки династическимъ интересамъ; онъ никогда не хотѣлъ, да и неспособенъ былъ служить монархіи и самому себѣ. Его доблесть отличалась также вполнѣ средневѣковымъ характеромъ. Самопожертвованіе, аскетизмъ, страхъ грѣха были стимулами его существованія.

Уложеніе Луи IX.

Но если Луи IX презиралъ эгоизмъ и хотѣлъ жить для ближнихъ, то нельзя согласиться, что онъ евангельски понималъ христіанское ученіе. Воспитанный въ эпоху торжества узкихъ римскихъ идей, онъ въ своей кроткой и любящей природѣ затаилъ одну ненависть, которою жилъ онъ и которая постепенно разросталась. Прощая личныя поношенія, онъ не могъ простить оскорбленія вѣры. Онъ принялъ подъ свое покровительство нищенствующихъ монаховъ и опредѣлилъ въ 1229 году плату за обращенныхъ еретиковъ. Для него ересь стала болѣе чѣмъ государственное преступленіе. Пеня полагалась за недонесеніе. Эта мѣра естественно должна была повлечь за собою истребленіе заблуждающихся. Знаменитые Etablissements de S. Louis, изданные въ 1270 году, являются самымъ крупнымъ памятникомъ нетерпимости и исключительности въ вопросахъ совѣсти. Въ этомъ отношеніи „Уложеніе" интересно сравнить съ юридическимъ памятникомъ не меньшей, едва-ли не бо̀льшей важности, съ „Сицилійскими постановленіями" Фридриха II. Если Петръ Винейскій счелъ необходимымъ прежде всего, уступая духу времени, гарантировать государство отъ еретиковъ самыми строгими мѣрами, то имъ руководили главнымъ образомъ политическія соображенія, которыя для него представляли существенный интересъ во всѣхъ слѣдующихъ пунктахъ. Французскій король смотритъ на свою задачу совершенно иначе. Имъ руководитъ религіозный интересъ прежде всего и самъ по себѣ; въ немъ весь центръ тяжести „Уло-

женія“. Объ авторитетѣ королевской власти говорится лишь мимоходомъ. Хотя за нею признается божественное происхожденіе, но тѣмъ не менѣе баронамъ предоставлено защищать феодальныя права съ оружіемъ въ рукахъ, особенно если король не будетъ оказывать правый судъ вассаламъ. Это была реакція старинѣ. Потому законодательство гогенштауфена, упредившее на 40 лѣтъ Уложеніе св. короля, вмѣстѣ съ тѣмъ далеко опередило его въ широтѣ идей и въ пониманіи потребностей народовъ. Оно могло уйти слишкомъ впередъ, но несомнѣнно что Луи IX слишкомъ усердно стремился вернуть и возстановить прошлое. Законы послѣдняго во многомъ опирались на мѣстные парижскіе кутюмы, которые усердно обрекали смертной казни еретиковъ (1). Такова была мораль среднихъ вѣковъ; даже самые чистые представители ея, кроткіе духомъ, какъ Ѳома Аквинскій и Луи IX, заражались злобой и местью, неприсущими ихъ натурамъ, когда шелъ вопросъ о религіи; ихъ душу не могла утолить одна внутренняя борьба. Луи IX считалъ себя и своихъ подданныхъ призванными мстить за Бога. Ни онъ, ни они не должны сами спорить съ врагами и еретиками“. На обязанности всякаго мірянина, читаемъ у Жуанвилля, въ случаѣ оскорбленія христіанства, лежитъ долгъ прибѣгать къ мечу и „вонзать его въ тѣла хулителей и невѣрующихъ такъ глубоко, какъ онъ войти можетъ“. Странно было бы объяснять эту свирѣпость Луи IX вліяніемъ на короля его друга св. Ѳомы Аквинскаго, который долго жилъ въ Парижѣ въ якобинскомъ монастырѣ, въ улицѣ Санъ-Жакъ,— какъ полагаетъ одинъ изъ французскихъ историковъ (2). Строжайшій принципъ мести и насилія въ дѣлахъ вѣры проводился и парижскими кутюмами и ассизами іерусалимскими (3). Энергичный легистъ и роялистъ, первый проповѣдникъ королевскаго самодержавія, Бомануаръ, и тотъ говорилъ, что если бы король издалъ что либо противъ Бога и добрыхъ

---

(1) Etabl. de S. Louis; l. I. c. 85. Подробный разборъ этого замѣчательнаго памятника средневѣковаго права, весьма точно составленный, между прочимъ у Sismondi (Hist. des Français; VIII, 62—97).

(2) H. Martin. Hist. de France; IV, 284.—Sismondi (VIII, 24) въ свою очередь приписываетъ много вліянія пріору доминиканцевъ въ Парижѣ.

(3) Въ случаѣ обвиненія рыцаря или барона въ ереси (Patarin): — «ses Pers le doivent juger à arder, et tout quanque li a, escheit au seignor par droit». Assises du royaume de Jerusalem. c. 266 (Beugnot. Recueil des historiens des croisades; lois, t. I).

нравовъ, то не слѣдуетъ ему повиноваться ('). Въ Луи IX принципъ насилія совѣсти долженъ былъ воплотиться болѣе чѣмъ въ комъ нибудь изъ современниковъ, по искренности его натуры и по его способности фанатически отдаваться идеѣ. Онъ три раза въ недѣлю по постамъ жестоко бичевалъ себя плетью и три раза каждую ночь поднимался на молитву, какъ разсказываетъ его доминиканскій духовникъ. Онъ хотѣлъ быть королемъ по Писанію, судьею и царемъ ветхозавѣтнымъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ давать отчетъ Богу въ своемъ правленіи. Онъ не слѣдовалъ примѣру Фридриха II, не считалъ ересь только государственнымъ преступленіемъ. Онъ не могъ владѣть собою отъ озлобленія, услышавъ, гуляя по улицамъ Парижа, какъ кто-то вслухъ оскорблялъ величіе Божіе; онъ велѣлъ схватить дерзкаго и заклеймить раскаленнымъ желѣзомъ его губы. Когда за это противъ короля послышался ропотъ, то онъ сказалъ, что „лучше позволить исклеймить себя, чѣмъ допустить, чтобы подобныя кощунства произносились въ его королевствѣ". Папа Климентъ IV часто долженъ былъ удерживать короля отъ излишней жестокости и строгихъ мѣръ, поднятыхъ во имя Бога. Вмѣстѣ съ евреями и еретиками король изгонялъ католическихъ ростовщиковъ и банкировъ. Проценты были для него выраженіемъ личнаго интереса, а по его высоконравственной философіи эгоисты были неугодны Богу. Въ 1268 году онъ изгналъ такимъ образомъ 150 банкировъ и конфисковалъ у нихъ имущества на 800 тысячъ ливровъ. Онъ самъ ни во что ставилъ личное оскорбленіе королевскаго достоинства и когда въ Лангедокѣ вспыхнуло возмущеніе въ 1243 году онъ ничѣмъ не мстилъ послѣднему тулузскому государю, Раймонду VII, обязавъ его только оказать содѣйствіе въ изгнаніи еретиковъ. Онъ простодушно думалъ, что и духовенство руководится тѣмъ же безкорыстіемъ. Онъ полагалъ допускать католиковъ до владѣнія землями и замками еретиковъ, издалъ даже объ этомъ 1250 года особый ордонансъ, но инквизиторы тотчасъ стали противодѣйствовать ему и король уступилъ. По Уложенію 1270 года опредѣлено только движимость отдавать католическимъ наслѣдникамъ, а недвижимость конфисковать. Съ цѣлью разъяснить права той и другой стороны, короли назначали своихъ прокуроровъ

(') Coustumes de Beauvoisis (Beugnot, id.; II, 259).

во французскіе трибуналы. Они не имѣли вліянія на самое производство дѣлъ. Лучшія статьи уложенія Луи IX касательно судопроизводства—напримѣръ сообщеніе всѣхъ документовъ подсудимому, арестъ обвинителя въ уголовныхъ дѣлахъ наравнѣ съ обвиненнымъ, необходимость показаній по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей для допущенія пытки, — не примѣнялись къ духовнымъ судилищамъ. По Уложенію. напримѣръ, ложное обвиненіе въ уголовномъ преступленіи вело на висѣлицу; для инквизиціи оно часто бывало необходимо Костеръ, на который обрекало еретиковъ Уложеніе, приравнивалъ ихъ въ юридическомъ смыслѣ къ развратникамъ и содомитянамъ. Всѣ прочія преступленія безпощадно наказывались висѣлицею, искалѣченіемъ, но не огнемъ. По своимъ сердечнымъ идеаламъ французскій король хотѣлъ пересоздать современное ему общество. Съ самоотреченіемъ и энергіей, но съ удивительнымъ заблужденіемъ, онъ стремился осуществить на землѣ царство Христа, чистые подвижническіе нравы; онъ хотѣлъ заставить развратныхъ, убійцъ и обманщиковъ пѣть хоромъ вѣчную молитву благодаренія Творцу. Онъ преслѣдовалъ эту цѣль до гроба. Для достиженія ея онъ имѣлъ одно орудіе — устрашеніе, средство, которое могло только развить зло, а не уничтожить его. Думая служить благу общества, Луи IX служилъ своимъ личнымъ чувствамъ и ненавистямъ, самъ не замѣчая того.

Жуанвилль. Его историкъ Жуанвилль не можетъ не посмѣяться надъ нимъ при всей къ нему преданности. Личность талантливаго писателя, выражающая собою разложеніе тогдашняго рыцарства, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ происходилъ изъ одной знатной фамиліи въ Шампаньи. Въ началѣ своей дѣятельности Жуанвилль относился къ современности съ сочувствіемъ, которое перешло потомъ въ недовольство и выразилось въ насмѣшкахъ и издѣвательствахъ надъ нею. Будущій историкъ, оставившій первый историческій памятникъ на французскомъ языкѣ, получилъ воспитаніе при дворѣ Тибо, графа Шампаньи. Этотъ графъ славился какъ одинъ изъ лучшихъ труверовъ Франціи. Его стихи можно читать съ удовольствіемъ и теперь. Жуанвилль едва ли помогалъ графу въ его возстаніи противъ короля, такъ какъ искренне любилъ послѣдняго, но онъ поддался вліянію своего сюзерена съ другой стороны. Легкомысленный, часто скептическій духъ Тибо пере-

шелъ и къ Жуанвиллю, которому кромѣ того приходилось встрѣчать и слышать провансальскихъ трубадуровъ, навѣщавшихъ графа Шампаньи и разносившихъ либеральныя идеи, враждебныя католической вѣрѣ. Духъ скептицизма, нерѣдко возбуждавшій Жуанвилля къ диспутамъ съ богословами Сорбонны, проникъ и въ его „исторію". Извѣстно, что Луи IX ссорился съ своимъ будущимъ историкомъ за его легкомысліе. Близкій свидѣтель записалъ слѣдующій анекдотъ, выясняющій отношенія короля къ автору. Однажды король спросилъ его, что бы онъ предпочелъ: смертный грѣхъ или проказу.—„Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу", поспѣшно отвѣтилъ рыцарь, къ крайнему прискорбію благочестиваго короля.—„Такой нѣтъ проказы, которая сравнялась бы съ смертнымъ грѣхомъ", строго замѣтилъ король ([1]). Остроты Жуанвилля, разсыпанныя въ его книгѣ, не всегда справедливы по отношенію къ королю. Когда въ 1245 году заговорили о крестовомъ походѣ, баронъ Жуанвилль сталъ собирать своихъ близкихъ и зависимыхъ отъ него рыцарей, не рѣшаясь отказаться раздѣлить судьбу короля. Онъ замѣчаетъ, что поступилъ такъ не изъ желанія помогать пилигримамъ, а по долгу вѣрности королю. Слѣдуетъ замѣтить, что крестовые походы для многихъ въ то время стали болѣе дѣломъ моды, чѣмъ вѣры. Жуанвилль сознавалъ, что рыцарю неблаговидно сидѣть дома, когда король жертвуетъ собой за общее дѣло. Онъ рѣшился идти за нимъ всюду, куда бы ни пришлось. Жуанвиллю было въ это время 22 года; онъ былъ уже женатъ, но ради святаго дѣла, онъ оставилъ жену и дѣтей, заложилъ родовыя земли и послѣдовалъ за своимъ государемъ, оставивъ семейству небольшую сумму на расходы. Аббатъ благословилъ Жуанвилля, далъ ему крестъ и вручилъ посохъ. Можетъ быть этотъ веселый баронъ думалъ пошутить, когда заказалъ своему аббату панихиду на всякій случай. Во все время своего разсказа Жуанвилль не прочь посмѣяться надъ самыми серьезными вопросами; въ этомъ заключается важная черта тогдашняго общества, начинавшаго скептически относиться къ религіи. Остротъ надъ своимъ положеніемъ, надъ обстоятельствами крестоваго похода встрѣчается очень много въ исторіи Жуанвилля ([2]).

([1]) Vie de S. Louis par le Confesseur de la reine Marguerite (Bouquet; XX, 87).

([2]) Жуанвилль дожилъ до глубокой старости и подъ конецъ жизни, по желанію наваррскаго короля, написалъ сочиненіе «Жизнь Святаго

Седьмой крестовый походъ.

Крестовыя войны Луи IX были послѣднимъ выраженіемъ искренняго религіознаго чувства, замѣтно ослабѣвшаго въ средневѣковомъ обществѣ. Король, благодаря своему характеру, не могъ довольствоваться тѣми полувыгодами, къ которымъ привелъ крестовый походъ Фридриха II. Онъ не удовлетворялся тѣмъ, что христіанамъ впродолженіи десяти лѣтъ предоставлялось право безпрепятственнаго посѣщенія Гроба Господня и хотѣлъ возстановить независимость Палестины отъ невѣрныхъ. Но чтобы вернуть ее, надобно было нанести

Луи IX», гдѣ онъ очень рельефно вывелъ скорбный ликъ короля. По внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, исторія Жуанвилля принадлежитъ къ блестящимъ произведеніямъ средневѣковой исторической литературы и послѣ испанскихъ хроникъ занимаетъ первое мѣсто. Простой безъискусственный разсказъ автора не чуждъ поэтическаго одушевленія, красоты и изящества изложенія; не даромъ его сравниваютъ съ Гомеромъ и Геродотомъ. Первая часть сочиненія представляетъ характеристику Луи IX, во второй излагаются его войны съ вассалами, съ Генрихомъ III англійскимъ, а въ послѣдней спеціально описаны крестовые походы Луи IX. Хроника Жуанвилля даетъ обильный матеріалъ относительно всѣхъ сторонъ современной эпохи. Лучшее изданіе хроники сдѣлано Наталисомъ де Вальи. Оно повторено два раза, снабжено словаремъ, примѣчаніями, картами; см. также у Bouquet; XX, 190—304.—Sepet (Analyse de Joinville, P. 1874) и Очеркъ Ср. Исторіогр. 37.—Другой историкъ этого времени, доминиканскій монахъ Geoffroi de Beaulieu написалъ: «Vita Ludovici noni». Онъ былъ духовникомъ короля и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ; его лѣтопись носитъ клерикальный характеръ; изд. Bouquet (XX, 1—27).—Для этой же эпохи надо указать на общую государственную лѣтопись Франціи Вильгельма де Нанжи. Эта лѣтопись составляетъ часть общей хроники Святаго Діонисія.—Затѣмъ—францисканецъ Вильгельмъ, бывшій духовникъ королевы Маргариты, оставилъ спеціальный трудъ о личности Луи IX, который по стилю близокъ къ Жуанвиллю (Vie de S. Louis par le confesseur de la reine Marguerite—Bouquet, XX, 59—121). Этотъ францисканецъ писалъ по просьбѣ дочери св. короля, Бланки, которая, овдовѣвъ послѣ смерти инфанта кастильскаго Фердинанда, поселилась въ монастырѣ кордильерокъ въ Парижѣ. Она желала увѣковѣчить память объ отцѣ, который былъ канонизованъ въ 1297 г. и съ этою цѣлью обратилась къ духовнику своей матери, который написалъ не исторію, а характеристику Луи IX, иллюстрируя фактами ту или другую черту его личности. Это произведеніе вышло потому весьма оригинальнымъ и интереснымъ.—Кромѣ того вышеназванный Guillaume de Nangis составилъ «Gesta Sancti Ludovici et Philippi III» (Bouquet; XX, 312—539). Его же столѣтняя хроника съ 1226 по 1327 г. (Bouquet; XX, 543—646). — Надо принять въ соображеніе и мусульманскія сказанія,

прежде рѣшительный ударъ центру мусульманскихъ владѣній, который былъ теперь не въ Сиріи, не въ Малой Азіи, а въ Египтѣ. Здѣсь утвердилась династія энергичныхъ и талантливыхъ мамелюковъ. Послѣдній крестовый походъ Фридриха II удался только относительно. Личное вліяніе побуждало халифовъ дѣлать христіанамъ рядъ уступокъ безъ войны, такъ какъ мусульмане любили императора, который не скрывалъ и своихъ симпатій къ нимъ. Но французскій король питалъ къ нимъ совсѣмъ иныя чувства и не симпатизировалъ политикѣ Фридриха II. Когда онъ организовалъ походъ, мусульмане были уже предувѣдомлены объ этомъ ихъ другомъ изъ Европы, императоромъ Фридрихомъ II. Это было явленіе невѣроятное, но ему нечего удивляться, принимая во вниманіе характеръ Фридриха II. Іерусалимское королевство, по истеченіи срока дѣйствія десяти-лѣтняго перемирія, нельзя было иначе назвать, какъ христіанской колоніей. Слѣдствіемъ послѣдняго крестоваго похода было пріобрѣтеніе права посѣщать Іерусалимъ, Виѳлеемъ и другіе священные города. Положеніе

которыя помѣщены въ извлеченіи у Мишо въ IV томѣ, у Вилькена и Рено (Bibl. des Croisades). Изъ мусульманскихъ писателей выдается Макризій, который можетъ даже соперничать съ Жуанвиллемъ, но онъ работалъ уже спустя сто лѣтъ послѣ Жуанвилля. Родомъ изъ Каира, Макризій занимается исторіею Мамелюковъ, которая извѣстна подъ оригинальнымъ названіемъ «Путь къ познанію правленія царей».—Въ 1859 году генуэзскій ученый Belgrano издалъ документы, заключающіе въ себѣ коммерческіе счеты генуэзской республики съ Франціей по поставкѣ матеріальныхъ предметовъ для крестоваго похода. Генуэзцы воспользовались походомъ короля и потребовали у него подтвержденія своихъ правъ. Интересно наблюдать по нимъ меркантильный духъ итальянскихъ республикъ, пользовавшихся крестовымъ движеніемъ для своего обогащенія, который въ то же время доказывалъ ихъ равнодушное отношеніе къ дѣламъ вѣры. Документы для эпохи Луи IX издалъ Beugnot. Les Olim ou Registres des arrtês rendus par la Cour du Roi sous les règnes de Louis IX etc. (P. 1834—48 4 vls. въ Coll. de doc.). Монографій очень много; изъ нихъ замѣчательнѣйшія: Pierre Matthieu (P. 1618), Filleau de la Chaise (P. 1688, 2 vls.), Bury (P. 1775, 2 vls.), Hess (Fr. 1788), Prévault (H. Brun Lavainne. Lille, 1827, 1829, 1840, 2 vls.), Villeneuve-Bargemont (P. 1836, 3 vls.), Le Nain de-Tillemont (P. 1847—51, 6 vls.), Feuilleret (Taillebourg et S. Louis; expèdition en Saintonge, P. 1851). Biechy (France au XIII siècle, Limb. 1852). Walsch (S. Louis et son siècle, 2 éd. P. 1853). Faure (P. 1869), Boutaric (S. Louis et Alphonse de Poitiers, P. 1870), Wallon (S. Louis et son temps, P. 1871). Сверхъ того съ 1510 по 1800 г. издано 20 спеціальныхъ панегириковъ только на французскомъ языкѣ.

христіанъ въ Палестинѣ было очень затруднительно по причинѣ частыхъ партизанскихъ войнъ и тѣхъ раздоровъ, которые обуревали мусульманскихъ вождей. Если какой либо христіанскій городъ переходилъ на сторону одного князя, то онъ могъ разсчитывать, что завтра пострадаетъ отъ другаго. Одинъ изъ мусульманскихъ князей напалъ на христіанскія владѣнія, затѣмъ ворвался въ Іерусалимъ, перерѣзалъ всѣхъ пилигримовъ, пришедшихъ на поклоненіе Гробу Господню, умертвилъ правителей города и уничтожилъ его укрѣпленія. Бѣдственное положеніе христіанъ на Востокѣ стало извѣстно Европѣ, но всѣ напряженныя усилія Григорія IX поднять западныхъ государей противъ невѣрныхъ сначала не имѣли никакого успѣха. Папа болѣе всѣхъ королей разсчитывалъ на Луи IX, но тотъ, занятый борьбой сначала съ королемъ англійскимъ, потомъ съ наваррскимъ, не могъ согласиться на просьбу папы. Въ 1244 году Луи IX впалъ въ тяжкую болѣзнь и казалось былъ близокъ къ смерти. Одна изъ дамъ, ходившая за больнымъ королемъ, сочтя его умершимъ, хотѣла уже покрыть ему лицо, но замѣтила легкое дыханіе. Пока собравшіеся около короля спорили, умретъ онъ, или будетъ жить, „Господь даровалъ ему жизнь",— разсказываетъ Жуанвилль. Тогда благочестивый король потребовалъ, чтобъ ему принесли крестъ, что было исполнено, и произнесъ обѣтъ крестоваго похода. Папа Иннокентій IV воспользовался настроеніемъ короля и началъ склонять къ походу французскихъ епископовъ и бароновъ. Король также употреблялъ всѣ средства, чтобы получить ихъ содѣйствіе. Въ 1245 году французскіе бароны были приглашены въ Парижъ. Въ праздникъ Рождества, послѣ ранней обѣдни, при слабыхъ лучахъ солнца, они съ удивленіемъ замѣтили, что у нихъ нашиты красные кресты. Этотъ неожиданный сюрпризъ былъ сдѣланъ по приказанію короля. Не желая снять эти кресты, бароны смѣялись до слезъ. Крестъ приняли братья короля, герцогъ бургундскій, множество бароновъ и прелатовъ. Впрочемъ король мало заботился о матеріальныхъ приготовленіяхъ къ походу. Онъ надѣялся получить содѣйствіе отъ Фридриха II, который между тѣмъ уже извѣстилъ мусульманъ объ угрожавшей имъ опасности. Не подозрѣвая этого, король началъ даже хлопотать за Фридриха II предъ Иннокентіемъ IV, произнесшимъ отлученіе его отъ Церкви, и словами Евангелія, въ самыхъ трогательныхъ и искреннихъ выраженіяхъ, умолялъ папу снять отлу-

ченіе съ государя, участіе котораго король считалъ весьма важнымъ въ предстоящемъ походѣ.

А между тѣмъ, приступая къ крестовому походу, онъ не дѣлалъ никакихъ рѣшительныхъ и серьезныхъ приготовленій. Всѣ серьезныя практическія соображенія были не въ его характерѣ, потому понятно, что несчастливы должны были быть предпріятія короля. Онъ относился къ вопросамъ внутренней политики также, какъ и къ дѣламъ внѣшнимъ; поэтому его политическіе планы кончались обыкновенно печально.

Французская эскадра пока состояла изъ 38 судовъ. Королева сопровождала своего мужа. Надо замѣтить, что она приносила собою больше энергіи и способностей, чѣмъ всѣ вожди. Первая станція крестоносцевъ была на островѣ Кипрѣ, въ Никозіи, гдѣ королю пришлось зимовать въ 1248 году. Оттуда онъ отправилъ посольство къ Гаюку, монгольскому хану. Онъ думалъ тѣмъ упрочить связи съ врагами египетскаго султана, разсчитывая на раздоры въ мусульманскомъ мірѣ. Монголы тогда привлекали всеобщее вниманіе, разграбивши восточную Европу и сдѣлавъ попытку ворваться даже въ среднюю Европу. Крестоносцы разсчитывали встрѣтить друзей среди дикарей; но изъ всего этого ничего не вышло. Посольство, которое отправилось въ далекую Монголію, — куда можно было, идя десять часовъ въ сутки, добраться только черезъ годъ,—иныхъ результатовъ, какъ научныхъ для любознательности, не могло принести. Французскіе доминиканцы открыли страну, неизвѣстную въ древности, и это одно могло только удовлетворить французскаго короля. Въ то же время посланнымъ было поручено изыскивать средства для пропаганды среди монголовъ. Луи IX имѣлъ цѣлью обратить въ католичество этихъ могучихъ владыкъ Азіи. На Кипрѣ во время зимовки подошло много другихъ судовъ. Но итальянцы не давали перевозочныхъ средствъ безъ большихъ денегъ, не снабжали припасами и обманывали. Наконецъ дѣло уладилось, соглашеніе состоялось, такъ что итальянскіе корабли присоединились къ французскимъ.

Едва въ маѣ 1249 года французская эскадра оставила берега Кипра, направляясь въ Египетъ. Плыло 140 судовъ, на нихъ сидѣло до 2800 рыцарей и нѣсколько десятковъ тысячъ простыхъ воиновъ. Силъ было весьма достаточно для того времени; но не было достойнаго вождя, способнаго вселить въ души мужество; одного вліянія короля было недоста-

точно. Буря разметала три четверти судовъ. Наконецъ знамя св. Діонисія 4 іюля 1249 года было водворено на берегу Египта. Крестоносцы опрокинули сарацинъ и заняли Даміетту, покинутую мусульманами. Но скоро обнаружились безпорядки въ христіанскомъ войскѣ, когда стали дѣлить добычу. Войско могло остаться безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго существованія. Когда добыча была разграблена частными лицами, пришлось вождямъ заняться мародерствомъ и грабежемъ. Одни совѣтовали вернуться въ Александрію, другіе предлагали идти на Каиро. Послѣднее мнѣніе восторжествовало. Маргарита, жена короля, съ гарнизономъ осталась въ Даміеттѣ, а все войско двинулось въ путь. На Маргариту было возложено весьма важное порученіе готовить резервы на случай нападенія, и она, стоя на высотѣ задачи, лучше чѣмъ мужчины того времени, исполнила возложенное на нее порученіе. Въ то время, какъ крестоносцы подвигались вверхъ по Нилу, мусульмане были подъ предводительствомъ Факреддина. Послѣдній считался рыцаремъ, потому что лично былъ пожалованъ по преданію въ этотъ санъ самимъ императоромъ Фридрихомъ II, его другомъ. Онъ обладалъ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ и безконечно превосходилъ своихъ христіанскихъ противниковъ.

Плѣненіе Луи IX (5 апр. 1250 г.).

Христіане расположились противъ мусульманъ, выдвинули свои стѣнобитныя машины, навели мосты и готовились ударить на врага. Первыя двѣ битвы подъ Мансурой были удачны для христіанъ, которые даже отбили у мусульманъ ихъ метательныя машины. Но черезъ недѣлю послѣ того на крестоносцевъ съ противоположнаго берега былъ направленъ греческій огонь, представлявшійся имъ въ видѣ пламенной бочки; всѣ порывы храбрости исчезли при этомъ неожиданномъ фейерверкѣ греческаго огня. Французскіе рыцари такъ струсили, что оказались недостойными своего сана; самъ король испугался и закричалъ: „Господи, спаси меня и людей моихъ!“ Осадныя машины скоро запылали. Это еще болѣе усилило панику среди крестоносцевъ. Они отступили въ безпорядкѣ; сарацины ихъ преслѣдовали и остановили при Фарсикурѣ. Здѣсь произошла катастрофа. Факреддинъ былъ убитъ еще въ началѣ сраженія, но это нисколько не помѣшало успѣху сарацинъ, начальство надъ коими принялъ Бибарсъ, вождь мамелюковъ-багаритовъ, выходецъ изъ Средней Азіи, можетъ быть туркменъ. Послѣ продолжительной схватки мусульмане одолѣли.

По сообщеніямъ мусульманскаго историка, значительно преувеличеннымъ, 10 тысячъ христіанъ осталось на полѣ битвы; со стороны же мусульманъ какимъ-то чудомъ пало всего 100 человѣкъ. Побѣдители взяли будто 100 тысячъ плѣнныхъ, считая пилигримовъ и слугъ. Конечно, такая цифра фантастична, хотя самъ король свидѣтельствовалъ оффиціально, что изъ христіанскаго пѣшаго воинства никто не ушелъ, а спаслись только немногіе, успѣвшіе прорваться на судахъ внизъ по Нилу. Луи IX и его свита не были такъ счастливы. Когда мамелюки, предводимые Бибарсомъ, стали тѣснить крестоносцевъ, король удалился на ближайшій холмъ. Его замѣтили мусульмане и удвоили свои усилія. Они протѣснились до короля и плѣнили его. Луи IX и его братья, Карлъ Артуа и Альфонсъ Пуатье, сдались евнуху Мухсуну Эльзалиги, который приказалъ сейчасъ же набросить желѣзную цѣпь на плѣнниковъ.

Нельзя умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое приводитъ Жуанвилль, разсказывая о плѣнѣ короля. „Когда король сдался, когда христіанамъ не оставалось никакой надежды, то болѣе храбрости оказали тѣ духовные, которые сопровождали войско, чѣмъ сами крестоносцы". Страхъ былъ слишкомъ великъ, но христіане не допускали мысли, что они побѣждены. Монахи не хотѣли сдаваться и соглашались лучше погибнуть подъ копьями мусульманъ, „желая скорѣе умереть и наслѣдовать рай, нежели сдаться плѣнниками". Таково было настроеніе французскихъ рыцарей (¹).

Жуанвилль, не отличавшійся особенной храбростью, нисколько не скрываетъ этого и не стѣсняется даже изобразить потомству свою собственную трусость. Онъ былъ на итальянской галерѣ; когда четыре бригантины султана, наполненныя 10 тысячами моряковъ, какъ со страха показалось графу, приблизились къ нему. „Клирикъ бывшій на суднѣ, разсказываетъ Жуанвилль, рѣшилъ что мы должны сами лишить себя жизни, чтобы отправиться въ рай. Но мы не хотѣли этому вѣрить,

(¹) Кромѣ обстоятельнаго и типичнаго разсказа Жуанвилля, плѣненнаго вмѣстѣ съ королемъ, духовника королевы Маргариты и Макризія, источникомъ для VII крестоваго похода служитъ письмо самого Луи IX— Epistola de captione et liberatione suo ad subditos suos (Bongars. Gesta Dei per Francos, 1196 — 1200), переведенное М. М. Стасюлевичемъ (III, 732—738).

ибо страхъ смерти слишкомъ сильно овладѣлъ нами. Когда я увидѣлъ что приходится сдаться, я схватилъ бывшую со мною шкатулку, гдѣ находились драгоцѣнности, а также священные предметы (et mes reliques aussi) и бросилъ все въ рѣку. И мнѣ сказалъ одинъ изъ моряковъ, что если я не позволю ему сказать, что я родственникъ королевскій, то они всѣхъ насъ убьютъ. И я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ сказать все что хочетъ". Благодаря этой невинной хитрости, Жуанвилль спасъ себѣ жизнь. Когда его перетащили на берегъ и бросились на него съ ножами, то крикъ: „родственникъ короля" остановилъ убійцъ. — „А я уже чувствовалъ ножъ у горла, разсказываетъ историкъ, и опустился на колѣни.... И тотчасъ меня пробрала дрожь отъ великаго страха, мною испытаннаго, а также отъ болѣзни" ([1]). Жуанвилль скоро узналъ про судьбу несчастнаго короля.

Короля мусульмане заключили въ оковы, какъ и всѣхъ другихъ плѣнниковъ, и отвели въ такомъ видѣ въ Мансуру вмѣстѣ съ братьями подъ охраной евнуха; тамъ его заключили въ домѣ секретаря султана; пурпуровую съ сѣрымъ мѣхомъ шапку королевскую, какъ знакъ побѣды, отняли и отправили въ Дамаскъ. Обогатившись чрезмѣрнымъ числомъ плѣнниковъ, мусульмане начали безпощадно истреблять ихъ. Они сожгли большіе корабли, наполненные больными и ранеными христіанами. Затѣмъ устроены были цѣлыя гекатомбы. По словамъ духовника Маргариты, ежедневно убивали по 300 или 400 простыхъ воиновъ; такимъ образомъ погибло до 100 тысячъ французовъ; конечно, здѣсь разумѣется не одно только войско, но и та большая свита, которая, обыкновенно, сопровождала частныхъ лицъ. „Видя такую тиранію, говоритъ Жуанвилль, я замѣтилъ, что мусульмане поступаютъ несправедливо, противно предписанія язычника Саладина, повелѣвавшаго не убивать человѣка, а давать ему отъ своего стола

([1]) «Et lors, pour la poour que je avoie, je commençai a trembler bien fort et pour la maladie aussi». Hist. de S. Louis, a. 1250 (Bouquet. XX, 240).— Интересно, что первый вопросъ эмира историку былъ объ императорѣ Фридрихѣ II (Ferri d' Alemaingne), его другѣ. Онъ справился не родственникъ ли онъ плѣннику? Жуанвилль поспѣшилъ присочинить родство со стороны матери, которая-де была двоюродной сестрой императору. Это эмиру понравилось. Онъ отвѣтилъ, что и за это любитъ меня еще болѣе» (tant mamoit il miex).

хлѣба и соли; но они отвѣчали мнѣ, что эти люди никуда негодятся и не могутъ ничего дѣлать; до того они больны и хилы". Впослѣдствіи, не разъ укоряя христіанъ, мусульмане говорили, что „если бы Магометъ принуждалъ ихъ столько страдать, сколько христіанскій Богъ, то они никогда не увѣровали бы въ него" (¹). Тѣмъ не менѣе нѣсколько тысячъ крестоносцевъ приняли изъ страха мученій мусульманство и поселились навсегда въ Египтѣ.

Облегченію участи короля способствовали самыя обстоятельства: среди враговъ возникли раздадъ и междоусобія, въ теченіи коихъ умеръ Неджъ-Эддинъ, халифъ Египта. Во время регенства султанши Шегеретъ-Эддуръ, смерть его скрывали и всѣ приказанія исходили какъ бы отъ него самого. Туранъ-Шахъ ѣхалъ изъ Месопотаміи, чтобы принять власть. Новый султанъ, прибывъ въ Египетъ, съ первыхъ дней отличился азіатскою жестокостью. Онъ велъ мрачную жизнь и отличался развратомъ. Онъ не могъ ладить съ мамелюками; тѣмъ болѣе опасны были эти послѣдніе, что ими предводительствовалъ Бибарсъ. Онъ сталъ притѣснять султаншу; она просила защиты, но напрасно; мамелюки возмутились и Бибарсъ за столомъ нанесъ первый ударъ Туранъ-Шаху. Султанша успѣла убѣжать съ сыномъ, которому отсѣкли обѣ руки. Они скрылись въ башнѣ; ее подожгли; преслѣдуемые бросились внизъ. Три дня трупъ Туранъ-Шаха пролежалъ на берегу и никто не рѣшался его похоронить. „Желѣзо, огонь и вода, говоритъ мусульманскій историкъ, соединились вмѣстѣ, чтобы рѣшить судьбу Туранъ-Шаха". Западный лѣтописецъ прибавляетъ, что мамелюки готовы были воспользоваться своей побѣдой, чтобы покончить разомъ и съ христіанскимъ плѣннымъ королемъ. Но Макризій не подтверждаетъ этого, напротивъ, приводитъ нѣкоторые примѣры великодушія. Во всякомъ случаѣ новое торжество могло помѣшать облегченію участи и освобожденію короля, ибо наступила анархія. Было время, когда плѣннику грозили даже пытками, чтобы получить большій выкупъ. Полудикіе побѣдители грозили отослать короля въ Багдадъ, гдѣ раздробятъ ему кости. Но Луи IX сохранилъ свое королевское достоинство; онъ предлагалъ за свою особу Даміетту, гдѣ мучилась Маргарита въ неизвѣстности объ участи своего супруга и гдѣ она родила сына, прозваннаго Три-

(¹) Joinville, a. 1250 (Bouquet, XX, 241, 247).

стана, котораго поручила защитѣ окружавшихъ ее итальянцевъ, также собиравшихся отъ страха бѣжать. Призвавъ къ своей постели одного стараго рыцаря, королева заставила его дать клятву, что онъ отрубитъ ей голову, если невѣрные ворвутся въ Дамiетту. Рыцарь поклялся весьма охотно (moult volontiers). Между тѣмъ королю предложили продолжать переговоры о выкупѣ. Султанъ самъ назначилъ полмилліона византійскихъ золотыхъ; но Луи согласился внести эту сумму за выкупъ лишь рыцарей, а за себя предлагалъ Дамiетту. Тронутый этимъ самопожертвованіемъ и великодушіемъ французскаго короля, который не хотѣлъ торговаться и соглашался внести сумму, назначенную какъ maximum,—султанъ смягчился. „Передайте ему что я, сказалъ султанъ, скидываю съ той суммы 100 тысячъ ливровъ. Клянусь короной, щедръ и великодушенъ этотъ французъ, если онъ ничего не хочетъ выторговать изъ такихъ большихъ денегъ“.

Вообще благочестивый король произвелъ благопріятное впечатлѣніе на мусульманъ и въ свою очередь вынесъ отъ нихъ такое же благопріятное впечатлѣніе. Король былъ отпущенъ на тѣхъ условіяхъ, какія онъ предложилъ самъ. Его братъ Альфонсъ, графъ Пуатье, остался заложникомъ въ исполненіи договора.

Чрезъ два мѣсяца послѣ высадки, т. е. 20 мая 1250 года, французскій король сѣлъ на генуэзскую галеру и отправился, но не во Францію, куда ему было тяжело вернуться побѣжденному, а опять на новые подвиги—въ Палестину и Африку. Мамелюки хотѣли воротить его, но, къ счастію, король былъ уже далеко. Мусульманскій историкъ, разсказавъ объ удаленіи Луи IX, съ справедливою гордостью превозноситъ успѣхи оружія своего роднаго народа. „Смерть служителей Мессіи, говоритъ Макризій, была наградой, ниспосланной намъ съ неба Аллахомъ. Вы пристали къ Египту, разсчитывая имъ овладѣть. Вы вообразили себѣ, что страна населена трусами; о вы, барабаны, наполненные вѣтромъ. Вы думали, что минута погибели мусульманъ наступила и эта ложная мысль закрыла отъ васъ всѣ опасности. Безъ сомнѣнія, ваши муллы предсказывали вамъ побѣды. Они ошиблись. Могила разверзлась подъ стопами вашихъ воиновъ. Что осталось отъ 60 тысячъ, которыя васъ сопровождали. Пусть Аллахъ чаще внушаетъ вамъ подобныя намѣренія. Египту нечего опасаться васъ!... Если же жажда мщенія побудитъ

вновь вернуться въ Египетъ, то знайте что домъ Локмана (гдѣ былъ заключенъ король) еще стоитъ на мѣстѣ, что тетива готова и евнухъ не дремлетъ" ([1])... Тѣмъ не менѣе было заключено десятилѣтнее перемиріе.

Экспедиція Луи IX въ Палестину.

Султанъ еще при жизни утвердилъ за христіанами оставшіяся ихъ владѣнія въ Палестинѣ, больнымъ обѣщалъ покровительство и конвой, если они пожелаютъ отправиться въ Іерусалимъ. Все это было потдверждено регентствомъ; но послѣ гибели Туранъ-Шаха необходимъ былъ новый договоръ. Бибарсъ подтвердилъ только то, за что онъ могъ ручаться, такъ какъ его власть была незаконна и не простиралась на весь Востокъ. Христіанамъ пришлось переговариваться въ Палестинѣ съ другими халифами, потому то Луи IX и предпринялъ экспедицію въ Акру; онъ хотѣлъ побудить мусульманъ къ уступкамъ и издалъ манифестъ, призывая христіанскихъ рыцарей къ новому походу. Это было въ августѣ 1250 года. Онъ не успѣлъ забыть еще тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесъ изъ перваго похода, и рискнулъ отправиться въ новую экспедицію. „Воспряньте воины Христовы, взывалъ король, соединитесь вмѣстѣ и послѣдуйте примѣру отцовъ, которые отличались своею горячею храбростью и наполнили весь міръ своею славой; послѣдуйте за нами и получите награду, хотя явитесь и поздно". Но къ задушевному и теплому голосу короля рыцари остались равнодушны. Онъ укрѣпилъ на собственныя средства Акру, Яффу, Сидонъ и Кесарію, самъ присутствуя при работахъ. Здѣсь король проявилъ примѣръ трогательнаго самопожертвованія. Во время работъ въ Сидонской крѣпости 2000 рабочихъ были умерщвлены сарацинами; ихъ тѣла были брошены на съѣденіе звѣрямъ. Луи IX поспѣшилъ изъ Яффы и увидѣлъ страшную картину разложенія массы труповъ подъ палящимъ зноемъ. Никто не хотѣлъ подойти къ тѣламъ христіанъ. Король взялъ на плечи останки одной изъ жертвъ и самъ перенесъ ихъ въ освященную заранѣе общую могилу:—„Дайте, друзья мои, сказалъ онъ, немного земли подвижникамъ Христовымъ". Тогда пристыженные спутники короля послѣдовали его примѣру. Пробывъ четыре года безцѣльно въ Палестинѣ, такъ какъ нельзя

([1]) Макризій. Путь къ познанію правленія царей. Франц. пер. у Petitot. Coll. des mémoires, t. III; извл. у Стасюлевича (III, 732—738).

было предпринимать войны съ ничтожными силами, Луи отправился въ Европу, чтобы лично убѣдить рыцарей къ новому походу. Луи оставилъ Палестину въ 1254 году; у Кипра его галера получила повреждeнie отъ подводныхъ камней. Онъ отказался пересѣсть на новый корабль, боясь, что это помѣшаетъ другимъ его спутникамъ достигнуть Франціи.—„Я лучше готовъ подвергнуть себя, королеву и дѣтей опасности, сказалъ онъ, чѣмъ причинить столько несчастій семействамъ моихъ подданныхъ, если я пересяду на новый корабль".

Это было трогательное заявленіе евангельской братской любви.

Возвращеніе во Францію.

По возвращеніи на родину, Луи перешелъ отъ прежней гуманности къ другому образу дѣйствія. Настало время энергичныхъ распоряженій, которыя то шли въ разрѣзъ съ политикой королей и противорѣчили политическимъ интересамъ Капетинговъ, то возбуждали вражду духовенства. Его лангедокскіе подданные, вновь пріобрѣтенные, жаловались, что сенешалы мѣшаютъ торговлѣ. Король ограничилъ сенешаловъ съѣздами депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Этимъ Луи IX незамѣтно, самъ того не думая, а можетъ быть и не желая, подточилъ феодальный строй. Вскорѣ онъ уступилъ по договору 20 мая 1259 году королю Англіи изъ своихъ прежнихъ французскихъ владѣній: Лимузенъ, Перигоръ, Анженуа, Керси и часть Сентонжа; въ замѣнъ чего Генрихъ, король англійскій, отказался навсегда отъ Нормандіи, Анжу, Мэна, Тюрени, Пуату и сѣвернаго Сентонжа. Это придало нѣкоторую внутреннюю связь владѣніямъ французскаго короля; правительство избавилось отъ обладанія тѣмъ, что приходилось было болѣе или менѣе постоянно держать въ страхѣ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ распоряженіи короля выразился духъ самопожертвованія. „Я это сдѣлалъ, говорилъ король, чтобы установить миръ и любовь между моимъ наслѣдникомъ и Генрихомъ, которые между собой родственники, кузены, и думаю, что въ этомъ отношеніи поступилъ хорошо". Въ виду такихъ политическихъ соображеній можно думать, что государственныя распоряженія Луи исходили не столько отъ него самого, сколько отъ того кружка образованныхъ легистовъ, который окружалъ его. Во всякомъ случаѣ, если бы не легисты, то благу Франціи—при такомъ уже слишкомъ не честолюбивомъ и не эгоистичномъ королѣ—грозила серьезная опасность. Законоположенія касательно Церкви и нравственности изданы подъ его редакціей. Въ 1254 году евреямъ запреща-

лось жить въ городахъ Франціи. Король жестоко преслѣдовалъ евреевъ, велѣлъ имъ поселиться въ деревняхъ и запретилъ заниматься ростовщичествомъ. Но эта мѣра, направленная благими побужденіями, которой нельзя отказать въ оригинальности, принесла немного пользы. Ростовщичество перешло въ другія руки, именно къ итальянцамъ; спустя два года 150 банкировъ, большею частію изъ города Асти, были арестованы и изгнаны изъ Франціи. Такъ жестоко преслѣдовалъ король ростовщиковъ. Но сила вещей взяла свое; предосудительное занятіе, ростовщиковъ,—безъ котораго тогда не могло быть ни движенія торговли и промышленности, ни кредита,—искоренить было невозможно. Съ исключительно монашескимъ взглядомъ король относился и къ другимъ вопросамъ. Ему ничего не значило три раза въ теченіе ночи молиться и бичевать себя для собственнаго удовольствія веревкой; но предписывать такія испытанія подданнымъ было въ высшей степени нетактично. Всегда блѣдный, съ грустною думой, которою хотѣлъ искупить грѣхи христіанства, онъ не смѣялся никогда, и съ опущенными долу очами всегда думалъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ. Онъ готовъ былъ сдѣлать монастырь изъ своего королевства и считалъ своею священною обязанностью во всякомъ случаѣ мстить за оскорбленіе и попраніе вѣры. Мы упоминали, какъ онъ велѣлъ выжечь клеймо на губахъ кощуна, возмутившаго его религіозное чувство. Неумѣстную ревность короля въ охраненіи христіанскаго благочестія Климентъ IV принужденъ былъ сдерживать въ виду тѣхъ жестокихъ мѣръ, какія король предпринималъ противъ еретиковъ. Самъ по себѣ Луи IX былъ весь смиреніе, имѣлъ на своемъ содержаніи 120 человѣкъ бѣдныхъ, нѣсколько разъ въ году садился за столъ съ прокаженными; но дѣлать это обязательнымъ для всѣхъ не вызывалось необходимостью. Легисты продолжали подкапываться подъ зданіе феодализма; бароны французскіе оказались безсильными защититься отъ нихъ въ самый роковой моментъ. Во Франціи аристократія пренебрегала своими правами, дальнѣйшее развитіе которыхъ могло выработать конституцію въ родѣ англійской. Пэры охотно передали свои права одному изъ старшихъ товарищей, а тотъ, невольно долженъ былъ приглашать себѣ работниковъ, искусныхъ юристовъ, учившихся въ Орлеанѣ и выходившихъ изъ простаго народа. Такъ называемые легисты изъ судовъ пробрались ко двору короля и сдѣлались его совѣтниками, тогда какъ ба-

роны занимались соколиной охотой. Появленіе такого новаго судьи въ доменѣ съ юридическимъ образованіемъ, знакомаго съ римскимъ правомъ, производило переворотъ въ данной мѣстности. Легистами — новымъ судебнымъ сословіемъ — и было составлено уложеніе, о которомъ мы говорили выше. Все остальное, относящееся къ строю государства, было также плодомъ трудолюбивыхъ юристовъ. Но забавнѣе всего представляются намѣренія короля улучшить нравственность французскаго народа и довести таковую до соотвѣтствующей высоты, когда приходится ознакомиться съ нравами духовенства.

Прежде всего само духовенство второй половины XIII вѣка нуждалось въ нравственномъ исправленіи болѣе, чѣмъ самъ народъ. Стоитъ только прочесть отрывки руанскаго епископа Евда Риго ([1]), относящіеся къ положенію дѣлъ въ его епархіи, чтобы убѣдиться какими пороками страдало французское духовенство.

Книга цеховъ.

Есть еще одна важная черта государственной дѣятельности Луи. Онъ покровительствовалъ среднему сословію, тогда еще только зарождавшемуся. Надо замѣтить, что съ „возлюбленнымъ“ парижскимъ населеніемъ связывали Луи IX особыя симпатіи. Разъ въ 1227 году на юнаго еще короля, недалеко отъ Парижа, въ Монлери напали бароны; парижане, узнавшіе объ этомъ, забили въ набатъ, пошли выручать короля и вырвали его изъ рукъ дерзкихъ феодаловъ. За это Парижъ получилъ самое широкое городское самоуправленіе на условіяхъ „коммуны“. Во главѣ столицы всталъ купеческій староста, prévôt des marchands; избираемый торговцами, онъ сдѣлался головой Парижа, правителемъ города, его хозяиномъ. Въ помощь ему для распредѣленія налоговъ на собственность (taille), для сбора подушной подати, назначаемой правительствомъ огульно въ общей суммѣ, выбирались депутаты, которые составляли думу, завѣдывавшую всѣмъ городскимъ имуществомъ. Самъ король и его дворъ подчинялись органамъ самоуправленія. Этотъ порядокъ казался удобенъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Начальникамъ отдѣльныхъ цеховъ было предоставлено право вершить гражданскія судебныя дѣла въ первой инстанціи. Понятно, все это требовало упорядоченія, регламентаціи, письменныхъ кодексовъ. И вотъ около

([1]) Registrum visitationum arch. Rothmagensis 1841—68. изд. Bonnin 1847.

1255 года, Этьенъ Буалевъ (Boisleve), городской голова Парижа, издалъ книгу, носящую названіе „Livre de métiers“ (цеховъ); это сводъ всѣхъ правилъ, которыми пользовались цехи ([1]). Къ ней приложенъ тарифъ, по которому продавались товары; этотъ тарифъ служитъ цѣннымъ памятникомъ для изученія условій дѣятельности зарождавшагося торговаго сословія. Надо вспомнить, что тогда, а именно въ 1262 году, только что введена была общая монета во Франціи. Строгій блюститель правды, другъ народа, Луи IX завѣщаетъ своему преемнику заботу и любовь къ народу и, вообще, къ среднему сословію, „ибо иначе, продолжаетъ король, я предпочту любовь шотландца или другаго иноземца, чѣмъ тебя, дабы онъ правилъ по закону и чести“. Между тѣмъ тотъ же государь прибѣгаетъ къ суровымъ мѣрамъ за ересь и пороки, господствовавшіе въ обществѣ, въ которыхъ не было безгрѣшно и само духовенство. За ересь предавали казни огнемъ, за воровство—отрѣзанію уха, за фальшивую монету—лишенію зрѣнія. Должно замѣтить, что пытка являлась тогда какъ бы органическимъ дополненіемъ къ судопроизводству; достаточно было двухъ показаній, чтобы виновнаго подвергнуть пыткѣ; жестокость была провозглашена, какъ основная сила правосудія. Правда, что факты слѣдствія сообщались обвиняемымъ, но при существованіи пытки это не могло имѣть смягчающаго значенія.

Прагматическая санкція 1269 г.

Судьба хотѣла, чтобы благочестивѣйшій изъ королей вооружился противъ самовластія иностраннаго духовенства во Франціи. Луи IX былъ виновникомъ Прагматической санкціи галликанской церкви, обнародованной въ 1269 году. Эта греко-восточная форма церковно-правительственныхъ отношеній встрѣчается уже въ указахъ Филиппа I въ 1105 году. Теперь она была развита гораздо точнѣе и опредѣленнѣе. По пятому параграфу ея запрещается вывозить излишнія деньги въ Римъ ([2]). Прагматическая санкція возстаетъ противъ симоніи епископовъ и защищаетъ право свободнаго избра-

---

([1]) Réglements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIII siècle et connus sous le nom du livre des méties d'Etienne Boileau, publiés par Depping (P. 1837, въ коллекціи Гизо Coll. des doc.).

([2]) «A moins que la caisse n'en soit reconnue raisonnable, par le roi et par l'Eglise de France». Въ коллекціи Гизо напечатанъ въ 1855 г. томъ—Privilégеs accordés à la couronne de France par le Saint-Siège.

нія священниковъ мѣстнымъ капитуломъ, аббатовъ—монахами, права прелатовъ на бенефиціи, выгораживая всѣ церковныя мѣста отъ алчныхъ претензій Рима. Тѣ, которые основывали монастыри и строили на свой счетъ церкви, получили права сюзереновъ и замѣщали мѣста, по своему усмотрѣнію. Вообще французское духовенство избавлялось отъ давленія дотолѣ всемогущей римской куріи, авторитетъ которой былъ такимъ образомъ потрясенъ руками благочестивѣйшаго изъ королей. Само собою разумѣется, что никто другой изъ католическихъ государей не осмѣлился бы рѣшиться на ограниченіе папскихъ прерогативъ въ годины высшаго могущества римскихъ первосвященниковъ. Искренность благочестія Луи IX была внѣ всякаго сомнѣнія; ссориться съ нимъ Риму было немыслимо, а передача ему доли правъ папскихъ представлялась умѣстною. Оттого прагматическая санкція не вызвала протеста.

Такъ въ тѣ годы, которые знаменуютъ начало паденія папства, Франція отпадаетъ отъ средневѣковаго Рима и ищетъ болѣе самостоятельнаго положенія въ церковныхъ дѣлахъ. Это отпаденіе особенно знаменательно тѣмъ, что исходило отъ одного изъ благочестивѣйшихъ королей.

Это не мѣшало впрочемъ сочувствію короля къ политическому расширенію предѣловъ Франціи и его готовности служить крестовой идеѣ до гробовой доски.

Процессъ сліянія Юга съ Франціей. Графъ Альфонсъ.

Такъ называемый Югъ, краса Галліи, постепенно отходилъ подъ суровую руку французскихъ королей.

Французскіе комиссары объѣхали всѣ земли Раймонда VII и вездѣ приняли присягу; они не были только въ Венессэнѣ, т. е. маркизатствѣ Провансномъ, такъ какъ Церковь оспаривала права графовъ тулузскихъ на эту область и предоставила имъ одинъ титулъ. Тамъ города тѣмъ болѣе привыкли жить вполнѣ самостоятельно. Послѣ смерти Раймонда VII, общины Арль и Авиньонъ провозгласили себя республиками и выбрали трибуномъ Бараля де Бо. Арль принадлежалъ Карлу; Авиньонъ—графу Альфонсу и Церкви. Бараль отправился къ королевѣ-матери, чтобы войти въ соглашеніе, но изъ разговоровъ съ нею убѣдился, что кромѣ безусловной присяги онъ не можетъ выхлопотать ничего для своихъ согражданъ. Съ первыхъ же дней французская корона принесла строгій монархическій духъ и порядокъ, который противорѣчилъ историческимъ преданіямъ и обычаямъ Лангедока

и Прованса. Республиканскія начала не могли быть терпимы при новомъ правительствѣ. Альфонсъ велѣлъ вести кадастръ своимъ пріобрѣтеніямъ и составить счетъ доходовъ, который сообщить ему. Большія суммы капелланъ его успѣлъ собрать во время крестоваго похода и послать деньги Альфонсу при письмѣ, которое служитъ источникомъ свѣдѣній о строѣ тогдашней администраціи. Совершенно чужой для своихъ новыхъ подданныхъ, Альфонсъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на простую статью дохода. Когда послѣ плѣна и неудачнаго похода, онъ вернулся во Францію и занялся пріисканіемъ средствъ помощи крестоносцамъ,—то, увлеченный порученіями короля, не поинтересовался даже взглянуть на свое наслѣдіе и проѣхалъ прямо въ Ліонъ къ папѣ, думая уговорить его помириться съ Фридрихомъ II, а послѣ направился къ англійскому королю, разсчитывая на сочувствіе послѣдняго къ крестовому дѣлу. Только послѣ всего онъ вспомнилъ о своихъ подданныхъ и рѣшился поѣхать къ нимъ. Весною 1251 года онъ прибылъ вмѣстѣ съ женою въ Авиньонъ. Здѣсь республиканская община отказала ему въ повиновеніи; въ союзѣ съ Карломъ, графомъ Прованса, онъ хотѣлъ принудить ее силою. Авиньонцы смирились и покорились, ограничившись присягой Альфонса ихъ старымъ вольностямъ. 23 мая графъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тулузу, гдѣ, собравъ жителей, подтвердилъ клятвою ихъ вольности, но тутъ же объявилъ себя государемъ не по завѣщанію, а въ силу парижскаго договора.

Отмѣна завѣщанія Раймонда VII.

Такимъ образомъ французы явились обладателями лучшей и богатѣйшей части Юга по тому-же праву завоевателей, по которому они пріобрѣли домены въ 1227 году, съ тою впрочемъ разницею, что образъ дѣйствій правительства на этотъ разъ былъ гораздо безнравственнѣе. За завоеваніемъ послѣдовалъ подлогъ. Когда-то побѣдители утвердились въ странѣ насильственно, остріемъ меча, предводимые вооруженными монахами, теперь же они опирались на ложь и въ политическомъ подлогѣ искали средствъ и опоры для своего водворенія (¹). Королевское правительство досадовало на завѣщаніе Раймонда VII, которое отдаляло богатый доменъ отъ короны. Альфонсу отдано было приказаніе уничтожить завѣщаніе. Но такъ какъ оно было уже обнародовано, то слѣдовало доказать его незаконность.

(¹) См. третью главу нашего изслѣд. «Первая Инквизиція».

Здѣсь появляется на сценѣ новое орудіе. Крестоносцевъ смѣнили на этотъ разъ юристы. Имъ поручено доказать, что совершенно вѣрный документъ не вѣренъ и не имѣетъ значенія, а что подложная ссылка на парижскій договоръ—какъ нельзя болѣе справедлива. Если легисты вполнѣ достигли своей цѣли, то исторія не можетъ не признать, что повѣствованіе о подробностяхъ уничтоженія провансальской національности увеличилось еще одною темной страницей, что безчестный образъ дѣйствій еще разъ сталъ орудіемъ весьма важнаго историческаго факта.

Не было документа составленнаго болѣе формально и легально, какъ завѣщаніе Раймонда VII. Оно было написано въ здравомъ умѣ, въ присутствіи болѣе чѣмъ законнаго числа свидѣтелей и скрѣплено 21 печатями; завѣщатель не нарушалъ прежнихъ договоровъ и, какъ добрый католикъ, почти всѣ свои капиталы отказалъ на богоугодныя цѣли. Лучшіе французскіе юристы должны были выказать много дерзости, чтобы отвергнуть эти данныя; болѣе 20 легистовъ занялись этимъ дѣломъ. Между ними былъ ученый провансалецъ Гвидо Фулькодій, который послѣ сталъ папою подъ именемъ Климента IV. Онъ продалъ себя и самостоятельность своей родины французскому двору за блестящую карьеру (¹). Юрисконсульты рѣшили, что для дѣйствительности завѣщанія не соблюдены условія, требуемыя гражданскими римскими законами, такъ какъ не имѣется удостовѣренія, что завѣщаніе прочтено передъ завѣщателемъ и свидѣтелями и что самъ завѣщатель не объявлялъ объ этомъ; другіе придирались, что печати приложенныя къ документу не замѣняютъ подписей и что свидѣтели не удостовѣрили ихъ, что завѣщаніе было вскрыто въ отсутствіи наслѣдниковъ и свидѣтелей. Подтвержденіемъ того, что всѣ такія толкованія были произвольны и имѣли одну цѣль—закрѣпощеніе страны за французскими принцами, служитъ признаніе законности дополненія къ завѣщанію, по которому король и папа должны были получить обратно свои деньги, и которое съ бо̀льшимъ основаніемъ слѣдовало бы отвергнуть, какъ составленное безъ всякихъ формальностей. Юристы, конечно, получили внушеніе, что двору вовсе нежелательно отказаться отъ такой значительной суммы. Не обозначала ли вся эта исторія съ завѣщаніемъ про-

(¹) Decamps. Traité de l'origine des dom. du roy au Lang.; LIX, 35.

извола прикрытаго бумажными формами, и чѣмъ разнилась эта мнимая законность отъ насилія и попранія всякой справедливости?

Французамъ невыгоденъ былъ одинъ документъ, — рѣшили, что онъ незаконенъ; имъ былъ полезенъ другой, — нашли, что онъ вполнѣ легаленъ.

Какъ бы то ни было, завѣщаніе Раймонда VII было объявлено недѣйствительнымъ. Іоанна была устранена отъ престолонаслѣдія, и братъ французскаго короля, или точнѣе самъ французскій король, сталъ государемъ Тулузы и ея областей.

Но въ Парижѣ забыли, что въ завѣщаніи заинтересованъ весьма вліятельный элементъ — церкви и монастыри, которые получали въ силу его значительные дары. Съ ними ссориться было опасно. Они протестовали. Альфонсъ предложилъ имъ сдѣлку, но жадность духовенства не допускала ущерба. Аббатство Фонтевро особенно домогалось завѣщанныхъ драгоцѣнностей покойнаго. Едва успѣли сойтись на *обоюдныхъ* уступкахъ, на уплатахъ и бенефиціяхъ, и то только благодаря тому, что Альфонсъ опирался на свой безупречный католическій авторитетъ и на услуги, оказанныя Риму. При этомъ графъ указывалъ на мнимую беззаконность документа, которая уничтожала всю силу записей. Онъ хотѣлъ казаться великодушнымъ, даже распоряжаясь чужой собственностью.

Подчиненіе всей восточной половины Юга коронѣ французской надо считать съ года смерти Раймонда VII, потому что Альфонсъ былъ лишь номинальнымъ государемъ. Принявъ присягу, онъ тотчасъ же оставилъ Лангедокъ, чтобы никогда въ него не возвращаться. Съ нимъ скоро сдѣлался нервный ударъ и онъ былъ не въ состояніи тронуться съ мѣста. Больной, изъ своего Венсенскаго замка, а послѣ изъ своего парижскаго дворца у воротъ S. Honoré, онъ управлялъ страной, собиралъ съ нея доходы и неуклонно вводилъ тѣ реформы, которыя указывало ему парижское правительство. Послѣднее даже не затруднилось распорядиться доменами Альфонса, какъ бы своими собственными; оно брало, отдавало и мѣняло его земли, не спрашивая согласія. Другимъ доказательствомъ парижскаго правительственнаго вліянія было то, что земли провансальскаго языка получили такое административное преобразованіе, которое сгладило въ нихъ мѣст-

ныя политическія и соціальныя особенности и приблизило по внутреннему строю къ землямъ сѣвернымъ, короннымъ.

Договоръ съ Генрихомъ III въ 1258 г.

Въ 1258 году Луи IX заключилъ въ Корбейлѣ трактатъ съ Іаковомъ I аррагонскимъ, а въ Аббевилѣ (¹) договоръ съ Генрихомъ III англійскимъ, который долженствовалъ прекратить вражду между тремя королевствами, причинявшую частыя опустошенія на Югѣ. Въ Корбейлѣ король аррагонскій отказался отъ своихъ правъ на нѣкоторые припиринейскіе домены и на нѣсколько кантоновъ въ Оверни, удержавъ за собою только сюзеренство Монпелье. Здѣсь не было даже и рѣчи о правахъ Альфонса, можетъ быть потому, что самыя владѣнія были спорны. Но иное дѣло былъ договоръ съ Англіей. Луи IX преслѣдовало довольно благородное, но не совсѣмъ практическое желаніе — поправить „великую несправедливость“ своего дѣда Филиппа II, который отнялъ у англійскаго короля Пуату и другія земли на Югѣ. Генрихъ III не въ состояніи былъ бы возвратить ихъ оружіемъ, но благодушіе Луи IX предупредило его. Ему стоило только указать, что его отецъ когда-то въ Лондонѣ обязался возвратить Англіи эти земли, и король почувствовалъ себя не въ правѣ ихъ удерживать, хотя послѣ Генрихъ III, нарушивъ свои обязательства и поднявъ оружіе, тѣмъ самымъ освобождалъ французскаго короля отъ нравственной отвѣтственности. Но получивъ соотвѣтственныя гарантіи отъ Генриха III, Луи IX возвратилъ и уступилъ вмѣстѣ съ своими доменами и то, что входило въ удѣлъ Альфонса и въ наслѣдство Іоанны, ни мало не спрашивая согласія графа, графини и ихъ народа. Въ Ангулемѣ, Лимузенѣ, Керси и Перигорѣ Луи IX не имѣлъ прямыхъ доменовъ, но только права на присягу (droit d'hommage) разныхъ феодаловъ, которые въ большинствѣ не любили англійскаго короля, хотя въ послѣдствіи стали во вражду съ Франціей, такъ какъ англійская власть оказалась болѣе гуманной къ ихъ національности. Изъ доменовъ Альфонса Луи IX уступилъ Англіи доходы Аженуа, по оцѣнкѣ особыхъ „добрыхъ мужей“ (prudes hommes), а также съ нижняго Керси и съ области Кагора. Такимъ образомъ приданое жены Раймонда VII отходило назадъ къ Англіи распоряженіемъ французскаго короля. Послѣ смерти графини де-Пуатье, т. е. Іоанны, Англія имѣла получить также южный Сантонжъ. Въ вознагражденіе за это, Генрихъ III и за себя и за на-

слѣдниковъ отказывался отъ всякихъ правъ на Нормандію, Анжу, Менъ, Турень, сѣверный Сантонжъ, Онисъ, Пуату и сверхъ того признавалъ себя вассаломъ французскаго короля за всѣ англійскія владѣнія на материкѣ, прежнія и новыя, вмѣстѣ съ Гіенью и Бордо. Послѣднее условіе должно было удовлетворить самолюбіе французскихъ вельможъ и самого короля, хотя и не давало никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ самомъ дѣлѣ, средневѣковымъ французамъ, всегда тщеславнымъ и самолюбивымъ, было лестно имѣть своимъ вассаломъ безпокойнаго сосѣда и одного изъ могущественнѣйшихъ государей. По многимъ косвеннымъ доменамъ Франція ничего не теряла, по другимъ теряла доходы, власть въ городахъ, но сохраняла королевскій авторитетъ, который простирался теперь на вдвое большіе предѣлы. Французскіе королевскіе сенешалы попрежнему оставались въ уступленныхъ областяхъ рядомъ съ англійскими, а въ Перигорѣ появился новый, который напоминалъ собою верховную власть въ Гіени. Парижскій парламентъ, какъ видно изъ документовъ, принималъ по прежнему апелляціи на рѣшенія англійскихъ сенешаловъ и приводилъ въ исполненіе свои приказанія (¹). Но ежегодная уплата 3720 ливровъ за Аженуа, добровольно возложенная на себя королемъ, естественно раздражала французскій народъ, такъ какъ напоминала данническія отношенія и не могла загладиться тѣмъ, что Генрихъ III въ Луврской башнѣ преклонилъ колѣно предъ государемъ Франціи, чего не было уже 50 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ Франція получила довольно выгодный миръ, а главное — спокойствіе и увѣренность за свои границы, хотя это достигалось нарушеніемъ самостоятельности провансальской національности (²). Желаній не только населенія, но даже бароновъ въ уступленныхъ земляхъ не спрашивали. Своему великодушію и личному спокойствію король, вопреки справедливости, приносилъ въ жертву законные интересы Юга. Замѣчательно, что онъ думалъ сдѣлать этимъ прекрасное дѣло (moult bonne oeuvre).

Отвѣтомъ на это служило общее недовольство и въ Лангедокѣ и въ самой Франціи, высказавшееся даже среди соб-

---

(¹) Подлинникъ помѣченъ 28 мая 1258 г.—Trésor des Chartes, J. 629, № 4. — У Martin въ Hist. (IV, 262) ошибочно — 20 мая 1259 г.

(²) Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour sous S. Louis etc. publ. par Beugnot; I, 533, 723.

ственнаго двора короля [1]. Воинственное рыцарство не хотѣло спокойно взвѣсить выгодъ трактата. Оно не вразумлялось, что гористый Перигоръ и бѣдный Лимузенъ стоятъ четырехъ лучшихъ провинцій Франціи.—„Государь, намъ кажется, что вы потеряли, когда увѣряете, что выиграли, сказали ему въ совѣтѣ“.—Выходило, что потеряли обѣ стороны. Замѣчательно, что трактатъ, не удовлетворивъ французовъ, одинаково раздражилъ и англійскихъ бароновъ. Онъ былъ предлогомъ къ возбужденію возстанія вельможъ и городовъ въ Англіи, и едва Генрихъ III не поплатился за него короною. Существенной причиной революціоннаго движенія была зависть гіеньскихъ и англійскихъ вельможъ къ богатымъ бенефиціямъ, захваченнымъ итальянцами. Ненависть къ римскому церковному владычеству дошла до того, что образовались общества для убійства папскихъ гонцевъ съ іоркширскими рыцарями во главѣ.

Послѣдствія французской власти въ Провансѣ.

Провансальцы послѣ аббевильскаго трактата могли понять, что ими отнынѣ распоряжаются по произволу, какъ покоренными, что даже не желаютъ видѣть разницу между подданными короля и графа. Личность Луи IX не могла тамъ внушать симпатіи. Когда короля канонизировали, то во многихъ мѣстностяхъ Юга отказались признавать новый праздникъ. Для выраженія злобы противъ его братьевъ всюду не находили словъ. Въ самомъ дѣлѣ, французское управленіе, хотя приносило съ собою порядокъ, не могло внушить симпатіи ни въ одномъ слоѣ населенія. Французы начали ломать самыя дорогія начала самоуправленія. Легисты, которые тогда появились въ королевскомъ совѣтѣ, изъ университетовъ Италіи вынесли глубокое уваженіе къ государственнымъ принципамъ Римской имперіи, т. е. централизаціи и возвышенію монархи-

---

(¹) Beugnot (Essai sur les instit. pol. de S. Louis, p. 50), Michelet (H. de France; III, 348), H. Martin (IV, 262)—находятъ миръ невыгоднымъ. Съ большимъ основаніемъ взглянули на договоръ спеціалисты: Lenain de Tillemont (Vie de S. Louis; IV, 162) и Boutaric (Alphonse, 95).

(¹) Joinville: «Sire, nous nous merveillons moult que vostre volonté est tele que vous voulêz donner au roy d' Angleterre si grant partie de vostre terre que vous et vostre devancier avez conquise sus li et par leur meffait. Dont il nous semble que se vout entendez que vous ni aiés droit, que vous ne fêsez pas bon rendage au roy d'Angleterre, se vous ne li rendez toute la conqueste que vous et vostre devancier avez faite».

ческаго сана. Въ Германіи и Англіи проявились тѣ же идеи, но тамъ ихъ постигла другая участь. Во Франціи онѣ побѣдили. Имперію и Англію эти попытки обезсилили.

Почва Лангедока и Прованса была покрыта сотнями муниципій. Ураганъ альбигойскихъ походовъ смылъ нѣкоторыя изъ нихъ, но во время мира они возродились снова и звукъ вѣчеваго колокола получилъ свое прежнее обаяніе. Французскіе сенешалы подъ вліяніемъ легистовъ противодѣйствуютъ этому. Они рѣшительно не допускали новыхъ общинъ. Они уничтожали старыя общины не прямо, а выискивали предлоги, которыми служило возмущеніе, неисполненіе обязательствъ и пр.

Восьмой крестовый походъ.

Неудача седьмаго крестоваго похода обусловливалась личными качествами французскаго короля и отсутствіемъ всякаго плана. Большія силы, двинутыя въ Египетъ, погибли напрасно. Казалось печальный опытъ и послѣднія тяжелыя испытанія должны были послужить серьезнымъ урокомъ, но, по возвращеніи во Францію, Луи IX не переставалъ мечтать о новомъ походѣ. Одушевленный искреннимъ участіемъ къ положенію Святой Земли, онъ не могъ отказаться отъ защиты ея; онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не совершитъ, какъ онъ выражался, своего призванія. Онъ былъ вполнѣ человѣкомъ минувшаго. Ему ли было понять, что самый фактъ его плѣненія не произвелъ того паническаго впечатлѣнія на Европу, какое можно было ожидать? Могъ-ли онъ допустить мысль о томъ, что его идеалы отжили свой вѣкъ, когда онъ жилъ только однимъ прошлымъ. Онъ оставался тѣмъ же мягкимъ, чистосердечнымъ добрякомъ. Онъ все приносилъ въ жертву своей идеѣ: онъ думалъ успокоить разрозненные элементы своего государства, уступивъ англійскому королю лучшія провинціи, пріобрѣтенныя имъ прежде. Онъ сократилъ издержки своего двора. Онъ сталъ совѣщаться съ папой Климентомъ IV о новомъ походѣ; но даже папа, обязанностью котораго было возбуждать къ крестовому походу, сознательно затягивалъ дѣло и едва-едва согласился на допущеніе новаго похода, въ виду прежнихъ неудачъ. Легатъ папскій наконецъ явился въ Парижъ. Но какъ мало было сочувствія къ новому походу видно изъ того, что, по словамъ Готфрида Булье, вельможи и князья тогда только пошли за королемъ, когда получили отъ него хорошіе подарки. Можетъ быть изъ всего французскаго крестоноснаго воинства

только одинъ его вѣнценосный вождь увлекался чистою идеею. Предъ походомъ король созвалъ въ Парижъ прелатовъ, рыцарей, бароновъ и многихъ другихъ людей. Собравши ихъ вмѣстѣ, король сдѣлалъ воззваніе къ присутствующимъ. Онъ воодушевлялъ ихъ къ отплатѣ за оскорбленіе, нанесенное Христу. Послѣ короля говорилъ легатъ отъ имени папы. Онъ надѣлъ крестъ на короля и на его трехъ сыновей, на нѣсколькихъ прелатовъ, графовъ и бароновъ. Но прежняго одушевленія не было; замѣчательно, что готовность служить святому дѣлу отъ мужчинъ перешла къ женщинамъ. За герцогомъ бургундскимъ дала обѣщаніе послѣдовать его жена Іоланта, за Альфонсомъ графомъ Пуатье,—его супруга; кромѣ ихъ готовы были отправиться: графини Бретонская, Жанна Тулузская, Куртнэ. Но никто изъ крестоносцевъ не скрывалъ что идетъ въ походъ не по увлеченію, а изъ желанія сдѣлать угодное государю, котораго нельзя было не любить. Послѣднія несчастія охладили всѣхъ. Королева Маргарита, при всей преданности мужу, не рѣшилась сопровождать его. Передъ ней возставали страшныя воспоминанія о страданіяхъ въ Даміеттѣ; она видѣла то убійцъ около своего болѣзненнаго одра, то толпы вооруженныхъ сарацинъ, которые пришли отнять у нея и мужа и сына. На этотъ разъ измѣнилъ королю даже его преданный, старый другъ, баронъ Жуанвилль. Онъ разсчиталъ, что и прежнихъ подвиговъ во славу Креста съ избыткомъ достаточно. Разсказывая о приготовленіяхъ къ послѣднему походу, онъ не могъ не сострить, замѣтивъ что тѣ, „которые посовѣтовали королю это странствіе за море, совершили смертный грѣхъ".

Три года прошло въ приготовленіяхъ къ походу. Насталъ уже 1270 годъ, послѣдняя весна для короля, а еще не все было готово. Чувствовался недостатокъ въ пѣшихъ воинахъ; приходилось платить имъ жалованье, снабдить деньгами на подъемъ, о чемъ прежде не было и помина, такъ какъ все это лежало на отчетѣ феодаловъ, часто продававшихъ свои земли передъ походомъ. Для того чтобы добыть необходимыя средства правительство ввело чрезвычайный поголовный налогъ. Знаменательно было то, что туже всего собирались деньги съ духовенства, которое жаловалось на тяжесть десятины. Наконецъ волей-неволей потянулись крестоносцы къ южнымъ гаванямъ, сосредоточиваясь въ Марсели и Эгъ-Мортѣ, гдѣ были приготовлены нанятыя у генуэзцевъ суда.

Экспедиція на Тунисъ.

Въ то же время крестовое движеніе проявляло послѣднія усилія въ Англіи, Кастиліи, Аррагоніи, Португаліи и въ Неаполѣ. Это былъ замиравшій блескъ гаснувшей свѣчи. Сынъ короля Генриха III, принцъ Эдуардъ, отличавшійся страшной физической силой, подавивъ возстаніе бароновъ, изъявилъ желаніе послужить Христу. Онъ умѣлъ увлечь своимъ примѣромъ тѣхъ, которые раньше были его врагами. Короли Аррагоніи, Португаліи и Неаполя отправились лично, имѣя въ виду встать подъ начальство Луи IX. На немъ сосредоточивались всѣ надежды. Король работалъ неутомимо; ускорялъ сборы, снаряжалъ корабли, но его часто обманывали. Его напутствовали на этотъ разъ слезы народа и печальныя предчувствія. Когда онъ прибылъ въ Эгъ-Мортъ, съ цѣлью отплыть, то оказалось, что нѣтъ судовъ, назначенныхъ для морскаго плаванія. Предварительнаго плана не существовало. Когда нужно было садиться на суда, то въ сущности никто не зналъ куда плыть. Одни говорили, что лучше ѣхать въ Египетъ, другіе — въ Палестину. Изъ гавани поплыли куда глаза глядятъ и только дорогою, по настоянію Карла, брата короля, рѣшили повернуть на Тунисъ, откуда халифатъ получалъ деньги. Это тунисское государство находилось тогда въ вассальной зависимости отъ вавилонскаго султана, который, въ сущности, не былъ опасенъ для христіанскаго дѣла. Вавилонскій же халифатъ господствовалъ вплоть до Каиро. Но Луи IX занимала еще новая мысль: онъ думалъ не только отстранить возможность содѣйствія тунисскому халифату, но хотѣлъ склонить тунисскаго бея на свою сторону, чтобы обратить его въ христіанство. Надо замѣтить, что сообщались превратныя извѣстія изъ Туниса; говорили, что тунисцы давно бы были христіанами, если бы мечи сарацинъ не удерживали ихъ отъ этого. Но во второй половинѣ XIII вѣка въ общество проникли свѣтскіе идеалы, такъ что игнорировались уже миссіонерскіе взгляды. Кто, какъ не Луи Святой способенъ былъ быть лучшимъ миссіонеромъ въ католическомъ мірѣ? Онъ во Франціи считалъ тотъ день счастливымъ, когда крестилъ какого нибудь еврея. Слѣдуетъ прибавить, что на одномъ изъ попутныхъ острововъ захватило Луи IX тунисское посольство, соглашавшееся на сдѣлку. Но Луи IX хотѣлъ непремѣнно окрестить тунисцевъ.—Онъ отвѣтилъ: „Скажите вашему повелителю, что я горячо желаю обращенія его, что я согласился бы провести всѣ дни моей жизни въ темницѣ, лишь бы только

вашъ государь и народъ отъ чистаго сердца сдѣлались христіанами".

Луи IX въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что только страхъ меча удерживаетъ мамелюковъ отъ импровизованнаго обращенія въ христіанство. Король полагалъ, что если представить убѣдительныя живыя доказательства въ видѣ флота, то пропаганда будетъ успѣшна. Во всякомъ случаѣ съ тѣми силами, которыя были у крестоносцевъ, вступать въ борьбу съ сильнымъ государствомъ было опрометчиво. „Тенисъ", считавшійся богатымъ городомъ Африки, былъ расположенъ около развалинъ древняго Карѳагена, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда римляне дрались съ пунійцами. Французы одержали легкую побѣду въ битвѣ, но ихъ силы послѣ были растрачены въ безполезныхъ мелкихъ схваткахъ. Южный зной, отсутствіе воды и свѣжихъ продуктовъ были причиной эпидеміи; гнилая лихорадка распространилась въ лагерѣ крестоносцевъ. Смертность росла въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Теперь крестоносцы хотѣли было отступить, но было уже поздно. Много рыцарей погибло, но еще болѣе томилось въ тюрьмахъ. Въ это время въ лагерь прибылъ король Сициліи, который былъ задержанъ на пути, онъ еще былъ на берегу, ожидая свиданія съ братомъ, какъ короля уже не существовало. Неумолимая смерть приближалась къ святому королю тѣмъ болѣе, что онъ не берегъ своего здоровья, ухаживая за больными.

Кончина Луи IX. Луи захватилъ сильную лихорадку и слегъ въ постель. Послѣдняя его мысль была обращена къ тунисскимъ дѣламъ. Онъ передъ смертью назначилъ извѣстнѣйшихъ доминиканскихъ монаховъ для христіанской пропаганды въ Тунисѣ. Предсмертныя наставленія его, обращенныя къ наслѣднику, касались дѣлъ Церкви и государства. Эти слова умирающаго служили въ то же время его исповѣдью (¹). Извѣстно, что въ средніе вѣка существовала величавая утопія, что по принципу каждый государь долженъ уважать права народа и что малѣйшее расширеніе королевскихъ прерогативъ лишаетъ его обаянія. Такъ проповѣдывалъ въ XIII вѣкѣ канонизованный Церковью Ѳома Аквинскій, а именно что государь долженъ служить своему народу. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и Луи IX, умирая, говорилъ своему сыну слѣдующія глубоко содержательныя и теплыя слова: „Не уклоняйся ни на право, ни на лѣво и поддержи-

(¹) Оба лѣтописца, Жуанвилль и духовникъ, записали это «завѣщаніе».

вай бѣдняка въ его жалобахъ. Если кто будетъ имѣть до тебя дѣло, исполни его. Если у тебя окажется собственность, принадлежавшая другимъ, пріобрѣтенная тобою или предками, то возврати ее немедленно. Наблюдай неустанно, чтобы твои подданные жили въ мирѣ, особенно въ городахъ и коммунахъ нашихъ, ибо богатство и могущество ихъ есть богатство и могущество престола королевскаго. Твои враги и соперники, а особенно твои пэры и бароны перестанутъ тогда бороться съ тобой. Остерегайся подымать войну противъ христіанъ безъ крайней необходимости. Наблюдай за твоими чиновниками и байльи, прелатами и другими; слѣди за ихъ управленіемъ. Исправляй постепенно и благоразумно всѣ недостатки въ законахъ королевства. Чѣмъ счастливѣе будутъ твои подданные, тѣмъ болѣе ты будешь великъ" (¹). Въ этомъ наказѣ слышится вся политическая система Луи IX. Онъ умиралъ, но продолжалъ заботиться объ участи несчастныхъ своихъ сподвижниковъ. — „Кто отведетъ во Францію этотъ народъ, который я привелъ сюда", спрашивалъ онъ. Король уже отходилъ; надъ нимъ читали послѣднюю предсмертную молитву; онъ былъ въ монашескомъ одѣяніи; одежда его была посыпана пепломъ. „Господи Боже, произнесъ онъ, храни народъ твой и введи его въ свою страну (Beau Sire Diex, aies merci de ce peuple qui ici demeure, et le conduisen son pays)!" Съ этими словами Луи IX скончался (²).

Карлъ Анжуйскій, его братъ, прибылъ во французскій лагерь, какъ разъ въ то время, какъ съ королемъ началась агонія. Филиппъ, новый король, поручилъ дядѣ войну съ Тунисомъ, а самъ повезъ во Францію тѣло отца. Сердце и внутренности оставилъ Карлъ у себя. Духовенство и народъ со слезами на глазахъ встрѣтили печальную процессію, всѣ старались прикоснуться къ костямъ государя, котораго и при жизни считали святымъ. Личныя свойства и характеръ сдѣлали имя Луи IX и до сихъ поръ популярнымъ въ странѣ, несмотря на всю неспособность его въ практическихъ вопросахъ.

Король неаполитанскій подъ Тунисомъ.

Чрезъ два мѣсяца Карлъ принудилъ тунисское правительство къ миру. Мусульмане освободили плѣнниковъ, а въ

(¹) Joinville; Bouquet; XX, 300—302. Мы приводимъ завѣщаніе въ извлеченіи, притомъ не текстуально.

(²) Conf. de la reine; Bouquet; XX, 121.

Тунисѣ дозволено было строить церкви, имѣть христіанскихъ проповѣдниковъ и миссіонерствовать католическимъ монахамъ. Тунисъ обязывался платить ежегодную дань сицилійскому королю 20 тысячъ унцій золотомъ и единовременно Франціи контрибуцію въ 210 тысячъ унцій золотомъ, т. е. около десяти милліоновъ франковъ. Половина этой дани была внесена теперь же. Въ ноябрѣ 1270 года флотъ крестоносцевъ отплылъ отъ Туниса въ Сицилію. Въ Триполи онъ долженъ былъ раздѣлиться на три части; одна вернулась во Францію, другая въ Палестину съ сыномъ англійскаго короля Генриха III, принцемъ Эдуардомъ, а третья эскадра отправилась на Константинополь. Какъ тесть послѣдняго византійскаго императора, Карлъ хотѣлъ воспользоваться наслѣдіемъ, которое составляло часть Восточной имперіи; онъ разсчитывалъ свергнуть Палеолога и хотѣлъ вырвать у него хотя Морею и Ахаію. Это былъ послѣдній могиканъ крестовой идеи. Буря поглотила значительное число кораблей съ тунисской добычей. Послѣ этой бури итальянскіе и французскіе рыцари, спасшіеся отъ гибели, вернулись въ свои владѣнія и дали обѣщаніе снова черезъ три года собрать крестовое ополченіе. Но желанію ихъ не суждено было исполниться. Что касается до Эдуарда, принца англійскаго, то онъ въ Палестинѣ прославился своимъ мужествомъ и геройствомъ, напоминавшимъ Ричарда.

Бибарсъ (1260-73 г.) и принцъ Эдуардъ.

Бибарсъ изъ рабовъ сдѣлался султаномъ подъ именемъ Малекъ-Бондогара; онъ простиралъ свою власть надъ всей Палестиной. Христіанскіе историки сравниваютъ его съ Юліаномъ по способностямъ, съ Нерономъ — по злодѣяніямъ. Онъ держался со всею надменностью восточнаго вождя. Онъ казнилъ тѣхъ, которые оказывали малѣйшую попытку къ сопротивленію. Онъ считалъ себя выше Магомета, презиралъ вино, чувственность, но не прочь былъ отъ вѣроломства и низости. Эдуардъ, прибывъ въ Палестину, оказался скорѣе авантюристомъ чѣмъ государемъ. Онъ выступилъ съ 300 воиновъ. Это были храбрые рыцари, готовые погибнуть. Но Бибарсъ задумалъ самъ погубить Эдуарда. Онъ поручилъ одному изъ своихъ эмировъ притвориться его другомъ и врагомъ Бибарса. Эдуардъ занялся обращеніемъ эмира въ христіанство и относился къ этому дѣлу серьезно. Эмиръ бывалъ въ домѣ принца и сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Разъ, онъ во-

шелъ ночью къ Эдуарду и, заставъ его съ переводчикомъ, нанесъ ударъ отравленнымъ кинжаломъ. Эдуардъ спасся, благодаря только физической силѣ. Онъ вырвалъ кинжалъ и убилъ имъ эмира. Сверхъ ожиданія Эдуардъ выздоровѣлъ и 300 человѣкъ его рыцарей, усиленныхъ 500 крестоносцевъ, привыкшихъ къ восточнымъ войнамъ, успѣли навести страхъ на мусульманскіе полки. Довольно того что Бибарсъ согласился на десятилѣтнее перемиріе, по которому предоставлялось христіанамъ право свободнаго посѣщенія городовъ и свободнаго проѣзда въ Іерусалимское королевство. Эдуардъ поспѣшилъ покинуть ненавистную ему Палестину. Это былъ послѣдній христіанскій государь, воевавшій Св. Землю.

Впрочемъ что же въ сущности побуждало мусульманъ соблюдать мирныя условія въ виду апатіи христіанскаго міра къ Палестинѣ и ея судьбамъ? Германія въ то время была раздираема кулачнымъ правомъ. Папы были вовлечены въ борьбу гвельфовъ и гибеллиновъ. Въ Англіи тогда обострилась борьба общинъ и аристократіи съ королемъ. Въ Испаніи былъ разгаръ политической и національной борьбы съ мусульманами. Преемникъ Бибарса, Келаунъ не могъ пока дѣйствовать наступательно на послѣднихъ христіанъ въ Палестинѣ; онъ былъ отвлеченъ отъ Палестины внутренними смутами. Но сынъ его Малекъ-Ашрафъ рѣшилъ покончить съ христіанами.

Послѣдняя опора прежнихъ завоеваній крестоносцевъ, Акра, была сокрушена въ 1291 году. Стремленіе изгнать христіанъ изъ Палестины — для мусульманъ сдѣлалось такимъ же національнымъ и религіознымъ дѣломъ, какъ прежде для христіанъ было истребленіе мусульманъ. По свидѣтельству Абулфеды въ его книгѣ „Блестящія звѣзды“ число воиновъ въ мусульманскомъ лагерѣ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Лишь только разнесся слухъ, что халифъ хочетъ изгнать христіанъ, цѣлыя массы единовѣрцевъ собрались подъ знамена султана, и въ нихъ снова пробудилась жажда къ состязанію съ христіанами. Султанъ, устроивъ громадныя осадныя машины, приступилъ къ Акрѣ. Осада началась въ маѣ 1291 г.; защитники города приготовились къ упорной оборонѣ. Имъ нечего было надѣяться на Европу; они рѣшились защищать городъ до послѣдней крайности. Они руководились сознаніемъ долга, завѣтами своихъ предковъ и тѣмъ чувствомъ чести, которое связывало ихъ съ прежними рыцарями, посвятившими

Паденіе Акры 18 мая 1291 г.

всю жизнь защитѣ гроба Господня. Султанъ самъ водилъ мусульманскія войска на приступъ. Первая аттака мусульманъ была неудачна; они были отбиты, но кипрскій король измѣнилъ защитникамъ Акры. Онъ ночью уплылъ тайкомъ въ Европу; на другой день штурмъ возобновился. Бой барабановъ слился съ отчаянными предсмертными воплями осажденныхъ. Рвы и проломы наполнялись трупами. Мусульмане были снова отражены. Но черезъ двѣ недѣли пришлось покориться превосходству врага, его подавляющей численности, такъ какъ семь мусульманъ приходилось на каждаго христіанина. Престарѣлый патріархъ, съ крестомъ въ рукѣ, ободрялъ защитниковъ Акры. Великій магистръ тампліеровъ погибъ, сражаясь какъ простой воинъ. Великій магистръ іоаннитовъ получилъ тяжелую рану. Множество храбрыхъ крестоносцевъ было перебито: „по трупамъ ходили какъ по мосту". Побѣдители ворвались въ городъ; имъ пришлось брать отдѣльно чуть не каждый домъ и каждую церковь; сарацины поджигали храмы, наполненные женщинами и дѣтьми. Запылали цѣлые кварталы. Но когда мусульмане начали рѣзать, то отчаяніе перешло въ геройство. Оставшіеся защитники креста собрались въ церковь тампліеровъ, которая и была подожжена. Подъ развалинами ея погибли и осаждавшіе и защищавшіеся. Это были храбрѣйшіе изъ тампліеровъ. Они не хотѣли пережить своего пораженія. Тѣ жители, которые еще не успѣли испытать звѣрство побѣдителей, спѣшили, бросая все имущество, укрыться на итальянскихъ корабляхъ. Престарѣлаго патріарха увлекали силою его почитатели. Онъ долго противился и видимо искалъ смерти. Когда его усадили на корабль, то онъ потребовалъ чтобы не отказывали въ помѣщеніи на суднѣ всѣмъ воинамъ и жителямъ, которые въ страхѣ за жизнь тѣснились на берегу. Толпа хлынула на корабль, который не могъ выдержать такой массы людей и пошелъ ко дну, увлекая въ волны католическаго патріарха.

Остальные христіанскіе города сдались при извѣстіи о паденіи Акры. Населеніе Тира, Сидона, Бейрута и другихъ христіанскихъ мѣстечекъ было или перебито или отправлено въ невольничество. Халифъ приказалъ передъ началомъ новыхъ построекъ перерыть даже ту землю, которую попирали ноги христіанъ, чтобы смести самый слѣдъ христіанскаго завоеванія. Султана ожидали оваціи. Христіанскіе плѣнники украшали собой тріумфъ побѣдителя. За нимъ несли опроки-

нутое знамя. На закатѣ XIII вѣка исчезло такимъ образомъ Іерусалимское королевство со страницъ исторіи. Уничтоженіе христіанскаго авторитета въ мусульманскомъ мірѣ было дѣломъ популярнымъ. Въ Европѣ это извѣстіе произвело далеко не сильное впечатлѣніе; тамъ смотрѣли теперь на Востокъ съ практической точки зрѣнія. Итальянцы,—которые съ перваго крестоваго нохода посмѣивались надъ рыцарями и высасывали послѣднее изъ нихъ, пользуясь ихъ увлеченіемъ, —теперь проводятъ меркантильный, практическій взглядъ на крестовыя предпріятія.

Проектъ Марино Санудо.

Чрезъ 30 лѣтъ послѣ паденія Акры, въ 1321 году венеціанецъ Санудо подноситъ папѣ новый проектъ о завоеваніи св. земли. Санудо былъ намѣстникомъ Крита, онъ изъѣздилъ чуть не всю Европу, былъ пять разъ въ Палестинѣ, зналъ Востокъ, посѣщалъ даже, какъ говорятъ, и славянскія земли. Свою книгу онъ называетъ: Liber secretorum fidelium Crucis super terrae sanctae recuperationae et conservationae, т. е. секретная книга крестоносцевъ о завоеваніи и удержаніи святой земли ([1]). Санудо предлагалъ свой проектъ королямъ Англіи и Франціи, но неудачно. Въ этомъ проектѣ онъ указываетъ на необходимость дипломатическихъ мѣръ. Онъ говоритъ, что вернуть обратно святыя мѣста земли невозможно, но возможно эксплуатировать Востокъ въ коммерческомъ смыслѣ. Онъ предлагаетъ утвердиться на берегахъ Египта съ 15000 пѣхоты и съ 300 рыцарей; онъ первый оцѣнилъ преимущества пѣхоты и привелъ счетъ интендантскихъ издержекъ. Въ исторіи Венеціи онъ указываетъ на несокрушимость городовъ, владѣющихъ устьями судоходныхъ рѣкъ, глубоко входящихъ въ материкъ; на этомъ основаніи онъ полагаетъ, что обладаніе Даміеттой и Александріей существенно необходимо и должно быть цѣлью предпріятія. Всѣ свои соображенія онъ основываетъ на серьез-

---

([1]) Изд у Bongars. Gesta Dei per Francos (Han. 1911; t. II съ 4 картами). Карты отдѣльно у Santarem. Essai sur l'hist. de cosm. et cartogr. pendant le moyen-âge (P. 1849, 3 vls. очень рѣдкая книга, изданная на счетъ португальскаго правительства). Разборъ сдѣлалъ Kunstmann, Studien über M. Sanudo (съ приложеніемъ его неизданныхъ писемъ въ Abh. der hist. Classe der Bayerl. Akad. VII, 1855). См. Очеркъ Средн. Исторіографіи, 54—56. Въ извлеченіи въ Ист. средн. вѣковъ Стасюлевича; III, 763—780.

ныхъ данныхъ. Онъ замѣчаетъ, что мудрость состоитъ не въ томъ, чтобы знать слово Божіе, а въ томъ, чтобы жить по слову Божію. Книга эта драгоцѣнна и, пользуясь ей, можно изложить экономическій бытъ средневѣковыхъ государствъ, можно опредѣлить мѣру вѣса, длины и емкости того времени; такъ напр. онъ опредѣляетъ, что на содержаніе воина въ то время на наши деньги выходило полтора рубля въ мѣсяцъ, или пять копѣекъ въ день, считая тутъ вино, свинину, хлѣбъ, бобы и проч. Процессъ, коимъ Санудо доходитъ до самыхъ выводовъ, въ высшей степени важенъ для исторіи политической экономіи. Но, несмотря на всю пользу этой книги, она не встрѣтила сочувствія въ тѣхъ властителяхъ, кому она была рекомендована. Папа отнесся къ ней не безъ скептицизма. Но тѣмъ не менѣе она остается памятникомъ замѣчательнаго переворота, происшедшаго въ образѣ пониманія средневѣковаго человѣка, переворота, впервые проявившагося въ Италіи.

---

3) Германія во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка. Развитіе городовъ и цеховъ.

Конрадомъ IV закончилась швабская династія, давшая столько блеска исторіи Германіи и заплатившая за этотъ блескъ столькими несчастіями. Конрадинъ уже собственно не былъ императоромъ Священной Имперіи. Не только во время малолѣтства его корону носили иноземцы, но и при отцѣ его Конрадѣ IV, который считается послѣднимъ императоромъ изъ гогенштауфеновъ. Умирая въ 1254 г., онъ чувствовалъ, что имперія на краю гибели. „Церковь, вмѣсто родительскихъ чувствъ, обходилась со мною и съ отцемъ, какъ мачиха, говорилъ онъ въ послѣдніе дни свои. Держава моя, начавшаяся съ Рождества Христова и доселѣ процвѣтавшая, теперь близка къ паденію“.

Одновременно съ нимъ корону носилъ Вильгельмъ Голландскій, кандидатъ папской партіи. До чего ничтоженъ былъ послѣдній, видно изъ того, что горожане кидали въ него безнаказанно камнями, а жену его разъ ограбили на большой дорогѣ. Въ 1256 году онъ завязъ въ болотѣ, фризы вытащили его, но узнавъ кто онъ, поспѣшили убить его.

Престолъ оставался тогда вакантнымъ. Въ виду этого князья поспѣшили намѣтить своихъ кандидатовъ изъ иностранныхъ государей, потому что между ними не было единодушія.

Многоцарствіе.

Тогда-то началось то многоцарствіе, которое неправильно называютъ междуцарствіемъ. Сами князья не рѣшались надѣвать корону, потому что имъ нельзя было справиться и съ наслѣдственными владѣніями. Правда, одинъ изъ нихъ, чешскій король Оттокаръ II, былъ не прочь отъ престола; онъ обладалъ для того всѣми данными, и выдающимися способностями и благороднымъ честолюбіемъ. Онъ оказалъ огромныя услуги имперіи и католицизму. По просьбѣ Иннокентія IV онъ совершилъ во главѣ 60 тысячъ чеховъ и нѣмцевъ походъ противъ язычниковъ пруссовъ, разбилъ ихъ, достигъ до ихъ священной рощи, сжегъ изображенія ихъ боговъ, крестилъ многихъ вождей и основалъ въ 1255 году городъ Кролевецъ, переименованный нѣмцами въ Кенигсбергъ, предложивъ упрочиться въ немъ тевтонскимъ рыцарямъ. Несмотря на такія заслуги Оттокара II, въ Германіи его не любили, потому только что онъ былъ славяниномъ. Кончили тѣмъ, что избрали одновременно двухъ властителей: Ричарда Корнваллійскаго, сводного брата англійскаго короля Гейнриха III, который пользовался извѣстностью капиталиста, и Альфонса короля Кастильскаго, который славился свѣдѣніями по астрономіи. Хотя послѣдній именовался Мудрымъ, но не могъ сладить даже съ своимъ королевствомъ. Ричардъ привезъ съ собою 30 бочекъ золотыхъ гиней для раздачи кому слѣдуетъ, вслѣдствіе чего занялъ императорскій престолъ и короновался королемъ въ 1257 году. Онъ былъ всего четыре раза въ Германіи, а Альфонсъ вовсе не считалъ нужнымъ посѣтить имперію. Страна дошла до крайней степени разложенія; безпорядки и насилія умножались съ каждымъ днемъ; князья, рыцари, города враждовали и между собой и съ королемъ. Это дѣйствительно была война противъ всѣхъ и всего. Германія теперь вовсе не была управляема.

Положеніе Германіи въ XIII вѣкѣ.

Взглянемъ на составъ ея въ это время. Въ ряду государственныхъ чиновъ тогда были: одно королевство чешское, шесть великихъ герцогствъ — Баварія, Австрія, Хорутанія, Браунпвейгъ, Лотарингія, Брабантъ, Лимбургъ; два герцогства—Саксонское и Франконское; одно пфальцграфство—

Рейнское, около тридцати графствъ съ княжескою властью, нѣкоторыя съ герцогскимъ титуломъ, другія съ званіемъ ландграфовъ, бургграфовъ, какъ напр. нюренбургскіе Гогенцоллерны. Шестьдесятъ имперскихъ городовъ также входили въ составъ государственныхъ чиновъ вмѣстѣ съ шестью архіепископствами и 37 епископствами. Къ каждому архіепископству были приписаны епископскія каѳедры: при Майнцскомъ — 14, Кельнскомъ — 5, Трирскомъ — 3, Магдебургскомъ — 5, Бременскомъ—3, Зальцбургскомъ—6; къ этому надобно прибавить 70 владѣтельныхъ аббатовъ и аббатисъ. Всего такимъ образомъ въ составъ государства входило до 200 независимыхъ или косвенно зависимыхъ членовъ. Но въ выборѣ императора въ послѣднее время участвовали лишь 7 курфюрстовъ, о чемъ будетъ сказано ниже (стр. 475).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились составъ и значеніе отдѣльныхъ владѣній. Такъ доселѣ сильная Швабія, старинное наслѣдіе гогенштауфеновъ, распалась съ прекращеніемъ этой династіи. Въ ней виднѣе другихъ были графы виртембергскіе изъ Штутгарда и графы баденскіе изъ дома Гохберговъ ([1]). Этотъ домъ еще съ начала XIII столѣтія воспользовался ландграфствомъ Брейсгау, наслѣдіемъ вымершихъ Церингеровъ. Другая часть владѣній Церингеровъ, въ Швейцаріи, досталась во власть Кобургамъ, а потомъ Габсбургамъ. Отъ Саксоніи къ тому времени совершенно отдѣлилось маркграфство Магдебургское на сѣверѣ и земли Вельфовъ на сѣверозападѣ. При тогдашнихъ условіяхъ избирательной системы невыгодно было носить императорскую корону. Послѣдняя обусловливала передачи родовыхъ земель въ чужія руки, потому что князья боялись императора, могущаго располагать большими владѣніями и территоріей. Этимъ объясняется безсиліе тѣхъ князей, которымъ приходилось носить эту незавидную, хотя почетную корону. Тюрингія, напримѣръ, усилилась въ ущербъ саксонской династіи, когда представители послѣдней сѣли на императорскій престолъ. Чехія всегда оставалась въ своихъ сравнительно широкихъ предѣлахъ, потому что ея короли были устранены отъ чести быть избираемыми въ императоры. Гейнрихъ Мейссенскій закрѣпилъ за собой всю Тюрингію (и сѣверную, и южную марку). Этотъ ландграфъ властвовалъ отъ береговъ Эльбы до Рейна. Тутъ

([1]) Stälin. Würtembergische Geschichte (St. 4 B. 1842—73). — Vierordt. Badische Geschichte (Tüb. 1865).

прославились ландграфиня св. Елизавета и Генрихъ Распе,— поповскій король, претендовавшій занять мѣсто Фридриха II. Съ 1264 года послѣдовалъ раздѣлъ владѣній. Гейнрихъ Мейссенскій считается родоначальникомъ нынѣшняго саксонскаго, а Генрихъ Гессенскій основателемъ гессенъ-дармштадскаго дома. Баварія въ XII и XIII столѣтіи въ родѣ Вительсбаховъ также вынесла на себѣ послѣдствія совершавшихся повсюду существенныхъ территоріальныхъ передѣловъ (1). Еще при саксонскихъ императорахъ отъ нея отдѣлилась Хорутанія, а потомъ, съ 1256 года, Австрія и Штирія, начавшія особое существованіе, которое привело къ могуществу и самостоятельности Австріи. Даже епископы, какъ напр. Регенсбургскій, пріобрѣтали постепенно независимость. Часть южной Баваріи въ концѣ XIII столѣтія отошла къ бургграфамъ нюренбергскимъ, Гогенцоллернамъ и образовала послѣ герцогства: Анспахъ и Байрейтъ (2). За то внѣ предѣловъ Баваріи Вительсбахи получили Рейнское пфальцграфство чрезъ женитьбу Оттона свѣтлѣйшаго на пфальцской принцессѣ изъ вельфскаго дома (3). Старшій сынъ баварскаго герцога Людвига Строгаго удержалъ чрезъ женитьбу (въ 1294 году) Рейнское пфальцграфство, а младшій сынъ присвоилъ Баварію. Рейнскому пфальцграфу принадлежалъ всегда вліятельный голосъ при выборахъ. Пфальцграфство на Рейнѣ составляло главную часть бывшей Франконіи, которую такимъ образомъ разобрали по частямъ въ XIII столѣтіи. Что касается до Лотарингіи, то она распалась на Лотарингію Верхнюю, или графство Эльзасъ, и Нижнюю, повелители которой называли себя герцогами брабантскими. Сверхъ того были немногіе владѣтели, которые считали себя непосредственными вассалами каждаго императора, напр. герцоги померанскіе, графы фрисландскіе, голштинскіе, голландскіе, люксенбургскіе, графы Юлихъ, Клеве, — все это составляло нѣкогда единую Германію, при чемъ отдѣльные владѣтели отдавали себя подъ императорскую руку. Важно то, что, въ виду постепеннаго ослабленія власти, каждый могъ распоряжаться землею, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ. Но сила этихъ князей не обѣщала быть долговѣчною и даже сколько нибудь прочною.

(1) Buchner. Geschichte von Baiern (M. 1820—51, 8 B.).
(2) Schmid. Die älteste Gesch. der Hohenzollern (Tüb. 1884).
(3) Häusser. Gesch. der rheinischen Pfalz (Heid. 2 B. 1845).

Города. Былъ элементъ гораздо болѣе могущественный; — онъ заключался въ городахъ. Отъ крестовыхъ походовъ и сношеній съ Италіей развилось могущество и богатство городовъ. Они стали входить въ тѣ торговыя предпріятія, которыми прославились итальянскія республики ([1]). Товары шли въ Германію старымъ торговымъ путемъ чрезъ Альпійскія горы, преимущественно чрезъ С. Готтардскій проходъ; что не распродавалось въ Германіи, шло на сѣверъ къ балтійскимъ и скандинавскимъ народамъ, которые были въ средніе вѣка въ торговой зависимости отъ Германіи, чему впослѣдствіи всего болѣе способствовало образованіе Ганзейскаго союза. Такимъ образомъ богатѣли города, по мѣрѣ ихъ близости къ сѣверу, въ силу чего приморскіе пункты на Nordsee и Ostsee были поставлены въ особенно выгодныя условія. Франкфуртъ, Нюренбергъ, Регенсбургъ, Гамбургъ, Майнцъ, Бременъ и Любекъ, лежавшіе на трактахъ путей сообщенія, особенно разбогатѣли и легко свергли съ себя власть князей; они заняли мѣсто рядомъ со многими самостоятельными членами имперіи; число такихъ городовъ насчитываютъ до 60. Сперва иммунитеты, т. е. льготы, содѣйствовали процвѣтанію городовъ, а потомъ богатства, постепенно ими пріобрѣтаемыя. Прежде императоры давали иммунитеты преимущественно епископальнымъ городамъ, которые въ знакъ того, что пользуются иммунитетами, ставили на границахъ своихъ территорій изображеніе святаго, патрона города; отъ такого изображенія святаго (Weichbild) иммунитетъ назывался по-нѣмецки Weichbildrecht. Затѣмъ эти иммунитеты стали распространяться на всѣ епископальные и неепископальные города, которые только по своему богатству могли заставить императора дѣлать имъ уступки.

Издревле въ Германіи фогтъ имѣлъ исполнительную власть князя и въ епископскихъ и неепископскихъ городахъ, особенно если самъ владѣтель не жилъ въ городѣ, что случалось довольно часто, потому что феодалы предпочитали

([1]) Мюнхенская историческая коммисія въ послѣднее время издала важныя городскія хроники: Аугсбургскую, Брауншвейгскую, Кельнскую, Магдебургскую, Нюренбергскую, Страсбургскую. См. Gengler, Codex juris municipalis Germaniae medii aevi (Eccl. 1863); Jastrow, Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters (B. 1888). Пособія въ трудахъ: Hüllmann, Gesch. des Ursprungs der Stände in Deutschland (B. 1830); Unger, Gesch. der deutschen Landstände (H. 1844); Mundt, Gesch. der deutschen Stände (B. 1854); Vischer, Gesch. der schwäbischen Städtebundes etc.

жить въ своихъ замкахъ, на горахъ, на неприступныхъ скалахъ, утесахъ. Фогтъ былъ такимъ образомъ княжескій агентъ. Но, будучи воиномъ, фогтъ не могъ править съ знаніемъ дѣла, а потому нуждался въ помощникахъ, которыхъ и нашелъ въ 12 гражданахъ, прозванныхъ по древне-римскому примѣру consules. Предсѣдатель совѣта этихъ консуловъ назывался бюргмейстеромъ. Тѣ, изъ которыхъ выбирались эти сановники, составляли высшій слой горожанъ, которые и назывались патриціями. Этотъ совѣтъ управлялъ общественными дѣлами и завѣдывалъ полиціей; со временемъ вся дѣйствительная власть перешла въ его руки, а бюргмейстеръ осилилъ фогта, за которымъ осталась только военная и судебная часть.

Вооруженныя силы городовъ, необходимыя для охраны ихъ благосостоянія, были такъ значительны, что внушали къ себѣ уваженіе. Географическое и политическое положеніе городовъ много способствовало къ усиленію вліянія ихъ, когда они имъ пользовались. Благосостояніе развилось въ нихъ со всѣми своими послѣдствіями—торговлей, промыслами, искусствомъ и наукой. Подъ защитой стѣнъ жители городовъ наслаждались свободой, которую доставляла имъ безопасность противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; она дѣлала ихъ своего рода показателями благосостоянія нѣмецкой земли. Удобства жизни и блага ея разлились изъ городовъ на всю Германію. Въ стѣнахъ городовъ не знали того анархическаго безначалія и разстройства, которое часто проявлялось внѣ городовъ. Самое матеріальное богатство страны увеличилось благодаря живой, плодотворной дѣятельности городскаго населенія, и эта внутренняя дѣятельная жизнь горожанъ была въ средніе вѣка отраднымъ проявленіемъ счастливаго существованія.

Вслѣдствіе этого, городской бытъ и устройство постепенно измѣнились въ XIII, XIV и XV вѣкахъ и народное начало опять проявилось въ общественной жизни. Въ городахъ Италіи, а особенно Ломбардіи, видѣли нѣмецкіе горожане благодѣтельное муниципальное устройство, принесшее столько блага Европѣ. Тѣ, которые бывали въ Италіи, возвращаясь на родину, хвалили порядки въ итальянскихъ городахъ и совѣтовали перенимать ихъ. Примѣръ одного города дѣйствовалъ на другіе и скоро демократическое и аристократическое устройство итальянскихъ городовъ, подъ аналогичными формами и

видами, сдѣлалось общимъ и во всей Германіи. Какъ и въ Италіи, въ однихъ городахъ аристократическій, въ другихъ демократическій духъ являлся преобладающимъ.

Всѣ города считали себя маленькими республиками.

Такимъ образомъ почти во всѣхъ большихъ городахъ установилось самостоятельное городское управленіе, которое упрочивало гражданскую свободу и поддерживая уваженіе къ закону, распространяло порядокъ, а все, что было дурнаго во время феодальнаго господства, оно смягчало и сглаживало, ограничивая самовластіе феодаловъ. Оно заявляло при каждомъ случаѣ очень дѣятельное противодѣйствіе баронамъ. При феодальной безурядицѣ экономическихъ отношеній и народнаго хозяйства только городское населеніе регулировало ихъ, сообразно съ духомъ времени. Всѣ жители, сообразно избраннымъ ими ремесламъ, дѣлились на цехи, о которыхъ будемъ говорить ниже (стр. 461).

Управленіе всею общиною было ввѣрено магистрату, который состоялъ изъ представителей всѣхъ цеховъ и сословій города, безъ различія правъ и привилегій, и выбирался общей подачею голосовъ или, что случалось гораздо чаще, право участія въ управленіи городами и въ свободномъ выборѣ, были неодинаковы, такъ что только наиболѣе знатные и благородные изъ старыхъ патриціанскихъ древнихъ родовъ имѣли право на избраніе. Это по большей части случалось въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Аугсбургѣ и другихъ городахъ.

Сословія. Различіе во внутреннемъ, сословномъ строѣ городскаго управленія лежитъ въ первоначальномъ происхожденіи городовъ. Стеченіе людей, которые вслѣдствіе господства феодализма, не были равны по своимъ правамъ, должно было и въ общины занести сословныя различія и сообразныя съ ними привилегіи и преимущества. Это должно было ясно отразиться на характерѣ управленія городовъ или на магистратурѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ образовались касты гражданъ, совершенно различныхъ по правамъ. Рожденіе, воспитаніе, положеніе въ обществѣ обращали на себя большое вниманіе въ городахъ среднихъ вѣковъ. Личная независимость и владѣніе собственностью въ большей или меньшей степени создавали такъ называемую въ правѣ iugenuitas — родъ благородства, или раздѣльную линію между древними или настоящими горожанами и новыми или цеховыми горожанами; другими словами образовалось три класса горожанъ: патриціи, богатые

и бѣдные. Свободные роды—если они принадлежали къ дворянству, или отличались образованіемъ, лѣтами и многочисленностью своею,—превышали прочія сословія и по большей части преобладали надъ ремесленниками или торговцами въ своихъ общинахъ. Значеніе происхожденія и богатства было сильно въ городахъ и, возрастая съ теченіемъ времени у отдѣльныхъ родовъ, оно переходило наслѣдственно отъ одного поколѣнія къ другому. Люди изъ такихъ родовъ стояли довольно высоко въ общественномъ положеніи.

Богатство и наслѣдственное пользованіе первыми должностями по городскому управленію доставили имъ продолжительное вліяніе и они сдѣлались какъ бы прирожденными, настоящими и первыми кандидатами въ члены магистрата и въ должности по управленію. По сравненію съ землевладѣльческой феодальной аристократіей они сдѣлались городскою аристократіей. Они не принадлежали ни къ какой гильдіи или цеху, не занимались никакимъ ремесломъ, которое часто влекло за собой нѣкотораго рода зависимость. При ихъ богатствѣ, они не нуждались въ средствахъ, чтобы поддерживать свое значеніе. Власть, положеніе и богатство передавались имъ отъ отцовъ и отъ родныхъ. Такимъ образомъ въ городахъ образовался потомственный патриціатъ, аристократическія фамиліи, значеніе которыхъ, вслѣдствіе наслѣдственной власти и богатства, сдѣлалось очень сильнымъ. Потомъ они все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ остальныхъ классовъ городскаго населенія и сдѣлались господствующими. Вообще существовало убѣжденіе, ставшее очень прочнымъ, что лучше повиноваться властямъ изъ тѣхъ фамилій, значеніе которыхъ отъ потомственнаго обладанія должностями по городскому управленію давно уже установилось. Такъ въ особенности смотрѣли на свою власть городскіе патриціи. Такимъ образомъ въ городахъ было двоякое населеніе — сановитые роды, которые представляли аристократическое сословіе, и плебсъ, представлявшій демократическое сословіе. Оба вмѣстѣ составляли два маленькія государства въ государствѣ.

Но подобная постепенность и различіе въ гражданскихъ правахъ въ городахъ не имѣли ничего общаго съ феодальнымъ устройствомъ. Патриціи были только знатными гражданами, не будучи вовсе феодальными или ленными владѣльцами.

Такъ образовался городской патриціатъ, а рядомъ съ нимъ цеховое или гильдейское мѣщанство. Это были свобод-

ные союзы для общей защиты, ради общаго стремленія къ благосостоянію. Единичная личность не могла преслѣдовать своего личнаго интереса, не принимая въ соображеніе интересовъ своихъ товарищей. Принципъ общей защиты, общей помощи, породилъ оба общинныхъ союза. Всѣ учрежденія были по его покрою. Эти отдѣльные союзы посредственно и непосредственно вели къ совершенству цѣлаго.

Въ главнѣйшихъ городахъ Германіи городское управленіе оставалось въ рукахъ родовъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не заявили претензіи точно также сдѣлаться маленькими феодалами и пока они не двинулись въ Палестину. Они воздвигали монастыри, богато одаряли ихъ и такимъ образомъ, разоряясь на благочестивыя дѣла, обѣднѣли; а между тѣмъ цехи и гильдіи разбогатѣли отъ торговли и промысловъ. Вслѣдствіе этого цехи сдѣлались сильнѣе, проявляя предпріимчивость и энергію. Они уже начали тогда сводить свои послѣдніе счеты съ аристократіей посредствомъ организованной борьбы, которая оканчивалась по большей части въ пользу ихъ, такъ какъ цехи преобладали своею численностью надъ патриціями. Патриціи принуждены были искать помощи у земскихъ князей, или покидать родной городъ, или же уступать силѣ цеховъ.

Управленіе. Магистратъ управлялъ городскою общиной, онъ имѣлъ во главѣ своей бюргмейстера и состоялъ изъ меньшаго или большаго числа лицъ; иногда во главѣ его стояло два „бургомистра“. Отдѣльныя отрасли управленія были ввѣрены казначею (Rechenmeister), начальнику публичныхъ зданій (Baumeister), начальнику монетнаго двора (Münzställemeister) и начальнику братства (Brudermeister). Городской синдикъ охранялъ городское право. Юридическая власть была выборная или, какъ часто случалось во многихъ городахъ (напр. въ Майнцѣ), предоставлялась епископамъ,—людямъ испытаннымъ въ правѣ. Эти люди заботились о правильномъ судопроизводствѣ и о правосудіи, слѣдили за исполненіемъ законовъ. Для этого по временамъ они совѣщались съ судьями въ судейскихъ коммисіяхъ и судебныхъ палатахъ. Полицейская власть была ввѣрена по большей части отдѣльнымъ спеціальнымъ чиновникамъ, которые носили въ различныхъ городахъ особенныя техническія названія; такъ напр. въ Майнцѣ они назывались гевальтсботами (Gewaltsbotte). Въ укрѣпленныхъ башняхъ, устроенныхъ подъ воротами города, находилась стража подъ

начальствомъ боцмейстра. Общая охрана распредѣлялась по частямъ города, чаще по четвертямъ, и бюргмейстеръ обыкновенно былъ предводителемъ городской стражи.

Въ городахъ на Рейнѣ военная сила на случай опасности была довольно значительна, какъ относительно приспособленія къ оборонительной войнѣ, такъ и для условій наступательной. Въ войнахъ наступательныхъ образовывались военныя товарищества, изъ которыхъ каждое имѣло при себѣ свое особенное знамя, хоругвь. Въ Майнцѣ было напр. знамя св. Мартина съ изображеніемъ на немъ майнцскаго городскаго и церковнаго патрона, осѣняющаго горожанъ своимъ плащемъ. Это знамя возилось на великолѣпной колесницѣ и всегда сопровождалось сильнымъ прикрытіемъ. Если военная повинность была такимъ образомъ распредѣлена одинаково между всѣми гражданами города, то патриціанскія фамиліи выдавались обыкновенно великолѣпіемъ своего вооруженія и составляли конницу, городское рыцарство или такъ называемый первый строй. Главное вооруженіе гражданъ были: копье, пика и самострѣлъ. Для упражненій въ этомъ оружіи существовали въ нѣкоторыхъ городахъ особыя мѣста, площади для состязаній въ стрѣльбѣ, какъ напр. Армбрустгартенъ въ Майнцѣ. Съ изобрѣтеніемъ пороха и введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, устроены были мѣста за городомъ для стрѣльбы въ цѣль; впослѣдствіи же появились въ городахъ вольныя общества стрѣлковъ.

Подобное городское устройство при таковомъ смѣшеніи аристократическаго и демократическаго началъ соединяло хорошую администрацію съ дѣятельною исполнительною властью. Оно проявляло во внѣшнемъ и внутреннемъ своемъ строѣ образецъ гражданскаго управленія. Поэтому неудивительно, что имперскіе князья переносили иногда свою резиденцію въ провинціальные города. Въ то время, когда свѣтскіе и духовные имперскіе чины, благодаря произволу, увеличивая и расширяя свои права и привилегіи, достигли наконецъ того, что окончательно освободились отъ давленія императорской власти, тогда они захватили въ свои руки всѣ отрасли высшаго управленія въ странѣ.

Отношенія къ императорамъ.

Усилившись такимъ образомъ, они подчинили себѣ и все то, что оставалось свободнымъ, что имѣло поползновеніе противодѣйствовать имъ. Они достигли этого послѣ неравной и продолжительной борьбы. Имъ удалось, однимъ словомъ, какъ и выше было сказано, привести имперское начало почти въ

ничтожество. Благодаря этому обусловились первыя причины печальнаго разъединенія Германіи. Въ это время только одни города были на сторонѣ императора и примкнули къ нему, какъ къ главѣ имперіи. Городамъ, тѣснимымъ могущественными князьями имперіи, владѣнія которыхъ соприкасались съ владѣніями горожанъ, выгодно было прежде всего держаться императора. Они смотрѣли на императоровъ, какъ на своихъ защитниковъ противъ феодальныхъ господъ. Города сдѣлались такимъ образомъ преданнѣйшими и излюбленными подданными императора, его „младшими дѣтьми“, какъ они любили себя называть Города часто обращались къ императору, какъ къ третейскому судьѣ между ними и феодалами. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что императоры смотрѣли на города, какъ на орудія, съ помощью которыхъ они могли противодѣйствовать непомѣрному могуществу великихъ вассаловъ имперіи и по примѣру королей Франціи совершенно ослабить ихъ. Оттого съ политическимъ тактомъ императоры возвышали значеніе свободныхъ городовъ при всякомъ удобномъ случаѣ, даруя грамоты и привилегіи. Мало того: они даже возвышали населенныя сельскія общины до значенія городовъ, даруя имъ городовое или т. н. муниципальное право. Такимъ образомъ многимъ общинамъ удалось освободиться отъ господства феодаловъ.

Эта политика императоровъ доставила городамъ возможность освободиться изъ подъ подсудности, протектората епископовъ и свѣтскихъ князей, которые постарались достичь этихъ правъ въ прежнее время, завладѣвъ на первыхъ порахъ нѣкоторыми значительными должностями въ общинѣ. Теперь не трудно было городамъ пріобрѣсти право самостоятельнаго выбора правителей и начальниковъ. Императоры не скупились на грамоты, узаконявшія подобное право, потому что вовроставшее могущество и значеніе торговыхъ городовъ не угрожало такъ императорскому авторитету, какъ могущество феодальныхъ имперскихъ вассаловъ.

Ненависть и зависть, которую питали князья Германіи къ городамъ, была присуща и высшимъ и низшимъ феодаламъ. Это было очень естественно, такъ какъ города были удобнымъ прибѣжищемъ для крѣпостныхъ, невыносившихъ притѣсненій феодальнаго помѣщика. Тогдашнее военное искусство еще не достигло такого развитія, чтобы можно было предпринять что либо рѣшительное и вѣрное противъ крѣпкихъ городскихъ

стѣнъ. Многочисленность люда, скученнаго на небольшомъ пространствѣ, придавала правителямъ городовъ отважность и силу. Они могли вести войну не только оборонительную, но и наступательную противъ феодаловъ, могли дѣлать набѣги на домены бароновъ и рѣдко вообще ограничивались одною защитою своего роднаго города. Если они не хотѣли прибѣгнуть къ этому средству для расширенія и увеличенія своихъ владѣній, то у нихъ къ этому былъ еще другой способъ, съ помощью котораго они увеличивали свою территорію и число ея обитателей. Болѣе вѣрная безопасность, которую представляли своимъ жителямъ города, окруженные крѣпкими стѣнами и рвами, господствовавшій въ нихъ спокойный и удобный образъ жизни, все это было приманкою для высшаго и низшаго дворянства, не говоря уже о томъ, что города были надежнымъ прибѣжищемъ для свободныхъ и полусвободныхъ людей. Всякій старался поселиться въ городѣ, чтобы защитить себя отъ всякихъ золъ феодальнаго порядка и чтобы имѣть возможность вести спокойную жизнь.

Отношенія къ феодалахъ.

Тогда и феодалы явились въ городахъ въ качествѣ мирныхъ гостей, свозили туда свои богатства и распространяли ихъ между горожанами. Они пытались даже образовать въ городахъ касту, которая умѣла держаться въ сторонѣ отъ цеховыхъ и административныхъ властей и получила фактическія преимущества въ правахъ, т. е. привилегіи. Такъ удалось феодаламъ въ большей части городовъ захватить въ свои руки высшія должности и даже все городское управленіе за исключеніемъ цеховъ. Это участіе свободныхъ людей въ городской жизни имѣло благотворныя послѣдствія. Города расширились, нравы ихъ жителей стали смягчаться; грамотность, образованность и обмѣнъ мыслей породили въ нихъ внутреннюю силу и они сдѣлались центральными пунктами, откуда цивилизація стала распространяться по всей Германіи.

Не смотря на то, что въ германскихъ городахъ иногда царилъ патриціатъ, проявлялся сепаратизмъ и вообще всѣмъ двигалъ частный интересъ, порождавшій очень часто зависть, ненависть, злобу партій, а аристократическій и демократическій строй правленія подавалъ поводъ къ междуусобіямъ,— несмотря на все это такой духъ партій былъ полезенъ. Каждый зорко подмѣчалъ слабыя стороны враждебной партіи и обнаруживалъ ихъ. Вслѣдствіе этого образовалась чуткость

къ охраненію городскихъ интересовъ. Такимъ образомъ духъ партій еще болѣе возбуждалъ и оживлялъ общинную жизнь, общинный духъ, столь благодѣтельный для цѣлаго. Одна дѣятельность пробуждала другую.

Майнцъ и многіе города южной Германіи на лѣвомъ берегу Рейна были римскими муниципальными городами и возникли изъ лагерей (stationes) римскихъ легіоновъ. Несомнѣнно, что во время римскаго владычества много римскихъ подданныхъ и урожденныхъ римлянъ поселилось въ этихъ городахъ. Они управлялись по римскому муниципальному праву, которое потомъ мало по малу измѣнилось.

Епископскіе города. Устройство большихъ городовъ всюду стало служить образцомъ. Эмигранты занимались здѣсь промыслами и торговлей. Много этого торговаго люда оставалось и послѣ въ нѣмецкихъ городахъ, а документы IX вѣка упоминаютъ имена туземныхъ купцовъ изъ римлянъ и вообще итальянцевъ. Они находились повсюду, въ особенности въ Майнцѣ и Кёльнѣ, гдѣ пріобрѣтали посредствомъ торговли большія богатства. Какъ ни была печальна судьба городовъ и ихъ распорядителей въ первые вѣка христіанства, но однако, несмотря на это, торговля и промышленность въ нихъ развивались. Принесенный колонистами духъ самостоятельности и республиканской свободы продолжалъ существовать въ этихъ городахъ, хотя въ слабыхъ чертахъ. Ничто такъ не грозило свободѣ городовъ, какъ господство прелатовъ. Если епископы избирали города мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, то, будучи духовными главами городовъ, они пытались подчинить себѣ города и въ гражданскомъ отношеніи. Этимъ объясняется то, что въ большей части городовъ на Рейнѣ епископскія каѳедры основывались въ главныхъ мѣстахъ провинцій. Богато одаряемые льготами отъ императоровъ и отъ папъ, епископы захватили въ свои руки городской судъ и даже общественныя обязанности и должности. Потомъ они пріобрѣтали въ городахъ поземельныя владѣнія въ собственность Церкви. Расширять все болѣе и болѣе эти территоріальныя пріобрѣтенія стало стремленіемъ духовенства и никакое средство не осталось неиспытаннымъ для того, чтобы вытѣснить изъ этихъ территорій всякую тѣнь городскаго гражданскаго вліянія. Императоры и короли, которые по большей части держали при своихъ дворахъ епископовъ въ качествѣ руководителей дѣлами страны, мало по малу склонились къ тому, чтобы отнять отъ свѣт-

свой власти отправленіе суда и передать его епископамъ. Духовенство такимъ образомъ достигло того, что ему было предоставлено номинальное право судебной власти. Самымъ близкимъ послѣдствіемъ этого вышло то, что право суда и судебныя должности тоже уже находились въ рукахъ духовныхъ верховныхъ пастырей и судьи, хотя они и избирались, сдѣлались ни больше, ни меньше, какъ служилыми людьми епископа. Точно также право пошлинъ и чеканки монеты перешло къ нимъ въ силу дарственныхъ, пергаментныхъ грамотъ императоровъ и королей, которые всегда смотрѣли на это право, какъ на королевскую регалію, предоставляя себѣ передавать таковую кому угодно.

Города и ихъ правители не могли принаровиться къ господству епископовъ и многіе изъ нихъ желали быть свободными, желали установить организацію самоуправленія, чтобы окончательно освободиться отъ феодальной опеки. Многимъ это удавалось. Для того они подрывали судебныя права епископовъ, освобождая духовенство отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, а равнымъ образомъ и отъ налоговъ.

Торговля и богатство жителей городовъ возбудили также въ городахъ демократическій духъ, благодаря которому они достигли полной независимости.

Развитіе промышленности и торговли готовило новый корпоративный элементъ — цеховой.

Нельзя не признать великаго значенія цеховъ для успѣховъ промышленности ([1]). Ремесленники по наслѣдству передавали свои знанія, свои тайны и обязывали своихъ наслѣдниковъ заниматься тѣмъ же ремесломъ. Только этой спеціализаціей занятія, въ виду слабости культуры, въ виду отсутствія знаній, можно было достичь чистоты и прочности отдѣлки. Но за-то спеціализація тормозила уже усовершенствованія тамъ, гдѣ практиковалась долѣе, чѣмъ слѣдовало. Напримѣръ, въ Англіи и Германіи цеховые законы дѣйствуютъ съ одинаковой силой и теперь, хотя исчезла всякая необходимость въ нихъ, хотя въ ремеслахъ нѣтъ уже никакой тайны. Тогда никто не могъ печь себѣ хлѣба, продать или купить что-нибудь безъ предварительнаго взвѣшиванія или осмотра особымъ для того назначеннымъ лицомъ. Раздѣленіе труда было строго регулировано закономъ. Тотъ, кто дѣлалъ лезвіе ножа, не смѣлъ Цехи.

([1]) Новыя изсл. Wild'а о гильдіяхъ въ средніе вѣка и Stiedt'а о возникновеніи цеховъ.

сдѣлать ручки къ нему; кто дѣлалъ сальныя свѣчи, не могъ дѣлать восковыя. Въ XII вѣкѣ во Франціи различнаго рода четки были дѣлаемы пятью разными цехами. Даже тотъ, кто жарилъ курицу на продажу, не могъ жарить говядины для рынка. Естественно, что при этомъ обманы въ торговлѣ были очень часты. Самая внѣшность городовъ имѣла мрачный и суровый характеръ: вездѣ затворы, желѣзныя ворота, которыя загораживали даже улицы. Въ нашихъ прибалтійскихъ городахъ, особенно въ Ревелѣ, можно еще и до сихъ поръ наблюдать слѣды этой средневѣковой обстановки. Въ виду того, что городъ, огороженный стѣнами, росъ, а въ ширь нельзя было строиться, то горожане устремлялись въ верхъ. Можно было поэтому встрѣтить дома въ одно окно, но въ семь этажей. Нѣсколько иной характеръ былъ въ итальянскихъ городахъ. Врожденный вкусъ давалъ итальянцамъ возможность создать замѣчательные архитектурные образцы готики и романизма. Города стараются избавиться отъ фогтовъ, поставленныхъ императорами. Это было сдѣлано въ однихъ городахъ раньше, въ другихъ позже, въ иныхъ насиліемъ, въ другихъ деньгами. Тамъ, гдѣ князья успѣли сохранить вліяніе, образовались земскіе города; гдѣ не было ихъ вліянія — появились вольные имперскіе города, составившіе впослѣдствіи главную силу въ Германіи. Города стали обноситься стѣнами, укрѣпляться палисадами. Окрестныя земли вошли въ подвластныя городамъ территоріи, а тѣ, которые жили въ этихъ земляхъ, приписывались къ городамъ и принимали на себя военныя обязанности для защиты городовъ. Военное значеніе городовъ вообще было не важно, и императоры не боялись ихъ военной силы и потому покровительствовали имъ, ища въ нихъ помощи противъ князей. Въ исторіи Германіи не было той интимности верховной власти съ городами, которая проявлялась иногда во Франціи и которая способствовала усиленію централизаціи. Во Франціи (см. I, 597) королевская власть, соединившись съ городами, обрушилась на аристократію и подавила ее. Въ Англіи вышло нѣчто обратное. Тамъ соединились города съ коммунами для обороны отъ королевской власти; оттого выработалась конституція. Въ Германіи же не было ни того, ни другаго, потому что не послѣдовало союза ни между императорами и городами, ни между городами и князьями. Императоры оставались нейтральны, а бароны не имѣли надобности соединяться съ городами

противъ императорской власти, потому что она и такъ была очень слаба. Такимъ образомъ въ Германіи каждый оставался при своемъ; оттого изъ нея никогда не могло выйти цѣльнаго организма. Разрозненность элементовъ Германіи вела государство къ политической слабости.

Богатства городовъ.

Нѣмецкіе города страдали отсутствіемъ связывающаго элемента. Сами по себѣ эти города были очень богаты; они росли послѣдовательно и правильно, ихъ счастіе не возмущалось междоусобной борьбой. Переносясь въ стѣны этихъ городовъ, мы являемся свидѣтелями весьма отрадныхъ картинъ. Не даромъ гордится своимъ дорогимъ Нюренбергомъ одна старая мѣстная хроника, указывая на благосостояніе города. Нюренбергцы были очень богаты, такъ что домашняя утварь у патриціевъ была изъ серебра и золота; но всего болѣе бросалось въ глаза ихъ дорогое оружіе, панцыри, палицы и т. п. Впрочемъ и у простаго горожанина оружіе было въ добромъ порядкѣ, такъ что при первомъ требованіи онъ могъ тотчасъ собрать его и явиться въ указанное мѣсто. Современниковъ поражала эта воинственность. Нѣмецкіе горожане не мотали денегъ, но, напротивъ, вели скромную и умѣренную жизнь. Мѣткій наблюдатель позднѣйшаго времени говоритъ [1]: нѣмцы богаты, потому что они живутъ какъ бѣдняки; имъ ничего не нужно кромѣ здоровой пищи; деньги у нихъ не утекаютъ изъ страны, напротивъ сами они наживаютъ деньги отъ другихъ, продавая имъ собственныя издѣлія. Могущество Германіи, замѣчаетъ этотъ умный итальянецъ, заключается гораздо болѣе въ ея городахъ, нежели государствахъ. Корыстолюбивый духъ, врожденный напримѣръ итальянскимъ городамъ, не былъ характерной чертой нѣмецкихъ. Нѣмцы въ средніе вѣка если и были не прочь отъ наживы, то не приносили въ жертву золотому тельцу другихъ интересовъ.

Ганза и ея происхожденіе.

Между тѣмъ корпоративныя начала, которыя были такъ присущи германской расѣ, увлекали города къ союзамъ, но не съ политической цѣлью, какъ было въ Голландіи, а исключительно для торговыхъ видовъ. Организація этихъ союзовъ относится къ половинѣ XII столѣтія. Такъ образовались союзы Майнцскій, Швабскій, но важнѣе другихъ былъ союзъ

(1) Machiavelli, Ritratti delle cose dell' Alamagna (Opere, Par. 1851), 512—515: «La potenza della Magna si tiene: certo essere più assai nelle communitadi, che nello principi».

сѣверныхъ германскихъ городовъ, куда вошли города не только нѣмецкіе, но русскіе и шведскіе. Этотъ союзъ извѣстенъ подъ именемъ Ганзейскаго (1). Начало Ганзы коренится въ глубинѣ среднихъ вѣковъ: нѣкоторые нѣмецкіе города основывали склады, утверждали факторіи и платили „ганзу"— пошлину; отсюда всякій союзъ съ чужестранцами, заключаемый для торговыхъ цѣлей, стали называть—ганзой. Слово „ганза" на старо-фламандскомъ языкѣ означаетъ всякую подать, позднѣйшую ansaria; отъ смѣшенія понятій сталъ подъ этимъ именемъ извѣстенъ союзъ, члены котораго вносили деньги для какой-нибудь общей цѣли. Такъ, издревле были извѣстны въ Лондонѣ факторіи отъ городовъ Кёльна, Бремена, Любека и др. Въ 1241 году былъ заключенъ формальный союзъ между Любекомъ и Гамбургомъ, который считаютъ обыкновенно за начало Ганзы. Оба города, какъ равноправныя и независимыя государства, заключили союзъ, въ силу котораго они обязывались снаряжать суда и выставлять войско для защиты отъ разбойниковъ, бароновъ, князей и др. Къ названнымъ городамъ впослѣдствіи присоединились еще другіе.

Отношенія къ Новгороду.

Уже въ XI вѣкѣ существовали частыя сношенія нѣмецкихъ городовъ съ другими. Во многихъ русскихъ городахъ въ XI столѣтіи, какъ видно изъ актовъ и лѣтописей, жили нѣмецкіе купцы и строили католическія церкви. Въ концѣ XII столѣтія торговыя сношенія Новгорода были регулированы, получили нѣкоторое постоянство и правильность; потребовалось устройство постоянныхъ факторій (2). Въ началѣ XII вѣка въ Новгородѣ была устроена Любекская торговая контора, но торгъ былъ не особенно значителенъ, чему мѣшалъ отпускъ товаровъ въ Бѣлое море и транзитная азіат-

(1) Объ этихъ союзахъ имѣются нѣмецкія сочиненія: Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa (Hamb. 1830) изд. Лаппенбергомъ. Шлецеръ, Бартольдъ, Вормсъ въ своихъ монографіяхъ повторяли Сарторіуса. По отношенію къ славянамъ изслѣдованіе кіевскаго профессора Ѳ. Фортинскаго—Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 г. (К. 1877).

(2) По разсматриваемому вопросу объ отношеніяхъ Ганзы къ Россіи имѣются изслѣдованія: Славянскаго «Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода» (1847 г.), И. Е. Андреевскаго «Договоры Новгорода съ Готландомъ» (Пет. 1855 г.), Бережкова «Отношенія Новг. къ Ганзѣ».

ская дорога проходившая на Кіевъ. Въ XIII столѣтіи богатѣетъ Готландъ и заключаетъ союзы съ различными государствами, при чемъ эти союзы получали разныя привилегіи, распредѣлявшіяся на всѣ союзные города; ими пользовались всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Въ этотъ союзъ впослѣдствіи былъ вовлеченъ и нашъ Новгородъ. Въ виду разности судопроизводства въ Новгородѣ сравнительно съ нѣмецкими бургами, ганзейскіе купцы энергично стали добиваться изъятій изъ новгородской подсудности, требуя при этомъ слишкомъ много измѣненій. Предложенный сначала ганзейцами договоръ не былъ принятъ новгородцами, но въ 1270 году былъ заключенъ окончательный трактатъ по проекту, составленному нѣсколько раньше. Оригиналъ этого договора, написанный на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, до сихъ поръ хранится въ Любекской городской библіотекѣ (1). Этотъ договоръ написанъ отъ лица Ярослава Ярославича, князя новгородскаго и посадника Павла. Убійство и воровство по этому договору оплачивалось, вопреки нѣмецкимъ уложеніямъ, пеней или вирой; такъ, за убійство посла назначалось 20 марокъ и 10 за купца; между тѣмъ какъ по нѣмецкому уложенію за эти преступленія были опредѣлены самыя строгія наказанія; раны, побои, пощечины также оплачивались вирой. Отсюда ясно, что нѣмцы рѣшились сдѣлать уступку упрямымъ новгородцамъ, согласились уважить ихъ обычаи и преданія.

Подобные договоры ганзейцы заключали и съ другими городами, примѣняясь по примѣру Новгорода къ мѣстнымъ обычаямъ. Союзники-ганзейцы заключали между собою договоры, или „скры“, какъ называли славяне. Копія этихъ „скры“ находится въ двухъ древнихъ спискахъ XIII вѣка, которые хранятся въ Любекѣ, а болѣе древній—въ Копенгагенѣ. Эти „скры“ содержатъ въ себѣ 110 статей, между которыми на первомъ планѣ стоитъ обязательство, распространявшееся на всѣхъ торговцевъ, исполнять при въѣздѣ въ Неву требуемыя условія (2).

---

(1) Онъ напечатанъ у Сарторіуса Лаппенбергомъ, а также въ «Codex diplomaticus Lubecensis» доведенномъ до XV вѣка. Договоръ этотъ приведенъ въ диссертаціи Андреевскаго. Академикъ Куникъ разсматривалъ его въ Forschungen in der älteren Geschich. Russlands. 1848. 2 B.

(2) Скры приведены Андреевскимъ въ его сочин. на стр. 42—94.

Составъ Ганзы.

Въ союзъ Ганзейскій входило внѣ Германіи до 77 городовъ, изъ которыхъ главными были: Кёнигсбергъ, Данцигъ, Рига, Ревель, Нарва, Торнъ, Висби (на островѣ Готландѣ) Стокгольмъ и др. Центральнымъ складочнымъ пунктомъ для Россіи былъ Новгородъ, для Англіи—Лондонъ, для Норвегіи —Бергенъ. Въ самой же Германіи ганзейскіе города группировались по четыремъ отдѣламъ: 1) Вендскій [1], гдѣ центромъ былъ городъ Любекъ 2) союзъ Вестфальскій съ городомъ Кёльномъ; 3) союзъ Саксонскій съ Брауншвейгомъ, и затѣмъ 4) Прусскій союзъ съ городомъ Данцигомъ; сюда же входила Лифляндія. Богатство союза зависѣло, конечно, отъ выгоднаго обмѣна товаровъ. Съ сѣвера, изъ Россіи, привозили въ Любекъ пеньку, ленъ, деготь, мѣха и особенно много сушеной и копченой рыбы, которую употребляли милліоны католическихъ постниковъ; такимъ образомъ русскій рынокъ въ нѣкоторомъ отношеніи поддерживалъ католицизмъ. Съ юга, изъ Азіи, товары шли чрезъ Альпійскіе проходы; азіатскіе товары составляли: пряности, фрукты, шелковыя матеріи, золотыя и серебряныя издѣлія. Очевидно, что нѣмцы съ давней поры занимались тѣмъ же, чѣмъ и ганзейцы; они должны были обогатить весь транзитъ до Сѣвернаго моря. Вездѣ были замѣтны слѣды той наживы, которой хотѣли пользоваться ганзейскіе купцы или въ видѣ платы за доставку, или же въ видѣ пошлины, такъ какъ каждому торговцу предоставлялось право облагать свой товаръ какою ўгодно пошлиной. Конечно нѣмцы обогащались главнымъ образомъ потому, что выгодно сбывали свои произведенія, при чемъ, надо замѣтить, предметы существенной необходимости нѣмцы исключительно вырабатывали на собственныхъ фабрикахъ, и всего вѣроятнѣе, что эти-то произведенія болѣе обогащали ганзейскихъ купцовъ, чѣмъ товары съ Востока, каковыми были сукна, полотна и проч. Конечно, всѣ города Ганзы откупались отъ князей и императоровъ, получали политическую самостоятельность, соединялись вмѣстѣ, держали общій флотъ. Государи невольно склоняясь передъ союзниками, стали заискивать дружбы съ Ганзой. Такъ въ войнѣ съ Даніей ганзейскій флотъ четыре раза овладѣвалъ столицей королевства, отда-

---

[1] Кромѣ Любека—Ростокъ, Висмаръ, Стральзундъ, и Грейфсвальдъ. За исключеніемъ послѣдняго — всѣ прочіе города чисто славянскіе. Фортинскій, 59.

вая ее въ видѣ милости обратно. Англія въ XIV вѣкѣ купила миръ цѣной 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы только избавить этимъ способомъ Лондонъ отъ назойливыхъ ганзейцевъ. Какъ богатъ былъ ганзейскій союзъ, видно уже изъ того, что въ Любекѣ считалось болѣе 200,000 жителей. Одинъ этотъ городъ могъ вооружить до пяти тысячъ купцовъ, помимо наемниковъ. Ахенъ и Страсбургъ въ XIV вѣкѣ доставляли каждый по 20 тысячъ человѣкъ, Нюренбергъ въ XV вѣкѣ болѣе 50 тысячъ (¹). Можно представить себѣ средства, какими обладалъ этотъ союзъ при открытіи новыхъ рудниковъ, гдѣ добывались самородки золота въ тысячу пудовъ вѣса, что, понятно, увеличивало въ Германіи количество звонкой монеты. Но это обогащеніе вмѣстѣ съ торговлею было призрачно; открытіе рудниковъ не только не принесло обществу пользы, но, напротивъ, повредило ему; богатства не вели страну къ государственной и политической силѣ, а напротивъ скорѣе парализировали послѣднюю. Все разсыпáлось. Въ виду отсутствія правительственной судебной власти, всякій считалъ себя полновластнымъ, всякій прибѣгалъ къ кулачному праву. Произволъ оказался бы еще болѣе безпощаднымъ, если бы не существовало тайныхъ вестфальскихъ судовъ, или, какъ ихъ называютъ Vehmgerichte, о которыхъ мы будемъ вскорѣ говорить. Это учрежденіе тайныхъ судовъ было въ высшей степени благодѣтельно для общества той суровой эпохи. Если еще святой Бернаръ скорбѣлъ о свѣтскихъ наклонностяхъ духовенства, то можно себѣ представить, каковы были нравы духовенства въ разсматриваемую эпоху, спустя полтора или два столѣтія послѣ знаменитаго подвижника. Современныя извѣстія свидѣтельствуютъ, что духовные грабятъ свои церкви, что всякое повиновеніе исчезаетъ, чѣмъ подкапывается зданіе церковной іерархіи; подъ маской смиренія аббаты скрываютъ гордость, они не любятъ повиноваться епископамъ и избѣгаютъ ихъ надзора; каждый изъ епископовъ хочетъ быть какъ можно ближе къ папѣ, что нарушаетъ общественный порядокъ. Между тѣмъ число монастырей увеличивалось; монастыри стали претендовать не только на самостоятельность, но они желали, чтобы государи и города освобождали отъ всякихъ повинностей, какъ монастырскую братію, такъ и ихъ работниковъ и ремесленниковъ. Свѣтскіе князья давно уже тянули

(¹) Vehm—судъ, отсюда до сихъ поръ verwehmt значитъ осужденный.

Германію на части. Хроники Альберта фонъ Стаде (доведенная до 1324), Кранца для сѣверной Германіи (написанная въ XVI вѣкѣ), Оттокара фонъ Горцега (рифмованная до 1309 г.) передаютъ ужасныя сказанія про это царство насилія, безправія, или точнѣе, царства кулака.

Надо замѣтить, что дѣйствовавшее тогда германское уложеніе было очень сурово. Если обвиняемый не хотѣлъ повиноваться приговору, то его принуждали къ тому силой, причемъ исполненіе этой обязанности возлагалось на князей или города, вообще на представителей силы. Это явленіе тайныхъ судовъ во всей своей силѣ и рѣзкости обнаружилось въ періодъ многоцарствія, когда ослабла императорская власть, когда не стало прежней могучей и сдерживающей силы, когда не существовало болѣе предварительныхъ судовъ, установленныхъ до этихъ фемгерихтовъ, проявившихся во всемъ своемъ обаяніи въ концѣ XIII столѣтія.

Саксонское зерцало. Въ 1215 году саксонецъ Эйке фонъ-Репгофъ издалъ такъ называемое Саксонское Зерцало—полное собраніе всѣхъ дѣйствовавшихъ законовъ, которое и получило оффиціальный характеръ. Это въ то же время—уложеніе о наказаніяхъ. Здѣсь еще нѣтъ началъ римскаго права, появившагося лишь позднѣе, ибо въ Германіи до XV столѣтія почти не ссылались на римское право. Слѣдовательно, характеръ права въ Германіи во всѣ средніе вѣка былъ національный, обычный, мѣстный, чѣмъ и объясняется невѣроятная строгость германскаго уложенія о наказаніяхъ (¹). Мы знаемъ изъ очерка древне-германскаго права (см. I, 187—194), что наказаніе оплачивалось пеней и что только въ случаѣ неуплаты этой пени практиковались карательныя мѣры; за неуплату пени виновныхъ подвергали обыкновенно или позорному вы-

(¹) Iastrow. Die Volkszahl (Beilage I — zur Nürnberger Volkszahlung von 1449), 177—188.

(²) Hochmeier, Der Sachsenspiegel (1835). Lassberg, Der Schwabenspiegel (1840). Wilda, Das Strafrecht der Germanen (1842). Классическія сочиненія Eichhorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte (L. 5 B. 1843). Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte (L. 1865, 2 Ausg.); кромѣ того соч. Вепфля, Вальтера, Филипса. Въ русской литературѣ самостоятельное и обстоятельное изсл. С. М. Шпилевскаго, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ (Каз. 1869).

купу, или же смертной казни. Но въ виду проявленія насилій, въ виду своевольства бароновъ и рыцарей признано было полезнымъ ввести возможно строгія наказанія. Тогда творчество нѣмецкихъ юристовъ разыгралось въ изобрѣтательности безпощадныхъ, разнообразныхъ, жестокихъ истязаній и пытокъ дѣйствительно ужасныхъ, превосходившихъ пытки тогдашнихъ инквизиторовъ. Въ каждомъ городѣ были свои особыя уложенія о наказаніяхъ. Если кто-либо отравлялъ своего господина, то, по германскому обычному уложенію, его должно было сжечь въ кипящемъ маслѣ безъ всякаго суда. За насилованіе женщины въ Гессенѣ виновному вбивали колъ въ сердце, а въ Нюренбергѣ преступника живымъ зарывали въ землю. Если крещеный еврей снова обратится въ жидовство, то его жгли безъ всякаго суда. Клятвопреступнику вырывали языкъ сзади, черезъ затылокъ. Воровъ подвергали смертной казни на эшафотѣ; ночныхъ же воровъ всегда вѣшали, на какую бы незначительную сумму украденное ни простиралось. Женщинъ преступницъ никогда не вѣшали, а прямо топили или сжигали. Невѣрныхъ женъ зарывали живыми, а нецѣломудренныхъ монахинь замуравливали въ стѣны. Отцеубійцъ и матереубійцъ варили въ кипящемъ маслѣ. Четвертованіе было также въ большомъ ходу и производилось особенно мучительно: къ оконечностямъ привязывали молодыхъ коней. Женщину, побившую своего мужа, сажали верхомъ на осла задомъ на передъ. Сварливыхъ женщинъ, шулеровъ и мелкихъ воришекъ бросали въ холодную воду и потомъ вытаскивали. Обмазываніе дегтемъ и посыпаніе перьями и пухомъ было обыкновеннымъ возмездіемъ за самые ничтожные проступки.

Несмотря на такія суровыя мѣры трудно было въ эпоху многоцарствія, наступившую послѣ смерти Фридриха II, заставить повиноваться установленнымъ законамъ, и вотъ, чтобы принудить къ повиновенію, общество выставляетъ противъ оффиціальныхъ судовъ свои фемгерихты. Эти суды, организованные въ Вестфаліи, получили названіе тайныхъ, потому что посторонніе лица (т. е. всѣ кромѣ обвиняемаго и судей) не могли присутствовать при разбирательствѣ; засѣданія же суда никогда не происходили тайно, а всегда среди бѣлаго дня. Фемгерихты представляли упрощенный видъ народныхъ судовъ. Рѣшенія тайныхъ судовъ были окончательны, безапелляціонны. Приговоръ суда приводилъ въ исполненіе одинъ **Тайныя судилища.**

изъ засѣдателей въ присутствіи трехъ членовъ. Дѣло рѣшалось здѣсь очень скоро и просто: обвиняемаго или оправдывали или вѣшали; никакихъ среднихъ степеней наказанія не существовало. Суды эти пользовались большой популярностью, потому что представляли собой народную болѣе или менѣе легальную расправу въ виду отсутствія всякой гарантіи (1).

Вольные суды коренятся въ правовыхъ условіяхъ исторической жизни Вестфаліи. Тамъ, издревле были такъ называемые сотенные суды. Въ нихъ раньше засѣдатели избирались изъ рыцарей и землевладѣльцевъ, а потомъ даже изъ ремесленниковъ и бюргеровъ. Князь страны былъ обыкновенно предсѣдателемъ суда и назывался Freigraf. Въ судѣ было не болѣе 7 засѣдателей, которые въ одно время назначались императорскою властью, а потомъ стали избираться изъ круга честныхъ и благонамѣренныхъ людей. Засѣдателей было неограниченное число, но всѣ остальные, за исключеніемъ семи, были только зрителями. Въ качествѣ зрителей могло присутствовать какое угодно число засѣдателей и публики. Эта форма суда удержалась надолго въ Вестфаліи, долѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Суды были въ каждомъ вестфальскомъ городкѣ, но центральный судъ находился въ вольномъ городѣ Дортмундѣ, который пользовался полнымъ самоуправленіемъ. Этотъ судъ назывался зерцаломъ, а также государственною палатой. Въ немъ производились ревизіи, подтверждались или отвергались рѣшенія отдѣльныхъ судовъ въ случаѣ апелляцій и т. д. Впослѣдствіи вестфальскіе суды, даже самые незначительные, присвоили себѣ апелляцію на другіе трибуналы и безъ всякихъ жалобъ рѣшали дѣла. Эта форма народнаго суда перешла и за предѣлы Германіи; такъ напримѣръ, была попытка перенести ее въ Чехію. Но вестфальскіе графы всегда протестовали противъ этого и требовали, чтобы всѣ подсудимые являлись непремѣнно къ нимъ. Отсюда произошло выраженіе: „встань на красную землю", т. е. на землю Вестфаліи, потому что почва Вестфаліи въ значительной степени обладала глиноземомъ и была красноватаго цвѣта. Сперва судьями могли быть только природные вестфальцы и притомъ знатнаго происхожденія, но впослѣдствіи сюда стали выбирать и другихъ

(1) Подробности — Lorenz, Deutsche Geschichte im XIII und XIV Jahrh. W. 2 B. 1863—67, Barthold (въ «Исторіи городовъ»), Büsching (въ «Эпохѣ Рыцарства») и въ юридическихъ сочиненіяхъ цитованныхъ на стр. 468, прим. 2. Старыя работы: Kindlinger (L. 1793), Kopp (G. 1794), Hütter (L. 1798), Berck (Br. 1814), Wigand (Das Fehmgericht Westphalens. Hanau 1825) и его же Archiv für Westphalische Gesch. (Lemb. 4 B. 1828—31).

честныхъ, ничѣмъ незапятнанныхъ мужей, и такъ какъ дѣятельность вестфальскихъ судовъ распространилась на всю Германію, то выборы производились въ каждой большой области. Теперь двери судилищъ были закрыты, отчего и суды назывались тайными.

Предсѣдатель и засѣдатели. При выборѣ предсѣдателя поступали чрезвычайно осторожно, такъ какъ послѣдній пользовался огромными правами: въ его рукахъ была жизнь и смерть подсудимаго. При выборахъ предсѣдателя требовалось поручительство со стороны двухъ засѣдателей, что онъ полноправный гражданинъ и что за нимъ нѣтъ даже и подозрѣнія въ какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ. Выбирали предсѣдателей только въ предѣлахъ Вестфаліи. Званіе предсѣдателя, а равно его товарищей, сдѣлалось столько же почтенно, какъ и званіе рыцаря. Что касается до чиновъ судилища, до засѣдателей, то у нихъ былъ свой пароль и особый способъ здороваться, по которому они узнавали другъ друга Пренія были покрыты тайной, и никто изъ постороннихъ лицъ не могъ проникнуть въ судъ; засѣдатели не должны были открывать тайнъ суда даже и на исповѣди; они обязывались хранить тайну „отъ жены, дѣтей, песка и вѣтра“. Если засѣдатель проговаривался, то его постигала мучительная казнь: ему вырѣзывали языкъ чрезъ затылокъ и вѣшали на сажень выше, чѣмъ обыкновеннаго преступника. Конечно, рядомъ съ этимъ существовали въ Вестфаліи и оффиціальные суды, какъ и во всей Германіи. Подсудимый могъ не являться на оффиціальный судъ, но онъ никогда не могъ избѣжать тайнаго суда. Здѣсь сословность теряла всякое значеніе; всѣ частные люди могли попасть въ число засѣдателей и часто рыцаря судили подъ предсѣдательствомъ ремесленника. Обаяніе судовъ этихъ было такъ сильно, что никто не могъ распечатать письма, посланнаго кому либо, если была на немъ печать судилища. Неукоснительное исполненіе обычнаго смертнаго приговора было всегда гарантировано. Незримыя силы находили преступника повсюду на землѣ.

Судопроизводство и кара. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ на какой нибудь горѣ, подъ грушевыми или яблочными деревьями, при свѣтѣ солнца. Судья всходилъ на возвышеніе, предъ нимъ лежали мечъ и веревка. Вызывался подсудимый, который являлся безъ всякаго оружія. Одинъ изъ судей излагалъ обвиненіе отъ своего лица, или отъ лица обвинителя. Если подсудимый былъ правъ, то дѣло кончалось сразу. Онъ давалъ

присягу надъ крестомъ меча и бросалъ монету графу за судъ, но иногда дѣло затягивалось долѣе, особенно въ виду оправдательнаго приговора. Судья, недовольный оправданіемъ подсудимаго, могъ возобновить дѣло и подсудимый снова долженъ былъ явиться на судъ. Если судья, обвиняющій подсудимаго, имѣлъ на своей сторонѣ 14 свидѣтелей, то подсудимый долженъ былъ имѣть 21 свидѣтеля; тогда только онъ оправдывался. Если подсудимый не могъ оправдаться, то тутъ же на ближайшемъ деревѣ его вѣшали. Бывали случаи, что подсудимый не хотѣлъ явиться на судъ, но тогда, послѣ троекратнаго приглашенія, ему грозила безусловная смерть. Произносилось заочное обвиненіе безъ различія, былъ ли подсудимый правъ, или нѣтъ. Графъ предъ собой бросалъ веревку и всѣ засѣдатели плевали по три раза въ знакъ того, что какъ бы видѣли передъ собой повѣшеннаго. Одинъ изъ засѣдателей, по большей части обвинитель, былъ назначаемъ для исполненія приговора. Каждый засѣдатель былъ обязанъ содѣйствовать ему въ исполненіи казни подъ страхомъ обвиненія въ непослушаніи. Наконецъ графъ произносилъ слѣдующее:

— „Я повелѣваю всѣмъ князьямъ, графамъ, рыцарямъ, оруженосцамъ и вольнымъ засѣдателямъ, всѣмъ тѣмъ, которые принадлежатъ къ священной Римской Имперіи, чтобы они поступили съ осужденнымъ, какъ повелѣваютъ законы государства. Обвиненный до того зачерствѣлъ въ своей злобѣ, что пересталъ почитать законы и честь. Такъ какъ онъ презираетъ высшій судъ имперіи, то я произношу противъ него фему, лишаю его мира, свободы и правъ, которыя онъ имѣлъ отъ своего рожденія. Пусть отступятся отъ него всѣ стихіи, которыя Господь сотворилъ на благо людямъ; пусть каждый поступаетъ съ нимъ, какъ съ преступникомъ! Его жизнь и имущество пусть будутъ отнынѣ внѣ всякой защиты, его жена да будетъ вдовой, а дѣти сиротами. Да не вступитъ нога его ни въ чей замокъ, ни въ чей городъ! Я предаю его шею петлѣ, тѣло птицамъ и звѣрямъ, а душу Господу Богу, если только Ему будетъ угодно принять ее“.

Осужденнаго, если заставали на улицѣ или на дорогѣ, обыкновенно вѣшали на ближайшемъ деревѣ или на воротахъ, или закалывали, оставляя въ рукѣ его кинжалъ. Живымъ доказательствомъ того, что смерть послѣдовала отъ фемы, а не отъ разбойниковъ, служила полная сохранность вещей, а иногда протоколъ. Тайный судъ энергично доби-

рался до самыхъ отдаленныхъ и темныхъ убѣжищъ. Его агенты были всегда точными исполнителями велѣній фемы; имъ измѣнить было невозможно, потому что они ежечасно сами могли быть жертвой другихъ своихъ товарищей, ибо состояли невольными орудіями фемы. Даже люди непосвященные, не спрашивая за что и почему, должны были закалывать кинжаломъ намѣченнаго человѣка. Невольно князь или рыцарь, за крѣпкой стѣной своего дворца ни во что ставившій судъ императора, обыкновенно вздрагивалъ, когда вдругъ передъ воротами его замка раздавался голосъ, призывавшій его на судъ фрейграфа. Всѣ подлежали юрисдикціи фемы, но она не касалась женщинъ, духовныхъ лицъ и евреевъ. Нельзя, конечно, отрицать пользу этого учрежденія въ тотъ тяжелый періодъ. Послѣ оно стало мало по малу приходить въ упадокъ и лишаться своего авторитета. Впослѣдствіи въ члены тайныхъ судовъ стали попадать люди, которые пользовались своею властью въ личныхъ интересахъ.

Въ XV вѣкѣ современники констатировали тяжелыя обвиненія противъ вольныхъ судовъ. Тогда сказалась императорская власть и тайныя судилища сдѣлались излишними. Противъ нихъ даже возникли союзы князей, рыцарей и городовъ. Тогда уже прекратилось кулачное право, которое господствовало въ Германіи безнаказанно во время многоцарствія.

Кулачное право и земскій миръ.

На кулачное право нужно смотрѣть, какъ на продолженіе стариннаго германскаго права, права побѣдителя. Такъ какъ оффиціальные суды при розни Германіи были безсильны, то каждому предоставлялось право защищаться самому, не отвѣчая за послѣдствія. Нѣмцы смотрѣли на это право какъ на привилегію, даваемую рожденіемъ. Земскій миръ 1187 года констатировалъ явленіе, существовавшее на практикѣ, и давалъ ему реальную основу. Законъ строго предписываетъ всякому желающему расправиться своеручно заявить объ этомъ за три дня. Но изъ сферы личной расправы были исключены: духовенство, евреи, купцы, пилигримы, возницы, ремесленники и винодѣлы. Извѣстно, что Церковь не разъ пыталась прекратить эту расправу провозглашеніемъ Божьяго перемирія, но далеко не всегда достигала цѣли (I, 424—427). Церковь старалась выгородить отъ самоуправства по крайней мѣрѣ извѣстные дни. Такъ, только 4 дня въ недѣлю посвящались расправѣ, а остальные 3 дня считались свободными. Не помогала Церкви

и эта мѣра, не помогали и убѣжища. Церкви, монастыри и кладбища были изъяты отъ расправы и въ нихъ могъ спрятаться всякій преслѣдуемый. Но вышло то, что въ эти убѣжища стали прятаться разбойники, которые не могли избѣжать справедливаго наказанія. Впрочемъ служители фемы не уважали этихъ убѣжищъ и не давали пощады обвиненнымъ. Безправіе и анархія отразились и на слѣдующихъ столѣтіяхъ. „Вся Германія есть вертепъ разбойниковъ, говоритъ одинъ итальянскій прелатъ XV вѣка; а изъ дворянъ въ Германіи считается самымъ знаменитымъ тотъ, кто отличается грабежемъ". У нѣмцевъ даже выработалась интересная поговорка: „грабежъ не позоръ". Тяжело было жить при такой обстановкѣ даже вооруженному человѣку. Какова же была участь вилана, котораго могъ уничтожить одинъ взмахъ кулачнаго героя? Когда 1382 г. въ Эхингенѣ установился земскій миръ, тайные суды и кулачное право сами собой исчезли (¹).

Когда Ричардъ умеръ, а объ Альфонсѣ не было изъ Кастиліи никакого извѣстія, то князья осенью 1273 г. собрались во Франкфуртъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выбрать императоромъ кого-нибудь изъ среды себя, человѣка достойнаго поддержать значеніе главы священной Римской Имперіи. Выборъ палъ на одного изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, Рудольфа Габсбургскаго, который былъ безупречнымъ рыцаремъ и умѣлъ ладить столько же съ баронами и горожанами, сколько и съ прелатами.

Рудольфъ I Габсбургскій (1273-91 г.).

По дорогѣ изъ Базеля въ Цюрихъ, въ сѣверной части Швейцаріи, на вершинѣ небольшой горы Вюльпельсберга, путешественникъ еще до сихъ поръ можетъ видѣть развалины и башни бывшаго замка Габсбургъ, построеннаго въ 1020 году рыцаремъ Радбодомъ Альтенбергомъ. Замокъ этотъ назывался Габсбургомъ и потомки строителя получили отъ него свое имя. Тамъ, гдѣ теперь у развалинъ пріютилась хижина мызника, нѣкогда Габсбургскіе бароны наблюдали за своими владѣніями по Аару и Рейну. У подошвы горы пріютились лачуги виланов, покровительствуемыхъ этими баронами. Рудольфъ Габсбургскій во второй половинѣ XIII столѣтія выстроилъ себѣ гораздо южнѣе, на берегу прелестнаго Люцернскаго озера, тамъ, гдѣ оно дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу, къ Кюснахту, другой замокъ Neu Habsburg (Новый Габсбургъ). Отправляясь на пароходѣ изъ Люцерна, и теперь еще

(¹) F. Maier. Allg. Gesch. des Faustrechts. B. 2 B.

можно видѣть на лѣвой сторонѣ развалины этой колыбели Габсбургскаго дома. Отсюда пошла новая династія Габсбурговъ, съ именемъ которой такъ тѣсно связана исторія имперіи въ средніе вѣка. Здѣсь, у Люцернскаго озера, развились тѣ идеи германизма, которыя потомъ отразились на массѣ славянскаго населенія, подпавшей Австрійской коронѣ. Ничтожныя доселѣ Австрійскія земли, благодаря Габсбургамъ, вырвались изъ славянской опеки и ихъ новые владѣтели сами сдѣлались господами славянъ. Роли перемѣнились...

Рудольфъ, бѣдный рыцарь, но весьма бережливый, часто самъ чинившій свою сѣрую куртку, пользовался хорошей репутаціей въ странѣ. Онъ былъ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ и слабыхъ, грозой всѣхъ разбойниковъ. Его любили даже горожане, но еще болѣе симпатизировали ему монахи. Онъ былъ фохтомъ Ури, Швица и Унтервальдена и начальствовалъ надъ Цюрихомъ. Для этихъ должностей выбирали обыкновенно рыцарей самыхъ храбрыхъ на войнѣ, но не честолюбивыхъ и умѣвшихъ ладить съ бюргерами. Архіепископъ кёльнскій писалъ о Рудольфѣ, что онъ „любитъ правду, отличается благоразуміемъ и благочестіемъ, угоденъ Богу и людямъ, счастливъ въ войнахъ и крѣпокъ тѣломъ и душой". Будучи крестникомъ Фридриха II, Рудольфъ участвовалъ въ шестомъ крестовомъ походѣ и былъ на полѣ битвы произведенъ имъ въ рыцари. Вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ II онъ участвовалъ въ 1255 году въ походѣ противъ прусскихъ язычниковъ. Ему было 55 лѣтъ, когда ему досталась императорская корона. Онъ никогда не могъ ожидать ее, какъ ничтожный мелкій владѣтель. Говорятъ, что выборъ былъ обязанъ случайности. Тогда выборы были въ рукахъ семи владѣтельныхъ лицъ, курфюрстовъ. Такими избирателями были: архіепископы майнцскій, кёльнскій и трирскій (какъ канцлеры имперіи, Италіи и Арелата), пфальцграфъ рейнскій съ званіемъ стольника, король чешскій съ званіемъ чашника, маркграфъ бранденбургскій, какъ камергеръ, герцогъ саксонскій, какъ маршалъ императорскій. Майнцскій вліятельный архіепископъ хлопоталъ за Рудольфа на выборахъ во Франкфуртѣ, потому что былъ обязанъ ему благодарностью за личную услугу, а Людвигъ, пфальцграфъ рейнскій ратовалъ за Рудольфа изъ ненависти къ Оттокару чешскому, котораго постарались лишить голоса, заявивъ, что чашничество съ бо̀льшимъ правомъ принадлежитъ герцогу баварскому, какъ

кровному швабу. Впрочемъ, избиратели не придавали никакого значенія выборамъ 30 сентября 1273 года; они не предполагали, что маленькій владѣтель, этотъ „бѣдный рыцарь“, выкажетъ столько энергіи. Предложеніе короны застигло Рудольфа въ то время, когда онъ осаждалъ Базель, съ которымъ онъ воевалъ. Судьба хотѣла, чтобы это извѣстіе привезъ никто иной, какъ Фридрихъ фонъ-Гогенцоллернъ, бургграфъ Нюренбергскій, потомки котораго чрезъ 600 лѣтъ лишили Габсбурговъ германской короны. Базельцы тотчасъ же покорились, и первые привѣтствовали новаго государя. Рудольфъ торжественно короновался въ Ахенѣ въ октябрѣ 1273 года. При коронаціи не оказалось скипетра; Рудольфъ взялъ вмѣсто него распятіе. Эта находчивость всѣмъ очень понравилась. Рудольфъ и послѣ выбора въ императоры продолжалъ держаться просто. Онъ не любилъ роскоши и внѣшняго блеска и по прежнему чинилъ самъ свою куртку и носилъ заношенный плащъ. Тогда впрочемъ императоры, если бы и желали, то не могли жить роскошно, потому что не было государственной казны. Не успѣвъ короноваться въ Римѣ, Рудольфъ хорошо сознавалъ свое положеніе и свое назначеніе. Онъ обязалъ бароновъ къ пятилѣтнему миру. Затѣмъ онъ лично объѣхалъ Франконію, Швабію и прирейнскія земли, отыскивая нарушителей спокойствія и строго наказывая ихъ. Конечно это сначала примѣнялось къ слабымъ, но потомъ перешло и къ болѣе сильнымъ (1). Такъ какъ чешскій король не признавалъ законности выборовъ Габсбурга, то въ Рудольфѣ онъ нажилъ врага.

Борьба съ Чехіей. Оттокаръ II (1252-78 г.).

Австрійскія сословія жаловались Рудольфу на притѣсненія со стороны своего сюзерена, чешскаго короля Оттокара II. Земли австрійскія достались Оттокару частью посредствомъ покупки, частью завоеваніями. Ни одинъ чешскій король, послѣ Болеслава II, не правилъ столь обширными землями;

(1) Лѣтописи: Hermannus Altahensis abbas, Annales 1137—1273 (Pertz, XVII, 381—407) и прод. до 1303 года. Изъ городскихъ Ellenhardus изъ Страсбурга съ 1218 до 1297 году, Johannus Vitoduranus до 1346 г. Пособія: Lichnowsky, G. des Hauses Habsburg, W. 1837. Hagen, Die Politik Rudolfs und Albrecht I, Fr. 1857. Старыя монографіи: Meister (N. 1785), Fischer (T. 1784), Girtanner (L. 1817). Общее пособіе Krones. Handbuch der Geschichte Oesterreichs, W. 5 B. 1876—79.

его власти подчинялись Моравія, Лузація, нижняя и верхняя Австрія, хотя каждая изъ этихъ областей сохраняла свое внутреннее устройство. Рудольфъ потребовалъ отъ чешскаго короля ленной присяги. Но Оттокаръ II не явился ни въ Нюренбергъ, ни въ Аугсбургъ. Онъ объявилъ, что не признаетъ выборъ Рудольфа въ императоры законнымъ. Тогда чешскій король былъ объявленъ лишеннымъ престола. Но чехи издавна, въ виду безсилія императорской власти, привыкли къ самостоятельности; притомъ же Оттокаръ II отличался воинственностью. Онъ велѣлъ повѣсить императорскихъ герольдовъ на воротахъ Праги, вмѣсто того, чтобы принять ихъ съ почетомъ. Тогда Рудольфъ началъ рѣшительнѣе дѣйствовать противъ него. Онъ началъ съ Австріи. Собравъ подъ свои знамена значительное число рыцарей, онъ въ 1276 году завоевалъ австрійскія области. Затѣмъ, оставивъ часть войска подъ Вѣной, вторгнулся въ славянскія земли. Оттокаръ, застигнутый въ расплохъ, не рискнулъ впустить его въ Чехію и заключилъ съ нимъ миръ, по которому Рудольфъ получилъ отъ него Австрію, Штирію, Каринтію и Крайну. Сверхъ того заключенъ былъ родственный союзъ между королемъ чешскимъ и императоромъ: сынъ Оттокара, Вячеславъ былъ обрученъ съ дочерью Рудольфа, Готтою, а дочь чешскаго короля Анешта (Агнеса) съ сыномъ императора, Рудольфомъ. Оттокаръ явился въ станъ Рудольфа, чтобы просить въ ленъ Чехію и Моравію. Онъ былъ сопровождаемъ блестящею свитою, между тѣмъ какъ Рудольфъ былъ окруженъ воинами въ бѣдныхъ одеждахъ, но за то закаленными въ бояхъ. Самъ Рудольфъ былъ въ сѣрой обычной курткѣ и поношенномъ плащѣ. — „Моя сѣрая куртка смѣется надъ твоимъ золотомъ“, сказалъ онъ Оттокару не безъ гордости. Оттокаръ считалъ этотъ миръ только перемиріемъ. Не прошло еще года, какъ онъ снова объявилъ войну императору. Но и Рудольфъ не распускалъ своего ополченія. Въ 1278 году оба войска сошлись на такъ называемомъ Мархфельдѣ, на правомъ берегу Моравы, недалеко отъ Маршека, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны. Вслѣдствіе измѣны моравовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Милота, который долженъ былъ съ тылу ударить на поколебавшіеся ряды нѣмцевъ, чехи были разбиты, и самъ Оттокаръ погибъ въ этой битвѣ отъ руки своего личнаго врага, штирійскаго рыцаря Бертольда Шенка, брата котораго онъ когда-то казнилъ. Шенкъ нанесъ уже сбитому съ коня

и обезоруженному королю 17 ранъ. На берегу Моравы пало 12 тысячъ чеховъ, кромѣ множества утонувшихъ въ рѣкѣ. Побѣда надъ Чехіей дала габсбургскому дому на пять лѣтъ Моравію. Австрію же и Штирію Рудольфъ раздѣлилъ между своими сыновьями Альбрехтомъ и Рудольфомъ. Хорутанію, согласно обѣщанію, онъ предоставилъ, впрочемъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, графу Мейнгарду Тирольскому, дѣятельно помогавшему ему ([1]). На дочери Мейнгарда былъ женатъ Альбрехтъ, сынъ Рудольфа; поэтому Хорутанія также въ скоромъ времени должна была перейти въ габсбургскій домъ. Такъ внезапно разрослись владѣнія Габсбурговъ изъ двухъ невзрачныхъ замковъ, а одновременно сила Чехіи была сломлена надолго. Ея малолѣтній беззащитный король Вячеславъ, уже обрученный съ дочерью Рудольфа, Гутою, отданъ былъ подъ опеку племянника короля, Оттона бранденбургскаго и своей матери Кунигунды, русской княжны по происхожденію. Вдовствующая королева была дочерью князя кіевскаго Ростислава Михайловича, бѣжавшаго съ отцомъ своимъ отъ татарскаго погрома и скрывшагося въ Венгріи.

Отношеніе Рудольфа къ Италіи. Князья впрочемъ не завидовали Рудольфу, имѣя ручательство въ томъ, что владѣнія будутъ раздѣлены между дѣтьми. У Рудольфа было много практическаго государственнаго такта. Онъ понялъ весь вредъ, какой приносили итальянскіе походы и далъ своему сыну завѣтъ никогда не посѣщать Италіи. Потому между прочимъ оба его преемника, не будучи вѣнчаны въ Римѣ, оффиціально въ памятникахъ именовались „королями“, какъ и онъ самъ. Онъ обѣщалъ папѣ Григорію X отказаться отъ всякихъ правъ на Церковную область. Онъ сравнивалъ Италію съ той львиной пещерой, въ которую многіе входили, но изъ которой никто не возвращался. Онъ посвятилъ всю свою дѣятельность на умиротвореніе Германіи. Ему предстояла трудная задача сдержать анархію и произволъ въ своемъ государствѣ. Онъ лично, въ сопровожденіи вѣрныхъ ему рыцарей, объѣзжалъ всю страну и наказывалъ хищниковъ. Такъ онъ осадилъ Штутгардтъ, гдѣ сидѣлъ Вюртембергскій графъ Эбергардъ, одинъ изъ самыхъ хищныхъ и наглыхъ феодаловъ, тирановъ имперіи,

---

([1]) Palacky, Dejiny nar. českeho; t. II, I (Pr. 1874); Lorenz, Ottokar II von Böhmen und seine Zeit, W. 1866; Hormayer, Gesch. Tirols.

называвшій себя другомъ Бога и врагомъ всѣхъ людей. Графъ творилъ всевозможныя безчинства и отказывался даже признавать Рудольфа императоромъ. Рудольфъ взялъ этотъ городъ и уничтожилъ его. Въ одной Тюрингіи императоръ разрушилъ до 66 замковъ и повѣсилъ 29 бароновъ.

Понятно, эта строгость не могла внушить феодаламъ расположенія къ Габсбургскому дому. Потому Рудольфъ встрѣтилъ оппозицію, когда попытался въ Франкфуртѣ на сеймѣ назначить своего сына наслѣдникомъ. Ему отвѣчали, что императорскій престолъ избирателенъ. Рудольфъ поплылъ въ Шпейеръ внизъ по Рейну и внезапно умеръ 15 іюня 1291 года на самой рѣкѣ, будучи 73 лѣтъ отъ роду. Его трупъ положили рядомъ съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ. Онъ дѣйствовалъ въ самое трудное для Германіи время. Имя его перешло къ потомству съ репутаціей глубокой честности. Нѣмецкіе патріоты, конечно, придали должную цѣну его политикѣ по отношенію къ Чехіи, которую онъ лишилъ столькихъ земель. Вражда въ его политикѣ и національная ненависть къ славянамъ оправдывали все. „Der hat Rudolfs Redlichkeit nicht“, говорилъ народъ, когда хотѣлъ выразить порицаніе чему нибудь худому. Его смерть.

Князья выбрали въ короли Адольфа Нассаускаго, неопаснаго и недалекаго человѣка, который правилъ не болѣе шести лѣтъ. Новый властитель отличался храбростію и физической силой, но у него не было ни бережливости, ни практическихъ способностей его предшественника. Онъ не постыдился съ первыхъ же дней опозорить императорскій престолъ обманомъ. Онъ обѣщалъ англійскому королю Эдуарду I содѣйствіе за извѣстное вознагражденіе, взялъ условленныя деньги, но не двинулся на помощь. На полученную сумму императоръ расплатился съ долгами и купилъ еще нѣкоторыя земли. Онъ не стѣснился вести войну съ дѣтьми Альбрехта Негоднаго изъ-за Тюрингіи, хотя они собственно и были законными наслѣдниками этой страны (¹). Адольфъ I (1292-98 г.).

Рядъ всякаго рода насилій вывелъ изъ себя большинство князей, и они рѣшились низложить императора, обвиняя его

(¹) Старыя монографіи Günderrode (Fr. 1779) и Leuchs (A. 1798). Новыя изслѣдованія: — L. Schmidt, G. Droysen.

въ томъ, что онъ ограбилъ церкви, принималъ жалованье отъ чужаго короля, а именно отъ англійскаго, не умножалъ владѣній государства, не озаботился о сохраненіи земскаго мира, наполнилъ государство разбойниками и допустилъ возобновленіе замковъ и притоновъ. Со времени Карла Толстаго это было первымъ нарушеніемъ господствовавшаго принципа, въ силу котораго власть императора считалась исходящей отъ Бога и могла быть отнята у него только за проступки противъ Церкви и ея служителей, и притомъ неиначе, какъ съ разрѣшенія папы.

Альбрехтъ I (1298-1308 г.). Низложивъ Адольфа, князья выбрали Альбрехта, сына Рудольфа Габсбургскаго, который управлялъ имперіей въ продолженіи 10 лѣтъ. Конечно Адольфъ не хотѣлъ уступить, но въ битвѣ при Вормсѣ онъ былъ убитъ. Альбрехтъ не обладалъ выдающимися качествами. Стремленіе къ порядку переходило у него въ насиліе, которое само по себѣ порождало безпорядокъ. Недовольный Австріей, новый габсбургъ имѣлъ также замыслы на Тюрингію, Чехію, Эльзасъ и даже Голландію. Онъ притѣснялъ своихъ подданныхъ и самъ довелъ швейцарцевъ до возстанія вслѣдствіе насилій фохтовъ. Онъ не умѣлъ даже поладить съ своими родственниками. Онъ обидѣлъ Іоанна, своего племянника. Это было причиной его погибели. Іоаннъ задумалъ убить его. Однажды императоръ отправился въ родную ему Швейцарію и остановился въ одномъ замкѣ на берегу Рейссы. Заговорщики, переправившись чрезъ рѣку, убили Альбрехта, причемъ Іоаннъ самъ вонзилъ мечъ свой въ спину своего дяди съ словами: „вотъ награда за несправедливость“. Послѣ этого заговорщики скрылись неизвѣстно куда. Его смерть обрадовала швейцарцевъ.

Освобожденіе швейцарскихъ кантоновъ. Въ настоящее время историческая критика сняла поэтическій покровъ, который покрывалъ такъ долго исторію швейцарцевъ. Книга Миллера подверглась спокойному анализу. Авторитетъ этого знаменитаго въ свое время историка, державшійся чуть не 50 лѣтъ, былъ поколебленъ позднѣйшими изслѣдованіями. Но поэтическій колоритъ начала швейцарскаго союза до сихъ поръ еще обаятеленъ, благодаря можетъ быть чуднымъ окрестностямъ Люцернскаго озера, на берегахъ котораго положено начало освобожденію. Возстаніе въ Швейцаріи началось съ того, что императоръ послалъ туда суровыхъ фог-

товъ, правителей, къ жестокостямъ которыхъ не привыкли свободолюбивые швейцарцы. Три самыхъ трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ кантона—Швицъ, Ури и Унтервальденъ рѣшили единодушно сопротивляться насилію.

Высшая власть въ нихъ, издревле принадлежавшая общинѣ, теперь находилась въ рукахъ габсбургскихъ фогтовъ, которые стали въ странѣ полными распорядителями, заправляли судомъ, чеканили монету, стараясь распространить свою власть и на другіе кантоны. Алчный Альбрехтъ хотѣлъ сдѣлать кантоны своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ; съ угрозами онъ требовалъ отъ нихъ безусловной покорности своей власти и предоставлялъ фогтамъ притѣснять народъ и поселившихся среди его землевладѣльцевъ. Поэтому замыслы Альбрехта не могли исполниться. Жители кантоновъ, натерпѣвшись всякихъ притѣсненій отъ фогтовъ, единодушно стремились освободиться отъ ихъ господства. Желаніе независимости съ особенною силою обнаружилось въ выше упомянутыхъ трехъ лѣсныхъ кантонахъ, которые расположены въ самомъ узлѣ швейцарскихъ Альпъ, по берегамъ Люцернскаго озера, на его изгибахъ и долинахъ; обитатели этой страны, благодаря выгодному географическому положенію, съ давнихъ поръ привыкли къ свободной политической жизни, и потому всякое посягательство на самостоятельность чувствовалось здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Насилія фогтовъ.

Между тѣмъ Ланденбергъ въ Унтервальденѣ и Гесслеръ фонъ Брунекъ въ Ури отличались особенно жестокою тираніею. Насилія фогтовъ послужили предметомъ многихъ разсказовъ, имѣющихъ эпическій характеръ: такъ объ одномъ изъ фогтовъ Берингерѣ фонъ-Ланденбергѣ разсказывали въ кантонѣ, что однажды онъ отнялъ воловъ у Арнольда Мельхталя изъ Унтервальдена. На жалобу потерпѣвшаго, суровый фогтъ отвѣчалъ: „если хотите ѣсть хлѣбъ, то сами впрягайтесь въ плугъ". Оскорбленный такимъ отвѣтомъ, унтервальденецъ ударилъ Ланденберга палкой и убѣжалъ, но отецъ его остался въ рукахъ фогта и ему выкололи глаза.

Другой фогтъ, Германъ Гесслеръ фонъ-Брунекъ палъ жертвою мести молодаго поселянина Вильгельма Телля, воспѣтаго геніемъ Россини въ его знаменитой оперѣ. До сихъ поръ еще на самомъ берегу Люцернскаго озера въ густой чащѣ показываютъ часовню, около которой, по народной са-

гѣ, Вильгельмъ выскочилъ изъ лодки на берегъ. Гесслеръ везъ скованнаго Вильгельма въ свой замокъ, лежавшій на другой сторонѣ Люцернскаго озера. На пути поднялась буря; съ Вильгельма сняли оковы и поручили ему, какъ искусному кормчему, управлять лодкой. Онъ улучилъ минуту, когда лодка близко подошла къ берегу, соскочилъ на землю и скрылся въ горахъ, оставивъ Гесслера въ жертву бурнымъ волнамъ. Вильгельмъ былъ вызванъ къ мести, какъ говоритъ то же преданіе, безчеловѣчнымъ поступкомъ Гесслера, который будто заставилъ его стрѣлять въ яблоко, положенное на голову его собственнаго сына. Хотя Вильгельмъ счастливо исполнилъ приказаніе, но рѣшился мстить Гесслеру и впослѣдствіи, когда Вильгельму не удалось потопить ненавистнаго фогта, во время переправы чрезъ озеро, онъ убилъ его стрѣлою, изъ засады между скалами.

Анализъ сказки о Теллѣ. Этому преданію вѣрили очень долго. Національный исторіографъ Швейцаріи Іоаннъ Мюллеръ, жившій въ прошломъ столѣтіи, не могъ или не успѣлъ поколебать авторитетъ этого преданія и признавалъ его за быль. Только въ 1760 году нѣкто Фрейденбергеръ въ своей книгѣ—„Guillaume Tell, fable danoise“—рѣшился доказать, что преданіе о Вильгельмѣ есть ничто иное, какъ скандинавская сага. За такое открытіе, встрѣченное очень недружелюбно, Фрейденбергъ былъ признанъ врагомъ отечества, а сочиненіе его было сожжено. Въ 1835 году нѣмецкій ученый Коппъ сдѣлалъ вторичную попытку разувѣрить швейцарцевъ въ ихъ сказкѣ, доказавъ что она исходитъ не изъ лѣтописи, а обратно, т. е. занесена въ лѣтопись изъ устныхъ народныхъ преданій. Въ „Urkunden zur Geschichte der Eidgenössischen Bünde“ онъ приводитъ данныя, что легенда имѣла нѣсколько варіантовъ, что только послѣ выработалась общая редакція, что Вильгельмъ не могъ имѣть дѣла съ Гесслеромъ, который не былъ фогтомъ его околодка и что только послѣ латинскихъ басней Чуди, именно съ 1743 года, выработалась общая редакція (въ его Chronicon Helveticum). Наконецъ въ 1824 году Гизели въ критической диссертаціи о Вильгельмѣ высказалъ сомнѣніе даже въ дѣйствительномъ существованіи героя, ибо слово „телль“ есть нарицательное и значитъ простякъ,—эпитетъ, часто прибавлявшійся къ собственнымъ именамъ въ Германіи. Тотъ же Гизели, а за нимъ Гейссеръ и Рохольцъ доказываютъ, что по-

добная сага о стрѣлкахъ съ такою же обстановкой и подробностями встрѣчается въ скандинавской поэзіи. Возможность перехода сказки изъ отдаленнаго сѣвера находитъ подкрѣпленіе въ смутномъ представленіи жителей Швица объ ихъ скандинавскомъ происхожденіи. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ скандинавовъ на берегахъ Люцернскаго озера, естественно самая сказка могла быть занесена сюда. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Ури не было самого семейства Телля, а часовня построена уже послѣ того, какъ преданіе распространилось въ народѣ изъ хроникъ, которыя заговорили о немъ лишь съ XV вѣка. Первыми лѣтописцами упомянувшими о Теллѣ были авторъ Бѣлой Зарненской книги и Мельхіоръ Руссъ; оба они жили въ концѣ XV вѣка (¹).

Возстаніе кантоновъ.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно только то, что насильственныя отношенія фогтовъ къ правителямъ кантоновъ вызвали народное возстаніе. Въ 1307 году, наканунѣ Мартынова дня, трое самыхъ вліятельныхъ швейцарцевъ—Вальтеръ Фюрстъ изъ Ури, Вернеръ Штауфахеръ изъ Швица и Арнольдъ Мельхталь изъ Унтервальдена собрались въ долинѣ Грютли, на южномъ берегу Люцернскаго озера и тогда же заключили между собою союзъ. Въ присутствіи представителей кантоновъ они дали обѣтъ отстоять свою независимость и поклялись изгнать фогтовъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ первый день 1308 года народъ окружилъ замки и прогналъ фогтовъ. Первый былъ обезоруженъ Ланденбергъ въ Сарненѣ, такъ звѣрски поступившій съ отцомъ Мельхталя (с. 481). Такъ какъ швейцарцы рѣшились не проливать крови, то относительно ненавистнаго фогта ограничились тѣмъ, что разрушили его замокъ и изгнали изъ города. Тогда же были выпровожены и всѣ другіе фогты. Швейцарцы

(¹) Liebenau. Die geschichtliche Ursachen der Entstehung einer Schweizerischen Eidgenossenschaft, Luz. 1857. — Riliet, Les origines de la conféderation Suisse, P. 1869. — Blumner, Staats und Rechtsgeschichte der schweizer Demokratien, St. G. 1850—82, 2 B. — Meyer, Gesch. der schweizer Demokratien, Wint. 1878. — Huber, Die Waldstätte, L. 1861. — Lorenz. Leopold III und die Schweizerbünde, W. 1860. — Häusser, Die Sage von Tell, H. 1840. — Hisely, G. Tell, mythe et histoire, 1843. — Liebenau. Arnold Winkelried, Aarau, 1862. — Kleissner, Die Quellen der Sempacher Schlacht und die Winkelriedsage, G. 1874. — Rocholtz, Tell und Gessler, Heidelberg, 1877.

возобновили старинную конфедерацію кантоновъ, и республиканская форма правленія съ тѣхъ поръ здѣсь упрочилась. Храбрые горцы съ успѣхомъ отстояли свою независимость и заставили новаго императора признать ихъ вольности.

Императоръ Генрихъ VII (1308-1313 г.).

То былъ Генрихъ VII. Онъ происходилъ изъ дома Люксембургскаго. Его мало интересовали чуждые ему кантоны, тѣмъ болѣе что усилія императора подчинить швейцарцевъ оказались безполезны. Благодаря своему замкнутому положенію среди неприступныхъ горъ и замѣчательной воинской храбрости, они были неуязвимы. Къ тому же вниманіе императора было обращено теперь на Италію. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Генриху удалось увеличить свою власть доставленіемъ чешской короны сыну своему, Іоанну. Чехи, недовольные жестокимъ правленіемъ Генриха, герцога Каринтійскаго, возведеннаго на престолъ по смерти сына Альбрехтова Рудольфа, предложили руку чешской принцессы Елизаветы и верховную власть сыну Генриха — Іоанну. Почувствовавъ усиленіе своего дома, онъ рѣшился возобновить предпріятія нѣмецкихъ императоровъ противъ Италіи.

Генрихъ VII, по сужденію даже нѣмецкихъ историковъ, всегда былъ скорѣе героемъ романа Сервантеса, чѣмъ представителемъ императорской власти ([1]). Онъ былъ прежде всего человѣкъ восторженнаго воображенія и высокихъ идеаловъ; суровая дѣйствительность была не по немъ; жизни для себя онъ не понималъ. Онъ говорилъ, что императоръ долженъ быть тѣмъ же рыцаремъ, съ тою разницею, что его арена будетъ гораздо шире, какъ органа правосудія, хранителя мира. Такія убѣжденія не раздѣлялись итальянцами, которые въ то время готовились зажить самостоятельною республиканскою жизнью и совсѣмъ отвыкли отъ германскихъ пришельцевъ.

([1]) Для походовъ Генриха VII: поэтъ Albertinus Mussatus, De gestis Henrici VII, l. XVI seu Historia augusta (Muratori; X, 9—568), епископъ Nicolaus Botrontinensis, Relatio de Heinrici VII (ib. IX, 887—934), Ferreto (изъ Виченцы), H. rerum in Italia gest. ab a. 1250—1318 (ib. IX, 935—1182), Joh. de Cermenate (нотарій миланскій), H. de situ Ambrosianae urbis (ib. IX, 1225—96). Документы собрали Dönnigs (Acta Hen VII, B. 2 B. 1839) и Bonnani (Fir. 1878, 2 v.). Пособіе, впрочемъ весьма пристрастное: Barthold, Der Römerzug Heinrichs VII (Kön. 2 B. 1830).— За то Kortüm отзывается о Генрихѣ такъ: «Henrich wirkte gegen seine Zeit; er war der fahrende Ritter, der gleichsam veredelte Don Quijote des deutschen Kaiserthums». Die Geschichte des Mittelalters; II, 301.

Походъ въ Италію Генриха VII и воззваніе Данте.

Гвельфы торопились оказать сопротивленіе вторженію императора въ Италію, но папа Климентъ V, къ величайшему удивленію современниковъ, рѣшается привѣтствовать его вступленіе и совѣтуетъ своимъ гвельфамъ даже подчиниться ему. Причина такого страннаго переворота заключается вѣроятно въ личныхъ стремленіяхъ папы, для котораго французское иго становилось невыносимымъ, а Климентъ V разсчитывалъ на содѣйствіе Генриха VII, въ случаѣ своего возвращенія въ Римъ. Но въ Италіи въ это время былъ человѣкъ, который безкорыстно, съ теплымъ патріотическимъ чувствомъ желалъ присутствія императора на полуостровѣ. Это былъ Данте. Вторженіе нѣмецкихъ латниковъ, неистовство грубыхъ рыцарей казалось ему золотымъ вѣкомъ, счастливою эрою родной исторіи. Что бы ни говорили про политическія убѣжденія великаго поэта, нельзя не признать двойственности въ общемъ впечатлѣніи отъ его образа. Одинъ изъ французскихъ біографовъ Данте довольно удачно подмѣтилъ внутреннія противорѣчія характера Алигіери (¹). Уваженіе къ Церкви, вражда съ феодализмомъ могутъ заставить думать, что Данте принадлежитъ къ гвельфской партіи, хотя, съ другой стороны, монархическія тенденціи, ненависть къ Франціи тѣсно сближаютъ его съ гибеллинами. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы поэтъ переходилъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ, или чтобы онъ когда либо измѣнялъ своимъ принципамъ; напротивъ, онъ всегда честно держался своей программы. Онъ искренно вѣрилъ, что для блага Италіи необходимо примиреніе двухъ противоположныхъ системъ, необходимо среднее рѣшеніе между ними. Оттого въ его симпатіяхъ къ императорскому оружію нельзя видѣть національнаго отступничества. Потому не слѣдуетъ удивляться, если итальянскій публицистъ XIV вѣка оскорбляетъ тѣхъ императоровъ, которые равнодушны къ Италіи, какъ напримѣръ Альбрехта, презрительно называемаго имъ „tedesco“. Не слѣдуетъ также удивляться, если тотъ же Данте пишетъ Генриху VII страстное письмо слѣдующаго содержанія:

— «Наступаетъ время радости и мира; новый день всѣхъ озаряетъ своимъ свѣтомъ. Вотъ, съ Востока занимается заря, она разгонитъ тучи нашихъ долгихъ бѣдствій. Мы готовимся скоро вкусить отраду, мы, которые съ давнихъ поръ живемъ въ жалкой

(¹) Ozanam. Dante et la phil. catholique au XIII siècle (P. 1845), 277.

пустынѣ. Солнце мира восходитъ,—и правосудіе, доселѣ мрачное, скоро засіяетъ новымъ свѣтомъ. Теперь тебѣ будутъ завидовать, о Италія! Будутъ завидовать потому, что твой супругъ, гордость вѣка, слава итальянскаго народа, нашъ милостивый Генрихъ, великій цезарь, спѣшитъ пировать на твоей свадьбѣ. Утри свои слезы, брось эти печальныя одежды, о ты, прекраснѣйшая изъ дѣвъ!... Народы Италіи, преклоните колѣна передъ вашимъ государемъ! Помогайте ему, уважайте его, повинуйтесь ему, вы всѣ, которые пьете воды Италіи, которые плаваете по морямъ ея, вы всѣ, которые получаете свои богатства и лишаетесь ихъ только по его произволу».

Понятно, что совѣты поэта не подѣйствовали на народъ итальянскій. Лишь только Генрихъ VII съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи перешелъ черезъ Альпы (въ сентябрѣ 1310 году), какъ уже встрѣтился съ враждебнымъ настроеніемъ итальянцевъ. Ломбардцы смотрѣли на нѣмцевъ, какъ на давнихъ своихъ враговъ и давали имъ деньги только для того, чтобы выжить ихъ поскорѣе изъ страны. Впрочемъ не всѣмъ городамъ удалось счастливо раздѣлаться съ императоромъ. Закрѣпленіе тираніи отдѣльныхъ синьоровъ—вотъ осязательные слѣды императорскаго нашествія на Италію. Были и другіе признаки пребыванія Генриха, показавшіе, что онъ далеко не былъ тѣмъ желаннымъ женихомъ Италіи, какимъ представлялъ его Данте. По приказу Генриха срывали стѣны и укрѣпленія сопротивлявшихся городовъ, лишали вольностей независимыя общины, грабили до тла и выгоняли упорныхъ гвельфовъ. Даже короля неаполитанскаго, Роберта Мудраго, Генрихъ вызвалъ къ своему трибуналу, какъ виновнаго въ оскорбленіи величества. Когда тотъ отказался явиться, то нѣмецкіе судьи распорядились заочно приговорить дерзкаго къ лишенію лена и даже къ смертной казни, если только нога его будетъ на императорскихъ земляхъ. Вмѣстѣ съ нимъ подверглись нѣмецкой опалѣ Флоренція, Павія, Падуа и Асти за то, что вездѣ прогоняли императора. Понятно, что современники нисколько не сомнѣвались въ ничтожности уголовной рекламы и не обращали на то никакого вниманія.

Съ такимъ же чувствомъ относились итальянцы къ его вѣнчанію короной Италіи, совершившемуся въ январѣ 1311 года въ Миланѣ. Послѣ безуспѣшной осады республиканской Флоренціи, Генрихъ пошелъ на Римъ. Бо́льшая часть города была занята неаполитанскими войсками, и нѣмцы, не смотря

на всѣ усилія, не могли выбить ихъ отсюда. Папа Климентъ V жилъ тогда въ Авиньонѣ; онъ прислалъ для императорской коронаціи въ Римъ трехъ кардиналовъ и вотъ въ Латеранскомъ соборѣ Генрихъ VII спѣшитъ показать своимъ спутникамъ картину коронованія. Императоръ писалъ Клименту, что онъ не думаетъ нарушать права Церкви, которыя напротивъ хочетъ оградить, но что его главная цѣль—показать міру достоинство и величіе римской имперіи. Папа, можетъ быть, не обратилъ бы вниманія на такой отвѣтъ, если бы не получилъ прискорбнаго извѣстія о томъ, что Генуя и Пиза открыто соединились съ Генрихомъ. Въ то же время Аррагонія и Сицилія объявили войну Неаполю и естественнымъ образомъ примкнули къ императору. Тогда же и Леопольдъ Австрійскій привелъ значительное вспомогательное войско въ нѣмецкій лагерь. Генрихъ VII самъ удивился своему внезапному и неожиданному счастію. У него въ распоряженіи были теперь не разсѣянныя сотни усталыхъ воиновъ солдатъ, а стройная сорокатысячная армія и превосходная флотилія изъ 32 галеръ пизанскихъ, генуэзскихъ, сицилійскихъ и аррагонскихъ. Непріятель уже готовился блокировать Неаполь. Робертъ не думаетъ о защитѣ и собирается бѣжать въ родной Провансъ. Въ это время Генрихъ смертельно заболѣваетъ и чрезъ нѣсколько дней умираетъ въ замкѣ Бонконвенто, не далеко отъ Сіены. Какъ высоко поднялись было надежды гибеллиновъ, такъ низко и опустились. Полагали, что императоръ умеръ отъ отравы; такія объясненія были въ духѣ времени; подозрѣвали одного доминиканца, будто онъ подлилъ яду въ святые дары, чтобы скорѣе прекратить жизнь больнаго. Говорили также, что трупъ покойника разлагался необыкновенно быстро, такъ что не было возможности довезти тѣло Генриха до родины. Дорогою трупъ вынули изъ ящика и ночью сожгли; пепелъ привезли въ Пизу и тамъ зарыли, а по другимъ извѣстіямъ его успѣли довезти до Германіи. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ достаточныхъ основаній винить гвельфскую партію въ злодѣйскомъ поступкѣ (¹). На него не согласился бы Робертъ, одинъ изъ честнѣйшихъ дѣятелей итальянской исторіи.

(¹) Difenbach. De vero mortis genere Henrici VII (Fr. 1685).—Изъ историковъ сколько намъ извѣстно, только Rehm (G. des Mittelalters; IV, 138) вѣритъ въ насильственную смерть Генриха VII. См. Barthold, Der Römerzug Heinrichs VII; II, 436.

Послѣдніе походы въ Италію средневѣковыхъ императоровъ.

Со смертью Генриха VII рушились всѣ надежды гибеллиновъ, желавшихъ нѣмецкаго преобладанія въ Италіи. Дальнѣйшія попытки императоровъ уже не могутъ имѣть твердой опоры; онѣ должны были стать еще болѣе отвлеченною мечтою. Бѣднякъ Людвигъ V Баварскій думалъ поправить свои скудные финансы походомъ на Италію, но этотъ походъ кончился позорнымъ fiasco. Людвигъ не прошелъ и половины страны и всюду отражаемый долженъ былъ бѣжать изъ Италіи. Внукъ Генриха VII, Карлъ IV, чехъ родомъ, свергнувшій стараго Людвига, также пытался подчинить себѣ Италію. Но съ нимъ было только 300 безоружныхъ воиновъ. Итальянцы встрѣтили его презрѣніемъ. Виллани говоритъ, что императоръ вѣроятно собрался на рынокъ запастись припасами. Въ своей Золотой Буллѣ (1356 г.) Карлъ IV называетъ себя едва ли не властителемъ вселенной, а между тѣмъ на дѣлѣ является униженнымъ слугою папы, забывая и своихъ гибеллиновъ и свое императорское величіе. Онъ даетъ честное слово папѣ, что не пробудетъ въ Римѣ болѣе одного дня послѣ коронаціи. Даже слабоумный Венцель (1368—1400 г.) не перестаетъ утверждать, что короли римскіе Божіею милостію выше свѣтскихъ государей, а между тѣмъ на дѣлѣ они принизились до того, что напримѣръ Рупрехтъ (1400—1410 г.) дѣлается простымъ итальянскимъ кондотьеромъ. Преемники могущественныхъ гогенштауфеновъ скоро перестали и думать о римскомъ престолѣ и своимъ молчаніемъ какъ будто удвоили торжество папъ, которые изъ чужаго Авиньона сумѣли поддерживать свои права и неприкосновенность своей духовной силы.

Чтобы уяснить причины неудачъ нѣмецкихъ предпріятій на Италію, мы должны ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Аппенинскомъ полуостровѣ въ лучшее время его исторіи т. е. въ XIII столѣтіи. Это введетъ насъ въ кругъ интересовъ итальянскихъ городовъ, пользовавшихся издавна политическою самостоятельностью. Мы ознакомимся съ положеніемъ этихъ маленькихъ республикъ, жившихъ богатой исторической жизнью. Главнымъ образомъ благодаря духовному и гражданскому процвѣтанію этихъ муниципій, Италія дала второй разъ цивилизацію міру.

———

4) Папство въ концѣ XIII вѣка, положеніе Италіи и развитіе ея городовъ. Флоренція до Медичи.

Мы говорили, что Южная Италія явилась нѣкоторымъ образомъ ареною послѣдняго состязанія между папствомъ и имперіей. Къ несчастію для папъ южная часть полуострова, которая была исторгнута изъ рукъ гогенштауфеновъ, попала въ руки гораздо болѣе крѣпкія и сильныя. Французскіе анжуйцы принесли съ собою въ Италію тѣ политическіе пріемы, тѣ принципы, которые были извѣстны исторіи тогдашней Франціи. Тиранія Карла Анжуйскаго возмущала гуманное чувство Климента IV. Убѣжденіе папы не подѣйствовало на короля, а между тѣмъ положеніе римской куріи съ каждымъ годомъ становится плачевнѣе. Страшная нѣкогда сила грозила лишь сдѣлаться слабымъ представленіемъ минувшаго. Жалкое состояніе круто застигаетъ вождей католицизма на другой день ихъ полнаго счастія и торжества.

Когда въ 1268 году умеръ Климентъ IV, то кардиналы три съ половиною года не могли согласиться между собою. Наконецъ вступилъ на папскій престолъ въ 1271 году Григорій X. У него былъ предпріимчивый умъ, было много замысловъ, энергія въ характерѣ къ ихъ осуществленію, но счастіе не улыбалось ему. Въ 1274 году онъ созываетъ соборъ въ Ліонѣ, гдѣ и держитъ рѣчь о соединеніи церквей, о новомъ крестовомъ походѣ. Король Карлъ I былъ приглашенъ въ Ліонъ, но не поѣхалъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ этого собранія. Поэтому Григорій сталъ искать противъ него опору и скоро нашелъ ее въ Рудольфѣ Габсбургскомъ. Онъ призналъ Рудольфа императоромъ, помогъ ему возстановить свое формальное, но не дѣйствительное вліяніе въ Ломбардіи и потребовалъ, чтобы Карлъ I сложилъ съ себя званіе императорскаго викарія въ Тосканѣ. Но Карлъ не обращалъ на его совѣты вниманія. Въ 1276 году Григорій X умеръ. **Междупапствіе и Григорій X (1271-76 г.).**

Слѣдующіе послѣ него первосвященники: Иннокентій V, Адріанъ V, Іоаннъ XXI умирали одинъ за другимъ, вскорѣ за своимъ избраніемъ. Опять тіара стала вакантною болѣе чѣмъ на полгода и только Николай III, изъ дома Орсини, кардиналъ-діаконъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и **Папа Николай III (1277-80 г.).**

въ Витербо единодушно избранный конклавомъ, могъ укрѣпить престолъ. Онъ мечталъ о расширеніи церковной территоріи подъ защитой императора. Какъ патріотъ, онъ ненавидѣлъ французовъ и отказалъ королю Сициліи въ званіи сенешала. У него не было осторожности его предшественника, хотя онъ и не былъ чистымъ отъ упрековъ въ непотизмѣ и въ корыстолюбіи, почему Данте помѣстилъ его въ третьемъ кругѣ въ отдѣленіи симонистовъ.

По смерти Николая III, король Сициліи употребляетъ всѣ усилія, чтобы поддержать въ конклавѣ своего кандидата. Съ этою цѣлью Карлъ анжуйскій съ вооруженной силой прибылъ въ Витербо и, захвативъ всѣхъ, которые могли быть соискателями, приказалъ выбрать французскаго прелата. Это былъ первый выборъ подъ вліяніемъ иностранной военной силы. Такими-то путями въ февралѣ 1281 года захватилъ тіару Мартинъ IV, ознаменовавшій себя обжорствомъ и дружбою съ своими соотечественниками. Онъ преслѣдуетъ гибеллиновъ и приказываетъ сицилійцамъ повиноваться французамъ.

Сицилійская вечерня.

Тогда въ Сициліи росли постоянныя неудовольствія. Съ своей стороны Карлъ сдѣлалъ все, чтобы его власть возненавидѣли въ предѣлахъ Сициліи. Французскіе воины неистовствовали на островѣ, который всегда отстаивалъ свою независимость. Воспоминанія о Фридрихѣ II, Манфредѣ, Конрадинѣ еще болѣе разжигали ненависть къ Карлу. 30 марта 1282 года разразилась народная революція. Революція эта подготовлялась давно. Французы дозволяли себѣ на улицахъ всякія насилія, а народу было запрещено носить оружіе. Жители Палермо собрались праздновать наступленіе весны. Въ то время, какъ горожане шли къ вечернѣ въ загородную церковь, одна дѣвушка, сопровождаемая своими родными, была грубо оскорблена дерзкимъ французомъ, который, желая удостовѣриться, не было ли у ней оружія подъ платьемъ, обхватилъ ее. Знакомый молодой человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ оскорбленія, заступился за нее; къ нему подоспѣли другіе, дѣло дошло до кровопролитія. Произошла серьезная схватка. Ожесточенное населеніе Палермо выместило на французахъ давно сдерживаемую злобу. Въ то же время раздался звонъ колоколовъ, призывавшій къ вечернѣ; звонъ былъ принятъ толпою, какъ сигналъ къ избіенію французовъ. Въ нѣсколько часовъ погибло около 3000 ненавистныхъ враговъ. Обыкновенно тѣхъ,

которые отрекались отъ французскаго происхожденія, заставляли произносить невозможное для французовъ слово чичери (cіcerі). Не щадили никого; послѣ говорили, что со всего острова спасся только одинъ французъ.

Революція Палермо отразилась и на другихъ городахъ острова; въ одной Мессинѣ, при звукахъ вѣчеваго колокола, было перерѣзано до 4000 человѣкъ ([1]). Но народу было нужно во всякомъ случаѣ приготовиться къ оборонѣ, такъ какъ Карлъ I, хотя и не признанный король, готовилъ ужасную месть островитянамъ. Ходили слухи, что онъ собралъ чуть не 70 тысячъ войска.

Переходъ Сициліи къ аррагонской коронѣ.

Революція была произведена во имя республики, но послѣдняя была невозможна. Сицилійцы провозгласили королемъ мужа Констанціи, короля аррагонскаго Педра III; онъ вступилъ въ войну съ Карломъ анжуйскимъ. Адмиралъ Педра III, Лорія въ первой же схваткѣ, разбивъ непріятельскую эскадру, взялъ въ плѣнъ сына Карла. Онъ отвезъ его въ Аррагонію; тамъ, чтобы устрашить отца, плѣнника приговорили къ смертной казни; но его спасла Констанція, эта послѣдняя отрасль дома гогенштауфеновъ. Несмотря на то, что Констанція много выстрадала отъ анжуйскаго дома за свое происхожденіе отъ гогенштауфеновъ, она не хотѣла смерти французскаго принца, ни въ чемъ неповиннаго; ему возвратили свободу. Но французы не сдержали своего слова. Война возобновилась и Сицилія перешла въ младшій аррагонскій домъ. Преемники Мартина — Гонорій IV (1285—87 г.) и послѣ 9-мѣсячнаго промежутка Николай IV (съ 1288—94 г.)—не успѣли умиротворить Италію.

Сицилія ликовала, что не подпала плачевной участи Неаполя. Съ искреннимъ усердіемъ жители острова давали своимъ королямъ средства для борьбы съ Карломъ, который нимало не думалъ отказываться отъ Сициліи. Въ досадѣ на дона-Педра, онъ вызывалъ его на рыцарскій поединокъ. Тотъ принялъ вызовъ. Противники съѣхались въ Бордо, но дуель не состоялась. Оба короля боялись засады и не явились на мѣсто боя. Война за Сицилію долго продолжала за-

---

([1]) Amari, Storia de'vespri Siciliani. Позднѣйшіе драматурги впослѣдствіи часто пользовались этимъ сюжетомъ, а Верди взялъ его для одной изъ своихъ оперъ. Спеціальная хроника, составленная мнимымъ современникомъ, пом. въ Cronache Siciliani и изд. Di-Giovanni (Bol. 1865) подъ заглавіемъ Lu Ribellamentu de Sic. contra re Carlo,—признается подложною.

нимать неаполитанскихъ королей и послѣ Карла I. Было время (въ 1295 году), когда островъ подвергался опасности испытать гнетъ анжуйцевъ. Король Іаковъ, вступая на аррагонскій престолъ, измѣнилъ своему вѣрному народу. Онъ продалъ богатую страну. Тогда сицилійцы избрали себѣ новаго короля. Это былъ братъ Іакова, донъ-Фридерикъ. Геройски оборонялись островитяне отъ враговъ, со всѣхъ сторонъ налетѣвшихъ на Сицилію. Началась отчаянная народная война и только ей былъ обязанъ островъ сохраненіемъ своей независимости. Къ такой самозащитѣ народъ прибѣгалъ всякій разъ, какъ только короли неаполитанскіе возобновляли свои покушенія.

Целестинъ V (1294 г.). После смерти Николая IV, конклавъ долго совѣщался объ избраніи новаго папы. Среди гробоваго молчанія вдругъ раздался голосъ, предрекавшій смерть всѣмъ кардиналамъ, если они въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не выберутъ папу. Этотъ голосъ принадлежалъ одному бѣдному бенедиктинскому отшельнику, жившему въ горахъ Абруццо; его при жизни считали за святаго, говорили, что самъ Христосъ сходитъ съ неба пѣть съ нимъ псалмы. Его жизнь была рядомъ разныхъ лишеній. Онъ не думалъ никогда о тіарѣ и совершенно искренно молилъ Бога избавить его отъ почестей и заботъ. Между тѣмъ вниманіе избирателей остановилось именно на немъ. Конклавъ быстро собрался и выборъ палъ на самого пророка. Онъ искренно и упорно отказывался. Выбранный подъ именемъ Целестина V, онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Аквилу. Его мула велъ за узду молодой король неаполитанскій Карлъ II рядомъ съ королемъ венгерскимъ. Но отшельникъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. Онъ думалъ только о томъ какъ бы избавиться отъ почестей и заботъ, которыя были для него тяжелымъ бременемъ.

При его дворѣ быстро выдвинулся честолюбивый кардиналъ Бенедетто Каэтано. Характеръ этого кардинала представлялъ смѣсь великодушія и коварства, жестокости и замѣчательной энергіи. У него было слишкомъ много враговъ, и потому противъ него всегда расточали клеветы и французы и гибеллины, такъ какъ онъ не вставалъ ни на ту, ни на другую сторону. Ему приписываютъ очень темную роль въ дѣлѣ отреченія Целестина V, который долженъ былъ отказаться въ силу своей немощи отъ папской тіары. Курія заставила его подписать постановленіе, въ силу котораго каждый папа могъ

отречься отъ тіары. Этотъ первый примѣръ отреченія не нашелъ впрочемъ подражателей. Целестинъ надѣлъ простую рясу и оставилъ папскій престолъ. По другимъ же извѣстіямъ въ интересахъ кардиналовъ не было причинъ побуждать Целестина къ отреченію.

Бонифацій VIII (1294-1303 г.).

По отказѣ Целестина отъ тіары, чрезъ 10 дней, въ ночь на Рождество, въ 1294 году, Каэтано былъ избранъ и назвался Бонифаціемъ VIII. Целестинъ удалился и скоро умеръ. Говорили, что въ черепѣ умершаго папы нашли гвоздь; пошла молва, что подкупленный злодѣй, убилъ старика. Вообще надо быть очень осторожнымъ при оцѣнкѣ фактовъ папствованія Бонифація VIII. Во время коронованія Бонифацій клялся не разлучаться съ Церковью ни по какимъ причинамъ, ни подъ какими опасностями, но до послѣдней капли крови охранять её. Въ посланіяхъ къ патріарху іерусалимскому онъ проситъ прелатовъ оказать ему содѣйствіе. Его папство, повидимому, обѣщало въ первые годы возвращеніе ко временамъ замѣчательнѣйшихъ первосвященниковъ. У него было много задатковъ для болѣе славной дѣятельности. Какъ человѣкъ, отстаивавшій папскую теократію, онъ конечно служитъ предметомъ ненависти большинства историковъ (¹). — Здѣсь мы должны прервать теченіе нашего разсказа.

Итальянскіе города въ XIII вѣкѣ.

Излагая исторію папской власти въ XIII столѣтіи, мы дошли до того момента, когда судьбы куріи опредѣляются отношеніемъ къ итальянскимъ средневѣковымъ республикамъ.

(¹) Для эпохи Бонифація VIII сочиненія Tosti (Storia de Bonifazio VIII, 1846, 2 vls. переведенное на французскій и нѣмецкій языки) и болѣе обширное Drumann (1852, Kön. 2 B.). Höfler помѣстилъ статью о Бонифаціѣ VIII по ватиканскимъ документамъ въ «Запискахъ Мюнхенской Академіи» (1842, XVII). Du-Puy. H. du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe (P. 1864). Bailles. Hist. des démelès de Boniface VIII et de Philippe le Bel.— Изъ общихъ историковъ Sismondi смотритъ на папу подъ вліяніемъ республиканскихъ симпатій и не всегда основательно нападаетъ на него. Онъ считаетъ его недостойнымъ своего поста. «Народы, говоритъ онъ, должны желать, чтобы деспотическіе властители признавали подъ собой ту могущественную власть, которая останавливала бы ихъ отъ преступленій» (Hist. des republ. italiennes au moyen âge; IV, 200). Итальянскіе историки, какъ старые, такъ и новые, не безпристрастно относятся къ личности Бонифація VIII, то превознося его неумѣстными похвалами, то незаслуженно порицая; такъ Denina (Rivol. d'Italia; II, 291) находитъ, что не стоитъ долго останавливаться на личности этого «недостойнаго первосвященника».

Мы должны сдѣлать сжатый очеркъ ихъ, привести общія черты этой жизни, подробно изображенной въ кодексахъ итальянскихъ муниципій, изданныхъ въ Historiae patriae monumenta([1]). Должно замѣтить, что итальянская исторіографія въ средніе вѣка, которая считается одной изъ богатѣйшихъ, сама по себѣ даетъ богатый матеріалъ. Итальянскіе средневѣковые лѣтописцы безконечно превосходятъ своихъ собратій за Альпами. Большая часть ихъ въ XIII столѣтіи пишутъ на родномъ языкѣ. Каждый городъ имѣлъ множество своихъ хроникеровъ.

Вліянія древности. Въ виду особыхъ историческихъ условій Италіи въ средніе вѣка, Аппенинскій полуостровъ представляетъ богатую самостоятельную народную жизнь. Большимъ количествомъ городовъ, богатыхъ и независимыхъ, опредѣляется главнымъ образомъ значительное число итальянскихъ исторіографовъ. Нигдѣ исторіографія не могла конкурировать въ средніе вѣка съ хронографіей Италіи ([2]). Условія существованія Италіи не представляютъ никакой аналогіи съ жизнью заальпійскихъ народовъ. Въ то время, какъ заальпійскія страны стремились постоянно централизоваться въ государства, итальянцы задавались другими цѣлями. Въ Италіи, въ виду борьбы папства и имперіи, исчезла идея единства. Населеніе Аппенинскаго полуострова, состоявшее изъ разныхъ элементовъ, не имѣло національнаго чувства, не проявляло склонности къ объединенію; оно не чувствовало никакой потребности образовать не только монархію, но даже и республику. Римская

([1]) Это изданіе начало прежнее сардинское правительство. Теперь оно стало общимъ для Италіи. Эти Monumenta особенно важны для городовъ. Такъ, въ 1876 году изданы въ двухъ фоліантахъ статуты для XIII и XIV вѣковъ Комо, Новары, Верчелли, Брешіи и частію Милана (Statuta jurisdictionum). Они ожидаютъ спеціальныхъ изслѣдователей.

([2]) Такой богатый матеріалъ должны были разработать новѣйшіе итальянскіе историки; но выдающіеся таланты не останавливали своего вниманія на среднихъ вѣкахъ. Извѣстно, что лучшіе труды итальянскихъ историковъ посвящены новому времени, какъ Ботты, Колетты о Неаполѣ, и только на какой нибудь десятокъ историковъ XVIII и XIX вѣковъ можно указать какъ на пособіе къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Таковы напр. общіе труды Денины, Джьанноне, Сисмонди и Канту. За то наука располагаетъ въ этомъ отношеніи массою спеціальныхъ критическихъ мелкихъ изслѣдованій, помѣщаемыхъ обыкновенно рядомъ съ памятниками въ весьма цѣнномъ изданіи Archivio Storico italiano, котораго вышло нѣсколько серій и около сотни томовъ. Такого богатаго и столь цѣннаго изданія нѣтъ ни въ одной исторической литературѣ.

республика была аггломераціей различныхъ республикъ. Каждый городъ древней Италіи имѣлъ свое управленіе и жилъ болѣе или менѣе своей самостоятельной жизнью; условія этой жизни опредѣлялись разными обстоятельствами. Тѣ города, которые внушали довѣріе римскому правительству, получали самостоятельное внутреннее управленіе; но на самомъ дѣлѣ они не имѣли права на политическую независимость, а должны были держать у себя римскихъ квесторовъ, правителей, префектовъ и т. п. Города Аппенинскаго полуострова болѣе всего имѣли нравственныхъ и матеріальныхъ правъ на самостоятельное управленіе; даже римскіе императоры не покушались на консуловъ южной Италіи. Всѣ распоряженія римскаго правительства сообщались только къ свѣдѣнію. Но тѣмъ не менѣе нельзя было города Аппенинскаго полуострова возмутить противъ римской власти, ибо обѣ стороны связывало единство правъ и идей. Въ самомъ дѣлѣ, когда римская имперія была сокрушена варварами, то рука этихъ варваровъ не поднялась на автономію аппенинскихъ республикъ. Вотъ причина, которая дала историческое бытіе тѣмъ городамъ Аппенинскаго полуострова. Въ силу этого ни одна земля не представляла такихъ задатковъ къ выработкѣ государственныхъ идей, какіе представляла средневѣковая Италія. Здѣсь что городъ,—то государство, то свои обычаи. Исторія каждаго города влекла къ обоюдному столкновенію. Столкновенія поселяли междоусобную вражду внутри городовъ. И до сихъ поръ Италія представляетъ въ себѣ постоянный зародышъ борьбы, причины которой мы поймемъ, ознакомясь съ средневѣковой исторіей итальянскихъ республикъ. Та вражда, которая раздѣляетъ французовъ и нѣмцевъ, раздѣляла Флоренцію и Пизу. И до сихъ поръ мы должны признать фактъ, что неаполитанецъ никогда не можетъ имѣть ничего общаго съ флорентинцемъ, а тѣмъ болѣе съ римляниномъ.

Общій строй городовъ средней Италіи.

Намъ нѣтъ надобности долго сосредоточиваться на внутреннемъ устройствѣ и частной исторіи итальянскихъ республикъ въ средніе вѣка ([1]). Довольно будетъ привести общій характеръ управленія итальянскихъ республикъ. Борьба этихъ республикъ внутри, на улицахъ городовъ, борьба внѣшняя между городами —оказывали вліяніе на исторію папства; папы были государями

([1]) Объ условіяхъ возникновенія итальянскихъ муниципій литература указана въ 1 т. стр. 151 нашего труда. Интересныя подробности приведены между прочимъ въ русскомъ извлеченіи изъ 4 томнаго соч. Гюльманна. Общ. и частная жизнь въ городахъ среднихъ вѣковъ (П. 1839).

въ предѣлахъ вѣчнаго города. Римъ хочетъ добыть себѣ самостоятельное устройство и, понятно, ищетъ себѣ опоры въ представителяхъ аристократическихъ родовъ. Папы были безсильны въ предѣлахъ кварталовъ Рима, они должны были невольно входить въ столкновеніе съ аристократіей; этимъ обстоятельствомъ и опредѣляется безсиліе папъ. Вотъ чѣмъ обусловливалось значеніе средневѣковой исторіи Италіи по отношенію къ папской власти.

Эпоха гогенштауфеновъ была важнымъ моментомъ для развитія городовъ; она дала особый характеръ республиканской жизни Италіи. Хотя эта гражданская дѣятельность не проявила особеннаго умственнаго богатства, но она очень способствовала экономическому благосостоянію итальянскихъ республикъ, возбуждала конкуренцію между городами. За деньги, нажитыя торговцами, этимъ республикамъ можно было имѣть войско, сначала пѣшее, а потомъ и конное. Такимъ образомъ каждый ничтожный городокъ могъ постепенно приравняться къ могучей Флоренціи. Вотъ стимулъ, въ силу котораго итальянскія республики конкурировали между собой въ экономическомъ отношеніи. Уже было замѣчено, какъ итальянцы эксплуатировали святыя чувства крестоносцевъ, какъ изъ каждаго транспорта пилигримовъ они извлекали для себя матеріальныя выгоды. Мы сказали, что умственная сила страннымъ образомъ явилась уже во время „принчипатства". Когда Италія подчинилась мелкимъ князькамъ, явилась возможность со стороны послѣднихъ оказывать покровительство наукѣ и искусству. Понятно, что не слѣдуетъ смущаться такимъ явленіемъ; происхожденіе таковаго ясно. Свободныя стремленія въ средніе вѣка развивались весьма энергично въ народной массѣ. Тиранія не сама вѣдь содѣйствовала умственному развитію народа; она была счастлива только тѣмъ, что умѣла воспользоваться механической работой народа.

Каждый республиканскій городъ въ Италіи имѣлъ во главѣ правительства или синьорію, или консульство. Напр. во Флоренціи синьорія состояла изъ осьми пріоровъ (т. е. старшихъ), 12 добрыхъ людей, 16 гонфалоньеровъ (знаменоносцевъ), подъ предсѣдательствомъ верховнаго гонфалоньера. Если городомъ управляла не синьорія, то имъ управляли консулы, по римскому обычаю производившіе судъ и расправу. Надъ консулами впослѣдствіи возвышался подестà, избираемый на годъ или на полгода. Подестà предсѣдательствовалъ

въ совѣтѣ, разбиралъ при помощи засѣдателей (assessori) уголовныя дѣла, исполнялъ приговоры и постановленія народа и предводительствовалъ войскомъ. Подестà, при вступленіи въ должность, даетъ присягу въ исполненіи статута, т. е. законовъ общины, а съ окончаніемъ службы онъ даетъ отчетъ въ своихъ поступкахъ, такъ какъ его могутъ обвинять въ превышеніи власти. Если обвиненіе справедливо, то виновный, обезчещенный навсегда, лишается вознагражденія за свою службу, хотя бы онъ и занималъ высокій постъ. Исполнительная власть исходила изъ народныхъ совѣтовъ, которыхъ было два. Одно собраніе называлось довѣреннымъ (consiglio di credenza); другое, гдѣ собирались всѣ свободные граждане, именовалось народнымъ или генеральнымъ собраніемъ (consiglio generale del popolo). Въ меньшемъ совѣтѣ засѣдало около ста лучшихъ гражданъ; всѣ текущія государственныя дѣла обыкновенно подлежали его рѣшенію. Для утвержденія новыхъ законовъ и объявленія войны собирался генеральный совѣтъ. Для участія въ его преніяхъ необходимъ былъ опредѣленный цензъ и извѣстныя лѣта. Впослѣдствіи, около XIV столѣтія, генеральный совѣтъ сталъ называться „большимъ совѣтомъ". Когда обозначилось, что съ возрастаніемъ народонаселенія не было возможности приглашать всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ народное собраніе, то послѣднее пришлось ограничить. Явились видоизмѣненія въ организаціи народныхъ собраній. Народное собраніе получаетъ характеръ строго демократическій, оно созывается рѣдко, а т. н. собраніе коммунальное (il consiglio del commune) является въ формѣ представительства плебса и аристократіи. Особенно ярко проявились эти порядки во Флоренціи. Мы старались начертить лишь общій типъ итальянскихъ коммунъ.

Что касается до корпоративности итальянскихъ общинъ, то она развивалась постепенно. Въ полномъ своемъ развитіи сословія представляются въ слѣдующей градаціи: знать, среднее или высшіе цехи, низшее или простой народъ. Среднее сословіе было опорой республики; оно горячо боролось съ родовой аристократіей и имѣло почти постоянный перевѣсъ. Съ развитіемъ демократическаго духа вмѣшивается въ борьбу простой народъ, который до крестовыхъ походовъ почти не имѣлъ гражданскихъ правъ въ большей части заальпійской Европы. Всѣ спѣшили записаться въ цехи. Знаменитые гибеллины считались въ рядахъ торговцевъ. Могущественный

торговый классъ принудилъ правительство признать право участія простыхъ гражданъ въ государственной администраціи. Въ Италіи политическое положеніе горожанъ обусловливалось ихъ финансовыми операціями. Во Флоренціи человѣкъ торговый пользовался бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ дворянинъ. Этотъ фактъ доказывается существованіемъ закона, по которому гражданинъ за дурные поступки переводился въ высшее сословіе, а напротивъ патрицій за заслуги записывался въ число гражданъ. Подобный законъ существовалъ и въ нѣкоторыхъ другихъ демократическихъ итальянскихъ городахъ, но болѣе всего онъ практиковался въ демократической Флоренціи. Цехи тамъ опредѣлили, что гражданинъ за предосудительныя дѣянія лишался права на государственныя должности и причислялся къ простымъ обывателямъ. Вообще тосканскіе города жили иначе, чѣмъ ломбардскіе. Въ тосканскихъ городахъ папы находили опору, а съ именемъ папъ связывалась идея демократизма. Изъ среды гражданъ являются неограниченные руководители Ломбардіи, обыкновенно принадлежавшіе скорѣе къ числу даровитѣйшихъ государственныхъ дѣятелей; они сами выплывали наружу; они не нуждались въ поддержкѣ и кліентахъ. Благодаря своимъ способностямъ и знанію, такіе люди встаютъ во главѣ государства, какъ напр. Висконти и тѣмъ уничтожаютъ старый политическій порядокъ. Можно прямо сказать, что въ началѣ XIV вѣка во Флоренціи и Тосканѣ идетъ борьба не за демократическіе принципы, а за владычество и за выгоды. Къ тому времени Пиза, истощенная генуэзской борьбой, подчиняется Флоренціи на ряду съ другими второстепенными городами. Является такимъ образомъ одна обширная республика на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было пять, съ сохраненіемъ только на нѣкоторое время тѣни самостоятельности каждой изъ нихъ.

Ломбардскіе города.

Сѣверные города Ломбардіи не были такъ счастливы, какъ Тоскана и цѣлымъ вѣкомъ раньше подчинились князьямъ. Одной изъ болѣе главныхъ причинъ единовластія было довѣріе гражданъ къ военнымъ начальникамъ. Восторженность ломбардскихъ гражданъ не имѣла границъ. Народъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ латами на груди бѣжалъ въ народное собраніе, если слышалъ, что хотятъ наказать какой нибудь кварталъ за измѣну. Обитатели ломбардскихъ городовъ были чутки къ свободѣ; поэтому каждый слухъ о новомъ на-

силіи необыкновенно возбуждалъ гражданъ. Цехи группируются въ приходы; эти — въ кварталы; въ залѣ ратуши произносится безпощадный приговоръ; раздается набатъ. Неистовые воины ломятся въ крѣпкія ворота, разрушаютъ дома, поднимаютъ подъемные мосты. Импровизованныхъ воиновъ сограждане не останавливаютъ. Увлекаясь побѣдой, воины—граждане врывались во дворцы заподозрѣнныхъ и торжествовали тамъ какъ побѣдители. Плѣнныхъ наказывали, лишали имуществъ и изгоняли. Въ то же самое время шла борьба городовъ между собою, а иногда соперничество цѣлыхъ союзовъ городовъ. Замѣчательнѣе всего, что кровавые раздоры происходили главнымъ образомъ изъ любви къ подвигу; объ увеличеніи территоріи и не думали. Народъ поголовно увлекался военнымъ духомъ; всѣ дѣлались воинами; искали только искуснаго военачальника. Города ломбардскіе постановили учредить должность постояннаго главнокомандующаго. Поэтому-то подесту, этого мирнаго гражданина, несшаго только обязанности городскаго головы, замѣнили военнымъ начальникомъ, капитаномъ. Приглашались также чужеземные отряды, которые служили честолюбцамъ средствомъ для удовлетворенія ихъ цѣлей. Нѣкоторыя республиканскія общины дѣлаются доменомъ кондотьера; надъ ними царилъ монархъ со всѣми аттрибутами власти. Начальниками войска были знатные патриціи; они были хитрѣе простыхъ гражданъ. Если города сразу не подчинялись этимъ князьямъ, то благодаря своему блестящему экономическому положенію. Бѣдные землевладѣльцы, мелкіе рыцари охотно поступали подъ знамена кондотьеровъ. Во всякомъ случаѣ для ломбардскихъ городовъ было лучше имѣть одну власть, чѣмъ аристократическую олигархію. Такъ въ Миланѣ народъ призналъ княземъ Мартино делла Торре (1245 г.). Оффиціально онъ считался только предсѣдателемъ или лучше старшимъ членомъ городскаго совѣта, а на дѣлѣ онъ имѣлъ обширную власть. Капитанъ былъ болѣе сильнымъ врагомъ баронамъ и всѣмъ патриціямъ, чѣмъ торговому сословію, отъ котораго зависѣлъ въ денежномъ отношеніи. Онъ обязывался защищать народъ отъ богатой знати, т. е. аристократіи; его любили; ему довѣряли. Но такъ какъ Торре были крайніе демократы по убѣжденіямъ и тѣснили знатныхъ, то власть ихъ не могла прочно удержаться. Въ 1273 году преемникъ Мартина, Наполеонъ принялъ отъ Рудольфа титулъ императорскаго викарія; съ этимъ титуломъ юридически было упрочено его

положеніе; онъ сдѣлался представителемъ нѣмецкой императорской власти. Къ нему обращались всѣ права и выгоды, выговоренныя нѣкогда Барбароссой въ пользу императоровъ. При Дезіо Наполеонъ былъ разбитъ другимъ претендентомъ, выставленнымъ народной партіею или точнѣе прикрывавшимся ею. Духъ свободы и національности пробудился не только въ вельможахъ, но и въ народѣ. Выразителемъ его явилась фамилія Висконти знатнаго происхожденія. Въ 1277 году Оттонъ Висконти вошелъ въ Миланъ. Тогда началось единодержавіе. Судьба опредѣлила этому дому счастье и славу (1277—1471 г.). Одинъ изъ Висконти, Джіованни Галеаццо назвался герцогомъ въ 1395 году. Эта династія была свергнута другимъ болѣе счастливымъ авантюристомъ, сыномъ карманьольскаго сельчанина и Аттендолы Сфорцы, герцогомъ Франческо Сфорца. Объ этомъ будемъ говорить послѣ нѣсколько подробнѣе.

Флоренція. Если борьба политическихъ партій составляетъ суть исторической жизни въ сѣверной и средней Италіи, то наиболѣе существенное значеніе имѣетъ борьба партій во Флоренціи.

Большинство древнихъ хроникъ приписываетъ основаніе Флоренціи (Firenze) Юлію Цезарю. Иные историки производятъ названіе этого города отъ обилія цвѣтовъ (fiore), другіе же отъ имени любимаго центуріона Цезаря — Фіорина. Разсказываютъ, что онъ съ своимъ отрядомъ расположился на берегахъ Арно, на мѣстѣ нынѣшней Флоренціи. Цезарю вѣроятно понравился этотъ стратегическій пунктъ, — и онъ задумалъ основать здѣсь городъ, маленькое подобіе Риму. Всѣ приближенные спѣшили содѣйствовать плану полководца. Сооружались массивныя зданія. До сихъ поръ на сѣверной сторонѣ города остались слѣды древней классической архитектуры. На нынѣшней торговой площади—piazza Vecchia,—возвышался угрюмый Капитолій; на мѣстѣ церкви S. Giovanni, въ самомъ центрѣ города, былъ построенъ храмъ Марса; недалеко отъ Santa Croce чернѣлся Колизей. Тотила разрушилъ всѣ эти произведенія римскаго искусства; онъ раззорилъ Флоренцію самымъ варварскимъ образомъ; остались только развѣ водопроводы и фонтаны,—постоянные спутники римскихъ городовъ. Карлъ Великій возстановилъ городъ и даровалъ Флоренціи самостоятельное управленіе, которое продолжалось до 1207 года; номинально онъ подчинилъ ее феодальнымъ владѣтелямъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакой власти.

Такіе сюзерены носили титулъ маркизовъ; первый изъ нихъ былъ Бонифацій I (съ 622 г.), послѣдній—Филиппъ V, сынъ Барбароссы (съ 1195 г.). Восемь консуловъ, выбираемыхъ народомъ изъ извѣстныхъ фамилій, управляли общественными дѣлами; изъ иностранныхъ рыцарей выбирался какъ и въ другихъ городахъ правитель съ титуломъ podestà. Все это относится къ тому времени—когда по замѣчанію Виллани—„флорентійцы были еще воздержны, употребляли пищу самую грубую, носили одежду самую простую; жены ихъ еще не знали тогда различныхъ украшеній, не предавались удовольствіямъ свѣта". Около 1200 года по всей Италіи закипаетъ ожесточенная борьба гвельфовъ и гибеллиновъ; вражда эта залила кровью богатую отъ природы страну и не принесла никакихъ благотворныхъ послѣдствій. Эти партіи служили только прикрытіемъ эгоистическихъ цѣлей ихъ вождей—папы и императора, боровшихся за преобладаніе въ Италіи. Папа, какъ поборникъ самостоятельности и независимости Италіи, конечно, пользовался бо̀льшею популярностію нежели императоръ, напустившій на страну своихъ желѣзныхъ рыцарей. Высшій классъ итальянскихъ городовъ дѣлится на два лагеря: гвельфовъ—съ папскимъ знаменемъ и гибеллиновъ—подъ защитою императорскаго орла. Среднее сословіе и чернь скорѣе сочувствовали папѣ, какъ представителю принципа народности. Во Флоренціи было такое же распредѣленіе народонаселенія (¹). Гибеллины почти не скрывали того, что

(¹) Для общей исторіи итальянскихъ гвельфовъ и гибеллиновъ мы указываемъ, какъ на лучшій источникъ: Ferrari. Histoire des révolutions d'Italie, ou guelfes et gibelins. Paris. 1858, 4 vls. Хотя общая идея сочиненія не вѣрна и взглядъ автора на исторію Италіи отличается односторонностью и узкостью, хотя изложеніе слишкомъ кудревато и не всегда ясно,—однако при всемъ томъ, по полнотѣ и внимательной отдѣлкѣ фактовъ, сочиненіе Феррари можетъ быть признано лучшимъ источникомъ для исторіи этого запутаннаго времени. Запуганный противорѣчіемъ итальянскихъ коммунъ, Феррари не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ случайной игры обстоятельствъ. «Здѣсь коммунальная, тамъ феодальная, въ Сициліи норманская, въ Венеціи византійская, въ Римѣ теократическая, въ Павіи королевская, Италія творитъ царства, республики, сеньорства, независимые округи, свободные города, обширныя церковныя и императорскія вассальства; вездѣ странныя явленія, вездѣ контрасты, повсюду безконечная фантасмагорія. Какой бы ни былъ внѣшній блескъ фактовъ, побѣды Италіи были безъ цѣли, пораженія безъ причины, революціи безъ идей (?),

готовы подчинить Италію императорамъ, сдѣлавъ Римъ столицею обѣихъ властей — папской и императорской, вслѣдствіе чего пало бы всякое значеніе первосвященниковъ.

Гвельфы и гибеллины.

Съ тѣхъ поръ, какъ сложились эти партіи, каждая вражда не только за общее итальянское дѣло, но и междоусобная борьба внутри городовъ дѣлила соперниковъ на лагери гвельфовъ и гибеллиновъ. Знамена великихъ политическихъ партій осѣняли часто мелкіе гражданскіе раздоры и ничтожныя дрязги. Во Флоренціи, дщери Рима (figliuola di Roma), какъ по справедливости именовали себя эти средневѣковыя Аѳины, такое явленіе было обычнымъ. Ничтожный поводъ заставилъ флорентійцевъ подвергнуться всѣмъ ужасамъ междоусобій.

„Одинъ знатный молодой гражданинъ,—разсказываетъ лучшій лѣтописецъ Флоренціи Дино Компаньи, — по прозванью Бондельмонте, обѣщалъ жениться на дочери Одриго Джьантруфетти. Разъ довелось ему проходить около дома Донати. Хозяйка дома Альдруда, супруга Фортегверра Донати, имѣвшая двухъ очень красивыхъ дочерей, стояла на балконѣ. Она замѣтила проходившаго Бондельмонте и подозвала его. Указывая ему на одну изъ своихъ дочерей, она спросила его выбралъ ли онъ себѣ невѣсту.—„Я прочила выдать за тебя вотъ эту", прибавила Альдруда. А дѣвушка очень понравилась Бондельмонте и онъ отвѣчалъ.—„Я не могу располагать собою отнынѣ", намекая на свое обѣщаніе. — „Ты можешь располагать собою, перебила его Альдруда; вину твою я беру на себя".—„Въ такомъ случаѣ я желаю имѣть ее своей", отвѣтилъ Бондельмонте. И онъ взялъ ее себѣ въ супруги, презрѣвъ ту, которой клялся раньше. Вслѣдствіе этого Одриго, его родственники и друзья рѣшились отмстить Бондельмонте, побить его и устыдить".

„Узнавъ объ этомъ, Уберти, знатнѣйшая и могущественная фамилія въ городѣ и ихъ родственники сказали, что они желаютъ умертвить его, презирая раны и самую смерть. Составился заговоръ. Они положили убить его въ годовщину того дня, когда онъ увезъ невѣсту. Такъ и сдѣлали. Вслѣдствіе смерти Бондельмонте, граждане раздѣлились, при чемъ родство и дружба между обѣими партіями исчезли, такъ какъ

войны безъ конца» (I. 10, 11). См. дѣльную рецензію на эту книгу: Rosa (Archivio storico italiano; t. VIII, nuova serie, 1858. parte I e II; p. 85).— Позднѣйшіе извѣстнѣйшіе труды о Флоренціи издали Perrens и Thiers.

упомянутое раздѣленіе между ними никогда болѣе не прекращалось. Результатомъ этого явились многія неурядицы, пожары и гражданская междоусобная борьба" (1).

Народное движеніе 1250 г.

Въ началѣ борьбы гвельфы были побѣждены. Императоръ Фридрихъ II учредилъ аристократическое правленіе. Верховная власть была ввѣрена наиболѣе преданной императору фамиліи Уберти, отличавшейся богатствомъ и не менѣе того честолюбіемъ. Своимъ деспотизмомъ и жестокостью Уберти вывели народъ изъ терпѣнья,—и вотъ 20 октября 1250 года толпы народа съ скрытымъ подъ плащами оружіемъ, раннимъ утромъ сбираются на площади Santa Croce; грозная толпа постепенно растетъ и медленнымъ шагомъ направляется черезъ людныя улицы города, мимо недавно отстроенной церкви Santa Maria Novella къ площади S. Lorenzo. Здѣсь жилъ императорскій podestà; толпу поддерживаютъ гвельфы, которые разсчитали всю выгоду пріобрѣсти господство въ городѣ и всѣ шансы своего вѣрнаго торжества. Народъ окружилъ домъ Уберти и требовалъ отреченія отъ власти и изгнанія нѣмцевъ. Захваченные въ расплохъ, гибеллины исполняютъ желаніе народа, такъ пастойчиво и грозно высказанное. Такимъ образомъ народъ, безъ пролитія капли крови,

(1) Dino Compagni. Cronaca delle cose accorrenti ne' tempi suoi (Muratori; IX, 463—576; Manni, Fir. 1728). Цитованнымъ мѣстомъ начинается хроника, съ продолженіемъ съ 1378 года Gino Capponi (Fir. 1858). Явившаяся въ нѣмецкой критикѣ въ послѣднее время манія заподозривать подлинность выдающихся итальянскихъ средневѣковыхъ хроникъ коснулась и Дино Компаньи, къ которому когда-то съ искреннимъ благоговѣніемъ относился Шлоссеръ. Тотъ же самый Scheffer-Boichorst, который опрокинулся на Малеспини, обрушился, руководимый предвзятой отрицательной тенденціей на Компаньи, считая всю его хронику составленной какимъ-то фальсификаторомъ въ позднѣйшее время. C. Hegel въ 1878 г. въ «Ueber den historischen Werth der älteren Dante-Commentare» доказалъ нелѣпость пріемовъ такого рода критики, а Del-Lungo въ изданіи Дино (D. Compagni e la sua cronica; 2 v. 1878—81) окончательно возстановилъ авторитетъ знаменитаго историка. Мы считали излишнимъ въ «Очеркѣ средн. историографіи» упоминать объ этихъ псевдо-критическихъ упражненіяхъ, но, къ сожалѣнію, оказывается, что они внушили нѣкоторое довѣріе и русскимъ критикамъ, довѣріе слишкомъ поспѣшное, опрометчивое и незаслуженное. Уже одинъ языкъ убѣждаетъ всякаго, кто въ состояніи читать по-итальянски, что хроника относится къ первой половинѣ XIV вѣка, а участіе автора въ государственныхъ дѣлахъ республики давно доказано.

сдѣлался полнымъ распорядителемъ своего государственнаго устройства. Граждане были раздѣлены на 20 частей; каждая изъ нихъ избрала себѣ начальника и знамя. Званіе подесты, напоминавшее народу императорскій деспотизмъ, было уничтожено; во главѣ управленія становится верховный народный начальникъ,—il capitano del popolo; его контролируетъ, кромѣ народныхъ собраній, т. н. синьорія, смѣняемая каждые полгода; ее составляютъ 12 лучшихъ гражданъ. Но за это новое устройство надо было еще сражаться съ императоромъ, который нисколько не думалъ уступать возмутившимся.

Первымъ дѣломъ новоорганизованнаго правительства было образовать милицію. Каждый изъ 20 кварталовъ города снарядилъ извѣстное число воиновъ. Къ нимъ было прибавлено еще 36 вспомогательныхъ отрядовъ, выставленныхъ союзниками. Всѣмъ синьорамъ было приказано снабдить свои замки достаточнымъ запасомъ провіанта. Крѣпости города, Basso и Belvedere, расположенныя на сѣверномъ и южномъ концахъ Флоренціи, были тщательно осмотрѣны, снова укрѣплены и унизаны башнями. Флорентійцы, какъ видимъ, готовы цѣною жизни защищать свое новое государственное устройство, ознаменовавшее перевѣсъ демократизма и простыхъ торговыхъ цеховъ надъ родовою феодальною знатью. Смерть Фридриха II прекратила всякую возможность борьбы. Слабый преемникъ императора Манфредъ не могъ быть опасенъ Флоренціи и народъ въ 1251 году предсказывалъ вѣка своему новому государственному устройству. Это было въ духѣ легкомысленныхъ аѳинянъ средневѣковаго времени.

Тосканскій союзъ.

Однако, какъ ни мало было залоговъ прочности въ новомъ правительствѣ, оно могло продержаться нѣсколько лѣтъ, и, пока еще не ослабли его нетвердые спаи, даже доставило Флоренціи значительное политическое преобладаніе въ Италіи. Сильная, хотя только искусственнымъ и условнымъ согласіемъ своихъ гражданъ, она скоро дала почувствовать свое временное преимущество сосѣднимъ городскимъ общинамъ. Впродолженіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, Флоренція, благодаря своимъ смѣлымъ воинственнымъ руководителямъ, становится во главѣ союза тосканскихъ городовъ. Вольтерра была разрушена, а Пистойя, Ареццо и Сіена принуждены вступить въ флорентійскую лигу. Не только въ Тосканѣ, но и по всей Италіи прогремѣла слава Флоренціи. „Одну минуту

можно было подумать, что ей выпадала завидная роль древняго Рима, который когда-то примиривъ внутреннія партіи, обратилъ всѣ силы отечества на окрестныя земли и мало по малу сгруппировалъ около себя разсѣянныя итальянскія народности. Но обольщеніе продолжалось недолго. Флоренція остановилась на самыхъ первыхъ началахъ той исторической роли, которую, повидимому, сама судьба отдавала ей въ руки". Личная ненависть партій не дала прочно скрѣпиться государственному организму республики.

Битва на Арбіи и торжество гибеллиновъ въ 1260 г.

Такъ въ 1258 году распространился по городу слухъ, что гибеллины, жившіе до сихъ поръ въ ладу съ гвельфами, умышляютъ ниспровергнуть демократію, а вмѣстѣ съ нею истребить своихъ исконныхъ враговъ. Конечно слухъ этотъ пустили тѣ же гвельфы, ибо врожденная ненависть не позволяла имъ ужиться рядомъ съ императорской партіей. Нѣтъ также сомнѣнія что и гибеллины, съ своей стороны, не переставали сноситься съ своими нѣмецкими друзьями. Какъ бы то ни было, народъ пришелъ въ движеніе и, не думая долго, бросился на дворцы гибеллинской знати. Напрасно тѣ думали защищаться въ своихъ палаццо; чернь стремительно окружила ихъ. Одинъ изъ Уберти былъ убитъ; другой взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ. Братъ ихъ, даровитый Farinata degli Uberti, принялъ начальство надъ оставшимися въ живыхъ гибеллинами; всѣ они бѣжали въ Сіену, чтобы тамъ переждать невзгоду и приготовиться къ новой борьбѣ. Они разсчитывали всего болѣе на помощь Манфреда и не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Изгнаніе ихъ продолжалось только два года. Въ 1260 году, благодаря стараніямъ неутомимаго Фаринаты, Манфредъ прислалъ изгнанникамъ обѣщанное вспоможеніе. Оно состояло изъ 800 хорошо вооруженныхъ латниковъ. Подъ гогенштауфеновскимъ знаменемъ стали, сверхъ того, многіе граждане Сіены, Пизы и другихъ тосканскихъ городовъ. Флорентійскіе гвельфы вышли къ нимъ на встрѣчу, но въ битвѣ на рѣкѣ Арбіи, при мѣстечкѣ Монтаперти, были побиты на голову и тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ пораженія, не считая себя болѣе безопасными въ родномъ городѣ, спѣшили укрыться отъ преслѣдованія въ стѣнахъ союзной Лукки. Сраженіе арбійское принадлежитъ къ числу кровопролитныхъ дѣлъ того вѣка; битва продолжалась около семи

часовъ сряду; болѣе 2500 флорентійцевъ осталось на мѣстѣ и болѣе 1500 взято въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ роковой схватки, гибеллины съ трубными звуками вступили въ городъ и провозгласили республику, подъ покровительствомъ Манфреда, которому должны были присягать всѣ граждане; слѣдовательно, на дѣлѣ, выходила та же монархія.

Двухлѣтнее испытаніе нисколько не сдѣлало гибеллиновъ благоразумнѣе. Сильные своимъ союзомъ съ императоромъ, гордые своею побѣдою, они и на этотъ разъ, какъ и прежде, забыли всякую умѣренность. Гвельфскимъ изгнанникамъ не оставлено были ни ихъ жилищъ, ни имуществъ. Городское устройство Флоренціи, составлявшее главную силу, было ниспровергнуто, и народъ лишенъ тѣхъ правъ, которыя вынесъ было несокрушимыми среди пыла борьбы двухъ враждебныхъ факцій. Гибеллины хотѣли властвовать безраздѣльно. Мало того: имъ все еще была страшна эта живучесть богатой республики, служившей постояннымъ прибѣжищемъ для гвельфовъ. Надо положить конецъ могуществу этихъ папистовъ, говорили гибеллины на военномъ совѣтѣ въ Эмполи (¹), а для этого надо ослабить ихъ столицу—буйную, безпокойную Флоренцію; горячіе гибеллины предлагали, какъ лучшее средство, срыть городскія стѣны и разрушить укрѣпленія; нѣкоторые же изъ нихъ поговаривали уже о совершенномъ уничтоженіи города, приводили въ примѣръ Фридриха Барбароссу и его поступокъ съ Миланомъ. Собраніе рѣшило, въ порывѣ ненависти къ гвельфамъ, срыть Флоренцію до основанія и не оставить въ ней камня на камнѣ. Тогда поднялся съ своего мѣста главный вождь гибеллиновъ, уже извѣстный намъ Фарината, и сказалъ горячее слово въ защиту погибающаго города. Его рѣчь была порывиста, но энергична; имъ руководила не узкая вражда партій, не какія либо личныя цѣли, а патріотическая любовь къ общей родинѣ, къ Италіи. Именемъ ея онъ молилъ своихъ увлекшихся товарищей прекратить всякія враждебныя отношенія къ городу, уже покоренному, подавить въ себѣ ненависть къ гвельфамъ, требовалъ общаго примиренія; наконецъ онъ рѣшительно объявилъ себя за Флоренцію, прибавляя что готовъ „тысячу разъ умереть“ за сохраненіе цвѣтущей столицы Тосканы (²). Рѣчь Фаринаты до-

(¹) Городокъ къ западу отъ Флоренціи, расположенный на рѣкѣ Арно.

(²) Вотъ что говорятъ объ этой благородной личности два лучшихъ

стигла своей цѣли. Благодаря ей, одинъ изъ лучшихъ городовъ Италіи былъ спасенъ отъ рукъ новыхъ вандаловъ. Это былъ послѣдній подвигъ патріотическаго сердца Фаринаты, который вскорѣ потомъ погибъ насильственною смертію отъ руки одного изъ своихъ родственниковъ и какъ будто унесъ съ собою въ могилу тайну успѣховъ своей партіи и самое ея счастіе.

Измѣненія во внутреннемъ строѣ.

Когда такимъ образомъ гибеллинская партія торжествовала въ Тосканѣ, новая опасная для нея вражда загорѣлась въ южной Италіи. Манфредъ нашелъ себѣ соперника въ лицѣ Карла Анжуйскаго, который и разбилъ его при Беневентѣ; гвельфы опять ожили. Императорская партія рѣшается сдѣлать уступки. Во главѣ ея является нѣсколько дѣльныхъ личностей и они повели переговоры съ своими врагами. Въ результатѣ ихъ явилось новое смѣшанное правительство. Верховную власть предложили двумъ podestà,—гвельфу и гибеллину; ихъ ограничиваетъ совѣтъ 36 правителей, опять изъ каждой партіи поровну; демократія не была нарушена,—корпораціи цеховъ и ремесленниковъ оставлены въ своей силѣ. Но, дѣлая уступки по формѣ, гибеллины хотѣли въ то же время оставаться полными господами на дѣлѣ. Подозрѣвая въ народѣ гвельфскія симпатіи, они призвали въ городъ нѣмецкія дружины и обнаружили неосторожно намѣреніе возстановить прежнее самовластіе. Цехи не хотѣли отдать даромъ уступленныя имъ права и рѣшились отчаянно защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Опи вооружились и тѣмъ вызвали на себя нападеніе. Въ самыхъ улицахъ Флоренціи произошло кровавое побоище. Нѣмецкая кавалерія не устояла противъ множества и принуждена была выступить изъ города, осы-

флорентійскихъ историка: «Lodano le nostre storie ragionevolmente messser Farinata degli Uberti, perciocché con la constanzia e fortezza del suo generoso animo diffese la patria dalla destruzione» (Nardi. Le storie della città di Firenze t. 1, p, 7); Макіавелли отзывается слѣдующимъ образомъ: «Era messer Farinata uomo di grande animo, eccelente nella guerra, capo de' ghibellini, ed appresso a Manfredi assai stimato, la cui autorità pose fine a quel rapionamento, e pensarono altri modi a volersi lo stato preservare(Machiavelli. Delle storie fiorentine. Capolago.. 1842. 2 vls; t. 1, p. 92; lib. 2)». Прибавимъ, что Нарди, какъ страстный республиканецъ, не терпѣлъ иноземнаго вмѣшательства; между тѣмъ онъ не можетъ отказать въ сочувствіи къ Уберти представителю императорскихъ интересовъ.

паемая каменьями, которые летѣли на нее со всѣхъ сторонъ изъ домовъ и съ высокихъ башенъ. Гибеллины, лишившіеся всякой опоры, бѣжали изъ Флоренціи и въ этотъ разъ навсегда.

Такимъ образомъ Флоренція сдѣлалась городомъ исключительно гвельфскимъ. Республика, потрясенная постоянными раздорами, требовала самаго тщательнаго отношенія къ своему внутреннему государственному устройству. Успокоить гражданъ, дать болѣе или менѣе правильную организацію правительству — было не легко. Требовалось не только подрѣзать самые корни гибеллинизма во Флоренціи, но по возможности согласить притязанія оставшихся въ ней элементовъ населенія, такъ какъ цехи вовсе не думали отказываться отъ своихъ правъ въ пользу побѣдившей партіи, а желали сохранить свое самостоятельное значеніе. Слѣдовательно двѣ задачи представлялись новымъ администраторамъ. Первая изъ нихъ повидимому достигалась тѣмъ, что всѣ владѣнія удалившихся гибеллиновъ были конфискованы и раздѣлены на три равныя части. Одна изъ нихъ обращена была въ собственность города и поступила въ его управленіе, другая отдана была гвельфамъ въ вознагражденіе за понесенные ими убытки, третья же превращена въ капиталъ для покрытія издержекъ въ случаѣ войны съ изгнанниками. Кромѣ того учреждена была особая полиція для наблюденія за проявленіемъ гибеллинскаго духа въ городѣ; его истребляли въ самомъ зародышѣ. Конечно, подобныя мѣры могли принести только временную пользу, но тѣмъ не менѣе спокойствіе города было обезпечено. Гораздо труднѣе было разрѣшить вторую задачу, — привести къ единству прочія составныя части флорентійскаго народонаселенія. Каждая изъ нихъ, какъ знатные, такъ и цехи, хотѣли сохранить свою самостоятельность; ни одна не расположена была совершенно подчинить себя другой.

Вмѣшательство папъ. Въ 1280 году папа Николай III отправилъ во Флоренцію, по желанію гвельфовъ, своего легата Латино, съ цѣлью возстановить миръ между гвельфами и изгнанными гибеллинами. Результатомъ этого посольства было возвращеніе гибеллиновъ во Флоренцію и временный миръ между обѣими партіями. Но въ 1282 году уже совершился переворотъ во Флоренціи. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Вскорѣ послѣ возстановленія мира кардиналомъ Латино, гвельфы мало по-малу

начали нарушать условія договора, а потомъ и совершенно позабыли объ этихъ условіяхъ: они не хотѣли давать гибеллинамъ никакихъ должностей въ республикѣ. Возстаніе гибеллиновъ не замедлило вспыхнуть. Городъ пришелъ въ сильное волненіе. Въ это-то время нѣсколько благонамѣренныхъ флорентійскихъ гражданъ, не желая видѣть гибели города, собрались въ приходскую церковь и здѣсь выбрали изъ среды своей шесть человѣкъ, назвавъ ихъ пріорами и давъ имъ законодательную власть на два мѣсяца (15 іюня 1282 г.). Но это нисколько не помогло. Городъ по-прежнему волновался. Да къ тому-же въ это время произошла распря флорентійцевъ съ аретинцами, — распря, кончившаяся знаменитой битвой при Кампальдино, гдѣ въ рядахъ флорентійскаго ополченія находился Данте Алигіери (какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ). Хотя битва при Кампальдино (11 іюля 1282 г.) и кончилась совершеннымъ пораженіемъ аретинцевъ и полной побѣдой флорентійцевъ, однако послѣдніе не могли слишкомъ радоваться своей побѣдѣ, потому что внутри города происходила полнѣйшая неурядица. Знать совершенно подавляла беззащитную чернь, которая не находила себѣ защиты въ законахъ. Въ это время является на сцену благородная личность Джіано делла Белла, стараніями котораго въ 1292 году учреждена была должность верховнаго судьи (gonfaloniere di giustizia). Джіано, за его благодѣтельныя реформы въ пользу флорентійскаго народа, синьоры изгнали въ 1294 году. Спустя нѣсколько времени послѣ его изгнанія, во Флоренціи произошелъ сильный раздоръ между двумя фамиліями, Черки и Донати, — раздоръ, принявшій огромные размѣры послѣ того, какъ одна изъ этихъ фамилій (Черки) пристала къ партіи бѣлыхъ, а другая (Донати)—къ партіи черныхъ. Эти двѣ партіи образовались въ Пистойѣ, въ семействѣ Канчелліери. Тогда, вслѣдствіе семейныхъ распрей, Пистойя распалась на двѣ части.

Черные и бѣлые.

Эти новые раздоры возникли по слѣдующему обстоятельству. Разъ два близкихъ друга, двоюродные братья, изъ фамиліи Канчелліери, поссорились за игрою въ кости. Друзья обнажили оружіе, и одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Виновникъ явился къ отцу раненаго для оправданія, но тотъ приказалъ отрубить ему руку. Тогда братья поклялись въ вѣчной враждѣ. Родственная фамилія раздѣлилась на два враждебные лагеря,

и каждая сторона искала себѣ приверженцевъ. Сторонники одной партіи назвали себя Bianchi („бѣлые" въ прилагательной формѣ) въ честь прародительницы дома; въ противоположность имъ, враги ихъ назвались „черными" (neri). Пистойскія власти, для прекращенія безпорядковъ, совершенно основательно предположили изгнать партизановъ изъ города, ибо дальнѣйшая вражда въ эту эпоху самоуправства была бы большимъ несчастіемъ для гражданъ. Предводители обѣихъ партій переселились во Флоренцію и перенесли, такимъ образомъ, свою вражду въ городъ и безъ того уже волнуемый враждою и политическими страстями гвельфовъ и гибеллиновъ, демократовъ и аристократовъ. Впослѣдствіи бѣлые слились съ гибеллинами, а черные съ гвельфами, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавшись сторонниками папскихъ интересовъ. Данте, прежде бывшій на сторонѣ гвельфовъ, постепенно дѣлается гибеллиномъ.

Тогда папою былъ Бонифацій VIII. Еще будучи кардиналомъ, онъ заправлялъ дѣлами куріи (II, 493). Онъ мечталъ о возстановленіи папскаго всемогущества; онъ посвятилъ себя защитѣ всемірныхъ папско-католическихъ интересовъ. Мы увидимъ послѣ, какъ въ немъ папская идея потерпѣла жестокое пораженіе. Онъ сдѣлалъ большую политическую ошибку, призывая чужеземнаго принца въ итальянскій городъ, сравнительно съ другими отличавшійся своимъ демократизмомъ, ненавистью къ титуламъ. Этимъ Бонифацій VIII навлекъ на себя отвращеніе и нерасположеніе Италіи, симпатія которой ему была бы весьма полезна въ предстоящей борьбѣ со свѣтской властью и тѣмъ болѣе, что стремясь подчинить своей власти иноземныхъ государей, онъ не имѣлъ власти въ самомъ Римѣ.

Пока остановимся на отношеніяхъ папы Бонифація VIII къ итальянскимъ республикамъ.

Карлъ Валуа. Въ іюнѣ 1300 г. великій патріотъ и поэтъ Италіи Данте Алигіери былъ выбранъ однимъ изъ пріоровъ во Флоренціи. Онъ хотѣлъ посвятить себя дѣлу водворенія порядка во Флоренціи. Но разъ во время похоронной процессіи случайно произошла схватка между черными и бѣлыми. Данте, укрѣпившись въ ратушѣ, старался водворить порядокъ. Донати, предводитель черныхъ, личный врагъ Данте, собралъ своихъ, предложилъ имъ противъ бѣлыхъ покровительство и помощь отъ имени папы, мудраго и святѣйшаго отца. Папа, по его словамъ, пришлетъ

на помощь ихъ партіи французскаго принца Карла Валуа, брата короля Филиппа IV. Съ принцемъ Валуа Донати былъ давно уже въ сношеніи. Вооруженная французская сила, сопровождаемая благословеніями папы, должна была, по обманчивой мысли Донати, успокоить городъ, волнуемый политическими страстями. Напрасно Данте предупреждалъ флорентійцевъ, что опасно довѣряться папской, а тѣмъ болѣе иностранной помощи.—„Какія наши заслуги передъ французами, говорилъ онъ, чтобы утверждать, что папа побудитъ французскаго принца заботиться о нашихъ интересахъ, о нашемъ благосостояніи? Не богатство ли наше привлекаетъ его сюда. Я знаю, что говорилъ ему папа:—я посылаю тебя къ золотому источнику, и ты самъ будешь виноватъ, если не утолишь своей жажды. Вспомните, граждане, примѣръ Карла Анжуйскаго, не довѣряйтесь французамъ. Богатство наше пойдетъ на удовлетвореніе ихъ роскоши; торговля и промышленность наша падутъ въ конецъ". Таковъ былъ смыслъ рѣчи Данте. Пріоры послушались благоразумнаго совѣта оратора. Вожди черныхъ, стоявшіе на сторонѣ принца, были изгнаны Самъ Данте отправился посломъ въ Римъ, умоляя папу не вызывать принца во Флоренцію. Но все было напрасно. Донати тоже лично просилъ папу настоять на своемъ, то есть, не уступая просьбамъ флорентійскаго пріора, отозвать Валуа. Дѣйствительно Карлъ съ небольшимъ отрядомъ французовъ прибылъ во Флоренцію подъ маской умиротворителя. Только одинъ цехъ, одни хлѣбники со своими рабочими оказали ему сопротивленіе. Правительство же Флоренціи молчало; оно даже согласилось дать Карлу большія суммы на военные расходы, лишь бы онъ обязался формальнымъ договоромъ не принимать титуловъ, такъ ненавистныхъ для Флоренціи, и не нарушать привилегій города. Но что значила клятва для Валуа? Теперь Флоренція была подъ властью Донати, гвельфовъ и черныхъ, которые на другой же день ворвались въ городъ. За ними явились туда же бандиты, бродяги скрывавшіеся въ сосѣднихъ лѣсахъ. Донати началъ свирѣпствовать въ городѣ надъ своими политическими противниками. Тюрьмы были отворены, преступники выпущены, начался грабежъ. Смертные приговоры произносились ежедневно. Въ нѣсколько недѣль погибло до 600 гражданъ на эшафотѣ, не считая тѣхъ, которые погибли безъ суда. Въ продолженіе пяти лѣтъ не погибло столько гражданъ отъ домашнихъ смутъ, сколько

погибло ихъ отъ проскрипціи въ первые дни власти чужеземца. Пріоры были выбраны изъ низшаго класса гражданъ. Данте, сначала только осужденный на изгнаніе, былъ потомъ приговоренъ къ казни, въ случаѣ возвращенія его на родину. Великому поэту и не пришлось уже болѣе увидать свой родной городъ. Съ него начинается въ Италіи рядъ политическихъ мучениковъ и страдальцевъ за политическую и духовную свободу. Данте стоитъ первымъ по времени въ этомъ рядѣ великихъ людей, каковы: Бруно, Галилей, Беккаріа, Альфіери, Пеллико, тѣхъ знаменитыхъ уроженцевъ Тосканы, каждый изъ которыхъ сдѣлалъ много для блага не одной маленькой Флоренціи, но для исторіи всего человѣчества.

Карлъ Валуа, поддерживаемый куріей противъ флорентійскихъ гибеллиновъ и противъ Аррагоніи, какъ кандидатъ на аррагонскій престолъ, по иниціативѣ папы, предпринялъ экспедицію противъ Сициліи, находившейся подъ властію аррагонской династіи, именно короля Фридерига II, но былъ разбитъ, послѣ чего онъ долженъ былъ оставить Италію и ни съ чѣмъ воротиться домой, во Францію. Не смотря на поддержку папъ и своего брата, французскаго короля Филиппа IV, Карлъ Валуа, вмѣсто всѣхъ папскихъ обѣщаній, успѣлъ пріобрѣсти себѣ только насмѣшливое прозвище безземельнаго короля.

Бонифацій VIII. Когда Бонифацій VIII готовился во имя теократіи дать послѣднюю битву свѣтской власти, вступивъ въ борьбу съ могущественнымъ королемъ Франціи, его положеніе среди римскихъ аристократическихъ партій, было самое жалкое. Римская коммуна, имѣвшая свою долгую исторію ([1]), не хотѣла знать папской куріи, не признавала ея господства; интересы той и другой имѣли мало общаго между собою. Папа, всесильный гдѣ нибудь въ отдаленной Скандинавіи, былъ безсиленъ у себя дома. Еще съ первыхъ временъ папской исторіи въ Римѣ пріобрѣли большое значеніе аристократическія фамиліи. Мы когда-то говорили о honorati и possessores (I, 151). Это не были потомки древнихъ римлянъ; они имѣли большее сходство съ германцами, чѣмъ съ пеласго-итальянской расой. Изъ этихъ honorati и образовалась римская аристократія. Защищая свои права, бароны организовали даже собственную милицію.

([1]) Gregorovius. Rom im Mittelalter, 6 B. Русскій пер. очень неудаченъ.

Присутствіе вождей духовнаго міра въ стѣнахъ города нисколько не стѣсняло бароновъ. Они, такъ хорошо знавшіе своихъ владыкъ, видѣвшіе всѣ ихъ слабости, не смотрѣли на папъ съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое проявляли иностранцы, приходившіе издалека цѣловать туфлю св. отца. Между знатными патриціанскими родами въ Римѣ были такіе, у которыхъ ненависть къ папамъ передавалась какъ бы по наслѣдству. Такова была аристократическая фамилія Колонна. Десять членовъ этой фамиліи и между ними два кардинала въ самомъ началѣ XIV вѣка вступили въ открытую борьбу съ Бонифаціемъ VIII. Говорятъ поводомъ къ этой борьбѣ послужило вмѣшательство папы въ семейные раздоры этого дома. Одинъ изъ Колонновъ, молодой Джакопо, вздумалъ проучить своего государя. Онъ съ своими сообщниками захватилъ папскій транспортъ. Тутъ было 80 лошадей, нагруженныхъ имуществомъ папы. Впрочемъ въ этомъ нельзя еще видѣть серьезной борьбы, а скорѣе проказу молодаго Джакопо Колонна. Бонифацій приказалъ возвратить похищенное. Между тѣмъ, въ виду явнаго мятежа приверженцевъ Колонна, папа созвалъ соборъ, желая наказать виновныхъ. Но тѣ распространили въ народѣ враждебные для папы слухи относительно смерти Целестина V (см. выше—II, 493). Одни говорили, что Бонифацій задушилъ Целестина; другіе, что онъ умертвилъ его, приказавъ вбить гвоздь въ голову отрекшагося папы. Тогда Бонифацій предалъ проклятію Колонна и приказалъ объявить крестовый походъ противъ непокорныхъ бароновъ. Все это ни къ чему не повело; врагъ папы съ блескомъ продолжалъ жить въ своемъ дворцѣ, что ясно доказывало какъ безсиленъ былъ папа, позволяя жить возлѣ себя человѣку, противъ котораго онъ проповѣдывалъ крестовый походъ. Склонивши на свою сторону Орсини и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, Бонифацій одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ. Колонна былъ заключенъ въ тюрьму, но ему удалось освободиться. Чрезъ французскаго посланника Колонна сносится съ врагомъ Бонифація, Филиппомъ IV Красивымъ. Такимъ образомъ противъ первосвященника составляется организованный заговоръ, участіе въ которомъ принимаютъ и бандиты, подкупленные французскимъ золотомъ.

Въ этотъ моментъ папа Бонифацій VIII завязываетъ узелъ западно-европейской политики. Всѣ оппозиціонныя силы, направленныя противъ теократіи, возстаютъ противъ него....

Судьба Бонифація VIII связываетъ исторію Италіи съ судьбами Франціи и съ ростомъ монархической государственной идеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ переходнымъ звеномъ отъ XIII къ XIV столѣтію. Мы будемъ говорить объ этой борьбѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; пока остановимся только на судьбахъ Флоренціи.

Республикѣ нельзя было и думать о томъ, чтобы удовлетворить всѣ противоположныя стремленія и сразу достигнуть полнаго единства государственной машины. Флорентійцы еще разъ рѣшились остановиться на сложной комбинаціи, которая нисколько не скрывала внутреннихъ трещинъ зданія и, подобно предшествовавшимъ системамъ, означала лишь переходное состояніе. Нѣтъ надобности обозрѣвать этотъ новый механизмъ флорентійской администраціи; онъ выдержалъ много измѣненій и различныхъ преобразованій, пока не переработался въ то окончательное государственное устройство, которое упрочилось въ первые года XV вѣка, когда появились Медичи. Вотъ эта окончательная формація правительственнаго строя флорентійской республики.

Форма правленія. Исполнительная власть была ввѣрена восьми пріорамъ (signori priori di libertà) и гонфалоньеру (il gonfaloniere di giustizia). Послѣдній имѣлъ одинаковую власть съ пріорами и пользовался только правомъ предсѣдательства: къ нимъ присоединялись еще 28 избранныхъ гражданъ; всѣ вмѣстѣ составляли совѣтъ 36, называвшійся синьоріею (il collegio, la signoria, i collegi). Члены этого главнаго правительственнаго совѣщательнаго собранія выбирались каждые два мѣсяца и жили во все продолженіе этого времени безвыходно во дворцѣ. Во главѣ республики стоялъ сенатъ, число членовъ котораго не опредѣлялось и зависѣло отъ обстоятельствъ. Власть же, облеченная верховною юрисдикціею, управлявшая судьбами государства, совмѣщалась въ двухъ собраніяхъ: совѣтъ народный (il consiglio del popolo), въ которомъ засѣдали лишь простые граждане, и совѣтъ общинный (il consiglio del commune), не исключавшій и знатныхъ. Безъ утвержденія этихъ совѣтовъ законъ не могъ получить никакой силы. Избраніе правителей, что составляло самый жизненный вопросъ для развитія города, происходило въ особомъ собраніи черезъ баллотировку (lo squittino). Права каждой власти были слѣдующія: главная и непосредственная обязанность гонфалоньера заключалась въ охраненіи спокой-

ствія города отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и, если понадобится, то даже съ оружіемъ въ рукахъ; въ его распоряженіи была огненная гвардія (guardia del fuoco), расположенная въ четырехъ удобнѣйшихъ мѣстахъ города. Всѣ законы и распоряженія, какъ частные, такъ и общественные, шли отъ синьоріи къ сенату и оттуда уже въ совѣты общинный и народный (¹). Граждане, которые предназначались руководить судьбами своей родины, всегда выбирались изъ знаменитыхъ семействъ и родовъ. Всегда между правителями блистали люди способные и опытные въ дѣлахъ государственныхъ. Въ XV столѣтіи насчитывалось до 400 семействъ, которыя имѣли право засѣдать во всѣхъ указанныхъ нами собраніяхъ; въ половинѣ же XVI вѣка таковыхъ уже было до 4000. Постоянное стремленіе простаго народа (il popolo minuto) возвыситься и достигнуть участія въ правленіи всегда колебало это число. Наконецъ мало по малу простой классъ овладѣваетъ верховною властью въ республикѣ. Флоренція изъ источника гвельфскихъ аристократическихъ идей дѣлается источникомъ демократическихъ идей. Если изъ среды гражданъ и является полу-неограниченный властитель въ родѣ Медичи, то такая личность принадлежитъ къ числу даровитыхъ государственныхъ умовъ безъ исключительныхъ претензій партій; силою своихъ способностей Медичи становятся во главѣ свободнаго народа. Къ началу XV вѣка во Флоренціи почти не имѣютъ понятія о соперничествѣ средневѣковыхъ партій; исчезаетъ всякій узкій характеръ отдѣльныхъ стремленій. Флоренція представляется довольно крѣпко сплоченнымъ государствомъ, въ которомъ умиротворились партіи, а гражданская борьба уже потеряла прежній острый характеръ. За власть борьба продолжается, но кто участвуетъ въ ней? Какой смыслъ ея? Въ лицѣ соперниковъ мы видимъ представителей своихъ личныхъ интересовъ, не справляющихся объ убѣжденіяхъ родовитыхъ предковъ. Къ тому же теперь на сценѣ не знатность, а умъ и болѣе всего богатство.

Около того времени встрѣчаемъ въ городѣ такой раздѣлъ населенія: знать (la nobilità), купцы (il popolo grasso), Сословія во Флоренціи.

(¹) Флорентійское государственное устройство изложено обстоятельнѣе всего у Нарди, котораго мы беремъ за источникъ для даннаго вопроса.—Nardi. Le storie della città di Firenze; t. I. p. 9, 10 (lib. 1); ed. di Gelli. Fir. 1858. См. нашу моногр.: Савонарола и Флоренція (К. 1865).

чернь (il popolo minuto); въ строгомъ смыслѣ первое изъ нихъ дробится на двѣ степени: родовыхъ знатныхъ людей и богачей, вышедшихъ изъ простыхъ гражданъ. Между сословіями легкія схватки за право преимущественнаго вліянія въ государствѣ. Толчекъ даетъ народная масса. Чернь напирала и вливалась въ popolo grasso, т. е. въ среднее сословіе; это въ свою очередь тѣснило аристократію и занимало ея ряды, при чемъ однакоже часто теряло власть, такъ какъ въ промышленномъ населеніи Флоренціи, наживавшейся главнымъ образомъ финансовыми операціями, человѣкъ торговый пользовался гораздо большимъ уваженіемъ нежели родовитый. Это фактически доказывается существовавшимъ во Флоренціи закономъ, по которому знатныхъ за заслуги записывали въ число гражданъ, а послѣднихъ за дурные поступки перечисляли въ высшее сословіе. Подобный законъ былъ и въ другихъ республиканскихъ городахъ, какъ напр. въ Пистойѣ. Тамъ еще въ 1285 г. цехи опредѣлили, чтобы тотъ, кто изъ промышленнаго сословія нарушитъ общественное спокойствіе, въ наказаніе вносимъ былъ въ патриціанскій списокъ, т. е. удаленъ отъ всѣхъ государственныхъ должностей и причисленъ къ простымъ обывателямъ ([1]).

Малѣйшее требованіе народа исполнялось правительствомъ безпрекословно. Изъ многихъ примѣровъ мы возьмемъ на выдержку одинъ, относящійся къ 1352 году. Однажды, среди бѣлаго дня, толпа молодежи разгуливала по городу, распѣвая серенады своимъ дамамъ. Вѣроятно, пользуясь своею многочисленностью, они начали безпокоить прохожихъ, врываться въ дома бѣдныхъ гражданъ. Тѣ должны были серьезно защищаться. Видя негодованіе народное, шалуны разбѣжались. Тѣмъ не менѣе ихъ розыскали. Предводителемъ уличныхъ героевъ оказался нѣкто Бордони, принадлежавшій къ одной изъ богатыхъ и вліятельныхъ флорентійскихъ фамилій. Тогдашній гонфалоньеръ Филикайя, человѣкъ справедливый и энергичный, хотѣлъ казнить его, но за осужденнаго оказались протекція и деньги. Пріоры, товарищи гонфалоньера, были подкуплены; они протестовали противъ строгаго приговора Филикайи. Гонфалоньеръ не стерпѣлъ такого явнаго злоупотребленія; онъ сложилъ съ себя свою должность и уѣхалъ въ Сіену. Едва лишь только народъ узналъ причину удаленія правителя, какъ пришелъ въ сильное движеніе; толпы

([1]) **Nardi**. Le storie della città di Firenze; t. I, p. 1.

сбирались передъ окнами дворца синьоріи. Общій голосъ требовалъ безпрекословнаго исполненія смертнаго приговора и возвращенія гонфалоньера. Правительство принуждено было отправить къ нему депутацію съ просьбою снова принять участіе въ правленіи. Филикайя, снисходя общему желанію, возвратился и первымъ его распоряженіемъ было приказать отрубить голову шаловливому аристократу. Когда кончился срокъ правленія гонфалоньера, власти флорентійскія, по требованію народа, предложили ему въ награду за твердость и справедливость 2000 флориновъ (¹).

Сила и богатство.

Такое правительство, опиравшееся болѣе всего на простой народъ и торговыхъ гражданъ, всегда могло разсчитывать на свою силу, всегда могло оказывать защиту слабымъ противъ сильныхъ притѣснителей. Въ рукахъ республики находилась вся область отъ моря до Аппенинъ, за исключеніемъ Лукки и Сіены, покоренныхъ впослѣдствіи. Могущество этого демократическаго государства основывалось на неутомимой предпріимчивости и богатствѣ отдѣльныхъ гражданъ, а также на политической дѣятельности, разлитой по всѣмъ сословіямъ. Народъ учился на практикѣ государственной наукѣ; онъ выросталъ среди постоянныхъ политическихъ раздоровъ, среди пылкой борьбы партій съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ. Даровитѣйшіе люди Флоренціи съ любовью занимались публицистикой, придумывали разнообразныя государственныя формаціи. Флоренція стояла во главѣ итальянской политической науки, подобно тому какъ Италія была передовою страною всей Европы въ этомъ отношеніи. Изъ Флоренціи вышли впервые идеи единства страны (²). И мудрено ли что въ столицѣ Тосканы такимъ блестящимъ

(¹) Cantu. Histoire des Italiens; t. VI, p. 406.

(²) Приводимъ для доказательства интересные выводы Феррари изъ его Histoire de la raison d' Etat (Par. 1860). «Число политическихъ итальянскихъ писателей покажется весьма значительнымъ, если будемъ судить по отношенію къ прочимъ европейскимъ народностямъ. Послѣднія должны бы были выставить на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ 4240 человѣкъ (принимая въ соображеніе ихъ населеніе), потому что одна Италія имѣла 424 автора. На дѣлѣ же мы встрѣчаемъ только 494 европейскихъ публициста... Между городами Италіи слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ Флоренцію. Соблюдая пропорціональность, слѣдовало бы тамъ ожидать двухъ или трехъ, тогда какъ въ дѣйствительности Флоренція насчитываетъ двадцать, притомъ первоклассныхъ публицистовъ,—какъ Данте, Макіавелли, Каппони, Джіаннотти и др. (p. 357)».

образомъ развилась публицистика, что тамъ явились лучшіе авторитеты государственной науки,—когда весь народъ флорентійскій создавалъ самъ себѣ общественное и государственное устройство. Постоянные раздоры между знатными и popolo grasso, т. е. гражданами вышедшими изъ ремесленниковъ,—поддерживали всегда въ государствѣ извѣстное напряженіе, которое не мѣшало тому, что торговля и промышленность Флоренціи увеличивались съ каждымъ годомъ. Цехи имѣли свои права и своихъ старшинъ. Ихъ было семь: мѣнялъ, врачей и торговцевъ пряными кореньями, скорняковъ, суконщиковъ, сукнопродавцевъ, судей съ юристами и торгующихъ разными товарами. Суконныя фабрики были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; шерсть ткали въ 200 мастерскихъ и тридцать тысячъ человѣкъ жили этою работою. Доходы республики въ то время, т. е. въ концѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, доходили до трехсотъ тысячъ золотыхъ нѣмецкихъ гульденовъ, что составляетъ почти милліонъ рублей на наши деньги, но замѣтимъ, что тогда цѣнность монеты была гораздо выше настоящей. Такой доходъ получало рѣдкое государство въ то время, не говоря уже про то, что территорія и населеніе не могли идти въ сравненіе съ прочими европейскими государствами. Между тѣмъ издержки республики составляли лишь $^{1}/_{4}$ часть доходовъ. Жителей въ городѣ было до 90 тысячъ; изъ нихъ 25 тысячъ могло быть вооружено тотчасъ же. Чтенію обучалось до 10 тысячъ дѣтей; въ высшихъ же школахъ было около 600 молодыхъ людей.

Торговые обороты нѣкоторыхъ гражданъ флорентійскихъ доходили до огромныхъ размѣровъ. Богатства такихъ людей были велики, а извѣстно, что съ богатствомъ, а не съ древностью рода, было связано политическое значеніе въ республикѣ; поэтому многіе сильные капиталами купцы имѣли большой вѣсъ въ городѣ. Но всѣ авторитеты ихъ пали, когда въ началѣ XV столѣтія возвысился одинъ богатый банкирскій домъ, которому суждено было, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ (1421—1737 г.), играть первую роль въ флорентійской исторіи. Мы будемъ въ свое время говорить о Медичи; теперь замѣтимъ только что первые изъ нихъ, правившіе Флоренціею въ теченіе XV вѣка, были замѣчательными государственными дѣятелями. Водворивъ монархію на развалинахъ республики по существу, они сумѣли сохранить обаяніе старыхъ излюбленныхъ формъ, которыя долго не переставали существовать вмѣстѣ съ личною свободою гражданъ.

5) Борьба христіанъ съ мусульманами на Пиринейскомъ полуостровѣ въ XII, XIII и въ началѣ XIV вѣка.— Культура и наука арабовъ.

Христіане еще въ VIII вѣкѣ потеряли большую часть Пиринейскаго полуострова; тогда они были загнаны въ дальній, сѣверный уголъ полуострова. Самъ Карлъ Великій безсиленъ былъ защитить христіанское наслѣдіе и не могъ ничего сдѣлать въ пользу христіанъ за Пиринеями. Но религіозный энтузіазмъ и политическія обстоятельства сдѣлали то, что представлялось невозможнымъ. Удобство, роскошь, культурное развитіе подѣйствовали на мусульманъ отрицательно; они предались отдыху и нѣгѣ, а христіанское оружіе между тѣмъ торжествовало съ каждымъ годомъ. Въ то время какъ христіанскіе короли переходятъ мало-по-малу въ наступленіе, господство мусульманъ начинаетъ ослабѣвать. Внутри мусульманскаго міра начинается непрерывная борьба разныхъ религіозныхъ сектъ, и если бы короли пиринейскіе дѣйствовали единодушнѣе, то конецъ мусульманскому господству былъ бы положенъ несравненно ранѣе XIII столѣтія. Но дѣло въ томъ, что христіане не умѣли пользоваться выгоднымъ моментомъ. Новыя орды изъ глубины Африки вторгались въ Испанію. Сокрушая прежнія династіи, водворяясь на ихъ мѣстахъ, онѣ приносили съ собою фанатическій сектантскій духъ, являсь жестокими врагами культуры. Дворцы халифовъ, блескъ южныхъ пиринейскихъ городовъ вмѣстѣ съ духовными завоеваніями арабовъ исчезали подъ пятой дикихъ наѣздниковъ сѣверной Африки.

Такими врагами арабской культуры и арабскаго міра **Альмогады.** на Пиринейскомъ полуостровѣ явились между прочимъ могады или альмогады, которыя окончательно утвердились на полуостровѣ въ 1157 году и смѣстили владычество альморавидовъ (¹). Послѣдніе еще раньше (I, 503) получили первенство

(¹) Лѣтописи для исторіи Пиринейскаго полуострова собраны въ старыхъ цѣнныхъ изданіяхъ: Schott, Hispaniae illustratae seu rerum urbiumque Hispaniae, Lusitaniae, Aethiopiae et Indiae scriptores varii (Fr. 4 f. 1603—1608). Florez, España sagrada (Madr. 51 v. 1747—1879). Llaguno Amirola, Coleccion de las cronicas y memorias de los reyes de Castilla (M.

среди мусульманскаго міра, а теперь новая секта грозила сокрушить ихъ. Вождемъ этой секты явился Магометъ бенъ-Тумиръ, называвшій себя Могади. Его фанатическія орды хлынули на земли альморавидовъ, разбили высланныя противъ нихъ войска и одержали близь Марокко полную побѣду, рѣшившую судьбу альморавидовъ. Впрочемъ самъ Могади вскорѣ умеръ, не успѣвъ дать прочной организаціи своимъ послѣдователямъ. Ему наслѣдовалъ Абдельмуменъ, подъ владычество котораго подпала вся африканская имперія альморавидовъ. Онъ считалъ себя уже на столько сильнымъ, что въ 1133 году принялъ титулъ главы правовѣрныхъ. Онъ подчинилъ своей власти весь сѣверный берегъ Африки до самого Египта и перешелъ въ Испанію. Халифы Кордовы, Гренады и др. покорились ему. Онъ уже намѣревался докончить свое дѣло, покорить всѣхъ мусульманъ полуострова, собралъ полумилліонную армію, состоявшую на половину изъ конницы, но среди приготовленій заболѣлъ и умеръ, передавъ окончаніе дѣла своему второму сыну Абу-Якубъ-Юсуфу. Напрасно послѣдніе халифы думали удержаться при помощи христіанъ Пиринейскаго полуострова. У послѣднихъ не было никакой организаціи.

---

7 v. in 4, 1779—87). Въ настоящее время послѣдовательно выходятъ три многотомные сборника: Navarete, del Valle, Rayon. Colleccion de documentos ineditos para la historia de España (M. 92 v. 1842—88), впрочемъ преимущественно для новой исторіи; Memorial historico españ ol, изданіе Исторической Королевской Академіи съ актами по XIII столѣтіе (M. 1851—88); Mascaro (Col. de doc. ineditos de la corona de Aragon — спеціально изъ аррагонскихъ архивовъ (Barc. 1847 и слѣд.) съ множествомъ памятниковъ для каталонской литературы цвѣтущей эпохи трубадуровъ. Въ Португаліи, въ свою очередь, старавшейся подражать сосѣдней Кастиліи: L. A. Fereyras (6 f. 1728 — 1823), Portugaliae monumenta historica (M. 1856 e sq.). Изслѣдованія: Dozy, Recherches sur l'hist. pol. et littéraire de l'Espagne pendant le moyen-âge (Leyd. 2 v. 1860). Изъ старыхъ соч.—іезуитъ Mariana, Hist. de rebus Hispaniae (Mainz, 1605), Ferreras, Hist. de Españ a, Zurita, Hist. de la corona de Aragon (Çar. 6 f. 1710). Изъ новыхъ общихъ: Lafuente, Hist. gen. de España (M. 22 v. 1850—59); Saint-Hilaire, Hist. d'Espagne (P. 1837—65, 9 v.), Lembke, Spaniens Geschichte изъ коллекціи Herren und Uckert. Изъ старыхъ сочиненій замѣчательна хроника Çurita, Historia de la corona de Aragon (Çar. 3 v. 1610) впрочемъ спеціально для Аррагоніи до 1451 г. Авторъ жилъ въ 1512 — 81 г. и пользовался подлинными документами, которые собиралъ во время своихъ путешествій.—Gervinus, Versuch einer innerer Gesch. Arragoniens (Fr. 1833, Hist. Schr.). Schirrmacher, Gesch. Kastiliens im XII und XIII Jahrh. (G. 1881).

Распаденіе пиренейскихъ государствъ.

Они дѣлились въ это время на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ и постоянно ссорились между собой. Короли Португаліи, Кастиліи, Аррагоніи, Наварры дѣйствовали порознь. Португалія уже съ 1139 года жила самостоятельною жизнію [1]. Теперь она управлялась Альфонсомъ I, происходившимъ изъ побочной бургундской династіи. Правда, Кастилія и Аррагонія соединились на нѣкоторое время подъ скипетромъ Альфонса I, короля Аррагоніи и Наварры, который былъ женатъ на дочери Альфонса VI кастильскаго, Уракѣ и потому унаслѣдовалъ и Кастилію въ 1104 г., гдѣ считался седьмымъ этого имени. Онъ всю свою жизнь велъ борьбу съ невѣрными, за что получилъ отъ своихъ подданныхъ названіе Батальдора, то есть бойца. Онъ далъ мусульманамъ не менѣе 40 сраженій и отнялъ у нихъ Сарагоссу, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась столицею аррагонскаго королевства. Но соединеніе Кастиліи и Аррагоніи продолжалось недолго. Альфонсъ поссорился со своей женой Уракой, которая и начала съ нимъ войну, вслѣдствіе чего Альфонсъ долженъ былъ отказаться отъ Кастиліи, и такимъ образомъ соединенное королевство вновь распалось и ослабѣло. Въ Кастиліи королемъ былъ избранъ Альфонсъ VIII (1126—1157 г.), сынъ Ураки отъ перваго брака съ бургундскимъ графомъ Раймундомъ, бывшій номинальнымъ императоромъ съ 1135 года. Аррагонію же Альфонсъ I завѣщалъ передъ смертію орденамъ тампліеровъ и іоаннитовъ; онъ предполагалъ свои провинціи подчинить военно-іерархической аристократіи подобно тому, какъ впослѣдствіи Пруссія была предоставлена тевтонскимъ рыцарямъ. Но аррагонцы не признали подобнаго распоряженія. Они выбрали королемъ брата его Рамиро II, который уже давно былъ постриженъ въ монахи. Теперь этотъ старый монахъ вышелъ изъ своей кельи монастыря на два года, чтобы прижить дочь Петронилью, а затѣмъ опять удалиться въ монастырь. Дочь его была помолвлена за Раймунда Беренгарія IV, графа Барселоны и Каталоніи, вслѣдствіе чего Каталонія навсегда слилась съ Аррагоніей.

Подобныя же сочлененія, раздѣленія и соединенія происходили въ предѣлахъ самой Кастиліи. Вообще удѣлы были злымъ рокомъ христіанской Испаніи. Эти постоянныя перемѣщенія королей могутъ быть интересны для насъ лишь настолько, на-

[1] Scheffer, Geschichte von Portugal. См. у насъ I, 505.

сколько съ ними связана исторія борьбы съ маврами. Подробности же внутренней исторіи каждаго королевства интересны развѣ только для спеціалистовъ. Общій ходъ ея тотъ, что каждый король считалъ своею обязанностію дать каждому изъ своихъ наслѣдниковъ какой-нибудь удѣлъ и тѣмъ дробилъ безъ того уже ничтожную территорію. Такъ послѣ смерти Альфонса VIII кастильскаго старшій сынъ его Санчо III получилъ Кастилію, а младшій Фердинандъ: Леонъ, Галисію и Астурію, отчего довольно сильная территорія опять распалась. Санчо Кастильскій черезъ годъ умеръ (1158 г.) и ему наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его Альфонсъ IX (1158 — 1214 г.). Этому королю удалось совершить трудные историческіе подвиги; онъ на долгое время дѣлается главнымъ героемъ борьбы съ невѣрными.

Вслѣдствіе раздѣловъ шли непрерывные раздоры между христіанскими государями, именно въ то время какъ имъ грозило новое нашествіе непріятеля. Къ этимъ раздорамъ присоединилась внутренняя борьба между грандами, которые хотѣли, пользуясь малолѣтствомъ короля, расширить свои права; кромѣ того двѣ могущественныя фамиліи открыли борьбу за право опеки надъ королемъ. Болѣе благородныя стремленія находимъ въ рыцарскихъ духовныхъ орденахъ, которые завели у себя испанцы, по примѣру тампліеровъ и іоаннитовъ. Еще въ половинѣ XII вѣка въ Кастиліи возникли ордена Алькантары и Калатравы, въ Галисіи орденъ св. Іакова, а затѣмъ въ Португаліи орденъ рыцарей Эворы или, какъ ихъ называли, рыцарей Ависы. Эти-то рыцарскіе ордена и сдержали впослѣдствіи напоръ альмогадовъ.

Юсуфъ и Якубъ въ Севильѣ.

Мы видѣли, что къ этому времени въ Испаніи утвердилась новая мусульманская орда, приведенная въ Европу Абдельмуминомъ. Сынъ и преемникъ его, Абу-Якубъ-Юсуфъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ правителей. Покоривъ южную Испанію отъ Эбро до Картагены, Юсуфъ утвердился въ Севильѣ, которую сдѣлалъ своею столицей, украсилъ мечетями, мостами, акведуками и полезными сооруженіями. Пять лѣтъ пробылъ побѣдитель въ Севильѣ. Этотъ глава правовѣрныхъ умѣлъ сдерживать дикій фанатизмъ приведенной имъ орды. Цивилизація арабская нисколько не пострадала; великолѣпные дворцы халифовъ не только не были разрушены, но даже во многомъ улучшены. Такимъ образомъ даже выходцы изъ глубины Африки не были чужды чувства прекраснаго.

Юсуфъ долженъ былъ отлучиться въ Африку. Этимъ воспользовались христіане и португальскій король въ 1184 году напалъ на Сантаремъ. Юсуфъ быстро воротился, но подъ стѣнами города, благодаря ошибкѣ своего сына, былъ разбитъ на голову и самъ, смертельно раненый, умеръ. Вслѣдъ затѣмъ христіане взяли Сантаремъ и произвели страшное избіеніе мусульманъ. Все, что попало имъ въ руки, было перерѣзано и сожжено. Юсуфу наслѣдовалъ сынъ его Якубъ (1184 — 1199 г.). Онъ скрывалъ въ продолженіе долгаго времени смерть отца, а между тѣмъ тайкомъ истреблялъ своихъ братьевъ и всѣхъ опасныхъ соперниковъ. Черезъ пять лѣтъ онъ приготовился отмстить христіанамъ. Онъ опустошилъ Португалію, увелъ 13 тысячъ плѣнныхъ въ Африку и завоевалъ значительную часть страны. Тысячи христіанъ отправились въ неволю въ Африку. Мусульмане также не щадили своихъ враговъ. Все, что встрѣчалось имъ, погибало подъ ножомъ. Такія звѣрства не были рѣдкостью въ исторіи арабовъ. Якубъ побѣдилъ португальскаго короля и покорилъ большую часть его государства. Тогда-то тысячи французскихъ, англійскихъ и испанскихъ пилигримовъ собрались на защиту христіанскаго міра.

Битва при Аларкосѣ въ 1195 г.

Понимая, что послѣ завоеванія сосѣдней страны, та же участь можетъ угрожать и Кастиліи, Альфонсъ IX, который возмужалъ къ тому времени, рѣшился стать во главѣ собравшихся рыцарей. Онъ ворвался въ Андалузію. Якубъ собралъ противъ него громадное войско. Онъ велъ 400 тысячъ человѣкъ. Напрасно кастильскій король звалъ къ себѣ на помощь другихъ христіанскихъ владѣтелей. Никто не откликнулся на его зовъ. Альфонсъ укрѣпился на неприступной мѣстности, недалеко отъ Кордовы, на высотахъ близь Аларкоса. Королю слѣдовало выждать нападенія противника. Если-бы мусульмане аттаковали его, то они навѣрно погибли бы тысячами. Но христіане имѣли неблагоразуміе сдѣлать нападеніе первыми, и за то потерпѣли полное пораженіе въ іюлѣ 1195 г. Все кастильское войско было истреблено или взято въ плѣнъ. Только 10 тысячъ воиновъ, плотною стѣною окружившихъ своего короля, не сдавались; рыцари спасли и увлекли за собой Альфонса. Это было самое страшное пораженіе христіанъ, какое когда-либо испытывали они отъ мусульманъ съ самого водворенія послѣднихъ на полуостровѣ.

Къ счастію для Европы мусульмане не могли воспользоваться побѣдой. Якубъ былъ отвлеченъ въ Африку внутренними волненіями. Тогда Альфонсъ началъ войну противъ Наварры и Леона, короли которыхъ не оказали ему помощи противъ невѣрныхъ. Онъ такъ стѣснилъ ихъ, что даже Наварра, къ стыду христіанъ, прибѣгла подъ защиту невѣрныхъ, за что папа отлучилъ эту страну отъ Церкви. Когда Кастилія помирилась съ Леономъ, Альфонсъ IX кастильскій выдалъ свою дочь Беренгарію за леонскаго короля Альфонса IX, но папа Целестинъ III не призналъ этого брака, почему онъ былъ расторгнутъ (II, 29). Но сынъ Беренгаріи, Фердинандъ III, извѣстный подъ именемъ святого, впослѣдствіи соединилъ обѣ короны. Короля же аррагонскаго Педро II, Иннокентій III заставилъ признать свою власть (II, 30) и затѣмъ уже какъ вассала принудилъ дѣйствовать за одно съ кастильскимъ королемъ противъ невѣрныхъ. Якубъ умеръ на 40 году, передавъ власть и могущество Магомету Абу-Абдаллѣ (1199 — 1213 г.). Со смертію Якуба началъ падать арабскій халифатъ въ Испаніи. Начиная съ XIII столѣтія, христіанское оружіе получаетъ рѣшительный перевѣсъ. Это объясняется тѣмъ, что между единовѣрными народами Испаніи теперь стало больше единства. Горькій опытъ научилъ королей пиринейскихъ. Они руководились теперь одной общей идеей, — идеей священной борьбы. Дѣло борьбы съ мусульманами беретъ въ свои руки Церковь. Она проповѣдуетъ крестовую войну и въ Испанію стремятся тысячи рыцарей крестоносцевъ. Сюда идетъ всякій, кто желаетъ сражаться, кто хочетъ служить Церкви. Альфонсъ IX кастильскій опять становится во главѣ лиги. Въ виду его приготовленій, мусульмане также принимаютъ воинственное положеніе. Тогда-то Иннокентій III провозгласилъ крестовый походъ, для котораго изъ многихъ странъ были посланы въ Испанію огромныя суммы денегъ и явилось около 100 тысячъ войска, въ томъ числѣ 10 тысячъ всадниковъ. Такъ какъ провозглашенный передъ тѣмъ походъ въ Палестину не удался, то всѣ побуждаемые крестовымъ движеніемъ направились теперь на Пиринейскій полуостровъ. Всего собралось болѣе 100 тысячъ воиновъ.

Битва при Толозѣ въ 1212 г.

Уже въ самомъ началѣ похода большая часть воиновъ оставила кастильскаго короля, но пиринейское рыцарство, поддерживаемое аррагонскимъ королемъ Педро II и Санчо I пор-

тугальскимъ, бодро выступило на встрѣчу врагамъ. Рѣшительное сраженіе произошло 16 іюля 1212 года на равнинѣ близъ Толозы, между Гвадіаной и Гвадалквиромъ въ дефиле Сіерры Морены. Христіане одержали полную побѣду надъ маврами, и владычество могадовъ окончательно пало. Это было великое торжество христіанъ, глубоко важное по своимъ послѣдствіямъ. Ожесточеніе было такъ велико, что христіанскій король велѣлъ убивать всѣхъ мусульманъ и никого не брать въ плѣнъ. Эта побѣда положила начало объединенію христіанскихъ государствъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. На поляхъ Толозскихъ было поколеблено арабское владычество. Здѣсь легло до 200 тысячъ мусульманъ и только 25 человѣкъ христіанъ, какъ сообщаетъ Родриго, архіепископъ Толозы; другой свидѣтель, епископъ Нарбонны, увеличиваетъ это число еще на 30. Скорѣе здѣсь подъ единицами слѣдуетъ разумѣть тысячи. Какъ бы то ни было, пораженіе арабовъ было страшное; владычеству ихъ грозила неминуемая гибель. Магометъ спасся и укрылся въ Севильѣ, потерявъ всю армію. Трудно было найти болѣе выгодный моментъ для христіанъ, но они не умѣли воспользоваться этимъ случаемъ и тогда же окончательно погубить мусульманское могущество. Между христіанскими королями открылись междуусобія. Съ другой стороны и мусульманскій міръ раздирался неменьшими несогласіями. Сынъ Магомета Эль-Нафа не оставилъ наслѣдниковъ, и въ Африкѣ начались страшные безпорядки и кровопролитные споры за престолъ, пока власть не перешла къ Аламануну. Но испанскіе намѣстники отказались ему повиноваться. Халифатъ въ Испаніи распался на три самостоятельныя части. Изъ нихъ сильнѣйшей была территорія, состоявшая изъ Мурсіи и Андалузіи, гдѣ управлялъ Магометъ бенъ-Юсуфъ.

Фердинандъ III, король Кастиліи (1230-52 г.).

Въ 1214 году умеръ Альфонсъ IX кастильскій, передавъ престолъ своему малолѣтнему сыну Генриху (1214—1217 г.). Послѣ Генриха воцарилась Беренгарія, разведенная жена Альфонса IX Леонскаго. Но она скоро отказалась отъ короны въ пользу своего сына Фердинанда, который въ это время уже былъ королемъ Леона. Такимъ образомъ въ 1230 году Фердинандъ, подъ именемъ Третьяго, воцарился въ Кастиліи и въ Леонѣ. При немъ было постановлено, что Леонъ и Кастилія не будутъ болѣе раздѣляться и корона не будетъ переходить въ женскую линію, развѣ только при недо-

статкѣ прямыхъ наслѣдниковъ. Фердинандъ III всю жизнь свою посвятилъ на борьбу съ невѣрными. Онъ былъ истиннымъ типомъ дѣятеля первой половины XIII вѣка, когда католическій идеалъ достигъ своего высшаго роста. Онъ посвятилъ себя на борьбу съ невѣрными, относясь къ этому дѣлу со всѣмъ энтузіазмомъ, къ которому былъ способенъ. Но онъ съ одинаковою ревностью боролся и съ безвредными евреями, къ которымъ былъ безпощаденъ; онъ неутомимо принялся за осуществленіе своего великаго замысла очистить Испанію отъ мавровъ, или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ власть Гренадскими горами. Рѣшительное пораженіе онъ нанесъ мусульманамъ при Хересъ де-ла-Фронтера (въ 1233 году). Побѣда христіанъ была блистательная. Историки-поэты украсили эту битву всѣми цвѣтами фантазіи: по словамъ ихъ, самъ апостолъ Іаковъ, на бѣломъ конѣ, принималъ участіе въ этой битвѣ; побѣда стоила христіанамъ только одного человѣка, тогда какъ со стороны мусульманъ пало до 100 тысячъ. Теперь впервые христіанскія знамена показались въ Кордовѣ и Севильѣ. Фердинандъ взялъ послѣднюю, послѣ 15-мѣсячной осады, предоставивъ удалиться 300 тысячамъ мусульманъ изъ столицы эмира. Мусульмане держались только въ Гренадѣ въ углу Андалузіи. Фердинандъ велъ потомъ до самой смерти войны съ невѣрными, одерживая надъ ними побѣды. Этотъ государь слѣдовалъ жестокой политикѣ въ покоренныхъ странахъ по отношенію къ иновѣрцамъ. Онъ преслѣдовалъ, жегъ, мучилъ и изгонялъ всѣхъ мавровъ и евреевъ. Благодарная Церковь превознесла его до небесъ и сдѣлала Фердинанда святымъ, удовлетворяя голосу народа, но страна, конечно, не могла благодарить за то, что промышленные люди изгонялись только потому, что не исповѣдывали христіанской вѣры. Иновѣрное населеніе покинуло страну и удалилось въ оставшуюся за магометанами Гренаду, доставивъ ей этимъ избытокъ рукъ, тогда какъ христіанская часть страны обращалась въ пустыню.

Іаковъ I Завоеватель, король Аррагоніи (1213-76 г.).

Такія-же услуги христіанскому дѣлу и ту же энергію оказывалъ современникъ Фердинанда святого, король Аррагоніи и Каталоніи, правнукъ Раймонда-Беренгарія, Іаковъ I Завоеватель (Don Jayme el Conquistador). Въ свое шестидесятилѣтнее царствованіе онъ велъ безпрерывную борьбу съ невѣрными. Но въ покоренныхъ земляхъ Іаковъ дѣйствовалъ со-

всѣмъ не такъ, какъ Фердинандъ. Онъ преслѣдовалъ не однѣ религіозныя цѣли, но также промышленныя и экономическія. Онъ не истреблялъ иновѣрцевъ и еретиковъ, а напротивъ старался населять города промышленными и трудолюбивыми людьми. Прежде всего Іаковъ завладѣлъ густо населенными Балеарскими островами. Завоеваніе этихъ островов было особенно полезно для аррагонцевъ, такъ какъ ихъ значительная торговля сильно страдала отъ магометанскихъ пиратовъ, которые здѣсь имѣли притоны и склады. Затѣмъ онъ отнялъ у мавровъ Валенсію, хотя и послѣ долгой и сопряженной съ большими потерями осады. Вообще Іаковъ Завоеватель одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей XIII столѣтія. Его взглядъ болѣе широкъ, чѣмъ у многихъ его современниковъ. Это человѣкъ не первой, а второй половины XIII столѣтія, когда проявился скептицизмъ, когда цѣли утилитарныя, экономическія и промышленныя начинаютъ, хотя и робко, преобладать надъ религіозными интересами. Его аррагонскій хрониверъ Раймондъ Мунтанеръ, хотя сравнительно и глубокій и основательный наблюдатель, не понялъ его. Онъ видѣлъ въ немъ средневѣковаго рыцаря, борца за христіанскую идею, героя борьбы съ маврами ([1]). Въ этомъ смыслѣ онъ и воспроизвелъ характеръ короля. Передъ нами Іаковъ весь на лицо; онъ храбръ, суевѣренъ, хитеръ, благочестивъ. А между тѣмъ этотъ благочестивый король въ 1246 году былъ отлученъ папою за то, что приказалъ отрѣзать языкъ епископу жиронскому Беренгарію, который позволилъ себѣ бранить его. Когда на Ліонскомъ соборѣ 1274 года онъ, несмотря на рѣшительныя настоянія первосвященника, отказался вносить въ папскую казну обычную дань, которую обѣщалъ платить его отецъ король донъ-Педро II, то папа, отказавшись короновать его, снова подвергнулъ его отлученію. Правда, такое отношеніе къ папству не мѣшало осуществленію программы Іакова, раз-

---

([1]) Оригинальныя изданія рѣдки—1558, Val. и др. Хроника его издана въ нѣмецкомъ переводѣ (Bibl. des literarischen Vereins) въ Штутгартѣ. Онъ собиралъ разсказы объ Іаковѣ, какъ участникъ событій, и передалъ ихъ въ первоначальномъ, сказочномъ видѣ. См. Очеркъ Средн. исторіографіи, стр. 111. У Мунтанера много матеріала для исторіи Прованса, ибо судьба провансальцевъ была долго связана съ исторіей Аррагоніи. Провансальскіе владѣтели до подчиненія Лангедока французской коронѣ, приносили присягу королямъ Аррагоніи.

считывавшаго исподоволь прогнать мусульманъ съ полуострова. Въ 1238 году въ сентябрѣ король взялъ Валенсію, въ 1266 году завоевалъ Мурсію, которую предоставилъ королю кастильскому. Онъ обѣщалъ участвовать въ крестовой экспедиціи въ 1248 году, но первая буря, отбросившая испанскихъ крестоносцевъ къ берегамъ южной Франціи, заставила Іакова отказаться отъ дальнѣйшихъ путешествій. Онъ понялъ, что можно быть вѣрнымъ католикомъ, не бывши крестоносцемъ. Ему наслѣдовалъ его сынъ, Педро III (1276—85 г.) въ сильной и уже могущественной Аррагоніи.

Альфонсъ X, король Кастиліи (1252-84 г.). «Fueros».

Въ этомъ прошла вторая половина его царствованія. Тогда корону Кастиліи носилъ Альфонсъ X, сынъ и преемникъ Фердинанда святого. При немъ историческія условія Кастиліи совершенно измѣняются. Кастилія входитъ въ кругъ европейской политики. Происходя по женской линіи отъ гогенштауфеновъ, Альфонсъ X предъявилъ свои права на императорскую корону и долго носилъ ее, конечно номинально. Гораздо важнѣе его внутреннія дѣла. Его ученость, поэтическій талантъ и труды по части астрономіи, исторіи и философіи заслужили ему прозваніе „Мудраго“. Ученая дѣятельность и старанія усовершенствовать законодательство и народный языкъ составляютъ главную заслугу этого государя. Онъ первый приказалъ писать законодательные и оффиціальные документы на народномъ языкѣ, сдѣлавъ первый испанскій переводъ библіи. Онъ устроилъ обширныя обсерваторіи и старался уравнять первый кастильскій университетъ, переведенный отцомъ его изъ Валенсіи въ Саламанку, съ двумя главными европейскими университетами,—парижскимъ и болонскимъ. Но ученыя и поэтическія занятія не помѣшали Альфонсу рѣзать своихъ братьевъ и всячески притѣснять подданныхъ. Вообще въ немъ еще смѣсь типа средневѣковаго государя съ дѣятелемъ новаго времени. Въ его внутренней дѣятельности нельзя не видѣть политическаго духа новой исторіи. Онъ безпощадно попиралъ все, что оставалось отъ среднихъ вѣковъ, но попирая дурное, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ много хорошаго. Своимъ законодательствомъ стремился къ попранію гражданскихъ правъ кастильцевъ и свободы совѣсти. Въ Кастиліи каждый округъ и каждый городъ имѣлъ свои собственные fueros (отъ латинскаго слова forum — площадь), то есть законы и судопроизводство.

Альфонсъ совершенно уничтожилъ это обычное право своимъ писанымъ законодательствомъ. Только три города сохранили собственные fueros; въ остальныхъ же Альфонсъ безусловно воспретилъ обычное право. Правда, этимъ онъ шелъ дальше своего вѣка. Онъ проводилъ одну идею, — идею необходимости римскаго права и успѣлъ ввести нивелирующія юридическія римскія начала во всемъ королевствѣ.

Вообще въ концѣ XIII столѣтія на Пиринейскомъ полуостровѣ, среди христіанскихъ государствъ, складываются начала правильной государственной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается идея единства. Первое видно въ законодательной дѣятельности (Las siete partidas) Альфонса X Кастильскаго, въ конституціонномъ строѣ Аррагоніи; второе въ общности интересовъ, сосредоточенныхъ на уничтоженіи иновѣрнаго владычества Этотъ государь находилъ время и для ученыхъ занятій; онъ составилъ цѣнныя астрономическія таблицы и изобразилъ намъ свою эпоху въ хроникѣ (Cronica general de España), не отличающейся, впрочемъ, литературными достоинствами. Здѣсь изложены тѣ обстоятельства, которыя скоро побудили къ реформамъ въ законодательствѣ. Его попытки въ такомъ родѣ были общимъ стремленіемъ тогдашнихъ европейскихъ народовъ. Но тутъ-же рядомъ является противоположное направленіе въ Аррагоніи.

Кастилія стремилась къ уничтоженію мѣстныхъ особенностей; Аррагонія же развивала эти особенности съ такимъ успѣхомъ, что онѣ могли служить для упроченія въ будущемъ конституціи. Здѣсь преемникомъ Іакова I Завоевателя былъ молодой сынъ его донъ Педро III. Онъ послѣ „Сицилійскихъ вечеренъ“ въ 1282 г. поддержалъ возставшихъ, такъ какъ былъ женатъ на дочери покойнаго Манфреда, Констанціи, внучкѣ императора Фридриха II. Провозглашенный сицилійцами королемъ, онъ при общемъ энтузіазмѣ высадился на островѣ и вступилъ въ борьбу съ Карломъ I неаполитанскимъ и съ Римомъ, который стоялъ за французовъ. Мартинъ IV передалъ аррагонскую корону брату французскаго короля Филиппа IV Красиваго, Карлу де-Валуа. Этимъ онъ вызвалъ горожанъ и рыцарей на защиту національныхъ интересовъ и побудилъ составить унію въ виду французскаго нашествія. Изъ нея-то, можетъ быть вопреки желанію аррагонскаго короля, и вышла аррагонская конституція. Унія за поддержку правитель-

Педро III, король Аррагоніи (1276-85 г.). Хустисія.

ства потребовала для себя политическихъ гарантій. Король готовъ былъ тогда на всѣ уступки. Къ сожалѣнію, унія представляя собою силу, уравновѣшивавшую могущество короля, грозила превратить конституціонную монархію аррагонцевъ въ феодальную олигархію. По смерти Педро III гранды уже предписали его преемнику Альфонсу III (1285—1291 г.) условія, очень выгодныя для бароновъ, на которыхъ они соглашались признать его королемъ. Они даже вступили потомъ въ переговоры съ внѣшними врагами и на сеймѣ въ Сарагоссѣ въ 1287 году настояли на политическихъ гарантіяхъ для членовъ уніи, нисколько не интересуясь остальными сословіями. Они вынудили у короля двѣ новыя привилегіи, которыми унія окончательно была признана чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, съ лишеніемъ короля значительной доли его власти. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ членовъ уніи не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, тѣлесному наказанію или лишенію жизни безъ согласія такъ называемаго „хустисіи", верховнаго судьи, который имѣлъ разбирать въ Аррагоніи всѣ недоразумѣнія между королемъ и сословіями. Такой верховный судья избирался сначала только изъ аристократіи; впослѣдствіи же хустисіи встрѣчаются изъ лицъ городскаго сословія.

Обладая значительной долей власти въ государствѣ, хустисія представлялъ собой самыя существенныя преграды противъ произвола королей. Въ случаѣ неисполненія королемъ принятыхъ обязательствъ члены уніи заранѣе разрѣшались отъ присяги ему въ вѣрности и имѣли право избирать новаго короля. Такимъ образомъ хустисія становится истиннымъ повелителемъ Аррагоніи, раздавателемъ должностей и блюстителемъ народныхъ интересовъ. Для гарантіи правъ уніи было предоставлено 16 замковъ, куда унія назначала своихъ комендантовъ, присягнувшихъ не королю, а ей. Другая прерогатива состояла въ томъ, что совѣтъ короля, то есть его министры, былъ назначаемъ аррагонскими сословіями, которыя король обязанъ созывать разъ въ годъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Эти министры должны были присягать сословіямъ, а не королю. При такомъ рѣшительномъ ограниченіи королевской власти бароны принадлежавшіе къ уніи, понятно, пріобрѣли перевѣсъ надъ остальными, а это возбудило неудовольствіе и сопротивленіе даже въ самихъ рыцаряхъ предпочитавшихъ власть одного короля власти олигархическаго кружка, уніи. Но, не смотря на то, Аррагонія, пользуясь тѣмъ, что король терпѣлъ пораженія и со стороны Франціи, и со стороны

папы, и отъ неаполитанцевъ, наслаждалась политической свободой, которая вскорѣ привилась вообще ко всей Испаніи.

Когда на аррагонскій престолъ вступилъ Альфонсъ III, то онъ отказался принять прежнія условія, обременительныя для королевской власти. Тогда ґранды взялись за оружіе и борьба продолжалась до самой смерти его (въ 1291 г.). Кортесы избрали въ преемники ему его старшаго брата, бывшаго сицилійскаго короля Іакова II, который долженъ былъ возвратить Сицилію снова королю неаполитанскому, примирился съ папою и анжуйскимъ домомъ. Іаковъ пересталъ поддерживать кастильскихъ выходцевъ, принцевъ де-ла-Серда, искателей кастильскаго престола, которые мутили и Кастилію и Аррагонію одинаково. Онъ правилъ до 1327 года.

Преемники Альфонса X въ Кастиліи.

Альфонсъ X король кастильскій имѣлъ двухъ сыновей: Фердинанда де-ла-Серда и Санчо; старшій умеръ при жизни отца, оставивъ двухъ сыновей Альфонса и Фердинанда. Являлся вопросъ, къ кому долженъ перейти престолъ: старшему въ родѣ — дядѣ, или старшему въ линіи, его племяннику, — по праву старшинства, или по праву первенства. Такъ какъ по обычаю, въ случаѣ смерти старшаго сына короля прежде отца, ближайшими наслѣдниками престола становились не дѣти умершаго, а слѣдующій за нимъ братъ, то и на этотъ разъ старшій въ родѣ, опираясь на обычай, вступилъ на кастильскій престолъ подъ именемъ Санчо IV, а принцы де-ла-Серда лишились короны. Но вдова Фердинанда, Бланка, дочь французскаго короля Луи святаго, протестовала и подняла вопросъ о незаконности избранія Санчо. Ея притязанія были поддерживаемы французскимъ королевскимъ домомъ, но перевѣсъ все же остался на сторонѣ Санчо, котораго поддержали кортесы и аррагонскій король Педро III. Послѣдній даже задержалъ у себя принцевъ де-ла-Серда, которые и были отпущены изъ Аррагоніи только при Іаковѣ II. По смерти Санчо IV въ 1295 г., безпорядки въ Кастиліи еще болѣе усилились, такъ какъ сынъ его Фердинандъ IV былъ еще ребенокъ. Претендентами на престолъ явились братъ покойнаго короля донъ Хуанъ и принцы де-ла-Серда. Папа также содѣйствовалъ безпорядкамъ въ Кастиліи, продолжая считать незаконнымъ бракъ покойнаго короля и только чрезъ шесть лѣтъ по смерти Санчо согласился признать новаго короля на кастильскомъ престолѣ.

Марія де-Молина.

Кастиліей въ это время управляла даровитая женщина, Марія де-Молина, мать малолѣтняго короля. Казалось, что подъ вліяніемъ обстоятельствъ, кастильскій престолъ долженъ былъ погибнуть, но регентша вышла побѣдительницей изъ неравной борьбы. Она оказалась способнѣе, энергичнѣе и проницательнѣе всѣхъ своихъ враговъ. Противъ нея составился союзъ изъ донъ - Хуана, Альфонса де-ла Серда и короля Аррагоніи; къ этому союзу примкнули также нѣкоторые могущественные феодалы и мусульманскій владѣтель Гренады. Но Марія нашла поддержку въ португальскомъ королѣ Діонисіѣ, который энергично принялъ сторону молодаго короля за уступку пограничныхъ земель и за двойной брачный союзъ съ кастильскимъ домомъ. Его дочь была помолвлена съ Фердинандомъ IV, а старшій сынъ его съ сестрою короля. Въ самой Кастиліи народъ былъ за регентшу, потому что она отмѣнила тяжелый налогъ на хлѣбъ. Сторонниковъ же принца де-ла Серда она сумѣла переманить на свою сторону, обѣщая имъ разныя преимущества; легко также можно было разстроить мусульманъ. Только аррагонскій король Іаковъ, подкупленный Франціей, остался вѣренъ принцамъ де-ла-Серда; но для военныхъ издержекъ ему пришлось установить у себя чрезвычайные налоги, что возбудило противъ него аристократію, которая заключила союзъ съ Маріей де-Молина и принудила Іакова примириться съ нею. Вмѣсто благодарности Фердинандъ, по достиженіи совершеннолѣтія, удалилъ мать отъ правленія, подстрекаемый къ этому дядей своимъ донъ-Хуаномъ. Съ соперниками же своими онъ заключилъ сдѣлку, хотя невыгодную для него. Участіе въ этомъ принялъ португальскій король Діонисій, который вмѣстѣ съ донъ Хуаномъ и сарагосскимъ архіепископомъ былъ третейскимъ судьей въ спорномъ дѣлѣ. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько городовъ въ Мурсіи было уступлено Іакову II, а принцамъ де-ла-Серда дали денегъ и лены. Но Альфонсъ продолжалъ спорить, не желая принять лены подъ условіемъ отказа отъ королевскаго титула, который онъ уже успѣлъ присвоить. Онъ удалился во Францію еще до обнародованія договора и только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ старшій сынъ его, родоначальникъ герцогскаго дома Медина Сидонія, подчинился условіямъ договора. Уладивъ это дѣло, Фердинандъ вмѣстѣ съ Іаковомъ аррагонскимъ вовобновилъ борьбу съ невѣрными (въ іюлѣ 1309 года), начало которой было весьма удачно.

Въ этой борьбѣ погибъ самъ Фердинандъ IV въ 1312 году жертвою ненависти. Его нашли мертвымъ въ постели. Но таково было отвращеніе къ этому человѣку, что смерть его приписали ничему иному, какъ мести, или по крайней мѣрѣ связали ее сверхъестественнымъ образомъ съ только что совершеннымъ имъ убійствомъ. Арабскіе лѣтописцы прямо говорятъ, что онъ былъ умерщвленъ, но испанскіе сообщаютъ, что двое братьевъ, которыхъ король не за долго до своей кончины казнилъ безъ всякаго суда, передъ смертью призвали его на судъ Божій и что онъ внезапно умеръ въ тотъ самый день, какой они назначили.

Послѣ Фердинанда кастильскій престолъ долженъ былъ занять малолѣтній сынъ его, Альфонсъ XI (1312—1350 г.), а такъ какъ Фердинандъ не оставилъ распоряженій относительно регентства, то смерть его подала поводъ къ жаркимъ спорамъ. Та же Марія де-Молина, которая опекала сына, была опекуншею и внука. Но дяди малолѣтняго короля донъ Педро и донъ Хуанъ ссорились изъ-за власти и каждый изъ нихъ хотѣлъ овладѣть ребенкомъ. Въ Кастиліи, казалось, исчезъ всякій порядокъ; правительства не существовало; донъ Хуанъ воевалъ съ донъ-Педро, поддерживаемые каждый своею партіею; сословія и многіе города сохраняли авторитетъ и управлялись пока сами собою; государственные доходы попадали то въ тѣ, то въ другія руки и, такъ какъ кортесы рѣдко утверждали новые налоги, то правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ. Потому города, корпораціи и частныя лица богатѣли, дѣлались самостоятельными и въ своей свободѣ доходили до распущенности. Чтобы сколько нибудь возстановить порядокъ, было наконецъ рѣшено раздѣлить регентство между обоими инфантами такъ, чтобы каждый изъ нихъ правилъ въ той части страны, гдѣ имѣлъ болѣе приверженцевъ.

Битва на Хенилѣ въ 1319 г.

Такимъ образомъ явилось два регентства и два правительства: одно на сѣверѣ, другое на югѣ, одно на западѣ, другое на востокѣ. Конечно при такомъ разстройствѣ дѣлъ Кастилія не могла слѣдить за мусульманами и терпѣла отъ нихъ постоянныя пораженія. Особенно сильное пораженіе потерпѣли кастильцы отъ Измаила въ битвѣ на рѣкѣ Хенилѣ. Здѣсь оба регента, родственники короля, были разбиты и убиты. Первымъ слѣдствіемъ этого пораженія были набѣги африканцевъ, помогавшихъ Измаилу стѣснить пограничныя кастильскія владѣнія, вслѣдствіе чего христіане потеряли нѣсколько

областей; вторымъ и самымъ пагубнымъ—возстановленіе спора за регентства. Теперь уже явилось четыре регента; на этотъ разъ кортесы, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей анархіи, рѣшились объявить Альфонса совершеннолѣтнимъ и онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Альфонса XI въ 1324 году, имѣя только пятнадцать лѣтъ отъ роду.

Альфонсъ XI въ первые же дни пожертвовалъ ненависти народа однимъ изъ своихъ министровъ Хуаномъ Мануелемъ, на дочери котораго Констанціи хотѣлъ жениться. Онъ велѣлъ умертвить его во время пира и взявъ все его состояніе себѣ, отказался отъ невѣсты. Затѣмъ онъ женился на дочери португальскаго короля Альфонса IV, что впрочемъ не помѣшало ему обзавестись любовницей Элеонорой де-Гусманъ, отъ которой онъ имѣлъ восьмерыхъ дѣтей. Жена оказалась въ заточеніи, а также и законныя дѣти. Альфонсъ XI вообще былъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей: для него всѣ средства были хороши, если были полезны. Его открытая связь съ Элеонорой, оскорбленія, наносимыя женѣ, вызвали враждебныя отношенія къ нему португальскаго короля. Не смотря однако на то, что королева терпѣла публичныя оскорбленія отъ фаворитки,—которая отняла у ея сына и предоставленныя ему земли и города, стараясь устранить его отъ престолонаслѣдія въ пользу своихъ родныхъ дѣтей,—она была настолько великодушна, что когда мавры напали на Кастилію, уговорила отца помириться съ мужемъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ непріятелей. Альфонсъ обѣщалъ удалить фаворитку и возвратить королевѣ всѣ ея права, чего, конечно, избавившись отъ опасности, не сдѣлалъ. Христіанамъ между тѣмъ грозила опасность; многочисленное войско мусульманъ приступило къ осадѣ Тарифы.

Битва на Rio Salado въ 1340 г.

Тогда три христіанскіе государя: кастильскій, аррагонскій и португальскій соединились и дали маврамъ рѣшительное сраженіе въ 1340 году на Соленой рѣкѣ (Rio Salado), въ которомъ одержали полную побѣду надъ невѣрными. Испанскіе лѣтописцы увѣряютъ, что въ этой битвѣ пало 200 тысячъ мусульманъ и всего 25 человѣкъ христіанъ, чему можетъ повѣрить только гасконецъ, тогдашній испанскій монахъ, или невѣжественный хронографъ; подъ сотнями тысячъ мусульманъ, надо разумѣть только десятки тысячъ, подъ единицами же христіанъ—сотни. Побѣдителямъ досталась богатѣйшая добыча, состоявшая въ драгоцѣнностяхъ, оружіи и разной утвари; ее

раздѣлили между собою кастильскій и аррагонскій короли, потому что португальскій король отказался отъ своей доли, удовольствовавшись одной славой. Затѣмъ послали подарки папѣ. Тогда въ Авиньонѣ брали за всякое предпріятіе, если только давали. Португальцы и аррагонцы тотчасъ послѣ битвы вернулись домой, но Альфонсъ XI продолжалъ бороться съ наемными войсками и одержалъ еще нѣсколько морскихъ побѣдъ надъ маврами. Но это стоило большихъ средствъ народу, обложенному громадными налогами. Подражая маврамъ, Альфонсъ ввелъ пятипроцентную пошлину на товары; эта пошлина называлась алькавала, что уже показываетъ заимствованіе ея отъ мавровъ. Хотя она была установлена единственно для войны съ послѣдними, но осталась навсегда, во многомъ повредивъ торговлѣ. Наконецъ, вытѣсняя мало по малу мусульманъ изъ ихъ владѣній, Альфонсъ XI осадилъ Гибралтаръ, ворота Испаніи, и довелъ уже этотъ городъ до послѣдней крайности, когда въ 1350 году умеръ отъ чумы. Но паденіе арабскаго владычества осталось только вопросомъ времени.—Теперь перенесемся въ мусульманскую половину Испаніи.

Арабская цивилизація.

Исторія пиринейскаго халифата въ средніе вѣка представляетъ вообще драматическій интересъ, хотя не обнимающій особенно широкую сферу. Предъ нами театральная оживленная сцена съ перемѣнчивыми страстями, пестротою, эффектами, неожиданными потрясеніями, блестящими декораціями южной природы, дворцами халифовъ, роскошными городами, обставленными всѣми удобствами жизни (1). Халифы Кордовы отличались покровительствомъ наукѣ и представляли примѣръ утонченности жизни, проявлявшей рѣзкій контрастъ рядомъ съ положеніемъ европейскихъ государей. Говорятъ, что при эмирахъ Кордова хвалилась болѣе чѣмъ двумя стами тысячъ домовъ. Улицы Кордовы были отлично освѣщены и вымощены. Ей не уступали и другіе мусульманскіе города. Но эта жизнь, не смотря на весь культурный блескъ, имѣетъ значеніе условное. Для всеобщей исторіи роскошно

(1) Пособіями служатъ новые труды по исторіи мусульманскаго Востока: Кремера, Брауна и для Испаніи Шака. Срв. Le-Bon, La civil. des Arabes и Надлеръ, Культура арабовъ и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ (Х. 1867).—Girauld de Prangey, Essai sur l'architecture des Arabes en Espagne et en Sicile. Bourgeois, Les arts arabes и пр.

развившаяся мусульманская цивилизація важна уже тѣмъ, что послужила предметомъ подражанія для христіанъ по сю сторону Пиринеевъ. Христіанскіе же государи полуострова не усвоили себѣ почти ничего изъ арабской культуры. Они были съ невѣрными въ постоянной борьбѣ, но это была столько-же борьба за идею, сколько за территорію. Христіанскіе короли отнимали у мусульманъ то, что издревле считали своимъ наслѣдіемъ. Часто вражда между мусульманами и христіанами была слабѣе, чѣмъ между христіанскими королями. Отъ этого происходило такого рода явленіе, что христіанскіе короли часто заключали союзы съ мусульманскими халифами. Самое рыцарство по мнѣнію иныхъ ученыхъ заимствовано отъ арабовъ. Удобства, комфортъ, роскошь внѣшняго быта во всякомъ случаѣ получили начало у арабовъ. Въ XII вѣкѣ мусульмане пользовались тѣми удобствами, которыя были перенесены въ Западную Европу лишь 400 лѣтъ спустя. Кордова, Гренада, Севилья, Толедо были самыми удобными и роскошными городами въ цѣломъ свѣтѣ. Дворцы халифовъ были великолѣпно украшены. „Мусульманскіе повелители могли съ надменнымъ презрѣніемъ смотрѣть на жилища властителей Франціи, Англіи и Германіи, которые не имѣли никакого понятія объ удобствахъ. Испанскіе магометане принесли съ собой всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ дворцы или стройно высились къ голубому небу, или таились въ глубинѣ рощъ. Мраморные полированные балконы этихъ дворцовъ висѣли надъ померанцевыми садами; на дворахъ били каскады воды; тѣнистыя убѣжища манили къ дремотѣ въ жаркіе дни; внутреннія залы со сводами и разрисованными стеклами украшены были золотомъ; полъ и стѣны ихъ представляли собою великолѣпную мозаику. Здѣсь били серебряные фонтаны, которые выбрасывали сверкающія брызги воды, при чемъ блестящія капли падали съ тихимъ звукомъ, подобнымъ звуку маленькихъ колокольчиковъ; тамъ—комнаты, въ которыхъ лѣтомъ прохладный вѣтерокъ вѣялъ изъ цвѣтниковъ чрезъ вентилирующія башенки, которыя зимою нагрѣвались глиняными трубами, заложенными въ стѣнкахъ, такъ что комнаты наполнялись воздухомъ нагрѣтымъ снизу и надушеннымъ въ этихъ тайныхъ проходахъ. Стѣны не покрывались панелями, но украшались арабесками и живописью, которая изображала различныя сельскія сцены и райскіе виды. Подъ потолками, вокругъ которыхъ шли чеканные, золотые кар-

низы, висѣли большія люстры, изъ которыхъ одна была, говорятъ, такъ велика, что въ ней помѣщалось болѣе тысячи лампъ. Группы тоненькихъ нѣжныхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживали тяжесть гигантскаго дворца. Мебель была изъ сандальнаго и лимоннаго дерева, выложеннаго перламутромъ, слоновой костью, серебромъ или украшеннаго рельефами изъ золота, лапись-лазури и малахита. Вазы изъ горнаго хрусталя и цвѣтнаго мрамора, превосходные мозаичные столы разставлены были въ изящномъ безпорядкѣ. Зимнія комнаты обиты были богатыми обоями; полы устилались вышитыми персидскими коврами. Подушки и диваны разставлялись кругомъ залъ, накуренныхъ ладономъ". Таковъ былъ дворецъ Абдеррахмана III, гдѣ онъ принималъ свою любимую султаншу. Это зданіе имѣло 1200 колоннъ изъ греческаго, итальянскаго, испанскаго и африканскаго мрамора. Зала для аудіенцій была украшена золотомъ и жемчугомъ. По длиннымъ корридорамъ сераля этого дворца тихо скользили черные евнухи. Число всѣхъ служителей было болѣе 6300 человѣкъ. Собственная стража халифа состояла изъ 12000 человѣкъ всадниковъ, сабли и перевязи которыхъ блестѣли золотомъ. Этотъ самый Абдеррахманъ, который послѣ славнаго пятидесятилѣтняго царствованія, вздумавъ сосчитать свои счастливые дни, могъ насчитать только 14 дней—„О человѣкъ, воскликнулъ съ горечью халифъ, не вѣрь этому міру!"

Арабскій архитекторъ, намѣренно скрывая отъ глазъ все живое, хотѣлъ сосредоточить вниманіе только на своемъ творчествѣ; изображеніе человѣческихъ формъ запрещалось религіей, и потому воображеніе, лишенное этого матеріала для украшенія, изобрѣло причудливыя арабески; строитель пользовался всякимъ случаемъ замѣнить запрещенныя созданія искусства всевозможными украшеніями и рѣдкостями садовъ. Поэтому у арабовъ никогда не было художниковъ; религія отвращала ихъ отъ красоты и дѣлала изъ нихъ солдатъ, философовъ и дѣловыхъ людей. За то сарацинамъ мы много обязаны въ нашемъ домашнемъ комфортѣ. Пріученные къ опрятности правилами своей религіи, они не могли, по обычаю европейскихъ туземцевъ, носить платье, не перемѣняя до тѣхъ поръ, пока оно не развалилось вполнѣ, накопивъ гнусную массу насѣкомыхъ, грязи и вони. Ни одинъ арабъ говоритъ историкъ культуры, который былъ-бы государственнымъ лицомъ или министромъ своего государя, не пред-

ставилъ бы послѣ смерти такого зрѣлища, какъ трупъ Томаса Бекета, когда съ него сняли его власяную рубашку: какъ извѣстно, прелатъ заживо былъ почти заѣденъ червями.

Покровительство халифовъ образованію.

Также благодѣтельно было вліяніе арабовъ на духовную дѣятельность Европы. Библіотеки были необходимой принадлежностью дворцовъ халифовъ. Библіотека халифовъ Кордовы была такъ обширна, что одинъ ея каталогъ состоялъ изъ сорока томовъ. Въ этомъ дворцѣ были особыя комнаты для переписыванія, переплета и украшенія рукописей. Вкусъ къ каллиграфіи и красиво разрисованнымъ рукописямъ у халифовъ Азіи и Испаніи предварилъ, кажется, любовь итальянцевъ къ ваянію и живописи. Испанскіе халифы, подражая примѣру своихъ азіатскихъ товарищей, радикально расходясь въ этомъ съ римскими папами, не только покровительствовали знанію, но и сами лично занимались съ усердіемъ науками. Одинъ изъ нихъ былъ авторомъ сочиненія объ изящной литературѣ, состоявшаго почти изъ пятидесяти томовъ; другой написалъ трактатъ объ алгебрѣ. Когда музыкантъ Заріабъ прибылъ съ Востока въ Испанію, халифъ Абдеррахманъ III самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Училище музыки въ Кордовѣ поддерживалось щедростью правительства; тамъ образовалось, говорятъ, много знаменитыхъ музыкантовъ, повліявшихъ на развитіе музыки на Западѣ и снабдившихъ Европу черезъ посредство крестоносцевъ лютней и гитарой, литаврами и трубами.

Арабы старательно собирали и переводили на свой языкъ греческихъ философовъ, но никогда не переводили великихъ греческихъ поэтовъ. Ихъ религіозное чувство и скромный характеръ внушали имъ отвращеніе къ эротическимъ сюжетамъ классической миѳологіи и возбуждали въ нихъ негодованіе на сопоставленіе развратнаго олимпійца Юпитера съ невидимымъ Богомъ, что казалось имъ страшнымъ богохульствомъ. Гарунъ-ар-Рашидъ удовлетворилъ своему любопытству, приказавъ перевести великую эпопею грековъ на арабскій языкъ. Не смотря на такое отвращеніе отъ прелестной, но не безукоризненной древней поэзіи, у арабовъ получили начало тенсоны, или поэтическіе диспуты, доведенные впослѣдствіи до совершенства трубадурами. Утонченное общество Кордовы гордилось изяществомъ обращенія. Домашнія веселыя развлеченія перешли отъ „невѣрныхъ“ женщинъ къ ихъ сестрамъ

по ту сторону горъ; югъ Франціи наполнился очарованіемъ женской прелести и танцами подъ звуки лютни и мандолины. Даже въ Италіи и Сициліи любовная пѣсня сдѣлалась любимой формой литературы и отъ этихъ геніальныхъ, но не ортодоксальныхъ началъ развилась новѣйшая изящная литература Европы. „Эта пріятная эпидемія охватила постепенно каждый холмъ и каждую долину, говоритъ Дреперъ. Въ монастыряхъ, голоса, посвященные безбрачію, распѣвали стансы, которые едва ли бы одобрилъ св. Іеронимъ". Степенные старцы Кордовы обращались къ верховному судьѣ съ просьбою о запрещеніи пѣсенъ испанскаго еврея Авраама-Ибнъ-Сагала, потому что въ городѣ не оставалось ни одного молодаго человѣка, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не повторяли-бы ихъ наизусть. Безнравственное направленіе этихъ пѣсенъ было общественнымъ скандаломъ. Легкая испанская веселость отражалась даже въ болѣе грубыхъ нравахъ. Этотъ веселый духъ перешелъ на сѣверъ съ нѣкоторою грубостью, такъ что немного спустя послѣ этого, въ половинѣ XIII столѣтія, оксфордскій архидіаконъ, упражняясь въ латинскихъ стихахъ, припѣвалъ: „mihi sit propositum in taberna mori", но только этимъ и проявилъ католическій прелатъ свое знакомство съ арабской поэзіею. Еще въ десятомъ вѣкѣ люди, любившіе науки и изящныя удовольствія, отправлялись изъ сосѣднихъ странъ въ Испанію; это обыкновеніе еще больше укоренилось знаменитымъ примѣромъ блестящаго успѣха Герберта, учившагося въ университетѣ невѣрныхъ въ Кордовѣ и достигшаго папскаго достоинства. Есть основаніе думать, что онъ же ознакомилъ Европу съ арабской нумераціей. Это заключаютъ изъ его письма къ императору Оттону II, въ которомъ онъ намекаетъ на нуль, замѣчая что если помѣстить этотъ знакъ послѣ другихъ цифръ, то онъ увеличитъ данное число въ десятеро. „Я пусть буду, прибавлялъ Гербертъ съ благородной скромностью, послѣдней цифрой во всѣхъ числахъ". Это было незамѣнимое благодѣяніе для процвѣтанія положительныхъ наукъ.—На состояніи послѣднихъ у арабовъ мы должны остановиться.

Успѣхи математики и астрономіи у арабовъ.

Арабы признавали, что они обязаны своими математическими познаніями двумъ источникамъ, греческому и индійскому, но они значительно усовершенствовали ихъ. Азіатскіе халифы заботились о томъ, чтобы достать переводы Эвклида,

Аполонія, Архимеда и другихъ греческихъ геометровъ. Альмоймонъ въ письмѣ къ императору Θеофилу выражаетъ желаніе посѣтить Константинополь, если-бы ему позволили. „Пусть различіе религій и странъ не помѣшаетъ вамъ согласиться на мою просьбу, говорилъ умный халифъ; сдѣлайте то, что вы сдѣлали бы для другихъ. Въ замѣнъ этого я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ“. Византіецъ сурово отказалъ въ этой просьбѣ, говоря, что ученость, прославившая римское имя, никогда не можетъ быть раздѣлена съ варваромъ. Отъ индусовъ арабы заимствовали цифры и ариθметику; они всегда называли счетъ „индійской нумераціей“, а свои сочиненія по этому предмету именовали „правилами индійской ариθметики“. Это удивительно простое счисленіе посредствомъ девяти цифръ и нуля, произвело совершенный переворотъ въ математикѣ и въ ариθметическихъ вычисленіяхъ. Арабы и на этомъ оставили свой слѣдъ: слово цифра (Ziffer и пр.) происходитъ отъ арабскаго tsaphara или ciphra, бывшаго названіемъ нуля. Могамедъ-бенъ-Муса, котораго считаютъ самымъ первымъ изъ арабскихъ математиковъ по алгебрѣ и тригонометріи, который открылъ разрѣшеніе уравненій второй степени и ввелъ синусы вмѣсто хордъ, писалъ также объ этой индійской системѣ. Онъ жилъ въ концѣ IX вѣка. Ибнъ Джунисъ, опредѣлившій Юпитера и Сатурна, открылъ маятникъ, составилъ астрономическую таблицу и пользовался ею въ своихъ астрономическихъ работахъ. Арабское слово algorithum навсегда осталось въ математикѣ. Арабы давно также отличались въ приложеніи математики къ математической географіи и къ физикѣ. Альмоймонъ съ замѣчательною точностью опредѣлилъ наклоненіе эклиптики. Онъ опредѣлилъ также величину земли посредствомъ измѣренія градуса на берегу Краснаго моря. Гипотеза, предполагавшая истинное понятіе о формѣ земли, не сходилась съ тогдашними каноническими представленіями. Въ то время, когда въ Константинополѣ и Римѣ принималось во всей его нелѣпости ученіе о плоскости земли, испанскіе мавры учились географіи въ своихъ народныхъ школахъ по глобусамъ. Гербертъ также употреблялъ въ своей Реймской школѣ глобусъ, привезенный имъ изъ Кордовы, а одинъ изъ арабскихъ географовъ сдѣлалъ серебряный глобусъ для Рожера II сицилійскаго. Изъ болѣе замѣчательныхъ задачъ, разрѣшенныхъ арабами, можно упомянуть опредѣленія астрономическаго года; точность астроно-

мическихъ наблюденій была увеличена великимъ открытіемъ атмосферическаго преломленія лучей Альгазеномъ въ началѣ XII вѣка, о заслугахъ котораго мы скажемъ особо. Нѣкоторые изъ астрономовъ составляли таблицы; другіе писали объ измѣреніи времени, объ усовершенствованіи часовъ, для которыхъ арабы въ первый разъ примѣнили маятникъ; третьи — объ инструментахъ, напр. объ астролябіи. Возникновеніе астрономіи въ христіанской Европѣ приписывалось переводу сочиненій Магомета Фаргани. Арабы первые также въ Европѣ построили обсерваторію. Въ Севильѣ, въ 1196 году, для этой цѣли была сооружена, подъ руководствомъ спеціалистовъ математиковъ, башня Джиральда. Судьба этой башни очень характеристична. Послѣ изгнанія арабовъ, она была обращена въ колокольню; испанцы не могли придумать для нея другаго примѣненія. Арабы оставили на небѣ свой умственный отпечатокъ; это признаетъ всякій, кто прочтетъ имена звѣздъ на обыкновенномъ небесномъ глобусѣ (¹).

Научныя заслуги Альгазена.

Между арабскими учеными были замѣчательные энциклопедисты, напримѣръ Альгазенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, сдѣлавшій открытія въ разныхъ научныхъ областяхъ. Его сочиненія объ оптикѣ были переводимы на латинскій языкъ. Въ противоположность древне-греческимъ теоріямъ, онъ доказалъ, что лучи свѣта идутъ отъ внѣшнихъ предметовъ къ глазу, а не наоборотъ, что главный пунктъ зрѣнія находится въ сѣтчатой оболочкѣ глаза и что отъ нея свѣтовыя впечатлѣнія передаются мозгу зрительнымъ нервомъ. Онъ же объяснилъ свѣтовыя иллюзіи. Онъ зналъ, что плотность атмосферы уменьшается съ увеличеніемъ высоты и безвоздушныя сферы считалъ на 58 миль выше земной атмосферы. Онъ выяснилъ тяжесть атмосферы въ связи съ ея плотностію, а равно соотвѣтственную разницу въ вѣсѣ тѣлъ въ разныхъ слояхъ атмосферы. Онъ опредѣлилъ довольно точно плотность различныхъ тѣлъ, хотя таблица удѣльнаго вѣса была составлена еще до него арабомъ Абуръ-Райханомъ. Онъ признавалъ силу притяженія въ земныхъ предметахъ, хотя не зналъ, поясняетъ Дрэперъ, что она дѣйствуетъ и по отношенію небесныхъ планетъ. Тотъ же Альгазенъ признаетъ послѣдо-

(¹) Дрэперъ. Ист. умств. разв. Европы; II, 31—46. Страницы объ арабахъ самыя увлекательныя у этого всесторонне образованнаго писателя.

вательность развитія человѣческой организаціи, при чемъ оговаривается, что это не значитъ, что будто человѣкъ былъ сначала воломъ, потомъ измѣнился въ осла, сдѣлался лошадью, сталъ обезьяной и только послѣ преобразился въ высшее твореніе. Онъ прибавляетъ, что такъ могутъ думать только непосвященные невѣжды.

Медицина. Другая страсть арабовъ была къ медицинѣ, о чемъ мы говорили ранѣе (I, 494). Авицена (по-арабски Абу-Ибнъ-Сина), замѣчательный врачъ и философъ, Аверроэсъ (Ибнъ-Рошдъ) изъ Кордовы, лучшій комментаторъ Аристотеля, стремились согласовать философію эллинскую съ ученіемъ Корана; ему же приписывается открытіе солнечныхъ пятенъ. Основною мыслью его философіи было численное единство человѣческихъ душъ, хотя и распредѣленное между милліонами существъ. Абу-Османъ писалъ по зоологіи; Разесъ, Аль-Аббасъ и Аль-Бейтаръ—о ботаникѣ. Ибнъ-Зоаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Авензоара, можетъ считаться авторитетомъ въ мавританской фармацевтикѣ. Изданы были фармакопеи, улучшенныя послѣ старыхъ несторіанскихъ, и имъ можетъ быть приписано введеніе многихъ арабскихъ словъ, которые еще и теперь употребляются нашими аптекарями (syrup, elixir и др.). Арабы первые приложили химію къ медицинѣ. Хирургія не отставала у нихъ отъ терапіи. Альбуказисъ изъ Кордовы не боялся дѣлать самыя рискованныя операціи, какъ хирургическія такъ и акушерскія; прижигательныя средства, извѣстныя теперь, и ножъ употреблялъ онъ безъ всякаго колебанія. Онъ оставилъ намъ обширныя описанія употреблявшихся тогда хирургическихъ инструментовъ; отъ него же узнаемъ, что для операцій надъ женщинами, въ коихъ требовалась извѣстная деликатность, обезпечены были услуги женщинъ, наученныхъ этому искусству.

Культура арабовъ. Нельзя отрицать, что арабы много сдѣлали, благодаря греческимъ предшественникамъ. Самъ Коранъ не благопріятствовалъ просвѣщенію. Толчекъ былъ данъ греческою философіею, которая породила высокую культуру на неблагопріятной почвѣ. Но въ средѣ арабовъ было много и самостоятельныхъ ученыхъ, потому что они выработали научный методъ. Такъ Альгацали въ XI вѣкѣ говорилъ, что достовѣрное знаніе должно быть такимъ, чтобы относительно

изслѣдуемаго предмета не оставалось больше никакихъ недоумѣній и чтобы въ будущемъ невозможны были никакія ошибки или догадки, ибо „знаніе безъ увѣренности не заслуживаетъ имени знанія“. Еще болѣе, чѣмъ въ высшихъ отрасляхъ науки, мы обязаны испанскимъ маврамъ въ промышленныхъ и техническихъ искусствахъ. Мавры дали Западу способы усовершенствованія земледѣлія. Имъ обязаны мы культурой многихъ важныхъ продуктовъ, напр. риса, сахара, хлопчатой бумаги и почти всѣхъ садовыхъ и огородныхъ плодовъ; имъ же обязана Испанія обработкой шелка. Они ввели египетскую систему орошенія съ помощію шлюзовъ, водяныхъ колесъ и насосовъ. Они усовершенствовали также многія важныя отрасли промышленности, улучшили произведенія фабрикъ ткацкія, глиняныя, стальныя и желѣзныя. Они знали водяные часы и пользовались маятникомъ для измѣренія времени. Они ввели также въ употребленіе изобрѣтеніе болѣе ужаснаго свойства—порохъ и его примѣненіе. Впрочемъ за это изобрѣтеніе, замѣчаетъ одинъ историкъ, они можетъ быть вознаградили съ избыткомъ устройствомъ морскаго компаса. Упоминаніе о компасѣ естественно приводитъ къ заключенію, что испанскіе арабы очень интересовались торговыми предпріятіями; къ этому же выводу приводятъ извѣстія о доходахъ нѣкоторыхъ халифовъ. Доходы Абдеррахмана III оцѣниваются напр. въ 5½ милл. фунт. стерл., сумма соотвѣтствующая 50 милліонамъ рублей; при тогдашней цѣнности, эта сумма превосходила, вѣроятно, доходы всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ взятыхъ вмѣстѣ. Чрезъ Барцелону и другіе порты велась торговля съ Левантомъ, Китаемъ и Индіею; районъ торговыхъ сношеній, направляясь отъ Чернаго моря и восточной части Средиземнаго во внутренность Азіи, достигалъ до Персіи, Индіи, Китая, и по африканскому берегу доходилъ до самого Мадагаскара. Просвѣщенные мавры писали трактаты объ обычаяхъ и правилахъ торговли и промышленности. Такъ высока была культура арабовъ въ XII и XIII вѣкѣ даже сравнительно съ современной намъ христіанской Европою.

---

6) Образованность, схоластика и поэзія въ XIII вѣкѣ. Записки путешественниковъ о татарскихъ нашествіяхъ. Географическія открытія; энциклопедіи и космографіи.— Католицизмъ въ поэмѣ Данте.

Духовная жизнь исторической эпохи проявляется въ философскихъ и поэтическихъ литературныхъ произведеніяхъ. Если литература есть продуктъ нравственной и умственной жизни общества, то она не можетъ быть изучаема безъ знакомства съ философскими стремленіями. Но никогда литература не вступала въ такія тѣсныя связи съ философіей, какъ въ поэтическихъ произведеніяхъ XIII столѣтія, а особенно въ поэмѣ Данте. Двое мыслителей оказали на схоластику весьма сильное вліяніе. То были Альбертъ Великій (doctor universalis) и Θома Аквинскій (d. angelicus). Другіе замѣчательные современники, какъ итальянецъ Іоаннъ Фиданца, мистикъ по направленію, прославленный Церковью подъ именемъ св. Бонавентуры (doctor seraphicus), англичанинъ Рожеръ Бэконъ, извѣстный своими открытіями въ оптикѣ (doctor mirabilis), и каталонецъ Раймундъ Луллій, алхимикъ, упростившій изученіе схоластики (doctor illuminatus), — не обладали такимъ сильнымъ геніемъ чтобы увлечь за собою умы.

Альбертъ Великій (1193-1280 г.).

Вліяніе на умы и на образованность дѣлится между Альбертомъ и Θомою. Одинъ содѣйствовалъ успѣху эмпирическихъ знаній, другой подвизался въ области умозрительной. Первый былъ нѣмецъ по происхожденію, второй — итальянецъ. Оба они жили въ одно время и были близки между собою; впрочемъ Альбертъ былъ старше Θомы на 30 лѣтъ, хотя умеръ шестью годами позже послѣдняго. Альбертъ происходилъ изъ богатаго и стараго графскаго рода фонъ-Болльштедтъ. Склонность и семейныя обстоятельства заставили его въ 1223 году пойти въ монахи еще во время научныхъ занятій въ Падуѣ. Онъ избралъ доминиканскій орденъ, который тогда только что пріобрѣлъ славу. Онъ отправился пѣшкомъ — какъ путешествовали обыкновенно монахи—сначала въ Болонью, обратно въ Падую, потомъ въ Кельнъ учиться богословію и философіи. Въ Кельнѣ, Фрейбургѣ и Регенсбургѣ онъ началъ свою профессорскую дѣятельность. Въ средніе вѣка парижскій

университетъ былъ центромъ образованности. Всѣ тогдашнія ученыя знаменитости прошли черезъ высшую школу Парижа. Мы говорили какъ тамъ гремѣло имя Абеляра (I, 603—606) въ первой половинѣ XII вѣка. Туда въ 1245 году направился Альбертъ съ цѣлью получить званіе магистра. Ему тамъ пришлось дѣйствовать послѣ Абеляра сто лѣтъ спустя. Пріобрѣтя славу проповѣдника, онъ получилъ право чтенія лекцій въ качествѣ профессора метафизики и богословія. Онъ, подобно Абеляру, придерживался скорѣе номинализма, чѣмъ реализма и имѣлъ успѣхъ столь же громкій. Но слава его заключается не въ этомъ. Широта философскаго пониманія ввела его въ тѣ новыя духовныя сферы, которыя были закрыты для Абеляра. Онъ писалъ и училъ въ пользу развитія опытныхъ знаній, подрывая тѣмъ исключительность умозрительнаго направленія. Къ этому привело его изученіе подлиннаго Аристотеля, давно знакомаго арабамъ. Образъ Альберта производилъ могучее обаяніе на современниковъ; умственныя силы проявились въ немъ въ высшей степени. Одному человѣку, по убѣжденію средневѣковыхъ людей, такая подавляющая масса разнообразныхъ свѣдѣній могла быть дарована только свыше. Эта мысль сказалась въ одной художественной легендѣ, въ основу которой положенъ общій мотивъ о внезапномъ полученіи могущества и силы, аналогично съ богатырями народной поэзіи (1). По этому преданію, наука съ трудомъ давалась Альберту въ бытность его болонскимъ студентомъ. Онъ не отличался будто ни памятью, ни способностью усвоивать предметы. Разъ предстала передъ нимъ сама Мадонна, сопровождаемая тремя небесными женами. Онѣ обѣщали исполнить всякую его просьбу въ награду за благочестіе и праведную жизнь. Молодой человѣкъ обратился съ мольбой къ Богородицѣ, дабы она ниспослала ему земную мудрость и всевѣдѣніе. Хотя Богоматерь предпочла бы снабдить Альберта даромъ усвоенія небесной созерцательной мудрости, но, исполняя данное обѣщаніе, благословила его на свѣтскія знанія, оговоривъ только что незадолго до смерти онъ забудетъ все что знаетъ и обратится въ ребенка. Альбертъ изъ жажды къ знанію согласился на все. Пророчество, къ сожалѣнію, оправдалось. Альберта постигъ параличный

(1) А. И. Кирпичниковъ, Ист. среднев. лит. (Пет. 1885), 470.

ударъ и впродолженіе трехъ лѣтъ до самой смерти онъ влачилъ жалкое существованіе.

Парижскій университетъ.

Нельзя не удивляться обилію ученыхъ трудовъ Альберта. Онъ по справедливости заслужилъ имя Аристотеля среднихъ вѣковъ ([1]). Онъ привлекалъ въ Парижѣ массы слушателей. Онъ училъ тамъ, недалеко отъ доминиканскаго монастыря, на площади, которую онъ излюбилъ и которая съ тѣхъ поръ стала называтьси площадью магистра Альберта, place de maître Albert, названіе теперь сохранившееся въ сокращенномъ „place Maubert". Около него всегда можно было видѣть сосредоточенныя фигуры двухъ чужестранныхъ монаховъ: одинъ, въ бѣлой рясѣ доминиканца, былъ итальянецъ Ѳома изъ Аквино, другой въ сандаліяхъ, кордильеръ, никогда не улыбавшійся,—англичанинъ Рожеръ Бэконъ. Тогда въ парижскомъ университетѣ, существовавшемъ на основаніи статутовъ 1200 года, богословскій факультетъ успѣлъ обособиться отъ юридическаго и медицинскаго, имѣлъ отдѣльнаго декана, и только ректоръ, избираемый профессорами и учащимися, продолжалъ объединять подъ своимъ главенствомъ весь университетъ, хотя скорѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ. Всѣ профессоры были обыкновенно монахи, что не мѣшало имъ, въ томъ числѣ и Альберту, касаться кромѣ богословія и другихъ предметовъ. Впрочемъ клерикальное направленіе преобладало; слушатели богословскаго факультета превосходили численностью количество студентовъ другихъ отдѣленій. Что ученіе парижскихъ профессоровъ распространялось среди огромной массы—можно заключить изъ того, что общее число студентовъ, равнявшееся третьей доли всего населенія столицы, въ то время превосходило 20 тысячъ человѣкъ. Студенты держали часто Парижъ въ своихъ рукахъ, угрожая правительству оставить городъ и разорить его въ экономическомъ отношеніи въ случаѣ нарушенія привилегій и уставовъ королемъ ([2]).

([1]) Кромѣ общихъ сочиненій по средневѣковой философіи, какъ Прантля, Кауликa, Штекля, Вернера, Франка, Юбервега, Руссло, Эберта (см. I, 599), Риттера, француза Горо, изсл. Келера (о номинализмѣ и реализмѣ въ ихъ вліяніяхъ), см. спеціальныя монографіи: I. Sighart (Alb. Magnus, Reg. 1857) и Octave d'Assailly (Albert le Grand. L'ancien monde devant le nouveau. P. 1870).

([2]) De-Bulet. Histoire de l' Université de Paris.

Сочиненія и открытія Альберта.

Среди такой массы людей жаждущихъ знанія, Альбертъ впервые сталъ распространять понятія о природѣ и началахъ естествознанія. Онъ читалъ по Аристотелю, который былъ извѣстенъ тогда въ латинскомъ переводѣ арабскаго текста Авицены. Плодомъ этихъ чтеній остался 21 фоліантъ „Энциклопедіи", какъ слѣдуетъ называть эту грандіознѣйшую работу средневѣковья. Она имѣла универсальный характеръ и тщательно придерживалась порядка изложенія Аристотеля, о чемъ Альбертъ заявляетъ въ предисловіи. Но въ каждой книгѣ встрѣчались и самостоятельныя изысканія великаго мыслителя. Мы остановимся на содержаніи этихъ книгъ, которыя служили единственною ученою пищею въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ для всякаго кто интересовался природою.

Первыя восемь книгъ „De Coelo et mundo" посвящены физикѣ; сюда вошло также физическое описаніе земли и астрономія. Альбертъ, слѣдуя Аристотелю, трактуетъ о строеніи поверхности земнаго шара въ „De natura locorum", въ трактатѣ очень высоко цѣнимомъ Гумбольдтомъ въ „Космосѣ" (¹). Въ этихъ книгахъ Альбертъ поднимаетъ вопросъ о магнитѣ и намагниченной стрѣлкѣ; затѣмъ говоритъ о метеорахъ, аэролитахъ и минералахъ, при чемъ избѣгаетъ господствовавшихъ взглядовъ на значеніе алхиміи, даже совершенно устраняя ее. Онъ трактуетъ между прочимъ о зависимости климата отъ географической широты и отъ возвышенности надъ уровнемъ моря, а также о вліяніи угловъ паденія солнечныхъ лучей на нагрѣваніе почвы. Вмѣсто того чтобы говорить о сочетаніи и превращеніи камней и веществъ, — что только тогда и цѣнилось — Альбертъ ограничивается классификаціей и описаніемъ камней и металловъ, сознавая что только такое изложеніе принесетъ пользу его ученикамъ.

Подобные же пріемы Альбертъ примѣняетъ къ царству животному и растительному.

„De animalibus" считается лучшею и наиболѣе самостоятельною частью гигантской работы Альберта, составляя шестой фоліантъ его труда. Къ 19 книгамъ Аристотеля онъ присоединилъ девять своихъ. Онъ начинаетъ съ зоотоміи, всегда проводя параллель между строеніемъ скелета животныхъ и человѣка. Надо замѣтить, что если въ то время вскрытіе тру-

(¹) Ал. фонъ-Гумбольдтъ. Космосъ. Пер. Н. Фролова (3 части П. и М. 1848—63); II, 229. — Opera Alberti изд. въ 1651 г. въ 21 f.

повъ — благодаря первымъ смѣлымъ опытамъ медицинской школы въ Монпелье — не было уже рѣдкостью, то во всякомъ случаѣ великою смѣлостью со стороны монаха представляется попытка добиваться общихъ основныхъ формъ въ строеніи тѣла и отдѣльныхъ органовъ человѣка и животныхъ. Онъ распредѣляетъ животныхъ какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ по ихъ образу жизни и по характеру. Послѣ описанія строенія костяка, онъ переходитъ къ мускуламъ, нервамъ и сосудамъ. Нервы онъ выводитъ изъ головнаго мозга, слѣдитъ за ихъ развѣтвленіями, а кровеносную систему излагаетъ гораздо полнѣе Аристотеля. Главы о физіогномикѣ и характерахъ являются уже совершенно самостоятельными, тѣмъ болѣе что Альбертъ первый сдѣлалъ попытку объяснить тѣ или другія нравственныя особенности индивидуума внѣшними выпуклостями черепа. Въ 20 и 26 книгахъ „De animalibus" видимъ попытку установить послѣдовательность развитія организмовъ. Смѣлый естествоиспытатель старается прослѣдить рядъ ступеней въ умаленіи животныхъ органовъ по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ органовъ человѣка. Въ пяти остальныхъ книгахъ изложена систематика животныхъ. Здѣсь Альбертъ даетъ матеріалъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ Аристотель, такъ какъ вводитъ въ кругъ изслѣдованія тѣхъ животныхъ, которыхъ не знали древніе; такъ напримѣръ онъ подробно описываетъ охоту на китовъ. Систематика начинается съ описанія жизни и нравовъ домашнихъ животныхъ, при чемъ указываются способы лѣченія ихъ, затѣмъ авторъ переходитъ къ птицамъ, рыбамъ, ящерицамъ, гадамъ, змѣямъ, насѣкомымъ, пауковымъ, кольчатымъ, которыхъ характеризуетъ какъ животныхъ, лишенныхъ крови — sanguinem non habentes.

Въ „De Vegetabilibus et Plantis" Альбертъ, не знавшій еще употребленія увеличительныхъ стеколъ и микроскопа, касается анатоміи и физіологіи растеній, усматривая въ этого рода вопросахъ основу для классификаціи. Задолго до Линнея онъ намѣтилъ существенныя данныя для систематики растеній. Ему былъ знакомъ сонъ растеній, какъ свидѣтельствуетъ исторія ботаники, періодическое раскрытіе и смыканіе цвѣтковъ, уменьшеніе растительнаго сока испареніемъ изъ верхней кожицы листьевъ и вліяніе расположенія волокнистыхъ пучковъ на очертаніе краевъ листа (¹).

(¹) Рядомъ съ тѣмъ Альбертъ проявляетъ отсутствіе критики и лег-

Такимъ образомъ Альбертъ Великій былъ столько же Аристотелемъ, сколько Бюффономъ XIII вѣка, какъ по широтѣ замысловъ, такъ и по тщательности изслѣдованія. Его опыты.

Современники не безъ основанія смотрѣли на Альберта, какъ на чудо природы. Надгробная многоговорящая надпись: — major Platone, vix inferior Salomone — ставитъ его выше Платона и не ниже Соломона. Но они цѣнили его значеніе не со стороны его дѣйствительныхъ заслугъ. Ихъ занимала его таинственная лабораторія, возбуждавшая самые разнообразные толки, его зимніе сады, его искусственныя поющія птички, поразившія короля германскаго Вильгельма, его автоматическія говорящія куклы и т. п. Образъ великаго ученаго былъ окруженъ обаяніемъ какого-то благоговѣнія и нѣмаго ужаса. Его математическія, техническія и физическія познанія представляли невѣжественнымъ современникамъ такія чудеса, что они считали его въ общеніи съ дьяволомъ. Альбертъ могъ не только сдѣлать все, но могъ угадывать помыслы и намѣренія людскіе. Онъ устыдилъ и наказалъ того же короля Вильгельма, когда тотъ, вопреки данному обѣщанію творить добро народу, прогналъ отъ себя философа, явившагося къ нему въ образѣ нищаго и больнаго; по одному манію Альберта, вся обстановка двора новоизбраннаго императора стала прахомъ, перестала существовать, а три года его правленія обратились въ три минуты. Вильгельмъ видѣлъ себя счастливымъ только во снѣ.

Но ни благоговѣніе передъ Аристотелемъ, ни стремленіе къ эмпирическимъ знаніямъ никоимъ образомъ не повредило репутаціи Альберта среди правящей высшей духовной іерархіи. Что онъ пользовался уваженіемъ при римскомъ дворѣ, видно изъ того, что онъ занималъ должность легата въ Польшѣ, послѣ чего его сдѣлали регенсбургскимъ епископомъ. Но онъ не любилъ славы; онъ отказался отъ епископства, продолжалъ носить рясу простаго монаха ради большаго простора для философскихъ занятій. Большую часть своей жизни онъ посвятилъ изученію естественныхъ наукъ. Онъ задался задачей сдѣлать человѣка-автомата на основаніи механическихъ законовъ и его кукла имѣла нѣкоторое сходство съ живымъ чело-

---

комысліе въ вопросахъ, въ коихъ достаточно было бы приложить самое простое наблюденіе. Онъ простодушно полагаетъ, что хорошая почва можетъ изо ржи породить пшеницу, что дубовыя вѣтви дадутъ виноградную лозу и т. п. Meyer. Ueber die Botanik des XIII Jahrh. Linnea; X, 719.

вѣкомъ, такъ что Ѳома Аквинскій не въ шутку испугался, когда кукла привѣтствовала его троекратнымъ „salve“, почему тотъ въ ужасѣ разбилъ въ дребезги плодъ 30-лѣтнихъ трудовъ учителя. Вообще эмпирическія и техническія науки обязаны ему много, и никто послѣ Аристотеля не работалъ болѣе его. Предпочитавшій уединеніе шуму свѣта, проводившій цѣлую жизнь въ лабораторіи, свѣтившейся разноцвѣтными огнями, онъ наводилъ какой-то страхъ на современниковъ. Только особенныя обстоятельства въ послѣдніе годы жизни вызывали Альберта на общественную арену. Такъ онъ былъ на второмъ Ліонскомъ соборѣ въ 1274 году въ качествѣ посла императора.

Его философскіе труды.

Умственная дѣятельность Альберта Великаго была всестороння. Онъ былъ полигисторомъ и такимъ же остался въ глазахъ современниковъ. Про него говорили: „Vir in omni scientia adeo divinus nostri temporis stupor et miraculum vocari possit“. Его надо изучать не только какъ богослова и философа, а какъ энциклопедиста средневѣковья. Кромѣ вышеупомянутой энциклопедіи онъ оставилъ три фоліанта трактатовъ о ветхомъ и новомъ завѣтѣ. Развитію философіи Альбертъ принесъ не положительную, а отрицательную пользу. Онъ былъ завершителемъ схоластическаго метода, чѣмъ упрочилъ вліяніе схоластики. Послѣдняя обязана Альберту своимъ развѣтвленіемъ, своею пестрою и сложной оболочкой, обиліемъ подраздѣленій и самыхъ мелкихъ вопросовъ, затемнявшихъ дѣло и все болѣе запутывавшихъ обыкновенныя психологическія понятія. Вся его діалектика вращалась на пяти вопросахъ, которые онъ поставилъ для разрѣшенія будущему схоластику. Задачею его философіи было изучать: 1) проявленіе души, 2) ея способности, 3) кругъ дѣйствій отдѣльнаго индивидуума, 4) этику, 5) universalia. По отношенію къ послѣднимъ Альбертъ не высказывается съ достаточной опредѣлительностью. Строго говоря, онъ держался средины въ вопросѣ объ „universalia“, чему посвятилъ свое „De intellectu et intelligibili“. Все это доставило ему блестящую карьеру и не принесло тѣхъ горькихъ мукъ, какія испыталъ Абеляръ. Впрочемъ тогда трудно было встрѣтить точныя радикальныя представленія по этому основному схоластическому вопросу. Іаковъ Сольсберійскій говоритъ, что вмѣсто двухъ прежнихъ взглядовъ въ половинѣ XII вѣка явилось чуть не десять.

Альбертъ, по преданію, похитилъ тайну знанія съ неба; онъ не могъ унести ее съ собою въ могилу. Разбитый и изможденный болѣзнью, жалкій, ходячій мертвецъ, онъ выходилъ изъ своей кельи только для того, чтобы взглянуть на могилу, которую самъ себѣ приготовилъ.

Ученики Альберта были гораздо счастливѣе. Ѳома посвятилъ себя изученію не земли, а неба. Онъ далъ богословіе многимъ десяткамъ поколѣній, цѣлымъ сотнямъ милліоновъ католиковъ. **Ѳома Аквинскій (1227-74 г.).**

Мы не имѣемъ въ виду всесторонняго изслѣдованія дѣятельности Ѳомы; это слишкомъ отвлекло-бы насъ въ область богословія. Но мы укажемъ на характеристическія черты его личности и особенно на его заслуги для средневѣковой публицистики. Насколько Альбертъ Великій занимался изученіемъ внѣшняго міра, настолько Ѳома пытался изслѣдовать внутренній, нравственный міръ. Онъ былъ полнымъ отраженіемъ взглядовъ своего вѣка.

Между Римомъ и Неаполемъ есть городокъ Aquino; тамъ родился Ѳома въ знатной рыцарской семьѣ. Онъ приходился внукомъ императору Фридриху Барбароссѣ. Для воспитанія его отдали въ монастырь Монтекассино. Тогда въ католическомъ мірѣ совершалось обновленіе. Альбигойская ересь заставила опомниться и папу и духовенство. Ѳомѣ минуло едва только 18 лѣтъ, какъ онъ, бросивъ свои богатства, обуреваемый новыми стремленіями, поступилъ въ доминиканскій орденъ. Затѣмъ онъ сталъ профессоромъ въ Кельнѣ и Парижѣ. Уча въ Парижѣ, онъ и самъ въ тоже время учился у Альберта. Ѳома былъ поборникомъ аскетизма. Отдавшись иноческимъ подвигамъ и отвлеченнымъ богословскимъ вопросамъ, онъ, не смотря на почести, его окружавшія, вовсе не хотѣлъ показываться въ міръ. Только по настоятельному убѣжденію папы онъ пришелъ пѣшкомъ на соборъ въ Римъ. Отсюда онъ возвращался тоже пѣшкомъ, но дорогой почувствовалъ приближеніе смерти и принужденъ былъ остановиться въ монастырѣ. Здѣсь 7 марта 1274 года съ первыми лучами дня онъ скончался на рукахъ Альберта. День его смерти до сихъ поръ чествуется католическою Церковью съ большимъ торжествомъ.

Ѳома оставилъ послѣ себя полный кодексъ католическаго богословія. Этотъ кодексъ называется: Summa totius theologiae. **Его „Богословіе“.**

Это вторая библія для каждаго католика, а тѣмъ болѣе лица духовнаго. Трудъ Ѳомы, надъ которымъ онъ работалъ болѣе 10 лѣтъ, превосходитъ полнотой всѣ сочиненія предшественниковъ въ этомъ родѣ. Въ „Summa“ собранъ весь матеріалъ для обороны Римской церкви въ ея средневѣковыхъ претензіяхъ. Опираясь на эти громадные фоліанты, Церковь послѣ имѣла возможность отбиваться отъ мѣткихъ нападеній протестантовъ, вооруженныхъ силой свѣжихъ идей и всѣмъ раціонализмомъ вѣка ([1]). Насколько Ѳома привыкъ къ логической постройкѣ и діалектикѣ, видно изъ того, что у него всегда на готовѣ было множество отвѣтовъ, такъ что никто изъ учениковъ не могъ застать его въ расплохъ. Онъ носилъ съ собой цѣлый арсеналъ вопросовъ и отвѣтовъ для богословскихъ диспутовъ; онъ былъ въ состояніи предложить въ любой моментъ своему противнику 3000 вопросовъ и подкрѣпить свои отвѣты 1500 аргументовъ. Ѳома не любилъ эмпирическихъ пріемовъ и свое ученіе строилъ на отвлеченныхъ основаніяхъ. Тамъ, гдѣ нельзя было доказать логическимъ путемъ, онъ обращался къ вѣрѣ. Въ противоположность Альберту, онъ не имѣлъ желанія постигать причины фактовъ и находилъ, что такое стремленіе уже успѣло привести людей ко многимъ заблужденіямъ въ древнемъ мірѣ. Философія Ѳомы смотритъ на міръ съ свѣтлой точки зрѣнія. Онъ полагаетъ что человѣкъ созданъ для добра и что естественный законъ— это проявленіе небеснаго духа—влечетъ его необходимо къ добру, заставляя уклоняться отъ всего дурнаго. Дурные поступки объясняются дурнымъ элементомъ, закономъ человѣческимъ; послѣднимъ обусловливаются тѣ мелкія обстоятельства, которыя побуждаютъ человѣка измѣнять въ худую сторону свои добрыя начала. Человѣкъ не предоставленъ себѣ самому. Надъ всѣми стремленіями его тяготѣетъ небесный законъ, опредѣляющій и направляющій волю человѣка. Безъ того люди, какъ существа несовершенныя и слабыя, совращаются. Исторія показываетъ, что часто человѣческій законъ могъ торжествовать надъ небеснымъ. Ѳома это старается объяснить грѣхомъ прародителей.

Его политическая теорія.

Задаваясь такими отрадными взглядами на призваніе человѣка и его существо, Ѳома строитъ на нихъ свой идеалъ соціальныхъ и государственныхъ теорій. Политика развита

---

(1) Opera, 8 f. Roma, 1570—71; 23 f. P. 1636—41, 20 v. in 4, Ven. 1745.

отчасти въ „Summa“, но главнымъ образомъ въ спеціальномъ „De regimine principum“, въ которомъ вѣроятно только первая часть принадлежитъ Ѳомѣ, ибо вторая страдаетъ противорѣчіями. Это тоже замѣчательное произведеніе средневѣковой литературы и первое въ средневѣковой публицистикѣ. Авторъ высказывается здѣсь, какъ врагъ тираніи и притомъ не въ силу Евангелія, но на основаніи логическихъ соображеній. Признавая человѣка безусловно созданнымъ для общества, Ѳома выводитъ понятіе закона, необходимаго для обезпеченія его благосостоянія. Законъ имѣетъ цѣлью развитіе всѣхъ добродѣтелей въ человѣкѣ; потому положительный законъ подчиняется естественному, какъ отраженію небеснаго и всякое отклоненіе отъ послѣдняго уже не законъ, а исключеніе изъ закона. Такой несправедливый законъ можетъ появиться или вслѣдствіе противорѣчія съ человѣческимъ благомъ, или отъ противорѣчія съ божественными установленіями. Законъ перваго рода—насиліе; онъ необязателенъ для подданныхъ; закону же, несоотвѣтствующему божественной волѣ, не слѣдуетъ повиноваться. Законъ долженъ быть одинаковъ и обязателенъ для всѣхъ; ему подлежатъ даже праведные. Равнымъ образомъ всѣ должны признавать законосообразнымъ подчиненіе низшихъ высшимъ. Observantia и obedientia —высшія добродѣтели и притомъ богословскія, которыя всегда выше нравственныхъ. Этимъ Ѳома платилъ дань своему времени. Власть имѣетъ божественное происхожденіе; потому власти, незаконно пріобрѣтенной, можно не повиноваться. Во всякомъ случаѣ рекомендуется ослушаніе власти нехристіанскаго государя, владѣющаго христіанами. Народу предоставляется въ извѣстныхъ случаяхъ право возмущенія; оно, будучи направлено во имя общей пользы, не есть грѣхъ, такъ какъ тираническое правленіе само по себѣ безнравственно, ибо установлено не для общей пользы, а для частной. Разрѣшается даже тираноубійство. Въ принципѣ Ѳома стоитъ за ограниченную монархію. Наилучшій образъ правленія по его мнѣнію —въ единовластіи добродѣтельнаго человѣка: затѣмъ стоитъ аристократія немногихъ, выбираемыхъ изъ всѣхъ или выбираемыхъ всѣми. Эта смѣсь монархіи, аристократіи и демократіи была у евреевъ установлена закономъ Божіимъ. Благодаря этому всѣ имѣютъ долю власти (pars populi). Монархія наилучшее правленіе, пока не извратится въ тиранію. Это все развито въ равной степени и въ „Summa“ и въ политическомъ трактатѣ, но въ послѣднемъ значительное

вниманіе обращено на взаимныя отношенія властей свѣтскихъ и духовныхъ. Здѣсь Θома является сыномъ своего вѣка. Такъ какъ цѣль человѣческихъ обществъ — служеніе добродѣтели то высшая задача ихъ не земная, а небесная;. только намѣстникъ Христа можетъ направлять къ этой цѣли. Ему подчиняются всѣ цари. Ибо тому, кто имѣетъ заботу о конечной цѣли, должны подчиняться тѣ, на кого возложено попеченіе о средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли. У язычниковъ было иначе, потому религія служила земнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ цѣль государства чисто божественная. Извѣстно до какихъ крайностей дошла послѣ эта теорія. Въ XV вѣкѣ договорились до проблемы: Papa non est homo simpliciter, sed Deus etc. Папа—Богъ и, подобно сыну Божію, соединяетъ въ себѣ два естества. Это уродливое проявленіе теократіи было началомъ разложенія средневѣковой жизни. Теократическая идея достигла въ твореніяхъ Θомы высшаго развитія, за которымъ должна была слѣдовать реакція (¹).

Мистика. Одновременно съ философскимъ движеніемъ шло другое направленіе, чисто созерцательное, имѣвшее отрицательное вліяніе на тогдашнюю образованность. Религія устраняла всякій раціонализмъ и даже враждовала съ нимъ. Чтобы усвоить ее, слѣдовало примѣнять къ ней вѣру вмѣсто разума, сердце вмѣсто логики. Восторженныя натуры въ родѣ святыхъ Бернара и Бонавентуры были такъ поражены великимъ внутреннимъ содержаніемъ религіи и ея нравственнымъ значеніемъ, что отказывались допускать малѣйшій анализъ ея вопросовъ; ихъ вѣра стала поэтому мистикою (²). Эта святая восторженность,

(¹) Едва ли какой ученый имѣлъ такое обширное количество біографовъ, какъ Θома во всѣхъ западныхъ литературахъ. Эти біографіи, обыкновенно въ формѣ панегириковъ, стали появляться съ первыхъ временъ печати, какъ Novelli (Panegyricus, 1490) и др. Въ одномъ XVII вѣкѣ вышло такихъ трактатовъ 16, а всего до 1850 г. болѣе 40. Выдающаяся монографія Touron. Vie de S. Thomas d' Aquin, avec un exposé de sa doctrine et de ses ouvrages (P. 1757, 1640, 1722). На основаніи этой книги составлялись другія. Интересно сочиненіе Jellinek. Thomas von Aquino in der jüdischen Literatur (L. 1853).—Кромѣ общихъ сочиненій, по исторіи средневѣк. философіи мы пользовались: Reuter, G. der rel. Aufklärung im Mittelalter (1876) и монографіями Jourdain, La philos. de S. Thomas (1858) и Werner, Der heil. Thomas (1858).

(²) По исторіи средневѣковой мистики, кромѣ спеціальныхъ нѣмецкихъ новыхъ обширныхъ сочиненій Герреса и Прегера (1881). см. русское изсл. Вертеловскаго, Западная средн. мистика (Вѣра и Разумъ, 1886).

полная самопожертвованія и лучшихъ душевныхъ порывовъ, искупаетъ отсутствіе практическаго элемента въ мистикахъ и фанатическую нетерпимость ея борцовъ. Мистика вышла изъ глубины монастырей и была порождена борьбой со школами схоластиковъ. Св. Бернаръ, основатель монастыря Клерво въ Бургундіи, былъ недостижимымъ образцемъ всѣхъ мистиковъ. Извѣстно, что этотъ аскетъ, при своей склонности къ созерцанію, какъ почти всѣ мистики, питалъ ненависть къ образованію. Мыслящіе люди для него были еретиками. Его послѣдователи или облекли діалектикой его идеи, или просто передавали ихъ въ формѣ восторженно благочестивой поэзіи.

Бонавентура (1221-74 г.).

Эти мистики представляютъ значительный интересъ; ихъ цѣлью было исканія яснаго представленія о божествѣ. Ради того они были готовы на всѣ истязанія. Іоаннъ Фиданца, прозванный Бонавентура, родомъ изъ окрестностей Витербо, выросъ на глазахъ св. Франциска: „O Bonaventura“, желанный, воскликнулъ послѣдній, когда увидѣлъ выздоровленіе ребенка. Это прозвище было присвоено Іоанну въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Имѣя только 22 года, Фиданца сталъ миноритомъ. Черезъ 13 лѣтъ онъ пріобрѣлъ извѣстность и сталъ генераломъ ордена и кардиналомъ. Онъ всегда отличался суровостью характера и не пользовался любовью. Онъ не велъ отшельнической жизни, подобно Бернару, а занимался литературными работами. Онъ придалъ христіанскому ученію философско-поэтическій характеръ, чѣмъ послѣ воспользовался Данте. Арабы были его учителями въ этомъ отношеніи, такъ какъ на Востокѣ мистика пользовалась особымъ уваженіемъ. Фиданца работалъ въ области схоластики, но подобно Бернару, онъ отличается восторженностью; капитальное его твореніе называется Itinerarium mentis ad Deum, т. е. путь души къ Богу. Основная мысль этого сочиненія — пантеистическая. По его словамъ, всякое истинное знаніе даровано небомъ. Божественная благодать находится съ познаваніемъ въ таинственной связи. Въ его сочиненіи играютъ важное значеніе священныя цифры: 3 и 7. Духовная жизнь, по мнѣнію Бонавентуры, имѣетъ три послѣдовательныхъ ступени. Потому Бонавентура дѣлитъ процессъ познанія на три части и при этомъ ссылается на священное писаніе, которое, по его мнѣнію, имѣетъ три смысла: буквальный, таинственный и нравственный. Поэтически художественное развитіе этого ученія увидимъ у Данте, въ его „Раю“, гдѣ

эпосъ вступилъ въ тѣсную связь съ философіей. На великаго поэта несомнѣнно оказала свою долю вліянія схоластика, но еще болѣе мистика.

Рожеръ Бэконъ (1214-1294 г.?). Богословское направленіе образованности, установленное трудами Ѳомы Аквинскаго, не исключало также и утилитарнаго характера; всестороннимъ выразителемъ послѣдняго въ свое время явился Альбертъ Великій. Мы упоминали про одного изъ его внимательныхъ слушателей и учениковъ въ Парижѣ, прибывшаго изъ Англіи. То былъ Рожеръ Бэконъ, прозванный „doctor mirabilis", происходившій изъ знатнаго рода въ графствѣ Соммерсетъ. Онъ посвятилъ себя съ юныхъ годовъ наукѣ и для этого, по примѣру другихъ средневѣковыхъ ученыхъ, отказался отъ міра ([1]). Но, по несчастью, Рожеръ поступилъ не въ доминиканскій орденъ, въ средѣ котораго открывался просторъ для кабинетной ученой дѣятельности, а въ францисканскій, гдѣ вообще подозрительно относились къ теоретическимъ изслѣдованіямъ и гдѣ часто такихъ любознательныхъ братьевъ сажали въ наказанье на хлѣбъ и на воду. Въ Парижъ Рожеръ прибылъ еще міряниномъ въ 1248 г. за полученіемъ магистерства, слѣдуя общеустановившемуся въ ученомъ мірѣ обычаю и тамъ рѣшилась его судьба. Въ 1250 или 1253 году онъ сталъ монахомъ и сразу встрѣтился съ тяжелыми затрудненіями. Онъ стремился къ литературной работѣ, а ему ставили всякія преграды и стѣсненія. Братія его заподозрила въ занятіяхъ магіей, кабалистикой, чуть не въ колдовствѣ; донесли въ Римъ и генералъ францисканскаго ордена, извѣстный уже намъ Фиданца, самъ писатель и богословъ, прославившійся подъ именемъ Бонавентуры, запретилъ Рожеру писать. Онъ отправилъ его на покаяніе въ Парижъ, къ тамошнимъ францисканцамъ, предписавъ ничего не давать ему кромѣ хлѣба и воды, предварительно отобравъ всякія рукописи.

Причиной наказанія были свѣдѣнія о характерѣ работъ Бэкона. Онъ производилъ физическіе и химическіе опыты, трудился надъ изготовленіемъ стеколъ для телескоповъ, запирался въ обсерваторіи, откуда изучалъ небо, что признавалось Бонавентурой совершенно излишнимъ и неумѣстнымъ

([1]) Emile Charles. Roger Bacon. sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits (P. 1861). Авторъ этой образцовой монографіи отказывается опредѣлить съ точностью годъ рожденія и смерти Бэкона.

занятіемъ. Къ счастію для Бэкона, въ его положеніи принялъ участіе папскій легатъ въ Парижѣ, кардиналъ Фульводи, который вскорѣ былъ избранъ папою подъ именемъ Климента IV. Онъ далъ возможность Рожеру написать его знаменитый Opus majus ad Clementum IV, который былъ оконченъ въ заключеніи около 1267 года, когда автору приходилось часто съ великимъ трудомъ, и только благодаря преданности друзей, добывать бумагу и чернила. Тайно Бэконъ передалъ свой трудъ одному францисканцу, который добрался до Рима и тамъ повергнулъ его „Opus" къ ногамъ папы, вмѣстѣ съ разными предметами необходимыми для опытовъ и наблюденій. Въ числѣ ихъ была доставлена папѣ хрустальная чечевица для провѣрки оптическихъ опытовъ. Слѣдомъ за тѣмъ Бэконъ препроводилъ Клименту IV сжатый „Opus minus", какъ дополненіе къ главной работѣ. Папа остался вполнѣ доволенъ трудами Рожера и приказалъ немедленно его освободить. Обрадованный монахъ уѣхалъ въ Оксфордъ. Но на слѣдующій годъ могущественный покровитель Бэкона скончался и его опять стали преслѣдовать враги. Озлобленные францисканцы привлекли его къ инквизиціонному суду. На этотъ разъ Рожеръ самъ дѣйствовалъ неосторожно, выступивъ съ рѣзкими обвиненіями противъ доминиканцевъ, которыхъ онъ въ „Compendium philosophiae" обвинялъ въ распущенности и невѣжествѣ. Въ этихъ выходкахъ онъ задѣвалъ и папскій дворъ. Поводомъ къ процессу послужили занятія Бэкона въ оксфордской обсерваторіи, слѣды которой указывали путешественникамъ еще въ концѣ прошлаго вѣка за городомъ, въ предмѣстьи подъ названіемъ „friar Bacon's Study". Выстроенная имъ башня, которая во время религіозныхъ войнъ служила сторожевой, была предшественницей астрономическихъ обсерваторій въ Европѣ. Она была снабжена приборами и снарядами, которые всѣ были изготовлены собственными руками неутомимаго францисканца. Враги распустили слухъ, что „братъ Рожеръ", запершись, занимается здѣсь колдовствомъ и бесѣдуетъ съ Сатаной, отъ котораго научается адской мудрости. Его судили какъ колдуна и какъ еретика, такъ какъ доказывали его прикосновенность къ дѣлу Петра д'Олавы, обвинявшагося въ ереси Іоанна Пармскаго и аббата Іоахима, ожидавшихъ страшнаго суда, сверженія папства и называвшихъ римскую курію—блудницею, синагогою дьявольскою и друг. прозвищами.

Судъ былъ безпощаденъ; судьи не слушали оправданій. Предсѣдательствовалъ самъ генералъ ордена, Іеронимъ д' Асколи, будущій папа Николай IV. Бэконъ вмѣстѣ съ д'Оливою былъ присужденъ къ 14-лѣтнему одиночному заключенію въ одномъ изъ французскихъ францисканскихъ монастырей. Онъ вышелъ оттуда хилымъ изможденнымъ старцемъ, но духъ его былъ бодръ, несмотря на всѣ преслѣдованія. Разсказываютъ что его освободилъ новый генералъ ордена Раймундъ Гоффриди, отличавшійся мягкостью и справедливостью, поступивъ такъ вопреки желанію Асколи, избраннаго папою. Прибавляютъ, что Гоффриди просилъ прощенія у заключеннаго за его поносителей и враговъ и что за это мягкосердіе онъ былъ лишенъ своей должности и низведенъ въ епископы.

Рожеръ вышелъ изъ тюрьмы, чтобы умереть. Онъ не прожилъ и двухъ лѣтъ послѣ своего заключенія. Послѣдними словами его было скорбное сожалѣніе о томъ что онъ трудился ради блага людей. Но ненависть монаховъ преслѣдовала его даже за могилой. Его сочиненія уничтожили и только заботливость Климента IV, помѣстившаго его подлинныя рукописи въ Ватиканской библіотекѣ, сохранила для исторіи знанія его „Opus majus et — minus“ цѣликомъ. Что касается до его „Opus tertium“, то отъ этой работы уцѣлѣли случайно только отрывки.

Нельзя не удивляться разнообразію и обилію знаній, а равно и тщательности изслѣдованій Бэкона, особенно принимая въ соображенія условія того вѣка и тяжелую обстановку жизни знаменитаго ученаго, умѣвшаго восторжествовать надъ всѣми препятствіями.

Изучивъ и дополнивъ Евклида, онъ положилъ математику въ основу изученія физическихъ явленій. До насъ не дошли его книги по математикѣ непосредственно, но на основаніи ихъ въ Opus majus онъ трактуетъ о законахъ отраженія и преломленія свѣта. Переходя отъ теоріи оптики къ изученію зрѣнія, онъ становится на почву анатоміи, говоритъ о зрительныхъ нервахъ и устанавливаетъ явленія зрѣнія въ связи съ послѣдними. Онъ изслѣдуетъ законы перспективы и положеніе фокуса въ вогнутыхъ зеркалахъ. Онъ развиваетъ теорію плоскихъ вогнутыхъ и выпуклыхъ стеколъ въ своемъ „De scientia perspectiva“, по отношенію къ пользованію ими для наблюденія предметовъ въ увеличенномъ или уменьшенномъ видѣ. Полагаютъ, что онъ открылъ пользу очковъ,

о которыхъ подробно говоритъ и въ томъ же трактатѣ. Вѣроятно его изобрѣтеніе пошло въ ходъ, потому что въ одной рукописи 1305 года монахъ Іорданъ свидѣтельствуетъ, что уже 20 лѣтъ занимаются полировкой стеколъ для очковъ, а въ документахъ конца XIII вѣка часто упоминается объ очкахъ (¹). Онъ зналъ, что для прохожденія не только звуковыхъ, но и свѣтовыхъ волнъ необходима извѣстная продолжительность, и былъ всегда убѣжденъ, что свѣтъ распространяется быстрѣе звука. Его новѣйшій біографъ Эмиль Шарль нашелъ между прочимъ у Рожера мѣсто о томъ, что „молнія видна раньше чѣмъ бываетъ слышенъ громъ, хотя въ дѣйствительности среди облаковъ шумъ предшествуетъ свѣту". Этотъ францисканецъ XIII вѣка считалъ вполнѣ возможнымъ измѣрить движеніе свѣта. Таковую же ученую пытливость и замѣчательную проницательность, рядомъ съ химерами и смѣлыми гипотезами, Бэконъ обнаружилъ въ своихъ „Тайнахъ природы и искусства и о ничтожествѣ магіи" (²). Въ этомъ посланіи (Epistola de secretis etc.) говорится также объ оптикѣ, механикѣ, но болѣе всего о физикѣ и химіи. Онъ проектируетъ экипажи безъ лошадей, двигающіеся съ поразительной быстротой, приспособленія для плаванія по воздуху, по морскому и рѣчному дну, мосты безъ подпоръ, волшебный фонарь, оптическія зеркала, вводящія въ обманъ и производящія всякаго рода иллюзіи, взрывчатыя селитряныя вещества, заключающіяся въ приборѣ величиною съ палецъ и т. п. Въ этомъ же интересномъ трактатѣ Бэконъ снимаетъ съ себя нелѣпое обвиненіе въ колдовствѣ, отрицая все сверхъестественное, объясняя что магія, „которою часто пользовались для обмана народа, основана на общихъ законахъ природы", а что кажущіяся чудеса ея зависятъ отъ внутреннихъ химическихъ составовъ тѣлъ и что если онъ изучаетъ законы творенія, то потому именно что они созданы Богомъ, а не дьяволомъ. При

(¹) Впрочемъ, по другимъ даннымъ, очки изобрѣтены лишь въ послѣдніе годы XIII вѣка флорентинцемъ Сальвино дель Армати, гробница котораго сохранилась въ церкви S. Maria Maggiore. Что касается до замѣчаній объ очкахъ Альберта, «при помощи коихъ маленькія буквы могутъ казаться большими», то сторонники Сальвино усматриваютъ въ нихъ только гаданія и желанія.

(²) E. Charles считаетъ многія гипотезы Бэкона «химерами, недостойными науки» (p. 301), но такой приговоръ не совсѣмъ правиленъ.

этомъ Рожеръ сознается, что мусульманскіе ученые далеко обогнали латинянъ и эллиновъ и что именно въ писаніяхъ арабовъ заключается источникъ истинной мудрости.

Незадолго до смерти, какъ бы чувствуя приближеніе вѣчности, Бэконъ сосредоточился на общихъ философскихъ и между прочимъ телеологическихъ вопросахъ. Въ 1292 году онъ написалъ „Compendium studii theologiae", изъ котораго не дошла цѣлая половина, именно: 3, 4 и 6 книги. Вопреки заглавію, содержаніе трактата не отличается выдержанностью богословскаго характера. Авторъ говоритъ здѣсь между прочимъ и объ обстоятельствахъ творенія, и о логикѣ, и о грамматикѣ, и снова объ оптикѣ. Въ средніе вѣка всѣ знанія сходились въ богословіи и именовались такъ потому, что признавались направляемыми волею Господа. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ великаго францисканца замѣчательно сужденіе о вѣчности міра. „Ранѣе появленія живыхъ тварей, говоритъ Бэконъ, не было ни времени, ни движенія. Существовали только вещества постоянныя, неизмѣнныя, не подлежащія законамъ времени. Только съ возникновенія живыхъ существъ создалось понятіе о времени. До того былъ не старѣющійся, непрестанный вѣкъ, который есть созданная вѣчность и который даетъ возможность предполагать вѣчность несозданною".

„Чудный докторъ" обладалъ высокимъ даромъ объединять общею идеею всѣ явленія природы. Въ то отдаленное и сравнительно грубое время онъ приносилъ сознаніе высокаго значенія науки. Вмѣстѣ съ Сенекою онъ считалъ ее даромъ, низведеннымъ Богомъ съ неба для блага человѣка. „Наука даетъ крылья душѣ, говорилъ Бэконъ, приготовляетъ ее къ познанію небеснаго міра и содѣлываетъ ее достойной божественнаго существованія. Она есть вѣнецъ, высшее назначеніе человѣка; воздымаясь въ возвышенныя сферы, она низвергаетъ въ прахъ зло; проникая въ таинственныя нѣдра природы, она проявляетъ себя и между звѣздами".

Раймундъ Луллій (1235-1315 г.). Его современникъ, каталонецъ Луллій, родомъ съ острова Майорки, какъ бы дополняя своихъ предшественниковъ, сосредоточился на общихъ логическихъ соображеніяхъ въ своемъ „Ars magna", имѣя въ виду положить таковыя въ основу всякаго знанія. Его называли обыкновенно „doctor illuminatus" при чемъ цѣнили конечно главный его трудъ, а не тѣ многочисленныя изысканія въ области физики, химіи и вообще

въ естественныхъ наукахъ, которыя, строго говоря, и до сихъ поръ не потеряли интереса, если устранить туманъ алхиміи, въ который они облечены согласно вкусамъ той эпохи. Рѣдкій ученый написалъ такъ много и рѣдкій отличался въ то же время такой бурной, кипучей, всегда практической дѣятельностью. Его жизнь до 32-лѣтняго возраста прошла въ бурныхъ увлеченіяхъ молодости, въ разнузданномъ развратѣ, которымъ онъ прославился даже будучи семьяниномъ. Послѣ одного романическаго приключенія онъ раскаялся въ своемъ загрязненномъ прошломъ, отказался отъ имущества, оставивъ одну половину семьѣ, а другую бѣднымъ и посвятилъ себя миссіонерству, не принимая монашества. Первые годы предавшись уединенію и наукѣ, онъ въ послѣдніе 25 лѣтъ своей жизни предпринялъ нѣсколько путешествій въ Африку, гдѣ надѣялся обратить въ католичество Тунисъ и Алжиръ, терпѣлъ заключенія, истязанія, наконецъ отъ рукъ раздраженныхъ мусульманскихъ фанатиковъ былъ побитъ каменьями въ Тунисѣ на 80-году жизни. Генуэзскіе купцы, бывшіе свидѣтелями этой страшной мести, думали спасти Луллія, взяли обезображеннаго миссіонера на свой корабль, гдѣ онъ скончался на второй день въ виду роднаго города, изъ котораго онъ началъ свои странствія, чтобы опочить въ немъ послѣ долгихъ трудовъ и приключеній.

Его опыты и сочиненія.

Раймундъ написалъ до 480 сочиненій, одно перечисленіе которыхъ у схоластиковъ занимало нѣсколько десятковъ листовъ (¹). Сюда входятъ какъ схоластическіе трактаты по богословію, логикѣ, грамматикѣ, риторикѣ, метафизикѣ, такъ и сочиненія по каноническому и гражданскому праву, по математикѣ, астрономіи, медицинѣ, химіи. Ему-то главнымъ образомъ приписывали обладаніе обаятельной тайной приготовленія золота изъ ртути, олова и свинца. Разсказываютъ, что въ 1313 году Луллій, прибывъ въ Лондонъ съ цѣлью убѣдить Эдуарда III предпринять запоздалый походъ въ Св. землю, былъ схваченъ по приказанію короля и посаженъ въ Тоуэръ, гдѣ подъ страхомъ смерти принужденъ былъ будто изготовить нѣсколько милліоновъ фунтовъ золота для государственной

(¹) По другимъ, полный списокъ долженъ быть увеличенъ до 4000 названій. Усердные біографы забываютъ, что авторъ долженъ бы работать надъ такой массой сочиненій по крайней мѣрѣ до 150 лѣтъ.

казны. Конечно, это мнимое золото только цвѣтомъ и блескомъ походило на драгоцѣнный металлъ ([1]). Оставляя въ сторонѣ эти басни, слѣдуетъ замѣтить что Луллій дѣйствительно открылъ нѣкоторыя химическія вещества, напримѣръ бѣлую ртуть, разныя эѳирныя масла, извлекъ поташъ изъ растительной золы, изслѣдовалъ способы очистки виннаго спирта. Онъ проводилъ общую мысль въ своихъ химическихъ изслѣдованіяхъ, заключавшуюся въ томъ, что форма есть существенное качество матеріи. Впослѣдствіи такая гипотеза нашла себѣ подтвержденіе въ теоріи кристализаціи.

Его „Ars magna“ была оригинально синтетическою попыткою связать во едино всѣ нравственныя и физическія явленія природы, при чемъ въ основѣ имѣлась мысль номиналистовъ, что между всѣми вещами въ мірѣ существуетъ тѣсная связь и что достаточно изучить основательно одну изъ нихъ, чтобы понять и усвоить остальныя ([2]). „Только тотъ, говорилъ онъ, можетъ называться ученымъ, постигающимъ бытіе, кто владѣетъ полнымъ знаніемъ природы и частей его, а такъ какъ всѣ науки занимаются или бытіемъ или различіями, то все имѣющее бытіе составляетъ предметъ нѣсколькихъ наукъ“—„Великая наука“ Луллія, въ своемъ непосредственномъ практическомъ примѣненіи, имѣла педагогическую и частію риторическую цѣль; она содѣйствовала усвоенію діалектики и софистики, какъ вообще схоластическіе трактаты. Въ общей таблицѣ авторъ намѣтилъ 18 отвлеченныхъ представленій, комбинаціи которыхъ образуютъ общія понятія имѣющія самостоятельный смыслъ ([3]).

([1]) Cremerius. Testamentum. Museum hermeticum (Fr. 1677).

([2]) Распредѣленіе ученаго матеріала среднихъ вѣковъ Луллій далъ въ своемъ «Древѣ знаній» —„*Opus preclarum et valde mirabile Arbor scientie vocatus*“. In quo omnium scientiarum tradit notitia. Изложеніе знаній въ слѣдующемъ порядкѣ: „*arbor elementalis*, *vegetalis*, *sensualis*, *imaginalis*, *humanalis*, *moralis*, *imperialis*, *apostolicalis*, *ecclesialis*, *angelicalis*, *eviternalis*, *maternalis*, *divinalis*, *exemplicalis*, *questionalis*“. Весьма рѣдкій инкунабулъ 1480 г., стр. 2. Луллій проникъ и въ древне-русскую литературу въ переводной польской редакціи XVIII вѣка: «Великая и предивная наука Богомъ просвѣщеннаго учителя Раймунда Луллія, новаго ученія творца и уставителя». См. Кирпичниковъ, ib. 481. Подробности и извлеченія изъ Луллія см. у Владиславлева въ Логикѣ, 244 и сл. (2 изд.).

([3]) Время, величіе, доброта, могущество, знаніе, желаніе, доблесть,

„Великое Зерцало“ Викентія Бовэ (1190-1264 г.).

Совершенно иное практическое значеніе имѣла обширная энциклопедія сотрудника короля Луи IX, клирика Викентія Бовэ. Она по характеру отличается отъ массивнаго труда Альберта Великаго, имѣя цѣлью ознакомить читателя со всею мудростью вѣка in extenso, хотя такое извлеченіе наполняетъ 31 книгу, при чемъ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ и самостоятельныхъ трактатовъ. Тѣмъ не менѣе это т. н. „Великое Зерцало“ составлено подъ вліяніемъ одной общей идеи, бывшей въ духѣ вѣка, идеи религіозно-дидактической. Весь видимый и духовный міръ созданъ Господомъ для прославленія Его величія. Каждое знаніе изложено въ богословскомъ тонѣ. Великое Зерцало дѣлится на 4 части:—*Speculum naturale*, вмѣщающее богословіе, физику, естествознаніе и исторію свѣтскую; *S. doctrinale*, трактующее о послѣдствіяхъ грѣхопаденія, что вызвало потребность въ наукахъ и искусствахъ; *S. morale* —о внутренней природѣ человѣка, о порокахъ и добродѣтеляхъ; *S. historiale*—искупленіе грѣхопаденія, разныя легенды, житія святыхъ, назидательные разсказы и т. п.

Въ первой части говорится о пяти актахъ творенія. Прежде Богъ сотворилъ внутри себя Сына и идеалъ міра, который представляется въ формѣ самостоятельно существующихъ „universalia“; второй актъ—твореніе ангеловъ и элементовъ; третій—раздѣленіе элементовъ; четвертый—современный намъ; пятый — въ будущемъ, которое наступитъ послѣ страшнаго суда. По поводу каждаго дня творенія, Бовэ излагаетъ содержаніе того или другаго знанія, имѣющее къ нему какое либо соотношеніе. Говоря о свѣтѣ, Зерцало знакомитъ средневѣковаго читателя съ оптикой; отъ свѣта переходъ къ мраку и царству дьявола, которому Зерцало приписываетъ способность видоизмѣняться и являться на землѣ въ призрачныхъ образахъ. По поводу втораго дня Бовэ передаетъ основы астрономіи, или точнѣе астрологіи. По поводу третьяго дня авторъ говоритъ о рѣкахъ, цѣлебныхъ водахъ и т. п., увѣряя что Нилъ, Гангъ, Тигръ и Евфратъ текутъ изъ рая. Земля изображается въ видѣ круга, одну половину котораго занимаютъ люди, а другую воды, при чемъ высказывается предположеніе, что на другой половинѣ за океаномъ находится неизвѣстный материкъ. Въ этомъ отдѣлѣ въ алфавитномъ порядкѣ приведенъ

истина, слава, различіе, согласіе, противоположность, начало, средина, конецъ, большинство, равенство, меньшинство.

списокъ минераловъ и растеній. По поводу шестаго дня говорится о царствѣ животномъ и о „vis vitalis“. По поводу седьмаго дня говорится о грѣхѣ, объ отношеніи Бога къ природѣ и излагается современная этнографія, а за нею и *исторія*, чѣмъ кончается т. н. Естественное Зерцало.

Непосредственно въ Научномъ Зерцалѣ излагаются элементы всѣхъ наукъ, кои извѣстны были средневѣковому времени, т. е. семь свободныхъ искусствъ (о коихъ мы говорили ранѣе—I, 249). Бовэ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: искусства мышленія,—куда относитъ грамматику, логику, риторику съ піитикой,—и искусства измѣренія, т. е. ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію. Это наслѣдіе и традиціи древности. Но Зерцало представляетъ интересъ собственно въ томъ, что въ него внесены новыя знанія, а именно искусства практическія и механическія. Подъ первыми разумѣются: этика, экономика и политика, въ которую входятъ также начала юриспруденціи. Подъ вторыми значатся: медицина, собственно какъ распознаваніе и лѣченіе болѣзней, и гигіена, о которой уже имѣли понятіе въ XIII вѣкѣ. Далѣе слѣдуютъ отдѣльно также спеціально выработавшіяся науки, поставленныя самостоятельно, т. н. натуральная философія или физика и богословіе съ миѳологіей.

Въ Зерцало Нравственное, на основаніи Ѳомы Аквинскаго, входитъ ученіе о добродѣтели, наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни и о грѣхахъ. Главныя т. н. богословскія добродѣтели для средневѣковаго человѣка: вѣра, надежда и любовь, а кардинальныя: мудрость, справедливость, мужество и умѣренность. Сверхъ всего этого перечисляются 12 даровъ Духа Святаго и 7 евангельскихъ блаженствъ. Адъ и Рай разукрашены тѣми красками, которыя были извѣстны съ давней поры: наказанія усиливаются по преступленіямъ, а наслажденія Рая, будучи одинаковыми, испытываются праведниками различно. Эти картины послужили для Данте основою или точнѣе канвою, на которую онъ положилъ такія роскошныя краски. Смертные грѣхи изложены въ обычномъ порядкѣ: гордость, зависть, гнѣвъ, недовольство (acidia), жадность, чревоугодіе и пьянство, роскошь и чувственность.

Послѣдняя часть, Зерцало Историческое не есть что либо самостоятельное, а скорѣе необработанный сводъ разнаго рода отдѣльныхъ произведеній церковно-историческаго и повѣствовательнаго содержанія, хотя именно этотъ отдѣлъ

переписывали, переводили и сокращали наиболѣе усердно, между прочимъ и въ древне-русской литературѣ (¹). Полагаютъ, что эта часть редактировалась произвольно переписчиками. Сокращеніе изъ этого историческаго отдѣла колоссальной энциклопедіи сдѣлалъ Адамъ Клермонтскій.

Рѣдкія творенія въ средніе вѣка послѣ библіи и сочиненія Θомы Кемпійскаго были въ такой степени популярны, какъ Зерцало Бовэ (²). Оно сохранилось въ большомъ числѣ рукописей XIII, XIV и XV вѣковъ, а со второй половины XV столѣтія, особенно въ 70-хъ годахъ, „Историческое Зерцало“ спѣшили печатать каждое пятилѣтіе.

Путешествія на Востокъ.

Рядомъ съ энциклопедіями занимаютъ важное мѣсто въ исторіи тогдашней образованности описанія путешествій, предпринятыхъ въ XIII вѣкѣ отважными и предпріимчивыми монахами. Ихъ труды, имѣющіе огромное значеніе въ исторіи землевѣдѣнія, труды, передъ которыми нельзя не преклониться, въ то же время содѣйствовали расширенію кругозора грамотныхъ людей, возбуждали ихъ пытливость, обогащали массою новыхъ незнакомыхъ фактовъ и заставляли судить о вещахъ не съ односторонней, а съ болѣе общей и широкой точки зрѣнія. Передъ народами Запада открывались цѣлые міры и горизонтъ умственный естественно стремился вдаль вмѣстѣ съ новыми картинами, надвигавшимися съ таинственнаго Востока, этой страны чаръ и чудесъ. Важно было то, что западные путешественники вносили въ свои сочиненія извлеченія изъ восточныхъ космографическихъ описаній, такъ что китайскіе и персидскіе писатели получили съ тѣхъ самыхъ поръ извѣстность въ Европѣ.

Всѣ путешествія тогда предпринимались съ цѣлью распространенія католичества среди восточныхъ дотолѣ невѣдомыхъ племенъ. Героями ихъ были образованнѣйшіе домини-

---

(¹) Болѣе подробное изложеніе содержанія у Кирпичникова, Ист. ср. лит. 483—485; См. у Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen. Спеціальныя монографіи: Schlosser, Vincent von Beauvais (Fr. 1819, 2 B.); Vogel, Litterarisch-historischen Notizen über des Vincent (Fr. 1843).

(²) Изданія: Vincentius Bellovacensis. Speculum historiale, l. XXXI—Arg. 1473, 2 f.; Aug. Vind. 1474, 3 f.; Bas. 1481; Ven. 1483; Nor. 1484; Ven, 1494; Aug. Vind. 1496; Ven. 1591. Франц. переводъ Miroir historial, Lyon, 1471, Par. 1495, 1531.

канскіе и францисканскіе монахи, которые смотрѣли на свою благородную, чрезвычайно трудную задачу, какъ на служеніе Богу и Церкви. Они первые сообщили массу географическихъ замѣчательно точныхъ свѣдѣній о монголахъ и китайцахъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ путешествіяхъ, надо отмѣтить главнѣйшія историческія событія, совершившіяся въ широкихъ степяхъ Азіи въ XII и XIII вѣкахъ, послужившія поводомъ къ путешествіямъ монаховъ и о которыхъ мы еще не имѣли случая говорить.

Монголы и ихъ завоеванія.

Вся та степная часть Азіи, которая заключается между Великимъ Океаномъ, южной цѣпью сибирскихъ горъ, собственно Китаемъ, Тибетомъ, рѣкою Яксартомъ и Каспійскимъ моремъ, была издревле покрыта кочевыми народами, изъ среды коихъ, въ отдаленные вѣка, гунны бурнымъ потокомъ прошли по Европѣ. Эти кочевники принадлежали къ тремъ племенамъ: монгольскому, тюркскому и манджурскому или чурскому, которое часто называютъ тунгузскимъ. Всѣ народы, причислявшіеся къ этимъ племенамъ, вели кочевой образъ жизни и только немногіе изъ т. н. тюрковъ были способны къ осѣдлому быту. Послѣдовательно эти степи извергали одно племя за другимъ вслѣдствіе недостатка пастбищъ, средствъ къ существованію и взаимной вражды. Прежде всего эти степняки опрокидывались на цивилизованный Китай, который долженъ былъ еще за 250 лѣтъ до христіанской эры оградиться отъ воинственныхъ дикарей великой стѣной. Китайцы узнали монголовъ впервые подъ именемъ *татовъ*, *татанъ*, откуда западные путешественники XIII вѣка произвели *татаръ*. Въ дѣйствительности таты, какъ болѣе храбрые и искусные наѣздники, двигались впереди монгольскихъ полчищъ, сокрушая все на пути. Имя же монголовъ пріобрѣло извѣстность только со временемъ Чингисъ-хана, успѣвшаго послѣ долгихъ усилій объединить разрозненныя кочевья своихъ соплеменниковъ. Онъ происходилъ изъ народа кьятовъ въ горахъ Бурканъ-Калдунъ, въ истокахъ Тулы, притока Селенги, Онона и Карулана, притоковъ Амура. Кромѣ татаръ и кьятовъ тогда китайцамъ (въ началѣ XIII вѣка) были извѣстны многіе другіе народы, какъ-то: найманы, уйраты, онгуты,

тонгуты,—монгольскаго племени и сверхъ того: киргизы, когуры, кипчаки, карлуки, канкали, агачери — тюркскаго племени, дававшіе по преимуществу владыкъ и повелителей мусульманской Азіи и Африки, съ которыми тщетно боролись вожди крестоносцевъ ([1]).

Чингисъ-ханъ и первый русскій походъ.

Объединеніе кочевыхъ народовъ въ степяхъ Монголіи, совершившееся благодаря талантамъ и отвагѣ Темучина, прозвавшагося Чингисъ-ханомъ, отозвалось далеко въ Европѣ. Темучинъ и обликомъ и языкомъ не походилъ на монгола. Всѣ монголы отличались широкимъ, плоскимъ, чуть не четвероугольнымъ лицомъ съ выдавшимися скулами, глазами безъ рѣсницъ, вообще отвратительною наружностью. Темучинъ же обращалъ на себя вниманіе огромнымъ ростомъ, широкимъ лбомъ и длинной бородой. Его имя было не монгольское, но онъ научился языку побѣжденнаго имъ племени ([2]). Подчинивъ себѣ монголовъ, онъ въ 1206 году, собравъ ихъ старшинъ на лугу въ верховьяхъ Онона, провозгласилъ себя „императоромъ". Этимъ онъ хотѣлъ выразить китайскій взглядъ на власть, въ силу котораго подобно одному солнцу на небѣ, долженъ быть одинъ властитель на землѣ, всѣ прочіе государи должны ему подчиниться ([3]). Завоеванія Чингиса, благодаря правильной военной организаціи его полчищъ, росли съ каждымъ годомъ. Въ 1206 году онъ утвердился въ южной Монголіи, въ 1210 году — въ сѣверномъ

([1]) Для исторіи центральной Азіи болѣе всего сдѣлали русскіе ученые, а именно Бичуринъ (отецъ Іоакинфъ), Записки о Монголіи (П. 1828), Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова (П. 1828), Исторія о народахъ ср. Азіи (П. 1842). В. П. Васильевъ Исторія и древности В. Азіи (Зап. Арх. Общ.). И. Н. Березинъ, Ханскіе ярлыки (П. 1850), Улусъ Джучіевъ, нашествіе Батыя на Россію (Ж. М. Н. Пр. ч. 86). Григорьевъ, О достов. ханскихъ ярлыковъ (М. 1842) и пер. Землевѣдѣнія Азіи Риттера (т. I, Пет. 1857). Источники, кромѣ западныхъ путешественниковъ, о которыхъ скажемъ послѣ, — персидскій лѣтописецъ Рашидъ-Эддинъ (1247—1318), пер. Березинымъ въ 1858—61 г. въ Сборникѣ Лѣтописей Востока, Абульгази, Родосл. исторія о Татарахъ (старый р. пер. 1762 въ 2 ч.), монгольскіе: Алтанъ-Тобги (что значитъ «Золотое Сокращеніе» пер. въ Зап. Арх. Общ. т. XIV) и Сананъ-Схаценъ, Монгольская Исторія (нѣм. пер. изд. въ Петерб. въ 1829).

([2]) В. П. Васильевъ, Ист. и др. Средней Азіи, 129.

([3]) Тамъ-же, 145.

Китаѣ, въ 1218 году взялъ Бухару въ Ховарезміи, послѣ того какъ ханъ бѣжалъ изъ нея. Чингизъ вернулся въ Китай, а своихъ храбрыхъ военачальниковъ Чепе и Субудай-багадура послалъ преслѣдовать и поймать хана, когда то оскорбившаго его пословъ. Направляемые какой-то стихійной силой, монголы двинулись на Западъ, переправились черезъ Аму-Дарью, взяли Мервъ, вступили въ долину Атрека и, держась къ ЮЗ., обогнули южный берегъ Каспійскаго моря, черезъ Арменію проникли въ Грузію, а оттуда вступили въ землю Половецкую. Половцы бѣжали цѣлымъ становищемъ подъ защиту русскаго князя Мстислава Мстиславовича. Неосторожный князь увлекся воплями и мольбами половцевъ и втянулъ въ войну двухъ Мстиславовъ, князей Кіевскаго и Черниговскаго. Въ русскія лѣтописи занесено преданіе о нежеланіи татаръ вступить въ роковой поединокъ съ русскими. Князья напрашивались сами и были разбиты на берегахъ рѣчки Калміусъ (въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской губерніи) въ 1223 году, при чемъ погибъ князь Мстиславъ Кіевскій. Вѣроятно, не смѣя забираться въ невѣдомыя степи, монгольскіе вожди, не воспользовавшись своей побѣдой, поспѣшно повернули назадъ, чтобы донести великому хану о своемъ путешествіи (¹).

Походы Батыя. Чингисъ уже утомился своими войнами и побѣдами. Чувствуя приближеніе смерти, онъ раздѣлилъ свою „имперію“ на четыре части, отдавъ сыновьямъ: Чагатаю — Туркестанъ, Огатаю—Китай, Тулую—Персію и Хорасанъ, т. е. нынѣшніе ханства—Бухару и Хиву; внукъ же, отъ старшаго сына Чучи (Туши, Южи), Батый получилъ западныя земли, только что завоеванныя, именно: Кавказъ, землю Половецкую и Русь. Умирая въ 1227 году, Чингисъ назначилъ старшимъ надъ всѣми наслѣдниками третьяго изъ сыновей, т. е. Огатая съ титуломъ Каана или Какона. Преемники Чингиса расширили его завоеванія и въ Азіи и въ Европѣ.

(¹) Спеціальное изслѣдованіе о первомъ походѣ академика Куника въ Зап. Акад. Наукъ, т. II по I и III отд. Общее пособіе представляетъ классическій трудъ Hammer, G. der goldenen Horde in Kiptschak (Pesth, 1840), а также d'Ohsson, H. des Mongols depuis Tchinguis-Khan jusqu'à Timour-Lanc (La Haye, 1835) и до сихъ поръ цѣнное: Petis de la-Croix, H. du grand Genghiz-chan, P. 1710,—на основаніи записокъ путешественниковъ.

Наводя страхъ и трепетъ на всѣ народы, они подчинили себѣ Китай, Тибетъ, Индію до Ганга, большую часть Анатоліи съ Багдадскимъ и Дамасскимъ халифатомъ, съ долиной Тигра и Евфрата. Тронъ халифовъ пересталъ существовать. Бразды власти надъ Востокомъ перешли въ руки татаръ, которые уже перестали быть язычниками и приняли мусульманство.

Батый въ свою очередь воевалъ въ Европѣ. Великій ханъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ своего сына Куюка и племянника Менке; но главную силу орды представлялъ тотъ же Субудай. Теперь татары шли другимъ путемъ, а именно великими Каспійскими воротами. Они покорили землю торговыхъ и богатыхъ болгаръ на нижней Камѣ и средней Волгѣ и, пользуясь раздорами русскихъ удѣльныхъ князей, не прекращавшихъ своихъ счетовъ, опустошили землю Рязанскую въ 1237 г., взяли Владиміръ, разбили между рѣками Ситью и Мологой въ слѣдующемъ году великаго князя, направились было на Новгородъ, вернулись назадъ, очутившись, вѣроятно, среди болотъ, взяли Козельскъ послѣ долгой осады, въ 1239 году устремились на Югъ, опустошили южныя русскія области, а въ 1240 году разгромили Кіевъ и двинулись далѣе на Западъ, направляясь къ проходамъ Карпатовъ. Вся Европа была въ ужасѣ, узнавъ о появленіи грознаго безпощаднаго врага, для котораго разрушеніе было стихіей и жизнью. Императоръ Фридрихъ II хотѣлъ самъ встать во главѣ христіанскаго воинства, но ссора съ Римомъ этому воспрепятствовала. Казалось, западные народы, славяне и германцы будутъ беззащитны отъ враговъ. Но военное искусство рыцарей съ одной стороны и усталость монголовъ съ другой дали перевѣсъ христіанамъ. Впрочемъ, первое время Польша, Венгрія и Чехія подвергались опасности раззоренія и потери политической самостоятельности. Надо замѣтить, что, слѣдуя обычнымъ военнымъ пріемамъ, еще во время русскаго похода, татарскіе наѣздники, въ качествѣ развѣдчиковъ, показались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чехіи, гдѣ ихъ въ насмѣшку прозвали „картасами“, не придавая имъ особаго значенія и не зная какое зло несутъ они за собою странѣ. Батый все еще имѣлъ около полмилліона воиновъ, когда двинулся въ Западную Европу; по всегдашнему обычаю монголовъ, за конницею тянулись коровы, бараны, козы, служившіе пищей арміи и замѣнявшіе всякій обозъ. Въ концѣ зимы 1241 года татары

вторглись въ Малую Польшу, взяли и сожгли Сандомиръ и Краковъ. Здѣсь, въ виду карпатскихъ проходовъ, Батый раздѣлилъ свою орду на двѣ части: одна ворвалась въ Венгрію, другая въ Великую Польшу, разсчитывая проникнуть въ Чехію и Германію.

Вторженіе монголовъ въ западную Европу.

Всей европейской цивилизаціи грозила великая опасность. Татары обѣщали не оставить камня на камнѣ. Германское рыцарство, не дожидаясь императора, спѣшило вооружаться вмѣстѣ съ польскимъ и чешскимъ. Чешскій король Вячеславъ собралъ до 50 тысячъ сбродныхъ воиновъ, въ рядахъ которыхъ было не болѣе 6 тысячъ конныхъ, способныхъ къ геройской оборонѣ. Но польскій князь не хотѣлъ подождать его и при Легницѣ (въ Силезіи) одинъ думалъ остановить цѣлыя сотни тысячъ конныхъ монголовъ, соединившихся теперь въ одну армію. Татары легко растоптали своихъ противниковъ; 10 тысячъ поляковъ легло въ этомъ бою, а между ними погибъ и самъ князь Генрихъ. Когда король Вячеславъ подошелъ къ Легницу, татаръ уже не было. Они перебросились частію въ Венгрію, частію въ Моравію. Самъ Батый руководилъ походомъ въ Венгрію; Пета пошелъ на Моравію. Пользуясь раздорами между королемъ Бѣлою и магнатами, Батый, отбросивъ послѣ битвы на рѣкѣ Слонѣ венгерскую конницу, произвелъ страшное опустошеніе страны, обративъ заселенныя долины въ пустыни; отъ городовъ едва оставались слѣды. Король бѣжалъ въ Австрію, а оттуда въ Хорватію. Батый, овладѣвъ большею частію Венгріи, хотѣлъ идти по его слѣдамъ, но, получивъ извѣстіе о неудачахъ Петы, долженъ былъ пріостановиться. Монголы подъ Ольмюцомъ встрѣтились съ чешскимъ войскомъ предводимымъ Ярославомъ, извѣстнымъ послѣ подъ именемъ графа Штернбергъ. Потерпѣвъ пораженіе, монголы отступили на соединеніе съ Батыемъ. Теперь нѣмцы и чехи стали дѣйствовать съ большимъ единодушіемъ. Ихъ силы оказались столь внушительны, что Батый не счелъ возможнымъ рисковать битвой, а, отыскивая новой добычи, направился лѣтомъ 1241 года на Югъ въ Хорватію, дошелъ до Далмаціи, все разрушая на пути и, увидѣвъ берега Адріатики, зазимовалъ на нихъ. Въ началѣ 1242 года Батый, не видя дальнѣйшей цѣли похода, вернулся назадъ въ Кіевъ въ привольныя степи Южной Руси, и, пройдя ихъ, расположился въ Сараѣ (близъ нынѣшняго г. Царева, въ Астраханской губерніи), откуда

управлялъ своими громадными завоеваніями. Здѣсь на поклонъ явились къ нему русскіе князья. Куюкъ же поспѣшилъ на родину.

Батый и его преемники не разрывали связей съ великимъ ханомъ. Тогда уже не было въ живыхъ Огатая; онъ умеръ въ годъ наибольшихъ воинскихъ успѣховъ монголовъ—(1241 г.). Одна изъ его женъ или точнѣе сказать наложницъ, такъ какъ монголы до принятія мусульманства не знали брачной жизни,—Туракина правила имперіею 4 года, можетъ быть поджидая прибытія съ Запада Куюка, котораго дѣйствительно водворила на престолѣ отца. Молодой властитель, утомленный долгимъ походомъ, горделиво именовавшій себя „силой Божіей и властелиномъ человѣчества“, скончался черезъ три года, и въ 1251 году великимъ ханомъ, по желанію Батыя, былъ избранъ сынъ Тулуя, Мангу (умершій въ 1259 году), а послѣ него его братъ Кублай, старавшійся ввести среди монголовъ китайскую образованность.

Плано-Карпини въ 1246 году.

Въ это-то время прибыли въ Монголію первые изслѣдователи—монахи съ отдаленнаго Запада. Итальянскій миноритъ Джіованни де-Плано-Карпини съ монахомъ Бенедиктомъ были посланы въ 1246 году въ станъ Батыя съ миссіонерской цѣлью. Карпини описалъ свое путешествіе черезъ Чехію, Польшу, Кіевъ въ Сарай, откуда онъ былъ направленъ Батыемъ за Уралъ въ степи къ великому хану, при дворѣ котораго пробылъ недолго и въ 1247 году уже вернулся въ Кіевъ. Онъ первый сообщилъ основательныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ монголовъ, изъ среды которыхъ выдѣляетъ татовъ или татаръ, считая ихъ передовой дружиной монголовъ. Онъ же, по созвучію татаръ съ тартаромъ, упрочилъ мысль въ умахъ современниковъ, что татары, наполнившіе ужасомъ Европу, суть не что иное, какъ исчадіе ада. Онъ мѣткими чертами обрисовалъ деспотическую власть великаго хана и обрядъ присяги ему. „Чтобы императоръ ни приказалъ, разсказываетъ Карпини, въ какое бы время и гдѣ бы то ни было, на войну, на смерть-ли, на жизнь-ли, все это исполняютъ они безъ прекословія. Также, если ханъ потребуетъ у кого незамужнюю дочь или сестру, безпрекословно отдаютъ ему. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ онъ собираетъ дѣвицъ изъ всѣхъ татарскихъ владѣній; изъ нихъ онъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ

своимъ людямъ, какъ ему вздумается". Этой безграничной власти предшествуетъ символическій обрядъ, совершающійся при самой примитивной обстановкѣ. Вельможи кладутъ мечъ передъ своимъ владыкой и говорятъ: „Мы хотимъ, просимъ и приказываемъ, чтобы ты владѣлъ всѣми нами". Ханъ спрашивалъ послѣ того: „Если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнить то, что я прикажу: приходить—когда призову, идти туда—куда пошлю, убивать того—кого велю". На это они отвѣчали: „готовы". —„Если такъ, продолжалъ ханъ, то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечемъ моимъ". Наконецъ, его сажали на войлокъ и говорили что въ случаѣ хорошаго управленія онъ будетъ счастливъ, а въ случаѣ дурнаго у него не будетъ и войлока, на которомъ онъ сидитъ (¹).

По возвращеніи въ Европу, Карпини неутомимо проповѣдывалъ въ Чехіи, Венгріи и Норвегіи. Въ томъ же 1247 году отправленъ былъ францисканецъ Николай Асцелинъ съ цѣлой миссіей въ Бухару (Ховарезмію) и въ Монголію. Онъ ѣхалъ другимъ путемъ: черезъ Сирію, Месопотамію и Персію. Его описаніе не отличается полнотою наблюденій Карпини, равно какъ и Записки францисканца Рубруквиса изъ Брабанта, о которомъ однако нельзя не упомянуть.

Рубруквисъ въ 1253 году.

Онъ былъ отправленъ непосредственно королемъ Луи IX къ великому хану въ качествѣ посла, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ принесеніемъ поздравленія по поводу слуховъ о принятіи самимъ Мангу христіанства. Слухъ оказался ложнымъ, но подробное описаніе путешествія Рубруквиса значительно расширило кругъ географическихъ свѣдѣній въ тогдашнемъ обществѣ (²). Въ Крыму Рубруквисъ нашелъ остатки готовъ, съ которыми могъ свободно объясняться. Онъ проникъ въ Азію черезъ южные отроги Урала, гдѣ встрѣтилъ башкиръ, которыхъ называетъ паскатирами. Черезъ Кенкатъ (Ташкентъ), проходами Белуръ-Тага и Алтая, онъ достигъ Монголіи, въ сопровожденіи Варѳоломея Кремонскаго. Въ Монголіи онъ встрѣтился съ плѣнными латинами, вѣроятно чехами, поляками и нѣмцами, увезенными послѣ силезскаго похода. Здѣсь,

(¹) Д. Языковъ, Собраніе путешествій къ татарамъ (Пет. 1825). Здѣсь помѣщенъ переводъ Записокъ Плано-Карпини и Николая Асцелина. См. 40, 147 стр.—На франц. въ изд. Recueil de Voyages et de Mémoires, publié par la Soc. de Géogr. (P. t. IV, 1839).

(²) На франц. въ IV т. цитованнаго изданія, а также въ Voyage de Benjamin de Tudèle etc. (P. 1830).

въ качествѣ ремесленниковъ, европейцы оказались незамѣнимыми людьми, какъ рудокопы и оружейники. Монголы относились къ нимъ очень любезно. Въ степи Гоби, недалеко отъ береговъ Онона, была расположена столица ханства подъ именемъ Каракорума, на мѣстѣ нынѣшняго Карчина. Тутъ Рубруквисъ встрѣтился съ соотечественникомъ, французомъ Гильомомъ Бушье, который устраивалъ ханскіе сады, украшалъ ихъ серебряными статуями, ставилъ фонтаны и исполнялъ разныя механическія работы. Убѣдившись, что слухъ объ обращеніи великаго хана ложенъ, послы отправились назадъ тѣмъ же путемъ, но, переправившись черезъ Волгу, направились черезъ Кавказскія горы въ Грузію, Арменію, Анатолію, Сирію, Египетъ и Триполи, куда прибыли уже въ въ 1255 году. Получивъ приказаніе поселиться въ Палестинѣ въ Санъ-Жанъ д' Акрѣ, Рубруквисъ приступилъ къ отчету о путешествіи, который подалъ своему королю. Онъ прожилъ послѣ того почти 40 лѣтъ и умеръ въ 1293 году. Его заслуги для этнографіи были замѣчательны. Онъ первый призналъ, что гунны, башкиры и венгры суть народы финнскаго племени и умѣлъ разобраться въ ихъ языкѣ. Рядомъ съ тѣмъ у него невозможныя сказки въ родѣ того что въ одной счастливой землѣ близъ Восточнаго Океана иностранцы перестаютъ старѣться послѣ того, какъ въ ней поселятся.

Марко Поло (1254-1324 г.) и «Mirabilia mundi».

Еще болѣе подробное описаніе Востока уже на исходѣ XIII вѣка составилъ венеціанецъ Марко Поло, происходившій изъ зажиточной купеческой семьи. Онъ наполнилъ Западъ славой чудесъ и богатствъ Азіи. Самое сочиненіе его носитъ названіе „Чудесъ міра". Оно дало ему имя *Геродота среднихъ вѣковъ*. Рѣдкій путешественникъ столько видѣлъ, столько вынесъ и столько написалъ. Его краски такъ роскошны; вещи и богатства, которыя онъ описываетъ, казались столь невѣроятными, что его прозвали „милліонщикомъ" (il Millione, messer Marco Milioni). Но большая часть того, что онъ говорилъ, была подтверждена впослѣдствіи въ XV и XVI вѣкахъ учеными португальцами. Его „Mirabilia" стало основаніемъ географіи Азіи. Онъ первый отправился на Востокъ въ 1271 году исключительно съ торговою цѣлью съ отцомъ Николо и дядею Маффеи, въ сопровожденіи приказчиковъ и слугъ, оберегавшихъ товары. Путь шелъ по слѣдамъ Рубруквиса. У хана Кублая торговцы встрѣтили неожиданное гостепріимство.

Открытія новыхъ странъ.

Изучивъ монгольскій языкъ, Марко своими разнообразными свѣдѣніями оказался необходимымъ для Кублая, при дворѣ котораго провелъ болѣе 20 лѣтъ. Изъ столицы, сопровождаемый конвоемъ, пользуясь милостью повелителя, Марко совершалъ продолжительныя путешествія по степямъ, Китаю, Тибету, Индіи. Онъ всесторонне изучилъ Азію и узналъ ее, благодаря особымъ выгоднымъ условіямъ, какъ никто. Онъ, напримѣръ, четыре года участвовалъ въ китайскомъ походѣ въ должности инженера, устраивая монголамъ метательныя машины; онъ видѣлъ покореніе двухъ государствъ: Ка-тая и Ма-хина, которыя соединились въ одну монархію, столицею которой дѣлается Пекинъ съ 1280 года. Одно время Поло былъ назначенъ начальникомъ города Янгуи. Авторъ подробно въ двухъ главахъ описываетъ богатѣйшій приморскій городъ съ серебряными стѣнами и золотыми башнями—Кинсай (нынѣшній Ханг-чеу-фу). Онъ зналъ Японію подъ именемъ островонъ Ципанго или Іипенъ. Онъ описалъ южные острова Восточнаго Океана, которые хотѣлъ завоевать великій ханъ. Онъ участвовалъ также въ походѣ на Тибетъ и изобразилъ эту плоскую возвышенность, гдѣ утвердился ламаизмъ съ Далай-Ламой (1). Онъ въ странѣ Пегу собралъ свѣдѣнія о передней Индіи, которую назвалъ Бангалой, и впервые ознакомилъ Европу съ пряностями ея. По этому поводу онъ упоминаетъ про абрагамовъ (браминовъ). Онъ останавливался съ китайской эскадрой на Зундскихъ и Малуккскихъ островахъ, открылъ для изслѣдованія Яву, Суматру, Борнео, Целебесъ и полуостровъ Малакку, провѣривъ Птоломея и отвергнувъ его голословныя сказанія о цѣлой тысячѣ острововъ. Онъ былъ на Цейлонѣ, описалъ восточный берегъ Африки, который съ его словъ по племенному имени воинственныхъ Зенгви сталъ называться Зангебаръ, былъ на островѣ „Магастарѣ“, начальствуя китайской флотиліей не разъ высаживался на берегъ для своихъ изслѣдованій, убѣдился въ существованіи цѣлыхъ негритянскихъ царствъ, которыя считалъ возможнымъ объѣхать на корабляхъ съ Юга, произвелъ развѣдки о землѣ Абасція (Абиссинія), въ которой тогда процвѣтало христіанство. Въ Іерусалимѣ онъ встрѣтился съ абиссинцами, приходившими поклониться Гробу Господню, записалъ эти бесѣды

(1) Гумбольдтъ въ Космосѣ полагалъ, что это описаніе взято цѣликомъ изъ сочиненія буддійскаго пилигрима VII вѣка Гіуинцанга (II, 426).

и тогда пошла молва о далекомъ христіанскомъ таинственномъ Габешѣ, который послѣ такъ магнетически притягивалъ къ себѣ португальцевъ и всѣхъ изслѣдователей.

Вообще позднѣйшіе мореплаватели XV вѣка, не исключая и Колумбо, благодаря подробнымъ описаніямъ Марка Поло, влекомые любознательностью, наталкивались на свои открытія. Знаменитый путешественникъ также хорошо зналъ Сибирь, какъ и Югъ Азіи. Онъ обстоятельно описалъ жизнь бурятъ и тунгузовъ у Байкала.

Вернувшись съ огромными средствами и драгоцѣнными матеріалами въ Венецію въ 1295 году, онъ не сразу приступилъ къ своему сочиненію. Онъ былъ отвлеченъ войной съ Генуей, въ которой принялъ участіе изъ страсти къ приключеніямъ; въ одномъ изъ сраженій онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ адмираломъ Дандоло. Сидя въ заточеніи, онъ диктовалъ своему другу Рустигелло свое описаніе по запискамъ, полученнымъ изъ Венеціи. Оригиналъ весь былъ написанъ по-итальянски въ 1298 году и былъ въ 1320 году переведенъ на латинскій, но въ печати вышли сперва переводы нѣмецкій и французскій, потомъ итальянскій оригиналъ и португальскій переводъ. Какъ многочисленныя рукописи, такъ и эти изданія внесли цѣлый міръ географическихъ данныхъ въ среду тогдашняго общества. Они много содѣйствовали развитію любознательности и пытливости новыхъ предпріимчивыхъ дѣятелей,— вообще образованности ([1]). Замѣчательно, что Марку мало довѣряли; до того казались невѣроятными его удивительные разсказы. Друзья просили его передъ смертью, для успокоенія души, отказаться хотя отъ половины его расказовъ.—„Я ничего не преувеличилъ, отвѣчалъ обиженный путешественникъ, и не передалъ даже половины того, что видѣлъ“.

([1]) Первое итальянское изд. Marco Polo veneziano—delle Maraviglie del Mondo da lui vedute (Ven. 1496). Лучшее изданіе съ комм. графа Baldelli Boni—Il Millione di messer Marco Polo Veneziano (съ «Исторіей Азіи», Fir. 1824). Нѣмецк. пер. вышли въ Нюренбергѣ и въ Вѣнѣ въ 1477 году; португал. въ 1502 году въ Лиссабонѣ. Русскій переводъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. (1861, кн. 3 и 4, 1862, кн. 1—4). Лучшее старо-французв. изданіе, которое считали за оригиналъ, сдѣлано Soc. de Géogr. de Paris въ Rec. de Voyages et de Mémoires (P. t. I, 1824). Лат. изд. Ed. Müller (Ber. 1671). См. соч. Риттера (Землевѣдѣніе Азіи и Исторію Землевѣдѣнія), Гумбольдта (Asie Centrale; II, 495) и сборникъ Григорьева (Азія).

Готье и его „Картина міра".

Къ этому же роду произведеній относятся космографическія обозрѣнія или компиляціи, написанныя современниками на народныхъ языкахъ, иногда въ поэтической формѣ, на основаніи древнихъ авторовъ или предшествовавшихъ латинскихъ опытовъ. Наибольшее значеніе имѣла поэма: „Картина міра" или - во французскомъ оригиналѣ XIII вѣка—„C'il livre de clergie (книга знаній) qui est appelez en romans l'Ymagene del monde" (¹). Авторомъ этой поэмы былъ Готье изъ Меца; впрочемъ ему принадлежитъ скорѣе стихотворная форма, потому что матеріалъ заимствованъ у Исидора Севильскаго (изъ 20 книгъ его Началъ или Этимологій, въ которыхъ имъ было собрано около 630 г. все что осталось отъ древней образованности), у Гонорія Отэнскаго (изъ его Imago mundi, составленной около 1140 года) и у Гильома де Коншъ (изъ его Philosophia mundi, написанной около 1150 года). Эти серьезные латинскіе труды, бывшіе достояніемъ записныхъ ученыхъ, французъ Готье сумѣлъ сдѣлать интересными, передавъ ихъ въ довольно привлекательной формѣ.

Поэма Готье, оконченная въ 1245 году въ трехъ отдѣльныхъ частяхъ въ 27 тысячъ стиховъ, излагаетъ по своему космогонію, географію и астрономію. Системы во всей поэмѣ, раздѣленной на 55 главъ, нѣтъ—хотя задѣты болѣе или менѣе подробно всѣ вопросы естествознанія. Она начинается библейской картиной сотворенія міра и появленія первыхъ людей, надѣленныхъ разумомъ въ отличіе отъ другихъ тварей. Семь свободныхъ искусствъ даны были человѣку на зарѣ его бытія. Это даръ Верховнаго Создателя, но выразителями его явились великіе люди, въ ряду коихъ первое мѣсто занимаетъ Виргилій, бывшій будто бы предметомъ восхищенія самого апостола Павла. Изъ числа „свободныхъ искусствъ" авторъ исключаетъ медицину, потому что она занимается тѣломъ, грѣховной оболочкой человѣка, а не духомъ. Изображая космосъ, Готье восхищается его общей гармоніей. Вся сфера міра имѣетъ видъ яйца, въ серединѣ котораго помѣщается земля. Послѣдняя имѣетъ круглую форму также какъ и небо, находящееся въ вѣчномъ движеніи. Въ этомъ, конечно, не было ничего оригинальнаго, такъ какъ всѣ космическія представленія заимствованы у древнихъ.

(¹) Histoire littéraire de la France; t. XXXIII.

Во второй части авторъ даетъ обозрѣніе извѣстныхъ частей свѣта, начиная съ Азіи. Прежде всего Готье отыскиваетъ мѣсто земнаго рая, которое изображаетъ согласно съ Библіей. Затѣмъ переходитъ къ странѣ чудесъ—Индіи, для которой не щадитъ красокъ. Въ ряду диковинокъ Индіи описывается звѣрь единорогъ „съ туловищемъ лошади, ногами слона и головой оленя; на лбу у него огромный рогъ въ 4 локтя; его можно поймать не иначе, какъ если онъ, приблизившись къ невинной дѣвушкѣ, положитъ голову къ ней на колѣна и заснетъ" (1). Съ такою же обстоятельностью, не щадя красокъ, авторъ описываетъ чудеса Африки, безсистематично, собирая матеріалъ откуда возможно и занося въ поэму все фантастичное что только было извѣстно въ тогдашнемъ обществѣ относительно этой части свѣта и что въ свою очередь упрочилось въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, благодаря чтенію „Картины міра". Тутъ говорится объ адѣ, размѣщеніе котораго очень обстоятельно знакомо автору, о чистилищѣ св. Патрика, о разныхъ волшебныхъ мѣстахъ. Замѣчательно, что объ Европѣ Готье говоритъ мелькомъ въ нѣсколькихъ стихахъ. За то съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на общихъ географическихъ соображеніяхъ по вопросу объ отношеніи суши къ водѣ и т. п. Описаніе небесной сферы, падающихъ звѣздъ, семи планетъ, служитъ переходомъ къ астрономіи. Въ этой послѣдней части поэмы говорится о фазахъ луны, о суточномъ измѣреніи времени, о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, о небесныхъ свѣтилахъ и звѣздахъ, ихъ величинѣ и взаимныхъ разстояніяхъ. Конечно, всѣ такія соображенія автора и его описанія небесной сферы не имѣютъ за собою никакихъ научныхъ данныхъ, но въ исторіи тогдашней поэзіи эти замѣчанія важны потому, что они послужили матеріаломъ для „Li Tresors" Брунетто Латини, а черезъ него и для Данте, который могъ помимо того пользоваться подлинникомъ Готье. Небо видимое, хрустальное, эмпирей изображено у Готье также, какъ въ соотвѣтственныхъ пѣсняхъ „Рая". Эмпирей нѣчто неподдающееся человѣческому воображенію; эмпирей ярче самого солнца; тамъ находится небесный рай; тамъ пребывали прежде падшіе ангелы. Авторъ дѣлаетъ неожидан-

(1) Въ русской литературѣ извлеченіе изъ «Картины міра» сдѣлалъ г. Болдаковъ въ цитованной Ист. средневѣковой лит. 600—602.

ный переходъ снова къ Виргилію, и кончаетъ сжатымъ, довольно спутаннымъ повтореніемъ разнообразнаго содержанія поэмы.

Вліяніе „Картины міра“ и другихъ подобныхъ произведеній на современниковъ было огромное; въ нихъ грамотные люди находили все, что удовлетворяло ихъ любознательности. Доказательствомъ того служитъ обиліе современныхъ манускриптовъ, которыхъ только въ Парижской Національной Библіотекѣ насчитывается около 30. Прочіе бревіаріи (руководства) и энциклопедіи не могли имѣть такой популярности, хотя въ иныхъ частяхъ превосходили поэму Готье; имъ не доставало увлекательной формы. Такъ итальянецъ Брунетто Латини (1220 — 1294 г.), флорентійскій сановникъ, составилъ свою обширную „Сокровищницу“ (Li tresor) на старо-французскомъ языкѣ (¹). Манфредъ Эрменго на провансальскомъ составилъ „Lo breviari d'amor“ въ 21 тысячу стиховъ. Эта поэма о любви земной и загробной, при чемъ авторъ пытается изложить энциклопедію тогдашнихъ знаній и особенно подробно богословіе. Того же содержанія было анонимное „Il libro di Sidrac“ переведенное въ XIV вѣкѣ съ итальянскаго на французскій языкъ подъ заглавіемъ: La fontaine de toutes sciences. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ знаніе протягиваетъ руку поэзіи, къ которой мы должны обратиться.

Существенными двигателями средневѣковой исторической жизни были рыцарство и католицизмъ. Эпосъ воплотилъ въ себѣ то и другое въ замѣчательной полнотѣ и художественной законченности,—рыцарство въ нѣмецкихъ и французскихъ образцахъ, современныхъ цвѣтущей эпохѣ рыцарства, т. е. періоду гогенштауфеновъ; а католицизмъ въ личности Данте, который въ своей Divina Comedia, этомъ великомъ твореніи человѣческаго духа, олицетворилъ въ безсмертныхъ образахъ средніе вѣка. Мы остановимся подробнѣе на нѣмецкомъ эпосѣ и на Данте, а прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о поэзіи болѣе ранняго времени.

(¹) Этой энциклопедіи предшествовало итальянское Il Tesoretto, посвященное королю Луи IX и неоконченное авторомъ. Оно имѣетъ дидактическій характеръ и трактуетъ между прочимъ о правѣ и политикѣ; можетъ быть по фабулѣ оно въ нѣкоторыхъ частяхъ послужило предметомъ подражанія для Данте.

Языческіе мотивы народной поэзіи.

Въ первый періодъ средневѣковья, приблизительно до XII вѣка, воображеніе питалось богатымъ содержаніемъ древне-германской или точнѣе скандинавской эпической народной поэзіи, которая разработывалась въ каждой странѣ согласно мѣстнымъ художественнымъ вкусамъ, средствамъ и преданіямъ. Величественные въ своей первобытной простотѣ мотивы языческихъ скандинавскихъ пѣсенъ, миѳическихъ и героическихъ, сохранившихся во всей чистотѣ въ отдаленной Исландіи, такъ называемой Старшей Эдды (вѣщуньи), въ позднѣйшей редакціи приписываемой Сэмунду Сигфуссону, съ ея полными колоссальной силы, полудикими по содержанію сказаніями о богахъ и богиняхъ, герояхъ и героиняхъ, о Нифлунгахъ, Сигурдѣ, Гельги, Кудрунѣ, съ Вöлусповой сагой,— были записаны лишь въ XII столѣтіи, но передавались въ болѣе ранніе вѣка изъ устъ въ уста. Также издавна были извѣстны: пѣсни скальдовъ, составившія такъ называемую Младшую Эдду, въ обработкѣ Снорре-Стурлесона, поэма англо-саксонская о Беовульфѣ, въ которой пластично выражена борьба человѣка съ грубыми силами природы, сказанія о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ, этихъ отдаленныхъ прототипахъ рыцарства, а равно потрясающая до сихъ поръ Вöльзунгова сага [1]. Позже явились поэты, или точнѣе стихотворцы, которые изобрѣтали тотъ или другой размѣръ, укладывали богатый матеріалъ, оставленный скандинавскими языческими преданіями, уже нѣсколько видоизмѣненный, въ болѣе или менѣе красивую стихотворную форму, составлявшую личное изобрѣтеніе каждаго пѣвца и называвшуюся его именемъ, при чемъ поэты примѣнялись къ вкусамъ сравнительно болѣе культурнаго и изнѣженнаго времени.

Съ XII вѣка, при дворахъ князей и рыцарей, исполнялись миннезенгерами пѣсни на сюжеты древнихъ скальдовъ, въ формѣ, которая стала неузнаваемой. Знаменитая Иліада Германіи, „Dei Nibelungen Noth“—Пѣснь о Нибелунгахъ— изображаетъ роковую гибель знаменитыхъ германскихъ родовъ, пользуясь сказаніемъ о Сигурдѣ, о валькиріи Брунгильдѣ,

---

(1) По-русски нѣкоторыя саги цѣликомъ переведены въ изданіи А. Н. Чудинова (Образцовыя произв. сканд. поэзіи В. 1875; I, 28—169). Въ прозаическихъ отрывкахъ переводъ Гудруны и Нифлунговъ въ соч. Грановскаго, въ изд. Стасюлевича и Кирпичникова. Спеціальное изслѣдованіе Н. Полеваго. Древн. пам. нар. поэзіи герм. и слав. II. 1864.

о мести Кримгильды, сагами о Дитрихѣ Бернскомъ и гуннскомъ королѣ Этцелѣ, въ котораго обратился сѣверный колдунъ Атли. Это созданіе всего германскаго народа, которое редактировалъ, по предположенію критики, малоизвѣстный поэтъ Кюренбергеръ (¹). Сказаніе о Кудрунѣ было въ то же время переработано въ поэму о Гудрунѣ, эту Одиссею Германіи. Во Франціи Нибелунговъ замѣняла великолѣпная пѣснь о Роландѣ, которую пѣли также въ Нормандіи и въ Англіи труверы и менестрели.

Въ концѣ XII столѣтія поэзія получила подъ французскимъ вліяніемъ иное содержаніе. Изъ народной она стала рыцарской придворной и получила искуственный, индивидуальный характеръ.

Рыцарскій эпосъ. Господство гогенштауфеновъ повело за собою процвѣтаніе въ Германіи этого рода поэзіи, которую также называютъ романтической, такъ какъ она есть плодъ романскаго, именно провансальско-французскаго вліянія. Какъ провансальцы прославились своею лирикою, главными предметами которой были и остались страданія и радости любви и восхваленіе возлюбленной, такъ сѣверо-французскіе труверы проявили весьма богатую содержаніемъ эпику, благодаря которой Франція сдѣлалась истиннымъ средоточіемъ романтической поэзіи. Крестовые походы завязали постоянныя сношенія между французскимъ и нѣмецкимъ рыцарствомъ. То и другое стремилось проявить идеальное братство въ поэтическомъ вдохновеніи. На характеръ этой рыцарской поэзіи крестовые походы повліяли непосредственно. Французское рыцарство, покрывшее себя неотразимымъ блескомъ чести и славы въ первомъ крестовомъ походѣ, сдѣлалось образцомъ для нѣмецкой знати. У него нѣмцы заимствовали законы и учрежденія рыцарства, придворнаго этикета, куртуазію и романтическо-рыцарское почитаніе женщины (²). Существенную часть кур-

---

(¹) Переводъ Нибелунговъ недавно сталъ выходить въ Пантеонѣ Литературы (1889, № 2 и слѣд.).

(²) Для Германіи въ этомъ вопросѣ—капитальное сочиненіе Weinhold, Die Frauen im Mittelalter. См. рефератъ Петрова. Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ (въ его Очеркахъ изъ Всем. Ист. X. 1882, 2 изд.), составленный по этой книгѣ. — Въ дополненіе къ нашимъ примѣчаніямъ (II, 255, 267) слѣдуетъ указать на соч. Th. Wright (Womankind in western Europe),

туазіи составляло идеальное служеніе женщинамъ, имѣвшее (II, 265) религіозное основаніе въ поклоненіи Дѣвѣ Маріи, которое сильно развилось во время крестовыхъ походовъ. Мечтательность же германскаго характера выразилась въ одной отличительной чертѣ — въ стремленіи за предѣлы видимаго міра, zu Himmel, въ мечтахъ о небесномъ блаженствѣ, короче въ представленіи о непрестанномъ противорѣчіи между духомъ и матеріей.

Все это особенно рельефно высказалось въ нѣмецкомъ рыцарскомъ эпосѣ. Два цикла средневѣковаго эпоса нашли себѣ мѣсто и въ Германіи. Артуровъ циклъ въ большинствѣ поэтическихъ сказаній о животныхъ въ общемъ не вызвалъ сочувствія, но за то въ этомъ же циклѣ одинъ сюжетъ подчинилъ себѣ всѣ другіе и получилъ самую поэтическую обработку подъ перомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэтовъ. То были сказанія о св. Гралѣ и Тристанѣ и Изольдѣ. Замѣчательнѣйшіе представители германской поэзіи: Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій, близкіе къ геніальности, работали надъ этими мотивами (¹).

Но если упомянутыя легенды породили блестящія творенія, то все это произошло не съ разу. Нѣмецкая поэзія шла историческимъ путемъ. Въ XII вѣкѣ она отдаетъ дань исключительно религіозной эпохѣ, тѣмъ болѣе, что въ первое время находилась въ рукахъ духовныхъ лицъ. Здѣсь мы встрѣчаемся **Нѣмецкая поэзія въ XII вѣкѣ.**

а также соч. Schultz, Falke и Roth von Schreckenstein о придворной и вообще рыцарской жизни въ Германіи, и непосредственно — Bergemann. Das höfische Leben nach Gottfried von Strassburg, 1876.

(¹) Пособія: Гервинусъ, Gesch. der poetischen National-Literatur der Deutschen (пятое, изд. 1871); Vilmar, Gesch. der deutschen National-Literatur (2 изд. Marb. 1881); Erlach, Die Volkslieder der Deutschen 1834—37, 5 v. Изданія историческихъ пѣсенъ: Вольфа и позднѣйшее для 13—16 вѣка — Лиліенкранца (1865—69 г.), о чемъ статья Оппеля въ Hist. Zeitschrift (1871, № 1). Общіе курсы для нѣмецкой литературы: Rosenkranz, Gesch. der deutschen Poesie im Mittelalter (1830); Cholevius, Gesch. der deutschen Poesie nach ihren antiken Elementen (2 v. 1854); W. Scherer, Gesch. der deutschen Litteratur B. 1880. Сборники и выборки памятниковъ сдѣлалъ между прочимъ Huttemer, Denkmäler des Mittelalters (1844). Спеціально для Граля: Parcival, Studien von S. Marte, 3 V. (1861). Для исторіи животнаго эпоса на русскомъ языкѣ спец. изсл. проф. Л. З. Колмачевскаго, Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ (К. 1882).

со многими сочиненіями, которыя составляютъ переходъ отъ монашеской жизни къ рыцарской. Таковы: поэма евангельскаго содержанія, оригиналъ которой хранится въ Гёрлицѣ— такъ называемая Görlitzer Evangelienharmonie, написанная неизвѣстнымъ авторомъ въ XII ст., передѣлка Моисеевыхъ книгъ, которую Гриммъ относитъ къ началу этого вѣка, стихотворное житіе Дѣвы Маріи монаха Вернера, отрывокъ легенды о Пилатѣ, императорская хроника—„Kaiserchronik"—въ 1600 стиховъ, написанныхъ въ половинѣ XII столѣтія, собраніе легендъ и новеллъ, наполнившее исторію римскихъ императоровъ самыми странными анахронизмами, забавные разсказы, повѣствованія изъ жизни святыхъ и т. п. Болѣе серьезная поэзія началась именно тогда, когда въ нѣмецкихъ рыцарскихъ кружкахъ стали знакомиться съ поэтическими сюжетами, распространявшимися въ южныхъ областяхъ Франціи. Первымъ результатомъ такого знакомства была передѣлка извѣстнаго сказанія о Роландѣ — священника Конрада и современная ей пѣснь объ Александрѣ священника Лампрехта, написанная по итальянскому источнику. Въ первой части ея авторъ держится Курція, а потомъ бросается въ романтическій міръ чудесъ, въ которомъ прихотливо перемѣшиваетъ западные элементы съ восточными. Тутъ весьма поэтическій эпизодъ о томъ, какъ герои пребывали съ очаровательными дѣвушками, которыя являются въ заколдованномъ лѣсу изъ чашечекъ красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Въ продолженіе лѣта дѣвы блаженствуютъ, какъ нимфы, а осенью вымираютъ вмѣстѣ съ цвѣтами и деревьями.

Подобное забавное смѣшеніе историческихъ эпохъ, географическихъ представленій, пестрота и живописная амальгама встрѣчаются въ Энеидѣ Генриха фонъ-Фельдеке (1190 г.). Эней облеченъ въ рыцарскую броню; Виргиніи навязана сентиментальность. Фельдеке родоначальникъ рыцарской поэзіи; его Энеида долго пользовалась популярностью, потому что совмѣщала въ себѣ все то, что считалось признакомъ высокаго поэтическаго искусства; звучность риѳмы и красоту стиха. Съ тѣхъ поръ какъ поэзія перешла въ руки привилегированныхъ поэтовъ, оставивъ хижины народа, она измѣнилась и во внѣшней формѣ. Въ прежнихъ памятникахъ поэзіи была Нибелунговская строфа, четыре длинныхъ стиха изъ 4 арзисовъ съ аллитераціей, тогда какъ въ рыцарской эпикѣ— два короткихъ стиха съ 4 арзисами съ риѳмой, а въ лирикѣ

трехчленное съ аллитераціей строфъ сочетаніе. — Герберть фонъ-Фрицларъ подражалъ Фельдеве въ пѣсни о Троѣ и только Гартманъ фонъ деръ-Ауэ въ началѣ XIII вѣка вступилъ на широкую дорогу, хотя идетъ по ней осторожно. Онъ также заимствуетъ свои сюжеты изъ Артурова цикла. Говорящій міръ животныхъ, преданія о кладѣ и о великанахъ привязываютъ его къ миѳической старинѣ; рыцарское пониманіе чести и обоготвореніе женщины, разсказы о томъ какъ рыцарь бьется за угнетенную дѣву и ищетъ приключеній, — все это отраженія современности. Въ свою очередь дѣвушка въ „Бѣдномъ Генрихѣ“ готова принести себя въ жертву и спасти рыцаря отъ смертельной проказы. Надъ ней заносятъ ножъ. Божество удовлетворено и рыцарь исцѣляется. Подвижница, совершая это геройство, мечтала объ искупленіи и вѣчной жизни.

Преданіе о св. Гралѣ.

Эти поэмы подготовили вкусъ публики къ пониманію произведеній Вольфрама и Готфрида. Стремленіе къ подвигу и высокимъ нравственнымъ совершенствамъ составляютъ идею преданія о Гралѣ. Во время тайной вечери, Христосъ спросилъ чашу, въ которой подалъ вино своимъ ученикамъ. Эта чаша принадлежала Іосифу Аримаѳейскому; потомъ, когда изъ бока Распятаго, пронзеннаго Лонгиномъ, потекла кровь, она была собрана его учениками въ эту же чашу, которая становится такимъ образомъ священною въ глазахъ христіанъ. Она сдѣлана изъ камня, который выпалъ когда-то изъ короны Люцифера во время его пизверженія съ неба; она переходила изъ рукъ въ руки, и какимъ-то чудомъ сохранилась на Западѣ до среднихъ вѣковъ. Такъ какъ Граль былъ связанъ со сказаніемъ о чудѣ христіанскаго искупленія, то понятно, что его представляли одареннымъ чудотворными силами. Граль не только надѣлялъ своего обладателя всею полнотою мірскаго блаженства, но награждалъ его счастливою жизнію на сотни лѣтъ. Тѣ, которые удостоивались высокаго счастія смотрѣть на Граль, не страдали и не болѣли, а больные исцѣлялись отъ болѣзней. Такая святыня конечно не могла принадлежать людямъ: ее охраняютъ ангелы въ небесномъ пространствѣ. Св. Граль увидятъ на землѣ только тогда, когда отыщется человѣкъ высоконравственный, храбрый, мудрый, однимъ словомъ, который былъ бы воплощеніемъ совершенства. Онъ долженъ быть одаренъ непоколебимой вѣрой въ Бога и полнѣйшей преданностью людямъ. Отыскать такого человѣка было зада-

чею Вольфрама фонъ-Эшенбаха, современника Фридриха II. Поэтъ хочетъ воспѣть торжество духа надъ чувственнымъ міромъ, чего требовало христіанство, хочетъ создать психологическій эпосъ, гдѣ была бы изображена внутренняя душевная борьба пытливаго разума. Шерръ сравниваетъ Вольфрама съ Данте. Это нѣсколько смѣло, но тѣмъ не менѣе благородная идея возвышаетъ Вольфрама надъ другими средневѣковыми поэтами, хотя онъ и не можетъ считаться геніемъ. Онъ остается католикомъ и осуждаетъ чувство, но тамъ гдѣ онъ пользуется легендами Артурова цикла, онъ открыто и рѣшительно становится на сторонѣ папства; онъ анализируетъ процессъ сомнѣнія, который можетъ быть побѣжденъ только при помощи таинства искупленія.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и его «Парциваль».

Поэма Вольфрама, исторія о Парцивалѣ, состоитъ изъ шести книгъ. Парциваль происходитъ отъ Титурелей, отъ королевскаго дома хранителей Граля, по женской линіи. Глубоко огорченная раннею смертью супруга, мать воспитываетъ сына вдали отъ свѣта, въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, для того чтобы онъ не имѣлъ никакого понятія о рыцарствѣ и, подобно отцу, не нашелъ бы преждевременной смерти въ боевой сумятицѣ кочевой жизни. Пытливая и мыслящая натура мальчика рано обнаруживается въ его столкновеніяхъ съ матерью и съ окружающею природою. Спиритуалистическія стремленія и наклонности пробуждаются въ немъ, когда, благодаря какой-то случайности, онъ добился отъ матери отвѣта на свои вопросы о Богѣ и дьяволѣ. Онъ встрѣчается въ лѣсу съ толпою рыцарей въ сверкающихъ латахъ, и это даетъ возможность мальчику, вступающему въ юношескій возрастъ, вдуматься въ міръ рыцарства, къ которому съ этой минуты его влечетъ непреодолимая сила. Мать соглашается наконецъ на его отъѣздъ, но чтобы отучить его отъ рыцарскихъ похожденій, надѣваетъ на него дурацкое платье. Въ этихъ забавныхъ столкновеніяхъ Парциваля съ дѣйствительностью много трогательнаго. Парциваль является ко двору Артура, гдѣ, благодаря шутовской одеждѣ, своей ловкости и пылкой храбрости, онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, между тѣмъ какъ въ придворномъ кругу ничто не приковываетъ его къ себѣ. Въ продолженіе своего путешествія онъ уже въ настоящемъ рыцарскомъ костюмѣ является ко двору Артура. Здѣсь его неиспорченная натура быстро внушаетъ сочувствіе въ жен-

щинѣ. Семейная жизнь не въ состояніи избавить отъ страсти къ похожденіямъ. Онъ женится, но бросаетъ жену; томимый тоскою по родинѣ, онъ не созданъ для семейной жизни. Онъ снова отправляется на похожденія безцѣльныя, случайныя. Случай приводитъ его на „Munsalvaesche", Дикую гору, гдѣ онъ видитъ служеніе Гралю. Это цѣлый городъ; обитатели его охраняютъ храмъ. Описаніе храма является образцомъ средневѣковой романтики. Сапфиры, изумруды и алмазы горятъ по мраморнымъ колоннамъ. Во дворцѣ роскошный пиръ, но веселья на немъ нѣтъ. Король Граля, укутанный въ мѣха, сидитъ израненный и грустный, а въ сосѣдней комнатѣ Парциваль видитъ старика, сѣдаго какъ лунь, лежащаго на кровати. Оруженосецъ проноситъ чрезъ залу окровавленное копье при видѣ коего начинается всеобщее сѣтованіе. Парциваль съ удивленіемъ замѣчаетъ все это, но, помня давнишнее наставленіе одного стараго рыцаря, никогда не вмѣшиваться въ дѣло съ неумѣстными вопросами, онъ не спрашиваетъ о значеніи всѣхъ этихъ таинствъ (1). А если бы онъ предложилъ подобный вопросъ, онъ узналъ бы, что сѣдой какъ лунь старикъ—его собственный прадѣдъ, что старый король Граля—Титурель, что королева—сестра его матери, что израненный король—его дядя Анфортасъ, котораго онъ могъ бы излѣчить отъ его ранъ именно этимъ вопросомъ. Но онъ упускаетъ случай получить полное разъясненіе. Такъ часто, объясняетъ Шерръ, свѣтская мудрость мѣшаетъ людямъ стремиться къ высшему познанію правды. Его ведутъ затѣмъ въ постель со всѣмъ великолѣпіемъ рыцарски-романтическаго гостепріимства, но на другой день, при его пробужденіи, въ чудесномъ замкѣ уже царитъ безлюдная пустота, и когда онъ уходитъ, подъ впечатлѣніемъ тягостнаго чувства, оруженосецъ, стоя на стѣнѣ, насмѣшливо упрекаетъ его въ глупой сдержанности. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ встрѣчаетъ дѣвушку, которая горько плачетъ, держа въ объятіяхъ трупъ своего убитаго жениха. Это тоже неузнанная родственница,—его пріемная сестра. Она сообщаетъ ему, какой вредъ онъ причинилъ своимъ молчаніемъ Гралю и его хранителямъ и съ проклятіемъ прогоняетъ его отъ себя. Онъ считаетъ свое общество позорнымъ для рыцарей Круглаго Стола и отправляется дальше, отчаяваясь въ себѣ, во всемъ

(1) Domanig. Parzivalstudien. Der Gral des Parzival, Paderb. 1880.

окружающемъ, даже въ Богѣ. Во все время долгихъ и тревожныхъ скитаній, поэтъ отодвигаетъ его на задній планъ и въ пестрыхъ приключеніяхъ, которыя переживаетъ безстрашный Гаванъ, онъ изображаетъ намъ самую блестящую сторону свѣтскаго рыцарства. Наконецъ Парциваль, колеблющійся между упорнымъ скептицизмомъ и жгучею жаждою того источника благодати, которымъ является Граль, снова встрѣчаетъ Сигуну отшельницею въ дикомъ лѣсу, и она указываетъ блуждающему потерянный путь къ Богу, — дорогу на Дикую гору, съ которой онъ однако снова сбивается въ чащу лѣса. Еще не совершилось въ немъ то внутреннее возвращеніе на родину, которое должно предшествовать внѣшнему. Полное обращеніе Парциваля совершается въ кельѣ отшельника, его дяди. Здѣсь наконецъ Парциваль получилъ рѣшительное откровеніе о Гралѣ и о своемъ собственномъ призваніи. Дядя сообщаетъ племяннику, какъ онъ самъ, не смотря на свое происхожденіе отъ Титуреля, изъ дома королей Граля, отказался отъ достоинства хранителей Граля, потому что почувствовалъ себя недостойнымъ подобнаго счастья; далѣе, какъ братъ его Анфортасъ, теперешній король Граля, отвлекшись отъ своего высокаго назначенія, слишкомъ ревностно отдался мірской славѣ, какъ по этому случаю онъ былъ побѣжденъ въ бою и раненъ тѣмъ самымъ отравленнымъ копьемъ, которое при Парцивалѣ носили взадъ и впередъ въ замкѣ Граля, какъ онъ теперь влачитъ несчастную жизнь, пока, когда нибудь, какъ гласитъ пророческая надпись на Гралѣ, не придетъ рыцарь, который станетъ расспрашивать о тайнахъ Граля и о страданіяхъ короля, и покажетъ именно этимъ распросомъ, что онъ какъ разъ тотъ, кому Анфортасъ долженъ передать королевство Граля. Только теперь Парциваль чувствуетъ глубокое раскаяніе въ томъ, что онъ велъ себя какъ разъ наоборотъ въ замкѣ Граля, и только утѣшенія дяди и его увѣренія, что Богъ всегда посылаетъ снова свою милость искренно кающемуся, внушаютъ ему новую бодрость. Онъ отправляется немедленно отыскивать Граль, а вмѣстѣ и свою жену; онъ проходитъ равнодушно и безъ малѣйшей зависти мимо полноты свѣтскаго могущества. Но такъ какъ божественное не достигается одною только бездѣйственною жизнею мысли, то и случилось, что Парциваль побѣдилъ на поединкѣ Гавана, это воплощеніе свѣтскаго рыцарства, и, вслѣдствіе этого, пріобрѣлъ право

вступить въ число рыцарей Круглаго Стола въ качествѣ всѣми уважаемаго бойца. Это вступленіе есть только внѣшній символъ совершившагося очищенія внутренняго. Потомъ онъ отправляется на Дикую гору, исцѣляетъ своими заботами страданія дяди, принимаетъ святыню въ свое владѣніе и правитъ съ своею найденною супругой, какъ праведный король Граля. Въ качествѣ эпилога сюда еще прибавленъ разсказъ о приключеніяхъ старшаго сына Парциваля, Лоэнгрина, героя извѣстной оперы Вагнера, разсказъ, въ которомъ древнее сказаніе о лебедѣ вошло въ циклъ сказаній объ Артурѣ и о Гралѣ.

Готфридъ Страсбургскій и его «Тристанъ и Изольда».

Равное мѣсто съ Вольфрамомъ слѣдуетъ отвести Готфриду Страсбургскому. Въ противоположность Вольфраму, онъ былъ не рыцарскаго происхожденія. Его „Тристанъ и Изольда" не окончена. Здѣсь, въ контрастъ идеализму—чувственность, при чемъ представленъ художественно любовный взглядъ на человѣческія страсти. Поэтъ возстаетъ противъ мистическо-мечтательныхъ стремленій къ небесамъ, противъ аскетизма. Въ немъ какъ бы предупреждается Возрожденіе, хотя онъ и былъ современникомъ Вольфрама. Это тотъ же вѣчно присущій литературѣ контрастъ двухъ направленій идеальнаго и чувственнаго, какой послѣ въ той же Германіи проявился въ параллели Клопштока и Виланда, Шиллера и Гете.

Готфридъ заимствовалъ изъ французскаго рыцарскаго эпоса свой кельтскій легендарный сюжетъ, но, благодаря своему таланту, превратилъ его въ оригинальное произведеніе. Вотъ краткое содержаніе поэмы (¹). Сестра короля Марке, дѣвушка, родила отъ одного рыцаря сына, прозваннаго Тристаномъ, т. е. печальнымъ, потому что онъ вступилъ въ жизнь сиротою, такъ какъ отецъ его палъ въ битвѣ съ сосѣднимъ княземъ еще до его рожденія. Одинъ вѣрный маршалъ Руаль беретъ мальчика къ себѣ, и съ семилѣтняго возраста обучаетъ его всей придворной наукѣ, а также рыцарскому искусству, что составляетъ рѣзкую противоположность съ юношескими годами Парциваля, взросшаго сыномъ природы. Норвежскіе купцы похищаютъ мальчика и

(¹) Bossert, Tristan et Iseult, comparé à d'autres poèmes sur le même sujet, P. 1865.—Kottencamp, Zur Kr. und Erklärung des Tristans, Gött. 1879.

продаютъ его въ рабство. Но вдругъ поднимается буря, которая грозитъ опасностью кораблю; моряки считаютъ ее карою за похищеніе человѣка и высаживаютъ Тристана въ Корнваллисѣ, въ землѣ его дяди. Тамъ онъ дѣлается любимцемъ двора. Тайна его происхожденія открывается. Дядя признаетъ Тристана своимъ племянникомъ и посвящаетъ въ рыцари. Онъ съ честью носитъ рыцарское достоинство; онъ убиваетъ не только Моргана въ отмщеніе за смерть отца, но кромѣ того освобождаетъ Корнваллисъ отъ тягостной дани, платимой Ирландіи, убивая на поединкѣ сборщика этой дани, свирѣпаго Марольта. Но павшій отмстилъ побѣдителю, поразивъ его отравленною стрѣлою, такъ что Тристанъ чахнетъ отъ неизлѣчимой раны. Среди этихъ страданій онъ узнаетъ, что его можетъ излѣчить посвященная въ волшебство, королева Ирландіи—сестра Марольта. Онъ отправляется на кораблѣ въ Ирландію, принимаетъ тамъ чужое имя и является ко двору переодѣтымъ музыкантомъ; королева исцѣляетъ его и за это онъ преподаетъ ея дочери, бѣлокурой Изольдѣ, музыку, латинскій и французскій языки и науку тонкаго обращенія (moralitas). Онъ возвращается въ Корнваллисъ здоровый и, такъ какъ любовь еще не коснулась его, совѣтуетъ своему дядѣ Марке взять въ жены прекрасную Изольду. Старый холостякъ принимаетъ его совѣтъ; племянникъ снова отправляется въ качествѣ свата въ Девелинъ (Дублинъ) и придаетъ своему предложенію еще больше вѣса тѣмъ, что мечомъ своимъ освобождаетъ Ирландію отъ опустошеній чудовищнаго дракона. Очевидно, что реализмъ Готфрида задаетъ герою совершенно другую работу, чѣмъ идеализмъ Вольфрама. Тристанъ приноситъ пользу обществу, между тѣмъ какъ Парциваль вдумывается въ смыслъ человѣческой жизни и размышляетъ о ея значеніи. Въ качествѣ невѣсты Марке, Изольда пускается въ морское путешествіе съ Тристаномъ. Во время плаванія Тристанъ и Изольда случайно выпиваютъ заколдованный напитокъ,—и въ обоихъ тотчасъ пробуждаются „злобная любовь и страстные порывы". Готфридъ изображаетъ съ тонкимъ психологически-реальнымъ анализомъ внезапную вспышку страсти, которая уже давно подготовлялась въ молодыхъ людяхъ, не сознаваемая ими обоими. Любовный напитокъ является для него только символомъ, наглядно изображающимъ страстное волненіе всемогущаго чувства. Тутъ начинается исторія, исполненная горя и ра-

дости,— соціальный романъ среднихъ вѣковъ, какъ справедливо называютъ произведеніе Готфрида. Жаръ самой пламенной любви вступаетъ въ борьбу съ холодными приличіями; страсть торжествуетъ надъ нравственностью. Дядя узнаетъ объ измѣнѣ, выгоняетъ Тристана изъ своего дома и принуждаетъ Изольду оправдаться отъ тяжкихъ обвиненій посредствомъ божьяго суда. Изольда сумѣла отдѣлаться отъ предстоявшей кары, а поэтъ пользуется случаемъ безпощадно осмѣять институтъ ордалій. Новые обманы влюбленныхъ опять возбуждаютъ подозрѣніе Марке, который удаляетъ отъ своего двора племянника и жену. Они отправляются вмѣстѣ въ дикую мѣстность, и описаніе ихъ жизни, полной любовныхъ восторговъ, среди природы, не налагающей на нихъ никакихъ стѣсненій,— одно изъ очаровательныхъ мѣстъ въ средневѣковой литературѣ. Новая хитрость влюбленной пары опять примиряетъ Марке съ женою и племянникомъ. Здѣсь поэту представляется случай чрезвычайно умно высказать свое мнѣніе о положеніи женщины и о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на влюбленныхъ, при чемъ Готфридъ искусно перемѣшиваетъ похвалу и порицаніе. Неосмотрительность ихъ окончательно открываетъ глаза Марке и подаетъ поводъ къ разлукѣ Тристана и Изольды. Тристанъ отправляется на чужбину, скитается по Германіи, Испаніи и Франціи, является ко двору герцога Арунделя и здѣсь знакомится съ другой Изольдой, которую за бѣлоснѣжныя руки, прозвали бѣлоручкой. Уже одно это дорогое имя сближаетъ Тристана съ бѣлоручкой Изольдой; тоска по отсутствующей возлюбленной дѣйствуетъ за одно съ обаяніемъ красоты Изольды и Тристанъ впадаетъ наконецъ въ томительное состояніе, по поводу чего поэтъ мастерски изображаетъ непостоянство влюбленныхъ. Здѣсь произведеніе Готфрида внезапно обрывается.—Продолжатели Готфрида оканчиваютъ преданіе такимъ образомъ. Тристанъ настолько поддается софистикѣ любви, что не отвергаетъ привязанности бѣлоручки Изольды, а напротивъ того, женится на ней. Но въ первое же время имъ овладѣваетъ горькое раскаяніе, которое доходитъ до отвращенія къ женѣ. Такія безотрадныя отношенія длятся до тѣхъ поръ, пока Тристанъ не получилъ смертельной раны по случаю одного любовнаго приключенія своего зятя. Во время предсмертныхъ страданій въ немъ еще разъ съ неудержимою силою вспыхиваетъ любовь къ бѣлокурой Изольдѣ. Онъ посылаетъ въ

Корнваллисъ вѣрнаго слугу и проситъ возлюбленную супругу пріѣхать къ нему:—если просьба его будетъ исполнена, то на обратномъ пути посланный долженъ будетъ натянуть бѣлый парусъ, если-же нѣтъ, то парусъ долженъ быть чернымъ. Бѣлокурая Изольда пріѣзжаетъ. При входѣ корабля въ гавань, Тристанъ спрашиваетъ свою жену, какой на суднѣ парусъ, бѣлый или черный? Черный, отвѣчаетъ ревнивая бѣлоручка. Услыхавъ этотъ отвѣтъ, раненый мгновенно умираетъ. Бѣлокурая входитъ, бросается къ мертвому возлюбленному, осыпаетъ его поцѣлуями и умираетъ. Марке хоронитъ влюбленныхъ и сажаетъ на ихъ могилѣ розовый кустъ и виноградную лозу, которые неразрывно переплетаются своими вѣтвями.

Это поэма любви, но вмѣстѣ и соціальная по воззрѣніямъ ея автора на условія общественнаго быта и по выведеннымъ въ ней типамъ. Въ XIII столѣтіи Готфридъ вѣрѣ предпочитаетъ умъ. У его Тристана ничего нѣтъ кромѣ ума и чувственной страсти; влеченія сердца всегда одерживаютъ верхъ надъ узкой моралью. Потому-то эта поэма есть знаменіе времени. Она обозначаетъ переломъ, совершившійся во внутренней исторіи, аналогичный съ тѣмъ потрясеніемъ начала папской теократіи, которое знаменуетъ радикальный поворотъ въ области политической.

„Романъ Розы“

Французскій эпосъ далъ только одно произведеніе подобной важности. Гильомъ де-Лоррисъ и Жанъ де-Мёнъ написали общими силами „Романъ Розы“, поэму въ 22 тысячи стиховъ аллегорическаго характера и дидактическаго содержанія. Мёнъ продолжалъ Лорриса послѣ 40-лѣтняго перерыва, начавъ свой трудъ въ 1265 году и окончивъ около 1280 года. Этотъ романъ воспѣваетъ „науку любви“ съ замѣтнымъ подражаніемъ Овидію и съ нѣкоторымъ намѣреніемъ представить соціальный характеръ эпохи. Интересъ слабѣетъ вслѣдствіе темной и скучной аллегоріи. Исключеніе составляютъ только рѣчи „Лицемѣрія“ (Faux Semblant),—коими характеризуется безнравственность современныхъ священниковъ и прелатовъ, большихъ охотниковъ „ловить въ мутной водѣ великія богатства“,—а равно выходки „Цѣломудрія“. Лицемѣріе въ большой дружбѣ съ духовенствомъ; оно держится религіи ради обмана другихъ; ему нужны только покровы религіи, ея одежды и больше ничего.

— «У меня нѣтъ, хвастаетъ оно, недостатка ни въ деньгахъ, ни въ многочисленныхъ стадахъ; много надавали мнѣ люди по своей глупости и я веду превеселую жизнь, благодаря простоватости прелатовъ. .. поступаю во всемъ по собственной прихоти, благодаря моему притворству. Хотя я и прикидываюсь убогимъ, но къ нищей братіи не благоволю. Когда я вижу, какъ всѣ эти полуобнаженные бродяги трясутся въ лихорадкѣ на зловонной навозной кучѣ, голосятъ и завываютъ отъ голода и холода, я и не думаю мѣшаться въ ихъ дѣла. Если же иного изъ нихъ отправятъ въ больницу, то онъ отъ меня ничего не дождется кромѣ милостыни —вѣдь какого же ждать угощенья отъ того, кто самъ облизываетъ ножикъ?.... Если же кто вздумаетъ попрекнуть меня за то, что я оставляю безъ вниманія бѣдняковъ, то знаете-ли, какъ я увертываюсь отъ такого упрека? Я, какъ духовное лицо, заявляю, что богатые болѣе погрязли въ грѣхахъ чѣмъ убогіе, а слѣдовательно больше нуждаются въ моихъ назиданіяхъ, оттого я и чаще у нихъ бываю, и чаще назидаю».

Авторъ романа питаетъ особую, принципіальную ненависть къ женщинамъ того времени и подтверждаетъ свой взглядъ рядомъ фактовъ. Онъ говоритъ про ихъ легкомысліе, безнравственность, продажность, отсутствіе прочности семейныхъ узъ и рисуетъ тѣ же картины, которыя въ свое время прославили VI сатиру Ювенала, а съ произведеніями послѣдняго авторъ видимо былъ знакомъ. Печальную рѣчь держитъ Цѣломудріе:

«Даже по монастырямъ и аббатствамъ, плачется Цѣломудріе, всѣ онѣ сговорились противъ меня и какъ ни запирай ихъ, онѣ не перестанутъ меня ненавидѣть и будутъ стараться нанести мнѣ посрамленіе.... Никто не можетъ поручиться, что благодаря своей женѣ, не будетъ сопричисленъ къ братіи св. Арнульфа, имѣй онъ хотя тысячу глазъ для наблюденія за нею. Всѣ онѣ ищутъ чужихъ ласкъ и если этого не случается по чему либо на дѣлѣ, то все же ихъ воля всегда направлена въ эту сторону до перваго удобнаго случая.... Но это еще меньшій изъ ихъ недостатковъ, по увѣренію Ювенала, такъ какъ каждая изъ нихъ, по самой природѣ своей, только и думаетъ какъ бы устроить какое либо зло. Кто же не знаетъ, какъ мачихи подносятъ ядъ своимъ падчерицамъ, а другія женщины прибѣгаютъ ко всякаго рода чарамъ, колдовству и всевозможной чертовщинѣ, которой и не перескажешь. И если не на дѣлѣ, то въ своихъ желаніяхъ всѣ онѣ были, есть и будутъ распутницами. Всякій, кому дороги собственная жизнь и спасеніе души, долженъ остерегаться женщинъ и пуще всего не открывать

имъ своихъ задушевныхъ тайнъ; нельзя ждать ни въ чемъ удачи, если женщина будетъ соучастницей тайны, потому что всѣ онѣ тщеславны и своевольны; ихъ языкъ, какъ у ядовитой змѣи, губителенъ и безпощаденъ. Отъ рожденія онѣ вольнолюбивы» (1).

Романъ Розы, плодъ самостоятельнаго творчества, высказывая самобытное міровоззрѣніе автора, имѣетъ цѣлью поучить общество, внушить ему высшую мораль и извѣстные идеалы. Врядъ ли это удалось поэту, который принесъ въ жертву своей задачѣ художественныя цѣли. Тѣмъ не менѣе эта самостоятельность даетъ основаніе считать Мёна предшественникомъ Рабле, Мольера и даже Вольтера. Въ тогдашней литературѣ романъ Розы по своему содержанію и направленію представлялъ исключеніе.

Данте (1265-1321 г.). Вся литературная производительность Европы носитъ на себѣ богословскій оттѣнокъ. Это теологическое направленіе въ XIII вѣкѣ достигаетъ высшаго развитія. Вѣчнымъ памятникомъ ему является „Divina Comedia“ Данте Алигіери,— полное воплощеніе католицизма въ поэзіи. Изучать Данте— значитъ изучать всю средневѣковую жизнь. На Западѣ, въ университетскихъ аудиторіяхъ, особенно въ Италіи, комментируютъ его произведенія. Во Флоренціи еще въ XIV вѣкѣ была учреждена спеціальная каѳедра для объясненія Данте. Римскій дворъ хотѣлъ сжечь поэму и, чтобы спасти её, стали комментировать, при чемъ затемнили ея смыслъ; но итальянскій народъ всегда называлъ её „Божественной“. Въ эпоху паденія національной литературы она была слишкомъ высока для пониманія, ее сократили, назвавъ „Видѣніемъ Данте“. Въ XVIII столѣтіи ея авторитетность не могли поколебать нападки Вольтера и энциклопедистовъ, которыя обрушились на произведеніе Данте. Въ періодъ обновленія Италіи, когда страна волновалась въ ожиданіи свободы, изученіе Данте сдѣлалось необходимымъ; тогда открыли настоящій смыслъ и значеніе поэмы и научились понимать и уважать благородныя

(1) Le Roman de la Rose, лучшее изд. Fr. Michel. и Martereau, 1878. Приведенные отрывки у Болдакова. Ист. средн. лит. 586, 587. Критика у Paul Paris, Hist. littér. de la France. XXIII, 1—60. Ampère, Revue des deux mondes, 1843; III, 441—481.

стремленія великаго патріота. Потому пониманіе Данте никогда не достигало такихъ размѣровъ и никогда не было такъ сознательно и разумно, какъ въ наши годы, когда вѣковая мечта достигла наконецъ своего осуществленія, когда Италія создалась въ единое свободное государство. Слава Данте распространилась за предѣлы Альпъ и его великое произведеніе единодушно признается художественнымъ воплощеніемъ католицизма ([1]). Все политическое броженіе тогдаш-

([1]) Литература для Данте громадна. Одинъ перечень статей и книгъ до 60-хъ годовъ составляетъ особый томъ такъ называем. Bibliografia dantesca (Fir. 1869). Общія пособія: Tiraboschi, Sismondi, Ruth, Etienne и новѣйшее Bartoli (Storia della litt. it. 4 v. 1878—81) останавливаются долго на Данте. Изъ старыхъ монографій, кромѣ основной, принадлежащей перу Boccaccio (Vita di Dante) R. 1544, F. 1576, R. 1644,— Fil. Villani (F. 1826), L. Aretino (Bruno. Vite di Dante e del Petrarca, F. 1672),—до сихъ поръ цѣнны: Fr. Schlosser (Ueber Dante, H. 1825), Fauriel (P. 1834), Ozanam (уже цитованная нами), Fauriel (Dante et les origines de la langue it. P. 1891). Изъ новыхъ: классическое соч. Wegele (р. переводъ подъ ред. А. Веселовскаго, М. 1881). Лучшее изд. въ Берлинѣ— Witte. Русскія изсл. Шевырева (въ его Ист. Слов.), Кудрявцева (Сочиненія; I. 412—544, неокончено), Пинто (Пет. 1866), А. Веселовскаго (Данте и символическая поэзія, В. Е. 1868, № 12). Чуйко (Легенда о Данте; В. Е. 1889, № 4). Превосходная статья Карлейля о Данте изъ его «Героевъ» перев. въ Современникѣ (1856, № 1). Русскіе переводы Ада: прозою Ванъ-Димъ съ ит. текстомъ и съ прекраснымъ предисловіемъ Струкова, терцинами Мина (1860) и Петрова (П. 1871); прозою, въ формѣ изложенія, Зарудняго (П. 1887, съ введеніемъ, объясненіями и дѣльными примѣчаніями), начало Чистилища въ Пантеонѣ Литературы (1889, № 4 и слѣд.) и вся Божественная Комедія въ стихотворномъ переводѣ Минаева (изд. Вольфа въ 3 т. Лейпцигъ и Пет.).—Многихъ критиковъ занимала мысль о томъ, не заимствовалъ-ли отъ кого нибудь Данте основную мысль своей поэмы. Указывали на Songe d' Enfer Рауля де Годана, на Tesoretto Латини, который также блуждалъ въ дремучемъ лѣсу, руководимый Овидіемъ. На основаніи словъ аббата Giustino di Costanza,—который, будучи назначенъ въ 1800 году настоятелемъ знаменитаго монастыря бенедиктинцевъ на Monte Cassino, нашелъ здѣсь копію Божественной Комедіи, писанную вѣроятно въ концѣ XIII столѣтія—и рукописи 1177 года «Admirabilis visio Alberici Diaconis», нѣкоторые историки итальянской литературы полагаютъ, что фабула Данте была подсказана діакономъ Альберикомъ. Этотъ Альберикъ разсказываетъ, какъ онъ однажды видѣлъ видѣніе. Ему казалось, что онъ былъ вознесенъ голубицею на небеса, что апостолъ Петръ и два ангела, водили его по чистилищу и аду, что оттуда онъ былъ перенесенъ въ семинебесный Рай. Вся обстановка ада сходна

ней Италіи отразилось въ Данте, какъ въ зеркалѣ; въ проповѣди политическихъ, притомъ національныхъ идей заключается все обаяніе и популярность Данте. Онъ былъ мученикомъ своихъ политическихъ убѣжденій; его жизнь была безотрадная. Онъ лишился счастія быть гражданиномъ — „а нѣтъ ничего хуже для человѣка какъ не быть гражданиномъ, говорилъ онъ послѣ въ одной изъ пѣсенъ „Рая“.

Его біографія. По рожденію Данте принадлежалъ къ гвельфской партіи; его фамилія была собственно Каччіягвида—по мужскому колѣну, Альдигьери—по женскому; собственное-же имя поэта образовалось чрезъ сокращеніе изъ Д*ур*анте. Онъ родился въ 1235 году, незадолго до изгнанія гибеллиновъ изъ Флоренціи и пораженія гогенштауфеновъ. Тогда слава Флоренціи гремѣла; она сдѣлалась столицей латинско-тосканскихъ городовъ; гвельфскіе вожди, вернувшіеся изъ изгнанія, вступили во вражду между собою, но правленіе ихъ было организовано въ прочномъ демократическомъ духѣ. Данте росъ на рукахъ матери; чуть не десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ влюбился самымъ восторженнымъ образомъ въ дочь Фолько де-Портинари—маленькую Биче, которая стала на всю жизнь его божественнымъ идеаломъ. Дѣти рѣдко видѣли другъ друга; отецъ готовилъ для Беатриче другую партію. Данте также женился на другой дѣвушкѣ и никогда у него не было въ помыслѣ ничего чувственнаго относительно предмета его идеальной любви. Брунетто Латини не былъ учителемъ Данте въ тѣсномъ смыслѣ слова; но идеи его и запасъ знаній были усвоены Алигіери, который всегда принадлежалъ къ числу самодѣятельныхъ натуръ. Школа Данте была въ немъ самомъ; онъ учился всю жизнь. Къ людямъ онъ былъ нѣсколько суровъ, именно потому что много перестрадалъ. Для него одинаково были ненавистны и гвельфы и гибеллины. Покинувъ гвельфовъ, онъ не сдѣлался и гибеллиномъ.

«Новая жизнь». Раньше политическихъ элементовъ, послужившихъ основаніемъ для великой эпопеи католицизма, Данте развилъ поэтическую основу его,—обоготвореніе Беатриче. Онъ посвятилъ послѣдней свою „Vita nuova“, Новую жизнь, написан-

съ Данте, но изложеніе Альберика сухое, порывистое, между тѣмъ какъ Данте одухотворилъ свои творенія идеями религіозныхъ и гражданскихъ реформъ и политическимъ возрожденіемъ Италіи, являясь великимъ гражданиномъ и провозвѣстникомъ лучшаго времени.

ную то сонетами, то прозой. Онъ началъ писать эти стихи съ первыхъ годовъ молодости; съ 16 лѣтъ, послѣ случайной встрѣчи съ Беатриче, плѣнительный образъ ея не покидалъ его и вызывалъ въ немъ одно поэтическое видѣніе за другимъ.

Первый сонетъ былъ не особенно удаченъ; знатоки приняли его сухо и насмѣшливо; но во всей поэзіи трудно встрѣтить „болѣе счастливое выраженіе робкаго и стыдливаго чувства юноши". Замужество Беатриче не отразилось ничѣмъ въ поэзіи Данте; смерть-же ея отца (1289 г.) навела его на горькія размышленія о ничтожествѣ человѣческой жизни. Кончину возлюбленной (1290 г.) Данте перенесъ спокойно; пламенное воображеніе поэта переноситъ Беатриче въ небеса, гдѣ она продолжаетъ привлекать его взоры и ведетъ его неуклонно къ служенію высшимъ идеаламъ добра, красоты и истины. Въ честь Беатриче онъ скоро создастъ свое величайшее твореніе, въ которомъ ей отведетъ самое видное мѣсто. Идеальное чувство не помѣшало женитьбѣ Данте на Джеммѣ Донати черезъ два года послѣ смерти Беатриче.

Его политическая дѣятельность.

Поэзія и философія не отвлекали Данте отъ гражданскихъ обязанностей. Гибеллины дѣлаютъ попытки снова водвориться во Флоренціи и Данте участвуетъ въ походѣ противъ пизанцевъ. Послѣ того онъ 14 разъ былъ посломъ въ Сіенѣ, Перуджіи, Неаполѣ, Венеціи, Феррарѣ, Парижѣ и три раза въ Римѣ. Съ 1290 года во Флоренціи междоусобія возобновляются еще съ большей силой. Городъ принимаетъ участіе въ ссорѣ Канчелліери; въ немъ образуются двѣ враждебныя партіи (II, 509). Въ 1300 году, будучи 35 лѣтъ, Данте былъ избранъ пріоромъ; тогда-то видоизмѣнились его политическія убѣжденія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью отрѣшиться отъ духа партій и всталъ на исключительно патріотическую почву. Когда Бонифацій VIII вмѣшался во внутреннія дѣла Флоренціи, Данте сталъ во главѣ антипапской партіи и смѣло высказался противъ военной помощи Бонифацію въ его замыслахъ на Романью. Когда папа послалъ Карла Валуа наказать Флоренцію, Данте взялъ на себя тяжелое порученіе умолить Бонифація о снисхожденіи (II, 511). Онъ поѣхалъ въ Римъ съ посольствомъ въ октябрѣ 1301 года. Ему не суждено было вернуться въ родной городъ. Черные, прислужники папскіе, восторжествовали. Карлъ Валуа и Донати царили въ республикѣ. Съ ноября 1301 года Данте начинаетъ вести скиталь-

ческую жизнь, дѣлается мученикомъ за патріотическую попытку. Согражданe въ январѣ 1302 года приговорили его къ двухлѣтнему изгнанію и штрафу, а потомъ (въ мартѣ слѣдующаго года) конфисковали имущество и осудили на сожженіе; его семейство бѣжало изъ наслѣдственнаго дома, преданнаго пламени. Данте былъ еще въ Римѣ и, какъ-бы предугадывая будущность роднаго города, началъ проклинать Бонифація и Карла Валуа, этихъ „Пилата и Іуду“. Наконецъ, покинувъ Римъ, онъ пересталъ быть гвельфомъ. Христосъ и имперія — стали его паролемъ. Онъ скитается въ Сіенѣ, Падуѣ, Веронѣ. Когда сограждане предложили ему амнистію подъ условіемъ раскаянія, онъ съ благороднымъ негодованіемъ отъ нея отказался. „За твои правдивыя дѣла этотъ народъ станетъ твоимъ врагомъ“; — такъ говоритъ ему въ аду учитель Брунетто. Данте не разъ послѣ упоминалъ, что его постигло изгнаніе за то, что онъ слишкомъ горячо любилъ Флоренцію. Въ Миланѣ, а частію еще во Флоренціи, онъ задумалъ соорудить достойный памятникъ своимъ политическимъ врагамъ, — который явился въ то же время безсмертнымъ памятникомъ католицизму и художественной эпопеей всемірной исторіи до XIII вѣка. Онъ узнаётъ какъ тяжело входить и спускаться по чужимъ лѣстницамъ (quanto è duro il calle). Онъ прибѣгаетъ къ мщенію самому дѣйствительному, ужасному; благодаря силѣ поэтическаго творчества, онъ предалъ своихъ соперниковъ на вѣчное проклятіе потомства, а надъ Италіей и особенно Флоренціей произнесъ строгій безпощадный судъ въ шестой пѣсни Чистилища:

«Италія! несчастная рабыня
Домъ скорби, безотрадная пустыня,
Безъ кормчаго корабль, и безъ руля....
О ты, порабощенная земля,
Для чуждыхъ странъ теперь ты не царица,
Вертепъ ты непотребный, ты блудница!»...

Говорятъ, что чтеніе Ада наводитъ трепетъ. Современники Данте заключали о дѣйствительномъ знакомствѣ его съ преисподней и поэтическіе образы принимали за дѣйствительность. Его темные волосы и борода, смуглое лицо, величественная осанка, — все это заставляло женщинъ говорить при видѣ его:

— Вотъ человѣкъ, который былъ въ аду.

Данте умеръ въ Равеннѣ 21 сентября 1321 года.

Содержаніе и смыслъ Божественной Комедіи.

Мы замѣтили, что Данте требуетъ для своего пониманія не бѣглаго чтенія, а серьезнаго изученія, при томъ изученія съ коментаріями, такъ какъ поэма тѣсно связана съ исторіей Божественная Комедія блестящимъ гармоническимъ стихомъ передаетъ сложные и серьезные вопросы политики, схоластики и богословія. Она непосредственно связана съ тогдашнимъ міросозерцаніемъ, но смыслъ сокрытъ подъ аллегоріей и мистикой. Оттого въ самой Италіи поклоняются Данте безсознательно, поклоняются тѣ, которые не въ состояніи даже понять его, инстинктивно уважая въ немъ нѣчто болѣе чѣмъ достоинства поэта. Для массы народа Данте былъ пророкомъ. Вообще его поэзія напоминаетъ тономъ и складомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Надо отдать уваженіе той пропагандѣ, которая въ продолженіе трехъ столѣтій успѣла внушить даже безграмотной толпѣ благоговѣніе къ великому творенію. Флоренція, замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ, не хотѣвшая признать славы Алигіери при жизни, нынѣ оберегаетъ какъ святыню его домъ и камень, на которомъ онъ сиживалъ во время прогулокъ, а изображеніе поэта, украшенное лаврами, помѣстила на портикѣ епархіальной церкви въ числѣ святыхъ покровителей города. Въ Толмино и по сю пору пастухи и дѣти указываютъ камень, на которомъ Данте, въ грустные дни своего изгнанія, нерѣдко отдыхалъ, погруженный въ печальныя думы. Въ монастырѣ Фонте-Авеллино, гдѣ онъ однажды провелъ нѣсколько часовъ, хранится его изображеніе. Верона съ гордостью показываетъ церковь, гдѣ онъ публично защищалъ богословскіе тезисы. Въ Равеннѣ и понынѣ покоится прахъ его въ небольшой часовнѣ, при входѣ въ которую воспроизведены черты его. А во Флоренціи, подъ величественными сводами церкви Св. Креста, этого національнаго Пантеона, возвышается въ честь Данте Алигіери великолѣпный саркофагъ. Его окружаютъ памятники Макіавелли, Микель-Анджело и Галилея,—„памятники всего, что есть самаго великаго въ области политики, литературы, науки и искусства". Такое почтеніе приличествуетъ поэту, который предвидѣлъ судьбу Италіи. Въ самыхъ первыхъ стихахъ Божественной Комедіи высказывается ея задача, —необходимость религіозной и гражданской реформы и политическаго возрожденія Италіи.

Въ полночь на 5 апрѣля 1302 года, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, въ одеждѣ братіи св. Франческо, во влася-

ницѣ, опоясанный вервіемъ и обутый въ сандаліи, Данте отправляется въ область вѣчности. То была половина его человѣческой жизни. Недовольный существующимъ положеніемъ, онъ устремляетъ взоры въ будущее. Среди затрудненій, колеблясь, поэтъ теряетъ прямую дорогу и видитъ себя посреди дремучаго лѣса. Въ страхѣ продолжаетъ онъ путь, тщетно стараясь выбраться изъ глухихъ дебрей, и къ утру переступаетъ границу незримаго міра. Онъ достигаетъ подножія холма, позлащеннаго первыми лучами восходящаго солнца. Онъ начинаетъ взбираться на холмъ, какъ вдругъ его останавливаетъ появленіе пантеры, которая преграждаетъ ему путь. Въ испугѣ онъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія, но пестрая шкура животнаго, свидѣтельствующая объ измѣнчивомъ его характерѣ, утренняя прохлада и чарующее обаяніе весны возвращаютъ ему бодрость духа и спокойствіе. Онъ идетъ впередъ, но снова останавливается при видѣ льва и волчицы. Эти животныя смущаютъ его, отнимаютъ всякую надежду на возможность достигнуть вершины горы и гонятъ его внизъ. Въ то время, когда онъ стремглавъ катится назадъ, взорамъ его представляется образъ человѣка, къ которому онъ обращается съ мольбой о помощи. Это Виргилій. Послѣдній замѣчаетъ о зломъ нравѣ волчицы, о томъ, какъ она, выйдя изъ ада, будетъ источникомъ несчастія людей, пока не придетъ песъ, который станетъ её гнать изъ города въ городъ и наконецъ снова ввергнетъ въ адъ. Затѣмъ Виргилій объявляетъ, что если Данте желаетъ выйти изъ этого дикаго мѣста, то ему слѣдуетъ идти другимъ путемъ и обѣщается быть его проводникомъ. Но Виргилій самъ по себѣ безсиленъ вести Данте въ жилищѣ блаженныхъ; для этого римлянинъ посылаетъ Беатриче, обитающую въ высочайшихъ предѣлахъ неба.

Эти странствованія поэта изображаютъ судьбу его родины. „Италія сходитъ съ высоты древне-римской цивилизаціи въ мрачную долину невѣжества, по другую сторону которой возвышается и сіяетъ гора новѣйшей цивилизаціи". Въ глубинѣ долины стоитъ дремучій лѣсъ — явный намекъ на времена варварства. Италія приходитъ въ ужасъ и сама не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ она дошла до такого униженія.

Но вотъ занялась заря новаго XIV вѣка; её-то и изображаетъ холмъ, освѣщенный первыми лучами новой науки

и новаго языка. Италія стремится завоевать эту гору, но междоусобія препятствуютъ тому. Почти при самомъ началѣ восхожденія, Флоренція, проворная и легкая пантера (безпрестанно мѣняющая партіи), съ пестрой шкурой, одѣтая въ цвѣта „бѣлыхъ и черныхъ“, преграждаетъ Италіи путь и заставляетъ ее нѣсколько разъ уклоняться съ дороги. Но то было время весны, когда природа, пробуждаясь отъ сна, начинаетъ весело улыбаться. Все, казалось, предвѣщало Италіи новую и счастливую будущность, какъ вдругъ Францiя въ лицѣ Филиппа Красиваго и Карла Валуа возстаетъ противъ нея подъ видомъ льва, сильная, гордая и жадная къ наживѣ. Въ то же самое время Римъ, тощая волчица, преисполненная всѣхъ желаній и которая уже для многихъ въ жизни сей была отравой, является, чтобы терзать Италію и парализовать ея старанія выйдти изъ невѣжества. Эта волчица лишаетъ её всякой надежды войти на вершину горы и гонитъ её туда, гдѣ „солнца лучъ угасъ“.

По мнѣнію Данте только разумъ можетъ спасти заблудшую Италію, а именно образованіе политическое, философское и религіозное. Этотъ разумъ олицетворяется въ представленіи о Виргиліѣ, который предлагаетъ себя въ проводники Италіи и обѣщается вести её по пути новой цивилизаціи. Виргилій былъ представителемъ ученія о возможности совершенствованія рода человѣческаго въ земной жизни и объ искупленіи за гробомъ посредствомъ покаянія. Беатриче —это олицетворенное богословіе. Ловчій песъ, который будетъ гнать волчицу изъ города въ городъ и потомъ ввергнетъ её опять въ адъ — императоръ, поборникъ единства Италіи.

Чтобы укрѣпить въ добрѣ итальянскій народъ посредствомъ разума и философіи, Данте доказываетъ, какъ грѣхъ карается Провидѣніемъ и рисуетъ глубины ада. Потомъ, указавъ на раскаяніе и дѣятельность, онъ подаетъ надежду на спасеніе и мы видимъ ступени Чистилища. Наконецъ поэтъ показываетъ, какъ человѣкъ, очищенный отъ житейской грязи, возвышается до лицезрѣнія Бога, и предъ нами художественная и величественная картина Рая (¹).

(¹) Пинто, бывшій лекторъ итальянскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, въ своей книгѣ, переведенной по-русски г-жею Никитенко, даетъ превосходный комментарій, которымъ мы воспользовались.

Сообразно съ этой мыслію вся поэма раздѣляется на три части. Три лица играютъ въ ней главную роль: Данте, Виргилій и Беатриче, олицетворяющія собой: человѣка, философа и богослова. Всѣ части поэмы гармонируютъ одна съ другой и согласуются съ цѣлымъ посредствомъ чиселъ трехъ и девяти. Адъ раздѣляется на 9 круговъ, Чистилище—на 9 ступеней, Рай — на 9 сферъ. Вся поэма состоитъ изъ 12,230 стиховъ, расположенныхъ съ такою соразмѣрностью, что Чистилище имѣетъ тридцатью стихами болѣе Ада, а Рай —шестью стихами менѣе Чистилища. Каждая часть поэмы оканчивается словомъ „звѣзда".

Степень наказанія за грѣхи послужила поводомъ къ подробному описанію ада со всѣми его ужасами.

Въ распредѣленіи грѣховъ и степеней наказанія, Данте руководствовался теоріями св. Отцевъ и ученіемъ Аристотеля. Три главныхъ рода грѣховъ: невоздержаніе, злоба и насиліе. Первому, невоздержанію, посвящены 5, 6 и 7-ая пѣсни; злобѣ — 9, 10 и 11-ая, а насилію — всѣ остальныя пѣсни. Невоздержаніе заключаетъ всѣ грѣхи, причастные тѣлу; злоба —всѣ обдуманные поступки, клонящіеся ко вреду ближняго; насиліе имѣетъ самый обширный кругъ грѣшниковъ; насиліе совершаютъ: разбойники, лицемѣры, развратники, колдуны и т. п. Сообразно съ этой теоріей возрастаетъ степень наказанія.

На вратахъ ада Данте читаетъ надпись: „за мной—обитель слезъ; за мной—вѣчная скорбь, за мной—міръ падшихъ и осужденныхъ душъ,.... оставь надежду всякій, кто сюда входитъ".... Каждый изъ девяти круговъ подземнаго царства охраняется особымъ демономъ, котораго изображеніе и имя поэтъ заимствуетъ изъ миѳологіи.

Все пространство ада раздѣляется рѣками на три части. Подъ Ахерономъ находятся люди самые жалкіе. Это тѣ, которые при жизни не заслужили ни хвалы, ни порицанія. Небеса ихъ отвергли, но и адъ не отверзся предъ ними. Вина ихъ въ томъ, что они не очищены крещеніемъ. Міръ забылъ о нихъ; для нихъ нѣтъ ни милосердія ни казни; удѣлъ рабовъ—одно презрѣнье. „Но что говорить о нихъ, замѣчаетъ поэтъ, взгляни и иди дальше". Харонъ плаваетъ въ своей ладьѣ по Ахерону и перевозитъ черезъ него грѣшниковъ на противоположный берегъ, гдѣ начинается первый кругъ ада. Тамъ томятся души тѣхъ, которые жили безъ грѣха, но и безъ вѣры. То души древнихъ ученыхъ и героевъ, незнавшихъ истиннаго Бога. Посреди философовъ Данте видитъ

Аристотеля. Далѣе въ пяти кругахъ, между Ахерономъ и Стиксомъ, помѣщены тѣ, которые презираютъ нравственное ученіе и не слушаютъ голоса разума, за что они и наказуются. На первомъ планѣ стоятъ сластолюбцы, на второмъ обжоры, на третьемъ скупые и расточители, на четвертомъ гнѣвные и завистливые. Вступивъ туда, гдѣ казнятся сладострастные, Данте и Виргилій видятъ, что „подземный вихрь, бушуя на просторѣ, съ толпою душъ кружится въ царствѣ мглы; разя, вращая, онъ отягчаетъ горе". Въ этой толпѣ путники встрѣчаютъ между прочимъ Паоло и Франческу, трогательный разсказъ которой о ея любви и несчастіяхъ до такой степени поражаетъ Данте, что онъ лишается чувствъ. Ни одинъ эпизодъ поэмы не пріобрѣлъ такой популярности, какъ эпизодъ о Франческѣ да-Римини.

Переправившись черезъ Стиксъ, Данте и Виргилій приближаются къ адскому городу Дите, защищаемому демонами. Являются три фуріи и показываютъ Данте Медузину голову, чтобы превратить его въ камень. Но Виргилій защищаетъ его, закрывши ему глаза рукою. Вслѣдъ за тѣмъ является ангелъ, укрощаетъ демоновъ и предъ путниками открываются городскія ворота. За ними простирается шестой кругъ, гдѣ въ открытыхъ могилахъ, изъ которыхъ выходитъ пламя, горятъ въ вѣчномъ огнѣ невѣрующіе, еретики и ересіархи. Затѣмъ путники входятъ въ долину, издающую страшное зловоніе и которая служитъ началомъ седьмаго круга ада. Здѣсь истязуются насильники. Минотавръ охраняетъ этотъ кругъ, который раздѣляется на три отдѣла, гдѣ караются провинившіеся противъ ближняго, противъ природы и противъ Бога. Это самыя интересныя по художественности и силѣ пѣсни Ада, въ которыхъ представляется обширное поприще для восторженной фантазіи Данте. Въ первомъ отдѣлѣ этого круга находится громадный ровъ съ потокомъ кипящей крови; въ немъ мучатся тираны. Центавры, вооруженные луками, подстерегаютъ тѣни, которыя поднимаются надъ кровавымъ потокомъ болѣе, чѣмъ это имъ дозволено, и пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Во второмъ отдѣлѣ наказывается насиліе противъ самого себя. Грѣшники превращены въ ядовитыя и сучковатыя деревья; въ нихъ гнѣздятся гарпіи, которыя рвутъ и ѣдятъ ихъ листья. Въ числѣ этихъ грѣшниковъ Данте встрѣчаетъ и Петра Винейскаго, канцлера Фридриха II, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ путники входятъ въ третій отдѣлъ седьмаго круга. Здѣсь, въ сухой безплодной пустынѣ, подъ непрестанно

спадающимъ огненнымъ дождемъ, истязуются насильники противъ Бога, природы и искусства. Въ восьмомъ кругѣ, который раздѣляется на десять рвовъ или вертеповъ, наказываются различные виды обмана и лжи. Симонисты занимаютъ третій ровъ. Они уткнуты головою внизъ въ отвратительныя ямы, между тѣмъ какъ ноги ихъ торчатъ къ верху и горятъ вѣчнымъ огнемъ. Сюда поэтъ помѣщаетъ многихъ папъ, въ томъ числѣ Николая III, и здѣсь-же заранѣе приготовлено мѣсто для Бонифація VIII. Въ 25 пѣсни описывается удивительное превращеніе человѣка въ змѣю и змѣи въ человѣка—наказаніе похитителей чужой собственности (седьмой ровъ). Въ 27 пѣсни занесенъ разсказъ о графѣ Гвидо де Монтефельтро, помѣщенномъ между разрядомъ злыхъ совѣтниковъ, которые занимаютъ восьмой ровъ. Когда папа Бонифацій VIII, побѣдивъ Колонна и занявъ ихъ дворецъ, отправилъ отрядъ войска осаждать принадлежащія имъ крѣпости, то нѣкоторые города сдались почти добровольно, но за то Палестра встрѣтили его мужественнымъ отпоромъ. Бонифацій, теряя надежду овладѣть ею посредствомъ силы, обратился за совѣтомъ къ престарѣлому Гвидо де-Монтефельтро, нѣкогда знаменитому полководцу, но на старости лѣтъ постригшемуся въ монахи. Гвидо осмотрѣлъ крѣпость, объявилъ, что ею невозможно овладѣть силою, но въ тоже время намекнулъ, что для этого есть другое средство, о которомъ онъ не рѣшается говорить изъ боязни согрѣшить. Но св. отецъ поспѣшилъ успокоить совѣсть монаха, давъ ему предварительное отпущеніе во грѣхѣ, изъ котораго намѣревался извлечь для себя выгоду. Тогда благочестивый старецъ произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова: „обѣщайте много и не торопитесь исполнять“ (lunga promessa col' attender corto). Этимъ отвѣтомъ отлично воспользовался Бонифацій. Наконецъ, Данте и Виргилій спускаются въ девятый и послѣдній кругъ, имѣющій видъ узкаго колодца.

Тамъ различнаго рода измѣнники и категоріи грѣшниковъ караются въ ледяномъ озерѣ: а) Каины, гдѣ содержатся души измѣнившихъ своимъ родственникамъ, в) Антеноры, гдѣ находятся измѣнники отечеству, г) Толомеи, куда помѣщены измѣнники друзьямъ и д) Джіудекки, гдѣ пребываютъ убійцы Цезаря Брутъ и Кассій и Іуда, предавшій Христа. Іуду, Брута и Кассія держитъ Люциферъ, который стоитъ въ центрѣ адской пропасти (пѣснь 34). Цѣпляясь за длинную шерсть, покрывающую Люцифера, Данте и Виргилій проходятъ сквозь центръ

земной и, слѣдуя теченію небольшаго ручья они, день спустя послѣ того какъ начали свое странствіе, выходятъ на свѣтъ Божій, къ подножію горы Чистилища и видятъ блескъ и сіяніе звѣздъ.

Разсказывая свои странствованія, Данте является передъ ними поэтомъ, философомъ, физикомъ, химикомъ, богословомъ, политикомъ и проявляетъ обширнѣйшія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знаній.

Въ первой части Божественной комедіи, Данте даетъ полный анализъ напластыванія земли и свойства земель и камней; постепенно углубляясь во внутренность земнаго шара, онъ говоритъ о водѣ, пескѣ, желѣзѣ, гранитѣ, о минеральныхъ и горячихъ источникахъ, о газахъ, объ огнѣ и наконецъ о вѣчномъ льдѣ, заключенномъ въ центрѣ земли. Въ Чистилищѣ—ботаника и зоологія занимаютъ болѣе мѣста. Въ Раѣ эти науки уступаютъ мѣсто астрономіи, метафизикѣ и богословію. Въ 30 пѣсни Ада Данте говоритъ объ образованіи дождя изъ паровъ; онъ замѣчаетъ, что цвѣты и растенія своими сѣменами наполняютъ воздухъ, а послѣдній, вращаясь, разбиваетъ эти сѣмена Данте зналъ о преломленіи свѣтовыхъ лучей. Онъ говоритъ о венахъ. Ему извѣстны свойства магнитной стрѣлки. Ему основательно знакома классическая астрономическая система Птоломея. Онъ пытается объяснить пятна на солнцѣ. Вообще, Божественная комедія—своего рода энциклопедія знаній, изложенная въ художественной формѣ. Поэтому-то изученіе Божественной комедіи есть изученіе среднихъ вѣковъ въ широкомъ смыслѣ.

По выходѣ изъ ада, Данте и Виргилій очутились на одномъ островѣ, находящемся въ антиподахъ отъ Іерусалима, составляющаго, по тогдашнему вѣрованію, центръ обитаемой земли. На островѣ находится гора Очищенія, Чистилище, высота которой должна быть равна высотѣ ада. Она опоясана девятью уступами на подобіе девяти круговъ ада. Въ противоположность аду, гдѣ съ каждымъ кругомъ страданія усиливаются, здѣсь съ каждымъ уступомъ выше, они уменьшаются. Вообще въ ступеняхъ чистилища замѣчается самая строгая аналогія съ кругами ада. Основанія чистилища также омываются рѣкою, черезъ которую перевозитъ ангелъ души грѣшниковъ. По переѣздѣ черезъ рѣку, Данте съ Виргиліемъ проходятъ постепенно всѣ девять ступеней. Восхожденіе, сначала утомительное, становится все легче и легче, по мѣрѣ того, какъ путники поднимаются къ вершинѣ горы, гдѣ находится рай

земной. На каждой ступени у Данте стирается по буквѣ изъ слова „peccato“, начертаннаго у него на лбу ангеломъ при самомъ входѣ въ чистилилище. Каждое преступленіе омывается въ чистилищѣ противоположнымъ подвигомъ добродѣтели. Гордые здѣсь ходятъ вокругъ горы, согбенные подъ огромною тяжестью; завистливые одѣты въ грубую власяницу; гнѣвные бродятъ въ непроницаемомъココмракѣ и густомъ смрадномъ дымѣ; лѣнивые, безъ отдыха, съ необыкновенной скоростію бѣгаютъ вокругъ горы; скупые и расточительные стонутъ, лежа на землѣ лицемъ внизъ; обжоры въ очищеніе своихъ склонностей терпятъ голодъ и жажду, которые еще болѣе возбуждаются видомъ дерева, обремененнаго сочными плодами, и тихимъ журчаньемъ прозрачнаго ручья; сладострастные искупаютъ свой грѣхъ въ пламени. По выходѣ отсюда, путники достигаютъ вершины горы, гдѣ находится земной рай. Задача Виргилія здѣсь оканчивается и онъ оставляетъ своего спутника. Данте одинъ входитъ въ рай. Онъ встрѣчается здѣсь съ Матильдой—олицетвореніемъ дѣятельной жизни. Идя далѣе, поэтъ достигаетъ рѣки Эвноé; онъ пьетъ изъ нея и чувствуетъ себя „чистымъ, чтобы вознестись ко звѣздамъ“.

Здѣсь ему является Беатриче. Описаніе встрѣчи Данте съ предметомъ его чистой платонической любви принадлежитъ къ самымъ художественнымъ и въ то же время самымъ трогательнымъ мѣстамъ въ поэмѣ.

Когда, спустя 200 лѣтъ, Рафаель задумалъ изобразить „Богословіе“ въ ватиканской „Stanza“, то онъ нарисовалъ ту фигуру, которую обезсмертилъ Данте, говоря о появленіи Беатриче. „Въ облакѣ цвѣтовъ, которые сыпались изъ рукъ ангеловъ, развѣваясь повсюду, подъ бѣлымъ покрываломъ, увѣнчанная масличнымъ вѣнкомъ, появилась передъ мною женщина. На ней былъ зеленый плащъ, а платья ея было багрянаго (di fiamma viva) цвѣта“ (1). Поэтъ былъ потрясенъ дорогимъ образомъ.

«И въ первый мигъ при образѣ такомъ

Божественномъ не могъ волненья скрыть я;
Сперва я весь почти оцѣпенѣлъ,
Но на меня потомъ сошло наитье:

Я въ образѣ той женщины узрѣлъ
Моей любви старинной воплощенье,
Передъ которымъ нѣкогда я млѣлъ,

(1) Purgatorio; XXX, 28—33.

Исполненъ неземнаго восхищенья,
Когда предъ этой чистой красотой
Я сталъ лицемъ къ лицу, и слѣдъ сомнѣнья
Во мнѣ исчезъ (¹). . . .

Данте возносится къ Беатриче въ сферу огненнаго эѳира; начинается третья, глубоко поэтическая и вмѣстѣ самая мистическая часть поэмы. Поэтъ постепенно проходитъ семь планетъ: Луну, Меркурія, Венеру, Солнце, Марса, Юпитера и Сатурна, затѣмъ небо неподвижныхъ звѣздъ и небо кристалловъ. Переходя изъ одной сферы въ другую, Данте начинаетъ все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ всего тѣлеснаго; улыбка Беатриче дѣлается все радостнѣе и свѣтлѣе. Данте наконецъ уже не въ силахъ услѣдить тѣлеснаго облика Беатриче и совершенно погружается въ слушаніе раздающагося вокругъ него пѣнія. Въ этой части поэмы замѣчается аналогія съ первыми двумя; здѣсь также наблюдаемъ постепенность въ распредѣленіи блаженствъ, какъ въ аду или чистилищѣ—въ распредѣленіи мукъ; количество круговъ также одинаково съ кругами и ступенями. Душа каждаго праведника по смерти переносится въ планету, соотвѣтствующую добродѣтели, въ которой онъ наиболѣе подвизался во время своего пребыванія на землѣ. На Лунѣ находятся души тѣхъ, которые обрекли себя дѣвственности и отреклись отъ всего мірскаго, хотя бы и силою были вырваны изъ монастырей. На Меркуріи помѣщаются души царей, принесшихъ счастіе подданнымъ своимъ умомъ, правленіемъ и мудрыми законами. На Венерѣ обитаютъ души тѣхъ, которые при здѣшней жизни довольствовались лишь платоническою любовью. На Солнцѣ витаютъ богословы. На Марсѣ пребываютъ распространители христіанства и воины, пролившіе кровь свою за Христа и Церковь. Въ ряду этихъ свѣтлыхъ духовъ Данте узнаетъ своего предка Каччіягвиду, который разсказываетъ ему о различныхъ историческихъ событіяхъ, предсказываетъ ему изгнаніе изъ отечества и долгое странствованіе, изображая первобытную простоту нравовъ Флоренціи и порицая ея настоящую распущенность. На Юпитерѣ обитаютъ хранители правосудія. На Сатурнѣ живутъ созерцатели. Тамъ глазамъ Данте представляется золотая лѣстница, столь высокая, что концы ея скрываются въ небесахъ. Свѣтлые духи восходятъ и нисходятъ по ея ступенямъ. Затѣмъ поэты проходятъ небо неподвижныхъ звѣздъ, небо кристалловъ

(¹) По переводу Минаева, Чистилище; XXX, 39—38; стр. 282.

и достигаетъ пространства, гдѣ растилается Эмпирей, престолъ Божій, жилище ангеловъ и блаженныхъ духовъ. При вступленіи въ Эмпирей, Данте предъ лицомъ трехъ апостоловъ (Петра, Іакова и Іоанна) произноситъ исповѣданіе вѣры. Въ сферахъ девятаго неба Беатриче (27 пѣсня) распространяется о строеніи видимаго неба и по этому поводу порицаетъ современную безнравственность, ту тяжелую эпоху, которую пришлось пережить Данте. Это переходное время къ XIV столѣтію и къ новому порядку поэтъ провожаетъ грустною рѣчью, которую влагаетъ въ уста Беатриче и только въ послѣдній моментъ по челу его пробѣгаетъ отрадный, хотя слабый лучъ надежды.

— «О алчность человѣческая.... Сколькихъ
Людей ты погубила, потерявшихъ
Послѣдній стыдъ.... Хотя еще у нихъ
Есть воля, но безсильная; такъ сливы
Становятся отъ проливныхъ дождей

Завядшими и чахлыми.... *Невинность*
И вѣру у однихъ грудныхъ дѣтей
Найдешь теперь, но прежде чѣмъ младенцы

Успѣютъ волосами обрости,
Ихъ вѣра и невинность покидаютъ...
Тотъ, кто постился въ дѣтствѣ, возмужавъ

Обжорству предаваться начинаетъ,
Не различая времени, и тотъ,
Кто въ дѣтствѣ мать любилъ, ей повинуясь,

Ставъ взрослымъ, схоронить ее мечтаетъ (1)».

Затѣмъ Беатриче оставляетъ Данте и занимаетъ мѣсто на великолѣпной бриллiантовой звѣздѣ. Трогательнѣе всего сцена прощанія Данте съ Беатриче, которая кидаетъ долгій прощальный взоръ на своего возлюбленнаго. Поэзія не представляетъ болѣе страстнаго и восторженнаго изображенія.

— «О дѣва, вѣчно милая, звѣзда
Моихъ надеждъ, для моего спасенья

Въ самомъ аду оставившая слѣдъ!
Все, что я видѣлъ, все, что испыталъ я,
Могуществу и добротѣ твоей

(1) По переводу Минаева, Рай; XXVII, 146—160; стр. 252.

Обязанъ этимъ я. Меня изъ рабства
Ты вывела на свѣтлый путь свободы
Путями, лишь доступными тебѣ.

Такъ сохрани-жь, блаженная подруга,
Твои всѣ драгоцѣнные дары,
Чтобъ духъ мой, лишь тобою исцѣленный,

Земную оболочку покидая,
Могъ быть тебя достойнымъ».. Такъ молился,
Я дѣвѣ, дорогой мнѣ; а она

Изъ дальняго небеснаго пространства
Съ улыбкою взглянула на меня
И обратилась снова, какъ другіе,
Къ источнику небеснаго блаженства (1)».

Сопровождаемый св. Бернаромъ, который заступилъ мѣсто Беатриче, Данте идетъ далѣе. Онъ удостоивается созерцать престолъ Божій и св. Троицу. Никогда поэзія не достигала до такой пластичности въ описаніи крайне отвлеченныхъ предметовъ, какъ въ 33 пѣснѣ Рая. „Пресвятая Троица, это— вѣчный свѣтъ, который самъ въ себѣ покоится, одинъ постигаетъ, себя любитъ и себѣ улыбается". Тайну воплощенія Данте объясняетъ разностью и переливомъ цвѣтовъ, переходомъ ихъ изъ одного въ другой. Такою богословскою апоѳеозою кончается это геніальное созданіе человѣческаго воображенія.

Со времени Данте прошло болѣе пяти съ половиною вѣковъ; почти 20 поколѣній исчезло съ лица земли; прежніе идеалы измѣнились; священная имперія рушилась окончательно; вопросы, волновавшіе улицы итальянскихъ республикъ, эти раздоры дня, покоятся подъ ихъ развалинами. Колумбъ и Америго Веспуччи открыли новые міры и народы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по теоріи Данте возвышалась гора чистилища; стройный хоръ девяти блаженствъ исчезъ предъ ученіемъ Галилея; лучи новой цивилизаціи измѣнили все: науку, обычаи, политику, а Данте—этотъ гигантъ среднихъ вѣковъ, говоритъ историкъ итальянской поэзіи, продолжаетъ стоять непоколебимымъ и по прежнему плѣняетъ своимъ чуднымъ стихомъ. Всѣ человѣческія страсти знакомы ему и самый тщательный анализъ дѣлаетъ изъ него великаго психолога, равнаго геніемъ Шекспиру. Но при этомъ надо пом-

(1) Рай; XXXI, 92—103, стр. 285.

нить, что наслажденіе отъ чтенія Данте дается нелегко. Оно дается только тѣмъ, кто приступаетъ къ нему съ запасомъ знаній, кто рѣшится проникнуть въ средневѣковую эпоху и отнесется къ ней съ научной точки зрѣнія. Шерръ, авторитетъ въ исторіи всемірной литературы, относится къ Данте скептически, а Шлоссеръ, который 20 разъ прочелъ поэму, не могъ говорить о ней безъ энтузіазма. Для итальянцевъ безъ различія партій это великое имя.

Въ 1865 году Италія и вся образованная Европа праздновали 600-лѣтній юбилей рожденія Данте. Тогда, какъ и теперь, всѣ сознавали, что Данте есть національный итальянскій поэтъ, какъ Гомеръ — поэтъ всей Греціи. Данте въ общественно-политическомъ смыслѣ еще выше Гомера, потому что онъ одинъ, назадъ тому 580 лѣтъ, проводилъ мысль объ единствѣ Италіи. Потому Викторъ Гюго былъ правъ, когда въ письмѣ къ флорентійскому муниципалитету, по поводу юбилея, высказалъ мнѣніе, что Италія выразилась въ Данте. „Подобно Данте, Италія была какъ бы въ изгнаніи и вышла изъ ада; она испытала гибельное раздробленіе, была тѣнью и географическою фразою. Въ данную минуту одинъ человѣкъ олицетворяетъ всю націю. Шесть вѣковъ составляютъ пьедесталъ Данте; вѣка эти были ступенями цивилизаціи и безсмертіе поэта шесть разъ было подтверждено шестью новыми поколѣніями. Подавленная, закованная, окровавленная, погребенная Италія просвѣтила весь міръ. Во всѣ эпохи ея исторіи у нея видны вездѣ великія начала“.

Въ этихъ словахъ Гюго вѣрно опредѣлилъ значеніе Данте для Италіи. Но величайшій изъ итальянскихъ писателей былъ въ то же время лучшимъ и типичнѣйшимъ пѣвцомъ католицизма. Здѣсь онъ является не итальянцемъ, а космополитомъ. Поэтъ міровой, Данте создалъ достойный монументъ средневѣковью вообще, потому что католицизмъ былъ центромъ, вокругъ котораго вращались другія историческія идеи. Его поэма явилась завершеніемъ среднихъ вѣковъ. Послѣ него средніе вѣка близятся къ смерти, а въ замѣнъ ихъ развивается новая жизнь, которая ищетъ идеаловъ въ будущемъ и постепенно отрѣшается отъ прошедшаго.

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

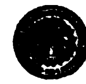
УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть вторая.

(XIV И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV СТОЛ.).

1889.

КАЗАНЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 15 декабря 1888 года.

(Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета за 1889 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

втораго тома.

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ).

VIII.

IX.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

VIII.

БОРЬБА МОНАРХИЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ СЪ ТЕОКРАТІЕЙ ВЪ XIV ВѢКѢ.

1) Слѣдствія крестовыхъ походовъ.

Характеристика XIV вѣка.

Исторія XIV столѣтія представляетъ содержаніе въ значительной степени отличное отъ явленій политической и внутренней жизни предшествовавшаго вѣка. Самыя идеи, одушевлявшія общество, значительно обновились, а съ ними измѣнились и люди, призванные служить къ ихъ осуществленію, задавшись иными идеалами и цѣлями. Несмотря на это, исторія XIV вѣка лишена типичнаго, самостоятельнаго характера, такъ какъ самая эпоха не имѣетъ почти ничего своеобразнаго, ей одной принадлежащаго. Четырнадцатое столѣтіе носитъ всѣ признаки переходнаго періода. Въ немъ замираютъ средневѣковыя типичныя начала предшествовавшаго вѣка и послѣдовательно съ напряженными усиліями зарождаются новыя. Исторія этого столѣтія связана съ исторіей XIII вѣка на столько, на сколько въ немъ осталось еще средневѣковаго; она представляетъ собою тѣ особенности, которыя составляютъ отличительныя черты XV вѣка и новаго времени. Католическая Церковь, хотя руководимая обезсиленными, глубоко пораженными папами, продолжаетъ проявлять міровыя претензіи. Феодализмъ продолжаетъ еще бороться и оказываетъ энергичное сопротивленіе королевской власти; города сознаютъ еще свою силу; корпоративныя начала проявляются въ разныхъ слояхъ общества. Рыцарство продолжаетъ подвизаться въ честь Мадонны и женщинъ и, какъ свидѣтельствуетъ вѣр-

нѣйшій бытописатель эпохи Фруассаръ, рыцари, по приказанію дамы, совершаютъ цѣлыя путешествія съ обязательно закрытыми глазами. Философія еще носитъ схоластическій характеръ; поэзія не перестаетъ вдохновляться рыцарскою жизнью. Все это характерныя черты прошлаго. А рядомъ съ тѣмъ короли проявляютъ всю энергію для собиранія земель уже не на феодальныхъ, а на коронныхъ правахъ, т. е. считаютъ земли собственностью короны и постепенно перестаютъ передавать домены своимъ вассаламъ въ ленное владѣніе. Муниципальная власть общинъ не разъ терпитъ пораженіе отъ государственной власти, врывавшейся во всѣ интересы и стремившейся все централизировать въ себѣ. Рыцарство должно подчиниться власти закона, послѣ того какъ склонило голову передъ королями; оно должно признать равноправность другихъ общественныхъ элементовъ. Изъ схоластической философіи выдѣляются отдѣльныя самостоятельныя отрасли знанія; поэзія расширяетъ свой горизонтъ, такъ какъ мейстерзенгеры и жонглеры, посмѣиваясь надъ дворами и рыцарями, пытаются вывести жизнь другихъ сословій, прежде даже невозбуждавшихъ интереса.

Все что отличаетъ XIV вѣкъ отъ XIII, все что представляется въ немъ новымъ, является прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, которые внесли въ исторію Запада новое содержаніе, касавшееся самыхъ разнообразныхъ сферъ.

Потому мы должны остановить вниманіе на слѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ, для каждой страны въ частности и для исторіи вообще (¹).

Слѣдствія крестовыхъ походовъ: *Италія.*

Замѣчательно, что та страна, которая принесла наименьшія жертвы святому дѣлу, извлекла изъ крестовыхъ походовъ наибольшія выгоды. Итальянцы всегда болѣе или менѣе равнодушно относились къ походамъ въ Палестину. Съ трудомъ отдѣльные князья склоняли рыцарей сопутствовать себѣ

( ) Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе по данному вопросу принадлежитъ Michaud, у котораго въ H. des croisades оно занимаетъ особый томъ. По сіе время продолжаетъ имѣть цѣну трудъ—Heeren, Versuch einer Entwickelung der Folgen der Kreuzzüge für Europa (1821). Изъ новыхъ спеціальн. сочиненій: Kampfschulte, Ueber Charakter und Entwickelungsgang der Kr. (Bonn, 1864) и Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge (B. 1883).

въ экспедиціяхъ. Итальянскіе крестоносцы въ самомъ началѣ своихъ предпріятій становились предметомъ эксплуатаціи своихъ же соотечественниковъ, торговыхъ и предпріимчивыхъ горожанъ. Правительства итальянскихъ республикъ оставались глухи къ крестовымъ цѣлямъ, но они могли ликовать при каждомъ новомъ подобномъ замыслѣ. „Крестовые походы, справедливо замѣчаетъ по этому поводу Маколей, отъ которыхъ воины другихъ земель не выиграли ничего кромѣ ранъ, доставили возраставшимъ республикамъ Адріатическаго и Тирренскаго морей огромную прибыль богатства, власти и знанія. Нравственное и географическое положеніе этихъ республикъ давало имъ возможность пользоваться и варварствомъ Запада, и цивилизаціей Востока. Итальянскіе корабли покрывали всѣ моря. Итальянскія факторіи возникали на всѣхъ берегахъ. Столики итальянскихъ мѣнялъ появлялись во всѣхъ городахъ. Мануфактуры процвѣтали. Банки учреждались. Дѣйствія торговой машины облегчались многими полезными и прекрасными изобрѣтеніями. Едва-ли какая нибудь другая страна въ Европѣ, за исключеніемъ Англіи, достигла въ настоящее время такой высокой степени богатства и цивилизаціи, какой достигли нѣкоторыя части Италіи на закатѣ среднихъ вѣковъ“ (¹). Если нельзя богатства Италіи объяснять только послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, то несомнѣнно что въ экономической жизни Италіи они имѣли существенное значеніе (²). Итальянцы гнались исключительно за торговыми выгодами; они предлагали свои суда, запасы и оружіе крестоносцамъ, но съ такою же охотою за хорошую цѣну служили и мусульманамъ, не всегда скрывая свои сношенія. Потому понятно и послѣдовательно было компетентное мнѣніе Джіованни Виллани, что съ уничтоженіемъ іерусалимскаго королевства торговля Италіи потеряла половину своихъ выгодъ. Нельзя также не отмѣтить того обстоятельства, что судьбы сицилійскаго королевства и Неаполя опредѣлялись крестовыми походами, что крестоносцы заальпійскіе, проживая болѣе или менѣе продолжительное время въ Южной Италіи, знакомились съ монархическими порядками Неаполя и разносили новыя политическія начала,

(¹) **Маколей, Сочиненія; I, 70.**

(²) **Для подробностей отсылаемъ къ Cibrario, Storia dell'economia politica nel medio evo. См. наши Замѣтки по экономической исторіи Италіи (К. 1866).**

выработавшіяся въ королевствѣ Фридриха II, Карла анжуйскаго и его преемниковъ, о которыхъ скоро будемъ говорить.

Франція. Послѣ Италіи наибольшія выгоды извлекла Франція для своего будущаго. Она дала очень много дружинъ и подвижниковъ для крестоваго дѣла. Феодалы, отправляясь въ походъ. и не разсчитывая вернуться, часто продавали королямъ свои владѣнія или оставляли въ залогѣ. Каждое крестовое предпріятіе не обходилось безъ энергичнаго участія французскихъ рыцарей и независимыхъ государей, которые приносили значительныя жертвы на пользу Св. Гроба. Уже одно то, что короли Франціи въ такомъ популярномъ дѣлѣ стояли во главѣ своего народа побуждало сочетать представленіе о королѣ съ понятіемъ о народномъ благѣ, національной идеей. Слава Капетинговъ стала славою Франціи.

Германія. Германія не проявляла особеннаго увлеченія въ началѣ крестовыхъ походовъ. Императоры, по указанію папъ, начиная съ Конрада III, надѣваютъ крестъ, но имъ сопутствуютъ несчастія, что̀ еще болѣе подрываетъ въ Германіи кредитъ крестовой идеи. Ея послѣднимъ могиканомъ явился Фридрихъ II. который однако долженъ былъ скоро вернуться изъ Палестины, осыпанный градомъ новыхъ проклятій. Увлеченіе походами въ Палестину замерло въ половинѣ XIII вѣка, но оно воскресло въ новой формѣ, которая и дала наиболѣе практическіе результаты, содѣйствуя расширенію германской территоріи и распространенію нѣмецкаго языка. То были походы на прибалтійскихъ язычниковъ, жившихъ на берегахъ нижней Вислы, Нѣмана, Прегеля, Аа. Побѣжденные литовцы, смѣшавшись со славянами, послужили предметомъ нѣмецкой эксплуатаціи. На этой почвѣ выросла съ годами прусская монархія. Такимъ образомъ на Германіи крестовые походы отразились рефлективно, если не считать того обстоятельства, что они болѣе или менѣе содѣйствовали ослабленію императорской власти и усиленію федеративнаго начала, проявившагося въ формѣ союза городовъ.

Англія. На исторіи Англіи непосредственно крестовые походы отразились еще менѣе. Одинъ Ричардъ Львиное Сердце не могъ увлечь своимъ примѣромъ и героической отвагой сословія Англіи. Вся страна, занятая внутренними національными интересами и борьбою за права, отличалась холоднымъ рав-

нодушіемъ къ св. Гробу. Даже духовенство, принявшее въ большинствѣ сторону бароновъ въ борьбѣ ихъ съ Іоанномъ Безземельнымъ и Генрихомъ III, игнорировало судьбу св. земли и надѣвало съ бо̀льшею охотою крестъ на тѣхъ, кто сражался противъ короны, именуя ихъ крестоносцами. Даже торговля и промышленность Англіи не выиграли ничего отъ походовъ въ св. землю. Въ Палестинѣ не было ни одной англійской колоніи, ни одной факторіи, а англійскіе корабли почти никогда не перевозили крестоносцевъ.

Пиринеи. Замѣчательно, что косвеннымъ образомъ крестовое движеніе отразилось сильнѣе всего на пиринейскомъ полуостровѣ, хотя испанцы принимали наименьшее участіе въ походахъ на Востокъ уже потому что были заняты болѣе близкимъ дѣломъ—борьбою съ невѣрными у себя дома. Извѣстно, что кастильцы и аррагонцы стали принимать участіе въ заморскихъ экспедиціяхъ, когда крестовое рвеніе ослабѣло. Между тѣмъ всѣ великія событія на пиринейскомъ полуостровѣ свершились подъ вліяніемъ крестоваго движенія. Португальское королевство обязано своимъ основаніемъ крестоносцамъ. Силы христіанъ на Пиринеяхъ обусловились содѣйствіемъ крестоносцевъ, которые, направляясь изъ Франціи и Прованса на Востокъ, часто останавливались по пути въ приморскихъ городахъ Каталоніи и, вмѣсто того чтобы продолжать походъ, принимали приглашенія кастильскихъ и аррагонскихъ государей и вмѣстѣ съ ними дрались съ невѣрными, дѣлая походы на Андалузію и Гранаду и защищая христіанъ. Однимъ этимъ они часто ограничивались, считая свои обѣты исполненными. Такимъ образомъ пиринейскіе христіанскіе короли вели борьбу съ сарацинами частію на готовыя силы и средства; кровь рыцарей другихъ странъ обильно лилась при Толозѣ и Хенилѣ, ради славы Христовой. Безъ такого содѣйствія врядъ-ли бы кастильцы и аррагонцы одолѣли мусульманъ, которые уступали въ XIV вѣкѣ христіанамъ одну позицію за другою.

Общіе результаты. Обращаясь къ общимъ результатамъ крестовыхъ походовъ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить могущественное вліяніе ихъ на развитіе мореплаванія, торговли и промышленности въ Западной Европѣ. Капиталы стали рости преимущественно въ рукахъ итальянскихъ предпринимателей и банкировъ, дававшихъ ссуды, передвигались въ Германію и Фран-

цію, а въ то же время множество новыхъ цѣнностей было пущено въ обращеніе. Между морями сѣверными и южными установилось постоянное сообщеніе, что объединило разноязычные народы на поприщѣ торговыхъ интересовъ, возбудило соревнованіе между ними и во всякомъ случаѣ усилило связь между ними. Необходимость въ такомъ сообщеніи заставляло моряковъ изучать морскіе пути, берега, острова, замѣтить приливы и отливы, а также движеніе вѣтровъ, ибо только послѣднее изученіе давало возможность плаванія въ то время. Самое изобрѣтеніе компаса было послѣдствіемъ этого духа. Все это, возбуждая пытливость и духъ изслѣдованія, вносило въ духовную жизнь того времени много движенія, малозамѣтнаго прежде. Эпоха крестовыхъ походовъ была временемъ самой энергичной дѣятельности и самой благородной любознательности.

Тѣмъ самымъ крестовые походы содѣйствовали развитію образованности. Знакомство съ бытомъ отдаленныхъ народовъ Востока, азіатскихъ и африканскихъ, вносило массу новаго матеріала въ міровоззрѣніе Запада. Наука арабовъ стала достояніемъ Европы. Арабская нумерація, ариѳметика, алгебра, естествознаніе, географія, этнографія, астрономія, медицина, анатомія, получили значеніе въ Европѣ непосредственно подъ вліяніемъ крестовыхъ войнъ (это было видно изъ 6 главы II отдѣла этого тома). Прибавимъ къ тому, что восточныя врачебныя средства вошли тогда во всеобщее употребленіе и скудная фармакопея средневѣковыхъ людей обогатилась въ значительной степени.

Папство. Многіе историки продолжаютъ думать, что Римская Церковь усилилась благодаря крестовымъ войнамъ. Врядъ-ли это мнѣніе имѣетъ за себя достаточныя основанія. Несомнѣнно, что счастливый исходъ походовъ могъ бы придать обаяніе папству и упрочить его могущество; но великое предпріятіе не удалось и всѣ благородныя усилія пропали даромъ. Между тѣмъ духовенство, начиная со втораго похода, принесло наибольшія матеріальныя жертвы. Для осуществленія предпріятія папы ввели такъ называемую Саладинову десятину, которая взыскивалась съ величайшею строгостью съ епископовъ, аббатовъ и церквей, сообразно доходности. Эта десятина сбиралась иногда безъ перерыва въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и сильно опустошила церковныя кассы. По предположенію Мишо, духовенство въ 200 лѣтъ переплатило на крестовую

войну такія суммы, что ихъ съ избыткомъ хватило бы на скупку всѣхъ церковныхъ имуществъ. Правда, передъ началомъ крестовыхъ войнъ и въ теченіе перваго похода, имущества духовенства значительно увеличились отъ пріобрѣтенія тѣхъ земель, владѣльцы коихъ или дарили свои земли Церкви на поминъ души, или продавали за дешевую цѣну, не разсчитывая вернуться. Но тѣмъ не менѣе самыя громадныя средства грозили истощиться, и изъ корыстныхъ видовъ владѣльцы церковныхъ имуществъ сами старались прекратить дальнѣйшія крестовыя усилія. Прежняго энтузіазма въ духовенствѣ не осталось и слѣда; проповѣдники говорятъ по заказу; ихъ рѣчь становится холодною, и всѣ замыслы папъ должны были сокрушиться объ эту апатію духовнаго сословія, которая и была существенною причиной прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ крестовыхъ попытокъ.

Между тѣмъ авторитету папъ, вслѣдствіе неудачи цѣлаго ряда экспедицій, нанесенъ былъ непоправимый ударъ. Пропала та вѣра въ божественность происхожденія высшей духовной власти, которая прежде была присуща католикамъ. Видимо небо не благословляло желанія первосвященниковъ, и земля, освященная слѣдами Спасителя, должна была вновь попираться ногами невѣрныхъ. Отъ этого удара послѣдовало умственное пробужденіе, зародился скептицизмъ не только въ правотѣ папства, но въ самой законности его происхожденія и его міровыхъ претензій. Такое настроеніе умовъ принесло неисчислимыя послѣдствія и первое изъ нихъ немедленно сказалось въ пораженіи, нанесенномъ папѣ Бонифацію VIII французскимъ королемъ вслѣдъ за несчастнымъ окончаніемъ восьмаго крестоваго похода.

Когда высшая католическая власть оказалась въ невыгодномъ положеніи и когда она значительно ослабѣла, когда прелаты, владѣльцы церковныхъ имуществъ, раздѣлили съ нею ея участь,— феодалы также почувствовали потерю прежней силы и вліянія. Ихъ земли и богатства уменьшились; военная репутація была омрачена; они уже ощущали надъ собою крѣпость королевской руки. Истинный рыцарскій духъ отлетѣлъ, и рыцарство сохраняетъ только прежнія формы, слѣдуя ранѣе составленному кодексу обязанностей и ритуалу.

Города.

Съ ослабленіемъ двухъ первыхъ сословій естественно выиграло третье—городское. Вмѣстѣ съ обогащеніемъ жители городовъ пріобрѣли политическія и гражданскія права и влія-

ніе на государственную жизнь. Населеніе городовъ возрастало отъ переселенія въ нихъ окрестныхъ поселянъ, въ трудѣ которыхъ, съ развитіемъ ремеслъ и промысловъ, съ расширеніемъ и улучшеніемъ городскаго хозяйства чувствовалась потребность. Сами бароны, обѣднѣвши, записывались въ число горожанъ. Богатства городовъ возрасли отъ пріобрѣтенія путемъ купли земель феодаловъ, которыя стали давать при лучшихъ способахъ обработки и бо̀льшій доходъ. Жизнь въ городахъ была всегда дѣятельная, сравнительно съ мертвою спячкою или разгуломъ въ замкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе каждаго горожанина было гарантировано, если только города не охватывали междоусобія. Города постепенно дѣлались такимъ образомъ центрами патріотизма, образованности, человѣчности, любви къ свободѣ и искусства. Величественныя ратуши, готическіе храмы, великолѣпные дома купцовъ, построенные подъ конецъ крестовыхъ походовъ и въ XIV вѣкѣ, остаются памятниками энергіи, образованности, благосостоянія, что̀ начало развиваться въ городахъ всѣхъ народовъ западной Европы съ эпохи крестовыхъ походовъ. На городскихъ фабрикахъ изотовляли предметы комфорта, о которомъ прежде не имѣли понятія. Прежде высоко цѣнилась холщевая рубашка, которую снимали на ночь рыцари, сберегая ее; теперь изготовляютъ разноцвѣтныя шерстяныя, бархатныя и шелковыя матеріи или носятъ привозныя изъ Персіи и Бухары, при чемъ зажиточные люди, а особенно дамы подражаютъ модамъ невѣрныхъ, предпочитая яркіе цвѣта и украшая платья мѣхами, привезенными съ сѣвера, благодаря доступности морей. Съ Востока, помимо произведеній растительнаго царства, шелковичнаго, хлопчатобумажнаго, сливоваго дерева, сахарнаго тростника, риса, индиго,—была заимствована обстановка горожанъ, которая послѣ перешла въ рыцарскіе замки, какъ напр. софа, матрацъ, кафтанъ, бурнусъ, туфли, графинъ и что еще важнѣе, цѣлый рядъ изобрѣтеній, какъ-то: стекло, глазурь и вѣтряная мельница, которая ранѣе всего была перенесена во Францію.

Крѣпостные. Большинство населенія не испытало къ сожалѣнію благодѣтельныхъ послѣдствій переворота, совершившагося въ городахъ. Крестьянство французское того времени продолжало вести „сѣренькую жизнь“, какъ характеризовалъ ее одинъ изъ французскихъ тогдашнихъ труверовъ. Во Франціи тогда установилось слово „виланъ“ вмѣсто прежнихъ сервовъ и mainmortables. Поэты, вышедшіе изъ народа, оставили мрачные

картины безнадежнаго экономическаго и правоваго положенія крестьянскаго сословія. — „Вилановъ ненавидитъ самъ Богъ; онъ не оставилъ имъ мѣста въ раю, такъ какъ не желаетъ, чтобы какой-нибудь мужикъ находился тамъ, гдѣ пребываетъ Сынъ Дѣвы Маріи". Другіе полагали, что Богъ при самомъ твореніи создалъ три породы людей: знатныхъ, духовныхъ и вилановъ, предназначенныхъ работать на высшіе классы. Еще въ XI вѣкѣ такую наивную теорію пресерьезно защищали нѣкоторые епископы на одномъ изъ соборовъ ([1]). Въ Германіи, за исключеніемъ такъ называемыхъ штедингеровъ, независимыхъ общинъ на берегу Нѣмецкаго моря, крестьянское сословіе положительно бѣдствовало во время всеобщаго безправія, именуемаго кулачнымъ правомъ. Тутъ жизнь земледѣльца мало чѣмъ отличалась по обстановкѣ отъ условій животнаго быта. Да и вездѣ хозяйство было первоначальное, трехпольное; садоводство и огородничество стало развиваться только въ послѣднее время подъ вліяніемъ знакомства съ Востокомъ, да и то лишь въ подгородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ только и можно было встрѣтить опыты разведенія растеній, полезныхъ для промышленности и врачеванья. Въ Венгріи и Чехіи послѣ татарскаго нашествія земледѣліе почти прекратилось, такъ какъ крестьяне нѣсколько лѣтъ укрывались въ лѣсахъ. Положеніе крестьянина на пиринейскомъ полуостровѣ оставалось необезпеченнымъ. Въ Англіи, несмотря на Великую Хартію, виланы, какъ и прежде, были жертвою всесильныхъ ѳеодаловъ въ этой странѣ, которая была раемъ для перовъ и адомъ для земледѣльцевъ. Еще худшее положеніе крестьянства было въ Даніи, которая славилась обиліемъ рабовъ вслѣдствіе морскихъ разбоевъ, а также въ Швеціи. Только въ одной Норвегіи уцѣлѣли свободныя крестьянскія общины, въ которыхъ пахатная земля составляла личную собственность, а луга и лѣса принадлежали всей общинѣ; только тамъ крестьянинъ, будучи свободнымъ, засѣдалъ въ сеймахъ и на судѣ. Въ общемъ крестовые походы не облегчили положенія крестьянъ. Конечно, были частные случаи. Тѣ, которые шли за своими господами, обыкновенно получали свободу, по настоянію церковныхъ властей. Такой крестоносецъ уравнивался съ

([1]) Крестьяне были прозваны людьми «мертвой руки» въ X вѣкѣ (manus mortua, serfs de mainmorte), потому что лишены были права распоряжаться своимъ имуществомъ. Для этого—«рука ихъ была мертва».

своимъ господиномъ. Если такому воину изъ простыхъ людей посчастливилось вернуться, то онъ считался вольнымъ человѣкомъ и всѣ права господина на него прекращались; но возвращались очень немногіе. Во Франціи очень незначительный процентъ вилановъ исчезалъ въ подавляющей массѣ сервовъ и „людей мертвой руки“, а экономическое положеніе всѣхъ слоевъ крестьянства не представляло рѣзкихъ отличій. Виланы, какъ и другіе земледѣльцы, работали одинаково на условіяхъ барщины или половничества, и одинаково свой участокъ передавали большею частію наслѣдственно дѣтямъ. Тогда краткосрочныя аренды не имѣли мѣста и, подобно ленамъ, всякое временное владѣніе имѣло стремленіе превратиться въ наслѣдственное. Въ виду того, что сеньоры предпочитали сдавать аренды цѣлой общинѣ, являлась гарантія прочности владѣнія, гарантія весьма выгодная для той и другой стороны, а особенно для землевладѣльца, такъ какъ „крестьяне исправнѣе платятъ повинности сеньору, когда живутъ вмѣстѣ, нежели когда распадаются на отдѣльные дворы“. Изъ такихъ общинъ наиболѣе замѣчательными были парсоннеріи, которыя своими коммунистическими аграрными отношеніями принесли большую пользу сельскому населенію Франціи ([1]). Члены этихъ братствъ не только сообща владѣли землею, но вмѣстѣ обработывали ее, пользовались произведеніями ея. Для членовъ парсоннерій, какъ для древнихъ спартанцевъ, обязателенъ былъ общій столъ, а сперва даже общее помѣщеніе; если появлялись отдѣльные дворы въ нѣдрахъ таковой парсоннеріи, то она переставала существовать. Несмотря на все это, съ самого начала крестовыхъ походовъ, вслѣдствіе предоставленія многихъ земель въ достояніе Церкви и городовъ, должно было улучшиться положеніе крестьянъ, потому что сталъ дѣйствовать законъ — хотя бы и суровый — вмѣсто произвола.

([1]) Bonnemère, H. des paysans (P. 1856). Карѣевъ, Очеркъ исторіи франц. крестьянъ (Варш. 1881), предназначенное для публики. Вообще для крестьянства классическое соч. Sugenheim, G. der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa (1861). Скребицкій, Очеркъ изъ исторіи крестьянства (В. Евр. 1867, III). Leymarie, H. des paysans (P. 1856). Dareste de la Chavanne, H. des classes agricoles en France (P. 1858). Daniel, La rev. française et la feodalité (P. 1874).

Такимъ образомъ крестовые походы, будучи порожденіемъ Церкви и рыцарства, нанесли ударъ именно этимъ основнымъ элементамъ соціальной жизни среднихъ вѣковъ.

Теперь мы можемъ на фактахъ прослѣдить зарожденіе новыхъ историческихъ идей, проявившихся въ XIV вѣкѣ.

---

2) Торжество монархической идеи во Франціи; Филиппъ III и IV. Послѣдняя попытка теократіи и пораженіе Бонифація VIII. Сыновья Филиппа IV.

Наслѣдникъ Луи IX святаго, Филиппъ III расширилъ территорію Франціи. Этому содѣйствовали особыя обстоятельства. По возвращеніи изъ Туниса, онъ почти разомъ отнесъ пять гробовъ самыхъ близкихъ родныхъ въ склепы св. Діонисія, а именно: отца, жены, которая умерла на дорогѣ въ Калабріи, брата, короля наваррскаго, умершаго въ Трапани, дяди Альфонса, графа Пуатье и супруги послѣдняго, умершихъ въ Тосканѣ. Дорогой же на обратномъ плаваніи погибло у береговъ Сициліи около 4000 крестоносцевъ. Такимъ образомъ въ первые дни царствованія Филиппъ III наслѣдовалъ послѣ дяди Альфонса и его жены всѣ ихъ владѣнія, обнимавшія собой большую часть южной Франціи: Тулузу, Руэргъ, Аженуа, Керси, Венессенъ, Они, части Альбижуа, Пуату, Оверни и Сентонжа. Изъ этихъ владѣній онъ отдалъ въ 1270 году Аженуа англійскому королю Эдуарду I на основаніи договора, заключеннаго отцомъ, а Венессенъ, лежавшій къ сѣверу отъ Дюрансы и къ востоку отъ Роны, въ 1274 году, папскому правительству, имѣвшему на него притязанія и удержавшему его до 1291 года. Хотя всѣ послѣднія пріобрѣтенія французской короны сохраняли до 1361 года особое управленіе, но французское господство весьма чувствительно отозвалось на нихъ. Мѣстное населеніе издавна пользовалось свободой и обширными правами, а Альфонсъ и его жена значительно содѣйствовали развитію благосостоянія. Все это измѣнилось при французскомъ управленіи, несмотря на то, что Филиппъ подтвердилъ прежнія права и привилегіи. Даже графъ де-Фуа почувствовалъ новое сосѣдство: враждовавшій

Филиппъ III (1270-85 г.).

съ нимъ де-Казобонъ просилъ помощи у Филипа, и побѣжденный де-Фуа былъ посаженъ въ тюрьму [1].

Покореніе Наварры французами.

Вскорѣ Филиппу представился случай расширить свои владѣнія на западѣ. Въ 1234 году французскій вассалъ графъ Тибо Шампанскій женился на наслѣдницѣ пиринейскаго королевства Наварры, вступившаго съ тѣхъ поръ въ близкія сношенія съ Франціей. Внукъ Тибо, Генрихъ I, умирая оставилъ единственную дочь Іоанну, завѣщавъ воспитать ее подъ французской опекой и выдать замужъ за французскаго принца. Противъ этого возстали наваррскія сословія, а аррагонскій и кастильскій короли постарались воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній. Однако Филиппъ, предупреждая ихъ, помолвилъ Іоанну за своего наслѣдника, и послалъ въ Наварру войско. Евстафій де Бомарше, назначенный имъ правителемъ Наварры, подчинилъ страну, но позволивъ себѣ нарушать старинные обычаи, которыхъ тамъ упорно держались, вызвалъ возстаніе. Тогда вновь явилось французское войско, взяло приступомъ главный городъ Пампелуну, гдѣ произвело страшныя насилія. Страхъ заставилъ покориться прочіе города и вассаловъ. Покончивъ съ Наваррой, Филиппъ обратился противъ Кастиліи, гдѣ инфанты де-ла-Цедра, два сына его сестры, бывшей замужемъ за кастильскимъ принцемъ, спорили тогда о престолѣ съ своимъ дѣдомъ и дядей. Французы шли поддержать малолѣтнихъ принцевъ. Въ виду чужеземнаго вмѣшательства дѣло инфантовъ было совершенно проиграно. Французское войско ничего не могло сдѣлать и отступило отчасти потому, что очутилось между двухъ огней. Замыселъ французскаго короля не ограничился Кастиліей; онъ надѣялся упрочить свое вліяніе и въ Аррагоніи, гдѣ хотѣлъ посадить своего втораго сына, Карла Валуа. Тогда аррагонскій король взялъ подъ свое покровительство сицилійцевъ послѣ „вечерни", за что папа лишилъ донъ-Педро аррагонскаго престола. Тогда онъ вступилъ въ битву съ неаполитанскимъ королемъ и, одержавъ блестящую морскую побѣду, плѣнилъ Карла II, будущаго неаполитанскаго принца, продержавъ его въ плѣну до 1294 года, когда умеръ его отецъ, и когда принцъ былъ провозгла-

[1] Guilelmus de Nangiaco, Historia Philippi III Audacis (Bouquet, XX, 166—379),

шенъ королемъ. Сынъ донъ Педро, Альфонсъ III, наслѣдовалъ отцу въ Аррагоніи, а другой сынъ Іаковъ, съ матерью Констанціею, получилъ Сицилію. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвело это плѣненіе во французскомъ лагерѣ. Дѣло стало общимъ для всего французскаго дома.

Пока папа грозилъ проклятіемъ аррагонскому королю, французскій король обрушился на Альфонса III, провозглашая вездѣ королемъ своего втораго сына Карла и втянулъ Францію въ тяжелую борьбу. Это было совершенно нетактично по отношенію къ аррагонскому народу, который былъ доволенъ своими порядками. При самомъ началѣ похода Филиппъ III умеръ въ 1285 году. Задавшись слишкомъ обширными честолюбивыми замыслами, онъ не добился ничего.

Филиппъ IV (1286-1314 г.).

Его преемникъ Филиппъ IV, какъ человѣкъ практическій, отказался отъ фантазій и увлеченій отца. Онъ превосходилъ государственными способностями всѣхъ своихъ предшественниковъ; но характеръ его представлялъ полное отсутствіе симпатичныхъ сторонъ. Ложь, лицемѣріе, коварство и насиліе, — были обыкновенными свойствами Филиппа IV. Впрочемъ склонность къ крутымъ мѣрамъ могла бы еще найти оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ ради блага Франціи, собирая во едино земли Галліи. Онъ очистилъ Кастилію. Равнымъ образомъ Карлъ Валуа отрекся отъ Аррагоніи. Теперь народъ не признавалъ французскихъ инфантовъ, а предпочелъ имъ ихъ дядю, побѣдителя мавровъ. Въ 1287 году между неаполитанскимъ и аррагонскимъ королемъ былъ заключенъ миръ, по которому Неаполь получалъ изъ плѣна своего короля Карла II, уплатившаго выкупъ. Филиппъ IV попробовалъ смягчить эти тяжелыя условія, возобновивъ войну и дѣйствуя именемъ папы; но въ 1291 году французскій король окончательно убѣдился въ невозможности посадить на престолъ Карла Валуа и обязался не вмѣшиваться въ аррагонскія дѣла. Извѣстно, что впослѣдствіи Карлъ Валуа столь же неудачно претендовалъ на Флоренцію. Французскій принцъ не унимался, всюду простиралъ свои объятія, каждое вакантное мѣсто и область считалъ своей; имъ овладѣла какая-то манія пріобрѣтенія выморочныхъ владѣній. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи договора, Альфонсъ III умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей; ему наслѣдовалъ братъ его Іаковъ II, который поспѣшилъ въ новое королевство, уступивъ Сицилію

матери и брату, Фридериго II. Въ первое время Іаковъ сошелся съ неаполитанскимъ и анжуйскимъ домомъ и женился на дочери своего врага, неаполитанскаго короля. Онъ не только не поддерживалъ своего брата въ Сициліи, но сталъ такъ дѣйствовать, что папа Бонифацій VIII, не успѣвшій еще поссориться съ Филиппомъ IV, поддерживалъ его. Папа Бонифацій VIII потребовалъ у Фридериго отреченія отъ престола, предложивъ ему взамѣнъ его призрачныя права на Константинополь и руку племянницы. Главный совѣтникъ сицилійскаго короля, Прочида, убѣдилъ Фридериго не принимать предложенія; тогда папа объявилъ Фридериго лишеннымъ престола и отдалъ его Карлу Валуа. Аррагонскій король также былъ противъ брата. Знаменитый адмиралъ Лорія разбилъ сицилійскій флотъ. Сицилія оказалась было въ рукахъ Аррагоніи, но Іаковъ не желалъ гибели острова. Населеніе острова сплотилось около своего государя и въ 1301 году отбило всѣ покушенія противниковъ тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ послѣднихъ произошелъ раздоръ. Претендентъ французскій проигралъ сраженіе. Въ 1302 году былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго Сицилія сдѣлалась наслѣдственною въ аррагонскомъ домѣ, а Неаполь остался за анжуйской династіей. Филиппъ IV, можно сказать, типъ честолюбиваго государя; его честолюбіе никогда не могло быть удовлетворено. Онъ не стѣснялся даже прикрывать своихъ честолюбивыхъ замысловъ приличнымъ предлогомъ; отъ одного замысла онъ переходилъ къ другому; это было для него легко, потому что онъ не руководился никакими нравственными принципами. Съ его царствованія начинается 100-лѣтняя борьба между англичанами и французами, составляющая существенное содержаніе среднихъ вѣковъ ([1]).

Борьба за Фландрію. Въ 1293 году французскій король безъ всякаго предлога велѣлъ занять англійскія провинціи, уступленныя отцемъ,

---

([1]) Для исторіи Филиппа IV Красиваго и его трехъ сыновей всѣ источники собраны въ четырехъ томахъ (XX—XXIII) сборника Bouquet: Это хроники: монастыря св. Діонисія, Вильгельма де-Нанжи и цѣнная по содержанію Chronique de Primat, traduit par Leon de Vignay (XXIII 8—146). Авторъ послѣдней, монахъ, но довольно безпристрастный, пользовался тѣмъ же основнымъ источникомъ какъ и Вильгельмъ; такъ полагаетъ ученый издатель и редакторъ XXIII тома, Delisle.

хотя Эдуардъ далъ за нихъ ленную присягу и подписалъ семь лѣтъ тому назадъ миръ. Эдуардъ въ то время былъ во враждѣ съ шотландскимъ королемъ Балліолемъ и Филиппъ заключилъ съ послѣднимъ миръ. Все это заставило англійскаго короля вступить въ переговоры; онъ послалъ во Францію брата Эдмунда просить мира. Въ 1294 году былъ заключенъ трактатъ, по которому Эдуардъ уступалъ нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Гіенни, но съ тѣмъ, что Филиппъ по истеченіи извѣстнаго времени долженъ опять возвратить ихъ Англіи, а также уступалъ Керси за деньги. Филиппъ IV съ свойственной ему безцеремонностью объявилъ, что не намѣренъ ни платить денегъ, ни возвращать укрѣпленій. Въ то время въ Нормандіи англійскіе матросы поссорились съ французскими и это было достаточнымъ предлогомъ нарушенія условій. Филиппъ IV, чтобы добыть денегъ на войну, грабилъ итальянскихъ купцовъ и обиралъ евреевъ, а обобравъ, высылалъ изъ Франціи. Эдуардъ сталъ искать союзниковъ, или точнѣе нанимать ихъ субсидіями. Онъ склонилъ на свою сторону Адольфа Нассаускаго, императора германскаго, но тотъ обманулъ, деньги издержалъ и ничего не сдѣлалъ. Онъ тогда заключилъ союзы съ графами брабантскимъ и геннегаусскимъ; герцоги бургундскій и савойскій, также взяли деньги и также обманули. Одинъ фландрскій графъ, Гюи де-Дампьерръ, вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія и хотѣлъ выдать за него свою дочь. Тогда Филиппъ IV обманомъ заманилъ фландрскаго графа вмѣстѣ съ дочерью и заключилъ въ луврскую башню, ссылаясь на то, что вассалъ не можетъ безъ согласія сюзерена выдавать дочерей; отца же вскорѣ выпустилъ. Гюи счелъ это наглымъ нарушеніемъ ленныхъ отношеній, отказался отъ исполненія вассальныхъ обязанностей, заключилъ формальный союзъ съ Эдуардомъ и объявилъ Франціи войну, но случилось иначе. Эдуардъ, желая сосредоточить всѣ силы противъ Шотландіи, заключилъ перемиріе съ Филиппомъ, выдавая такимъ образомъ ему на жертву своего союзника. Съ двухъ сторонъ французы ворвались во Фландрію, подъ предводительствомъ самого короля и графа Роберта д' Артуа. Богатый и укрѣпленный городъ Лиль былъ взятъ. Въ это самое время прибылъ во Фландрію Эдуардъ, вновь вступаясь за графа Фландріи. Его постигло полное разочарованіе. Онъ надѣялся на союзниковъ и наемныя вспомогательныя войска, но союзники не явились; наемниковъ не

оказалось, а вмѣсто ожидаемыхъ друзей онъ увидѣлъ французовъ, утвердившихся во Фландріи. Въ 1297 году Эдуардъ долженъ былъ заключить второе перемиріе на два года, при чемъ Лиль, Дуэ, Брюгге и Гентъ, опасаясь погрома, отворили ворота и пустили французовъ.

Вмѣшательство папы въ дѣла Франціи.

Эта борьба между двумя королями Запада за судьбу небольшаго фландрскаго графства послужила прелюдіей къ міровому историческому столкновенію между свѣтской и духовной властью. Честолюбивый Бонифацій VIII, о которомъ мы говорили выше, надѣвшій тіару въ 1294 году (II, 495), искалъ случая возобновить былыя грандіозныя претензіи папства, не смотря на всю необезпеченность своего положенія въ предѣлахъ Церковной области. Онъ сдѣлалъ попытку подчинить Францію вліянію Рима. Увлекавшійся старецъ, жившій утопіями, бредившій недавнимъ величіемъ папства, не принявъ въ соображеніе измѣнившихся условій времени, не разсчитавъ силъ въ противномъ лагерѣ, бросилъ вызовъ французскому королю, считая его соперникомъ неопаснымъ и во всякомъ случаѣ болѣе слабымъ, чѣмъ императоръ Германіи. Бонифацій VIII въ своемъ увлеченіи считалъ себя Иннокентіемъ III, а Филиппа IV — Филиппомъ II. Онъ смотрѣлъ на фландрскій вопросъ, какъ на предлогъ къ вмѣшательству въ дѣла Франціи, какъ на случай къ возобновленію теократическихъ претензій (1). Папа еще въ 1296 году обратился къ королямъ Англіи и Франціи съ предложеніемъ прекратить войну и заключить миръ; первый согласился, второй, считавшій себя побѣдителемъ, отклонилъ предложеніе первосвященника, не признавая его обязательнымъ для себя. Филиппъ отвѣтилъ новымъ дипломатическимъ актомъ, въ которомъ слышались самостоятельность, сознаніе своего королевскаго достоинства и силы. Онъ не чувствовалъ себя должникомъ папы и потому высказывалъ удивленіе по поводу вмѣшательства первосвященника въ дѣло, которое до Церкви совершенно не касается. Въ заключеніе онъ отказался давать какой-либо отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ графу Фландріи и продолжалъ тѣснить послѣдняго. Бонифацій VIII только затаилъ досаду на короля. Въ самый

(1) Такъ смотрятъ французскіе изслѣдователи, напр. Du-Puy, Histoire du différend entre la pape Boniface VIII et Philippe le Bel. (P. 1655). — Литература вопроса приведена выше; II, 493.

разгаръ войны Филиппъ IV въ томъ же году получилъ извѣщеніе, что папа буллою — Clericis laicos воспретилъ церквамъ и духовенству Франціи уплачивать налогъ правительству, предназначенный на военныя издержки, угрожая отлученіемъ всякому, кто будетъ взимать такой налогъ. Изъ той же буллы слѣдовало между прочимъ, что безъ разрѣшенія папы нельзя вообще налагать подати на духовенство, а это равнялось контролю со стороны папы надъ французскимъ королемъ и было отраженіемъ теократическихъ претензій. Папа хотѣлъ, чтобы его считали государемъ надъ королемъ. Въ отвѣтъ на это Филиппъ IV воспретилъ вывозить изъ Франціи въ чужія земли деньги и драгоцѣнности, прекращая этимъ всякій денарій св. Петру. Въ отвѣтѣ на буллу король энергично отстаиваетъ права своей короны, давая тѣмъ знать, что руководится не прежними взглядами, а новымъ монархическимъ началомъ. Онъ считалъ духовныхъ такими же подданными своими, какъ свѣтскихъ вассаловъ и горожанъ, притомъ обязанными нести соотвѣтственныя повинности, потому что они владѣютъ значительными землями. Исключать ихъ изъ числа плательщиковъ значитъ оказывать содѣйствіе врагамъ государства, чего не можетъ допустить король. Филиппъ IV хотѣлъ оставаться вѣрнымъ католикомъ, преданнымъ папѣ, какъ духовному главѣ.—„Мы чтимъ Бога, уважаемъ Церковь и ея служителей, писалъ король папѣ, но не думаемъ страшиться неразумныхъ и несправедливыхъ угрозъ, ибо уповаемъ всегда остаться правыми передъ благодатью Божіей. Англійскій король, вассалъ нашъ, отказался явиться на нашъ судъ, и мы должны были отнять отъ него тѣ ленныя владѣнія, которыя ему дали“.

Все это произошло еще до второй фландрской войны. Когда Филиппъ IV украсилъ свою корону новыми лаврами, то папа, понявъ неловкость своей выходки и неумѣстность наступательной политики, измѣнилъ тактику. Онъ обнародовалъ новую буллу, чтобы смягчить впечатлѣніе первой, стараясь уничтожить оговорками все то, что было въ ней оскорбительнаго. Онъ самъ предложилъ сверхъ того Филиппу IV канонизировать его дѣда Луи IX, удостовѣривъ, что святой король совершилъ при жизни 63 чуда (¹). Тогда и Филиппъ IV проявилъ готовность уступить. Онъ принялъ частное посред-

(¹) Bouquet, Bulla de canonisatione; XXIII, 154—160.

ничество Бонифація, не какъ папы, а какъ дружественнаго государя, и дозволилъ свободный вывозъ золота и серебра изъ Франціи. Папа слишкомъ широко воспользовался своимъ положеніемъ посредника. Онъ рѣшилъ, чтобы французскій король отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній какъ во Фландріи, такъ и въ англійскихъ областяхъ. Филиппъ IV съ негодованіемъ отвергнулъ приговоръ папы и возобновилъ военныя дѣйствія въ 1300 году. Теперь вся Фландрія была завоевана, и графъ Гюи, стѣсненный повсюду, сдался Карлу де-Валуа, брату королевскому. Получивъ обѣщаніе Карла въ томъ, что король даруетъ ему амнистію и возвратитъ графство, Гюи съ двумя сыновьями и 40 вассалами отправился въ Парижъ. Король принялъ его сурово, объявивъ, что даруетъ ему и его дѣтямъ жизнь, но что онъ не обязанъ исполнять пустое обѣщаніе своего брата. Затѣмъ Гюи съ дѣтьми и со всею свитою былъ отправленъ въ Парижъ и посаженъ въ Луврскую башню.

Вражда между папою и королемъ.

Тогда Бонифацій VIII возмутился въ свою очередь. Онъ потребовалъ немедленнаго освобожденія графа, ставшаго жертвою предательства. Король игнорировалъ это требованіе. Послѣдовали новыя осложненія. Король приказалъ арестовать только что назначеннаго папскаго легата епископа Памьерскаго за то, что тотъ открыто аппелировалъ противъ правительства. Прежде такой фактъ былъ немыслимъ. Бонифацій грозилъ отлученіемъ; Филиппъ не обращалъ на это вниманія. Папа долго пытался вразумить короля: два года прошло въ переговорахъ и полумѣрахъ съ той и другой стороны. Бонифацій взывалъ къ Филиппу въ декабрѣ 1301 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Бойся Бога и храни его заповѣди! Знай, что ты подчиненъ намъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Тебѣ не принадлежитъ раздача бенефицій и пребендъ и когда ты, пользуясь вакантными мѣстами, берешь церковныя имущества наши въ свое непосредственное вѣдѣніе, то это дѣлается только для того, чтобы ты доходы ихъ сохранилъ для преемниковъ. И если ты нѣкоторыя бенефиціи роздалъ, то мы объявляемъ такую раздачу недѣйствительною и отмѣняемъ все, что учинено въ этомъ отношеніи; всякаго же, кто иначе думаетъ, мы объявляемъ еретикомъ».

На это Филиппъ IV приказалъ отвѣтить въ слѣдующихъ выраженіяхъ, пародируя тонъ первосвященника.

— «**Филиппъ, Божіею милостью король французовъ, мнимому папѣ Бонифацію кланяется немного или вовсе не кланяется. Да вѣдаетъ твое великое безуміе (tua magna fatuitas), что мы во временныхъ дѣлахъ не подчинены никому, что раздача свободныхъ пребендъ, равно какъ и доходовъ ихъ, принадлежитъ намъ по королевскому праву, что все данное нами въ ленъ и имѣющее быть впредь выданнымъ остается въ своей силѣ и что мы тѣхъ, кому пожаловали лены, будемъ энергично защищать противъ всякаго. Кто думаетъ иначе, того мы считаемъ глупымъ и безсмысленнымъ**».

Теперь борьба обострилась въ высшей степени; ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Въ буллѣ „Ausculta, fili charissime“ папа пытается прибѣгнуть къ увѣщанію короля, но не выдерживаетъ тона и начинаетъ грозить, при чемъ вновь воскресаютъ старинныя претензіи папъ о всемірномъ владычествѣ намѣстника Христова (¹). Филиппъ приказалъ сжечь папское посланіе, предварительно черезъ герольдовъ извѣстивъ объ этомъ народъ, что и было исполнено 11 февраля 1302 года. Такимъ образомъ, торжественно было заявлено, что время папскаго всемогущества и обаяніе интердиктовъ миновало навсегда.

Для того, чтобы въ конецъ одолѣть соперника и привлечь на свою сторону народъ, король рѣшился созвать въ Парижъ представителей сословій, такъ называемые Etats généraux, т. е. государственные чины. Засѣданія открылись въ каѳедралѣ—Notre Dame de Paris. Кромѣ высшаго духовенства и феодальныхъ владѣльцевъ явились депутаты отъ городовъ. Отъ имени короля, его канцлеръ Флоттъ прочелъ рѣчь, въ которой были изложены всѣ злоупотребленія высшей римской іерархіи, всѣ попытки папъ подчинить себѣ Францію. **Созваніе государственныхъ чиновъ.**

— „Если необходимо, заявлялъ король, я пожертвую общему благу всѣмъ своимъ достояніемъ, своею жизнью и дѣтьми“.—Такъ Филиппъ IV взывалъ къ народу, преимущественно къ городамъ, стараясь привлечь послѣдніе къ жертвамъ для предстоящей борьбы. Онъ не ошибся въ разсчетѣ; увлеченные притворнымъ расположеніемъ короля, бароны и городскіе представители заключили союзъ противъ

(¹) Mansi, Annales ecclesiastici; IV, 317. Предшествовавшія буллы въ отрывкахъ ibid. 222 etc.

папы. Они объявили при этомъ, что скорѣе разстанутся съ жизнію, нежели допустятъ, чтобы первосвященникъ римскій нарушилъ права ихъ короля. Духовенство хотѣло первое время оставаться нейтральнымъ и просило отсрочки, чтобы произвести необходимыя сношенія съ Римомъ. Но король требовалъ отъ французскаго духовенства категорическаго отвѣта, угрожая, что въ противномъ случаѣ духовные будутъ признаны ослушниками; на языкѣ Филиппа IV, это значило, что они будутъ ограблены. Тогда и галликанское духовенство, которому не оставалось выбора и которое не получало отъ первосвященника отвѣта на свои просьбы о невмѣшательствѣ, поспѣшило исполнить королевскую волю. Это слабое тѣло было рѣшительнымъ ударомъ парализовано и отрѣзано отъ римскаго сердца. Увѣренный въ изолированности папы, смѣлый король открылъ наступленіе по всей линіи.

Мѣры Бонифація VIII. Можно сказать, что въ этой новой борьбѣ свѣтской и духовной власти роли и пріемы соперниковъ перемѣнились. Теперь искусство, ловкость, смѣлость оказались не на сторонѣ Рима, который, какъ бы твердя старые уроки, читалъ наставленія королю, а въ борьбѣ дѣйствовалъ лишь тупымъ оружіемъ, добытымъ изъ стараго арсенала. Бонифацій VIII, кинувшись въ распрю, очертя голову, не соразмѣрилъ своихъ средствъ. Онъ грозитъ, проклинаетъ, но не можетъ осуществить на дѣлѣ своихъ угрозъ, которыя остаются словами. Такъ напримѣръ въ буллѣ „Unam Sanctam“, долженствовавшей, по его мнѣнію, нанести самый сильный ударъ противнику, онъ въ избитыхъ выраженіяхъ повторяетъ историческія претензіи папъ на міровое владычество и грозитъ отлученіемъ тѣмъ, кто отрицаетъ права святаго престола. Онъ полагаетъ, что вѣра въ подчиненіе всякаго христіанина римскому престолу необходима для спасенія души, какъ бы игнорируя то обстоятельство, что бо́льшая половина тогдашнихъ христіанъ не желала знать о существованіи папы. Впрочемъ Бонифацій прибѣгаетъ и къ рѣшительной мѣрѣ. Онъ созываетъ въ концѣ октября 1302 года соборъ въ Латеранскомъ храмѣ, на которомъ всѣ прелаты, а въ томъ числѣ 40 лицъ изъ французскаго духовенства, подтвердили рѣшеніе первосвященника.

Месть Филиппа IV. Французскій король былъ не изъ тѣхъ робкихъ властителей, которые въ былое время трепетали громовъ Латерана Филиппъ IV немедленно лишилъ владѣній и доходовъ тѣхъ

духовныхъ, которые эмигрировали въ Римъ и задумалъ жестоко отплатить папѣ. Умѣя выбирать людей для исполненія своихъ цѣлей, онъ намѣтилъ среди окружавшихъ его легистовъ одного отважнаго, весьма ловкаго, но глубоко испорченнаго человѣка, готоваго на все за почести и деньги. То былъ Вильгельмъ Ногарэ, богословъ и юристъ по образованію, который, по словамъ однихъ, былъ выгнанъ за развратную жизнь изъ среды тампліеровъ и за то мстилъ всей духовной іерархіи,—по словамъ другихъ, пробившись ко двору изъ профессоровъ въ Монпелье, по принципу хотѣлъ нанести ударъ римской духовной власти. Какъ бы то ни было, въ немъ Бонифацій VIII имѣлъ непримиримаго врага. Подъ его вліяніемъ, король вторично созвалъ въ Луврѣ 12 марта 1303 года епископовъ и феодаловъ съ цѣлью передать на ихъ судъ свой споръ съ папою. Докладчикомъ былъ Ногарэ. Онъ торжественно объявилъ, что Бонифацій VIII незаконно занимаетъ папскій престолъ, что онъ убійца Целестина V, что его слѣдуетъ низложить, а король французскій, какъ покровитель Церкви, долженъ предоставить тіару другому лицу. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, король, чтобы заручиться расположеніемъ духовенства, утвердилъ за нимъ и за церквами льготы, которыя даровалъ имъ еще Луи IX.

Отлученіе короля.

Спустя мѣсяцъ послѣ того, папа привелъ въ исполненіе свои угрозы; онъ 13 апрѣля 1303 года отлучилъ и проклялъ французскаго короля. Онъ лишилъ его короны, которую передалъ королю Германіи Альбрехту. Этого давно ждали въ Парижѣ и ко всему приготовились. Правительство распорядилось хватать тѣхъ, которые принимаютъ и распространяютъ буллу и назначило новое собраніе государственныхъ чиновъ. Король теперь дѣйствуетъ какъ бы по уполномочію всего народа. Онъ желаетъ слить свои интересы съ національными. Къ сожалѣнію, онъ навязывалъ французамъ такія чувства и намѣренія, которыхъ тѣ не раздѣляли. Филиппъ IV задумалъ отдѣлаться отъ своего соперника насиліемъ. Онъ прикрылъ впрочемъ этотъ поступокъ всевозможной легальностью.

Аппеляція государственныхъ чиновъ.

13 іюня 1303 года вновь въ Луврѣ собрались государственные чины. Здѣсь было подтвержено низложеніе Бонифація VIII и обнародована аппеляція къ новому папѣ и собору, по поводу отлученія, на которое „дерзнулъ лживый первосвя-

щенникъ, похитившій, какъ тать, престолъ папскій", въ добавокъ — развратникъ, убійца и волшебникъ, чему конечно не вѣрили и сами обвинители. Постановлено было заручиться письменнымъ согласіемъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ на низложеніе папы. Гонцы полетѣли во всѣ концы королевства. Въ короткое время 700 желаемыхъ подписей было собрано. Бонифація VIII уже перестали признавать во владѣніяхъ короля Филиппа IV. Но этого было мало для мстительнаго короля. Онъ хотѣлъ въ конецъ уничтожить ненавистнаго соперника. Онъ обдумывалъ такую месть, которая привела бы въ трепетъ всякаго первосвященника, дерзнувшаго послѣдовать политикѣ Бонифація VIII. Онъ зналъ домашнихъ враговъ римскаго владыки, зналъ на сколько слабъ былъ его престолъ и на сколько хилъ былъ онъ самъ. Онъ заключилъ союзъ съ его заклятыми врагами въ самомъ Римѣ и когда узналъ, что въ вѣчномъ городѣ готовится революція, отправилъ туда того же Ногарэ съ самыми широкими полномочіями, снабдивъ его векселями на флорентійскихъ банкировъ и вооруженнымъ конвоемъ для охраны. Ногарэ ѣхалъ въ Римъ посланникомъ королевскимъ, но ему поручено было въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ насилію, при чемъ королевское имя должно оставаться незапятнаннымъ. Для исполненія такого рискованнаго и труднаго порученія не было человѣка лучше Ногарэ. Французскій агентъ долженъ былъ спѣшить, такъ какъ имѣлось точное свѣдѣніе, что 8 сентября (1303 года) имѣетъ быть обнародована грозная булла, въ силу которой всѣ подданные Филиппа IV, какъ отлученнаго, разрѣшались отъ присяги, а всѣ сторонники короля и ослушники папской воли предавались проклятію [1].

Катастрофа въ Ананьи. Въ то время, какъ описываемыя событія совершались во Франціи, трагическія сцены происходили въ Ананьи, на родинѣ Бонифація, куда онъ былъ вынужденъ переселиться изъ Рима. Мы уже говорили о жалкомъ положеніи римскихъ первосвященниковъ среди враждебныхъ, вѣчно боровшихся между собой римскихъ аристократическихъ партій. Суровыя мѣры по отношенію къ мятежнымъ баронамъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Бонифацій VIII, только озлобили

(1) Bullarium Romanum auspicante Card. F. Gaude (Aug. Taur. 1859); IV, 170—174.

его заклятыхъ враговъ, а именно домъ Колонна. Старшій изъ нихъ, кардиналъ Джакоппо, съ племянникомъ, кардиналомъ Петромъ, распространилъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ среди народа разнаго рода слухи, очень неблагопріятнаго свойства для репутаціи стараго папы. Говорили между прочимъ, что Бонифацій VIII преступнымъ, даже насильственнымъ образомъ взошелъ на престолъ, что онъ кровью обагрилъ папскую тіару. Эти подробности важны потому, что выясняютъ то шаткое и неловкое положеніе, которое приходилось выносить первосвященникамъ въ оффиціальномъ центрѣ своей власти, въ своей собственной резиденціи. Папа собралъ грозный синклитъ противъ дерзкаго кардинала, а тотъ между тѣмъ спокойно проживалъ въ Римѣ. Повторилась сцена Катилины и Цицерона, но только съ большими послѣдствіями. Противъ приверженцевъ Колонна, формировавшихъ уже военные отряды на глазахъ папскаго правительства, провозглашается крестовый походъ. Нашиваютъ апостольскіе ключи на плечи воиновъ. Но эти воины безсильны и ничтожны, пока не поднимется нѣсколько могущественныхъ патриціевъ за папу противъ гордыхъ и жестокихъ Колонна. Теперь побѣжденные бѣгутъ, тѣснимые войсками Бонифація VIII, отрядами Орсини и наемными бандами флорентійцевъ. Безпокойный Джакопо Шіарра попадается въ руки варварійцевъ; закованный, четыре года сидитъ онъ на мусульманской галерѣ. Но всѣ эти несчастія еще болѣе разжигаютъ въ немъ желаніе мести Бонифацію. Лишь только онъ успѣлъ освободиться, какъ снова показался въ Римѣ; Шіарра поддѣлывается къ французскому агенту Ногарэ; черезъ него велись сношенія съ Филиппомъ IV, въ результатѣ коихъ составился широкій, стройно организованный заговоръ. Тогда испуганный Бонифацій бѣжалъ въ свой родной городъ Ананьи. У папы не было никакой охраны; крестоносцы разбѣжались; нанять новыхъ не было средствъ. А французское золото между тѣмъ создаетъ большую военную банду, предводитель которой, не справляясь ни съ чѣмъ, пойдетъ противъ кого угодно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Наемные солдаты, руководимые Ногарэ, Шіаррою и еще нѣсколькими недовольными патриціями, направились къ Ананьи. Папа осажденъ въ городѣ, который никто и ничто не защищаетъ. Хищные воины разбѣжались по городу; они стали врываться въ самый дворецъ папскій. Вездѣ крики: „да здравствуетъ Франція,

смерть Бонифацію!“ Во дворцѣ, въ главной тронной залѣ. съ тіарой на головѣ, сидѣлъ сѣдой, осмидесятилѣтній Бонифацій; у него въ рукахъ былъ крестъ и апостольскіе ключи. Около него не было ни воиновъ, ни кардиналовъ; они или испугались, или примкнули къ врагамъ. Бонифацій VIII съ послѣднимъ порывомъ отчаянія воскликнулъ: „преданный подобно Христу своимъ врагамъ, я умру, какъ слѣдуетъ умирать папѣ!“ А воины между тѣмъ бѣгаютъ по комнатамъ дворца, бражничаютъ, грабятъ, рвутъ и жгутъ архивы. Ногарэ начинаетъ ругать въ глаза Бонифація. Шіарра замахнулся своею желѣзною перчаткою и далъ старику пощечину, которою сразу сбилъ его съ кресла. Папа — арестантъ въ своемъ собственномъ дворцѣ. Его рѣшили отравить. Предвидя это, онъ нѣсколько дней не принималъ никакой пищи. Наконецъ толпы простаго народа, этой опоры гвельфской партіи, освободили несчастнаго плѣнника. Уже иные возгласы; уже кричатъ: „да здравствуетъ папа, смерть измѣнникамъ!“ Едва живаго, голоднаго, измученнаго привели Бонифація въ большую залу дворца, сплошь наполненную чернью. Всѣ съ преклоненными головами встрѣтили папу; на него смотрѣли, какъ на мученика; женщины плакали.—„О мои добрые римляне, о мои добродѣтельныя женщины“, — только могъ выговорить старикъ. Онъ не могъ разсказывать своихъ страданій; слабымъ голосомъ, ради Христа, просилъ онъ кусокъ хлѣба. „Да здравствуетъ святой отецъ!“ и общій крикъ самаго горячаго сочувствія пробѣжалъ по всей залѣ. Въ эту минуту каждый впечатлительный, легко увлекающійся римлянинъ, каждый нищій, видѣлъ въ вождѣ католическаго міра своего собрата въ несчастіяхъ. Съ тріумфомъ подхватили папу и повезли въ Римъ. Это происходило 7 сент. 1303 года.

Смерть Бонифація VIII. Все это совершилось съ необыкновенною быстротою. Однако патриціи успѣли снова организоваться въ стройную оппозицію. Они соединились, забыли родовые наслѣдственные раздоры и поклялись во что бы то ни стало убить папу. Даже Орсини примкнули къ заклятымъ врагамъ Бонифація. Когда сдѣлалось извѣстнымъ прибытіе папы въ Римъ, то патриціи, не теряя времени, окружили дворецъ своими наемниками. Эти наемники состояли изъ всякаго сброда. Между ними было очень много иностранцевъ, пилигримовъ, которые разсчитали, что гораздо выгоднѣе возвратиться на родину съ деньгами богатыхъ бароновъ, нежели ограничиться однимъ

набожнымъ поклоненіемъ римской святынѣ. Надо предполагать, что такихъ воиновъ-пилигримовъ было особенно много именно теперь, такъ какъ еще недавно происходило торжество юбилея. Колонна и Орсини ворвались во дворецъ. Они застали Бонифація, окруженнаго кардиналами. На ихъ глазахъ, подъ заунывную мелодію ихъ монотонной молитвы, истерзали старика. Таково было убѣжденіе римлянъ. Французы говорили, что папа умертвилъ себя въ помѣшательствѣ. По болѣе вѣрнымъ извѣстіямъ, онъ умеръ естественной смертью отъ страшныхъ событій послѣднихъ дней; такое предположеніе вѣроятнѣе другихъ. Бонифацій VIII, послѣдній отблескъ теократіи въ теоріи, былъ безсиленъ въ дѣйствительности; его усилія были безплодны. Конецъ его жизни совпадаетъ съ концомъ папскихъ претензій. Отнынѣ папы перестанутъ надѣяться когда-нибудь воскресить время Григоріевъ или Иннокентіевъ, — хотя и будутъ на словахъ высказывать свои права, свои политическія тенденціи. Какъ нарочно, послѣднему энергичному папѣ довелось погибнуть самымъ ужаснымъ образомъ отъ той руки, которой можно было опасаться менѣе всего. Эта катастрофа, казалось, осязательно выказала все ничтожество папы, какъ представителя теократіи. Въ исторіи борьбы свѣтской и духовной власти имя Бонифація VIII не займетъ того почетнаго мѣста, какое дадутъ ему какъ государственному человѣку, какъ врагу буйнаго феодализма. Если въ первомъ смыслѣ онъ былъ послѣднимъ, то во второмъ — первымъ. Онъ предшественникъ Чезаре Борджіа, которому суждено было черезъ двѣсти лѣтъ сокрушить итальянскихъ князей.

Бенедиктъ XI (1303-1304 г.).

Преемникъ Бонифація VIII, Бенедиктъ XI напоминалъ своего предшественника нѣкоторыми сторонами характера. По словамъ флорентійскаго историка Дино Компаньи, Бенедиктъ былъ святой человѣкъ по нравственнымъ воззрѣніямъ и по образу жизни; онъ могъ быть „царемъ міра", но ему многаго недоставало, чтобы быть политическимъ дѣятелемъ. Мудрено было отдаваться подвигамъ благочестія тамъ, гдѣ все напоминало о рѣзнѣ и крови, о злопамятныхъ Колоннахъ и Орсини, гдѣ люди погибали изъ-за пустыхъ претензій, ради прихотей честолюбцевъ.

Папы выживались. Они потеряли значеніе до того, что наконецъ не только не могли удержать престола, но даже не удержали за собою и Рима. По приказу посторонняго государя они

покорно переселяются въ маленькій городокъ Авиньонъ въ качествѣ простыхъ первосвященниковъ. На семьдесятъ лѣтъ они утрачиваютъ право на міровое значеніе во всемірной исторіи.

Впрочемъ Бенедиктъ XI старается поддержать прежнее значеніе папства. Онъ не отрекается отъ своего нравственнаго и даже политическаго вліянія. Правда, сначала шестью буллами онъ уничтожилъ всѣ постановленія своего предшественника относительно французскаго короля; но потомъ, при первой ссорѣ съ нимъ, возобновилъ самую существенную изъ этихъ буллъ—unam Sanctam,—отлучавшую Филиппа IV отъ Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бенедиктъ отлучилъ и убійцъ бывшаго папы. Есть предположеніе, что и этотъ папа погибъ отъ руки французскаго короля (¹). Въ тѣ годы курія совершенно разлагалась; она уже не имѣла того духа единства, который ее поддерживалъ и оживлялъ. Въ началѣ XV вѣка это разложеніе достигаетъ своего апогея.

Междупапствіе и французскіе папы. Послѣ смерти Бенедикта XI, почти годъ, престолъ оставался незанятымъ и Европа готовилась къ оригинальному зрѣлищу. Король Филиппъ IV давно уже велъ подкопы подъ Римъ. Тамъ кипѣла борьба между двумя партіями: итальянской и французской. Главою первой партіи, имѣвшей задачи національныя, былъ туземный кардиналъ Орсини. Предводителемъ второй былъ также итальянецъ по происхожденію, подкупленный французскимъ золотомъ. Филиппъ IV обманулъ прелатовъ. Притворившись уступчивымъ, онъ позволилъ итальянцамъ выбрать трехъ кандидатовъ, себѣ же предоставилъ право утвердить одного изъ нихъ. Естественно, что онъ не могъ бояться результата выборовъ, такъ какъ отъ него зависѣло тому отдать пальму первенства, кого склонитъ на свою сторону. Онъ выбралъ, хотя француза по происхожденію, но одного изъ личныхъ, страстныхъ враговъ своихъ. Да и всѣ три кандидата, представленные ему, не были дружественны Франціи. Особенно же такимъ качествомъ отличался архіепископъ бордосскій Бертранъ де-Го. Король предложилъ ему через кардинала Прато тіару, но только съ пятью тайными условіями. Честолюбивый архіепископъ, предпочтенный передъ своими товарищами, притомъ же французъ, согласился на всё и его волей-неволей избрали подъ именемъ Климента V.

(¹) Такъ думалъ Denina: «Ma egli se ne morì dopo 9 mesi di pontificato, forse per invidia di certi suoi cardinali fratelli» (II, 309).

Его отвезли короновать въ Ліонъ ([1]). Во время церемоніи случилось происшествіе, о которомъ много говорили. Папа упалъ съ лошади; тіара свалилась съ его головы и самый драгоцѣнный камень ея потерялся. Итальянцы считали это за предзнаменованіе грядущихъ несчастій папства. Тяжелыя предчувствія римлянъ сбылись.

Пять условій Климента V (1305-14 г.).

Съ своей стороны Климентъ V исполнилъ таинственныя обязательства, данныя имъ королю. Первый пунктъ тайнаго условія заключался въ томъ, что новый папа долженъ не только снять отлученіе съ французскаго короля, но даже проклясть память покойнаго папы. Во вторыхъ — онъ долженъ возвратить конфискованныя покойнымъ папою имущества римскихъ бароновъ, возстановить ихъ права и тѣмъ выставить короля другомъ феодализма. Онъ перейдетъ (въ силу третьяго пункта) со всею куріею въ Авиньонъ, отдаваясь такимъ образомъ всецѣло въ руки французскаго короля. Въ четвертыхъ онъ долженъ добровольно отказаться отъ Рима и всей его области. Наконецъ онъ долженъ исполнить послѣднее и самое страшное условіе. Это было обязательство истребить тампліеровъ и отдать ихъ имущество французскому королю. Климентъ V и Филиппъ IV совершаютъ вмѣстѣ самое ужасное насиліе. Гибель Іакова Молэ и истребленіе ордена тампліеровъ всегда останутся гнуснымъ дѣломъ. Хотя нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи (напр. Кишерá) и доказываютъ еретическія и мистическія увлеченія тампліеровъ, но самъ Филиппъ IV относительно ордена руководствовался чисто корыстолюбивыми расчетами. Его мало интересовало то, что тампліеры славились чисто восточнымъ культомъ, что вступленіе въ орденъ было обставлено непозволительнымъ таинственнымъ церемоніаломъ. Ему надо было только воспользоваться ихъ богатствами; братьевъ ордена обвиняли въ плеваніи на крестъ, въ отреченіи отъ Христа, въ приношеніи въ жертву дѣтей, въ идолопоклонствѣ и между прочимъ въ грязномъ развратѣ, при этомъ всегда обвиненія излагались въ общихъ и темныхъ выраженіяхъ ([2]).

([1]) **Lacurie.** Diss. sur l'entrevue de Philippe le Bel et de B. de Got. —**Babanis.** Lettre a M. Darenberg sur l'entrevue. P. 1858.

([2]) **Michelet**, Procès des Templiers, 2 v. 1841—51 (въ Coll. de Guizot). **Boutaric**, La France sous Philippe le Bel (P. 1861). **Hans Prutz**, Kulturgeschichte der Kreuzzüge (авторъ воспользовался впервые документами Ватикана) и **его-же**, Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrn-

Истребленіе тампліеровъ.

Условившись съ папою, Филиппъ IV въ сентябрѣ 1307 года внезапно велѣлъ арестовать всѣхъ тампліеровъ, находившихся въ предѣлахъ Франціи. Никакого предварительнаго слѣдствія не было: рыцари были схвачены, а имущество ихъ конфисковано. Изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ былъ наряженъ судъ съ инквизиторскимъ характеромъ. Судъ дѣйствовалъ по королевскому указанію. Въ немъ засѣдалъ знаменитый Ногарэ, который уже потому не могъ правоспособно засѣдать въ судѣ, что былъ недавно отлученъ Церковью за убійство первосвященника, и теперь страннымъ образомъ онъ какъ бы являлся защитникомъ папскихъ же интересовъ. Папа выговорилъ себѣ только право аппеляціоннаго приговора надъ высшими членами ордена. Въ 1308 году были созваны государственные чины, въ рядахъ которыхъ были 400 свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Здѣсь между прочимъ были прочитаны выжатыя пытками показанія тампліеровъ.

Рѣшено было передать дѣло на разсмотрѣніе собора. Папа съ трудомъ согласился на это опредѣленіе. Наконецъ былъ назначенъ соборъ въ 1311 году въ французскомъ городѣ Вьеннѣ. Но еще до собора папа и король стали пытать и жечь тампліеровъ на медленномъ огнѣ, вынуждая къ сознанію въ небывалыхъ преступленіяхъ. До собора же начались и казни. Такъ, безъ опредѣленія верховнаго судилища, въ 1309 году были сожжены 54 рыцаря подъ тѣмъ предлогомъ, что они отказались отъ данныхъ ранѣе показаній. Въ виду явнаго раздраженія аристократіи,—ибо въ рядахъ тампліеровъ были представители родовой французской знати, которая только и могла считаться въ орденѣ тампліеровъ, — и въ угоду баронамъ король позволилъ защитить 74 подсудимыхъ для вида. Но это была одна только внѣшность; защитительные акты остались только на бумагѣ и въ такомъ видѣ дошли до насъ; въ засѣданіи-же они не читались. На Вьеннскомъ соборѣ было предположено между прочимъ осудить память покойнаго папы. Но сдѣлать это не удалось. Изъ 140 прелатовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, только 4 согласились на это; остальные же рѣшились даже возстановить память Бонифація VIII. Этому рѣшенію долженъ былъ подчиниться и король, удовольствовавшись тѣмъ, что были отмѣнены постановленія, направленныя противъ правъ французской

ordens. Результаты послѣднихъ изслѣдованій отмѣчены въ статьѣ проф. Фортинскаго въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ.

націи. Затѣмъ было рѣшено въ виду фальшивыхъ показаній, вынужденныхъ пытками, уничтожить орденъ тампліеровъ съ тѣмъ, что имѣнія ихъ отойдутъ къ іоаннитамъ. Въ Англіи $^{2}/_{3}$ имѣній тампліеровъ достались королю Эдуарду; въ Германіи они отошли частью къ іоаннитамъ, частью къ тевтонцамъ. Постановленіе собора, какъ мы сказали, всецѣло отдавало имѣнія тампліеровъ въ руки іоаннитовъ, но и тутъ нашелся ловкій французскій король. Сдавая имѣнія новымъ хозяевамъ, онъ тогда же написалъ на нихъ такіе долги, что іоанниты предпочли отказаться отъ „данайскихъ" даровъ. Гросмейстеръ ордена Іаковъ Молэ просидѣлъ въ французской тюрьмѣ 7 лѣтъ (1307—1314 г.). Онъ измѣннически былъ вызванъ съ Кипра подъ предлогомъ свиданія съ французскимъ королемъ, который хотѣлъ яко бы поручить ему новый крестовый походъ. Затѣмъ обманомъ же его заставили вызвать съ Кипра рыцарей подъ видомъ дарованія имъ милостей со стороны французскаго короля. Молэ имѣлъ слабость довѣриться, и склонилъ къ тому болѣе проницательныхъ товарищей, которые боялись высадиться на территоріи Филиппа. Теперь онъ только убѣдился, какъ его жестоко обманули и измѣннически предали. Подъ пыткой измученный старикъ, быть можетъ, и передалъ что нибудь невыгодное для репутаціи ордена. Онъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе, но, стоя у позорнаго столба, имѣлъ неосторожность сказать, что всѣ его показанія ложны и что всѣ они вынуждены пыткою. За эту искренность онъ поплатился мучительнѣйшею смертью: его велѣно было сжечь живымъ. На другой день послѣ его отреченія, на Парижской площади Notre Dame происходила раздирающая душу сцена. Ни въ чемъ неповинный старикъ, одинъ изъ родовитыхъ бароновъ Франціи, гроза мусульманъ, былъ привязанъ къ бревну надъ костромъ. Онъ высказалъ сожалѣніе въ томъ, что повѣрилъ слову короля и тѣмъ невольно предалъ въ руки его братьевъ своего ордена. Умирая въ страшныхъ мученіяхъ, онъ проклиналъ папу и короля. Говорятъ, послѣднія слова его были: „Я жду васъ, судьи нечестивые: тебя, папа, черезъ 40 дней, а тебя, король, черезъ годъ послѣ моей смерти!". Предсказанія его сбылись. Дѣйствительно папа умеръ черезъ мѣсяцъ, а король —черезъ годъ отъ чумы. Централизація, т. е. укрѣпленіе королевской власти была любимой руководящей идеей Филиппа IV; для достиженія ея онъ не стѣснялся никакими средствами. Укажемъ, напримѣръ, на его отношенія къ богатой Фландріи.

Отношенія къ Фландріи и битва при Куртрэ въ 1302 года.

Изъ этихъ отношеній видно, къ какимъ средствамъ прибѣгали короли для упроченія централизаціи и единовластія. Филиппъ имѣлъ въ виду только закрѣпленіе королевской власти и достиженіе тѣхъ государственныхъ цѣлей, которыя, должно оговориться, были необходимы для Франціи; но при этомъ онъ не разбиралъ средствъ. Король ловко воспользовался возстаніемъ, которое вспыхнуло въ Брюгге въ 1302 году и во время котораго было умерщвлено нѣсколько тысячъ французовъ. Мы упоминали, что фландрскій графъ съ старшими сыновьями былъ заключенъ въ Луврскую башню; но младшіе, оставшіеся въ странѣ или успѣвшіе скрыться изъ Франціи, стали во главѣ возстанія; 100 тысячъ фландрцевъ,—преимущественно рабочихъ и суконщиковъ,—выступили подъ ихъ предводительствомъ противъ Филиппа. Королю пришлось выставить противъ нихъ все свое ополченіе, состоявшее изъ 40 тысячъ пѣхоты и семи тысячъ рыцарей. Произошло сраженіе при Куртрэ. Условія мѣстности благопріятствовали фландрцамъ, такъ какъ рыцари не могли развернуться на узкой долинѣ. Они были приперты къ какому-то каналу и перебиты до послѣдняго; 4000 золотыхъ рыцарскихъ шпоръ было найдено на полѣ битвы; ими фландрцы украсили свои храмы. Сраженіе это называется „битвою шпоръ". Тогда Филиппъ самъ пошелъ во Фландрію. Произошло сраженіе, въ которомъ французы смѣшались и снова были побѣждены. Во Фландріи послѣ этого установилось свое собственное правительство изъ выборныхъ горожанъ. Напрасно Филиппъ старался сойтись съ фландрцами при посредничествѣ плѣннаго графа Роберта. Попытка его заключить миръ не удалась. Но во всякомъ случаѣ энергичный французскій король, неразбиравшій средствъ, не оставлялъ своего намѣренія. Онъ даже рѣшился жениться на сестрѣ своего врага, англійскаго короля Эдуарда и заключить съ нимъ при этомъ договоръ, чѣмъ обезопасилъ себя со стороны англійскихъ провинцій на материкѣ. Въ 1304 году онъ самъ прибылъ во Фландрію съ 40 тысячами пѣхоты и 10 тысячами конницы, большую часть которой составляли рыцари. Хотя на этотъ разъ французы и побѣдили, но соперникъ далеко не былъ сокрушенъ. Король, сознавая невозможность успѣха, обратился къ дипломатіи.

Онъ заключилъ съ фландрцами предательскій договоръ, по которому освобождалъ сидѣвшаго въ заключеніи фландр-

скаго графа и возвращалъ фландрцамъ ихъ права и вольности. Они-же съ своей стороны должны были заплатить контрибуцію. Но такъ какъ послѣдняя была довольно значительна, то король взялъ въ залогъ—Лилль, Дуэ и еще два небольшихъ городка, которые навсегда и остались за Франціей. При Филиппѣ были присоединены къ Франціи Монпелье и Ліонъ: первый силою, а второй дипломатіей. Графства и городъ Ліонъ съ давнихъ поръ были подъ опекою германскихъ императоровъ. Но съ Филиппа II Августа протекторатъ всецѣло перешелъ въ руки французовъ. Ліонскій архіепископъ, считавшійся намѣстникомъ графства, встрѣтилъ соперниковъ въ лицѣ графовъ Форэ. Эти соперники были выдвинуты французскими руками. Филиппъ еще въ концѣ XIII столѣтія успѣлъ склонить на свою сторону архіепископа, который, оскорбивъ папу, естественно, долженъ былъ искать защиты у короля. На скатѣ горы, на которой красуется Ліонъ, король выстроилъ замокъ, долженствовавшій служить эмблемой его власти. Но Ліонъ расположенъ такъ, что никакой замокъ не былъ опасенъ для того, кто владѣетъ городомъ. Поэтому, королевскій замокъ, выстроенный не на мѣстѣ, не достигалъ своей цѣли и былъ скоро разрушенъ. Это было предлогомъ ко вмѣшательству французскаго правительства. Между тѣмъ архіепископъ отказался возобновить присягу. Воспользовавшись этимъ, Филиппъ, игнорируя слабую священную имперію, послалъ своего сына занять Ліонъ, что и было исполнено. Такимъ образомъ въ 1312 году Ліонъ вошелъ въ составъ французскаго королевства навсегда, сдѣлавшись съ того времени какъ бы второю столицею Франціи.

Вавилонское плѣненіе.

Папскій престолъ занимали люди, превосходившіе другъ друга развратомъ. Папы стали покорными слугами и безсильнымъ игралищемъ въ рукахъ Филиппа и его преемниковъ. Французскіе или, какъ ихъ называли, авиньонскіе папы были первосвященниками только по имени. Они были плѣнниками французскихъ королей.

На это семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе (esilio Babilonico) совершенно противоположно смотритъ итальянскіе и французскіе историки. Первые, какъ и слѣдовало ожидать, относятся крайне враждебно къ авиньонскимъ папамъ. Они надѣляютъ ихъ всевозможными пороками, какіе только въ состояніи придумать богатое воображеніе. Все сводится къ

общему отзыву,—„scandalo del popolo cristiano e ruina della Cristianitá“. Данте и Виллани одни изъ главнѣйшихъ представителей такого воззрѣнія [1]. Историки же французскіе, по возможности защищая авиньонскихъ папъ, не находятъ никакой разницы между поведеніемъ тіаристовъ французскихъ и римскихъ. Тѣ и другія сужденія страдаютъ односторонностью. Замѣтимъ пока, что спеціальный историкъ вавилонскаго плѣненія, Балузій находитъ много смягчающихъ доводовъ въ пользу авиньонскихъ папъ.

Во всякомъ случаѣ, съ перенесеніемъ папской резиденціи въ Авиньонъ, начинается эпоха паденія духовной власти. Гордые и нѣкогда могущественные преемники апостоловъ теряютъ уваженіе и значеніе, даже какъ духовные пастыри. По словамъ новаго итальянскаго историка Канту, съ этого времени чуется наступленіе новой исторіи и новыхъ стремленій, такъ какъ выясняются будущіе государственные идеалы, падаютъ прежнія теократическія претензіи [2]. Если это справедливо, то еще слишкомъ рано до той минуты, „когда новыя силы будутъ грозить разрушить корабль вѣры, когда закипитъ общая борьба противъ Церкви“. Папство должно было еще просуществовать столѣтія, чтобы почувствовать необходимость самоисправленія.

Такое хроническое безсиліе папской власти, власти, такъ долго господствовавшей надъ Европой, благопріятствовало усиленію монархической идеи въ тѣхъ странахъ, гдѣ были правители, столь безжалостные, какъ Филиппъ IV. Совершенно безошибочно можно назвать Филиппа отцемъ французскаго королевства, основателемъ централизаціи, предшественникомъ Луи XIV. Его стремленіе нивеллировать условія общественной жизни, подводить все подъ одну мѣрку,— доходившее до мелочей, касавшееся даже одежды и удоволь-

---

(1) Dante, L'Inferno, XIX. — G. Villani, l. IX, c. 58, 79. — Raynaldi, Annales eccles. a. 1314.

(2) Вотъ что между прочимъ говоритъ Cantu по этому поводу: «Свершилось два великихъ событія: выдѣленіе національностей и гражданское самосознаніе государствъ. Великая христіанская республика, знавшая прежде только одного папу, теперь рушилась; единство учрежденій исчезло; анализъ смѣнилъ вѣру; неустановившееся время броженія смѣнилось болѣе сознательнымъ вѣкомъ; могущество королей замѣнило авторитетъ Церкви. Всѣ новыя силы хотятъ прорвать старыя связи. Отсюда общая борьба съ Церковью, хотя сражались, конечно, не съ нею самою, а съ ея игомъ, которое грозило сдѣлаться невыносимымъ (Hist. des Ital. V, 536)».

ствій,—очень часто встрѣчало значительныя препятствія. Но тѣмъ почтеннѣе были усилія Филиппа улучшить государственный механизмъ Франціи, для чего онъ не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ преобразовалъ парламентъ, бывшій при немъ королевскимъ совѣтомъ и состоявшій изъ пэровъ Франціи, въ исключительно судебное учрежденіе. Но судъ этотъ вполнѣ зависѣлъ отъ короля, который самъ назначалъ судей. Такимъ образомъ верховная власть захватила судебныя функціи, доселѣ принадлежавшія народу. Хотя этимъ подрывалась народная свобода, но благодаря централизаціи водворился лучшій порядокъ. Ради государственной пользы, которую Филиппъ понималъ очень широко, король не стѣснялся даже чеканить фальшивую монету, чтобы отбить охоту къ тому же у феодаловъ и городовъ. Этотъ монетный вопросъ очень интересенъ для характеристики нравовъ и финансоваго устройства того времени. Доселѣ феодалы и города могли имѣть собственную монету; король распространялъ монету своего чекана только въ земляхъ, непосредственно подчиненныхъ ему; феодалы не были обязаны принимать королевскую монету. Прямо провозгласить, что только королю принадлежитъ право чеканить монету—значило поднять противъ себя весь феодальный міръ. Положеніе короля, какъ главы государства, предоставляло ему значительный произволъ. По этому Филиппъ IV, нисколько не стѣсняясь, сталъ выпускать фальшивую монету, перечеканивъ ее изъ высокопробной въ низкопробную съ обязательнымъ курсомъ, и такимъ образомъ поступалъ почти ежегодно. Его монета, даже фальшивая, внушала больше довѣрія, чѣмъ высокопробная монета феодаловъ, которая быстро вся очутилась въ казнѣ короля. Феодалы скоро убѣдились, что они не могутъ состязаться съ королемъ. Ежегодно мѣняя курсъ своей монеты, заставляя другихъ владѣтелей приноравливаться къ нему, Филиппъ въ концѣ концовъ поставилъ монетную прерогативу феодаловъ въ самое невыгодное положеніе. Феодалы не могли соперничать съ королемъ потому, что если бы они вздумали выпускать фальшивую монету, то легко могли подпасть суду парламента за подлогъ и мошенничество, чего не могло быть съ королемъ. Такимъ образомъ они увидѣли, что имъ будетъ гораздо выгоднѣе отказаться отъ права чеканить монету. Наконецъ король, которому надоѣло чеканить фальшивую монету, выпустилъ монету оловянную. Въ народѣ, который Филиппъ безбожно гра-

билъ, началось волненіе. Филиппъ выпустилъ тогда монету высокопробную; но въ слѣдующемъ году опять отчеканилъ низкопробную, а налоги велѣлъ взыскать не иначе какъ высокопробной. Король ошибочно думалъ, что отъ такихъ возмутительныхъ и обманныхъ пріемовъ государство получитъ доходъ. Этимъ только онъ наносилъ ударъ упрочивавшейся въ умахъ государственной идеѣ. На дѣлѣ выгадывали лишь мѣнялы игрою на курсѣ; казна же королевская была всегда пуста.

Возстаніе парижанъ. Между тѣмъ негодованіе безпощадно обираемаго народа возросло до открытаго возстанія въ Парижѣ по поводу монетнаго вопроса. Король былъ осажденъ въ своей Луврской башнѣ; ему грозила голодная смерть. Онъ согласился по необходимости на всѣ требованія толпы; его выпустили и онъ не сдержалъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, а напротивъ жестоко расправился съ мятежниками, вздернувъ на висѣлицу главныхъ зачинщиковъ. Продолжая ту же финансовую политику, онъ озаботился только на будущее время по возможности прикрывать свои насилія народною волей. Въ собраніи государственныхъ чиновъ было рѣшено выпустить новую монету и понизить курсъ старой. Очень широко воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, король выпустилъ такую низкую монету, что вспыхнуло новое возстаніе, съ которымъ также пришлось бороться оружіемъ. Это было за 4 года до смерти Филиппа.

Отношенія къ коммунамъ. *Сѣверная полоса.* Тѣмъ менѣе королевская власть не считала нужнымъ церемониться съ коммунами и ихъ гарантированными хартіями (¹). Мудрено было напримѣръ какому нибудь Амьену отстоять свою независимость. Даже бароновъ король называлъ подданными; онъ требовалъ и отъ феодаловъ, и отъ аристократіи непосредственнаго подчиненія къ себѣ, и тѣмъ менѣе былъ склоненъ щадить самостоятельность горожанъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на виллановъ. Политика Филиппа IV должна была подрывать самостоятельность и значеніе коммунъ. За то въ другомъ отношеніи была польза для третьяго сословія. Населеніе выходило изъ своего подчиненнаго положенія. Оно ближе приравнивалось къ остальнымъ элементамъ государства, получало политическія права и

(¹) Этотъ вопросъ подробно изложенъ въ особой главѣ перваго тома (I, 550—564), гдѣ указана и литература.

участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи оно даже много выигрывало. Король устроилъ верховный правительственный судъ, великій совѣтъ, grand conseil. Въ этомъ совѣтѣ сидѣли легисты, вышедшіе изъ народа, которые конечно не могли выдавать своихъ. При немъ же собираются états généraux, куда были допущены и депутаты отъ городовъ. Такимъ образомъ горожане уравниваются съ феодалами. Филиппъ IV позволилъ выкупаться крестьянамъ Лангедока, а его преемникъ предоставилъ это право насельцамъ всѣхъ королевскихъ имѣній. Такимъ образомъ въ принципѣ было уничтожено крѣпостное право. Въ Провансѣ провоглашены были всѣ туземцы — свободными, ибо французъ, franc, долженъ уже по имени быть свобожденнымъ отъ всякихъ цѣпей. Положимъ, что крестьянамъ не на что было выкупаться, но вскорѣ должно было уже наступить то время, когда, по замѣчанію Мишле, „бѣднякъ будетъ съ признательностію воспоминать о царственномъ родѣ". Такимъ образомъ чувствуется наступленіе желанныхъ дней свободы и равенства. Несомнѣнно, что всѣ труды легистовъ были направляемы въ интересахъ сословія, изъ котораго они сами происходили. Они издаютъ законы, стѣснительные для земледѣльцевъ, но обязательные и для господъ. Въ XIV ст. возникла мысль, что короли изъ милости держатъ коммуны. Эта мысль родилась въ умахъ легистовъ и выходила изъ представленія объ единой императорской власти. Уже Филиппъ IV задумалъ примѣнить эту идею на практикѣ, и первой жертвой его сдѣлался Амьенъ. Филиппъ IV уничтожилъ коммуну и назначилъ своего коммиссара съ титуломъ стража меріи и превотства Амьенскаго, потомъ смягчился, возстановилъ коммуну, но выговорилъ себѣ право превотства, т. е. суда, и тогда же настоялъ на томъ, чтобы городскіе чиновники всѣ были по назначенію отъ короля. Правда, это не помѣшало гражданамъ подать жалобу на короля въ парламентъ, который рѣшилъ споръ въ пользу коммуны, но все же коммуна сознавала грозу, тяготѣвшую надъ ней. Пришлось разстаться съ политической свободой. Преемники Филиппа то отнимали, то возвращали привилегіи коммунѣ. Горожанамъ пришлось выкупать свои права. Право налога было отнято отъ коммунъ. Такъ напримѣръ, правительство настояло на томъ, чтобы о всѣхъ финансовыхъ распоряженіяхъ городъ извѣщалъ короля и испрашивалъ королевскаго разрѣшенія. Это была существенная прерогатива

коммуны. Собственная милиція также была отнята у горожанъ. Городская милиція получила навсегда часть королевскихъ капиталовъ. Въ городахъ были устроены правительственные склады, арсеналы и т. п. Этимъ хартія теряла значеніе, городъ сталъ королевскимъ, выборное право было сокращено и горожане встали въ ряды подданныхъ. Вотъ тѣ стадіи, которыя проходила коммуна. Другіе города постигла та же участь. Они также склонились передъ королями.

Средняя полоса и судьба Реймса. По отношенію къ средней Франціи короли могли скорѣе достигнуть завѣтныхъ цѣлей, потому что здѣсь общины не пользовались той степенью коммунальной свободы, какой пользовались сѣверные города. Для уясненія отношеній Филиппа IV къ комунамъ этого типа, мы остановимся подробнѣе на судьбѣ Реймса.

Реймсъ былъ архіепископскимъ городомъ; здѣсь короновались короли Франціи, а архіепископъ реймскій считался первымъ прелатомъ (¹). На ступеняхъ церковной іерархіи онъ занималъ первое мѣсто, но и тутъ король не стѣснился лишить его и коммуну старыхъ привилегій. Коммуна Реймса существовала на основаніи договоровъ съ аббатомъ, архіепископомъ и капитуломъ. Все,—земля, аллоды и судъ принадлежали духовнымъ, архіепископу, но земледѣльцы и торговцы не хотѣли служить монахамъ. Въ 1139 году представился случай удовлетворить такому желанію. Архіепископская каѳедра стала вакантной. Жители обратились къ Луи VII, французскому королю, а тотъ утвердилъ коммуну по образцу Лаона съ слѣдующею оговоркою: — „чтобы тѣмъ не нарушались архіепископскія права и не наносилось вреда церквамъ г. Реймса, ибо мы, руководясь чистымъ и искреннимъ намѣреніемъ принести пользу вамъ, не хотимъ, чтобы отъ этого произошелъ вредъ или безчестіе намъ или церквамъ (ex vestro autem quomodo nec ecclesiis, nec nobis ipsis damnum aliquod aut dehonestum veniret)". Конечно, эти увѣщанія были безплодны. Какъ только личная свобода была провозглашена, коммуна ожила; люди стали стекаться въ Реймсъ; jurati (jurès) собрались въ каѳедралѣ, а оттуда устремились къ ратушѣ. Разнесся слухъ, что они хотятъ провозгласить республику. Такъ была порывиста коммуна средней Франціи. Впрочемъ, освободившіеся увлеклись. Они стали посягать на тѣ земли,

(¹) Подробности въ монографіи А. И. Смирнова. Коммуна средн. Франціи сѣверной полосы и средней (Каз. 1873). Литература выше: I, 552.

на которыя не имѣли никакихъ правъ. Реймское духовенство нашло ходатая въ св. Бернарѣ, который на всю Европу оповѣщалъ о наглости „реймскаго народа". Голосъ его былъ весьма вліятеленъ, авторитетъ громаденъ; папа укорялъ короля за позволеніе горожанамъ пользоваться правами, бо̀льшими чѣмъ власть феодаловъ. „Король, писалъ папа, долженъ зрѣло взвѣшивать свои поступки". Какъ только новый архіепископъ былъ выбранъ, началась борьба. Горожане разрушили дома архіепископа; король повелъ свои войска. Жители были поставлены въ неловкія отношенія къ архіепископской и королевской власти; то они грабили дома прелатовъ, то королевскія войска раззоряли ихъ. Въ концѣ XII столѣтія обозначились условія спорныхъ отношеній. Тутъ уже не упоминается самое слово коммуна. Городу предоставлено только право имѣть засѣдателей. Подсудимый отвѣчаетъ имуществомъ или представляетъ поручителя. Городъ продолжалъ доказывать, что ему принадлежитъ наблюденіе за порядкомъ; архіепископъ съ своей стороны настаивалъ, что горожане не хозяева въ городѣ. Въ этомъ отношеніи король не поддерживалъ архіепископа; королю было пріятнѣе непосредственная власть гражданъ, которыхъ легче было раздавить. Корона хочетъ и тутъ прямо подчинить себѣ населеніе. У Реймса король потребовалъ присяги, и только на этомъ условіи согласился подтвердить договоръ съ архіепископомъ. Горожане клялись сохранять „vita, corpus et membra regis". Съ этого времени начинается вмѣшательство королевской власти въ распоряженія духовной. Оказывается, что это дѣлается выгоднымъ для королей въ борьбѣ ихъ съ феодалами. Это вполнѣ выясняется при Луи IX и Филиппѣ IV. Въ Бовэ горожане не приняли назначеннаго правительствомъ мера при Луи IX. Когда онъ видѣлъ, что предстоитъ мятежъ, — онъ еще не покровительствовалъ тогда прелатамъ,—то отправился въ епископскій городъ, произвелъ погромъ и выслалъ 1500 человѣкъ въ изгнаніе, разрушивъ дома мятежниковъ. Этотъ впослѣдствіи святой король оскорбилъ самого епископа. При Филиппѣ IV такая политика стала еще рѣшительнѣе. Въ Реймсѣ архіепископъ не позволялъ городскому совѣту присвоить себѣ нѣкоторыя нежелательныя ему права, а король разрѣшилъ таковыя общинѣ и заставилъ архіепископа силой согласиться на это. Короли были всегда щекотливы, когда дѣло касалось ихъ интересовъ. Тутъ не было разницы между святымъ королемъ и Филиппомъ IV; всѣ короли руководились одной идеею.

Между тѣмъ городская свобода въ сущности доставалась здѣсь съ тѣмъ же пролитіемъ крови, какъ и на сѣверѣ. Здѣсь даже больше было жертвъ, потому что власть прелатовъ была особенно крѣпка. Во всякомъ случаѣ, дѣло кончалось одинаково.

Коммуны, добывъ себѣ свободу, слагали се къ ногамъ тѣхъ же королей, которые помогали имъ пріобрѣтать ее. Это даетъ право заключить, что короли помогали третьему сословію; но сущность дѣла была иная. Справедливѣе сказать, что третье сословіе помогало росту королевской власти.

Таковъ былъ характеръ исторической дѣятельности Филиппа IV. Онъ былъ однимъ изъ виновниковъ историческаго величія Франціи; онъ подготовилъ фундаментъ будущаго ея единства и могущества.

Филиппъ IV былъ ревностнымъ поборникомъ монархическаго принципа. Его идеи были вполнѣ современны, хотя практическое осуществленіе ихъ выразилось въ рѣзкихъ формахъ, которыя были невыносимы для тогдашней Франціи. Разсматривая съ исторической точки зрѣнія дѣятельность Филиппа Красиваго, нельзя не удивляться его политической проницательности. Онъ сдѣлалъ все для сокрушенія феодальнаго строя; его средства были неразборчивы, но согласны съ нравственными идеалами тогдашняго желѣзнаго вѣка. Король унизился до того, что занимался публично подлогами и мошенничествомъ. Онъ не гнушался сообществомъ бандитовъ, мошенниковъ и фальшивыхъ монетчиковъ; онъ прибѣгалъ также къ убійству. Но добытыя такими грязными средствами деньги онъ употреблялъ не для себя, а на пользу государства. Его общественная жизнь была рядомъ низкихъ поступковъ, отчасти оттого, что другой образъ дѣятельности не достигъ бы такъ скоро намѣченной цѣли, да и былъ не по характеру короля. Подъ конецъ Филиппъ IV вызвалъ противъ себя такую ненависть, что долженъ былъ бояться за свою жизнь.

Оппозиція населенія. Въ послѣдній годъ царствованія Филиппа IV, въ 1314 году образовалось для сопротивленія королю нѣсколько ассоціацій, которыя изложили въ слѣдующихъ словахъ свои замыслы и обязательства:

«Всѣмъ, кто увидитъ и услышитъ настоящія грамоты, мы, дворяне и общины Шампаньи: отъ насъ, отъ земель Вермандуа, Бовези, Понтьё, де ла Ферре, Корби, и отъ всѣхъ дворянъ и народа Бургундіи, и отъ всѣхъ нашихъ союзниковъ и присныхъ, обитающихъ во всѣхъ краяхъ королевства Франціи, привѣтъ! Да

будетъ вѣдомо всѣмъ, что поелику доблестнѣйшій государь нашъ возлюбленнѣйшій и боязно-чтимый господинъ (sire) Филиппъ, Божіею милостію король Франціи, установлялъ и взималъ различные недолжные оброки, помочи и поборы, подмѣнивалъ монету и творилъ многія другія дѣла, отъ чего сказанные дворяне и горожане несли большую тяготу, оскудѣли, и отъ тѣхъ доселѣ существующихъ порядковъ происходитъ великое зло. И не видно, чтобы они послужили къ чести и пользѣ короля и королевства, или къ огражденію пользы общей. По поводу тѣхъ обидъ мы много разъ смиренно и благоговѣйно просили и молили названнаго короля, чтобы таковыя дѣла онъ соблаговолилъ отмѣнить и оставить; но ничего этого онъ не сдѣлалъ. И еще въ текущемъ 1314 году вышеименованный нашъ король учредилъ неправильно налоги на дворянъ и на простой народъ, а также и помочи, которыя пытался взимать съ нихъ; этого мы не можемъ терпѣть и по доброй совѣсти допустить, ибо въ такомъ случаѣ лишились бы своихъ почетныхъ правъ, льготъ и вольностей, какъ мы, такъ и тѣ, кто будетъ дѣйствовать послѣ насъ. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ дѣяній, мы, вышереченные дворяне и общины, за себя и за нашихъ родныхъ и присныхъ, а также и за другихъ, во всѣхъ краяхъ королевства Франціи, какъ сказано выше, поклялись и обѣщали подъ присягою, прямодушно и добросовѣстно, за себя и своихъ наслѣдниковъ, графствамъ Оссеръ и Топперъ, дворянамъ и общинамъ названныхъ графствъ, ихъ союзникамъ и приснымъ, что, по случаю помочи требуемой на текущій годъ и прочихъ неправдъ и новизнъ, неподобно введенныхъ и вводимыхъ, нынѣ и впредь, буде короли Франціи, наши государи или другіе, захотятъ обложить тѣ земли, мы окажемъ имъ помощь и защиту своими собственными силами и средствами... И да будетъ извѣстно, что, поступая такъ, мы постановили и постановляемъ, опредѣлили и опредѣляемъ, чтобы всѣ службы, повинности ленныя, подданственныя и всякія другія, должныя королямъ Франціи, государямъ нашимъ, и прочимъ нашимъ господамъ и ихъ наслѣдникамъ, оставались сохранно, нерушимо и неприкосновенно» (¹).

Король не успѣлъ принять мѣръ противъ оппозиціи. Онъ умеръ отъ чумы въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ.

Значеніе царствованія Филиппа IV.

Историческій образъ дѣятелей, подобныхъ Филиппу Красивому не внушаетъ симпатій ни современникамъ, ни потомству. Но эти холодныя сердца, эти закаленные борьбою жестокіе люди, не разбирающіе средствъ, открыто попирающіе права, справедливость, отрицающіе нравственные принципы, служатъ будущему, иногда сами того не сознавая, хотя всегда заботятся о личныхъ

(¹) Boulainvillier, Lettres sur les anciens parlements, t. II, p. 29—30. См. Гизо, Исторія цив. во Франціи, пер. Корсакъ; III, 290.

выгодахъ. Ихъ частный, эгоистическій интересъ порождаетъ интересъ общественный, историческій. Филиппъ IV Красивый принадлежалъ къ числу таковыхъ людей. Онъ умеръ только 46 лѣтъ въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ силъ, въ раздорѣ съ своимъ народомъ, проклинаемый за деспотизмъ и насилія. Хорошихъ, прогрессивныхъ сторонъ его дѣятельности никто не понималъ; даже историческую оцѣнку онѣ нашли сравнительно недавно, такъ какъ ихъ сопровождали насильственныя средства, обманъ, предательства, тюрьмы, пытки, истязанія.

Такими средствами зародилась сила Франціи.

Когда въ дни террора (19 октября 1793 года) фанатически озлобленная толпа выкидывала изъ гробницъ Санъ-Дени кости королей Франціи, то она съ удивленіемъ встрѣтила въ массивномъ свинцовомъ гробу почти цѣликомъ сохранившійся скелетъ ненавистнаго короля ([1]). На пальцѣ еще сіялъ золотой перстень, а на черепѣ мѣдная позолоченная корона, украшенная металической птицею. Неистовая толпа выбросила эти кости въ одну общую могилу вмѣстѣ съ останками другихъ королей и прелатовъ Франціи.

Луи X (1314-16 г.). По смерти Филиппа IV королевская власть лишилась своихъ послѣднихъ завоеваній и невольно должна была подчиниться общему теченію. Старшій сынъ его Луи X, прозванный Вѣтреннымъ за свою непослѣдовательность, началъ съ того, что сталъ мирволить феодаламъ. Великое зданіе, воздвигнутое политикой и хитростью, готово было разрушиться въ его рукахъ. Правительство отказалось отъ письменнаго судопроизводства и дозволило судебный поединокъ, слѣдовательно пошло назадъ. Движеніе, побудившее правительство къ такой реакціи, началось въ Шампаньи. Тамъ вездѣ возставали противъ новаго порядка вещей; феодалы и бароны всюду и всегда заявляли, что желаютъ вернуться къ добрымъ обычаямъ святаго короля. Такіе хартіи были даны Бургундіи, Шампаньи и Нормандіи. Вѣтренный король даже расширилъ противъ прежняго привилегіи южныхъ бароновъ. Онъ выдалъ легистовъ, сотрудниковъ его отца, головой врагамъ. По настоянію ожесточившихся бароновъ, Энгерань де-Мариньи, имѣвшій огромное вліяніе на Филиппа, и канцлеръ Рауль де-Прель были принесены въ жертву общей ненависти, преданы

([1]) G. D'Heilly, Extraction des cercueils royaux a S. Denis en 1793; relation authentique (P. 1866). p. 30.

суду и повѣшены. Скоро король почувствовалъ нужду въ деньгахъ и долженъ былъ, подобно отцу, войти въ сдѣлки съ евреями и продавать вольности горожанамъ. Послѣднее можно сравнивать съ аналогичнымъ ему распоряженіемъ римскаго императора Каракалы, который обобралъ все населеніе, поднося ему равенство въ правахъ. Только необходимость въ деньгахъ вела Луи X къ государственнымъ реформамъ. Въ концѣ концовъ онъ все-таки долженъ былъ сознаться, что безъ легистовъ ему нельзя обойтись. Они посовѣтовали ему чеканить низкопробную монету. Но это вызвало опять неудовольствіе и ненависть къ правительству.

Филиппъ V Долговязый (1316-22 г.).

Луи X оставилъ дочь Іоанну, но женщины издавна исключались изъ престолонаслѣдія во Франціи; потому престолъ занялъ въ 1316 году его братъ Филиппъ V, прозванный за свой ростъ Долговязымъ (le Long). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у королевской вдовы родился сынъ, но младенецъ Іоаннъ въ томъ же 1316 году умеръ, а Филиппъ V былъ снова признанъ въ королевскомъ достоинствѣ ([1]). Онъ правилъ шесть лѣтъ, устранивъ по салическому закону свою племянницу отъ престолонаслѣдія. За то Филиппъ отказался отъ наслѣдственныхъ притязаній на Наварру и Шампань. Эти права были унаслѣдованы Луи X отъ его матери Іоанны, но Филиппъ V удержалъ ихъ за своимъ домомъ, женивъ своего сына на Іоаннѣ, дочери покойнаго брата. Онъ разсчитывалъ этимъ бракомъ присоединить богатыя области къ своему дому. Затѣмъ Филиппъ выдалъ за внука и наслѣдника Роберта, графа Фландрскаго — свою дочь и далъ въ приданое ей графство Артуа. Такимъ образомъ король, желая увеличить свои владѣнія, потерялъ часть собственной территоріи. Аристократія духовная и свѣтская послѣ ударовъ, нанесенныхъ ей Филиппомъ IV, собрала всѣ свои силы для новой борьбы. Сопротивленіе было успѣшно. Бальи и сенешалы короля вездѣ и во всемъ встрѣчали оппозицію. Успѣшнѣе были его реформы по судопроизводству, а равно старанія поднять фабричную дѣятельность городовъ южной Франціи. Для того, чтобы подорвать суконную и шерстяную мануфактуру фландрскихъ фабрикъ, король взялъ подъ свое покровитель-

---

([1]) Въ нѣкоторыхъ государственныхъ актахъ значится имя этого младенца, какъ короля Іоанна I.

ство суконныя фабрики Каркасонны, Нарбонны и другихъ городовъ, а также богатѣйшія мануфактуры золотыхъ и серебряныхъ вещей въ Монпелье. При немъ развилось впервые мѣстное производство въ названныхъ городахъ.

Карлъ IV (1323-28 г.). Въ этомъ отношеніи гораздо смѣлѣе дѣйствовалъ третій сынъ Филиппа IV, Карлъ IV. Онъ вполнѣ и неуклонно слѣдовалъ политикѣ отца. Онъ снова выпустилъ фальшивую монету и взялъ изъ обращенія высокопробную, что снова обогатило евреевъ. Узнавъ объ этомъ, король потребовалъ съ евреевъ значительной суммы, и когда тѣ отказались, отобралъ у нихъ все ихъ имущество и выгналъ изъ Франціи. Онъ обложилъ налогами даже духовныхъ, которые до сихъ поръ пользовались привилегіями. Въ Лангедокѣ поднялось волненіе, возбужденное феодалами, не допускавшимися къ отцовскому наслѣдію на томъ основаніи, что за ними, по происхожденію ихъ матерей, не признавалось рыцарское достоинство. Возстаніе было подавлено силой. Король велѣлъ пересмотрѣть поземельные акты южныхъ бароновъ и у многихъ произвелъ конфискаціи.

Ошибочно было бы думать, что такія мѣры слабыхъ преемниковъ Филиппа IV возвысили авторитетъ королевской власти; напротивъ, ими было подорвано на нѣкоторое время ея обаяніе. Насильственныя, всегда грубыя мѣры ни къ чему не привели. Гизо справедливо говоритъ по этому поводу: „Тогда королевская власть отвергла было всѣ стороннія права и захватила всѣ другія власти; вмѣсто того, чтобы служить въ обществѣ началомъ порядка и мира, она сдѣлалась въ немъ источникомъ безначалія и войны. Она вышла изъ этой попытки гораздо менѣе твердою и гораздо болѣе оспариваемою и ненадежною, чѣмъ какою она была въ болѣе осторожныя и болѣе легальныя царствованія Филиппа Августа и Луи Святаго. Въ концѣ феодальной эпохи (въ началѣ второй четверти XIV вѣка) королевская власть оспаривалась съ двухъ сторонъ, со стороны порядка престолонаслѣдія и со стороны сущности ея правъ. Не достаточно ли одного этого было, чтобы подорвать власть хотя и сильную, но едва успѣвшую оправиться отъ первыхъ потугъ, сопровождавшихъ ея возникновеніе? Вотъ почему это учрежденіе, эта сила, почти непрерывно развившаяся и возраставшая со времени Луи Толстаго до Филиппа Красиваго, представляется намъ въ XIV вѣкѣ

такою шаткою, хилою,—въ состоянiи, очень похожемъ на упадокъ. Но упадокъ этотъ былъ недѣйствительный; жизненный принципъ, лежавшiй въ основѣ французской королевской власти, былъ слишкомъ энергиченъ и упругъ, такъ что не могъ погибнуть подобнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе справедливо, что въ XIV вѣкѣ начался для нея перiодъ бѣдъ и униженiй, изъ которыхъ едва могли поднять ее самыя энергическiя усилiя" (¹).

Безцѣльный деспотизмъ Карла IV проявлялся во всемъ. Такъ когда во Францiи разнесся ложный слухъ, будто Эдуардъ II приказалъ умертвить находившихся въ Англiи французскихъ бароновъ, то Карлъ велѣлъ арестовать всѣхъ англичанъ, жившихъ въ его земляхъ, и конфисковать ихъ имущества, а потомъ хотя и освободилъ заключенныхъ, но не возвратилъ отнятаго у нихъ. „Это было вообще время ужасныхъ процессовъ и казней", замѣчаетъ по этому поводу Мишле; „варварство среднихъ вѣковъ проявляется даже въ первыхъ попыткахъ основать административный и судебный порядокъ". Въ то время, когда въ Парижѣ возникалъ парламентъ, когда изъ невыяснившихся учрежденiй выдѣлялось министерство финансовъ, — тогда евреи подверглись страшнымъ гоненiямъ, а деспотизмъ короля погубилъ его жену. Наоборотъ было въ Англiи. Тамъ королева при помощи своего любовника убиваетъ мужа, короля Эдуарда II.

Борьба за Шотландiю. Валласъ и Робертъ Брюсъ.

Мы оставили Англiю въ ея борьбѣ съ Шотландiей при Генрихѣ III (²). Эта борьба англичанъ съ шотландцами, борьба вѣковая, стародавняя, была жестока. Она окончилась подавленiемъ шотландской нацiи. Въ 1296 году послѣ битвы при Донбарѣ шотландскiй король Баллiоль покорился и отдался въ плѣнъ, отказавшись отъ королевства. Эдуардъ I далъ свободу Баллiолю, который умеръ въ Нормандiи частнымъ человѣкомъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Когда Эдуардъ

(¹) Гизо. Исторiя цив. во Францiи; III. 292—3.

(²) Для ознакомленiя съ шотладской исторiей до сихъ поръ пользуется извѣстностью сочиненiе Вальтеръ-Скотта (1831, 2. vls. L.). Нѣсколько ранѣе сталъ выходить трудъ Fraser Tytler, History of Scotland (Ed. 1826). Прежде считалось классическимъ сочиненiе G. Buchanan. Rerum Scoticarum historia libri XII (Edinb. 1582, Lugd. 1725).

отправился противъ Франціи, желая возвратить прежнія англо-французскія владѣнія, то вся Шотландія снова возстала. Во главѣ возстанія явился герой, вышедшій изъ простаго народа, напоминавшій собой тѣхъ борцовъ, которыхъ давала не разъ англо-саксонская національность. Имя этого героя Валласъ. Онъ въ очень короткое время выгналъ англичанъ изъ Шотландіи и устремился въ самое сердце Англіи, страшно опустошая страну. Ничто не могло удержать его. Эдуардъ поспѣшилъ вернуться изъ Франціи и хотя разбилъ Валласа, но волненія среди англійской аристократіи не позволяли Эдуарду воспользоваться плодами своей побѣды. Валласъ поправился и началъ дѣйствовать осмотрительнѣе, избѣгая открытаго сраженія; онъ весьма искусно велъ партизанскую войну. Онъ всегда умѣлъ ободрять падавшее мужество шотландцевъ, съ неутомимой энергіей вырывалъ у англичанъ плоды ихъ успѣховъ, создавалъ послѣ пораженія новыя войска и въ сущности всегда оставался побѣдителемъ. Но и Эдуардъ дѣйствовалъ настойчивѣе, чѣмъ прежде. Онъ склонилъ на свою сторону аристократію шотландскую и поселилъ раздоръ среди шотландскаго народа. Шотландскимъ баронамъ казалось неприличнымъ имѣть надъ собой сына крестьянина. Вскорѣ Валласъ былъ взятъ въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны, которую приготовили ему кланы Шотландіи. Эдуардъ запятналъ побѣду какъ постыдными жестокостями и опустошеніями, повторявшимися при каждомъ его вторженіи, такъ и возмутительною несправедливостію противъ плѣннаго героя. Валласъ былъ отосланъ скованнымъ въ Лондонъ, приговоренъ къ смерти англійскимъ судомъ, не имѣвшимъ, даже по англійскимъ законамъ, права судить преступленія шотландцевъ въ Шотландіи, и казненъ со страшною жестокостію: его четвертовали, а куски его разорваннаго тѣла развѣсили на показъ народу въ четырехъ населеннѣйшихъ городахъ Англіи.

Эта безполезная жестокость вызвала въ Шотландіи патріотическое настроеніе и восторженный боевой энтузіазмъ. Всѣ плоды завоеваній, благодаря такому звѣрству, были потеряны. Шотландцы вступили въ смертельную отчаянную борьбу. Мѣсто Валласа занялъ Робертъ Брюсъ, родственникъ шотландской королевской династіи. Онъ бѣжалъ изъ англійскаго лагеря, къ которому примкнулъ его отецъ, и присоединился къ возстанію. Онъ короновался по старинному обычаю въ Сконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился древній королевскій

камень. Это было въ 1306 году. На него надѣла корону графиня Бокань, исполнявшая при короновании обязанность своего отсутствующаго брата. За это Эдуардъ, взявъ ее впослѣдствіи въ плѣнъ, посадилъ въ клѣтку и выставилъ на показъ. Если бы вообще Эдуардъ не прибѣгалъ къ жестокостямъ, то онъ можетъ быть достигъ бы цѣли. Шотландцы сознавали, что имъ нечего ждать пощады отъ раздраженнаго короля; они дрались съ героизмомъ до послѣдняго человѣка и въ концѣ концовъ побѣдили. Эдуардъ, постыдно вытѣсненный изъ Шотландіи, возвратился въ Англію, чтобы вновь собраться съ силами и нанести рѣшительный ударъ возстанію. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что онъ, побѣдитель французовъ, не можетъ сладить съ шотландскими мятежниками. За приготовленіями къ новой борьбѣ застигла его смерть. Эдуардъ I умеръ въ 1307 году, оставивъ послѣ себя славу энергическаго государя и въ то же время установителя политической свободы въ Англіи.

Эдуардъ II, король Англіи (1307-27 г.).

Его сынъ, Эдуардъ II, женатый на Изабеллѣ французской, представлялъ ему совершенную противоположность; онъ не походилъ на отца ни тактомъ, ни способностями. Чрезвычайно слабохарактерный, совершенно неспособный къ управленію государствомъ, находившійся въ полной зависимости отъ своихъ любимцевъ, съ которыми дѣлилъ удовольствія, Эдуардъ II былъ совершенно чуждъ англичанамъ по своимъ гасконскимъ симпатіямъ. Онъ приблизилъ къ себѣ одного гасконца, Петра Гэвстона (Gaveston), забавнаго хвастуна и неустаннаго лгуна. Болтанье нравилось королю, и гасконецъ подчинилъ его совершенно своему вліянію. Старый король выслалъ Гэвстона изъ Англіи. Но лишь только Эдуардъ I закрылъ глаза, какъ сынъ вызвалъ своего любимца и подарилъ ему богатѣйшее графство корнваллійское и множество другихъ имѣній, поставивъ во главѣ всей англійской аристократіи. Вообще Эдуардъ II былъ несчастливъ на фаворитовъ; они сдѣлались причиной его гибели. Въ началѣ своего царствованія Эдуардъ II отправился въ Булонь, чтобы присягнуть Филиппу IV за французскія владѣнія. На время своего отсутствія всю высшую правительственную власть онъ передалъ своему любимцу. Вскорѣ послѣ брака, Эдуардъ II бросилъ свою жену, которая перешла на сторону его враговъ и стала дѣйствовать противъ него съ непримиримой ненавистью.

Фруассаръ.

Съ этого времени слѣдуетъ пользоваться знаменитыми „хрониками“ Фруассара, который разсказываетъ увлекательнымъ образомъ исторію почти всей западной Европы съ конца 1326 до 1400 года ([1]). Фруассаръ, уроженецъ сѣверной Франціи, священникъ по своему общественному положенію, велъ совершенно свѣтскую жизнь въ средѣ владѣтельныхъ рыцарей и дамъ, трубадуровъ и особъ королевской крови; постояно и безъ отдыха онъ носился по всему Западу Европы. Онъ много видѣлъ и наблюдалъ, а еще болѣе слышалъ. Пользуясь такими выгодными условіями, онъ неустанно собиралъ самые цѣнные матеріалы. Его „Croniques“—есть ни что иное, какъ воспоминанія разныхъ лицъ, преимущественно участниковъ великихъ событій, превосходно изложенныя. Онъ не зналъ усталости и не переставалъ писать даже въ старческіе годы: онъ бросилъ перо тогда лишь, какъ почувствовалъ приближенія смерти. Вращаясь въ праздничной атмосферѣ турнировъ и судовъ любви, онъ въ молодости сочинялъ то эротическіе стихи, то замысловатые рыцарскіе романы. Превосходно зная рыцарство, онъ изобразилъ его въ своихъ хроникахъ такъ какъ ни одинъ историкъ того времени. Его громадный историческій трудъ во многихъ мѣстахъ оставляетъ самъ по себѣ впечатлѣніе рыцарскаго романа.

Фруассаръ былъ Геродотомъ рыцарской эпохи. Его взлядъ на событія и самое изложеніе напоминаютъ сужденія и пріемы „отца исторіи“. Подобно Геродоту, Фруассаръ записывалъ все, что слышалъ, не подвергая критикѣ свои свѣдѣнія. Геродотъ въ началѣ своей Кліо (кн. I, гл. 3) говоритъ о похищенія Елены Парисомъ, объясняя этимъ фактомъ начало троянской войны. Какъ бы стараясь подражать ему, Фруассаръ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ брачный союзъ Эдуарда II и Изабеллы, выводитъ начало великой англо-французской борьбы.

([1]) Громадная хроника Фруассара Croniques de France, d' Angleterre d' Ecosse, d' Espagne, de Bretagne—въ послѣднее время издана подъ редакціей Korvyn de Lettenhove въ Брюсселѣ въ 25 томахъ (867—77). Самое изданіе обнимаетъ II—XVI тома, а первая часть въ двухъ томахъ посвящена біографіи Фруассара, разбору рукописей и критикѣ всего сочиненія, XVII томъ заключаетъ акты, а послѣдніе томы отъ XVIII до XXVI заключаютъ въ себѣ словари и всякаго рода указатели. См. подробнѣе въ Очеркѣ Ср. Исторіографіи, 103—105, а также у Вебера; Вс. Ист. IX, 210—215. Кромѣ Фруассара: Galtherus Hemmingford, Historia de rebus gestis Edwardi I, II, III (до 1346 г., изд. Ox. 1713, 2 v. и Hamilton L. 2 vls. 1848). и уже упомянутый не разъ продолжатель Матвѣя Wilh. Rishanger, изложеніе котораго доведено до 1322 года.

Новое ограниченіе королевской власти въ Англіи.

Въ то время какъ ничтожный Эдуардъ II съ своимъ гасконцемъ вызвалъ противъ себя раздраженіе аристократіи, англійскія общины въ 1309 году попытались выйти изъ своего униженнаго положенія. Онѣ настойчиво потребовали искорененія злоупотребленій, на которыя имѣли поводъ жаловаться. Эдуардъ долженъ былъ удовлетворить ихъ требованія возможно скорѣе, такъ какъ въ слѣдующемъ году послѣдовало возстаніе шотландцевъ, и король по неволѣ долженъ былъ созвать парламентъ, въ которомъ феодальная партія, уже чуждаясь народа, потребовала общихъ государственныхъ реформъ. Для составленія проекта реформъ учреждена была коммиссія изъ 7 епископовъ, 8 графовъ и 6 бароновъ. Она называлась коммиссіей государственнаго устройства. Новое учрежденіе соотвѣтствовало регенству, члены котораго были облечены королевской властью. Эдуардъ тѣмъ временемъ упражнялся въ бояхъ съ шотландцами, игнорируя интересы своего государства. Коммиссія выработала новый уставъ, въ которомъ сильно были ограничены королевскія прерогативы. Эдуардъ согласился принять этотъ уставъ въ 1312 году. Король долженъ былъ въ силу этого закона ежегодно созывать парламентъ и не имѣлъ права замѣщать высшихъ должностей безъ согласія бароновъ; безъ этого согласія онъ не могъ созывать ополченія и объявлять войну. Всякое отчужденіе королевскихъ имѣній строго воспрещалось. Королю предоставлялось право содержать себя доходами съ государственныхъ и своихъ имѣній, что дало возможность уменьшить налоги. Такимъ образомъ Эдуарда лишали важнѣйшей изъ прерогативъ короны. Въ средніе вѣка лишь раздачей леновъ короли пріобрѣтали военную силу. Лишаясь права раздавать лены, Эдуардъ терялъ королевское могущество. Сверхъ того коммиссія объявила недѣйствительными всѣ сдѣланные Эдуардомъ дарственные акты, а равно отчужденія королевскихъ имуществъ. Главная злоба коммиссіи была направлена на Гэвстона. Онъ былъ лишенъ всѣхъ должностей, изгнанъ навсегда, а имущество его было конфисковано. Главная причина разлада между королемъ и народомъ выразилась въ томъ, что Гэвстонъ удалялъ „сердца вѣрноподданныхъ отъ государя, устраняя совѣты вассаловъ“. Но парламенту мало пришлось поживиться на счетъ Гэвстона. Онъ успѣлъ перевезти чрезъ флорентійскій банкирскій домъ Фрескобальди всѣ свои цѣнности. Сами Фрескобальди удалились во время изъ Англіи, но ихъ преслѣдовали

даже въ Италіи. Гэвстонъ долженъ былъ радоваться, что отдѣлался дешево. Но Эдуардъ не могъ безъ него жить. Онъ снова призвалъ его и особымъ рескриптомъ возвратилъ ему прежде пожалованныя помѣстья. Ко всѣмъ шерифамъ было разослано королевское предписаніе, объявлявшее незаконными всѣ распоряженія, учиненныя противъ Гэвстона.

Тогда лорды взялись за оружіе. Не рѣшаясь явно возстать противъ короля, они объявили, что преслѣдуютъ не короля, а его любимца временщика, какъ государственнаго преступника, котораго укрываетъ король. Они пошли на Скарборо, гдѣ жилъ король съ временщикомъ. Эдуардъ испугался; онъ не могъ защищаться, бросилъ Гэвстона въ крѣпости на жертву врагамъ, а самъ бѣжалъ. Голодъ вынудилъ Гэвстона капитулировать. Онъ сдался Пемброку, предводителю осаждавшихъ, на условіи сохраненія жизни. Но бароны вырвали плѣннаго изъ рукъ Пемброка; фаворита казнили въ той мѣстности, гдѣ шерифомъ былъ Ланкастеръ. Голову Гэвстона выставили на поруганіе. Такъ кончилъ жизнь ненавистный временщикъ. Еще годъ продолжалась борьба. Наконецъ въ 1313 году Эдуардъ долженъ быть дать амнистію баронамъ и простить гибель Гэвстона.

Борьба Эдуарда II съ феодалами и Шотландіей.

Между тѣмъ шотландскій король Робертъ Брюсъ изгналъ изъ Шотландіи большую часть англійскихъ гарнизоновъ. Озлобленная рыцарская аристократія отказала королю въ своемъ содѣйствіи. Неопытная же милиція не могла сопротивляться храбрымъ шотландцамъ, боровшихся за свою самостоятельность, тѣмъ болѣе, что у короля не было качествъ хорошаго полководца. Англичане были разбиты на голову при Баннокборнѣ, потеряли обозъ и военные снаряды. Шотландцы стали дѣлать набѣги на Англію; для изгнанія ихъ духовенство было обложено налогами и даже аристократія предложила свои услуги королю. Но рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ помѣшалъ голодъ, продолжавшійся два года. Едва доставало хлѣба даже для королевскаго двора. Итакъ, война, междоусобіе, голодъ — все соединилось вмѣстѣ на погибель Англіи. Передъ шотландскимъ походомъ Эдуардъ долженъ былъ во всемъ уступить государственной коммиссіи и вновь принести присягу въ соблюденіи статута. За Эдуарда вступился даже папа Іоаннъ XXII, который проклялъ шотландскаго короля за нарушеніе перемирія. Но Брюсъ не обра-

тилъ никакого вниманія на проклятіе и овладѣлъ всѣми пограничными крѣпостями Англіи. Это заставило Эдуарда примириться съ феодалами. Король долженъ былъ во всемъ уступить государственной коммиссіи, обѣщая исполнять ея постановленія. Этотъ совѣтъ, называвшійся Ordainers, состоялъ изъ двухъ епископовъ, одного графа, двухъ бароновъ и во всемъ исполнялъ волю графа Ланкастерскаго. Несомнѣнно, что послѣдній обладалъ замѣчательными качествами государственнаго человѣка и воина: стоило только Ланкастеру и его партіи предоставить короля самому себѣ, какъ его стали преслѣдовать несчастія и военныя неудачи въ Шотландіи. Причиной разрыва съ Ланкастеромъ было расположеніе короля къ Гуго Спенсеру, который съ своимъ отцомъ занялъ мѣсто Гэвстона. Но это предательство государственныхъ интересовъ ради личной вражды дорого обошлось аристократической партіи. Какъ ни слабо было патріотическое чувство въ средніе вѣка, однако народъ заговорилъ, что лорды намѣренно предали короля и страну на жертву врагамъ и что они заодно съ Брюсомъ. Быстро лишились популярности тѣ, которые были вождями народа. Съ шотландцами было заключено двухлѣтнее перемиріе и начались переговоры о мирѣ.

Теперь Спенсеры, отецъ и сынъ, стали всѣмъ для Англіи; они были несравненно способнѣе Гэвстона; особенно отецъ былъ искуснымъ государственнымъ человѣкомъ. Своимъ огромнымъ вліяніемъ они возбуждали зависть другихъ лордовъ. Прежняя ненависть лордовъ обратилась теперь на Спенсеровъ; имѣніе ихъ было раззорено, и они были изгнаны врагами. Король однако вернулъ ихъ скоро. Надо замѣтить, что постоянная оппозиція королю со стороны аристократіи, ея нежеланіе дѣйствовать противъ шотландцевъ, — все это привело къ тому, чего не ожидала аристократія. Она потеряла авторитетъ въ глазахъ всей Англіи; поэтому-то ея дѣло, прежде связанное съ дѣломъ народа, подверглось значительной опасности. Хотя еще два года (1319—1321 г.), по заключеніи перемирія съ Шотландіей, продолжалось господство аристократіи, но наконецъ въ 1321 году парламентъ, состоявшій изъ духовенства, горожанъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, объявилъ всѣ ограниченія королевской власти, сдѣланныя коммиссіей, противорѣчащими основнымъ законамъ государства и потому недѣйствительными. Такимъ образомъ послѣдовала реакція, вредная для политической свободы. Во

главѣ мелкаго рыцарства и городской милиціи, вмѣстѣ со Спенсерами, король выступилъ противъ лордовъ. Вся Англія раздѣлилась на двѣ партіи. Когда король объявилъ въ угоду патріотамъ, что считаетъ для себя обязательнымъ статутъ коммиссіи, также какъ и великую хартію, то обозначилось, что король лично не противъ свободы, а только противъ мятежныхъ феодаловъ: тогда многіе, даже изъ партіи Ланкастера, перешли къ королю. Тогда одна часть аристократіи, попавъ вслѣдствіе этого въ очень затруднительное положеніе, передалась шотландцамъ, подстрекая ихъ противъ отечества. Поселивъ раздвоеніе среди противниковъ, которые, какъ измѣнники, потеряли популярность, король легко побѣдилъ ихъ. Ненавистный Ланкастеръ попалъ въ руки короля, который не отличался мягкосердечіемъ. Эдуардъ присудилъ Ланкастера и пятнадцать его друзей къ позорной казни, а имѣнія ихъ были еще и прежде розданы судьямъ. Ихъ соучастники были посажены въ тюрьмы. Главный изъ нихъ Мортимеръ бѣжалъ во Францію, гдѣ потомъ сталъ фаворитомъ Изабеллы.

Въ виду жестокой расправы общественное мнѣніе опять измѣнилось; король снова потерялъ авторитетъ. Тѣ, которые были за короля, стали бояться его. Ланкастеръ и его пострадавшіе друзья стали считаться мучениками. На ихъ трупы смотрѣли, какъ на святыню. У частей ихъ труповъ, которыя были развѣшаны по деревьямъ, стали, по народнымъ толкамъ, твориться чудеса, такъ что правительство поспѣшило ихъ снять.

Борьба короля съ королевой. Мѣсто Ланкастера во главѣ оппозиціи заняла Изабелла, жена короля. Она давно разошлась съ мужемъ и съ каждымъ годомъ ненавидѣла его все болѣе и болѣе. Она побуждала своего брата, французскаго короля Карла IV, разорвать всякія сношенія съ Англіей. Тотъ арестовалъ англійскихъ подданныхъ и конфисковалъ ихъ имущества, такъ какъ слышалъ, что въ Англіи грубо поступаютъ съ французами. Тогда дѣйствительно послѣдовали аресты и изгнаніе французовъ съ Британскихъ острововъ. Впрочемъ Эдуардъ боялся войны, ибо предвидѣлъ, что она сдѣлаетъ его шаткое положеніе еще болѣе критическимъ. Онъ послалъ Изабеллу въ Парижъ, думая этимъ отклонить Карла IV отъ войны съ Англіей. Но этимъ неосмотрительнымъ поступкомъ онъ, не сознавая всей силы ненависти своей супруги, далъ оружіе въ руки

своихъ враговъ. Въ Парижѣ Изабелла была въ своей сферѣ и стала главой кружка эмигрантовъ, враждебныхъ королю; потомъ она вызвала въ Парижъ сына своего Эдуарда, принца Валлійскаго, нашла въ Парижѣ своего друга Мортимера и стала употреблять всѣ усилія, чтобы втянуть брата въ войну. Она сама вызывалась сдѣлать высадку въ Англію съ сыномъ и съ братомъ короля, Эдмундомъ, который тоже бѣжалъ во Францію. Непосредственнымъ предметомъ ея ненависти были Спенсеры, которымъ она не могла простить ихъ вліянія на короля. Изабелла имѣла въ своемъ распоряженіи до 2000 рыцарей. Въ 1326 году она высадилась въ Англіи. Стоило только ей возвѣстить, что она идетъ противъ временщиковъ и на защиту законовъ, и войско бросило несчастнаго короля, который бѣжалъ изъ столицы.

Сверженіе Эдуарда II въ 1327 году.

По его слѣдамъ въ Лондонъ вступила Изабелла. Король хотѣлъ уплыть въ Ирландію, но не успѣлъ и спрятался въ одномъ аббатствѣ въ Валлисѣ. Онъ отправилъ посольство къ женѣ и сыну, изъявляя готовность подчиниться всѣмъ требованіямъ. Но королева не хотѣла связывать себя словомъ; она хотѣла овладѣть мужемъ силой, чтобы поступить съ нимъ какъ вздумается. Братъ казненнаго Томаса Ланкастера, Генрихъ, отыскавъ убѣжище короля и Спенсеровъ, привезъ ихъ къ королевѣ, какъ преступниковъ. Въ 1312 году палъ только временщикъ; теперь пали временщики вмѣстѣ съ королемъ. Можно себѣ представить, какъ ликовали палачи, празднуя побѣду. Послѣ жестокихъ истязаній, Спенсеры были повѣшены. На великодушіе нельзя было разсчитывать. Изабелла сама наслаждалась мученіями жертвъ. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ стали судьями своихъ мучителей. Исключеніе представлялъ одинъ только Ланкастеръ. Онъ держалъ себя благородно, хотя имѣлъ полное право мстить за своего брата. Участь короля была ужасна; у него отняли государственную печать и потребовали отреченія. Онъ долгое время отказывался. Тогда былъ созванъ парламентъ, на которомъ Эдуардъ былъ низложенъ, и на его мѣсто возведенъ на престолъ Эдуардъ III, принцъ Валлійскій, который находился подъ вліяніемъ матери и ея фаворита. Хотѣли, чтобы Эдуардъ II самъ отрекся отъ престола. Для этого не останавливались ни предъ чѣмъ. Коммисія парламента явилась къ королю; обѣщаніями и угрозами она принудила его согласиться

на отреченіе. Тогда начался унизительный обрядъ, при чемъ были соблюдены всѣ церемоніи. Враги короля исполняли въ этихъ церемоніяхъ различныя должности. Канцлеръ Труссель произнесъ отреченіе парламента отъ повиновенія. Одинъ изъ прежнихъ клевретовъ короля, Блоунтъ, переломилъ надъ нимъ скипетръ.

Воцареніе Эдуарда III (1327-77 г.). Въ виду несовершеннолѣтія Эдуарда III, надъ нимъ учреждено было регентство. Во главѣ регентства встала женщина, готовившаяся убить отца своего сына. Всѣ приверженцы Ланкастера обратно получили свои имѣнія. Затѣмъ надо было наградить всѣхъ соучастниковъ. Народъ и мелкіе феодалы не были довольны этой революціей; чтобы задобрить ихъ было возвѣщено, что цѣль переворота заключалась въ возмездіи за попранныя государственныя учрежденія. Изданъ былъ указъ, которымъ всякое нарушеніе „Magna charta" было объявлено преступнымъ. Въ этомъ заключался существенный практическій результатъ для дѣла свободы отъ этой революціи. Конечно Изабелла руководилась не этими пожеланіями свободы. Ей надо было убить мужа и править вмѣстѣ со своимъ фаворитомъ отъ имени сына. Эдуарду II предстояла мученическая смерть. Ланкастеръ обращался съ нимъ довольно хорошо, такъ какъ не былъ способенъ къ подлому убійству. Несчастнаго передали менѣе разборчивымъ палачамъ—Беркли и Мальтраверсу. Тѣ таскали его изъ одной крѣпости въ другую, муча и оскорбляя его, а потомъ убили варварскимъ образомъ въ подвалахъ аббатства св. Петра въ Глостерѣ; короля душили подушками, а потомъ раскаленнымъ желѣзомъ выжгли внутренности. Ядъ могъ выдать преступниковъ; удушеніе или желѣзо оставили бы также послѣ себя видимые слѣды. Теперь можно было объявить, что король скончался внезапно. Но окрестные жители слышали ночью раздирающіе крики жертвы, а слѣды страшныхъ конвульсій отразились на лицѣ короля, что послѣ и выдало преступниковъ (¹).

Эдуарда похоронили въ томъ же Глостерскомъ аббатствѣ. Затѣмъ, какъ всегда бываетъ, настоящіе виновники свалили все на исполнителей. Беркли былъ казненъ; Мальтраверсъ бѣжалъ. Впослѣдствіи Эдуардъ III отмстилъ своей матери. Съ 1327 года онъ носитъ корону Англіи впродолженіи 50 лѣтъ.

(¹) Aug. Vidalin. Édouard III et la regence, ou essai sur les moeurs du XIV siècle (P. 1843) — очень интересная монографія.

3) Начало столѣтней борьбы и зарожденія національной идеи. Новая династія во Франціи и въ имперіи. Филиппъ VI и Эдуардъ III. Императоры Людвигъ IV и Карлъ IV.

Валуа.

Смертью трехъ сыновей Филиппа IV Красиваго во Франціи пресѣклась старая династія Капетинговъ въ мужскомъ колѣнѣ. Хотя послѣ Филиппа IV остались дочери, но онѣ были устранены отъ престолонаслѣдія. По салическому закону женщины должны были быть лишены права на наслѣдство вообще. Хотя въ данномъ случаѣ устраненіе отъ престолонаслѣдія и было дѣломъ незаконнымъ,—салическій законъ не имѣлъ въ виду лицъ царственнаго происхожденія,—но таковое принесло пользу монархіи во Франціи: передача власти въ мужское колѣно гарантировало преобразованіе государства. Въ силу этого соображенія, Филиппъ V устранилъ дочь своего брата Луи IX, Жанну, а Карлъ IV, его преемникъ, устранилъ дочь своего предшественника. По смерти Карла IV пришлось устранить единственную наслѣдницу, дочь Филиппа IV, Изабеллу, англійскую королеву, прославившуюся своими гнусными подвигами и борьбою съ мужемъ. Ея никто не желалъ, да и она сама не думала заявлять претензіи на французскій престолъ, будучи занята революціей, произведенной ею отъ имени своего сына. Самъ Эдуардъ III, сынъ Изабеллы, также не имѣлъ въ виду высказывать претензіи, такъ какъ былъ занятъ въ то время шотландскими дѣлами. Поэтому французская корона должна была перейти хотя и въ боковую, но въ мужскую линію. У Филиппа IV былъ дѣятельный братъ — Карлъ, графъ Валуа, вѣчный претендентъ на короны, котораго мы встрѣчали въ Наваррѣ, Кастиліи, Аррагоніи, Фландріи и во Флоренціи. Тогда его не было въ живыхъ, но у него остался сынъ Филиппъ, носившій имя Валуа, которое стало именемъ династіи. Со вступленіемъ Филиппа VI Валуа на престолъ, французская монархія, недостаточно окрѣпшая, принимаетъ боевой характеръ и придерживается наступательной политики. Она вмѣшивается во всѣ политическіе интересы Европы.

Филиппъ VI (1328-50 г.) и національная идея.

При Филиппѣ VI во французской монархіи наблюдаемъ высшій ростъ средневѣковой культуры, которая потомъ стала клониться къ упадку, порождая новыя формы. Но если пали

средневѣковые идеалы, то не слѣдуетъ думать, чтобы быстро появились новые. Только что монархическій принципъ сталъ торжествовать, какъ феодализмъ проявилъ оппозицію, напрягая свои послѣднія силы. Въ продолженіе всей первой половины XIV столѣтія монархія, крайне ослабленная, уступаетъ и волей-неволей становится игрушкою въ рукахъ сильныхъ феодаловъ, какъ это было въ XII вѣкѣ. Дѣло въ томъ, что сплотить монархію не было дано тогдашнимъ историческимъ дѣятелямъ. Всѣ они, кромѣ Эдуарда III англійскаго, не стояли на высотѣ своего призванія, а въ Эдуардѣ III было слишкомъ много старыхъ рыцарскихъ традицій; въ его двойственной личности средніе вѣка какъ бы борятся съ новыми.

Мы уже говорили, что XIV столѣтіе не носитъ на себѣ опредѣленнаго характера. Историческія явленія перемѣшаны до того, что трудно выдѣлить одно изъ другаго. Потому-то это столѣтіе, составляя часть средневѣковья, въ то же время представляетъ характерныя начала новой исторіи. Представьте себѣ самаго талантливаго мемуариста того времени; онъ не можетъ понять смысла той эпохи, которую переживалъ. Фруассаръ, лучшій историкъ того времени, считаетъ себя рыцаремъ стараго вѣка и полагаетъ даже, что все предшествующее было подготовленіемъ для новаго. Свое время онъ считаетъ эпохой разцвѣта рыцарства, тогда какъ въ сущности онъ жилъ въ эпоху упадка рыцарской жизни и наслаждался только ея дурными и уродливыми сторонами. Онъ не могъ думать, что въ его пору подготовлялись новыя общественныя и государственныя формы; онъ не могъ догадаться, что феодальное государство распалось, чтобы дать просторъ новой національной дѣятельности, главная роль въ которой будетъ принадлежать такъ сильно презираемому среднему сословію; онъ не могъ повѣрить, что эти виланы и земледѣльцы, что эти торгаши-горожане создадутъ свое государство и будутъ искренно умирать за него; онъ не могъ представить себѣ, что эти гордые рыцари будутъ работать въ пользу монархіи. Потому XIV вѣкъ — время переходное, которому естественно присущи явленія и стараго и новаго порядка; это тотъ широкій бассейнъ, въ которомъ перерабатывались идеи средневѣковыя въ новыя. Въ это переходное время событія въ разныхъ странахъ Запада тѣсно соприкасаются между собою,—и было бы излишнимъ излагать ихъ по національностямъ. Въ это время во Франціи, Англіи,

Германіи, Чехіи, Италіи, Испаніи, Скандинавіи, во Фландріи, — вездѣ видимъ возрожденіе національнаго духа. Прежде всего эта идея проявилась въ томъ уголкѣ Европы, который жилъ тихою и мирною промышленной жизнью, чуждаясь круговорота политическихъ интересовъ, обуревавшихъ Западъ. То была маленькая Фландрія, а народомъ этимъ были фламандцы.

Со вступленія династіи Валуа на французскій престолъ начинается національное движеніе во Фландріи. Но Филиппъ VI былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы дать фламандцамъ, изгнавшимъ своихъ бароновъ, безнаказанно торжествовать [1]. Онъ собралъ своихъ рыцарей съ цѣлью отмстить за постыдное пораженіе при Куртрэ. Дѣло въ томъ, что республиканскій духъ былъ очень силенъ въ этой странѣ, близкой къ Франціи. Филиппъ VI понималъ, что вѣяніе этого духа можетъ быть опаснымъ для его монархіи. Съ своей стороны и фламандцы готовились дать отпоръ, собравъ большое ополченіе. Къ несчастію для фламандцевъ, среди нихъ обнаружились несогласія. Гентъ не сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ другими городами и его руководящую роль взяли на себя граждане города Брюгге. Ополченіе дошло до городка Касселя; здѣсь произошло столкновеніе съ французскими рыцарями, которые побѣдили. Тогда пала независимость Фландріи и эта страна подчинилась французскому королю. Въ то же время Филиппъ VI принялъ присягу Эдуарда III за области, лежавшія на галльской территоріи, принадлежавшія до того времени англійскому королю; теперь онѣ должны были сдѣлаться вассальными землями французской короны. Но это не помѣшало Филиппу VI тайкомъ помогать шотландцамъ, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того Филиппъ замыслилъ распространить свою власть на Неаполь и Генуя. **Фландрія.**

Несмотря на эти удачи и всякія замыслы, Филиппъ VI былъ личностью ничтожною; онъ не внесъ въ исторію никакихъ новыхъ идей; онъ шелъ по старой, по протоптанной дорогѣ; онъ не смотрѣлъ впередъ и не увлекался новизною. Онъ поплатился жестоко подъ конецъ своего царствованія; ему суждено было видѣть разрушеніе всего имъ сдѣланнаго, по-

---

[1] Fr. Choisy. H. de Philippe de Valois et du roi Jean (P. 1688).— Gaillard. H. de la querelle de Philippe et d'Edouard III (P. 1775, 4 vls.). Источники въ XXII томѣ сборника Recueil des historiens etc.

тому что онъ не умѣлъ во время поддержать національнаго движенія. Мы увидимъ, что его соперникъ Эдуардъ III былъ гораздо историчнѣе, такъ какъ понималъ, гдѣ заключалась сила, и потому всегда дѣйствовалъ за-одно съ народомъ. Филиппъ же простодушно думалъ, что ему слѣдуетъ поддерживать феодальныя начала, давно уже потерявшія смыслъ; онъ полагался всегда на одно только рыцарство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ инстинктивно расширилъ предѣлы королевской юрисдикціи. Между прочимъ онъ далъ знатнымъ странную льготу, — льготу не платить долговъ.

Присоединеніе Бретани. При немъ же положено начало присоединенію Бретани. Королевскій племянникъ Карлъ Блуа женился на юной наслѣдницѣ Бретани. Но все это сдѣлалось случайно. Самъ же французскій король, нуждаясь въ приморской области и не умѣя удержать ее, предлагалъ герцогу бретанскому обмѣняться Бретанью на Орлеанъ. Но бретанскій герцогъ не согласился. Этотъ фактъ показываетъ, какъ мало обладалъ первый Валуа способностями государственнаго человѣка; онъ хотѣлъ лишить Францію болѣе богатой области ради мелкихъ, личныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ честолюбивыхъ замысловъ было много у тогдашняго французскаго правительства. Оно замышляло усилиться на счетъ Англіи и Германіи. Филиппъ VI хотѣлъ свергнуть Эдуарда III и въ то же время короноваться германскою императорскою короною.

Положеніе Германіи. Въ этомъ случаѣ папа не могъ прекословить, такъ какъ все это было въ эпоху такъ называемаго авиньонскаго плѣненія, когда папы были въ полномъ распоряженіи французскихъ королей. Владыки міра боялись римскихъ бандитовъ. Причина такого паденія заключалась въ разрывѣ между папствомъ и имперіей; одно безъ другой было безсильно, а это повело къ обоюдному несчастію. До этого времени въ рукахъ императоровъ была физическая сила, но въ рукахъ папъ всегда былъ авторитетъ нравственный. Такъ было долго, цѣлые вѣка. Папы сами рѣшились разорвать связь съ имперіей, что было невыгодно для обѣихъ сторонъ. „Въ продолженіе среднихъ вѣковъ, замѣчаетъ Ланфре по этому поводу, глаза всѣхъ устремлены были на колебаніе двухъ полюсовъ: одинъ — это папская духовная сила, другой — императорская свѣтская власть. Взаимная зависимость этихъ двухъ учрежденій, при-

вязывавшая ихъ нѣкогда другъ къ другу, въ свое время служила постоянной причиной несогласія между ними. Сами же по себѣ эти два учрежденія, папство и имперія, отдѣльно другъ отъ друга, были несовершенны и безсильны; въ соединеніи же они могли выдержать всякія нападенія". Эти учрежденія, имѣя между собою много общаго, вмѣстѣ росли и вмѣстѣ ослабѣвали. Каковы бы ни были столкновенія папства съ имперіей, но только при помощи этой послѣдней было возможно точно опредѣлить и установить отношенія, права, гарантіи и преимущества, которыя связывали папство, но въ то же время давали силу имперіи. Во всѣхъ другихъ странахъ эти права и преимущества подверглись колебанію въ разныхъ направленіяхъ; — такъ было и по отношенію къ Франціи. Авиньонскіе папы находились въ полной личной зависимости отъ французскихъ королей.

Императоръ Людвигъ IV (1314-47 г.).

По настоянію французскаго короля, папа Іоаннъ XXII не призналъ германскимъ императоромъ Людвига Баварскаго, выбраннаго нѣкоторыми имперскими князьями послѣ смерти Генриха VII ([1]). Папа поддерживалъ соперника его Фридриха Прекраснаго, старшаго сына императора Альбрехта, который выбранъ былъ въ одно время съ Людвигомъ, по иниціативѣ архіепископа кельнскаго и курфюрста саксонскаго, противъ котораго было большинство князей и городовъ. Такимъ образомъ вся Германія раздѣлилась на партіи, изъ которыхъ каждая поддерживала одного изъ двухъ императоровъ. За Фридриха стояло австрійское рыцарство, начиная съ его брата; противъ него были швейцарцы, исполненные ненависти къ габсбургамъ.

Швейцарцы и Фридрихъ Прекрасный.

Фридрихъ долженъ былъ подчинить ихъ силою оружія. Битва при Моргартенѣ въ 1315 году рѣшила споръ въ пользу швейцарцевъ. Тутъ 330 свободолюбивыхъ храбрецовъ — швейцарцевъ должны были выдержать стремительный натискъ закованныхъ въ желѣзо императорскихъ рыцарей. Девять тысячъ рыцарскихъ труповъ покрыли мѣсто сраженія. Швейцарцы сохранили свою свободу; она была подтверждена

([1]) Mannert. Kaiser Ludwig IV (Landsh. 1812). A. Kotzebue, G. Kaisers Ludwigs IV (Riga, 1812). Starr, Ludwig der Bayer (M. 1813). Schlett, Biographie vom Kaiser Ludwig der Bayer (S. 1822).

самимъ Людвигомъ, который не могъ не радоваться гибели своего врага и который выступилъ противъ Фридриха, игнорируя проклятіе папы. Фридрихъ послѣ пораженія при Моргартенѣ не могъ, конечно, успѣшно бороться съ Людвигомъ Баварскимъ. Битва при Мюльсдорфѣ въ 1322 году, къ величайшему неудовольствію папы, кончилась не въ пользу Фридриха, который даже попался въ плѣнъ. Императоромъ сдѣлался побѣдитель, но папа произнесъ надъ нимъ отлученіе за то, что онъ возложилъ на себя императорскій вѣнецъ безъ разрѣшенія папы. Конечно, онъ поступилъ такъ въ угоду своему покровителю и вмѣстѣ съ тѣмъ притѣснителю, французскому королю. Это заставило императора сойтись съ своимъ побѣжденнымъ соперникомъ. Онъ далъ Фридриху свободу и сдѣлалъ своимъ соправителемъ, взявъ съ него клятву въ вѣрности. Стоило только Фридриху дать слово, и онъ сдержалъ его, оставаясь до конца жизни вѣрнымъ другомъ императора, не смотря ни на интриги французскаго короля, ни на подговариванія папы. Оба государя заключили между собою оригинальный договоръ: оба они будутъ считаться братьями, будутъ сообща раздавать лены и во всѣхъ случаяхъ, какъ одно лицо, править священной имперіей вмѣстѣ.

Императоръ въ Италіи и двое папъ.

Тогда Людвигъ IV спокойно отправился для коронованія въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ 1327 году въ Миланѣ онъ надѣлъ желѣзную корону Ломбардіи, а въ 1330 году вступилъ въ Римъ (1). Въ храмѣ св. Петра только два отлученные епископа рѣшились помазать Людвига, а императорскою короною вѣнчалъ его тотъ самый Шіара Колонна, который далъ публично пощечину Бонифацію VIII. Теперь изъ подсудимаго императоръ хотѣлъ сдѣлаться судьею.

Въ Римѣ онъ принялъ сторону „бѣдныхъ миноритовъ", выдѣлившихся изъ францисканцевъ. Эти братья старались доказать, что назначеніе всѣхъ людей—подражать въ нищетѣ Христу; они были по убѣжденіямъ соціалисты, аскеты по жизни. Папа не утвердилъ ихъ ордена отчасти потому, что считалъ его опаснымъ для общественной жизни, а также и потому, что они своимъ аскетизмомъ служили какъ бы живымъ упрекомъ для всего духовенства и для главы его, который не прочь

(1) Müller, Die Kämpfe Ludwigs des Baiers mit der römischen Kurie, Tüb. 2 B. 1880.

былъ пожить весело. Императоръ, чтобы досадить папѣ Іоанну XXII, призналъ отъ себя существованіе ордена, не имѣя на это права и, по указанію этихъ монаховъ, предалъ папу Іоанна XXII церковному суду. Понятно, что папа запретилъ не только имперскимъ князьямъ, но и баварцамъ повиноваться императору. Папа смотрѣлъ на императора, какъ на простаго администратора, обязаннаго отъ имени Церкви управлять имперіей. Онъ проводилъ старую теорію, что до избранія новаго императора управленіе государствомъ должно принадлежать папѣ. Въ отвѣтъ на отлученіе, Людвигъ провозгласилъ сверженіе папы, а судъ объявилъ его еретикомъ за непризнаніе нищеты Христовой и выбралъ новаго папу изъ миноритовъ—Николая V. Но Людвигъ и новый папа должны были убѣдиться, что, несмотря на отсутствіе первосвященника, церковная іерархія еще крѣпко стояла, въ силу обычая. Весьма немногіе епископы поддерживали новаго папу, да и съ тѣми остальные прелаты прекратили сношенія. Если авторитетъ папы среди простаго населенія Рима держался довольно прочно, то только потому, что онъ, какъ нищенствующій, не долженъ былъ нуждаться въ деньгахъ и поэтому могъ освободить римлянъ отъ тяжкихъ налоговъ, предназначаемыхъ обыкновенно на содержаніе папскаго двора. Но лишь только въ видахъ помощи императору послѣдовалъ новый налогъ, какъ въ отвѣтъ на это разразилось народное возстаніе, такъ что и новому папѣ и императору пришлось отказаться отъ своихъ плановъ. Людвигъ уѣхалъ въ Миланъ, чтобы оттуда пробраться въ Германію; папу Николая V теперь никто не поддерживалъ и онъ въ томъ же году сложилъ съ себя санъ первосвященника.

Такимъ образомъ папа Іоаннъ XXII остался побѣдителемъ императора, главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ Филиппа VI, который держалъ Іоанна XXII подъ своимъ вліяніемъ, дѣйствуя на него страхомъ, грозя по каждому поводу подвергнуть его суду за ересь и злодѣянія. Не даромъ современники прозвали Іоанна XXII „кровавымъ человѣкомъ“; всѣ знали, что на немъ тяготѣетъ множество преступленій.

Французскіе папы.

Въ 1334 году Іоаннъ XXII умираетъ. Его преемникъ, избранный подъ именемъ Бенедикта XII (1334—42 г.), въ міру носилъ имя Жана Фурнье, а послѣ былъ епископомъ авиньонскимъ. Онъ сталъ покорной креатурой Филиппа уже

потому, что былъ французъ по происхожденію. Но даже и онъ плакалъ передъ нѣмецкими послами и жаловался на полную зависимость во всѣхъ мелочахъ отъ французскаго короля. Такимъ же былъ и Климентъ VI (1342—52 г.), бывшій архіепископъ руанскій. Крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ французскій король авиньонскихъ папъ. По его приказанію папа не снималъ отлученія съ императора и поэтому семь нѣмецкихъ посольствъ не имѣли успѣха, хотя императоръ открыто заявилъ желаніе примириться съ папой, такъ какъ ссора эта была неудобна для имперіи, внося въ нѣдра ея постоянные раздоры.

Во всякомъ случаѣ въ виду этихъ обстоятельствъ надо было опасаться вліянія Франціи на внутреннія дѣла Германіи. Курфюрсты видѣли, что Людвигъ теряетъ голову отъ этихъ интригъ. Къ тому же Фридрихъ Австрійскій умеръ въ 1330 году. Теперь курфирстамъ самимъ предстояло взяться за дѣло. Недалеко отъ Кобленца, въ Ренсе, на берегу Рейна состоялся съѣздъ избирателей, извѣстный подъ именемъ „перваго избирательнаго собранія". Здѣсь избиратели дали другъ другу торжественную клятву — соединенными силами единодушно и крѣпко защищать священную Римскую имперію. Такимъ образомъ Германія въ первый разъ проявила національный принципъ, возставъ противъ всякихъ посягательствъ на свои права, честь и свободу. Здѣсь же, а потомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, было провозглашено, что всякая свѣтская власть дается Богомъ, а не папой, и что всякій избранный въ императоры будетъ признаваться таковымъ въ силу одного избранія безъ выраженія папскаго согласія; то было сверженіе тѣхъ узъ, которыя были наложены на короны Европы еще въ VIII столѣтіи.

Это было смѣлое рѣшеніе вопроса о преобладаніи властей и полное сверженіе церковнаго, папскаго вліянія на государственныя дѣла Германіи. Тогда же минориты призывали всѣхъ на вселенскій соборъ для выслушанія жалобъ на папу. Эти два событія, т. е. паденіе папской власти въ Германіи и провозглашеніе формулы о превосходствѣ собора передъ папою могутъ считаться одними изъ важнѣйшихъ событій въ XIV вѣкѣ. Мы послѣ остановимся на этомъ предметѣ; теперь будемъ продолжать изложеніе англо-французскихъ отношеній.

Въ то самое время, какъ католическій міръ былъ потрясенъ раздорами внутри Церкви и побѣдой свѣтской власти

надъ духовной, — предпріимчивый французскій король Филиппъ VI продолжалъ преслѣдовать свои цѣли и планы, которыя ему казались личнымъ дѣломъ. Онъ ищетъ завоеваній не ради блага своего народа, какъ дѣлали его предшественники, и мало сознаетъ патріотическіе интересы націи, разумѣя подъ Франціей однихъ только рыцарей; по крайней мѣрѣ такъ понималъ дѣло его современникъ, историкъ Фруассаръ. Филиппъ VI не останавливается ни предъ какими средствами. Въ такой политикѣ нельзя не узнать пріемовъ его дяди. Онъ требуетъ отъ Бенедикта XII, чтобы тотъ предоставилъ ему въ пользованіе папскіе доходы съ французскаго духовенства въ продолженіе 10 лѣтъ, вмѣстѣ съ десятиною, собираемой на войну противъ невѣрныхъ. Можно представить себѣ, что вышло бы, если бы папа согласился на это требованіе. Это значило подвергнуть контролю и юрисдикціи короля и французскихъ агентовъ всю Европу. Средства требовались Филиппу для подавленія возстанія во Фландріи и для борьбы съ Эдуардомъ III, который предъявлялъ столько же претензій на французскій престолъ, сколько Филиппъ VI на тронъ англійскій.

Регентство Изабеллы въ Англіи.

Послѣ Эдуарда II Англіей правила Изабелла, руководимая своимъ фаворитомъ Мортимеромъ. Чтобы обезопасить себя съ сѣвера и тѣмъ обезпечить границы отъ внезапныхъ набѣговъ шотландцевъ, королева заключила съ послѣдними невыгодный миръ, признавъ Роберта I королемъ шотландскимъ. Сынъ Роберта Давидъ III, наслѣдовавшій черезъ годъ своему отцу, былъ помолвленъ съ дочерью англійской королевы. Отъ этого союза ждали мирнаго разрѣшенія обострившагося вопроса, грозившаго нескончаемой войной.

Эдуарду III не было даже 18 лѣтъ; онъ вполнѣ еще зависѣлъ отъ матери и ея фаворита, когда французскій король Филиппъ VI потребовалъ къ себѣ молодаго короля для принятія присяги за Гіеннь и Пуату. Изабелла долгое время не пускала его, говоря, что сынъ короля не унизится предъ сыномъ графа, намекая на то, что Филиппъ VI овладѣлъ французскимъ престоломъ, не будучи королевской крови. Когда свиданіе состоялось, то Эдуардъ III, затмившій блескомъ своей свиты французскаго короля, своего сюзерена, долженъ былъ подчиниться унизительному обряду присяги. Это породило въ немъ злобу противъ Франціи и гордаго ея повелителя, что и сказалось въ послѣдующихъ событіяхъ.

Устраненіе Изабеллы въ 1329 г.

По возвращеніи въ Англію, Эдуардъ III рѣшился сбросить съ себя власть матери и ея фаворита. Хотя дядя его Эдмундъ Кентскій раньше пытался организовать заговоръ въ его пользу, но заговоръ этотъ былъ открытъ. Эдмундъ былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму и потомъ казненъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей законнаго, хотя и несправедливаго суда пэровъ. Эдуардъ вступилъ въ соглашеніе съ Ланкастеромъ и велѣлъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя изрекли приговоръ надъ Эдмундомъ, схватить Мортимера и приговорить его къ висѣлицѣ. Мать кончила жизнь въ уединеніи спустя 28 лѣтъ, подъ строгимъ присмотромъ тюремщиковъ, хотя сынъ оказывалъ ей знаки почтенія.

За тѣмъ молодой король развернулъ свою силу, отвагу и предпріимчивость. Отъ одного предпріятія онъ кидался къ другому и вездѣ оставлялъ славу счастливаго героя. Его образъ олицетворялъ собою рыцарство ([1]). Можно сказать, что XIV столѣтіе, время войнъ по преимуществу, не имѣло болѣе подвижнаго и смѣлаго рыцаря. Эдуардъ, какъ король, дѣйствовалъ осмысленно, имѣя въ перспективѣ благосостояніе своего государства; этимъ онъ превосходилъ Филиппа, который кичился быть честнымъ рыцаремъ, но который отличался жестокимъ характеромъ и неразборчивостью средствъ.

Отношенія Эдуарда III къ Шотландіи.

Эдуардъ III обезопасилъ себя со стороны Шотландіи. Пользуясь молодостью короля шотландскаго, онъ вызвалъ другаго претендента, Эдуарда Балліоля, сына упомянутаго нами ранѣе короля Іоанна шотландскаго. Эдуардъ III частью достигъ цѣли: онъ посадилъ на шотландскій престолъ Балліоля, а Давидъ лишился своего достоянія, но такъ какъ Балліоль, по договору съ Эдуардомъ III, долженъ былъ уступить Англіи лучшія южныя шотландскія провинціи, то это послужило въ будущемъ постояннымъ поводомъ къ возобновленію борьбы Англіи съ Шотландіей. Шотландская аристократія, свѣтская и духовная, продолжала сношенія съ французскимъ королемъ и папой, которые, какъ друзья между собою, не переставали оказывать содѣйствіе шотландцамъ. Горцы шотландскіе производили

([1]) Монографіи: Barnes (H. of Edward III together with that of Edward the Black Prince. Cambr. 1688). R. Howard (L. 1690). Avesbury (изд. Hearne, Ox. 1728). Kervyn de Lettenhove, Froissart, Edouard III et le comte de Salisbury (Br. 1853, и въ Bulletins de l'Acad. de Belgique).

безпрерывные набѣги на Англію; вслѣдствіе чего Эдуардъ III не могъ сосредоточиться на дѣлахъ континента. Шотландскія дѣла постоянно тревожили его и отвлекали. Между тѣмъ онъ предпринялъ трудную борьбу съ французскимъ королемъ. Оба государя и оба народа въ этой борьбѣ были невольными выразителями историческихъ стремленій Англіи и Франціи войти въ границы своей національности; эти стремленія были вполнѣ понятны.

Смыслъ и поводы столѣтней борьбы.

Феодальное право прихотливо ставило государственныя границы и націи въ странныя отношенія Сюзеренъ бывалъ иногда вассаломъ менѣе сильнаго владѣтеля; часто сюзеренъ былъ вассаломъ своего собственнаго вассала; принимая присягу отъ вассала, онъ въ тоже время самъ давалъ ему присягу за свои владѣнія, находившіяся въ срединѣ владѣній вассала. Границъ такимъ образомъ не было; надо было имѣть громадную память, хранить много актовъ и всякихъ записей. чтобы предъявлять притязанія на земли, а никакой статистики при такой путаницѣ не могло и существовать. Черезполосицы были на каждомъ шагу; каждое неосторожное распоряженіе двухъ порубежныхъ владѣтелей могло вызвать между ними войну, которая затягивалась на нѣсколько поколѣній. Такой порядокъ не могъ существовать долго: его слѣдовало замѣнить другимъ. Въ такомъ-то ненормальномъ отношеніи находился англійскій король къ французскому по своимъ наслѣдственнымъ и дарственнымъ владѣніямъ въ Гіенни и Пуату. За эти владѣнія англійскій король считался первымъ вассаломъ короля французскаго, а послѣдній, понятно, могъ кичиться тѣмъ, что ему повинуется не только Эдуардъ, но весь народъ англійскій. Понятно, что французскому государю хотѣлось всецѣло подчинить королей Англіи; въ свою очередь аналогичное стремленіе руководило и честолюбивымъ Эдуардомъ III. Основываясь на родствѣ своей матери Изабеллы, дочери Филиппа IV Красиваго, онъ считалъ себя въ правѣ наслѣдовать всю французскую территорію, всѣ земли французскаго короля, потому что онъ былъ внукомъ Филиппа IV, имя котораго было громко во Франціи. Тѣ, которые боролись прежде за права феодальныя, въ сущности боролись уже за новое начало, за округленіе границъ. Такимъ образомъ вмѣсто феодальныхъ идей выступаютъ на сцену начала національныя и территоріальныя; вотъ въ

чемъ состоялъ великій смыслъ такъ называемой столѣтней французской борьбы. Она началась, какъ всегда, изъ-за мелочныхъ претензій и случайностей.

Въ 1334 году къ англійскому двору явился молодой графъ Артуа, претендовавшій на то, что французскій король лишилъ его принадлежавшихъ ему владѣній. Эдуардъ III укрылъ бѣглеца отъ преслѣдованій французскаго правительства, потому что онъ былъ нуженъ ему для борьбы во Фландріи, гдѣ произошло возстаніе противъ французскаго короля.

Людовикъ, графъ Фландріи, вывелъ фламандцевъ изъ терпѣнія своимъ постояннымъ деспотизмомъ, вслѣдствіе чего въ Гентѣ вспыхнуло возстаніе, распространившееся вскорѣ и на другіе республиканскіе города Фландріи. Во главѣ этого возстанія стоялъ богатый купецъ Жакъ д'Артевель, уроженецъ Гента. У него были большія связи съ землевладѣльцами и торговцами по продажѣ и закупкѣ хлѣба. Когда графъ былъ изгнанъ, Жакъ захватилъ всю власть въ свои руки, окружилъ себя наемной стражей, хотя управлялъ лишь какъ уполномоченный народный. Эдуардъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе; въ свою очередь д'Артевель убѣждалъ своихъ сторонниковъ поддерживать англійскаго короля и имѣть общіе съ послѣднимъ интересы.

Англичане во Фландріи. Въ это самое время Эдуардъ III выработалъ сложную политическую комбинацію; онъ устроилъ союзы въ Европѣ противъ Франціи, не жалѣлъ денегъ, платилъ Женевѣ, Генуѣ; платилъ сицилійскому королю, Нидерландамъ; платилъ императору и получилъ за деньги званіе императорскаго викарія зарейнскихъ областей. Тогда уже, какъ говоритъ Фруассаръ, по совѣту приближенныхъ, ссылаясь на права матери Изабеллы, онъ провозглашаетъ себя королемъ Франціи, отказываясь признавать Филиппа VI своимъ сюзереномъ, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе салическаго закона, который-де непримѣнимъ къ вопросу о престолонаслѣдіи и подвергая сомнѣнію право Филиппа на французскій престолъ. Изъ зарейнскихъ областей онъ предпринялъ походъ на Францію. Въ 1339 году, въ началѣ предпріятія, Эдуардъ далеко не былъ счастливъ. Напрасно опустошивъ окрестности Камбре, онъ отступилъ; но въ 1340 году одержалъ верхъ надъ французами въ кровопролитномъ сраженіи близъ береговъ Фландріи. Замѣчательно, что здѣсь сошлись не французскіе корабли съ англійскими, а генуэзскіе

съ фламандскими; генуэзцы были наняты французскимъ королемъ, а фламандцы—англійскимъ. Фламандцы смотрѣли на дѣло англичанъ какъ на близкое имъ и патріотическое дѣло. Двухъ сотенъ французскихъ и генуэзскихъ галеръ—какъ не существовало; до 30 тысячъ человѣкъ было убито и потонуло. Никогда не было такого ужаснаго побоища на морѣ.

Эдуардъ III, несмотря на побѣду, заключилъ перемиріе, при посредствѣ паскихъ легатовъ. Это не помѣшало ему однако поддерживать въ Бретани агитацію, враждебную Филиппу и принять сторону Іоанна де-Монфора, который явился законнымъ претендентомъ на бретанское герцогство. Выступая на борьбу противъ французскихъ принцевъ, французскій король, назначивъ правителемъ Бретани своего племянника Карла де-Блуа, занялъ Бретань войсками и взялъ Монфора въ плѣнъ; но за него борется жена его, которая оказалась хорошимъ воиномъ. Борьба между французской и туземной партіями разгорѣлась. Узнавъ, что Эдуардъ тайно привлекъ на свою сторону самыхъ могущественныхъ рыцарей Бретани, Филиппъ велѣлъ схватить десятерыхъ изъ нихъ и казнить безъ всякаго суда. Это былъ предлогъ для Эдуарда нарушить перемиріе и англичане ворвались во Францію въ 1345 году съ трехъ сторонъ. Одна армія, подъ начальствомъ графа Нортгемптона, стала дѣйствовать въ Бретани, гдѣ Карлъ де-Блуа попался уже въ плѣнъ англичанамъ, а страна осталась въ рукахъ двухъ женщинъ— Монфоръ и Блуа, продолжавшихъ дѣло своихъ мужей. Вторая армія, подъ начальствомъ самого Эдуарда, собиралась ударить изъ Фландріи, но не успѣла, потому что Эдуарду приходилось умиротворять политическія партіи въ Гентѣ, гдѣ погибъ знаменитый Артевелль; это обстоятельство заставило Эдуарда покинуть Фландрію, потому что мѣстное ополченіе служило только съ цѣлью охраны. Надо было ждать новаго ополченія, которое и выступило въ слѣдующемъ году, съ англійскими рыцарями во главѣ. Третья армія 1345 года, подъ начальствомъ Генриха Дерби, вела войну въ Гіенни, въ южной Франціи. Дерби дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ; въ слѣдующемъ году онъ взялъ всѣ укрѣпленныя мѣста въ Гіенни и восторжествовалъ повсюду.

Бретанскій вопросъ.

Походъ англичанъ на Парижъ.

Лѣтомъ 1346 года самъ король съ 15-лѣтнимъ своимъ сыномъ Эдуардомъ, прозваннымъ Чернымъ принцемъ за свои черные доспѣхи, спѣшилъ къ Дерби на помощь, думая нанести ударъ въ центрѣ французскихъ владѣній, но судьба рѣшила иначе. По словамъ Фруассара, буря отнесла англійскій флотъ отъ береговъ Гіенни къ берегамъ Нормандіи; эта случайность оказалась полезною; можетъ быть она была дѣломъ хитрости, какъ думаютъ позднѣйшіе историки. Нормандія не была защищена. Быстро прошли эту область отборныя англійскія войска, взяли Кале, проникли въ Иль-де-Франсъ, наконецъ явились въ виду Парижа со стороны Булонскаго лѣса. Только тогда французскій король приготовился къ сраженію. Онъ собралъ 8 тысячъ рыцарей и 60 тысячъ пѣхотинцевъ, въ числѣ которыхъ было 10 тысячъ генуэзскихъ стрѣлковъ, которые тогда превосходили англійскихъ. Эдуардъ имѣлъ гораздо меньше силъ, при томъ исключительно пѣшее войско постепенно вытѣснявшее рыцарство. Такимъ образомъ предстояло *французскимъ* рыцарямъ сразиться съ *англійскимъ* народомъ.

Порохъ и пушки.

Англичане давно обогнали французовъ въ военномъ дѣлѣ; они уже примѣняли порохъ къ стрѣльбѣ и имѣли новыя огнестрѣльныя орудія. То были большіе мушкеты; вслѣдствіе тяжести ихъ не могли носить, а возили на лошадяхъ. Вообще англійская армія представляла нѣчто необычайное въ средневѣковой военной исторіи. Она была не только хорошо вооружена, но прекрасно организована и дисциплинирована; впервые въ рядахъ ея были спеціальныя военныя части, какъ стрѣлковыя и инженерныя; особыя лица завѣдывали ея довольствіемъ. Она была снабжена обозомъ, наполненнымъ запасами всякаго рода. То былъ прототипъ будущихъ европейскихъ армій, первый опытъ правильной военной организаціи, выдержавшей, какъ доказали послѣдствія, блестящее испытаніе. Примѣненіе же къ стрѣльбѣ пороха,—изобрѣтеніе котораго неправильно приписывалось нѣкоему францисканцу Константину Анклицену (въ монашествѣ Бертольду „Черному“),—дѣлало первое время англичанъ неодолимыми и побѣдоносными ([1]). Несмотря на все это Эдуардъ не

([1]) Собственно время изобрѣтенія пороха, открытаго можетъ быть совершенно случайно, представляется невыясненнымъ. Взрывчатое дѣйствіе

рѣшался вступить въ бой; онъ находился въ невыгодной пересѣченной мѣстности, гдѣ было легко попасть въ безвыходное положеніе. Онъ сталъ осторожно отступать, выбирая позицію болѣе выгодную для принятія битвы. Французы, не обращая ни на что вниманія, неотступно преслѣдовали его съ такою стремительностію и пылкостью, что Эдуардъ долженъ былъ невольно остановиться при Креси.

Битва при Креси въ 1346 году.

Здѣсь онъ рѣшился принять вызовъ (¹). Филиппъ же сталъ колебаться; ему всѣ опытные воины совѣтывали не дѣлать нападенія, такъ какъ во время движенія французовъ къ Креси шелъ безпрерывный дождь и размочилъ тетивы на лукахъ генуэзскихъ стрѣлковъ; но пылкіе бароны не согласились откладывать битву. Когда генуэзцы отказались стрѣлять, такъ какъ ихъ луки не дѣйствовали, то французскіе рыцари помчались чрезъ нихъ на англичанъ; не сообразивъ мѣстности, они подставили себя подъ тучи англійскихъ стрѣлъ и сильный артиллерійскій огонь, впервые раздавшійся на полѣ битвы. Не столько стрѣлы, сколько пушки произвели потрясающую панику въ рядахъ французовъ, которые были разбиты на голову. Не только Эдуардъ, но и его сынъ оказались искусными вождями въ этой битвѣ. Во французской арміи находился старый, слѣпой король чешскій Іоаннъ; услыхавъ, что битва проиграна, онъ попросилъ своихъ рыцарей привязать его коня къ ихъ конямъ, потомъ вмѣстѣ

состава изъ селитры, сѣры и угля было извѣстно во всякомъ случаѣ задолго ранѣе индусамъ и китайцамъ, отъ которыхъ въ IV вѣкѣ порохъ проникъ къ римлянамъ, употреблявшимъ этотъ составъ для потѣшныхъ огней. Въ концѣ VII вѣка византійцы пользовались греческимъ огнемъ, который переняли арабы. Очень можетъ быть что въ половинѣ XIII вѣка ученые Альбертъ Великій и Рожеръ Бэконъ (II, 551) знали составъ пороха. Но дѣло въ томъ, что только въ половинѣ XIV столѣтія (какъ заключаетъ Фавэ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи) порохъ былъ такъ рѣшительно приложенъ къ военнымъ цѣлямъ, такъ какъ хроники констатируютъ употребленіе пороха для стрѣльбы съ самого начала англо-французской войны. Заслуга Бертольда можетъ относиться только — и то по преданію — къ примѣненію секрета къ огнестрѣльнымъ орудіямъ, что имѣло неисчислимыя послѣдствія.

(¹) John Bree. Sketch of the kingdom of England during the XIV century, with a particular account of the campaign of Edward III in 1345 and 1346, L. 1791.

съ ними врубился въ густую толпу непріятелей и былъ убитъ; его знамя, украшенное страусовыми перьями съ девизомъ „служу", было помѣщено Чернымъ принцемъ на щитѣ и донынѣ сохраняется въ гербѣ принцевъ Валлійскихъ. По Фруассару французы потеряли 30 тысячъ пѣшихъ, 1200 конныхъ и 12 знаменитыхъ пэровъ. Во всякомъ случаѣ пораженіе французовъ было страшное и добыча англичанъ громадна; кромѣ того Эдуардъ получилъ впослѣдствіи значительный выкупъ за множество знатныхъ плѣнниковъ. Послѣ побѣды при Креси Эдуардъ повернулъ во Фландрію, гдѣ на слѣдующій годъ взялъ Кале послѣ одиннадцатимѣсячной осады. Ожесточенный долгимъ сопротивленіемъ, Эдуардъ обрекъ на гибель защитниковъ этого города, но, по свидѣтельству Фруассара, граждане разжалобили англичанъ, явившись къ нимъ съ веревками на шеѣ. Изгнавъ оттуда многихъ жителей, Эдуардъ замѣстилъ ихъ англичанами, которымъ отдалъ покинутые дома и земли. Англичане удерживали за собой Кале цѣлыхъ 200 лѣтъ. Также успѣшно они дѣйствовали на Югѣ, гдѣ покорили Пуатье, Лиможъ, Бурбонэ, — всю страну между Луарой и Гаронной. Въ Бретани они имѣли также успѣхъ; вассалы французскаго короля переходятъ подъ власть англійской короны. Фландрія снабжала короля деньгами. Франція была такимъ образомъ въ ужасномъ положеніи и рада была перемирію, которое съ 1347 года было продолжено до 1351 года, при содѣйствіи папскихъ легатовъ. Французскій король думалъ поправить свои финансы налогами, но неумѣло. Онъ установилъ налогъ на соль, изобрѣлъ новыя пошлины, сталъ взимать подать съ промысловъ, наложилъ на духовенство десятину; но все это давало мало. Къ довершенію всѣхъ несчастій явилась чума, о которой Фруассаръ отзывается лаконически, заявляя, что отъ нея „погибла почти третья часть жителей нашей планеты".

Императоръ Карлъ IV (1346-78 г.).

Тогда имперія перестала быть центромъ исторіи, а Италія перестала для имперіи имѣть то притягательное обаяніе, которое было присуще ей. Еще императоръ Людвигъ былъ отлученъ папами Бенедиктомъ XII и Климентомъ VI, но надо знать, какіе были папы въ то время, чтобы не придавать большаго историческаго значенія образу ихъ дѣйствій. Для характеристики Бенедикта XII довольно того, что когда узнали о выборѣ его, то говорили, что выбрали осла. Въ его время сло-

жилась не даромъ поговорка: „пьянъ, какъ папа“. Хотя въ его время и волновались чисто-церковными спорами и хотя тогда былъ рѣшаемъ вопросъ о Божественномъ лицезрѣніи по минованіи чистилища, но подобные дебаты и каноны не мѣшали приниженію папства. Авиньонскіе папы не пользовались прежнимъ значеніемъ даже помимо своихъ личныхъ качествъ уже потому, что были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ французскихъ королей. Климентъ VI, преемникъ Бенедикта, былъ французъ родомъ. Онъ враждовалъ съ императоромъ, несмотря на то, что Людвигъ отправилъ немедленно къ новому папѣ посольство. Въ Авиньонѣ прогнали императорскихъ пословъ, отклонивъ вмѣстѣ съ тѣмъ посредничество французскаго короля. Людвигъ хотѣлъ опереться на имперскіе города въ борьбѣ съ феодалами, но этимъ вооружилъ противъ себя послѣдняго сына чешскаго короля Яна. Князья въ 1346 году избрали императоромъ Карла, сына чешскаго короля Яна, маркграфа Моравіи (1).

Онъ получилъ воспитаніе въ Парижѣ, при французскомъ дворѣ, и оставался чуждымъ Германіи, особенно при жизни Людвига. Когда послѣдній въ 1347 году умеръ на медвѣжьей охотѣ близь Мюнхена, то казалось, что положеніе Карла IV должно было получить нѣкоторую прочность. Тѣмъ не менѣе противъ него продолжалъ дѣйствовать баварскій домъ, который пріобрѣлъ Бранденбургъ и Тироль. При помощи майнцскаго архіепископа и другихъ князей, этотъ домъ постоянно старался выставлять антиимператора. Наконецъ нашли охотника. Чешскій король окончательно короновался императорской короной. Впервые на императорскомъ престолѣ сидѣлъ король изъ презираемой нѣмцами славянской народности. Карлъ безспорно былъ замѣчательною личностью, но лишь только по отношенію къ своему отечеству. Въ Чехіи онъ покровительствовалъ литературѣ и искусству; для Германіи же ничего не дѣлалъ. Довольно взглянуть на

---

(1) Procop Lupać z Hlavaczowa, Hist. o cisari Karlovi, krále Českem (Pr. 1584, изд. Ганки въ Прагѣ 1849). Pelzel, G. Kaiser Carls IV (Pr. 2 v. 1780). Palacky, Dejiny národu Českeho (Pr. 1876, d. II, č. 2). Werunsky, Karl IV und seine Zeit, Inns. 1880. Schirrmacher, Die Entstehung des Fürstenkollegiums, B. 1884. Menzel. Die ital. Politik Karls IV (1355—68), H. 1881. Friedjung, Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit, W. 1876.

остатки средневѣковыхъ памятниковъ въ Прагѣ и ея окрестностяхъ, чтобы судить о великолѣпіи тогдашней столицы чеховъ, которое было дѣломъ Карла. Въ славянскомъ городѣ — столица германской имперіи. Все чешское стало въ модѣ. Карлъ не думалъ теперь порабощать чеховъ нѣмецкому вліянію, но напротивъ старался по возможности выдвинуть чеховъ. Онъ презиралъ Ахенъ, Шпейеръ, Кельнъ и другіе города, думая лишь о своей родной столицѣ. Недалеко отъ Праги и теперь можно увидѣть этотъ величавый, громадный дворецъ, построенный на манеръ итальянскихъ готическихъ палаццо, съ роскошными садами, въ которомъ жилъ императоръ. Одинъ изъ чешскихъ монастырей былъ посвященъ для пропаганды славянскаго богослуженія; тамъ жили тѣ монахи, которые списали Кирилловскія книги болгарской и сербской редакціи и молились по нимъ въ своихъ церквахъ; тамъ готовились будущіе славянскіе пропагандисты для всей Чехіи.

Карлъ по справедливости назывался отцемъ Чехіи и вотчимомъ Германіи. Онъ не заботился объ интересахъ имперіи; онъ продавалъ графскіе и герцогскіе титулы мелкимъ владѣльцамъ; онъ былъ причиной ропота и негодованія. Несчастія тогда обильно посѣщали Германію. Голодъ, чума, проказа, землетрясеніе стали обыкновенными явленіями XIV столѣтія.

Моръ и бичующіеся. Лѣтописцы особенно упоминаютъ о сильной эпидеміи, подъ которой надо понимать черную оспу. Тѣло зараженнаго сначала покрывалось черными шишками и черезъ три дня, а иногда и скорѣе слѣдовала смерть. Въ большихъ городахъ умирающіе считались сотнями и тысячами. Путешественники, проѣзжавшіе изъ Италіи за Альпы и особенно въ Чехію, находили цѣлыя селенія и города, полные мертвыхъ; не было хижины, въ которой не было-бы хотя одного умершаго. Въ иныхъ мелкихъ городахъ вымерло все населеніе; въ большихъ половина, а въ Страсбургѣ, напримѣръ 16 тысячъ. Это невольно побуждало народъ къ покаянію. Всѣ хотѣли очиститься покаяніемъ отъ грязи разврата. Тогда всюду стали являться такъ называемые flagellantes, т. е. бичующіеся, которые обнажали спину и сами били себя узловатыми веревками до изнеможенія; даже дѣти предавали себя этому истязанію, которое послѣ „казалось будто пріятнымъ“. Приходилось весьма энергично обуздывать это подвижничество. Предоставимъ

говорить объ этомъ хроникамъ ([1]):

«Увидѣвъ великое бѣдствіе отъ мора, люди впали въ великое раскаяніе о своихъ грѣхахъ и стали каяться, какъ сами хотѣли, а папу и святую Церковь не призывали на помощь и совѣтъ, что было большою глупостью, неосмотрительностью и небреженіемъ о своихъ душахъ; и собирались люди въ города и селенія, ходили съ бичами сто, двѣсти, триста человѣкъ или сколько соберется; и проводили они время такъ, что партіей ходили съ бичами 30 дней изъ города въ городъ и носили кресты и хоругви, какъ въ церковной процессіи со свѣчами; и когда они приходили въ городъ, то шли процессіей по два въ рядъ, а въ церкви были въ шапкахъ, на которыхъ спереди былъ нашитъ красный крестъ; и каждый держалъ передъ собою свой бичъ; и пѣли они свои пѣсни покаянія. И когда они приходили въ церковь, то становились на колѣна и пѣли: Іисусъ былъ напоенъ оцтемъ ([2]), потому припадемъ ко Кресту.

«Iesus ward gelabet mit Gallen:
«Dess sollen wir an ein Creutze fallen!

«При этихъ словахъ падали они всѣ на землю, растянувъ руки крестообразно, такъ что громко стукались и лежали такъ нѣсколько времени, а потомъ ихъ запѣвало начиналъ: «Воздѣньте ваши руки, чтобы Богъ отвратилъ этотъ великій моръ: воздѣньте ваши руки, чтобы Богъ смиловался надъ нами».

«Потомъ они вставали; и дѣлали такъ три часа. А когда они вставали въ послѣдній разъ, то приходили горожане и приглашали къ себѣ бичующихся, иной четверыхъ, другой шестерыхъ или семерыхъ, и угощали ихъ до ночи. По утру они уходили процессіей съ крестами въ другой городъ.

«И такое было у нихъ правило: кто хотѣлъ поступить въ ихъ братство и покаяніе, долженъ былъ оставаться въ немъ 33 дня и для того долженъ былъ имѣть столько денегъ, чтобъ у него было для расхода по четыре пфенига на день; и потому они не должны были ничего ни у кого просить или требовать, и не входить ни въ какой домъ иначе, какъ если ихъ пригласятъ и приведутъ безъ ихъ просьбы. И должны были они не говорить ни съ какой женщиной, а кто это нарушалъ, тотъ становился на колѣна передъ своимъ наставникомъ и исповѣдывалъ ему, и наставникъ налагалъ на него эпитимію и билъ его бичомъ по спинѣ и говорилъ: «Возстань честью чистаго страданія и остерегайся отъ дальнѣйшихъ грѣховъ».

([1]) Пользуемся извлеченіемъ Вебера. Всеобщая Исторія; пер. Андреева; VIII, 167—9.

([2]) Оцетъ, т. е. уксусъ (Еванг. Іоанна, XIX, 29).

«Имѣли они также законъ, что могли быть между ними священники; но ни одинъ священникъ не могъ быть у нихъ наставникомъ и подавать голосъ на ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ. Когда они хотѣли совершить покаяніе (такъ они называли бичеваніе, а это было у нихъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ), то шли они въ поле; въ это время звонили въ колокола, и они шли по два и пѣли свою пѣсню; и пришедши на мѣсто бичеванія, они раздѣвались до пояса и разувались, а надѣвали они бѣлую одежду, которая шла отъ пупа до ступни ногъ и ложились большимъ кругомъ; а ложились каждый тѣмъ способомъ, какой слѣдовалъ по его грѣхамъ. Если кто былъ клятвопреступный злодѣй, то ложился на бокъ и протягивалъ три пальца; они ложились разными манерами по грѣхамъ, чтобы видно было, какой грѣхъ кто сдѣлалъ; и когда они возлягутъ такъ, то начиналъ ихъ наставникъ, съ какого изъ нихъ хотѣлъ, и кричалъ надъ нимъ и билъ его своимъ бичомъ и говорилъ: «Возстань честью чистаго страданія и остерегайся отъ дальнѣйшихъ грѣховъ».

«Такъ шелъ онъ надъ ними всѣми; и надъ кѣмъ онъ пройдетъ, тотъ вставалъ и шелъ за наставникомъ надъ лежащими впереди его, пока всѣ встанутъ; и тогда они пѣли и бичевали себя ремнями, у которыхъ на концѣ были узлы. И послѣ этого бичеванія и пѣнія одинъ изъ нихъ читалъ посланіе, о которомъ они говорили, что его принесъ ангелъ съ неба; въ этомъ посланіи было написано, что Богъ разгнѣвался на грѣхи міра и хотѣлъ погубить его, но Мать Божія и ангелы просили его, чтобъ онъ смиловался надъ міромъ, и много другого было въ этомъ посланіи; и по прочтеніи его они шли опять въ городъ съ пѣніемъ по два въ рядъ за своими хоругвями и свѣчами.

«И когда они бичевались, то было большое стеченіе людей, и народъ вѣрилъ, что это посланіе сошло съ неба и что правда все, что они говорятъ. А когда священники спрашивали, почему же можно знать, что хожденіе съ бичеваніемъ дѣло хорошее и кто запечатлѣлъ это посланіе, то они отвѣчали: тотъ, кто запечатлѣлъ Евангеліе. Такъ они убѣждали народъ и онъ вѣрилъ бичующимся больше, чѣмъ священникамъ; и когда они ходили по городамъ, то присоединялось къ ихъ братству много людей, которые дѣлались тоже бичующимися. Въ Страсбургѣ больше 1.000 человѣкъ присоединились къ ихъ обществу и они раздѣлились; часть пошла вверхъ по Рейну, а часть внизъ. И поступало столько людей въ ихъ братство, что стало непріятно папѣ, императору и духовенству. И императоръ написалъ папѣ, чтобъ онъ сдѣлалъ что нибудь противъ этого, иначе бичующіеся обратятъ къ себѣ всѣхъ; потому что они принимали на себя большую святость и говорили, что совершаются черезъ нихъ большія знаменія. Послѣ мужчинъ поднялись и женщины и дѣти, ходили изъ города въ городъ и би-

чевались. Наконецъ папа запретилъ имъ хожденіе и велѣлъ всѣмъ епископамъ отмѣнить и запретить его въ своихъ епархіяхъ, предписавъ, что кто хочетъ бичеваться, тотъ долженъ бичеваться наединѣ въ своемъ домѣ, сколько пожелаетъ. Такъ кончилось хожденіе бичующихся, продолжавшееся полгода».

Когда прошло одно эпидемическое бѣснованье, началось другое. Католики задумали тогда исцѣлиться другимъ способомъ; они обрушились на жидовъ. Какъ нельзя было прежде удержать бичующихся, такъ нельзя было удержать теперь бѣшенства противъ евреевъ. Католики въ Германіи распустили слухъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ евреевъ. Особенно сильное гоненіе было въ Швейцаріи и Германіи. Наконецъ сами прелаты должны были вступиться за евреевъ, такъ какъ послѣдніе были самыми аккуратными плательщиками.

Чехія не испытывала этихъ бѣдствій въ такой мѣрѣ, какъ другія части имперіи.

Реформа суда въ Чехіи.

Чехія сознавала свою силу, видя своего государя во главѣ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не расположена была уступать императору. Когда Карлъ IV задумалъ наградить своихъ подданныхъ новымъ болѣе суровымъ правомъ, имѣвшимъ замѣнить право обычное,—совѣтники императора выработали такъ называемое Majestas Carolina, уложеніе, обоснованное на началахъ римскаго права. Въ силу этого проекта судъ вышелъ бы изъ рукъ народа и сталъ бы предметомъ вѣдѣнія чиновниковъ назначенныхъ императоромъ. Предполагалось провести проектъ черезъ сеймъ чешскихъ сословій, созванный въ Прагѣ. Но сеймъ категорически высказался противъ основаній судебной реформы. Императоръ долженъ даже былъ дать обязательство уважать впредь права своихъ подданныхъ и удовольствовался только мелочными измѣненіями въ организаціи и отправленіи судебныхъ учрежденій въ своей родной странѣ. Это было въ сентябрѣ 1355 года.

Золотая булла и ея значеніе.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ открылись засѣданія германскихъ чиновъ въ Нюренбергѣ. Здѣсь были выработаны основанія имперскаго государственнаго строя, которыя были оповѣщены въ особой грамотѣ съ золотою печатью. Эта грамота, обнародованная въ январѣ 1356 года въ Нюренбергѣ и потомъ въ исправленномъ видѣ вторично въ Мецѣ въ день Рож-

дества того же года, называется Золотою буллою (bulla aurea). Ея окончательная редакція принадлежитъ фонъ-Неймарку и Рудольфу фонъ-Фридбергу.

Значеніе этого законодательнаго акта опредѣляется не имъ самимъ, а его отношеніемъ къ предшествовавшимъ историческимъ фактамъ. Мы уже упоминали (II, 668), какъ и когда избраніе императоровъ Священной имперіи стало независимымъ отъ папскаго вліянія. Надо прибавить, что нѣкоторое время спустя во Франкфуртѣ былъ обнародованъ уставъ „о правѣ и достоинствѣ императора (constitutio de jure et excellentia imperii)"; въ этомъ актѣ было положительно заявлено, что самъ Богъ даетъ императорамъ ихъ власть безъ всякаго посредничества папы. Теперь оставалось только опредѣлить подробности избранія, что и выражено въ Золотой буллѣ. Право избранія предоставлялось семи курфюрстамъ, во главѣ которыхъ, конечно, стоялъ король чешскій; за нимъ слѣдовали: пфальцграфъ рейнскій, архіепископы: майнцскій, кёльнскій и трирскій, герцоги: саксенъ-виттенбергскій и маркграфъ бранденбургскій. Рейнскій пфальцграфъ считается императорскимъ викаріемъ въ случаѣ междуцарствія и судитъ въ Швабіи и Франконіи, а герцогъ саксенъ-виттенбергскій— въ земляхъ саксонскаго права, т. е. въ восточной Германіи, а также въ Баваріи и Австріи Архіепископъ майнцскій созываетъ избирателей въ случаѣ ваканціи императорскаго престола, а если онъ не исполнитъ этой своей законной обязанности, то курфюрсты собираются на выборы безъ приглашеній и приступаютъ къ выборамъ. Это устраняло возможность междуцарствія, а вмѣстѣ водворяло новый государственный порядокъ. Но еще важнѣе было провозглашеніе политической самостоятельности курфюрстовъ; они, за исключеніемъ духовныхъ князей, удерживали за собой наслѣдственную власть по праву первородства и стали настоящими неограниченными властителями, избавляясь отъ всякой зависимости. Населеніе областей, принадлежащихъ курфюрстамъ, лишенное права приносить жалобы императору, обратилось въ подданныхъ князей-избирателей. Курфюрсты получили право верховнаго суда въ своихъ владѣніяхъ: „privilegia de non evocando et de non appellando"; это значило, что императоры не могутъ требовать передачи судебныхъ дѣлъ на свое разсмотрѣніе и что тяжущіеся лишились права аппеляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрсты удержали за собою всѣ регаліи, прежде принадле-

жавшія императорамъ, какъ-то: монетную, горную, соляную, таможенную и подать съ евреевъ, проживавшихъ въ ихъ владѣніяхъ, что̀ прежде взималъ императорскій фискъ. Все чѣмъ прежде пользовались курфюрсты въ своихъ земляхъ (а это была бо̀льшая половина Германіи), какъ императорскіе фохты и намѣстники, теперь предоставлено было имъ лично и наслѣдственно. Власть императорская была ограничена и по принципу по всей остальной Германіи, а именно обязательствомъ ежегодно въ первый мѣсяцъ послѣ Пасхи совѣщаться съ коллегіей курфюрстовъ.

Послѣдствія Золотой буллы для судебъ Германіи и Священной имперіи были весьма осязательны. Они проявились въ *раздробленіи Германіи и въ ослабленіи императорской власти* въ самыхъ нѣдрахъ ея. Положимъ, что данныя для того и другаго явленія существовали издавна и коренились въ условіяхъ исторической жизни. Но то, что было результатомъ бездѣятельности верховной власти, частнаго безсилія, —стало фактомъ возведеннымъ въ законъ. Императоръ торжественно подписалъ актъ самоотреченія. Онъ думалъ только о сохраненіи своего обаянія въ городахъ, запрещая въ этихъ видахъ организацію городскихъ союзовъ. Національная идея, которая стала торжествовать въ западныхъ государствахъ, не могла найти себѣ надлежащаго мѣста въ Германіи вслѣдствіе расчлененія, обусловленнаго Золотой буллою.

За то этотъ законодательный актъ принесъ пользу Чехіи; здѣсь онъ содѣйствовалъ ея могуществу, укрѣпленію ея политической самостоятельности и упроченію національнаго сознанія. Всѣ чешскіе историки единодушно признаютъ, что время правленія короля Карла было золотой эрою для Чехіи, особенно для массы славянскаго населенія. Земледѣльцы большею частью получили въ долгосрочную аренду землю на точно обозначенныхъ письменныхъ договорныхъ условіяхъ, а многіе въ наслѣдственную собственность по выкупу. Въ земскихъ судахъ строго слѣдили за точностью исполненія условій между панами и крестьянами, находившимися подъ особою защитою короля. Золотая булла опредѣлила дальнѣйшія отношенія Чехіи къ имперіи, ссылаясь на старинныя соглашенія. Императоръ изъ привязанности къ своей родинѣ особымъ указомъ обязалъ сыновей курфюрстовъ и молодое поколѣніе нѣмецкой аристократіи учиться чешскому языку, какъ весьма полезному для пониманія государственныхъ отношеній и для управленія

имперіей, въ которой тогда Чехія занимала преобладающее положеніе. Конечно этотъ указъ былъ скоро отмѣненъ. Судьба не надолго дала въ руки чехамъ руководящую роль.

Той же Золотой буллою было дозволено чешскимъ и другимъ рыцарямъ записываться въ число горожанъ. Рядомъ съ этимъ по буллѣ воспрещалось нападать на сосѣдей безъ объявленія войны; это впрочемъ не исполнялось. Союзы рыцарей и городовъ вообще не позволялись и частныя войны не допускались. Въ буллѣ наблюдаемъ римскія вѣянія; римское право борется съ обычаемъ и надъ нимъ торжествуетъ. Обыкновенно упрекаютъ Карла за увеличеніе наслѣдственныхъ земель, но такъ поступали всѣ нѣмецкіе императоры, увеличивая свои родовыя земли насчетъ другихъ. Это дѣлалось для рода, для потомства, такъ какъ сами императоры обыкновенно передавали управленіе своими владѣніями родственникамъ. Второй бракъ доставилъ Карлу верхній Пфальцъ, а третій съ Анною Пфальцскою полосу сосѣдней Силезіи и нижнихъ лужичанъ (Лаузація). Такимъ-же способомъ онъ отнялъ у Баварскаго дома маркграфство Бранденбургское. Маркграфъ Оттонъ бранденбургскій въ 1373 году заключилъ договоръ, по которому чрезъ шесть лѣтъ передавалъ свои владѣнія Карлу. Конечно было весьма неудобно присоединеніе къ Чехіи Бранденбурга, страны, отдѣльной отъ нея и населенной другою національностью. Правда, часть Бранденбурга населяли прибалтійскіе славяне, но между нѣмцами и славянами происходила борьба, которая обострялась съ каждымъ годомъ. Уже сынъ Карла, Сигизмундъ не могъ совладать въ XV столѣтіи со столь обширной территоріей. Бранденбургъ тогда отошелъ къ гогенцоллернамъ; остальныя земли перешли къ австрійскому дому; къ нему-же вскорѣ потомъ отошелъ Тироль, въ которомъ вымерла баварская линія Виттельсбаховъ. Столь-же неудачно было усиліе Карла водворить германское вліяніе въ Италіи. Онъ думалъ, что это легко сдѣлать по удаленіи папъ изъ Рима, но онъ жестоко ошибся. Теперь мы должны перенестись не надолго въ стѣны вѣчнаго города.

Коло ди-Ріенци († 1354 года). Въ это время въ Италіи блеснула идея единства. Носителями ея были, впрочемъ люди слова, а не дѣла. Таковъ былъ знаменитый римлянинъ Коло ди-Ріенци ([1]). Его настоя-

([1]) Лучшее пособіе Papencordt. Rienzi und seine Zeit, Hamb. 1841 (франц. и итал. пер. въ 1845 г.).

щее имя было Nicolaus Laurentius. Хотя онъ былъ воспѣтъ Петраркою въ сонетахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ на высотѣ историческихъ задачъ. Его попытка прошла безслѣдно, потому что онъ не имѣлъ ни упорства, ни проницательности. Ланфре называетъ его говоруномъ; это не совсѣмъ вѣрно; онъ дѣйствительно былъ фантазеромъ, бредилъ Крешенци, Арнольди и др., увлекся ученіемъ Іоанна Парижскаго относительно Вѣчнаго Евангелія, вѣрилъ, что миръ и добро будутъ скоро господствовать на землѣ. Все это было не безъ вліянія мистицизма. Ріенци былъ человѣкъ глубокой вѣры и сдѣлался фанатикомъ, при чемъ ошибки прошлаго не исправляли его. Его политическая система вращалась на томъ, что римскій народъ долженъ былъ имѣть главенство надъ всѣмъ міромъ, точно современные ему римляне чѣмъ либо походили на древнихъ. Въ дѣятельности Ріенци наблюдаемъ,—какъ къ широкимъ замысламъ и политическимъ утопіямъ приступаютъ съ мелкимъ масштабомъ. Если бы слушать трибуна, то необходимо возстановить forum, на которомъ будетъ присутствовать этотъ „верховный и милостивый правитель“, „рыцарь Св. Духа, попечитель вселенной и покровитель Италіи“; Римъ будетъ центромъ міра; папа и императоръ орудіями, намѣстниками великаго трибуна.

Широкіе замыслы и утопіи Ріенци не гармонировали ни со средствами агитатора, ни съ его собственной подготовкой, ни съ тогдашнимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ. Гораздо большее значеніе имѣли бароны, вѣчно ссорившіеся, вѣчно вооруженные Орсини и Колонна. Съ ними-то и пришлось бороться Ріенци. Вышедши изъ народа, простой адвокатъ, много читавшій, лично знавшій Петрарку, прекрасно и увлекательно говорившій, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ римскомъ посольствѣ, которое явилось къ папѣ въ Авиньонъ просить о перенесеніи резиденціи первосвященниковъ въ Римъ. Французскій папа не могъ, конечно, исполнить этой просьбы. Петрарка лично хотѣлъ склонить папу, но итальянскіе стихи не дѣйствовали на французское ухо, а поэтъ, изображавшій съ восторженностью римскую древность, оказался безсильнымъ повліять на папу. Говорили объ анархіи, о безсиліи властей, о насиліяхъ, которыя еще болѣе усиливались наемниками изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, этой язвы тогдашней Италіи. Для кондотьеровъ не было ничего святого; часто чуждые странѣ

и ея интересамъ, посвятившіе себя разврату и пьянству, они и въ военное и въ мирное время одинаково были зломъ для Италіи. Итальянское наемничество было повтореніемъ греческаго, возникло изъ тѣхъ же причинъ и привело къ тѣмъ же результатамъ. Избытокъ денегъ породилъ эту наемническую систему, содѣйствовавшую между тѣмъ утвержденію плановъ всѣхъ честолюбцевъ, которые, при помощи наемниковъ, соорудили крѣпкія территоріи въ Сѣверной Италіи. Тогда, конечно, нельзя было ожидать отъ этихъ воителей ни патріотизма, ни какой-либо политической идеи, ни плодотворныхъ стремленій. Каждый честолюбецъ, вопреки яснымъ историческимъ потребностямъ, могъ достигнуть своей цѣли. Климентъ VI предложилъ Ріенци ѣхать обратно на берега Тибра и тамъ противодѣйствовать аристократіи, расположивъ народъ въ пользу папы. Въ 1346 году Ріенци былъ снова въ Римѣ. Собирая народъ въ церквахъ и на площадяхъ, онъ возбуждалъ въ немъ ненависть къ патриціямъ, льстилъ ему, преувеличивая изображеніе подвиговъ и силы древнихъ римлянъ, а равно могущества горожанъ. Ріенци скоро попалъ въ курію; между прочимъ онъ велѣлъ расписать стѣны Капитолія аллегорическими картинами изъ исторіи древняго Рима. Іерусалима и Карѳагена и самъ объяснялъ значеніе ихъ. Бароны не подозрѣвали этихъ продѣлокъ, не понимали смысла этихъ картинъ и неожиданно, въ апрѣлѣ 1347 года, провозгласили съ вершинъ Капитолія демократическую республику, при чемъ самому Ріенци было поручено назваться трибуномъ, т. е. защитникомъ интересовъ народа; ему же было предоставлено организовать новое правительство. Римское духовенство оказывало содѣйствіе этой власти. Аристократія признала трибуна и дала клятву. Ріенци, разрушивъ укрѣпленные замки въ городѣ и окрестностяхъ, образовалъ милицію изъ 1300 пѣхоты и 300 конницы; онъ далъ народу правильное судопроизводство. И вотъ на короткое время все измѣнилось. Бароновъ выгнали, какъ мятежниковъ и преступниковъ. Недовольствуясь ограниченной ареной дѣятельности, онъ домогается господствовать въ Италіи. Предъ Капитоліемъ 1 августа, въ присутствіи тысячи народа, онъ, послѣ торжественной церемоніи, провозглашаетъ себя „правителемъ міра“ и тутъ же даетъ обязательство судить по правдѣ. Послѣ того ему оставалось только потребовать на судъ папу и императора, тогда враждовавшихъ между собою, что онъ и не за-

медлилъ исполнить. Напрасно папскій легатъ протестовалъ противъ этого; Ріенци вошелъ въ сношеніе съ недовольными аристократическими фамиліями. Конечно папа съ своей стороны поспѣшилъ произнести проклятіе на Ріенци за его вмѣшательство въ духовныя дѣла и запретилъ повиновеніе ему. Раздраженные рыцари успѣли прекратить подвозъ провіанта къ столицѣ. Напрасно какой-то еврей, по его приказанію, цѣлыя сутки билъ въ набатъ: никто не шелъ на форумъ. Въ 1347 году онъ убѣжалъ изъ Рима въ Неаполь, оставивъ столицу во власти мстительныхъ бароновъ. Неаполь въ то время занималъ Людовикъ венгерскій, который рѣшился мстить за своего брата Андрея, убитаго своей женой. Джіованна, жена Андрея, бѣжала въ Авиньонъ, чтобы тамъ оправдаться предъ судомъ папы. Людовикъ ничего не имѣлъ противъ Ріенци и оказалъ ему гостепріимство.

Въ слѣдующемъ 1348 году мы находимъ реформатора снова въ Римѣ. Бароны слишкомъ злоупотребили побѣдой: стали мстить горожанамъ. Нѣмецкіе воины помогли трибуну поддержать диктатуру. Но когда трибунъ былъ обезсиленъ, то ему ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать вторично изъ Рима. На этотъ разъ мы встрѣчаемъ его уже въ Прагѣ у нѣмецкаго императора. Надо замѣтить, что въ 1350 году, нуждаясь въ деньгахъ, папа назначилъ совершенно не кстати юбилей, который праздновался въ 1300 году и долженъ былъ пасть на 1400 годъ. Въ сущности Авиньонскій дворъ нуждался въ средствахъ для разврата. На этомъ юбилеѣ обнаружилось, что Римъ и Италія потеряли всякое довѣріе и уваженіе къ папѣ. Римскаго легата оскорбляли, кидали въ него каменьями и подъ конецъ юбилея отравили. Этотъ легатъ неоднократно объявлялъ, что лучше быть самымъ послѣднимъ священникомъ въ Авиньонѣ, чѣмъ папой въ Римѣ. Ріенци предлагалъ свои услуги, а для себя не просилъ ничего, кромѣ позволенія посѣтить святыя мѣста. Вмѣсто отвѣта императоръ выслалъ въ 1350 году Ріенци въ Авиньонъ въ распоряженіе Климента VI, который велѣлъ сжечь трибуна. Случилось такъ, что предъ самою казнію Ріенци папа скончался и жизнь знаменитаго агитатора на нѣкоторое время была спасена.

Должно замѣтить, что въ это время торжествовала опять въ Римѣ народная партія. Новый папа, Иннокентій VI былъ итальянецъ; онъ хотѣлъ возстановить порядокъ въ Римѣ. Выбирая легата съ этою цѣлью, папа остановился весьма

удачно на испанскомъ рыцарѣ Эгидіи Альборносѣ, который, послѣ своихъ громкихъ подвиговъ, принялъ священство и сдѣланъ былъ кардиналомъ Церкви. Прелатъ этотъ былъ въ одно время и воинъ, и администраторъ, и священникъ, и ораторъ; вскорѣ онъ успѣлъ одолѣть римскихъ бароновъ, но, несмотря на все это, убѣдился, что въ Римѣ его положеніе непрочно. Для того, чтобы папѣ можно было вернуться въ Римъ, надо было сблизить папство съ населеніемъ и никто, по мнѣнію авиньонской куріи, не годился для этого дѣла, кромѣ Ріенци. Какъ человѣкъ рѣшительный, кардиналъ Альборносъ прямо написалъ папѣ, чтобы онъ обратился къ Ріенци. Папа исполнилъ его желаніе и Ріенци былъ пожалованъ въ рыцари и бароны, съ прямымъ порученіемъ приготовить для папы почву въ Римѣ. И вотъ въ третій разъ застаемъ трибуна въ Римѣ. На этотъ разъ, говоритъ хроникеръ, Ріенци „растолстѣлъ и разцвѣлъ, какъ роза“. Онъ уже привыкъ къ власти и былъ наученъ опытомъ, что надо опираться не на прихотливое настроеніе толпы, всегда склонной къ предательству, а на нѣчто болѣе прочное и солидное. Чернь привѣтствовала его восторженными криками, но скоро должна была разочароваться. Нуждаясь постоянно въ войскѣ, Ріенци долженъ былъ обременять городъ налогами; толпа этого не любила, отчего трибунъ удержался не долѣе одного года. Случай между тѣмъ доставилъ ему громадную наживу при бандитѣ и кондотьерѣ Фра Моріалисѣ. Послѣдній, состоя въ Неаполѣ при особѣ Людовика венгерскаго, славился какъ жестокій, безпощадный тиранъ, не имѣвшій ни сердца, ни стыда. Отъ его рыцарства не осталось и слѣда и только для кощунства онъ надѣвалъ на себя священническіе аттрибуты. Стоило ему лишь появиться въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, чтобы одно его имя приводило въ трепетъ всѣхъ горожанъ, и мущинъ и женщинъ, обращавшихся въ бѣгство. Ріенци захватилъ его въ Римѣ, посадилъ въ тюрьму и овладѣлъ его богатствомъ. Ріенци успѣлъ нанять на это значительное количество воиновъ. Но теперь рѣшительно не повезло диктатору; противъ него заговоры повторялись все чаще и чаще. Тогда онъ задумалъ заразъ покончить съ своими врагами и сталъ подготовлять проскрипцію, но враги его предупредили. Рано утромъ 8 сентября 1354 года собралась толпа у дворца Ріенци. Напрасно „послѣдній трибунъ“ прибѣгнулъ къ своему краснорѣчію. Онъ долженъ былъ бѣжать въ крестьянскомъ платьѣ, чтобы

спасти жизнь; но его узнали и убили. Растерзанный трупъ его таскали по городу вокругъ Капитолія, который такъ долго былъ свидѣтелемъ его тріумфовъ (¹).

Понятно какъ трудно было при этихъ обстоятельствахъ для императора Карла IV утвердиться въ Италіи. Карлъ разсчитывалъ на обдуманность, осторожность; festina lente — такъ выражался онъ въ своихъ рѣчахъ словами Октавіана.

Папа серьезно ревновалъ его къ Риму, не позволяя болѣе сутокъ пробыть въ столицѣ, послѣ коронаціи, на которую согласился Иннокентій VI. Въ октябрѣ 1354 году Карлъ IV перешелъ Альпы, сошелся съ миланскимъ Висконти, который дозволилъ ему надѣть корону въ Миланѣ, какъ гостю. Петрарка игралъ въ этомъ походѣ ту же роль, какъ нѣкогда Данте. Императоръ получалъ деньги и съ Висконти, и съ Флоренціи, точно онъ пріѣхалъ за субсидіями въ Италію (²). Въ Римѣ онъ короновался въ Пасху 1353 года, согласно предварительнымъ условіямъ, всегда слѣдуя волѣ легата. Быстро возвратился изъ Рима императоръ Германіи, подобно бѣглецу. Кремона не пустила его къ себѣ. И Петрарка подъ конецъ разочаровался. Въ 1368 году императоръ Карлъ IV вторично побывалъ въ Римѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ того онъ скончался въ родной Прагѣ.

(¹) Судьба Ріенци послужила сюжетомъ первой большой оперы Р. Вагнера, который ею проложилъ дорогу «музыкѣ будущаго».

(²) Werunsky. Der erste Römerzug Karls IV (Inns. 1878).—Stoy. Diepol. Beziehungen zwischen Kaiser und Papst, 1360—64 (L. 1881).

4) Распространеніе англо-французской борьбы на Пиренейскій полуостровъ. «Жестокіе» короли. Карлъ V. Регентство во Франціи и въ Англіи. Развитіе національнаго и политическаго чувства.

Присоединеніе Монпелье. Положеніе Франціи послѣ битвы подъ Креси было печально. Извнѣ—возрастающее могущество англичанъ, внутри—нищета, голодъ, недовольство. Оторванныя провинціи были уже достаточно крѣпко сплочены, и тѣмъ большее безпокойство вселяла потеря ихъ. Нѣкоторое вознагражденіе Франція получила, пріобрѣтя Монпелье и Дофинэ, гдѣ прекратились наслѣдственныя династіи аррагонская и бургундская. Руссильонъ и Монпелье принадлежали къ такъ называемому майоркскому королевству, точно также какъ и Балеарскія острова. Это королевство образовалось со времени Іакова I Завоевателя. Еще Филиппъ Красивый заставилъ владѣльца Монпелье принять присягу, а при Филиппѣ VI произошла ссора между нимъ и аррагонскимъ королемъ Педро II, который въ удѣлъ своему младшему сыну Іакову составилъ изъ за-пиринейскихъ владѣній особое королевство Майорку. Филиппъ VI предложилъ свои услуги, и на французскія средства была произведена высадка на Минорку. Іаковъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Филиппу VI достались его владѣнія.

Присоединеніе Дофинэ. Обширная провинція Дофинэ управлялась издревле такъ называемыми дофинами. Этой страной владѣли три династіи, изъ которыхъ послѣдняя (1279—1349 г.) происходила изъ дома де ла-Туръ, была въ родствѣ съ нѣкоторыми императорами и находилась въ ленныхъ отношеніяхъ къ королю. Губертъ II, послѣдній дофинъ этой династіи, былъ человѣкъ тщеславный и расточительный. Онъ предпринималъ крестовые походы, и кончилъ тѣмъ, что совершенно разорился. Онъ продалъ свои владѣнія французскому королю. Въ 1343 году былъ заключенъ договоръ, по которому правителемъ страны долженъ быть назначаемъ второй сынъ французскаго короля и Дофинэ не должна была входить въ составъ французской монархіи. Первымъ правителемъ вновь пріобрѣтенной области былъ Филиппъ орлеанскій. За это Губертъ получалъ 20 тюсячъ экю и пенсію въ 100 тысячъ ливровъ.

Французскій король обязался защищать интересы страны, которая была самостоятельна. Надо было ожидать исполненія этого обѣщанія. На дѣлѣ вышло не то. Династіи Капетинговъ и Валуа не любили соблюдать условій. Вмѣсто Филиппа орлеанскаго правителемъ былъ объявленъ будущій король — Іоаннъ Добрый. Съ этихъ поръ титулъ дофина французскіе короли стали предоставлять своимъ старшимъ сыновьямъ. Съ Карла V вошло уже въ обычай называть старшихъ сыновей дофинами. Французскій король не позволилъ Губерту вступить въ бракъ и заставилъ его постричься въ монахи. Губертъ позаботился обезпечить своихъ подданныхъ; король измѣнилъ условія. Вообще съ замѣчательнымъ искусствомъ подбирали французскіе короли части Галліи. На слѣдующій годъ основатель новой французской династіи скончался. Его смѣнилъ слабый сынъ его Іоаннъ Добрый. Онъ боялся и отвѣтственности и окружающихъ, не понимая правильно положенія дѣлъ. Событія послѣдняго времени не могли вразумить короля въ томъ, что его главная сила въ городахъ. Отъ рыцарства оставался только внѣшній блескъ; оно вырождалось мало по малу. Іоаннъ старался подражать самымъ фантастическимъ рыцарямъ. Вмѣсто того чтобы опереться на старыхъ государственныхъ людей, король старался отдѣлаться отъ нихъ. Онъ велѣлъ умертвить конетабля Рауля де-Бріеня, посадивъ на его мѣсто де ла-Серда, который былъ ненавистенъ народу.

Возобновленіе англо-французской войны.

У Карла Злого была отнята Шампань. Онъ обратился къ англійскому королю, который и принялъ его подъ свою защиту, такъ что въ 1355 году перемиріе, заключенное съ Франціей, было разорвано. Іоаннъ не успѣлъ приготовить войска. Рыцари требовали большой платы, ибо цѣнность монеты значительно измѣнилась. Рѣшили обратиться къ государственнымъ чинамъ. На этомъ собраніи присутствовало 800 представителей, изъ которыхъ половина принадлежала къ среднему сословію. Чины установили налогъ на соль и на товары. Надзоръ за сборомъ налоговъ остался за коммиссіей депутатовъ. Правительство дало извѣстныя обязательства. Всякое дѣло должно судиться по правдѣ. Но не смотря на то, что чины выговорили себѣ конституціонныя привилегіи, тѣмъ не менѣе населеніе не могло быть имъ благо-

дарно. Въ разныхъ мѣстахъ начались возстанія. Пришлось прибѣгнуть къ поголовной подати, но контроль остался за сословіями. Чины отстояли для себя еще одно право: король не могъ созывать войска безъ согласія государственныхъ чиновъ. Чины согласились на 150 тысячъ, но и эта цифра не помогла.

Новая кампанія кончилась дурно. Эдуардъ отправилъ на югъ Черпаго принца, а самъ переправился въ Кале и сталъ опустошать сосѣднія области. Но вскорѣ онъ долженъ былъ возвратиться въ Англію, въ виду вторженія шотландцевъ. Во Франціи остался одинъ Черный принцъ. Быстрымъ движеніемъ послѣдній прошелъ до Нарбонны и готовился проникнуть до Монпелье. Его остановило возстаніе въ Гіенни. Онъ усмирилъ возставшихъ, соединился съ наваррскимъ королемъ Филиппомъ, сдѣлалъ вторичное вторженіе и проникъ до самаго центра французской земли. Болѣе 500 мѣстечекъ было разрушено. Это было обычное явленіе въ средніе вѣка. Іоаннъ выступилъ наконецъ противъ Черпаго принца. Онъ наскоро собралъ 50 тысячъ войска; въ рядахъ арміи находились четыре его сына.

Битва при Мопертюи въ 1356 году.

Даже храбрый принцъ смутился; онъ искалъ случая отступить и сдѣлалъ мирныя предложенія французскому королю. Но Іоаннъ не принялъ ихъ, выступилъ изъ Пуатье и первый напалъ на англичанъ. Это было при Мопертюи въ 2 часахъ ходьбы отъ Пуатье, 19 сентября 1356 г. Съ самого начала французскіе рыцари должны были спѣшиться; имъ приходилось пробираться по узкой тропѣ, гдѣ ихъ на выборъ убивали англійскіе стрѣлки. Послѣдніе побѣдили. У французовъ распоряжались всѣ. Короля никто не слушалъ. Командовалъ каждый феодалъ. Дофинъ первый бѣжалъ съ поля битвы. Французы были разсѣяны. Убитыхъ было, впрочемъ, немного. Послѣдствія битвы при Мопертюи были ужаснѣе для Франціи, нежели пораженіе при Креси. Франція лишилась короля, который былъ въ плѣну. Это вело уже къ анархіи. Фруассаръ говоритъ, что на сѣверѣ не было семьи, которая не оплакивала бы этой потери. Всѣ современные хроникеры восхваляютъ гуманное обращеніе съ несчастными плѣнниками. Черный принцъ стоялъ позади стула короля за ужиномъ. Онъ готовъ былъ дать ему свободу, для того

чтобы довести Францію до анархіи, но отецъ желалъ видѣть плѣнника у себя, и Черный принцъ привезъ Іоанна въ Англію. Такимъ образомъ Эдуардъ достигъ своей цѣли скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Всѣ рессурсы Франціи были истощены; страна находилась на краю гибели. Одинъ выкупъ такого дорогаго плѣнника долженъ былъ раззорить государство. Въ добавокъ настала анархія. Регентомъ сдѣлался дофинъ Карлъ.

Черезъ мѣсяцъ онъ созвалъ государственные чины и указалъ имъ на несчастія, постигшія страну. Чины были недовольны. Среди нихъ преобладалъ городской элементъ. Въ собраніи говорили, что отецъ дофина не разъ обѣщалъ допустить чины къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. Легисты были удалены, но въ дальнѣйшихъ уступкахъ дофинъ оказалъ сопротивленіе, хотя устрашился и самъ, потому что парижскій муниципалитетъ открыто возсталъ противъ дофина.

Марсель и коммуна въ Парижѣ.

Теперь начинають являться смѣлыя поползновенія. Города хлопочутъ о вліяніи на государственныя дѣла. Во главѣ этого новаго движенія находился парижскій городской голова (prévôt des marchands) Этьенъ Марсель. Это была отважная натура. Онъ стоялъ на высотѣ тогдашнихъ историческихъ идей. Честность не мѣшала ему прибѣгать къ хитрости. Изъ среды адвокатовъ онъ достигъ высшихъ должностей, и въ рѣшительную минуту смѣло ратоборствовалъ ради коммунальныхъ интересовъ. Онъ стоялъ выше понятій городской автономіи; онъ хотѣлъ полной передѣлки государственнаго строя въ интересахъ буржуазіи. Въ собраніи чиновъ рядомъ съ нимъ возвышались и другіе. Предводителемъ духовенства былъ ланскій епископъ Лекокъ, а во главѣ свѣтскихъ феодаловъ стоялъ намѣстникъ провинціи Артуа, Жанъ де-Пекиньи. Чины настояли, чтобы вошло въ королевскій совѣтъ 36 депутатовъ, но это не принесло пользы. Въ тайнѣ шло противодѣйствіе; духовенство дѣйствовало двусмысленно; король Іоаннъ не признавалъ распоряженій, которыя дѣлались безъ него. Когда чины были распущены, центръ власти былъ перенесенъ въ парижскую думу. Но регентъ, никого не слушая, хотѣлъ продолжать прежнюю систему. Ему однако трудно было бороться съ Марселемъ. Буржуазія захватила власть въ свои руки. Городская дума велѣла укрѣпить Парижъ баррикадами. Это вызвало обоюдное ожесточе-

ніе и междоусобія. Въ сущности Марсель защищалъ интересы порядка, но тогдашнія условія заставляли его прибѣгать къ жестокостямъ. Его система навела ужасъ на феодаловъ. На собраніи новыхъ чиновъ 1357 году оказались на лицо только городскіе представители, ибо аристократія не хотѣла принять въ немъ участія. Бароны и прелаты не пріѣхали. Власть переходитъ въ руки народной партіи, чины которой носили двухцвѣтные шарфы, красные съ голубымъ; диктаторомъ становится Марсель. Онъ требуетъ, чтобы королевскіе чиновники подчинились совѣту именитыхъ гражданъ. Дофинъ старался отклонить это настояніе, но граждане осадили дворецъ, разграбили его и принудили исполнить свои требованія. Это было въ февралѣ 1358 года. Марсель на глазахъ дофина приказалъ убить двухъ главныхъ его совѣтниковъ, маршаловъ Шампани и Нормандіи, подстрекавшихъ Карла къ сопротивленію. Дофинъ радъ былъ уже тому, что спасъ собственную жизнь. Онъ долженъ былъ одѣться въ національные цвѣта. Онъ затаилъ въ себѣ злобу и искалъ случая отмстить. Онъ не любилъ дѣйствовать прямо, искалъ всегда побочныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и съ успѣхомъ ими пользовался. Не даромъ современники прозвали его „мудрымъ". Карлъ убѣжалъ изъ Парижа, собралъ въ Компьенѣ государственные чины изъ привилегированныхъ сословій и получилъ отъ нихъ субсидію. Онъ хотѣлъ уже идти на Парижъ, какъ произошло возстаніе крестьянъ. Это остановило его. Между тѣмъ Марсель обратился къ королю наваррскому, который уже двинулся на Парижъ. Но здѣсь Марсель встрѣтилъ сопротивленіе среди своихъ сотоварищей. Они справедливо усмотрѣли въ этомъ предательство. Марсель погибъ въ 1368 году отъ руки члена думы Мэльярда, когда хотѣли отворить ворота наваррцамъ. Національное чувство сказалось.

Жакерія. Бытъ французскаго сельскаго населенія въ средніе вѣка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваемъ съ положеніемъ городскаго сословія. Горожане могли участвовать въ собраніи государственныхъ чиновъ; сельчане были лишены этого права; на нихъ смотрѣли какъ на рабочій скотъ. Они были доведены безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ ними до того, что подняли знамя бунта. Бароны сначала не придавали значенія мятежу и допустили его развиться до громадныхъ размѣровъ; они называли крестьянъ

„Жаками“, примѣняя къ нимъ легендарное прозвище простачковъ. Но эти простачки безпощадно расправлялись съ своими бывшими господами; они обратили въ груды пепла болѣе ста замковъ; они рѣзали безъ сожалѣнія всѣхъ, будучи доведены до отчаянія и дикаго ожесточенія. Кто могъ поручиться, что ихъ месть, послѣ истребленія замковъ, не обрушится на города? Испуганные такимъ грознымъ врагомъ, рыцари просили помощи у вольныхъ общинъ противъ возставшихъ крестьянъ. И вотъ города позабыли свои собственные интересы и оказали содѣйствіе рыцарямъ. Все соединилось противъ „жакерій“. Возставшіе были истреблены; погибло нѣсколько тысячъ народа. Затѣмъ регентъ отправился въ Парижъ, который послѣ гибели Марселя не могъ болѣе сопротивляться. Дофина встрѣтили восторженные крики измѣнчивой, непостоянной толпы, только что вчера такимъ же образомъ привѣтствовавшей Марселя. Теперь буржуазіи и виланамъ вмѣстѣ пришлось испытывать деспотизмъ разъяреннаго рыцарства. Дофинъ провозгласилъ всѣ собранія государственныхъ чиновъ скопищами измѣнниковъ и мятежнковъ, домогавшихся низверженія монархіи. Марселя не было въ живыхъ, и регентъ приказалъ казнить его приверженцевъ; главные товарищи Марселя, Лекокъ и де-Пекиньи успѣли убѣжать къ наваррскому королю; прочіе пострадали. Такъ кончилась революція, начатая довольно успѣшно, но лишенная смысла и руководителей. Ни коммунальное движеніе, ни жакерія не принесли пользы французскому народу. Только лишніе трупы покрыли поля Франціи. Регенту теперь пришлось встрѣтиться съ болѣе опаснымъ и непримиримымъ врагомъ, именно съ Эдуардомъ III. Теперь онъ почувствовалъ потребность въ народномъ сочувствіи. Когда Эдуардъ готовился выступать въ походъ, Карлъ по неволѣ собралъ чины просить у нихъ средствъ для предстоящей войны. Здѣсь прочли суровыя требованія англійскаго короля, на основаніи которыхъ онъ обязывался не тревожить Франціи. Условія были очень тяжелы. Общій взрывъ негодованія раздался въ собраніи; все соединилось въ горячемъ дуновеніи патріотизма.

Перемиріе въ Бретиньи въ 1360 году.

Эдуардъ высадился въ Кале. Около него много собралось званыхъ и незваныхъ. Такъ какъ Эдуардъ не могъ платить денегъ, то онъ предложилъ желающимъ пользоваться тѣмъ, кто что награбитъ. Уничтожая все на пути, Эдуардъ

черезъ Пикардію и Шампань въ январѣ 1360 года вторгнулся въ Бургундію. Герцогъ бургундскій былъ малолѣтенъ; управленіе лежало на опекунахъ, которые удалили англійскаго короля не оружіемъ, а договоромъ, обязавшись уплатить Эдуарду 200 тысячъ золотыхъ экю. Затѣмъ Эдуардъ направился къ Парижу, всюду распространяя ужасъ и обращая нивы въ пустыни. Наконецъ онъ подошелъ къ столицѣ и осадилъ ее. Осада продолжалась цѣлый мѣсяцъ; рыцарскій король вызывалъ дофина на поединокъ, но хитрый и трусливый Карлъ прятался за стѣнами Парижа. Наконецъ, когда вмѣшались папскіе легаты и герцогъ ланкастерскій, Эдуардъ согласился на миръ. Герцогъ ланкастерскій, только что передъ тѣмъ выдавшій свою дочь за сына Эдуардова Іоанна, и предоставившій свои богатыя владѣнія англійскому королевскому дому, очень основательно объяснялъ королю, что отъ неслыханныхъ опустошеній, которымъ онъ подвергаетъ Францію, выигрываютъ только феодалы и чужеземцы; самъ же онъ ничего не получалъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда англійское рыцарство обогащалось, король, не взирая на контрибуцію и уплату за плѣнныхъ, постоянно нуждался въ деньгахъ. Это происходило оттого, что онъ не только долженъ былъ платить жалованье рыцарямъ, но даже давать имъ содержаніе. Тогда, 3 мая 1360 года въ Бретиньи, близъ Шартра, было заключено перемиріе, а вслѣдъ затѣмъ и самый договоръ. Эдуардъ отказался отъ притязанія на французскую корону, но за то онъ получилъ въ собственное владѣніе большія земли, составляющія болѣе половины Франціи: кромѣ Гаскони, которою владѣлъ прежде въ качествѣ вассала Франціи, онъ получилъ почти все герцогство Гіеннь, а именно: Сентонжъ, Аженуа, Перигоръ, Лимузенъ и сверхъ того графства: Ангулемъ, Пуату, Понтье, Руэргъ, крѣпость Кале, со всѣми правами сюзерена. Король Іоаннъ Добрый получилъ свободу за 3 милліона экю, давъ обѣщаніе не вмѣшиваться въ англійскія дѣла и предоставивъ фламандцамъ быть въ союзѣ съ Англіей. Бретань осталась за молодымъ графомъ Монфоромъ. Лекокъ и де-Пекиньи въ силу договора получили амнистію вмѣстѣ съ другими, замѣшанными въ послѣднихъ движеніяхъ. Король даже долженъ былъ помириться съ заклятымъ своимъ врагомъ, Карломъ Злымъ,—однимъ словомъ это былъ блестящій миръ для Англіи. Теперь участь Франціи находилась въ рукахъ короля англійскаго. Было ясно, что только изъ жалости, изъ великодушія Эдуардъ не потребовалъ большаго.

Іоаннъ вернулся во Францію, оставивъ своего сына Луи анжуйскаго заложникомъ; но онъ скоро убѣдился, что такой громадной суммы, которая условлена была за его выкупъ, нельзя достать во Франціи и такъ какъ его сынъ убѣжалъ изъ Англіи, онъ счелъ долгомъ чести добровольно вернуться въ Лондонъ, гдѣ спустя 3 мѣсяца заболѣлъ и умеръ. Тогда королемъ Франціи былъ провозглашенъ дофинъ подъ именемъ Карла V. По своему характеру и политическому направленію, Карлъ представляетъ переходъ отъ средневѣковья къ новому времени. Какъ дѣятель переходнаго времени, онъ соединяетъ въ себѣ черты средневѣковой и новой исторіи. Это былъ человѣкъ коварный и хитрый, умѣвшій находить средства вывертываться изъ всякихъ затрудненій. Недаромъ современники прозвали его—sage, мудрымъ; это была награда за умѣнье пользоваться обстоятельствами, за политическое искусство, за энергичное управленіе страной. Въ личности этого человѣка встрѣчается много разнообразныхъ чертъ; въ немъ исчезаетъ рыцарство, храбрость, воинственность, чѣмъ онъ мало дорожилъ; онъ одинъ изъ первыхъ, какъ всѣмъ было извѣстно, убѣжалъ съ поля сраженія при Мопертюи. Но за то онъ не церемонился въ выборѣ средствъ и всегда выходилъ удачно изъ самыхъ опасныхъ и стѣснительныхъ обстоятельствъ. Что было ужаснѣе положенія Франціи по заключеніи мира въ Бретиньи? А черезъ девять лѣтъ она снова выступаетъ на борьбу съ Англіей. Только искусство и умѣнье короля могли залѣчить раны Франціи. Онъ же умѣлъ подготовить ее къ борьбѣ съ противникомъ столько же сильнымъ, сколько ловкимъ. Ему мѣшали государственные чины и онъ смѣщаетъ ихъ съ дороги; ему было неудобно городское самоуправленіе при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—и онъ помѣстилъ въ городахъ своихъ чиновниковъ. Убѣдившись, что рыцари обижаютъ жителей, новый король старается отдѣлаться отъ бароновъ и замѣняетъ ихъ наемниками, которыхъ беретъ большею частію изъ Бретани. Лучше всего типъ наемника-воителя выведенъ въ стихотворной хроникѣ Кювелье о воинственномъ Бертранѣ Дюгескленѣ (¹). Къ королю стекается народъ, который, хотя часто и страдалъ отъ его неустойчиваго

Карлъ V и его характеристика (1364-80 г.).

(¹) Chronique de Bertrand du Guesclin par Cuvelier; trouvère du XIV siècle, publiée par E. Charrière (2 vls, 1839)—Collection de documents inédits.

характера, но тѣмъ не менѣе любилъ его, какъ выраженіе своего бурнаго, неукротимаго духа. Умѣньемъ пользоваться обстоятельствами Карлъ V превосходилъ Эдуарда III, болѣе храбраго, болѣе проницательнаго, но менѣе рѣшительнаго. Результатъ былъ тотъ, что Карлъ, принявшій управленіе разгромленной Франціей, черезъ четыре года былъ опять въ состояніи вступить въ борьбу, тогда какъ могущественный англійскій король, обогащенный половиной Франціи, не могъ умиротворить шотландцевъ и долженъ былъ имъ возвратить право выбора короля и пойти на сдѣлку съ Шотландіей, наживая себѣ новыхъ враговъ въ Ирландіи. Это была разница между средневѣковымъ человѣкомъ и дѣятелемъ новой исторіи.

Кастильскій вопросъ. Желая всегда быть поборникомъ правды и рыцарскихъ идеаловъ, Эдуардъ не хочетъ допустить, чтобы на кастильскомъ престолѣ сидѣлъ Генрихъ Трастамаре, сынъ Альфонса XI, рожденный отъ любовницы. Съ этой цѣлію изъ далекой Англіи Эдуардъ посылаетъ Чернаго принца возвратить кастильскій престолъ законному наслѣднику Петру, прославившемуся на всемъ Западѣ своей жестокостью.

Мы говорили выше (II, 531) о положеніи Кастиліи и Леона при королѣ Альфонсѣ XI, умершемъ въ 1350 году.

Изъ тѣхъ отношеній, которыя были между кастильскимъ королемъ Альфонсомъ XI и его женой можно судить, какое враждебное чувство питалъ къ покойному королю Петръ II, его старшій сынъ, прозванный современниками „жестокимъ“. Не смотря на то, что Петру не было тогда еще 16 лѣтъ, онъ началъ свое царствованіе вѣроломствомъ и преступленіями. Это ужасное правленіе до самого конца соотвѣтствовало началу, такъ что Петръ вполнѣ заслужилъ свое прозвище. Никто теперь не будетъ защищать вопіющую тиранію Петра кастильскаго, какъ то дѣлалъ испанскій іезуитъ XVI вѣка Маріана ([1]). Послѣдній, по поводу жестокости многихъ южно-европейскихъ государей, замѣчаетъ, что въ Испаніи не было иного средства сдерживать своеволіе и буйство рыцарства. Во всякомъ случаѣ надо помнить два обстоятельства. Петръ и его мать слишкомъ много перенесли отъ сильной фаворитки, безумная ненависть къ которой становится вполнѣ понятной. Кромѣ того, всѣ исторіи о донъ-Педро напи-

([1]) Mariana. Hist. de rebus Hispaniae l. XX, Tol. 1592 (7 лат. и болѣе 20 исп. изд.). Франц. пер. Charenton, P. 6 v. 1725.

саны въ XV вѣкѣ при враждебномъ ему домѣ, основателемъ котораго былъ сынъ фаворитки; понятно, что тогда всѣ факты выставлялись съ умысломъ въ невыгодномъ свѣтѣ для короля.

Айала.

Такова знаменитая между прочимъ хроника Айалы, на испанскомъ языкѣ, лучшая изъ всѣхъ по литературнымъ достоинствамъ, занимающая первоклассное мѣсто во всей средневѣковой исторіографіи. Это великолѣпная эпическая поэма. Айала пережилъ только на 38 лѣтъ своего героя. Его трудъ первый опытъ прагматической, даже болѣе того, художественной исторіи. Всѣ испанцы писали увлекательно; но Айала между испанскими хроникерами занимаетъ первое мѣсто (1). Иногда онъ въ силу своихъ художественныхъ склонностей невѣрно ставитъ и передаетъ факты и увлекается. У него представленъ типъ тирана, къ которому можно имѣть снисхожденіе, тирана, испытывающаго макбетовскія терзанія, который бредитъ во снѣ и на яву, у котораго предъ глазами есть соперникъ, побочный братъ, рожденный отъ ненавистной женщины, гонительницы его матери. Вся эта драма изложена съ удивительнымъ спокойствіемъ и съ такой объективностью, которой трудно достигнуть историку. Въ изложеніи соблюдено драматическое расположеніе разсказа. Болѣзненная подозрительность ведетъ Петра отъ одного убійства къ другому. Богатство сюжета плѣняетъ всякаго художника, особенно драматурга; интересъ разсказа усиливается еще отъ того, что онъ не вымышленъ. Айала стоитъ на высотѣ своей задачи. Его недостатки, чисто внѣшніе, заключаются въ слогѣ наполненномъ ненужными повтореніями.

Петръ I Жестокій въ Кастиліи.

Вступая на престолъ, Петръ началъ свою месть съ фаворитки, которая жестоко оскорбляла его, когда онъ былъ малолѣтенъ. Его мать, согласившаяся все простить покойному мужу, теперь на свободѣ, съ бѣшенствомъ фуріи начала преслѣдовать и мучить свою бывшую соперницу. Самъ Петръ, бывшій съ отцемъ при осадѣ Гибралтара, бросился въ Севилью послѣ кончины короля, чтобы скорѣе насладиться местью. Элеонору выманили обманомъ изъ ея убѣжища и умертвили. Затѣмъ на-

(1) Ayala (Pedro Lopez). Cronica del rey don-Pedro etc. (Sev. 1495; Tol. 1526, въ изд. Llaguno Amirola, съ доп. знаменитаго Цуриты, M. 1779, 2 v.). См. Очеркъ средневѣк. исторіографіи, стр. 112. Монографіи испанскія: Vera y Zuniga (1648), Bayao (1735), англ. Dillon (1790) и лучшая Mérimée, Hist. de don Pedro I (P. 1848).

стала очередь дѣтей; изъ семи сыновей, старшій Генрихъ, носившій титулъ графа Трастамаре, титулъ, который короли давали иногда своимъ наслѣднымъ принцамъ, успѣлъ во время скрыться, но нѣсколько братьевъ впослѣдствіи сдѣлались жертвою мести Петра. Истребляя враговъ, Петръ поссорился даже съ матерью, которая устроила его бракъ съ Бланкой, дочерью герцога бурбонскаго. Между тѣмъ король сошелся въ это время съ дочерью кастильскаго гранда Маріей де-Падилья. Невѣста проживала въ Вальядолидѣ, тогдашней столицѣ Кастиліи, четыре мѣсяца, пока наконецъ король, бывшій все это время на югѣ королевства, явился съ явной неохотой, чтобы только обвѣнчаться. На слѣдующее же утро, бросивъ жену, онъ вернулся къ возлюбленной, и вскорѣ велѣлъ заключить молодую королеву въ тюрьму и держать ее тамъ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, чтобы даже мать его не имѣла къ ней доступа. Это обстоятельство было причиной бѣдствій Кастиліи. Внутреннія партіи усиливали вражду между королевою-матерью и фавориткою. Братъ и отецъ Падильи правили Кастиліею, а король тѣмъ временемъ занимался истребленіемъ враговъ и дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Внутренняя исторія Кастиліи въ XIV вѣкѣ служитъ живымъ опроверженіемъ той исторической теоріи, которая не придаетъ значенія психическому элементу. Личныя свойства Петра кастильскаго, отсутствіе всякихъ нравственныхъ началъ въ его дѣятельности, рядъ преступленій, методическихъ убійствъ, вѣчная жажда крови привели къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ не только для Кастиліи, но и для другихъ сосѣднихъ государствъ. Вслѣдствіе дикихъ выходокъ Петра кастильскаго, Кастилія сдѣлалась ареной борьбы Франціи и Англіи, которая только что было прекратилась. Позднѣйшіе историки подумали бы, что Айала написалъ романъ, если бы единогласныя свидѣтельства другихъ лѣтописцевъ не удостовѣряли, что всѣ сообщенныя имъ данныя достовѣрны. Фруассаръ, напримѣръ, говоритъ тоже самое что Айала, только на другомъ языкѣ. Романъ обусловилъ серьезные историческіе факты. Первая фаворитка Петра, Марія де-Падилья, увидѣвъ холодность короля, пошла въ монастырь; тогда Петръ влюбился въ другую, вдову Іоанну де-Кастро; но она не соглашалась быть его фавориткой, требуя брака. Король, игнорируя законную жену, французскую принцессу, вступилъ въ морганическій бракъ съ Іоанной. Два епископа расторгли прежній

бракъ или лучше два прежнихъ брака. Епископы поступили такъ потому, что боялись угрозъ Петра. Папа Иннокентій VI не признавалъ новаго брака и произнесъ отлученіе. Петръ, будто въ силу папскихъ требованій, а въ сущности потому, что успѣлъ охладѣть къ новой женѣ, оставилъ ее и вернулся къ Падильѣ, съ которою, какъ онъ самъ заявлялъ, былъ тайно обвѣнчанъ. Папѣ теперь оставалось требовать, чтобы Петръ бросилъ свою фаворитку, но въ виду того, что онъ могъ быть полезнымъ въ войнѣ съ маврами, предпочелъ смолчать. Но не смолчалъ французскій король. Онъ ждалъ лишь только случая.

Поступокъ Петра I съ Іоанной де-Кастро вызвалъ противъ короля Кастиліи лигу, во главѣ которой не замедлилъ встать его побочный братъ Генрихъ Трастамарскій; къ лигѣ примкнули 18 городовъ, пользовавшихся равными правами съ высшей аристократіей. Королева Бланка кастильская успѣла убѣжать изъ тюрьмы и отдалась подъ покровительство народа. Началась междоусобная борьба, въ которой Петръ былъ побѣжденъ и вынужденъ былъ вступить въ переговоры. Дѣло было передано на судъ кортесовъ; но Петръ, вывертываясь изъ явной опасности, просилъ только объ одномъ, чтобы кортесы были собраны въ Бургосѣ, который, очевидно, былъ расположенъ къ королю, затѣмъ самъ тайкомъ убѣжалъ въ Бургосъ. Здѣсь король былъ въ средѣ своихъ друзей; угрозами онъ вынудилъ отъ собравшихся кортесовъ право собирать войска для защиты. Въ средѣ лиги въ то время былъ постоянный раздоръ. Петръ далъ только одно обѣщаніе кортесамъ: возстановить законную королеву. Онъ, дѣйствительно, вызвалъ Бланку, но не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее королевой, а чтобы задушить ее. Собравъ наемниковъ, Петръ пошелъ на Толедо, взялъ этотъ городъ, жестоко наказалъ жителей, а затѣмъ пострадали всѣ тѣ, которые имѣли неосторожность вѣрить торжественнымъ обѣщаніямъ короля. Изъ Толедо Петръ отправился въ Таго, гдѣ Генрихъ собралъ главныя силы; но и этотъ городъ долженъ былъ сдаться; тогда Генрихъ бѣжалъ съ своими друзьями изъ Кастиліи во Францію.

Борьба англичанъ и французовъ въ Кастиліи.

Когда Карлъ V немного поправился, онъ не могъ не отмстить тирану, удушившему его родственницу. А тогда Петръ былъ выгнанъ изъ Кастиліи народомъ, который вышелъ изъ себя вслѣдствіе его страшнаго звѣрства. Удалив-

шись изъ Испаніи, эксъ-король скрылся въ Гіенни. Черный принцъ изъ одного рыцарства явился защищать Петра по приказанію отца. Тогда Франція является защитницей Генриха, и Карлъ V посылаетъ Дюгесклена, который только что освободился отъ наваррскаго плѣна и снова пошелъ искать счастья; 12 тысячъ сброднаго войска налетѣло на Авиньонъ. Папа далъ имъ благословеніе на грабежъ, но воины отвѣчали, что грабежъ — грабежемъ, огонь — огнемъ, а деньги — деньгами и вытребовали у папы 200 тысячъ золотыхъ флориновъ. Изъ Авиньона эта хищная толпа вторглась въ Кастилію. Въ это время изгнанникъ Петръ заключилъ договоръ съ Англіей, обѣщая за свое водвореніе всю Бискайю и нѣкоторыя другія провинціи, кромѣ того деньги рыцарямъ и наемникамъ; но всякій зналъ, что Петру заплатить нечѣмъ. Слишкомъ легковѣрный, Черный принцъ повѣрилъ обѣщанію Петра и легко былъ вовлеченъ въ обманъ. Французскій король поступилъ по своему умнѣе: онъ взялъ деньги и съ англичанъ за пропускъ войскъ чрезъ свои владѣнія и съ Генриха за то, что тотъ не будетъ пропускать англичанъ, которые впрочемъ уже успѣли прорваться. Черезъ Ронсевальское дефиле проникло войско подъ предводительствомъ Чернаго принца, войско, которое соединяло въ себѣ все, что славилось въ XIV столѣтіи храбростію, опытностью въ военномъ дѣлѣ и искусствомъ въ стратегіи. Это былъ цвѣтъ гіеннскаго и гасконскаго дворянства, храбрые воины Бретани и лучшее рыцарство Англіи. Генрихъ могъ выставить противъ нихъ только 12 тысячъ изъ преданныхъ ему кастильцевъ, аррагонцевъ и остатковъ дружинъ Дюгесклена. Тогда въ Кастиліи хозяйничали французы, какъ у себя дома.

Дюгескленъ маневрировалъ противъ лучшаго полководца своего времени. Черный принцъ уже углубился внутрь Испаніи. Дюгескленъ настаивалъ, чтобы Генрихъ избѣгалъ сраженія, потому что непріятельское войско должно было разстроиться само собою вслѣдствіе недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Онъ выигралъ бы дѣло, если бы Генрихъ слушался его. Но увлекавшійся король Кастиліи принялъ предложеніе Чернаго принца вступить въ битву, не смотря на предостереженія Дюгесклена. На берегу Эбро при Нарехѣ произошло сраженіе. Здѣсь Черный принцъ одержалъ полную и блестящую побѣду. Дюгескленъ и большая часть его воиновъ сдались. Генрихъ долженъ былъ бѣжать во

Францію. Петръ жестокій былъ водворенъ на престолѣ; онъ уже готовъ былъ переказнить всѣхъ плѣнныхъ, если бы не рыцарское великодушіе Чернаго принца. Когда дѣло дошло до расплаты съ войсками, Петръ отозвался невозможностію выполнить это требованіе и Черный принцъ долженъ былъ изъ своихъ денегъ заплатить навербованнымъ рыцарямъ, для чего онъ распродалъ даже свою серебряную посуду. Пятая часть англійскаго войска не выдержала испанскаго климата и непривычнаго образа жизни. Черный принцъ самъ заболѣлъ чахоткою, пожертвовавъ собою, чтобы утвердить звѣря на кастильскомъ престолѣ. Онъ отступилъ чрезъ Аррагонію.

Петръ не исправился. У него опять должно было произойти столкновеніе съ Генрихомъ, котораго призывали недовольные, но теперь уже Генрихъ заручается оффиціальною помощью французскаго короля. Собственно потому, что Петра поддерживалъ англійскій король, французское правительство прервало миръ и стало продолжать войну.

Петръ, за котораго лили кровь англичане, нажилъ себѣ новаго врага въ лицѣ аррагонскаго короля Педро IV. Политическія дѣла не мѣшали этому звѣрю тиранить и удовлетворять вмѣстѣ съ тѣмъ свои животныя чувства. Онъ предпринялъ тогда избіеніе дѣтей Элеоноры и своихъ побочныхъ братьевъ. Убивъ одного изъ нихъ, донъ Жуана, онъ вызвалъ его жену подъ предлогомъ свиданія съ мужемъ, а въ сущности для того, чтобы увеличить число своихъ жертвъ; несчастная предчувствовала это и скрылась въ монастырѣ, но и тамъ король не оставлялъ ее преслѣдовать. Она спаслась только тѣмъ, что обезобразила свое лицо. Послѣ заплатили жизнью за свои заслуги тѣ, которые служили королю орудіемъ для грабежа и тиранства. Такъ погибъ богатый еврей Симеонъ Леви, который научилъ короля выжимать изъ народа деньги. Прежде всего у Леви конфисковали 5 милліоновъ піастровъ и все имущество, состоявшее изъ множества драгоцѣнныхъ тканей и утвари, затѣмъ предали пыткамъ, чтобы добыть остальное. Еврей умеръ въ истязаніяхъ. Когда мусульманскіе эмиры явились въ предѣлы Кастиліи, онъ рѣшилъ тѣмъ, что началъ грабить ту и другую сторону или убивалъ болѣе богатыхъ собственноручно. Онъ не щадилъ и духовныхъ, а одного монаха сжегъ живымъ за то, что тотъ вздумалъ напугать его видѣніемъ. Онъ хотѣлъ убить епископа Толедскаго, но тотъ счастливо избѣгнулъ опасности; не смотря на это, папа осто-

рожно, даже слишкомъ робко дѣйствовалъ по отношенію къ грозному кастильскому королю, вѣроятно опасаясь дикой его рѣшимости. Когда было нужно, Петръ умѣлъ сойтись съ папою, а потомъ громко смѣялся надъ его интердиктами. Онъ утѣшалъ Церковь тѣмъ, что завѣщалъ похоронить себя непремѣнно въ рясѣ. У него былъ одинъ только истинный другъ, съ которымъ онъ рѣдко расходился, но это потому, что онъ былъ совершенно похожъ на него во всемъ, начиная съ имени и кончая приключеніями, даже семейнымъ романомъ, который удивительно былъ сходенъ съ романомъ Петра кастильскаго.

Петръ I Жестокій, король Португаліи. То былъ Петръ I, король португальскій, прозванный нѣкоторыми лѣтописцами также Жестокимъ (восьмой король въ Португаліи). У того и другаго были сходныя черты характера; у того и другаго, у Петра кастильскаго и у Петра португальскаго былъ общій врагъ, король аррагонскій; это сближало ихъ, и конечно не менѣе, чѣмъ коварство, буйство и развратъ. Одновременно рука объ руку повторяютъ другъ друга эти два двойника, носящіе одинаковыя имена и прославившіеся одними и тѣми же приключеніями. Португальскій король имѣетъ правдиваго историка, въ лицѣ Фернанда Лопеса. Этотъ португальскій лѣтописецъ жилъ не много позднѣе Айалы, въ половинѣ XV вѣка. Онъ оставилъ нѣсколько хроникъ португальскихъ королей, въ томъ числѣ и Петра I; у него тѣ же пріемы, какъ у Айалы и арабовъ (1). Главное мѣсто въ этой хроникѣ занимаетъ поэтическое описаніе любви молодаго принца къ Инесѣ, которая была фрейлиной при дворѣ его матери. Недалеко отъ Мондены, загороднаго дворца королей Португаліи, еще и теперь показываютъ ручеекъ, по теченію котораго были отправляемы письма любовниковъ въ запечатанной коробочкѣ. Инеса сдѣлалась морганической женой принца, потому что Альфонсъ IV не соглашался на неравный бракъ и женилъ сына на аррагонской принцессѣ Констанціи. Отъ послѣдней принцъ имѣлъ сына Фердинанда, будущаго короля; когда же принцесса умерла отъ родовъ, то принцъ еще болѣе привязался къ Инесѣ; она оставила ему двоихъ дѣтей. Узнавъ о существованіи послѣднихъ, Альфонсъ приказалъ ихъ убить. Напрасно Петръ

(1) Fernaõ Lopes. Chronica do Senhor D. Pedro I desto nome, ottavo Rey de Portugal (Lisboa, 1735, съ дополненіями — Pereyra Baya). См. для подр. Очеркъ средн. исторіогр. 113.

укрылъ Инесу подъ сводами монастыря, неотступно охраняя предметъ своей страсти. Принцъ имѣлъ однажды неосторожность уѣхать на охоту; узнавъ объ этомъ, король со свитою отправился въ монастырь. Когда Альфонсъ увидѣлъ слезы несчастной женщины, имъ овладѣло сожалѣніе; онъ находился въ нерѣшительности, но совѣтники его настояли на своемъ и сами вызвались нанести ударъ. По Лопесу, дѣтей вырвали изъ объятій матери и убили, а мать умерла отъ горести; по другимъ хроникамъ,—палачи убили всѣхъ вмѣстѣ.

Безпредѣльна была горесть Петра; онъ впалъ въ сумасшествіе, а потомъ рѣшился на страшную месть, мысль о которой не покидала его до могилы. Всѣ его чувства и помышленія были посвящены одному — изобрѣтенію наказанія тѣмъ палачамъ, которые погубили его любовь, а затѣмъ мести всѣмъ ихъ родственникамъ до послѣдняго поколѣнія; онъ было въ первое время взялся за оружіе, но убѣдился, что ничего не можетъ подѣлать. Тогда онъ притворился спокойнымъ, вошелъ въ сдѣлку съ отцемъ, далъ клятву не мстить убійцамъ и былъ тотчасъ допущенъ къ участію въ дѣлахъ правленія. Два года, выжидая смерти отца, томился Петръ, предвкушая месть. Наконецъ, онъ вступилъ на португальскій престолъ. Предвидя свою участь, трое вельможъ, убившихъ Инесу, убѣжали въ Кастилію; они не подозрѣвали, что кастильскій король будетъ вѣрно служить своему другу. Новый король заключилъ съ Петромъ кастильскимъ союзъ; онъ выдалъ ему троихъ кастильскихъ эмигрантовъ, а за это настоятельно потребовалъ выдачи убійцъ Инесы. Пачеко успѣлъ убѣжать съ помощью одного нищаго, которому онъ подалъ милостыню; а двое другихъ —Нуньесъ и Коэльо — были привезены въ Португалію. Петръ велѣлъ мучить ихъ съ невѣроятной жестокостью. „Самъ онъ изобрѣталъ муки для нихъ, находя, что палачи не такъ жестоки, разсказываетъ Лопесъ. Онъ желалъ, чтобы они признались, какое участіе принимали, когда ихъ посылали убить Инесу, и что замышлялъ отецъ. Ни одинъ изъ нихъ не далъ отвѣта и король, какъ говорятъ нѣкоторые, самъ ударилъ Куэльо по лицу, ибо этотъ Куэльо говорилъ ему непристойныя слова, называя его измѣнникомъ и клятвопреступникомъ. Тогда король велѣлъ убить ихъ, вырвать изъ нихъ сердца и сказалъ тому, кто вырѣзывалъ ихъ, что пріятно исполнить подобное порученіе“.

Въ этомъ правдивомъ разсказѣ, переданномъ библейскимъ тономъ, можно наблюдать звѣрство средневѣковаго человѣка, произволъ дикихъ, ни чѣмъ не сдержанныхъ страстей, кровожадность канибаловъ и порывы души, взволнованной местью и любовью. Все это спокойно отмѣчено талантливымъ хроникеромъ, всегда безпристрастнымъ и спокойнымъ. Какой-то священникъ совершилъ убійство; судъ лишаетъ его только сана, а король призываетъ каменьщика и приказываетъ совершить наказаніе надъ убійцей. Живой священникъ былъ замурованъ въ стѣну, но палачу было запрещено впредь заниматься его ремесломъ. Петръ португальскій преслѣдуетъ и казнитъ тѣхъ, кто убиваетъ евреевъ. Въ немъ есть какое-то чувство кровавой справедливости. Онъ посвятилъ всю жизнь на удовлетвореніе мести; у него умъ затемненъ былъ всѣмъ, что связывалось съ воспоминаніемъ объ Инесѣ. Такъ, стараясь возстановить память ея, онъ не только провозгласилъ ее публично и клятвенно законной супругой, но даже вздумалъ оригинальнымъ образомъ устроить эту церемонію. Тѣло Инесы чрезъ пять лѣтъ было вынуто изъ могилы, облечено въ роскошныя одежды и посажено на королевскій престолъ. Тутъ всѣ придворные должны были подходить и цѣловать руку у трупа и края одежды. Кости Инесы были собраны, положены въ новый гробъ, потомъ въ сопровожденіи двора и массы народа перенесены торжественно въ усыпальницу португальскихъ королей.

Борьба за кастильскій престолъ. Такая оригинальная и возмутительная выходка Петра португальскаго нашла подражателя въ лицѣ Петра кастильскаго. Узнавъ, что его достойный другъ совершилъ столь интересную церемонію, кастильскій король объявилъ и поклялся кортесамъ, что онъ былъ обвѣнчанъ съ Падильею до брака съ Бланкою и заставилъ признать законными ея дѣтей, а старшаго сына — инфантомъ и наслѣдникомъ престола, а въ случаѣ его смерти прежде отца, право наслѣдства формально предоставилъ дочерямъ Падильи. Конечно, желанія Петра кастильскаго не сбылись, а церемонію онъ исполнилъ въ исправности. Смерть наслѣдника престола послѣдовала чрезъ годъ. Петръ объявилъ преемницей дочь Падильи, Беатрису, чѣмъ вооружилъ противъ себя кортесы, которые въ слѣдъ за прекращеніемъ прямой линіи видѣли въ Генрихѣ Трастамаре прямаго наслѣдника престола. Тогда ухищренія Петра

направились на то, чтобы избавиться отъ ненавистнаго ему Генриха. Для этого онъ примирился съ королемъ Аррагоніи и оставилъ за нимъ покоренные имъ кастильскіе города съ тѣмъ, чтобы тотъ убилъ Генриха, а кстати и другого претендента—Фердинанда, своего своднаго брата. Но Генрихъ былъ очень ловокъ; онъ не давался въ обманъ не только самому Петру кастильскому, но и всѣмъ его союзникамъ. Онъ являлся всегда вооруженнымъ съ ногъ до головы и съ громадной свитой, также тщательно вооруженной. Дѣло кончилось тѣмъ, что донъ-Педро аррагонскій предпочелъ Генриха Петру, зная, что Петръ рано или поздно лишится престола вслѣдствіе своей жестокости, а потому заключилъ союзъ съ Генрихомъ на предметъ раздѣла Кастиліи; при свиданіи Генрихъ обезпечилъ себя заложниками. Аррагонскій король давно уже имѣлъ сношенія на счетъ Кастиліи съ французскимъ королемъ Карломъ V, который былъ жестоко огорченъ поступкомъ Петра относительно его родственницы, французской принцессы. Французскіе наемники въ большомъ числѣ поступали на службу Генриха и его союзника, короля аррагонскаго. Дюгескленъ, неутомимый боецъ, попавшійся предъ этимъ въ плѣнъ во время войны съ англичанами за Бретань, теперь выкупленный усиліями друзей, былъ вызванъ, чтобы дѣйствовать противъ Петра Кастильскаго. Самъ папа принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Генрихъ заранѣе принялъ титулъ короля. Этимъ онъ поднялъ на ноги всѣхъ недовольныхъ, считая на этотъ разъ святымъ и достойнымъ подвигомъ уничтоженіе человѣкоубійцы.

Теперь Петру трудно уже было бороться; можетъ быть, онъ могъ бы еще перекупить французскихъ наемниковъ, но онъ этого не сдѣлалъ, вѣроятно потому что растерялся. Возстаніе немедленно охватило всю страну; населеніе поднялось массою за побочнаго сына короля. Генрихъ умѣлъ склонить къ себѣ своею сравнительною гуманностью; онъ казался въ сравненіи съ Петромъ III идеаломъ добродѣтели и человѣколюбія. Когда возстаніе разгорѣлось въ Кастиліи, Петръ явился къ своему единственному союзнику, въ Португалію, но тамъ его не приняли; тогда онъ бѣжалъ въ Галисію, но не надолго; тамъ онъ боялся мести за совершенное убійство; наконецъ, онъ скрылся въ Гіенни у своего союзника, Чернаго принца. Онъ просилъ защиты у Англіи. Эдуардъ III заключилъ съ нимъ договоръ, по которому признавалъ его

законнымъ королемъ Кастиліи, и велѣлъ своему сыну поддерживать Петра. Черный принцъ исполнилъ это, хотя впослѣдствіи не разъ раскаявался въ томъ, что оказалъ помощь тирану.

Гибель Петра кастильскаго.

Хотя Генрихъ и былъ провозглашенъ сословіями, но не могъ отстоять своихъ правъ въ Кастиліи. Не смотря на личную храбрость, онъ проигралъ сраженіе при Нарехѣ; французскій полководецъ попалъ въ плѣнъ, а претендентъ укрылся во Франціи, но черезъ пять мѣсяцевъ опять явился, когда узналъ, что англичане оставили Петра. Тѣмъ временемъ Черный принцъ освободилъ Дюгесклена, который, побывавъ въ Провансѣ, набралъ 5000 наемниковъ для поддержанія Генриха. Кастилію разрывали два противника; у каждаго были укрѣпленные города. Столицею Генриха былъ Бургосъ; резиденція Петра оставалась въ Толедо. Зимою 1369 года Генрихъ взялъ Толедо и вызвалъ Петра на открытый бой, неподалеку отъ этого города. Въ томъ же году, весной, Петръ былъ разбитъ и обманомъ захваченъ въ плѣнъ. Онъ былъ въ рукахъ Дюгесклена и французскихъ рыцарей. Тѣ предлагали Генриху посмотрѣть на своего врага. „Онъ давно не видалъ его и не узналъ первое время дона Педро, разсказываетъ Айала, потому повторилъ два раза: я врагъ твой. И тогда уже король Генрихъ узналъ его и ударилъ кинжаломъ въ лицо. Оба упали на землю и король донъ-Генрихъ, сцѣпившись съ нимъ на землѣ, еще нанесъ ему нѣсколько ранъ. Такъ умеръ король донъ-Педро 23 марта 1369 года“. Затѣмъ Айала спокойно переходитъ къ описанію наружности убитаго и въ заключеніе дѣлаетъ лаконическую характеристику своего героя: „Онъ убилъ много людей въ своемъ государствѣ и оттого приключилось съ нимъ все это несчастіе“.

Возобновленіе англо-французской борьбы.

Обоюдное вмѣшательство Франціи и Англіи въ кастильскія дѣла вызвало продолжительную борьбу. Миръ въ Бретиньи, состоявшійся цѣною уступокъ почти цѣлой Франціи, не отличался прочностію. Черный принцъ былъ поставленъ въ необходимость усилить налоги. Раззоренія, внесенныя долгой оккупаціей англійскихъ войскъ, только могли содѣйствовать усиленію вражды. Гасконскіе вассалы возстали противъ этихъ налоговъ и аппелировали къ французскому королю. Дѣло въ томъ, что Эдуардъ III не соблюлъ въ точности до-

говора по вопросу объ отреченіи англійскаго короля отъ французскаго престола. Надменность, чванство, гордость, свойственныя англичанамъ, вели постоянно къ взаимнымъ раздорамъ. Гасконскіе бароны подавали жалобу во французскій парламентъ. Карлъ V сдѣлалъ видъ, что не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, но между тѣмъ возбуждалъ патріотизмъ французовъ. Въ 1368 году онъ потребовалъ Чернаго принца къ своему суду. Черный принцъ отвѣтилъ, что явится съ войскомъ; тогда судъ парламента объявилъ его лишеннымъ владѣній. Сперва открывшаяся война имѣла феодальный характеръ. Въ одни сутки было перебито до трехъ тысячъ женщинъ и дѣтей; возстаніе между тѣмъ распространялось все шире и шире. Хотя въ открытомъ полѣ англичане побѣждали, но французы избѣгали регулярныхъ сраженій, а въ возставшихъ городахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ, которые пользовались знаніемъ мѣстности. Въ этихъ мелкихъ схваткахъ палъ англійскій полководецъ Чандорсъ, а послѣ того и Черный принцъ удалился въ Англію, куда призывали его дѣла. Онъ скоро умеръ отъ чахотки (стр. 711).

Теперь шансы французскаго короля увеличились, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась польза союза съ Генрихомъ кастильскимъ. Генрихъ Трастамаре, новый король кастильскій, долженъ былъ примкнуть къ французскому королю, потому что второй сынъ Эдуарда III объявилъ притязаніе на кастильскій престолъ. Генрихъ предложилъ къ услугамъ французовъ свой флотъ, экипажъ котораго состоялъ изъ опытныхъ моряковъ. Дюгескленъ принялъ начальство надъ соединенными войсками Кастиліи и Франціи, дѣйствуя отъ имени своего короля; теперь счастье стало улыбаться французамъ. Оливье де-Клиссонъ отнялъ у Монфора почти все его герцогство и прогналъ его самого въ Англію. Англичане вели войну съ большой энергіей и овладѣвали цѣлыми провинціями, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; но лишь только они подступали къ укрѣпленнымъ городамъ, населеніе запиралось и непріятель долженъ былъ отступать, угоняя лошадей и скотъ. Наемники убѣгали изъ лагеря, дослуживъ срокъ, и не видя дальнѣйшей поживы. Дѣйствительно въ этой мелкой борьбѣ англичане умирали съ голоду въ своемъ тріумфальномъ шествіи. Города, деревни, чрезъ которые они проходили, были предаваемы пламени; дымъ пожарищъ доходилъ до дворца короля. Когда Карлу V указывали на грозное зарево, то онъ спо-

койно отвѣчалъ „пусть ихъ жгутъ, этотъ дымъ не лишитъ меня короны". Чрезъ четыре года постоянной войны въ 1374 году у англичанъ остались во владѣніи только Бордо, два города на югѣ, да одинъ (Кале) на сѣверѣ Франціи. Англичане должны были заключить перемиріе, которое не было для нихъ выгодно. Этому перемирію содѣйствовалъ папа Урбанъ V; онъ мечталъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ, которые чрезъ Галлиполи ворвались въ Европу и утвердились въ Адріанополѣ. Торжество французовъ, хотя и временное, подняло патріотическій духъ народа и было приписано королю.

Интересно наблюдать, какъ при этихъ условіяхъ усиливается монархическая идея и централизація. Карлъ V, нуждаясь въ деньгахъ, не разбиралъ средствъ: въ Бретани онъ ввелъ соляный налогъ, обложилъ всѣ дома налогами, возстановилъ крѣпостное состояніе, примѣнивъ французскую систему взиманія. Правда, Карлъ V не прибѣгнулъ къ измѣненію курса монеты, но и не спрашивалъ совѣта парламента. Когда требовалось много денегъ, то, скрѣпя сердце, король собиралъ чины, чтобы получить что слѣдуетъ и распустить собраніе. Парламентъ всѣ законодательные вопросы, пользуясь затрудненіями правительства, присвоилъ себѣ, тогда какъ въ сущности парламентъ былъ не законодательнымъ, а верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ. Хотя король пользовался авторитетомъ парламента, разсчитывая сдержать своеволіе феодаловъ, хотя онъ защищалъ народъ, но не былъ на столько рѣшителенъ, чтобы подорвать феодализмъ. Король требовалъ, чтобы каждый баронъ обучалъ своихъ наемниковъ, будетъ ли это рыцарь, или простой воинъ. Король поддерживалъ рыцарей, разсчитывая, что безземельные рыцари будутъ орудіемъ его воли. Вопреки традиціямъ прежнихъ королей, Карлъ вредилъ росту монархіи. Онъ первый допустилъ парижскую буржуазію къ пріобрѣтенію феодальныхъ имѣній, уравнявъ такимъ образомъ мѣщанство съ рыцарствомъ. Прежде было неестественно, чтобы горожане безъ титула обладали помѣстьями бароновъ; теперь капиталъ вполнѣ проявилъ свою силу. Послѣ битвы при Мопертюи былъ изданъ законъ о неотчуждаемости королевскихъ имѣній, но Карлъ V самъ началъ нарушать это постановленіе, раздавая на право и на лѣво государственныя земли.

Поучительно сопоставить внутреннюю политику недальновиднаго Карла V съ государственной дѣятельностію Эду-

арда III, который поставилъ Англію на степень могущественной державы. Онъ понималъ, что безъ парламента не можетъ достигнуть своихъ цѣлей. Въ виду того, что Эдуардъ III, задаваясь широкими замыслами, постоянно велъ войны и постоянно въ продолженіе 50 лѣтъ нуждался въ деньгахъ, парламентъ, безъ содѣйствія котораго король не могъ располагать денежными средствами, сознавъ свое значеніе и сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Сначала парламентъ имѣлъ такъ мало силы, что энергическій Эдуардъ позволялъ себѣ поступать своевольно, но затѣмъ парламентъ получилъ возможность сдержать короля и пріобрѣсти почти неограниченную власть надъ страной. Это случилось, благодаря войнамъ и слабости стараго короля, который постепенно поддался вліянію своей фаворитки Алисы Ферье. Располагая сердцемъ короля, послѣдняя до того злоупотребляла своимъ вліяніемъ, что завладѣла сокровищами покойной королевы и потребовала голоса въ парламентѣ, но принцъ Валлійскій не допустилъ этого. Тогда Алиса Ферье заключила союзъ со вторымъ сыномъ короля, герцогомъ Ланкастерскимъ. Парламентъ сталъ просить министровъ и совѣтниковъ судебнымъ порядкомъ ограничить власть старика, приставивъ къ нему 12 опекуновъ. Когда въ 1376 году Черный принцъ умеръ, то послѣ него остался малолѣтній сынъ Ричардъ, который еще при жизни дяди титуловался принцемъ Валлійскимъ. Надо замѣтить, что въ парламентѣ раздавались голоса за передачу престола старшему въ родѣ, минуя наслѣдство по прямой линіи. Эта борьба продолжалась до смерти короля, но поборники новыхъ порядковъ не имѣли успѣха.

Въ 1397 году Эдуардъ III умеръ и законнымъ наслѣдникомъ остался сынъ Чернаго принца. Приверженцы послѣдняго успѣли отстоять права ребенка, привезли его въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ въ безопасности и куда за нимъ послѣдовалъ дворъ; здѣсь его провозгласили королемъ подъ именемъ Ричарда II. Англійскій парламентъ принялъ сторону ребенка и приговорилъ Алису Ферье къ конфискаціи имущества и къ ссылкѣ. Новому королю было всего 11 лѣтъ; власть стала предметомъ раздора партій, которыя проявили особенное ожесточеніе въ борьбѣ за господство и за вліяніе надъ ребенкомъ-королемъ. **Смерть Эдуарда III.**

Съ этого времени выступаютъ интересы дома Ланкастеровъ, который старается отстоять старшинство рода. Благодаря династической борьбѣ, правительство теряетъ силу, которая постепенно переходитъ къ парламенту. Короли англійскіе стали орудіемъ интригъ могущественныхъ лордовъ.

Аналогія. Аналогичное явленіе можно наблюдать и во Франціи. Здѣсь въ средѣ королевскаго дома та же борьба, тѣ же интриги и тѣ же партіи состязаются о власти. Всѣ усилія французскаго правительства были обращены на борьбу съ Англіей; король хотѣлъ совсѣмъ вытѣснить англичанъ съ Юга. Во власти французовъ былъ почти весь югъ Франціи, кромѣ Бордо и Байоны. Герцогъ анжуйскій былъ назначенъ правителемъ Лангедока. Одновременно съ тѣмъ Наварра была раздѣлена между Франціей и Кастиліей и предначертано было присоединеніе къ Франціи Бретани. Въ первое время бретанцы возстали поголовно и призвали было Монфора, котораго поддерживали англичане, но вскорѣ волей неволей должны были признать французскую власть.

Въ 1380 году умеръ Дюгескленъ, а вслѣдъ за нимъ и Карлъ V; наслѣдникомъ становился его сынъ Карлъ VI. Ему предстояло долгое и несчастное царствованіе. Король предъ смертію назначилъ регентство изъ дядей Карла VI. Это были герцоги: Анжуйскій, Бургундскій и Беррійскій. Кромѣ нихъ былъ еще поставленъ совѣтъ изъ 40 членовъ отъ духовныхъ чиновъ, парламента, рыцарства и буржуазіи. По уставу регентства принцы не могли ничего предпринять безъ согласія совѣта, но ничего этого не было на дѣлѣ. Наибольшее вліяніе пріобрѣлъ герцогъ Анжуйскій; онъ обокралъ казну и долгое время управлялъ одинъ, пока не вмѣшался неаполитанскій король. Филиппъ устроился въ Бургундіи, которую онъ пріобрѣлъ еще въ 1361 году. Герцогъ Беррійскій Іоаннъ получилъ Лангедокъ въ намѣстничество.

Съ конца XIV вѣка во Франціи и Англіи мы замѣчаемъ если не вполнѣ одинаковыя, то аналогичныя явленія. Они касаются и сущности дѣла и наружныхъ формъ, неравномѣрности задачъ и цѣлей правительствъ со средствами той и другой стороны. И тутъ и тамъ, малолѣтніе и опекаемые регентствомъ короли. Въ той и другой странѣ борьба поборниковъ первенства рода съ поборниками первенства старшихъ линій. И тутъ, и тамъ регенты одинаково стараются

захватить власть въ свои руки. Дяди-регенты стремятся отнять корону у своихъ племянниковъ. Во Франціи и въ Англіи наблюдаемъ одинаковое стремленіе правительствъ повышать налоги, что возбуждаетъ неудовольствіе народовъ. Высшее сословіе пользуется этимъ неудовольствіемъ для того, чтобы ограничить королевскую власть въ свою пользу, но этому противодѣйствуетъ масса народная, терпѣвшая страшныя притѣсненія отъ дворянства и духовенства. Въ концѣ XIV вѣка народъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами для осуществленія коммунальныхъ интересовъ; онъ потерялъ уже любовь къ преданіямъ и воспоминаніямъ коммунъ. Горожане и поселяне не дѣйствовали дружно. Тѣ и другіе заботились о частныхъ, а не объ общихъ интересахъ и когда Франціи грозило порабощеніе отъ Англіи, то одинъ народъ спасъ отечество. По словамъ Мишле, Англія первая открыла Франціи тайну ея силъ; за то тяжелы были испытанія, которыми Франція должна была купить сознаніе этой тайны. „Точно въ рукахъ демона-искусителя она проходила страшные круги Дантова ада, именуемые исторіею XIV вѣка“. Но испытаніе не кончилось еще въ XIV вѣкѣ. Франціи нужно было погрузиться на дно политическихъ бѣдствій и потомъ уже подняться и возстать за свою политическую самостоятельность и вступиться за попранныя чужеземцемъ права.

Что касается Англіи, то тамъ, среди раздоровъ партій, аристократія и торговый классъ не теряютъ изъ вида главной цѣли — расширенія гарантій политической свободы. Во Франціи же не сознавали этого. Здѣсь, хотя и сказывались неудовольствія противъ правительства, но они проявлялись глухо и не вели за собою ограниченія королевской власти, какъ то было въ Англіи.

Франція въ малолѣтство Карла VI.

Въ малолѣтство короля Карла VI Луи Анжуйскій былъ правителемъ государства. Когда онъ съ согласія нотаблей установилъ новые налоги, то сборъ этихъ налоговъ возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ Парижѣ, Руанѣ и другихъ городахъ. Населеніе взялось за оружіе, перебило и разогнало королевскихъ комиссаровъ, взимавшихъ налоги, нападало на замки бароновъ и совершало всякаго рода звѣрства. Это возстаніе получило названіе войны мальотеновъ (бердышниковъ, отъ слова maillet—бердышъ), потому что возставшая парижская

чернь овладѣла оружіемъ, которое хранилось въ арсеналѣ и между которымъ было много бердышей. Въ этомъ возстаніи едва не погибъ самъ регентъ. Онъ долженъ былъ отмѣнить налогъ. Но нуждаясь въ деньгахъ по случаю войны съ Англіей, онъ созвалъ чины сѣверной Франціи и потребовалъ у нихъ пособія на военныя издержки. Получивъ отказъ, онъ созвалъ чины вторично, но большинство представителей не явилось, чтобы не быть вынужденными согласиться на его требованіе. Регентъ тогда рѣшился прибѣгнуть къ насилію. Онъ собралъ около себя опытную въ войнѣ часть націи — рыцарство, поставивъ во главѣ войска юнаго короля. Первый ударъ былъ направленъ на Руанъ. Рыцари ворвались въ городъ и произвели страшное опустошеніе. Потомъ наемники регента начали свирѣпствовать около Парижа, а затѣмъ и въ самомъ городѣ. Они производили страшныя опустошенія, такъ что парижане согласились уплатить 100000 золотыхъ ефимковъ (около 1,100,000 франковъ), чтобы избавиться отъ безчеловѣчныхъ наемниковъ и вернуть короля въ столицу. Большая часть этой суммы поступила въ кассу Анжуйца, который получилъ теперь средства приступить къ давно задуманному неаполитанскому походу. Теперь власть перешла къ герцогу Бургундскому, Филиппу Смѣлому, который сталъ обирать Францію для осуществленія своихъ видовъ на Фландрію, подобно тому какъ Луи Анжуйскій эксплуатировалъ Францію для Неаполя.

Фландрскій вопросъ.

Во Фландріи по прежнему заключалась причина тѣхъ демократическихъ сремленій, которыя охватили собою города Франціи. Жители Гента имѣли постоянныя сношенія съ Парижемъ, Реймсомъ, Руаномъ, Орлеаномъ, гдѣ только ждали сигнала изъ Гента и успѣховъ фламандцевъ, чтобы перерѣзать рыцарей. Волненія въ одномъ изъ нихъ отражались въ другомъ. Во французской части Фландріи, болѣе промышленной, было еще относительно спокойно, но въ самостоятельномъ Гентѣ, опиравшемся на англійскія симпатіи, происходили постоянныя волненія. Этихъ волненій не могъ устранить графъ фландрскій, Людовикъ III. Онъ пользовался ничтожнымъ вліяніемъ въ странѣ; каждый изъ фландрскихъ городовъ былъ только въ номинальной зависимости отъ графа. Когда между Гентомъ и Брюгге вспыхнула война, обусловленная прежде всего взаимной завистью и промышленной ревностью этихъ городовъ, то графъ Людовикъ со своимъ рыцар-

ствомъ принялъ сторону послѣдняго. Борьба между городами была нерѣшительна до 1382 года, когда во главѣ гентцевъ явился Филиппъ д'Артевелль, сынъ бывшаго демагога Жака д'Артевелля. Съ этой минуты война принимаетъ печальный оборотъ для жителей Брюгге и графа съ его рыцарствомъ. При Бевергоутѣ рыцари потерпѣли совершенное пораженіе. Самъ графъ убѣжалъ во Францію. Фландрскія волненія и пораженіе Людовика раздражили французское рыцарство, которое, опасаясь усиленія успѣховъ фландрской домократіи, взывало къ мести за пораженіе своихъ собратій. Когда французское правительство объявило походъ на Фландрію, рыцарство стеклось со всѣхъ сторонъ. Французскимъ войскомъ командовалъ храбрый коннетабль Оливье дю-Клиссонъ, соратникъ и ученикъ Дюгесклена. Нечего говорить о превосходствѣ этого войска надъ необученными толпами д'Артевелля. Поэтому было легко предвидѣть результатъ состязанія. При Розебекѣ произошло сраженіе, 80 лѣтъ спустя послѣ битвы при Куртрѣ (въ 1382 году). Сперва Артевелль одержалъ верхъ надъ Людовикомъ, но Клиссонъ поправилъ дѣло. Рыцари разсѣяли толпы своихъ противниковъ, положивъ болѣе 20 тысячъ фламандцевъ на мѣстѣ, въ томъ числѣ и самого д'Артевелля. Тяжелый отрядъ фламандской пѣхоты былъ отброшенъ французской конницей на остальное войско. Множество фламандцевъ было при этомъ задавлено и почти никто не могъ дѣйствовать своимъ тяжелымъ оружіемъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой войны для Фландріи былъ только болѣе тѣсный союзъ съ Англіей, вызванный желаніемъ мести. Фламандцы не чувствовали себя пораженными; паники въ городахъ не было и даже Гентомъ, гдѣ вмѣсто д'Артевелля явился Акерманъ, не успѣли овладѣть побѣдители. Но для французскихъ горожанъ Фландріи послѣдствія сказались немедленно.

Ударъ при Розебекѣ, нанесенный демократамъ во Фландріи, горестно отозвался въ сердцахъ парижанъ. Жители столицы не осмѣлились затворить ворота предъ побѣдоноснымъ войскомъ регентовъ. Не смотря на это, оно вступило въ Парижъ какъ въ непріятельскій городъ, взятый приступомъ. Прежде всего разрушены были укрѣпленія города, а потомъ дѣло дошло и до буржуазіи. Регенты взяли 300 лучшихъ заложниковъ, предавая ихъ казнямъ, чтобы устрашить остальныхъ гражданъ и вынудить у нихъ все, что можно. Всѣ граж-

дане должны были выдать оружіе. Всѣ налоги, которые существовали при прежнихъ короляхъ, правительство снова возстановило именемъ короля и безъ согласія чиновъ. Измѣнено было муниципальное устройство Парижа; у гражданъ отнято право избранія должностныхъ лицъ. Однимъ словомъ, можно полагать, если бы монголы, турки или арабы внезапно попали на Францію, то, вѣроятно, они не превзошли бы въ безчеловѣчіи правительство короля и рыцарство. Также было поступлено и съ Руаномъ; здѣсь добычу раздѣлили герцоги бургундскій и беррійскій. Но не смотря на всѣ эти грабительства и поборы со стороны правительства, королевская казна ничуть не разбогатѣла, потому что всѣ деньги пошли на уплату жалованья хищнымъ наемникамъ; но и здѣсь все прибрали къ своимъ рукамъ начальники, а солдаты (какъ по примѣру итальянцевъ стали теперь называть наемниковъ, оплачиваемыхъ *солидами* и *су*) снова принялись грабить страну. Всѣ эти мѣры вызвали снова неудовольствіе противъ правительства, которое еще болѣе усилилось, когда королевскимъ указомъ была учреждена ежегодная подать съ доходовъ и имущества податныхъ сословій, къ которымъ не принадлежали ни дворянство, ни духовенство.

Въ такомъ положеніи застаетъ страну XV вѣкъ.

Англія въ малолѣтство Ричарда II.

Взглянемъ, что предоставляютъ аналогичныя явленія въ исторіи Англіи? Здѣсь во время малолѣтства Ричарда II мы видимъ также регентство и тоже самовластіе, тѣже волненія и возстанія по поводу притѣсненія и незаконныхъ поборовъ со стороны правительства и аристократіи. Дѣло въ томъ, что и здѣсь правительство, какъ во Франціи, нуждалось въ деньгахъ и должно было установить новые налоги. Хотя эти налоги и были обременительны для народа, но самое главное зло заключалось въ томъ, что эти налоги отдавались на откупъ и откупщики собирали ихъ съ неслыханнымъ безчеловѣчіемъ и безсовѣстностью, имѣя въ виду лишь собственные барыши. Такая наглость откупщиковъ привела всю страну въ волненіе и народъ ждалъ повода, чтобы возстать. Поводъ этотъ скоро представился, когда сборщики податей нанесли оскорбленіе семейству одного кровельщика Уата Тайлера. Уатъ Тайлеръ отказался заплатить подать, выгналъ оскорбившихъ его откупщиковъ и призвалъ народъ къ вооруженному сопротивленію. Теперь возстаніе распро-

странилось по всей Англіи. Уатъ Тайлеръ сдѣлался предводителемъ цѣлой толпы собравшихся вокругъ него поселянъ, ремесленниковъ и рабочихъ.

Бунтовщики, сознавъ уже свою силу, рѣшили идти на Лондонъ и потребовать отъ короля отмѣны всей существовавшей системы налоговъ. На пути они грабили имѣнія феодаловъ, жгли и уничтожали все, что принадлежало баронамъ и убивали королевскихъ чиновниковъ. Правительство было страшно напугано, рыцари были въ паникѣ. Нечего было прибѣгать къ отпору. Въ самомъ Лондонѣ ожидали возстанія черни. Оно и произошло, когда масса рабочаго люда соединилась съ вновь прибывшими мятежниками. Король долженъ былъ скрыться въ Тоуерѣ, гдѣ и былъ осажденъ народомъ. У Ричарда не было энергіи, онъ не имѣлъ и средствъ бороться противъ возстанія. Средства нельзя было добыть силой; тогда рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Всѣ понимали, что возстаніе сильно только благодаря искусству предводителя, энергичнаго Уата Тайлера. Необходимо нужно было избавиться отъ этого послѣдняго, чтобы подавить движеніе. Король притворно согласился на выполненіе всѣхъ требованій мятежниковъ; 15 іюня Ричардъ въ сопровожденіи множества рыцарей выѣхалъ изъ крѣпости, чтобы предъ лицомъ всего народа заключить условіе съ предводителемъ возстанія. Послѣ нѣкотораго колебанія къ нему приблизился Уатъ Тайлеръ. Но лишь только Тайлеръ началъ говорить съ королемъ, какъ ему пронзили горло и онъ палъ подъ ударами рыцарей. Когда смущенная толпа увидѣла, что предводитель ея убитъ, она обратилась въ покорное стадо и бросилась бѣжать; каждый заботился только о своемъ спасеніи. Рыцари воспользовались паникой и энергично бросились преслѣдовать бѣжавшихъ, нанося удары направо и налѣво. Такимъ образомъ возстаніе было подавлено и король взялъ назадъ свои обѣщанія. Бѣдный народъ подпалъ подъ прежнее иго и отъ возстанія выиграли только одни вельможи. Уатъ Тайлеръ.

До сихъ поръ разсмотрѣнныя нами явленія въ Англіи и Франціи имѣли аналогію. Но Англія того времени отличается отъ Франціи тѣмъ, что протестъ англійскаго народа выразился не только противъ свѣтской власти, но и противъ духовной. Этотъ послѣдній протестъ имѣетъ своего представителя въ лицѣ францисканца Джона Боля. Это былъ не Джонъ Боль.

столько проповѣдникъ, сколько фанатическій коммунистъ. Потому онъ не могъ образовать секту. Джонъ Боль настаивалъ на совершенномъ измѣненіи соціальнаго порядка, требовалъ отмѣны всѣхъ налоговъ, раздѣла собственности и истребленія богатыхъ и знатныхъ. Онъ отрицалъ право на частное имущество и признавалъ только общинное владѣніе. Простому народу нравилось это ученіе, уравнивавшее всѣхъ въ соціальномъ отношеніи. Подъ вліяніемъ его проповѣдей у крестьянъ сложилась пословица: „Былъ-ли баронъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла?“ Джонъ Боль погибъ въ числѣ первыхъ, при подавленіи возстанія, произведеннаго Тайлеромъ.

Джонъ Виклефъ (1324-87 г.). Гораздо всестороннѣе и раціональнѣе Джона Боля былъ въ своихъ нападкахъ на духовную власть его современникъ Джонъ Виклефъ ([1]). Деморализація въ духовенствѣ доходила въ то время до крайнихъ предѣловъ, а распущенность монаховъ дошла до такой степени, что Эдуардъ III нерѣдко силою заставлялъ епископовъ и церковныя власти преслѣдовать вопіющія преступленія монаховъ. Изъ одного манифеста Эдуарда мы видимъ, что лондонская церковь св. Павла формально превратилась въ таверну, или даже въ нѣчто худшее. Монастыри были также притонами разврата. На эту-то деморализацію и обратилъ вниманіе Джонъ Виклефъ, нападая на безнравственные поступки священниковъ и монаховъ. Понятно, какъ сильно обличенія Виклефа задѣли мѣстное духовенство и особенно монашество. Дошло до того, что духовенство жаловалось въ Римъ. Въ 1377 году Григорій XI издаетъ грозную буллу противъ Виклефа и его ученія, предавая его церковному суду. Но покровители его, герцогъ Ланкастерскій и графъ Перси Нортумберландскій, первыя лица Англіи, вырвали осужденнаго Виклефа изъ рукъ раздраженнаго духовенства и фанатиковъ. И другіе крупные землевладѣльцы и бароны поддерживали его, такъ какъ имъ нравилось то мѣсто изъ рѣчей Виклефа, гдѣ онъ отрицалъ у духовенства право пользованія землею и свѣтской властью.

([1]) Lewis. Hist. of the life and sufferings of J. Wiclef. L. 1720, Oxf. 1820 (дополнено). — Gilpin. Lives of J. Wiclef and of the most eminent of his disciples. L. 1765. — Zitte. Lebensbeschreibung des Wiclef. Pr. 1786. — Tischer (L. 1800). — Vaughan (L. 1828 и дополн. L. 1853, лучшая изъ монографій). — Le-Bas (L. 1832, 1846). — Engelhardt. Wicliffe als Prediger. Erl. 1835.

Кромѣ того распространенію ученію Виклефа способствовалъ расколъ въ католической Церкви. Дѣло въ томъ, что по смерти Григорія XI было избрано вмѣсто одного двое папъ и каждый изъ нихъ посылалъ спеціально своихъ легатовъ для продажи индульгенцій. Послѣ, какъ извѣстно, стало трое папъ въ одно время, что еще болѣе придавало вѣсу поученіямъ Виклефа. Противъ этой эксплуатаціи народнаго религіознаго чувства возсталъ Виклефъ. Онъ энергично высказался не только противъ многихъ обрядовъ католической Церкви, но даже коснулся и догматовъ ея. Онъ говорилъ противъ католическаго взгляда на причастіе и обнародовалъ семь тезисовъ противъ римской Церкви. Его послѣдователи назвались лоллардами. Явилось національное направленіе въ англійской Церкви. Подъ его вліяніемъ и парламентъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры противъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ въ Англіи папы и духовенство. По волѣ парламента всѣ иноземные монахи были высланы изъ Англіи. Кромѣ того Виклефъ обнародовалъ актъ, отнимавшій у папы право раздавать иностранцамъ англійскіе приходы, а равно запрещалъ англійскимъ подданнымъ арендовать земли у иноземныхъ духовныхъ или утверждать актами за послѣдними таковыя земли. Архіепископъ долженъ былъ терпѣть нападки Виклефа на Церковь и духовенство. Причиною того было отчасти ослабленіе папской власти въ Англіи, а отчасти то, что Виклефъ находился подъ покровительствомъ правительства. Между прочимъ успѣху содѣйствовало прибытіе легата съ идульгенціями. Въ этой борьбѣ съ духовенствомъ и папствомъ, всегда поддерживаемый народомъ, Виклефъ умеръ спокойно въ 1387 году. Его церковно-политическій протестъ ясно знаменуетъ переходъ отъ средневѣковой теократіи къ новому времени, непосредственно къ XV столѣтію, этому вѣку возрожденія мысли, искусствъ и свободы совѣсти.

---

5) Италія въ XIV и въ началѣ XV вѣка. Ломбардія, Римъ и Неаполь.

Принчипатство.

Намъ слѣдуетъ сдѣлать очеркъ исторіи Италіи въ XIV вѣкѣ и судебъ папства. Исторія Италіи въ XIV вѣкѣ въ высшей степени интересна, потому что представляетъ борьбу свободныхъ, національныхъ элементовъ съ претензіями князей, principi, часто чужеземнаго происхожденія. Богатая Италія, которая разбогатѣла, главнымъ образомъ, благодаря крестовымъ походамъ, служила предметомъ зависти для чужестранцевъ и соблазномъ для авантюристовъ. Отсюда и явилась тиранія или точнѣе принчипатство. Свободные, самостоятельные, республиканскіе города должны были подчиниться власти князей. Германское вліяніе въ значительной степени содѣйствовало этой перемѣнѣ. Это движеніе проявилось съ конца XIII вѣка. Является вопросъ: на сколько было полезно это стремленіе къ монархіи, выразившееся въ появленіи князей, то есть въ принчипатствѣ. Нельзя оспаривать, что такое стремленіе отдѣльныхъ князей къ самодержавію было исторической потребностью. Нѣкоторые изъ этихъ „тирановъ" давали богатую жизнь бывшимъ республикамъ, но изучая этотъ періодъ князей все таки придется согласиться съ тѣми итальянскими національными историками, которые винятъ князей за развратъ, безнравственность, за рядъ насилій, за стремленіе къ обогащенію всякими неправдами. Это движеніе въ политической жизни, начинающееся въ концѣ XIII столѣтія, интереснѣе всего наблюдать въ сѣверной Италіи. Городъ Миланъ былъ тѣмъ центромъ, вокругъ котораго группировались другія итальянскія республики (¹).

(¹) Лѣтописи: Ararius. Chron. de gestis in Lombardia principum (1250—1562)—Muratori; XVI, 297—424. Andreas Billius для исторіи Милана въ XIV вѣкѣ (1402—1431)—ib. XIX, 6—158 и промежуточное время I. de Mussis. Самое полное изъ старыхъ пособій это классическій трудъ знаменитаго ночерскаго епископа Paolo Giovio (Iovius), Vitae XII vicecomitum, Mediolani principum (Bas. 1542). Авторъ жилъ въ 1483—1552 г. и прославился своею Historiarum sui temporis ab 1494—1547, а также Elogia virorum bellica virtute illustrium. Онъ цитуетъ многочисленные источники, которыми пользовался вполнѣ научно. Его сочиненія перевелъ на итальянскій языкъ L. Domenichi. Изъ него сдѣлалъ компиляціи S. Barbuo

Делла-Торре въ Миланѣ.

Въ XIV вѣкѣ постепенно складывается въ сѣверной Италіи монархическое государство, объединенное властителями Милана, подъ названіемъ Миланскаго герцогства. Начало этого движенія положила династія Делла-Торре. Императоры германскіе поддерживали этихъ владѣтелей. Вообще честолюбивые принчипи никогда не могли опираться на свой авторитетъ; все, что они дѣлали въ Италіи, было какъ бы отраженіемъ воли императоровъ. Князья должны были непремѣнно искать союза съ главою священной Римской Имперіи. Наполеонъ Делла-Торре, который управлялъ Миланомъ, сдѣлался представителемъ власти императоровъ; къ нему законно переходили всѣ права, выговоренныя въ свою пользу еще Барбароссой при заключеніи Костницкаго мира. Неосторожный поступокъ повлекъ паденіе этой фамиліи. Къ тому же въ это время среди дворянской партіи выдался даровитый дѣятель въ лицѣ миланскаго архіепископа,—именно Оттонъ Висконти. Ему суждено было быть родоначальникомъ династіи, основавшей почти неограниченную монархію въ Ломбардіи, для того, чтобы послѣ передать ее, еще болѣе крѣпкую, представителямъ дома Сфорцы, вышедшаго изъ простыхъ крестьянъ.

Домъ Висконти.

Бароны, изгнанные изъ родины демократическимъ деспотизмомъ Торре, собрались въ тѣсный кружокъ около своего главы Висконти, такого же изгнанника. Лига была довольно сильна. Бароны съ Оттономъ во главѣ бросились на Миланъ. При Дезіи, недалеко отъ столицы, они встрѣтились съ войсками Торре и разбили ихъ на голову. Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Когда Оттонъ Висконти вошелъ въ Миланъ, то изъ страха или изъ симпатіи—съ восторгомъ и криками радости былъ провозглашенъ синьоромъ (21 января 1277 г.). Наполеонъ умеръ въ тюрьмѣ. Новый правитель, обладавшій большимъ тактомъ, онъ легко взялъ народъ въ руки.

Sommario delle vite de'duchi di Milano, cosi Visconti come Sforzeschi (Ven. 1574). Въ слѣд. столѣтіи явился капитальный трудъ Bernardino Corio l'Hist. di Milano (Pad. 1646); изложеніе въ лѣтописной формѣ всегда полно интереса. Это сочиненіе послужило существеннымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ историковъ, какъ напр. Hasse. (Die Gesch. der Lomb. Dr. 1826, p. пер.), Verri (storia di Mil. comm. da Cercano, Gis. 1651 съ прод. Custodi за 1525—1792 г.), Cusani (Storia di Mil. con cenni storicc-statistici, 1865, M. 30)

Маттео и его сыновья.

Всего было двѣнадцать представителей этой династіи (1277—1447 г.): Оттонъ, Маттео Великій, Галеаццо I, Азоне, Лукино, Джіованни, Маттео II, Галеаццо II, Бернабо, Джіованни Галеаццо, Джіованни-Марія и Филиппо-Марія Маттео Великій получаетъ отъ императора Генриха VII титулы графа Виртю и виконта государства Миланскаго въ добавокъ къ его прежнему званію императорскаго викарія (vicecomes civitatis Mediolani, imperialis vicarius generalis et comes Virtus). Даровитѣйшій изъ Висконти, онъ справедливо можетъ назваться основателемъ могущества своего дома, собирателемъ сѣверо-итальянскихъ земель. Во всемъ онъ поступалъ удачно, никогда не дѣйствуя круто. Онъ былъ остороженъ, уменъ, но не геніаленъ и, конечно, не заслужилъ права называться Великимъ. Тѣмъ не менѣе Ломбардія много обязана ему своимъ внутреннимъ развитіемъ. Онъ положилъ прочное основаніе торговымъ оборотамъ страны, ея экономическому преуспѣянію. По плану и настоянію Маттео, былъ проведенъ каналъ (Naviglio grande) для соединенія Тичино и Аддо. Этимъ способомъ вся ломбардская торговля сосредоточивалась въ Миланѣ, и долина Адды сама собой сдѣлалась плодороднѣе. Дворъ Маттео привлекалъ къ себѣ ученыхъ и поэтовъ. Привѣтливый синьоръ Милана умѣлъ обворожить всѣхъ своей благородной личностью. Самымъ благодѣтельнымъ образомъ вліялъ онъ на умственное развитіе обширной республики. Его сорокапятитысячная армія осязательно выражала могущество Милана. Но умный Маттео не злоупотреблялъ ею, ограничиваясь лишь оборонительной войной противъ Климента V и Роберта неаполитанскаго. Завѣтная мечта этого правителя направлялась къ соединенію Ломбардіи, и даже всей Италіи, въ одно цѣлое. Но для осуществленія такой мысли не доставало энергіи. Маттео былъ опытенъ, остороженъ даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Какъ искусный тиранъ, онъ не настаиваетъ ни на наслѣдственномъ избраніи, ни на герцогскомъ титулѣ. И то и другое пришло само собой. Вообще Висконти дѣйствовали осторожно, будто по программѣ, утвержденной народомъ. Они старались какъ можно менѣе казаться властителями, не выходили изъ рядовъ простыхъ гражданъ и только архіепископское званіе возвышало ихъ надъ толпой прочихъ дворянъ.

Развѣ одинъ развратный и жестокій Лукино составлялъ исключеніе. Онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность романиче-

ской исторіею съ Маргаритою Пустерла, которая погибла на эшафотѣ за свою вѣрность мужу. Висконти не смотрѣлъ на то, что Маргарита приходилась ему родственницей. Вообще время Лукино отличается женскими интригами. Онъ самъ погибъ отъ руки своей жены.

Его преемникъ, другой сынъ Маттео Великаго, Джіованни, былъ еще при жизни брата назначенъ „синьоромъ" государства. Теперь это постановленіе народнаго собранія (consiglio generale) было только подтверждено, впрочемъ съ важной оговоркой (1349 г): синьору предоставлялось право передавать государство своимъ потомкамъ по мужской линіи. Это обстоятельство заставило Ломбардію проститься съ республиканскими мечтами уже и de jure; вмѣстѣ съ тѣмъ оно утвердило династію Висконти въ обладаніи Миланомъ. Не доставало только обряда коронаціи и титула, освященнаго императорскою санкціею.

Джіованни-Галеаццо (1378—1402.)

Въ 1378 году синьоромъ великаго Ломбарскаго союза дѣлается по праву наслѣдства Джіованни Галеаццо (1378--1402 г.) тотъ самый, который послѣ получилъ титулъ Миланскаго герцога. Его можно назвать объединителемъ Ломбардской земли, до того времени разбитой на отдѣльныя мелкія общины. Какъ всякій собиратель земли, онъ оставилъ по себѣ память неутомимаго, суроваго тирана. Онъ принадлежитъ къ типу тѣхъ монархическихъ централизаторовъ, которые ни передъ чѣмъ въ мірѣ не останавливаются для осуществленія своихъ унитарныхъ стремленій, которымъ суждено кровью начинать и кровью же оканчивать свою историческую дѣятельность. Джіованни Галеаццо наслѣдовалъ отъ отца всѣ его владѣнія кромѣ Милана, Лоди, Кремоны, Пармы, Кремы, Бергамо и Брешіи, которые достались брату покойнаго синьора, Бернабо, дядѣ и тестю Галеаццо. Слѣдовательно самому Галеаццо непосредственно подчинялись слѣдующіе города: Павія, Асти, Тортона, Верчелли, Новара, Піаченца, Александріа, Альба, Комо, Казале, Сант-Еваджіо, Валенція и Виджевано. Такимъ образомъ совершилось временное распаденіе Ломбардскаго союза; явилось два государства и двѣ столицы. Бернабо жилъ въ Миланѣ; Джіованни Галеаццо въ Павіи. Но отважный и хитрый племянникъ не думалъ дѣлить съ дядею государства, которое онъ по всѣмъ правамъ считалъ законной и наслѣдственной собственностью. Для людей, какъ онъ

полагалъ, вѣроломство, коварство, ядъ, ночное убійство считается лучшимъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей. Принимая на себя видъ обиженнаго, оскорбленнаго людьми и судьбою, Галеаццо притворился равнодушнымъ къ свѣту и вдался въ ханжество. Онъ окружилъ себя священниками и монахами. Онъ вносилъ огромныя пожертвованія въ церкви и монастыри. Онъ не разставался съ молитвенникомъ и съ четками. Онъ не выходилъ изъ храмовъ, проливая слезы передъ чудотворными иконами, передъ статуями Мадонны, лобызая евангеліе, раки мощей, участвуя во всѣхъ религіозныхъ торжествахъ. Недальновидный дядя думалъ, что племянникъ скоро совсѣмъ удалится отъ міра, уйдетъ въ монастырь и отдастъ ему свои города. А Галеаццо продолжалъ распускать слухи, что его гнететъ какой-то страхъ, что все строитъ на него ковы, что только въ религіи приходится ему искать утѣшенія и въ заключеніе объявилъ, что его жизни грозитъ опасность. На этомъ основаніи онъ сдѣлалъ изъ своего двора крѣпость, окружилъ себя цѣлой арміей и въ большихъ размѣрахъ сталъ нанимать кондотьеровъ.

Убійство Бернабо.

Съ многочисленной свитой и съ значительнымъ отрядомъ войска Галеццо отправился на поклоненіе въ Варезскій монастырь Св. Дѣвы. Путь лежалъ чрезъ Миланъ. Недалеко отъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу Бернабо съ двумя дѣтьми (6 мая 1387 г.). Галеаццо съ видомъ непритворной радости бросился къ своему дядѣ и нѣжно обнялъ его. Потомъ сказалъ по нѣмецки нѣсколько снова капитанамъ Джакоппо Берме и Антоніо Порро. Бернабо не могъ разобрать; нѣмецкій языкъ былъ тогда общимъ языкомъ между кондотьерами; онъ служилъ военнымъ языкомъ для всей Европы. Тогда оба капитана бросаются на Бернабо, хватаютъ его мула за узду, отбираютъ его оружіе и увлекаютъ подъ сильнымъ конвоемъ. Напрасно Бернабо вырывается и громкимъ голосомъ призываетъ на помощь своего племянника, въ полной увѣренности, что онъ не виновникъ такого злодѣйства. Дѣти его также арестованы, свита разсѣяна. Бернабо плѣнникъ въ рукахъ Галеаццо, который тогда же торжественно вступаетъ въ Миланъ и провозглашаетъ себя синьоромъ Ломбардіи. Бернабо былъ заключенъ въ крѣпостную цитадель, гдѣ черезъ семь мѣсяцевъ умеръ отъ медленнаго яда.

Планы Галеаццо.

Никто не пожалѣлъ объ немъ, такъ какъ онъ кромѣ имени тирана ничего не оставилъ по себѣ, но также не по-

жалѣли бы и о Джіованни Галеаццо, когда тотъ, сбросивъ съ себя маску религіозности, неограниченно началъ властвовать въ Миланѣ и оттуда громить страхомъ своего имени всю Ломбардію. Двадцать городовъ кромѣ Милана признавали его власть и непосредственно подчинялись ему. Но онъ далеко не довольствовался этимъ. По предположенію миланскаго историка Верри, его затаенною мыслью было сдѣлаться королемъ Италіи. Прототипъ Макіавеллевскаго principe, онъ могъ бы сдѣлаться такимъ государемъ, если бы жилъ не много позже, а не при тѣхъ государственныхъ, экономическихъ и военныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Италія. Онъ долженъ былъ довольствоваться только тѣмъ, что въ 1395 году (2 мая) получилъ отъ императора Венцеля титулъ Миланскаго герцога, который дѣлалъ его номинальнымъ вассаломъ имперіи и самостоятельнымъ de facto государемъ европейскимъ. Этотъ титулъ императоръ продалъ Галеаццо за 100 тысячъ дукатовъ, прибавивъ къ тому право на владѣніе графствами Пармою, Піаченцею и Павіею.

Для округленія герцогскихъ областей не доставало трехъ городовъ: Вероны, Виченцы и Падуи. Эти города находились въ рукахъ двухъ домовъ, искони враждебныхъ Висконти и всегда боровшихся между собою. Верона и Виченца принадлежали теперь Антонію делла Скала, фамилія котораго, знаменитая по всей Италіи, уже 120 лѣтъ господствовала надъ этими городами, все время продолжая отбиваться отъ честолюбивыхъ претензій Висконти. Въ Падуѣ властвовалъ Франческо да-Каррара, отличавшійся непреклонною волей и стойкимъ характеромъ. Болѣе 70 лѣтъ имя князей Каррара гремѣло въ Ломбардіи. Джіованни Галеаццо надо было употребить много усилій, много искусства и много вѣроломства, чтобы одолѣть двухъ такихъ противниковъ. Побѣжденный и изгнанный, Антоніо, послѣдній представитель своего рода, отдалъ Верону и Виченцу императору Венцелю. Тогда хитрый Галеаццо, стараясь вездѣ укрыться закономъ, предъявилъ свои наслѣдственныя права на эти города. Онъ говорилъ, что его дядя Бернабо былъ женатъ на послѣдней Беатриче делла-Скала и что самъ онъ женатъ на ея дочери Екатеринѣ, которой слѣдовательно должны de jure перейти владѣнія Антонія. Императоръ согласился съ Галеаццо и далъ ему Ве-

Возникновеніе Миланскаго герцогства.

рону вмѣстѣ съ Виченцою, при чемъ не упустилъ случая взять съ герцога значительную сумму денегъ.

Что касается до Франческо да-Каррара, то съ нимъ Галеаццо нисколько не стѣснялся. Тутъ отбросивъ всякую юридическую маску, онъ сталъ дѣйствовать открыто и совершенно искренно. Началась война на смерть. Галеаццо не трудно было одолѣть слабаго Франческо, одинокаго, безъ союзниковъ, владѣвшаго самыми ничтожными средствами. Галеаццо не считалъ даже необходимостію напрягать свои собственныя силы въ борьбѣ. Онъ вооружилъ противъ него Венецію и такимъ образомъ поставилъ его между двухъ огней. Искусно воспользовавшись оружіемъ республики, онъ воспользовался и результатами побѣды. Венеціанское правительство получило тревизскій округъ, а Галеаццо утвердился въ Падуѣ. Франческо былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и заключенъ въ башню Монцы. Когда старый Каррара умеръ, то сынъ былъ освобожденъ. Онъ воспользовался этимъ и вмѣстѣ со своимъ семействомъ бѣжалъ во Флоренцію. Молодой Франческо поклялся въ вѣчной мести и ненависти ко всему роду Висконти. Онъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго собиралось все, что только хотѣло составить оппозицію властолюбію и деспотизму Джіованни Галеаццо. Но побѣдить герцога, теперь столь сильнаго, было невозможно. Всякая борьба съ нимъ была дѣломъ рискованнымъ. Къ 1390 г. онъ былъ неограниченнымъ властителемъ Ломбардіи. Эхидна (il biscione) герба Висконти уже развѣвалась на всемъ пространствѣ отъ Савойи и до Адріатическаго моря и отъ Альпъ до границъ Тосканскихъ. Великія прибрежья рѣки По, на которыхъ почти цѣлыя три столѣтія состязались свободныя общины за свою независимость, теперь безпрекословно признавали неограниченную власть государя и изъ руки республиканскаго консула перешли подъ тяжелое ярмо государственной централизаціи. Новый монархъ, желая войти вліятельнымъ членомъ въ рядъ европейскихъ государей, породнился съ французскимъ королевскимъ домомъ, выдавъ свою дочь Валентину за принца Орлеанскаго.

Висконти и Средняя Италія.

Уже онъ не довольствовался одною Ломбардіей. Эсте въ Феррарѣ, Гонзаго въ Мантуѣ, владѣтели Монферрата и Савойи спаслись только тѣмъ, что во всемъ старались угождать и непрекословить Миланскому герцогу. Въ Феррарѣ

и Мантуѣ Галеаццо распоряжался по своему произволу. Та же участь постигла и Генуэзскую республику. Тогда оружіе Галеаццо устремилось въ другую сторону—на Романью и Тоскану. Флоренція и Болонья должны были прежде всего почуять бѣду. Города стали соединяться, нанимать кондотьеровъ и готовиться къ оборонѣ своей независимости. Флорентійцами былъ нанятъ между прочими на службу императоръ Рупрехтъ. До такого ничтожества дошла священная имперія. Но если Рупрехтъ былъ плохой императоръ, то онъ былъ еще болѣе плохой полководецъ. При всемъ искусствѣ неутомимаго Франческо Каррарскаго, нѣмцы были разбиты на голову при Гардскомъ озерѣ (1401 г.). Дорога очистилась предъ миланскою арміей. Полководцы Галеаццо быстро взяли Болонью и слѣдомъ за нею еще нѣсколько городовъ, какъ: Перуджію, Сполето, Ночеру, Ассизи. Болонскій тиранъ Джіоаванни Бентиволіо былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Восторжествовавъ въ Романьи, Галеаццо началъ свои операціи противъ Тосканы. Угрозами онъ заставилъ Джерарда Анніани продать городъ Пизу за 200 тысячъ флориновъ. Менѣе сильная Сіена безъ боя покорилась миланскимъ кондотьерамъ. Конечно этого нельзя было ожидать отъ флорентійской республики, которая имѣла за собою и обширныя матеріальныя средства и великую внутреннюю силу. Галеаццо зналъ, что онъ здѣсь встрѣтитъ отчаянное сопротивленіе, если только дѣло дойдетъ до вопроса о существованіи. Надѣясь на свою звѣзду, онъ готовился къ рѣшительной войнѣ. Сокрушить Флоренцію значило сокрушить послѣдній оплотъ общинной свободы, значило заставить Италію проститься навсегда съ республикою и на всемъ полуостровѣ дать просторъ деспотизму. Въ мрачномъ готическомъ замкѣ Павіи уже строились планы, самые смѣлые, самые дерзкіе. Тамъ, за крѣпкими стѣнами, за тройною стражею, жилъ суровый деспотъ, проводившій цѣлые часы въ молитвѣ и подвигахъ благочестія, а между тѣмъ думавшій о порабощеніи цѣлой Италіи. Оттуда сыпали золотомъ, грозили казнями, распоряжались убійствами, опутывали интригами несчастныя общины, казалось доживавшія свои послѣдніе годы. Конечно никто не думалъ заступаться за нихъ и отстаивать умиравшую свободу.

Жестокая олигархія Венеціи съ своими совѣтами сорока, десяти и трехъ искала только однѣхъ территоріальныхъ выгодъ и въ вопросѣ итальянской свободы значила столько же,

сколько и самъ миланскій герцогъ. Римъ и Неаполь сложились въ монархическія формы. Можетъ быть вся Италія должна была скоро представить два обширныя королевства Ломбардское и Неаполитанское: мы увидимъ какъ король неаполитанскій Владиславъ проявилъ таковыя же стремленія. И казалось, говоритъ Сисмонди, великая страна, нѣкогда такъ богатая гражданами и героями, лишалась всѣхъ своихъ доблестей и всѣхъ своихъ высокихъ идей. Низкій и вѣроломный тиранъ рѣшился уничтожить въ Италіи все, что еще оставалось свободнаго и честнаго. Если чего ожидали, то увеличенія зла и приращенія пороковъ. Надо было радоваться, если какое нибудь правительство станетъ слѣдовать коварной политикѣ Галеаццо: только тогда можно было получить перевѣсъ надъ нимъ.

Таковы были печальныя явленія, которыми ознаменовался конецъ XIV вѣка. Наконецъ въ это же самое время явилась чума въ разныхъ концахъ Италіи. Народъ, пораженный страшными бѣдствіями, видѣлъ въ ней наказаніе, которое заслужилъ. Всѣ повергались ницъ передъ алтарями; всѣ молили о милосердіи. Эта же чума наказала и самого виновника бѣдствій.

Передъ смертью ему суждено было прочесть гордый протестъ свободныхъ людей противъ его безчеловѣчія и вѣроломства. Республика флорентійская вызвала на открытый бой монархію миланскую. Галеаццо бросали перчатку прямо въ лицо. Читая манифестъ флорентійцевъ, въ первый разъ постигнулъ миланскій деспотъ то величіе, ту смѣлость духа, какая можетъ одушевлять гордаго горожанина, если онъ идетъ умирать за свою свободу, за свою независимость. Оружіемъ рѣшился отвѣчать герцогъ на нанесенную ему обиду. Но тутъ смерть сразила его и его планы. Ему не хотѣлось умирать именно теперь, когда рѣшалась вся цѣль его жизни. Онъ жилъ въ Павіи, гдѣ чума свирѣпствовала съ особенною силою уже второй годъ; по крайней мѣрѣ въ то время она похитила тысячи жертвъ въ южной Италіи.

Галеаццо переѣхалъ въ городъ Мариньяно, гдѣ принялъ всѣ предосторожности отъ заразы. Однако, не смотря на то, онъ захворалъ. Когда внезапно появилась комета на небѣ, то герцогъ, слѣпо вѣрившій астрологіи, потерялъ всю бодрость духа. Онъ безпрестанно твердилъ, что смерть уже ждетъ его. Имъ болѣе чѣмъ когда нибудь овладѣло религіозное настроеніе, и на этотъ разъ уже непритворное.—„Я благодарю

Бога, говорилъ герцогъ, что ему угодно было знаменіемъ небеснымъ возвѣстить всему міру о моей близкой смерти". Предчувствіе его оправдалось. Черезъ нѣсколько дней не стало человѣка, котораго начинала трепетать вся Италія (3 сентября 1402 года).

Значеніе Галеаццо въ исторіи Италіи.

Но если ломбардцы имѣли основаніе ненавидѣть память покойнаго герцога, то они въ то же время хорошо сознавали ту пользу и то добро, которое онъ принесъ странѣ своимъ правленіемъ. Какъ виновникъ паденія свободы, онъ былъ имъ ненавистенъ; какъ государственный человѣкъ, онъ оказалъ порабощенной странѣ большія услуги въ экономическомъ отношеніи. Всѣ знали, что повсюду стала процвѣтать промышленность, что на выгодныхъ пунктахъ устроены широкіе каналы, что вслѣдствіе этого значительно улучшилось земледѣліе, что высоко поднялось благосостояніе, что роскошно развилась торговля, что росли капиталы миланскихъ купцовъ, что богатствамъ Ломбардіи завидовала Европа. Всѣ восторгались любовью герцога къ искусствамъ, когда смотрѣли на великолѣпный соборъ миланскій, какъ мраморной кисеей убранный чудесами готической скульптуры, великое и гигантское произведеніе, надъ которымъ потрудились зодчіе всѣхъ вѣковъ, начиная съ Филиппино и Пеллегрини, кончая Аматти и нѣмецкими художниками прошлаго столѣтія. Все, что только носило на себѣ печать искусства, пользовалось постояннымъ покровительствомъ и любовью Джіованни Галеаццо. Писатели и ученые жили при дворѣ Висконти съ такими же удобствами и пользовались такимъ же значеніемъ, какъ и при артистическихъ дворахъ Скалы, Эсте, Гонзаго и Каррары.

Основателямъ монархическихъ государствъ всегда суждено переносить ненависть и любовь, укоры и похвалы. Въ ихъ мрачныхъ характерахъ проявляются черты величавыя и симпатичныя. Ихъ выдержанныя страсти носятъ на себѣ отпечатокъ рыцарства; ихъ безпощадная суровость странно смѣшивается иногда съ внезапною мягкостью и благодушіемъ. Въ этихъ людяхъ много двойственнаго, много ненормальнаго, но въ извѣстные моменты они удовлетворяютъ требованіямъ исторіи....

Сила и мощь такихъ государей рельефно проявляется тогда, когда ихъ смѣняютъ жалкія креатуры, бездарные наслѣдники. Въ исторіи основанія монархій почти всегда пов-

торяется именно такая непослѣдовательность. Если бы основатели были люди недаровитые, если бы они не такъ прочно дѣлали свое дѣло, то оно непремѣнно разрушалось бы при ихъ наслѣдникахъ. Въ исторіи Ломбардіи этого не случилось. Но если созданіе Галеаццо не рухнуло, то во всякомъ случаѣ перенесло много крушеній и много бѣдствій.

Регенство Екатерины (1402–1404г.). Джіованни-Галеаццо по завѣщанію раздѣлилъ свое герцогство между двумя сыновьями, Джіованни-Марія и Филиппомъ-Марія. Изъ нихъ старшему было только 13 лѣтъ. Пизу и Кремону онъ назначилъ своему незаконному сыну Габріелю-Маріи. Джіованни-Марія былъ провозглашенъ миланскимъ герцогомъ, но по причинѣ несовершеннолѣтія для управленія государствомъ было составлено регенство, въ которомъ участвовали главнымъ образомъ старые кондотьери Галеаццо. Главою регенства была назначена вдова покойнаго Екатерина. По вѣроломству и жестокости она напоминала и мужа и отца. Между тѣмъ ея неспособность, ея интриги произвели безпорядокъ и замѣшательство въ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Она была такъ недальновидна, что не умѣла поладить съ полководцами и союзниками Галеаццо. Эсте и Гонзаго первые отстали отъ Милана, воспользовавшись раздоромъ въ правительствѣ. Сильный своими латниками, Альберико да-Барбіано перешелъ къ флорентійцамъ; его примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе кондотьеры. Въ противный лагерь переходили тѣмъ съ большею охотою, что республика никогда не жалѣла денегъ наемнымъ воинамъ. И кондотьеры и народъ болѣе всего были озлоблены противъ главнаго регента, фаворита Екатерины, жестокаго Барбавары. Этотъ человѣкъ происходилъ изъ простаго народа, — оттого такъ ненавидѣла его гибеллинская знать Милана. Онъ былъ нѣкогда слугою Джіованни - Галеаццо, который возвысилъ его до первыхъ степеней въ государствѣ. Довольно того, что по завѣщанію, онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ въ совѣтѣ регентства и опекуномъ несовершеннолѣтнихъ герцоговъ. Статный собою, онъ еще при жизни мужа пріобрѣлъ благосклонность Екатерины. Трудно сказать, кто болѣе всего виновенъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя начались послѣ смерти Галеаццо. Во всякомъ случаѣ главную отвѣтственность должно сложить на Барбавару. Какъ всякій самовластный временщикъ, онъ не могъ удержаться отъ возмутительныхъ и

гнусныхъ поступковъ. По своему произволу, безъ всякаго суда, фаворитъ регентши приговариваетъ къ смертной казни людей, казавшихся ему подозрительными. Каждый такой поступокъ вызывалъ ненависть, а иногда месть аристократіи и народа. Наконецъ, презираемый всѣми, поставленный въ безвыходное положеніе, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Милана; его богатый дворецъ былъ разграбленъ. А когда однимъ утромъ нашли на улицѣ пять труповъ, одѣтыхъ въ черное, съ отрубленными головами, когда увидали головы казненныхъ жертвъ мести Екатерины, воткнутыя на шпицахъ Амвросіанскихъ воротъ, то страшно сказался гнѣвъ народный. Регентша думала этимъ устрашить толпу, но ошиблась въ разсчетѣ. Она сама должна была бѣжать изъ столицы въ крѣпость Монца и отдаться подъ покровительство своего врага, кондотьера Пандольфо Малатеста. Когда раздраженные миланцы осадили Монцу, то Малатеста бросилъ королеву и оставилъ ее въ жертву мести народа. Взятая въ плѣнъ, она приняла ядъ и скончалась, оставивъ государство въ самомъ разстроенномъ видѣ и въ страшноиъ смятеніи (16 октября 1404 г.)

Молодой Джіованни-Марія и его развратные приближенные ничего не обѣщали народу кромѣ вполнѣ безсмысленнаго, безцѣльнаго тиранства римскихъ императоровъ. Въ молодомъ герцогѣ не было положительно никакихъ признаковъ правительственныхъ способностей. Весьма сдержанный въ приговорахъ, флорентійскій историкъ Поджіо, и тотъ не находитъ словъ, чтобы излить свое негодованіе на мальчика-тирана: „crudelis, immanis, ferus, ab insania plurimos jussit occidi,„—говоритъ онъ про Джіованни-Марію. Второй Калигула, этотъ недоросль-правитель занимался только своими охотничьими собаками и травлею людей. Его егермейстеръ Джирамо сдѣлался грозою народа; онъ распоряжался и самимъ герцогомъ, а съ нимъ и участью каждаго гражданина. О судьбѣ государства никто не думалъ и всякій боялся вмѣшаться, опасаясь сдѣлаться подозрительнымъ для Джирамо и быть растерзаннымъ собаками. Будь такой герцогъ и такой временщикъ въ государствѣ уже привыкшемъ къ монархическимъ порядкамъ, то могли бы быть страшныя послѣдствія. Но на Миланъ это зло не могло подѣйствовать такъ губительно. Преданія свободы возстановляютъ самостоятельность отдѣльныхъ

Джіованни-Марія (1404—12 г.)

городовъ; искусные и сильные вельможи укрѣпляли ихъ за собою. Такъ распалось наслѣдіе Джіованни-Галеаццо. Правда, другая половина, принадлежащая младшему его сыну, Филиппу-Маріи, не дошла еще до крайняго положенія, но и тамъ обнаруживались явные признаки разложенія. Въ самой Павіи, его столицѣ, утверждались туземныя фамилія Беккаріевъ. Пиза, принадлежавшая Габріелю-Маріи (незаконному сыну Галеаццо), была продана своимъ владѣтелемъ флорентійской республикѣ. Безсиліе Висконти дошло до того, что французскій намѣстникъ въ Генуѣ самовольно задержалъ его и отобралъ у него деньги, полученныя за продажу города. Полнѣйшую анархію представляло государство Джіованни-Маріи. Кондотьери разбирали его на кусочки. Самый сильный изъ нихъ, Фичино Кане, впослѣдствіи распоряжавшійся судьбами цѣлаго герцогства, утвердился въ Александріи; Пандольфо Малатеста овладѣлъ Брешіею; Оттобоно Терцо—Пармою. Менѣе сильные получили на свою долю мелкіе города. Такъ Джорджіо Бенцони—Крему, Джіованни Виньатте—Лоди, Кавалькабо—Кремону, Руска—Камо, Сварди—Бергамо, Колеони—Треццо. Старыя владѣтельныя фамиліи снова пріобрѣли себѣ партизановъ по городамъ. Раньше всѣхъ Франческо Каррара овладѣлъ своею Падуею. Онъ же постарался возстановить господство дома делла-Скала, съ которымъ сроднило его общее несчастіе. Съ своимъ войскомъ бросился отважный Каррара на Верону и овладѣлъ ею. Оставалось только покорить Виченцу. Но тутъ онъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе.

Венеція. Въ Миланѣ за все правительство бодрствовалъ одинъ человѣкъ. По ремеслу онъ былъ кондотьеръ, по происхожденію родовой гибелинъ, съ отчаяніемъ смотрѣвшій на постыдное положеніе отечества. Это былъ герой гардской битвы Джакоппо дель-Верме. Не желая допустить отпаденія Падуи, онъ заключилъ оборонительный союзъ съ Венеціею противъ Каррары; за вспоможеніе, оказанное республикою, онъ уступалъ ей въ вѣчное пользованіе ту же Виченцу, прибавивъ къ ней Фельтру и Белунно. Венеція скоро овладѣла Виченцею. Но когда въ городѣ помѣстился гарнизонъ республики, то сынъ владѣтеля падуанскаго, Франческо Терцо, осадилъ Виченцу. Правительство республики потребовало, чтобы осада была снята. Съ этою цѣлью къ Терцо послали герольда. Франческо былъ такъ горячъ и такъ неостороженъ, что позволилъ своимъ солдатамъ растерзать посланнаго. За этотъ посту-

покъ онъ поплатился впослѣдствіи своею головою. Хотя онъ тогда же снялъ осаду и ушелъ въ Падую, но оскорбленіе было столь сильно, что не могло остаться безнаказаннымъ. Противъ Каррара составился грозный союзъ Милана, Венеціи и Мантуи. У Скалы, союзника Каррара, отняли и послѣдній пунктъ, Верону, которая тогдаже подпала подъ скипетръ св. Марка. Потомъ непріятель подступилъ къ Падуѣ. Семнадцать мѣсяцевъ продолжалась отчаянная оборона. Голодъ и болѣзни явились на помощь Венеціи; до 30 тысячъ человѣкъ погибло не столько отъ меча венеціанскаго, сколько отъ недостатка пищи. Наконецъ городъ былъ взятъ. Никакое искусство не могло бы одолѣть геройскую стойкость падуанцевъ, если бы не нашлись измѣнники среди осажденныхъ, которые выдали своего князя и его семейство (19 ноября 1405 г.). Франческо и его два сына Терцо и Джіакомо были привезены въ Венецію. Послѣ всего, что произошло, имъ не довѣряла республика. По настоянію Джакоппо дель-Верме совѣтъ десяти приговорилъ ихъ къ смертной казни (январь 1406 г.) Третій сынъ Франческо, послѣдній въ родѣ Каррара, хотѣлъ опять овладѣть Падуею, но его взяли въ плѣнъ, также привезли въ Венецію и также казнили на эшафотѣ. Всѣ Скалы, претендовавшіе на свои прежнія владѣнія, были высланы. Виченца, Верона и Падуя были въ крѣпкихъ рукахъ венеціанскаго сената, который скоро успѣлъ овладѣть еще нѣсколькими городами материка, какъ Тревизо, Удине, областью Истріею и цѣлымъ Фріульскимъ округомъ.

Такое могущественное государство, какъ Венеція съ ея замкнутымъ, суровымъ правительствомъ, не могло не быть опаснымъ миланскому герцогству, находившемуся теперь въ рукахъ полоумнаго мальчика. Тамъ въ каждомъ городѣ сидѣлъ какой-нибудь кондотьеръ съ своими карасирами. Онъ боролся за власть съ подобнымъ себѣ претендентомъ. Какъ и прежде, народное возмущеніе уничтожало тирана, но на его мѣсто являлся другой кандидатъ. Такъ между прочимъ погибъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ кондотьеровъ Отто Бонтерцо, который сидѣлъ въ Пармѣ и Реджіо. Въ самомъ Миланѣ неистово подвизался Джіованни-Марія. Его кровожадность проистекала изъ одной прихоти, изъ одной любви къ дѣлу палача. Онъ травилъ собаками всѣхъ безъ разбора. Смерть матери была для него только прекраснымъ и умѣстнымъ предлогомъ, чтобы насытить свое звѣрство. Только по одному по-

дозрѣнію, безъ всякаго слѣдствія, онъ растерзалъ сотни людей. Когда однажды оставили на аренѣ двѣнадцатилѣтняго мальчика, то собаки, пріученныя къ человѣческому мясу, остановились передъ ребенкомъ, въ ужасѣ павшимъ на колѣни и съ отчаяніемъ молившимъ о пощадѣ. Собаки не повиновались приказанію Джирамо и не трогались съ мѣста. Тогда егермейстръ охотничьимъ ножомъ закололъ ребенка, который былъ виновенъ тѣмъ, что его отца герцогъ подозрѣвалъ въ убійствѣ матери.

Заговоръ. При такомъ правителѣ государство распалось на части и приходило въ совершенный упадокъ. Только хорошій регентъ могъ поддержать дѣло Галеаццо и первыхъ Висконти. Послѣ извѣстнаго намъ Верме это мѣсто занималъ кондотьеръ Фачино Кане, владѣтель Александріи. Онъ былъ привязанъ къ интересамъ Висконти, но много ли можно было сдѣлать даже способному человѣку въ странѣ, гдѣ каждый былъ въ страхѣ за жизнь и имущество, гдѣ доходы прекратились, гдѣ не чѣмъ было содержать ни правительства, ни войска, ни даже самого государя? Еще Филиппъ-Марія могъ что-нибудь обѣщать въ будущемъ. На него смотрѣлъ Кане, какъ на достойнаго наслѣдника Галеаццо. Къ тому же, противъ него не былъ такъ враждебно настроенъ простой народъ. Оттого обрадовались всѣ, когда узнали объ опасной болѣзни Джіованни-Маріи. Печально было разочарованіе, когда пронесся новый слухъ, что герцогъ поправляется. За неумѣстную радость опасались не сносить головы. Тогда явилась на сценѣ крайняя партія энергическихъ молодыхъ людей; во имя своихъ республиканскихъ убѣжденій, они рѣшились убить герцога и тѣмъ прекратить безпокойное, боязливое броженіе,-состояніе, въ которомъ находилось разстроенное государство. Молодые дворяне уже давно устраивали заговоръ съ цѣлью произвести революцію и утвердить если не республику, то лишить во всякомъ случаѣ родъ Висконти герцогской короны. Не дожидаясь выздоровленія герцога, они бросились на него среди бѣлаго дня, когда онъ шелъ къ обѣднѣ и изтерзали кинжалами (16 мая 1412 г.). Страшная тиранія пала; всѣ вздохнули свободнѣе. Обстоятельства сложились такъ, что вѣсть эту принесли Фачино Кане въ то время, когда онъ самъ прощался съ жизнью. Онъ былъ смертельно болѣнъ; черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ скончаться. Умирая онъ завѣщалъ своимъ приближеннымъ содѣйствовать къ из-

бранію на престолъ Филиппа-Маріи. Послѣднимъ распоряженіемъ его была просьба къ женѣ отдать послѣ его смерти свою руку Филиппу-Маріи. Этимъ онъ дѣлалъ своего питомца обладателемъ огромныхъ богатствъ и владѣній, а свою жену властительницею престола. Эта вдова прежняго кондотьера, будущая герцогиня миланская, была та самая Беатриче ди-Тенда, несчастная судьба которой навсегда увѣковѣчена прелестною музыкальною элегіею Беллини.

Молодые заговорщики, сознавая невозможность республики, не хотѣли также допустить на престолъ брата убитаго ими тирана. Они очень основательно опасались мести. Но Филиппъ-Марія сталъ дѣйствовать силою. Опираясь на войско Кане, онъ успѣлъ выгнать князей Беккаріа изъ Павіи и утвердиться въ Миланѣ. По завѣщанію того же Фичино, онъ вступилъ во владѣніе Александріею, Тортоною, Новарою и Верчелли, снова присоединеннымъ къ городамъ герцогства. Женитьба на Беатриче дала ему огромныя суммы денегъ; ими онъ пріобрѣлъ силу и значеніе. Противъ войска Кане, противъ средствъ Беатриче нельзя было бороться.

Филиппъ-Марія. (1412—47 г.).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ убійства Джіованни-Маріи, въ Миланѣ происходила казнь пылкихъ республиканцевъ. Въ этотъ же день Филиппъ-Марія (1412—1447) былъ провозглашенъ миланскимъ герцогомъ. Извѣстно, какъ отплатилъ послѣдній Висконти своей женѣ. Ему опротивѣла добрая, честная, но уже не молодая женщина. Она напоминала его самолюбію, что престола онъ достигъ не самъ собою, а благодѣяніями ея перваго мужа. Страшной, безобразной и отвратительной наружности, раздражительнаго и подозрительнаго характера,—онъ заставлялъ свою жену бояться себя не менѣе, какъ боялись миланцы собакъ его брата. Ни покорностью, ни ласкою, ничѣмъ не могла смягчить несчастная Беатриче своего грознаго мужа. Ему нужна была ея смерть: только тогда этотъ тиранъ могъ бы избавиться отъ подозрительности и какихъ-то странныхъ опасеній. Чѣмъ болѣе молчала Беатриче, тѣмъ болѣе досадовалъ Филиппъ. Его бѣшенство, наконецъ, дошло до того, что онъ рѣшился на всякое преступленіе. Онъ оклеветалъ свою жену въ невѣрности и въ связи съ молодымъ пажемъ Ортибелли. Начался судъ и допросы. Уликъ не было. Прибѣгнули къ пыткѣ. Несчастная женщина геройски перенесла всѣ истязанія. Ничто не могло исторг-

нуть у ней ложнаго признанія. Но слабый пажъ подъ пыткою наговорилъ на Беатриче все, что только пожелали судьи. Онъ надѣялся, что ему оставятъ жизнь за его клевету. Однако этого не случилось. Довольный герцогъ имѣлъ теперь предлогъ отдѣлиться отъ своей жены. И герцогиня и пажъ были приговорены къ отрубленію головы, обвиненные въ прелюбодѣяніи. За нѣсколько дней казни Беатриче продолжала твердить про свою невинность. Народъ былъ пораженъ изумленіемъ, когда въ рукахъ палача увидѣлъ голову всѣми любимой герцогини (1418 г.).

Сотнями такихъ вопіющихъ несправедливостей ознаменовалась военная деспотія Филиппа-Маріи. Произволъ, опиравшійся на наемниковъ, получилъ неограниченный просторъ. Но среди этого произвола въ миланскомъ тиранѣ просвѣчивались иногда великодушіе и рыцарство. Онъ былъ снисходителенъ, когда ему ничто не напоминало объ опасности. Къ несчастію, это рѣдко случалось. Ему суждено было всю свою жизнь опасаться покушеній и несчастій. Потому-то, противъ своего желанія, онъ не пріобрѣлъ симпатіи народа и знати. Не будучи тиранъ въ душѣ, онъ сдѣлался бичемъ подданныхъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Всѣ его помыслы приковывались къ централизаціи Ломбардіи и цѣлости миланскаго герцогства и дѣйствительно онъ достигъ цѣли своихъ желаній, передавъ Франческо Сфорцѣ уже стройное и сильное государство со всѣми атрибутами монархической власти.

Домъ Скала въ Веронѣ. Таково было развитіе принчипатства въ Миланѣ и подчинившихся ему городахъ, какъ-то: въ Павіи, Комо, Новарѣ, Лоди, Бергамо, Брешіи, Піаченцѣ, Тортонѣ, Александріи, Асти, Кираско, Верчели, Кремѣ, Кремонѣ и др. До перевѣса Милана и эти города имѣли своихъ собственныхъ мелкихъ князей, которые низвергались другъ за другомъ. Вездѣ двѣ или три фамиліи боролись между собою за владычество. Побѣжденныхъ часто сажали въ желѣзныя клѣтки и выставляли передъ народомъ. Весь этотъ разгаръ политическихъ страстей движется двумя словами: вольность и народъ. Безъ сомнѣнія, этотъ девизъ прикрываетъ личныя стремленія патриціевъ и капитановъ. Когда же наступало время торжества князей, то тотъ же народъ видѣлъ себя скованнымъ по рукамъ и ногамъ. Радовались, если послѣ долгихъ мытарствъ, городъ примыкалъ наконецъ къ какому нибудь прочному союзу или къ сильной монархіи.

Послѣ Висконти и Торре самою могущественною фамиліей въ сѣверной Италіи была Скала. На долю этого дома достались Верона съ Падуею и Тревизо. Впрочемъ послѣдній городъ скоро перешелъ къ Венеціанской республикѣ. Веронскій дворъ сдѣлался центромъ итальянской поэзіи XIV вѣка. Скала были просвѣщеннѣйшіе люди. Вспомнимъ, что у нихъ жилъ Данте, изгнанный своими политическими врагами. Петрарка часто и долго живалъ при ихъ дворѣ. Второстепенные поэты тѣснились около первыхъ свѣтилъ. Надо замѣтить, что вообще всѣ принчипи предлагали съ охотой убѣжище поэтамъ. Они же, въ XV вѣкѣ, поддержали возрожденіе классической древности. **Домъ Скала.**

Послѣ веронскаго двора особенную славу пріобрѣлъ домъ Эсте, утвердившійся въ Феррарѣ и ея окрестностяхъ. Впрочемъ исторія его принадлежитъ болѣе къ концу XV вѣка.

Мантуя подпала сперва князьямъ Бонакорсо, а потомъ упрочилась за Гонзаго, которые приняли, или, лучше сказать, купили отъ жалкаго императора Людвига V званіе намѣстниковъ.

Въ Піемонтѣ возникли два союза городовъ. Однимъ руководили графы савойскіе, другимъ маркизы монферратскіе. Скоро союзы преобразились въ единоличныя монархіи, хотя не принимали большаго участія въ безконечной бурѣ итальянскихъ междоусобій. Потому они и не понесли сильныхъ потрясеній, и не выработали ничего выдающагося. Подвижная личность Амедея VIII (1390—1451 года), такъ рѣзко выражающая собою эпоху,— единственная, которая заслуживаетъ вниманія. **Піемонтъ.**

Болонья дольше всѣхъ удержала свою свободу. Одинъ изъ ея капиталистовъ, Бонакорсо предложилъ народу полное уничтоженіе всякаго вида рабства. Но не смотря на такой широкій демократизмъ, этотъ городъ не избѣгнулъ общей исторической судьбы сѣверной Италіи. Университетъ Болонскій, разносившій съ своихъ каѳедръ монархическія теоріи, много способствовалъ паденію народной свободы. Вообще преподаваніе римскаго и каноническаго права въ итальянскихъ университетахъ подвигало успѣхи принципатства. Единство и централизація всегда рекомендовались профессорами. Тѣмъ сильнѣе было вліяніе Болонскаго университета, что въ немъ, въ то время, было до 14 тысячъ слушателей, болѣе всего италь- **Болонья.**

пограничный пунктъ и послужилъ причиною разногласія. Положительно извѣстно только то, что долгое время Преньяно былъ преданнѣйшимъ слугою Авиньона, велъ дурную жизнь и не пользовался никакою популярностью въ Римѣ. Конклавъ наименовалъ его Урбаномъ VI. Народъ не могъ остаться довольнымъ такимъ избраніемъ. Происки другихъ претендентовъ, честолюбіе которыхъ перевѣшивало ихъ французскія привязанности, еще болѣе возбуждали оппозицію. Когда волненіе народа сдѣлалось до того грознымъ, что не шутя потревожило спокойствіе избирателей, то кардиналъ di San Pietro высунулся въ окно и сталъ уговаривать мятежную толпу. Народъ скорѣе всего желалъ видѣть своимъ владыкою этого кардинала, и потому теперь радостнымъ возгласомъ привѣтствовалъ его появленіе. Раздалось: „viva, viva S. Pietro!" Онъ захлопнулъ окно и скрылся. Но въ ту же минуту ворота дворца рушились подъ ударами молотовъ и вооруженные люди ворвались въ залу конклава. Кардиналы бросились бѣжать; иные скрылись въ замкѣ Санъ-Анджело. Тогда же начался грабежъ въ городѣ; обирали и истребляли имущества французскихъ приверженцевъ; не щадили ничего, что только намекало о ненавистномъ Авиньонѣ. Двѣнадцать кардиналовъ уже на другой день исчезли изъ Рима; они бѣжали во Францію, чтобы тамъ провозгласить своего папу. Между тѣмъ въ конклавѣ происходили другія сцены; чернь схватила своего любимца, такъ не во время показавшагося въ окно, облекла его въ первосвященническія одежды и повлекла короновать. Съ трудомъ старикъ вырвался изъ навязчивыхъ рукъ; онъ старался вразумить, что между имъ и настоящимъ папою нѣтъ ничего общаго, что онъ не папа, и никогда не хочетъ быть папою. Едва Урбанъ VI могъ возстановить порядокъ. Бывшій развратникъ, первый буянъ, теперь твердою рукою захватилъ тіару. Онъ проклялъ бѣжавшихъ кардиналовъ и публично объявилъ, что только онъ одинъ законный папа, что прочіе, которые имѣютъ быть выбранными,—самозванцы.

Еще грознѣе разразился Урбанъ, когда узналъ, что въ Авиньонѣ дѣйствительно избранъ папа. Раскольническою тіарою облачили человѣка, слѣпо преданнаго французскимъ интересамъ, хотя родомъ нѣмецкаго барона,—Климента VII (21 сентября 1378 г.). Съ этой минуты началось раздѣленіе западной Церкви. Въ Римѣ послѣдовательно выбираютъ итальянцевъ, въ Авиньонѣ французовъ и нѣмцевъ. Такъ

будетъ продолжаться до 1418 года, когда Костницкій соборъ разрѣшитъ общее недоумѣніе, низложивъ Мартина V. Итальянскіе писатели большею частію признавали и признаютъ юридическую законность за преемниками Урбана VI. Однако не всѣ европейскіе государи раздѣляли тогда подобныя убѣжденія. Многіе обратились къ Авиньону, причиною чего была самая личность Урбана VI. Это былъ упрямый, гордый и въ высшей степени щепетильный человѣкъ. Къ нему никто не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи.

Двоевластіе въ католицизмѣ (1378-1417 г.).

Тѣмъ не менѣе Неаполь, Пиринейскія государства, Франція, Шотландія, Савойя держались Авиньона. Германія, Англія, Чехія, Венгрія, Польша, Пруссія, Данія, Скандинавскія государства, большая часть Тосканы и вся Ломбардія признавали Урбана и его преемника, способнаго и энергичнаго первосвященника. Такимъ образомъ вмѣсто одной Римской куріи явилось два папскихъ двора и двѣ папскихъ резиденціи. Всѣ желали примиренія и единенія престола, всѣ сознавали пагубу и дурныя стороны такого натянутаго положенія, но никто не принималъ рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію зла, охватившаго своимъ вліяніемъ весь католическій міръ. Даже французскіе короли были противъ разъединенія, но они сами не могли заставить авиньонскихъ первосвященниковъ отказаться отъ власти и уступить Риму законное первенство. Лучшимъ способомъ было въ одно время заставить отказаться отъ своихъ престоловъ обоихъ представителей одной и той же власти. Только тогда могло быть примиреніе и только тогда явно не оскорблялось самолюбіе.

Когда въ Авиньонѣ умеръ Климентъ VII (1394 г.), то стало положительно извѣстно, что король французскій Карлъ VI приказывалъ кардиналамъ прекратить авиньонскія избранія. Французы уже сами были не рады, что допустили двоевластіе въ католицизмѣ; они сознавали, что время прекратить зло. Настоянія Франціи поддерживала Аррагонія; имъ убѣдительно вторили: Парижскій университетъ, майнцскій и кельнскій архіепископъ и, конечно, римскій папа Бонифацій IX.

Однако прямые интересы французскихъ кардиналовъ звучали не въ тонъ такимъ настояніямъ. Имъ необходимо было имѣть своего папу. Они составили конклавъ и на двѣнадцатый день провозгласили своимъ владыкою Бенедикта XIII, родомъ нѣмца. Нельзя согласиться съ Сисмонди, будто это

былъ человѣкъ кроткаго характера, болѣе нежели кто нибудь способный къ примиренію церковному. Никогда бы онъ добровольно не отказался отъ власти, если бы даже того потребовали интересы католицизма. Онъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе всякому единенію; этотъ поступокъ былъ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что король съ своей стороны продолжалъ дѣятельно работать на пользу единенія. Указами онъ два раза сзывалъ мѣстные соборы въ Парижѣ (въ 1395 и 1398 гг.). Было рѣшено, чтобы оба первосвященника сложили съ себя въ одно и тоже время свою власть. Бенедиктъ XIII въ началѣ положительно отказался. Это раздражало французскаго короля. Онъ послалъ войско съ цѣлью заставить папу повиноваться своимъ приказаніямъ. Французскій маршалъ Бусико, впослѣдствіи намѣстникъ Генуи, осадилъ его въ Авиньонѣ и взялъ въ плѣнъ. Тогда Бенедиктъ объявилъ, что онъ ждетъ лишь отказа своего соперника. Между тѣмъ изъ Германіи и Италіи получались вѣсти, что тамъ ждутъ только отреченія Бенедикта. Это была хитрая уловка съ той и другой стороны.

Надо отдать честь французамъ въ этомъ дѣлѣ: они дѣйствовали въ высшей степени тактично. Они не только что лишили власти своего папу, но все время держали Бенедикта плѣнникомъ въ авиньонскомъ дворцѣ. Вынужденный силою, онъ послалъ въ Римъ четырехъ депутатовъ, но не для переговоровъ объ условіяхъ обоюднаго сложенія тіары, а съ неожиданнымъ предложеніемъ церковной реформы. Бенедиктъ просилъ Бонифація IX указать мѣсто, гдѣ бы могли съѣхаться оба первосвященника и ихъ свита для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ и о мѣрахъ къ ихъ улучшенію. Предложеніе было, конечно, неискреннее. Въ прямыхъ интересахъ схизмы было добиваться возможной проволочки времени. Но прежде нежели авиньонскіе кардиналы могли получить аудіенцію, они узнали, что Бонифацій IX скончался. Надо было ждать избранія новаго папы; послы оставались въ нерѣшительности; ихъ отуманивала сладкая надежда, что, можетъ быть, сама судьба станетъ покровительствовать имъ и что, вслѣдствіе какой-либо случайности, римскій конклавъ не состоится.

Въ этой мысли поддерживали ихъ тѣ безпорядки, которые начались въ Римѣ на другой день кончины папы. Бонифацій IX въ продолженіе 15 лѣтъ держалъ въ страхѣ и римскую знать и чернь. Прежде столь сильные, столь могу-

щественные, бароны потеряли при немъ всякое значеніе. Колонна не смѣли возвышать свой голосъ. Теперь же со всею силою вырвались наружу всѣ политическія страсти, которыя такъ долго были сдавлены его тяжелою рукою. Бонифацій не обращалъ вниманія на имперію, а весь отдавался внутреннимъ дѣламъ Рима, своему церковному призванію. Какъ только узнали, что папы уже нѣтъ на свѣтѣ, то Колонна первые призвали народъ къ возстанію. Появились баррикады. На улицахъ кричали: „viva libertà". Начались вооруженныя схватки черни съ наемниками бароновъ. Неаполитанскія войска, въ то время занимавшія городъ, еще болѣе содѣйствовали безпорядкамъ. Испуганные римскіе кардиналы торопились собраться въ конклавъ, чтобы скорымъ избраніемъ положить конецъ волненіямъ. Предъ засѣданіемъ всѣ избиратели поклялись, что будущій папа долженъ будетъ содѣйствовать всѣми силами единенію Церкви и, если потребуютъ обстоятельства, откажется даже отъ тіары. Выборъ палъ на стараго болонскаго кардинала: его провозгласили подъ именемъ Иннокентія VII. Новый папа, человѣкъ мягкій и съ тактомъ, подтвердилъ съ своей стороны клятву кардиналовъ. Онъ заключилъ также условіе съ народными уполномоченными, которые требовали уступки Капитолія въ непосредственное владѣніе цеховъ, право избранія трехъ кандидатовъ на сенаторскую должность и признанія демократическаго совѣта „dieci della libertà" во главѣ народнаго правительства. Папа согласился на все, такъ какъ ему надо было успокоить свое маленькое государство внутри, чтобы имѣть возможность бороться съ королемъ Владиславомъ, который не оставлялъ своихъ претензій на обладаніе Римомъ.

Здѣсь мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобы ознакомиться съ историческими судьбами неаполитанскаго королевства, имѣвшаго вліяніе на ходъ средневѣковой политической исторіи.

Неаполитанская монархія.

Въ средневѣковой Италіи уживались самыя разнообразныя государственныя формы. Рядомъ съ типичными республиканскими общинами развились монархіи, построенныя на разнородныхъ началахъ: то римская, — изъ оригинальнаго сплетенія теократическихъ и политическихъ элементовъ; то миланская, созданная военнымъ деспотизмомъ; наконецъ, неаполитанская, выросшая по всѣмъ условіямъ феодальнаго государства. Довольно обширное королевство обѣихъ Сицилій

жило долгое время жизнью довольно изолированною; оно оставалось чуждымъ тому юношескому стремленію, съ которымъ остальная часть полуострова вступала въ роскошный періодъ общинъ. Энергичные и умные нормандцы употребили это время на внутреннюю организацію своего королевства ([1]).

([1]) Очерки неаполитанской исторіи XIV вѣка основываются главнымъ образомъ на лѣтописяхъ, помѣщенныхъ у Muratori, какъ напр. Giornali napolitani, dall anno 1266 sino al 1478 (scriptores rer. ital. t. XXI, p. 1029—1138); Istoria napolitana de Raimo, Fransoni e Lancelloti dall' 1197—1486 (XXIII, 219—240), и въ большомъ собраніи Raccolta napolitana (varie chroniche alla storia del Regno di Napoli, 5 vls. in 4, Nap. 1780—82), а также на мемуарахъ Laurentii Bonincontrii, annales Miniatensis ad 1360—1458 (Muratori; XXI, 1—162), Leonardi Aretini, rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius ab 1478—1440 (id. XIX, 911—942) и на иныхъ болѣе спеціальныхъ источникахъ, какъ напр. для времени Владислава, на біографіяхъ важнѣйшихъ кондотьеровъ.—Leodrisius Cribellus (de vita, rebusque gestis Sfortiae ab anno 1369 usque ad 1424, изд. Murat. XIX), Campanus (vita Bracchii Perusini, ibidem), а также на замѣткахъ другихъ лѣтописей. Значительнаго вниманія заслуживаютъ старыя, очень солидныя работы по неаполитанской исторіи; изданія ихъ теперь сдѣлались рѣдкостями. Сюда принадлежатъ по порядку времени: Pandolfo Collenuccio da Pesaro (Compendio dell' istoria del regno di Napoli. Ven. 1613), Angelo di Costanzo (hist. del regno di Napoli. Aquil. 1581), G. A. Summonte (hist. della città e regno di Napoli. N. 1675, 4 v., 3 ed.) и особенно P. Giannone (Istoria civile del regno di Napoli, edizione accresciuta di note chritiche, riflessioni e moltissime correzioni, 4 v. 1766, Ven. 4 ed.). Очень полезны также: миланецъ Corio (L' historia di Milano, Pad. 1646), неаполитанецъ Ammirato (Dell' istorie fiorentine libri 20, Fir. 1700) и мантуанецъ Scipione Agnello Maffei (Gli annali di Mantova, Tort. 1675). Изъ позднѣйшихъ трудовъ нѣмецкія сочиненія: поверхностное Herrmann'а (1829), и болѣе основательное Seybert (1862). Изъ общихъ итальянскихъ исторій мы пользовались: Muratori (Annali, 1753). Denina (Rivoluzioni, 1769), Le Bret (1778), Bossi (1819), Sismondi (1825), Leo (1826), La-Farina (1846), Cantu (trad. par. Lacombe, 1860). Прочія, общія и спеціальныя сочиненія указываются въ своемъ мѣстѣ. Для исторіи первыхъ анжуйцевъ въ спеціальныхъ работахъ слѣдуетъ пользоваться дипломатическимъ и юридическимъ сборникомъ, который издается съ начала семидесятыхъ годовъ. — Почти весь этотъ очеркъ неаполитанской исторіи представляетъ обширное извлеченіе изъ разсказовъ автора по итальянской исторіи (Неаполит. государи въ XIV вѣкѣ. Каз. 1873).

Династія, обладавшая неаполитанскимъ королевствомъ— но уже безъ острова Сициліи—во все продолженіе XIV вѣка, была анжуйская (1265—1442 г.), основанная братомъ Луи IX Святаго, герцогомъ Карломъ, который долго занималъ наше вниманіе (II, 399—410). Она не породила изъ себя такихъ міровыхъ представителей, какъ Фридрихъ II; она уже не застала разгара папско-императорской борьбы. Правда, въ нѣкоторомъ смыслѣ ей самой пришлось продолжать дѣло гогенштауфеновъ и поддерживать оппозицію Риму; но эта вражда далеко лишена прежняго величія; она чисто матеріальная, да и соперники находились теперь въ другихъ условіяхъ. Четырнадцатый вѣкъ былъ въ Европѣ началомъ постепеннаго разложенія средневѣковыхъ формъ; монархическая идея готовилась облечься во всеоружіе. Короли неаполитанскіе, подобно своимъ французскимъ родственникамъ, но только раньше послѣднихъ, стремились къ расширенію своей территоріи. Смѣлѣйшіе изъ нихъ мечтали сдѣлаться властителями цѣлой Италія. **Анжуйцы.**

Два важныхъ событія для неаполитанской исторіи XIV вѣка совершились при сынѣ основателя анжуйской династіи, Карлѣ II Хромомъ, безцвѣтная личность котораго лишена индивидуальнаго значенія. Событія эти не зависѣли отъ его иниціативы. Это были: вступленіе анжуйской династіи на венгерскій престолъ (въ 1290 году) въ лицѣ его старшаго сына Карла Мартелла, и т. н. вавилонское плѣненіе папъ. Марія, жена Карла II, была дочерью венгерскаго короля Стефана,— а съ ея братомъ, бездѣтнымъ Владиславомъ, послѣднимъ королемъ арпадской династіи, упразднился венгерскій престолъ. Оставаясь безъ государя, магнаты предлагали свою корону даже самому Карлу; но онъ былъ совершенно чуждъ честолюбія, какъ бы въ контрастъ своему отцу. Его дѣятельность цѣликомъ уходила на внутреннія или скорѣе богоугодныя дѣла. Плѣнъ у аррагонцевъ, гдѣ онъ пробылъ даже еще четыре года послѣ смерти отца, вѣчныя неудачи сицилійской войны отбили въ немъ охоту ко всякаго рода обширнымъ планамъ. За то, заключившись въ болѣе узкіе предѣлы, онъ сохранилъ память свою въ нравственномъ отношеніи чуждою всякаго упрека (come Re lealissimo e di somma bontà, по словамъ Джьанноне). Его попеченія объ университетѣ столицы, о торговлѣ страны, о закрѣпленіи монархическихъ порядковъ, все это достойное продолженіе дѣла императора Фридриха, конеч- **Карлъ II (1285-1309 г.).**

но, имѣютъ большое значеніе. Покинутый папами Римъ, открывалъ своему наслѣднику, а съ нимъ и всей династіи, блистательное будущее, но повергалъ. вслѣдъ за тѣмъ страну въ долгія войны.

Робертъ (1309-43 г.). Его сынъ Робертъ долженъ былъ замѣшаться въ круговоротъ наступавшихъ событій; возобновлялись претензіи германскихъ императоровъ на Италію. Робертъ долженъ былъ явиться ихъ противникомъ, вождемъ гвельфовъ и слѣдовательно оберегателемъ все еще свободнаго отъ папъ Рима.

Личность Роберта перешла въ исторію съ эпитетомъ Мудраго (il Savio), за восторженное сочувствіе къ наукѣ, за гуманность характера и болѣе всего за водвореніе правосудія въ странѣ. Не было еще тогда монархической страны, которая бы управлялась съ такимъ благоразуміемъ. Это подтверждаютъ новые порядки, введенные Робертомъ въ видахъ лучшаго устройства трибуналовъ и магистратовъ. Въ судьи онъ выбиралъ людей выдающейся учености, а главное — безупречной репутаціи. Для дѣлъ церковныхъ Робертъ издалъ особыя Regole della Cancelleria, въ которыхъ были указаны новые способы для сбора римской десятины. Ею завѣдывали особо назначенные папскіе повѣренные, такъ называемые collettori apostolici, подчиненные главнымъ намѣстникамъ папы въ неаполитанскомъ королевствѣ, пользовавшимся огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ, а именно—нунціямъ. Главнымъ образомъ Робертъ заботился о внутреннемъ спокойствіи государства, или, какъ выражается историкъ „наблюдалъ, чтобы вѣчный миръ царилъ въ народѣ“ (¹). Король сдерживалъ недовольныхъ, наказывая возмутителей общественнаго спокойствія. Онъ укротилъ также произволъ духовныхъ феодаловъ, которые безпощадно давили своихъ вассаловъ.

Какъ видимъ, Робертъ дѣйствовалъ въ духѣ новыхъ монархическихъ идей. Однако результаты не выкупали его неразборчивыхъ мѣръ. Передъ смертью онъ имѣлъ несчастіе видѣть, какъ снова поднялись только что униженные имъ бароны; съ послѣдними силами онъ предписываетъ дѣйствовать оружіемъ. Вслѣдствіе этого губернаторамъ провинцій (giustizieri) было указано хватать виновныхъ, но послѣдніе или разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, такъ что команды не могли изловить ихъ, или же спокойно проживали въ крѣп-

(¹) Giannone; III, 135.

кихъ замкахъ недовольныхъ бароновъ. Вообще военныя предпріятія не удавались Роберту; его сферою была гражданская дѣятельность. Между тѣмъ положеніе дѣлъ не позволяло ему класть оружія. Онъ долженъ успѣвать вездѣ,—драться съ двумя императорами, драться съ двумя королями: аррагонскимъ и сицилійскимъ, драться съ итальянскими городами изъ за интересовъ гвельфовъ, которые поручили ему охранять авиньонскіе папы, теперь безгласные въ дѣлахъ полуострова. Робертъ былъ очень плохой военачальникъ и на сушѣ и на морѣ, гдѣ всегда природа была противъ него. У береговъ Сициліи буря разбиваетъ его лучшую надежду, большую флотилію изъ 78 большихъ галеръ, 30 транспортныхъ судовъ, 30 лодокъ и 160 другихъ мелкихъ судовъ. У него оставалось еще 42 тысячи воиновъ, но сухопутныя силы такъ же гибнутъ какъ и морскія. Король, не теряясь, создаетъ снова такую же армію. Наемничество, это безконечное предложеніе военнаго товара, тогда только что организовалось къ услугамъ общинъ и государей. Робертъ тратилъ на войска то, что получалъ отъ гражданскаго преуспѣянія королевства. Въ послѣднемъ отношеніи труды его были полезнѣе и несравненно производительнѣе. Онъ одинъ много поднялъ и науку, и литературу, и искусства своего вѣка. Около него, какъ около центра, группировалась вся мыслящая Италія эпохи. Онъ не жалѣлъ денегъ для приглашенія лучшихъ ученыхъ въ неаполитанскій университетъ. Иногда онъ самъ являлся въ аудиторіяхъ и слушалъ тамъ лекціи. Можно совершенно непреувеличенно сказать, что Робертъ благоговѣлъ передъ поэзіей и наукою (¹). Извѣстны его любимыя слова: „лучше хочу знать науки безъ діадемы, нежели носить діадему безъ наукъ". Особенно Петрарка пользовался его подобострастнымъ уваженіемъ. Когда поэта короновали въ Капитоліи, то Робертъ, уже престарѣлый, высказывалъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ собственноручно возложить вѣнецъ на голову поэта.

(¹) Памятникомъ чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, Робертъ оставилъ между прочимъ трактатъ, составленный имъ подъ конецъ жизни. Стихи довольно плохіе, потому издатель Убальдини замѣчаетъ о нихъ,— «cimentò le forze del suo ingegno nella vecchiaja applicandosi a rimare». Трактатъ, изданный въ Римѣ въ 1842 году, называется: «Il trattato delle virtù morali di Roberto Re di Gerusalemme, ed. di conte Federico Ubaldini». Къ этой же рѣдкой книгѣ присоединено нѣсколько сонетовъ Петрарки, «Tesoretto» Брунетто Латини и 4 канцоны Боники Сіенскаго.

Петрарка съ своей стороны отплатилъ глубокою признательностью королю, оставляя потомству слѣдующую, очень вѣрную, характеристику своего друга:

„Ученый король былъ всегда съ книгою въ рукахъ; днемъ или ночью, во время отдыха или прогулки, среди дѣлъ мира или войны, онъ не измѣнялъ ей. Робертъ заботился о даровитыхъ личностяхъ, со всей щедростью награждая геніевъ своего вѣка (хотя, надо прибавить, мало оказывалось поводовъ къ такой щедрости). Онъ согласенъ не только благосклонно и терпѣливо прослушивать все, что ему читалось, но ищетъ случая одобрить, наградить авторовъ. Такъ онъ поступалъ до послѣдней минуты. Уже старикъ, король-философъ, не стыдился учиться и дѣлиться съ другими своими познаніями. Онъ постоянно твердилъ, что человѣкъ дѣлается мудрымъ только благодаря наукѣ,—уча и учась. Даже тѣ, которые изъ ненависти злословили его, стараясь уменьшить его заслуги, не могли отказать ему въ учености. Искусный въ богословіи, философіи, медицинѣ, краснорѣчіи, онъ не занимался развѣ только одною поэзіею“ (1).

При всѣхъ этихъ качествахъ внутри государства онъ не всегда могъ сладить съ феодалами и народомъ. Онъ былъ слабымъ администраторомъ и репутація мудрости создана была въ сущности благодарными апологетами; за ними она повторялась согласнымъ хоромъ итальянскихъ историковъ XVII и XVIII вѣка и перешла отчасти и въ изслѣдованія новыхъ историковъ Италіи, кромѣ Канту. Между тѣмъ исторія похода Генриха VII, гдѣ король остается какъ бы въ тѣни, обнаруживаетъ въ немъ недостатокъ смѣлости, распорядительности и отсутствіе воинскихъ качествъ. Честный и ученый человѣкъ, онъ былъ поставленъ судьбою не на своемъ мѣстѣ (2).

На такого гуманнаго, мягкаго человѣка, какимъ былъ Робертъ, должна была сильно подѣйствовать смерть единствен-

(1) Petrarca. Rerum memorabilium, l. 1, c. 1.

(2) Сердечный отзывъ Giannone вытекаетъ изъ того хвалебнаго ореола, которымъ окружили Роберта: Giov. Villani въ своей знаменитой исторіи (Mur. XIII, l. 11, 12), Petrarca (rerum memorabilium, l. 1, 4), и Boccacio (Genealogia deorum etc. l. XIV, c. 9, 22; l. XV, 13). Сужденія итальянцевъ почти буквально сходны, нпр. Maffei (Gli annali di Mantova. l. IX, c. 6): «essendo Roberto Principe Savio, e di grand' esperienza in pace e in guerra (p. 656)» и пр. Изъ новыхъ—Bossi относится довольно вѣрно (XV, 722); Cantu же видитъ на этотъ разъ одни недостатки (VI, 50).

наго, нѣжно любимаго сына, уже подававшаго большіе задатки политическаго искусства. Герцогъ калабрійскій всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ своего отца; какъ соправитель, онъ носилъ титулъ королевскаго намѣстника (vicario). Заливаясь слезами, говорилъ старикъ, пораженный въ самое сердце: „корона упала съ головы моей (caduta è la corona del capo nostro)“ (¹).

Бракъ Іоанны съ Андреемъ венгерскимъ.

Теперь все свое вниманіе, всю любовь онъ обратилъ на внучку Джіованну, которая во многомъ напоминала ему сына. Эта внучка была знаменита впослѣдствіи, какъ королева Іоанна I (²). Еще семи лѣтъ, въ 1333 году дѣдъ обручилъ ее съ Андреемъ, младшимъ сыномъ Кароберта, внукомъ Карла Мартелла, короля венгерскаго (II, 745). Можетъ быть онъ думалъ этимъ предохранить Неаполь отъ вооруженнаго водворенія арпадской династіи, которая не совсѣмъ-то благосклонно смотрѣла на южную Италію. Съ своей стороны Каробертъ былъ радъ этому браку. Онъ самъ пріѣзжалъ въ Неаполь, гдѣ самымъ родственнымъ образомъ былъ принятъ дядею Робертомъ. Тотчасъ же послѣ обрученія, Андрей, еще мальчикъ, получилъ титулъ герцога калабрійскаго. Отецъ снабдилъ его достаточнымъ количествомъ венгерцевъ и, поручивъ главную опеку суровому монаху „fra Roberto“, уѣхалъ. Андрей росъ подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и выросъ чистымъ азіятцемъ. Безпрекословно повиновался онъ злому и угрюмому монаху, который грозилъ впослѣдствіи сдѣлаться бичемъ цѣлаго королевства (³). Джіованна двѣнадцати лѣтъ была рѣдкая красавица; она отличалась прекрасными качествами ума и сердца. Дѣвическая красота ея въ пору зрѣлости приняла величественное выраженіе, не безъ

(¹) Giannone; III, 132 и др.

(²) Carlo, duca di Calabrio, такъ во многомъ похожій на своего отца, былъ женатъ два раза. Бракъ съ Екатериною, австрійскою принцессою, былъ бездѣтенъ. Тогда Карлъ женился на Маріи Валуа. Отъ нея онъ имѣлъ трехъ дочерей: Джіованну (будущую королеву), Марію, которая вскорѣ умерла, и еще Марію, уже родившуюся послѣ смерти отца. Послѣдняя вышла за Карла Дураццо.

(³) Личность fra Roberto обрисовалъ Costanzo въ 6 книгѣ своей исторіи самыми мрачными красками,—«un animale otrendo, co' piedi scalzi, col' cabo scoperto. Torto di persona, marcio di tempo, grossi di fianchi, co' panni logori estracciati» etc. повторяетъ за нимъ Maffei (l. X).

явнаго отпечатка мужской энергіи. Ея умъ, гибкій и тонкій въ дѣтствѣ, высказался послѣ въ счастливомъ тактѣ и въ замѣчательной правительственной способности. Обширнымъ образованіемъ, подъ руководствомъ дѣда, она превосходила всѣхъ своихъ соотечественницъ. Понятно, что такая женщина не могла сочувствовать дикому и бездарному человѣку, какимъ былъ ея венгерскій супругъ, не перенявшій ничего итальянскаго Равнодушіе къ нему, скоро превратившееся въ ненависть, поселилось въ ея сердцѣ еще съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Въ политическомъ бракѣ нисколько не участвовали ея личныя привязанности (¹).

Іоанна I (1343-82 г.). Предсмертное распоряженіе Роберта дѣлало наслѣдницею Іоанну, а Андрею не давало ничего кромѣ номинальнаго титула соправителя и супруга королевы, которая должна была вступить на престолъ тотчасъ послѣ его смерти. Въ помощь себѣ Іоанна тогда же пригласила совѣтъ изъ преданныхъ людей, нисколько однако не ограничивавшій ея власть (tutto dipendente da lei).

При всемъ томъ, первые годы правленія Іоанны, этой итальянской Маріи Стюартъ, какъ ее часто называютъ, прошли очень несчастливо. Надо предполагать, что безпорядокъ былъ страшный, потому что онъ кидался въ глаза даже по-

(¹) (Guijot), Histoire des Jeannes, reines de Naples (Par. 1700); 22.— См. также отзывъ юриста Angelo da Perugia у Giannone (III. 194).— Самъ Giannone отзывается такъ объ Іоаннѣ I: «più savia Regina, che sedesse mai in sede Reale» (ibid.). Если бы такое замѣчаніе было и преувеличено, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свое значеніе, и далеко не оправдываетъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыми осыпаютъ королеву. Относительно главнаго изъ нихъ, обвиненія въ убійствѣ,— вопросъ, послѣ защиты Costanzo (l. 6) и увѣреній G. Villani (l. 12), не можетъ рѣшаться противъ нея. Взглядъ послѣдняго на Іоанну также долженъ быть принятъ въ соображеніе, а онъ считаетъ ее достойною наслѣдницею дѣда Роберта, «не только по престолу, но и по духу», признаетъ ея правительственное искусство, государственный умъ (si grave in tutte l'operationi). Іоанна I, только одна изъ всѣхъ анжуйцевъ, имѣетъ спеціальную литературу. Таковы монографіи объ Іоаннѣ I: —Mignot (1764), Sille (на англ.-нѣм. пер. 1830 г.), Crivelli (1832), всѣ безъ ученыхъ достоинствъ; послѣдняя для обѣихъ королевъ Іоаннъ; на нѣм. Rotteck (Sammlung kl. Schr. 1829. B. I) и статья Röse (Ersch und Gruber, Th. II, B. XXI).

слѣ безпокойнаго времени Роберта. Джьанноне замѣчаетъ, что это былъ контрастъ дня и ночи (chè tra il dì e la notte). Тѣснили всѣхъ совѣтниковъ покойнаго государя, вдова котораго должна была удалиться въ монастырь и тамъ кончить дни въ аскетическихъ подвигахъ благочестія. Причиною всего этого было вмѣшательство венгерской партіи въ дѣла правленія: полудикіе воины венгерскіе, товарищи Андрея, буйствовали при дворѣ, и свирѣпствовали по всему королевству. Наконецъ, fra Roberto, поддерживаемый мужемъ королевы, окончательно захватилъ полную власть въ свои руки, вездѣ разсадивъ своихъ giustizieri (губернаторовъ). Мрачный монахъ своею ужасною жестокостью сдѣлался бичемъ народа. Его уста ежедневно произносили смертные приговоры; эшафоты воздвигались по провинціямъ. Своею суровостью и безпощаднымъ образомъ дѣйствій онъ удалилъ королеву на второй планъ, сдѣлавъ Андрея полновластнымъ государемъ. У венгерской партіи была сильная поддержка изъ родины, гдѣ царствовалъ теперь старшій братъ Андрея, суровый Людовикъ, прозванный послѣ Великимъ. По свидѣтельству венгерскаго историка Бонфинія, Людовикъ отправилъ въ Авиньонъ торжественное посольство, которое имѣло сообщить папѣ, что Андрей, король неаполитанскій, имѣетъ право на этотъ титулъ, не какъ мужъ Іоанны, а какъ первородный правнукъ Карла II Хромаго. Но папа врядъ ли былъ расположенъ подтвердить своею верховною санкціею подобное предложеніе. Пока венгерскіе послы искали аудіенціи въ Авиньонѣ, въ Неаполѣ папскій легатъ уже совершилъ обрядъ коронованія и отъ имени его святѣйшества далъ Іоаннѣ I инвеституру на королевство неаполитанское, какъ на ленъ Церкви. Въ соборѣ Santa-Chiara всѣ чины принесли ей присягу, какъ законной государынѣ (30 августа 1344 года). Но въ то время, когда папа по поводу этой коронаціи объяснялся съ послами венгерскими и выслушивалъ ихъ гордый протестъ,— изъ Неаполя была получена роковая новость объ умерщвленіи Андрея....

Не всѣ историки рѣшаются обвинять Іоанну I въ смерти ея мужа. Можетъ быть она вовсе не желала его гибели и не знала о заговорѣ, который главнымъ образомъ руководили бароны и принцы крови, а послѣднихъ было не

Убійство Андрея въ 1345 г.

мало при неаполитанскомъ дворѣ ([1]). Всѣ опасались, чтобы папа какъ нибудь не согласился на коронацію Андрея: тогда бы окончательно пострадали патріоты. Уже и теперь fra Roberto разогналъ принцевъ, придворныхъ и старыхъ чиновниковъ; всѣ лучшія мѣста были замѣщены венгерцами. Въ страхѣ бѣжали отъ двора родственники запуганной королевы, а дворяне старались пріютиться гдѣ нибудь дальше въ своихъ помѣстьяхъ. Венгерскіе правители нисколько не стѣснялись съ народомъ, съ которымъ не имѣли ничего общаго; началась тиранія чужезмцевъ. При такихъ обстоятельствахъ прочіе вліятельные люди были очень рады, что нѣсколько рѣшительныхъ головъ изъ средняго класса составили заговоръ съ цѣлью убить Андрея и тѣмъ свергнуть тиранію. Всѣхъ заговорщиковъ было 12 человѣкъ. Положительно извѣстно, что бароны сулили имъ большія награды въ случаѣ удачи. Нанести ударъ вызвались четверо изъ нихъ; судя по именамъ, они не были итальянцы (Карлъ Артуръ, сынъ его Бертранъ, Конрадъ Катанлано, Конрадъ Унфредъ). Они счастливо избавились послѣ отъ казни и спаслись бѣгствомъ, между тѣмъ, какъ тѣ пятеро, которые играли во всемъ дѣлѣ едва ли не меньшую роль, были принесены въ жертву правосудія. Андрея не хотѣли убивать въ столицѣ, опасаясь безпорядковъ, которые могли произойти въ городѣ, наполненномъ въ то время венгерскими пришельцами. Случилось, что король и королева съ небольшою свитою поѣхали въ Аверсо. Они остановились въ городскомъ замкѣ (17 сентября 1345 года). Уже была глубокая ночь, когда Андрея вызвали изъ

([1]) Напримѣръ Giannone, всегда такъ правдивый, ни слова не говоритъ объ участіи самой королевы въ заговорѣ; онъ во всемъ обвиняетъ Карла Дураццо, дядю будущаго короля Карла III. «Alcuni baroni che desideravano, impedirla (подразумѣвается: отвратить коронацію Андрея), stimolati anche da Reali, che vi dissentivano, e sopra tutti da Carlo, duca di Durazzo, stante ancora la dappocaggine d'Andrea, e l'insolenza degli Ungari diedero la spinta a coloro, che aveno congiurato d'ucciderlo, d'accelerar la sua morte (III, 170)», etc. Если тотъ же историкъ, въ другомъ мѣстѣ относится съ оттѣнкомъ подозрѣнія къ Іоаннѣ I: «Re Ludovico, persuaso già, che ella fosse consapevole, e partecipe della morte d'Andrea» (III. 172),—то это подозрѣніе видимо объясняется неловкостью фразы; авторъ подразумѣваетъ: «убѣжденный по навѣтамъ другихъ». Срав. по этому вопросу новыхъ изслѣдователей напр. Bossi (XV, 728) и La-Farina (VII, 36).

спальни королевы будто за важнымъ дѣломъ; доложили, что пріѣхалъ гонецъ отъ fra Roberto. Андрей, ничего не подозрѣвая, всталъ, одѣлся на скоро, и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Было совершенно темно. Не сдѣлалъ онъ трехъ шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что его шею обвиваетъ что-то крѣпкое; петля плотно задавила короля. Убійцы выкинули трупъ за окно и удалились, никѣмъ не замѣченные ([1]). Неизвѣстно что было съ королевой: ждала ли она супруга или нѣтъ? Обстоятельства дѣла не даютъ основательныхъ доказательствъ на столько, чтобы подозрѣвать ее въ соучастіи. На слѣдующее утро, когда цѣлый городъ былъ въ страшной тревогѣ и не вѣрилъ своему внезапному, неожиданному счастію, можетъ быть и королева одинаково изумилась, испугалась и въ тоже время обрадовалась. Она почувствовала себя на свободѣ....

Тотчасъ же страна приняла другой видъ. Итальянская партія получила полное преобладаніе и при дворѣ и въ администраціи. Венгерцы бѣжали, но съ полною увѣренностью, что король Людовикъ заступится за нихъ, что онъ не оставитъ безнаказанною смерть своего брата.

Дѣйствительно, торжество итальянской партіи было самое непродолжительное; ей едва ли пришлось попользоваться плодами своей побѣды. Со всѣхъ концовъ Европы посыпались обвиненія на королеву. Вездѣ увѣряли, что она знала о замыслѣ и если не руководила имъ, то согласилась на его исполненіе. Людовикъ венгерскій объявилъ, что будетъ оружіемъ мстить за кровь своего брата. Онъ собиралъ громадную армію, приготовляя громы на Неаполь. Папа Климентъ VI изъ Авиньона слалъ буллу, въ которой между прочимъ говорилось: „мы не хотимъ и не должны хотѣть оставить безнаказаннымъ преступленіе, столь ужасное, столь безпримѣрное, почти единственное, о которомъ только приходилось слышать намъ и святой католической Церкви“ ([2]).

Королева не могла не принять мѣръ въ виду такихъ угрозъ. Она старалась по возможности отвратить бѣду, которая грозила неминуемо обрушиться на нее, погубить въ

([1]) Это убійство согласно описываютъ всѣ историки. См. напр. Ammirato, dell' istorie fiorentine; 369. Также и пособія: Guijot, histoire des Jeannes; 48, 49. Costanzo; I. VI, 686—688 etc.

([2]) Baluzius; I, 247 Hist, Pap. Avinens.

конецъ ее самую и ея королевство. По ея приказанію стали розыскивать исполнителей и руководителей злодѣянія. Вѣроятно феодалы, такъ искусно и незамѣтно управлявшіе нитями заговора, дали время и средства бѣжать тѣмъ, которые болѣе всего могли навести на слѣдъ. Можетъ быть, и сами убійцы, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣли давно укрыться въ надежномъ убѣжищѣ. По крайней мѣрѣ, изловили и казнили только тѣхъ, которые были менѣе всего виновны и менѣе всего опасны. Двое изъ нихъ, принадлежавшіе къ свитѣ Андрея, умерли еще подъ пыткою; третій, дряхлый старикъ, конечно ни въ чемъ не виноватый, палъ мертвый въ виду однихъ приготовленій къ колесованію; онъ не въ состояніи былъ даже дойти до мѣста казни. Колесовали (tanagliare sopra un carro) только двоихъ; это были сынъ и племянникъ старика.

Королева рѣшилась наконецъ на тяжкое униженіе, невыносимое для всякаго государя, тѣмъ болѣе для женщины. Она послала къ грозному Людовику трапейскаго епископа съ униженною мольбою принять ее, бѣдную вдову, и ея маленькаго сына (отъ брака съ Андреемъ), подъ свое высокое покровительство. Но короля венгерскаго никогда не смягчали женскія слезы. Черезъ того же епископа, онъ отправилъ къ Іоаннѣ суровое письмо, въ которомъ, положительно обвиняя ее въ смерти Андрея, лаконически замѣчалъ, что онъ не преминетъ лично розыскать виновницу преступленія, дабы показать на ней, какъ слѣдуетъ брату мстить за брата.

Нашествіе венгерцевъ на Италію.

Такой отвѣтъ ясно обнаруживалъ намѣреніе Людовика. Надо было приготовиться къ рѣшительной оборонѣ, но она, по собственному сознанію правительства, была немыслима при тогдашнемъ положеніи неаполитанскаго королевства. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ она объявила, что оставляетъ королевство, что не хочетъ рисковать судьбою цѣлаго народа изъ своихъ личныхъ цѣлей, что она поѣдетъ въ Авиньонъ, падетъ къ стопамъ святѣйшаго отца, и тамъ, положа руку на евангеліе, докажетъ свою невинность въ смерти Андрея; теперь же разрѣшаетъ своихъ подданныхъ отъ присяги и позволяетъ имъ, даже приказываетъ, безъ всякаго сопротивленія покориться Людовику. Рѣчь молодой королевы произвела тяжелое впечатлѣніе на собраніе, многихъ заставила плакать можетъ быть искренними слезами но никого не под-

вигнула къ отважному подвигу спасенія погибавшей династіи. Іоанна съ своимъ вторымъ мужемъ Людовикомъ (бывшимъ принцемъ Дураццо) сѣла на корабль и въ сопровожденіи небольшой эскадры отправилась въ Провансъ.

Передъ венгерцами пало все. Никто не смѣлъ и не думалъ оказывать сопротивленіе, никто не рѣшался даже защищать свою собственность отъ „степныхъ варваровъ". Безпрепятственно венгры вступали въ крѣпости и города, среди могильнаго молчанія проходили мрачно смотрѣвшими улицами. Случилось такъ, что въ Аверсо должны были встрѣчать Людовика принцы крови. Тогда одна страшная сцена возмутила жителей. Людовикъ, окруженный венгерскими магнатами и неаполитанскими баронами, проѣздомъ черезъ городъ, вдругъ остановился, когда подъѣхали къ замку, въ которомъ задушили Андрея. Рядомъ съ королемъ ѣхали всѣ принцы. Ласково подозвалъ Людовикъ одного изъ нихъ, Карла Дураццо, который, какъ было извѣстно, болѣе всѣхъ принималъ участіе въ заговорѣ. Съ злою ироніею онъ спросилъ принца, въ какое окно онъ выкинулъ Андрея. Карлъ почтительно отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ короля. Тогда Людовикъ молча подалъ ему какое-то письмо, и въ тотъ же мигъ по данному знаку, нѣсколько венгерцевъ съ обнаженными мечами бросились на принца; въ одно мгновеніе онъ палъ обезглавленный. Четырехъ принцевъ отвезли въ Венгрію. Въ назиданіе своихъ новыхъ подданныхъ, король велѣлъ носить передъ собою черное знамя, на которомъ была изображена сцена убійства. Съ трепетомъ встрѣтили Людовика депутаты города Неаполя. Угрюмый венгерецъ не сталъ слушать ихъ и въ полномъ вооруженіи, во главѣ грозной арміи, въѣхалъ въ пышную столицу, такъ не гармонировавшую съ его родиной. Во дворцѣ было приготовлено для него роскошное помѣщеніе, но онъ его не принялъ, а вмѣсто того, надѣвши шлемъ на голову, отправился въ замокъ Castelnuovo и тамъ водрузилъ венгерское знамя.

Черезъ четыре мѣсяца нельзя было узнать неаполитанскаго королевства. По всей странѣ засѣли венгерскіе чиновники, венгерскіе губернаторы, венгерскіе гарнизоны; все это дѣйствовало именемъ новаго короля. За то, когда Людовикъ уѣхалъ обратно въ Венгрію, оставивъ своими намѣстниками нѣмца Буксуса и епископа Варадина, то общій, довольно громкій ропотъ прошелъ по всей странѣ. Презрительное,

надменное обхожденіе варваровъ (i barbari costumi) возмущало самыхъ скромныхъ людей. И знать, и народъ, — всѣ чаще и чаще стали вспоминать о доброй, несчастной королевѣ. Ея именемъ производились вооруженныя демонстраціи, иногда съ такою силою, что венгерцы даже поддавались. Наконецъ пронесся слухъ, что Джіованна, имя которой сдѣлалось теперь лозунгомъ народной самостоятельности, возвратилась, что она скоро будетъ на родныхъ берегахъ. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали этой минуты.

Возвращеніе королевы и уступка Авиньона папамъ.

Слухи оказались справедливыми. Королева успѣла убѣдить папу въ своей правотѣ. Климентъ VI публично объявилъ, что обвиненіе, взведенное на Іоанну, лишено всякаго основанія. Письма и адресы получались Джіованною изъ Неаполя. Безъ сомнѣнія, переписка производилась секретно. Восторженный тонъ писемъ, исполненныхъ обожанія къ королевѣ, еще болѣе убѣждалъ папу въ правотѣ Іоанны (¹). Наконецъ, около нея сплотился довольно многочисленный кружокъ эмигрантовъ. Авиньонъ,—какъ одинъ изъ городовъ Прованса, составлявшій наслѣдственную собственность Іоанны,—былъ уступленъ папской куріи въ вѣчное владѣніе за восемьдесятъ тысячъ золотыхъ флорентійскихъ флориновъ (около полъ-милліона нашихъ рублей). Тогда считали, что такая цѣна очень умѣренна, но королева, прибавляютъ ея панегиристы, свято держалась евангельскихъ словъ: beatius est dare, quam accipere. Притомъ, ей крайне необходимы были деньги на вооруженіе десанта и десятка галеръ для освобожденія отечества. Папа же, въ порывѣ благодарности, далъ супругу королевы, Людовику Дураццо, королевскій титулъ.

Съ энтузіазмомъ было встрѣчена Джіованна въ неаполитанской гавани. Венгерцы, ослабленные раздѣленіемъ силъ, не устояли противъ народнаго движенія, и засѣли въ крѣпкомъ Castelnuovo. Король и королева поселились, наконецъ, послѣ долгихъ треволненій, въ своемъ дворцѣ. Людовикъ Дураццо, провозглашенный главнокомандующимъ, началъ сзывать войска и организовалъ сильные отряды изъ воинственной молодежи, которая съ восторгомъ шла мстить за Джіованну. Король венгерскій также не оставилъ безъ поддержки своихъ.

(¹) Ammirato, 377. Baluzius; I. 271—272. Costanzo, I. 6.

Можно судить, какъ велико было одушевленіе неаполитанцевъ, если они не только одолѣли венгерцевъ, занимавшихъ королевство, но даже не отступили передъ свѣжими силами непріятеля. Въ разгорѣвшейся войнѣ ни та ни другая сторона не имѣла рѣшительнаго успѣха. Папа своимъ вмѣшательствомъ успѣлъ устранить напрасное кровопролитіе, тѣмъ скорѣе, что около того времени умеръ малолѣтній сынъ убитаго Андрея. Папа убѣдилъ короля венгерскаго заключить перемиріе, а послѣ и окончательный миръ (въ 1375 году). Людовикъ венгерскій, отказываясь отъ своихъ претензій на Неаполь, освободилъ неаполитанскихъ принцевъ, которыхъ онъ болѣе четырехъ лѣтъ томилъ въ своихъ крѣпостяхъ. Отъ имени Іоанны папа предложилъ королю 300 тысячъ флориновъ въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, на самомъ же дѣлѣ за уступку своихъ правъ. Но Людовикъ съ благородною гордостью отказался отъ этой награды и предоставлялъ получить ее самому первосвященнику и католической Церкви. Онъ прибавилъ, что шелъ на Неаполь не для корыстной цѣли, но для славы, что онъ мстилъ за кровь брата, и теперь, когда месть вполнѣ удовлетворена, ему не надо ни жертвъ, ни денегъ (1).

Въ Неаполѣ венгры оставили по себѣ памятные слѣды. Еще долгое время послѣ выступленія регулярной арміи свирѣпствовали въ странѣ безчисленные отряды наемниковъ, содержавшихся прежде на счетъ венгерскаго правительства, а теперь сражавшихся изъ за собственныхъ выгодъ. Въ эту минуту въ исторіи наемничества совершается важная реформа, появленіе такъ называемыхъ компаній, которымъ главнымъ образомъ обязано неаполитанское королевство своимъ внутреннимъ разстройствомъ. Нуженъ былъ продолжительный миръ, чтобы успокоить и снова привести въ порядокъ потрясенное и разстроенное государство. Казна была истощена до крайности. Экономическое богатство народа, недавно было упрочивавшееся, стало подрываться въ своихъ источникахъ. Внутренній порядокъ въ этой старѣйшей средневѣковой монархіи поколебался. Рыцарство, уже обѣднѣвшее, приставало съ радостью ко всякому, кто только хотѣлъ поднять знамя бунта. Этимъ особенно отличались родовитые бароны. Королевскіе принцы, а ихъ было такъ много при дворѣ, одинаково были не

(1) Giannone; III, 176.

прочь играть роль агитаторовъ. Между тѣмъ на миръ, который теперь былъ бы такъ полезенъ, трудно было разсчитывать.

Послѣ смерти своего втораго супруга Іоанна еще два раза выходила замужъ; женщина 46 лѣтъ она считаетъ себя невѣстою нѣмецкаго герцога. Но ея дѣтямъ не суждено было жить; они умирали одинъ за другимъ. Ни отъ Андрея венгерскаго, ни отъ Людовика Дураццо, ни отъ Іакова Аррагонскаго, ни отъ Оттона Брауншвейгскаго не осталось потомства. Королева, разочаровавшись въ надеждахъ, принуждена была наконецъ обручить свою троюродную сестру Маргариту съ однимъ изъ принцевъ, Карломъ Дураццо и объявить послѣдняго своимъ наслѣдникомъ. Это былъ будущій король Карлъ III.

Но Карлу надо было вынести много треволненій, пролить много крови, чтобъ достигнуть ступеней трона. Состарѣвшаяся и честолюбивая королева долго не хотѣла разставаться съ короною, съ которою такъ свыклась въ продолженіе своего сорока-лѣтняго правленія.

Отношенія къ папамъ.

Первое столкновеніе между Карломъ и королевою имѣетъ связь съ исторіей церковной схизмы, о которой мы говорили выше. Тогда одновременно было двое папъ: въ Римѣ Урбанъ VI и въ Авиньонѣ Климентъ VII (II, 740). Королева считала для себя болѣе выгоднымъ заручиться расположеніемъ владыки Авиньона, такъ какъ династическія симпатіи ея были ко всему французскому, тѣмъ болѣе что римскій папа оскорбилъ ея мужа, Оттона брауншвейгскаго, котораго она отправила въ Римъ для переговоровъ во главѣ почетнаго посольства. Тогда Іоанна рѣшилась признать власть авиньонскаго первосвященника,—между тѣмъ, какъ ея народъ продолжалъ повиноваться римскому. Трудно понять что руководило дикимъ раздраженіемъ Урбана VI. Его считаютъ сторонникомъ минувшихъ преданій римской куріи; ему приписываютъ желаніе возобновить ту вражду, о которой тогда даже перестали думать. Урбанъ продолжалъ смѣшивать Неаполь съ Германіей, забывая, что въ послѣднее время интересы папскіе и неаполитанскіе были и должны были быть нераздѣльны, что основнымъ и лучшимъ завѣтомъ куріи относительно южной Италіи было слѣпо слѣдовать Авиньону. По примѣру Іоанны, почти по тѣмъ же причинамъ, отложилось отъ Урбана нѣсколько мелкихъ итальянскихъ княжествъ. Въ самомъ Римѣ обнаружились раздоры. Замокъ Санъ-Анджело, куда удали-

лись всѣ недовольные, сдѣлался центромъ туземной клерикальной оппозиціи. Его надо было брать штурмомъ. Что же касается до неаполитанскаго королевства, то оно вмѣстѣ съ пиринейскими государствами, съ Францію, Шотландіею, Савойею рѣшительнымъ образомъ стало на сторонѣ авиньонскихъ первосвященниковъ и до тѣхъ поръ не признавало римской власти, пока не прекратилось церковное разъединеніе. Прочія же католическія земли, какъ мы уже говорили, признали Урбана VI единственно законнымъ первосвященникомъ.

Изолированнымъ положеніемъ Іоанны I, какъ нельзя лучше, воспользовался Карлъ Дураццо для своихъ видовъ. Этотъ человѣкъ, безъ особенныхъ военныхъ и гражданскихъ способностей, съ страстнымъ нетерпѣніемъ стремился къ престолу, который обѣщала ему его родственница, королева. Бракъ ея съ Оттономъ былъ крайне непріятенъ для Карла. Опасаясь законнаго потомства, онъ рѣшился низложить королеву, заключивъ союзъ съ папою Урбаномъ VI. Оба они желали ея гибели: Урбанъ, чтобы будущаго сосѣда имѣть въ своихъ рукахъ, а Карлъ, чтобы скорѣе достичь престола. Для открытія борьбы, Урбанъ вызвалъ Карла въ Римъ, но тотъ, вмѣсто ожидаемой арміи, могъ привести съ собою только сотню всадниковъ. Однако, не смотря на то, Урбанъ помазалъ герцога Дураццо королемъ неаполитанскимъ подъ именемъ Карла III и короновалъ его въ Римѣ (1 іюня 1381 г.). Надъ Іоанною I было произнесено проклятіе; она отлучалась отъ Церкви, низлагалась съ престола, а подданные ея избавлялись отъ клятвы въ вѣрности (¹). **Низложеніе Іоанны I.**

Такой дерзкій поступокъ папы вывелъ изъ себя Іоанну. Ею всецѣло овладѣло желаніе мести Урбану и его кліенту Карлу. И она, въ свою очередь, увлеклась до крайности, рѣшившись на дѣло, которое повергало въ нескончаемое междоусобіе всю южную Италію. Іоанна отправила пословъ къ Луи, герцогу анжуйскому, къ брату только что умершаго французскаго короля Карла V. Она просила Луи прибыть къ ней на помощь и за это давала ему роскошную награду. Она усыновляла его и отдавала ему неаполитанское королевство.

(¹) Raynaldi; a. 1380.—Costanzo; I. 7.

Приглашеніе Луи Анжу и значеніе этого факта.

Эти новые Анжу происходили по прямой линіи отъ короля Луи Святаго. Они получили въ ленъ то самое графство, которое нѣкогда принадлежало первому неаполитанскому королю французскаго происхожденія. Замѣчательно, что наканунѣ того дня, въ который совершилось помазаніе Карла III, авиньонскій папа Климентъ VII, согласно желанію Іоанны, далъ Луи такую же инвеституру на обладаніе Неаполемъ, какую Урбанъ VI вручилъ своему кліенту (30 мая 1381 года). Молодой, всегда отважный и великодушный Луи съ радостію принялъ предложеніе, бросилъ свое опекунство надъ Карломъ VI и въ восторгѣ полетѣлъ помогать названной матери....

Это обстоятельство послужило источникомъ безконечныхъ войнъ, ознаменовавшихъ собою конецъ XIV и начало XV вѣка въ итальянской исторіи. Когда всѣ попытки новыхъ Анжу остались безъ успѣха, когда родъ ихъ прекратился, то послѣдній изъ нихъ, умирая, завѣщалъ свои права на Неаполь царствующимъ королямъ Франціи. И вотъ Карлъ VIII, Луи XII, Франсуа I, въ силу этого завѣщанія, начинаютъ грабить Италію, сквозь кровавую призму показываютъ Европѣ ее, цвѣтущую въ отношеніи экономическомъ и духовномъ. Такимъ образомъ, знаменитыя по своему значенію итальянофранцузскія войны, стоящія на рубежѣ средней и новой исторіи, явились необходимымъ результатомъ претензій анжуйскихъ принцевъ, которыя въ свою очередь, были слѣдствіемъ неосторожнаго и гибельнаго поступка Іоанны. Вооруженное вмѣшательство анжуйскихъ принцевъ во внутреннюю исторію неаполитанскаго королевства служитъ первымъ актомъ великой военной драмы, длившейся до половины XVI вѣка. Потому-то это вмѣшательство, составляющее одно изъ главныхъ явленій избранной нами эпохи, можно считать прологомъ новой исторіи. Только съ этой точки зрѣнія оно имѣетъ право на вниманіе изслѣдователя.

Необдуманное увлеченіе Іоанны поставило тронъ ея въ самое опасное положеніе. Подданные отшатнулись отъ нея. Имъ пріятнѣе было видѣть своимъ государемъ роднаго Дураццо, нежели чужаго француза, котораго они не знали и не любили. Луи пользовался такою же непопулярностью въ народѣ, какъ авиньонскій папа Климентъ VII. Напрасно королева пригласила къ себѣ Климента, напрасно она сдѣ-

лала ему торжественную встрѣчу, напрасно въ присутствіи многочисленнаго народа лобызала ноги папы,—ничто не могло склонить неаполитанцевъ на сторону французской креатуры. Народъ мрачно смотрѣлъ на народныя приготовленія къ встрѣчѣ, на тріумфальный въѣздъ папы, и въ тотъ же вечеръ уже кричалъ передъ дворцомъ: viva papa Urbano! Начался грабежъ „ультрамонтановъ", какъ тогда назывались сторонники французской Церкви ([1]). И послѣ того королева не могла пріобрѣсть симпатіи народа ни благодѣяніями, ни царской щедростью, ни расточительнымъ путешествіемъ по государству. Національное итальянское чувство громко заговорило. Оно же обѣщало вѣрную поддержку Карлу Дураццо, когда тотъ, желая силою завоевать престолъ, объявилъ войну королевѣ Іоаннѣ I и ея названному сыну Луи анжуйскому.

Собственныя силы Карла были слишкомъ незначительны, чтобы на нихъ можно было разсчитывать въ борьбѣ съ неаполитанскою короною. Матеріальное содѣйствіе папы значило еще того меньше; надо было довольствоваться его духовною поддержкою. Но тогдашнія политическія обстоятельства Италіи, какъ нельзя болѣе, выручили Карла. Онъ воспользовался войсками короля венгерскаго, отправленными противъ Венеціи. Людовикъ (Великій) былъ еще живъ; продолжая мстить Іоаннѣ, онъ сдѣлалъ Дураццо своимъ главнокомандующимъ. Сюда же присоединились вооруженные отряды флорентійскихъ эмигрантовъ, которые въ большомъ числѣ бѣжали изъ своего отечества, обвиненные въ политическомъ заговорѣ противъ существовавшаго правительства. Они разсчитывали, что Карлъ впослѣдствіи отблагодаритъ ихъ; они думали также, что одно приближеніе его ветерановъ къ стѣнамъ Флоренціи испугаетъ консуловъ и сенаторовъ республики. Другая партія эмигрантовъ присоединилась въ Болоньѣ къ отряду капитана Джьануццо салернскаго, очень неопаснаго, содержавшагося на папскій счетъ. Флорентійская синьорія приняла свои мѣры. Она послала двухъ знатныхъ уполномоченныхъ къ Карлу, чтобы отклонить его отъ содѣйствія мятежникамъ; но посланники разсорились между собою и воротились безъ всякаго успѣха ([2]). Между тѣмъ во Флорен-

---

([1]) Giorn. napol. Muratori. Scrp. XXI, 1140.
([2]) Ammirato; 525.

ція снова открылось два заговора,—Чіомпи и Альбицци. Всѣ знали, что ими руководили аристократы и богатые купцы, условившіеся овладѣть крѣпостями и замками республики; но правительство принесло въ жертву людей средняго класса и обвинило ихъ передъ судомъ. Пламенно выразилось народное негодованіе; чернь настаивала самымъ энегическимъ образомъ, чтобы казнили двухъ аристократовъ и прочихъ участниковъ. При этомъ народъ постоянно угрожалъ Карломъ и правительство дѣйствительно опасалось этихъ угрозъ,— что лучше всего показываетъ силы Дураццо. Теперь Карлу можно было смѣло выступить и противъ Іоанны и противъ Анжу. Джьануццо первый столкнулся съ французскимъ претендентомъ. Джьануццо, по приказанію Карла, переманилъ къ себѣ на службу: „компанію наемниковъ св. Георгія". Съ ними онъ пошелъ на Болонью. Въ его собственномъ отрядѣ, состоявшемъ изъ одной пѣхоты, было триста наемниковъ и триста венгерцевъ. Тѣснимый соединенными непріятельскими силами, Людовикъ долженъ былъ отступить. Джьануццо, преслѣдуя его, бросился на Тоскану, овладѣлъ многими замками и взялъ контрибуціи съ такихъ городовъ, какъ Сіена, Перуджія, Лукка и Пиза. Флоренція была въ страхѣ; отвсюду доносились вѣсти о грабежахъ наемниковъ. Жители селъ и мелкихъ городовъ покидали свои жилища и укрывались въ крѣпкихъ замкахъ, подъ защитой гарнизоновъ, — что̀ всегда дѣлалось въ военное время. Тогда же Карлъ, въ качествѣ командующаго венгерской арміей, началъ военныя дѣйствія противъ венеціанской республики. Разъединеніе силъ не помѣшало ему одолѣть Флоренцію; синьорія заплатила ему сорокъ тысячъ флориновъ контрибуціи. Сіенская республика также заплатила ему довольно большую сумму, именно одинадцать тысячъ флориновъ, только за то, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ и не возвращался бы ранѣе шести мѣсяцевъ (¹).

(¹) Изъ неизданнаго документа въ Arch. stor. ital. Fir. vecchia serie. 1851; XV, p. 28. — статья Canestrini,—della milizia italiana del secolo XIII al XVI. Относительную рѣдкость металла для конца среднихъ вѣковъ можно, какъ minimum, принять въ четыре раза противъ теперешней; о точности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эта цифра принята Рошеромъ (Начала народнаго хозяйства; I, 325, 327) Спеціальныя сочиненія: Leber (Essai sur l'appréciation de la fortune priveé au moyen âge), Carli (Del valore e della proporzione dei metalli monetati con i generi in

Только тогда Дураццо могъ получить инвеституру на обладаніе неаполитанскою короною.

Добывши деньги и славу, прочно обезпечивъ себя со стороны Венгріи, Рима и мелкихъ итальянскихъ государствъ, Карлъ съ своими бандами двинулся на Неаполь. Скудное финансовое состояніе королевства не позволяло Іоаннѣ нанять дорогихъ и сильныхъ кондотьеровъ, начинавшихъ тогда торговать своими способностями, умомъ и своею кровью. Между тѣмъ коронное войско было очень незначительно и вовсе неподготовлено. Карлъ же, имѣвшій нѣкоторую опытность, маневрировалъ очень удачно. Начальникъ королевскихъ войскъ, Оттонъ безуспѣшно искалъ съ нимъ рѣшительной встрѣчи: онъ уже терялъ всякую надежду дать серьезную битву непріятелю. Наконецъ, утомившись маршами, Оттонъ расположился у самой столицы; онъ думалъ, что Карлъ подойдетъ къ Капуанскимъ воротамъ. Но искусною диверсіею Карлъ зашелъ во флангъ своего противника и показался съ совершенно противоположной, приморской стороны. Въ виду арміи Дураццо, ворота della Concería, никѣмъ не охраняемыя, отворились и единодушныя восторженныя восклицанія „viva re Carlo Durazzo, viva papa Urbano!“ огласили воздухъ. Королева поспѣшила удалиться въ Castelnuovo. Она грустнымъ опытомъ убѣдилась, что подданные рѣшительно вооружены противъ нея. Карлъ осадилъ Іоанну въ замкѣ, между тѣмъ какъ Оттонъ, видя постоянную измѣну въ своихъ и безъ того слабыхъ войскахъ, отступилъ отъ города, оставивъ его такимъ образомъ въ полномъ обладаніи Карла (май 1381 года). Праздники, пиры и пляски открылись въ городѣ въ честь новаго короля (¹).

Побѣда Карла Дураццо.

Карлъ далъ Іоаннѣ четыре мѣсяца на размышленіе, предложивъ ей слѣдующія условія:—если Оттонъ этимъ временемъ успѣетъ побѣдить его, то онъ добровольно отказывается отъ престола; въ противномъ же случаѣ королева

Italia prima della scoperte dell' Indie), Helferich (Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle), — противорѣчивы и часто весьма ошибочны.

(¹) Giorn. nap. XXI, 1041—44. Празднества особо помѣчены лѣтописцемъ 10 октября 1381 года. «Alli 10 de ottobre cominciarono a fare feste e giostre per Napole, e danze per causa del nuovo re».

безъ всякаго сопротивленія обязуется сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Счастіе удивительно благопріятствовало Карлу, къ тому же онъ имѣлъ значительныя средства. Безъ большаго труда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Оттона. Дѣло происходило близь Неаполя. Побѣда долгое время оставалась сомнительною. Оттонъ врубился въ середину враговъ и геройски проложилъ себѣ путь до главнаго знамени. Овладѣвъ послѣднимъ, онъ разсчитывалъ произвести замѣшательство въ рядахъ непріятеля. Рискъ не увѣнчался успѣхомъ; Оттонъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ (ноябрь 1381 года). Теперь сдалась и Джіованна, упрашивая Карла только объ одномъ,—дать полную амнистію ея приверженцамъ. Если Карлъ и обѣщалъ, то, слѣдуя обычаямъ вѣка, не считалъ себя обязаннымъ приводить въ исполненіе просьбу королевы. Дураццо торжествовалъ вполнѣ. Іоанна должна была издать манифестъ, по которому его назначала своимъ преемникомъ, а Людовика анжуйскаго торжественно лишала престолонаслѣдія.

Убійство Іоанны I. Согласіе, вынужденное силою, не могло быть искреннимъ. Вѣроятно, королева не переставала сноситься съ Франціею и съ Климентомъ VII. Это могъ заподозрить Карлъ. Извѣстно только то, что онъ распорядился заключить Іоанну подъ строгимъ присмотромъ въ замкѣ Моро. Королева содержалась какъ плѣнница въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, заключеннымъ въ другомъ замкѣ. Впрочемъ Оттону Карлъ довѣрялъ болѣе и даже думалъ его освободить. Но этого не хотѣло допустить венгерское правительство, во всемъ руководившее Карломъ. Старый Людовикъ, уже смотрѣвшій въ могилу, все еще помнилъ гибель своего брата; ничто не могло примирить его съ Іоанной. Его мстительная натура требовала крови за кровь. Потому на вопросъ Карла, что дѣлать съ Іоанною, Людовикъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что за веревку надо отплатить веревкою. Карлъ и самъ подумывалъ объ этомъ и съ удовольствіемъ готовъ былъ исполнить желаніе своего покровителя. Два магната привезли въ Неаполь строгій наказъ короля венгерскаго и вмѣстѣ съ нимъ повелѣніе собственноручно исполнить приговоръ; они взялись быть только свидѣтелями казни. Іоанну задушили 22 мая 1382 года. Теперь же было приказано изъ предосторожности отрубить голову Маріи сицилійской (незаконной дочери короля Роберта); ее подозрѣвали также въ убійствѣ Андрея. Эта была та

самая Марія, въ которую былъ влюбленъ Боккачіо и которой онъ посвятилъ свои лучшія стихотворенія.

Тѣло Іоанны съ явными признаками насильственной смерти было привезено въ Неаполь и поставлено передъ алтаремъ церкви di Santa Chiara, будто на показъ всему народу. Оно простояло тамъ въ какомъ-то пренебреженіи (in abbandono) въ продолженіе семи дней. Спустя недѣлю похоронили несчастную королеву, которой отказали въ самыхъ обыкновенныхъ почестяхъ, воздаваемыхъ умершимъ (¹).

Карлъ III (1382-86 г.).

Вступая на престолъ, какъ креатура папы Урбана VI, Карлъ III, казалось, долженъ былъ остаться лучшимъ и преданнѣйшимъ другомъ своего патрона. Но новый король неаполитанскій не принадлежалъ къ числу людей особенно благодарныхъ. Еще не успѣвъ прочно утвердиться на престолѣ, Карлъ сталъ уже съ меньшимъ почтеніемъ относиться къ римскому двору. Для вида, Карлъ приглашалъ Урбана на вторичное свиданіе, упрекая его за отступленіе въ укрѣпленную Ночеру, которая сдѣлалась теперь главною причиною спора. Урбанъ отвѣчалъ, что не папы должны ѣздить къ королямъ, а короли къ папамъ. Разсерженный Карлъ велѣлъ передать папѣ, что если онъ своимъ мечемъ покорилъ цѣлое королев-

---

(¹) Guijot, hist. des Jeannes; 137—139. Срв. Muratori. Annali d'Italia, a. 1382 (XII, 302—303). Доказательства собраны у Summonte; II, 467. Замѣчательно, что авторъ Giorn. nap. не упоминаетъ про убійство Джіованны, а говоритъ «mori la Regina Giovanna.... Fo portato il suo corpo a Napole e posto nel mezzo del caro di S. Chiara in abbandono, e li stette sette di, che ognuno lo vedesse, e con tutto ciò erano molti, che non credevano, che fosse morta» (XXI, 1045) —Надъ уединенной гробницей Джіованны I находится слѣд. эпитафія:

«Inclita Parthenopis jacet hic Regina Ioanna
«Prima, prius felix, mox miseranda nimis,
«Quam Carolo genitam mulctavit Carolus alter
«Qua morte illa virum sustulit ante suum».

Подробное изложенія жизни Іоанны I, кромѣ указанныхъ монографій, можно найти въ малоизвѣстномъ сочиненіи Giovanni Villano Napoletano. Chroniche de la inclita cità de Napole. Nap. 1678. f.—обнимающемъ исторію неаполитанскаго королевства съ первыхъ временъ христіанства до Карла III.

ство, то вѣрно своимъ умомъ сумѣетъ управить имъ (1). Урбану была объявлена рѣшительная война. Великій конетабль королевства, прославленный кондотьере Альберико-да-Барбіано, —этотъ отецъ итальянскихъ наемниковъ, — осадилъ Ночеру. Три высокія башни (trabuchi) для метанія стрѣлъ были поставлены противъ трехъ главныхъ пунктовъ крѣпостной стѣны. Но онѣ оказались безполезными. Въ это время въ Италіи огнестрѣльное оружіе еще не вошло въ общее употребленіе, а безъ артиллеріи ничего нельзя было сдѣлать противъ ночерскихъ стѣнъ. Осада продолжалась восемь мѣсяцевъ. Урбанъ отлучилъ Карла отъ Церкви самымъ торжественнымъ образомъ. Каждый день три раза, онъ съ факеломъ и колокольчикомъ въ рукѣ, подходилъ къ окну своего дворца и громко кричалъ проклятіе осаждавшимъ его воинамъ. Когда шестеро изъ его кардиналовъ (всѣхъ было 8 при дворѣ Урбана) начали уговаривать упрямаго папу покориться королю, то онъ велѣлъ предать ихъ пыткѣ и самъ каждый разъ приходилъ любоваться ихъ мученіями; пытку нарочно повторяли ежедневно. Когда генуэзскій дожъ и два отважныхъ анжуйскихъ барона, — предложившіе десятокъ своихъ галеръ и 3 тысячи всадниковъ къ услугамъ папы,— выручили Урбана изъ Ночеры (іюль 1385 г.), то онъ взялъ съ собою этихъ кардиналовъ и дорогою или передушилъ ихъ или же въ мѣшкахъ побросалъ въ воду. Только одинъ англичанинъ спасся, благодаря заступничеству своего короля. Двое остальныхъ кардиналовъ до того испугались папскаго гнѣва, что, по пріѣздѣ въ Геную, тотчасъ же убѣжали въ Авиньонъ и записались въ курію Климента VII (2).

Соединеніе неаполитанской и венгерской короны. Послы венгерскіе неожиданно предложили ему престолъ Людовика Великаго. Такое предложеніе было тѣмъ болѣе страннымъ, что у покойнаго короля осталась законная наслѣдница, его дочь Марія. Но партія магнатовъ желала непремѣнно ви-

---

(1) «Regnum ipse illud sua virtute et viribus subjecisse, proinde, gregis sibi commisse et Ecclesiae curam susciperet. Regni antem, quod suum erat, administrationem sibi relinqueret». Bonincontrius. Ann. Miniat. ab 1360—1458 (Mur. XXI, 46).—Срв. съ Giorn. nap. (XXI, 1052).

(2) Rayn. 1386.—Отъѣздъ папы въ Геную по рукописямъ и документамъ,—Bret. Geschichte von Italien; IV, 59—60, nota.

дѣть своимъ властителемъ опытнаго полководца, а не слабую женщину. Марія и ея мать Елизавета должны были уступить желанію своихъ сильныхъ противниковъ. Онѣ должны были даже привѣтствовать и обласкать Карла, когда онъ, съ искреннимъ удовольствіемъ исполняя желаніе депутатовъ, прибылъ въ Офенъ. Онѣ должны были, наконецъ, присутствовать при коронаціи своего соперника, ненасытное честолюбіе котораго никогда не принимало въ соображеніе ни чести, ни обязательствъ, ни даже непосредственныхъ выгодъ. Народъ венгерскій искренно сочувствовалъ жалкому положенію своей молодой королевы. Венгры никогда не желали считать неаполитанскаго короля своимъ повелителемъ, тѣмъ болѣе тогда, когда видѣли, что въ томъ же соборѣ, позади Карла, стояли законныя наслѣдницы престола. Когда епископъ, исполняя старинный обычай, съ амвона трижды спросилъ народъ, согласенъ ли онъ признать вѣнчаннаго монарха своимъ королемъ, то невольное, общее чувство смущенія пробѣжало по рядамъ толпы, наполнявшей всю соборную площадь. Въ первый разъ отвѣтили тихо, во второй еще тише, а въ третій разъ только нѣкоторые приверженцы Карла нарушили общее молчаніе своими робкими, одинокими криками. Когда процессія, по окончаніи коронаціи, выходила изъ церкви, знаменосецъ неосторожно зацѣпилъ въ дверяхъ знаменемъ св. Стефана и гнилое древко знамени, пережившее нѣсколько столѣтій, раздробилось въ куски. Въ тотъ же день въ городѣ поднялся сильный вѣтеръ и скоро разразилась буря, которая съ страшной силою забушевала въ Офенѣ; она срывала кровли съ домовъ и повырывала деревья съ корнемъ. Лишь утихла буря, какъ стая черныхъ вороновъ съ карканьемъ окружила дворецъ королевскій и какъ бы называла бѣду. Все это было принято суевѣрною толпою за дурное предзнаменованіе. Скоро оправдалось предчувствіе народа.

Убійство Карла III.

Одинъ изъ небогатыхъ дворянъ венгерскихъ, нѣкто Николай Гарскій, вызвался быть руководителемъ недовольныхъ. Онъ поклялся передъ Елизаветой, что отмститъ чужеземцу. Былъ составленъ заговоръ; его искусно держали въ тайнѣ. Когда наступило время дѣйствовать, то Марія приказала просить короля въ свой дворецъ, подъ предлогомъ сообщить ему что-то важное. Карлъ пришелъ. Ему показали

письмо короля чешскаго Сигизмунда, въ которомъ тотъ предлагалъ Маріи свою руку. Не успѣлъ Карлъ сказать нѣсколько словъ, какъ вошелъ въ комнату Николай и съ нимъ силачъ, извѣстный по всей Венгріи. Послѣдній выхватилъ свою тяжелую саблю, бросился на безоружнаго Карла и однимъ ударомъ повергнулъ его смертельно раненнаго на землю (февраль 1386 г.). Тотчасъ же заговорщики наполнили дворецъ, побѣжали по улицамъ и всюду пронесся общій лозунгъ: „да здравствуетъ Марія, дочь Людовика, да здравствуетъ Сигизмундъ, ея супругъ"! Другіе кричали: „смерть Карлу и всѣмъ измѣнникамъ"! Но король былъ еще живъ; израненнаго его перенесли на Вышградъ. Тамъ онъ лежалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; сюда до него доходили вѣсти, какъ вездѣ рѣжутъ его итальянцевъ. Лѣтомъ (3 іюня 1386 г.) король скончался, но не отъ раны, а отъ яда [1].

Регентство Маргариты. Эта катастрофа повергнула въ анархію и Венгрію и Неаполь. Смутилась Маргарита, жена Карла, когда получила роковую вѣсть о смерти своего мужа. Она теперь оставалась правительницею королевства и опекуншею надъ двумя дѣтьми убитаго,—Джіованною и Владиславомъ. Имъ обоимъ суждено было носить корону, хотя наступавшія политическія события не слишкомъ благопріятствовали утвержденію династіи Дураццо на неаполитанскомъ престолѣ. Партія новыхъ Анжу заговорила теперь самымъ повелительнымъ тономъ и приняла угрожающее положеніе. Эти анжуйцы провозгласили королемъ сына Людовика I, также еще несовершеннолѣтняго, и также еще находившагося подъ опекою своей матери Маріи. Въ одномъ королевствѣ явилось два короля, двѣ регентши и два правительства. Что дѣлалось въ Неаполѣ, то перенималось въ Провансѣ. Маргарита короновала королемъ своего десятилѣтняго сына Владислава (25 февраля 1387 г.); тоже сдѣлала и Марія съ Людовикомъ II. Маргарита умоляла Урбана VI быть опорою ея сына и забыть свою вражду; о томъ же хлопотала Марія за своего сына передъ авиньонскимъ папою Климентомъ VII. Замѣчательно, что Урбанъ не только склонился

---

[1] Всѣ эти подробности разсказаны венгерскимъ историкомъ Johannes de Thwroc. Hist. Caroli Parvi (Sismondi; V, 271—273). — Guijot: Histoire des Jeannes; 152—154.

на женскія просьбы, но даже въ знакъ своего примиренія прислалъ регенштѣ 20 тысячъ дукатовъ на наемъ искуснѣйшихъ кондотьеровъ для войны съ Анжу. Маргарита, кромѣ того, по совѣту своихъ министровъ, наложила большіи подати на всю страну съ тою же военной цѣлью. Понятно, что всеобщее неудовольствіе было отвѣтомъ на такую мѣру. Страна уже и такъ истощилась отъ постоянныхъ налоговъ и отъ безконечныхъ войнъ.

Однако. финансовые и военные проекты Маргариты очень не нравились неаполитанцамъ. Простой народъ положительно не видѣлъ никакой цѣли въ этой рѣзнѣ, которая была въ его глазахъ результатомъ личнаго честолюбія коронованныхъ лицъ. Однихъ воззрѣній съ народомъ было мелкое рыцарство. Развѣ только знатные бароны понимали въ чемъ дѣло и потому они служили главнымъ осмысленнымъ факторомъ борьбы. Противъ нихъ дѣйствуютъ торговцы и мелкое рыцарство, которые стремятся котролировать правительство, состоявшее изъ знатныхъ бароновъ. И регентша утверждаетъ одобреніемъ такой порядокъ. Такъ организовалось новое собраніе изъ восьми гражданъ,—Otto Signori del buono Stato, поставившее своею обязанностью наблюдать, чтобы министры королевскіе не дѣлали несправедливостей ([1]). Марія анжуйская, желая польстить массѣ и тѣмъ привлечь ее на свою сторону, придумала такое же совѣщательное собраніе только съ тою разницею, что оно было составлено не изъ осьми, а изъ шести человѣкъ: Sei Deputati del buono Stato del regno. Конечно, авторитетъ новыхъ совѣтовъ скоро взялъ перевѣсъ надъ авторитетомъ министровъ и понятно, что тогда же начались безпорядки въ высшей администраціи; кругъ дѣйствій двухъ правительственныхъ факторовъ не былъ ни разграниченъ, ни ясно опредѣленъ, такъ какъ они явились лишь результатомъ временной потребности. Теперь de facto совершилось политическое распаденіе королевства. Столицей новой анжуйской половины дѣлался Неаполь; мѣстопребываніемъ людей стараго порядка—Гаэта. Какъ прежде королевство Обѣихъ Сицилій при появленіи Анжу распалось на островъ и материкъ, такъ теперь, благодаря тѣмъ же Анжу,

---

([1]) Avessero de provedere, che da Ministri del Re non si avesse a far cosa ingiusta. Giannone; III, 210.

самый материкъ грозилъ навсегда раздѣлиться на двѣ части. Но этого не случилось. Раздѣленіе продолжалось только до 1400 года, впродолженіе 13 лѣтъ. Оно должно было непремѣнно прекратиться, такъ какъ новые анжуйцы не имѣли прочной опоры въ народѣ, не имѣли почвы подъ ногами: владычество ихъ не могло быть болѣе какъ мимолетнымъ. Когда Владиславъ вернулся въ свою родную столицу, то онъ не преминулъ жестоко наказать тѣхъ, которые содѣйствовали торжеству Людовика (¹). Конечно, этимъ онъ не могъ уничтожить противную партію, которая продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока оба враждебные лагеря не соединились въ одномъ аррагонскомъ станѣ.

Владиславъ, король обѣихъ Сицилій (1386–1414г.). Владиславъ утвердился въ Неаполѣ уже тогда, когда ему было около 25 лѣтъ. Всю свою юность ему пришлось провести среди безпорядковъ и гражданскихъ междоусобій, что не могло не отразиться на развитіи его характера, явившагося прямымъ слѣдствіемъ окружавшей его безурядицы. Изъ Гаэты онъ постоянно ѣздилъ въ Римъ на поклонъ двумъ папамъ Урбану VI и Бонифацію IX, ухаживалъ за ними а потомъ, когда достигъ самостоятельнаго положенія, сдѣлался первымъ врагомъ римской куріи. Эта двуличность вмѣстѣ съ жаждою не столько честолюбія, сколько наслажденій, была главною чертою его характера. Флорентійскій историкъ говоритъ, что если Владиславъ былъ великъ душою, то тутъ же прибавляетъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчеловѣченъ (grande e feroce animo). Можно согласиться, что онъ былъ сносный воинъ, но онъ не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни замѣчательнымъ правителемъ. У него не было принциповъ чести. Онъ съ удовольствіемъ унижался, если того только требовала выгода, хотя даже не государственная. Какъ хвастливый мальчикъ, онъ гордился атеизмомъ. Циникъ въ душѣ, онъ старался казаться эпикурейцомъ. Онъ былъ великъ

(¹) Cronache di Antonello Coniger, gentilhuomo Leccese (Raccolta di varii documenti alla storia di Napoli; V, 9). «Re Ladislao di Sicilia con lo Principe Raymundo Principe di Taranto, e Conte di Lecce fero morire lo Duca de S. Marco, lo Duca Venosa, lo Conte di San-Severino, lo Conte di Thurso, Messere Malacarne di S. Severino, Conte de Cuperrono, lo Conte di Ugento con tutti loro seguaci (a. 1398)».

болѣе на мелкіе подвиги; тогда проявлялись и его твердость и его настойчивость, что въ другихъ случаяхъ выражалось скорѣе жестокостью, которую даже расположенные къ нему писатели называютъ,—crudeltà, più che barbara ([1]). Храбрый солдатъ, онъ былъ плохой полководецъ; для этого ему недоставало ни знаній, ни хладнокровія ([2]). Какая то страстная, порывистая дѣятельность бросала его отъ одного замысла къ другому, отчего они всегда выходили мало обдуманными. Это былъ яркій контрастъ Роберту; тотъ хранилъ свои планы и долго сдерживалъ ихъ, думая больше выиграть, тогдъ какъ Владиславъ какъ бы торопился предупреждать событія. Оттого его время такъ богато фактами для политической исторіи Неаполя; онъ не имѣлъ и года отдыха отъ военнаго шума. Для мирныхъ, гражданскихъ подвиговъ онъ не былъ созданъ и потому въ неаполитанской исторіи не могъ имѣть значенія Карла II или Роберта. За то при немъ ярко выяснились политическіе планы анжуйской династіи и ея мѣсто въ итальянской исторіи. При его воинственныхъ стремленіяхъ не процвѣтали умственныя силы страны; стремленіе быть королемъ Италіи поглощало его цѣликомъ. Онъ домогался еще бо̀льшаго: онъ стремился къ императорской коронѣ ([3]). Все это стоило громадныхъ затратъ на наемниковъ, что очень плохо отозвалось на финансовомъ состояніи королевства. Для военныхъ издержекъ, почти не прерывавшихся, надо было продавать города и замки или отдавать ихъ на откупъ,—отъ чего уменьшились государственные доходы. Начали продавать патенты

[1]) Ammirato (659) дѣлаетъ изъ Владислава воплощеніе «Principe» Макіавелли. «Con virtù o imagini di essa havea accoppiato vitii enormitissimi; ma i quali da nimici il rendevano più sospetto e più tremendo'—non osservanza di promesse, non temenza di religione, libidine sfrenata e crudeltà più che barbara. Le quali cose nondimeno sapeva ottimamante riceprire ove il bisogno il richiedesse, con maraviglioso artificio gli altrui appetiti secondando».

[2]) Muratori. Annali d'Italia (XXIII, 23). «Nel mestier della guerra pochi gli andavano innanzi; al che non gli mancava coraggio, sapienza e vigilanza. Parve in lui più sosto ombra, che sastanza di Religione; minore tuttavia venne provata in lui l'osservanza delle promesse; sfrenata poi la libidine, per cui massimamente in Roma commise molti eccessi, e da cui infine fu condotto a morte nella metà dell'ordinaria vita degl'huomini (a. 1414)».

[3]) О тягостяхъ народныхъ и мѣрахъ правительства Giornali napolitani (XXI. 1075).

на титулы, чтобы добыть денегъ, въ которыхъ такъ нуждалось правительство. Потому-то при Владиславѣ до невѣроятныхъ размѣровъ возросло число бароновъ, графовъ, князей и разныхъ титулованныхъ лицъ.

Такова была личность короля Владислава, сложившаяся отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ условій, которыя окружали его въ юности. Въ продолженіе 14 лѣтъ онъ долженъ былъ защищать свои наслѣдственныя права то нравственною, то физическою силою, то перомъ, пока не было средствъ иныхъ, а чаще всего мечемъ. Иногда онъ долженъ былъ держаться выжидательнаго положенія. Рѣшительныхъ дѣйствій нельзя было ожидать отъ него долгое время, потому что средства его были пока слишкомъ незначительны въ сравненіи съ средствами Людовика. Однако въ 1400 г. онъ одержалъ верхъ и вытѣснилъ Людовика.

Между тѣмъ анжуйская партія, въ виду отсутствія Людовика, скоро совсѣмъ изчезла въ королевствѣ. Владиславъ, неограниченный монархъ, неограниченный до того, что сталъ пренебрегать даже обыкновенными человѣческими законами, обращалъ все свое вниманіе на территоріальное расширеніе королевства. Онъ деспотъ и въ государствѣ, деспотъ и въ семьѣ. Ему не нравилось, что его жена происходила не изъ королевской крови. Изъ за такой прихоти, онъ разводится съ нею. Торжественно развѣнчана была молодая и добрая Констанція, дочь сицилійскаго правителя, Манфреда да-Кіарамонте. Однажды, по окончаніи литургіи, епископъ громко прочиталъ папскую разводную грамоту, потомъ сошелъ съ амвона, приблизился къ королевѣ, потребовалъ отъ нея назадъ обручальное кольцо, и отдалъ его королю. Оскорбительнымъ тономъ приказали несчастной Констанціи оставить дворецъ; ее перевезли въ особый маленькій домикъ, гдѣ дали ей двухъ служителей и поручили подъ присмотръ старой дамѣ. Изъ дворца ей ежедневно приносили кушанье, какъ милостыню. Такое публичное поношеніе возбудило всеобщее негодованіе народа, выразившееся громкимъ сочувствіемъ къ несчастному положенію добродѣтельной королевы. Какъ нарочно огненные столпы явились на небѣ. Въ нихъ народъ видѣлъ дурное предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій. Только одна Констанція перенесла свое горе съ удивительною покорностью. Она была покорна даже тогда, когда ей велѣли

выйти замужъ за одного изъ приближенныхъ королевскихъ, графа Андрея Капуанскаго. Парадный кортежъ невѣсты проѣзжалъ большую городскую площадь. Королева, собравшись съ духомъ, обратилась къ графу Андрею и произнесла: „графъ Андрей Капуанскій! Ты можешь себя считать счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; ты будешь имѣть своею наложницею королеву Констанцію, супругу Ланцилао!“ Но тутъ она не выдержала и залилась слезами. ([1]).

Владиславъ послѣ того вступалъ два раза въ бракъ съ Маріею, дочерью кипрскаго короля, и съ принцессою тарентскою ([2]). Эти браки удовлетворили его королевское честолюбіе, но не дали ему потомства. Бездѣтный, принужденный передать престолъ своей сестрѣ Іоаннѣ, онъ отличался развратомъ между всѣми королями. Не ограничиваясь множествомъ оффиціальныхъ наложницъ, которыя содержались придворѣ, онъ, проѣздомъ черезъ города, не переставалъ заводить любовныя связи и увеличивалъ число своихъ побѣдъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи только однимъ чувственнымъ побужденіямъ. Такая страсть и распущенность были причиною его смерти.

Владиславъ, король Венгріи.

Когда послы венгерскіе пріѣзжали въ Неаполь просить Владислава принять корону отца своего Карла, то они, какъ нельзя болѣе, угодили желанію честолюбиваго короля. Послѣ смерти Маріи, венгерскіе бароны, не любившіе нѣмцевъ, не хотѣли повиноваться Сигизмунду и предпочитали видѣть на престолѣ итальянца Владислава, забывая, что народъ одинаково нерасположенъ къ чужимъ властителямъ той и другой націи безразлично. Хотя Владислава и соблазняла венгерская корона, однако онъ помнилъ страшную участь своего отца, застигнутаго народною ненавистью среди чужихъ, въ полудикой странѣ. Потому, согласившись на предложеніе посольства, онъ не рѣшился однако прямо ѣхать въ Пештъ, а

---

[1]) Giorn. nap. 1065.

[2]) Есть предположеніе, что Владиславъ и со второю женою развелся точно также, какъ и съ первою, «Non so se viva ancor fosse, o morta questa seconda moglie, allorché egli s'offerse disposare la vedova principessa di Taranta, per riunire in questo modo quel principato alla sua corona (Denina; II, 442)».

остановился въ городѣ Задрѣ, принадлежавшемъ тогда Венгріи. Случилось что его солдаты и матросы пошли за виноградомъ и, конечно, нисколько не стѣсняясь, начали самовольно распоряжаться чужимъ добромъ. Владѣльцы садовъ, раздосадованные такимъ нахальствомъ, велѣли бить незваныхъ гостей. Среди свалки и суматохи убито 20 итальянцевъ: остальные разбѣжались. Успѣхъ и кровь еще болѣе раздражили толпу. Съ оружіемъ въ рукахъ неистово ворвались далматинцы во дворецъ Владислава; въ толпѣ громко кричали будущему королю, что если онъ не уйметъ своихъ людей, то они сами распорядятся съ ними, такъ какъ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ оружіи. Эта выходка смутила короля окончательно. Она отняла у него всякую охоту быть государемъ Венгріи, хотя онъ уже успѣлъ короноваться (5-го августа 1403 г.). Владиславъ не хотѣлъ однако со стыдомъ и съ пустыми руками уѣхать изъ Далмаціи. Если онъ и желалъ титула короля Венгріи и долго не разставался съ нимъ, то во всякомъ случаѣ искалъ тор жества болѣе вещественнаго, болѣе осязательнаго, для вознагражденія трудовъ и издержекъ предпріятія. Постыдно было человѣку съ его характеромъ возвращаться на родину не только безъ лавровъ, но даже безъ всякаго успѣха. Въ такомъ-то настроеніи застигло его предложеніе венеціанскаго сената купить Задръ для республики. Съ радостью продалъ Владиславъ чужой городъ за 100 тысячъ дукатовъ правительству, которое смотрѣло на людей и на города такими же глазами, какими покупатель смотритъ вещи на аукціонѣ. Страшные совѣты этой средневѣковой Спарты съ своимъ деспотизмомъ составляли полный контрастъ тому гуманному духу, который одушевлялъ правительство флорентійской республики.

Планы Владислава. Совершивъ удачную сдѣлку, Владиславъ возвратился въ Неаполь (7 ноября 1403 г.), гдѣ сталъ обдумывать свой планъ покоренія Италіи. Его томило непреодолимое желаніе соединить весь полуостровъ и сдѣлаться королемъ итальянскимъ. Но ни его личность, ни его средства не годились для того, чтобы привести такую смѣлую мысль въ исполненіе.

Извѣстно, что надъ этою идеею бились и разбивались лучшіе умы Итали всѣхъ вѣковъ, хотя къ ней различно относятся и относились изслѣдователи итальянской исторіи. Иные считаютъ роскошное развитіе республиканской жизни

полуострова въ средніе вѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за политическое разъединеніе, другіе, нападая на папъ, главнымъ образомъ ставятъ имъ въ вину то сопротивленіе, какое они оказали унитарнымъ стремленіямъ первыхъ лангобардскихъ князей. Очевидно что тѣ и другіе, имѣя за себя извѣстныя историческія основанія, слишкомъ торопятся категорическими заключеніями. Монархія итальянская ничего не потеряла бы, если бы возникла въ описываемое время; самая эпоха Владислава была для того вполнѣ благопріятна; единеніе явилось бы тогда результатомъ средневѣковой жизни, которая могла дать итальянской исторіи богатое внутреннее содержаніе. Мѣстная враждебность не была на столько сильна, чтобы могла помѣшать возрожденію національности, конечно, въ такомъ только случаѣ, если представителемъ унитарности явился бы какой нибудь могучій дѣятель и уже никакъ не Владиславъ неаполитанскій.

Иннокентій VII и Владиславъ въ Римѣ.

Энергичный король считалъ своевременнымъ начать свои операціи непремѣнно съ папы, котораго хотѣлъ лишить его владѣній. Тотчасъ же по окончаніи венгерскаго похода, онъ приступилъ къ покоренію Церковной области (см. выше; II, 711). Достаточно прочесть страницу изъ мемуаровъ Аретина, чтобы ясно нарисовать себѣ всю картину страшной безурядицы и кровавыхъ междоусобій, какая застигла Римъ подъ конецъ властвованія Иннокентія VII (1). Папа, вѣроломно поступившій съ народными депутатами, долженъ былъ бѣжать отъ ярости черни въ Витербо (1405 г.). Покидая свою столицу, онъ оставлялъ ее въ жертву непримиримыхъ страстей аристократіи и черни. Колонна и Савелли послали просить помощи Владислава, который съ небольшимъ войскомъ стоялъ

(1) Aretinus, rer. gest. comment. XIX, 920—924. Этотъ государственный человѣкъ слѣд. образомъ отзывается о характерѣ стремленій Владислава: «Mortuo Galeatio Mediolanensium Principe, ac subinde paucis post annis Bonifatio vita functo Ladislaus rex formidabilis per Italiam esse coepit». Писатели позднѣйшіе говорятъ то же самое, только болѣе рѣшительно, какъ напр. Maffei: «Era Ladislao mosso a tanta iniquità, d'impresa non solo per naturale cupidità di Stato, e per farsi Rè d'Italia; com'egli sperava, ma per odio proprio contra il Pontefice Giovanni (751)». Въ мотивахъ каждый примыкаетъ къ своей партіи.—Это сужденіе о Владиславѣ сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; см. напр. Seibert. Gesch. des Königr. Neapel (I, 386) и др.

недалеко отъ Рима. Неаполитанцы быстро заняли вѣчный городъ и однимъ появленіемъ укротили народъ, который уже совершенно успѣлъ стѣснить солдатъ, нанятыхъ аристократами. Джьанноне ошибочно говоритъ, будто народъ пригласилъ Владислава; въ такомъ утвержденіи нѣтъ ничего правдоподобнаго. Республиканцы побѣдители не могли имѣть надобности въ чужой помощи, тѣмъ болѣе въ помощи своего врага. Тогда бы не было повода къ тому кровопролитію, которое въ самый день вступленія Владислава началось между неаполитанцами и римлянами. Воинамъ королевскимъ не отводили квартиръ; одинъ изъ горожанъ ни за что не хотѣлъ пускать ихъ къ себѣ въ домъ и когда солдаты попытались ворваться силою, тотчасъ же сбѣжались сосѣди съ оружіемъ въ рукахъ и смѣло бросились на нападавшихъ. Частная схватка обратилась въ общую горячую свалку между народомъ и войскомъ. Битва продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ неаполитанцы отступили и, выходя изъ города, подожгли Римъ съ четырехъ сторонъ. Владиславъ видѣлъ, что съ малыми силами нельзя достичь цѣли, какую онъ поставилъ себѣ, а потому велѣлъ разбитымъ остаткамъ своей арміи выступать изъ папской земли, разсчитывая съ будущаго же года съ новыми средствами начать новую кампанію. Торжествовавшіе римляне выказали себя великодушными побѣдителями. Они любезно пригласили бѣжавшаго папу вернуться въ городъ, требуя только съ его стороны признанія мѣстнаго самоуправленія, которое достигло теперь въ римской общинѣ высшей точки развитія. Иннокентій VII возвратился весною (13 марта 1406 г.), а осенью уже умеръ (5 ноября 1406 г.). До самой его смерти не прекращалась борьба бароновъ съ народомъ. Собравшійся конклавъ, не снисходя авиньонскимъ исканіямъ, избралъ Григорія XII. Ему-то предстояло выдержать серьезный напоръ Владислава. На этотъ разъ (1406 г.) силы неаполитанскаго короля были гораздо значительнѣе. Папа долженъ былъ укрыться въ замкѣ св. Ангела. Владиславъ, истребивъ три тысячи непріятельской кавалеріи, вошелъ въ городъ. Это было въ то самое время, когда венеціанцы брали Падую, а флорентійцы Пизу.

Второй походъ на Римъ.

Мы не можемъ сказать, какія обстоятельства заставили Владислава снова покинуть Римъ. Замѣтимъ, что про этотъ второй походъ упоминаетъ только одна, притомъ очень крат-

кая лѣтопись. Эта же хроника прибавляетъ, что въ слѣдующій годъ (1407) Владиславъ дѣлалъ третью попытку на Римъ и опять занялъ его при помощи Колонна, но съ паденіемъ этой фамиліи и съ торжествомъ Орсини опять долженъ былъ покинуть городъ (¹). Надо предполагать, что силы его были отвлечены въ другую сторону для усмиренія его собственныхъ бароновъ, которые, надѣясь на Францію, поднимали возстаніе, прикрывая знаменами анжуйцевъ свои собственные интересы. Въ Церковной области ему было тѣмъ легче вести войну, что самъ папа, строгій пуристъ и аскетъ, не интересовался политикою и мірскими дѣлами. Перуджія, Остія и другіе папскіе города были взяты. По однимъ 12, по другимъ 15 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты, съ большими транспортами военныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, подступили къ стѣнамъ вѣчнаго города; 6 галеръ и 4 корабля, обильно нагруженные необходимыми запасами, поддерживали армію съ моря. Съ Орсини было заключено соглашеніе. Неаполитанскія войска вновь заняли городъ. Владиславъ былъ провозглашенъ синьоромъ Рима и, какъ законный государь, поселился въ самомъ дворцѣ папскомъ. Самъ первосвященникъ въ то время былъ занятъ церковными дѣлами, погруженный въ мысли о прекращеніи схизмы. Онъ съѣзжался, хотя не съѣхался, въ Савонѣ съ авиньонскимъ папою Бенедиктомъ (²). Больше двухъ мѣсяцевъ, а по инымъ свѣдѣніямъ даже одного, не могъ король Владиславъ прожить въ Римѣ (³). Дѣла призывали его домой, гдѣ надо было приготовиться къ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Постоянныя воз-

(¹) Istoria napolitana de Raimo, Fransoni etc. въ Raccolta di varie Croniche (I, 111).

(²) Свиданіе въ Савонѣ уже совсѣмъ устроивалось; уже оба первосвященника, и Григорій XII и Бенедиктъ XIII, подвигались торжественнымъ шагомъ въ своемъ шествіи изъ Рима и Авиньона, но ничего нельзя было сдѣлать тамъ, гдѣ, по замѣчанію Аретина,—«одинъ, какъ морское животное, боялся пристать къ берегу, другой, какъ сухопутное, боялся отстать отъ берега» (Aretinus, Coment. sui temporis; XIX, 926).

(³) Для исторіи римскихъ походовъ Владислава необходимо сравнивать Giorn. nap. съ Annales de Raimo (XXI, 1070—1072; XXIII, 224).— Въ годахъ и числахъ постоянная путаница. Такъ напр. Giorn. nap. взятіе Рима вмѣсто 1408 г. относитъ къ 1406 г., чѣмъ явно противорѣчитъ папской хронологіи.—См. между прочимъ La-Bret; IV. 109.

станія неаполитанскихъ бароновъ за права анжуйской династіи, стѣсненное финансовое и стратегическое положеніе Владислава, занятаго своими политическими проектами, настоятельныя побужденія того и другаго папы, наконецъ собственное честолюбіе и соблазнительное желаніе трона,—все это побудило забытаго Людовика II второй разъ попытать счастья въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Подъ знамена Людовика явился, уже славный и знаменитый кондотьеръ, Аттендоло Сфорца, оставившій тѣмъ временемъ службу флорентійской республики. Этотъ котиньольскій выходецъ, сынъ поселянина, отважный, стойкій, счастливый полководецъ, составлялъ въ то время гордость и надежду всякаго государя, который только успѣвалъ переманить его на свою сторону ([5]). Его отборныя пѣшія и конныя дружины, закованныя въ желѣзо, начинавшія привыкать даже къ пороху, одушевленныя безусловною преданностью своему строгому, но сердечному начальнику, пріобрѣтали съ каждымъ годомъ славу героевъ,—имѣть которыхъ въ своемъ распоряженіи составляло предметъ помысловъ и исканій всякаго, кого только въ то время одолѣвало честолюбіе и желаніе славы.

Новая французская кандидатура.

Война между анжуйцемъ и Владиславомъ за обладаніе неаполитанскою короною открылась въ 1409 году.

Когда успѣхи Владислава, угрожая существованію флорентійской республики, сдѣлались опасными до того, что могли нарушить равновѣсіе итальянскихъ государствъ, то флорентійское правительство прежде другихъ приняло мѣры для спасенія свободы полуострова. Людовикъ анжуйскій казался сенату лучшимъ орудіемъ для борьбы съ Владиславомъ. Ему предлагаютъ снова пріѣхать въ Италію. Папа Александръ V, при всемъ своемъ миролюбивомъ характерѣ не любившій Владислава, обѣщался короновать претендента. Папскій кондотьере, даровитый полководецъ Брачціо да-Монтоне, воюя отъ лица претендента, нанесъ рядъ пораженій Владиславу. Искусная партизанская война вытѣснила неаполитанскія войска, разсѣянныя мелкими отрядами по Романіи. Съ трудомъ удержались гарнизоны, поставленные въ главныхъ пунктахъ. Наконецъ, въ концѣ іюля 1409 г.,

([5]) Объ Аттендоло см. въ нашей монографіи: Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II, Каз. 1866.

принцъ, удовлетворяя надеждамъ своей партіи, съ 5 галерами и 1500 всадниками прибылъ въ Италію и высадился въ Пизѣ. За то Владиславъ имѣлъ полный перевѣсъ на морѣ. Папскій флотъ, послѣ жаркаго морскаго боя, былъ разсѣянъ и почти всѣ корабли были взяты на абордажъ. Папа долженъ былъ снаряжать другую флотилію, которая опять отправилась пытать счастіе къ Неаполю.

Папа далъ Людовику II анжуйскому инвеституру на королевства сицилійское и іерусалимское, а также званіе церковнаго гонфалоньера. У претендента набралось до 20 тысячъ одной кавалеріи; число пѣхоты не опредѣлено въ точности, хотя извѣстно, что оно было очень значительно и превосходило кавалерію (fanti senza numero). Въ такомъ случаѣ, численность всей арміи можно принять въ 50 тысячъ человѣкъ. Замѣтимъ, что вся она состояла изъ наемниковъ, за исключеніемъ небольшаго отряда, привезеннаго на галерахъ изъ Прованса. Подъ знаменемъ Людовика были на этотъ разъ всѣ знаменитые полководцы Италіи. Тутъ были Аттендоло Сфорца, Браччіо да-Монтоне, Малатеста да-Пезаро, Джентиле да-Монтерано и многіе другіе. Изъ Франціи должна была еще подойти сильная флотилія для крейсированія вдоль неаполитанскихъ береговъ. Положеніе Владислава вдругъ сдѣлалось опаснымъ; его тронъ начиналъ колебаться. Опасность еще болѣе усилилась, когда флорентійское, болонское и сіенское правительства оказали рѣшительное содѣйствіе папѣ и его анжуйскому кліенту.

Вмѣшательство итальянской лиги.

Соединенныя усилія этой лиги оттѣснили неаполитанскіе гарнизоны изъ всѣхъ мѣстъ Церковной области. Всѣ покоренные города снова возвратились подъ папскую власть. Паоло Орсино, отъ имени короля Владислава занимавшій Римъ, не думалъ обороняться; онъ сдался при приближеніи грознаго непріятеля. Но какъ истый наемникъ, онъ, не справляясь съ требованіями чести, принялъ предложенныя ему условія и съ своими 2000 всадниковъ поступилъ на службу къ флорентійской республикѣ. Его оставили римскимъ комендантомъ. Только честный графъ Тройя не хотѣлъ сдаваться. Тѣснимый съ самой Тосканы непріятельской кавалеріей, онъ отступалъ вплоть до Рима; здѣсь, видя измѣну, онъ долженъ былъ пройти городъ, но у стѣны Авреліана остановился и вдругъ сталъ готовиться къ защитѣ переправы черезъ Тибръ, разсчитывая тѣмъ временемъ на помощь Владислава,

который со всѣми своими войсками спѣшилъ изъ Неаполя (cavalio da Napole con tutto lo esercito suo). Непріятель, желая прервать его сообщенія, бросился ему въ тылъ. Кавалерія перешла Тибръ въ бродъ (между нынѣшними мостами Palatino и Sisto). Но атака была неудачна. Графъ Тройя окопалъ себя укрѣпленіями и храбро защищался отъ враговъ, которые до тѣхъ поръ не могли считать себя обладателями города, пока не прогнали стойкаго противника. Людовикъ анжуйскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ изъ арміи въ Пизу, а оттуда на своихъ галерахъ отплылъ въ Провансъ. Тамъ онъ сталъ собирать новыя войска, для того чтобы продолжать кампанію съ бо́льшимъ успѣхомъ. Этимъ временемъ онъ вооружилъ противъ себя Геную, которая, свергнувъ французское протекторство, открыто приняла сторону Владислава. За то его вознаградилъ успѣхъ со стороны Рима. Будущій папа, кардиналъ Бальтазаръ Косса, съ болонскимъ войскомъ, явился на помощь союзникамъ. Честь взятія Рима принадлежитъ главнымъ образомъ флорентійскому кондотьеру Малатеста. Онъ, при содѣйствіи Браччіо да-Монтоне и Паоло Орсино, частыми и сильными атаками утомилъ Тройю, который долженъ былъ покинуть свои укрѣпленія. Побѣдители очень скромно вели себя въ городѣ, который провозгласили свободнымъ и республиканскимъ. Поняли нѣкоторую разницу между прежнимъ и новымъ порядкомъ, когда знамена флорентійскія завѣяли надъ замкомъ св. Ангела (2 января 1410 г.). Браччіо, Малатеста и Орсини двинулись далѣе и начали освобождать церковные города отъ неаполитанскаго ига.

Когда Людовикъ вернулся на мѣсто военныхъ дѣйствій, то уже не засталъ въ живыхъ папу Александра V. Кардиналъ Косса, нѣкогда полководецъ, вступилъ на престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Новый папа, слѣдуя вполнѣ видамъ и программѣ своего предшественника, менѣе чѣмъ кто нибудь, могъ примириться съ честолюбіемъ Владислава. Борьба должна была продолжаться до полнаго истощенія противниковъ. На побѣду анжуйской партіи теперь можно было разсчитывать тѣмъ болѣе, что Людовикъ привезъ съ собою изъ Франціи свѣжія войска, хотя, съ другой стороны, неудача при самой высадкѣ на итальянскій берегъ могла служить для суевѣрныхъ людей дурнымъ предзнаменованіемъ.

Большой флотъ Людовика на всѣхъ парусахъ летѣлъ къ пизанской гавани, гонимый попутнымъ юговосточнымъ вѣтромъ. Только шесть галеръ не могли поспѣть на ходу и оставались позади. Генуэзская эскадра уже давно слѣдила за анжуйскими кораблями. Въ проливѣ, между островомъ Менорія и материкомъ, отсталыя галеры были застигнуты пятью генуэзскими кораблями. Неизвѣстно, на чью сторону склонилась бы побѣда, если бы не подоспѣло на помощь девять кораблей Владислава. Анжуйцы были разбиты. Двѣ галеры затоплены, три взяты въ плѣнъ и только одна дошла до Піомбино. Однако претендентъ отомстилъ Владиславу за свое пораженіе. Его крейсеры много содѣйствовали покоренію материка, опустошая калабрійскіе берега въ то самое время, когда сухопутныя силы анжуйца устремились изъ Рима на югъ для покоренія королевства.

Мы уже говорили, что съ анжуйцами были лучшія войска и лучшіе полководцы тогдашней Италіи. Ихъ нанималъ на свою долю каждый изъ членовъ лиги. Силы Владислава показываютъ различно. Одни говорятъ, что у него было 13 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты; другіе же, что численность его арміи ни въ чемъ не уступала анжуйской (¹). Послѣднее предположеніе врядъ ли вѣроятно, не смотря на то, что оно подтверждается неаполитанскими хрониками. Но если и дѣйствительно анжуйцы превосходили Владислава численностью войскъ, то у нихъ не было ни того единодушія, ни того порядка, ни той правильности, которая отличала неаполитанскую армію, руководимую одною идеею и главное одною головою. Система кондотьеризма всегда вела къ тому, что разстроивала самыя единодушныя предпріятія. Сегодняшній союзникъ становился завтра врагомъ и обратно. Каждый наемникъ въ продолженіе своей походной жизни былъ слугою двадцати господъ, работалъ за самыя противоположныя начала, а отсюда слѣдовало то отсутствіе общаго руководящаго принципа, которое составляетъ характеристическую черту эпохи. Но надо прибавить ко всему этому, что у Людовика недоставало денегъ, чтобы содержать такую громадную армію. Можно было бы предсказать за ранѣе, что при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и побѣда будетъ не въ побѣду.

(¹) Сравн. Bonincontrius. Annales Miniatenses (XXI, 103) и Giorn. nap. (XXI, 1073). — Ammirato. Dell'istorie fiorentine, l. 18.

Послѣдствія совершенно оправдали такое предсказаніе. Флорентійское правительство прежде другихъ нарушило условія лиги. Занятая финансовыми интересами своихъ богатыхъ купцовъ, республика заключила миръ съ Владиславомъ, который возвращалъ ей всѣ покоренные замки и города (7 января 1411). Сіена послѣдовала ея примѣру. Вообще итальянскія богатыя республики не любили воевать за идеалы. Экономическое развитіе, внѣшняя безопасность были единственною цѣлью ихъ правительствъ.

Битва при Роккасеккѣ въ 1411 г. Людовикъ и папа были предоставлены теперь своимъ собственнымъ силамъ. Союзники успѣли однако переманить къ себѣ Аттендоло Сфорцу, который до того считался на флорентійской службѣ. Онъ своими кирассирами могъ оказать большую помощь въ предстоящей кампаніи, уже открывшейся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Двѣ враждебныя арміи подходили съ разныхъ сторонъ къ рѣчкѣ Гарильяно, которая впадаетъ въ Гаэтскій заливъ. Людовикъ шелъ быстрымъ маршемъ по римской дорогѣ и остановился въ городѣ Чепрано, недалеко отъ берега Гарильяно, когда узналъ, что на противоположной сторонѣ рѣки, въ мѣстечкѣ Роккасекка, расположены всѣ силы Владислава. Оба противника разсчитывали раньше переправиться черезъ рѣку, и никто не успѣлъ поспѣть къ берегу. Теперь и тотъ и другой остановились, готовясь къ рѣшительной битвѣ. Каждый выжидалъ что противная сторона начнетъ дѣло. Никто не рѣшался броситься первымъ, потому что силы были равны. Между тѣмъ каждый солдатъ былъ на готовѣ. Въ такомъ напряженномъ состояніи два короля простояли шесть дней. Наконецъ Людовику наскучило ждать. Онъ вспомнилъ, что его кондотьеры считаются лучшими въ свѣтѣ (migliori del mondo). Ему совѣстно было робѣть. На седьмой день (19 мая 1411 г.), вечеромъ, кавалерія Людовика стремительно атаковала неаполитанцевъ, не приготовившихся къ битвѣ, не ожидавшихъ такого стремительнаго натиска. Не успѣлъ Владиславъ сдѣлать должныхъ приготовленій, какъ его лагерь былъ взятъ, а армія, уже разсѣянная, бѣжала по неаполитанской дорогѣ. Напрасно онъ ободрялъ войска; напрасно онъ, сопротивляясь одолѣвшему непріятелю, не отступалъ съ поля сраженія до самой ночи. Его войска были неопытны, сравнительно съ отважными кирассирами искусныхъ кондотьеровъ. При всей своей личной храбрости, Владиславъ долженъ былъ бросить

все и заботиться только о собственномъ спасеніи. Торжество анжуйцевъ было полное. Сфорцѣ принадлежитъ значительная доля участія въ побѣдѣ. Его кавалерія отличилась на славу. Впослѣдствіи самъ Владиславъ говорилъ ему:—„ты больше всѣхъ своею конницею повредилъ мнѣ при Роккасеккѣ". На мѣстѣ обширнаго лагеря, занимавшаго окрестныя деревни, оставались только груды труповъ, между которыми можно было узнать много родовитыхъ бароновъ неаполитанскихъ, много лучшихъ воиновъ Владислава. Король съ ничтожными остатками своей арміи отступилъ въ Санъ-Джермано. Его очень легко можно было настигнуть, захватить въ плѣнъ, окончательно истребить, если бы не жадность французовъ и наемныхъ солдатъ, которые уже давно сидѣли безъ денегъ въ ожиданіи хорошей добычи. Они, обрадовавшись легкой побѣдѣ, бросились грабить лагерь и обирать тѣла убитыхъ бароновъ, которыхъ было такъ много на этотъ разъ. Хроники перечисляютъ 12 именъ, принадлежащихъ только самымъ знаменитымъ феодаламъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи. Можно судить какъ велика была потеря Владислава, который, казалось, лишился всякихъ средствъ къ продолженію борьбы (¹).

„Въ день своего пораженія, вспоминалъ впослѣдствіи самъ Владиславъ, я считалъ и себя и королевство во власти непріятелей; на другой день, я могъ быть спокоенъ за себя, но королевствомъ моимъ они бы еще успѣли овладѣть, если бы захотѣли; на третій же день, всѣ плоды побѣды были потеряны" (²). Эти слова прекрасно характеризуютъ положеніе дѣлъ послѣ битвы при Роккасеккѣ. Побѣдители нисколько не воспользовались своимъ торжествомъ. Отчасти то было ихъ собственная вина, причиною же были слѣующія обстоятельства.

Анжуйцы не преслѣдовали Владислава тотчасъ же послѣ битвы, дозволивъ несвоевременный отдыхъ своему войску. Этимъ они упустили удобный моментъ для своего торжества. На духъ войска непріятно подѣйствовало пораженіе, которое въ тоже

(¹) Leodrisius Cribellus. De vita Sfortiae (Mur. XIX, 650—652).—Paolo Giovio. La vita di Sforza, trad. di L. Dominichi. Ven. 1558 (28 29).—Corio. 599.—Collenuccio, 212.—Срав. Antonius Petrus. Diarium Romanum (XXIV. 1025) и Giorn. nap. (XXI, 1073).—Giannone; III, 228.—La.Bret; IV, 118.

(²) L. Aretinus; XIX, 927.

самое время понесли анжуйцы на морѣ. Эскадра, явившаяся къ Неаполю, была уничтожена флотомъ Владислава. Но главное зло, которое никакъ нельзя было предотвратить, и которое сильнѣе всего повредило анжуйской партіи, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ.

Послѣдствія битвы.

Ни Людовикъ, ни папа не могли содержать на свой счетъ столько дорогихъ кондотьеровъ. Ни солдатамъ, ни ихъ начальникамъ, почти ни разу не заплатили денегъ, какъ слѣдуетъ. Они съ понятною жадностью бросились на грабежъ. Въ тѣ войны имѣлось обыкновеніе отпускать плѣнниковъ на выкупъ, а иногда даромъ. Наемные солдаты всегда видѣли въ непріятелѣ своего брата, товарища по ремеслу. Убивать не хотѣли, старались взять болѣе плѣнныхъ и всякій располагалъ ими по произволу. На этотъ разъ солдаты, сильно нуждавшіеся въ деньгахъ, возвращали плѣннымъ не только свободу, но даже оружіе и коня, за какіе нибудь 8 или 10 дукатовъ. Многіе тотчасъ же воспользовались этимъ. Тѣ же, которые не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ, давали знать въ Неаполь и король съ радостью слалъ парламентеровъ съ мѣшками денегъ и выкупилъ такимъ образомъ почти все свое войско. Къ нему повозвращались скоро почти всѣ, въ томъ же вооруженіи, на тѣхъ же коняхъ, какъ будто пораженія при Роккасеккѣ не существовало. Между тѣмъ солдаты Людовика не удовлетворялись полученнымъ выкупомъ, вознаградившимъ далеко не всѣхъ, наемники отказывались идти впередъ до полученія полнаго жалованья. Нѣкоторые теперь же готовы были передаться Владиславу, который всѣхъ соблазнялъ своими богатствами, безпощадно награбленными съ измученной страны и съ покоренныхъ городовъ. Людовикъ напрасно призывалъ къ повиновенію свою волновавшуюся армію. Онъ попробовалъ прорваться въ неаполитанскія земли съ тѣми силами, какія у него были подъ рукою. Но, не смотря на то что до Неаполя оставались только Гаэта да нѣсколько неважныхъ крѣпостей, онъ потерялъ всякую надежду на обладаніе короною, которую дарилъ ему папа. Всѣ проходы въ неаполитанскомъ королевствѣ были заняты войсками Владислава и тщательно охранялись. Людовикъ, отбитый на всѣхъ пунктахъ, до нельзя раздраженный неудачнымъ исходомъ предпріятія, бросилъ армію и на второй мѣсяцъ роккасеккской побѣды былъ уже въ Римѣ (¹).

(¹) A. Petrus; Diarium Romanum; XXIV, 1026. — Denina; II, 446.

Въ Тибрѣ онъ сѣлъ на свои галеры и уѣхалъ во Францію, проклиная и неудачу и корону (авг. 1411 г.). Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Провансъ, онъ внезапно скончался, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Людовика, которому суждено было бороться также несчастливо за ту же корону.

Папа Іоаннъ XXIII остался теперь одинъ противъ вооруженнаго Владислава. Его положеніе сдѣлалось опаснымъ тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ, что его единственная надежда, Аттендоло Сфорца, переходитъ на службу къ его врагу. Котиньольскій герой выставилъ папѣ причиною своего отказа нежеланіе служить вмѣстѣ съ Паоло Орсино ([1]). Онъ говорилъ, что не довѣряетъ Орсино (sed ideo Roma discessi, quia non fidebam Paullo Ursino). Дѣйствительно, у него съ Орсино была постоянная вражда. Собственно противъ папы онъ не могъ имѣть ничего. Іоаннъ XXIII очень любилъ его и подарилъ ему между прочимъ въ наслѣдственную собственность его родное село Котиньолу съ близь лежащими мѣстечками и замками. Біографъ упоминаетъ про оскорбленія и обиды, которыя Орсино наносилъ Сфорцѣ. Аттендоло поступилъ благородно. Онъ не принялъ денегъ, которыя предлагалъ ему Іоаннъ и, заранѣе объявивъ папѣ, что не хочетъ служить у него, послалъ вѣстниковъ къ Владиславу. Заключившій условія, онъ перешелъ къ нему съ 2400 конныхъ и 400 пѣхоты,—это случилось ровно черезъ годъ послѣ битвы при Роккасеккѣ (19 мая 1412 г.). Тотъ же Крибелли прибавляетъ, что состояніе арміи Владислава и ея организація не произвели благопріятнаго впечатлѣнія на Сфорцу. Первымъ его совѣтомъ было остановить наступленіе и расположить войска на зимнихъ квартирахъ. Тѣмъ временемъ воспользовалось флорентійское правительство, чтобы примирить Владислава съ Іоанномъ XXIII. Надо замѣтить, что король неаполитанскій продолжалъ признавать Григорія XII и это обстоятельство было главнымъ поводомъ такой продолжительной и упорной вражды. Владиславъ могъ свободно отказаться отъ своего кліента, когда онъ уже оффиціально былъ низложенъ пизанскимъ соборомъ. Флоренція взяла на себя роль посредницы въ переговорахъ. Она услужила этимъ и

([1]) Cribellus; XIX. 653—655. — Corio, 604.—Bonincontrius; XXI, 106.—Raccolta napolitana; I, 213.

Владиславу, который уже начиналъ нуждаться въ деньгахъ, и Іоанну, который, въ виду неравномѣрнаго перевѣса противника, не могъ разсчитывать на какой бы то ни было успѣхъ. 15 іюня 1412 г. были подписаны мирныя условія между Владиславомъ и Іоанномъ. Король отказывался отъ Григорія XII, котораго предоставлялъ теперь самому себѣ. Съ своей стороны Іоаннъ XXIII между прочими условіями обязывался отказаться отъ Людовика анжуйскаго, дать Владиславу инвеституру на королевство сицилійское и заплатить 100 тысячъ флориновъ контрибуціи, сумму значительную для того времени (¹). Скоро Григорій получилъ приказаніе оставить неаполитанскія владѣнія. Поживши нѣсколько времени въ Венеціи и Далмаціи, онъ пріѣхалъ въ Римини и отдался подъ покровительство Карла Малатесты. Такимъ быстрымъ исполненіемъ условій договора Владиславъ искусно провелъ Іоанна, который, при всей своей продолжительной практикѣ въ обманахъ, не могъ еще дойти до общаго убѣжденія тогдашнихъ итальянцевъ, что политическій дѣятель долженъ для успѣха своихъ плановъ отказываться отъ чести и отъ всего святаго.

Іоаннъ, считая себя уже другомъ Владислава, сообщилъ ему, что не дурно было бы наказать и лишить владѣній опаснаго для нихъ обоихъ Паоло Орсино, того самого, который былъ личнымъ врагомъ Сфорцы. Владиславъ воспользовался этимъ и послалъ Аттендоло брать замки папскаго кондотьера. Потомъ и самъ пошелъ къ нему на помощь (²). Но лишь только онъ вступилъ въ Церковную область, какъ круто свороти лъ съ дороги и устремился къ Риму. При всей сбивчивости цифръ въ хроникахъ, есть основаніе предполагать, что съ обѣихъ сторонъ было по 15 тысячъ кавалеріи (³). Но у Владислава были надежныя войска и искусные предводители, смѣло бившіе на побѣду. Впрочемъ, на этотъ разъ измѣна помогла Владиславу. На седь-

(¹) Rayn. 1412. — Giorn. nap. полагаетъ 30 тысячъ фл. контрибуціи, но это невѣроятно послѣ словъ папскаго хроникера; XXI, 1075.

(²) Cribellus; XIX, 656.

(³) Giorn. nap. (1075). Надо предположить, что извѣстіе подъ 26 марта относится скорѣе къ 1413 нежели къ 1414 г., какъ думалъ между прочимъ Sismondi (VI, 139).

мой день тихо отворились ворота и неаполитанскій кондотьеръ Тарталліа (заика) ворвался въ городъ (8 іюня 1413 г.). Въ Римѣ опять утвердился Владиславъ ([1]). Это было его послѣднее и рѣшительное торжество. Теперь онъ сдѣлался положительно опасенъ для Италіи. Флорентійцы, не смотря на свой ласковый тонъ, не могли избѣгнуть войны съ государемъ, который явно выказывалъ свои политическія намѣренія. Только деньги могли еще поддержать республику.

Средства Владислава въ это время истощились окончательно. Дипломы на дворянское званіе и купчія на недвижимыя имущества теперь могли пріобрѣтать и купцы, и даже, къ величайшему ужасу безгласнаго духовенства, евреи. Беззастѣнчиво, по два и по три раза, продавалъ король одни и тѣже замки и земли разнымъ лицамъ, обманывая покупателей всяческимъ образомъ и вообще извлекая самые смѣлые, самые оригинальные доходы ([2]). Между тѣмъ страсть къ войнѣ, увлекшая его всецѣло, заставляла его дѣлать новыя траты. На войну онъ не жалѣлъ ничего. По взятіи Рима, онъ пригласилъ на свою службу еще двухъ папскихъ капитановъ, извѣстнаго Паоло Орсино и Урзо Монтероліондо (апрѣль 1414 г.). Казалось, онъ хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ военные таланты Италіи. Только миланскіе герцоги мѣшали ему перекупать ломбардскихъ наемниковъ. Владиславъ по-царски награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Когда у Сфорцы сгорѣли его котиньольскія помѣстья, то король далъ на имя его и его сына Франческо акты на владѣніе нѣсколькими городами и мѣстечками. Надо замѣтить, что осторожный Владиславъ никогда не обманывался въ выборѣ подходящихъ людей. Онъ приглашалъ въ свою службу только тѣхъ кондотьеровъ, въ которыхъ былъ хорошо увѣренъ, и на которыхъ могъ положиться. Такъ онъ нанялъ Орсино только тогда, когда тотъ въ битвѣ при Рокка-Контрада побѣдилъ осаждавшаго его Аттендоло Сфорцу ([3]).

([1]) Muratori. Annali d'Italia; XIII, 17.

([2]) Costanzo, въ концѣ XI книги.

([3]) Collenuccio, 215.—Cribellus (656) утверждаетъ, что Орсино лишь хитростью одержалъ побѣду.

Мы упомянули про то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на среднюю и сѣверную Италію взятіе Рима. Къ Владиславу явились посланники отъ Флоренціи, Лукки, Сіены, Болоньи и другихъ городовъ Тосканы и Ломбардіи, иные съ изъявленіемъ преданности, другіе съ заявленіемъ покорности. Прежде чѣмъ послы успѣли получить аудіенцію, до ихъ слуха дошли извѣстія о покореніи городовъ Романьи. Городъ Тоди былъ осажденъ Сфорцою. Витербо, Перуджіа, Сутри и другіе важные пункты уже сдались войскамъ Владислава, который грозился теперь уничтожить такія республиканскія государства, какъ Сіена и Флоренція. Посланникъ флорентійскій съ трепетомъ узналъ про это роковое намѣреніе неаполитанскаго короля. Онъ донесъ своему правительству. Изъ Флоренціи отвѣчали ему довольно яснымъ намекомъ....

Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, король смертельно заболѣлъ, не достигши 30 лѣтъ отъ роду. Золото флорентійскаго посланника было такъ соблазнительно, что заставило перуджіанскаго врача пожертвовать даже своею дочерью (1).

Въ страшныхъ мученіяхъ, на носилкахъ, былъ перенесенъ король изъ Перуджіи въ Римъ. Но у него хватило на столько воли и силы, чтобы велѣть арестовать своихъ кондотьери, двухъ братьевъ Орсини,—Паоло и Урзо, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Казалось, что всю свою боль и раздражительность онъ хотѣлъ излить на этихъ несчастныхъ, которые ни въ чемъ не были виновны. Король зналъ, что ему не долго оставалось жить; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ насладиться властью и мщеніемъ. Эта идея доходила въ немъ до припадковъ помѣшательства. Онъ велѣлъ приготовить двѣ галеры къ отправленію въ Неаполь. На одну сѣлъ самъ, на другую посадилъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы. Всю дорогу онъ боялся, чтобы какъ нибудь не скрылись или не утопились его жертвы. Вотъ какія типичныя сцены приводятъ Giornali napolitani о послѣднихъ дняхъ Владислава (2).

(1) Giannone; III, 250.—Muratori. Annali; XII, 22. «Non era allora conosciuto il morbo gallico, ma per attestato degli antichi medici si provarono talvolta i medesimi mali influssi delt'incontinenza, a queli si dava il nome di veleno».

(2) Giorn. nap. 1076. О кончинѣ Владислава также: Campanus. Vita Brachii Perusini (Mur. XIX, 501).—Bonincontrius, 107.—Cribellus, 659.—P. Giovio. La vita di Sforza; 61. 62.

„Втораго августа приплыли галеры въ Неаполь. Король сидѣлъ на кормѣ, когда замѣтилъ, что Паоло пытался первымъ выскочить на берегъ. „Смотри хорошо за этимъ измѣнникомъ“, закричалъ онъ мессеру Бетто. Король переѣхалъ въ Castel-nuovo, въ четвергъ, въ 4 часа по полудни. Все время онъ твердилъ: „живъ ли Паоло? приведите его ко мнѣ; я хочу убить его своими руками“. Вечеромъ въ воскресенье онъ позвалъ сестру и приказалъ ей скорѣе умертвить измѣнника. Джіованна солгала, что она уже убила его; этимъ отвѣтомъ она какъ будто успокоила больнаго. Немного спустя король испустилъ духъ; 6 августа въ 8 часовъ вечера Владислава не стало. Его похоронили ночью, въ церкви S. Giovani a Carbonaro, безъ всякаго торжества, какъ какого нибудь татарина“.—Лѣтопись прибавляетъ, что такъ будто хотѣла его сестра, которая и вступила на престолъ подъ именемъ Іоанны II.

---

7) Славянскія національныя государства на Балканскомъ полуостровѣ въ XIII и XIV вѣкахъ. Болгарское и Сербское царства до подчиненія ихъ туркамъ. Нашествіе Тимура на Европу.

Мы оставили юго-восточныхъ славянъ на зарѣ новыхъ надеждъ. Съ самого начала XIII вѣка вся Болгарія и Сербія охвачены единодушнымъ патріотическимъ порывомъ. Національная династія Асеней въ лицѣ царя Іоанна водворилась на престолѣ Самуила (II, 49), а Неманей на престолѣ Сербіи (II, 47). Что прочной основой исторической жизни Болгаріи и Сербіи могло быть только православіе, видно изъ того, что попытка уніи съ Римомъ, произведенная въ Болгаріи, совершенно не удалась, будучи безповоротно осуждена голосомъ народа болгарскаго (II, 51—52). Одновременно среди сербовъ католицизмъ отвоевалъ только Далмацію, но онъ былъ совершенно вытѣсненъ изъ восточной Сербіи, гдѣ св. Сава самъ вѣнчалъ на царство своего брата Стефана Неманя въ 1222 году, создавъ тѣмъ устои православной Сербіи (II, 47). Историческая жизнь Болгаріи и Сербіи могла развиваться только на этихъ церковно-самостоятельныхъ началахъ, но къ ней всецѣло примѣняются общіе историческіе законы, наблюдаемые при изученіи второй половины

XIII и всего XIV вѣка. То было, какъ извѣстно, общее стремленіе національное и государственное, проявившееся между прочимъ въ усиленіи единоличной власти. Этому историческому стремленію остались вѣрны въ Болгаріи и Сербіи въ одинаковой степени. Историческія идеи, коими объясняется правильное теченіе исторіи, проявляютъ свое могущественное вліяніе и распространеніе внѣ предѣловъ мѣста, вѣры и расъ. Это убѣдительно повторилось на исторіи восточнаго славянства.

Іоаннъ Асеня II (1213-41 г.) въ Болгаріи. Асени создали золотой вѣкъ для Болгаріи. Династія, основавшая это второе болгарское царство, была вполнѣ національная и вышла изъ лучшихъ нѣдръ народа, изъ верхнихъ слоевъ его. Сынъ энергичнаго Іоанна I, этого „стараго царя", Іоаннъ-Асеня II заслужилъ вполнѣ извѣстность великаго правителя ([1]). Онъ умѣлъ соединить энергію съ мягкостью личнаго характера. Онъ никогда не совершилъ ни одного насилія, ни одной жестокости, а между тѣмъ расширилъ Болгарское царство до отдаленныхъ предѣловъ полуострова. Онъ сумѣлъ внушить къ себѣ не только восторженную преданность подданныхъ и сочувствіе всѣхъ православныхъ на Востокѣ, противъ которыхъ не позволялъ себѣ обнажить оружіе, но и любовь тѣхъ, съ которыми былъ въ войнѣ. Даже византійскій хронографъ, отмѣчая съ теплымъ чувствомъ возвышенныя черты характера Іоанна II, подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ создалъ обширное царство, не запятнавъ себя

([1]) Источникомъ служатъ византійскіе историки, какъ Георгій Пахимеръ, Акрополитъ, Никифоръ Григорасъ и др. Изданія цитованы въ Очеркѣ среднев. исторіогр. См. болгарскую лѣтопись, изд. В. Н. Григоровичемъ, въ приложеніи къ его рѣчи о Сербіи (Каз. 1859). — Въ послѣднее время явилось много трудовъ на русскомъ языкѣ относящихся къ даному вопросу, кромѣ перевода лучшей болгарской исторіи К. Иречка (перев. В. Яковлева, Варш. 1877; другой перев. въ Одессѣ, 1878; мы цитируемъ первый изъ нихъ), — а именно: Ѳ. Успенскаго (Образованіе втораго болгарскаго царства, О. 1872); рец. Васильевскаго (въ Ж. М. Н. П. 1879, VII—VIII) и болгарскаго ученаго М. С. Дринова (въ отчетѣ о XXIII присужденіи Уваровскихъ премій). — Макушевъ. Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка (В. 1872) 2 лекціи его же: Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ славянъ (Р. В. 1876, № 5).—Макушевъ. Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ (Ж. М. Н. П. 1872).— По исторіи Церкви писали: Дриновъ (Истор. очеркъ болгарской церкви) и Голубинскій (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской. М. 1871).

кровью грековъ, какъ дѣлали предшествовавшіе ему цари. Но еще важнѣе широта религіозныхъ воззрѣній этого замѣчательнаго человѣка. Его любили не только славяне и греки, но и католическіе рыцари латинской имперіи.

Это сказалось въ отношеніяхъ Іоанна II къ латинской имперіи. За малолѣтствомъ Балдуина II, сына императора Роберта, бѣжавшаго изъ Византіи, сильная партія въ 1230 году предлагала регентство въ имперіи болгарскому царю и когда претендентомъ явился бывшій король іерусалимскій Іоаннъ Бріеннскій, то многіе рыцари, цѣня высокія качества Асени, поступили къ нему на службу. Вообще онъ не чуждался связей съ Западомъ; его жена была итальянка по крови, Марія, дочь извѣстнаго намъ короля венгерскаго Андрея II. Вообще въ немъ не было слѣдовъ фанатизма, нетерпимости. Онъ не преслѣдовалъ богомиловъ, которые при немъ въ городахъ Болгаріи уживались мирно съ православными, занимаясь ремеслами и промыслами. Папа, возмущавшійся этимъ, писалъ венгерскому королю, что Асеня „заразилъ свое государство ересью". Въ его войскѣ служили католики и мусульмане рядомъ съ православными, какъ у его знаменитаго современника императора Фридриха II. Съ этимъ многочисленнымъ воинствомъ онъ вступилъ въ борьбу за обладаніе Ѳракіею, которая будучи населена славянами, была теперь въ рукахъ греческихъ „деспотовъ". Съ этими властителями по необходимости болгарскій царь долженъ былъ встать во враждебныя отношенія. Іоаннъ Дука Ватацесъ нѣсколько лѣтъ владѣлъ Адріанополемъ, который отнялъ отъ него другой авантюристъ Ѳедоръ Эпирскій, властвовавшій надъ значительной частью полуострова отъ береговъ Албаніи до Чернаго моря и отъ Коринѳскаго залива до Марицы. Асеню соблазняла жажда отвоевать славянъ, бывшихъ подъ греческой властью, не достаточно сильной,— и подвергавшихся при тогдашнихъ обстоятельствахъ постоянной опасности подчиниться латинянамъ.

Битва при Клокотницѣ (въ 1230 г.).

Въ этой борьбѣ за существенные славянскіе интересы царь болгарскій проявилъ вмѣстѣ съ храбростью и военнымъ искусствомъ замѣчательную дипломатическую ловкость. Онъ во время заключалъ и разрывалъ союзы, добиваясь завѣтной цѣли обладанія Цареградомъ. Всѣ ходы его въ наставшей борьбѣ были очень сложные, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательные и разсчитанные. Онъ хотѣлъ достичь обладанія Ѳра-

кіей и Адріанополемъ путемъ родственнаго союза съ Өедоромъ Эпирскимъ, отдавъ свою дочь Марію за брата деспота Мануила. Но когда эпирскій властитель, нарушивъ договоръ о дружбѣ, ворвался съ рыцарями во Өракію, то царь съ сильной арміей изъ куманъ и болгаръ встрѣтилъ его на берегахъ Марицы у деревни Клокотницы (апрѣль 1230 г.). Өедоръ былъ разбитъ и бѣжалъ ([1]). По слѣдамъ его Асеня вступилъ въ предѣлы единоплеменной Өракіи, гдѣ восторженно былъ встрѣченъ славянами земледѣльцами. Болгары легко заняли Адріанополь; отсюда они двинулись на Югъ и на Западъ, встали на Мраморномъ морѣ и покорили почти безъ сопротивленія Македонію и Албанію.

Высшій ростъ Болгаріи. Тогда вновь возстановились предѣлы болгарскаго царства. Три моря и Дунай стали его границей. На сѣверѣ предѣлы Болгаріи раздвинулись до Ниша и Бѣлграда включительно. Сербскіе владѣтели, не одушевленные племенной идеею, были разъединены, а Стефанъ Владиславъ, сильнѣйшій изъ нихъ, вступилъ съ царемъ въ родственный союзъ, женившись на его дочери. Столицею царя стало окончательно Трново, живописно расположенное на террасахъ береговъ Янтры, съ любовью украшенное царемъ дворцами, церквами и монастырями ([2]). Дальше этихъ предѣловъ не могла разростаться Болгарія, но Асеня, томимый желаніемъ славы, добивался Царьграда. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ Никейскимъ императоромъ Ватацемъ, обязавшись помогать ему въ уничтоженіи латинской имперіи. Но оказалось, что силы славянъ и грековъ были пока слабы въ виду средствъ, коими располагала имперія на Западѣ. Когда Ватацесъ прогналъ венеціанцевъ изъ Галлиполи, то туда прибылъ Асеня съ своей охранной дружиной, переплывъ во владѣнія своего друга. Здѣсь, на азіатскомъ берегу Геллеспонта, слишкомъ рано празднуя

([1]) Объ этомъ подробно говоритъ Acropolitas въ гл. IV.

([2]) Выстроивъ въ Трновѣ соборъ, Іоаннъ II велѣлъ вдѣлать надпись, въ которой именуя себя «Царемъ и Самодержцемъ болгаръ», въ концѣ перечисляя свои громадныя земли, идущія „до окрєсть Царѣ-града“ говоритъ съ справедливой гордостью, что его государство „иного царѣ нє имѣху рьзвѣ мєнє и мьною ради дни своѧ испровождающє бѣху, Богу тако повѣлѣвьшу, ибо безъ нєго ни дѣло, ни слово съврьшаєтьсѧ. Томоу слава въ вѣки аминь. Иречекъ. Исторія Булг. I, 237.

будущія побѣды и дѣлежъ иновѣрной имперіи, онъ обручилъ свою 10-лѣтнюю дочь Елену съ малолѣтнимъ сыномъ Ватацеса, Ѳедоромъ. Собственно этотъ день былъ важенъ для Болгаріи въ другомъ отношеніи: тогда константинопольскій греческій патріархъ даровалъ автономію болгарской Церкви, посвятивъ архіепископа Трновскаго Іоакима въ патріархи Болгаріи (1). При этомъ присутствовали восточные патріархи Іерусалима, Александріи и Антіохіи. Самостоятельная славянская Церковь была довершеніемъ великаго дѣла Асеней. Какъ бы окрыленный своимъ величіемъ, Іоаннъ II вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ бросился въ борьбу съ Западомъ, не разсчитавъ своихъ средствъ.

Походъ на Царьградъ въ 1235 г.

Тогда счастье ему измѣнило. Подъ стѣнами Константинополя союзники потерпѣли пораженіе въ 1235 году. Императоръ-юноша, Балдуинъ II, предвидя возобновленіе враждебныхъ дѣйствій, самъ поѣхалъ на поклонъ къ могущественнымъ государямъ Запада. Противъ Асени папа, по обнародованіи отлученія, на котораго тотъ не обратилъ вниманія, проповѣдуетъ крестовый походъ. Іоаннъ Бріенскій, правитель имперіи, приготовилъ столицу къ оборонѣ. Итальянскія республики послали свои флотиліи, которыя разметали болгарскія и греческія суда. Второе нападеніе болгаръ на Царьградъ также было неудачно, какъ и первое. Асеня отступилъ, а когда Іоаннъ Бріенскій умеръ, то царь совершенно измѣнилъ свою политику, отказавшись отъ союза съ Ватацесомъ.

Союзъ съ латинянами.

Дѣло въ томъ, что „царь болгаръ и грековъ“, какъ именовалъ себя Асеня II, предпочиталъ оставить Царьградъ за латинянами и не желалъ допускать возстановленія греческой власти въ лицѣ никейскаго императора. Этотъ взглядъ обусловливался прямыми разсчетами царя; онъ могъ больше выгадать, поддерживая то одну, то другую сторону. Онъ даже увезъ съ собою обрученную уже дочь Елену и заключилъ союзъ съ франками противъ грековъ. Въ 1239 году онъ осаждаетъ вмѣстѣ съ ними ѳракійскія крѣпости. Моровая язва помѣшала успѣхамъ царя. Послѣ смерти своей первой жены, Маріи, онъ вошелъ вновь въ союзъ съ греками и же-

---

(1) Nic. Gregoras; I, 29.— Голубинскій. Исторія православныхъ Церквей, болгарской и др.; 80.

нился на Иринѣ, дочери эпирскаго деспота Ѳедора. Асеня помогъ эпирцамъ утвердиться въ Солунѣ въ 1240 году. Оттуда онъ вновь задумалъ дѣйствовать противъ Византіи, мечтая перенести туда свою столицу. Смерть застигла его среди великихъ замысловъ въ слѣдующемъ 1241 году.

Его государство распалось такъ же скоро, какъ было создано. Наслѣдники его были лишены вообще административныхъ талантовъ, а его преемникъ Коломанъ I, 9-лѣтній мальчикъ, умеръ на 14 году, вѣроятно отравленный (1241—1246 гг.). Въ послѣдній годъ царствованія этого ребенка, Болгарія, въ какіе нибудь три мѣсяца, потеряла почти всѣ завоеванія Іоанна II. Ватацесъ отнялъ восточную Македонію съ Филиппополемъ, а Михаилъ эпирскій Албанію и западную Македонію. При другомъ сынѣ знаменитаго царя, Михаилѣ Асенѣ (1246—57 г.), который юношей наслѣдовалъ своему брату, Болгарія по договору отказалась отъ прежнихъ пріобрѣтеній.

Начало славянской розни на Востокѣ. Постепенно Болгарія лишалась всякаго значенія. Дубровникъ вовлекаетъ ее въ союзъ противъ сербовъ, которые стремились водвориться въ единоплеменной Далмаціи. Договоръ 15 іюня 1253 года (¹) положилъ начало славянской братоубійственной политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ договорѣ, который дошелъ до насъ въ подлинникѣ, говорится, что дубровничане и болгаре должны дѣйствовать вмѣстѣ противъ сербовъ — ако б8д8 невѣрници ни приѣтеле твоем8 свѣтом8 царьств8, такожде да б8д8 невѣрьници и враговѣ нашем8 град8 Дюбровьник8; ако ли кьто ѡдь сихъ прѣписанихъ или вьси ѡбратеть се свѣтом8 ти царьств8, и преславьно ти царьство приметь ихъ въ приѣтельство, а ми да е имамо за приѣтеле, ако ли Ѹрошь или некто ѡдь прѣписанихъ рода его б8деть врагь нашем8 град8 Дюбровьник8, б8деть врагь свѣтом8 ти царьств8; ако ли кьто ѡдь прѣписанехъ б8деть приѣтель град8 дюбровьчком8, високо твое царьство да га има за приѣтела, и аще богь поможеть свѣтом8 ти царьств8 исьп8дити врага твога и нашега Ѹроша ись срьпьске земле и брата его Владислава и родь ихъ или др8зи властеле, и прибѣгьн8 град8 Дюбровьник8, ми да ихъ не примемо ни рѣчи ихъ, къте да имь пакостимо, колико можемо, и свѣто ти царьство да не створить мирь

(¹) Подлинникъ у **Миклошича**. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii (Vienna, 1858); p. 35—40.

безь нась сь Ѹрошемь и нась сьш-нимь не пꙋстити безь мира, и паче да бꙋдемо свѣтимь с твоимь царьствомь врьхꙋ Ѹроша врага твога и нашега и врьхꙋ вьсега свога рода и врьхꙋ ѡнога....

Это забавное въ своей наивности — „пакостимо колико можемо“ — достаточно отчетливо характеризуетъ славянскія взаимныя отношенія. Впрочемъ тогда болгарамъ не пришлось вступить въ борьбу съ сербами, такъ какъ краль Урошъ примирился съ Дубровникомъ и подтвердилъ торговыя привилегіи тамошнихъ купцовъ. Болгарскій царь даже вступилъ въ родство съ Урошомъ, женившись на его дочери.

Подчиненіе болгаръ Сербіи произошло въ слѣдующемъ столѣтіи. Вторая половина XIII вѣка ознаменовалась постепеннымъ разрушеніемъ болгарскаго царства. Михаилъ, узнавъ о смерти Ватацеса, началъ было войну противъ его слабаго преемника Ѳедора II Ласкариса, думая возвратить уступленныя земли, но повелъ ее такъ неудачно, что самъ потерялъ послѣднія позиціи болгаръ за Балканами. Это вызвало общее неудовольствіе въ странѣ. Пользуясь этимъ, двоюродный братъ молодаго царя Калиманъ задумалъ овладѣть престоломъ и, подговоривъ нѣсколькихъ вліятельныхъ горожанъ столицы, убилъ Михаила въ окрестностяхъ Трнова.

Константинъ (1258-77 г.).

Михаиломъ прекратилась славная династія Асеней, горделиво именовавшихъ себя „царями болгаръ и грековъ“. Калиманъ, провозгласивъ себя царемъ, хотѣлъ жениться на вдовой царицѣ, но его никто не признавалъ. Онъ бѣжалъ изъ столицы и скоро умеръ. Тогда Стефанъ Урошъ явился въ Трново, чтобы отстоять права своей дочери. Можетъ быть подъ его давленіемъ бояре на сеймѣ избрали царемъ внука Стефана Неманя, Константина, который принялъ династическое имя Асеней, женившись на Иринѣ, внучкѣ Іоанна II. Несмотря на всю свою энергію и благородныя стремленія, онъ не могъ спасти Болгарію отъ паденія. Онъ полагалъ помочь странѣ, вступивъ въ союзъ съ Неаполемъ. Тогда Карлъ I, король обѣихъ Сицилій, думалъ вновь возстановить оружіемъ латинскую имперію. Онъ утвердился въ западныхъ городахъ полуострова и, оперируя черезъ Дураццо, покорилъ Албанію. Такъ какъ эта страна была уже потеряна для Болгаріи, то Константинъ предпочелъ дружбу съ Карломъ I союзу съ византійскимъ императоромъ Михаиломъ VIII, хотя послѣ смерти Ирины женился на его дочери. Съ Карломъ вступила въ

союзъ и Сербія, управляемая могущественными Неманичами. Сношенія, завязавшіяся между Италіей и славянами, повели къ выселенію многихъ болгарскихъ колоній въ неаполитанскіе предѣлы. Такъ на островѣ Искія образовалось славянское поселеніе, а въ самомъ Неаполѣ цѣлая улица именовалась „Болгарскою".

Между тѣмъ гроза надвигалась на Византію. Итальянцы, болгары и сербы шли съ разныхъ сторонъ. Это было въ 1272 году. Въ отчаяніи Михаилъ VIII обратился къ папѣ, соглашаясь на унію и обѣщая отречься отъ схизмы. Это вызвало общее неудовольствіе, которое распространилось не только въ народѣ, но даже при дворѣ. Изъ него не вышло ничего; итальянскій походъ также не удался.

Между тѣмъ въ Болгаріи, гдѣ во время болѣзни царя Константина управляла его жена Марія, проявилось крайне враждебное настроеніе противъ правительства, — признакъ предстоящаго паденія царства. Въ западной части Балканъ правилъ князь Яковъ Святославъ, вѣроятно русскаго происхожденія. Правительница Марія, — опасаясь чтобы онъ не помѣшалъ ея сыну Михаилу вступить на царство, и желая устранить его отъ богарскаго престола, — замѣнила его въ Трновѣ, торжественно назвала своимъ сыномъ, а потомъ поспѣшила погубить его.

Ивайло (1277-79 г.). Это вызвало раздраженіе противъ правительницы. Оно усилилось, когда татары вступили изъ степей Россіи въ беззащитную страну. Народъ долженъ былъ защищать самъ свои дома и семьи. Изъ его среды вышелъ храбрый, но полудикій гайдукъ Ивайло. Прежде онъ былъ пастухомъ, потомъ сталъ возвѣщать о своемъ великомъ призваніи, которое было ему указано въ сновидѣніяхъ, одѣлся въ пышныя одежды и препоясался мечемъ. Скоро онъ сталъ во главѣ сильнаго отряда головорѣзовъ, убилъ царя Константина, занялъ Трново и женился на вдовой царицѣ Маріи, которая съ ревностью матери, думая охранить право своего сына, сама отдалась гайдуку. Греческій императоръ двинулъ войска противъ Ивайло на Трново. Долго греки осаждали городъ, а Ивайло дѣйствовалъ тѣмъ временемъ противъ татаръ. Столица сдалась грекамъ, которые, плѣнивъ царицу, отослали ее въ Адріанополь, а царемъ провозгласили одного изъ Асеней, Іоанна III. Власть греческаго ставленника была непродолжи-

тельна. Скоро подъ стѣнами Трнова явился Ивайло; въ два удара онъ разбилъ 15 тысячную византійскую армію, но народъ отвергнулъ его, также какъ Іоанна III, провозгласивъ царемъ Георгія Тертерія, половца родомъ, но связаннаго родственными узами съ старыми болгарскими родами. Тогда Ивайло бѣжалъ въ степи нынѣшней Новороссіи къ ногайскому хану. При дворѣ хана онъ встрѣтилъ своего соперника Іоанна III Асеню, который также просилъ заступничества. Ханъ обѣщалъ помочь тому и другому, а потомъ приказалъ перерѣзать горло обоимъ. Асеня успѣлъ спастись. Ивайло погибъ.

Паденіе Болгаріи.

При Тертеріи Болгарія распадалась на отдѣльныя княжества. Татары ежегодно врывались съ возраставшими силами, раззоряя несчастную страну. Тертерій, обезсиленный, нелюбимый народомъ, бѣжалъ къ грекамъ, послѣ того какъ императоръ Андроникъ, изъ боязни татарской силы, отказался помочь Болгаріи. Сербы также спѣшили воспользоваться кусками Болгаріи. Ногайскій ханъ въ 1292 году покорилъ Болгарію, поставивъ царемъ боярина Смилеца, обязавъ его платить дань.

Такъ окончилось второе болгарское царство, созданное геніемъ Іоанна II,—это обширное государство, управлять которымъ было не по силамъ его слабымъ преемникамъ.

Болгарія впрочемъ скоро освободилась отъ татарскаго ига, чтобы послѣ долгихъ междоусобій въ первой половинѣ XIV вѣка подчиниться соплеменнымъ сербамъ. Царь Стефанъ Душанъ послѣ отчаянной битвы при Кюстендилѣ (Вельбужда) на берегахъ Каменчи, происходившей 28 іюня 1330 года, уничтожилъ остатки самостоятельности Болгаріи, подчинивъ ее Сербіи.

Сербія.

Судьба сербскаго царства аналогична съ судьбою Болгаріи. Оно создалось изъ отдѣльныхъ земель властелей, также сложилось въ сильное государство благодаря талантливымъ собирателямъ земли, также было могуче лишь подъ условіемъ сохраненія устоевъ православія, также боролось съ захватами грековъ и также пало подъ ударами мусульманъ ([1]).

([1]) Даничић. Животи краљева и архиепископа српски написао архиепископъ Данило и другихъ (Загр. 1886). — Miclosich. Monumenta serbica (V. 1858). Šafarik. Pamatky drěvniho pisemnictvi Juhoslovanův.—

При этомъ надо замѣтить, что сербы западные хорваты и восточные имѣли отдѣльную исторію. Ихъ интересы, прошлое, вѣра — были различны. Сперва греческіе проповѣдники посѣяли сѣмена православія у западныхъ, адріатическихъ сербовъ (хорватовъ и далматовъ) но искусство римскихъ проповѣдниковъ, большая близость къ Западу, вызванныя ею торговыя и промышленныя связи повліяли на перемѣну вѣроисповѣданія, хотя въ Далмаціи оставалось вплоть до конца XVIII вѣка нѣсколько десятковъ тысячъ православныхъ.

Хорватія и Далмація. Хорваты населили свою настоящую землю съ перваго появленія славянъ на полуостровѣ, т. е. съ VI вѣка, а именно территорію между Адріатическимъ моремъ, Савой, Вербасомъ; послѣ, на Востокъ отъ нихъ, по рѣкамъ Боснѣ, Дринѣ и Моравѣ, поселились сербы собственно, а на югѣ поселенцы назвались разными мѣстными именами: Захолмяне, Требиняне, Діоклейцы, Зерствяне и т. д. Всѣ вмѣстѣ они назывались славянами (славине, славинцы). Римскія муниципіи при наплывѣ пришельцевъ ославянились, чтобы послѣ вновь итальянизироваться; то были: Задаръ, Дубровникъ, Сплѣтъ и др., о чемъ мы упоминали свое время. Онѣ стали предметомъ долгой борьбы за побѣду между славянами, венграми и венеціанцами. Хорваты въ XIII вѣкѣ признали верховную власть латинянъ, вмѣстѣ съ ихъ вѣрою. Съ IX до XI столѣтія они считались уже подданными Византійской имперіи.

Лѣтописи изданы также Ягичемъ. Пуцић. Споменици србски (1858—62).— Разборъ источниковъ для Сербіи и Хорватіи у Рачкаго (Ocjena starijih izvora), а непосредственно для Сербіи превосходный анализъ сдѣланъ В. В. Качановскимъ (Сербскія житія и лѣтописи въ XIV и XV вѣкахъ въ Слав. Сборникѣ т. III, 1876, стр. 183—222).—Хорватскіе источники издали частію Рачкій (Documenta hist. Croatiae, 1877) и Theiner (Vetera mon. Slav. merid. 1863—75 и Mon. spectantia historiam Slav. merid, 1868 и сл.), а правовые изд. хорватскимъ поэтомъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ (Jura regni Croatiae. 1861, 1861; Acta croatica, 1853; Codex dipl. Cr. 1874).—Историческія пособія: статьи Рачкаго въ Rad Jugosl. Akad.—Новиковић. Србске области X и XII в. (пом. въ Гласник Срб. 1889 г.).—Срећковић. Исторія сербскаго народа, 1884.—Т. Флоринскій. Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в. (1882, 2 вып.).—Ранке. Исторія Сербіи (р. пер. 1886, 2 изд.), очень поверхностное и собственно для новаго времени.— А. Майковъ. Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіей народа (М. 1857).

хотя были по прежнему въ церковныхъ дѣлахъ связаны съ Римомъ; впрочемъ богослуженіе совершалось и на латинскомъ и на славянскомъ языкѣ. Въ X вѣкѣ Хорватія стала королевствомъ; ея предѣлы распространились за Саву до Дравы; западная часть этой территоріи, давно населенная „словинцами", стала именоваться Славинской страной (Slavonia), а восточная отошла къ православной Сербіи. Съ конца X вѣка, при короляхъ изъ дома Кресиміровъ, Венеція утвердилась въ общинахъ Далмаціи, уступленныхъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ въ 1085 году и закрѣпленныхъ въ 1099 году за Венеціей, успѣвшей итальянизировать адріатическое славянское побережье. Въ 1102 году на престолъ хорватскій вступила венгерская династія въ лицѣ Коломана, обязавшагося сохранять внутреннюю самостоятельность хорватской земли. Обѣ короны, венгерская и хорватская слились, но каждое государство имѣетъ отдѣльное существованіе и свои особые историческіе интересы. Новая сильная династія принесла широкіе замыслы. Они простирались на западную и восточную часть полуострова. Маленькая Хорватія вмѣстѣ съ Венгріей оказали Европѣ великую услугу, защищая Западъ отъ нашествія татаръ въ 1245 году. Съ прекращеніемъ арпадской династіи престолъ венгерскій былъ занятъ анжуйцами изъ Неаполя. Этому много содѣйствовалъ могущественный хорватскій вельможа Павелъ Шубичъ, который во время ваканціи престола, самостоятельно правилъ не только въ Хорватіи, но и въ сосѣдней Боснѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Младеномъ. Цѣлью венгерскихъ королей арпадской и анжуйской династій, носившихъ на своей головѣ корону Хорватіи, было отнять отъ венеціанцевъ Далмацію, которая благодаря морской торговлѣ пріобрѣла высокую степень экономическаго благосостоянія ([1]). Цѣль эта была достигнута въ половинѣ XIV вѣка. Венеціанская власть была тяжела для славянскихъ общинъ; это особенно испытали на себѣ жители Задра, подчинившіеся Венеціи въ 1346 году. Тогда же они завели сношенія съ королемъ венгерско-хорватскимъ, призывая его на помощь. Оружіе хорватовъ было счастливо. Венеція по договору уступила Хорватіи (18 февраля 1358 года), или точнѣе королю

([1]) И. Н. Смирновъ. Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Вып. I; съ XII до половины XIV вѣка (К. 1880). Вып. II; съ 1358 до 1573 года (К. 1884). Источники разобраны въ той и другой книгѣ.

венгерскому, всю Далмацію до Дураццо, вмѣстѣ съ Дубровникомъ, отозвала изъ городовъ своихъ чиновниковъ и отказалась отъ вмѣшательства. За это король очищалъ венеціанскія владѣнія и принималъ мѣры противъ пиратовъ. Папа гарантировалъ договоръ. Впрочемъ вскорѣ трактатъ 1350 г. потерялъ значеніе. Общины Далмаціи убѣдились горькимъ опытомъ, что венгерская власть, хотя посылавшая единоплеменныхъ правителей въ города Далмаціи, еще тяжелѣе венеціанской. Далматинскія общины снова начало тянуть къ адріатической республикѣ; это было влеченіе столько же вызванное политическими сколько экономическими причинами. Низшіе классы безусловно тянули къ Венеціи, знатные (нобили) къ Хорватіи. Всѣхъ возмущалъ аппеляціонный верховный королевскій трибуналъ, куда приносились жалобы на мѣстныхъ судей. Не прошло трехъ лѣтъ послѣ подчиненія Далмаціи, какъ по смерти Людовика, при его слабой дочери Маріи, приморскія общины, пользуясь безпомощностью венгерскаго правительства, заключили съ королевой соглашеніе, по которому уже не подчинялись болѣе ей, а входили въ союзъ. Этимъ воспользовалась Венеція и стала отбирать одинъ городъ за другимъ подъ свою верховную власть. Успѣхамъ Венеціи содѣйствовала перемѣна династіи на венгерско-хорватскомъ престолѣ. Извѣстный намъ Владиславъ, король неаполитанскій, приглашенный хорватами на венгерскій тронъ, располагавшій тогда тремя—хотя номинально—престолами, продалъ общины Венеціи за 100 тысячъ дукатовъ (¹). Впрочемъ въ томъ же году, вытѣсненный изъ Хорватіи, Владиславъ, долженъ былъ уступить свои права супругу Маріи, Сигизмунду, королю чешскому. Общины Далмаціи были укрѣплены за Венеціей въ 1433 году. Онѣ навсегда пропали для славянства.

Стефанъ Неманя (1159-95 г.). Могущественная Сербія, о которой мы говорили въ началѣ этого тома, была создана энергіей и умомъ Стефана Немани. Онъ былъ для своего народа тѣмъ, чѣмъ былъ для болгаръ Іоаннъ II Асеня. Личный характеръ того и другаго дѣятеля представляетъ замѣчательную аналогію. Оба они вышли изъ народа; оба были демократами во внутренней политикѣ; оба удивительно ловко принаравливались къ окружающимъ условіямъ; оба отличались столько же храбростью,

---

(¹) Ljubić. Monumenta spectantia hist. Slav. merid. V, 177.

сколько дипломатической изворотливостью. Разница между ними была только въ степени религіознаго настроенія: Асеня отличался терпимостью; въ Стефанѣ было много фанатизма. Одинъ изъ новыхъ историковъ Сербіи удачно обрисовываетъ общее значеніе этой замѣчательной личности, говоря, что Неманя далъ новую, самобытную, государственную жизнь Сербіи, которая долго не могла возстать и оправиться подъ разрушительнымъ вліяніемъ междуродовыхъ усобицъ и вмѣшательства сильнѣйшихъ сосѣдей, грековъ и болгаръ (1). Стефанъ доставилъ православной Сербіи окончательное господство надъ всѣми сербскими землями (за исключеніемъ окатоличенныхъ хорватовъ) и стянулъ къ одному средоточію всѣ сербскія области. При немъ независимые областные жупаны и князья сошли съ самостоятельнаго поприща и стали въ рядъ туземныхъ бояръ. „Надъ всѣми возвышается великожупанскій родъ Немани. Если и находимъ въ послѣдствіи одного или двухъ, по видимому, независимыхъ князей въ Хлумѣ (позднѣйшая Герцеговина), гдѣ нашли убѣжище богомилы, то князья эти, жестоко гонимые при Стефанѣ, являются тамъ только на время и область ихъ, какъ до нихъ, такъ и послѣ нихъ, признаетъ надъ собою верховную власть Сербіи. Босна также колеблется между Венгріею и Сербіею; но все же это не болѣе какъ области, подвластныя той или другой странѣ, и нѣтъ ни одного посторонняго рода, который осмѣлился бы отнимать верховную власть у Неманичей. Собравши такимъ образомъ сербскую землю и ставъ надъ нею единымъ повелителемъ, Неманя позаботился объ ея государственной самостоятельности. Дружескія сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ и родственныя связи съ греческими царями придали совсѣмъ иной видъ Сербіи. Теперь она стала въ ряду независимыхъ государствъ. Внесеніе государственнаго значенія во внѣшнюю жизнь Сербіи принадлежитъ Немани“.

Стефанъ понималъ всю силу и обаяніе государственнаго начала. Онъ сознавалъ, что для славянъ оно покоится на религіозной основѣ и потому выводилъ свою власть отъ Бога: — „тѣмьже (бгъ) по мьнозѣи его и неизьмѣрьнѣи милости и чловѣколюбию дарова нашимь прадѣдомь, и нашимь дѣдомь обладати сиовь землловь срьбьсковь, и вьсакоѣко бгъ строена оуньша чловѣкомь не

(1) А. Майковъ. Исторія сербскаго языка и народа, 215.

хоте уловѣчи гибѣли, и постави ме великаго жоупана, нареченаго вь свѣтѣмь крьщени стѣфана неманоу, и обновихь свою дѣдиноу, и больше оутврьдихь бжиювь помокию и своею моудростию даною ми ѡ бга, и вьздвигохь погибьшоую свою дѣдину".

Стефанъ Первовѣнчанный (1195-1224 г.).

Мы уже говорили (II, 47), какъ при его преемникѣ, папа Гонорій III предложилъ свои услуги Сербіи подъ условіемъ церковной уніи, за что давалъ Стефану королевскій титулъ. Но эти попытки не принесли успѣха. Въ 1222 году братъ „краля", св. Сава, вѣнчалъ Стефана на престолъ, по православному обряду, прервавъ всякую связь съ Римомъ. Такъ какъ эта церемонія была совершена впервые съ особымъ торжествомъ, то Стефанъ именуется въ „Житіяхъ" Первовѣнчаннымъ кралемъ (прьвовѣньчанаго кралꙗ). Послѣ того не было у сербовъ близкихъ связей съ далекимъ Западомъ, тѣмъ болѣе что еще ранѣе (въ 1203 году) было свергнуто владычество венгерскихъ королей, продолжавшееся не болѣе года, хотя это дало призрачное основаніе королямъ венгерскимъ именоваться вмѣстѣ и сербскими. Венгры впрочемъ удержали за собою часть сѣверной Сербіи, изъ которой образовали т. н. бановину, Украйну, подчинивъ себѣ одновременно Холмъ и Боснію, такъ какъ корона Хорватіи была соединена съ короной Венгріи. Что Венгрія вліяла на государственную жизнь Сербіи видно изъ того, что когда вспыхнула война между чехами и венграми, то сербы, въ сознаніи которыхъ не успѣло упрочиться начало единоплеменности, поддерживали венгерскаго короля Белу противъ чешскаго Оттокара.

Его преемники.

Это было уже при преемникахъ Первовѣнчаннаго, который скончался (въ 1224 году) съ полнымъ убѣжденіемъ, что престолъ Сербіи упрочился въ его родѣ и что бояре, послѣ торжественнаго вѣнчанія его, никогда не подумаютъ встать рядомъ съ его дѣтьми. Стефанъ опирался на сильное духовенство, во главѣ котораго стоялъ его братъ съ титуломъ архіепископа Рассскаго, съ правомъ поставляться отъ своихъ же сербскихъ архіереевъ. Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Предислава пошелъ въ монахи и сталъ архіепископомъ, принявъ имя Савы II. Старшіе же братья: Радославъ, Владиславъ, Урошъ одинъ за дру-

гимъ были кралями. Радослава, принявшаго имя отца, не любили изъ за его жены, которую лѣтописецъ считаетъ „новою Iезавелью". Она была причиной всѣхъ его несчастій и сверженія съ престола; Стефанъ II бѣжалъ въ Дубровникъ, потомъ принялъ постриженіе, предоставивъ престолъ брату Владиславу, который также не былъ счастливъ и не могъ достигнуть королевской власти.

Стефанъ II былъ свергнутъ третьимъ братомъ Стефаномъ Урошемъ, котораго сербскіе „животи" считаютъ „Великимъ". Онъ дѣйствительно превосходилъ своихъ братьевъ правительственными способностями и энергіей. Тогда Сербія была въ страхѣ отъ нашествія татаръ, которые, раззоривъ Русь, свирѣпствовали въ Болгаріи (въ 1241 году); но бѣдствіе миновало и татарская туча прошла мимо, охвативъ небольшую часть Сербіи. Стефанъ Урошъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ заставилъ Дубровникъ платить дань, но за то предоставилъ дубровничанамъ свободную торговлю во всей Сербіи безъ уплаты земскихъ повинностей. Этимъ соглашеніемъ устранена была война, грозившая вспыхнуть между родственными народами. **Стефанъ Урошъ (1243-72 г.).**

Стефанъ Урошъ „краль всей Рашькѣи земли", какъ онъ титуловалъ себя, погибъ отъ руки возмутившагося сына. Онъ хотѣлъ провести на тронѣ новую мысль, передать престолъ не старшему сыну, не по обычаю, а достойнѣйшему. Таковымъ онъ считалъ младшаго Милутина, разсчитывая женить его на дочери императора византійскаго Михаила Палеолога, чтобы сблизиться съ греками. Между тѣмъ еще ранѣе онъ обѣщалъ передать престолъ при своей жизни старшему сыну Драгутину, который не переставалъ напоминать объ этомъ отцу при каждомъ случаѣ. Видя нарушеніе обѣщанія, Драгутинъ возмутился и разбилъ отца, который вскорѣ погибъ въ Дураццо.

Побѣдитель правилъ не долго; его мучили угрызенія совѣсти. Онъ раскаялся въ своемъ прошломъ, и добровольно уступилъ престолъ брату Милутину въ 1275 году съ тѣмъ чтобы тотъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ его сына Владислава. **Драгутинъ (1272-75 г.).**

Въ Милутинѣ Сербія получила замѣчательнаго правителя. Съ обширнымъ изворотливымъ государственнымъ умомъ онъ соединялъ постоянство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, **Урошъ II Милутинъ (1275-1321 г.).**

энергію, находчивость и воинскую храбрость. Но все это затемнялось безнравственностью и крайнею неразборчивостью средствъ. Честолюбіе и политическіе планы воспитали въ немъ презрѣніе къ людямъ, чести и обычнымъ правиламъ нравственности. Милутинъ поставилъ себѣ задачею расширить Сербію на счетъ имперіи. Въ борьбѣ съ нимъ умеръ Михаилъ Палеологъ, которому приходилось обороняться при помощи татаръ и турокъ. Воины Османа тогда впервые показались на Балканахъ, въ качествѣ наемниковъ императора. Несмотря на такихъ противниковъ, Милутинъ покорилъ много городовъ и побѣдоносно дошелъ до Солуня. Затѣмъ онъ составилъ планъ пріобрѣтенія Босны. Не прибѣгая къ войнѣ, онъ предпочелъ пріобрѣсти эту страну путемъ брачнаго союза. Ни во что ставя узы брака и личныя симпатіи, онъ, узнавъ объ обѣщаніи венгерскаго короля отдать Боснію въ приданое за своей сестрой Елизаветой, просилъ у короля ея руки и для этого развелся съ женой, обѣщавъ притомъ папѣ ввести католицизмъ въ Сербіи.

Ставъ такимъ образомъ владѣтелемъ Босны безъ борьбы, Милутинъ какъ бы убѣдился въ преимуществѣ подобнаго пріятнаго и легкаго способа для достиженія государственныхъ цѣлей. Когда татары подчинили себѣ Болгарію (II, 797) и ставленникъ Ногая, Смилеца, вторгнулся въ Сербію, Милутинъ, чтобы избавиться отъ татаръ, отдалъ сыну одного болгарскаго вождя свою дочь, а затѣмъ, когда татары поставили надъ Болгаріей сына извѣстнаго намъ Тертерія, Святослава, то Милутинъ, продолжая опасаться татарскаго вторженія, и, нисколько не опасаясь венгровъ, женился на сестрѣ Святослава, прогнавъ свою вторую жену. Это стоило ему потери Босны, которую онъ не могъ удержать, но за то въ его умѣ развились болѣе грандіозные планы. Обезопасивъ себя со стороны Болгаріи и татаръ, не придавая значенія силѣ венгровъ, титулуя себя „сь Богмь самодрьжьць вськь срьбскихь земль и поморскихь“, Милутинъ не остановился передъ мыслью сѣсть со временемъ на императорскомъ престолѣ въ Цареградѣ. Обстоятельства тому благопріятствовали. Императрица Ирина, супруга Андроника, не любила своихъ сыновей и, опасаясь возраставшей силы Сербіи, лелѣяла планъ соединенія обоихъ государствъ. А между тѣмъ дѣйствительно приходилось откупаться отъ сербовъ, которые продолжали врываться въ предѣлы имперіи, не довольствуясь прежними пріобрѣте-

ніями. Чтобы склонить Милутина къ миру, въ семействѣ императора рѣшили воспользоваться тѣмъ средствомъ, къ которому не безъ успѣха прибѣгалъ сербскій краль. Ему предложили бросить третью жену, по примѣру первыхъ двухъ, и жениться на малолѣтней византійской царевнѣ Симонидѣ. Милутинъ съ восхищеніемъ принялъ такое лестное предложеніе и прекратилъ набѣги. Ему легко было успокоить свою совѣсть: второй и третій бракъ были недѣйствительны при жизни первой жены краля, а подоспѣвшая во время смерть ея окончательно развязывала ему руки. Нѣкоторая разница въ лѣтахъ также не пугала искусившагося въ жизни Милутина. Ему было уже за 40 лѣтъ, а невѣстѣ 8 лѣтъ, но такое неравенство въ возрастѣ было не первымъ примѣромъ въ средніе вѣка. Милутинъ выдалъ свою жену греческому правительству, а въ обмѣнъ получилъ дѣвочку-царевну вмѣстѣ съ правомъ наслѣдовать Византійскую имперію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Андроникъ былъ доволенъ новымъ союзникомъ. Зять обѣщалъ ему оказать помощь противъ турокъ. Чтобы заручиться симпатіями греческаго населенія, Милутинъ посылаетъ богатые дары и украшенія въ храмы Цареграда, Солуня и Аѳона. Въ угоду императрицѣ Милутинъ пожертвовалъ своимъ любимымъ побочнымъ сыномъ Стефаномъ, будущимъ кралемъ. Ему испортили зрѣніе и выдали Византіи, но Стефанъ, прозвавшійся впослѣдствіи Урошемъ, бѣжалъ изъ плѣна.

Разсчитывая на содѣйствіе Запада, Милутинъ обѣщалъ папѣ войти въ лоно католической Церкви и признать главенство Римскаго первосвященника. Къ этому побудило его опасеніе перемѣны династіи въ Венгріи. Но скоро краль торжественно отрекся отъ союза съ Римомъ, ссылаясь на неудовольствіе тещи и жены. Папа сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ сербскихъ схизматиковъ, открыто поддерживавшихъ богомиловъ. Милутину не пришлось сразиться съ западнымъ рыцарствомъ. Онъ умеръ за приготовленіями къ оборонѣ. Всѣ усилія куріи пропали даромъ. Походъ не состоялся.

После смерти Милутина, голосомъ народа былъ посаженъ на престолъ его побочный сынъ Стефанъ, почти слѣпой, прежде жившій въ качествѣ заложника въ Цареградѣ, **Стефанъ Урошъ III (1321-31 г.).**

Онъ принялъ имя Уроша III (¹). Собственно право на престолъ имѣлъ старшій въ родѣ въ силу послѣднихъ постановленій по наслѣдованію. Племяннику покойнаго, Владиславу Драгутиновичу была давно завѣщана королевская корона, на что ранѣе соглашался Милутинъ. Теперь Владиславъ рѣшился отстаивать свои права силою, но былъ разбитъ въ 1324 году. Тогда окончательно восторжествовало семейное начало надъ родовымъ. Стефанъ Урошъ III не обладалъ талантами отца, но въ немъ были нѣкоторыя выдающіяся наслѣдственныя черты. Онъ также считалъ брачныя узы лучшимъ средствомъ къ разрѣшенію самыхъ острыхъ вопросовъ. Когда венгерскій король Каробертъ грозилъ ему войною, Стефанъ поспѣшилъ склониться передъ Римомъ и изъявилъ желаніе не только жениться на принцесѣ Тарентинской, родственницѣ Кароберта, но и принять католицизмъ. Когда Каробертъ передумалъ вести войну и опасность для короля миновалась, то Стефанъ отказался и отъ невѣсты и отъ папы, какъ бы забывъ свои обѣщанія. Чувствуя себя въ силахъ обрушиться на Имперію, онъ взялъ нѣсколько греческихъ городовъ и большую добычу; на эти средства онъ построилъ Дечанскій монастырь въ 1327—35 годахъ, снабдивъ его на поминъ души богатыми 30 помѣстьями. Въ войнѣ съ греками выдвинулся сынъ краля, знаменитый впослѣдствіи Стефанъ Душанъ; во главѣ сербовъ онъ разбилъ Михаила VIII и заставилъ Византію просить мира. Онъ давно носилъ титулъ младшаго краля, такъ какъ отецъ, вѣнчаясь на царство, короновалъ и его. Душанъ имѣлъ особый удѣлъ въ Зетѣ. Въ послѣднее время отецъ видимо устранялъ его отъ дѣлъ. Женившись на гречанкѣ, онъ окружилъ себя выходцами изъ Византіи, чѣмъ вооружилъ противъ себя многихъ властелей. Краль, не обращая на это вниманія, прогналъ бояръ отъ своего двора, чѣмъ еще болѣе вооружилъ ихъ и далъ поводъ народиться заговору. Во главѣ оппозиціи всталъ наслѣдникъ престола Стефанъ, вокругъ котораго собрались всѣ недовольные. Онъ принялъ явно враждебное положеніе. Отецъ велѣлъ опустошить Зету; сынъ смирился, потомъ снова сталъ дѣйствовать противъ отца, который приказалъ ему оставить предѣлы государства. Но бояре не допустили до того. Они вооружились и произвели возстаніе. Ста-

---

(¹) По монастырю, который онъ основалъ, его послѣ стали называть Дечанскимъ.

рый краль покинулъ свою столицу, ожидая скорой смерти, которая была ему кѣмъ-то предсказана. По его слѣдамъ вступилъ сынъ въ королевскій дворецъ и велѣлъ преслѣдовать краля. Отецъ сдался сыну, который теперь готовъ былъ примириться со своимъ родителемъ. Бояре не допустили до того; они силою взяли слѣпаго старика въ Дечаны и тамъ задушили его. Современники считали Стефана соучастникомъ гибели отца, почему и прозвали его „Душаномъ".

Стефанъ Душанъ (1331-55 г.).

Вступивъ на престолъ путемъ насилія и по праву наслѣдства, Стефанъ Душанъ сразу поставилъ себя самостоятельно, устранивъ попытки бояръ вмѣшаться въ дѣла правленія и быстро развернувъ свои способности ([1]). Женившись на Еленѣ болгарской, которая оказалась на высотѣ своего положенія, содѣйствуя видамъ и планамъ мужа, онъ тѣмъ самымъ обезопасилъ себя со стороны Болгаріи, гдѣ правилъ его другъ, царь Іоаннъ-Александръ. Стефанъ, удачно отбросивъ венгровъ до Савы, сосредоточилъ все вниманіе на Византіи, лелѣя грандіозную мысль обладанія императорскимъ престоломъ. Желая сблизиться съ греками и понравиться имъ во что бы то ни стало, Душанъ постепенно сживался съ міромъ византійскимъ, заимствуя болѣе отрицательныя стороны грековъ, чѣмъ положительныя. Этотъ византизмъ развивался въ Душанѣ по мѣрѣ военныхъ успѣховъ. Въ два похода (1337—40 году) онъ завоевалъ всю Ѳракію, отъ Янины до Евбеи, почти до стѣнъ Константинополя. Императоръ Андроникъ заперся въ Солунѣ, гдѣ осадили его сербы. Вынужденный необходимостью, императоръ уступилъ Душану значительную часть Ѳракіи съ Охридою, Прилѣпомъ, Яниной и другими городами. Но этого было мало. Воспользовавшись нарушеніемъ обязательствъ со стороны новаго императора Іоанна Кантакузина, который

([1]) Кромѣ приведенныхъ сочиненій для времени Душана: рѣчь В. И. Григоровича (О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Каз. 1859), важная особенно по своимъ приложеніямъ, лекціи Макушева (Р. В. 1876, № 5) и А. С. Будиловича Очерки изъ Сербской исторіи (въ Слав. Сборникѣ; т. II, Спб. 1877), посвященныя паденію Сербскаго царства. Весьма цѣнны изслѣдованія Ѳ. Зигеля (Законникъ Стефана Душана. П. 1872) и Т. Флоринскаго, Памятники законодательной дѣятельности Душана: хрисовулы, Законникъ, сборники византійскихъ законовъ (Кіевъ, 1888).

сблизился съ турками, Душанъ объявилъ ему войну. Несмотря на неудачу въ началѣ борьбы, въ 1346 году онъ нанесъ ему рядъ пораженій, покоривъ всю Македонію. Теперь онъ считалъ лишь вопросомъ времени утвержденіе на стогнахъ Цареграда.

Соборъ въ Скоплѣ. Тогда-то онъ задумалъ перемѣнить королевскій санъ на болѣе громкій титулъ, который долженъ былъ оповѣстить всему міру, что историческія роли на Востокѣ перемѣнились. Съ этою цѣлью въ македонскій городъ Скопль, прежде чѣмъ смолкли удары мечей, въ 1346 году были приглашены на соборъ сербскіе и болгарскіе іерархи, архіепископъ Охриды и наскоро собраны духовные Македонской области вмѣстѣ съ игуменомъ и старцами Аѳонской горы. Рѣчь шла собственно о провозглашеніи самостоятельности сербской Церкви, о возведеніи печескаго архіепископа Іоанникія въ санъ патріарха. Но такъ какъ это дѣлалось безъ согласія и даже оповѣщенія константинопольскаго патріарха, то греческое духовенство, ничего не имѣвшее въ свое время противъ болгарской автокеѳальной Церкви (II, 793), смотрѣло на этотъ соборъ, какъ на незаконное и безчинное сборище, почему въ послѣдствіи патріархъ Каллистъ въ 1352 году отлучилъ Сербію отъ общенія. Въ сущности же цѣлью этого собора было вѣнчаніе краля Стефана царскою короною; онъ сталъ именоваться „царемъ и самодержцемъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и западныхъ странъ“ ([1]).

Это было торжественное заявленіе притензій на обладаніе престоломъ Восточной Имперіи. Но надо было оружіемъ подтвердить это право. Душану пришлось вести войну съ греками до самой смерти; онъ сдѣлалъ 13 походовъ противъ Византіи и нѣсколько экспедицій въ Болгарію, которая послѣ Александра признала его власть надъ собой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ на себя высокую миссію оберегать Европу отъ турокъ. Прозванный современниками Сильнымъ, онъ не побоялся помѣряться силами съ турками, которыхъ трепетали греки. Тогда турки нѣсколько разъ вторгались на полуостровъ и захватывали города Македоніи и Ѳракіи. Душанъ, ловко умѣя изъ враговъ дѣлать друзей, заключилъ союзы съ Іоанномъ-Александромъ и императоромъ Палеологомъ. Но когда послѣдній умеръ, а его мѣсто занялъ Кантакузинъ, заключившій тотчасъ

([1]) Гласникъ Српскаго друштва; XXIV, 232; XXVII, 151.

соглашеніе съ султаномъ, то сербы и болгары были разбиты въ 1351 году. Черезъ пять лѣтъ Душанъ приготовился отмстить. Съ 80-тысячной арміей онъ двинулся противъ турокъ, чтобы возвратить Ѳракію, но въ сущности имѣя въ виду овладѣть Византіей. Онъ велъ за собою 80-тысячную армію. Это былъ послѣдній его походъ. Онъ шелъ на столицу имперіи, какъ „царь Ромеевъ".

Внутреннія преобразованія.

Тогда сербское государство приняло греческую внѣшность. Дворъ царя, окружившаго себя всей пышностью Востока, былъ устроенъ по византійскому образцу. Византія какъ бы переселилась въ Печь. Явилось много сановниковъ, о которыхъ славяне прежде не имѣли понятія. Теперь непривычно для сербскаго уха звучали разные деспоты, кесари, протосевесты, протонотаріи, протовестіаріи и новыя названія чиновъ, вмѣсто прежняго боярскаго, какъ то: логофетъ, кефаліе и т. п. Удѣльной системы уже не существовало. Царство было раздѣлено на намѣстничества, въ которыхъ сидѣли деспоты и кесари, назначенные государемъ. Вокругъ царя были теперь опытные служилые люди, составлявшіе его совѣтъ вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ: они, хотя были приглашаемы самимъ царемъ, но постоянно вѣдая дѣла, пріобрѣли въ глазахъ Душана такой авторитетъ, что въ сущности ограничивали его власть, оказывая на него постоянное вліяніе. Къ тому же царь, вмѣсто того чтобы совершенно подавить самостоятельность властелей, на что онъ имѣлъ надлежащую силу, оставлялъ наслѣдственно за своими служилыми людьми помѣстья (по бащинному праву) или предоставлялъ имѣнія многимъ изъ нихъ (1) во временное пользованіе (на правахъ византійской проніи). Поселенцы жившіе на земляхъ бащины, должны были уплачивать государству только „сокь" за землю и обязаны были воинской повинностью; затѣмъ они были въ полной зависимости отъ господъ, которые избавлялись вмѣстѣ съ церквами и монастырями отъ всякихъ „работь, малыхъ и великихь". Законодательство рѣшительно поддерживало интересы землевладѣльцевъ въ ущербъ народной массѣ. Это было вполнѣ понятно. Византія тогда оказывала огромное вліяніе на соціальное и духовное положеніе Сербіи, правительство усвоило много греческой иноземщины,

(1) О проніи изсл. проф. Васильевскаго въ Ж. М. Н. П. 1889.

а самые законы составлялись на земскихъ соборахъ, гдѣ руководящую роль играли тѣ же властели и служилые люди.

Законникъ 1349 г.; соціальный строй и Судъ.

Знаменитый „Законникъ“ Стефана Душана составленъ былъ въ 1349 году на земскомъ соборѣ въ томъ же Скоплѣ, гдѣ шла ранѣе рѣчь о вѣнчаніи царя (1). Эта редакція состояла изъ 136 статей, которыя были въ промежутокъ времени до 1354 года постепенно дополняемы; за это время прибавилось еще до 70 статей (2). Сохранившіяся рукописи содержатъ неодинаковое число статей—отъ 130 до 192. Дѣло въ томъ, что царь до самой смерти дополнялъ Законникъ разными хрисовулами, простагмами и „повелями“. Въ количественномъ отношеніи, въ смыслѣ изданія всякихъ указовъ, дѣятельность Душана или точнѣе его совѣтниковъ была обширна, но новаго она внесла мало въ юридическую жизнь Сербіи. Мы уже говорили объ основахъ соціальнаго строя Сербіи, санктированныхъ Законникомъ. По отношенію къ „себрамъ“, мелкимъ независимымъ собственникамъ, встрѣчается мало статей, но всѣ онѣ категорическаго характера. „Себрова събора да нѣсть“ гласитъ законъ, принизившій этотъ классъ и лишившій всѣхъ этихъ людей политическихъ правъ; если же найдется, такой собиратель,—то да отрѣжутъ ему уши и выжгутъ рѣсницы (3). Вслѣдствіе развитія бащиннаго владѣнія мелкая собственность ослабѣвала, число себровъ уменьшалось и они селились на бащинахъ, обращаясь въ полукрѣпостныхъ меропховъ, подчиняясь суду и волѣ господаря. Они платили за владѣльца всѣ государственныя и земскія повинности, работали на него барщину и прокармливали свои семьи только усиленнымъ трудомъ, истощавшимъ ихъ силы. Хотя законъ ограждалъ меропховъ отъ насилій помѣщиковъ, но уже одно помѣщеніе этихъ статей показываетъ тяжелое положеніе на-

(1) Всѣхъ списковъ 17; изъ нихъ древнѣйшій и лучшій (XIV ст. изъ 103 статей) принадлежалъ В. И. Григоровичу и теперь долженъ находиться въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

(2) Долго полагали, что Законникъ составленъ на соборахъ 1349 и 1354 г. Этого мнѣнія держится между прочимъ Зигель (Зак. Ст. Душ. стр. 45 — 57, 62). Новѣйшій изслѣдователь Т. Флоринскій (Памятники; 270—275) отвергаетъ соборъ 1354 г. и доказываетъ сводъ редакціи путемъ послѣдовательныхъ дополненій въ формѣ приказовъ, «повели».

(3) Законникъ, ст. 68 (Зигель, стр. 43).

селенія подъ византійскимъ вліяніемъ. Старая славянская свобода труда и идея соціальнаго равенства уступали мѣсто противоположнымъ началамъ. Господарь долженъ былъ довольствоваться тѣмъ трудомъ меропховъ, который опредѣленъ въ законѣ, т. е. двумя днями работы:—и „что уработаетъ меропхъ, то все пріобрѣтаетъ, а иного сверхъ закона ничего у него да не отнимется“ ([1]).

На дѣлѣ эти требованія закона не исполнялись, а меропхи обращались въ „отроковъ“, т. е. крѣпостныхъ ([2]). Личная свобода меропховъ была ограничена. Они лишены были права свободнаго передвиженія. Люди, ушедшіе самовольно съ другихъ общинъ, не только не находили нигдѣ пріюта, но подвергались клейменію и вырыванію ноздрей. Этимъ крестьяне прикрѣплялись землѣ. Мудрый царь, какъ называли современники Душана, былъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостнаго права. И отроковъ (крѣпостные), которыхъ кто имѣетъ, гласитъ 44 ст., пусть держитъ ихъ въ бащинѣ; „если только дастъ свободу властель или жена его или сынъ, тогда они свободны, а иначе никакъ“ ([3]). Только въ приданое они не могли быть отдаваемы. Всякій могъ судиться у царя (на дворь царевь), кромѣ „отрока властеоскога“, т. е. кромѣ крѣпостнаго. Личность потеряла равноправность. Наказаніе денежное и пеня были налагаемы смотря по происхожденію. По уложенію о наказаніяхъ личность себра поставлена ниже человѣческаго достоинства властеля. Убійца властеля подвергался отсѣченію рукъ, а властель, убившій простолюдина, платилъ только 1000 пернеровъ. За оскорбленіе себра властель отписывался сотнею монетъ, а оскорбленіе властеля наказывалось вырываніемъ ноздрей ([4]). Кары отличаются безпощадной суровостью древнѣйшей поры; за то уничтожено было право

([1]) **Законникъ, ст. 67 (ibid.).**

([2]) **О нихъ говорится въ 44 и 66 ст. Законника. Они, кажется, соединялись въ одну массу съ меропхами: «Отроци и меропси, кои сѣде, заедино у единомь сѣлѣ, въсака плакıа (плату) кои приходи, да плакıаю въси заедно на людіи». (Зигель, стр. 40).**

([3]) **Ст. 44; Зигель, стр. 30.**

([4]) **Излишне оптимистическій взглядъ А. Майкова (стр. 258) на Законникъ не подтверждается данными. Авторъ старается смягчить неравномѣрность наказаній желаніемъ законодателя возстановить честь всего сословія.**

кровной и родовой мести. За поджогъ и чеканку фальшивой монеты полагалось сожженіе.

Регулируя прежній порядокъ, Законникъ обращаетъ особое вниманіе на судоустройство и судопроизводство. То и другое было по возможности упрощено. Суды имѣли одну инстанцію; аппеляціонныхъ трибуналовъ не существовало; въ крайнихъ случаяхъ осужденные обращались за помилованіемъ къ патріарху и царю, при чемъ патріаршій и царевъ дворъ служили мѣстомъ убѣжища. Мелкія спорныя дѣла рѣшались по старинѣ въ селахъ—княземъ, въ городахъ—судьей, кефаліемъ, а иногда и самимъ царемъ, который лично творилъ судъ на войнѣ, если находился при войскѣ, а если его не было, воиновъ судилъ воевода. Впрочемъ тяжущіеся по доброй волѣ могли разбираться у присяжныхъ, что имѣло значеніе третейскаго суда. Подсудимые всегда могли имѣть повѣренныхъ и вызывать свидѣтелей, объ удобствахъ которыхъ Законникъ имѣлъ особое попеченіе. Такъ властели вызывались особыми грамотами и только до обѣда; жена не вызывалась въ отсутствіе мужа; изъ среды семьи шелъ кто хотѣлъ; съ себрами не стѣснялись.

Судъ производился устно и отличался устраненіемъ всякой волокиты. Значеніе имѣло только первое показаніе. Документальныя доказательства пріобрѣли существенное значеніе. Въ крайнихъ случаяхъ допускался судъ Божій путемъ испытанія кипяткомъ и желѣзомъ, во вкусѣ и съ обстановкой древнегерманскихъ ордалій; то было не столько наслѣдіе языческой поры, сколько вліяніе Запада. Поединокъ допускался между ратными людьми; къ раскаленному желѣзу прибѣгали при обвиненіи въ воровствѣ и разбоѣ; кипяткомъ испытывали только себровъ. Впрочемъ пытки, какъ понудительное средство, не допускались. Личное задержаніе примѣнялось ко всѣмъ сословіямъ (емство), но властели могли допускать вмѣсто себя заложниковъ.

Вообще Законникъ не былъ какимъ либо новшествомъ для сербовъ. Онъ упрочивалъ только то въ политической, общественной и правовой области, что̀ жизнь давала и вырабатывала. Таковымъ же характеромъ одинаково отличались и другіе законодательные памятники Душана и его времени. Царь выдалъ около 80 хрисовуловъ (грамотъ) на сербскомъ и на греческомъ языкахъ (послѣднія для македонскихъ подданныхъ и аѳонскихъ монастырей). Всѣ предшествовавшіе крали, взя-

тые вмѣстѣ, не выдали столько грамотъ сколько одинъ Душанъ (1), помимо простагмъ и „повелей", т. е. указовъ. Очень много грамотъ погибло. Къ тому же времени относятся юридическіе труды Матвѣя Властаря, писанные въ Сербіи по гречески, преимущественно по каноническому праву, а именно: перечень должностей Великой Церкви, извлеченіе изъ Номоканона Іоанна Постника, канонъ патріарха Никифора и другіе (2). Тогда же сталъ дѣйствовать въ Сербіи: „Законъ благовѣрнаго царя Юстиніана". Это византійско-сербская компиляція, или точнѣе сокращеніе кодекса Юстиніана и позднѣйшихъ законовъ византійскихъ императоровъ. „Законъ" предшествуетъ всегда тексту „Законника" вмѣстѣ съ „Синтагмой Властаря", которая служила предметомъ заимствованія; главнымъ образомъ въ этотъ сборникъ вошли законы иконоборческихъ императоровъ, напр. *Νόμος γεωργικός* и др.

Двоевластіе въ Сербіи.

Въ законодательныхъ памятникахъ, частію писанныхъ по-гречески, сказалась вся сила вліянія Византіи на Сербію. Когда въ 1355 году Душанъ шелъ на Царьградъ, то — разсказываетъ греческій историкъ—онъ „провозгласилъ себя базилевсомъ Ромеевъ и варварскій образъ жизни перемѣнилъ на обычаи ромеевъ, торжественно возложивъ на себя тіару и всѣ особенныя одежды, усвоенныя этому высокому сану; ими (царь сербскій) пользуется до сихъ поръ. И предоставилъ онъ сыну своему управлять по сербскимъ законамъ страною отъ Іоническаго залива и рѣки Истра до города Скопля, опредѣливъ границею его владѣній величайшую рѣку Аксій (Вардаръ); себѣ же взялъ греческія земли и города до христопольскихъ проходовъ, для управленія ими по установленіямъ и обычаямъ Ромеевъ" (3). Такимъ образомъ поборникъ единства и автократіи самъ установилъ двоевластіе и

---

(1) Хрисовулы издали: Карано-Твртковиђ (Бѣлгр. 1840), Миклошичъ (Mon. Serbica, V. 1858), Флоринскій (Аѳонскіе акты. Пет. 1880) и въ приложеніяхъ къ Памятникамъ Миклошича и Мюллера (Acta graeca medii aevi; 5 vls.). Гласникъ српскаго ученаго друштва (кн. 11, 13, 15, 26, 27, 32, 41).

(2) Подробнѣе другихъ говоритъ о трудахъ Матвѣя Властаря Т. Флоринскій (Законодательные памятники; 293—447).

(3) N. Gregoras; XV, 1. Цитата приведена у Флоринскаго. Южные славяне; II, 106. Памятники; 9.

самъ ограничивалъ себя, причемъ проводилъ пагубную систему чужеземнаго влiянiя, а именно византизма съ его отрицательными сторонами.

Конечно отраднымъ явленiемъ было влiянiе образованности, литературы, искусства Византiи на сербовъ, которые постепенно подготовлялись къ тому. Къ сожалѣнiю, нашествiе турокъ устранило распространенiе образованности въ Сербiи и лучшiя намѣренiя Стефана, который ради успѣховъ духовнаго развитiя, готовъ былъ жертвовать нацiональными интересами, содѣйствуя распространенiю греческаго языка и издавая даже многiе законы по-гречески. Подобно Петру Великому, походившему на сербскаго царя внушительно величавой внѣшностью, Душанъ въ заимствованiи иноземщины переходилъ не разъ должныя границы.

Походъ на Царьградъ былъ послѣднимъ предпрiятiемъ этого замѣчательнаго государя. Онъ велъ огромную армiю и считалъ возможнымъ покончить съ Восточно-Римской имперiей. Событiя доказали, что онъ слишкомъ увлекся въ своихъ соображенiяхъ. Имперiя была еще достаточно сильна, чтобы оказать энергичное сопротивленiе сербскимъ полчищамъ. Она успѣвала въ то же время отбиваться отъ турокъ. Но несомнѣнно, что внезапная смерть царя во время похода спасла имперiю отъ роковыхъ испытанiй.

Значенiе Душана. Этотъ энергичный дѣятель, — одушевленный самыми грандiозными планами, часто заблуждавшiйся въ удобствѣ и пользѣ ихъ для народа, не умѣвшiй соразмѣрять свои силы съ намѣренiями, — если и уступалъ Стефану Неманю въ историческомъ значенiи для Сербiи, то во всякомъ случаѣ только одинъ могъ удержать свою страну отъ турецкаго погрома. Часто укоряютъ Душана за то, что онъ погубилъ своими обширными предпрiятiями, своею неумѣстною грекоманiей дѣло, которое было завѣщано основателями сербскаго царства (1). Но надо помнить, что первый Немань жилъ и дѣйствовалъ при другихъ обстоятельствахъ; въ туркахъ онъ не имѣлъ сильныхъ и ожесточенныхъ враговъ. Душанъ считалъ себя преемникомъ византiйскихъ императоровъ. Онъ полагалъ, соединивъ свои силы съ силами имперiи, стать оплотомъ противъ

(1) Ягичъ и В. В. Качановскiй (Слав. Сб. III, 103) признаютъ превосходство историческаго значенiя Стефана Немани для Сербiи.

утвержденія мусульманъ на полуостровѣ. Этимъ объясняются его войны съ Византіей.

Послѣ его смерти сербы изъ враговъ имперіи становятся ея друзьями, образуя изъ себя стѣну противъ мусульманъ и принимая на себя ожесточенные удары турокъ. Если бы не живое участіе сербовъ въ борьбѣ съ турками, участіе, стоившее имъ потери политической самостоятельности на 500 лѣтъ, то кресты Византіи склонились бы передъ луною столѣтіемъ раньше.

Стефанъ Урошъ IV (1355-67 г.).

Судьба Сербіи свершилась вскорѣ послѣ смерти Душана. Его сынъ, Стефанъ Урошъ IV не имѣлъ и тѣни способностей отца. Его не признавали намѣстники и властели; онъ былъ государемъ только по имени. Намѣстникъ Акарнаніи и Этоліи, Симеонъ, младшій сынъ Душана, возсталъ противъ брата, думая лишить его престола. Это не удалось. Симеонъ удалился въ свое намѣстничество. Его попытка прошла безнаказанно, но онъ у себя правилъ совершенно самовластно. Онъ не получилъ престола и послѣ насильственной смерти своего брата. Стефанъ былъ убитъ на охотѣ однимъ изъ близкихъ ему людей, котораго онъ возвеличилъ и котораго облекъ огромною властью, давъ ему титулъ краля. Подозрѣваютъ, что убійцею былъ одинъ изъ намѣстниковъ, Вукашинъ, изъ рода Мернявчевичей, жадно стремившійся къ царскому вѣнцу. Вукашинъ, не безъ соглашенія съ братьями Углѣшомъ и Гойкою, пригласилъ молодаго царя на охоту, которая была для него послѣднею. Извѣстно только, что въ темную зимнюю ночь 2 декабря 1367 года незнакомые люди постучались у воротъ одного монастыря, находившагося въ глухой мѣстности, вблизи небольшаго села, и убѣдили игумена похоронить неизвѣстнаго человѣка, погибшаго въ горахъ на охотѣ. Когда впослѣдствіи вскрыли таинственный гробъ, то нашли въ немъ трупъ убитаго царя (¹).

Вукашинъ (1367-71 г.).

Какъ бы то ни было Вукашинъ, долго бывшій намѣстникомъ въ восточной Македоніи, куда онъ былъ посаженъ еще Душаномъ, затѣмъ полновластный правитель Сербіи въ послѣдніе годы, котораго греческіе писатели именуютъ цезаремъ Войхною, занялъ престолъ Неманей по пресѣченіи династіи. Выхо-

(¹) А. С. Будиловичъ. Слав. Сборникъ; I, 293.

децъ изъ Зеты, онъ былъ пришлецомъ въ Сербіи. Подобно нашему Борису Годунову, ненавидимый другими намѣстниками и боярами, онъ вслѣдствіе преступленія продолжалъ владѣть царскою властью цѣлыхъ 4 года. Онъ былъ конечно въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и долженъ былъ проявлять особенную энергію, чтобы удержать престолъ въ своемъ домѣ и передать не менѣе честолюбивымъ братьямъ. Это ему не удалось, хотя два брата его управляли при немъ Болгаріею и греческими областями. Нашлись другіе честолюбцы изъ сильныхъ бояръ, которые сумѣли захватить вѣнецъ Неманей. Вукашинъ не могъ привлечь симпатій народа, который смотрѣлъ на него не какъ на царя, а какъ на разбойника и оставался ему чуждъ. Вукашинъ правилъ въ самое тяжелое время для Сербіи. Ему пришлось, какъ бы въ возмездіе со совершенное злодѣяніе, пережить ужасныя испытанія. Казалось все ополчилось противъ Макбета Сербіи, который, подобно герою Шотландіи, однако не думалъ склоняться передъ рокомъ.

Появленіе турокъ въ Европѣ.

Туркмены, орда Османа изъ 400 семействъ, на рубежѣ XIV вѣка, спустились съ горъ въ равнины Виѳиніи. Османъ и Орханъ послѣдовательно овладѣли городами Анатоліи, представлявшими выгодныя стратегическія позиціи, какъ Никомедіею, Друссою, Никеею. Соорудивъ руками грековъ морскія небольшія суда, турки, посадивъ греческихъ плѣнниковъ въ гребцы, стали дѣлать наѣзды на византійскіе берега. Черезъ полстолѣтіе они были уже хозяевами на балканскомъ полуостровѣ, а овладѣвъ Галлиполи, они стали твердою ногою въ Европѣ. Въ 1371 году турки овладѣли Адріанополемъ, гдѣ уже были неодолимы.

Тогда они стали особенно опасны для существованія Сербіи и сопредѣльныхъ странъ. Великолѣпно дисциплинированныя войска султана представляли изъ себя страшныхъ противниковъ сербамъ. Турецкіе отряды врывались въ удѣльныя владѣнія Вукашина еще ранѣе, чѣмъ онъ сталъ сербскимъ царемъ. Таковымъ же нападеніямъ подвергались братья Углѣшъ и Гойко.

Битва на Марицѣ въ 1371 г.

Послѣ занятія Адріанополя, въ четвертый годъ своего правленія, Вукашинъ вмѣстѣ съ братьями, съ 80-тысячнымъ войскомъ рѣшился оттѣснить турокъ изъ долины Марицы. Передовой пятитысячный отрядъ турокъ долженъ былъ отсту-

пить. Сербы горячо преслѣдовали турокъ. Они были уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Адріанополя. По славянскому обычаю и по собственной нерадивости, не оставивъ аванпостовъ, сербское воинство въ темную осеннюю ночь крѣпко заснуло въ лагерѣ. Пользуясь мракомъ, во время сильной бури, подкрались турки и стали рѣзать спавшихъ сербовъ. Тѣ въ ужасѣ кидались другъ на друга. Это было въ ночь на 7 сентября 1371 года. Отъ сербской арміи не осталось ничего кромѣ труповъ, а кто не былъ убитъ, тотъ утонулъ въ волнахъ Марицы (¹). Самъ краль погибъ во время бѣгства, по преданію убитый своимъ слугой.

Онъ палъ искупительной жертвой за убійство Уроша. Онъ самъ призвалъ турокъ на свои пограничныя земли. Теперь натискъ воинственныхъ и дисциплинированныхъ турецкихъ полчищъ былъ неодолимъ. Наслѣдникъ Вукашина, его сынъ Марко, не по заслугамъ воспѣтый въ былинахъ, оказался безсильнымъ. Его власть (1371—74 г.) не признавали.

Лазарь Гребляновичъ (1374-89 г.).

Силу турецкаго ятагана суждено было испытать послѣднему независимому сербскому царю, захватившему престолъ послѣ сверженія Марко Кралевича. Лазарь I принадлежалъ къ знатному боярскому роду Гребляновичей. Тогда династія Неманичей перестала существовать. Лазарь былъ избранъ на соборѣ въ Печѣ въ 1374 году. Сербскіе лѣтописцы (²), съ цѣлью почтить память царя Лазаря и узаконить его власть, выводятъ связь его съ Неманичами по женской линіи, такъ какъ мать его была дочерью Милутина, а равно по родству жены, происходившей будто отъ Вукана, брата Стефана Первовѣнчаннаго. Тѣмъ не менѣе прочіе бояре были недовольны захватомъ царской власти и не расположены были оказывать царю энергичную поддержку, чѣмъ можно объяснить какъ ослабленіе царства такъ и позднѣйшія неудачи Лазаря въ роковой борьбѣ съ турками.

Стефанъ Твърдко въ Боснѣ.

Лазарь видѣлъ начавшееся распаденіе сербской земли. Въ Боснѣ одинъ изъ Котроманичей, Стефанъ Твърдко, захва-

(¹) Такъ заключаетъ А. С. Будиловичъ (Слав. Сборникъ; I, 295), на основаніи свидѣтельствъ, помѣщенныхъ въ Гласникѣ српскаго дружства (XXVII, 276; XXVIII, 369; XXXV, 222).

(²) Arkiv za povj. jugosl. III, 14.

тивъ власть, провозгласилъ себя „кралемъ сербскимъ и босанскимъ" въ 1376 году. Считая себя безопаснымъ отъ Лазаря, занятаго войною съ турками, онъ, подчинивъ Зету, гдѣ правилъ Балшичъ, направился на Хорватію. Черезъ четыре года онъ провозгласилъ себя „королемъ хорватскимъ и далматинскимъ". Но уже при его преемникѣ, Стефанѣ Остоѣ, всѣ эти мимолетные успѣхи исчезли и венгерцы снова подчинили себѣ Боснію.

Битва на Коссовомъ полѣ въ 1389 г.

Между тѣмъ турки, которыхъ привлекъ на себя еще Вукашинъ, разлились по Сербіи. Обладая превосходной военной организаціей и добродѣтелями молодаго, еще неиспорченнаго народа, одушевленные фанатизмомъ, воины Османа были неодолимы. Народный сербскій эпосъ, оплакивая эту несчастную войну, въ которой сербы съ героическими усиліями пытались отстоять свою независимость, вращается главнымъ образомъ на подробностяхъ битвы на Коссовомъ полѣ и мало останавливается на началѣ борьбы. Турки численностью войскъ превосходили въ пять разъ силы Лазаря, который едва успѣлъ выставить 60 тысячъ воиновъ. Весь героизмъ Лазаря оказался безцѣльнымъ. Еще въ 1386 году турки взяли Нишъ, и Лазарь обязался платить дань. Султанъ достигъ своей завѣтной цѣли; живая стѣна, ограждавшая Византію съ Сѣвера, была пробита. Но храбрый царь не довольствовался положеніемъ данника. Въ 1386 году онъ, не сообразивъ всѣхъ условій своего положенія, вступилъ въ союзъ съ Стефаномъ Тврьдко, королемъ боснійскимъ, и вмѣстѣ съ Юріемъ Кастріотомъ, властителемъ Албаніи, возсталъ противъ турокъ. Тогда султаномъ былъ Мурадъ I, одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ вождей, которыми богата была исторія Турціи въ прежніе вѣка. Мурадъ былъ озлобленъ измѣною своего данника; онъ уже смотрѣлъ теперь на сербовъ какъ на мятежниковъ. Отвсюду устремились турки на Сербію, въ которой, въ виду предстоящей опасности, однако не совсѣмъ прекратились раздоры, ибо Марко Кралевичъ подговаривалъ султана противъ своей родины. Впрочемъ сербы даже за предѣлами царства спѣшили въ эту роковую минуту принять участіе въ защитѣ родной земли. Какъ теперь, въ наши дни, всѣ сербы, и независимые и покоренные, стремятся принять участіе въ чествованіи пятивѣковой годовщины великаго побоища, не смотря на всяческіе запреты, налагаемые австрійскими и вен-

герскими властями,—такъ ровно 500 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ іюня 1389 года, всѣ сербы жили общими возвышенными упованіями, однѣми и тѣми же патріотическими мечтами.

Недалеко отъ города Приштины, тамъ, гдѣ воды направляющіяся въ Адріатическое море отдѣляются отъ притоковъ Дуная, тянется довольно ровная возвышенность въ 70 верстъ длиною и 10 верстъ шириной; по окраинѣ ея извивается рѣка Ситница, а въ нее впадаетъ рѣчка Лаба. Это такъ называемое Коссово поле. Здѣсь 15 іюня 1389 года въ 6 часовъ утра закипѣло кровавое побоище. Царь Лазарь причастилъ наканунѣ своихъ воиновъ. Турки, къ которымъ Мурадъ обратился съ возбуждающею рѣчью, съ свойственнымъ имъ фатализмомъ, рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ отступить. По народному преданію, увѣковѣченному въ героическихъ пѣсняхъ, царь Лазарь уже считалъ себя побѣдителемъ и совершенно неожидано проигралъ битву, только благодаря измѣнѣ Вука Бранковича, своего зятя, который съ десятитысячнымъ отрядомъ босняковъ тайно ушелъ съ поля битвы, бросивъ правое крыло. На это нѣтъ историческихъ доказательствъ и вѣрнѣе объяснить пораженіе крайнимъ неравенствомъ силъ. Сербы, у которыхъ наканунѣ царь просилъ прощенія въ грѣхахъ, дрались геройски; богатыри сербскіе гибли цѣлыми родами; Старый Юговичъ палъ вмѣстѣ съ 9 сыновьями; этого не перенесла старуха—мать. Турки протѣснились до самого царя. Покрытый 16 ранами, Лазарь былъ взятъ въ плѣнъ. Въ это время побѣдители узнали, что самъ султанъ смертельно раненъ. Одинъ изъ отважныхъ сербскихъ юнаковъ, другой зять царя Лазаря, Милошъ Обиличъ (Кобыличъ) пробрался до самого султана, выдавая себя за перебѣжчика. Воспользовавшись выгоднымъ моментомъ, онъ пронзилъ кинжаломъ султана. Тѣлохранители бросились на юнака и едва могли овладѣть имъ, а броня дѣлала его неуязвимымъ. Онъ изрубилъ много турокъ прежде чѣмъ палъ подъ ихъ ударами. Смерть султана еще болѣе ожесточила побѣдителей. Теперь трудно было остановить ихъ отъ истребленія остатковъ сербскаго воинства, которое или было перебито или разсѣялось въ паническомъ страхѣ.

Плѣненнаго Лазаря привели къ ставкѣ султана. Умирающій Мурадъ, около котораго находился его сынъ Баязетъ, пожелалъ его видѣть. Онъ не могъ скрыть своего негодованія передъ униженнымъ и истекающимъ кровью „измѣнни-

комъ", какъ онъ называлъ царя. Мурадъ имѣлъ еще силы приказать замучить Лазаря на своихъ глазахъ и черезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ.

Такъ погибъ послѣдній сербскій царь. Тамъ, гдѣ произошло роковое предсмертное свиданіе двухъ противниковъ, на одномъ изъ высокихъ холмовъ, покрывающихъ обширное Коссовское поле, эту долину смерти, обильно упитанную кровью христіанъ и невѣрныхъ, возвышается небольшое бѣлое зданіе (турбе), увѣнчанное плоскимъ куполомъ (¹). Оно

(¹) Гильфердингъ въ Путешествіи по Старой Сербіи (Соч. III, 198 и сл.) говоритъ слѣдующее: «Налѣво отъ Приштины и впереди этого города разстилается пространное поле, называемое Широкимъ. Чрезъ это поле, часахъ въ $1^1/_2$ отъ Приштины, протекаетъ рѣчка. За Ситницею, налѣво, видѣнъ небольшой горный хребетъ, Голешъ: сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичъ. Мы ѣхали около часу, когда стали попадаться по дорогѣ надгробные камни мусульманскіе съ высѣченными на нихъ чалмами, и простые могилы и камни, обозначающіе, вѣроятно, мѣста гдѣ похоронены христіане. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на небольшой холмъ, могилъ было больше и больше. На вершинѣ холма выстроенъ маленькій каменный домикъ въ родѣ будки, окруженный пятью грушевыми деревьями; передъ домикомъ сидѣлъ дервишъ, хранитель его, имѣющій тутъ же свою избушку. Онъ открылъ намъ двери, и мы увидѣли въ домикѣ два большихъ каменныхъ гроба, одинъ чрезвычайно длинный (4 аршина и 3 вершка) и довольно высокій, другой пониже и поменьше, оба изъ бѣлаго камня. Большой гробъ принадлежитъ, разсказали мнѣ мои проводники, Гази-Синану, визирю Мурадова войска, исполину ростомъ и силою; въ меньшемъ похороненъ его слуга. Оба они пали подъ рукою Милоша Обилича, когда онъ, пронзивъ Султана, вырвался изъ рукъ турокъ, хотѣвшихъ его схватить, и съ двумя своими товарищами отбивался отъ цѣлаго войска, которое за нимъ гналось и его окружало. «Да, страшный былъ человѣкъ этотъ Милошъ, говорилъ дервишъ: не только Гази-Синана и его оруженосца убилъ онъ, вотъ всѣ эти могилы кругомъ—это все турки, которыхъ *погубилъ* Милошъ. Онъ стоялъ на верху холма, вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ построена теперь *текія* (надгробный памятникъ), среди цѣлаго войска, и разилъ вокругъ себя всякаго, кто подступалъ къ нему». Дѣйствительно, весь холмъ кругомъ домика, покрывающаго гробъ Синанъ-паши, усѣянъ могильными камнями и плитами; ихъ здѣсь тысячи. И все это, по преданію, могилы не только православныхъ, но самихъ турокъ, павшихъ отъ руки Милоша. Такимъ представляетъ себѣ народъ Милоша. Не даромъ черногорцы избрали его ликъ, какъ символъ храбрости. Милошъ совершенно затмилъ собою, въ глазахъ народа, личность князя Лазаря. Лазарь памятенъ православнымъ сербамъ какъ святой, а не какъ воинъ; мусульмане же почти забыли его имя.

скрываетъ въ деревянномъ гробу, обитомъ красною шелковою матеріей, сердце могущественнаго султана, положившаго здѣсь основанія мусульманскаго владычества на Балканахъ. Мощи мученика Лазаря, пострадавшаго за дѣло, которое въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній стало дѣломъ не только сербовъ и славянъ, но всей христіанской Европы, покоятся въ Раваницѣ, въ Сремѣ (въ южной Венгріи), въ ненавистной и чужой сторонѣ, на Фрушской горѣ. Церковь сербская, которой много послужилъ Душанъ, сопричла его къ лику святыхъ. Онъ посвятилъ себя служенію высшимъ, а не земнымъ интересамъ. Въ одной изъ коссовскихъ пѣсенъ повѣствуется какъ пророкъ Илія не задолго до роковой битвы явился во снѣ царю и спросилъ его: какое царство онъ больше любитъ—земное или небесное? если онъ болѣе цѣнитъ первое, то сербы побѣдятъ невѣрныхъ; если же онъ предпочитаетъ второе, то въ этой жизни не насладится счастіемъ побѣды, за то сопричтется къ жизни вѣчной. Лазарь отвѣтилъ, что онъ предпочитаетъ царство небесное и готовъ принять смерть, отрекаясь отъ жизни. Такъ и случилось.

После Коссовской битвы Сербія утратила свою независимость. Она была недовольна прежде платежами дани, **Подчиненіе Сербіи.**

Это боевое кладбище называется Мазгитомъ, по имени близъ лежащей деревни. Тутъ, очевидно, была самая жаркая битва».

«Мы поѣхали далѣе, и поворотили съ большой дороги на лѣво. Мы вскорѣ спустились въ небольшое углубленіе, поросшее кустарникомъ, и увидѣли памятникъ знаменитаго завоевателя, Османова внука, султана Мурада. Памятникъ этотъ — небольшое четвероугольное зданіе изъ бѣлаго камня съ плоскимъ куполомъ, однимъ словомъ, мечеть въ маломъ видѣ и безъ минарета. Подлѣ — жилое строеніе для дервишей и посѣтителей; кругомъ небольшой садъ, обильный подсолнечниками. Тутъ, говорятъ, находился станъ турецкій а памятникъ или *текія*, какъ называютъ его Сербы, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла султанская палатка, подъ которою султанъ принялъ мнимаго перебѣжчика Милоша и былъ имъ убитъ. Въ *текіи* помѣщенъ кенотафъ, огромный деревянный гробъ подъ краснымъ шелковымъ покровомъ, съ вышитыми на немъ бѣлымъ шелкомъ стихами Корана. У верхняго конца гроба водружена, на толстой палкѣ, гигантская чалма, смотанная изъ шерстяной матеріи. По обоимъ концамъ гроба стоятъ по два высокихъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Надъ гробомъ повѣшена бронзовая люстра вѣнскаго издѣлія. На стѣнахъ *текіи* начертаны арабскія надписи».

а теперь подчинилась безусловно власти Баязета, который, желая проявить великодушіе, поставилъ своимъ намѣстникомъ сына Лазаря, Стефана, правившаго до 1427 года (греческіе историки называютъ его „деспотомъ"), но подъ тремя условіями: давать вспомогательное войско въ количествѣ 30 тысячъ сербовъ, платить дань въ 20 тысячъ золотыхъ ежегодно и прислать въ гаремъ сестру или дочь свою. Стефанъ отдалъ сестру Милеву. Султаны теперь посылали въ Сербію сборщиковъ дани, каждыя 5 лѣтъ набирали мальчиковъ цѣлыми сотнями, которыхъ обращали въ мусульманство, подготовляя ихъ для военной службы, разрывая всякія узы ихъ съ семьей и родиной. Сестры и дочери сербскихъ ставленниковъ и властелей по первому слову султановъ впредь доставлялись въ ихъ гаремы. Здѣсь онѣ становились особенно вліятельными и дѣлались матерями будущихъ повелителей Турціи и Востока. Послѣдовало физіологическое смѣшеніе расъ, весьма выгодное для прочности турецкой власти. Сербскій языкъ сталъ необходимъ при дворѣ султановъ, еще задолго до покоренія Византіи, а вмѣстѣ съ языкомъ проявилось нѣкоторое вліяніе побѣжденныхъ въ духовномъ отношеніи, хотя основныя качества типа Османлисовъ, обусловленныя расой и религіею, остались неприкосновенными.

Всякія попытки сербкихъ сподручниковъ освободиться отъ турецкой власти не удавались. Въ великой борьбѣ за первенство на Востокѣ, сербы стояли на сторонѣ султановъ.

Битва при Никополѣ (въ 1399 г.).

Когда сербское царство пало передъ напоромъ турокъ, то король венгерскій Сигизмундъ считалъ своимъ долгомъ вступиться за болгаръ. Это основывалось на географическомъ положеніи Венгріи, которая, составляя какъ бы авангардъ Европы, подвергалась всегда первая нападенію со стороны турокъ. Баязедъ съ презрѣніемъ отнесся къ такому ходатайству; позабавившись надъ послами Сигизмунда, онъ отослалъ ихъ обратно. Скоро отдѣльные отряды турокъ перешли Дунай. Король венгерскій Сигизмундъ и императоръ Людвигъ были въ страхѣ. Баязедъ грозилъ накормить своего коня въ столицѣ гяуровъ на престолѣ св. Петра. Между государями Европы составился обширный, но нестрашный для Баязеда замыселъ, а именно крестовый походъ противъ турокъ. Этотъ крестовый походъ сдѣлался вопросомъ первой важности для католическаго міра. Крестоносцы постепенно

приближались къ Венгріи и составили двѣ арміи: одна въ 100.000, другая въ 60.000. Въ послѣдней было очень много французовъ, подъ предводительствомъ бургундскаго принца Іоанна Безстрашнаго, которому пришлось играть важную роль при безумномъ Карлѣ VI. Главнымъ предводителемъ армій былъ Сигизмундъ венгерскій. Христіане перешли Дунай и тотчасъ осадили турецкій гарнизонъ въ Никополѣ. Баязедъ поспѣшилъ на помощь къ осажденнымъ и такъ скрытно, что христіане узнали о его приближеніи только тогда, когда онъ былъ отъ нихъ на разстояніи одного перехода, т. е. въ 20 верстахъ. Въ битвѣ подъ Никополемъ въ 1396 году сошлись мусульмане со смѣшаннымъ западнымъ рыцарскимъ войскомъ. Едва лишь христіане успѣли приготовиться, какъ началась битва (1). Несмотря на отчаянную храбрость, христіанское рыцарство было разбито на голову. Напрасно штирійцы и баварцы защищались отъ нападенія янычаръ и даже сбили и смяли ихъ. Баязедъ въ концѣ концовъ побѣдилъ христіанъ сербскими руками. Такимъ образомъ сербы, покоренные султаномъ поневолѣ, подъ страхомъ турецкихъ копій, принуждены были сражаться за султана. Сигизмундъ и Іоаннъ бургундскій спаслись въ лодкѣ по Дунаю, проплывши все теченіе его до гирлъ, гдѣ крейсировали венеціанская и мальтійская эскадры. Въ этой великой битвѣ погибло 60.000 турокъ и не менѣе христіанъ. 10 тысячъ плѣнныхъ христіанъ были перерѣзаны на глазахъ султана и по его приказанію; только по просьбѣ военачальниковъ и своего сына онъ прекратилъ рѣзню, отобравъ болѣе красивыхъ христіанскихъ юношей для себя и своихъ пашей. Свою долю ($^1/_5$ часть всѣхъ оставшихся въ живыхъ христіанъ и 24 рыцаря) плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ графъ Неверскій, султанъ отослалъ въ Галлиполи, откуда ихъ потомъ выкупилъ Карлъ VI слишкомъ за 2 милліона ливровъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ одинъ баварскій рыцарь (Шильднергеръ), который испыталъ и видѣлъ многое въ жизни и оставилъ интересное описаніе своего плѣна (2).

---

(1) Для исторіи Турціи можно указать, кромѣ обширныхъ трудовъ Гаммера и Цинкейзена, въ русской литературѣ популярное компилятивное сочиненіе Чемерзина: «Турція, ея могущество и распаденіе» (т. I, Спб. 1878).

(2) Кромѣ того мы имѣемъ свѣдѣнія о тогдашнемъ Востокѣ отъ испанца Гонзалесъ де Клавиго, который былъ посломъ кастильскаго короля Генриха II при дворѣ Тимура.

Въ свое время Никопольская битва произвела страшное впечатлѣніе на христіанскій міръ. Гордость и самовластіе султана не знали границъ: онъ приказалъ греческому императору съ его войскомъ взять Филадельфію, причемъ христіане лѣзли на стѣны и рѣзали другъ друга въ удовольствіе турокъ. Владѣнія султана Мурада I простирались съ одной стороны до Дуная, Штиріи и Адріатическаго моря, съ другой—до Евфрата и Карса. Упоенный успѣхами своего оружія и торжествомъ надъ христіанами, Баязедъ вдругъ услышалъ о прибытии посла Тимуръ-Ленка ([1]).

Тимуръ-Ленкъ и его царство († 1405 г.). Тимуръ-ленкъ или Тамерланъ, потомокъ Чингисъ-хана по женской линіи, родился (въ 1336 г.) по преданію съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ и съ бѣлыми какъ у старца волосами. Отецъ его былъ мелкимъ среднеазіатскимъ властителемъ, а наводившій на народы трепетъ, Тимуръ, благодаря хитрости и жестокости, соединилъ къ началу XV вѣка въ своихъ рукахъ 27 народовъ и между прочимъ среднюю Азію, Персію и Индію, которую покорилъ въ одинъ походъ въ 1399 году. Предѣлы его царства простирались отъ Каспія до Манджуріи, отъ Бенгальскаго залива до Средиземнаго моря. Испагань, Багдадъ, Дамаскъ носили слѣды страшнаго посѣщенія Тимуровыхъ полчищъ. Въ Персіи, въ воспоминаніе о своемъ нашествіи, Тамерланъ по пути устроилъ пирамиды изъ десятковъ тысячъ человѣческихъ череповъ; отъ Багдада и Дамаска, этихъ цвѣтущихъ городовъ, которые были складочнымъ мѣстомъ шелковыхъ матерій и другихъ роскошныхъ произведеній Востока, остался одинъ только пепелъ и груды разрушенныхъ зданій. Тѣ народы, на которыхъ онъ шелъ войной, добровольно готовились подставить ему голову, не думая о сопротивленіи. Жестокость Тимура была удивительна даже для среднеазіатскихъ властителей. Ни изверженіе вулкана, ни чума не могутъ оставить послѣ себя такихъ слѣдовъ, какіе оставались на мѣстахъ, гдѣ проходили монголы Тимура. Разоривъ Багдадъ за возстаніе, онъ, истребивъ все населеніе, велѣлъ сложить пирамиду изъ 70 тысячъ человѣческихъ череповъ. Все, что не погибло отъ меча, было утоплено въ волнахъ Тигра. Ему доставляло особенное

([1]) Кромѣ цитованныхъ сочиненій Цинкейзена и Гаммера, можно указать на старую монографію по арабскимъ источникамъ—Dubec de Mortemer (Lyon, 1602). См. соч. Грановскаго I, 331—343.— Гиббонъ слишкомъ восторженно относится къ Тамерлану.

удовольствіемъ мучить даже своихъ единовѣрцевъ. При всей жестокости, въ характерѣ Тимура однако замѣтна была своего рода кротость. Такъ, при разрушеніи города Алеппо, онъ велъ ученую бесѣду съ плѣннымъ муфтіемъ; во время разговора онъ замѣтилъ: „при взятіи города пало много моихъ и вашихъ воиновъ; которые изъ нихъ будутъ достойны рая?“ На этотъ щекотливый вопросъ муфтій уклончиво отвѣтилъ: „только тѣ, которые пали съ вѣрою въ Бога, получатъ блаженство“. Такая находчивость спасла муфтія отъ гибели.

Въ то время, когда Баязедъ отослалъ отъ себя монгольскихъ пословъ, прибывшихъ къ нему отъ Тамерлана съ гордымъ вызовомъ на бой, „великій ханъ“ находился въ Карабахской области, соприкасавшейся съ окрестностями нынѣшняго Карса, который принадлежалъ туркамъ и первый подвергнулся нападенію монголовъ. Карсъ палъ взятый штурмомъ. Отсюда онъ двинулся съ полчищами къ предѣламъ Евфрата. Взявъ Севасте (Сивашъ), Тимуръ велѣлъ похоронить заживо 4000 армянъ, храбро защищавшихъ городъ, замучилъ Эртогрула, сына султана, потомъ поворотилъ на западъ и остановился у Ангоры, занявшись осадою этого города. Здѣсь и должно было произойти столкновеніе двухъ великихъ владыкъ. Тамерланъ заранѣе старался взволновать татарское населеніе въ турецкихъ владѣніяхъ, собственно тѣ элементы, которые были родственны съ монголами. Чрезъ лазутчиковъ, благодаря которымъ онъ узнавалъ не только то, что дѣлается въ сосѣднихъ государствахъ Азіи, но даже въ христіанскихъ странахъ,—онъ имѣлъ свѣдѣнія о средствахъ противника. Такимъ образомъ Тамерланъ дѣйствовалъ навѣрное, чѣмъ и объясняется его успѣхъ. Къ тому же Тамерланъ безспорно выдавался какъ замѣчательный полководецъ; онъ первый раздѣлилъ армію на полки, одѣтые въ однообразную форму, снабдилъ латами конницу, ввелъ нѣчто въ родѣ штаба; въ его войскѣ были искусные инженеры, которые во время Тамерлана пріобрѣли замѣчательную извѣстность. Баязедъ могъ выставить по храбрости армію несравненно лучшую, чѣмъ Тамерланъ, но въ его войскѣ не было той организаціи, тѣхъ вождей, какими обладала армія Тимура.

Ангорская битва 20 іюля въ 1402 году.

Въ кровопролитной битвѣ близъ Ангоры, гдѣ сражалось полмилліона воиновъ съ обѣихъ сторонъ, турецкое войско было разбито на голову, несмотря на геройскую храбрость сербовъ, сражавшихся подъ начальствомъ сына св. Лазаря,

зятя султана; самъ Баязедъ взятъ былъ въ плѣнъ; это случилось черезъ 6 лѣтъ послѣ Никопольской битвы, въ 1402 году. Одинъ очевидецъ записалъ величественную сцену свиданія послѣ битвы двухъ владыкъ Востока, изъ которыхъ одинъ былъ полновластнымъ побѣдителемъ, а другой обращенъ въ ничтожество. Баязетъ предсталъ передъ Тамерланомъ. При свиданіи Тимуръ сочувственными словами привѣтствовалъ своего врага: „Великій Аллахъ, говорилъ онъ, даровалъ полміра мнѣ хромцу, и полміра тебѣ хворому; да будетъ благословенно имя его“. До конца жизни Тамерланъ, будто бы, оказывалъ расположеніе своему плѣннику и только послѣ неудавшейся попытки къ бѣгству со стороны Баязеда, велѣлъ сковывать его золочеными цѣпями по ночамъ, но раньше никогда не оскорблялъ своего плѣнника. Послѣ Ангорской битвы вся Малая Азія подпала подъ власть Тамерлана, который еще раньше покорилъ Кипчакскую орду и поставилъ надъ Русью Тохтамыша. Когда послѣдній захотѣлъ сбросить съ себя власть монголовъ, то Тимуръ (въ 1395 г.) сдѣлалъ одинъ походъ на Московское государство; но на половинѣ пути, дойдя до Ельца и взявъ этотъ городъ, остановился, чѣмъ и была спасена Россія отъ его нашествія. Во всякомъ случаѣ, власть его чрезъ Кипчакскую орду простиралась и на Русь. Сынъ Баязеда, Сулейманъ, который успѣлъ выйти живымъ изъ Ангорской битвы, невольно долженъ былъ подчиниться Тамерлану. Теперь Тимуръ не зналъ противниковъ. Но безграничное царство его, ничѣмъ не сплоченное, просуществовало не болѣе трехъ лѣтъ послѣ разгрома турецкаго султана. Когда завоеватель умеръ въ Самаркандѣ, во время приготовленій къ походу на Индію, то немедленно всѣ народы, имъ покоренные, отдѣлились одинъ отъ другаго. Воспоминаніемъ о страшномъ человѣкѣ, этомъ бичѣ народовъ, оставались долго пирамиды череповъ, а теперь только гигантская могила въ Самаркандѣ, увѣнчанная куполомъ, напоминаетъ о завоевателѣ, которому тѣсно было въ этомъ мірѣ и который не оставилъ ничего на память о себѣ кромѣ разрушенія.

Уничтоженіе Сербіи.

Сербскій сподручникъ во время великой восточной борьбы остался вѣренъ своему султану, съ которымъ соединяли его узы родства. Извѣстно что въ ангорской битвѣ участвовало 40 тысячъ сербовъ. Но это не облегчило положенія несчастной страны. Туркофильство св. Стефана ни къ чему не привело. Черезъ 20 лѣтъ послѣ ангорской битвы Мурадъ II. сынъ Баязета и сербской княжны Милевы, осадивъ Царь-

градъ и взявъ съ императора дань, бросился на Венгрію, думая черезъ нее проникнуть на соблазнительный Западъ. Спутавшись въ своихъ политическихъ разсчетахъ, Стефанъ не выдержалъ и сталъ помогать венграмъ. Этимъ онъ только повредилъ своему народу. Его преемникъ, Юрій Бранковичъ, прежній намѣстникъ западной Македоніи, былъ послѣднимъ номинальнымъ властителемъ Сербіи. Вскорѣ послѣ его смерти султанъ Мурадъ II сдѣлалъ Сербію своимъ пашалыкомъ, т. е. провинціею. Это было въ 1459 году.

Опытъ ничтожныхъ сербскихъ ставленниковъ долженъ былъ убѣдить южныхъ славянъ, что они не могутъ разсчитывать на поддержку западныхъ государей. Но этому не внимали сербы Холма и Босны. Холмскій воевода Стефанъ Вукчичъ въ 1448 году испросилъ у Римскаго императора титулъ „херцега“ (т. е. герцога), почему его земля стала съ тѣхъ поръ называться Герцоговиной. Страна эта была уже на половину потурчена, такъ какъ населявшіе ее богомилы приняли мусульманство и стали злѣйшими врагами и притѣснителями христіанъ, болѣе ненавистными „райямъ“, чѣмъ сами турки. Въ 1483 году Холмъ и Боснія совершенно подчинились султанамъ. Венгерцы были безсильны защитить Босну. Она пала подъ ударами турокъ въ 1463 году. Король Босны, Стефанъ Домичъ былъ разбитъ турками, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Босна сдѣлалась также турецкимъ пашалыкомъ. Герцоговина.

Теперь Сербія лишилась своей самостоятельности. Только въ отдаленномъ углу славянской земли, въ старой Зетѣ, въ отрогахъ Балканъ, въ горной глуши, часть храбрѣйшихъ сербовъ отстояла свою независимость [1]. То была Черная гора. Въ Зетѣ, послѣ гибели Балшичей, владѣтелями съ XV вѣка были Црновичи. Здѣсь, въ неприступныхъ ущельяхъ и горахъ, гдѣ каждая тропинка была хорошо знакома туземному ребенку и въ тоже время недоступна изъ страха гибели храбрѣйшимъ воинамъ,—собрались тѣ эмигранты и патріоты, всѣ тѣ сербы, которые не хотѣли склониться подъ турецкое ярмо. Здѣсь въ слѣдующіе вѣка складывались всѣ элементы, могущіе повести къ освобожденію южныхъ славянъ. Впрочемъ высоко поучительная исторія маленькой Черногоріи и ея умныхъ дѣловитыхъ государей, у которыхъ дѣло не расходилось съ словомъ, всецѣло относится къ новому времени. Черногорія.

(1) Милаковић. Исторія Црне горе, Задр. 1856.

7) Паденіе схоластики и развитіе поэзіи въ XIV вѣкѣ въ Италіи. Петрарка и Боккачіо. Признаки Возрожденія. Кентерберійскіе разсказы.

XIV вѣкъ въ духовной сферѣ былъ временемъ въ такой же степени переходнымъ, какъ и въ области политической. Онъ не представилъ собою явленій на столько самостоятельныхъ и типичныхъ, какими были труды Ѳомы Аквинскаго въ схоластикѣ и великое произведеніе Данте, — это цѣлостное и высоко художественное отраженіе средневѣковаго міра. Прежніе идеалы, созданные наслоеніями девяти вѣковъ исторической жизни, уже поколебались, а новаго пока не создавалось. Это наблюдается и въ схоластической философіи и въ поэзіи. Схоластика, сомнѣвавшаяся въ силѣ своихъ доводовъ, рѣшительно раздѣляетъ сферы разума и вѣры, отдавая преимущество наблюденію надъ умозрѣніемъ; поэзія, становясь лирическою, предпочитаетъ воспѣвать личное чувство, скептически относясь въ общемъ къ идеаламъ и къ вѣрованіямъ прошлаго. И схоластика и поэзія въ одинаковой степени отрицаютъ незыблемость средневѣковаго основнаго представленія о преобладаніи церковнаго авторитета надъ свѣтскимъ и довольно рѣшительно становятся на сторону послѣдняго.

Новые взгляды на богословіе. Высшее развитіе тѣхъ или другихъ историческихъ явленій всегда совпадаетъ съ началомъ ихъ паденія. Этотъ законъ съ полнымъ основаніемъ можно примѣнить и къ области духовной жизни. Въ „Богословіи“ Ѳомы схоластика достигла своего всесторонняго и полнаго развитія. Дальнѣйшее движеніе ея могло направляться только по наклонной плоскости. Она постепенно проявляетъ отрицаніе самой себя, подрывая силу тѣхъ началъ, которыя обусловили ее существованіе. Схоластики сознавали, что философія находится въ служебномъ отношеніи къ богословію. Ѳома особенно горячо отстаивалъ незыблемость этого положенія, которое составляло основу средневѣковаго воззрѣнія и точку научныхъ отправленій.

Онъ полагалъ, что вѣра убѣдительнѣе для человѣка, чѣмъ разумъ, ибо она внушаетъ сознаніе въ томъ, что для разума непостижимо. Богословіе, по его мнѣнію, даетъ истины еще болѣе достовѣрныя, чѣмъ философія, опирающаяся на кичливыя соображенія человѣческаго ума. Это зависитъ во

первыхъ оттого, что богословіе опирается на авторитетъ божества, а во вторыхъ, оттого, что методъ ея изслѣдованія напоминаетъ процессъ божественнаго познанія; какъ Богъ сперва познаетъ себя, а потомъ все матеріальное,— такъ и богословіе начинаетъ съ познаванія божественныхъ свойствъ, а потомъ переходитъ къ опредѣленію отношенія вещей къ Богу.

Теперь, въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, англичанинъ Дунсъ Скоттъ заявляетъ совершенно убѣжденно, что у богословія одинъ методъ, а у философіи другой, что богословіе даже не есть наука, такъ какъ въ основѣ его лежитъ вѣра, не поддающаяся изслѣдованію, и такъ какъ истинное для богослова можетъ не подтвердиться научными соображеніями. Эта плодотворная мысль не привилась сразу, не дала непосредственныхъ результатовъ, но въ ней лежитъ начало новой философіи и новой науки. Теперь могло выясниться положеніе вещей. Этотъ смѣлый францисканецъ въ молодые годы занимался математикой и только послѣ сталъ изучать философію, сдѣлавшись профессоромъ въ Оксфордѣ, Парижѣ и Кельнѣ. Онъ писалъ очень много. Его сочиненія обнимаютъ 12 массивныхъ печатныхъ фоліантовъ, хотя онъ умеръ ранѣе 40-лѣтняго возраста (¹). Изъ многочисленныхъ трудовъ его можно извлечь рядъ новыхъ мыслей. Опредѣляя прямыя задачи богословія, считая его наукой практической, данной въ руководство нашему спасенію, Дунсъ положилъ начало разложенію схоластики. Вѣра явилась актомъ свободной воли, а созерцаніе божества стало не чѣмъ либо обязательно присущимъ человѣку, а проявленіемъ стремленія человѣка къ наслажденію. Въ этомъ смыслѣ справедливо сужденіе Швеглера объ историческомъ значеніи Дунса Скотта. „Разумность догмата, единство вѣры и знанія были подразумѣваемымъ основнымъ предположеніемъ схоластики; но это предположеніе падало, почва для разсудочной схоластической метафизики совершенно исчезала, какъ только стали смотрѣть вмѣстѣ съ Дунсомъ Скоттомъ на задачу богословія съ точки зрѣнія практической. Съ раздѣленіемъ практическаго и теоретическаго направленія и еще болѣе съ раздѣленіемъ мышленія и бытія въ номинализмѣ (а Дунсъ придерживался номинализма), философія отдѣлилась отъ богословія, знаніе отъ вѣры, наука

Дунсъ Скоттъ († 1308 г.).

(¹) Opera omnia. Lyon. 1639, 12 f. Монографіи: Ferchi (1622, Bol.), Guzman (1671, Madr.), Baumgarten-Crusius (Prop. de theologia Scoti, Iena, 1826).

стала выше вѣры и авторитета, а религіозное сознаніе порвало связь съ догматомъ, который держался только на одномъ преданіи (¹)“.

Все это признаки новаго времени, знаменующіе наступленіе перелома въ воззрѣніяхъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ должно было повести къ развитію самостоятельной философіи съ одной стороны и къ реформѣ Церкви съ другой.

Дунсъ Скоттъ смѣло констатировалъ свободу человѣческой воли, проводя параллель ея съ свободой Бога, Который по собственному произволенію сотворилъ изъ ничего міръ видимый и невидимый, потомъ вочеловѣчился въ Словѣ, пострадалъ, умеръ на крестѣ и воскресъ. Изъ всѣхъ истинъ вѣры можно при помощи философіи доказать, полагаетъ Дунсъ, только бытіе Бога; все остальное воспринимается одною вѣрою. Нельзя отрицать нѣкоторую аналогію съ будущимъ протестантскимъ ученіемъ въ толкованіяхъ Скотта, а признаніе свободной воли, окрыляя мысль, давало широкій просторъ дѣятельности человѣка.

Вильгельмъ Оккамъ († 1347 г.). Его ученикъ Вильгельмъ Оккамъ, профессоръ въ Парижѣ, произвелъ реформу въ номинализмѣ. Дѣло въ томъ, что чистый безусловный номинализмъ въ послѣднее время отошелъ въ область преданія. Явился смягченный номинализмъ, нѣчто среднее между реализмомъ и номинализмомъ прежняго направленія. Общее не существуетъ отвлеченно; оно есть продуктъ мысли, реальность же оно имѣетъ въ самыхъ вещахъ, отъ которыхъ не было бы отвлечено, если бы въ нихъ не содержалось. Это измышленіе послѣднихъ схоластиковъ, относящееся къ половинѣ XIV вѣка, выражалось формулой — universalia in re. Въ сущности это было отрицаніе схоластики, которая всегда стремилась увѣрить, что все составляющее предметъ логическихъ доказательствъ и силлогизмовъ существуетъ въ дѣйствительности. Затронувъ вѣрность этого положенія и, поколебавъ его авторитетность, схоластика перестала имѣть какой либо смыслъ и потеряла право на существованіе, какъ методъ и какъ наука.

Въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ Вильгельмъ Оккамъ. Онъ развилъ новый номинализмъ въ такомъ направленіи, что примѣненіе этого ученія къ богословскимъ вопросамъ устра-

(¹) А. Швеглеръ. Исторія философіи, пер. Юркевича (М. 1864); I, 163.

няло возможность объясненія основныхъ догматовъ, которые становились объектомъ вѣры. Бытіе Бога по этимъ формуламъ не можетъ быть доказано и, будучи предметомъ вѣры, не подлежитъ философскому познаванію. Знаніе получается только путемъ эмпирическаго наблюденія, только оно представляетъ интересъ для философа, отрѣшающагося теперь отъ богословія.

Мистика въ Германіи. Эккартъ († 1327 г.).

Все это дышало чѣмъ-то новымъ въ царствѣ мысли, все это подрывало вѣрованія и разрушало прежніе идеалы. Усилившееся стремленіе къ мистикѣ, носившей поэтическій характеръ, также было отраженіемъ возраставшаго торжества духа и наступавшаго отвращенія къ схоластикѣ. Мистики жили сердцемъ; схоластики искусственными хитросплетеніями мысли. Мистики полагали постичь Божество въ непосредственномъ духовномъ созерцаніи, въ сліяніи сердца съ Божествомъ, при чемъ вовсе обязательно не требовались внѣшнія дѣла благочестія, которыя могли служить приготовленіемъ къ соединенію съ Богомъ, но не имѣли цѣны сами по себѣ (¹). Какъ извѣстно, это ученіе доминиканца Эккарта, уроженца Страсбурга, современное первой половинѣ XIV вѣка, было формулировано съ бо̀льшей опредѣленностью Лютеромъ. Проповѣдь „сліянія съ Богомъ“, логическаго развитія которой не могъ допустить католицизмъ, не даромъ ожесточила правящую Церковь, преслѣдовавшую этого монаха даже до могилы. Онъ умеръ на пути въ Авиньонъ, куда онъ шелъ чтобы оправдаться предъ куріей въ обвиненіяхъ, которыя на него были взведены. Надо прибавить, что обаяніе Эккарта, котораго называли божественнымъ учителемъ, было тѣмъ сильнѣе, что онъ проповѣдывалъ бо̀льшею частью на нѣмецкомъ языкѣ.

Благодаря этому, мистицизмъ упрочился съ невѣроятною быстротою на берегахъ Рейна отъ Кельна до Базеля. Пантеистическихъ умозрѣній Эккарта толпа не понимала, но все что было сердечнаго и назидательнаго, что было преисполнено любви, прививалось къ массѣ, тѣмъ скорѣе что Эккартъ касался и соціальнаго строя, возбуждая желаніе улучшенія быта угнетенныхъ и обездоленныхъ поселянъ.

(¹) Jundt. Hist. du panthéisme populaire au moyen-âge.

Таулеръ († 1361 г.).

Его ученикъ Таулеръ (1290 — 1361 г.) дѣйствовалъ въ томъ же духѣ еще съ большимъ успѣхомъ. Онъ старался сдѣлать изъ богословія кодексъ нравственнаго ученія, дабы имъ исправлять заблудшихъ и смутившихся. Главнымъ мотивомъ его проповѣдей была нищета Спасителя, которой слѣдуетъ подражать. Въ „Страданіяхъ Іисуса Христа“ онъ доказываетъ что истинная мудрость постигается не въ школахъ, не въ книгахъ и трактатахъ, а въ Евангеліи, при изученіи искупительнаго подвига Богочеловѣка. Эта идея породила ученіе объ экстазѣ въ трудахъ Генриха Сузо (т. е. „Сладкаго“) и Іоанна Рейсбрука († 1381 г.) изъ Брюсселя.

Ѳома Кемпійскій (1380-1471 г.).

Наибольшею извѣстностью, упроченною рядомъ слѣдующихъ вѣковъ, пользовался нѣмецкій мистикъ XV столѣтія Ѳома Гамеркенъ изъ Кемпена (1380—1471 г.), котораго прославило „Подраженіе Христу“, — послѣ Библіи популярнѣйшая книга на закатѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время для милліоновъ христіанъ. Монахъ Цвольскаго монастыря, долго работавшій прежде надъ перепиской рукописей, онъ сразу прославился своимъ знаменитымъ твореніемъ, первое изданіе котораго было напечатано въ 1470 году въ Аугсбургѣ, а слѣдомъ за нимъ въ теченіе 30 лѣтъ появилось 70 изданій. Съ XVI же вѣка до настоящаго времени вышло въ подлинникѣ и въ переводахъ 10 тысячъ изданій — нѣсколько десятковъ милліоновъ экземпляровъ [1].

Въ этой книгѣ излились всѣ помышленія и назиданія мистиковъ. Жизнь Спасителя—это великое поученіе для христіанъ. Все, помимо любви къ Богу и служенія Ему Единому, —есть vanitas vanitatum.—„Презирая міръ“, взирать на царство небесное—вотъ въ чемъ состоитъ верховная мудрость.... Суета гоняться за почестями и подниматся на высоту. Суета желать долгой жизни, а о доброй жизни мало имѣть попеченія.... Суета возлюбить, что скоро проходитъ и не спѣшить туда, гдѣ пребываетъ вѣчная радость. Попекись же отвлечь

---

(1) Лучшее новѣйшее изд. Hirsche—Imitation de Iesus Christ, Reproduction en facsimile du manuscrit autographe (L. 1879). Издатель доказалъ, что Ѳома истинный авторъ знаменитой книги, тогда какъ прежде онъ считался только переписчикомъ анонимнаго оригинала, относящагося по однимъ къ 1441 г., по другимъ можетъ быть къ XIII вѣку. Превосходный русскій переводъ съ латинскаго по вновь открытой рукописи сдѣланъ К. П. Побѣдоносцевымъ (Спб. 2 изд. 1880).

сердце свое отъ любви къ видимому, ибо кто повинуется своимъ чувственнымъ желаніямъ, тотъ оскверняетъ совѣсть и теряетъ благодать Божію".—Конечно, назиданія Ѳомы Кемпійскаго не имѣютъ исключительно средневѣковаго характера.

Всѣ послѣдователи мистицизма именовали себя „друзьями Божіими". Они разбились на множество кружковъ, имѣвшихъ практическія цѣли. Главными очагами мистицизма были Страсбургъ и Кельнъ. Долго дѣло друзей Божіихъ страдало недостаткомъ организаціи и отсутствіемъ солидарности между отдѣльными обществами. Съ возникновеніемъ въ Голландіи „Братства Общежитія" въ концѣ XIV вѣка, мистики стали сплачиваться. Это братство обязано своей организаціей энергичному и самоотверженному утрехтскому канонику Гергарду ванъ-Гроту (1340—84 г.), который отказался отъ большей части богатствъ отца, нажитыхъ торговлей, принялъ священство и на оставшіяся небольшія средства, при дальнѣйшемъ содѣйствіи аббата Флоренція Радевинса, основалъ въ Девонтерѣ, своемъ родномъ городѣ, мужское и женское общежитія. Это было не орденское братство, а филантропическое и просвѣтительное; оно руководилось самыми симпатичными цѣлями. Члены его хотя давали обычные обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія, но могли во всякое время выйти изъ братства. Главнымъ дѣломъ этихъ братчиковъ и сестеръ было обученіе въ многочисленныхъ школахъ и переписка рукописей. И то и другое принесло большую пользу распространенію просвѣщенія въ Нидерландахъ. Просвѣтительная миссія братства упредила успѣхи Возрожденія наукъ. Самъ Гротъ былъ свидѣтелемъ преуспѣянія своего полезнаго дѣла. Въ Цволлѣ была открыта братствомъ школа для бѣдныхъ мальчиковъ, въ которой превосходно обучали языкамъ родному и латинскому. По примѣру этой образцовой школы открылись училища въ сосѣднихъ городахъ съ программой болѣе широкой. Изъ этихъ-то школъ вышли славные вожди голландскаго и германскаго гуманизма: Іоаннъ Вессель и Эразмъ Роттердамскій. **Братство общежитія.**

Въ нихъ Возрожденіе и Реформація связуются съ средневѣковой мистикой внутреннимъ процессомъ развитія.

Въ свою очередь пантеистическая секта „братьевъ и сестеръ свободнаго духа", возставшая противъ Римской Церкви, исходившая изъ того же мистицизма, вела непосредственно **Бегарды въ Германіи.**

къ протестантизму. Заблужденія т. н. бегардовъ и бегиновъ, навѣянныя отдаленными преданіями пантеизма и метемпсихозы, придавали необычайно пестрый и отвлеченный характеръ всему ученію, лишая возможности сдѣлать изъ него что либо пригодное къ дальнѣйшему развитію [1].

Страсбургскій епископъ Іоаннъ Оксенштейнъ въ своемъ окружномъ посланіи первый обнародовалъ фактъ распространенія ереси среди духовенства, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы въ двухъ-недѣльный срокъ еретическія книги были сожжены, угрожая отлученіемъ тѣмъ, которые не отрекутся отъ ереси. При этомъ епископъ подробно изложилъ догматику и обычаи бегардовъ, которые полагали, что человѣкъ благочестивой жизни можетъ сравниться съ Христомъ и даже стать выше Его. Отрицая большую часть Таинствъ, и между прочимъ Таинство Евхаристіи, считая присутствіе Тѣла Христова во всякомъ хлѣбѣ, они не видѣли надобности въ священникахъ, полагая что священнослуженіе доступно всякому мірянину, тѣмъ болѣе что грѣшить предоставляется всякому. Обличитель увѣряетъ, что бегарды отрицаютъ Страшный Судъ, адъ, рай и чистилище, прибавляя что они опасны какъ соціальные агитаторы, ибо проповѣдуютъ, что всѣ вещи составляютъ общую собственностъ и что воровство не есть грѣхъ.

Характеръ поэзіи.

Обращаясь къ характеру и направленію поэзіи въ XIV вѣкѣ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на лирикѣ и ея выдающихся явленіяхъ, а затѣмъ на новомъ родѣ эпическихъ произведеній, повѣсти, изображающей современность, т. н. новеллѣ. Эта преобладающая по своему значенію форма литературнаго творчества имѣетъ важное историческое значеніе, являясь характернымъ знаменіемъ времени.

Въ развитіи лирики въ XIV вѣкѣ наблюдаемъ ея одновременные успѣхи на Западѣ, благодаря обаянію трубадуровъ Прованса. Послѣдніе разнесли свои пѣсни по сосѣднимъ странамъ Запада. Тогда могла появиться самостоятельная поэзія чувства въ Италіи, Франціи и Германіи. Что касается до Пиринейскаго полуострова и Англіи, то тамъ лирика носила строго національный характеръ, заимствуя сюжеты изъ на-

[1] Рукописныя, неизданные и неразработанные матеріалы для исторіи бегардовъ находятся въ Національной Парижской библіотекѣ, въ той же коллекціи Doat, которую мы цитировали, говоря объ исторіи альбигойцевъ.

родныхъ преданій. Лирика въ другихъ странахъ началась слѣдовательно тогда, когда она отцвѣтала въ Провансѣ, измѣнившись изъ сердечной cansos въ сирвенту съ обличительнымъ характеромъ.

Особенное развитіе получила лирика въ Сициліи и въ Италіи вообще. Король Сициліи, онъ же и императоръ, Фридрихъ II, былъ трубадуромъ. Петръ Винейскій оставилъ нѣсколько стихотвореній, которыя по содержанію и по выраженнымъ въ нихъ чувствамъ подходятъ къ поэзіи трубадуровъ. Органомъ итальянской поэзіи служило сицилійское нарѣчіе. Палермо въ XIII вѣкѣ стало любимымъ прибѣжищемъ трубадуровъ, жонглеровъ и фокусниковъ всякаго рода. Подъ небомъ Сициліи вкусъ къ поэзіи коренился въ глубинѣ народнаго духа. Не менѣе того поэзія стала процвѣтать въ остальной Италіи. Гвидо Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Гвиттоне изъ Ареццо заслужили похвалы самого творца Божественной Комедіи. Но ихъ стихотворенія не могутъ идти въ сравненіе съ „rime“, стихотвореніями Петрарки, хотя послужили къ нимъ переходной ступенью. Самъ Петрарка воспитался на поэзіи трубадуровъ Прованса. **Лирика въ Италіи.**

Франческо Петрарка родился въ Ареццо въ 1304 году. Его отецъ, ревностный гибеллинъ и другъ Алигіери, подобно послѣднему, былъ изгнанъ изъ Флоренціи. Въ самую ночь рожденія Франческо, партія Бѣлыхъ произвела волненіе, разсчитывая вернуться во Флоренцію. Петрарка-отецъ вмѣстѣ съ другими принималъ участіе въ экспедиціи, кончившейся неудачно. Печальный, онъ возвратился въ Ареццо къ своей семьѣ. Лишившись родины, онъ отправилъ своего подросшаго сына въ Монпелье, предназначая его къ духовному званію и предполагая, что тотъ сосредоточится на каноническомъ правѣ. Но молодой человѣкъ отдался со всѣмъ рвеніемъ изученію памятниковъ классической древности. Это повело къ важнымъ послѣдствіямъ и перемѣнамъ въ характерѣ европейской образованности. Поэтъ такъ изливаетъ свою душу по этому поводу: — „Мое прямодушіе не допускаетъ меня отдаться наукѣ, изученіе которой, при настоящей испорченности нравовъ, сдѣлалось вреднымъ. Большинство людей желаетъ знать законы для того, чтобы самимъ отъ нихъ увертываться или — научать другихъ безнаказанно нарушать ихъ. **Петрарка (1304-74 г.).**

Я чувствовалъ себя неспособнымъ къ подобнаго рода ухищреніямъ и въ то же время сознавалъ какъ трудно было дѣлать честное употребленіе изъ законовъ въ тотъ вѣкъ, когда добродѣтель и невинность служили предметомъ насмѣшекъ. Юристы обратили свое дѣло въ постыдный торгъ. Ихъ языкъ, умъ, честь, репутація, убѣжденія — все было продано (1)".

Отецъ сперва хотѣлъ силою принудить сына къ нелюбимымъ занятіямъ. Найдя у него небольшое, но драгоцѣнное собраніе классическихъ рукописей, онъ безжалостно бросилъ ихъ въ огонь, оставивъ только нѣкоторыя сочиненія Виргилія и Цицерона. — „Возьми Виргилія, сказалъ онъ сыну, для развлеченія въ рѣдкія минуты, а Цицерона въ пособіе твоимъ юридическимъ занятіямъ".—Онъ перевелъ сына въ Болонью. На 20-мъ году жизни, лишившись отца и ставъ совершенно самостоятельнымъ человѣкомъ, Франческо переселился въ Авиньонъ, куда привлекали его трубадуры, допѣвавшіе свои лебединыя пѣсни въ эти годы упадка провансальской литературы. Здѣсь вполнѣ сказались поэтическіе порывы юноши. Разъ онъ посѣтилъ Воклюзскій фонтанъ, живописная обстановка котораго произвела на него неизгладимое впечатлѣніе, послужившее источникомъ прелестныхъ поэтическихъ вдохновеній. Авиньонъ былъ тогда единственнымъ городомъ Юга, не тронутымъ разгромомъ минувшихъ альбигойскихъ войнъ. Тутъ жили папы и кардиналы; духовенство сдѣлало изъ Авиньона вертепъ разврата; но здѣсь, рядомъ съ грубостью и безнравственностью, можно было встрѣтить проявленія утонченной

(1) Лучшимъ изд. соч. Петрарки (первое въ 1496 г. въ Базелѣ, второе въ 1501 г. въ Венеціи) до сихъ поръ считается Базельское (Opera omnia, 4 f. 1554), а для его Epistolae de rebus familiaribus et variae — изд. Fracasetti и Attilio Hortis. Онъ же Hortis издалъ по поводу юбилея 500-лѣтней кончины поэта: Catalogo delle opere di Fr. Petrarca esistenti nella Petrarchesca Rossettiana di Trieste (Tr. 1874). Для «Rime» мы пользовались изданіемъ съ комментаріями G. Leopardi (Fir. 1854, 4 ed.). — Изъ огромнаго количества монографій самая ранняя составлена извѣстнымъ литературнымъ дѣятелемъ Возрожденія L. Aretino (Le vite di Dante e del Petrarca, Fir. 1672); обширный трудъ Jacques de Sade (3 vls. Amst. 1764—67) устарѣлъ. Лучшія: G. B. Baldelli (Del. Petrarca l. IV, Fir. 1797), Mezières (P. 1868, 2 ed.), De-Sanctis (Saggio critico sul Petr. Nap. 1869) L. Heiger (L. 1874), Körting (Petrarca's Leben und Werke, L. 1878). Въ русской литер. очеркъ Пинто (Ж. М. Н. П. 1867).—Много цѣннаго о Петраркѣ въ книгѣ Voigt (Die Wiederbelebung d. class. Alterthums; 2 Ausg. 1880, въ рус. пер. М. 1384; I, 23—150).

цивилизаціи. Въ образованномъ классѣ населенія былъ развитъ художественный вкусъ, какъ нигдѣ въ Европѣ. Вотъ обстоятельства, породившія блестящій талантъ Петрарки, этого царя лирическаго искусства. Суды любви были передъ глазами; красавицы выслушивали жалобы влюбленныхъ и устанавливали ихъ взаимныя права и отношенія. Молодые люди, присутствуя на этихъ зрѣлищахъ и принимая въ нихъ участіе, плѣнялись красотою дамъ и воспѣвали ихъ звучными стихами, имѣвшими цѣлью тронуть сердца красавицъ и открыть пѣвцамъ доступъ въ таинственные покои замковъ. Однажды, —это было въ страстную пятницу 1327 года—Петрарка въ церкви увидѣлъ красивую даму, француженку, которую послѣ обезсмертилъ подъ именемъ Лауры, посвятивъ ей свои чудные стансы (rime). Она была замужемъ за нѣкіимъ Гуго де-Садъ, но это не мѣшало поклоненію поэта и платоническому обожанію. Случайная встрѣча породила любовь, а это чувство дало возможность появленія перловъ всемірной поэзіи. До сихъ поръ Петрарка писалъ по-латыни; теперь искреннее чувство искало болѣе сердечныхъ звуковъ для своего выраженія непремѣнно на родномъ языкѣ. И вотъ онъ рѣшился послѣдовать примѣру Данте, разорвалъ связь съ рутиной, чтобы воспользоваться богатой родной рѣчью по крайней мѣрѣ для выраженія личнаго настроенія. Его сонеты производятъ впечатлѣніе прежде всего мелодичной звучностью стиха, уловимой лишь въ подлинникѣ. Но въ этой музыкѣ трогаетъ если не вездѣ, то въ большей части сонетовъ искреннее чувство. Отъ сердечности его стихъ кажется иногда подслащеннымъ, когда поэтъ пускается въ восторженныя похвалы и приторныя нѣжности все относительно той же неизмѣнной Лауры. Но вообще внѣшняя форма доведена до поразительнаго совершенства. Языкъ у Петрарки выработанъ тщательнѣе, чѣмъ у Данте. Никто изъ итальянцевъ такъ не владѣлъ стихомъ. Конечно содержаніе въ исторической оцѣнкѣ художественнаго произведенія должно занимать существенное мѣсто. Въ этой области у Петрарки преобладаетъ личное чувство, но есть оды, которыя имѣютъ общественное и политическое значеніе.

Сонеты.

Сперва остановимся на чисто лирическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ всякое слово было голосомъ примиренія и любви. Его сонеты и канцоны воспѣваютъ любовь, трактаты

проповѣдуютъ любовь и видятъ въ ней цѣль человѣческаго существованія и средство къ водворенію на землѣ порядка и счастья. Его „rime“ дѣлятся на нѣсколько группъ, на сонеты, написанные при жизни Лауры, послѣ ея смерти, затѣмъ Trionfo d'amore,—della castità,—della fama,—del tempo и 20 сонетовъ написанныхъ на разные случаи. Петрарка любитъ иногда щегольнуть въ сонетахъ изысканными фразами и натянутой игрой словъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы просто отдаться чувству и ни чѣмъ не стѣснять его свободное теченіе. Но за то въ малѣйшихъ подробностяхъ грація и изящество. Каждый сонетъ въ цѣломъ—это законченное художественное произведеніе. Въ каждомъ порознь приходится удивляться какъ чистотѣ рисунка, такъ и живости красокъ. Какъ обаятельно, напримѣръ, описаніе красоты Лауры: — „кто не видалъ ея очей и плѣнительно нѣжнаго взгляда, тотъ напрасно сталъ бы искать на землѣ столь стыдливой красоты“. Даже смерть безсильна измѣнить прелесть Лауры. Поэтъ обливаетъ слезами ея могилу и любитъ ея образъ, который сталъ еще свѣтлѣе и возвышеннѣе.

— „Я чувствую дуновеніе знакомаго вѣтерка; я снова взираю на сладкіе холмы, гдѣ впервые явился міру тотъ свѣтъ, который нѣкогда составлялъ радость моихъ очей, а теперь вызываетъ изъ нихъ горькія слезы. О, обманчивыя надежды, о безумныя мечты (o caduche speranze, o pensier folli!) Осиротѣла долина, помутились воды, непривѣтливо стало то мѣсто, гдѣ покоилась она, и гдѣ нынѣ я живу, но гдѣ въ былое время желалъ умереть отъ восторговъ. Я думалъ что она, проходя по долинѣ, легкою ногою коснется моей могилы; я ждалъ утѣшенія отъ милыхъ очей и думалъ что послѣ стольких страданій должна настать пора отдохновенія. Жестокому богу служилъ я: тлѣлъ и таялъ, пока свѣтъ мой горѣлъ предо мной, а теперь я плачу надъ его остывшимъ пепломъ“ (¹).

Петраркѣ представляется, что Лаура, какъ воплощеніе красоты и добродѣтели, получитъ мѣсто между блаженными душами Рая. Этотъ мотивъ послужилъ поводомъ къ тому, чтобы создать одинъ изъ удачнѣйшихъ сонетовъ (²).—Ангелы встрѣчаютъ Лауру:

(¹) S. 52. Rime, 267 (in morte di Madonna Laura).

(²) S. 74. Rime, 294 (in morte di Madonna Laura). Переводъ А. Н. Майкова самъ по себѣ прелестное художественное произведеніе.

...«Кто это? шопотомъ другъ друга вопрошали
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты?»

И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ

И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! я день и ночь на стражѣ:
Я Господа молю! молю и жду: когда же?...

Поэзія Петрарки глубоко идеальная; во всѣхъ сонетахъ не найдется ни одного образа, ни одного стиха, который могъ бы смутить самаго строгаго пуриста. Петрарка умѣлъ быть граціознымъ, сохраняя скромность. Подъ его перомъ самыя матеріальныя мысли преображаются, очищаются и принимаютъ благородныя формы, свойственныя болѣе возвышеннымъ явленіямъ нравственнаго міра.

Петрарка не ограничился воспѣваніемъ одной Лауры. Его Trionfi изображаютъ рядъ видѣній,—напр. „Торжество любви". Это разсказъ о томъ, какъ любовь возбуждаетъ въ человѣкѣ непреодолимыя желанія, торжествуетъ надъ его волей, пока цѣломудріе, являясь на помощь разсудку, въ свою очередь не одерживаетъ верхъ надъ любовью. Затѣмъ возстаетъ грозная смерть, которая, уравнявъ побѣдителей и побѣжденныхъ, одинаково торжествуетъ надъ любовью и цѣломудріемъ. Является слава и на своихъ крыльяхъ переноситъ черезъ бездну вѣковъ имена героевъ, сраженныхъ смертью, тогда какъ время спѣшитъ изгладить ихъ былую и громкую исторію, въ которую они внесены рукою славы. Наконецъ, божество, принимая души праведниковъ въ лоно вѣчности, даруетъ имъ безсмертіе, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ окончательное торжество неба надъ землею.

Поэзія Петрарки касалась и политическихъ вопросовъ. **Оды.** Поэтъ былъ всегда одушевленъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Онъ томится желаніемъ видѣть свою родину свободною, счастливою, благоустроенною; она возбуждаетъ въ немъ глубокое состраданіе. Такова его ода къ Италіи:

— „О моя Италія, хотя слава не въ силахъ залѣчить смертельныя раны, въ изобиліи покрывающія твое прекра-

сное тѣло, я тѣмъ не менѣе хочу излить мою печаль въ звукахъ достойныхъ Тибра, Арно и По, на берегахъ которыхъ я обрѣтаюсь нынѣ въ печали и глубокомъ раздумьи“.. Затѣмъ слѣдуетъ мольба къ Всевышнему, чтобы Онъ снизошелъ къ народамъ Италіи и даровалъ ей миръ. Сильные аккорды растутъ; слышны боевые звуки.—„О вы, которымъ судьба вѣрила власть надъ прекрасными странами, вы не питаете къ нимъ, кажется, ни малѣйшаго состраданія. Скажите, что творятъ здѣсь столько иноземныхъ мечей? Къ чему кровью варваровъ орошаются зеленыя пажити (намекъ на кондотьеровъ). Горько мнѣ то, что безпощадный народъ, гнетущій васъ теперь,—тотъ самый, который прежде былъ покоренъ и побитъ Маріемъ. Сжальтесь надъ слезами несчастнаго народа, который послѣ Бога на васъ однихъ возлагаетъ свои надежды. Сжальтесь и пробужденное мужество воспрянетъ и вооружится противъ иноземнаго гнѣва. И не долго будетъ длиться борьба: воинственный духъ древнихъ героевъ еще не угасъ въ итальянскихъ сердцахъ. Синьоры, смотрите какъ время летитъ! Жизнь быстро течетъ и смерть уже за плечами. Вы подумайте, что, пройдя долину жизни, вы ощутите бремя гнѣва и ненависти. Труды и усилія, что нынѣ направлены ко вреду ближняго, обратите въ нѣчто болѣе похвальное и великое. Это усладитъ вашу жизнь и откроетъ путь на небо“. — Поэтъ въ заключеніе проповѣдуетъ миръ.

Той же энергіей, полной искренней ненависти и благороднаго гнѣва, дышетъ его сонетъ, направленный противъ авиньонскаго двора. Но это было минутное чувство. Гораздо постояннѣе было въ Петраркѣ восторженное поклоненіе Риму, выразившееся въ ободреніи Ріенци, которому онъ посвятилъ оду, также какъ и Стефану Колоннѣ.

Петрарка вообще не оставался чуждъ явленіямъ политической и общественной жизни тогдашней Италіи и отзывался на всѣ живые вопросы современности, возбуждая новое направленіе въ умахъ и въ образованности. Въ Римѣ бредили тогда античными древностями, отыскивали старыя рукописи и въ литературѣ цѣнили только то, что освящено было латинскимъ языкомъ и напоминало пріемы Овидія и Виргилія. Такъ и въ произведеніяхъ Петрарки ученые и образованные люди придавали серьезное значеніе его „Африкѣ“, извѣстной въ отрывкахъ, и другимъ подобнымъ поэмамъ, которыя теперь никто не читаетъ,—а его чудные сонеты считали ничтожнымъ до-

бавленіемъ къ его литературной дѣятельности. Собственно чествованія поэта были вызваны его латинскими гекзаметрами. Въ августѣ 1340 году въ Воклюзъ прибыла изъ Рима депутація къ Петраркѣ съ приглашеніемъ явиться въ вѣчный городъ, чтобы тамъ возложить на него лавровый вѣнокъ. Въ тотъ же день было получено поэтомъ приглашеніе отъ парижскаго университета увѣнчаться въ центрѣ тогдашняго просвѣщенія. Для Петрарки одного упоминанія Рима было достаточно, чтобы устранились всякія колебанія. Но онъ не рѣшился принять награду безъ публичнаго состязанія, которое должно было состояться при дворѣ короля Роберта, считавшагося знатокомъ поэзіи (II, 747). Всѣ извѣстные ученые, итальянскіе и французскіе, съѣхались въ Неаполь. Пріемъ, сдѣланный поэту, походилъ на древне-эллинскія чествованія талантовъ на играхъ. Онъ отличался пышностью и особенной торжественностью. Самъ король выѣхалъ встрѣчать поэта и сталъ его постояннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ. Король и поэтъ вмѣстѣ посѣтили между прочимъ гробницу Виргилія по близости города и преклонили колѣна съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ. Въ свою очередь неаполитанцы дали праздникъ въ честь Петрарки, при чемъ король лично предсѣдательствовалъ. Выслушавъ богатый запасъ произведеній поэта и убѣдившись въ красотѣ и достоинствахъ его латинскихъ стиховъ, конгрессъ средневѣковыхъ литераторовъ призналъ Петрарку достойнымъ лавроваго вѣнка. Съ дипломомъ въ рукахъ отъ короля покровителя, Петрарка отправился въ Римъ, гдѣ былъ торжественно вѣнчанъ въ Капитоліи 8 апрѣля 1341 года.— „Вѣнчаю въ тебѣ перваго изъ талантовъ, сказалъ поэту сенаторъ, надѣвая на него вѣнокъ". Петрарка всталъ и продекламировалъ сонетъ, написанный во славу древнихъ римлянъ. Народъ рукоплескалъ, восклицая: „да здравствуетъ поэтъ и Капитолій!" Изъ Рима Петрарку потянуло въ горы, въ Авиньонъ, къ дамѣ сердца. По дорогѣ, въ Пармѣ, онъ закончилъ „Африку", которая составила его славу въ глазахъ современниковъ. Въ Авиньонѣ Петрарка, въ контрастъ Данте, ведетъ чисто придворную жизнь. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ итальянскихъ дѣятелей, которые ходатайствовали о возвращеніи папской куріи въ Римъ. Нуждаясь въ средствахъ, онъ выпрашивалъ у папы приходъ. Потомъ онъ вмѣшался въ круговоротъ политическихъ бурь того времени. Въ Неаполѣ онъ принялъ сторону королевы Іоанны I, которую общественное

мнѣніе обвиняло въ убійствѣ ея мужа. Петрарка вмѣстѣ съ Боккачіо написалъ особый трактатъ въ ея защиту, стараясь устранить всякія улики въ злодѣяніи. Но когда дѣло заходило о Римѣ, то въ душѣ Петрарки загорались самыя восторженныя чувства. Такъ онъ спасъ жизнь Ріенци послѣ его первой неудачи. Вообще онъ горячо сочувствовалъ трибуну и его политической реформѣ. Онъ считалъ возможнымъ создать изъ Италіи единую республику съ столицею въ Римѣ: онъ расходился съ Данте, поборникомъ гибеллинизма, только въ формѣ правленія проектируемаго государства.

Скоро Петрарку постигло разочарованіе: къ патріотической тоскѣ присоединилась душевная скорбь. Лаура умерла въ 1348 году. Жизнь Петрарки съ этой минуты исключительно посвящена печали и наукѣ. Смерть возлюбленной какъ бы усилила поэтическіе порывы; она не произвела перемѣны въ его чувствахъ къ ней. Онъ по прежнему продолжалъ любить ее. Въ уединеніи, куда Петрарка удалился оплакивать Лауру, онъ принялся писать свою исповѣдь, которой далъ названіе „Тайна". Это родъ философскаго сочиненія, имѣющаго разговорную форму. Авторъ бесѣдуетъ съ блаженнымъ Августиномъ о различныхъ свойствахъ и качествахъ любви и о вліяніи ея на человѣческое сердце. Въ послѣдніе годы Петрарка сосредоточился на классическихъ рукописяхъ и изученіи древности. Для большаго удобства онъ переселился въ Миланъ, отвергнувъ приглашенія другихъ европейскихъ государей, которые положительно надоѣдали ему своею навязчивостью.

Классицизмъ Петрарки. Тогда онъ явился проводникомъ новаго направленія въ литературѣ и міровоззрѣніи вообще. Онъ обратилъ свои взоры къ отдаленному прошлому и посвятилъ себя отысканію памятниковъ классической древности, переселившись духовно въ міръ древнихъ грековъ и римлянъ. Виргилій и Цицеронъ плѣнили его сперва формой, а потомъ онъ невольно сталъ сыномъ другаго міра. „Красота ритмическихъ формъ и мелодичность классической латыни, говоритъ историкъ классицизма, очаровывали его тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе прислушивалось къ нимъ его ухо и чѣмъ усерднѣе старался онъ подражать имъ. Уже это первое соприкосновеніе съ древностью подѣйствовало такъ сильно, что восторгъ совершенно оковалъ его; словно какая-то духовная сила влекла его все далѣе и

далѣе до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ вполнѣ съ своими возвышеннѣйшими чувствами и стремленіями въ этотъ новый міръ и, влекомый сотнями чаръ въ его область, не сдѣлался мечтательнымъ поклонникомъ его величія. Читая своего Ливія, поэтъ мысленно жилъ въ общеніи съ Фабіями, Метеллами и Сципіонами, забывая тѣ бѣдственныя времена, въ которыя какая-то злополучная звѣзда перенесла его рожденіе. Онъ былъ убѣжденъ, что и до пришествія Христа было множество людей, выдающихся своимъ умомъ и добродѣтелями, но что умъ и добродѣтель выродились въ его время. Это явленіе было для него безспорно; онъ думалъ только о томъ, какъ его объяснить. То, что онъ воспринялъ отъ древнихъ, въ его глазахъ было, по крайней мѣрѣ, одинаковаго достоинства съ тѣмъ, что самостоятельно создавалъ его умъ; онъ даже часто не могъ отдѣлить одно отъ другаго (me nihil novum, nihil fere meum dicere, immo vero nihil alienum, замѣчаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ). Петрарка чувствовалъ, что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, онъ обязанъ древности, и легко смѣшивалъ такимъ образомъ величіе древности съ своимъ высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться мечтателемъ или безумцемъ, если бы его не освѣжало сильное сознаніе самого себя и не поддерживало его связи съ современниками. Такимъ образомъ съ одушевленіемъ, но въ то же время и съ разумной энергіею, повелъ онъ дѣло, которое казалось ему достойнѣйшей задачею его жизни, именно возрожденіе умершей и похороненной древности (¹)".

Онъ былъ счастливъ отыскать во время своихъ странствій нѣсколько затерянныхъ сочиненій Цицерона. Изучивъ ихъ, онъ наткнулся на Варрона, узналъ объ Энніи, Теренціи и др. Міръ великихъ покойниковъ все болѣе и болѣе расширялся; идеи обогащались. Прежде знали только четыре книги Тита Ливія; у Петрарки было 29 книгъ. Произведенія Квинтиліана, Катулла и Проперція и многія другія рукописи были открыты имъ для ученыхъ и для образованности (²).

Вражда къ схоластикѣ и аверроистамъ.

Преклоняясь передъ классическою древностью, высказывая при каждомъ случаѣ восторженное сочувствіе къ міру, въ которомъ жили греки и римляне, Петрарка не переста-

(¹) Фойгтъ. Возрожденіе класс. древности, пер. Рассадина; I, 37—38.

(²) Подробное перечисленіе латинскихъ и греческихъ классическихъ памятниковъ извѣстныхъ Петраркѣ, дѣлаетъ Körting. Petrarca's Leben, 481.

валъ быть католикомъ. Но его религіозныя убѣжденія не походили на вѣрованія массы. Онъ былъ заклятымъ врагомъ схоластики и признавалъ христіанское ученіе только въ книгахъ Новаго Завѣта, въ сочиненіяхъ Іеронима, Лактанція и Августина. Творенія же схоластиковъ онъ игнорировалъ, порицая при каждомъ случаѣ вредное вліяніе „болтливыхъ и никуда негодныхъ магистровъ". Онъ скептически относился къ святымъ, къ мощамъ, къ чудесамъ, видѣніямъ. Это впрочемъ ему не помѣшало быть апологетомъ христіанства и страстнымъ противникомъ такъ называемыхъ аверроистовъ, тогдашнихъ матеріалистовъ и скептиковъ, отрицавшихъ въ своихъ кружкахъ Бога и загробную жизнь, проповѣдывавшихъ чувственность и эпикуреизмъ. Петрарка знавалъ ихъ въ Венеціи, гдѣ проживалъ въ послѣдніе годы. Тамъ во главѣ нѣсколькихъ свободномыслящихъ молодыхъ вельможъ, любившихъ пожить, стоялъ магистръ Гвидо де-Баньоло, уроженецъ Реджіо, придворный врачъ кипрскаго короля. Противъ него и другихъ вольнодумцевъ, этихъ проповѣдниковъ „тайной мудрости", возсталъ Петрарка со всею силою убѣжденія и таланта. Онъ находилъ ихъ ученіе вреднымъ не потому только, что оно еретическое, а потому что оно идетъ въ разрѣзъ съ преданіями классической мудрости. Аверроисты издѣвались надъ Сократомъ, Пиѳагоромъ, Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ и Сенекой; одно это вызывало негодованіе Петрарки и страстную ненависть. А когда одинъ изъ „новыхъ философовъ", придя къ поэту, выразился, что Авероэсъ выше апостола Павла и Августина, этихъ „невѣжественныхъ пустомелей", то Петрарка, возмущенный такимъ цинизмомъ, схватилъ еретика за платье и вытолкалъ за дверь. Поэтъ впрочемъ преувеличиваетъ значеніе аверроизма, увѣряя что эти „бѣшеныя собаки, изрыгающія хулу на Христа и на католичество, кишатъ повсюду, подобно кучѣ муравьевъ". Въ дѣйствительности ихъ было тогда очень немного, такъ какъ кромѣ Петрарки никто о нихъ не говоритъ. Плоды ихъ отрицанія сказались лишь въ слѣдующемъ XV столѣтіи, когда безвѣріе, оффиціально покровительствуемое, стало модою въ Италіи.

Собственно борьба съ аверроистами, не смотря на все вліяніе языческой литературы, удержала Петрарку на твердой почвѣ христіанства и, чѣмъ болѣе онъ раздражался въ этой борьбѣ, тѣмъ болѣе цѣнилъ католицизмъ.— „Чѣмъ бо-

лѣе я слушаю рѣчи противъ вѣры во Христа, тѣмъ горячѣе люблю я Христа,—сознается Петрарка—, и тѣмъ тверже я укрѣпляюсь въ Христовой вѣрѣ... Богохульство еретиковъ обращаетъ меня, вѣрующаго во Христа, въ самаго пылкаго христіанина. Вѣдь хотя древніе язычники и разсказываютъ много басенъ про божественныя дѣла, однако не богохульствуютъ, потому что не знаютъ истиннаго Бога и никогда не слыхали имени Христа". Все это важно какъ доказательство того положенія, что Возрожденіе классической древности не обусловливало само по себѣ вражды къ христіанству.

Изученіе древности сдѣлало изъ Петрарки стоика и поборника служенія активной добродѣтели.

— „Направляй свой умъ къ дѣламъ. Въ словахъ — тщеславное хвастовство, многотрудная борьба и пустой звукъ; въ дѣлахъ—спокойствіе, добродѣтель и счастіе". Таковы слова Петрарки, обращенныя къ Цицерону, котораго поэтъ, при всей любви къ знаменитому римлянину, укоряетъ за то, что у него слова расходятся съ дѣломъ. — „Что толку говорить великолѣпныя фразы о добродѣтели, когда слова несходятся съ дѣломъ?" Петрарка всегда сознавалъ, что и онъ лично заслуживаетъ такого же укора, въ виду непослѣдовательности въ поступкахъ, которую онъ часто проявлялъ.

— „На сколько краснорѣчіе дороже самой жизни, говоритъ онъ, для всѣхъ насъ вращающихся въ пыли литературной палестры, на столько усерднѣе мы стремимся къ славѣ, чѣмъ къ добродѣтели (¹)".

Подъ конецъ жизни Петрарка пріобрѣлъ славу міроваго авторитета. Его вліяніе и популярность можно сравнить съ обаяніемъ Вольтера. Его слово имѣло въ глазахъ всѣхъ могущественное значеніе. Куда бы онъ ни являлся, его встрѣчали какъ вѣнчаннаго государя, окружали царскими почестями, приготовляя на общественный счетъ помѣщенія, обильно украшенныя и убранныя золотомъ, серебромъ, пурпуромъ. При жизни Петрарки, граждане Ареццо признали общественнымъ достояніемъ домъ, гдѣ онъ родился; старцы, окруженные внуками, приходили издалека на поклоненіе къ нему, считая за счастіе поцѣловать его руку. Венеціанскій сенатъ декретомъ (отъ 4 сентября 1362 г.) объявилъ, что на памяти людей нѣтъ и не было между христіанами ни одного философа

(¹) De ignorantia. Цитата у Фойгта; I, 92.

и поэта, который былъ бы ему равенъ (¹). Со всѣхъ концовъ Европы онъ получалъ почтительныя посланія, въ которыхъ юристы говорили, что они забыли своего Юстиніана, а поэты —Виргилія и Гомера. Повсюду привилась страсть къ писанію, къ сочиненію писемъ, наполненныхъ цитатами изъ классическихъ писателей съ претензіями на философскій характеръ. Между литераторами это писаніе обращалось въ инвективу, эту полемическую перебранку, которая упрочилась надолго, поддерживая влеченіе къ духовнымъ интересамъ.

Чѣмъ былъ Данте для XIII вѣка, тѣмъ Петрарка для XIV столѣтія. Себя, нѣсколько тщеславно, онъ считалъ выше Данте, но, какъ представитель переходнаго времени, онъ болѣе сочувственно смотрѣлъ на будущее, чѣмъ на прошлое. Оттого эпоха Возрожденія связана съ нимъ непосредственно.

Новелла въ Италіи. Послѣ него итальянская литература измѣняется въ своемъ характерѣ. Никто не могъ соперничать съ Петраркой въ художественномъ воспроизведеніи личнаго чувства. Съ другой стороны нельзя было создать ничего подобнаго Божественной Комедіи, выразившей всѣ стремленія прошлаго. Но былъ еще одинъ родъ литературы, для котораго матеріалъ былъ подготовленъ послѣдовательнымъ развитіемъ такъ называемыхъ *contes* и *fabliaux*. То была новелла.

Католицизмъ палъ къ началу XIV столѣтія. Когда умиралъ Данте, папская система была осмѣяна, а послѣ этого повѣялъ новый духъ. Будущій поэтъ, обладающій самостоятельнымъ талантомъ, непремѣнно выразитъ это стремленіе; онъ станетъ осмѣивать католицизмъ и его представителей, т. е. духовенство, и для этого изберетъ особый, новый родъ литературы, а именно повѣсть, этотъ легкій для всѣхъ доступный разсказъ.

Такимъ — былъ Боккачіо, первый оригинальный авторъ повѣсти въ нашемъ современномъ смыслѣ, повѣсти, послужившей источникомъ вдохновеній Шекспира и выразившей въ свое время соціальныя стремленія. Эти повѣсти называютъ новеллами, такъ какъ издавна провансальцы называли

(¹) Цитаты у Фойгта; I, 93.

(²) Это высказано въ стихотвореніи Саккети, оплакивающимъ его кончину. Оно начинается такъ:

Colui, che sempre avea co vizzi guerra,
Cercando i modi santi e il regno eterno....

„novas“—стихотворенія не лирическаго характера, какъ-то: религіозныя, дидактическія, а чаще всего эпическія. Во Франціи имъ продолжали соотвѣтствовать fabliaux и contes. Не было ничего удобнѣе этой формы поэзіи для изображенія соціальныхъ условій жизни. Новелла удовлетворяла итальянской склонности поболтать и фантазировать; она подходила и къ непосредственно поэтическимъ цѣлямъ и къ фарсу, годилась и для пустой шутки и для сатиры самой язвительной.

Итальянская новелла не оригинальна. Происхожденіе этого рода литературы коренится не въ Европѣ, а въ отдаленной Индіи. На санкритскомъ языкѣ издавна существовало: „Дружеское наставленіе“, Гита-Падамъ,—сборникъ басенъ, распространенный на всемъ Востокѣ. Въ этомъ сборникѣ множество самыхъ интересныхъ и разнообразныхъ разсказовъ про людей и животныхъ, въ приключеніяхъ которыхъ слѣдуетъ подразумѣвать людскіе нравы и поступки. Въ нихъ тѣже элементы, какъ и въ новеллахъ: тутъ видимъ насмѣшку надъ духовенствомъ Индіи, нападеніе на лицемѣріе браминовъ и ханжество жрецовъ, въ среду которыхъ можетъ попасть всякій плутъ. Благодаря переводу, принадлежавшему Іоанну Капуанскому, Европа познакомилась съ этимъ сборникомъ. Новеллы пользуются имъ, устраняя только аллегорію. Знаменитый въ средніе вѣка, столь популярный романъ „о семи мудрецахъ“ имѣетъ то же происхожденіе. Положенія, полныя интереса и жизни, переполняютъ этотъ романъ. Не менѣе знаменитый въ средніе вѣка сборникъ,—Gesta Romanorum, съ мистическими и нравственными наставленіями, принадлежитъ къ произведеніямъ той же категоріи, какъ и новеллы, т. е. къ области сатирическаго эпоса. Въ немъ разсказываются событія римской исторіи, перепутанныя съ христіанскими элементами. Можно сказать, что Gesta обусловили появленіе „Cento novelle antiche“ (100 древнихъ новеллъ).

Что касается до новеллъ Боккачіо, то они не были новостью. Боккачіо не могъ самъ выдумывать сюжеты; онъ только видоизмѣнилъ старые сообразно съ современностью. У него фигурируютъ преимущественно лица духовныя, которыхъ онъ бичуетъ безпощадно и въ конецъ колеблетъ ихъ авторитетъ. Средневѣковыя произведенія, предшествовавшія ему въ этомъ родѣ, доставили богатый матеріалъ. Во многихъ мѣстахъ трудъ Боккачіо чисто формальный. Его право на славу первоклас-

снаго писателя заключается не въ творчествѣ, а въ художественномъ воспроизведеніи готоваго матеріала, съ полнымъ отраженіемъ современной ему жизни. Пустымъ сказкамъ онъ придавалъ изящную отдѣлку; онъ освѣтилъ богатый матеріалъ личной идеей и тѣмъ составилъ художественное цѣлое. При этомъ Боккачіо былъ создателемъ итальянскаго прозаическаго языка.

Боккачіо (1312—74 г.). Джіованни Боккачіо—сынъ итальянскаго купца, родился въ 1313 году во Флоренціи, гдѣ получилъ хорошее воспитаніе и склонность къ поэзіи [1]. Когда отецъ задумалъ приспособить юношу къ торговому дѣлу, Джіованни оказывалъ всяческое противодѣйствіе. Послѣ онъ выпросилъ позволеніе поступить въ университетъ для изученія каноническаго права. Будучи 17 лѣтъ, Боккачіо, по волѣ отца и по торговымъ дѣламъ, поселился въ Неаполѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ, пока не получилъ самостоятельнаго, вполнѣ обезпеченнаго положенія. Здѣсь, еще до личнаго знакомства съ Петраркой, который возбудилъ живой интересъ въ тогдашнемъ обществѣ къ античнымъ памятникамъ, Боккачіо между прочимъ занимался изученіемъ капитальныхъ произведеній классической литературы. Если онъ въ этой области не могъ занять мѣста одинаковаго съ Петраркой, не сталъ „эрудитомъ", ученымъ въ строгомъ смыслѣ слова, то тѣмъ не менѣе прославился какъ знатокъ и усердный цѣнитель духовнаго наслѣдія античнаго міра. Личный характеръ, способности, симпатіи, обусловленныя обстоятельствами среды и воспитанія, влекли его къ иному роду литературной дѣятельности. Онъ началъ пробовать свои силы на стихотворномъ романѣ. Красивый собой, онъ на практикѣ познакомился съ тѣми удовольствіями и наслажденіями, которыя впослѣдствіи описывалъ съ такимъ талантомъ; но онъ не палъ и не сдѣлался развратникомъ. Та же высокая любовь, которая освѣщаетъ великое произведеніе Данте, облагораживаетъ и Боккачіо. Принцесса Марія, побочная дочь короля Роберта, была его идеаломъ, его Беатриче; онъ воспѣлъ ее въ своемъ романѣ „Fiametta", гдѣ себя выводитъ подъ именемъ Панфило. Античныя подробности показываютъ, что эпоха Возрожденія, эта манія подражанія клас-

---

(1) Изъ монографій о Боккачіо лучшія: Baldelli (Fir. 1806) и Körting. Boccacio; Leben und Werken (L. 1884). Прежнія предположенія о происхожденія поэта, о его рожденіи въ Парижѣ, о бѣгствѣ отъ отца, —послѣ изслѣдованій Кёртинга,—оказываются неосновательными.

сическимъ образцамъ, уже близилась. Затѣмъ имъ написана была, въ честь Маріи, „Тезеида“, въ 9000 стиховъ, за которую онъ можетъ именоваться отцемъ стихотворнаго романа. Боккачіо вмѣстѣ съ Петраркою, съ которымъ познакомился въ 1350 году, способствовалъ къ пробужденію симпатій къ античнымъ произведеніямъ. Впрочемъ обстановка неаполитанскаго двора болѣе соотвѣтствовала эротическому направленію въ литературѣ. Въ Неаполѣ менѣе чѣмъ гдѣ нибудь подражали античной доблести; тамъ жили размашисто и любили наслажденія. Частію въ Неаполѣ, частію во время путешествія, Боккачіо сочинилъ знаменитый Декамеронъ, нѣкоторые разсказы изъ котораго съ успѣхомъ читалъ при дворѣ королевы Іоанны. „Декамеронъ“, написанный около 1349 г. на прекрасномъ итальянскомъ языкѣ, могъ возникнуть только на южно-итальянской почвѣ. Въ 1350 году Боккачіо, уже пользовавшійся извѣстностью, возвратился во Флоренцію. Здѣсь предпочитали эрудитовъ и римскія политическія традиціи, здѣсь поэтъ долженъ былъ стать ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ человѣкомъ. Во Флоренціи чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Данте поклоняются его имени и настаиваютъ на открытіи особой каѳедры для объясненія „Божественной комедіи“. Боккачіо дѣлается ея профессоромъ. Кромѣ этого ему даютъ дипломатическія порученія. Теперь онъ иначе смотритъ на жизнь, дѣлается серьезнѣе и даже впадаетъ въ благочестіе. Теперь онъ проникся мистическимъ уваженіемъ къ Данте, сталъ увлекаться богословіемъ, что видно изъ его словъ: „богословіе и поэзія одно и тоже“ (¹). Это обращеніе напоминаетъ Вольтера. Сатирическія выходки и нападки Боккачіо на духовенство заставили всѣ ордена принять мѣры къ укрощенію поэта. Ему очень внушительно разсказали, что одинъ капуцинскій монахъ Петръ предсказалъ гибель всѣмъ развратникамъ, вольнодумцамъ и т. п., а въ спискѣ ихъ будто бы значилось имя Боккачіо. Поэтъ испугался, сталъ вести монашескую жизнь, сдѣлался ханжей. Смерть Петрарки потрясла его. Онъ умеръ въ Чертальдо, не далеко отъ Флоренціи, всѣми любимый. Онъ самъ не повѣрилъ бы, что именно его Декамеронъ будетъ пользоваться огромною извѣстностію.

(¹) La teologia e la poesia quasi una cosa si possono dire, dove uno medesimo sia il subjetto, anzi dico più che la teologia niun'altra cosa è che una poesia d' Iddio.

Декамеронъ. Боккачіо вполнѣ воспользовался удобствами новеллы. Въ своемъ пресловутомъ Декамеронѣ онъ сопоставляетъ пороки людей рядомъ съ ихъ добродѣтелями [1]. Онъ выводитъ на показъ и публичное осмѣяніе и обманщиковъ и обманутыхъ, скрягъ и мотовъ, евреевъ и мусульманъ, язычниковъ и христіанъ, дамъ и рыцарей, пилигримовъ и святыхъ, героевъ и разбойниковъ, лицемѣровъ и глупцовъ, королей и папъ, а больше всего монаховъ, бѣлыхъ и черныхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ— цѣлый калейдескопъ монаховъ. Немногіе изъ итальянскихъ писателей такъ понимали человѣческое сердце; немного найдется такихъ знатоковъ его и въ другихъ литературахъ; немногіе такъ удачно подмѣчали его изгибы и немногіе обладали въ такой высокой степени силой комизма, которая можетъ заставить людей смѣяться надъ ихъ собственными слабостями, въ то же время дѣлая людей умнѣе и лучше на ихъ же собственный взглядъ При этомъ слѣдуетъ помнить, что Боккачіо жилъ во время всеобщей распущенности, проникшей всѣ слои общества, отъ папъ авиньонскихъ до пролетаріевъ. Напрасно думать, что онъ не дышалъ этимъ зараженнымъ воздухомъ. Онъ осмѣивалъ все окружающее потому, что слишкомъ хорошо зналъ жизнь.

Въ то время паденіе нравственныхъ идеаловъ дошло до крайнихъ предѣловъ. Дѣйствительно, изъ ста новеллъ Декамерона болѣе половины стоятъ на рубежѣ скабрезной литературы: соблазнительные разсказы разработаны въ неумѣстныхъ подробностяхъ, а потому большая часть новеллъ не можетъ быть доступна для всѣхъ читательницъ. Такъ (въ VII книгѣ въ 6 новеллѣ) поэтъ освѣщаетъ безнравственность женщинъ и называетъ развратницу: „gloriosa“. Большая часть новеллъ переполнена не совсѣмъ приличными и соблазнительными приключеніями. Авторъ даже придаетъ дидактическое значеніе своему Де-

---

(1) Это слово Боккачіо придумалъ изъ сочетанія δέκα (десять) и ἡμέρα (день),— такъ какъ каждая книга дѣлится на 10 дней, а въ каждый день разсказывается 10 повѣстей. Такъ вмѣсто «Dieci giornate» прозвалъ Боккачіо греческимъ именемъ свое знаменитое произведеніе, изъ модной страсти того времени ко всему античному. Полное заглавіе: «Il libro chiamato Decameron, cognominato principe Galeotto, nel quale si contengono cento novelle, in diece di dette da sette donne e da tre giovini uomini». Лучшее изданіе аббата M. Colombo въ Парижѣ, 1812, 8 v. Оно послужило основою всѣхъ позднѣйшихъ изданій и между прочимъ J. Moutier, Par. 1849, 2 v. и Fanfani (3 v. 1857—63).

камерону. Онъ хочетъ указать чему нужно подражать и чего должно избѣгать. Обращаясь къ читательницамъ, онъ говоритъ: женщины, которыя будутъ читать мои новеллы, могутъ получить пріятное впечатлѣніе, забаву и вмѣстѣ съ тѣмъ полезный совѣтъ (utile consiglio). Онъ всего больше желалъ раздражать чувственность, подобно Вольтеру въ его Pucelle d'Orléans. Очевидно, что Боккачіо смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на развлеченіе, а не какъ на сатиру. Но сквозь грязь пробивается ядовитая насмѣшка и протестъ противъ существующихъ общественныхъ условій жизни, протестъ который опрокидываютъ господствующіе идеалы. Начало „Декамерона" не обѣщаетъ эротическаго содержанія. Среди страшной чумы 1348 года, этой черной смерти, отъ которой люди валились какъ мухи, небольшое общество изъ 7 дѣвушекъ и 3 юношей удаляется въ виллу, гдѣ наслаждаясь жизнью, по вечерамъ предается веселымъ бесѣдамъ съ цѣлью забыться отъ ужасовъ, наполняющихъ окрестности. Страшное по своему реализму описаніе заразы смѣняется сатирическими разсказами о святынѣ. Это дѣйствительно „пиръ во время чумы". Очередь за Пандульфо, подъ псевдонимомъ котораго скрывается авторъ. Онъ разсказываетъ о Чьапелетто, который ложною исповѣдью обманулъ духовнаго отца и прославившись какъ негодяй при жизни, послѣ смерти былъ признанъ святымъ. Одинъ еврей, побывавъ въ Римѣ и убѣдившись въ развратѣ тамошняго. духовенства, принимаетъ католицизмъ, такъ какъ это ученіе видимо покровительствуетъ разнузданному образу жизни. Иронически удивляется Боккачіо, какъ самый тяжелый грѣхъ легко искупить исповѣдью у аббата; затѣмъ слѣдуетъ букетъ соблазнительныхъ разсказовъ о куртизанкахъ. Бо̀льшею частью монахи и священники выводятся не иначе какъ плутами, мошенниками и развратниками, а женщина по мнѣнію поэта почти всегда нарушаетъ свой долгъ и создана быть безнравственной. Героини повѣстей питаютъ особенно нѣжныя чувства къ здоровымъ аббатамъ, которые не оставляютъ своимъ вниманіемъ и монахинь. Таковъ міръ Декамерона. Иногда авторъ высказываетъ свое презрѣніе къ этому обществу, но удерживается отъ лирическихъ изліяній, и изрѣдка сопровождаетъ свой разсказъ указаніемъ на благородные примѣры. У него та же цѣль, какъ и у современнаго романа—занять и поучить; по необходимости, какъ сатирикъ, онъ долженъ былъ изучать

порочную сферу и вращаться въ ней. По своимъ пріемамъ изложенія и по основнымъ воззрѣніямъ на литературныя задачи, онъ основатель современной повѣсти, незнакомой древнимъ. Въ этомъ его историческое значеніе.

Значеніе Боккачіо. Но онъ оказалъ еще другую заслугу исторіи просвѣщенія. Во Флоренціи кромѣ каѳедры предназначенной для объясненія Данте, онъ основалъ каѳедру греческаго языка, содѣйствуя всѣми силами развитію интереса къ изученію античной литературы. Вообще къ этому побудило его вліяніе Петрарки, котораго онъ считалъ своимъ учителемъ и дружбой съ которымъ гордился. Плодомъ этихъ занятій была его обширная миѳологія (De genealogia deorum). Онъ самъ не считалъ себя поэтомъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова и въ эклогахъ подражалъ Петраркѣ. По его собственному признанію, онъ на поприщѣ ученаго не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ и, вступивъ съ великою отвагою на путь проложенный Петраркой, онъ смутился, „увидѣвъ издали вершины зданія, высящіяся къ небу". За то въ повѣсти онъ не зналъ соперниковъ.

Интересно то, что западныя итальянскія новеллы проникли въ старинную русскую письменность. Въ XVII вѣкѣ на Руси ходило по рукамъ нѣсколько переводовъ, которыя конечно остались безъ всякаго вліянія на нашу литературу. Такъ напр. перешли къ намъ черезъ Польшу „Gesta Romanorum". Черезъ этотъ сборникъ, пять вѣковъ спустя послѣ появленія его въ западной Европѣ, проникла къ намъ западноевропейская литература. Новеллы же Боккачіо производили впечатлѣніе даже на русскихъ женщинъ, въ которыхъ все живое было подавлено. Что въ XVII и XVIII вѣкахъ онѣ любили это фривольное чтеніе, видно изъ того, что въ одномъ изъ такихъ списковъ (принадлежащихъ библіотекѣ Царскаго), была приписка одной женщины, любознательной читательницы XVIII вѣка, въ которой она говорила шаловливо объ удовольствіи, доставляемомъ ей этимъ чтеніемъ въ отсутствіе мужа ([1]).

([1]) Статья А. Н. Пыпина, Отеч. Зап. 1857, т. 110, стр. 458. «Переводныя новеллы Боккачіо появлялись у насъ въ маломъ количествѣ, потому что странно было бы видѣть скромную новеллу подъ перомъ какого нибудь подъячаго. Онѣ были переведены съ польскаго языка и имѣли въ себѣ множество полонизмовъ, часто непонятныхъ для русскихъ». Заглавіе болѣе полнаго сборника было—«Смѣхотворныя повѣсти» (facetіes, шутки). Этотъ сборникъ былъ въ двухъ спискахъ. Наконецъ самыя усло-

Долго думали, что Возрожденіе послѣдовало непосредственно за Петраркой и Боккачіо, поглотивъ собою всѣ литературныя стремленія. Но теперь есть полное основаніе заключить, что рядомъ съ классическимъ подражательнымъ направленіемъ въ поэзіи продолжалось національное итальянское движеніе, выразившееся процвѣтаніемъ новеллъ [1]. Дѣло такихъ писателей и сильныхъ талантовъ, какими были Петрарка и Боккачіо, поддерживалось перомъ позднѣйшихъ новеллистовъ со всей энергіей. Послѣдніе скептически относятся къ латинистамъ Возрожденія, и видятъ въ нихъ нѣчто чуждое. Борьба двухъ литературныхъ партій соотвѣтствовала движенію и борьбѣ партій политическихъ и общественныхъ на той же итальянской почвѣ. Распря шла между старыми и новыми преданіями, между упрочившимся республиканскимъ режимомъ и стремленіями князей, которые укрывались подъ знаменемъ народныхъ интересовъ, а въ сущности были Октавіанами. Въ литературѣ эта борьба проявилась въ состязаніи языковъ латинскаго и итальянскаго. Въ Данте и его великихъ послѣдователяхъ видѣли символическое выраженіе жизненности народнаго начала. Въ претензіяхъ итальянскаго Литературныя партіи.

вія общественнаго быта слишкомъ не ладили съ московскимъ. Взятая изъ Декам. VIII, 8—повѣсть о друзьяхъ Маркѣ и Шпинелетѣ, основана на источникѣ заимствованномъ изъ Долопаты. Этотъ же сюжетъ снова развитъ въ похожденіяхъ Іоанна Гостинаго сына изд. 1785 г. «О женѣ и гостѣ» (II, 7). «О прекрасной Кассандрѣ и слугѣ Николаѣ» (VII, 7). Всѣ эти повѣсти взяты изъ «Декамерона». Самая же лучшая по идеѣ (II, 9): повѣсть «утѣшная о купцѣ, который держалъ закладъ съ другомъ о добродѣтели жены своей». Это сравнительно чистый сюжетъ изъ всего Декамерона. Что касается до пониманія Боккачіо, то объ этомъ можно судить потому, что изъ сочиненій его выбраны были только самыя фривольныя повѣсти, при чемъ тщательно старались не задѣвать духовенства. Эти «шутки» были просто «игрушками» въ русской литературѣ;—онѣ привились не историческимъ путемъ, а простымъ заимствованіемъ, внѣ процесса всякаго послѣдовательнаго развитія.

[1] Такой взглядъ развитъ впервые русскимъ ученымъ, проф. А. Веселовскимъ, который во Флоренціи, въ Риккардіанской библіотекѣ, нашелъ рукопись безъ заглавія; онъ назвалъ ее: «Il Paradiso degli Alberti»,—и помѣстилъ въ Scelta di curiosità litterarie inedite o rare съ прим. и отдѣльно въ Болоньи въ 4 т. въ 1866—68 г. (2 т. текста и 2 т. изсл.). Это произведеніе дало матеріалъ для его магистерской диссертаціи,—Вилла Альберти (М. 1870). Содержаніе 9 новеллъ на стр. 269—296 и сопоставленіе ихъ съ Панчатантрой.

языка на преобладаніе выразились силы народнаго духа. До тѣхъ поръ самъ народъ безмолствовалъ. Его мысль не находила себѣ выраженія, тогда какъ Церковь имѣла органъ въ латинскомъ, а феодализмъ въ старо-французскомъ языкѣ и въ своихъ пѣвцахъ (francigeni). У народа же долго этотъ органъ не былъ разработанъ; надъ нимъ потрудились Данте, Петрарка и Боккачіо, а за ними новеллисты конца XIV и первой половины XV вѣка.

Вилла Альберти. „Вилла Альберти" приписывается Джіованни ди-Герардо изъ Прато, который обработалъ ихъ около 1389 г. Это новеллы съ философскимъ характеромъ; содержаніемъ ихъ служатъ болѣе или менѣе серьезные вопросы, интересовавшіе позднѣйшихъ ученыхъ Возрожденія. Въ началѣ мая 1389 года веселое общество на крутыхъ высотахъ тосканскихъ Аппенинъ, а потомъ въ цвѣтущей долинѣ Арно, вело бесѣды о прошломъ и будущемъ Италіи, о формахъ правленія, о философіи и литературѣ. Стремленія и интересы литературныхъ и политическихъ партій передаются въ содержательныхъ бесѣдахъ, которыя лишены сатирическаго характера и вращаются болѣе около серьезныхъ вопросовъ. Всѣ постепенно принимаютъ участіе въ спорахъ, быстро переходя отъ одного вопроса къ другому, разсказывая иногда повѣсти восточнаго происхожденія Ставятся часто принципіальные вопросы: что лучше, хорошій правитель или хорошій законъ? Канцлеръ Колуччіо Салутати предлагаетъ итальянцамъ изгнать изъ своей среды виновниковъ междоусобій, объединиться и составить свободную федерацію, управляемую римскими сенаторами.—„Какою бы благоустроенною и сильною стала тогда Италія!..." Такой серьезный характеръ приняла итальянская новелла.

Чаусеръ (1340-1400 г.) Аналогичный характеръ съ творчествомъ Боккачіо получила повѣсть въ Англіи, гдѣ она служила отраженіемъ и зеркаломъ времени подъ перомъ Джофруа Чаусера, кровнаго нормандскаго рыцаря по происхожденію. Онъ былъ послѣдователемъ Виклефа и реформаторскаго направленія, страшно ненавидѣлъ господствующую Церковь и не скрывалъ своихъ чувствъ. При Ричардѣ II онъ бѣжалъ изъ Англіи, жилъ въ Италіи, видѣлся съ Петраркой и Боккачіо, а когда вернулся изъ за-границы, то заподозрѣнный въ ереси, былъ посаженъ въ Тоуеръ. Послѣ заключенія онъ отказался отъ своихъ ре-

лигіозныхъ убѣжденій, занялся писательствомъ и умеръ въ бѣдности. Живя на рубежѣ XV столѣтія, онъ порвалъ тѣ узы, которыя связывали его съ средними вѣками. Заплативъ дань своему времени переводомъ извѣстнаго намъ французскаго романа о Розѣ, онъ, подражая Боккачіо, но только не въ формѣ, а въ содержаніи и цѣляхъ, въ своихъ Canterbury Tales — Кентерберійскихъ разсказахъ — подвергаетъ злой и смѣлой насмѣшкѣ господствующее духовенство, католичество и общество. Со стороны виклефиста это было понятно, но популярность Tales, написанныхъ довольно доступнымъ англійскимъ стихомъ, сама по себѣ характерна для исторіи времени.

Кентерберійскіе разсказы.

Общество богомольцевъ, состоящее изъ мущинъ и женщинъ, направляющихся въ Кентербери, собравшись въ гостинницѣ „Кольчуга въ Соутуоркѣ", проводитъ время въ послѣдовательной передачѣ личныхъ впечатлѣній и взглядовъ. Послѣдніе носятъ общественный и церковный характеръ, относясь отрицательно, и всегда съ иронiей, къ явленіямъ окружающей жизни. Въ большей части разсказовъ проявляется недовольство настоящимъ, стремленіе къ чему-то новому. Это недовольство высказывается въ сатирической формѣ, въ изображеніи разлагающейся семейной обстановки, безнравственности женщинъ, эксплуатировшихъ бракъ, и распущенности монаховъ, позорившихъ Церковь. Развратная жена ищетъ пятерыхъ мужей, съ охотой хоронитъ каждаго, разсчитывая тутъ же заручиться новымъ. Священникъ, а особенно монахъ — ханжа и весельчакъ, который любитъ болѣе трактиръ и удовольствія стола, чѣмъ больныхъ и бѣдныхъ. Исповѣдь для него средство проникнуть въ тайны семьи, держать ее въ своихъ рукахъ и въ то же время заработать. За „добрую трапезу" онъ слагаетъ эпитеміи, вполнѣ увѣренный, что „дающій бѣдной монастырской братіи, доволенъ исповѣдью". Монахи ходятъ изъ дома въ домъ съ сумой, собирая подаянія и перебивая исповѣдь у приходскихъ священниковъ, которые для того „черезъ-чуръ небрежны и неповоротливы, а потому не могутъ обращаться деликатно съ чужою совѣстью". По этому поводу слѣдуетъ рядъ сатирическихъ выходокъ противъ духовенства, въ которыхъ скрывается много злой ироніи.

— „Помоги намъ, проситъ монахъ богатаго горожанина,

во имя Того, Кто попралъ адъ; иначе намъ придется продать свои книги, а тогда вы лишитесь всѣхъ нашихъ поученій и міръ окончательно погибнетъ".—Чаусеръ въ цѣломъ рядѣ народныхъ сценъ свидѣтельствуетъ то отвращеніе, какое вызывали монахи въ англичанахъ, собственно въ среднемъ и низшемъ классѣ. Мелкій сутяга, осмѣянный патеромъ, указываетъ въ аду подобающее монаху мѣсто собственно пріуготованное для братіи.—„Католическіе монахи и черти, говоритъ онъ, родные братья!". Они послѣ смерти составляютъ достояніе сатаны. Къ одному монаху явился ангелъ и повелъ его въ адъ посмотрѣть сатану. Дьяволъ по просьбѣ ангела показалъ ему монашеское гнѣздо, которое было въ немъ самомъ. „Какъ пчелы изъ улья, посыпались тысячъ двадцать, а можетъ быть и больше монаховъ, разбѣжались по всему аду, а потомъ опять стали собираться, одинъ по одному, стараясь скорѣе юркнуть въ то мѣсто, откуда выползли" (¹). Это наказаніе за поборы, за эксплуатацію населенія, преимущественно зажиточнаго, которое, по мнѣнію монаховъ, будто можетъ достигнуть блаженства потому только, что не жалѣетъ подаяній, „искренне раскаивается, хотя не публично, исповѣдуется, сокрушается и прилично наставляется". Глубокій, полный жизни реализмъ, радостное воззрѣніе на міръ, замѣчательная рельефность изображеній, наблюдательность, обрисовка пестрой жизни всѣхъ сословій, счастливыя характеристики выводимыхъ лицъ,—все это дѣлаетъ изъ Кентерберійскихъ разсказовъ такое произведеніе, которое и по формѣ и по содержанію болѣе принадлежитъ исторіи новой литературы. Какъ виклефистъ, Чаусеръ, помимо безпощаднаго порицанія господствующаго духовенства, высказываетъ иногда положенія, несогласныя съ католической догматикой, предупреждая тѣмъ на столѣтіе позднѣйшихъ реформаторовъ.

Итальянская поэзія XIV вѣка была художественнымъ прологомъ Возрожденія. Современные ей „Кентерберійскіе разсказы" предшествовали Реформаціи. Ими кончились средніе вѣка въ литературѣ.

(¹) Приведено у Тэна. Hist. de la littèr. anglaise (р. пер. Рябинина; I, 157). Подлинникъ написанъ пятистопнымъ ямбомъ.—Монографіи: Sandras. Etude sur Chaucer (1859). Ward. G. Chaucer (L. 1880) и этюдъ — Hertzberg при изд. нѣм. пер. Кентерб. разсказовъ (1866).

IX.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ КЪ НОВОЙ ИСТОРІИ. УПРОЧЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО НАЧАЛА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XV ВѢКА.

1) Конецъ англо-французской борьбы.—Карлъ VI и VII во Франціи. Ричардъ II и Ланкастеры въ Англіи. Торжество народности въ подвигѣ Орлеанской Дѣвы.

Характеръ XV столѣтія.

Потребность соединенія разрозненныхъ въ средніе вѣка элементовъ высказалась еще ранѣе XV вѣка, а именно во второй половинѣ XIV—повсюду, гдѣ была феодальная жизнь. Еще въ XIV столѣтіи мы замѣчали нѣсколько робкое отношеніе къ объединенію разрозненныхъ элементовъ на Западѣ, гдѣ дотолѣ ни государственные, ни національные интересы не обнаруживались, гдѣ все время историческая жизнь направлялась феодализмомъ и корпоративностью. Западная Европа инстинктивно такимъ образомъ вступала на путь цивилизаціи, сплачивая эти элементы и выставляя знамя государства и національности. Съ XV же вѣка наступаетъ торжество государственныхъ началъ вмѣсто феодализма, который игнорировалъ интересы національности и заботился только о сословныхъ выгодахъ. Въ средніе вѣка мы мало имѣли дѣла съ правительствомъ и народомъ; насъ занималъ болѣе всего феодализмъ, отстаивавшій свое господство повсюду, куда онъ ни проникалъ, его борьба съ королями и городами, феодализмъ, у котораго не было отечества, но у котораго были общіе интересы. Въ средніе вѣка все было разрознено, все разсыпано. Только религія, да еще латинскій языкъ были

общими въ Западной Европѣ. Съ этимъ единствомъ религіи борятся очень энергично ереси, провозглашавшія національный культъ; съ латынью вступили въ борьбу національные поэты, трубадуры, миннезингеры и мейстерзенгеры. Эти протестовавшіе еретики, эти національные поэты, боровшіеся въ одиночку, понимали значеніе національныхъ силъ; они состязались во имя своей національности, во имя будущаго государства; потому-то они и были передовыми факторами во всеобщей исторіи новаго времени.

Когда явилась потребность обособленія національностей и государства, то ею прежде всего воспользовались сами правительства, которыя въ XV вѣкѣ повсюду, во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи, Испаніи, развиваютъ свои силы, притягивая къ себѣ все, ограничивая права феодаловъ, стѣсняя самоуправленіе городовъ, поддерживая національные интересы, но еще болѣе личныя выгоды королей. Съ каждымъ моментомъ, куда бы мы ни заглянули въ это столѣтіе, повсюду видимъ постоянное усиленіе государственныхъ интересовъ, введеніе централизаціи, уничтоженіе самоуправленія городовъ.

Въ Германіи, напримѣръ, послѣдовало упроченіе австрійской династіи; вмѣсто избирательнаго императорскій престолъ мало-по-малу дѣлается наслѣдственнымъ. Во Франціи короли сознаютъ свою силу и создаютъ централизацію въ государствѣ. Въ Англіи короли уничтожаютъ средневѣковыя привилегіи парламента, желая создать государство аналогичное съ Франціей. Такимъ образомъ усиленіе королевской власти, сопряженное съ ростомъ національности, возникаетъ на развалинахъ феодализма, республикъ и корпорацій.

Въ отношеніи духовномъ и просвѣтительномъ XV вѣкъ былъ вѣкомъ Возрожденія наукъ и искусствъ, философіи, вѣкомъ изобрѣтеній всякаго рода, начиная отъ удобствъ, примѣнимыхъ къ жизни и кончая открытіями разнаго рода, вѣкомъ изслѣдованій въ области научной, вѣкомъ по преимуществу философовъ. Говоря словами историка цивилизаціи Гизо, XV вѣкъ старается создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить духовную замкнутость, возвысить ее на одинъ общій уровень, установить единство, образовать правительство и народъ, о чемъ не имѣла понятія средневѣковая Европа. Въ XV столѣтіи все это не было создано, а только подготовлялось: а въ слѣдующихъ—XVI-мъ и XVII вѣкахъ оно достигло пол-

наго осуществленія и поэтому-то XV вѣкъ справедливо считается преддверіемъ новаго времени. „Какую-бы часть исторіи мы ни разсматривали, вездѣ увидимъ, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ территоріяхъ, конецъ прежнихъ элементовъ, прежнихъ формъ общества, борьбу умирающаго міра съ новымъ, который спѣшитъ народиться. Вѣковыя права, поддерживаемыя преданіями девяти столѣтій, исчезаютъ; возникаютъ новыя власти, болѣе грозныя, но за то болѣе правильныя и болѣе полезныя„. Такой переворотъ былъ не только неизбѣженъ, но даже полезенъ. Этимъ прежнимъ обществамъ не удалось дѣло общественной организаціи. Они ничего не сдѣлали рѣшительнаго въ смыслѣ государства, народности, слѣдовательно доказали свою безполезность въ этомъ отношеніи. Они не могли дать обществу ни безопасности, ни прогресса. Общество стало искать этого въ другой системѣ, гораздо болѣе плодотворной. Таково содержаніе политической исторіи XV вѣка, ея смыслъ и характеръ.—Наиболѣе ясною такая перемѣна представляется въ исторіи Франціи.

Значеніе англо-французской войны.

Говоря о началѣ и возобновленіи великой англо-французской борьбы, которой суждено было затянуться на столѣтіе, мы замѣтили, что французскія войска въ началѣ были одолѣваемы англичанами не только потому, что послѣдніе имѣли во главѣ короля Эдуарда и его сына, Чернаго Принца, но главнымъ образомъ потому, что англійскій король выставилъ народное войско противъ французскихъ рыцарей и наемниковъ. Необходимость заставила французскаго короля воззвать къ помощи народа, и вотъ, когда французскій король выдвинулъ національное войско противъ англійскаго, силы значительно уравнялись. Успѣхъ сталъ зависѣть только отъ талантовъ полководцевъ, отъ обученія и дисциплины „солдатъ“ т. е. оплачиваемыхъ воиновъ.

Горькимъ опытомъ научился воевать французскій король. Онъ былъ принужденъ взывать къ патріотизму всѣхъ своихъ подданныхъ, а не выводить въ бой противъ враговъ только однихъ рыцарей, какъ было прежде. Англичане со злобы жгли неукрѣпленные города и мѣстечки; зарево пожара доходило до самого Парижа, знаменуя слѣды движенія непріятеля. Король Карлъ V видѣлъ пламя изъ своего дворца. „Пусть ихъ жгутъ, такъ говорилъ онъ, этотъ дымъ не лишитъ меня Франціи“. Въ 1380 г. онъ умеръ, успѣвъ увидать признаки

сословнаго объединенія французовъ подъ вліяніемъ общественныхъ бѣдствій и испытаній. Это объединеніе французскихъ сословій, т. е. духовенства, рыцарей, горожанъ и вилановъ было несомнѣнно ускорено войною. Англійскія войны заставили сплотиться съ сѣверными, настоящими французами, остальное населеніе. Такимъ образомъ дѣло объединенія французскихъ земель началось при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Карлъ VI (1380-1422 г.). Карлъ VI, преемникъ Карла V, былъ слабъ духомъ и тѣломъ; онъ не былъ способенъ на какое нибудь серьезное дѣло. Фруассаръ, записавшій съ наивною простотою Геродота все, что онъ слышалъ и что случилось на его глазахъ, самъ участникъ рыцарскихъ войнъ, турнировъ и праздниковъ, рисуетъ Карла VI такими чертами, которыя подходятъ къ нашему слабоумному Іоанну Алексѣевичу, брату Петра Великаго, съ тою разницею, что Карлъ VI страдалъ припадками умопомѣшательства, переходившими въ буйное состояніе [1]. Эти припадки постигли молодого короля вскорѣ при его вступленіи на французскій престолъ. Тогда онъ лишился и того небольшаго ума, который имѣлъ. Онъ былъ подъ опекой герцоговъ Беррійскаго и Бурбонскаго, которые знакомили его въ дѣтствѣ со всякими непозволительными наслажденіями съ той цѣлью, чтобы разслабить его умъ, и тѣмъ сдѣлать его ничтожнымъ; онъ привыкъ къ пирамъ, продолжительнымъ празднествамъ и наслажденіямъ. Лишь только въ 1388 году онъ освободился изъ подъ опеки герцоговъ Беррійскаго, Бургундскаго и Бурбонскаго, какъ сталъ мотать деньги на празднества, длившіяся иногда болѣе недѣли. Слабый умъ короля совершенно притупился и съ 1391 году онъ обнаружилъ совершенную неспособность, такъ что герцогъ Бургундскій получилъ опять преобладающее вліяніе въ управленіи.

Безуміе короля. Потерю разсудка у короля Фруассаръ объясняетъ случайностью; но эта случайность была только поводомъ. Умъ короля слабѣлъ отъ празднествъ, неподходящихъ къ условіямъ его слабой физической природы. Фруассаръ разсказы-

---

[1] Изъ монографій обширнѣйшая: (Baudot de Juilly) Marg. de Lussan. Histoire de la vie et du règne de Charles VI (P. 1749—53, 9 v.). Duval Pineu. Hist. de France sous le règne de Charles VI (P. 1842. 2 v.).

заетъ, что одинъ бретанскій феодалъ, Пьеръ де-Краонъ изранилъ королевскаго любимца Оливье де-Клиссона и укрылся у Бретанскаго герцога. Король, и безъ того слабоумный, потребовалъ его выдачи и послѣ отказа предпринялъ походъ въ Бретань лѣтомъ, въ самое жаркое время, одѣтый въ теплое бархатное платье и во всемъ боевомъ вооруженіи. На пути, въ лѣсу близъ Манса, короля сильно испугало нечаянное нападеніе сумасшедшаго. Съ королемъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ; его схватили, связали и отправили назадъ въ Мансъ. Походъ не состоялся. Хотя болѣзненные припадки и миновались, но по разнымъ признакамъ можно было заключить, что они возобновятся. Это оправдалось. Управленіе государствомъ перешло въ руки герцоговъ Бургундскаго и Беррійскаго. Такимъ образомъ регенство не прекращалось. На регентство претендовалъ братъ короля Людовикъ Орлеанскій, достигшій совершеннолѣтія, который хотѣлъ раздѣлить управленіе съ герцогомъ Бургундскимъ. Это породило раздоры вокругъ больнаго короля. Лишь только Карлъ VI оправился отъ перваго удара, какъ одна изъ придворныхъ забавъ вызвала снова припадокъ и едва не погубила короля окончательно. На маскарадѣ, устроенномъ послѣ какой-то свадьбы, король и и пятеро придворныхъ нарядились медвѣдями, приказавши сковать себя съ придворными цѣпями. Шкуры были сдѣланы изъ осмоленаго полотна, покрытаго шерстью; къ нимъ было строго запрещено подходить. Кто-то изъ присутствующихъ неосторожно поджегъ медвѣдей. Четверо изъ придворныхъ погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Пятый, оторвавшись отъ цѣпи, бросился въ чанъ; хотя король спасся, но окончательно помѣшался и равно семь мѣсяцевъ не приходилъ въ себя. Герцогъ Бургундскій Филиппъ пріобрѣлъ въ это время особенное вліяніе.

Ричардъ II въ Англіи (1377—99 г.).

Къ счастію для Франціи, англійскій король Ричардъ II не думалъ о нападеніи на Францію. Занятый внутренними дѣлами, осуществленіемъ своихъ централизаторскихъ замысловъ, Ричардъ II старался жить дружно съ Франціей и даже послалъ сватать Изабеллу, которой въ это время было только семь лѣтъ (¹). Она была привезена въ Англію для воспитанія. Ричардъ получилъ за ней приданаго 800 тысячъ кронъ впередъ

(¹) Анонимныя соч. Life and reign of Richard II (Lond. 1715) и Life o Richard II (L. 1783).

и этимъ приданымъ Франція купила себѣ временное спокойствіе. Англійское правительство въ то время не могло быть опасно для Франціи, потому что король задумалъ уничтожить конституцію а съ нею и парламентъ, прерогативы котораго не давали ему покоя. Первый шагъ къ деспотизму былъ сдѣланъ, оттуда, откуда его могли всего менѣе ожидать, именно изъ Англіи. Аналогичное положеніе Англіи съ Франціей объясняется тѣмъ, что Ричардъ II былъ долго подъ опекой регентовъ. Его опекали дяди, точно также, какъ и Карла VI. Эти дяди, три герцога, династіи которыхъ пріобрѣли значеніе въ исторіи Англіи XV вѣка, сохранили свое вліяніе на Ричарда и послѣ его выхода изъ подъ опеки. Перемиріе съ Франціей, состоявшееся благодаря Изабеллѣ, несмотря на сопротивленіе герцоговъ, продолжалось до 1398 г. Сверхъ того, нуждаясь въ деньгахъ, Ричардъ II продалъ Бретанскому герцогу Брестъ и Шербургъ, города на сѣверномъ берегу Франціи, завоеванные нѣкогда Эдуардомъ I. Король былъ страшно расточителенъ и не стѣснялся въ вымогательствахъ; онъ бралъ у каждаго, у кого только можно было взять. Конечно, все это было удобнымъ поводомъ для агитаціи со стороны герцога Глостерскаго, вступившаго въ борьбу съ своимъ племянникомъ. Король бралъ для того, чтобы мотать; по страсти къ наслажденіямъ онъ былъ подобенъ Карлу VI, но только съ той разницей, что эти наслажденія не были для него такъ губительны какъ для короля французскаго Карла VI. Празднества эти были устраиваемы въ болѣе широкихъ размѣрахъ и приданаго Изабеллы въ сущности не хватило даже на одно торжество, продолжавшееся болѣе недѣли. Нижняя палата въ виду этихъ безполезныхъ растратъ денегъ на удовольствія, вмѣшалась въ дѣло и обратилась къ палатѣ лордовъ съ просьбою убѣдить короля ограничить свои расходы. Ей отвѣчали, что не ея дѣло вмѣшиваться въ королевскій бюджетъ. Король чувствовалъ себя въ силахъ наказать дерзкихъ за ихъ смѣлость. Герцогъ глостерскій, который вступился за парламентъ, былъ арестованъ самимъ королемъ, высланъ въ Калэ, гдѣ скоро умеръ. Ричардъ II почувствовалъ себя настолько храбрымъ, что успѣлъ даже обратить парламентъ въ свое орудіе. Онъ чрезъ шерифовъ имѣлъ вліяніе на выборы въ странѣ и могъ удержать вліяніе на парламентъ. Это было первое въ исторіи Англіи давленіе на выборы, то давленіе, которое послѣ вошло въ обычай и су-

ществуетъ до сихъ поръ. Парламентъ, напуганный этимъ арестомъ, сталъ помогать королю во всемъ и проводилъ съ услужливостью всѣ просимые королемъ налоги и займы во всякое время. Съ этою же цѣлью 17 графствъ Англіи были поставлены внѣ закона ради того, что тамъ когда-то была оказана поддержка его врагамъ. Король изгналъ сына своего дяди, лорда Генриха Ланкастера, хотя тотъ прежде помогалъ королю и дѣйствовалъ въ его интересахъ. Генрихъ нашелъ покровительство при французскомъ дворѣ. Когда его отецъ умеръ, онъ заявилъ претензію на наслѣдство англійскаго престола, ссылаясь на то, что мать его принадлежала къ старшей линіи королей англійскихъ. Генеалогія была слишкомъ искусственна, чтобы можно было склонить общественное мнѣніе. Ланкастеръ хорошо понималъ, что онъ легко одолѣетъ Ричарда, потому что короля ненавидѣли во всей Англіи. Ланкастеръ началъ свои претензіи съ того, что потребовалъ возвращенія отцовскаго наслѣдства. Это требованіе было справедливо. Ричардъ согласился на то, чтобы лишить лорда Генриха, высланнаго изъ Англіи, права даже на наслѣдство своего отца. Герцогъ Іоркскій поддерживалъ короля; но враждебная партія съ архіепископомъ Кентерберійскимъ во главѣ уже давно вошла въ сношеніе съ Генрихомъ Ланкастеромъ.

Водвореніе династіи Ланкастеровъ.

Архіепископъ благословлялъ всѣхъ оказывать содѣйствіе претенденту. Съ небольшимъ отрядомъ Генрихъ высадился 4 іюля 1399 г. на берегъ Англіи и увидѣлъ, какъ къ нему съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе присоединялось бароновъ, недовольныхъ королемъ. Ричардъ въ это время былъ въ Ирландіи; государствомъ за него правилъ герцогъ Іоркскій. Собственно съ этого года (1399) нужно считать начало борьбы между Іоркскимъ и Ланкастерскимъ домами или въ сущности— борьбы Алой и Бѣлой Розы. Ненависть къ Ричарду была до того сильна, что недовольные тысячами теперь окружали Генриха. Герцогъ Іоркскій уступилъ Генриху и также присоединился къ нему. Ричардъ вздумалъ сопротивляться, но было уже поздно. Ричардъ долженъ былъ сдаться. Онъ видѣлъ, что, покинутый всѣми, онъ можетъ надѣяться только на снисходительность своего врага, Генриха Ланкастера. Когда Генрихъ Ланкастеръ торжественно вступалъ въ Лондонъ, то вышедшіе изъ города мэръ и синдики требовали казни Ричарда. Ричардъ отрекся отъ престола, чтобы сохранить свою жизнь.

Генрихъ предалъ его парламентскому суду. Парламентъ низложилъ его, передавъ корону Генриху, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Генриха IV съ 1400 года. Это было сдѣлано вопреки закону о престолонаслѣдіи, потому что если Ричардъ лишался престола, то его мѣсто долженъ былъ занять одинъ изъ малолѣтнихъ внуковъ герцога Ліонеля Кларенса. Низвернутый король былъ присужденъ къ пожизненному заключенію въ замкѣ Понтеррэктѣ.

Король Генрихъ IV (1399-1413 г.).

Перемѣна династіи въ Англіи въ свою очередь обусловливала возобновленіе войны съ Франціей. Генрихъ IV Ланкастеръ не имѣлъ права на престолъ, хотя не прочь былъ заявлять въ грамотѣ своей претензіи (¹). Эта грамота начиналась такъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, я Генрихъ Ланкастеръ принимаю это англійское королевство и корону со всѣми частями и принадлежностями, такъ какъ я происхожу по прямой линіи и по крови отъ добраго господина короля Генриха III, и такъ какъ Богъ, по своей милости, помогъ мнѣ съ моими родными и друзьями воспользоваться моимъ правомъ на государство, которое почти погибло отъ дурного управленія и отсутствія хорошихъ законовъ“. Чтобы отстранить опасность, новый король арестовалъ законнаго наслѣдника. Онъ нашелъ въ парламентѣ преданныхъ слугъ и полную покорность. Правда, Генрихъ IV на словахъ возстановилъ свободу парламента, провозгласилъ свободу преній и право петицій, но при этомъ самъ же лично объявилъ предсѣдателю (спикеру) палаты общинъ, Томасу Чаусеру, что хотя свобода преній комонёровъ должна быть прежняя, но что онъ не допуститъ въ парламентѣ никакихъ нововведеній, желая сохранить за собою всѣ льготы и права, какими пользовались прежніе короли. Правда, были обѣщаны личныя гарантіи депутатамъ, приравнивавшія ихъ къ пэрамъ, но на дѣлѣ самъ король нарушилъ ихъ. Самый парламентъ набирался подъ вліяніемъ правительственныхъ агентовъ, такъ что въ борьбѣ съ феодалами, король могъ опираться на парламентъ и выдавать личное дѣло за народное.

Остановимся на одномъ изъ этихъ фактовъ, на борьбѣ съ Генрихомъ Перси (или Нортумберландомъ). Генрихъ Перси помогалъ королю при его воцареніи. Онъ былъ долгое время

(¹) Haywarde. Life and reign of Henry IV. L. 1599, 1627.

его сторонникомъ. Потомъ король, по обыкновенію, заподозрилъ его. Карлъ VI издалъ распоряженіе, отнимавшее у вассаловъ ихъ стародавнее право располагать участью взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ, такъ какъ самъ желалъ располагать ими по произволу. Это было новое государственное стремленіе, неслыханное въ средніе вѣка. Заявленіе со стороны короля о такихъ рѣшительныхъ намѣреніяхъ было причиною разрыва его съ Перси. Все Нортумберландское рыцарство встало на сторону Перси. Къ нему же пристали валлійцы и шотландцы. 21 іюня 1403 г. при Шрьюсбери произошло сраженіе между королевской партіей и феодалами, причемъ на каждой сторонѣ было около 14 тысячъ человѣкъ. Король одержалъ побѣду. Перси былъ убитъ. Нѣсколько бароновъ было казнено. Все это усиливало монархическую власть въ Англіи, тогда какъ во Франціи въ это же самое время она ослабѣвала, благодаря интригамъ придворныхъ.

Бургундскіе герцоги.

Во Франціи верховная власть переходила поочередно изъ рукъ въ руки. Слабоумный король Карлъ VI рѣдко приходилъ въ себя; его заставляли тогда подписывать указы, въ которыхъ онъ часто послѣ, въ свѣтлыя минуты, раскаявался; проходили недѣли и онъ снова становился жертвою безумія и орудіемъ чужой воли. За власть въ государствѣ особенно энергично соперничали герцоги бургундскій и орлеанскій.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ усилилось могущество бургундскаго дома. Бургундскій дворъ задавалъ тонъ всей Европѣ всегда славился галантностью, комфортомъ, этикетомъ, а горожане богатствомъ. Бургундскіе обычаи и одежды сдѣлались обязательны для всѣхъ. Словомъ, Бургундія стала законодательницею модъ и свѣтскихъ приличій для всей Европы ([1]). Первымъ изъ герцоговъ былъ Филиппъ Смѣлый, сынъ перваго короля дома Валуа, получившій Бургундію въ ленъ отъ

([1]) Основной источникъ: G. Chastellain. Chronique de ducs de Bourgogne (до 1476; его продолжалъ Molinet до 1506 г.); изд. Buchon; collection; t. 42—43.—Лучшимъ пособіемъ для знакомства съ этимъ временемъ служитъ сочиненіе Barante—Histoire des ducs de Bourgogne—произведеніе довольно художественное, хотя нѣсколько устарѣлое въ виду изданныхъ новыхъ документовъ, но оно хорошо знакомитъ съ жизнью того времени, рельефно воскрешаетъ прошлое, благодаря пластичности изложенія. Изъ новыхъ соч. Winzelburger. G. der Niederlanden.—Sickel. Frankreich und Burgund im XV Jahrh.

брата своего Іоанна Добраго въ 1363 г. Въ началѣ XV вѣка (1404 г.) ему наслѣдовалъ герцогъ Іоаннъ, прозванный Безстрашнымъ (1404—19 г.). Онъ былъ богатѣйшимъ государемъ въ Европѣ, хотя номинально и считался вассаломъ французскаго короля. Онъ приходился племянникомъ Карлу VI. По наслѣдству, благодаря брачнымъ связямъ, онъ получилъ Голландію и Фландрію.

Іоаннъ прославился на Западѣ своимъ участіемъ въ крестовыхъ походахъ противъ турокъ; онъ сражался съ Баязедомъ I при Никополѣ (II, 826), но несчастливо, и спасся случайно, благодаря тому, что захватилъ лодку на берегу Дуная. Рядомъ съ герцогомъ бургундскимъ выдавался братъ короля Луи орлеанскій, который велъ пышную, но грязную жизнь на государственныя средства. Онъ женился на дочери миланскаго герцога, Валентинѣ Висконти, которая одна могла имѣть благотворное вліяніе на короля, но, къ сожалѣнію, сама служила часто видамъ своего развратнаго мужа.

Убійство герцога Орлеанскаго. Всѣ заботы герцога орлеанскаго были посвящены корыстолюбивымъ цѣлямъ. Онъ придумывалъ налоги, управлялъ государствомъ самовластно, усердно опустошалъ государственное казначейство, и, къ довершенію всего, завелъ сношенія съ фальшивыми монетчиками и дѣлилъ съ ними барыши. Бургундскій герцогъ предпринялъ походъ на Калэ, а Луи похитилъ деньги, которыя были назначены на это предпріятіе. Іоаннъ не могъ вести экспедицію; между тѣмъ къ довершенію всего, герцогъ орлеанскій громко заявлялъ о своей связи съ его женой. Оскорбленный мужъ поклялся убить своего дядю. Однажды вечеромъ, когда герцогъ Орлеанскій возвращался отъ королевы, замаскированные люди напали на него и изрубили въ куски. Это были убійцы, нанятые герцогомъ бургундскимъ, въ количествѣ 13 человѣкъ. Этотъ случай едва не погубилъ французское королевство. Образовались двѣ партіи — Бургундская и Орлеанская; приверженцы послѣдней въ послѣдствіи назвалась Арманьяками. Іоаннъ Безстрашный не отпирался отъ своего преступленія. Вдова герцога орлеанскаго, Валентина потребовала у короля наказанія убійцы, и король, обладавшій еще въ то время разсудкомъ, обѣщалъ исполнить ея просьбу, не думая о томъ, будетъ-ли въ состояніи сдержать слово.

Іоанна потребовали къ суду, позволивъ ему защищаться. Онъ явился съ 1000 вооруженныхъ людей, но не съ повин-

ною, а для оправданія своего поступка передъ судомъ, въ которомъ дофинъ заступилъ мѣсто короля. Францисканецъ Жанъ Пти публично, съ цинизмомъ защищалъ убійство, сначала въ королевскомъ совѣтѣ (8 марта 1408 г.), а потомъ вторично передъ народомъ, доказывая, что герцогъ орлеанскій былъ тиранъ, и что убіеніе тирановъ не только не преступленіе, но великая заслуга. Замѣчательно, что епископъ аррасскій и все бургундское духовенство возвело ученіе Пти въ догматъ. Напротивъ, парижскій университетъ, въ лицѣ своего знаменитаго канцлера Жана Жерсона, осудилъ это ученіе, какъ еретическое и пагубное для народа. Это вызвало одновременно съ борьбою бургундскаго и орлеанскаго домовъ горячія ученыя препиранія между приверженнымъ къ той и другой сторонѣ духовенствомъ. Интересно, что многіе богословы парижскаго университета стояли за теорію Пти, а нѣмецкій доминиканецъ Іоаннъ Фалькенбергъ агитировалъ въ этомъ же смыслѣ въ Польшѣ противъ короля Владислава Ягелло. Онъ утверждалъ, что убивать политическихъ враговъ—такая же хорошая заслуга, какъ и война противъ невѣрныхъ. Этотъ вопросъ пресерьезно обсуждался послѣ на Костницкомъ соборѣ, гдѣ опредѣлено было сжечь сочиненія Фалькенберга, а его самого заключить. Но этотъ приговоръ не былъ на самомъ дѣлѣ исполненъ. Французскому королю пришлось выслушивать дерзкія рѣчи смѣлаго монаха. Дворъ бѣжалъ въ Туръ.

Бургиньоны и арманьяки.

Іоаннъ, освобожденный отъ суда, сталъ властвовать въ Парижѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ захватилъ опеку надъ дофиномъ, сдѣлался фактическимъ государемъ Франціи и, сильный своимъ положеніемъ во Фландріи, сталъ злоупотреблять властью. Тогда возникла противъ него оппозиція. Во главѣ этой оппозиціи всталъ энергическій графъ д'Арманьякъ, на дочери котораго, Боннѣ, женился молодой герцогъ орлеанскій, сынъ убитаго герцога Луи. Вся рыцарская Франція раздѣлилась на двѣ партіи: бургиньоновъ, отличительнымъ признакомъ которой были красные шарфы, и оппозиціонную ей—арманьяковъ, по имени ея вождя Арманьяка, у которой шарфы были бѣлые. Арманьяки нанесли особенно много вреда Франціи. Представители орлеанской партіи, преимущественно провансальскіе бароны,—разбойники изъ титулованныхъ фамилій,—грабили по большимъ дорогамъ. Даже принцы крови не гнушались открыто заниматься грабежомъ. Въ разбойничьей шайкѣ Арманьяка

особенно свирѣпствовалъ архіепископъ санскій Монтагю. Вмѣсто мантіи онъ носилъ шлемъ, вмѣсто креста—копье. Въ 1412 г. Парижъ нѣсколько разъ былъ въ осадномъ положеніи, и входъ во всѣ улицы его, въ то время чрезвычайно узкія, запирался цѣпями. Наконецъ парижане, не спрашиваясь короля, передали главное начальство надъ городомъ графу де Сен-Полю, ревностному приверженцу герцога Бургундскаго. Онъ немедленно образовалъ революціонную банду изъ 500 мясниковъ и другихъ рабочихъ, и назвалъ этихъ головорѣзовъ совершенно развязно королевской милиціей. Предводителями этой милиціи были цеховые хозяева, мясники, въ то время самый отчаянный народъ въ Парижѣ. Они жестоко раздѣлывались со всякимъ, кто считался арманьякомъ. Между тѣмъ въ провинціи вспыхнула крестьянская война со всѣми ея ужасами. Получивъ разрѣшеніе защищаться отъ арманьяковъ, поселяне бросились рѣзать своихъ помѣщиковъ. Это переходное время,—признакъ разрушенія прежнихъ политическихъ формъ и отсутствіе новыхъ,—со всею рѣзвостью сказалось во Франціи въ половинѣ XV вѣка. Бургундскій герцогъ принудилъ дофина отъ имени короля издать декретъ, которымъ присвоивались ему, Іоанну, верховныя права. Между тѣмъ партія Арманьяка, недовольная этимъ, направила на Парижъ свои войска, которыя заняли ужъ Сен-Клу и Сен-Дени. Тогда герцогъ бургундскій обратился за помощью къ англійскому королю Генриху IV, который снабдилъ его вспомогательнымъ войскомъ, состоящимъ изъ 6 тысячъ стрѣлковъ. Чтобы переманить себѣ эти силы, арманьяки заключили съ Генрихомъ договоръ въ Буржѣ 18 мая 1412 г., по которому возвращались англійскому королю всѣ укрѣпленныя мѣста въ Гіенни, а Генрихъ былъ провозглашенъ сюзереномъ Франціи. Равнымъ образомъ герцоги орлеанскій и беррійскій признавали себя торжественно вассалами англійскаго короля. Вѣсть объ этомъ привела въ негодованіе всю націю, даже Партизановъ Арманьяка. Король и вся Франція были проданы для удовлетворенія личной мести. Въ это время полуумный Карлъ пришелъ въ себя. Онъ развернулъ государственное знамя Франціи и повелъ своихъ рыцарей противъ Арманьяка, но королевская армія дѣйствовала слабо, между тѣмъ какъ англійскія вспомогательныя войска высадились на берегъ и начали опустошать Нормандію, Анжу, Мэнъ, округи Орлеанэ и Блуа. Кончилось тѣмъ, что самъ герцогъ орлеанскій и король дали англичанамъ деньги (240 тысячъ лив-

ровъ) съ тѣмъ, чтобы они удалились изъ Франціи. Между обоими герцогами былъ заключенъ миръ въ Оксеррѣ.

Согласіе между принцами не могло быть продолжительнымъ, тѣмъ болѣе, что бургундскій герцогъ оставилъ въ своей службѣ по найму часть горячихъ парижскихъ демагоговъ. Орлеанисты же составили заговоръ съ цѣлію увезти дофина, стоявшаго тогда во главѣ управленія и бывшаго подъ вліяніемъ герцога Іоанна. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ Безстрашный пустилъ въ дѣло своихъ грозныхъ парижскихъ демагоговъ: хирурга, или точнѣе, фельдшера Жана де-Труа и скорняка Кабеша. Они возбудили чернь къ мятежу. Толпа жестоко избила придворныхъ короля и дофина, разграбила ихъ дома, съ оружіемъ ворвалась въ комнаты дофина и заставила его надѣть красную шапку, — отличительный знакъ парижскихъ приверженцевъ бургундской партіи. Затѣмъ изъ толпы вышелъ кармелитскій монахъ Юсташъ Павильи и сказалъ принцу, что болѣзнь его отца есть наказаніе Божіе за грѣхи, за дѣла разврата, и что тоже постигнетъ дофина, если онъ пойдетъ по слѣдамъ отца. Однимъ словомъ, въ Парижѣ вспыхнула революція. Всякаго рода насилія противъ мущинъ и женщинъ продолжались даже послѣ того, какъ король обнародовалъ новое постановленіе. Этимъ рыцарскія чувства Бургундскаго герцога, главнаго виновника революціи, были задѣты. Онъ отрекся отъ услугъ своей партіи. Его солдаты стали унимать чернь, возбужденную самимъ же герцогомъ. Но Арманьякъ не давалъ своему врагу покончить дѣло такимъ образомъ. Онъ снова требовалъ суда надъ герцогомъ Бургундскимъ, по дѣлу убійства Луи Орлеанскаго. Здѣсь опять начали разыгрываться личныя страсти и заговорила зависть, что отмѣчаетъ и современный историкъ событій, Pierre Fènin (par envie, que chacun avoit de gouverner le royaume, la chose se remit dedans le trouble plus fort qu' auparavant). Ходъ событій опять принялъ мятежный характеръ. Бургундскій герцогъ сталъ опять набирать войска. Раздоръ снова вспыхнулъ. Арманьякъ, подъ фирмою королевы и дофина, снова началъ войну противъ герцога бургундскаго, назвавъ его лжецомъ, измѣнникомъ, убійцею. Королевское войско, со знаменемъ,—на которомъ былъ изображенъ гербъ не супруги дофина, принцессы бургундской, а одной изъ фрейлинъ королевы, любимицы дофина,—выступило противъ Іоанна Безстрашнаго. Положеніе герцога бургундскаго на этотъ разъ было затруднительно, потому что фламандцы не хотѣли вое-

вать противъ короля. Тогда герцогъ брабантскій, братъ Іоанна, предложилъ свое посредничество въ распрѣ между нимъ и дофиномъ. Іоаннъ былъ обязанъ отказаться отъ союза съ Англіей и не пріѣзжать въ Парижъ. Это было въ началѣ 1415 г. Въ это время англійскаго короля Генриха IV уже не было въ живыхъ; онъ умеръ 20 марта 1413 года.

Генрихъ V въ Англіи (1413—22 г.). Ему наслѣдовалъ Генрихъ V, прославившійся своею грязною частною жизнью, которая рельефно изображена Шекспиромъ одной изъ его, историческихъ драмъ. При этомъ честолюбивомъ государѣ вновь началась война между Англіей и Франціей (¹).

Возобновленіе англо-французской войны въ XV вѣкѣ находится въ связи съ внутренней междоусобной борьбой политическихъ партій во Франціи. Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній называть эти партіи политическими: ихъ цѣли были ограничены; ихъ вожди искали только личныхъ выгодъ, ради которыхъ они готовы были принести въ жертву все благо и будущее государства.

Арраскій миръ только видимо примирилъ партіи, и то не всѣ. Іоаннъ, герцогъ Бургундскій, этотъ двигатель тогдашнихъ событій, могущественный владѣтель, номинальный вассалъ французскаго короля, богатѣйшій изъ государей Европы, который болѣе другихъ могъ содѣйствовать примиренію, — не подписалъ договора. Дофинъ же, какъ и прежде, продолжалъ оскорблять свою жену, дочь бургундскаго герцога; въ королевскомъ дворцѣ семейные раздоры проявись именно теперь. Избѣгнуть войны было нельзя, при всемъ желаніи дофина, который былъ весьма храбръ дома, а къ внѣшнимъ предпріятіямъ не чувствовалъ никакого влеченія. Между тѣмъ молодой англійскій король Генрихъ V тѣснилъ Францію съ самаго вступленія своего на престолъ. Управившись съ сектаторами лоллардами, которые причиняли большое безпокойство правительству (II, 890), новый король созналъ свою силу. Видя нежеланіе французскаго правительства начинать войну, онъ объявилъ свои притязанія на французскій престолъ, въ замѣнъ котораго требовалъ уступки Нормандіи, Анжу и Мена. Пока тянулись переговоры, онъ вторгнулся въ королевскія провинціи, вос-

(¹) Goadwin. Life and the reign of king Henry V (L. 1864). Tytler. Henry of Monmouth (L. 1638, 2 vls).

пользовавшись неурядицами во Франціи, и объявилъ войну. Въ то время территорія земель, принадлежащихъ французской коронѣ, была несплошная. Правда, была разница между владѣніями французскихъ королей въ XV столѣтіи и таковыми же землями въ XII вѣкѣ, но все таки эти земли прерывались сильными коммунами, стоявшими внѣ всякой зависимости отъ французскихъ королей, и вассальствами, которыя еще не склоняли головы передъ королями; да притомъ земли королевскія были незначительны, сравнительно съ землями герцога бургундскаго или англійскаго короля.

Высадка въ Норманд і и.

14 августа 1415 года Генрихъ V съ 30 тысячами хорошо обученнаго войска, къ ужасу Франціи, высадился въ Норманди и осадилъ укрѣпленный замокъ Арфлеръ. На первыхъ порахъ, во французскомъ рыцарствѣ, произошелъ раздоръ, хотя большинство рыцарей и явилось помогать королю. Герцогъ бурдгунскій первый не захотѣлъ защищать Францію и короля; онъ запретилъ это также своему сыну, графу Шароле. Тѣмъ временемъ англичане взяли Арфлеръ и двинулись далѣе. Но Генрихъ, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ преграду при переправѣ черезъ рѣку Сомму: убѣдившись въ боевыхъ приготовленіяхъ непріятеля, онъ началъ сворачивать къ проливу, чтобы пробраться въ Калэ, который былъ не только важнымъ пунктомъ для англичанъ на материкѣ, но считался тогда ключемъ къ Англіи. Французы могли бы погубить англійскую армію, если бы держались оборонительнаго положенія, опустошая страну; но, всегда увлекающіеся, французскіе вожди, забывая уроки прошлаго, захотѣли попытать счастія почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ когда-то ихъ отцы были разбиты англичанами, и близъ Кресси загородили путь непріятелю.

Битва при Азенкурѣ въ 1415 г.

Битва произошла 25 октября 1415 г. Повторилось въ началѣ ея то же самое, что было съ Эдуардомъ при Кресси и Чернымъ принцемъ при Пуатье, даже съ тѣми же подробностями; опять англичане, стѣсненные, чувствуя себя въ меньшинствѣ, оробѣли съ перваго раза и готовились отступать. Въ контрастъ англичанамъ, французы, какъ истые потомки галловъ, полагаясь на свою многочисленность, настойчиво домогались сраженія, увѣренные, что они уничтожатъ англійскую армію. Они послали англійскому королю рыцарскій вызовъ, назначая день и часъ битвы. Французскимъ констаблемъ былъ д'Альбре; онъ сдѣлалъ массу ошибокъ, расположилъ войско, состоявшее большею

частію изъ конницы, на вязкой и крайне неудобной мѣстности, гдѣ лошади не могли тронуться съ мѣста, гдѣ нельзя было производить никакихъ передвиженій, такъ что англійскимъ стрѣлкамъ, которые считались тогда лучшими въ мірѣ, оставалось прицѣливаться на выборъ въ густую массу людей и коней, стоявшую неподвижно. Всѣ французскія диверсіи не удались, и рыцарство, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ разсчитывавшее на побѣду, было уничтожено. По англійскимъ свѣдѣніямъ, французы потеряли до 8 тысячъ человѣкъ; по французскимъ,—нѣсколько меньше. У французовъ погибло множество знатныхъ и бароновъ рыцарей. Самъ конетабль былъ убитъ, а съ нимъ вмѣстѣ пало 100 бароновъ, 7 графовъ и 3 герцога. Въ каждомъ знатномъ домѣ носили трауръ; многія дворянскія фамиліи прекратили свое существованіе за гибелью своихъ представителей на поляхъ Азенкура. Въ плѣнъ попались герцоги орлеанскій и бурбонскій—главные ненавистники англійскаго короля. Побѣдитель, играя роль императора, укорялъ герцога орлеанскаго за позорное поведеніе его партіи, выставляя себя орудіемъ Провидѣнія, человѣкомъ призваннымъ умиротворить Францію. Разстрѣлявъ большую часть плѣнныхъ и отпустивъ за выкупъ и на честное слово людей состоятельныхъ, Генрихъ возвратился въ Англію.

Положеніе Франціи. Франція нашла болѣе злобныхъ враговъ, чѣмъ англійскіе стрѣлки; собственные дѣти стали терзать ее. Герцогъ бургундскій, обрадовавшись пораженію, пошелъ на Парижъ, чтобы смутой докончить разстройство государства, но это ему не удалось. Въ тоже время умеръ Луи орлеанскій. Чтобы разбить молодаго дофина, Іоаннъ вошелъ въ сношенія съ англійскимъ королемъ; онъ имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Калэ. Здѣсь, если вѣрить документу, помѣщенному въ сборникѣ Реймера (Rymer), герцогъ призналъ англійскаго короля своимъ сюзереномъ и законнымъ королемъ Франціи, обязуясь дѣйствовать противъ его враговъ(1). Если даже этого договора не существовало

(1) Лингардъ, писавшій въ 1820 году, въ свое время пользовавшійся авторитетомъ, слѣдуя ученымъ бенедиктинцамъ, считаетъ этотъ договоръ только проектомъ. Паули, у котораго эта эпоха изложена наиболѣе удачно, тоже отвергаетъ договоръ, въ силу котораго будто бы одинъ изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ французскаго короля, при отсутствіи національнаго принципа и всякаго сознанія государственныхъ интересовъ, признавалъ англійскаго короля своимъ сюзереномъ. Дѣйствительно, ни Pierre Fénin, ни Iuvenal des Ursins не упоминаютъ о таковомъ договорѣ.

на дѣлѣ, то все таки знаменательно уже самое представленіе о такомъ документѣ въ проектѣ. Подобные факты объясняются остатками средневѣковыхъ отношеній вассаловъ къ государямъ. Бароны каждой страны считали для себя болѣе близкими интересы чужеземныхъ феодаловъ, чѣмъ интересы національные. Самаго свиданія Іоанна Безстрашнаго съ Генрихомъ V историки не отвергаютъ, хотя находятъ, что тогда не могло быть и рѣчи о добровольномъ подчиненіи. То обстоятельство, что на обратномъ пути герцогъ бургундскій имѣлъ тайное свиданіе съ дофиномъ, не даетъ возможности заключить, чтобы онъ заранѣе подписалъ актъ, который по существу былъ документальнымъ свидѣтельствомъ его измѣны.

Вскорѣ послѣ этого (въ 1417 г.) умеръ и второй дофинъ; мѣсто его занялъ третій дофинъ, будущій Карлъ VII. Онъ оставался подъ опекой Арманьяка, который своимъ поведеніемъ вызвалъ на борьбу герцога бургундскаго. Арманьякъ очень жестоко обращался съ королевою Изабеллою, обвиняя ее въ связяхъ съ бургундской партіей. Королева оставила Парижъ и поселилась въ Венсенѣ; здѣсь она своимъ мотовствомъ только раздражала народъ. Чтобы окончательно отдѣлаться отъ нея, Арманьякъ обвинилъ ее въ любовной связи съ однимъ придворнымъ Бурдономъ, котораго послѣ жестокихъ пытокъ зашили въ кожаный мѣшокъ и бросили ночью въ Сену, а королеву сослали въ Туръ.

Бургиньоны въ Парижѣ.

Послѣ этого герцогъ бургундскій въ 1418 году вошелъ въ открытый союзъ съ Генрихомъ V, который страшно опустошалъ сѣверныя французскія провинціи. Понятіе о государственной измѣнѣ тогда весьма было условно; идея національныхъ интересовъ тогда только еще зарождалась; никакой баронъ еще нигдѣ не считалъ постыднымъ дѣйствовать вмѣстѣ съ врагомъ его народа. Герцогъ бургундскій обѣщалъ всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, которые примутъ его сторону, освобожденіе отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, какъ то отъ налоговъ, десятины, барщины, соляного (gabelle) и др., которые лежали тяжелымъ бременемъ на низшемъ классѣ. Такое воззваніе въ чисто демократическомъ духѣ склонило народную массу на сторону измѣнника; партія бургундскаго герцога усилилась; на его сторону перешли цѣлыя провинціи, какъ Пикардія, Вермандуа и др. Теперь онъ смѣло шелъ на Парижъ, чтобы освободить королеву, заключенную

въ Турѣ. Когда онъ подошелъ къ Парижу, множество парижскихъ гражданъ также перешло на его сторону. Партія Арманьяка была стѣснена; въ маѣ 1418 г. измѣна отворила ворота герцогу; королева была освобождена и провозглашена регентшей; резеденцію свою она перенесла въ Труа. Дофинъ былъ заключенъ въ Бастилію, откуда скоро успѣлъ убѣжать. Арманьяка, не смотря на его укрывательство, схватили. Папскіе легаты и многіе прелаты вмѣстѣ съ Арманьякомъ, черезъ мѣсяцъ, именно 12 іюня, пали жертвою народной злобы. Началась страшная рѣзня: въ первый день отъ руки герцога бургундскаго пало болѣе 1500 человѣкъ, а всего за это время 3000. По улицамъ, по словамъ хронографа, текла кровь потокомъ, такъ что въ ней омывали обувь. Герцогъ и королева вступили въ столицу и провозгласили свою власть.

Убійство герцога бургундскаго.

Вскорѣ герцогъ бургундскій убѣдился, какъ опасно содѣйствіе черни; въ то время, какъ англичане терзали сѣверныя провинціи, онъ воззвалъ къ примиренію; но враги не могли забыть обиды. Арманьяка, интригана-старика, не было, но за дофина стоялъ дю-Шатель, который управлялъ Франціею. Слѣдовательно, переговариваться герцогъ бургундскій могъ только съ нимъ. Дѣйствительно, герцогу было назначено свиданіе на Іоннскомъ мосту. Здѣсь Дю-Шатель убилъ его самымъ коварнымъ образомъ.

Убійство герцога бургундскаго вызвало сильное негодованіе провинцій сѣверной и средней Франціи; онѣ открыто приняли сторону жертвы, особенно потому что убійцы были изъ южныхъ областей. Это показываетъ, какъ памятна была впродолженіе цѣлыхъ 200 лѣтъ вражда между Сѣверомъ и Югомъ, вражда, служившая отраженіемъ долгой борьбы съ альбигойствомъ.

Соглашеніе въ Аррасѣ и договоръ въ Труа въ 1420 г.

Всѣ недовольные нашли опору въ лицѣ сына убитаго, Филиппѣ Добромъ (1419—67 г.), который соединился съ англійскимъ королемъ. Онъ усилилъ гаризонъ Парижа и почти торжествовалъ. Дворянство, духовенство и администрація, придерживавшаяся бургундской партіи, клятвенно рѣшились мстить. Между тѣмъ Генрихъ V, покоряя одинъ городъ за другимъ, просилъ руки принцессы Екатерины, желая тѣмъ упрочить свои права на французскій престолъ. Для англійскаго короля не представлялось болѣе удобнаго случая захватить французскую корону. Тогда во Франціи ни ктоне зналъ: кого и какой партіи держаться, такъ какъ одна надъ другой чуть не каждый день

торжествовали поочереди. Наконецъ бургундская партія, истощенная борьбой, хотя все-таки владычествовавшая, и всѣмъ управлявшая, желая избавиться отъ Генриха V, уступила. ВъАррасѣ начались переговоры между бургундскимъ правительствомъ и англійскимъ королемъ, кончившіеся принятіемъ слѣдующихъ условій: англійскій король женится на принцессѣ Екатеринѣ, а Карлъ VI остается французскимъ королемъ до смерти; затѣмъ слѣдовала оговорка, что и теперь, вслѣдствіе сумасшествія короля, Генрихъ будетъ регентомъ Франціи, а государственные чины должны присягнуть ему, съ тѣмъ что, по смерти короля, они признаютъ его законнымъ государемъ Франціи. О дофинѣ не было упомянуто; онъ былъ въ рукахъ Дю-Шателя, врага бургундской партіи; изъ мести къ послѣднему его лишили законныхъ правъ на французскій престолъ.

Въ Труа, гдѣ жилъ король, былъ заключенъ окончательный миръ. Соглашаясь на такой предательскій и постыдный договоръ, король отдавалъ врагу все государство, лишая родного сына наслѣдства. По договору въ Труа, Франція присоединялась къ Англіи и прекращала свое самостоятельное существованіе. Такъ было сдѣлано на бумагѣ, на дѣлѣ же вышло иначе.

1-го декабря 1420 г. Генрихъ V имѣлъ торжественный въѣздъ въ Парижъ, какъ регентъ и будущій король Франціи. Англійскіе пэры и совѣтники короля стали править Франціею. Оказалось, что Генрихъ вовсе не намѣренъ былъ играть комедію, какъ думали бургиньоны, разсчитывавшіе за него управлять страною. Англійское правительство рѣшилось понизить цѣнность серебряной монеты, что доставило въ руки его около шестой части всего обращавшагося во Франціи серебра. Видимо, англичане не шутили въ странѣ, такъ легко имъ доставшейся, и распоряжались, какъ дома. Англійскій король приказалъ прежде всего осудить убійцъ бургундскаго герцога. Между тѣмъ дофинъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ; онъ протестовалъ противъ договора, предавшаго Францію, его наслѣдіе. Затѣявъ волненіе въ южныхъ провинціяхъ, онъ отвлекъ вниманіе Генриха заключеніемъ союза съ Шотландіей. Часть шотландскихъ рыцарей и стрѣлковъ прибыла во Францію, чтобъ защитить права дофина, имѣя въ виду общаго врага. Генрихъ V возвратился въ Англію, гдѣ и умеръ 31 августа 1422 г. Скоро скончался Карлъ VI (въ октябрѣ того же года). Тогда (т. е. въ 1422 г.) былъ провозглашенъ королемъ Франціи Карлъ VII, по праву на-

слѣдства, хотя сынъ Генрихъ V, Генрихъ VI нисколько не отказывался отъ своихъ правъ на французскій престолъ (1).

(1) Источниками для Карла VII, короля французскаго и Генриха VI, короля англійскаго, которые въ одинъ и тотъ же 1422 годъ вступили на престолъ, служитъ большое латинское сочиненіе епископа Базена. Онъ родился въ 1412 г. въ Нормандіи и пережилъ самыя бурныя событія; ему было почти 20 лѣтъ, когда подвизалась Орлеанская Дѣва. Онъ лично зналъ короля Карла VII и имѣлъ съ нимъ постоянныя сношенія, о чемъ говоритъ въ началѣ своего обширнаго сочиненія (illustris Francorum rex, quem ipsi et saepe vidimus et cum quo plures collocutiones familiariter habuimus). Его свѣдѣнія, слѣдовательно, основаны на близкомъ знакомствѣ съ дѣятелями этой эпохи. Его родина была покорена и разорена англичанами; его родители лишились состоянія, и онъ посвятилъ себя духовному служенію, чему много способствовала его занятіе каноническимъ правомъ и поѣздка въ Италію, гдѣ примѣръ популярности одного нищенствующаго монаха увлекъ и Базена, который послѣ своихъ университетскихъ занятій совершенно внезапно надѣлъ рясу и сдѣлался монахомъ. Онъ скоро выдвинулся среди французскаго духовенства и 33-хъ лѣтъ сдѣлался епископомъ. Это сблизило его съ королемъ; впослѣдствіи же онъ былъ заподозрѣнъ королемъ Луи XI въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ англичанами и долженъ былъ бѣжать. Онъ переселился въ Голландію, гдѣ получилъ титулъ епископа Кесаріи и скончался въ глубокой старости въ Утрехтѣ въ 1492 году. Въ этомъ же городѣ онъ написалъ свой трудъ: «De rebus a Carolo VII (et Ludovico XI) Francorum rege et suo tempore in Gallia gestis». Онъ начинаетъ свою исторію съ 1407 г., для чего пользуется письменными свѣдѣніями, ибо, какъ онъ говоритъ, «нельзя понять настоящихъ бѣдствій безъ знанія прошедшаго». Онъ участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Франціей и Англіей послѣ гибели Орлеанской Дѣвы. Его обширное твореніе прежде приписывалось ліонскому священнику Амельгарду, вслѣдствіе надписи на манускриптѣ Парижской Національной Библіотека имени этого священника. Это сочиненіе издано въ 1854—59 годахъ французскимъ ученымъ Кишера, въ четырехъ томахъ иждивеніемъ «Истор. Общества Франціи». Кромѣ множества источниковъ и актовъ непосредственно для исторіи Орлеанской Дѣвы, важны позднѣйшіе мемуары, напр., «Journal d'un Bourgeois de Paris ou d'un prêtre, qui a écrit les choses advenues en la dite Ville» въ которомъ изложены событія отъ 1409 до 1449 г., а особенно мемуары Оливье де ла Маршъ, образованнаго бургундскаго рыцаря, родившагося въ 1426 году и описавшаго событія отъ 1435 до 1489 г.; замѣчательна первая часть, отдѣльная и связная, затѣмъ изложеніе — безпорядочно. Упомянутые мемуары авторъ началъ писать 45-ти лѣтъ отъ роду; онъ многое перезабылъ, но онъ хочетъ говорить только о томъ, что видѣлъ, зналъ и испыталъ въ прошломъ—qu'il a vu, su et experimenté au passe-temps de sa vie. Записки, написанныя весьма интересно по-французски, читаются живо, причемъ авторъ поступаетъ благоразумно, не упоминая о себѣ; онъ

Французское государство болѣе не существовало. Англійскій король, девятилѣтній Генрихъ VI считался королемъ Франціи, но такъ какъ онъ былъ малолѣтенъ, то одинъ его дядя, Бедфордъ управлялъ Франціей а другой Глостеръ—Англіей. Хотя пэры, недовольные распоряженіемъ короля Генриха V, измѣнили завѣщаніе, но сущность осталась та же самая; намѣстникомъ Франціи продолжалъ быть тотъ же Бедфордъ, который учредилъ совѣтъ регенства. Между тѣмъ Карлъ VII, прирожденный король Франціи, не отказывался отъ своихъ правъ. Впрочемъ, это былъ ничтожный человѣкъ; онъ всегда былъ въ зависимости отъ приближенныхъ, а всего болѣе отъ своей фаворитки, знаменитой Агнесы Сорель, которая умѣла поддерживать въ королѣ твердость въ минуты самыя тяжелыя;

Карлъ VII (1422-61 г.) и борьба за престолъ.

не любитъ говорить подробно о битвахъ, за то онъ драгоцѣненъ при описаніи нравовъ и внутренней жизни, вообще для культуры того времени. Въ его сочиненіи описаны всѣ мелкія подробности о рыцарскихъ турнирахъ, о жизни рыцарей. Кто хочетъ изучить бытъ XV вѣка, тотъ не обойдется безъ этого памятника. Таково же его описаніе двора Карла Смѣлаго, который превосходилъ въ блескѣ и роскоши всѣ тогдашніе европейскіе дворы:—Estat de la maison du duc Charles de Bourgogne, издано у Michaud et Poujoulat въ 3 томѣ первой серіи.—Записки чисто фактическія для того же времени, помимо Gestes de Charles VII, принадлежатъ бургундцу Жану дю-Клеркъ, родившемуся въ 1424 году. Онъ былъ совѣтникомъ и приближеннымъ Филиппа Добраго. Разсказы его въ пяти небольшихъ книгахъ обнимаютъ періодъ отъ 1448 до 1467 г.,—исторію Филиппа Добраго. Не смотря на свою краткость, записки Жана дю-Клерка имѣютъ значеніе по воззрѣніямъ автора; его взгляды близки къ нашимъ представленіямъ. Это философъ—историкъ; между прочимъ мы у него читаемъ слѣдующія слова: «Не желая никого хвалить, никого порицать по своему желанію, я хочу только пояснить совершившіяся событія; если же я скажу что нибудь такое, что не понравится, то я прошу всякаго—князя, рыцаря, сеньёра,—чтобы не приписывали мнѣ, что я хотѣлъ отозваться дурно о комъ-нибудь, ибо я не имѣю никакого намѣренія вредить или порицать какое либо лицо изъ личной ненависти, а равно, если здѣсь сказано что нибудь лестное для кого, то пусть не считаютъ это вынужденнымъ, ибо я говорилъ это не по лицепріятію къ кому либо, не ради выгоды». Jean Chartier—Hist. de Charles VI, roi de France (P. 1594); авторъ служилъ въ причтѣ монастыря св. Діонисія. Jean Chartier——Les croniques du feu roy Charles depuis l'an 1402—1461 (P. 1528 и новое Vallet de Virriville); авторъ былъ секретаремъ Карла VII и потому его сообщенія въ фактическомъ отношеніи существенно важны.—Новыя сочиненія о Карлѣ VII: Dausin, Vallet de Viriville и Du—Fresne de Beaucourt.

она болѣе своимъ характеромъ походила на мущину, чѣмъ ея возлюбленный, въ которомъ вовсе не было энергіи и который былъ лишенъ силы воли. Бедфордъ жилъ въ Парижѣ. Кромѣ столицы ему повиновались: Иль-де-Франсъ. Нормандія, Бри, Шампань, Пикардія, Понтье, вся Аквитанія до Пиринеевъ и океана. За королемъ оставались только: Берри, Дофинэ, Овернь, Бурбоннэ, Пуату, Сентонжъ, Туррень, Орлеанэ и часть Анжу, т. е. болѣе или менѣе центральныя провинціи. По городу Буржу (главный городъ провинціи Берри) Карлъ VII былъ прозванъ королемъ Буржа. Такимъ образомъ Бедфордъ былъ гораздо сильнѣе Карла VII; но онъ имѣлъ неосторожность поссориться съ бургундскимъ герцогомъ Филиппомъ. Онъ допустилъ своего брата Глостера жениться на Жаклинѣ Геннегауской, женѣ Іоанна Брабантскаго, который былъ двоюроднымъ братомъ Филиппа. Такъ какъ послѣдній надѣялся получить земли, принадлежавшія Жаклинѣ, то, понятно, его долженъ былъ раздражить неожиданный бракъ наслѣдницы, ибо этотъ бракъ лишалъ его наслѣдственныхъ земель. Филиппъ Добрый поспѣшилъ вступиться въ права брата. Между тѣмъ, не желая уступить Глостеру, онъ разорвалъ дружескія сношенія съ Бедфордомъ и Англіей, а безъ его поддержки англичане съ трудомъ могли держаться во Франціи, ибо успѣхами своими они были обязаны раздорамъ въ самой Франціи. Понятно, это должно было испугать англійское правительство. Кончилось тѣмъ, что бургундскій герцогъ восторжествовалъ; но эта борьба отвлекла отъ Франціи силы англичанъ на цѣлыя пять лѣтъ.

Англичане во Франціи. Такимъ образомъ Глостеръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній; только въ 1428 году война возобновилась съ новой силой. У Карла VII были шотландскіе и итальянскіе союзники. Во главѣ итальянскихъ союзниковъ стоялъ Филиппъ-Марія Висконти, миланскій герцогъ, родственникъ французскаго королевскаго дома по брачнымъ связямъ герцога Орлеанскаго. Онъ прислалъ во Францію 1500 опытныхъ воиновъ. Однако при первомъ столкновеніи французы были разбиты. Англійское правительство умѣло отвлечь шотландцевъ отъ французскаго союза, но это не мѣшало остаться во Франціи нѣсколькимъ шотландскимъ баронамъ. Тогда Карлъ VII снова заключилъ союзъ съ Шотландіей, уступивъ Сентонжъ Іакову I шотландскому и обручивъ сына своего Людовика съ шотландской принцессой Маргаритой.

Въ 1428 году графъ Сольсбери съ 6000 войскомъ пошелъ на Орлеанъ и осадилъ его. Тогда со всѣхъ сторонъ истинные французы устремились къ берегамъ Лауры; все, что любило родину, бѣжало сложить головы за Орлеанъ, ибо это былъ послѣдній укрѣпленный пунктъ, послѣдняя надежда патріотовъ. Франція, казалось, погибала; съ паденіемъ Орлеана пала бы французская народность. Одинъ только король продолжалъ плясать и пировать со своими фаворитками, забывая о будущемъ, придумывая забаву за забавой, праздникъ за праздникомъ.

Нужно замѣтить, что Орлеанъ сдѣлался цементомъ, на которомъ упрочилась новая французская нація, вмѣсто средневѣковыхъ французовъ. Французская народность, вызванная къ жизни патріотизмомъ, можно сказать, зародилась только подъ Орлеаномъ. Туда стремились не только мущины, но и женщины. Доселѣ сами бароны и феодалы не имѣли патріотическихъ идеаловъ; средніе вѣка складывали общества не по націямъ, а по сословіямъ. Теперь же гордый и могучій духъ патріотизма сталъ проявляться не только въ мущинахъ, но и въ женщинахъ. Ихъ экстазъ нашелъ себѣ здѣсь богатое поле. Не одна Орлеанская Дѣва отличалась на поляхъ битвы. Хроники упоминаютъ о другихъ женщинахъ. Поэтому исторія знаменитой Дѣвы въ сущности показываетъ только, какъ возраждался національный типъ людей, жившихъ болѣе сердцемъ и чувствомъ, нежели умомъ. Жанна д'Аркъ изъ лотарингской деревни Домъ-Реми была полной выразительницей этого переворота въ исторіи Франціи. Французы уже прошли всевозможныя степени испытаній впродолженіи цѣлаго ряда столѣтій; въ нихъ давно было принижено и было заглушаемо патріотическое чувство. Они убѣдились послѣ продолжительнаго опыта, что рыцарство стало не только безсильно, но даже послужило причиной паденія Франціи; это доказывало предательство національныхъ интересовъ вельможами королю Англіи. Тогда-то сказался голосъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ совершился переворотъ въ самой исторіи; мало-по-малу падаютъ сословныя формы; онѣ перерождаются, а съ ними вмѣстѣ Франція получаетъ другую національную оболочку. **Патріотизмъ и національность.**

Франція переживала самый тяжелый кризисъ; уныніе сказывалось вездѣ; нищета и раззореніе были повсюду. Страна обезлюдѣла и находилась въ рукахъ солдатчины; французскіе

и англійскіе воины, шотландцы, итальянскіе наемники, нѣмцы, — одни отъ другихъ не отличались. Мишле въ исторіи того времени вспоминаетъ объ ужасномъ вязѣ, на которомъ висѣли трупы мущинъ и беременныхъ женщинъ, привязанныхъ солдатами въ одну зимнюю ночь на съѣденіе волкамъ; но это былъ далеко не исключительный случай. Довольно сказать что цѣлыя области Франціи обезлюдѣли; на мѣстѣ деревень значительной восточной полосы не встрѣчалось ни одного человѣческаго жилья и вся мѣстность стала обильна волками.

Общество жило въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго. Тогда почти не существовало духовныхъ интересовъ, да и не могло существовать, такъ какъ люди должны были заботиться о кускѣ хлѣба, а въ разоренной странѣ этимъ несчастнымъ не представлялось, конечно, никакой будущности. Наука и искусство были достояніемъ весьма немногихъ; литература рыцарская была истощена. Готическая архитектура пришла въ упадокъ, сосредоточиваясь лишь на деталяхъ. Если предъ этимъ парижскій университетъ побѣдилъ папство принципіально, то эта побѣда не принесла никакой пользы. Обездоленная Франція томилась въ печальномъ уныніи, которое такъ мрачно отразилось въ сочиненіи Жерсона, ректора парижскаго университета. Этотъ писатель въ своемъ „Подражаніи Іисусу Христу“ говоритъ: „ни ученые, ни знатные, ни короли, ни рыцари не въ состояніи обновить міра, дать ему жизнь“. Онъ убѣжденъ, что для переворота нужны героизмъ и чистота сердца. Дѣйствительно, только эти качества могли спасти Францію, а съ нею весь западный міръ. Въ самыхъ темныхъ краскахъ изображаютъ положеніе Франціи ея историки, а особенно рельефно Мишле, которому особенно удавались такіе критическіе моменты изъ прошлаго его отечества.

Тогда-то выступаетъ на сцену Орлеанская Дѣва.

Жанна д'Аркъ и ея историческое значеніе.

Больная психически съ дѣтства, Жанна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, съ тринадцатилѣтняго возраста, видѣла видѣнія, бесѣдовала съ пустынниками, слышала пѣніе какихъ-то неземныхъ существъ; она сама не отдавала себѣ отчета, какимъ міромъ, какой фантазіей жила. Ея нервная система была совершенно разстроена. Архангелъ Михаилъ сообщилъ ей, что неподалеку отъ одной церкви зарытъ рыцарскій мечъ, которымъ она спасетъ Францію; она нашла этотъ мечъ. Какія-то не-

вѣдомыя силы направляли ее въ ту самую годину, когда Францiя была въ отчаянiи, а Орлеанъ сталъ послѣднимъ прибѣжищемъ патрiотовъ. Несомнѣнно, что она не была подневольнымъ орудiемъ. Когда она явилась ко двору короля, то даже развратники, окружавшiе Карла VII, при видѣ ея смутились. Король послѣ бесѣды съ нею объявилъ, что она надѣлена божественнымъ откровенiемъ. Голосъ народа призналъ это за нею и король ввѣрилъ ей начальство надъ армiей. Но женская свита короля подвергла ея тогда же грязнымъ оскорбленiямъ. Во всякомъ случаѣ Жанна способна была фанатизировать королевскую армiю и повести ее съ королемъ во главѣ на Орлеанъ. Мало того; она, бѣдная дѣвушка, съ небольшимъ числомъ плохо вооруженныхъ воиновъ, заставляетъ англiйскую армiю по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, — вѣроятнѣе всего по недостатку у послѣдней съѣстныхъ припасовъ, — снять осаду Орлеана. Съ этого дня и совершился переворотъ къ лучшему въ судьбахъ Францiи ([1]).

([1]) Разбирая источники для эпохи Карла VII, мы оставили открытымъ вопросъ о матерiалѣ, относящемся непосредственно къ исторiи героини. Взглядъ на личность Жанны д'Аркъ и ея заслуги въ исторiи Францiи измѣнялся сообразно съ настроенiемъ общества и съ характеромъ лицъ, писавшихъ о ней. Первыя свѣдѣнiя о Жаннѣ д'Аркъ находимъ у бургундскаго лѣтописца Enguerrand de Monstrellet, который описалъ событiя съ 1400—1453 года и слѣдовательно былъ современникомъ героини. Продолжая Фруассара, онъ довелъ свой разсказъ до 1444 г. (изд. въ Пар. 1467, 2 f. и Buchon. Choix des chroniques. 1836—38; 17 v. t. II). Монтрелэ находился въ войскѣ бургундскаго герцога и участвовалъ при осадѣ города Компьена,—когда Жанна д'Аркъ при вылазкѣ изъ этого города была взята въ плѣнъ. Какъ человѣкъ, принадлежавшiй къ бургундской партiи, онъ былъ нерасположенъ къ Жаннѣ д'Аркъ; не смотря на это, его свидѣтельство, какъ современника, хотя и пристрастное, имѣетъ въ общемъ значительную цѣну.— Другое свидѣтельство находится у цитованнаго выше, епископа Базена (изд. Quicherat), который со словъ современниковъ зналъ руководителей событiй и питалъ симпатiю къ Жаннѣ д'Аркъ. Въ своей лѣтописи онъ помѣстилъ много бумагъ и актовъ, относящихся къ этому дѣлу; ихъ онъ прямо списывалъ съ оригиналовъ. Епископъ говоритъ о томъ обаянiи, которое производила Жанна д'Аркъ, и о томъ страхѣ, который она внушала англичанамъ. «Одно имя ея, говоритъ онъ, устрашало англичанъ; звукъ ея голоса приводилъ ихъ въ уныніе; появленiе ея наводило на нихъ трепетъ; они теряли внезапно всю свою силу, мужество и храбрость; оружiе переставало дѣйствововать въ ихъ рукахъ; всѣмъ этимъ въ нихъ вселялось убѣжденiе, что имъ не одолѣть французовъ и не

Взятіе Орлеана.

Побѣда Жанны д'Аркъ подъ Орлеаномъ совершенно измѣнила взаимное положеніе воюющихъ сторонъ; прежде перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ, а теперь они терпятъ рядъ пораженій, тѣмъ болѣе удивительныхъ, что французами предводительствуетъ простая дѣвушка.

побѣдить дѣву, которую они несправедливо назвали кудесницей». Третій —современникъ Жанны д'Аркъ и очевидецъ событій Жанъ Шартье, историкъ Карла VII, цитованный выше считается наиболѣе безпристрастнымъ изъ всѣхъ лѣтописцевъ того времени (изд. Vallet de-Viriville, P. 3 v. 1858). Въ ряду историческихъ источниковъ, — «Journal d'un bourgeois», доведенный до 1449 года и представляющій хронологическое и сухое изложеніе фактовъ, также уже цитованный памятникъ,—важенъ потому что представляетъ отношеніе народа къ подвигамъ «дѣвы» и характеризуетъ то положеніе, которое занимала Жанна д'Аркъ. Интересна стихотворная хроника Марціала Оверискаго, автора Les vigiles de la mort du roi Charles VII, (изд. въ Пар. 1490, 1493, 1505, 1724 гг. въ 2 f.) Марціалъ считается однимъ изъ выдающихся и талантливѣйшихъ писателей этого времени; онъ писалъ какъ разъ послѣ казни Орлеанской дѣвы. Марціалъ говоритъ, что она была мила и любезна, безъ гордости и зависти, и вела прекрасную, безукоризненную жизнь (et qui menoit belle vie); вообще онъ даетъ самую теплую характеристику героини.—Впослѣдствіи англійскіе лѣтописцы и историки старались развѣнчать Жанну д'Аркъ и отнеслись къ ней очень враждебно; они старались увѣрить всѣхъ, что Жанна была авантюристка и дѣйствовала изъ личныхъ интересовъ. Шекспиръ отнесся къ ней также очень враждебно (въ драматич. хроникѣ «Король Генрихъ Шестой», ч. I, дѣйствіе III и особенно V), а Вольтеръ съ цинизмомъ. Болѣе всего въ дѣлѣ изслѣдованія документовъ и освѣщенія личности Жанны сдѣлалъ Quicherat, изд. Procés de condamnation et de réhalitation de Jeanne d'Arc (P. 5 vls. 1840—49); въ первыхъ трехъ томахъ: документы обоихъ процессовъ 1431 и 1452 годовъ. въ IV—хроники и мемуары, въ V—письма, поэмы и пр. (между прочимъ его Aperçus nonveaux sur l'histoire de J. d'Arc. P. 1850). До него было написано до 70 монографій о Жаннѣ, всѣ большею частью односторонніи, или восторженныя или исполненныя ненависти, начиная съ Valerandus (De Gestis Johannae libri IV versu heroico, P. 1516). Изъ нихъ выдавались Fr. Schlegel (G. der Jungfrau von Orleans aus allen französichen Quellen, nebst einem Anhange von David Hume. B. 1802), Barthelemy de Beauregard (H. de J. d'Arc, d'après les croniques contemporaines, les recherches des modernes et plusieurs documents nouveaux. P. 2. v. 1847) съ обширнымъ указателемъ 1200 крупныхъ и мелкихъ статей о Жаннѣ. Послѣ Кишера писали Desjardins (1854), Renzi (1855), но лучшія монографіи дали Wallon (P. 1860, 2 v.), Eisell (J. d'Arc, genannt die Jungfrau von Orleans) и Michelet (въ Hist. de France). По Валлону составилъ свой очеркъ Порошинъ въ Р. Вѣстн., а по Мишле и Валлону проф. Петровъ, болѣе художественно, тамъ же и отдѣльно въ Очеркахъ (Х. 1882, стр. 223—256). Разборъ разныхъ мнѣній сдѣлалъ Sickel въ Hist. Zeitschrift (B. IV, S. 273).

Въ маѣ 1429 году Жанна привела французовъ въ Орлеанъ, а въ непродолжительномъ времени послѣ этого она предприняла движеніе на Реймсъ съ цѣлью короновать тамъ короля; англійскіе полководцы, загородившіе ей дорогу, были разбиты на голову и попались въ плѣнъ. Намѣстникъ англійскаго короля во Франціи, Бедфордъ не рѣшился принять боя—а прежде онъ думалъ о защитѣ Парижа—и отступилъ. Реймсъ былъ очищенъ (въ іюлѣ) и хотя королевскія регаліи находились въ рукахъ англичанъ, тѣмъ не менѣе коронація Карла VII удалась. Это произошло на второй мѣсяцъ появленія героини въ рядахъ войска. Послѣ совершенія коронаціи короля, Жанна считала миссію свою оконченною. Она просила Карла, чтобы онъ отпустилъ ее, но король не согласился, надѣясь, что ея присутствіе въ рядахъ войска, возбудивъ патріотизмъ, будетъ приносить постоянныя побѣды. Жанна согласилась; какъ и прежде, она находилась во главѣ арміи и дралась какъ простой солдатъ; французы подвигались впередъ и наконецъ подступили къ Парижу. Карлъ VII расположился съ войскомъ, численность котораго доходила до 12 тысячъ, на Монмартрѣ. Во главѣ воиновъ, въ день Рождества Богородицы, Орлеанская героиня при пѣніи гимновъ сдѣлала приступъ, но штурмъ Парижа кончился неудачей. Тогда впервые поколебался авторитетъ непобѣдимой дѣвы, которая прежде въ самое короткое время имѣла такіе грандіозные успѣхи. Весной 1430 года Жанна д'Аркъ присутствовала при защитѣ города Компьена, осажденнаго бургундцами. Жанна взялась предводительствовать отрядомъ, назначеннымъ для вылазки, но вылазка кончилась несчастливо. Французы должны были отступить. Жанна прикрывала отступленіе и осталась позади воиновъ, которые, простодушно думая, что она обладаетъ даромъ чудотворенія, заперли ворота. Она была окружена бургундцами и взята въ плѣнъ. Уже одно то, что военныя власти не озаботились принять мѣръ къ охранѣ героини, показываетъ, что она лишилась прежняго значенія. Сама же она потеряла вѣру въ свое призваніе послѣ взятія Орлеана, для спасенія котораго чувствовала себя призванной. Если она и продолжала находиться во главѣ войска, то не по собственной волѣ, а по принужденію.

Плѣнъ, судъ и казнь Жанны.

Теперь произошло нѣчто неожиданное; для спасенія героини, король и его придворные не сдѣлали ничего. Можно думать, что ея политическіе бездарные враги, ревнуя ее къ

власти и видя ее безусловное влiянiе на короля, нарочно устроили всю катастрофу. Не безъ основанiя полагаютъ, что пустой и развратный король, благодаря счастью и побѣдамъ Жанны наименовавшiй себя „le Victorieux",— въ послѣднее время слишкомъ подпалъ влiянiю своей фаворитки, властолюбивой Агнесы Сорель, которая, видя въ Жаннѣ д'Аркъ соперницу по влiянiю, не хотѣла уступить ей свое мѣсто ([1]). Какъ извѣстно, Шекспиръ въ своей драматической хроникѣ „Генрихъ VI", въ концѣ первой части, заставляетъ Жанну въ довольно откровенныхъ выраженiяхъ признаваться передъ казнью, что она была очень близка королю Рене и вообще французскому двору. Конечно, эта клевета со стороны великаго драматурга. Но очень можетъ быть, что Жанна, пользовавшаяся во французскомъ войскѣ громадной популярностью, оттѣсняла Сорель († 1450 г.) на второй планъ.

Англичане были обрадованы плѣномъ героини Францiи; теперь они боялись одного, какъ бы Жанна не ускользнула изъ ихъ рукъ. Жанна сперва находилась во власти одного бургундца, который, взявъ ее въ плѣнъ, не придавалъ особаго значенiя своему подвигу. Но черезъ три дня инквизицiя, по наущенiю англичанъ, потребовала плѣнницу у герцога бургундскаго. Парижскiй университетъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученыхъ богослововъ Сорбоны, поддержалъ требованiе инквизицiи. Вассалъ герцога, движимый личными выгодами, уступилъ плѣнницу Бедфорду за громадную сумму.

Бедфордъ, чтобы разрушить вѣру въ божественное посланiе Жанны, нарядилъ надъ ней церковный судъ; онъ нашелъ духовныхъ, готовыхъ служить ему орудiемъ, и бѣдной плѣнницѣ пришлось вытерпѣть страшныя страданiя. Въ iюлѣ епископы потребовали ее къ себѣ на судъ; въ октябрѣ ее привезли въ Руанъ, бросили въ смрадную тюрьму, заковавъ не только по рукамъ и ногамъ, но даже въ поясѣ, и только въ слѣдующемъ, т. е. 1431 году, передали духовнымъ судьямъ. Противъ нея предъявили четыре обвинительные пункта: 1) она заключила союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить значенiе въ свѣтѣ, вывѣдывала отъ него тайны, а также и будущее, и съ его помощiю заставила вѣрить себѣ; 2) обманула народъ и возбуждала его противъ англичанъ; 3) позволяла чтить себя святой и потому стала еретичкой; 4) пренебрегая чувствомъ стыда и обязанностями женщины, носила мужское платье, сражалась и обагряла руки кровью.—Обвиненную допраши-

(1) Delort. Essai critique sur l'histoire de Charles VII, d'A. Sorel et de Jeanne d'Arc. P. 1824.

вали сначала въ судѣ въ присутствіи чуть не полсотни богослововъ, потомъ въ тюрьмѣ, гдѣ были только инквизиторы, которые, разумѣется, писали все, что хотѣли, выключая все, служившее къ оправданію. Ее нарочно сбивали неясными для нея вопросами и діалектическими ухищреніями добывали отъ простой крестьянки требуемыя показанія. Такимъ путемъ число обвинительныхъ пунктовъ дошло до двѣнадцати. Ихъ предложили 58 членамъ суда и руанскому капитулу, которые приговорили Жанну къ тяжкому пожизненному заключенію. Но англичане этимъ не удовлетворились и потребовали смертной казни. Судьи согласились,— благовидный предлогъ найти было не трудно. Жанну, вѣровавшую въ свое вдохновеніе, заставили высказать прежнія убѣжденія, потомъ во время ея болѣзни подложили къ ней мужское платье и вслѣдъ за тѣмъ объявили, что она нераскаянная еретичка, такъ какъ продолжаетъ носить мужскія одежды. За это она должна быть казнена и для этой цѣли передана свѣтской власти. 30 мая 1431 года ее сожгли въ Руанѣ.

Казнь Жанны послужила ко вреду англичанъ; только съ этого времени стало замѣтно, какъ возросло у французовъ чувство патріотизма; ея смертью укрѣпилась увѣренность народа въ торжествѣ короля; самое ея имя стало священно и народъ поднялся отомстить за нее. Англичанамъ теперь приходилось имѣть дѣло не только съ войсками, но и съ народомъ. Франція все болѣе и болѣе усиливалась. Французы всевозможными средствами старались вредить англичанамъ, не давали имъ припасовъ, рѣзали и истребляли ихъ. Война стала принимать какъ-бы характеръ мести за Орлеанскую дѣву, особенно въ тѣхъ областяхъ, которые прославились громкими подвигами Жанны. Эти подвиги были нравственнымъ знаменемъ, водившимъ французовъ къ побѣдѣ. Во французской арміи не было организаціи, не было опредѣленнаго плана,— каждый дѣйствовалъ по своему, но энтузіазмъ всюду одушевлялъ, всюду возбуждалъ, проявляясь въ тяжелыя минуты испытаній.

Конецъ войны.

Наконецъ чувство стыда пробудилось и въ герцогѣ бургундскомъ Филиппѣ. Онъ оставилъ раздоры и сошелся съ Карломъ VII. Миръ между ними былъ заключенъ въ 1435 году; важнѣйшею статьей договора были территоріальныя уступки со стороны Карла. Не задолго до этого мира умеръ герцогъ Бедфордъ. Уже съ весны англичане терпѣли неудачи и теряли одинъ городъ за другимъ, но смерть Бедфорда была для нихъ самою тяжкою потерею. Все могущество англичанъ во Франціи держалось этимъ человѣкомъ.

Послѣ его смерти война еще тянулась 12 лѣтъ. Французы отняли Нормандію, а черезъ три года Бордо освободился отъ вѣковаго владычества англичанъ. Вскорѣ потомъ англичане приступили къ переговорамъ, которые кончились перемиріемъ и бракомъ англійскаго короля Генриха VI съ даровитой Маргаритою, дочерью Рене анжуйскаго; ему по завѣщанію достался престолъ Неаполя и Сициліи. Рене недавно возвратился изъ неудачнаго похода, въ которомъ лишился всѣхъ своихъ родовыхъ владѣній во Франціи. Генрихъ VI уступилъ теперь своему тестю герцогства Менъ и Анжу, принадлежавшія дотолѣ коронѣ. Такимъ образомъ Маргарита принесла съ собой въ Англію духъ примиренія. Она стала добрымъ геніемъ Франціи. Тогда явилась возможность прекратить столѣтнюю войну между Франціей и Англіей.

Значеніе столѣтней борьбы.

Когда Бордо, послѣдній оплотъ англичанъ въ западной Франціи, палъ передъ французскимъ оружіемъ въ 1453 году, —былъ заключенъ миръ. По условіямъ договора въ рукахъ англичанъ остался только городъ Калэ. Однимъ словомъ, долгая борьба кончилась ничѣмъ. Эта борьба, изъ которой Франція вышла если не побѣдительницей, то счастливо, имѣла благодѣтельныя послѣдствія на дальнѣйшую судьбу ея. Теперь Франція почувствовала себя единой и крѣпко сплотилась; благодаря этой борьбѣ, властители Франціи сознали недостатки въ организаціи тогдашнихъ государствъ, средневѣковыя формы начали переходить въ новыя, болѣе соотвѣтствовавшія измѣнившемуся направленію исторіи. Здѣсь можно за каждымъ годомъ прослѣдить постепенныя перемѣны. Въ 1444 году во Франціи окончательно сформировалось постоянное конное войско — gens d' armes. Оно состояло изъ 15 регулярныхъ частей во 100 копейщиковъ каждая, кромѣ опредѣленнаго числа командъ, состоявшихъ при этихъ „compagnies“. Какъ существенная форма переходнаго времени было преобразовано законодательство, для чего были обнародованы и собраны въ одно всѣ мѣстные судебные обычаи, которымъ была придана сила закона. Вообще при Карлѣ VII было произведено много радикальныхъ измѣненій и установленій, которыя впослѣдствіи очень помогли дальнѣйшему росту и историческому развитію Франціи.

Преобразованія совершались сами собой и не въ одной Франціи. Они коснулись и Англіи; это въ сущности была борьба стараго государства съ новымъ, феодализма съ народной монархіей.

Что касается до Карла VII, то онъ не одолѣлъ сопротивленія, которое организовалось противъ него. Его сынъ, дофинъ, будущій Луи XI, составилъ противъ него заговоръ и бѣжалъ къ бургундскому герцогу. Трусливый отецъ, такъ много претерпѣвшій въ своей несчастной жизни, теперь совершенно потерялся. Онъ уморилъ себя голодною смертью въ 1461 году.

---

2) Славянскій протестантизмъ въ области вѣры. Янъ Гусъ и его дѣло. Костницкій соборъ. Расколъ въ папствѣ. Гуситскія войны. Табориты. Чашники. Общинники Хельчицкаго. Новое государство Юрія Подѣбрада.

Схизма въ папствѣ.

Мы оставили Римскую Церковь въ самую критическую пору ея исторіи. Схизма, раздѣлившая ее, была самымъ тяжелымъ для нея испытаніемъ. Надѣялись, что кто либо изъ первосвященниковъ добровольно сложитъ тіару, но этого не случилось. Послѣ смерти Иннокентія VII его мѣсто занялъ венеціанецъ Григорій XII (1407—1410 г.). Тогда трудно стало разсчитывать на прекращеніе раскола, который какъ бы сжился съ идеею католицизма. Кардиналы клялись по прежнему, что готовы на всякія жертвы для прекращенія гибельныхъ раздоровъ, а на самомъ дѣлѣ не приносили ни одной. Они совершенно овладѣли Григоріемъ XII, который безъ дозволенія куріи не могъ посвящать новыхъ кардиналовъ, а въ ихъ прямыхъ интересахъ было не допускать прекращенія римскаго преемничества. Впрочемъ и самъ Григорій XII былъ строгихъ убѣжденій по этому вопросу. Онъ славился своимъ аскетизмомъ, своею суровою, святою жизнію. Онъ хотѣлъ единенія, но никогда не согласился бы уступить хотя что нибудь изъ своихъ историческихъ правъ. До смѣшнаго доходили его претензіи, его придирки, когда, по настоянію французскаго короля, онъ переговаривался съ своимъ соперникомъ, Бенедиктомъ XIII. Уполномоченные двухъ папъ выказали туже посольскую практику, которая хорошо извѣстна дипломатамъ Китайской имперіи. Уже городокъ Савона (на берегу Генуезскаго залива), послѣ долгихъ переторжекъ, былъ выбранъ мѣстомъ свиданія двухъ папъ, уже онъ былъ разсѣченъ на двѣ части самою тонкою математическою линіею, уже папы съѣзжались съ равнымъ конвоемъ изъ 8 галеръ и 200 солдатъ, уже они подвигались торжественнымъ шагомъ на своемъ шествіи изъ Авиньона и изъ Рима, уже казалось, все устроено было для обоюднаго

соглашенія, — но ничего нельзя было сдѣлать тамъ, гдѣ, по мѣткому замѣчанію Аретина, одинъ, „какъ морское животное боялся приблизиться къ берегу, а другой, какъ сухопутное, на оборотъ, боялся отстать отъ берега“. Обѣ стороны вдругъ сдѣлали рѣшительный шагъ назадъ и, если кто этому былъ радъ отъ всей души, то только развѣ неаполитанскій король Владиславъ. Ему опасно было допустить перевѣсъ Рима. Тогда французскіе сторонники легко могли удержаться на папскомъ престолѣ и конечно могли поддерживать принципы анжуйцевъ.

Впрочемъ дѣло разрѣшилось само собою весьма рѣшительнымъ образомъ. Правительство Карла VI каждымъ распоряженіемъ болѣе и болѣе обнаруживало непреклонность своего взгляда на схизму. За годъ до Пизанскаго собора были имъ изданы указы, въ которыхъ объявлялось, что правительство запретитъ повиновеніе папамъ, если тотъ и другой къ будущей Пасхѣ не откажутся отъ тіары. Бенедиктъ XIII въ отвѣтъ на это разразился отлученіями и угрозами церковнаго проклятія. Тогда окончательно порвались всѣ связи между Авиньономъ и Парижемъ. Король съ согласія Сорбоны и своего парламента издалъ декретъ, которымъ французскій папа объявлялся самозванцемъ, еретикомъ, схизматикомъ, нарушителемъ церковнаго спокойствія; ему, какъ возмутителю и врагу Церкви, запрещалось повиновеніе подъ страхомъ наказанія. Такія предложенія были разосланы всюду, гдѣ только прежде признавалась власть Авиньона. Кардиналы авиньонскіе, получивъ королевское разрѣшеніе, оставили своего владыку и удалились въ Ливорно. Римскіе кардиналы, слѣдуя готовому примѣру, покинули Григорія XII. Прелаты теперь по собственному почину съ конца 1408 г. съѣзжались на соборъ въ Пизу, гдѣ въ мартѣ 1409 года объявили свои засѣданія открытыми.

Пизанскій соборъ 1409 года.

Пизанскій соборъ отличался блестящей обстановкой (1). Кромѣ 24 кардиналовъ, на немъ участвовали 4 патріарха, 26 архіепископовъ, 41 пріоровъ, 288 аббатовъ, 300 докторовъ богословія и каноническаго права, представители европейскихъ государей, множество депутатовъ отъ различныхъ мѣстъ и учрежденій, наконецъ, какъ эксперты права, избранные профессоры университетовъ: парижскаго, тулузскаго, орлеанскаго, монпельерскаго, болонскаго, флорентійскаго, вѣнскаго, пражскаго, краковскаго, оксфордскаго и кембриджскаго. Въ

(1) Для исторіи соборовъ вообще — классическое и обширное сочиненіе Hefele. Conciliengeschichte (B. VII), а для соборовъ XV и XVI вѣковъ Wessenberg. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh. — Срв. Raumer (Hist. Tasch. 1849).

Пизѣ всего насчитывали до 15 тысячъ иностранцевъ. Здѣсь, въ первый разъ въ республиканскомъ городѣ Италіи, съѣхались люди всевозможныхъ политическихъ убѣжденій, представители различныхъ государствъ европейскихъ. Отсутствіе обоихъ папъ не могло помѣшать собранію провозгласить соборъ вселенскимъ (въ римско-католическомъ смыслѣ); оно, напротивъ, побудило впослѣдствіи объявить окончательное низложеніе и того и другаго папы (5 іюня 1409 года).

Теперь престолъ первосвященническій послѣ тридцатилѣтней смуты становился вакантнымъ. Оставалось только выбрать новаго папу, который бы совершилъ важный подвигъ внутренняго примиренія. Въ томъ же іюнѣ тіару возложили на голову архіепископа миланскаго, минорита строгой жизни, отшельника по характеру, ученаго богослова, даровитаго оратора, но плохаго администратора, уже престарѣлаго Александра V. Обладая большимъ богатствомъ, онъ оказалъ полное пренебреженіе къ прелестямъ и наслажденіямъ міра; на своемъ же островѣ Кандіи онъ сталъ просить милостыню, пошелъ въ монахи, достигъ за свою ученость епископскаго, архіепископскаго, кардинальскаго сана и никогда бы не надѣлъ тіары на свою сѣдую голову, если бы не настоятельныя требованія избирателей и энергичныя убѣжденія его любимца, кардинала Косса. Этотъ послѣдній, честолюбивый и распутный неаполитанецъ, былъ правою рукою и довѣреннымъ человѣкомъ у Александра V, мѣсто котораго было въ конфессіоналѣ, но никакъ не въ государственномъ кабинетѣ. Бальтазаръ Косса желалъ возвышенія своего патрона уже потому, что при немъ онъ былъ бы вторымъ лицемъ, или скорѣе первымъ во всемъ католическомъ мірѣ, что въ эту смутную эпоху онъ могъ руководить судьбами Римской Церкви, что его честолюбію открывалась широкая дорога, что въ скоромъ времени и ему судьба могла улыбнуться тіарою и его, простаго солдата, возвысить на ту недосягаемую ступень, высшую цѣль жизни, которая всегда такъ ласкаетъ мечты католическаго духовнаго. Не бѣда, что у Бальтазара (по словамъ его біографа Теодора Ніемскаго) въ одной Болоньи насчитывались десятки фаворитокъ, что ему приписывалось множество самыхъ разнообразныхъ преступленій, начиная отъ взятокъ и кончая убійствами. Дѣйствительно, его предчувствія и ожиданія сбылись. Чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ избранія, покровитель Бальтазара, Александръ V умеръ. Тогда Косса сдѣлался папою подъ именемъ Іоанна XXIII.

Папа Александръ V (1409-10 г.).

Папа Іоаннъ XXIII (1410-19 г.). Въ то время, когда засѣдалъ пизанскій соборъ съ цѣлью преобразованія, когда свергнутые претенденты предъявляли свои права, когда возникали церковныя неурядицы, когда въ то же время громко раздавались смѣлыя требованія полной реформы духовенства, на папскомъ уже объединенномъ престолѣ является циникъ и развратникъ, врядъ ли способный къ чему кромѣ буйныхъ оргій. Тогда смѣлѣе, чѣмъ когда нибудь могли возвысить свой голосъ и Григорій XII, и уже свыкшійся съ властью Бенедиктъ XIII. Первый жилъ въ Римини подъ покровительствомъ кондотьера Карла Малатеста, второй въ Испаніи подъ защитою аррагонскаго короля. Каждый изъ нихъ, опираясь на свои права, сзывалъ соборъ. Григорій XII назначалъ Равенну, Бенедиктъ XIII Перпиньянъ. Іоаннъ XXIII сыпалъ отлученіями и на нихъ и на тѣхъ немногихъ кардиналовъ, которые слѣдовали за ними. Но ему никто не хотѣлъ повиноваться. Противники не признавали его власти, какъ онъ не признавалъ ихъ правъ. Такимъ образомъ вмѣсто двухъ папъ явилось трое.

Въ эту минуту католическій церковный міръ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Общее безпокойство овладѣло всѣми. Никто не зналъ, кто правъ, кого должно считать истиннымъ папой. Къ тому же реформаторскія броженія явились въ народѣ и, грозно наростая, тревожили будущее католицизма. Достаточно вспомнить, что въ эту критическую минуту являются Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

Лолларды. Эпоха авиньонскаго плѣненія,— конецъ XIV и начало XV вѣка,—была временемъ наиболѣе сильнаго паденія теократической идеи, подавленія ея въ умахъ и нарожденія оппозиціи католицизму, выразившейся въ попыткахъ протестантизма. Заглушить негодованіе въ разныхъ странахъ Запада было невозможно. Протестъ, направленный противъ іерархіи Римской Церкви, касался не только обрядовъ, но даже и принциповъ. Тѣ страны, которыя болѣе всего терпѣли отъ теократіи, вступили въ открытую борьбу съ папствомъ. Мы говорили, какъ еще въ XII и XIII вѣкахъ проявилась эта борьба въ Провансѣ, который нѣкогда жилъ самостоятельною политическою жизнью. Подобная же оппозиція явилась въ XIV вѣкѣ въ Англіи. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность Виклефа служитъ связью между средними вѣками и эпохой Возрожденія классической древности, представляющей отрицаніе прежнихъ порядковъ (¹).

(¹) Послѣднія изслѣдованія о Виклефѣ ставятъ его дѣятельность въ связь съ позднѣйшей Реформой. Таковы труды Lechler (Vorgesch. der Reformation, L. 2 B. 1873) и Buddensieg (G. 1885).

Было сказано (II, 718), что Виклефъ въ 45 положеніяхъ рѣшительно задѣлъ католическую догматику. Онъ не признавалъ тайны пресуществленія, говорилъ, что хлѣбъ и вино не есть истинное тѣло и кровь Христа, а только ихъ изображеніе. Виклефъ кромѣ того отрицалъ законность претензій папъ на первенство предъ патріархами и возставалъ противъ свѣтской власти римскихъ епископовъ. Онъ имѣлъ смѣлость перевести библію на англійскій языкъ, что было безусловно порицаемо въ средніе вѣка папствомъ и что было вновь воспрещено въ 1409 году помѣстнымъ соборомъ въ Оксфордѣ.

При всемъ томъ Виклефъ былъ первый реформаторъ, котораго взяла подъ защиту свѣтская власть, такъ что легаты папскіе должны были сносить оскорбленія, наносимыя открыто римской куріи. Виклефъ не только не былъ сожженъ, но умеръ спокойно, оставивъ множество послѣдователей своего ученія, извѣстныхъ подъ именемъ лоллардовъ. Ихъ въ XIV вѣкѣ насчитывали сотни тысячъ и только въ 1400 году Римская курія убѣдила короля Генриха IV Ланкастера преслѣдовать еретиковъ, за что обѣщала королю поддержку въ борьбѣ съ противной партіей. Тогда-то былъ сожженъ священникъ Вильямъ Саутри, послѣдователь Виклефа, первый мученикъ за вѣру въ Англіи. Затѣмъ сожгли портного Джона Вэдби въ присутствіи королевской фамиліи. Этотъ еретикъ говорилъ, что по католическимъ толкованіямъ въ каждомъ полѣ можно найти чуть не 20 тысячъ боговъ. Также погибъ лордъ Кобгэмъ, глава лоллардовъ, называвшій папу антихристомъ. Онъ былъ повѣшенъ, а трупъ его сожженъ. Такимъ образомъ открытый протестъ прошелъ чрезъ всѣ сословія.

Несмотря на эти упорныя гоненія, церковная оппозиція перешла за предѣлы Англіи. Что касается до Франціи, то тамъ послѣдователи Виклефа не могли найти мѣста. Франція не была расположена къ церковному протесту. Здѣсь рыцарство уже 150 лѣтъ назадъ ревностно истребляло провансальскихъ еретиковъ, и, поживившись грабежемъ, скорѣе склонно было душить ересь, чѣмъ покровительствовать реформѣ. Много искренняго сочувствія встрѣтили ученики Виклефа въ Германіи, страдавшей не менѣе Англіи отъ папскаго гнета, а еще большее движеніе произвелъ протестъ въ Чехіи, гдѣ для того была подготовлена почва.

Мы убѣдимся, что начало просвѣтительнаго и религіознаго движенія позднѣйшаго времени надо искать среди славянской народности, подобно тому какъ фактическое начало

оппозиціи противъ Римской Церкви, коренившееся въ ереси альбигойцевъ, исходило изъ среды болгаръ (II, 103).

Чехія послѣ Премыслидовъ.

Предъ нашими глазами даровитое славянское племя изнемогаетъ въ борьбѣ съ германскою стихіею. Напомнимъ факты чешской исторіи. Въ 1306 году со смертью короля Вячеслава III, убитаго въ Польшѣ наемнымъ злодѣемъ во время похода, прекращается въ Чехіи знаменитая династія Премысла, давшая этому государству силу и блескъ. Тогда Чехія не ограничивалась своими настоящими предѣлами, но обнимала бо́льшую часть нынѣшней Австріи. Лишенная національной династіи, Чехія должна была сблизиться съ Германіей и нѣмцы явились на тронѣ ея государей. Тогда-то подъ вліяніемъ императора германскаго чешскимъ королемъ былъ избранъ австрійскій принцъ Рудольфъ хорутанскій. Но чехи не признавали его, а равно и преемника его, Генриха Хорутанскаго. Они выбрали Яна Люксембургскаго, потомство котораго правило въ Чехіи съ 1311 до 1437 года и было невольной причиной паденія чешской народности. Братъ новаго короля былъ женатъ на Елизаветѣ чешской, дочери Вячеслава III; такимъ образомъ династія Премысла была связана съ нѣмецкой. Чешскія сословія при этомъ поставили обязательныя условія новому королю, какъ чужеземцу. Онъ обязывался особою грамотою держать войско въ опредѣленномъ количествѣ, необходимомъ лишь для охраненія границъ; подати поступали ему впредь въ извѣстномъ размѣрѣ и то лишь въ случаѣ замужества королевскихъ дочерей и на издержки по коронаціи; онъ не могъ пользоваться выморочными имуществами и долженъ былъ оберегать права наслѣдованія въ дворянскихъ и рыцарскихъ имѣніяхъ, какъ они были до него; онъ обязывался не допускать иностранцевъ до государственныхъ должностей и даже до пріобрѣтенія и управленія имѣніями въ предѣлахъ королевства. Всѣ эти условія были обязательны и для его преемниковъ. Несмотря на все это, Янъ былъ чуждъ Чехіи. Онъ подвизался на турнирахъ, учавствовалъ въ англо-французской войнѣ, носился во всѣхъ концахъ міра, но не зналъ своей страны. Онъ готовъ былъ уступить Чехію баварскому королю за прирейнскія земли. Его сынъ Карлъ, увѣнчанный императорской короной, предпочелъ поддержать былое могущество Чехіи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ поборникъ чешской народности, но онъ былъ на столько самолюбивъ, что, будучи чешскимъ королемъ, считалъ обязанностью поддерживать усыновившее его отечество. Нѣмцы не напрасно называли его

отцемъ Чехіи и вотчимомъ Германіи. Съ цѣлью освободиться отъ нѣмецкаго духовенства, онъ основалъ особое пражское архіепископство съ національною іерархіей.

Пражскій университетъ.

Имъ же былъ основанъ въ 1360 году пражскій университетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и славныхъ въ Европѣ. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе въ развитіи протеста. Съ открытіемъ университета чехи получили въ немъ высшій авторитетъ въ области умственныхъ вопросовъ и поддержку въ борьбѣ за религію, за національность. Дѣло въ томъ, что пражскій университетъ, по своему географическому положенію, сталъ центромъ умственной жизни не только для чеховъ и окрестныхъ славянъ, но и для нѣмцевъ. Нѣмцы не могли оставить въ славянскихъ рукахъ это сильное орудіе. Они вмѣшивались въ управленіе университетомъ и нѣмецкая національность пріобрѣла право отдѣльнаго голоса. Этотъ голосъ касался не только управленія университетомъ, но также примѣнялся къ студенческимъ дѣламъ. Выборъ профессоровъ опредѣляли магистры, при чемъ было въ обычаѣ голосовать кандидатовъ, но—не отъ лицъ, а отъ національностей, которыхъ было четыре, а именно національности: чешская, саксонская, баварская и польская. Къ польской національности принадлежали и силезцы. Естественно, что три послѣднихъ голоса были всегда противъ четвертаго. Такимъ образомъ задача Карла на практикѣ приняла другой характеръ, и въ университетѣ возобладало нѣмецкое направленіе, тѣмъ болѣе что должность высшаго главы университета, канцлера, всегда соединялась съ архіепископствомъ пражскимъ; канцлеръ же раздавалъ степени магистерскую и докторсвую и этимъ путемъ держалъ въ рукахъ всѣ выборы. Чехи были подавлены большинствомъ, благодаря искусной баллотировкѣ, отчего подборъ вліятельныхъ лицъ въ университетѣ былъ на сторонѣ нѣмцевъ. Самоуправляющаяся община учащихъ и учащихся избирала ректора на полгода, а по четыремъ факультетамъ избирали на годъ декановъ, экзаменаторовъ, будущихъ бакалавровъ и учителей, которые также допускались къ преподаванію въ своихъ факультетахъ. Важное значеніе въ развитіи чешской національности имѣло также покровительство Карла славянскимъ монахамъ и проповѣдникамъ. До сихъ поръ въ новой части Праги показываютъ остатки монастыря, въ стѣнахъ котораго было слышно когда-то славянское пѣніе католическихъ молитвъ.

Эмаусскій монастырь.

Эмаусскій монастырь былъ обязанъ своимъ существованіемъ Карлу. Онъ пригласилъ сюда монаховъ изъ славянъ. Надо замѣтить, что эта мѣра не соотвѣтствовала взглядамъ Карла IV. Онъ былъ нѣмецъ, и казалось бы не въ его интересахъ было подерживать славянское богослуженіе. Нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ, а именно Елагинъ, Новиковъ и др. видѣли здѣсь доказательство существованія національнаго направленія чешской Церкви, которая была въ оппозиціи съ Римомъ. Покойный Палацкій, лучшій историкъ чешскій, усматривалъ въ этомъ одну изъ мѣръ католической пропаганды; онъ полагалъ, что такой мѣрою имѣлось въ виду достигнуть уніи между православными славянскими землями и Чехіей. Король домогался будто сближенія Стефана Душана и сербовъ съ чехами. Это предположеніе опирается на слабое основаніе. Если подобная мысль и была у чешскаго короля, то не съ этою цѣлью онъ приглашалъ славянскихъ монаховъ.

Православный обрядъ.

Эмаусскій монастырь, гдѣ молящіеся понимали всю службу, посѣщался массою народа. Скоро онъ сталъ любимымъ храмомъ чеховъ и возбудилъ зависть въ патерахъ. Замѣчательно, что папа, разрѣшая основаніе славянскаго католическаго монастыря, самъ проговорился о существованіи православной Церкви въ Чехіи. Самую необходимость открытія монастыря онъ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: „Такъ какъ въ Богеміи жители принадлежатъ къ славянской народности и религіи, то существуетъ много схизматиковъ, которые проповѣди на латинскомъ языкѣ слушать не хотятъ, потому не могутъ быть удобно обращаемы въ христіанскую (т. е. въ католическую) вѣру". Въ силу того проповѣдь на народномъ языкѣ въ своемъ королевствѣ онъ признавалъ настоятельною и полезною. Является вопросъ, кто же были нежелающіе принимать латинскую вѣру? Не были-ли они приверженцы греко-русскаго обряда? Объ этомъ можно говорить гадательно по католическимъ и протестанскимъ памятникамъ. Извѣстно, что христіанство было возвѣщено въ 863 году Меѳодіемъ въ Моравіи (I, 350) по греческому обряду, спустя 40 лѣтъ послѣ крещенія Моймíра. Отсюда проповѣдь была перенесена въ Чехію, гдѣ ее заглушила римская пропаганда. Но уничтожить въ конецъ восточный ритуалъ Римъ не могъ. Реакція стараго обряда проявилась въ обрядѣ причащенія. Въ Чехіи кое-гдѣ причащались подъ двумя ви-

дами, чего не было ни въ одной католической странѣ. Гуситъ Странскій въ 1634 году пишетъ, что въ IX вѣкѣ латиняне насильно вторглись въ Чехію, что до XII вѣка здѣсь были послѣдователи восточнаго обряда, что приверженцы греческой Церкви имѣли іерархію, и что Гусъ слѣдовалъ древнѣйшему обряду. Другой историкъ, Коменскій, говоритъ, что чехи только въ позднѣйшее время усвоили „неистовый“ католическій обрядъ и причащеніе подъ однимъ видомъ. Этому введенію новаго обряда способствовали нѣмецкіе богословы, а также и студенты-иностранцы, завлекавшіе своимъ примѣромъ другихъ.

Въ силу этихъ доказательствъ, Гильфердингъ полагалъ, что греческій обрядъ имѣлъ въ Чехіи за собою приверженцевъ, и что ради уніи было допущено славянское богослуженіе. Эмаусскій монастырь имѣлъ много славянскихъ хартій, написанныхъ глаголицей, но большинство ихъ до насъ не дошло, ибо масса памятниковъ была истреблена во время католической реакціи. Вотъ почему мы не знаемъ, былъ ли въ монастырѣ греческій обрядъ. Вообще изложенная теорія можетъ считаться только гипотезой. Странскій говоритъ еще о вліянія на Чехію вальдензовъ, которые будто очистили обрядъ и затѣмъ въ XIII вѣкѣ не имѣли уже послѣдователей. Вообще чешскіе ученые отвергаютъ православное вліяніе въ Чехіи. Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать русскую теорію, которая, проливая свѣтъ на исторію православія въ Чехіи, объясняетъ въ то же время самые загадочные факты.

Миличъ изъ Кромерижа.

Какъ бы то ни было, публичное чешское національное богослуженіе—было ли оно православное или какое другое—не понравилось римскимъ монахамъ, потому что въ 1347 году, послѣ сооруженія монастыря и допущенія греко-восточнаго обряда, настояли на королевскомъ указѣ, въ силу котораго Римская Церковь объявлена была господствующей и всѣмъ ея ослушникамъ назначалась смертная казнь. Между тѣмъ оппозиція назрѣла и не ограничилась однимъ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Это ясно выразилось уже тѣмъ, что, когда обнародованъ былъ этотъ актъ нетерпимости, народился церковный протестъ.

Проповѣдникъ, близкій къ королю, каноникъ Миличъ изъ Кромерижа, вдругъ въ 1363 году покидаетъ придворное мѣсто вмѣстѣ съ богатствомъ, отрекается отъ всего прошлаго, начина-

етъ проповѣдывать покаяніе, говоритъ, что въ лицѣ императора народился антихристъ, возстаетъ противъ пражскаго архіепископа и даже самого папы. За это Миличъ попалъ въ тюрьму. Онъ аппелируетъ къ Урбану V. Его вызываютъ въ Римъ. Пріѣхавъ въ столицу первосвященника, Миличъ не нашелъ папы. Не желая оправдываться передъ кардиналами, онъ прибиваетъ на дверяхъ собора св. Петра объявленіе о бывшемъ ему божественномъ откровеніи, возвѣщая что антихристъ уже появился и сидитъ въ этомъ храмѣ. Верховный инквизиторъ арестовалъ Милича въ самой церкви и препроводилъ его въ тюрьму къ нищенствующимъ францисканцамъ. Послѣдніе заранѣе торжествовали и предсказывали гибель своего врага. Но съ прибытіемъ Урбана V положеніе Милича улучшилось. Папа немедленно по пріѣздѣ въ Римъ велѣлъ привести его къ себѣ. Неизвѣстно, о чемъ шла рѣчь, но папа кончилъ тѣмъ, что отпустилъ заключеннаго, который не говорилъ болѣе объ антихристѣ. Возвратившись въ Прагу, Миличъ явился отчаяннымъ демагогомъ и разорвалъ связь съ обрядностью. Онъ кормилъ нищихъ, былъ ходатаемъ за бѣдныхъ. Онъ изучилъ нѣмецкій языкъ, чтобы имѣть возможность проповѣдывать по-нѣмецки. Въ короткое время онъ сдѣлалъ то, что впослѣдствіи Савонарола во Флоренціи. Продажныя женщины, тронутыя его пылкими рѣчами, бросали свое ремесло и дѣлались послушницами монастырей. Особенно обрушился Миличъ на нищенствующихъ монаховъ. Тѣ, видя его страшную силу въ городѣ, послали новый доносъ къ папѣ, въ которомъ говорили, что Миличъ снова проповѣдуетъ и объ антихристѣ, и о причащеніи подъ обоими видами, унижаетъ духовныхъ, называетъ грѣховными занятія искусствами, вооружается противъ имущества духовныхъ и толкуетъ о мнимомъ угнетеніи народа.

Миличъ являлся борцемъ столько же противъ папскаго честолюбія, сколько противъ матеріальнаго направленія въ жизни. Папа велѣлъ мѣстному епископу и властямъ принять мѣры и просилъ должнаго содѣйствія у императора Карла IV. Вѣроятно, послѣдній не оказалъ желаемаго содѣйствія, потому собственно, что продолжалъ любить Милича и видѣлъ въ немъ по прежнему преданнаго себѣ человѣка. Такъ какъ Миличъ получилъ право аппелиривать къ папѣ, то онъ, игнорируя угрозы, смѣло отправился въ Авиньонъ, гдѣ тогда была резиденція папы. Онъ снова оправдался, но въ Авиньонѣ заболѣлъ и умеръ спокойно, не преслѣдуемый властями. Современные цер-

ковные лѣтописцы проклинаютъ его память, но нѣкоторые болѣе безпристрастные называютъ его святымъ дѣятелемъ, равнымъ апостоламъ. Несомнѣнно, что онъ допускалъ причащеніе подъ обоими видами, sub utraque, и это даетъ основаніе вводить его ученіе въ тѣсную связь съ пропагандой греко-восточнаго культа въ Чехіи. При этомъ Миличъ допускалъ даже ежедневное принятіе св. Таинъ, послѣ надлежащаго покаянія въ грѣхахъ (¹).

Должно замѣтить, что нѣсколько ранѣе—за проповѣдь менѣе смѣлую—погибъ монахъ Конрадъ Вальдгаузенъ, писавшій противъ августинцевъ и доминиканцевъ и обличавшій ихъ за жестокости. Миличъ же умеръ спокойно. Онъ не задѣвалъ церковной іерархіи, не касался католической догматики, но его преслѣдовали потому, что онъ поддерживалъ старый обычай пріобщать мірянъ подъ обоими видами, т. е. отдѣльно хлѣбомъ и отдѣльно виномъ изъ чаши, какъ прежде дѣлалось у всѣхъ христіанъ, а теперь осталось у православныхъ священнослужителей. Духовная оппозиція, навѣянная духомъ Милича, все болѣе крѣпла. Явилось желаніе слушать проповѣдь на родномъ языкѣ, для чего протестанты собирались обыкновенно въ потаенныхъ мѣстахъ. Подъ вліяніемъ проповѣдей Милича и его „libellus de Antichristo“ въ литературѣ возникло обличительное направленіе жизни и нравовъ духовенства.

Матвѣй изъ Янова.

Послѣ Милича выступаетъ на сцену его ученикъ Матвѣй, получившій въ Парижѣ степень магистра. Въ своемъ большомъ богословскомъ сочиненіи „de regulis Veteris et Novi Testamenti“, Матвѣй защищаетъ преимущество св. Писанія противъ церковныхъ преданій и ставитъ Евангеліе превыше всего. Его за это предали инквизиторскому суду за ересь. Но обстоятельства дали ему возможность избѣгнуть дальнѣйшихъ гоненій. Матвѣй служилъ каноникомъ въ пражскомъ соборѣ. Онъ не былъ громкимъ дѣятелемъ и не имѣлъ славы своего знаменитаго ученика. Онъ жилъ внутреннею жизнью и его

(¹) Іезуиты въ родѣ Balbinus исказили біографію Милича, тщательно устраняя всякую связь его ученія съ православіемъ. Новиковъ—Православіе у чеховъ, 57 и слѣд.—Articuli domini Milleczii,—эти 12 положеній, считавшіеся потерянными,—отысканы Палацкимъ (G. von Böhmen; III, 171). Они изложены у Jordan. Die Vorläufer der Husitenthums in Böhmen (L. 1846), 40.

извѣстность заключается въ его богословскихъ трудахъ. Указывая на одновременное папствованіе двухъ первосвященниковъ, Матвѣй видитъ въ этомъ явное попущеніе за грѣхи людей и за проступки католическаго духовенства. Онъ призываетъ народъ къ покаянію, убѣждая мірянъ къ ежедневному причащенію, и непремѣнно подъ обоими видами. Что Матвѣй понималъ значеніе греческой Церкви и обряда, что онъ предпочиталъ послѣднее, это видно изъ его слѣдующихъ словъ: „Первый жезлъ владычества римскаго сокрушился, когда греки отдѣлились отъ Римской Церкви за дарованіе папѣ свѣтской власти; другой — когда франки вмѣстѣ съ другими народами Запада отпали отъ римскаго первосвященника. Тогда-то совершилось окончательное раздѣленіе двухъ Церквей раньше суднаго дня, какъ предсказывалъ апостолъ Павелъ. Всѣ бѣдствія Римской Церкви начались съ того времени, когда папа сталъ раздавать духовныя должности и требовать поклоненія отъ всѣхъ частей Церкви помимо ихъ непосредственныхъ владыкъ; тогда-то совершилось отторженіе грековъ". Не смотря на это Матвѣй, который шелъ далѣе своего учителя и рѣшительнѣе его возставалъ противъ церковной іерархіи, не позволялъ себѣ задѣвать догматическую сторону. Матвѣй страдалъ не столько, сколько можно было ожидать. Онъ спокойно умеръ въ 1394 году (¹). Во всякомъ случаѣ высказанныя имъ мысли, все болѣе и болѣе проникавшія въ народъ, явно выказывали предпочтеніе греко-восточному обряду передъ католическимъ, вслѣдствіе чего заставляли церковныя власти преслѣдовать національное богослуженіе. Мы видѣли, что тѣ, которые допускались къ церковному богослуженію на старо-славянскомъ языкѣ, которые говорили проповѣдь по чешски, рано или поздно задѣвали авторитетъ папы. Потому-то архіепископъ пражскій, всѣ епископы, аббаты и духовныя власти вообще избѣгали чешскихъ проповѣдниковъ. Они распорядились прекратить чешскую проповѣдь.

Янъ изъ Мюльгейма. Тогда чешскій рыцарь Янъ изъ Мюльгейма въ 1394 году выпросилъ у папы позволеніе выстроить и обезпечить въ Прагѣ особую часовню для проповѣди слова Божія на чешскомъ языкѣ. Въ этой часовнѣ должно было проявиться все оппозиціонное направленіе противъ католическаго культа.

(¹) Подр. Jordan. Die Vorläufer der Husitenthums; 47 etc.

Одно позднѣйшее протестанское преданіе разсказываетъ, что греческихъ православныхъ проповѣдниковъ изгнали изъ Вышеграда, и что слѣдомъ за ними изъ всѣхъ чешскихъ храмовъ стали выгонять и энергично преслѣдовать исповѣдниковъ греческаго обряда. Ненавистная литература на славянскомъ языкѣ, а равно и проповѣдь могла держаться лишь въ замкахъ магнатовъ, или гдѣ нибудь въ глуши лѣсовъ, куда стекались толпы. Монахи и священники преслѣдовали, грабили людей, подвертали ихъ пыткѣ, уводили въ неволю, бросали въ рудники. До насъ дошла грамота по поводу открытія Виѳлеемской часовни. Въ ней точно указывается цѣль и задача дѣятелей часовни. „Хотя въ Прагѣ, говоритъ папская грамота, много храмовъ, но въ ней нѣтъ церкви, гдѣ бы исключительно раздавалась проповѣдь евангельская. Проповѣдники же, особенно говорящіе на чешскомъ языкѣ, должны скрываться въ глуши домовъ истинно вѣрующихъ, а потому эта часовня устраивается для блага христіанскихъ душъ, дабы христіане могли наслаждаться безпрепятственно пищею духовной“. Какъ патронъ и сторонникъ часовни, Янъ Мюльгеймскій, имѣлъ полное право выбрать по собственному желанію настоятеля. Онъ указалъ на молодого профессора университета, Яна Гуса. Это было въ 1402 году.

А тогда трое папъ, Бонифацій XII, Бенедиктъ XIII, Іоаннъ XXIII, одинъ изъ Авиньона, другой изъ Испаніи, третій изъ Рима —ссорились и перекались между собой, возбуждая недовѣріе къ самой Церкви, которая была поставлена въ такое положеніе, что не могла найти себѣ главы. Особенно печально было положеніе Германіи.

Король Вячеславъ IV (1363-1419 г.).

Ничего не было ничтожнѣе тогда бездарнаго короля чешскаго, сына Карла IV, Вячеслава IV. Онъ былъ въ одно время и императоромъ и королемъ Чехіи. Единственнымъ отличительнымъ его свойствомъ была страсть къ пьянству. Современники небезосновательно прозвали его этимъ именемъ. Грубый Вячеславъ IV всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ низкихъ страстей. Онъ обобралъ въ пражское возстаніе до трехъ тысячъ евреевъ, далъ загрысть охотничьимъ собакамъ свою жену, а доктора правъ Яна изъ Помука, который не призналъ его перваго распоряженія, бросилъ въ Молдаву. Янъ и до сихъ поръ признается всѣмъ чешскимъ народомъ мученикомъ. Подобный король не могъ имѣть никакого значе-

57*

нія. Германія слагалась въ союзы изъ отдѣльныхъ государствъ и городовъ, служа живымъ доказательствомъ упадка духовнаго вліянія. Эти союзы еще болѣе ослабили Германію.

Его императорство (1378-1400 г.) и битва при Земпахѣ въ 1386 г.

Тогда сильнымъ союзомъ былъ швабскій, въ составъ котораго входило 34 города, а послѣ 41. Съ другой стороны образовались рыцарскіе союзы, между которыми не было недостатка въ соперничествѣ. Въ этомъ союзѣ участвовали большіе и малые города, маленькія княжества, союзы городовъ съ рыцарствомъ и т. д. Но интересно было то, что въ эти нѣмецкіе союзы входили города и другихъ государствъ. Такъ напр. сѣверная Швейцарія (II, 483), говорившая нѣмецкимъ языкомъ, благодаря единству, стала впослѣдствіи оказывать давленія на австрійскіе города и тянуть ихъ къ себѣ. Это вызвало негодованіе и мѣры стороны австрійскаго герцога Леопольда, такъ какъ швейцарцы снимали таможни и лишали герцога косвенныхъ доходовъ. Борьба между австрійскими рыцарями и свободными швейцарцами отличалась упорствомъ и отчаяніемъ съ той и другой стороны. Сраженіе произошло при Земпахѣ въ 1386 году. Это былъ военный турниръ, на которомъ былъ рѣшенъ разъ навсегда споръ о превосходствѣ легкаго строя надъ латниками. Въ началѣ рыцари уже торжествовали побѣду, но Арнольдъ Винкельридъ изъ Унтервальдени рѣшился пожертвовать собою для спасенія независимости родины.—„Друзья, я пробью вамъ дорогу, воскликнулъ онъ, кидаясь на копья австрійскихъ всадниковъ; не забудьте жену и дѣтей моихъ!“ Онъ схватилъ устремленныя копья руками и вонзилъ ихъ въ свою грудь. По его трупу прошли швейцарцы, пользуясь роковымъ мгновеніемъ. Тогда произошло смущеніе въ рядахъ австрійцевъ. Бердышъ побѣдилъ мечъ рыцарей. Леопольдъ погибъ, а съ нимъ пало 700 рыцарей. Послѣ битвы подъ Нейфельсомъ, швейцарцы принудили Австрію просить мира въ 1389 году. По этому миру швейцарцы удержали свои завоеванія. Они съ гордостью говорили о побѣжденномъ врагѣ: „Богъ сотворилъ свой судъ надъ рыцарями за ихъ высокомѣріе“.

Рыцарскіе идеалы теперь уже исчезали; благородное сословіе разбойничало. Потому въ Швабіи горожане зачастую казнили рыцарей совершенно законно. Хотя въ 1389 году былъ заключенъ общій земскій миръ въ западной Германіи, но тѣмъ не менѣе тяжело было жить тогда въ Баваріи, Шва-

бiи и на верхнемъ Рейнѣ. Въ это время, говорятъ хроники, погибло народу болѣе, чѣмъ въ сотню лѣтъ. Деревенскiе жители отъ дикой разнузданности рыцарей укрывались въ замки и города. Хижины поселянъ опустѣли; жизнь ушла въ города и крѣпости. Все было опустошено огнемъ и мечемъ. На императора Вячеслава или—какъ его называли нѣмцы—Венцеля, никто не обращалъ вниманiя. Онъ къ тому же рѣдко бывалъ въ Германiи. Упрямецъ, сумасбродъ, лѣнивый, онъ не имѣлъ никакой политической системы. Онъ дождался того, что его сами чехи посадили въ заключенiе, отъ котораго его освободилъ лишь младшiй братъ Iоаннъ. Въ 1400 году Венцель былъ лишенъ наконецъ императорской короны приговоромъ князей. Это былъ актъ свободной воли князей. Тамъ прямо сказано слѣдующее: „Онъ Венцель ничего не сдѣлалъ во время междоусобiй, такъ что никто не зналъ, гдѣ искать справедливости и защиты. Всѣ увѣщанiя были безполезны и ничего другаго нельзя было заключить какъ то, что императоръ не желаетъ прилагать какихъ бы то ни было попеченiй, а потому онъ низводится съ престола, какъ человѣкъ безпечный и вслѣдствiе того недостойный управлять государствомъ“. Это первый примѣръ протеста во имя спокойствiя, во имя порядка противъ анархiи. Рупрехтъ Пфальцскiй былъ выбранъ королемъ римскимъ церковной германской партiей, подъ условiемъ возстановленiя имперской власти въ Миланѣ. Вячеславъ IV остался только на чешскомъ престолѣ. Но въ слѣдующемъ году его едва не лишили и чешской короны. Сигизмундъ, его братъ, захвативъ его, возилъ изъ замка въ замокъ, какъ какую нибудь вещь, и привезъ его наконецъ въ Вѣну, гдѣ продержалъ въ заключенiи подъ домашнимъ арестомъ полтора года. Когда одинъ изъ вассаловъ освободилъ Вячеслава, Сигизмундъ опять сдѣлалъ попытку захватить короля, пока наконецъ не удовлетворила его и не отвлекла императорская корона, которую онъ получилъ въ 1410 году и держалъ въ своихъ рукахъ 27 лѣтъ въ самое трудное время. Понятно, что не Вячеславъ призванъ былъ руководить Чехiей въ перiодъ предстоящей борьбы. — Вотъ тѣ условiя, въ которыхъ находилась Чехiя при началѣ великаго религiознаго движенiя.

Янъ Гусъ (6 iюля 1369— 6 iюля 1415 г.).

Мы говорили о томъ, что церковному протесту въ Чехiи благопрiятствовало политическое положенiе этой страны. То

состояніе, въ какомъ находилась тогда Чехія, отсутствіе сильной королевской власти, постоянныя столкновенія съ нѣмцами, все это благопріятствовало появленію церковнаго протеста. Король Вячеславъ IV не пользовался значеніемъ; притомъ, лишенный императорской короны, исполненный столько же ненависти къ папѣ, столько и къ нѣмцамъ,—хотя самъ онъ былъ нѣмцемъ по происхожденію и симпатіямъ,—онъ дѣйствовалъ противъ германскаго авторитета въ Чехіи. Направляемое недовольствомъ и чисто религіозными элементами, національное движеніе въ Чехіи быстро созрѣвало и тѣмъ въ свою очередь взаимно содѣйствовало росту церковнаго протеста. Національное направленіе короля, вторившее духу общественнаго мнѣнія чеховъ, выразилось, между тѣмъ, въ его отношеніи къ пражскому университету, гдѣ высшія должности занимали чехи, а профессоръ Янъ Гусъ, недавно выбранный деканомъ, одно время былъ ректоромъ. При началѣ столкновенія Гусу было около 35 лѣтъ.

Знаменитый поборникъ славянства, Гусъ родился 6 іюля 1369 года въ пограничномъ чешскомъ мѣстечкѣ Гусинцѣ, принадлежавшемъ тогда баварскому герцогу. Это мѣстечко, какъ приписанное къ герцогскому двору, окрестными нѣмцами называлось Haus, что по баварскому произношенію выговаривалось какъ „Hus". Янъ или Іоаннъ сдѣлалъ изъ названія мѣстечка свое прозвище ([1]). Происхожденіе Гуса мало извѣстно ([2]). Онъ вышелъ вѣроятно изъ крестьянъ или ремесленниковъ и всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ. Гусъ началъ свою профессорскую дѣятельность съ 1396 года, когда возведенъ былъ въ мистры (доктора) „свободныхъ наукъ". Онъ преподавалъ на богословскомъ и философскомъ факультетахъ.

([1]) Современники писали иногда: Ioannes Husinetz, I. de Husenitz, I. de Husin. Самъ реформаторъ подписывался Johannes Hus.

([2]) Источники для исторіи Чехіи въ Scriptores rerum Bohemicarum съ тѣми значительными дополненіями, которыя представилъ Палацкій въ своемъ спеціальномъ изданіи, не вполнѣ законченномъ Archiv Český Čili staré pismené pemátky Česke i morawske (w. Praze, 29 sw. 1840—73) и ранѣе въ 3 томѣ Scriptores rerum Bohemicarum (Pr. 1829). Позднѣе Höfler издалъ памятники въ Fontes rerum Austriacarum (W. 1865). Непосредственно для Гуса: — латинскія соч. реформатора: Palacky. Documenta mag. I. Hus (Pr. 1869) и чешскія—Erben. Husovy české sebrané spisy (Pr. 3 v. 1865); о послѣднихъ см. статью Воцеля въ Слав. Ежегодникѣ (IV, 298 и слѣд.). Памятники для исторіи гуситскихъ

Въ 1399 году, будучи 30 лѣтъ, онъ сдѣлался священникомъ. Въ семестръ 1401—2 года онъ былъ деканомъ философскаго факультета. Тогда же онъ занялъ важный постъ

войнъ будутъ указаны ниже. Старыя исторія Чехіи въ іезуитскомъ духѣ E. S. Piccolomini (Hist. Boh. 1609) и Balbinus (Epitome, 1677). Классическая исторія Чехіи Палацкаго, только предъ смертію автора переведенная на чешскій языкъ, даетъ обширный матеріалъ для дѣятельности Гуса, при чемъ историкъ склоняется на сторону того мнѣнія, что Гусъ былъ послѣдователемъ Виклефа,—что недавно развилъ Losert. Палацкій въ рѣзкихъ словахъ клеймитъ ту славянофильскую теорію, которая хочетъ видѣть въ Гусѣ приверженца православія, указывая на обрядъ причащенія Гуса подъ обоими видами. Сколько недостаточны доказательства славянофильской теоріи, столько же недостаточны опроверженія Палацкаго. Вѣрнѣе всего что Гусъ, пользуясь матеріаломъ виклефистовъ, сожалѣлъ о раздѣленіи Церквей, что онъ болѣе симпатизировалъ греческой Церкви, неимѣвшей папы, сохранившей причащеніе подъ обоими видами, нежели той Римской Церкви, которая отрѣшилась отъ старыхъ традицій. Много новаго въ трудѣ професссора Томка (томъ II), посвященнаго исторіи Праги, которая будетъ исторіей всей Чехіи, такъ какъ историческая жизнь Чехіи сосредоточена была въ Прагѣ. Здѣсь Томка и слѣдующіе за нимъ изслѣдователи гусизма даютъ очень много важныхъ свѣдѣній, опирающихся на чешскіе архивы. По-русски сжатая статья Томки о Гусѣ въ Слав. Ежегодникѣ 1880 г. (т. IV. 288) изъ т. III «Научнаго Словника»—Для костницкаго собора до сихъ поръ имѣютъ значеніе старыя соч. Lenfant (H du concile de Constance, 1727. H. du concile de Basles et les guerres des Hussites, 1731). Весьма популяренъ трудъ Bonnechose. Les réformateurs avant la Réforme (2 v. 3 ed. 1845).—Cervenka. G. der evang. Kirihe in Böhmen 1869. Къ той же категоріи: Krummel. G. der böhm. Ref. 1866.—Utraquisten und Taboriten, 1881.—Bezold, König Sigismund und die Reichskriege gegen die Hussiten, 1871. —Zur Gesch. des Hussitenthums, 1874.—Denis. Husse et la guerre des Hussites, 1878.—Losert. Hus und Wicleff, 1884,—по обработкѣ лучшая монографія, но тенденціозная, что видно изъ самаго заглавія; авторъ считаетъ Гуса пропагандистомъ готоваго ученія Виклефа. Послѣднее изсл. H. Haupt. Husitische Propaganda in Deutschland (Hist. Tasch. 1888).—Русская ученая литература также обладаетъ изслѣдованіями о Гусѣ популярными и научными. Таковы статьи о Гусѣ въ изданіи В. А. Бильбасова по поводу юбилея Гуса (Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца, Пет. 1869 г.), цѣнномъ своими приложеніями, а именно 4 письмами Гуса изъ темницы и статьею самого Лютера по поводу ихъ, пер. рѣдкой брошюры, изд. въ Виттенбергѣ въ 1536 г. въ разгаръ реформаціоннаго движенія и пом. въ соч. Лютера (Fr. 1855, B. LXV). Изданіе Лихачевой (Реформаторы, 1872 г.) пригодно для чтенія въ классахъ. Что касается до трудовъ Гильфердинга въ его Сочиненіяхъ (т. 2) и его отдѣльной брошюры, то мы уже о нихъ упоминали. Весьма солидное значеніе имѣютъ труды

проповѣдника въ Виѳлеемской часовнѣ, чтò приблизило его ко двору. Онъ прославился своими проповѣдями и былъ приглашенъ королевой Софьей въ ея духовники. Съ октября 1402 по апрѣль 1403 года онъ былъ ректоромъ университета и тогда же написалъ свой трактатъ „О субстанціаціи". Въ немъ Гусъ высказался за ученіе Виклефа. Надо было имѣть много смѣлости, чтобы въ то время, когда обрушились преслѣдованія па англійскаго богослова, проповѣдывать его ученіе, запрещенное Церковью. Но умственная дѣятельность въ средніе вѣка обусловливалась принадлежностью къ одной изъ философскихъ школъ реалистовъ и номиналистовъ. Споръ шелъ о томъ: существуетъ ли въ идеяхъ что либо реальное, или же эти идеи, представленія, суть только слова, звуки, названія (nomina), какъ думали номиналисты. Но въ предметахъ отвлеченныхъ, интеллектуальныхъ стоило только одной сторонѣ держаться извѣстнаго мнѣнія, какъ другая становилась въ противоположный лагерь по вопросамъ церковнаго характера. Потому, когда чехи заняли высшія должности въ пражскомъ университетѣ, то преобладалъ реализмъ, а нѣмцы, будучи въ оппозиціи, стали придерживаться номинализма. Вмѣстѣ съ реализмомъ въ университетѣ получило широкое развитіе ученіе Виклефа, которое не долюбливали нѣмецкіе профессоры, при всякомъ случаѣ оппонировавшіе изъ національнаго чувства. Но въ концѣ 1403 года ректоромъ университета сталъ нѣмецъ и восторжествовала нѣмецкая партія; тогда усилились нападки на виклефизмъ и въ университетѣ стали требовать удаленія послѣдователей Виклефа. Должно замѣтить, что въ тоже время началась религіозная борьба въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Виѳлеемской часовнѣ. Мы говорили, что эта часовня носила не только національный харак-

---

Елагина, «Объ Исторіи Чехіи Палацкаго»—въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древност. Росс. за 1848 годъ», Новикова. «Гусъ и Лютеръ» (М. 1859, 2 ч.) часть котораго была помѣщена въ Русской Бесѣдѣ за 1858 годъ. Труды Гильфердинга, Новикова и Елагина проводятъ связь ученія Гуса съ православіемъ. Сюда же относится статья В. И. Ламанскаго (Видные дѣятели слав. міра въ Слав. Сб. т. III) и Васильева (Причины чешскаго рел. движенія въ Ж. М. Н. П. въ 1876 г.). Срв. изсл. В. К. Надлера (Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и въ западной Европѣ. Х. 1864), Клеванова (Ист. чешскаго движенія, 2 т. М. 1876) и Пальмова (Вопросъ о Чашѣ въ гуситскомъ движеніи, Пет. 1881).

теръ, но иногда возвращалась къ старымъ обрядамъ. Сюда Гусъ былъ приглашенъ проповѣдовать, и онъ не только поучалъ здѣсь по-чешски, но и пріобщалъ подъ обоими видами, придерживаясь въ тоже время стараго богослужебнаго обряда. Гусъ, не стѣсняясь въ обличеніи господствовавшаго католическаго духовенства, говорилъ смѣло. Архіепископомъ пражскимъ въ то время былъ кровный чехъ, Збинекъ Заицъ (котораго нѣмцы называли обыкновенно—von Hasenburg). Онъ первое время любезно относился къ Гусу. Заицъ даже просилъ Гуса лично передавать ему письма о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковнаго устава, а въ случаѣ отсутствія его и письменно. Но потомъ, когда Гусъ смѣло задѣлъ папство, эти отношенія должны были измѣниться. Отъ архіепископа всегда могло выйти распоряженіе прекратить проповѣдь Гуса и съ тѣмъ вмѣстѣ стѣснить свободу его личности и дѣятельности. Хотя Гусъ сразу высказался за Виклефа, но конечно въ католическомъ храмѣ не отстаивалъ извѣстныхъ статей ученія Виклефа. Поэтому, можно сказать, что церковное движеніе шло изъ университета, являясь вопросъ науки, а не церковной каѳедры. Вотъ почему новые взгляды на католицизмъ, не получивъ прочныхъ корней въ массѣ народа, должны были подчиняться часто чисто случайнымъ условіямъ. Воззванія Гуса относились не къ массѣ народа, а къ ученымъ. Когда нѣмецкая партія въ университетѣ, по предложенію магистра Гюбнера, потребовала удаленія сторонниковъ Виклефа, то Гусъ рѣшился лишь косвенно защищать Виклефа. Онъ говорилъ, что тѣ 45 постановленій, которыя нѣмцы приписываютъ Виклефу, въ сущности не принадлежатъ ему, а суть измышленія и фантазія ихъ самихъ. На самомъ дѣлѣ это была боязнь высказать правду. Гусъ, очевидно, не рѣшился прямо стать на сторону Виклефа. Но не взирая на то, совѣтъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ: „что отнынѣ всякій членъ пражскаго университета долженъ отказаться отъ всѣхъ 45 положеній Виклефа и подъ страхомъ смерти никто не долженъ пропагандировать ученія англійскаго ересіарха". Это было въ 1403 году. Черезъ пять лѣтъ встрѣчаемъ подтвержденіе этого постановленія. Это доказываетъ, что распространеніе идей Виклефа не прекратилось и что по требовались вторичныя насильственныя мѣры. Но при вторичномъ узаконеніи чешскіе новаторы выиграли въ томъ именно, что оговорили запрещеніи толковать Виклефа лишь не въ ортодоксальномъ смыслѣ.

Тогда-то вмѣшалась мѣстная католическая іерархія. Архіепископъ Заицъ собралъ синодъ, который постановилъ, что всякій, имѣющій какія бы то ни было рукописи Виклефа, обязанъ представить ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, для изслѣдованія не заключается ли въ нихъ чего либо еретическаго? Дѣло въ томъ, что Римская Церковь осуждала не всѣ сочиненія Виклефа, а лишь только тѣ, на основаніи которыхъ онъ вывелъ свои 45 положеній. Ясно, что такое распоряженіе архіепископа исключало оговорку чеховъ такъ какъ, въ силу ея, допускалось толковать тѣ сочиненія Виклефа, кои не имѣли соблазнительнаго смысла....

Гусъ въ силу этого протестовалъ въ своей часовнѣ противъ рѣшенія синода и въ первый разъ осмѣлился напасть на архіепископа лично. Тогда же въ университетѣ возгорѣлась борьба между чехами и нѣмцами, борьба, движимая патріотическими чувствами и философскими стремленіями. Вопросъ о Виклефѣ смѣшивался съ дѣломъ чешской политической самостоятельности и съ широкими философскими задачами. Въ сущности вопросъ казался такимъ: быть или не быть пражскому университету исключительно чешскимъ? Если онъ будетъ чешскимъ и если удастся выгнать нѣмцевъ, то онъ будетъ опорой для пропаганды идей Виклефа.

Мы говорили, что среди студентовъ и профессоровъ были четыре корпораціи, изъ коихъ одна была чешская, а три съ нѣмецкимъ направленіемъ, что при всѣхъ выборахъ, какъ у студентовъ, такъ и у профессоровъ, голоса подавались не по личностямъ, а по корпораціямъ, вслѣдствіе чего обыкновенно нѣмецкіе кандидаты выигрывали, такъ какъ всегда противъ одного голоса чешскаго было три нѣмецкихъ, ибо такъ называемая польская нація состояла преимущественно изъ уроженцевъ Силезіи, Пруссіи и онѣмеченной славянской Помераніи (Поморье).

Благодаря придворнымъ связямъ, — Гусъ былъ духовникомъ королевы, — въ 1409 году Гусу удалось выхлопотать у короля Вячеслава измѣненія состава корпорацій въ пользу чеховъ. Всѣ нѣмцы отнынѣ составили одну корпорацію, а чехи сложились въ три корпораціи. Теперь дѣло представлялось наоборотъ, ибо три чешскихъ голоса выходило противъ одного нѣмецкаго. Нѣмецкіе профессоры и студенты, конечно, обидѣлись и въ первые дни ушло 2.000 студентовъ, а затѣмъ постепенно выселилось изъ Праги 20.000 человѣкъ. Покидая Прагу,

они старались разнести по всей Европѣ нерасположеніе къ чешской націи и къ ея вождямъ. Тогда-то узнали въ Европѣ впервые про Гуса. Въ томъ положеніи, въ какомъ находилось тогда папство, или точнѣе, трое католическихъ первосвященниковъ,—появленіе смѣлаго реформатора во всякой другой странѣ могло бы навести паническій страхъ на католицизмъ; но чеховъ мало знали и не придавали особеннаго значенія начавшемуся движенію. Когда же въ 1410 году Гусъ въ своей часовнѣ усилилъ нападки на духовенство и папство, то архіепископъ Заицъ не могъ не принять противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Говорятъ, что Гусъ сталъ разсказывать съ амвона о порокахъ и дѣяніяхъ католическаго духовенства. Въ жалобахъ, поданныхъ духовенствомъ архіепископу Заицу, значится, что Гусъ не стыдится публично восхвалять еретика Виклефа, что онъ возбуждаетъ народъ противъ лицъ духовнаго званія, чеховъ противъ нѣмцевъ, что онъ открыто-де высказываетъ неуваженіе къ Церкви, а Римъ называетъ мѣстомъ рожденія антихриста. Хотя вслѣдствіе этихъ донесеній Гусу приходилось познакомиться съ пражской инквизиціей, но ему удалось избѣжать наказанія: на этотъ разъ онъ отписался отъ инквизиторовъ. Но папа, по настоянію архіепископа, издалъ буллу, имѣвшую цѣлью искоренить ересь Виклефа. Въ отвѣтъ на это Гусъ аппелировалъ весьма осторожно и почтительно отъ папы, не знающаго положенія дѣлъ въ Чехіи, къ тому папѣ, который будетъ хорошо и обстоятельно съ нимъ ознакомленъ (ad papam melius informandum).

Отлученіе Гуса.

Несмотря на это, отъ Гуса потребовали всѣ рукописи Виклефа, которыя находились у него. Это было исполненіе давнишняго распоряженія, обязывавшаго всѣхъ представлять рукописи Виклефа духовной цензурѣ. По мнѣнію архіепископа всѣ эти рукописи были еретическія и потому ихъ надлежало сжечь. Это была уже явная придирка къ Гусу. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе публичной проповѣди во всѣхъ пражскихъ церквахъ. Это уже не могло не отозваться тяжело на всѣхъ сословіяхъ чешскихъ. Ясно, что распоряженіе имѣло въ виду Виѳлеемскую часовню Гуса и чрезъ него народъ лишалъ возможности назиданія и поученія. Прежде всѣхъ за магистра вступился самъ король Вячеславъ. Гусъ, опираясь на раздраженное состояніе народа, прямо жалуется папѣ Іоанну XXIII на пражскаго архіепископа. Заручившись еще прежде поддержкой со стороны римской куріи, архіепи-

скопъ въ отвѣтъ на это 16 іюля 1410 года сжегъ у себя на дворѣ всѣ конфискованныя рукописи Виклефа, въ томъ числѣ и рукописи, принадлежавшія Гусу. Уличивъ такимъ образомъ Гуса въ чтеніи еретическихъ книгъ, черезъ два дня, архіепископъ своею властью отлучилъ его отъ Церкви, оповѣстивъ объ этомъ все епархіальное духовенство. Такимъ образомъ вмѣсто какой либо сдѣлки съ королемъ послѣдовалъ рѣшительный разрывъ, который заставилъ Гуса волей-неволей защищать особые обряды. Разрывъ этотъ разросся въ озлобленіе противъ латинства и нѣмцевъ; въ силу этого, движеніе гуситовъ приняло національный характеръ. Мало того, это распоряженіе вооружило чешскую націю противъ нѣмецкой. Вотъ причина тѣхъ дальнѣйшихъ явленій и той упорной національной борьбы, которой ознаменовалась чешская исторія первой половины XV вѣка.

По прежнимъ примѣрамъ за отлученіемъ слѣдовали инквизиціонные розыски, затѣмъ и казнь; тоже угрожало и Гусу; этого ожидали въ тотъ самый день, когда архіепископъ отлучилъ его. Гусъ однако не оробѣлъ, а поддерживаемый королевскимъ дворомъ, по прежнему открыто проповѣдовалъ въ часовнѣ, не обращая вниманія на архіепископа; онъ на университетскомъ актѣ говоритъ рѣчь въ защиту ученія Виклефа о Святой Троицѣ. Между тѣмъ Гуса, по причинѣ отлученія, потребовали къ папѣ въ Римъ для допроса: король былъ обиженъ этимъ. Каждый рѣшительный шагъ католической іерархіи возстановлялъ и его. Король писалъ папѣ, что несогласно съ личнымъ достоинствомъ короля отправить на судъ чужеземцамъ своего вѣрнаго слугу и духовника королевы.

Въ это время скончался архіепископъ Заицъ, а новый папа Іоаннъ XXIII воззвалъ за помощію къ государямъ и разослалъ со сборщиками за деньгами индульгенціи во всѣ католическія страны. Вотъ два обстоятельства, которыя дали отдохнуть Гусу. Скоро сборщикъ итальянецъ съ индульгенціями появился въ Прагѣ. Онъ привезъ съ собой двѣ папскихъ буллы: въ одной изъ нихъ провозглашалось отлученіе короля неаполитанскаго и всѣхъ потомковъ его до четвертаго колѣна, а въ другой граждане приглашались къ участію лично или посредствомъ денежныхъ пожертвованій въ крестовомъ походѣ, который папа хотѣлъ предпринять противъ врага своего Владислава, короля неаполитанскаго. Гусъ обрушился на монаха сперва съ насмѣшкой, а потомъ съ накипѣв-

шей на гонителей ненавистью. Гусъ выставилъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ назвалъ сбытъ индульгенцій обманомъ; мало того, онъ сталъ говорить языкомъ Арнольда Брешіанскаго и Виклефа. „Если папа, восклицалъ онъ, хочетъ побѣдить своихъ недруговъ, то пусть слѣдуетъ примѣру Христа, пусть молится за враговъ своихъ, пусть благословляетъ проклинающихъ его; тогда Богъ дастъ ему такой языкъ и мудрость, противъ которыхъ не въ силахъ будутъ устоять враги". Но, не ограничившись этимъ, Гусъ, по тогдашнему обычаю, предложилъ диспутъ съ легатомъ папы. Диспутъ этотъ состоялся съ большимъ успѣхомъ для Гуса; рядомъ съ нимъ выступилъ и его ученикъ Іеронимъ Пражскій. Имъ обоимъ предстояла одинаковая участь. Увлеченные горячими рѣчами, особенно Іеронима, пражскіе студенты сожгли обѣ папскія буллы. Этимъ обнаружился полный разрывъ въ господствовавшей Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ вражда чеховъ съ нѣмцами.

Когда чешскіе студенты въ Прагѣ рѣшились на такой смѣлый шагъ, движеніе обнаружилось не въ одних церковныхъ предѣлахъ. Этимъ въ одинаковой степени затрогивались интересы чешской національности: шелъ вопросъ о преобладаніи чешскаго національнаго элемента надъ чужеземнымъ германскимъ. Уже прежде проявлялась борьба между чехами и нѣмцами; теперь же въ виду обострившагося религіознаго раздора партій, нѣмцы сказались ревностными партизанами католическихъ традицій, а чешскіе патріоты и новаторы встали за Гуса. Но тогда и въ университетѣ и въ городскомъ управленіи преобладали нѣмцы. Такъ какъ честолюбіе заставляло дѣйствовать въ интересахъ партій, то религіозному движенію не доставало на этотъ разъ необходимаго для него — искренности и энтузіазма, а безъ энтузіазма не назрѣваетъ реформа, потому что только увлеченіе даетъ твердость, необходимую для преобразованій въ вопросахъ религіозныхъ. Когда папа отлучилъ Гуса, то нѣмцы, засѣдавшіе въ ратушѣ, рѣшили взять еретика силой изъ Виѳлеемской часовни во время проповѣди. Конечно, имъ это не удалось; они задумали тогда разрушить часовню. Гусъ узналъ объ этомъ. „Вотъ образчикъ нѣмецкой наглости, писалъ онъ по этому поводу; другіе бы, не посмѣли сломать печь у сосѣда безъ королевскаго приказа, а они дерзнули покуситься на храмъ Господень".

Когда одна опасность была устранена, то появились болѣе угрожающіе симптомы. Въ 1411 году архіепископъ пріостановилъ богослуженіе и наложилъ интердиктъ на всю Прагу, за то, что Гусъ, вопреки повелѣнію, не покидалъ города и, какъ отлученный, оскверняль Прагу своимъ присутствіемъ. Интердиктъ на этотъ разъ сопровождался обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ явленіями. Тогда новый римскій король Сигизмундъ прибылъ въ Прагу навѣстить своего брата, короля Вячеслава. Архіепископъ, доложивъ Сигизмунду о положеніи дѣлъ, предоставилъ ему быть третейскимъ судьею. Будущій императоръ понималъ, но чувство сердечной религіозности было слишкомъ сильно, чтобы можно было отказать массѣ въ исполненіи необходимыхъ для нея религіозныхъ обрядовъ. Въ свою очередь единомышленники Гуса не могли выносить долѣе этой кары, этого отчужденія отъ религіозныхъ потребностей, ради увлеченія и образа мыслей отступника. Гусъ сознавалъ, что онъ причина этого угнетеннаго состоянія народа; тогда онъ аппелировалъ на папу земнаго истинной главѣ Церкви, Іисусу Христу, и по личной просьбѣ короля удалился изъ города, чтобы этою жертвою облегчить положеніе своихъ соотечественниковъ. Съ его отсутствіемъ интердиктъ былъ снятъ съ города. Гусъ въ декабрѣ 1412 года переѣхалъ изъ Праги въ Козій городокъ. Тутъ въ уединеніи онъ написалъ свой трактатъ о „Церкви", въ которомъ выразился, что папа считающій себя главой единой, т. е. Римской Церкви, не имѣетъ ничего общаго съ каѳолическою, истинной Церковью, ибо таковую составляетъ только общество лицъ достойныхъ. „Кто не вѣритъ должнымъ образомъ, тотъ не можетъ быть въ истинной Церкви: папа не вѣритъ, слѣдовательно онъ не можетъ быть въ ней. Отпавши отъ вѣры, онъ самъ отлучаетъ себя отъ Церкви, и никто не обязанъ повиноваться обнародованному имъ отлученію". Это опять таки не новость въ исторіи церковнаго протеста. Подобное же говорилъ не только Виклефъ въ Англіи, но еще ранѣе альбигойцевъ—Генрихъ, Петръ де-Брюи во Франціи. Въ силу таковой теоріи простой священникъ становился рядомъ съ папой, а истиннымъ источникомъ познанія христіанскихъ истинъ признавалось только св. Писаніе. Но этотъ кличъ не встрѣтилъ поддержки въ пражскомъ университетѣ. Новый архіепископъ Конрадъ фонъ-Фехтеръ воспользовался такимъ настроеніемъ и сталъ принимать строгія мѣры противъ Гуса.

Іеронимъ Пражскій.

Однимъ изъ рѣшительныхъ приверженцевъ и сотрудниковъ Гуса по диспуту былъ Іеронимъ пражскій; онъ только вернулся изъ путешествія въ Литву и Русь. Онъ былъ въ свитѣ литовскаго князя Витовта и вмѣстѣ съ послѣднимъ посѣтилъ Витебскъ при тожественной обстановкѣ. Это было въ апрѣлѣ 1413 года. О путешествіи молодаго Іеронима,— у котораго было очень много общаго съ Гусомъ, и который былъ еще страстнѣе и энергичнѣе Яна,—впослѣдствіи инквизиторъ на Костницкомъ соборѣ при обвиненіи говорилъ слѣдующее: „Когда витебскіе францисканцы, докладывалъ инквизиторъ, вышли на встрѣчу литовскому князю Витовту, а съ ними рядомъ—схизматики, т. е. русскіе священники и монахи, съ ихъ превратными мощами и иконами, то Іеронимъ, презрѣвши католическое духовенство, подошелъ къ процессіи русскихъ схизматиковъ и преклонилъ колѣна“. Надо замѣтить, что въ Витебскѣ католическихъ церквей и монастырей было несравненно больше чѣмъ православныхъ, но большинство населенія тѣмъ не менѣе было греко-восточнаго исповѣданія; чешскій священникъ не стѣснился публично, по словамъ инквизитора, оказать сочувствіе православію. „Въ присутствіи 5000 людей обоего пола, продолжалъ инквизиторъ далѣе, Іеронимъ сталъ покланяться превратнымъ мощамъ и образамъ схизматиковъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ, нисколько не отвращаясь отъ исповѣданія тѣхъ лживыхъ христіанъ. И послѣ, въ бытность въ Витебскѣ, онъ утверждалъ, что означенная секта русскихъ схизматиковъ и ихъ вѣра будетъ и есть самая совершенная. Онъ гласно и публично старался отвратить князя Витовта отъ католичества, къ которому его склоняли католическіе монахи и будто только онъ убѣдилъ его оставаться въ восточной вѣрѣ. Виленскій епископъ отечески увѣщевалъ его, но онъ пребылъ въ своихъ заблужденіяхъ, одобряя вѣру русскихъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Плесковъ (т. е. Псковъ), который лежитъ недалеко отъ Витебска, и вступилъ въ церковь или синагогу русскихъ во время службы для поклоненія ихъ превратнымъ таинствамъ. И тотъ же Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ католиковъ, тамъ стоявшихъ, пренебрегая ключами св. Петра и явно поругая вѣру истинную, т. е. католическую, опять преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми Дарами схизматиковъ явно, публично и гласно. Уподобляясь русскимъ въ обычаѣ, такъ же какъ и въ вѣрѣ, онъ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ,

отпустилъ себѣ длинную бороду и волосы, отринувъ одѣяніе и тонзуру католическихъ клириковъ". Какъ бы ни былъ преувеличенъ этотъ разсказъ инквизитора, все-таки по существу онъ остается неопровержимымъ — Іеронимъ симпатизировалъ греческому обряду и греческой вѣрѣ. И въ послѣдствіи на Костницкомъ соборѣ, подъ страшными пытками, предъ костромъ, онъ не отпирался отъ существенныхъ фактовъ выставленныхъ обвиненіемъ.

По возвращеніи въ Прагу, Іеронимъ явился публично защитникомъ греческихъ обрядовъ. Онъ сталъ дѣйствовать единодушно вмѣстѣ съ своимъ другомъ и учителемъ Гусомъ. Услыхавъ теперь отъ самого путешественника о строгомъ характерѣ и обрядахъ русскихъ христіанъ, Гусъ получилъ новый взглядъ на дѣло, доселѣ незнакомое. Гусъ по всему вѣроятію одобрилъ поступокъ своего ученика, такъ какъ тогда же написалъ возраженіе одному вѣнскому профессору, нападавшему на восточное православіе и обличавшему Іеронима въ ренегатствѣ.

Посланіе Гуса.

Въ этомъ письмѣ Гусъ открыто защищаетъ восточное православіе. Это почти единственное мѣсто, на которое могла бы опереться русско-славянофильская теорія, желающая видѣть въ Гусѣ борца за греко-восточные обряды, за восточное православіе.

„Мало того, пишетъ Гусъ, что ты хотѣлъ внезапно уязвить Іеронима, величайшаго борца, ты осмѣлился коснуться величайшихъ общинъ (communitates maximas). Тебѣ мало было Богеміи. Съ дьявольскою наглостью ты въ своихъ упражненіяхъ дерзнулъ обвинять въ ереси цѣлое царство славянъ (Slavorum regnum), и я полагаю лживо, по невѣжеству, присущему тебѣ". Здѣсь, конечно, подъ именемъ „Славянскаго царства" разумѣется Россія.— Дальнѣйшаго вліянія на Гуса восточное православіе врядъ-ли имѣло.

Скоро послѣ бесѣды съ Іеронимомъ о восточныхъ христіанахъ, Гусу пришлось разстаться съ своимъ другомъ [1]. Гуса лѣтомъ 1414 года вызвали въ Костницъ, гдѣ собрался блестящій соборъ по церковнымъ дѣламъ. Іеронимъ обѣщалъ

---

(1) Это было вѣроятно въ имѣніи Раковницкѣ, Генриха Лефле Лажанскаго, къ которому переселился Гусъ изъ Козьяго Городка, по смерти своего покровителя Яна Старшаго Устьинскаго.

отправиться слѣдомъ за нимъ. Онъ дѣйствительно поѣхалъ; но друзьямъ болѣе уже не удалось свидѣться. Бесѣда о положеніи Церкви на Востокѣ, объ обычаяхъ церковныхъ, слагавшихся въ обширномъ восточномъ царствѣ, о бо̀льшей чистотѣ Восточной Церкви, въ коей тщательнѣе хранились апостольскія преданія,—была послѣднею бесѣдою Гуса съ Іеронимомъ.

Приглашеніе Гуса на соборъ.

Теперь доказано, что на соборъ вызвалъ Гуса самъ римскій король. Сигизмундъ заранѣе предрѣшилъ предательство. Рядъ документовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Можетъ быть Сигизмундомъ руководила вражда къ брату, который поддерживалъ Гуса, и который два раза ускользнулъ изъ его рукъ, удержавшись на чешскомъ престолѣ,—а можетъ быть готовность пожертвовать Гусомъ за тѣ мірскія выгоды, которыя предлагала ему высшая католическая іерархія. Выдача Гуса, успокоеніе Чехіи въ религіозномъ смыслѣ, обѣщало Сигизмунду не только корону чешскую, но самую корону Священной имперіи изъ рукъ избирателей курфюрстовъ и папы. Во всякомъ случаѣ мысль вызвать Гуса въ Костницъ и передать его непосредственно собору принадлежала самому Сигизмунду, а Гусъ вѣрилъ искренности римскаго короля. Доказательствомъ служитъ пиьмо Гуса къ Сигизмунду. Гусъ просилъ, чтобы ему позволено было публично излагать свои мысли и взгляды.—„Такъ какъ я, говорилъ онъ, ничему не училъ въ тайнѣ, то и желаю высказать все не тайно, не секретно, а въ публичномъ засѣданіи собора; проповѣдовать и отвѣчать я хочу такъ, какъ повелитъ мнѣ Духъ Святый“. Но слѣдомъ за тѣмъ въ душѣ Гуса появлялось сомнѣніе, которое омрачало иногда его настроеніе. Онъ точно предчувствовалъ мученическую смерть и изъявлялъ готовность пострадать за истинную заповѣдь Христову. Онъ прибылъ изъ своего уединенія въ Прагу, чтобы развѣдать о настроеніи здѣшняго духовенства. Онъ хотѣлъ оправдаться передъ пражскимъ національнымъ синодомъ, но здѣсь отказались выслушать его, хотя пражскій инквизиторъ далъ удостовѣреніе, что Гусъ постоянно въ своихъ рѣчахъ оставался добрымъ католикомъ, никогда не высказывалъ ничего новаго, ложнаго, худого и подозрительнаго противъ католической Церкви. Казалось, что могло быть болѣе удовлетворительнымъ доказательствомъ свидѣтельства, которое даетъ блюститель католицизма во всей странѣ, т. е. римскій иквизиторъ человѣку, подозрѣваемому

почему-то въ реформаторствѣ? Заручившись этимъ документомъ, Гусъ могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на то, что его выслушаютъ когда нибудь. Онъ не вѣрилъ злымъ и мрачнымъ предсказаніямъ: говорили, что его пражскіе враги подкупаютъ кардинала и сами спѣшатъ на соборъ въ Костницъ, запасшись лжесвидѣтельствами; но въ тоже время было извѣстно, что Сигизмундъ по убѣжденію чешскихъ магнатовъ согласился дать Гусу охранную грамоту. Дѣйствительно король римскій выдалъ просимый охранный листъ. Въ немъ говорится, что Гусъ берется подъ защиту Священной имперіи, что онъ можетъ жить въ Костницѣ и возвратиться оттуда свободно, причемъ для конвоя его и сопровождающихъ его лицъ предписывалось давать проводниковъ, „ради чести и уваженія къ Его Величеству“.

Клерикальные историки толкуютъ, что грамота относилась только къ путешествію Гуса туда и обратно, а не касалась пребыванія его въ Костницѣ, и что, слѣдовательно, если его и сожгли тамъ, то это не вина Сигизмунда который ручался только, что онъ проѣдетъ безопасно туда и обратно. Между тѣмъ въ грамотѣ говорится, „что Гусъ берется подъ охрану не одного императора и всей Священной Имперіи Римской, но и подъ охрану закона. „Въ ней было упомянуто не только о путешествіи туда и обратно, но и о безопасномъ пребываніи въ Костницѣ. Многіе ученики Гуса высказывали опасеніе за судьбу учителя Чехіи: „Господь да направитъ стопы твои, любезный учитель; но едва-ли ты уцѣлѣешь въ Костницѣ. Тогда да сохранитъ тебя Господь на служеніе тому истинному ученію, которое ты всегда высказывалъ, и которому ты всегда насъ наставлялъ“. Такъ говорилъ одинъ изъ его учениковъ. Самъ Гусъ, наконецъ, пересталъ довѣрять искренности приглашенія, хотя не могъ отказаться отъ даннаго имъ ранѣе обѣщанія.

Гусъ составилъ завѣщаніе предъ отъѣздомъ. Въ послѣдніе дни онъ прибилъ къ дверямъ церквей и монастырей пражскихъ вызовъ къ публичному диспуту на соборѣ, чтобы тѣмъ торжественнѣе доказать чистоту своего ученія. Весьма убѣжденно онъ желалъ связать свое дѣло съ судьбами всей Чехіи, предполагая сдѣлать изъ церковнаго вопроса вопросъ національный; потому онъ приглашалъ соотечественниковъ быть свидѣтелями диспута въ Костницѣ, такъ какъ для него была важна поддержка со стороны архіепископа. Но Конрадъ фонъ-Фехтеръ не допу-

стилъ его до объясненій, какъ отлученнаго, хотя и заявилъ, подобно инквизитору, что не знаетъ за нимъ никакой особенной ереси. Мы говорили, что о томъ же заявлялъ пражскій инквизиторъ, который далъ даже Гусу формальный документъ, удостовѣрявшій что и „въ рѣчахъ своихъ Гусъ поступалъ согласно съ католической вѣрой". Въ этомъ документѣ видимъ не одно только намѣренное желаніе инквизитора идти въ разрѣзъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Вѣрнѣе всего, что Гусъ въ это время не высказывалъ ничего подозрительнаго не только въ области догматики, но и въ отношеніи обрядовъ, и что съ нимъ совершенно примирилась мѣстная іерархія, но тѣ, которые стояли во главѣ собора, не могли простить Гусу того, что онъ позволилъ себѣ когда-то вооружиться противъ индульгенцій. Индульгенціи были опорой римской куріи; безъ нихъ папа никогда не могъ удерживать свѣтскую власть; пока папы располагали индульгенціями, до тѣхъ поръ они были государями. Папы прощали нарушеніе обрядовъ, преданій, вѣры, но никогда не прощали покушенія на ихъ свѣтскую власть.

Во всякомъ случаѣ, Гусу грозила плачевная участь за его смѣлый протестъ какъ относительно свѣтской власти папы, такъ и относительно индульгенцій.

Когда онъ уѣзжалъ изъ Праги, то всѣ были убѣждены въ его ортодоксальности. Предъ отправленіемъ въ Костницъ, Гусъ, самъ такъ сильно и усердно хлопотавшій о своемъ оправданіи, былъ одушевленъ самыми примирительными намѣреніями. Его путешествіе было рядомъ торжествъ и овацій, онъ вездѣ вызывалъ желающихъ съ нимъ состязаться; толпы выходили къ нему на встрѣчу; въ городѣ Нюренбергѣ была особенно трогательная встрѣча. Всѣ удивлялись, начиная съ мѣстнаго епископа, кончая послѣднимъ прихожаниномъ, судилищу собравшемуся въ Костницѣ. Такъ безупречно было его исповѣданіе, какъ католика. Тѣмъ болѣе казалось было странно, что дѣло Гуса будетъ поставлено рядомъ съ папскимъ.

На соборѣ, созванномъ въ 1414 году въ Костницѣ, должно было установить поколебавшійся папскій престолъ. Потому можно было ожидать, что Іоаннъ XXIII будетъ возсѣдать не въ качествѣ первосвященника, а на скамьѣ подсудимыхъ. Въ Костницѣ съѣхалось больше 100 тысячъ иностранцевъ, которые едва могли размѣститься въ небольшомъ городѣ, теперь мало посѣщаемомъ, расположенномъ въ прелестной мѣстности на берегу Боденскаго озера. Тутъ съѣхались всѣ

курфюрсты, 700 рыцарей, князья, графы, послы всѣхъ державъ, 4 патріарха, 29 кардиналовъ, 47 архіепископовъ, 160 епископовъ, 700 аббатовъ. Іоаннъ XXIII пріѣхалъ послѣ всѣхъ. Гуса еще не было. Точно сознавая, что на него а не на папу обращены будутъ взоры всего собора, Гусъ прибылъ послѣдній. Съ его пріѣздомъ засѣданія открылись.

Прибытіе Гуса въ Костницъ и арестъ его.

По просьбѣ друзей и сторонниковъ Гуса, папа въ первые дни обѣщалъ даже защищать Яна, въ виду охранной грамоты, данной Сигизмундомъ.—„Еслибы Гусъ убилъ моего роднаго брата, сказалъ Іоннъ XXIII, то я тогда бы не позволилъ никому причинить ему ни малѣйшей обиды". Эти слова были сказаны одному чешскому пану, который хлопоталъ за Гуса. Но когда папа почуствовалъ личную опасность, то рѣшился пожертвовать Гусомъ для своего спасенія. Въ Костницѣ Гусъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: De sanguine Christi, sub specie vini a laicis sumendo т. е. „о Крови Христовой, принимаемой мірянами подъ видомъ вина". Когда одинъ экземпляръ этого сочиненія проникъ въ Прагу, то тамъ многіе стали публично совершать причащеніе подъ обоими видами, вопреки католическому обряду и согласно съ обычаемъ апостольскихъ временъ. Появленіе этого трактата дало оружіе личнымъ врагамъ Гуса. Къ числу наиболѣе опасныхъ изъ нихъ принадлежалъ бывшій продавецъ индульгенцій, Вячеславъ Тимъ. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на членовъ собора. Послѣдніе, по его усиленному настоянію, потребовали отъ чешскаго новатора отреченія. Опять раздались обвиненія Гуса въ ереси и стали распространяться несправедливые слухи о томъ, что онъ сперва открыто проповѣдывалъ даже въ Костницѣ въ еретическомъ смыслѣ, а потомъ испугался и сдѣлалъ попытку бѣжать. Ни того, ни другого не было (1). Сперва Гусъ не соглашался идти за Костницкимъ бургомистромъ и двумя посланными епископами, требовавшими, чтобы каноникъ немедленно явился предъ папой и кардиналами. Онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ на соборъ, а не къ кардиналамъ. Однако онъ долженъ былъ уступить настояніямъ посланныхъ, которые, конечно, могли бы поддержать свое требованіе силой. Такъ какъ Сигизмунда еще не было, то гости хотѣли ознаменовать свой пріѣздъ какимъ нибудь гром-

(1) Это разъяснилъ Палацкій въ своей «Исторіи» т. III, ч. I.

кимъ, торжественнымъ дѣломъ. Магистръ Джерардо, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ Ломбардіи и провинціалъ ордена миноритовъ, притворившись простымъ францисканскимъ монахомъ, хотѣлъ было сбить Гуса, но потерпѣлъ пораженіе. Но это не спасло Гуса. Его задержали и отправили въ домъ одного соборнаго пѣвчаго. Рыцарь Янъ изъ Хлума, по настоянію котораго Сигизмундъ далъ охранную грамоту, а папа обѣщалъ неприкосновенность Гуса, бросился къ папѣ и сталъ уличать его въ нарушеніи слова. Іоаннъ отговаривался тѣмъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ не причемъ, что ему навязали попеченіе о Гусѣ. Такая наивность папы была притворная. По этому поводу справедливо замѣчаетъ старый біографъ Гуса: „папа Іоаннъ, справедливо опасаясь лишенія сана, хотѣлъ предательствомъ праведника подслужиться къ предателямъ, къ епископамъ и кардиналамъ“. Судьба Гуса была рѣшена на соборѣ заранѣе.

Сигизмундъ узналъ объ арестѣ Гуса на дорогѣ въ Костницъ. Онъ сначала было возмутился, но потомъ разсчелъ примкнуть къ духовной іерархіи, отъ которой самъ много зависѣлъ. Напрасно рыцарь Янъ возлагалъ надежды на Сигизмунда. Черезъ 8 дней Гуса отвели въ доминиканскій монастырь, расположенный на берегу Рейна, нынѣ обращенный въ блестящій отель. Здѣсь и теперь показываютъ въ нижнемъ этажѣ яму, окруженную рѣшеткой, гдѣ сидѣлъ Гусъ въ холодную зиму 1414 года. Та церковь, въ которую водили Гуса для допросовъ, въ настоящее время оглашается веселыми голосами пирующихъ путешественниковъ и обращена въ столовую гостинницы. Доминиканцы всегда считали себя защитниками вѣры; изъ нихъ выбирались инквизиторы, и потому они не хотѣли выпустить Гуса изъ своихъ рукъ.

Обвиненія Гуса.

Обвиненіе началось съ восьми статей, представленныхъ пражскимъ духовенствомъ. Въ первой статьѣ говорилось о причащеніи міряНъ подъ обоими видами. При этомъ предъявлено было обвиненіе будто бы Гусъ училъ, что хлѣбъ, даже по освященіи его на престолѣ, по прежнему остается вещественнымъ. Это была главная статья обвиненія. Второй тезисъ гласилъ, что служители Церкви, по мнѣнію Гуса, не могутъ совершать таинствъ и низводить благодать, если повинны въ смертномъ грѣхѣ; и что наоборотъ міряне могутъ вязать и рѣшить по произволу, если только не совершили смертнаго грѣха.

Этому давно слѣдовали ученики Гуса въ Прагѣ, которые собственными руками снимали съ престола дары и пріобщали себя, когда находились подъ запрещеніемъ. Далѣе (въ 3-мъ): Гусъ отвергаетъ значеніе Церкви въ смыслѣ папы, кардиналовъ, епископовъ и духовенства, имъ подчиненнаго, и утверждаетъ, что Церковь не должна владѣть временными имуществами, которыя составляютъ собственность исключительно свѣтской власти. Прибавляли, что будто бы въ силу этого ученія Гуса, въ Чехіи уже давно разграблялись церкви. (Въ 4-мъ) Гусъ не признаетъ степеней въ церковной іерархіи и отрицаетъ необходимость папскаго сана. (Въ 5-мъ) Гусъ отрицаетъ у представителей Церкви право разрѣшать отъ грѣховъ и отлучать отъ Церкви тѣхъ, кои находятся въ смертномъ грѣхѣ. (Въ 6-мъ) Гусъ пренебрегаетъ церковными отлученіями и не подчиняется имъ, что онъ доказалъ самъ, неоднократно преступая папскія буллы. (Въ 7-мъ) Гусъ не соблюдаетъ постановленій Церкви объ инвеститурѣ, приписывая всякому право облекать въ священство для спасенія душъ. (Въ 8-мъ) Гусъ говоритъ, что однажды посвященные въ діаконы или пресвитеры, никакой церковной властью не могутъ быть устранены отъ проповѣди. Послѣднее обвиненіе было совершенно неосновательно, такъ какъ Гусъ никогда не раздѣлялъ подобнаго мнѣнія.—Однимъ словомъ, Церковь сочла еретикомъ католическаго богослова, который позволилъ себѣ отрицаніе папскаго авторитета и потребовалъ отъ Церкви возвращенія къ старому обычаю причащенія мірянъ подъ обоими видами. Гуса обвиняли также въ удаленіи нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги, а равно въ томъ, что онъ защищалъ 45 положеній Виклефа, что оскорблялъ католическое духовенство въ Прагѣ и давалъ свѣтскимъ властителямъ коварные совѣты объ отнятіи у духовенства церковныхъ имуществъ и десятинъ. Все это говорили тѣ, которые нѣкогда были сторонниками Гуса.

Нѣтъ враговъ болѣе непримиримыхъ, чѣмъ прежніе друзья. Таковъ былъ Палечъ, прежній виклефистъ и сторонникъ Гуса. Онъ былъ редакторомъ всѣхъ этихъ обвиненій. Не наблюдается ли здѣсь тотъ же раздоръ, тотъ же духъ партикуляризма, который повсюду встрѣчается въ славянской исторіи?

Судъ. Послѣ обвиненія соборъ назначилъ комиссію изъ Константинопольскаго патріарха и двухъ епископовъ для слѣдствія надъ Гусомъ. Ждали прибытія Сигизмунда. Онъ прі-

ѣхалъ предъ Рождествомъ и въ первое время было вступился за Гуса. Но скоро онъ перемѣнился. Матеріальныя соображенія въ немъ взяли верхъ надъ чувствомъ долга и чести. Сигизмундъ самъ объясняетъ въ своихъ письмахъ свое поведеніе относительно Гуса. — „Богъ видитъ, какъ терзала меня участь Гуса, пишетъ король, но иначе быть не могло. Всѣ присутствующіе чехи—свидѣтели, какъ ходатайствовалъ я за него, какъ я неоднократно во гнѣвѣ выходилъ изъ засѣданій и даже грозилъ выѣхать изъ города; но мнѣ грозили распущеніемъ собора, и я разсудилъ, что мнѣ нечего дѣлать. Скажи я въ пользу его еще одно слово, соборъ разошелся бы немедленно". Вотъ мотивъ, которымъ хотѣлъ оправдаться предъ историками будущій императоръ.

Тезисы Гуса.

Сигизмунду внушили мысль, что онъ не обязанъ держать слово, данное имъ Гусу, что только соборъ можетъ дать какія либо гарантіи еретику, но не свѣтская власть. Соборъ просилъ короля представить ему право безусловнаго распоряженія участью еретика. Сигизмундъ уступилъ и отказался отъ прежняго своего образа дѣйствій. Онъ постановилъ только одно условіе, чтобъ Гуса судили полнымъ и публичнымъ засѣданіемъ собора. Изъ тюрьмы Гусъ имѣлъ возможность писать своимъ друзьямъ. Сохранилось 14 его писемъ. Они служатъ источникомъ для изученія его внутренней жизни въ эти тяжелыя для него минуты. Еще прежде слѣдственной комиссіи Гусъ аппелировалъ на папу Христу. Теперь снова, возмущенный несправедливостями членовъ слѣдственной комиссіи, онъ переноситъ свое дѣло на судъ Христа. Онъ заранѣе предвидѣлъ свою участь. Его неожиданный арестъ, вѣроломное нарушеніе обязательствъ, данныхъ королемъ, поведеніе куріи и членовъ собора,—все это пролило достаточный свѣтъ на будущее. Онъ обдумываетъ послѣднее средство, въ которомъ думаетъ найти спасительный исходъ. Онъ разсчитываетъ опереться на свѣтскую власть, указавъ ей ту пользу, какую она можетъ извлечь изъ его ученія. Въ этомъ смыслѣ онъ рѣшился отстаивать три тезиса Виклефа. Во 1-хъ)—объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства; во 2-хъ)—о незаконности присвоенія Церковью свѣтской власти и въ 3-хъ)—о томъ, что десятины, платимыя церквамъ, суть чистая милостыня, въ которой податели, т. е. свѣтскіе владѣльцы всегда могутъ отказать духовенству. Но у Сигизмунда не было на

столько сообразительности, чтобы понять всѣ выгоды для свѣтской власти отъ этихъ тезисовъ. Онъ воспользовался лишь отчасти внушеніями Гуса,—что одобрило реформатора и дало ему возможность поднять тонъ.—„Внушите королю, писалъ Гусъ, что если мой тезисъ объ отнятіи церковныхъ имуществъ будетъ осужденъ, то и онъ, король, отнявшій имѣнія у многихъ епископовъ, равно и отецъ его, императоръ и король чешскій, подпадутъ осужденію, какъ еретики. Берегись, государь, чтобы тебя не лишили твоего права законнымъ порядкомъ; догадаешься, когда уже будетъ поздно". Въ благодарность за это, Сигизмундъ былъ настолько великодушенъ, что приказалъ перевести Гуса изъ одной ямы въ другую, болѣе теплую. Между тѣмъ Іоаннъ XXIII, угрожаемый соборомъ, который смѣло началъ разоблачать всѣ возмутительныя подробности его предшествующей жизни, бѣжалъ изъ Костница въ Шафгаузенъ къ своему покровителю Фридриху, герцогу австрійскому. 24 марта, въ Вербное Воскресенье, темничные стражи, удаляясь къ папѣ въ Шафгуазенъ, отдали ключи отъ Гусовой темницы королевскимъ тѣлохранителямъ, а кардиналы, пораженные бѣгствомъ своего владыки, одно время совершенно забыли о существованіи Гуса и занялись болѣе важными для себя дѣлами. Былъ моментъ, когда Сигизмунду предстоялъ случай поступить съ Гусомъ по-человѣчески. Гусъ уже ждалъ своего освобожденія. Но король въ эту роковую минуту для Гуса счелъ нужнымъ выдать чешскаго новатора его заклятому врагу, костницкому епископу, Оттону Гохбергу. Обрадованный епископъ немедленно заковалъ Гуса въ кандалы и перевезъ въ замокъ Готлибенъ, лежащій на самомъ берегу Боденскаго озера, гдѣ заключилъ его въ высокую, уединенную башню. Здѣсь Гусъ, лишенный причастія, часто томимый голодомъ, провелъ послѣдніе мѣсяцы своихъ земныхъ страданій.

Къ его дѣлу приступили лишь въ маѣ 1415 года. Было слишкомъ ясно для всѣхъ, что его участь была рѣшена заранѣе. Смертный приговоръ былъ подписанъ на первомъ засѣданіи собора и нѣкоторые чехи видѣли его. На Гуса клеветали въ глаза, обвиняли его въ такихъ увлеченіяхъ, о которыхъ онъ никогда и не помышлялъ. Его приводили на соборъ 5, 7 и 8 іюня (1415 года). Онъ успѣлъ уже опровергнуть существенныя обвиненія, но упорно стоялъ на томъ, что кардиналы, не живущіе жизнью апостоловъ, не суть ихъ преемники. Этого одного, по мнѣнію судей, было достаточно, чтобы осудить

Гуса на смерть. Замѣчательнѣе всего, что Сигизмундъ въ эту роковую минуту первый подалъ голосъ за сожженіе Гуса. Его слова, сказанныя въ монастырской трапезѣ доминиканцевъ, откликнулись на всю Чехію и навлекли на него большія бѣдствія. Они стоили Сигизмунду чешской короны и продолжительной, несчастной для него войны (¹).

Предсмертныя письма.

Изъ своей смрадной темницы, великій мученикъ написалъ къ своей чешской паствѣ четыре трогательныхъ прощальныхъ посланія. Незлобивая душа его прощала враговъ. Сознавая близость смерти, Гусъ давалъ мудрыя назиданія чехамъ (²):

«Васъ, начальствующихъ надъ другими, надъ богатыми и бѣдными, возлюбленныхъ о Господѣ и вѣрныхъ, я прошу и увѣщаю, чтобъ вы были послушны Господу, слушали бы охотно Его слово и доказывали бы то дѣлами своими. Я прошу васъ прилѣпиться къ истинѣ Божіей, о которой я писалъ и которую я проповѣдывалъ, взявъ ее изъ Священнаго Писанія и изъ поученій св. Отцевъ. Я прошу также, чтобы всякій, кто слышалъ отъ меня, въ публичной-ли проповѣди или въ частномъ разговорѣ, или же прочелъ въ сочиненіяхъ, что либо противное истинѣ Господа, не слѣдовалъ бы тому, хотя я и не сознаю, чтобъ я что нибудь подобное когда либо сказалъ или написалъ.

«Я прошу также, чтобы всякій кто замѣтилъ легкомысліе въ моихъ словахъ или сочиненіяхъ, не слѣдовалъ бы въ этомъ отношеніи за мною, но молилъ бы Бога за меня, чтобъ Господь отпустилъ мнѣ грѣхъ такого легкомыслія. Я прошу васъ любить набожныхъ благочестивыхъ священниковъ и почитать ихъ преимущественно передъ другими, особенно же тѣхъ, которые трудятся по слову Божію. Я прошу васъ, чтобы вы остерегались коварныхъ людей, особенно же безбожныхъ патеровъ, о которыхъ нашъ Спаситель говоритъ, что они ходятъ въ овечьей одеждѣ, внутренно же суть хищные волки.

«Я прошу государей, чтобъ они разумно обходились со своими подданными и справедливо управляли бы ими.

«Я прошу гражданъ, чтобъ они добросовѣстно поступали въ своемъ сословіи.

«Я прошу ремесленниковъ, чтобъ они старательно занимались своимъ ремесломъ и доходы его проживали бы со страхомъ Божіимъ.

«Я прошу слугъ, чтобъ они вѣрно служили господамъ своимъ.

(¹) Palacky. G. von Böhmen; III, 357.

(²) Прот. В. А. Бильбасова. Чехъ Янъ Гусъ, стр. 11—17, 39—41.

«Я прошу мастеровъ, чтобъ они вели себя благопристойно, и наставляли бы своихъ учениковъ хорошо и добросовѣстно; чтобъ они учили ихъ прежде всего бояться Бога, затѣмъ, изучать свободныя искусства во славу и къ чести Господа, на пользу міра и для ихъ собственнаго спасенія, а не для корысти или земнаго великолѣпія.

«Я прошу студентовъ, воспитанниковъ высшей школы, и всѣхъ другихъ учениковъ, чтобъ они во всѣхъ частныхъ дѣлахъ были бы послушны своимъ магистрамъ, слѣдовали бы ихъ примѣру и учились бы какъ можно прилежнѣе, чтобы такимъ образомъ были людьми полезными, и тѣмъ прославили бы честь Господа и спасли бы самихъ себя и другихъ.

«Я прошу васъ также, чтобы вы молились за римскаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть теперь и вашъ король, и за его супругу, вашу королеву, да милосердый Господь пребудетъ съ ними и съ вами, нынѣ и затѣмъ въ вѣчной жизни.

«Это письмо я написалъ въ темницѣ и въ кандалахъ, такъ какъ я долженъ назавтра ожидать приговора суда о моей смерти. И я не сомнѣваюсь о Господѣ, что онъ меня не покинетъ и не попуститъ, чтобъ я отрекся отъ его истины или чтобъ отказался отъ ложныхъ статей, которые они измыслили противъ меня при помощи лжесвидѣтелей....

«Какъ милостиво поступаетъ со мною мой Господь Богъ и пребываетъ со мною, въ совершенно странныхъ соблазнахъ, вы узнаете, когда мы съ радостію возсоединимся при помощи Христа въ будущей жизни.

«Господь даетъ намъ время, чтобъ мы тѣмъ лучше обдумали наши грѣхи и чистосердечнѣе покаялись въ нихъ. Онъ даетъ намъ время, чтобъ великое и продолжительное мученіе искупило бы великій грѣхъ и принесло бы намъ утѣшеніе. Онъ даетъ намъ время, чтобъ мы познали страшныя оскорбленія нашего царя Господа Іисуса Христа, подумали о его горькой смерти и тѣмъ легче перенесли бы страданія; чтобъ мы помнили, что вѣчная радость будущей жизни не дается послѣ радости этой жизни, но что святые достигали царствія небеснаго путемъ многихъ истязаній.

«Ибо нѣкоторые изъ святыхъ четвертованы, нѣкоторые проколоты, нѣкоторые замучены огнемъ, съ нѣкоторыхъ заживо снята кожа, нѣкоторые заживо погребены, побиты камнями, распяты, разбиты мельничными жерновами, колесованы, утоплены, сожжены, повѣшены, разорваны на части, передъ смертію оскорблены, мучены въ темницѣ и въ оковахъ.

«И кто можетъ разсказать всѣ мученія и страданія всѣхъ святыхъ, которыя они перенесли за божескую истину въ вѣтхомъ и новомъ завѣтѣ, въ особенности же тѣхъ святыхъ, которые наказывали злобу духовныхъ лицъ и проповѣдовали противъ нихъ?

Поэтому было бы чудомъ, еслибы въ настоящее время тотъ не подвергся бы мученіамъ, кто такъ горячо противустоялъ злобѣ, и особенно злобѣ духовныхъ лицъ, которые хотятъ оставаться ненаказанными. И я радуюсь, что они должны теперь читать мои книги, въ которыхъ злоба ихъ достаточно обрисована; и я знаю, что они читаютъ ихъ старательнѣе чѣмъ святое евангеліе, и ищутъ, желая найти въ нихъ заблужденіе....»

Когда Сигизмундъ подавалъ голосъ за сожженіе Гуса, **Казнь Гуса.** онъ не подозрѣвалъ, что этимъ возстановляетъ противъ себя цѣлое славянское королевство. Отъ Гуса для проформы потребовали дать отреченіе, но онъ воскликнулъ: „люблю истину и ненавижу неправду!“ Тогда торжественно былъ осужденъ тезисъ о причащеніи подъ обоими видами. Интересно, какъ соборъ объяснилъ свое рѣшеніе. Соборъ не отрицалъ, что подобный обрядъ существовалъ въ апостольскія времена, что такого рода причащеніе честное и правое; но послѣ этотъ обрядъ вышелъ-де изъ употребленія и сдѣлался излишнимъ. Потому теперь „вѣрнымъ“ приходится довольствоваться только однимъ хлѣбомъ. Ясно, что такое толкованіе никогда не могло убѣдить „чашниковъ“, какъ прозвали себя сторонники причащенія подъ обоими видами; они продолжали настаивать на толкованіи своего учителя и ради этого обряда обагрили кровью горы и долины чешской земли. 6 іюля Гуса привели въ засѣданіе собора для торжественнаго обряда осужденія. Здѣсь его разстригли, объявили несуществующимъ для Церкви, надѣли на его голову бумажный колпакъ въ родѣ митры съ надписью „Eresi Archa“, который Гусъ тогда же сравнилъ съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, и отдали въ распоряженіе свѣтской власти. Епископъ, по окончаніи церемоніи, обратившись къ Гусу, сказалъ: „Церковь не знаетъ тебя болѣе; она передаетъ твое тѣло свѣтской власти, а душу дьяволу“. Того требовало Швабское Зерцало, на которое сочли нужнымъ сослаться. Сигизмундъ обратился къ герцогу баварскому и пригласилъ его въ свою очередь распорядиться еретикомъ какъ онъ хочетъ, а этотъ послѣдній приказалъ своимъ людямъ взять Гуса и сжечь живымъ на заранѣе приготовленномъ мѣстѣ. Люди герцога баварскаго, такимъ образомъ, были палачами Гуса. Даже фанатическій католикъ, Эней Сильвій удивлялся мужеству Гуса. „Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ, говоритъ Эней Сильвій, ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ

ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Богу..." Народъ, тысячами покрывавшій улицы, видя спокойствіе мученика, пришелъ въ волненіе... „Онъ молится, какъ истинный праведникъ", кричали въ толпѣ. Шествіе двигалось тихо. Гусъ продолжалъ молиться. Подойдя къ костру, который начиналъ тлѣть, онъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ. Палачи этого не позволили. Они раздѣли мученика до пояса, привязали руки его мокрою веревкой къ столбу, поставили лицомъ къ Западу и обложили дровами (¹). Когда пламя стало медленно лизать его тѣло, Гусъ запѣлъ — „Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго"...

Мѣсто, гдѣ былъ костеръ Гуса, стало священнымъ для чеховъ и славянъ. Гусъ не былъ реформаторомъ Римской Церкви. Онъ не трогалъ, какъ мы видѣли, ея догматики, а, напротивъ, хотѣлъ обратить католицизмъ къ его источнику. Его новшество въ дѣлѣ причащенія въ сущности было реакціей католическому обряду, стремленіемъ возвратиться къ обычаю, освященному со временъ апостольскихъ. Другое значеніе его чисто политическое. Онъ первый провозгласилъ солидарность славянъ въ томъ письмѣ, цитату изъ котораго мы приводили. Въ этомъ отношеніи онъ глядѣлъ дальше своихъ современниковъ. Онъ заявлялъ, что онъ не только чехъ, но и членъ великой славянской семьи, или, какъ онъ называлъ, — „regni Slavorum".

Ея послѣдствія.

Не было примѣра въ исторіи, чтобы насиліе, совершенное въ области мысли, достигало желаемой цѣли и приносило пользу дѣлу, во имя котораго оно предпринималось; обыкновенно такое насиліе приводило къ отрицательнымъ послѣдствіямъ. Такъ случилось и по отношенію къ Гусу. Чешскій каноникъ не имѣлъ желанія сокрушить католичество. Онъ настаивалъ только на томъ, чтобы повсюду принимали причащеніе подъ обоими видами и условно не признавалъ заносные папскіе вымыслы. При правильномъ, безпристрастномъ изслѣдованіи его дѣла, не послѣдовало бы вооруженнаго сопротивленія со стороны чеховъ, потому что выяснилось бы отсутствіе всякой особой системы вѣроисповѣданія. Объ этой особой си-

(¹) «Sancta simplicitas» — будто имъ сказанное одной женщинѣ, — Палацкій отрицаетъ по многимъ соображеніямъ.

стемѣ вѣроисповѣданія не думалъ ни Гусъ, ни кто либо изъ его послѣдователей. Но тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилась смерть Гуса, его мученичество, это гнусное нарушеніе Сигизмундомъ королевскаго слова, это низкое поведеніе кардиналовъ, это ожесточеніе, оказанное ими по отношенію къ страдальцу — все это произвело неожиданное вооруженное возстаніе среди соотечественниковъ великаго чеха. Народное раздраженіе проявилось въ Чехіи еще задолго до извѣстій о казни Гуса, полученныхъ изъ Костница въ Прагѣ. Послѣднія извѣстія дали неожиданное обаяніе нѣкоторымъ формуламъ ученія Гуса (¹).

(¹) Воцель перечисляетъ въ такомъ порядкѣ *чешскія* сочиненія Гуса. Чешскія сочиненія Гуса.

1. *Чешская орфографія* содержитъ краткія, писанныя по-латыни, правила, какъ при помощи надстрочныхъ (*діакритическихъ*) знаковъ писать правильно и точно по-чешски.

2. Provázek třípramenný z víry, lásky a naděje, kterého se má každý křestan držeti, kdo chce do věčného blahoslavenství přijótó. Единственная рукопись этого трактата находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; его издалъ въ 1545 году священникъ Павелъ Быджовскій. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ уклоненій отъ догматовъ католической вѣры.

3. Dcerka, aneb poznání víry pravé k spasení, — рукопись XV вѣка, находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; напечаталъ ее В. Ганка въ 1825 году. Десять обязанностей возлагаетъ Гусъ на христіанскую дѣвицу и, сообразно имъ, раздѣляетъ свое сочиненіе на десять главъ. Содержаніе сочиненія строго моральное, даже аскетическое, только во II главѣ находится одно мѣсто, гдѣ Гусъ горячо обвиняетъ главу католической Церкви, но оно выброшено въ изданіи Ганки.

4. Traktat o sedmi smrtelných hříšich. Рукописи этого трактата нѣтъ; находимъ его только при Постиллѣ, напечатанной въ Нюренбергѣ въ 1563 году. О характерѣ каждаго грѣха (гордость, зависть, гнѣвъ, лѣность, плотоугодіе и пр.) говорится подробно, приведены свидѣтельства Св. Писанія и Отцовъ Церкви; въ богословскомъ отношеніи сочиненіе безупречно.

5. Zrcadlo člověka hříšného větši. Рукопись въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ 1411 г. (неполная), другая полная, сходная съ музейною, находится въ Пражской университетской библіотекѣ. Трактатъ этотъ, составленный въ строго-христіанской системѣ, не содержитъ въ себѣ ничего вреднаго и противнаго ученію католической Церкви. Между тѣмъ въ дѣйствительности Зерцало, напечатанное при Постиллѣ, нисколько не сходится съ первоначальнымъ текстомъ Зерцала Гуса и, будучи поддѣльнымъ, существенно отличается отъ него, такъ какъ содержитъ чрезвычайно грубые и невѣжественные нападки на католическое духовенство. Это подложное сочиненіе написано вѣроятно во время Лютера.

Въ концѣ 1414 г., когда Гусъ сидѣлъ еще въ тюрьмѣ, въ пражскомъ университетѣ магистръ Якубка изъ Стжибра сталъ публично проповѣдывать въ смыслѣ идей Гуса Онъ возвѣ-

---

6. Zrcadlo člověka hříšného menši. Сочиненіе это говоритъ о жалкомъ состояніи человѣка и о превратностяхъ жизни.

7. Traktat o šesti bludich, содержащійся въ рукописи Ческаго Народнаго Музея; вторая рукопись въ Будишинѣ напечатана при Постиллѣ. Это съ многочисленными добавленіями переводъ сочиненія de sex erroribus, которое Гусъ въ 1413 году послалъ изъ Козьяго Городка въ Прагу и велѣлъ помѣстить въ Виѳлеемской часовнѣ.

8. Devět artikulóv aneb kusóv slatych, одна рукопись въ Дитрихштейнской библіотекѣ въ Микуловѣ; другая — въ пражской библіотекѣ; напечатаны при Постиллѣ 1563 году. Трактатъ этотъ, несмотря на свою краткость, важенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказаны нѣкоторые догматическіе взгляды Гуса.

9. Vyklad na desatero přikázáni. Объясненія на десять заповѣдей, находящіяся въ библіотекѣ пражскаго университета. Сравнивая впрочемъ одну рукопись съ другою, Воцель находитъ, что, какъ по объему такъ и по содержанію, онѣ совершенно несходны одна съ другою, и весьма вѣроятно, что Гусъ не сочинялъ ни того, ни другаго трактата.

10. Výklad větši na Páteř. Трактатъ напечатанъ не былъ.

11. Výklad menši na Páteř, тотъ и другой содержитъ религіозныя размышленія на Молитву Господню; рукопись находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ.

12. Vyklad článků viry, напечатанный въ 1563 г. при Постиллѣ, объясненіе символа вѣры. Сомнительна принадлежность Гусу.

13. Tractat odúmrti. Напечатанъ при Постиллѣ, затѣмъ при книгѣ Hospodář Brtvina z Ploskovic въ 1587 году. Въ сочиненіи этомъ Гусъ старается разрѣшить вопросъ, прилично-ли господамъ брать mortuarium со своихъ крѣпостныхъ и оканчиваетъ приговоромъ, что помѣщики, если хотятъ уберечься отъ казни вѣчной, не должны брать никакого mortuarium.

14. Постилла, заключающая въ себѣ проповѣди мистра Яна Гуса, т. е. объясненія на евангелія, которыя читаются втеченіе цѣлаго года въ воскресные дни, отличается своею обширностью сравнительно съ остальными сочиненіями Гуса. Рукопись пражской библіотеки, несомнѣнно, автографъ Гуса. Вторая и третья рукопись находится въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ. Въ Постиллѣ выражены ясно не только догматическіе взгляды Гуса, но въ ней также находится обильный матеріалъ для его біографіи, равно какъ многія важныя извѣстія о тогдашнихъ историческихъ событіяхъ. Сочиненіе это свидѣтельствуетъ о вдохновенномъ популярномъ краснорѣчіи его автора, тѣмъ не менѣе оно не равно сочиненіямъ Ѳ. Щитнаго, далеко выдѣляющимся глубиною и оригинальностью мыслей и блестящею выразительностью слога предъ всѣми

стилъ, что причащеніе Св. Таинъ должно принимать подъ обоими видами, потому что такъ требуетъ Св. Писаніе. Одновременно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда было посѣяно сѣмя

сочиненіями той эпохи. Во второй части Monumenta Гусу принадлежатъ также проповѣди подъ заглавіемъ: Historia gestorum Christi, ex quatuor evangelistis in unum collecta atque secundum tres annos praedicationis ejus distincta per M. I. H. Судя по этому можно бы думать, что это переводъ проповѣдей, находящихся въ Постиллѣ, Monumenta Husi содержатъ нѣкоторыя статьи, которыя Гусъ, говорятъ, написалъ въ Костницской тюрьмѣ, по требованію своихъ тюремныхъ стражей, а именно: De mandatis Domini. Это латинское сочиненіе, содержащее въ печати всего одинъ столбецъ, заключаетъ въ себѣ только объясненіе на первый членъ символа вѣры. и, кажется, составлено по чешскому тексту того же объясненія, находящагося въ Герсдорфской рукописи. Monumenta Husi вмѣщаютъ краткое поясненіе на Символъ вѣры (credo in Deum Patrem) и затѣмъ на молитву Господню (de oratione Dominica); но латинскіе тексты обоихъ не сходятся съ вышеупомянутыми чешскими объясненіями символа вѣры и молитвы Господней.

15. Tractatus M. J. H. de sacramento corporis et sanguinis Domini, который Гусъ написалъ для Роберта, стража или хозяина своего въ Костницѣ, находится отчасти въ чешскомъ переводѣ въ разсужденіи Павла Быджовскаго, въ которомъ Быджовскій доказываетъ, что хлѣбъ и вино претворяются въ дѣйствительныя тѣло и кровь Сына Божьяго.

16. Чешскій трактатъ Гуса о manželství оказывается точнымъ переводомъ съ первоначальнаго латинскаго текста. Рукописи его находятся въ императорской вѣнской библіотекѣ и въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ; напечатанъ онъ при Постиллѣ.

17. O svatôkupectví.

18. O panenství.

19. O pravé povinnosti člověka?

20. Výklad na písničky, jenž slovû Šalamúnovy.

21. O zkáze pocházejíci z ustanovení lidských?

22. O pravém potupení tohoto světa.

23. Traktát o poznání a milování Boha?

24. O církvi takové jakové latinské?

25. Knihy o modlitbě?

26. Proč přijímáme pod dvojím spûsobem tělo a krev Krista.

27. Páteř dobrých lidí, Páteř zlých lidí.

28. Napomenutí Plzěnikých k svornosti a opření se bludôm. Письмо это сохранилось единственно въ рукописи Пражской университетской библіотеки; мы изъ него знакомимся съ тѣмъ, какъ Гусъ бросался на всѣ средства, чтобы удержать Пльзень на своей сторонѣ. Это важное письмо не было напечатано, а равно и не переведено по-латыни. Одно лишь при-

проповѣдей Гуса, раздалась критика многихъ, доселѣ неприкосновенныхъ богослужебныхъ обрядовъ; стали доискиваться, почему эти обряды установлены такъ, а не иначе. Стремленіе критически относиться къ обрядамъ легко можетъ примѣняться и къ самымъ догматамъ. Потому, тотъ самый соборъ, который предалъ казни Гуса, поспѣшилъ признать еретическимъ обрядъ причащенія подъ обоими видами. Но послѣдователи Якубки Стжибрскаго не отступали отъ своего ученія. Понятно, что сожженіе Гуса только усилило это враждебное настроеніе. Общій крикъ мести огласилъ самыя отдаленныя мѣстечки Чехіи. Тѣ, которые прежде никогда не рѣшились бы открыто заявить свою близость къ еретику, теперь, какимъ-то общимъ дуновеніемъ сочувствія, приняли явно сторону Гуса. Мѣстные католическіе священники, которые доселѣ были любимы, теперь стали предметомъ ненависти, потому что молва ставила ихъ о бокъ съ палачами чешскаго проповѣдника. Священники, которые не хотѣли причащать подъ обоими видами, были выгоняемы и ихъ мѣста замѣщались сторонниками новаго, апостольскаго обряда. Движеніе шло изъ массы народа. Многіе магнаты оказывали содѣйствіе этому движенію; ими можетъ быть руководили при этомъ и корыстолюбивыя соображенія. Католическая Церковь имѣла массу недвижимыхъ имѣній, коими выгодно было теперь воспользоваться. Такъ, у епископа Литомышля, находившагося въ Костницѣ, сосѣдніе помѣщики отняли имѣніе, ссылаясь на участіе его въ дѣлѣ осужденія Гуса. Епи-

---

бавленіе къ нему помѣщено въ Monumenta Husi, подъ заглавіемъ Replica contra praedicatorem Plznensem.

29. List pro vypovědění z Prahy.

30. List odvolání lat. slove appellatio t. od papeže na nejvyššího sudího.

31. List M. J. Husa, jímž jisté panny klášterní k setrvání v jejich stavu napomíná.

Посланія, которыя Гусъ писалъ своимъ послѣдователямъ и друзьямъ изъ Констанцской тюрьмы. Въ числѣ рукописей крижовницкой библіотеки въ Прагѣ такихъ посланій находится девять, и ихъ издалъ Воцель въ «Музейникѣ» 1848 году. Многія письма Гуса, переведенныя съ чешскаго на латинскій—правда дурно,—находятся въ Monumenta Husi, а также въ книжкѣ, напечатанной въ Витенбергѣ: Epistolae quaedam piissimae et eruditissimae Johannis Husi etc., которыя перевелъ Бильбасовъ въ своей книжкѣ по поводу юбилея Гуса, о чемъ было сказано у насъ на стр. 903. Списокъ Воцеля пер. въ Слав. Ежегодникѣ за 1880 г. IV, 298—303.

скопъ пытался оправдаться письменно, но это было для него невозможно, потому что всѣ знали, что онъ болѣе другихъ клеветалъ на мученика, и что ему, какъ страстному и личному врагу, Гусъ обязанъ своею гибелью. Соборъ пробовалъ было послать его въ Чехію съ порученіемъ изложить панамъ и рыцарямъ дѣло Гуса съ соборной точки зрѣнія. Но узнавъ на дорогѣ о томъ, что творится въ его владѣніяхъ, оробѣвшій епископъ не смѣлъ явиться въ Чехію и счелъ за лучшее воротиться назадъ.

Это общее раздраженіе привело къ сейму въ Прагѣ, на который собралось около 450 чешскихъ и моравскихъ пановъ. То были рыцари и землевладѣльцы. Они составили жалобу къ собору на осужденіе Гуса, которое было, какъ предполагали они, сдѣлано съ цѣлью опозорить чеховъ а съ ними и весь славянскій народъ. Въ этомъ манифестѣ сквозитъ основная мысль, что всѣ происки противъ Гуса, всѣ нападенія на него—дѣло нѣмцевъ, исконныхъ враговъ не только чеховъ, но и всего славянскаго племени. Это особенно ясно высказывается во второмъ воззваніи—1420 года. „Нѣмцы", говорится въ этомъ второмъ манифестѣ, „которые безъ всякой явной причины злятся на нашъ народъ, и которые прогнали славянъ съ Лабы и изъ Пруссіи, хотятъ и съ нами поступить также, чтобы самимъ занять мѣста выгнанныхъ". То былъ фактъ славянской взаимности. Съ той поры на чеховъ, какъ бы освѣщенныхъ багровыми лучами Гусова костра, были устремлены взоры всего міра. Слѣдомъ затѣмъ въ Прагѣ же образовалась лига изъ пановъ и рыцарей, направленная противъ постановленій Костницкаго собора. Отклоняя верховенство собора, не получившаго санкціи папы, лига опредѣлила управляться мѣстными епископами до избранія будущаго папы, а въ дѣлахъ вѣры слѣдовать ученію магистровъ пражскаго университета.

Казнь Іеронима (30 мая 1416 г.).

Безъ славянской розни не обошлось даже въ эту торжественную минуту. Меньшинство, конечно, наперекоръ большинству, высказалось ни съ того, ни съ сего, за соборъ, составило особый актъ и послало его въ Костницъ. Изъ Костница въ отвѣтъ послѣдовалъ вызовъ епископовъ и всѣхъ дворянъ, подписавшихъ протестъ. Они, понятно, не явились на судъ собора. Но изъ мести соборъ вскорѣ сжегъ Іеронима Пражскаго, друга Гуса. Іеронимъ, какъ было сказано, съ

самоотверженіемъ послѣдовалъ въ Костницъ за своимъ учителемъ. Его никто не вызывалъ. Его пребываніе на Руси, его дружба съ православными, именовавшимися схизматиками, еще не огласились. Но его тянуло въ Костницъ сознаніе служенія общему дѣлу. Онъ смутно думалъ, что поможетъ защитѣ учителя, его оправданію; онъ готовился своимъ личнымъ самоотверженіемъ подтвердить и засвидѣтельствовать невинность Гуса.

Инквизиторъ составилъ обвинительный актъ, который мы въ отрывкѣ привели ранѣе, и Іеронима постигла казнь, ровно черезъ годъ послѣ сожженія Гуса. Онъ встрѣтилъ смерть такъ же спокойно и гордо, какъ и Гусъ; но его болѣе страстная натура заставила бросить слова проклятія палачамъ, отъ которыхъ воздержался Гусъ. Соборъ полагалъ этимъ вторымъ актомъ насилія, столь же ужаснымъ, запугать чеховъ, но вышло на оборотъ. Напрасно соборъ предписывалъ энергическія дѣйствія мѣстнымъ властямъ, какъ напримѣръ пражскому архіепископу Конраду. Послѣдній долженъ былъ возобновить интердиктъ, но церковное отлученіе не имѣло теперь никакой силы. Архіепископъ требовалъ отъ вновь посвященныхъ духовныхъ лицъ отреченія отъ заблужденій Виклефа и только тѣмъ давалъ бенефиціи, кто явно и открыто заявлялъ о своемъ отреченіи отъ ереси. Послѣдователи Гуса отнимали у таковыхъ священниковъ и аббатовъ земли, требуя соблюденія новаго обряда sub utraque. Отъ этого утраквистами стали теперь называть принимающихъ причащеніе подъ обоими видами; сами себя они чаще называли чашниками.

Такимъ образомъ все чешское духовенство находилось между двухъ огней,—съ одной стороны подъ угрозами мѣстныхъ епархіальныхъ властей, съ другой стороны, подъ давленіемъ мѣстныхъ дворянъ и феодаловъ. Большинство стало за реформу.

Папство на соборѣ.

Между тѣмъ пражскіе магистры совершенно овладѣвали общественнымъ мнѣніемъ, окончательно пренебрегая папскими громами. Они издали рекламу, въ которой признавалось причащеніе подъ обоими видами необходимымъ для спасенія души; при этомъ они признали торжественно Гуса мученикомъ за вѣру и назначили 6 іюля днемъ празднества въ честь его. Дошло до того, что пражскій викарный епископъ Германъ, пользуясь

отсутствіемъ архіепископа Конрада, склонился самъ на сторону лиги и рукоположилъ священниковъ, которые исполняли обрядъ утраквистовъ. Могли ли чехи, такъ осмѣянные, такъ оскорбленные, уважать санкцію собора и того жалкаго главу Церкви, который бѣжалъ изъ Костница еще до казни Гуса и долго скрывался гдѣ-то въ Германіи? Что это былъ за соборъ, чехи о томъ уже ранѣе имѣли точное понятіе со словъ самого Гуса. Въ третьемъ своемъ письмѣ, передъ казнію, онъ писалъ имъ:—„Если бы вы были въ Костницѣ, то вы увидали бы всю мерзость и срамность этого собора, который однако же желаетъ быть названъ всесвятымъ и немогущимъ заблуждаться. Даже швабы, т. е. нѣмцы, говорятъ по этому поводу, что ихъ городъ Костницъ никакими покаяніями не смоетъ съ себя въ теченіи 30 вѣковъ тѣхъ грѣховъ, что были совершены въ немъ соборомъ самымъ постыднымъ образомъ. Члены собора разлетятся во всѣ стороны, какъ порхающія бабочки, а приговоръ и рѣшеніе останутся на томъ же мѣстѣ, какъ паутина" (¹). Такъ понимали въ Чехіи Костницкій соборъ, соборъ, оставшійся безъ главы. Іоаннъ XXIII хотѣлъ пробраться въ Авиньонъ, но его не пропустилъ туда герцогъ бургундскій. Ему приходилось вернуться въ Костницъ, потому что Фридрихъ Гогенцоллернъ, бургграфъ нюренбергскій, которому поручено было наблюдать за папой, строго слѣдилъ за нимъ. Іоаннъ XXIII пробовалъ отдѣлаться двумысленнымъ отреченіемъ, но его не приняли и назначили надъ нимъ судъ въ присутствіи Сигизмунда. Въ первый разъ пришлось представителямъ свѣтской власти судить высшее духовное лицо, видимаго главу католической Церкви. Ясно, что такая степень паденія папской власти имѣетъ существенное и громадное значеніе. Доселѣ никогда не было такого рѣшительнаго вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла Церкви, и никогда императорскіе агенты не являлись такими безпощадными судьями первосвященника. На соборѣ былъ составленъ обвинительный актъ, сущность котораго была предана гласности вывѣшенными на дверяхъ соборными постановленіями. Въ этихъ рекламахъ говорилось, что папа Іоаннъ XXIII долженъ въ теченіи извѣстнаго времени явиться для оправданія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ ереси, въ покрови-

(¹) Бильбасовъ. Чехъ Янъ Гусъ; письмо III, стр. 33.

тельствѣ расколу и въ другихъ преступленіяхъ. Если же папа не явится въ назначенный срокъ, то, несмотря на его отсутствіе, онъ и его приверженцы будутъ преданы заочному суду. Такимъ образомъ соборъ, осудивъ за ересь Гуса, въ тоже время обвинилъ въ ереси и бывшаго первосвященника (1). 20 мая 1415 года, еще до казни Гуса, Іоанну объявили о низложеніи и онъ передалъ знаки папскаго достоинства. Его посадили сначала въ замокъ Готлибенъ, гдѣ сидѣлъ Гусъ, а потомъ отправили въ Гейдельбергскій замокъ, гдѣ онъ весело провелъ два года. Тѣмъ временемъ принялись за конкуррентовъ его, французскаго тіариста, Григорія XII и испанскаго—Бенедикта XIII.

Первый, имѣвшій опору кромѣ Франціи въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ Италіи, и поддерживаемый самимъ Сигизмундомъ, отрекся отъ папскаго сана и снизошелъ на степень перваго кардинала и папскаго викарія. Но Бенедиктъ противодѣйствовалъ энергично. Сигизмундъ требовалъ безусловнаго отреченія, для чего долженъ былъ предпринять большое путешествіе. Это путешествіе требовало денегъ и денегъ большихъ, потому что Сигизмундъ любилъ путешествовать пышно и съ большой свитой. Нуждаясь въ средствахъ, Сигизмундъ обратился къ Фридриху Гогенцоллерну, которому онъ и безъ того долженъ былъ 150.000 дукатовъ. За этотъ долгъ была заложена Фридриху Бранденбургская марка. Разбогатѣвшій, но скупой Фридрихъ далъ еще 250.000 дукатовъ, но съ тѣмъ, чтобы ему выдали грамоту на потомственное владѣніе Бранденбургскимъ маркграфствомъ. Это требованіе было исполнено, но въ грамотѣ было помѣчено, что Бранденбургское маркграфство принадлежитъ Фридриху и что Сигизмундъ можетъ во всякое время выкупить его у Фридриха. Такъ какъ требуемой суммы у Сигизмунда и у его преемниковъ никогда

---

(1) Документы у Mansi (Concilia) и въ Monum. conc. gener. saeculi XV (изд. Вѣнской истор. ком.). Современные событіямъ труды—Theodoricus de Niem, епископа въ Камбрэ: Historiae libri IV,—запрещенное Римомъ за свободомысліе и его же: De necessitato ref. Ecclesiae in capite et membris (неправильно приписываемое Петру Айльи) и Hist. et vita Iohannis XXII,—изд. у Hardt (Hist. conc. Const.).—Кромѣ соч. Lenfant, Tosti и Raumer о соборѣ и общихъ пособій Hefele, Weissenberg, Christoph (Papsthum im XV Jahrh.),—спец. изсл. Hübler (Die Konstanzer Ref. und die Concordate, L. 1867).

не находилось, то съ тѣхъ поръ Бранденбургъ остался во владѣніи нюренбергскихъ Гогенцоллерновъ.

Попытки Реформы.

Сигизмундъ между тѣмъ свидѣлся въ Перпиньянѣ съ Бенедиктомъ, но нашелъ въ немъ непреклоннаго честолюбца. Когда Бенедикта покинули короли аррагонскій и кастильскій, доселѣ его поддерживавшіе—папа бѣжалъ, но не отрекся отъ папскаго достоинства. Поѣздка во Францію, а потомъ въ Англію, предпринятая Сигизмундомъ, имѣла цѣлью поправить скудныя финансовыя средства имперіи. На пути его вездѣ угощали и дарили; онъ не пренебрегалъ и маленькими суммами, принимая по 3000 флориновъ отъ попутныхъ городовъ; безъ такихъ подаяній нельзя было проѣхать съ громадной свитой въ 1500 венгровъ и нѣмцевъ. Отсутствіе Сигизмунда продолжалось полтора года. Въ это время соборъ усилился многими новыми отцами, которые стали проводить мысль о необходимости реформъ въ Церкви, впрочемъ не существенныхъ, а чисто внѣшнихъ. Въ этомъ сказалось вліяніе проповѣди Гуса. Гусъ напомнилъ лучшимъ представителямъ католицизма о ихъ призваніи. Однимъ этимъ онъ пріобрѣлъ бы право на существенное мѣсто въ исторіи реформаціи. Въ этомъ ему вторили канцлеръ парижскаго университета Іоаннъ Жерсонъ и профессоръ Петръ Айльи, тотъ самый, который лично былъ жестокимъ врагомъ и оппонентомъ Гуса, какъ послѣдователь номинализма. Самъ Сигизмундъ, можетъ быть подъ вліяніемъ чешскаго проповѣдника, предложилъ на разсмотрѣніе членовъ собора проектъ о преобразованіи духовенства. Этотъ проектъ былъ совершенно во вкусѣ Сигизмунда потому, что онъ обѣщалъ ему современемъ пріобрѣтеніе бóльшей части церковныхъ имѣній подъ условіемъ уплаты жалованья духовенству, содержанія церквей, и веденія войны съ турками. Ясно, что кардиналы, задѣтые за живое, должны были воспротивиться такому проекту, а увидавъ къ чему онъ клонится, они съ тѣхъ поръ стали относиться къ нему подозрительно и осторожно. Въ тоже время они воспротивились всякимъ реформамъ, всякимъ проектамъ Сигизмунда до избранія папы и впредь стали всѣ вопросы сводить къ одному, а именно къ необходимости избрать какъ можно скорѣе верховнаго владыку для католической Церкви.

Папа Мартинъ V (1417—31 г.).

Нѣмецкіе князья со своими сторонниками, по указанію императора, представили такъ называемыя Gravamina, т. е. сборникъ изъ многихъ параграфовъ, заключавшій въ себѣ множество жалобъ на духовенство. Затѣмъ они предъявили свои Avvisamenta, въ которыхъ излагаются способы ограниченія папскаго произвола, разсчитывая все это произвести до избранія новаго папы. Соборъ отклонилъ и то и другое, что было совершенно естественно. Кардиналы въ числѣ 23 вмѣстѣ съ 30 свѣтскими депутатами спѣшили собраться въ конклавъ и избрали наконецъ папой одного изъ представителей знатной римской фамиліи Колонна, подъ именемъ Мартина V(1). Онъ получилъ тіару преимущественно потому, что представлялъ собою выраженіе крайняго папскаго консерватизма. Онъ былъ врагомъ всякихъ уступокъ мірскимъ требованіямъ. Онъ былъ борцомъ древнихъ традицій. Онъ готовъ былъ даже на крестовый походъ, безразлично, и противъ чеховъ и противъ мусульманъ. Чтобы избавится отъ всякихъ уступокъ и реформъ. Мартинъ V, подъ предлогомъ показавшейся въ городѣ заразы, 22 апрѣля 1418 года распустилъ соборъ съ тѣмъ, чтобы онъ собрался черезъ 5 лѣтъ въ итальянскомъ городѣ Падуѣ. а потомъ послѣдовательно собирался каждыя 10 лѣтъ для разрѣшенія церковныхъ вопросовъ. Результатомъ костницкаго собора было упроченіе въ умахъ идеи о преобладающемъ значеніи соборныхъ рѣшеній передъ единичною волею папы. Всѣ члены собора, въ присутствіи императора, признали правильнымъ взглядъ Жерсона, что соборъ вообще изображаетъ собою католическую Церковь, получившую свою силу, власть и значеніе отъ самого Іисуса Христа. Слѣдовательно, всякій католикъ, не исключая и папы, обязанъ подчиняться соборнымъ постановленіямъ и безусловно во всемъ, что касается догматовъ, ихъ толкованія, могущихъ быть преобразованій и порядка церковнаго управленія. — Впрочемъ, прелаты не считали этотъ взглядъ собора для себя безусловно обязательныхъ и если послѣ соборъ вновь собрался, то не черезъ 5, а спустя 12 лѣтъ, притомъ по совершенно особымъ побужденіямъ. Прелаты видѣли только одно, что авторитетъ папства не пошатнулся несмотря, на грѣхи прежнихъ первосвященниковъ, если самъ императоръ смиренно велъ за поводъ коня, на которомъ возсѣдалъ Мартинъ V, покидавшій Костницъ.

(1) Contelori. Vita Martini V. Roma. 1641.

Императоръ Сигизмундъ (1411—37 г.).

Въ началѣ XV вѣка Священная Римская имперія находилась въ такомъ же положеніи, какъ и папство, т. е. сколько было императоровъ, столько же и папъ. Чешскій король Вячеславъ былъ лишенъ императорской короны, но нѣкоторые и послѣ того продолжали считать его императоромъ. На послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ явились два кандидата на императорскій престолъ: Сигизмундъ, младшій братъ Вячеслава, маркграфъ Бранденбургскій и король Венгріи, и Іовъ, его двоюродный братъ, макграфъ Моравскій; но вслѣдствіе конкурренціи оба кандидата не были избраны. Когда же умеръ Іовъ Моравскій, Сигизмундъ могъ надѣяться на достиженіе императорскаго престола (1). Въ этомъ случаѣ его расчеты были вѣроятны: онъ оказалъ услуги на соборѣ въ дѣлѣ уничтоженія раскола; притомъ онъ обладалъ многими хорошими личными качествами. Его умъ былъ хотя не глубокъ, но многосторонenъ; онъ могъ считаться даже ученымъ, потому что говорилъ на шести языкахъ. Во всемъ его существѣ много было такого, что привлекало къ нему людей. Но при этихъ достоинствахъ онъ имѣлъ и много значительныхъ недостатковъ, вовсе не гармонировавшихъ съ его саномъ, какъ короля и будущаго императора. Онъ былъ слабаго характера, въ немъ не было твердой воли и рѣшительности; онъ всегда довольствовался только полумѣрами и какими нибудь сдѣлками; при этомъ онъ былъ плохимъ хозяиномъ, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ своихъ собственныхъ, домашнихъ. Онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и, подъ вліяніемъ этого, продавалъ свои родовыя земли. Какъ было уже сказано, онъ заложилъ Бранденбургъ за 400 тысячъ марокъ.

Будучи поставленъ такъ высоко, Сигизмундъ не удовлетворилъ возлагавшимся на него надеждамъ и не оказался на высотѣ своей задачи. Онъ не воспользовался своимъ вліяніемъ на соборъ, дабы принудить его членовъ къ проведенію реформъ. Теперь отъ папы Мартина V трудно было требовать какихъ бы то ни было преобразованій. Сигизмундъ вполнѣ сознавалъ это, и говорятъ, что онъ однажды сказалъ французскимъ богословамъ: „Вы желали реформъ, но только по избраніи новаго папы; теперь ступайте къ нему и требуйте ихъ“. Эти слова Сигизмунда помѣщены въ запискахъ его секретаря, Эбергарда Виндека. Сигизмундъ не воспользовался тою властью, какую имѣлъ на соборѣ. Если бы ему удалось настоять на своемъ, то индуль-

(1) Aschbach. Gesch. Kaiser Siegmund's. Hamb. 3 B. 1838

генціи и другія церковныя злоупотребленія вызвали бы должныя мѣропріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы почвы для появленія Реформаціи въ слѣдующемъ столѣтіи. Все это можно было бы получить отъ собора. Но когда такой случай былъ упущенъ, то папы болѣе не принимали никакихъ заявленій и не хотѣли входить ни въ какія сдѣлки. Три года засѣданій собора, который могъ дать теченію событій другое направленіе, прошли даромъ; а Сигизмундъ оказывалъ вліяніе тамъ, гдѣ оно было вреднымъ, и дѣлалъ то, что не было въ интересахъ Европы и религіи. Сожегши Гуса, онъ чешскій вопросъ сдѣлалъ европейскимъ; все время своего царствованія онъ принужденъ былъ бороться съ чехами и вести противъ нихъ продолжительную войну. Чехи подняли противъ него возстаніе и въ своемъ религіозномъ движеніи пошли несравненно дальше, чѣмъ Гусъ. Якубка, ученикъ Гуса, старался прекратить такое движеніе и поддерживалъ только то, чего хотѣлъ Гусъ. Но движеніе уже сошло съ правильнаго пути и возвратить его на старую дорогу было трудно. Гуситы стали защищать не одно только причащеніе подъ обоими видами, но стали отвергать почти всѣ обряды, оставивъ только крестное знаменіе; они отвергали молитвы за умершихъ, чистилище, посты и вскорѣ уничтожили всѣ монашескіе ордена. Напрасно пражскіе богословы убѣждали гуситовъ въ истинности того, что они отвергали; напрасно эти богословы говорили, что только то преданіе слѣдуетъ отвергать, которое противорѣчитъ св. Писанію. Послѣдователи Гуса сошли съ ортодоксальной почвы. Этого было достаточно, чтобы они были объявлены отщепенцами. Въ глазахъ папы, не терпѣвшаго никакихъ сдѣлокъ, они дѣйствительно всѣ оказались еретиками. Съ папою соглашался и соборъ. Не имѣя противъ нихъ другихъ средствъ, папа объявилъ на нихъ крестовый походъ, какъ нѣкогда былъ возбужденъ подобный же походъ противъ альбигойцевъ.

Борьба съ гуситами. Въ это время положеніе чешскаго королевства напоминало положеніе несчастныхъ альбигойцевъ и ихъ правителя, Раймунда Тулузскаго, съ тою только разницею, что Вячеславъ и не думалъ помогать своимъ подданнымъ въ борьбѣ съ папствомъ, какъ это дѣлалъ Раймундъ. Когда соборъ потребовалъ отъ Вячеслава присяги въ исполненіи соборныхъ распоряженій, то король поспѣшилъ дать эту присягу и

обѣщался помогать католикамъ. Вячеславъ былъ въ критическомъ положеніи. По своему характеру онъ склоненъ былъ болѣе къ той партіи, которая была враждебна папству; между тѣмъ соборъ поступалъ совсѣмъ иначе; кромѣ того и братъ Вячеслава, Сигизмундъ, требовалъ отъ него повиновенія опредѣленіямъ собора, угрожая, въ противномъ случаѣ, силою вмѣшаться въ его дѣла. Чешскій народъ находился также въ самомъ жалкомъ состояніи. Чешскій историкъ Томка говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Народъ чешскій добровольно принялъ христіанскую вѣру и, добровольно покорившись Церкви, передалъ представителямъ ея заботу и своемъ духовномъ благосостояніи. Осмѣливался ли онъ отступить отъ этой покорности и уволить себя отъ благодѣяній, приходившихъ къ нему ради соединенія со вселенской Церковью, если онъ ихъ считалъ недостаточными; или осмѣливался ли онъ положить этой покорности какія бы то ни было условія и покуситься сохранить за собою эти благодѣянія на другомъ основаніи, чѣмъ до сихъ поръ?—это былъ важный вопросъ, о которомъ разсуждали въ то время. Ясно было, что не отдѣльныя личности возставали противъ бывшаго до сихъ поръ порядка въ дѣлахъ церковныхъ, но сама земля, въ лицѣ большинства своего населенія и главныхъ представителей своихъ, стала противодѣйствовать католической Церкви. Законы, по которымъ сжигались еретики, были законами свѣтскими, а не церковными; развѣ законодательная власть народа, принявшая ихъ, не могла ихъ уничтожить, если они противорѣчили народному мнѣнію? Мартинъ V не хотѣлъ знать ни одного такого права. Вся сила католичества заключалась въ отрицаніи народныхъ правъ и мнѣній". Вячеславу приходилось выбирать одно изъ двухъ, и онъ открыто рѣшился принять сторону папства. Не смотря на это, протестантизмъ распространялся болѣе и болѣе и дѣлался всеобщимъ; католическія церкви пустѣли и народъ собирался въ тѣ немногіе храмы, гдѣ Вячеславомъ дозволено было совершать богослуженіе не по католическому обряду. Когда же эти храмы по малочисленности не могли удовлетворять народа, то вѣрующіе для совершенія богослуженіи стали собираться въ горахъ, куда ежедневно направлялись торжественныя процессіи. Въ этихъ процессіяхъ принимали участіе и многіе изъ придворныхъ. Одинъ изъ нихъ, Николай Гусъ, во время одной процессіи подошелъ къ королю и сталъ тре-

бовать увеличенія количества церквей, въ которыхъ причащеніе совершается подъ обоими видами и въ которыхъ вообще богослуженіе совершается не по католическому обряду; вмѣсто отвѣта король изгналъ его изъ Праги. Тогда Николай отправился на гору Ѳаворъ и сталъ собирать вокругъ себя единомышленниковъ, имѣя въ виду поднять открытое возстаніе. Въ новый городъ, получившій наименованіе Табора собралось до 42 тысячъ разнаго народа изъ близкихъ и отдаленныхъ городовъ, мѣстечекъ, деревень и даже изъ Моравіи. Съ утра до вечера тутъ говорились проповѣди, совершались исповѣдь, причащеніе и другіе религіозные обряды. Эти вооруженные фанатики, готовые пролить свою кровь, назвались по имени города „таборитами". Ихъ начальники вели тайныя бесѣды о средствахъ исполненія своихъ замысловъ. Разнеслись слухи, что они задумали сдѣлать нападеніе на Вячеслава, и ходила молва объ избраніи новаго короля. Вячеславъ оробѣлъ и хотѣлъ бѣжать, когда на улицахъ Праги увидѣлъ возстаніе и свалки. Но скоро онъ могъ убѣдиться, что мятежники не покушаются на его жизнь. Тогда онъ остался въ столицѣ своего королевства.

Возстаніе въ Прагѣ и смерть Вячеслава въ 1419 г.

Во время возникшихъ волненій одна религіозная процессія направилась къ городской ратушѣ, гдѣ были заключены утраквисты. и отъ ненавистныхъ городскихъ совѣтниковъ стала требовать освобожденія заключенныхъ. Когда процессіи въ этомъ было отказано и когда изъ оконъ зданія стали кидать каменья, тогда народъ бросился на ратушу. Янъ Жижка, когда-то простой солдатъ, одноглазый, при нападеніи на ратушу явился во главѣ черни. Двери были выломаны; толпа народа ворвалась въ ратушу, все переломала и истребила, захватила, кого только нашла, и выбросила изъ оконъ бургомистра, судью, двухъ совѣтниковъ и 6 судейскихъ слугъ. Чернь, стоявшая внизу около ратуши, доканала ихъ копьями, а одинъ совѣтникъ былъ казненъ въ застѣнкѣ ратуши. Извѣстіе объ этомъ привело Вячеслава въ такое озлобленіе, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ; онъ, конечно, не посмѣлъ вступить въ борьбу съ возставшими и когда тѣ приготовились къ вооруженному отпору, онъ заключилъ съ ними мирный договоръ. Для ихъ усмиренія онъ призывалъ императора Сигизмунда. Но еще до прибытія послѣдняго король былъ пораженъ вторичнымъ ударомъ и умеръ 16 августа 1419 года.

Провозглашеніе Сигизмунда королемъ Чехіи

Какъ только разнеслась молва о смерти короля, населеніе Праги, ожесточившись, бросилось на монастыри, церкви, монаховъ, уничтожая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образа, органы и церковную утварь. Въ страхѣ бѣжало изъ города все высшее духовенство, за нимъ слѣдомъ многіе богатые граждане, а въ особенности нѣмцы, къ которымъ простой народъ питалъ ненависть, какъ къ противникамъ новаго ученія. Паны и магнаты, въ видахъ прекращенія неистовствъ, рѣшились просить Сигизмунда, какъ наслѣдника престола, чтобы онъ какъ можно скорѣе взялъ на себя управленіе Чехіей; при этомъ было поставлено условіемъ, чтобы онъ сохранилъ за сословіями и населеніемъ свободу проповѣди и причащенія подъ обоими видами, и чтобы позаботился уничтожить жестокія постановленія собора и папы противъ народа чешскаго. Сигизмундъ принялъ предложеніе, назначивъ временною правительницею Чехіи вдову умершаго короля, Софію. Онъ увѣдомлялъ что не можетъ прибыть немедленно, такъ какъ занятъ дѣлами въ Венгріи, вслѣдствіе опасности со стороны турокъ; относительно же просьбы пановъ и магнатовъ объ удовлетвореніи чешскихъ интересовъ умолчалъ. Несмотря на такое молчаніе короля, партія чашниковъ или „подобоевъ“ утѣшало себя надеждою, что съ Сигизмундомъ можно достигнуть религіознаго примиренія. Но предводители народныхъ сборищъ не раздѣляли съ ними этой надежды, по справедливости видя въ Сигизмундѣ своего врага. Поэтому, пользуясь отсутствіемъ императора, они хотѣли упрочить свою безопасность и обезпечить, на сколько возможно, свое дѣло. Съ этою цѣлью они рѣшились взять въ Прагѣ королевскій замокъ, Градчинъ, расположенный на горѣ по другую сторону рѣки Молдавы; владѣть этимъ Кремлемъ, въ виду возвышеннаго его положенія, значило господствовать надъ всѣмъ городомъ. Табориты начали окружать Градчинъ; королева въ испугѣ бѣжала. Но магнаты и паны вмѣстѣ съ наемниками взялись защищать замокъ. Такимъ образомъ уже съ этихъ поръ въ средѣ утраквистовъ стали проявляться несогласія, которыя весьма вредно отозвались на ихъ дѣлѣ. Узнавъ о страшныхъ смутахъ въ Чехіи, Сигизмундъ оставилъ намѣреніе идти противъ турокъ и въ декабрѣ 1419 г. отправился въ Чехію. Но было уже поздно. Табориты заняли Градчинъ, а Прага была покрыта баррикадами.

Новому королю не удалось на этотъ разъ вступить въ свою столицу (1).

Табориты.

Сигизмундъ съ своими нѣмецкими крестоносцами, осѣняемый благословеніями папы, привелъ стотысячное войско на чешскихъ протестантовъ, но на первый же разъ потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ думать о переговорахъ. Въ чемъ же заключалась тайна успѣховъ возстанія? Конечно, прежде всего въ религіозномъ энтузіазмѣ и въ томъ одушевленіи, которое было вызвано ученіемъ и несчастной судьбой Гуса. Этотъ же энтузіазмъ поддерживало и національное стремленіе чеховъ, такъ какъ дѣло, за которое страдалъ и умеръ Гусъ, касалось столько же національныхъ сколько и религіозныхъ интересовъ. Вожди таборитовъ явились въ одно и тоже время и духовными и свѣтскими главами, что придавало имъ огромную силу и вліяніе. Со всѣхъ сторонъ чешской земли населеніе текло на Таборъ. Тутъ были и крестьяне, и торговцы, и дворяне, владѣльцы богатыхъ имѣній: всѣ продавали свои имущества и шли на Таборъ со своими дѣтьми. Такимъ образомъ сюда стеклись пришельцы съ разныхъ концовъ Чехіи, представители всѣхъ сословій; соединенные однимъ духомъ, они образовали духовно-соціальную общину. Въ виду неуступчивости католическаго духовенства крайняя партія приняла рѣшительное направленіе.

Обрядность и всякая церковная внѣшность были уничтожены, потому что ту и другую считали несогласнымъ съ соотвѣтственными обычаями первобытной Церкви. Священники совершали службы въ простыхъ одеждахъ; всѣ украшенія были сняты; латинскій языкъ замѣненъ чешскимъ. Это многочисленное братство было столько же духовной, сколько и воинственной общиной. Всѣ члены общества обучались воинскому дѣлу, такъ какъ свои убѣжденія должны были отстаивать кровью. Оружіе ихъ было оригиналь-

(1) Для исторіи таборитовъ, подобоевъ и вообще гуситскихъ воинъ служатъ латинскія весьма тенденціозныя сочиненія, а именно: A. Silvius Piccolomini, Hist. Bohemiae. Cochlaeus, Hist. Hussitarum 1549. Theobaldus, Bellum Hussiticum, 1621. Въ XVII вѣкѣ была популярна между протестантами франц. книжка: I. B. Rocoles. Ziska, avec l'hist. des guerres et troubles par la religion (Leyd. 1685). На чешскомъ Arnold. Deje Husitu (Pr. 1848). Изъ русскихъ пособій компилятивное цитованное соч. Клеванова. Чешское вѣроисповѣдное движеніе. М. 1876, 2 т.

ное: табориты пугали рыцарей своими цѣпями, молотами, копьями; изъ ручныхъ пращей они мѣтко кидали камни во враждебный станъ. Дисциплина и религіозное воодушевленіе дѣлали чудеса; пѣшіе, они, несравненно въ меньшемъ числѣ, разгоняли тяжелый строй рыцарей, сидѣвшихъ на коняхъ.

Свержевіе Сигизмунда.

Ошибки Сигизмунда, обнаружившіяся въ самомъ же началѣ, обусловливались образомъ его дѣйствій. Дѣйствительно, онъ былъ тогда еще плохимъ дипломатомъ; уже впослѣдствіи онъ проявилъ политическое искусство и значительную долю хитрости. Онъ ничего не хотѣлъ уступить и не сошелся заблаговременно съ рыцарской партіей, предлагавшей ему свои услуги; напротивъ, онъ даже оскорбилъ магнатовъ и тѣмъ заставилъ ихъ перейти на сторону возставшихъ. Послѣ неудавшихся переговоровъ, табориты издали прокламаціи, призывавшія всѣ сословія чешскаго народа къ возстанію. Сверженіе Сигизмунда было провозглашено повсюду, гдѣ только не стояли нѣмецкія войска. Скоро была снаряжена депутація въ Краковъ съ предложеніемъ Владиславу, польскому королю,—править Чехіей.

Между тѣмъ война разразилась страшными жестокостями и съ той и съ другой стороны. Католическіе паны, пользуясь смутами, притѣсняли простой народъ; а тѣ, слыша, что на Таборѣ не знаютъ ни господъ, ни рабовъ и что всѣмъ руководитъ Жижка, воевода избранный народомъ, массами устремились сюда, — понятно, не изъ религіозныхъ только побужденій, но и по соображеніямъ чисто экономическимъ, съ цѣлью наживы въ предстоящей рѣзнѣ. Табориты съ особеннымъ удовольствіемъ разрушали богатые монастыри и церкви, не оставляя камня на камнѣ; они уничтожали замки богатыхъ феодаловъ, а тѣхъ, кто хотѣлъ укрыться въ нихъ, сжигали живьемъ. Когда же королевскія войска стали подходить къ Прагѣ, Жижка вздумалъ предупредить нѣмцевъ и загородилъ имъ дорогу при Сазавѣ. Здѣсь въ первый разъ были разбиты королевскія войска, и съ этихъ поръ побѣда стала сопутствовать т. н. чашникамъ и ихъ вождю Жижкѣ.

Тогда Сигизмундъ, съ цѣлію выручить Градчинъ, самъ подошелъ къ Прагѣ и хотѣлъ штурмомъ взять валы города; но стоило только защитникамъ Праги сдѣлать диверсію, и вся храбрость нѣмцевъ пропала. Сигизмундъ отступилъ и могъ отмстить лишь тѣмъ, что утопилъ въ Эльбѣ

17 человѣкъ утраквистовъ. За это въ свою очередь мстили ему воины Жижки и безпощадно избивали и жгли католическихъ священниковъ и монаховъ. Король не могъ взять Табора, хотя и успѣлъ овладѣть Градчиномъ и замкомъ, стѣснивъ самый городъ Прагу, окруженный валами. Уже болѣе побѣда не сопутствовала Сигизмунду и его нѣмцамъ.

Пражане, потерявъ замокъ, готовы были идти на сдѣлку и предлагали слѣдующія четыре условія, которыя послѣ были названы пражскими статьями. Это былъ тотъ компромиссъ, при которомъ Сигизмундъ, если бы онъ только дѣйствовалъ тактичнѣе, могъ бы удержать корону. Требованія были слѣдующія: 1) чтобы Слово Божіе свободно проповѣдывалось и католическими и гуситскими священниками безразлично; 2) чтобы во всей Чехіи было допущено причащеніе подъ обоими видами и притомъ свободное, т. е. чтобы народъ могъ пріобщаться св. Таинъ, гдѣ ему лучше; 3) чтобы духовенство отказалось отъ владѣнія недвижимыми имуществами; наконецъ, 4) чтобы все, противное Божескому закону, было искоренено въ чешской землѣ.

Сигизмундъ не сообразилъ качественной стороны этихъ вопросовъ и, надѣясь на свое стотысячное войско, цѣликомъ отвергъ статьи. Онъ думалъ легко справиться съ своими врагами, но на первыхъ же порахъ въ схваткѣ въ предмѣстьѣ Праги легко вооруженные пражане своими пращами одержали верхъ надъ соединеннымъ австрійскимъ, венгерскимъ и хорутанскимъ рыцарствомъ. Нѣсколько тысячъ нѣмецкаго сброда погибло въ этотъ день. Сигизмундъ, видя общее недовольство въ своемъ станѣ, палъ духомъ. Онъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство, когда чехи, тайкомъ пробравшись въ нѣмецкій лагерь, произвели въ немъ переполохъ и пожаръ. Съ этого времени возникла та заклятая, непримиримая ненависть между двумя партіями, слѣды которой уже на національной почвѣ продолжаютъ проявляться и по сіе время. Не одни только католическіе писатели, но даже и протестантскіе, какъ напримѣръ кальвинистъ Шлоссеръ, не могутъ простить чехамъ ихъ успѣховъ надъ нѣмцами. Такъ Шлоссеръ сравниваетъ гуситовъ, по ихъ жестокости и страсти къ разрушеніямъ, съ дикими ордами Азіи, съ монголами Чингиза и Тамерлана. Чешскіе историки, даже католическіе, въ свою очередь съ одинаковымъ недружелюбіемъ относятся къ нѣмцамъ.

Послѣ перваго своего успѣха пражане стали лишать нѣмцевъ ихъ имуществъ. Лишь только Сигизмундъ оставилъ Прагу, магистратъ объявилъ собственностью народа всѣ имущества церквей. Тогда, какъ выражается пражскій историкъ Томка, однимъ ударомъ было уничтожено все, что добыли нѣмцы въ теченіе двухъ вѣковъ. Всѣ нѣмецкія позиціи въ странѣ, за удаленіемъ Сигизмунда, были сбиты и не существовали. Градчинъ сдался на капитуляцію. Сигизмундъ пробовалъ вернулся назадъ, но потерпѣлъ сильное пораженіе. Градчинъ пострадалъ: соборъ и дворецъ были разрушены. Теперь уже не могло быть никакого примиренія; всѣ связи Сигизмунда съ Чехіей были порваны; теперь онъ не могъ болѣе быть чешскимъ королемъ.

Анархисты и Жижка. († 11 окт. 1424 г.).

Такимъ образомъ революціонное движеніе, въ началѣ чисто религіозное, обратилось въ политическое. Еще въ первыхъ воззваніяхъ гуситовъ было сказано: „берегитесь, братья, тѣхъ, которые противодѣйствуютъ нашей религіи; особенно бойтесь нѣмцевъ. Боритесь съ ними непрестанно, какъ дѣлали наши предки, древніе чехи, которые съ охотою брались за оружіе не только для защиты Бога, но и для защиты самихъ себя. Намъ, братья, желающимъ общаго блага и почитающимъ Бога, необходимы большія усилія: кто можетъ владѣть мечемъ, кто можетъ махать дубиной, тотъ долженъ стоять въ рядахъ войска. Вы должны заставлять вашихъ священниковъ возбуждать народъ въ проповѣдяхъ и готовить всѣхъ для святой войны“. Позднѣйшія же воззванія, вышедшія изъ таборитскаго лагеря, написанныя радикальными демагогами, ясно дышутъ соціальнымъ направленіемъ.

Теперь въ Прагѣ вмѣсто Сигизмунда вздумали избрать въ короли Николая Гуса, одного изъ агитаторовъ, послѣ того какъ все движеніе приняло демократическій характеръ. Теперь уже не довольствовались въ религіи однимъ уничтоженіемъ обрядовъ. Упрощеніе принимало все большіе размѣры. Таинство евхаристіи толковали какъ только воспоминаніе Тайной Вечери. Явились пророчества о необходимости полнаго измѣненія соціальнаго устройства. Предполагалось, что судъ Божій грянетъ надъ землею и всѣ чешскіе города погибнутъ, подобно Содому и Гоморрѣ, кромѣ тѣхъ пяти, которые остались вѣрны истинѣ, т. е. Пильзена, Лауне, Жатицы, Слана и Кладова. Эти пророчества поддерживались и

распространялись людьми ожесточенными, недовольными современнымъ положеніемъ дѣлъ. Они начали уже проникать въ массу народа а оружіе, бывшее въ рукахъ, побуждало осуществить возможно скорѣе эти соблазнительныя предсказанія. Стали провозвѣщать, что всѣ злые люди, враги Божіи, должны быть истреблены, и что этотъ долгъ возложенъ на таборитовъ;— наступитъ время, когда Іисусъ станетъ представляться не какъ Богъ милости, но какъ Богъ мститель—Богъ грозы. По этимъ же пророчествамъ, Церкви чешской предстоитъ быть болѣе святой, чѣмъ сама первобытная апостольская Церковь. Не будетъ болѣе надобности ни въ крестѣ, ни въ писаніи, такъ какъ всѣ люди будутъ мудрыми, ибо рождаться будутъ безъ грѣха, и божественный законъ будетъ начертанъ въ ихъ сердцахъ. Не будетъ тогда ни мірянъ, ни священниковъ, ни господъ, ни подчиненныхъ; недвижимая собственность перестанетъ принадлежать кому либо; все будетъ общее и во всякомъ случаѣ нераздѣльное въ семьѣ.

Вотъ какими фантазіями занималась крайняя протестантская партія въ Прагѣ. Эта партія именно такимъ образомъ, т. е. въ смыслѣ соціальномъ, понимала настоящее политическое движеніе. Понятно, протестантскіе чешскіе историки должны приписывать неудачу возстанія разрозненности, лишившей возстаніе надлежащей силы и прочности. Преобладаніе крайней партіи совершенно извратило прямое направленіе и первоначальную цѣль движенія. Разрозненность, проистекшая изъ увлеченій, проявилась на самомъ Ѳаворѣ. Нѣсколько сотъ фанатиковъ серьезно вообразили себя ангелами-мстителями и начали приводить въ исполненіе свои пророчества. Они бѣгали по лѣсамъ и повсюду убивали мнимыхъ враговъ Божіихъ. Мало того, они раздѣлись и не стѣснялись являться нагими. Какая-то вакханалія, пахнувшая кровью, заразила собою окрестности Праги. Фанатики эти были прозваны за свое наивное подражаніе Адаму—адамитами. Нѣкоторые старались доказать, что вообще нѣтъ надобности въ какихъ либо церковныхъ обрядахъ: другіе утверждали, идя уже дальше, что нѣтъ ни Бога на небѣ, ни чорта въ аду, а что Богъ—въ добрыхъ, а чортъ—въ злыхъ. При такомъ поворотѣ дѣла Жижкѣ пришлось прибѣгнуть къ войнѣ, чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ своемъ лагерѣ (1).

---

(1) Одно изъ старыхъ сочиненій о Жижкѣ—Martin Kuthen (Kronica o rytiri Zizkovi, Pr. 15 — 64) Кромѣ цитованной на стр. 940 книжки Rocoles,—соч. Eckardt (Pr. 1784), Milauer (Pr. 1824), G. Sand (Par. 1843, Br. 1845).

Жижка началъ тогда отчаянную борьбу съ латинскимъ духовенствомъ и съ нѣмцами. Городъ за городомъ сдавались ему. Самъ пражскій архіепископъ, видя себя одинокимъ, перешелъ на сторону гуситовъ и началъ рукополагать священниковъ изъ чашниковъ. Еслибы не было раздоровъ, столь свойственныхъ славянамъ, то, несомнѣнно, чешскій протестантизмъ XV вѣка принесъ бы болѣе значительные результаты. Здѣсь можно наблюдать характерную черту славянскихъ движеній, не отличавшихся прочностью и постоянно страдавшихъ разрозненностью. Благодаря энергическимъ усиліямъ Жижки, водворился нѣкоторый порядокъ и единство въ лагерѣ, хотя на короткое время. Пражскія статьи были приняты даже и таборитами. Жижка думалъ объединить возставшихъ и прибѣгалъ для этой цѣли къ жестокимъ мѣрамъ: онъ безпощадно жегъ и вѣшалъ адамитовъ, а проповѣдниковъ ихъ заставлялъ подчиняться пражскимъ статьямъ. Онъ достигъ своего. Было назначено регентство до прибытія польскаго короля, которое нѣсколько замедлилось, потому что чешское посольство было перехвачено Сигизмундомъ. Тѣмъ временемъ Жижка, восторжествовавъ въ Чехіи, сталъ дѣлать набѣги на Моравію и безпощадно истреблять нѣмцевъ и тѣхъ феодаловъ, которые не хотѣли перейти на его сторону. Надо замѣтить, что Моравія принадлежала въ то время герцогу Альбрехту Австрійскому. Въ послѣднее время Сигизмундъ, желая упрочить императорскій престолъ въ своемъ домѣ, помолвилъ свою малолѣтнюю дочь Елизавету съ Альбрехтомъ Австрійскимъ. Въ своихъ планахъ Сигизмундъ дошелъ даже до того, что готовъ былъ продать родную дочь турецкому султану. Начался торгъ. Альбрехтъ грозилъ Сигизмунду войной, если только тотъ не отдастъ ему свою дочь. Такъ какъ Сигизмундъ оставался давно должникомъ Альбрехта, то онъ рѣшился примириться и согласился отдать Елизавету ея жениху. Съ ней посѣтили Альбрехта всякія несчастія. Ему пришлось вмѣшаться въ дѣло гуситовъ и стать главнымъ вождемъ Сигизмундова войска. У Жижки же, послѣ счастливыхъ побѣдъ въ Моравіи, являются грандіозные планы: онъ хочетъ водворить протестантизмъ въ сосѣднихъ земляхъ: въ Моравіи, въ Силезіи (у лужичанъ) и въ Польшѣ. Нѣсколько уже разъ онъ разбивалъ Альбрехта и проникалъ до его родовыхъ австрійскихъ владѣній; габсбургамъ теперь приходилось отказываться отъ своихъ наслѣдственныхъ земель. Когда Сигизмундъ съ

вновь набраннымъ войскомъ попробовалъ ударить на Чехію съ другой стороны, а именно съ востока, то Жижка въ сентябрѣ 1421 года нанесъ ему подъ Жатецомъ такое пораженіе, что послѣдствіемъ его была гибель 30 тысячъ нѣмецкаго войска. Это заставило Сигизмунда отступить изъ Чехіи и вымаливать помощь у нѣмецкихъ князей. Но рядъ предшествовавшихъ неудачъ разохотилъ германскихъ князей отъ участія въ дѣлѣ Сигизмунда, и онъ долженъ былъ взять съ собою итальянскихъ наемниковъ. Итальянцы и нѣмцы достигли Праги и расположились лагеремъ на ближайшей горѣ. Жижку не ждали. Онъ, узнавъ объ опасномъ положеніи Праги, быстро устремился сюда и, внезапно пробравшись въ непріятельскій лагерь, разбилъ и обратилъ въ бѣгство нѣмцевъ. Бѣглецы, какъ и Жижка, догоняя ихъ и перейдя границу Чехіи, ознаменовали свой путь страшнымъ пожаромъ. Оба года—1421 и 1422—были временемъ общаго разрушенія и варварства съ обѣихъ сторонъ. Въ 1423 году былъ съѣздъ нѣмецкихъ князей въ Нюренбергѣ. Сюда нѣмцы пригласили Сигизмунда и рѣшили составить общее ополченіе, но изъ совѣщанія ихъ ничего не вышло впродолженіе 1423 года.

Къ счастію для нѣмцевъ, передъ началомъ войны, уже ослѣпшій, Жижка умеръ въ октябрѣ 1424 года, во время одного изъ своихъ походовъ въ Моравію, въ лагерѣ подъ Пржибиславомъ. Фанатики, въ ознаменованіе смерти страшнаго слѣпца, совершили кровавую тризну, взявъ городъ приступомъ и истребивъ населеніе. Сначала Жижка былъ погребенъ въ Кёнигсгрецѣ, а потомъ перенесенъ въ Чаславль. Страшная палица, повѣшенная у гроба, служитъ его памятникомъ. Что касается до тѣхъ жестокостей, какими ознаменованы его походы, то обвинять его за нихъ нельзя. Жижка, на сколько могъ, сдерживалъ фанатизмъ своихъ воиновъ, но тотъ желѣзный, суровый вѣкъ требовалъ безпощадной мести врагамъ вѣры и врагамъ родины.

Со смертью Жижки не окончились гусситскія войны; онъ оставилъ свое дѣло въ рукахъ не менѣе энергичныхъ людей, хотя большая часть его послѣдователей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ, отдѣлилась и составила особое общество подъ именемъ „сиротокъ". Жижка однимъ своимъ именемъ производилъ обаяніе столько же на нѣмцевъ, сколько на своихъ послѣдователей, которые при немъ и не думали о разъединеніи. Какой страхъ производило на нихъ имя Жижки,

видно изъ легенды, сложившейся по поводу его смерти. Говорятъ, что онъ не велѣлъ себя хоронить, завѣщавъ бросить свое тѣло на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а кожу отдать на отдѣлку барабана, чтобы звуками этого барабана устрашать нѣмцевъ. И дѣйствительно, какъ увидимъ впослѣдствіи, достаточно было одного имени Жижки, чтобы обратить въ бѣгство десятки тысячъ нѣмцевъ и крестоносцевъ.

Прокопы.

При жизни Жижка всегда надѣялся на своихъ учениковъ по военному дѣлу—двухъ Прокоповъ, Большаго (иначе Высокаго) и Малаго. Первый былъ когда-то монахомъ и потому назывался иногда Стриженымъ, второй назывался Голымъ. Оба они были фанатическіе послѣдователи Гуса и принадлежали къ демократамъ, но ихъ политическія мечтанія сглаживалась практическими условіями; они никогда не позволяли себѣ увлекаться фантастическими теоріями. Оба Прокопа были на виду у своихъ единовѣрцевъ когда выдѣлились такъ называемые сиротки, требовавшіе себѣ нѣсколькихъ городовъ. Прокопъ Малый принялъ надъ ними фактическое начальство. Надъ таборитами же въ это время начальствовалъ Янъ Гвезда; центромъ послѣднихъ по прежнему оставался еще Таборъ. Демократическая партія, хотя и раздѣленная, продолжала преобладать надъ умѣренными „подобоями", состоявшими изъ пражскихъ горожанъ и дворянъ. Напрасно эта умѣренная партія, руководимая панами, сдѣлала попытку нанести ударъ демократамъ. Случилось наоборотъ. Прокопы разбили пановъ и подступили къ самой Прагѣ, хотя взять её не могли. Здѣсь смертельно былъ раненъ Янъ Гвезда, мѣсто котораго заступилъ Бугуславъ. Вскорѣ, когда Фридрихъ австрійскій хотѣлъ вторгнуться въ Чехію, между всѣми подобоями, умѣренными и крайними, былъ заключенъ союзъ. Общими силами они бросились на австрійскія земли и взяли австрійскій городъ Житецъ; при этомъ Бугуславъ былъ убитъ. Тогда огромное вліяніе получилъ любимецъ Жижки Прокопъ Большой. Онъ, хотя по женѣ былъ связанъ съ пражской буржуазіей, однако принадлежалъ къ крайнему гуситскому толку; при немъ табориты стали еще грознѣе. Подъ его предводительствомъ усилились вторженія чеховъ въ Моравію, Австрію, Саксонію и другія страны. Саксонскій герцогъ въ это время занималъ одинъ чешскій городъ Усти, подаренный ему Сигизмундомъ. Весной 1426 г. табориты и сиротки,

имѣя во главѣ обоихъ Прокоповъ, соединились и рѣшились отбить этотъ городъ у нѣмцевъ. Нѣмецкіе вожди имѣли неосторожность напасть на обозъ, но потерпѣли полную неудачу. Нѣмецкая кавалерія налетѣла на обозъ какъ на каменную стѣну, а чехи изъ за него, какъ изъ за крѣпости, били своихъ враговъ всѣмъ, что попадало подъ руку, колотили даже молотильными цѣпами, а длинными баграми удачно стаскивали нѣмцевъ съ коней. Наконецъ, нѣмцы отступили въ безпорядочномъ бѣгствѣ, и чехи захватили нѣмецкій лагерь изъ четырехъ тысячъ фуръ и телѣгъ. Эта битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ теченіи всѣхъ гуситскихъ войнъ. Нѣмцевъ въ ней пало до 15 тысячъ. На другой день былъ взятъ и сожженъ самый городъ. Въ слѣдующемъ 1427 году Прокопъ Великій вторгнулся въ Австрію и разбилъ австрійскаго герцога Фридриха, который потерялъ въ битвѣ съ нимъ до шести тысячъ нѣмецкихъ воиновъ. Теперь стоило только показаться гуситамъ передъ нѣмцами, какъ паническій страхъ овладѣвалъ послѣдними; бросая оружіе, они бѣжали безъ оглядки.

Среди этихъ громкихъ побѣдъ вожди гуситовъ все таки не достигли главнаго—установленія твердой правительственной власти. Въ ихъ движеніи, какъ было сказано, участвовало три партіи: табориты, сиротки и подобои вообще, считая тутъ и пражскихъ горожанъ и магнатовъ. На католической сторонѣ также не было единодушія: многіе изъ католиковъ, подобно таборитамъ, были недовольны существовавшимъ порядкомъ; одни не хотѣли Сигизмунда, другіе шли съ нимъ на соглашенія, требуя, чтобы богослуженіе было совершаемо на чешскомъ языкѣ; наконецъ многіе признавали прежній порядокъ легальнымъ, и ревностно отстаивали, вмѣстѣ съ папистами, безусловное право духовенства имѣть недвижимыя имѣнія. Понятно, что крайніе католики въ борьбѣ съ большинствомъ потерпѣли неудачу, такъ какъ они высказались слишкомъ рьяно. Но все-таки можно было предсказать, что окончательный перевѣсъ останется на сторонѣ реакціонной партіи уже по тому одному, что въ ней не было духа разъединенія, какое было въ лагерѣ гуситовъ. Невыгодное положеніе послѣднихъ, обусловливаемое раздорами, не обѣщало гарантіи какого либо успѣха. Раздоры среди воинственныхъ гуситовъ доходили до того, что нѣкоторые изъ нихъ готовы были скорѣе соединиться съ ка-

толиками, чѣмъ примириться съ сиротками или таборитами. Если бы было у гуситовъ единство, они были бы непобѣдимы, и католицизмъ въ Чехіи подвергся бы большой опасности. Но непобѣдимые при единствѣ, гуситы не могли не поддаться духу розни и братской вражды, которая лежитъ позоромъ на славянскомъ племени.

Еще восемь лѣтъ славы предстояло гуситамъ на поляхъ битвъ, въ которыя на своихъ знаменахъ они разнесли чешское имя въ отдаленнѣйшіе концы Австріи, Венгріи, Бранденбурга и другія сосѣднія страны. Папа Мартинъ V и его легатъ кардиналъ Генрихъ Винчестерскій, употребляли всѣ усилія, чтобы крестовой войной одолѣть ересь. Они набрали полчища кретоносцевъ. Въ іюлѣ 1431 года 150-тысячная армія крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Фридриха Гогенцоллерна, герцога бранденбургскаго, вступила чрезъ Пильзенъ въ Чехію. Въ этомъ походѣ принялъ участіе и самъ легатъ Генрихъ. Казалось, что часъ гуситовъ пробилъ, но они не оробѣли, хотя у обоихъ Прокоповъ было войска не болѣе 16 тысячъ пѣшихъ и 4 тысячъ конницы. На этотъ разъ счастье имъ улыбнулось. При одномъ слухѣ о наступленіи таборитовъ, при одномъ звукѣ знаменитаго барабана Жижки, нѣмцами овладѣлъ паническій страхъ и они разбѣжались, не смотря на увѣщанія папскаго легата, который во время всеобщаго бѣгства, потерялъ хоругвь, крестъ и шляпу. Чехи, настигнувъ крестоносцевъ, избили ихъ нѣсколько тысячъ. Послѣ этого Прокопъ Большой пошелъ далѣе, знаменуя свой путь огнемъ и мечемъ; онъ подчинилъ своей власти большую часть нѣмецкихъ князей, сидѣвшихъ на исконныхъ славянскихъ земляхъ и, наконецъ, разбилъ въ Силезіи подъ Лигницемъ тѣхъ, которые рѣшились сопротивляться ему. Въ дальнѣйшихъ своихъ походахъ онъ доходилъ до Дуная. Отдѣльные же отряды гуситовъ вторглись въ Моравію, Австрію, Венгрію, всюду разрушая и сожигая нѣмецкіе селенія, города и богатые замки. Изъ этихъ походовъ гуситы принесли громадную добычу, массы фуража и провизіи, разные предметы роскоши и комфорта, множество разнаго рода драгоцѣнностей. Золотыя и серебряныя вещи, вслѣдствіе обилія ихъ, въ лагерѣ гуситовъ сильно понизились въ цѣнѣ.

Не смотря на эти блистательные успѣхи гуситовъ, самъ великій полководецъ ихъ Прокопъ Большой не льстилъ себя

обманчивыми надеждами. Онъ предвидѣлъ, что военное счастье можетъ покинуть его сподвижниковъ, если только въ рядахъ ихъ вселится духъ раздора. На этотъ разъ онъ подавилъ въ себѣ всякія личныя чувства и готовъ былъ идти на сдѣлку; онъ первый изъ крайнихъ рѣшился заговорить съ Сигизмундомъ, требуя отъ него только полной вѣротерпимости. Но Сигизмундъ и теперь упрямо стоялъ на своемъ; онъ предлагалъ созвать для гуситскаго дѣла соборъ въ Базелѣ. Отклонивъ это предложеніе, оба Прокопа продолжали войну и одержали новыя побѣды. Но уже согласія и прежняго единодушія въ лагерѣ гуситовъ не было. Между тѣмъ папа Мартинъ V, сознававшій необходимость созыва собора, въ февралѣ 1431 года умеръ. Преемникомъ его былъ выбранъ Евгеній IV. Этотъ папа, занятый реформою Церкви, собралъ соборъ въ Базелѣ (¹).

Базельскій соборъ въ 1431 г.

Большинство чешскихъ утраквистовъ, утомленныхъ долгою борьбою, встрѣтили Базельскій соборъ сочувственно. Они надѣялись, что, благодаря ихъ военнымъ успѣхамъ, на соборѣ будетъ утверждено право причащенія подъ обоими видами. Они собрались въ Прагѣ и положили отправить на соборъ пословъ, чтобы объявить на немъ о своей готовности принять всѣ рѣшенія собора. Но на соборѣ, по достаточномъ обсужденіи дѣлъ еретиковъ, было отложено окончательное рѣшеніе до результатовъ новаго крестоваго похода. Противъ чеховъ снова шли огромныя силы въ 130 тысячъ, между тѣмъ какъ у Прокоповъ было всего 50 тысячъ пѣхоты и тысячъ пять конницы. Всѣ чешскіе протестанты, какъ и прежде, соединились и рѣшились дѣйствовать сообща. Результатъ новаго крестоваго похода былъ не лучше перваго. При первомъ звукѣ знаменитаго барабана Жижки крестоносцы бросились бѣжать. Чехи ихъ преслѣдовали и подъ Дамажлицами нанесли имъ окончательный ударъ, истребивъ нѣсколько тысячъ католиковъ и захвативъ 3 тысячи повозокъ. Соборъ заговорилъ болѣе мягкимъ тономъ; во всей Чехіи тоже желали мира, что было естественно, такъ какъ вся страна отъ продолжительной войны была разорена. Поля оставались незасѣянными, про-

(¹) Источники и пособія указаны выше на стр. 932. Прибавимъ, что есть въ русской литературѣ статья проф. Надлера о значеніи Базельскаго собора въ журналѣ «Духовный Вѣстникъ» за 1865 г.

мышленность ослабѣла, торговля остановилась, царила солдатчина со всѣми послѣдствіями ея, пагубными для развитія государственной и экономической жизни. Военные начальники стали истинными злыми геніями страны и горожанъ, покорно повиновавшихся суровымъ ихъ требованіямъ; никто не былъ гарантированъ въ своей собственности отъ проходившихъ воиновъ. Поэтому-то всѣ желали мира, но только подъ условіемъ вѣротерпимости. Между тѣмъ Прокопъ Большой дѣйствовалъ по прежнему энергично. Онъ побывалъ вездѣ, на востокѣ, западѣ и югѣ, только еще не заглядывалъ на сѣверъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить Базельскій соборъ быть сговорчивѣе, онъ предпринялъ свою военную прогулку и туда. Здѣсь онъ прошелъ, наводя повсюду трепетъ, до самого берега Балтійскаго моря. Разорять на сѣверѣ болѣе было нечего; страна, заселенная полудикарями, была чрезвычайно бѣдна. Забравъ все, что было можно, Прокопъ вернулся назадъ. Но этимъ онъ не удовольствовался; для побужденія собора къ сговорчивости, Прокопъ сдѣлалъ экспедиціи въ Венгрію и вторичную въ Силезію.

Между тѣмъ еще въ іюлѣ 1425 года въ Краковѣ польскій король заключилъ съ Чехіей наступальный союзъ противъ Сигизмунда, при чемъ чехи согласились на возведеніе на чешскій престолъ сына его Владислава, тогда еще малолѣтняго. Теперь, въ 1431 году, Прокопъ, напугавъ своими походами католиковъ, съ внушительнымъ конвоемъ поѣхалъ въ январѣ въ Базель на соборъ. Прежде всего на соборѣ стали толковать о четырехъ пражскихъ статьяхъ. Соборъ, давая чехамъ право на свободу причащенія подъ обоими видами (sub utraque), никакъ не соглашался исполнить требованіе третьей статьи, которая была самою серьезною и отъ рѣшенія которой зависѣло все остальное. Третья статья, какъ было сказано, касалась воспрещенія церковной собственности и полнаго невмѣшательства духовенства въ дѣла гражданскія. Такимъ образомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ блистательныхъ побѣдъ гуситовъ, пришли къ тому, съ чего слѣдовало бы начать. Но утраквисты не могли удовлетвориться исполненіемъ одной статьи, которая, надо замѣтить, на соборѣ ставилась не такъ, какъ желали побѣдители. Теперь подобои стали отказываться отъ того, чего требовали прежде; теперь они стали требовать сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ причащеніе подъ обоими видами въ Чехіи и Моравіи, а въ Польшѣ и Силезіи—для желающихъ.

Базельскіе компактаты.

Прокопъ на соборѣ упорно отстаивалъ свои требованія. Онъ говорилъ не отъ себя, а какъ бы отъ лица всѣхъ славянскихъ народностей. Соборъ, послѣ разныхъ колебаній, въ отвѣтъ на требованія постановилъ, чтобы причащеніе подъ обоими видами было установлено въ Чехіи и Моравіи только для взрослыхъ. Послѣ долгихъ споровъ сошлись на слѣдующихъ четырехъ статьяхъ, которыя, въ сущности, были уступками противъ Пражскихъ статей. Эти статьи были названы Базельскими компактатами. *Первая* статья дозволяетъ причащеніе подъ обоими видами. *Вторая* устанавливаетъ, что духовенство можетъ быть судимо свѣтскими судьями, но только при духовныхъ депутатахъ. *Третья* дозволяетъ свободу проповѣди слова Божія лицамъ на то поставленнымъ, но не во всѣхъ католическихъ храмахъ. *Четвертая* статья говоритъ, что духовенство не должно вмѣшиваться въ гражданское управленіе. Слово „владѣть" замѣнялось другимъ— „управлять", что, въ сущности, было одно и тоже. Базельскими компактатами было сдѣлано много уступокъ, но они не привели ни къ чему. Пока происходили переговоры, табориты цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ осаждали безуспѣшно Пильзенъ. Долговременная стоянка разстроила дисциплину и вызвала рядъ волненій. Къ этому присоединился недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Чтобы добыть необходимое для лагеря, ихъ „гетманы" съ небольшимъ отрядомъ вторгнулись въ Баварію и потерпѣли пораженіе. Это первая и притомъ неожиданная неудача поселила недовѣріе къ вождямъ. Возстаніе пришлось усмирять самому Прокопу Большому, при чемъ онъ былъ раненъ однимъ гуситомъ на столько тяжело, что долженъ былъ ѣхать въ Прагу лѣчиться. Сигизмундъ, только что короновавшійся императорской короной, поспѣшилъ воспользоваться этою смутой, происшедшей въ рядахъ гуситовъ. Временное правительство, за болѣзнію Прокопа Большаго, стало исподоволь распускать грозные полки таборитовъ и сиротокъ. Папская партія тогда же предложила Сигизмунду явиться въ Прагу съ войскомъ. Это оскорбило обоихъ Прокоповъ, никогда не скрывавшихъ своихъ намѣреній относительно будущаго, такъ какъ дѣло было кончено безъ ихъ разрѣшенія.

Реакція гуситству.

Между тѣмъ реакція стала сказываться очень рѣшительно. Самъ Прокопъ Большой, страдавшій отъ раны, видимо усталъ и изнемогъ въ борьбѣ съ враждебными въ лагерѣ элементами и не протестовалъ, когда въ Прагѣ на его глазахъ подготовлялась аристократическая оппозиція движенію, которое начинало запугивать. Онъ даже далъ свое согласіе на учрежденіе временнаго правительства, во главѣ котораго былъ поставленъ панъ Алексѣй изъ Розенберга; членами земскаго совѣта были избраны 12 мужей изъ всѣхъ сословій. Это были люди умѣреннаго направленія. Но истиннымъ руководителемъ правительства былъ ревностный католикъ Менгардъ изъ Градца, знатный и вліятельный панъ, который хотя и признавалъ „компактаты", но предпочиталъ въ душѣ полное возстановленіе прежнихъ политическихъ и церковныхъ порядковъ. Онъ велъ дѣятельныя сношенія съ послами базельскаго собора, самъ скрывался за правительствомъ, но въ сущности руководилъ имъ. По его мысли въ апрѣлѣ 1433 году организовался тайный политическій союзъ, куда вошли сторонники прежняго строя, преимущественно богатые и знатные вельможи. Они скоро стали вербовать открыто приверженцевъ на свою сторону, скрывая истинныя цѣли и указывая только на грозную опасность со стороны таборитовъ. Почти весь т. н. Старый городъ, цѣлая половина населенія столицы, была привлечена къ союзу, который тогда пересталъ уже скрываться и, обладая большими денежными средствами, началъ открыто вербовать войско даже изъ таборитовъ, изъ коихъ одни перебѣгали за деньги, другіе изъ желанія добычи, а очень немногіе даже по убѣжденію. Изъ Пильзена политическій центръ тяжести перешелъ въ лагерь у Качина, подъ Кутной горой. Въ началѣ мая эта новая армія пришла въ столицу и силою заставила населеніе новаго города присоединиться къ союзу. Вожди союза все еще продолжали обманывать своихъ приверженцевъ въ истинной цѣли лиги, но когда католическіе паны, бывшіе ненавистники Гуса, привели свои силы на помощь союзу, то не могло быть сомнѣнія въ томъ, къ чему приведетъ реакція. Тогда было получено въ Прагѣ извѣстіе, что старый Сигизмундъ (ему было тогда 65 лѣтъ) короновался, наконецъ, въ Римѣ императорской короною (31 мая 1433 г.) и возвращается изъ Италіи, гдѣ онъ провелъ два года. Менгардъ подготовилъ возстановленіе люксембургскаго трона въ Чехіи. Сигизмундъ не обѣщалъ своимъ

приверженцамъ земель и доходовъ, но выразилъ словесное согласіе на компактаты, а сдѣлавъ уступки утраквистамъ, вполнѣ обставилъ возможность реставраціи прошлаго въ будущемъ.

Битва подъ Липанами въ 1434 г.

Когда стало извѣстнымъ предстоящее прибытіе Сигизмунда, и когда истинные планы земскаго союза раскрылись, Прокопъ Старшій бѣжалъ изъ Праги, а Прокопъ Младшій соединилъ свои отряды съ оставшимися гуситскими воинами въ лагерѣ и снявъ осаду Пильзена, бросился на Прагу. Паны уклонились отъ боя. Оба Прокопа кликнули кличъ къ соотечественникамъ; 23 города отозвались на ихъ зовъ. Но теперь противники, предводительствуемые Діонисіемъ Борекомъ (изъ Милетинка) ихъ не боялись. Недалеко отъ Колина, подъ Липанами, 30 мая 1434 года произошло рѣшительное и роковое для таборитовъ и вообще для гуситовъ побоище. Въ началѣ сраженія табориты мощнымъ ударомъ опрокинули непріятеля, и пустились преслѣдовать его и конные и пѣшіе: обозные оставили свои фуры и бѣжали за врагами. Затѣмъ произошло нѣчто неожиданное, повторилось то, что случилось 24 годами ранѣе въ битвѣ подъ Танненбергомъ (II, 981). Легкая конница ударила съ фланга на преслѣдующихъ, разстроила ихъ и окружила, отрѣзавъ отъ обоза. Тогда въ свою очередь преслѣдуемые остановились, перестроились, бросились на таборитовъ, начали стрѣлять и рѣзать ихъ безпощадно. Въ этомъ бою погибли оба Прокопа и всѣ храбрые гетманы; 13 тысячъ таборитовъ было убито; въ плѣнъ взяли не болѣе 700 человѣкъ, которыхъ тогда же сожгли живыми въ срубахъ, по приказанію Менгарда. Изъ всего, прежде грознаго, таборитскаго войска остался небольшой конный отрядъ, съ которымъ Янъ Чанекъ укрылся въ Колинѣ.

Послѣдствія ея.

Теперь реакція пошла быстрыми шагами. Прежде отцы базельскаго собора торговались съ гуситами и дѣлали свои предложенія осторожно, видя передъ собою грозную силу таборитовъ. Теперь, когда ихъ не стало, роли перемѣнились ([1]). Они стали предписывать условія и заговорили инымъ тономъ, замѣчая между прочимъ, что самые компактаты явля-

---

([1]) Palacky. Urkunddliche Beiträge zur Geschichte des Husitenthums in den Jahren 1419—1436 (Pr. 2 B. 1872—73).—Peschek. Gesch. der Gegenreformation in Böhmen.

ются теперь лишними, и что все должно быть по старому. Весь вопросъ заключался въ томъ, удастся ли Сигизмунду водвориться въ королевствѣ? Опытный старецъ, посѣдѣвшій въ политической борьбѣ, употребилъ всю свою изворотливость, чтобы достигнуть цѣли. Онъ не скупился на уступки и всякаго рода обѣщанія, пока былъ безсиленъ, и отказывался отъ тѣхъ и другихъ, когда его положеніе упрочивалось.

Сплоченіе разрозненныхъ религіознымъ движеніямъ элементовъ шло столько же снизу, сколько сверху. Сиротки и табориты сошлись съ утраквистами, которые продолжали составлять подавляющее большинство въ Чехіи. На соборѣ въ Прагѣ, созванномъ вскорѣ послѣ Липанской битвы, для устройства церковныхъ дѣлъ, было формулировано ученіе утраквистовъ въ 19 статьяхъ министромъ Яномъ Рокичаною, который вскорѣ на сеймѣ былъ избранъ архіепископомъ пражскимъ, съ правомъ допускать публичное причащеніе подъ обоими видами и посвящать священниковъ - утраквистовъ. Сигизмундъ охотно согласился хлопотать за Рокичану передъ папой,—когда будетъ избранъ королемъ. При этомъ императоръ, такъ усердно добивавшійся чешскаго трона, 6 іюля 1435 года далъ чехамъ грамоту, въ которой впередъ обѣщалъ согласиться на всѣ желанія мѣстныхъ соборовъ и сеймовъ по церковнымъ дѣламъ, между прочимъ на всѣ обряды утраквистовъ, на недопущеніе иноземцевъ въ духовные суды, обязавшись не препятствовать льготамъ, которыя выговорятъ себѣ чехи и мораване въ церковныхъ дѣлахъ. Онъ склонялъ и отцовъ Базельскаго собора къ уступкамъ, намекнувъ, что таковыя будутъ временными и что вся суть вопроса заключается въ пріобрѣтеніи чешскаго трона. Благодаря общей склонности къ соглашенію, въ слѣдующемъ 1436 году (5 іюля) чехи признали компактаты, а черезъ нѣсколько недѣль, 23 августа 1436 г., Сигизмундъ, избранный королемъ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Прагу. Хотя король, передъ вступленіемъ на престолъ издалъ грамоту (маестатъ), въ которой подтверждалъ земскія льготы, но теперь ничто не мѣшало ему дѣйствовать въ интересахъ католицизма и Рима. Искренній католикъ, онъ считалъ такую политику даже своимъ нравственнымъ долгомъ по отношенію къ высшему для него авторитету, къ папѣ. Онъ не придавалъ значенія тому обстоятельству, что во всей Чехіи только два города (Пильзенъ и Будвейсъ) съ окрестными селами придерживаются католическихъ обрядовъ;

для него достаточно было того, что за католицизмъ нѣмцы и знатные паны. Два послѣднихъ года его царствованія прошли въ энергичной борьбѣ за возстановленіе прежняго порядка. Онъ роздалъ вліятельныя мѣста католикамъ, а городскимъ головою Праги посадилъ того самого Менгарда, который жегъ живьемъ гуситовъ. Оффиціально Сигизмундъ хлопоталъ въ Базелѣ объ утвержденіи Рокичаны, но секретно писалъ въ Римъ чтобы это ходатайство было отклонено. Потому Рокичана долженъ былъ идти на новыя уступки.

Какъ бы то ни было, Сигизмундъ употребилъ всѣ усилія на успокоеніе страны и достигъ въ значительной степени своей цѣли. Число таборитовъ и утраквистовъ уменьшалось, а католиковъ увеличивалось. Теперь религіозное движеніе въ Чехіи проявилось въ другой формѣ; оно отрѣшилось отъ связей съ политикой и сразу стало чуждымъ всякаго воинственнаго и наступательнаго характера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ погромъ, нанесенный гусизму подъ Липанами, обусловилъ и другія интересныя явленія.

Хельчицкій въ Чехіи и его ученіе.

Въ борьбѣ католицизма съ гусизмомъ въ концѣ концовъ торжествовалъ монархическій принципъ. Подавленіе радикальныхъ, протестантскихъ стремленій привело само собою къ торжеству монархической власти и вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію въ этой славянской землѣ германизма. Примѣръ Гуса, нужно замѣтить, не былъ единоличнымъ. Одновременно съ нимъ являлись и другіе учители народа съ протестантскимъ направленіемъ. Изученіе такихъ направленій—хотя бы въ сферѣ отвлеченной, литературной—важно для ознакомленія съ идеями времени. Эти идеи мы узнаемъ изъ литературныхъ произведеній, какъ изъ богословскихъ, такъ и изъ политическихъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на сторонника Гуса, Петра Хельчицкаго, ученіе котораго было распространено въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV столѣтія и отъ котораго по прямой линіи ведутъ свое происхожденіе гернгутеры, впервые получившіе извѣстность въ общинѣ Григорія (Řehoř), племянника Рокичаны. Для насъ интересно то, насколько проникли въ массу радикальныя тенденціи и насколько онѣ противодѣйствовали духу времени, тогда строго государственному (¹).

(¹) О Хельчицкомъ въ исторіи Палацкаго и трудахъ Hindely (Geschichte der Böhmischen Brüder), Krummel (Gesch. der böhm. Reformation,

Хельчицкій происходилъ изъ бѣдной шляхты и получилъ очень скудное образованіе въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ не кончилъ курса; онъ даже не зналъ по-латыни. Хельчицкій исходилъ изъ одного Евангелія, въ которомъ видѣлъ источникъ богословскихъ знаній и даже житейской мудрости. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на устройствѣ первоначальной христіанской общины и полагалъ воскресить тѣ условія, въ которыхъ она развивалась. Въ теоріи Хельчицкій не могъ быть силенъ по недостатку знаній и потому сосредоточился на практической дѣятельности. Христіанство, по ученію Хельчицкаго, есть любовь къ ближнему. Слѣдовательно оно не требуетъ никакой внѣшней формы; оно не нуждается во внѣшней церкви, ея служителяхъ и обрядахъ; оно есть непосредственное чувство. „Къ чему государство? къ чему законъ? спрашивалъ онъ, они не могутъ заставить человѣка любить своего ближняго. Не нужно никакого строя, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ". Вообще, по его мнѣнію, Богъ никого не желаетъ принуждать къ добродѣтели, и та добродѣтель, которая проявляется по принужденію, неугодна Богу. Тоже говорилъ Гусъ, но лишь по поводу свѣтской власти папы, такъ какъ государства онъ не касался. У Хельчицкаго, же вопросъ ставится шире: онъ отвергаетъ потребность въ самыхъ писанныхъ законахъ. Въ этомъ смыслѣ и нужно отличать направленіе Хельчицкаго отъ дѣятельности Гуса. Въ сочиненіи Хельчицкаго объ антихристѣ, которое по-чешски называется—O šelmè a obrazu jejim,—проводится свѣтскій взглядъ на папскую власть. Онъ говоритъ, что истина въ христіанствѣ господствовала только до Константина Великаго. Когда императоры приняли христіанство, они усвоили его только внѣшнимъ образомъ, а содержаніе осталось языческое; языческій pontifex maximus совершенно обособился въ папѣ. Языческіе императоры обязались защищать христіанство; отъ этого обѣ власти поддерживаютъ одна другую, властители же преслѣдуютъ свои личныя цѣли. Требуя разрушенія существующей Церкви, Хельчицкій вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки Гусу, открыто не признавалъ никакой государственной власти.

1866). Сочиненія Хельчицкаго—даже его знаменитая «Сѣть вѣры»—доселѣ не изданы и извѣстны только въ отрывкахъ, благодаря извлеченію Сабины (Dejepis literatury československe, Pr. 1866, стр. 734—7). См. также изсл. проф. Кочубинскаго. Братья Подобои. Харьковъ, 1863.

Всякая власть—будетъ ли то правительственная, или даже муниципальная—направлена къ неисполненію христіанскаго догмата; она—остатокъ язычества, потому что только для язычества требовалось понужденіе, а христіанство въ немъ не нуждается. Всякія гражданскія должности устроены для противодѣйствія грѣху; чѣмъ болѣе люди удалились отъ Бога, тѣмъ больше потребности во властяхъ. „Будьте христіанами, взывалъ Хельчицкій, и вамъ не нужно будетъ ни короля, ни церкви". Петръ, не терпя насиліе, совѣтовалъ покоряться и терпѣть; христіанинъ долженъ страдать, а не преслѣдовать, повиноваться, а не повелѣвать; христіанинъ не долженъ поднимать оружіе на ближняго. Это ученіе раздѣлило послѣдователей Гуса и Хельчицкаго. Послѣдній осуждалъ гуситовъ за рѣзню и обвинялъ Гуса, какъ сектатора новой вѣры. Конечно, Хельчицкій отвергалъ и всѣ аттрибуты власти; онъ отрицалъ сословныя привилегіи, судъ, право государственной власти присуждать къ смертной казни. Таково было это анархическое ученіе—смѣсь мистицизма и политическаго радикализма, ученіе, высказанное въ центрѣ Европы, въ одной изъ славянскихъ земель, въ которой проявилась теперь мимолетная реакція противъ новыхъ государственныхъ стремленій. Такія ученія имѣли нѣкоторый успѣхъ потому, что въ глазахъ чеховъ прикрывались національными интересами. Но религіозный пылъ уже значительно охладился послѣ побѣды утраквистовъ, за которой должно было послѣдовать возстановленіе всего стараго порядка, а слѣдовательно и онѣмеченіе. Извѣстно, что въ религіозныхъ движеніяхъ заправляетъ чувство, энтузіазмъ, а не разумъ: чѣмъ больше энергіи, смѣлости и энтузіазма, тѣмъ болѣе успѣха. Всякія соглашенія ведутъ здѣсь къ возстановленію старыхъ порядковъ. Утраквисты не были людьми, которыми управлялъ бы религіозный энтузіазмъ; они сами были продуктомъ извѣстнаго соглашенія; утраквисты должны были уступить, когда имъ пришлось дѣлить власть съ католиками, имѣвшими твердыя преданія. Можно привести много фактовъ неискренности, лицемѣрія даже наиболѣе выдающихся изъ утраквистовъ. Примѣромъ можетъ служить архіепископъ Янъ изъ Рокичанъ. Всѣ знали, что онъ потому только остался на сторонѣ утраквистовъ, что папа Евгеній IV отказалъ ему въ санѣ архіепископа. Этотъ агитаторъ забывалъ, что вчера еще готовъ былъ присоединиться къ

католической Церкви, которую теперь позоритъ, отвергаетъ, называя ее блудницею. „Народъ оскопился, говоритъ онъ, и столько же сталъ похожъ на христіанъ, сколько размалеванный Петръ похожъ на апостола Петра“. А между тѣмъ онъ былъ крупнымъ дѣятелемъ между утраквистами, и въ немъ Сигизмундъ усматривалъ главное препятствіе къ реставраціи.

Король Альбрехтъ (1438—39 г.).

Еще при Сигизмундѣ, не считавшемъ себя связаннымъ никакими обязательствами, католическая Церковь стала возвращать въ Чехіи прежнія позиціи. Больной Сигизмундъ еще при жизни передалъ свои права на чешскій престолъ зятю своему Альбрехту. Противъ этого были многіе вліятельные паны, которые предпочитали видѣть на престолѣ супруга цезаря, императрицу Варвару, родомъ англичанку. Возмущенный этимъ, Сигизмундъ подвергнулъ домашнему аресту свою жену, и увезъ ее изъ Праги въ Зноимъ, гдѣ продолжалъ настаивать на признаніи правъ своего зятя. Здѣсь онъ скончался 11 декабря 1437 г. Утраквисты были не противъ Альбрехта,—они теперь требовали исполненія всѣхъ Базельскихъ постановленій, а наиболѣе энергично отстаивали только одно,—причащеніе виномъ и хлѣбомъ порознь. Самые вліятельные изъ утраквистовъ, регенты государства, не хотѣли и этихъ ограниченій, а добровольно отдавали себя въ рабство католикамъ и нѣмцамъ; изъ числа ихъ выдавался Менгардъ изъ Градца. Раздраженные этимъ, наиболѣе ревностные изъ утраквистовъ, въ союзѣ съ таборитами, пригласили на чешскій престолъ польскаго короля. Такъ какъ тотъ самъ не хотѣлъ принять трона, то выбрали брата его, и 4000 поляковъ пришли для поддержки его въ Чехію. Если бы Владиславу польскому удалось завоевать чешскій престолъ, то послѣдствія соединенія двухъ славянскихъ государствъ были бы весьма серьезны: повторились бы крупныя славянскія монархіи Болеслава Храбраго и Святополка Моравскаго. Но, конечно, нѣмцы не могли допустить соединенія двухъ славянскихъ народовъ. Австрійскіе и вообще нѣмецкіе рыцари массами стекались на помощь Альбреху. Альбрехтъ былъ зять Сигизмунда; онъ былъ женатъ на дочери его, Елизаветѣ, слѣдовательно, онъ выигрывалъ именемъ своей жены, а не личными достоинствами. Поляки расположились въ Таборѣ, гдѣ бились нѣкогда Прокопы. Здѣсь опять произошли битвы; воевали пять недѣль, но дѣло ограничивалось мелкими стычками, а до рѣшительнаго

сраженія не доходило. Когда разнесся слухъ, что самъ польскій король идетъ на помощь брату, тогда Альбрехтъ оставилъ высоты Табора и воротился въ Прагу. Владиславъ дѣйствительно пошелъ на нѣмцевъ, но война была непродолжительна: турки помѣшали соединенію славянъ. Въ виду движенія турокъ на Европу два кандидата на чешскій престолъ заключили между собой перемиріе.

Безкоролевье.

Когда король Альбрехтъ умеръ въ концѣ 1439 г., не оставивъ послѣ себя наслѣдника, то несогласія въ Чехіи еще болѣе усилились. Въ 1440 году у вдовы его Елизаветы, родился сынъ Владиславъ, по праву наслѣдникъ чешскаго и венгерскаго престоловъ. Венгры не приняли его и пригласили Владислава польскаго. Тогда въ Чехіи стали выбирать короля; этимъ дѣломъ заправляли ловкіе интриганы, собственно тѣ изъ утраквистовъ, которые хотѣли примириться съ католиками. Для избранія короля назначенъ былъ сеймъ въ Прагѣ; въ составъ избирателей вошли: 18 пановъ, 14 рыцарей и 14 горожанъ. Остановились на нѣсколькихъ кандидатахъ, и между прочимъ, на баварскомъ герцогѣ Альбрехтѣ. Но вдова Альбрехта, зятя Сигизмунда, вызывала такое сочувствіе, что чехи стали склоняться на сторону малолѣтняго князя. Когда Елизавета неожиданно умерла (въ 1442 г.), то возникъ вопросъ о регентѣ. На это мѣсто болѣе всего имѣлъ правъ Фридрихъ Штирійскій, но онъ отказался. Дошло до того, что чехи, нѣкогда боровшіеся съ нѣмцами подъ знаменемъ гусизма, теперь истомленные, сами просятъ нѣмцевъ принять ихъ подъ свою твердую руку. Къ сожалѣнію, главный кандидатъ на чешскій престолъ, Владиславъ король польскій и венгерскій былъ убитъ въ битвѣ съ турками подъ стѣнами Варны (1444 г.).

Юрій изъ Подѣбрадъ.

Народная партія, въ лицѣ 24-лѣтняго Юрія изъ Подѣбрадъ, снова появляется на сцену. Юрій Подѣбрадскій не принадлежалъ къ партіи утраквистовъ; скорѣе его симпатіи были на сторонѣ таборитовъ, но государственный умъ удерживалъ его отъ крайностей. Отецъ его разбилъ Сигизмунда въ битвѣ при Вышеградѣ, но Юрій выдвинулся вовсе не заслугами отца, а собственными достоинствами. Онъ извѣстенъ былъ не только государственными способностями, но также и опытностью. Однако самое присутствіе Юрія во главѣ національной

партіи не обѣщало еще успѣха. Заслуга Юрія Подѣбрадскаго состояла въ томъ, что онъ умѣлъ связать церковные интересы съ политическими и оживить уснувшія надежды и упованія чеховъ. Онъ понималъ, что въ гусизмѣ заключаются тѣ могучія орудія, которыя могутъ быть направлены въ пользу національнаго дѣла.

Подѣбрадъ сталъ настаивать предъ императоромъ Фридрихомъ, во первыхъ, на выдачѣ малолѣтняго Владислава государству въ опредѣленный срокъ и, во вторыхъ, на утвержденіи архіепископомъ Рокичаны. Подѣбрадъ сознавалъ, что радикальныя ученія таборитовъ, Хельчицкаго и всякія крайнія и анархическія стремленія только напрасно волнуютъ политическія страсти. Это заставило его примкнуть къ утраквистамъ, вслѣдствіе чего лагерь таборитовъ окончательно и навсегда опустѣлъ; послѣдніе табориты смѣшались съ утраквистами. Вмѣсто таборитовъ образовалась братская община—послѣдователей Хельчицкаго, не отличавшаяся многочисленностью своей, но имѣвшая будущее. Вскорѣ Юрій сталъ во главѣ городскихъ и народныхъ стремленій противъ аристократической и папистской партіи. Юрій Подѣбрадъ возстановилъ въ Чехіи народное управленіе, въ которомъ перевѣсъ получили утраквисты. Чехія опять начинаетъ играть роль въ исторіи и возбуждать надежды и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Это обусловливалось тогдашнимъ положеніемъ религіознаго вопроса въ Чехіи.

Когда въ 40-хъ годахъ XV столѣтія гусизмъ потерялъ значительную долю силы, то сталъ сближаться съ католическою церковью. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, какъ могъ чешскій протестантизмъ, получившій въ Базельскихъ компактатахъ самостоятельное положеніе, отречься отъ выгодъ, имъ пріобрѣтенныхъ. Гильфердингъ объясняетъ это тѣмъ, что въ это время въ положеніи гусизма была существенная фальшь. „Гуситское исповѣданіе хотѣло опираться на авторитетъ Церкви католической и, ссылаясь на освященіе, данное ему Базельскимъ соборомъ, считало себя вѣрнымъ этому авторитету; а тотъ, въ комъ сосредоточивался весь авторитетъ церкви католической, папа, предавалъ это самое гуситское исповѣданіе проклятію, какъ ересь, требуя отъ послѣдователей его безусловнаго повиновенія. Это внутреннее противорѣчіе томило, обезсиливало, гуситовъ и оставаться въ такомъ положе-

ніи долго было невозможно“ (¹). Все это совершенно вѣрно; дѣйствительно гусизмъ ослабѣлъ отъ того, что вступилъ въ сдѣлку съ католицизмомъ. Но, прибавимъ, что гусизмъ ослабѣлъ и отъ того, что не былъ поддержанъ энтузіазмомъ, что въ немъ не было вѣры въ самого себя. Во всякомъ религіозномъ движеніи только истинный энтузіазмъ поддерживаетъ успѣхъ и окрыляетъ дѣло; пока энтузіазмъ былъ у таборитовъ, пока они дѣйствовали подъ вліяніемъ фанатизма, счастье имъ улыбалось, но когда появились на Таборѣ несогласія, они стали терпѣть неудачи. Гусъ и гуситы оказались безсильными сдѣлать протестантизмъ достояніемъ Запада, предоставивъ эту великую миссію другой народности. Сами чехи потомъ сдѣлались учениками Лютера и Кальвина. Было весьма оригинально то явленіе, что они въ XVI вѣкѣ пошли въ ученики, когда за столѣтіе передъ тѣмъ были учителями. Но причина коренилась въ томъ, что Гусъ никогда не проповѣдывалъ протеста въ общепринятомъ смыслѣ этого слова и, не разрывая связи съ Церковью, искалъ идеала болѣе близкаго къ Церкви апостольской. Вмѣсто Запада онъ нашелъ этотъ идеалъ на Востокѣ, но, неудовлетворенный вполнѣ имъ, онъ опять вернулся къ Западу. Гусъ убѣжденно стремился возстановить древнюю вселенскую Церковь. Когда оказалось невозможнымъ возвратиться къ временамъ апостольскимъ, явилась реакція, и тѣ, которые хотѣли сохранить свои религіозныя убѣжденія, разорвали всякую связь съ Церковью и стали искренними протестантами, напр. табориты и братчики Хельчицкаго, эти истинные предшественники Лютера; прочіе, т. е. утраквисты, преобладавшіе численностью, или чашники, вступившіе въ сдѣлку съ папой, стали возвращаться назадъ. Эти чашники были гуситами только по виду, а въ сущности были безусловно подчинены авторитету римскаго первосвященника. Базельскіе компактаты остались бумажной сдѣлкой; въ нихъ не было внутренняго смысла, они не вызывали довѣрія. Правда, гусизмъ оказалъ услугу въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи; онъ пробудилъ національное чувство и уничтожилъ тѣмъ господство нѣмцевъ въ городахъ и селахъ. Чехи сами стали себѣ господами. Нѣмецкое населеніе въ городахъ чешскихъ погибло или разсѣялось, но культура нѣмцевъ осталась. Послѣ гуситскихъ

(¹) Гильфердингъ. Очеркъ исторіи Чехіи. Сочиненія, I, 368.

войнъ обозначилось раздвоеніе между высшимъ классомъ и городскими сословіями съ одной и крестьянами съ другой стороны. Къ первымъ принадлежали: магнаты, рыцари, торговые люди и мѣщане; въ противномъ лагерѣ была толпа, изъ которой нѣкогда вербовалъ свои отряды Жижка. Первые восторжествовали и, хотя они говорили по-чешски, но вполнѣ симпатизировали нѣмцамъ. Торжество аристократическаго элемента было въ сущности торжествомъ католической религіи и оно-то привело къ междоусобіямъ. Тогда Юрій Подѣбрадъ произвелъ государственный переворотъ; онъ самъ происходилъ изъ этого сословія, но умѣлъ возвыситься надъ нимъ.

Сперва Юрій господствовалъ съ титуломъ земскаго правителя, потомъ сдѣлался регентомъ Владислава. Хотя Юрій возвысился насиліемъ, но тѣмъ не менѣе онъ, сперва какъ регентъ, а послѣ, въ отсутствіе Владислава, какъ его намѣстникъ, дѣйствовалъ безукоризненно. Исторія представляетъ мало случаевъ, чтобы человѣкъ, имѣя возможность удержать за собою неограниченную власть, не злоупотреблялъ ею. Юрій слагалъ ее къ ногамъ народа, всегда обращаясь къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Онъ сталъ своего рода Вашингтономъ Чехіи. Когда юноша Владиславъ короновался въ Прагѣ, онъ оставилъ Юрія правителемъ Чехіи. Въ то время турки угрожали всему Западу. Николай V призывалъ всю христіанскую Европу къ крестовому походу. Въ Германіи собирались сеймы. Даже Чехія, несмотря на религіозную вражду, протянула дружественную руку римскому первосвященнику,—чтò однако не было оцѣнено надлежащимъ образомъ. Юрій объявилъ, что у него готово 40-тысячное войско на службу Христу. Но въ Римѣ не особенно довѣрялись любезности Юрія Подѣбрада, и хлопоты его предъ папской куріей объ утвержденіи конкордата были напрасны.

Избраніе Юрія королемъ чешскимъ (1459—71 г.).

Въ это время умеръ король чешскій Владиславъ, на 19-мъ году жизни, какъ разъ передъ свадьбой съ дочерью французскаго короля Карла VII. Чехи опять остались безъ государя. По наслѣдственному договору съ габсбургскимъ домомъ престолъ долженъ былъ перейти къ императору Фридриху III, но его въ Чехіи не любили; послѣ него серьезнымъ кандидатомъ на чешскій престолъ былъ польскій король Казиміръ. Но государственныя заслуги Юрія были слишкомъ очевидны и онъ единогласно былъ избранъ чешскимъ королемъ. Однако въ

нѣмецкихъ окраинахъ, въ Силезіи и Лужицкихъ земляхъ, заявили протестъ противъ такого избранія; тамъ князья не хотѣли его признавать; тогда ихъ принудили къ тому силой. Скоро моравскія сословія, бароны, рыцари и мелкіе феодалы также подали голосъ за Юрія. Одновременно съ этимъ венгерскій вельможа Матвѣй Корвинъ, находившійся въ плѣну, былъ избранъ королемъ на венгерскій престолъ; такимъ образомъ въ той и другой странѣ правилъ національный властитель. Юрій Подѣбрадъ получилъ престолъ слишкомъ дорогой цѣной; онъ отрекся отъ многаго, что прежде цѣнилъ выше всего въ жизни. Довольно того, что на коронаціи онъ далъ клятву безпрекословно повиноваться папѣ и преслѣдовать всѣ ереси. Пользуясь стѣснительнымъ положеніемъ Подѣбрада, папа хотѣлъ истребить всѣхъ утраквистовъ и таборитовъ, дабы окончательно уничтожить ересь, такъ чтобы на чешской землѣ дѣйствительно не осталось ни одного еретика. Когда Юрій на дѣлѣ подтвердилъ свою преданность католической Церкви, сдѣлавъ походъ на Моравію, то императоръ встрѣтился съ нимъ на Дунаѣ, близь Вѣны, и затѣмъ послѣ этого свиданія оказывалъ ему всевозможную поддержку. Такъ какъ Юрій былъ гораздо умнѣе, способнѣе и тактичнѣе императора, то послѣдній подпалъ его вліянію. Тогда голосъ чешскаго короля возвысился надъ всѣми нѣмецкими государствами и сталъ авторитетенъ для всего Запада; не разъ европейскіе государи обращались къ Юрію за совѣтами, какъ къ болѣе опытному. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть славянство продолжало оказывать вліяніе на ходъ событій. Есть нѣкоторое основаніе думать, что самъ Луи XI не разъ тайно сносился съ Юріемъ Подѣбрадомъ и спрашивалъ его совѣтовъ относительно государственной централизаціи.

Успокоивъ страну, Юрій посвятилъ всѣ свои усилія упроченію государственной организаціи въ потрясенной и разстроенной Чехіи; онъ вполнѣ выказалъ свое искусство въ дѣлахъ государственныхъ. Форма управленія, усвоенная имъ, есть нѣчто среднее между ограниченной и абсолютной монархіей. Это была удачная организація, въ которой народъ безъ различія сословій призывался къ управленію; за нимъ правда былъ только голосъ совѣщательный, но князья не позволяли себѣ игнорировать волю народа, такъ что въ сущности этотъ голосъ изъ совѣщательнаго становился рѣшающимъ. Что касается сословнаго начала, то оно воз-

никло не на славянской почвѣ, а было занесено отъ нѣмцевъ. Въ XIV вѣкѣ, при Карлѣ IV наблюдалось сильное нѣмецкое вліяніе; при немъ-то и былъ перенесенъ на чуждую ему славянскую почву этотъ нѣмецкій принципъ. Карлъ, хотя былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ славянскихъ государей и дорожилъ національнымъ чувствомъ чеховъ, но онъ слишкомъ любилъ нѣмцевъ и ихъ порядки. Сеймъ временъ Карла IV, по существу былъ представительствомъ отъ всѣхъ сословій. Во время бурь гусизма и послѣ нихъ приходилось не разъ обращаться къ созыву сеймовъ; это конституціонное учрежденіе получило тогда вполнѣ національный характеръ, будучи чужеземнымъ по своему происхожденію. Юрій лучше всѣхъ понималъ властительное вліяніе сейма, который пріобрѣлъ прочность въ Чехіи. Онъ всегда приглашалъ къ себѣ для совѣтовъ представителей народа и сословій и такимъ образомъ положилъ основаніе конституціонному строю въ своей странѣ, по своему глубокому убѣжденію, не вынуждаемый никѣмъ. Онъ находилъ возможнымъ и умѣстнымъ давать привилегіи народу и избранному его представительству, сейму, въ то время, когда Европа только вступала еще въ періодъ абсолютизма ([1]). Юрій не имѣлъ личныхъ интересовъ; онъ былъ чуждъ эгоизма. Увеличивая свою власть, онъ увеличивалъ ее не для себя, а для пользы государства; въ этомъ отношеніи онъ стоялъ въ тотъ вѣкъ на замѣчательной высотѣ. Такъ онъ усилилъ коронныя земли своими родовыми владѣніями, а свои собственныя богатства отдавалъ на пользу государства для того, чтобы будущіе короли не нуждались въ новыхъ налогахъ и не обременяли народъ. О личныхъ интересахъ онъ въ этомъ случаѣ не заботился, зная, что его династія не упрочится въ Чехіи. Народъ понималъ добрыя намѣренія короля; горожане и среднее дворянство ока-

---

([1]) Объ организаторской дѣятельности Юрія Подѣбрада въ первую половину его правленія имѣются три солидныхъ сочиненія: Iordan. «Das Königthum Georgs von Podebrad». (L. 1861). — Palacky. Urkundliche Beiträge zur G. Böhmens und seiner Nachbarländer im Zeitalter Georgs von Podebrad (Fontes rer. austr. XX).—Saint-René-Taillandier «Le roi George de Podebrade», помѣщенное въ «Revue des deux mondes» въ 1861 г. Послѣднее сочиненіе несамостоятельное; оно заимствовано изъ IV тома исторіи Палацкаго, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія по тому сочувствію, съ которымъ отнесся французскій ученый къ дѣятельности Юрія.

зывали ему дѣятельную поддержку и на сеймѣ стояли на королевской сторонѣ. Не такъ поступало высшее сословіе, которое было недовольно новыми порядками и пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ къ возмущеніямъ.

Юрій, какъ представитель новаго порядка, преслѣдовалъ всякое уклоненіе въ церковной сферѣ отъ Базельскихъ компактатовъ, которые дозволены были папой, но которые также каждый папа старался уничтожить, какъ напримѣръ поступалъ папа Пій II. Этотъ первосвященникъ, прославившійся какъ замѣчательный писатель и въ то же время государственный человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣлами чеховъ, такъ какъ былъ секретаремъ на Базельскомъ соборѣ, убѣждалъ Юрія стараться о возвращеніи еретиковъ на лоно католицизма и о приведеніи чеховъ къ покорности папѣ. Съ годами Юрій все болѣе и болѣе склонялся на сторону папы. Прежде всего онъ запретилъ богослуженіе по гуситскимъ обрядамъ и началъ преслѣдовать таборитовъ; въ своей странѣ онъ не терпѣлъ никого, кромѣ утраквистовъ и католиковъ; ревнитель государственныхъ интересовъ, онъ мало по малу сталъ врагомъ вѣротерпимости. Юрій поднялъ гоненіе на братчиковъ Хельчицкаго, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій рыцарь Григорій. Послѣдній былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, откуда онъ былъ выпущенъ искалѣченный. Наконецъ у папы возникло явное желаніе совершенно уничтожить компактаты и когда Юрій не согласился на это, то римская курія постаралась поселить смуту въ государствѣ и нашла исполнителей своей воли: аристократія пришла въ волненіе и кромѣ того, помимо враговъ внутри, явился внѣшній врагъ—это былъ новый венгерскій король Матвѣй Корвинъ. Онъ долго былъ другомъ Юрія, потому что Подѣбрадъ оказалъ ему большую услугу въ свое время, но потомъ отношенія перемѣнились и Матвѣй, породнившись съ Юріемъ, сталъ его врагомъ, всегда стараясь увеличить Венгрію на счетъ Чехіи. Случай представился. Когда Юрій отказался исполнить требованіе папы относительно уничтоженія чашниковъ въ Чехіи, курія не замедлила произвести мятежъ въ странѣ. Самъ король въ 1466 г. отлученъ былъ отъ Церкви и проклятъ. Хотя Подѣбрадъ пользовался уваженіемъ на Западѣ, но папское обаяніе было сильнѣе. Папа объявилъ противъ него крестовый походъ и престолъ его отдалъ Корвину. Въ 1468 г. сформировалось ополченіе противъ Подѣбрада, въ тоже время Корвинъ на-

палъ на Чехію, и хотя народъ, т. е. сельчане и мелкое дворянство, былъ на сторонѣ короля, но ему трудно было справиться съ венгерскимъ нашествіемъ и внутреннимъ мятежомъ. Вслѣдствіе неравномѣрности въ силахъ, Подѣбрадъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ. Чехи не имѣли теперь той стойкости, которой они недавно прославились; они обращались въ бѣгство. Не стало болѣе того религіознаго фанатизма, руководясь которымъ они прежде совершали чудесные подвиги; въ средѣ ихъ не было таборитовъ, которые всегда оставались побѣдителями въ битвахъ. Самъ король Юрій лишился должной энергіи, такъ какъ неудачи преслѣдовали его всюду. Ему приходилось бороться съ многочисленными врагами, а тамъ гдѣ его не было, чехи терпѣли пораженія. Сознавая всю трудность борьбы, которую онъ велъ за родину, зная, что его династія не можетъ быть прочной въ Чехіи, уже чувствуя близость своей смерти, онъ собралъ сеймъ и просилъ вѣрныхъ пановъ избрать послѣ своей смерти преемникомъ ему сына польскаго короля Казиміра—Владислава, на которомъ остановился его взоръ, какъ на единственномъ человѣкѣ, способномъ успокоить обезсиленную Чехію. Въ 1471 г. Юрій Подѣбрадъ умеръ, побѣжденный неравной внѣшней борьбой и внутренней неурядицей; онъ оставилъ страну изнуренною, но, не измѣнивъ обѣтамъ, которые положилъ въ основу своего дѣла; онъ умеръ честнымъ и незапятнаннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Послѣ его смерти Матвѣй еще 8 лѣтъ продолжалъ войну, отнялъ Моравію и Силезію и, благодаря побѣдамъ, заключилъ выгодный миръ. Послѣ этой войны за Чехіей изъ всѣхъ завоеваній осталась только земля лужичанъ, и она изъ первокласснаго государства сдѣлалась третьестепеннымъ владѣніемъ, особенно когда перешла въ руки габсбургскаго дома. Она потеряла то историческое значеніе, которое она имѣла прежде, и лишилась того интереса, который такъ долго сосредоточивала на ней средневѣковая исторія.

---

3) Польша и Литовско-русское королевство. Послѣдніе язычники. Ядвига и Ягелло. — Скандинавскія земли; попытка національнаго союза.

Удѣльный періодъ въ Польшѣ. Во второй половинѣ XV вѣка, послѣ Юрія Подѣбрада, чешская исторія вступаетъ въ связь съ польской, благодаря династіи Ягеллоновъ, которая правитъ обоими народами въ продолженіе 50 лѣтъ въ лицѣ двухъ своихъ представителей.

Здѣсь мы должны бросить бѣглый взглядъ на судьбы Польши, отлагая болѣе подробное изложеніе внутренняго быта и соціальныхъ явленій въ этой странѣ до того времени, когда Польша вновь оказала активное вліяніе на ходъ европейской исторіи, что произошло лишь въ XVI вѣкѣ. На этотъ разъ мы ограничимся нѣсколькими словами (¹).

Мы оставили Польшу (I, 408) на рубежѣ XII вѣка. Это столѣтіе было временемъ политическаго разчлененія Польши, внутренняго и внѣшняго ея безсилія. Если Мечиславъ II

(¹) Источниками для средневѣковой Польши служатъ лѣтописцы: Martinus Gallus (до 1143 г.), Kadlubko (до 1203 г.), Boguchwal (до 1253 г.), Baschko (до 1271 г.), всѣ одинаково пристрастные къ легендамъ и мало заслуживающіе довѣрія (изданія и анализъ у Zeissberg—Die polniche Geschichtsschreiber des Mittelalters, L. 1873—и въ Очеркѣ средн. исторіогр. 86—90). Этого же качества не чуждъ знаменитый каноникъ краковскій Лонгинъ или Янъ Длугошъ, писавшій около 1480 года (Hist. Polonica libri XIII, лучшее изд. Przezdzieck'аго въ Краковѣ), который послужилъ основой для неумѣренно восторженныхъ и сантиментальныхъ польскихъ историковъ дальнѣйшаго времени, довѣрявшихъ наивно каждому слову Длугоша, несмотря на основательную критику этого источника, сдѣланную еще въ половинѣ XVIII вѣка данцигскимъ синдикомъ Готфридомъ Ленгнихомъ (въ его Hist. Pol. a Lecho etc.). Столь извѣстный въ Польшѣ обширный и солидный трудъ Naruszewicz'a, вышедшій въ концѣ XVIII вѣка, остался чуждъ критическихъ выводовъ Ленгниха; онъ весь исполненъ довѣрія къ Длугошу. За Нарушевичемъ слѣдовали: Bandtkie и Lelewel, придерживаясь того же направленія, полагая что натріотизмъ требуетъ не смотрѣть въ глаза истинѣ. Только нѣмецкіе историки Röppel и Caro (G. Polens), Zeissberg (анализомъ источниковъ), а за ними послѣдователи новой критической школы: Калинка, Шайноха (особенно замѣчательна его монографія Jagello i Jadwiga, р. пер. Коневича, Спб. 1879), Стадницкій (Synowie Gedymina. Bracie Wladyslawa Jagielly и др.) и Бобржинскій (Исторія Польши; 1 т. р. пер. Н. И. Карѣева, Спб. 1888) освѣтили истиннымъ свѣтомъ прошлое Польши и заставили разстаться съ призраками. За это соотечественники преслѣдовали ихъ наговорами и безпощадными порицаніями.

лишился Моравіи, Галиціи, Хорватіи и Мильченіи, то тѣмъ ничтожнѣе стала Польша при его слабыхъ преемникахъ. Послѣ смерти Болеслава III Кривоустаго, имѣвшаго несчастіе раздѣлить королевство между своими сыновьями, а именно съ 1139 года, упрочилась на долго удѣльная система со всѣми ея послѣдствіями. Подобно одновременной борьбѣ русскихъ удѣльныхъ князей за кіевскій столъ, польскіе князья борятся за сидѣнье въ первенствующемъ Краковѣ (1). Такъ какъ право первенства можно было добывать только при поддержкѣ сильныхъ князей и пановъ, то короли должны были дѣлать рядъ послѣдовательныхъ уступокъ родовой аристократіи, которая не преминула наложить руку на королей. Послѣдніе скоро потеряли ту неограниченную власть, которою пользовались, и въ концѣ XII вѣка, Казиміръ II предоставилъ епископамъ и панамъ ограничить себя сенатомъ. За это умаленіе правъ короны онъ получилъ отъ благодарной аристократіи прозвище „Справедливаго". Высшее духовное и свѣтское сословіе тѣмъ временемъ подчинило себѣ шляхту, т. е. среднее сословіе и поселянъ, которые постепенно теряли свою земельную собственность и переходили въ полукрѣпостное состояніе. Въ сенатѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ гнѣзненскій архіепископъ, примасъ королевства и гдѣ сосредоточилась вся законодательная власть, главнымъ образомъ поддерживались, конечно, интересы Церкви и аристократіи.

Польшѣ кромѣ внутренней анархіи грозила борьба за политическую самостоятельность. Когда-то сильная Польша, теперь ослабленная удѣлами, столкнулась съ новымъ нѣмецкимъ нашествіемъ болѣе опаснымъ, потому что оно было освящено тою же католической Церковью, вѣрными дѣтьми ко-

---

(1) Королевскій титулъ носили послѣ него: Владиславъ II (1139—46 г.), его братья Болеславъ IV (1146—73 г.), Мечиславъ III Старый (1173—77) и Казиміръ II Справедливый (1177—94 г.). За отказомъ Лешка Бѣлаго (отъ брака Казиміра II съ русской княжной Еленой),—Владиславъ III Тонконогій (1194—1207 г.), сынъ Мечислава III. Затѣмъ въ разныхъ областяхъ правятъ удѣльные князья, изъ которыхъ выдѣляется Генрихъ Бородатый (въ 1228 г.), прогнавшій Конрада Мазовецкаго изъ Краковскаго удѣла. Впрочемъ болѣе или менѣе титулярными королями были: Лешко V Бѣлый (1207—27 г.), Болеславъ V (1227—79 г.), умершій безъ потомства; затѣмъ его племянникъ (отъ брата его Казиміра) Лѣшко VI Черный (1279—89 г.). Тогда началось безкоролевье, которое продолжалось до Пржемыслава II, именно до 1295 года.

торой считали себя поляки. Все XIII и частію XIV столѣтіе прошло не въ борьбѣ, а въ оборонѣ отъ нѣмецкихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, которые, явившись просвѣщать язычниковъ, тѣснили Польшу съ сѣвера и запада, пріобрѣтая Германіи и католицизму славянъ, поморянъ и лужичанъ, уже давно подчинившихся польской коронѣ. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ приглашенія меченосцевъ и тевтоновъ (II, 182—284), — изъ которыхъ первые дѣйствовали противъ ливовъ, куровъ и латышей, а вторые противъ пруссовъ, — какъ Балтійское Поморье обратилось въ Померанію, а страна лужичанъ еще ранѣе въ Силезію. Замѣчательнѣе всего то, что сами поляки, въ лицѣ мазовецкаго князя Конрада, накликали на себя тевтоновъ, пригласивъ ихъ противъ язычниковъ—пруссовъ. Энергичнѣе и безпощаднѣе всѣхъ великихъ магистровъ дѣйствовалъ Генрихъ Басска, который предпринялъ систематическое завоеваніе прусской земли и блестяще осуществилъ свой планъ. Быстро, благодаря хорошо организованной и дѣятельной колонизаціи, языческая Пруссія обратилась въ нѣмецкую страну, покрылась городами, управлявшимися самостоятельно по т. н. магдебургскому праву, которое проникло вмѣстѣ съ нѣмецкими піонерами и въ Польшу. Это городское право повліяло на Польшу въ томъ отношеніи, что внушило мелкопомѣстной гордой шляхтѣ сознаніе ея подчиненнаго положенія и побудило ее оказать поддержку королю, войти съ нимъ въ союзъ, чтобы общими силами одолѣть высшее сословіе. Въ концѣ XIII вѣка, послѣ вѣковыхъ раздоровъ вновь водворяется единовластіе. Пржемыславъ II, короновавшійся въ 1295 году. возстановилъ королевскій титулъ ([1]). Но его правленіе продолжалось не болѣе года. Послѣ него началось опять безкоролевье, которое продолжалось до 1330 года.

Опираясь на шляхту, въ концѣ первой четверти XIV столѣтія, королевская власть вновь возстановляетъ свое былое значеніе, когда-то обусловившее блескъ государства. Владиславъ V Локетокъ (1320—33 г.) успѣлъ сдержать напоръ нѣмцевъ и литовцевъ, которые со временъ Гедимина, основавшаго около того времени Вильно, и подчинившаго себѣ западно-русскія области до Оки, стали крайне безпокойны

([1]) Онъ происходилъ въ пятомъ колѣнѣ отъ Мечислава III и правилъ отъ 1295 до 1296 года.

для поляковъ. Постоянныя опасности отъ внѣшнихъ враговъ заставили поляковъ сплотиться около престола короля. Отдѣльные владѣтельные князья подчинились Владиславу, который съ 1289 года владѣлъ княжествомъ Сандомірскимъ, потомъ около 1305 года сѣлъ въ Краковѣ, въ 1310 г. упрочился въ Познани и въ Калишѣ, съ 1320 года принялъ титулъ короля и такимъ образомъ мало по малу соединилъ т. н. Малую Польшу (земли по Вислѣ) съ Великой Польшей (земли по Вартѣ). Въ этомъ великомъ дѣлѣ главное участіе принимала масса шляхтичей, которые за то получили право засѣдать въ сенатѣ, чѣмъ нанесенъ былъ непоправимый ударъ аристократіи, принужденной въ силу этого подчиниться новому порядку. Его сынъ Казиміръ III (1333—70 г.), прозванный Великимъ, изданіемъ Вислицкаго статута оказалъ существенныя услуги отечеству, водворивъ порядокъ и равноправіе общественныхъ элементовъ. Самоуправство и насилія хищныхъ пановъ, доселѣ непризнававшихъ власти закона, преслѣдовались безпощадно новымъ статутомъ. Въ замѣнъ онѣмеченныхъ поморянъ, Казиміръ III присоединилъ вновь къ Польшѣ Червонную Русь или Галицію, гдѣ въ то время было полное безначаліе отъ раздоровъ бояръ и отсутствія крѣпкой княжеской власти (¹). Въ дѣятельности Казиміра III, чрезвычайно порывистой и энергичной, рядомъ съ благотворными мѣропріятіями были мѣры неудачныя и недостаточно обдуманныя. Такъ ему собственно обязана Польша еврейской колонизаціей, которую онъ допустилъ въ неограниченныхъ размѣрахъ. Онъ по своимъ благороднымъ воззрѣніямъ стоялъ безконечно выше современныхъ ему государей и, видя въ евреяхъ, тогда всюду гонимыхъ, прежде всего людей, гостепріимно открылъ имъ ворота Польши. Но при этомъ онъ не обставилъ ничѣмъ условія поселенія евреевъ и не озаботился объ экономическихъ гарантіяхъ массы польскаго народа, отдавъ горожанъ и поселянъ въ косвенную кабалу пришельцамъ.

(¹) Галицкій Истор. Сборникъ, изд. Общ. Галицо-русской Матицы (главнымъ образомъ трудами каноника Антонія Петрушевича; Львовъ, 3 т. 1854 — 60). — Зубрицкій. Исторія галицко-русскаго княжества (3 т. 1852—55). — Шараневичъ. Исторія галицко-володимірской Руси (Львовъ, 1863).—Дашкевичъ. Княженіе Даніила Галицкаго (К. 1873) и его-же: — Замѣтки по исторіи литовско-русскаго госуд. (К. 1885). См. также Разсказы Щебальскаго и Лекціи Кояловича.

Польско-венгерское королевство.

Казиміръ III былъ послѣднимъ изъ Пястовъ. Умирая бездѣтнымъ, онъ въ 1370 году завѣщалъ престолъ племяннику своему, сыну старшей сестры Елизаветы, бывшей съ 1320 года въ замужествѣ за Каробертомъ, королемъ венгерскимъ,—Людовику венгерскому, который соединилъ на своей головѣ обѣ короны. Впрочемъ этотъ фактъ не отразился на судьбахъ Польши и Венгріи. Польскіе магнаты, опасаясь усиленія королевской власти, тогда же поспѣшили ограничить Людовика особыми условіями, т. н. pacta conventa, въ силу которыхъ высшее сословіе сохранило за собою вліятельныя государственныя должности и выговорило разныя привилегіи, между прочимъ отъ налоговъ. Когда Людовикъ въ 1386 году умеръ, то, согласно его завѣщанію, польскій престолъ должна была занять его дочь Ядвига. Впрочемъ мать ея Елизавета, дочь бана Босніи, не согласилась отпустить Ядвигу въ Польшу и разсчитывала отдать польскій тронъ другой дочери Маріи.

Ядвига († 1399 г.).

Женщина не могла править Польшей. Если для многихъ честолюбцевъ власть женщины при тогдашнихъ условіяхъ была желательной, то въ глазахъ большинства таковая по справедливости представлялась опасной для блага государства. Необходимо было найти мужа для юной королевы. Сама Ядвига была нерасположена къ Ягелло. Еще ребенкомъ, будучи семи лѣтъ, она была обручена съ Вильгельмомъ, княземъ Ракузскимъ; характерна была оговорка сдѣланная при обрученіи, въ силу которой сторона, нарушившая договоръ, обязана была уплатить 200 тысячъ венгерскихъ золотыхъ. Ядвига съ дѣтства обожала своего жениха. Затѣмъ, значительная партія интриговала за Земовита, князя мазовецкаго, который готовъ былъ добывать Ядвигу оружіемъ и все устроилъ для похищенія. Его замыселъ не удался. Польскіе магнаты остановили свой выборъ на могущественномъ литовскомъ великомъ князѣ Ягелло, который властвовалъ между прочимъ и въ Западной Руси. Впрочемъ существовало серьезное препятствіе: Ягелло былъ язычникъ (¹).

(¹) Для исторіи Литовскаго княжества и Западной Руси: Акты Южной и Ю. З. Россіи, Документы по исторіи Западной Руси, изд. лат. хроники Danilowicz, Kojalowicz, Strijkowski и др., документы изд. Prochaska (Codex epistol. Vitoldi). Пособія,—кромѣ обширнаго труда Narbut'a (Dzieje starożytne narodu litewskiego. W. 9 v. 1835—41) — новѣйшее сочиненіе кіевскаго проф. Антоновича (Очеркъ исторіи Великаго княже-

Ядвига отнеслась къ литовскому князю съ нескрываемымъ нерасположеніемъ. Молодой дѣвушкѣ представляли его некрасивымъ, злымъ старикомъ, а она продолжала любить своего Вильгельма. Она употребляла всѣ усилія, чтобы разстроить этотъ бракъ, въ которомъ скрывалось сѣмя будущихъ роковыхъ несчастій Польши. Ядвига какъ бы чувствовала все зло, которое принесутъ съ собою Польшѣ эти воинственные литовцы, которые увлекали за собою милліоны русскихъ на жертву иновѣрнымъ полякамъ, для того чтобы поставить послѣднихъ въ вѣковыя враждебныя отношенія къ восточной Руси. Ядвига готова была пожертвовать даже репутаціей своей, чтобы достигнуть завѣтной цѣли и избавиться отъ Ягелло. Сама мать дала уже свое согласіе на бракъ ея съ Вильгельмомъ. А между тѣмъ въ торжественной аудіенціи послы великаго князя литовскаго обѣщали отъ его имени, что если Ядвига отдастъ ему свою руку, то онъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ приметъ католическую вѣру, на вѣчныя времена соединитъ съ Польшею Литву и Русь, освободитъ польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ литовцами въ прежнія войны и заплатитъ неустойку въ 200 тысячъ золотыхъ ракузскому князю за нарушеніе обязательства при обрученіи съ Вильгельмомъ. Но сердечная склонность была сильнѣе всякихъ политическихъ соображеній. Разыгрался романъ, который долженъ былъ сильно скандализировать польскій дворъ.

Ядвига рѣшилась на смѣлый поступокъ. Она послала отъ себя въ Вѣну пословъ за Вильгельмомъ, который жилъ тамъ; послы выдавали себя за представителей польскаго народа. Снабженный казной въ счетъ будущихъ благъ, сопровождаемый блестящею свитою, Вильгельмъ поѣхалъ въ Краковъ. Но каштелянъ не допустилъ его въ королевскій замокъ. Вильгельмъ остановился въ гостиницѣ. Онъ скоро узналъ, что у него нѣтъ сторонниковъ и что его положеніе крайне неловко. Впрочемъ онъ имѣлъ доказательства личнаго расположенія королевы. Онъ получалъ не разъ приглашенія на свиданія, которыя происходили въ столовой францисканскаго монастыря. Казалось, они должны были кончиться бракомъ. Между влюбленными условленъ былъ день и часъ вѣн-

---

ства Литовскаго К. 1885) и цитованное соч. Дашкевича. Кромѣ названной образцовой монографіи Шайнохи, для Ягелло русское изслѣдованіе Смирнова (Яковъ-Владиславъ Ягелло).

чанья. Вильгельмъ долженъ былъ ночью проникнуть въ замокъ. Пылкій женихъ исполнилъ свое обѣщаніе, но охранители королевы выпроводили незванаго гостя. Ему пришлось совершить обратное путешествіе въ корзинѣ по стѣнѣ замковой ограды. Надъ королевой было усилено наблюденіе; ей запрещено было оставлять замокъ. Вильгельмъ, спасая жизнь свою отъ озлобленныхъ пановъ, потерялъ прежнюю храбрость и бѣжалъ изъ Кракова. Ядвига въ отчаяніи хотѣла наложить на себя руки; ее не допустили до самоубійства.

Договоръ въ Вильковишкахъ 1386 г.

А между тѣмъ въ декабрѣ 1385 года пышное посольство, снаряженное сенатомъ, отправилось въ Литву съ приглашеніемъ къ Ягелло занять польскій престолъ и съ согласіемъ Ядвиги отдать ему свою руку. Въ Вильковишкахъ, 12 января 1386 года былъ заключенъ роковой свадебный союзъ, по которому корона польская соединялась съ литовско-русскою, а 2 февраля Ягелло явился въ Люблинъ на съѣздъ. Епископы энергично взялись за дѣло и, пользуясь довѣріемъ Ядвиги, наконецъ достигли своей цѣли. Королева отъ посланныхъ не безъ удовольствія узнала, что Ягелло не страшенъ, не старъ и не уродливъ, что, напротивъ, онъ отличается мужественной красотой и храбростью. Она имѣла возможность убѣдиться въ этомъ, когда 12 февраля женихъ торжественно въѣзжалъ въ Краковъ, окруженный блестящей свитой магнатовъ, князей и бояръ русскихъ. Черезъ три дня послѣ того надъ Ягелло былъ совершенъ торжественный обрядъ крещенія; крестились также его родные братья: Вигундъ, Коригелло, Свидригайло и двоюродный—Витольдъ, приступавшій къ этому таинству уже въ третій разъ.

Въ это время Литва выдвигается на историческую сцену.

Литва

Литовцы пришли одновременно съ славянами изъ глубины Азіи въ Европу, если не раньше ихъ. Это племя дѣлилось на нѣсколько народовъ, которые заняли частію балтійское побережье, частію берега рѣкъ, изливающихся въ юговосточную часть Балтики. Плоское, бѣдное природой, унылое пространство между низовьями Вислы и Западной Двины, было населено этимъ племенемъ, не отличавшимся многолюдствомъ. Куры, пруссы, жмудь, ливы, литовцы собственно, всѣ они, будучи на нисшей ступени общественной организаціи, жили замкнутою, никому неизвѣстною жизнью, пока не сгруппировались въ одно внушительное цѣлое, пока не были объ-

единены воинственными вождями, вступившими въ борьбу съ меченосцами и западно-русскими князьями. Такимъ объединителемъ былъ Рингольдъ, первый великій князь литовскій, начавшій княжить въ 1230 году. Онъ въ 1235 году разбилъ подъ Дзитвой нѣсколькихъ русскихъ князей, заставилъ ихъ подчиниться Литвѣ, а въ слѣдующемъ году показалъ надъ нѣмцами силу своего меча. Въ 1240 году его государство досталось двумъ его сыновьямъ: Миндовгу и Эрдзивиллу; послѣдній черезъ два года сложилъ голову на Волыни, въ битвѣ съ татарами. Миндовгъ съ 1242 года становится полновластнымъ государемъ Литвы; своимъ племянникамъ: Товциниллу, Довмунту и Тройнату онъ предоставилъ удѣлы. Русскіе князья, подчинившіеся монголамъ, пытались одолѣть его при помощи татаръ, но въ 1260 году были разбиты. Когда родные племянники возстали противъ него, Миндовгъ усмирилъ ихъ и изгналъ. Они обратились за помощью къ князю Даніилу Галицкому, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ. Меченосцы побѣдили Миндовга и онъ обѣщалъ возвратить всѣ завоеванія и принять католицизмъ. За это папа Иннокентій IV даровалъ ему титулъ короля, приказавъ торжественно короновать его въ Новогродкѣ, что и свершилось 8 сентября 1252 года. Но полудикіе литовскіе князья не считали необходимостью держать разъ данное слово. Миндовгъ ни во что ставилъ свое крещеніе. По новому договору съ рыцарями онъ даже завѣщалъ ордену свое королевство, если умретъ безъ потомства; подобныя обязательства ничего не стоили князю. Когда рыцари вздумали оружіемъ настоять на исполненіи договора, то Миндовгъ (въ іюлѣ 1261 года) нанесъ имъ жестокое пораженіе подъ Дурбою. Черезъ 10 лѣтъ послѣ коронаціи, совершенной по католическимъ обрядамъ, Миндовгъ вернулся къ своимъ языческимъ богамъ. Не зная границъ своимъ страстямъ, онъ насильственно удерживалъ при своемъ дворѣ жену князя Довмунта. За это племянники Тройнатъ и Довмунтъ подговорили убійцъ погубить его вмѣстѣ съ сыновьями (въ 1263 г.). Намѣченныя жертвы погибли, но одинъ изъ сыновей Миндовга, Войселкъ остался живъ. Тройнатъ, прославившійся жестокостью, былъ убитъ въ 1265 году; таже участь черезъ два года предстояла Войселку; его убилъ собственноручно на пиру галицкій князь Левъ Даниловичъ. Свинторогъ, а вскорѣ и сынъ его Гермунтъ, наслѣдовавъ власть, должны были вступить въ борьбу съ нѣмцами. Эта борьба, которую энергично

вели сыновья Гермунта—Трабусъ, Наримунтъ и Тройденъ, а послѣ нихъ избранный князь Лютоворъ и его сынъ Витинесъ,—потрясла силу ордена. Рыцари не разъ терпѣли пораженіе и, что̀ было знаменательнѣе всего, противъ нихъ вмѣстѣ съ литовцами дѣйствовалъ рижскій архіепископъ.

Гедиминъ (1315-39 г.). Сынъ Витинеса Гедиминъ открываетъ новую эру въ исторіи Литвы. Тогда настала пора могущества этого отважнаго молодаго народа. Литовцы, прежде бывшіе предметомъ нападеній нѣмецкихъ рыцарей, становятся страшны для всѣхъ сосѣдей. Въ 1320 году, послѣ сраженія съ рыцарями при Бержуляхъ, Гедиминъ возвратилъ Жмудь, которая въ послѣднее время была отторгнута отъ Литвы и заставилъ нѣмцевъ просить перемирія. Тогда же, возстановивъ Троки, онъ основалъ Вильно, въ 1322 году (¹). Завязавъ дружескія сношенія съ рижскимъ архіепископомъ и съ королемъ польскимъ Владиславомъ IV Локеткомъ, и обѣщая на словахъ принять христіанство, Гедиминъ въ дѣйствительности окрестилъ свою дочь Альдону и отдалъ ея руку сыну короля—Казиміру. Но это не подѣйствовало на нѣмецкихъ рыцарей. Считая свое дѣло и призваніе священнымъ, а войну крестовою, они напрягали всѣ усилія чтобы одолѣть литовцевъ, точно предвидя въ нихъ самыхъ ужасныхъ враговъ. Въ войнѣ съ ними погибъ Гединъ.

Его преемники. Два его сына Явнутъ (до 1345 года) и Ольгердъ (съ 1345 до 1377 года) были послѣдовательно великими князьями Литвы; но въ дѣйствительности правилъ Кейстутъ, одинъ изъ старшихъ братьевъ,—человѣкъ надѣленный военными и гражданскими талантами. Несмотря на всю храбрость и искусство Кейстута, крестоносцы одолѣвали и вносили смуту въ великокняжескую семью. Недовольные находили у нихъ защиту; такъ бѣжали къ рыцарямъ двое сыновей Ольгерда: Бутавъ и Оригелло.

Ольгердъ оставилъ 12 сыновей. Кейстутъ, бывшій охраной государства, возвелъ на престолъ наиболѣе способнаго изъ нихъ, Ягелло, которому суждено было играть великую роль въ судьбахъ своего отечества. Новый князь, не разбиравшій средствъ, вообще не отличался чувствомъ благодарности, а его къ тому

(¹) Проф. Василевскій. Исторія г. Вильно.

же старались вооружить противъ дяди, который будто имѣетъ въ виду лишить его власти и изъ опекуна сдѣлать государемъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, его зять Войдылло старался склонить его на сторону крестоносцевъ. Горячій патріотъ Кейстутъ, провѣдавъ объ этомъ и желая предупредить измѣнническія сношенія въ самомъ началѣ, бросился на Вильно (осенью 1381 года), взялъ городъ, повѣсилъ Войдылло, арестовалъ Ягелло съ его матерью, а затѣмъ свергнулъ его съ престола, не смотря на то, что самъ былъ женатъ на его племянницѣ Маріи. Въ осиротѣлой вдовѣ Кейстутъ и его сынъ Витольдъ нашли непримиримаго врага. Увлекаемая местью, Марія, дѣйствуя на своего брата Ягелло, которому Кейстутъ далъ удѣлъ въ Крево,—довела дядю до гибели. Ягелло выгналъ Витольда изъ Вильно, черезъ посредство своего брата Свидригайло сошелся съ рыцарями, обѣщалъ, конечно на словахъ, принять католицизмъ и когда Кейстутъ явился, то приготовился отразить его въ случаѣ надобности силою.

Ягелло вообще предпочиталъ хитрость, если только она скорѣе и вѣрнѣе вела къ цѣли. Подъ Троками расположились враждебныя войска дяди и племянника. Ягелло обманомъ заманилъ въ свой лагерь Кейстута съ Витовтомъ, давъ имъ клятву въ безопасности. Здѣсь схватили ихъ обоихъ и посадили въ тюрьму. Витольдъ бѣжалъ при помощи жены въ Мазовію. Кейстутъ былъ перевезенъ въ Крево, которымъ когда-то наградилъ своего племянника и былъ убитъ (въ августѣ 1382 г.). Ягелло снова становится великимъ княземъ. **Ягелло (1377-1434 г.).**

Витовтъ обратился тогда за содѣйствіемъ въ лагерь крестоносцевъ. Съ обычной своею развязностью, онъ снова изъявилъ желаніе креститься, если ему помогутъ противъ Ягелло. Но не задолго передъ этимъ, рыцари получили такого же рода предложеніе отъ самого Ягелло. Великій князь литовскій давалъ обѣщаніе не только креститься черезъ 4 года, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, но подчиниться немедленно ордену, на вассальныхъ условіяхъ помогать ему во всѣхъ войнахъ и уступить всю Жмудь. Витольдъ постарался, конечно, разстроить соглашеніе, посѣять раздоры и возбудить вражду между нѣмцами и Ягелло. Сдѣлка съ Ягелло не состоялась. Крестоносцы, поддерживаемые жмудинами Витольда, вторглись въ Литву, разрушили Ковно и сожгли Вильно въ іюлѣ 1383 г. Ягелло ушелъ въ лѣса. Витольдъ вступилъ тогда въ формаль-

ныя соглашенія съ нѣмцами. Черезъ полгода (въ январѣ 1384 года) онъ крестился и обязался, если останется княземъ, уступить рыцарямъ Жмудь и половину Литвы, оставивъ за собою другую половину на вассальныхъ условіяхъ. Но Литву, а тѣмъ болѣе Русь во всякомъ случаѣ надо было брать силою.

Тогда гроссмейстеръ ордена Кольнеръ собрался нанести послѣдній ударъ Ягелло. Онъ двинулся во главѣ 60-тысячнаго воинства, коннаго и пѣшаго. Вся эта сила предназначалась къ устройству новой крѣпости Маріенвердеръ на мѣстѣ разрушеннаго Ковно. Когда укрѣпленія были сооружены, Кольнеръ ушелъ обратно. Тѣмъ временемъ Витовтъ одумался, устыдился своей измѣны, отозвался на дружескій призывъ Ягелло, удовольствовался троцкимъ удѣломъ и бросилъ нѣмецкую службу. Съ своими жмудинами онъ оставилъ нѣмецкій лагерь; о немъ услыхали уже тогда, когда получились вѣсти о взятіи и разрушеніи Юрбурга, что было дѣломъ Витовта. Приходилось вновь собирать войска, но теперь счастіе оставило крестоносцевъ. Витовтъ былъ на сторонѣ своихъ соотечественниковъ, раздоры въ литовскомъ лагерѣ прекратились, а Ягелло улыбалась польская корона. Мы говорили о томъ, какъ это случилось.

Крещеніе Ягелло и Литвы (1386-81 г.).

Теперь великій князь крестился уже не на словахъ, а въ дѣйствительности; крестился и его бывшій врагъ Витольдъ. Гроссмейстера Кольнера звали на крестины, но онъ не явился. 18 февраля 1386 года состоялась свадьба Ягелло и Ядвиги. Вновь нареченный Владиславъ II (V) въ день вѣнчанія обнародовалъ pacta conventa, въ силу которыхъ обязывался раздавать всѣ должности въ областяхъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, не иначе какъ съ согласія земскаго, а должности каштеляновъ и старостъ только лицамъ высшаго класса; размѣръ податей былъ точно опредѣленъ и пониженъ; ненавистные „оправцы", назначаемые королевскими чиновниками, судившіе по мелкимъ преступленіямъ, были уничтожены и замѣнены выборными лицами. Все это было вновь и болѣе торжественно подтверждено на коронаціи.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Владиславъ не переставалъ оказывать бо̀льшее вниманіе родной Литвѣ. Витольдъ, лишенный управленія княжествомъ, тайкомъ сошелся съ нѣмцами и опять направилъ ихъ оружіе на отечество. Кресто-

носцы не сдѣлали ничего, а Витольдъ лишился своихъ владѣній. Отъ него были отобраны города Полѣсья (между прочимъ Брестъ-Литовскъ) и Гродно, бывшіе его удѣломъ (въ 1390 году). Ягелло воевалъ теперь во главѣ польскаго рыцарства; его соединенныхъ военныхъ силъ нѣмцы стали бояться.

Обязавшись крестить свой народъ, онъ приступилъ къ исполненію этой трудной задачи обдуманно, посовѣтовавшись съ представителями на сеймѣ въ Вильно, направляемый опытными польскими прелатами и патерами. Его многочисленные русскіе подданные не нуждались въ крещеніи. Надо замѣтить, что русскія области составляли главную силу и мощь Литвы. Пріобрѣтаемыя послѣдовательно воинственными князьями, онѣ составили впослѣдствіи $^{9}/_{10}$ всей территоріи великаго княжества литовскаго или точнѣе русско-литовскаго. Уже въ первой половинѣ XIII вѣка подчинилась Литвѣ Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродно, Слонимомъ, послѣ нея—Полоцкое княжество, въ XIV столѣтіи: княжества Пинское, Туровское, области Кіевская, Смоленская и Витебская. Слабая культурой Литва подчинилась побѣжденнымъ, какъ всегда бываетъ при подобныхъ условіяхъ. Литовцы, начиная съ князей, усвоивали все русское, кромѣ вѣры. При великокняжескомъ дворѣ говорили и писали по-русски, придерживались русскихъ обычаевъ, а обычное западно-русское право, проникнувъ въ литовскую жизнь, стало регулировать ее. Вся законодательная дѣятельность литовскихъ государей въ сущности была санкцированіемъ и подтвержденіемъ русскихъ исконныхъ, существовавшихъ до завоеванія, обычаевъ. Тѣ юридическіе акты, которые закрѣпляли своею подписью литовскіе князья, были повтореніемъ законодательныхъ формулъ, по большей части уже давно дѣйствовавшихъ въ русскихъ областяхъ. То были или привилегіи или уставныя грамоты, которыя жаловали князья (¹). Эти грамоты регламентировали различныя стороны мѣстной общественной жизни и опредѣляли отношенія областей къ правительству.

Такимъ образомъ по поводу соединенія Литвы съ Польшей являлся рядъ очень сложныхъ и обострившихся вопросовъ по

(¹) Новѣйшее изслѣдованіе М. Ясинскаго (Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Кіевъ, 1889) разбираетъ 10 сохранившихся таковыхъ грамотъ, изъ коихъ по двѣ были даны Кіевской, Волынской и Витебской землѣ, по одной—Полоцкой, Смоленской, Бѣльской и Жмудской.

отношенію къ будущей судьбѣ многочисленныхъ русскихъ подданныхъ. Имъ было предоставлено оставаться въ православіи; но отступники получали имущественныя льготы и важныя привилегіи (20 марта 1387 года). Таковые были освобождаемы отъ личныхъ повинностей, вели войну на собственный счетъ, выдавали дочерей замужъ по своему усмотрѣнію, имѣли преимущество на скорѣйшее разбирательство ихъ дѣлъ въ судахъ. Католики не могли вступать въ бракъ съ иновѣрцами и если одинъ изъ супруговъ исповѣдовалъ католичество, то и другой долженъ былъ принять эту вѣру. Простой народъ завлекали въ католичество подарками и бѣлыми одеждами; иногда прибѣгали и къ насильственнымъ мѣрамъ.

Въ Вильно поспѣшили открыть епархію и семь костеловъ. Объяснивъ народу главныя основанія христіанства, начали обращеніе язычниковъ массами; только зажиточныхъ лицъ крестили сепаратно и давали отдѣльное имя. Обыкновенно же большое количество мущинъ или женщинъ кропили святою водой и давали всѣмъ одно имя. Вездѣ, въ столицѣ, въ городахъ и въ селеніяхъ разрушали языческіе храмы, топили и жгли идоловъ, рубили священныя рощи, уничтожали чествуемыхъ язычниками животныхъ. Энергичными мѣрами Владислава, или вѣрнѣе его польскихъ руководителей, обращеніе литовцевъ, этихъ послѣднихъ язычниковъ, совершилось замѣчательно быстро; потребовалось для того лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Только Жмудь осталась языческою.

Ягелло въ душѣ оставался язычникомъ, но его потомки стали не только искренними, но фанатичными католиками. Владиславъ заручился симпатіями поляковъ и всѣхъ славянъ, вступивъ въ борьбу съ тевтонскими рыцарями, которые въ послѣднее время стали бичемъ польскаго государства. Онъ, пользуясь польскими и литовскими силами, въ 1409 году ворвался во владѣнія ордена. Тогда произошло роковое для ордена побоище, имѣвшее огромное историческое значеніе ([1]).

Битва подъ Танненбергомъ въ 1410 г.

Ягелло велъ около 150 тысячъ войска, состоявшаго изъ поляковъ, литовцевъ, русскихъ, татаръ и чеховъ. Противъ него воинственный великій магистръ Ульрихъ фонъ-Юнгин-

---

([1]) Барабашевъ. Битва подъ Танненбергомъ (Ж. М. Н. П. 1887). Его же — монографія о Витовтѣ.

тенъ могъ выставить не болѣе 80 тысячъ. Сраженіе произошло подъ Танненбергомъ 15 іюля 1410 года. Это была кровопролитнѣйшая изъ битвъ, извѣстныхъ исторіи. Въ началѣ рыцари одолѣли; поляки и литовцы бросились бѣжать; нѣмцы ихъ преслѣдовали и въ порывѣ торжества двинулись грабить и разсѣялись. Тогда полководцы Ягелло собрали разрозненные отряды своихъ, выстроили ихъ снова и бросились на рыцарей. Битва возобновилась, но уже съ большимъ отчаяніемъ. Обѣ стороны рѣзались безпощадно. Къ вечеру половины тевтонскаго воинства не существовало; великій магистръ и рядомъ съ нимъ 600 рыцарей были убиты; 40 тысячъ нѣмецкихъ воиновъ покрывали окрестные поля и луга. Можно сказать, что съ ними погибла вся сила ордена. Остальные поспѣшно отступили. Побѣдители купили свое торжество, правда, дорогою цѣною; 60 тысячъ литовцевъ и поляковъ пали подъ Танненбергомъ, но Ягелло могъ бы теперь, если бы пожелалъ, располагать судьбами ордена, который, казалось, пересталъ существовать. Города и замки сдавались безъ боя. Надо было пользоваться обстоятельствами, но для этого у Ягелло не доставало искусства; храбрый въ бою, онъ не обладалъ находчивостью и позволилъ своимъ воинамъ грабить цѣлую недѣлю нѣмецкій лагерь, когда дорогъ былъ каждый часъ. Лишь на десятый день подошли поляки къ стѣнамъ Маріенбурга, гдѣ отважный и дѣятельный Генрихъ фонъ-Плауэнъ, избранный вскорѣ великимъ магистромъ, собралъ послѣднихъ защитниковъ когда-то непобѣдимаго ордена. Героическій духъ Генриха сказался въ эти тяжелыя минуты испытаній. Онъ вдохновилъ послѣднихъ рыцарей своимъ высокимъ мужествомъ. Ягелло два мѣсяца напрасно осаждалъ Маріенбургъ. Всѣ его усилія разбились о стойкость защитниковъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нестерпимый зной и порожденныя имъ болѣзни, заставили его отступить. Къ тому же имъ было получено извѣстіе, что венгерцы, вѣрные своимъ союзникамъ рыцарямъ, ворвались въ предѣлы Польши. Орденъ былъ спасенъ на этотъ разъ, но дни его были сочтены.

Прервемъ не надолго этотъ очеркъ, чтобы досказать послѣднія судьбы ордена.

Паденіе тевтонскаго ордена.

Рыцари не оцѣнили героизма и заслугъ своего новаго великаго магистра. Генрихъ хотѣлъ поднять упавшую дисциплину изнѣжившихся и развратившихся орденскихъ рыцарей,

а они заподозрили его въ затаенныхъ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ распорядился отобрать у рыцарей деньги, согласно орденскому уставу, запретивъ имѣть на рукахъ каждому болѣе трехъ марокъ, велѣлъ на нужды государства расплавить даже церковные сосуды, — а его обвиняли въ корыстолюбіи, даже хищничествѣ и грабежѣ. Ожесточеніе противъ Генриха было такъ сильно, что въ 1413 году онъ былъ отрѣшенъ, арестованъ и присужденъ къ пожизненному заключенію, въ которомъ онъ провелъ остальныя 15 лѣтъ своей жизни. Одно изъ выставленныхъ противъ него обвиненій указывало на сношеніе его съ чешскими послѣдователи Гуса, которыхъ тогда продолжали смѣшивать съ лоллардами.

Главная причина неминуемаго паденія ордена заключалась въ разрозненности между интересами правящаго рыцарскаго сословія и горожанъ съ закрѣпощенными поселянами. Для устраненія той глубокой пропасти, которая лежала между обѣими сторонами надлежало образовать представительное учрежденіе, которое было бы выраженіемъ желаній всѣхъ общественныхъ элементовъ. Города требовали настойчиво участія въ управленіи; они могли указать на свободныя, самоуправляющіяся общины, которыми давно была покрыта западная Европа, на тѣ городскіе союзы, которые давно несли историческую службу въ Германіи. Преемникъ Генриха, Павелъ фонъ-Руссдорфъ думалъ удовлетворить этой назрѣвшей государственной потребности созваніемъ въ 1430 году земскаго великаго совѣта, въ составъ котораго самъ назначилъ, кромѣ старшинъ ордена, по 6 представителей отъ высшаго духовенства, рыцарства и городовъ. Такая полумѣра ни къ чему не привела, вооруживъ капитулъ противъ магистра и возбудивъ въ городахъ живые порывы къ самоуправленію и къ ограниченію власти орденскаго начальства. Дѣйствительно, въ отвѣтъ на это, земскіе чины и городскіе головы прусской земли собрались на съѣздъ въ Маріенвердерѣ, гдѣ заключили т. н. прусскій союзъ. Великій магистръ призналъ совершившійся фактъ. Онъ понималъ, что представительство, освѣтивъ нужды страны и изыскавъ мѣры къ ихъ удовлетворенію, вольетъ новыя силы въ жизнь ордена. Этотъ же взглядъ раздѣлялъ его преемникъ, Конрадъ фонъ-Эрлихсгаузенъ, успѣвшій снискать довѣріе сословій. Но послѣ его смерти въ 1449 году, его родственникъ, великій магистръ Людвигъ фонъ-Эрлихсгаузенъ сталъ противодѣйствовать сейму и постарался насильственно

разрушить образовавшіеся городскіе союзы и самый сильный изъ нихъ—Ящерицу (Eidechsen-Gesellshaft), во главѣ котораго стоялъ энергичный земецъ Гансъ фонъ-Банзенъ, когда-то состоявшій на службѣ ордена. Не взирая на приказаніе императора Фридриха, признавшаго въ 1453 году противозаконнымъ дѣломъ образованіе союзовъ, члены Ящерицы начали борьбу и вскорѣ (въ февралѣ 1454 года) торжественно изъявили готовность подчиниться польскому королю Казиміру III, къ которому отправили посольство съ просьбою принять Пруссію въ подданство на условіяхъ сохраненія мѣстнаго самоуправленія. Польскія войска скоро вступили во владѣнія ордена. Тевтонцамъ война была не подъ силу. Тогда ордену оставалось погибнуть.

Торнскій миръ 1466 г.

По миру, заключенному въ Торнѣ въ 1466 году, орденъ уступилъ Польшѣ половину своихъ владѣній: Померанію, Кульмъ, города Маріенбургъ, Штумъ, Эльбингъ, Христбургъ съ ихъ территоріями и епископство Эрмландское. Это было основное ядро будущей Пруссіи, которое однако не погибло подъ польскимъ господствомъ и сохранило свою упругую національность, чтобы перейти послѣ въ руки Гогенцоллерновъ обновленнымъ и съ запасомъ свѣжихъ силъ, которыя точно нарочно поляки выростили противъ самихъ себя. Остальныя земли подчинились королю польскому на вассальныхъ условіяхъ, но изъ цвѣтущихъ и обработанныхъ онѣ дошли до крайней степени обѣднѣнія, вслѣдствіе вѣковыхъ постоянныхъ войнъ, неумѣнья управлять, преслѣдованія жалкимъ правительствомъ узкихъ, всегда эгоистическихъ и сословныхъ цѣлей. Изъ 21 тысячи селеній, которыя покрывали земли ордена, послѣ войны осталось не болѣе трехъ тысячъ, а города пришли въ полный упадокъ.

Историческая жизнь перешла въ Польшу.

Владиславъ III 1434-44 г.

Сынъ Ягелло, Владиславъ III (VI), занятый Венгріей и Турціей и вступившій вскорѣ на венгерскій престолъ, оставилъ въ покоѣ рыцарей. Ему не посчастливилось въ войнѣ съ турками и онъ палъ въ битвѣ подъ стѣнами Варны въ 1444 году во главѣ союзнаго христіанскаго ополченія. Но это бѣдствіе доставило ему и польскому оружію громадную славу на Западѣ. Польскіе историки не даромъ гордятся Варной, считая это несчастное дѣло европейскимъ крещеніемъ поля-

ковъ, основаніемъ политическихъ и духовныхъ симпатій романо-германскаго Запада къ Польшѣ (¹).

Казиміръ IV (1445-92 г.). Братъ погибшаго, Казиміръ IV, менѣе увлекавшійся, вернулся къ осуществленію задачъ національной политики. Онъ не задавался обширными предпріятіями, а сосредоточилъ вниманіе на нѣмецкихъ рыцаряхъ. Онъ овладѣлъ большею частью орденскихъ земель и заставилъ рыцарей просить мира. По договору Гданскъ съ областью былъ присоединенъ къ Польшѣ, а остальныя владѣнія тевтонцевъ встали въ вассальныя отношенія къ королю Казиміру IV. Польша такимъ образомъ снова пріобрѣла свои позиціи на берегу Балтійскаго моря. Оставалось соединить польскую землю неразрывной полосой съ Поморьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить меченосцевъ.

Послѣдніе Ягеллоны. Это выпало на долю послѣднихъ королей этой династіи, жившихъ въ реформаціонную эпоху Ягеллоновъ. Сигизмундъ I подчинилъ себѣ прусское герцогство на ленныхъ условіяхъ, воспользовавшись секуляризаціей тевтонскаго ордена, члены котораго изъ монаховъ стали свѣтскими феодалами. Великій магистръ ордена Готгардъ Кетлеръ, не чувствуя себя въ силахъ сохранить самостоятельность, безъ покровительства сильнаго польскаго короля, сталъ его ленникомъ. Сигизмундъ II Августъ, подчинивъ на такихъ же условіяхъ меченосцевъ, округлилъ границы королевства, простиравшагося отъ Варты до Днѣпра и отъ Балтійскаго моря до южнаго склона Карпатъ. Ему суждено было довести королевство своихъ предковъ до высшей степени могущества, съ которымъ Польша вступила въ новую исторію.

Замѣчательно то обстоятельство, что параллельно съ возрастаніемъ политическаго могущества Польши, росла сила мелкаго дворянства, шляхты,—которая, казалось бы, должна была служить препятствіемъ государственному развитію страны. Но на исторіи Польши повторился общій законъ боренія внутреннихъ силъ. Такое бореніе, полное жизни, возбуждая энергію, обладаетъ присущей ему творческой силой. Борьба между аристократіей и шляхтой въ Польшѣ до извѣстной поры отличалась значительной жизненностью. Это была борьба внутри правящаго класса. Шляхта имѣла въ виду сдержать и обуздать аристократію; она не давала магнатамъ захватить въ свои руки исключительную власть. Она

(¹) Описаніе битвы подъ Варной и исторія Владислава III разсказаны въ слѣдующей главѣ.

старалась раздѣлить съ ними управленіе государствомъ, имѣя сенатъ своимъ выразителемъ. Это не была борьба средняго сословія съ высшимъ, но бореніе двухъ неравныхъ элементовъ одной фракціи. Въ XV вѣкѣ тѣ горожане, которые прежде дѣйствовали вмѣстѣ съ мелкимъ дворянствомъ, даже лишились права представительства въ сеймѣ и волей-неволей отказались отъ прежде пріобрѣтенныхъ выгодъ. Добывъ себѣ выгодное политическое и соціальное положеніе, дворянская шляхта не думала дѣлить его съ городской и вмѣстѣ съ магнатами угнетала и закрѣпощала несчастныхъ обезземеленныхъ хлоповъ черезъ посредство шляхетскихъ сеймиковъ, откуда посылала депутатовъ на общіе сеймы. Такимъ образомъ въ сущности и магнаты и шляхта, несмотря на взаимную вражду, имѣли одну цѣль,— господство надъ массой городскаго и сельскаго населенія, а равно и тѣ выгоды, которыя доставляло это господство. Шляхта, если не побѣдила магнатовъ, то добилась тѣхъ же правъ политическихъ и гражданскихъ, коими обладала аристократія. Энергія, которая была положена на это дѣло, содѣйствовала политическому величію Польши впродолженіи двухъ столѣтій, но угнетеніе массы населенія, какъ всякая историческая несправедливость, отозвалось отрицательно на дальнѣйшемъ ходѣ польской исторіи.

Католическая Церковь и феодализмъ стремились усыновить польскій народъ Западу цѣною разложенія и подавленія основныхъ началъ славянскаго общественнаго строя — равенства земскихъ элементовъ. Католицизмъ и феодализмъ создали средневѣковую исторію Польши. Когда авторитетъ этихъ вліяній былъ повсюду потрясенъ и уничтоженъ въ новое время, Польша не могла найти въ себѣ болѣе внутреннихъ силъ для возрожденія къ самостоятельной политической жизни.

Скандинавскія земли.

Общія историческія законы для средневѣковья одинаково примѣнимы не только къ западнымъ, но и къ сѣвернымъ, скандинавскимъ странамъ Европы, хотя послѣднія жили особою, частною жизнью и не являлись никогда орудующею силою. Печальная природа сѣвера сковывала духъ человѣка и всякія идеальныя стремленія, заставляла сосредоточиваться на добываніи средствъ къ существованію, принижала помыслы и сдерживала порывы. Данія, Швеція, Норвегія, послѣдовательно выступая въ исторіи Сѣвера, стояли въ углахъ исторической сцены и не искали себѣ болѣе виднаго мѣста.

Но общія историческія явленія повторились и здѣсь. Древняя языческая жизнь Скандинавіи, послѣ утвержденія въ ней германцевъ, миѳическая эпоха ея выразилась въ богатой, полной молодой силы, могучихъ чаръ и волшебствъ поэзіи Исландіи, запечатлѣнной въ ранней и поздней Эддѣ. О ней нѣтъ историческихъ свѣдѣній, такъ какъ эти сказанія есть плодъ вымысла, въ которомъ трудно уловить дѣйствительность. Героическій періодъ, выразившійся въ подвигахъ германскихъ пиратовъ, также захватываетъ послѣднее время языческой поры. Христіанство явилось здѣсь чѣмъ-то чуждымъ; оно безсильно было укротить хищничество и насилія и прививалось очень долго, встрѣченное крайне несочувственно. Городская жизнь развивалась съ трудомъ и до второй половины XIII вѣка города въ Швеціи не обносились стѣнами. Промышленность и торговля почти не существовали. Даже крестовые походы не могли пробудить жизнь въ этихъ бѣдныхъ, обиженныхъ природою странахъ. Если нѣкоторые города Даніи и Швеціи вошли въ Ганзейскій союзъ, то въ немъ они играли подчиненную роль (¹).

(¹) Для начальнаго періода скандинавской исторіи служатъ общегерманскія лѣтописи, уже цитованныя, какъ то: Адамъ Бременскій (Gesta Hamb. Ecclesiae до 1072 г.), Гельмольдъ (Chronicon Slavorum, съ прод. до 1170), Арнольдъ Любекскій (Chronica Slavorum 1171—1209); затѣмъ Датскіе анонимы (Chr. Daniae съ 980—1330 даже до 1410 г. въ разныхъ редакціяхъ), помѣщенные въ сборникѣ Langebek (Script. rerum Danicarum medii aevi, 8 f. 1834; II, 169—176; III, 240—256, 627 etc. IV, 225—230; V, 571 etc.) и Ludewig (Reliquiae manuscr. 20 f. 1720, t. XI), изъ коихъ нѣкоторые представляютъ извлеченіе изъ древнѣйшихъ Annales Ryenses, доведенныхъ до 1208 въ одномъ изъ монастырей Шлезвига и неправильно приписанныхъ датскому королю Эриху VII, жившему въ XV вѣкѣ (Langebek, I, 148—170; Pertz, XVI, 392—410). Затѣмъ Saxo Grammaticus (Hist. Danicae l. XVI, изд. Мюллера въ 1839 и въ 1858) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ лѣтописцевъ средневѣковья, умершій въ 1204 г.; Ericus Olai, профессоръ въ Упсалѣ ум. въ 1486 г. (Hist. Svevorum Gothorumque ad a. 1464) составилъ обширный, но къ сожалѣнію небрежный и компилятивный трудъ, лишенный всякихъ критическихъ пріемовъ. Олай затемнилъ пустыми сказками и безъ того скудную исторію Сѣвера (изд. Messenius, 1615; Loccenius, 1654).—Сборникъ лѣтописцевъ для исторіи Швеціи Fant (Ups. 2 f. 1812) и Rietz (Lund. 3 v. 1842), для Норвегіи: Lindenbrog (Scrp. rer. German. sept. Fr. 1609).—Пособія, кромѣ стараго труда Gebhardy (Allg. Gesch. der Kön. Dannemark und Norwegen): Dahlman (G. Dänemark's, 3 B.). Rüghs (G. Schwedens), Geyer (Schwedens Gesch.).

Изъ всѣхъ скандинавскихъ земель только Данія принимала нѣкоторое участіе въ общей исторіи. Изъ королей дома Эстритсонова въ XII вѣкѣ прославился Вальдемаръ I, другъ знаменитаго Генриха Льва (Вельфа), прекратившій разбой на южномъ берегу Балтики и упрочившійся въ Мекленбургѣ и Помераніи послѣ занятія Рюгена въ 1168 году. Его политику продолжали его сынъ Канутъ VI, а особенно внукъ Вальдемаръ II, удачно прозванный Побѣдителемъ. Вступивъ на престолъ въ 1203 году, онъ совершенно подчинилъ себѣ славянскихъ князей въ Помераніи, которые присягнули ему въ Любекѣ, какъ королю славянъ и повелителю Голштиніи, носившей тогда названіе Сѣверной Албингіи. Пользуясь разрѣшеніемъ императора Фридриха II, уступившаго ему уже онѣмеченныя земли на нижней Лабѣ и Эйдерѣ, онъ двинулся на прусскихъ и ливонскихъ язычниковъ, значительную часть которыхъ покорилъ своей власти. Далѣе этихъ завоеваній Данія не пошла. То были годы ея высшаго могущества. Противъ Вальдемара возстали его вассалы, опасаясь усиленія его власти. Онъ былъ захваченъ ночью (6 мая 1233 г.) предательскимъ образомъ въ своей палаткѣ на охотѣ, вмѣстѣ съ сыномъ. Свои же вассалы силою заставили его отказаться отъ большей части завоеваній, отъ Голштиніи и славянскаго Поморья по Рюгенъ, взявъ съ него 65 тысячъ марокъ серебра и обязательство не мстить за свой плѣнъ. Онъ согласился на все чтобы получить свободу, а, освободившись, предпринялъ было походъ противъ феодаловъ, но недалеко отъ Киля (1227 г.) былъ разбитъ графами Голштинскимъ и Шверинскимъ и ихъ союзникомъ герцогомъ Саксонскимъ. Послѣ этой битвы кончилось мимолетное владычество датчанъ надъ славянами, которые впрочемъ ничего не выиграли, такъ какъ перешли подъ болѣе тяжелую нѣмецкую руку. Графъ Адольфъ IV возвратилъ себѣ Голштинію. Вальдемаръ II, принужденный ограничиться только частью своего государства увѣнчалъ свою дѣятельность изданіемъ судебника. Въ 1241 году, по завѣщанію, его старшій сынъ Эрихъ IV водворился въ Даніи, а младшій Абель въ Шлезвигѣ. Послѣдній убилъ брата въ 1250 г. и былъ избранъ королемъ. Но его насилія надъ трудолюбивымъ и мирнымъ населеніемъ Фрисландіи были таковы, что даже эти поселяне вышли изъ себя и убили его. Христофоръ I, младшій изъ братьевъ, вступивъ на престолъ, напрасно старался водворить порядокъ среди буйной, духов-

Данія

ной и свѣтской аристократіи, не признававшей никакой власти. Прелаты особенно возненавидѣли его и извели ядомъ въ 1259 году. Та же участь предстояла его сыну Эриху V въ 1296 году. Данія распалась на удѣлы. Уже спустя полвѣка, при Вальдемарѣ III Аттердагѣ (1340—75 г.), водворился нѣкоторый порядокъ и страна вновь вернулась къ единовластію. Этого Аттердагъ достигъ своею тактичностью, осторожностью и послѣдовательностью (¹). Рѣшительный ударъ непокорнымъ князьямъ онъ нанесъ въ битвѣ при Гламбергѣ въ 1357 году. Онъ могъ тогда возвратить отъ шведовъ захваченныя ими области.

Швеція и Норвегія. Въ Швеціи исторія шла тѣмъ же путемъ. Это государство создано было двумя народами: шведами и голландцами. Вліяніе переходило по очереди то къ тѣмъ то къ другимъ выдающимся родамъ. Въ 1130 году прекратилась династія Стенкилей. Ихъ смѣнилъ домъ Бонде, который съ 1250 году замѣстили Фолькунги. Первымъ и славнѣйшимъ изъ нихъ былъ Биргеръ, министръ послѣдняго изъ Бонде. Биргеръ обнесъ Стокгольмъ стѣнами и озаботился укрѣпленіемъ столицы. Шведы привыкли не опасаться феодаловъ, которые жили мирно рядомъ съ другими сословіями. При Биргерахъ было закончено покореніе Финляндіи, гдѣ только что къ концу XIII столѣтія было введено христіанство, которому очень медленно подчинялось финское населеніе этой суровой страны, послѣ всѣхъ народовъ Европы примкнувшее къ христіанству. чѣмъ оно получило право на участіе въ исторической жизни.

Магнусъ, второй сынъ основателя династіи Фолькунговъ, устранивъ своего брата въ 1275 году, организовалъ и вооружилъ регулярное, всегда готовое войско, для чего раздавалъ льготы отъ податей и повинностей тѣмъ, кто былъ въ силахъ содержать коня и вооруженіе. Его старшій сынъ Биргеръ (въ 1317 г.) уморилъ голодомъ младшихъ братьевъ. Это вызвало возмущеніе. Малолѣтній сынъ погибшаго Эриха, Магнусъ Смекъ былъ возведенъ на престолъ, подъ опекой матери, норвежской принцессы Ингебурги. Эта дочь Гакона VI,—послѣдняго изъ потомства Гаральда Гарфагера,—сына Магнуса VI Законоисправителя, лучшаго изъ норвежскихъ ко-

(¹) Прозвище Аттердагъ было дано ему за его любимое выраженіе: «завтра опять будетъ день». Король любилъ очень долго обдумывать дѣла.

ролей, вручила корону Норвегіи малолѣтнему королю шведскому, своему сыну, который однако не умѣлъ удержать ее за собой, когда выросъ, вслѣдствіе бездѣятельности и расточительности. Норвежцы настояли на передачѣ престола младшему изъ сыновей Смека еще при его жизни, Гакону VII. Шведы тогда же провозгласили королемъ другаго сына, Эриха. Пользуясь этими раздорами, Вальдемаръ III датскій отнялъ у шведовъ островъ Готландъ. Это не прошло безнаказанно. Ганзейскій союзъ вступился за Готландъ и составилъ коалицію, куда вошли кромѣ Швеціи: Норвегія, Голштинія и Мекленбургъ. Вальдемаръ III поспѣшилъ отклонить отъ коалиціи прежде всего Норвегію, отдавъ королю Гакону VII руку своей дочери, принцессы Маргариты, а съ ганзейцами вступилъ въ соглашеніе, сдѣлавъ имъ всевозможныя уступки.

Правленіе Маргариты датской (1387-1412 г.).

Послѣ смерти Эриха шведскаго, Гаконъ VII вновь соединилъ на своей головѣ двѣ короны. Но шведы не могли простить ему брака съ датчанкой Маргаритой, такъ какъ издавна ненавидѣли все датское. Изъ за этого только шведы свергнули Гакона и избрали Альбрехта герцога Мекленбургскаго, который принадлежалъ норвежской династіи по женской линіи. Вальдемаръ вступился за зятя; ганзейскіе города дали средства, и самъ Магнусъ смѣло выступилъ противъ Альбрехта. Но послѣдній въ 1365 году разгромилъ союзниковъ, взялъ въ плѣнъ Магнуса и прогналъ Гакона изъ Норвегіи. Датскій король поспѣшилъ примириться съ Ганзою и только этимъ сохранилъ свое маленькое королевство отъ подчиненія шведамъ, во главѣ которыхъ стоялъ счастливый мекленбуржецъ Альбрехтъ. Послѣ смерти Вальдемара III (въ 1375 году), въ Даніи былъ провозглашенъ королемъ пятилѣтній Олафъ. Маргарита, которая держалась съ замѣчательнымъ тактомъ, легко добилась назначенія себя регентшей въ Даніи. Когда умеръ спустя пять лѣтъ ея мужъ, то съ 1380 года она стала регентшей и въ Норвегіи. Смерть сына въ 1387 году открыла ей дорогу къ престолу и она была провозглашена королевой Даніи и Норвегіи.

Маргарита оказалась на высотѣ своей задачи. Она была одушевлена высокими помыслами. Идя за вѣкомъ, она сознавала что интересы государства выше сословныхъ и дѣятельно заботилась объ устройствѣ военной народной силы, нѣсколько ранѣе, чѣмъ къ сознанію таковой потребности пришли короли

и ихъ правительства на германскомъ и романскомъ Западѣ. Враги называли ее „королемъ въ юбкѣ“, но она скоро доказала на сколько превосходитъ умомъ, энергіею и возвышеннымъ патріотизмомъ не только своихъ ничтожныхъ скандинавскихъ соперниковъ, но и гораздо болѣе могущественныхъ властителей Запада. Феодализмъ не представлялъ ей какихъ либо препятствій; онъ вообще не игралъ видной роли въ скандинавскихъ земляхъ. Маргариту болѣе занимала другая чисто политическая задача, стоявшая на исторической очереди. Королева стремилась къ созданію единаго національнаго скандинавскаго государства, состоящаго изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Въ этомъ отношеніи она слишкомъ опередила свое время; для XIV вѣка она намѣтила такое дѣло, которое не осуществилось вездѣ въ концѣ XIX столѣтія, которымъ управляетъ въ политической сферѣ національная идея. Мы не знаемъ возникла-ли эта грандіозная мысль въ головѣ самой Маргариты или была подсказана ей совѣтниками. Въ памятникахъ нѣтъ достаточныхъ указаній на послѣднее предположеніе, а послѣдующія событія подтверждаютъ мнѣнія о высокихъ и разнообразныхъ способностяхъ этой замѣчательной женщины.

Кальмарская унія 1397 г. Въ то время какъ заклятой врагъ ея, король Альбрехтъ шведскій опочилъ на легко добытыхъ лаврахъ и, предавшись праздности и удовольствіямъ, перессорился съ дворянствомъ, Маргарита, рѣшившись во что бы то ни стало подчинить себѣ Швецію, незамѣтно подготовила армію и во главѣ ея осенью 1389 года вторглась въ западную Готландію. Король Альбрехтъ, не покидая своей нѣги и смѣясь надъ неожиданной храбростью королевы, послалъ ей брусокъ для точенія иголокъ. Онъ не придавалъ никакого значенія ея угрозамъ и считалъ ее ничтожною соперницей. Скорѣе чѣмъ можно было ожидать, онъ былъ наказанъ за свою гордость. При Фальченингѣ (сент. 1389 г.) онъ былъ разбитъ на голову войсками Маргариты и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Но шведы не покорились. Маргарита осадила Стокгольмъ. Мекленбургскіе города снарядили эскадру для нападенія на датскіе берега. Маргарита вела войну еще долго и наконецъ прибѣгнула къ другому образу дѣйствій. Вынудивъ отреченіе отъ плѣннаго Альбрехта, она вступила въ переговоры съ чинами и, отказываясь отъ собственной кандидатуры на шведскій престолъ, каковая была невозможна въ

Швеціи,—указала на своего внучатнаго племянника Эриха, передавъ ему же троны Даніи и Норвегіи. Въ 1397 году въ Кальмарѣ она короновала Эриха IX и здѣсь же была провозглашена т. н. скандинавская унія, въ силу которой всѣ три королевства отнынѣ должны были имѣть одного короля, причемъ каждое государство управляется особо по своимъ законамъ, имѣетъ свою отдѣльную армію и помогаетъ одно другому въ случаѣ войны (1).

Распаденіе союза.

Широкая идея, положенная въ основу Кальмарской уніи, не принесла желаемыхъ результатовъ. Прошлые счеты сильно раздѣляли единомысленный союзъ. Унія не просуществовала и столѣтія. Шведы были недовольны болѣе всего тѣмъ что резиденція короля осталась въ Даніи. Только энергія Маргариты, которой за ея великодушіе и несомнѣнные государственные таланты симпатизировали даже шведы,—удерживала части союза отъ распаденія. Лишь только королева закрыла глаза (1412 г.), какъ Швеція высказала явную враждебность къ Даніи. Эрихъ сталъ совершенно бездѣятеленъ и обратился въ ничтожество, когда умерла его руководительница и супруга, Филиппа, дочь короля англійскаго Генриха IV, которую избрала ему въ жены сама Маргарита и руководству которой она завѣщала судьбы государства. Швеція отложилась въ 1435 году, избравъ временно своими государственными маршалами сперва Энильбрехта, а потомъ Карла Кнутсона, уже съ титуломъ короля. Когда спустя четыре года, Эрихъ, изнемогшій въ борьбѣ, отказался отъ престола и поселился частнымъ человѣкомъ на островѣ Готландѣ, датчане призвали на престолъ чужеземца, его племянника по женской линіи, баварскаго герцога Христофора. Этотъ выборъ былъ удаченъ. Христофоръ, дѣйствуя на шведское духовенство, уже подготовилъ возстановленіе союза, но онъ вскорѣ умеръ (въ 1448 г.). Тогда въ Даніи и въ Норвегіи былъ избранъ въ короли герцогъ Ольденбургскій Христіанъ (1448—81 г.), котораго шведское духовенство послѣ сверженія Карла, пригласило въ Стокгольмъ. Союзъ возстановился, но не на долго. Попытка Христіана, къ сожалѣнію, была мимолетною. Стоило только Христіану изъ за назначенія податей разойтись съ шведскими

(1) Münchberg. Historia pragmatica pacti Calmariensis. H. 1749.—Для послѣдующихъ событій новѣйшее изслѣдованіе датскаго ученаго: Zarsen. Kalmarkrigen. Et Bidragtil de nordiske Rigers Krigshistorie (1 вып. Kjobenhavn, 1889).

прелатами, и онъ былъ свергнутъ ([1]). Когда же, упорно домогаясь возрожденія уніи, Христіанъ сталъ дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ, и съ этою цѣлью снова высадился въ Швеціи, то былъ жестоко разбитъ въ окрестностяхъ Стокгольма (въ 1478 г.).

Стенъ Стуръ. Въ этомъ кровавомъ сраженіи шведами предводительствовалъ искусный вождь Стенъ Стуръ Старшій ([2]). Его дому предстояла историческая будущность. Надо замѣтить, что Стуръ состоялъ намѣстникомъ датскаго короля въ Швеціи. Сперва онъ пользовался его довѣріемъ, хотя всегда ратовалъ за чисто шведскіе интересы. Въ борьбѣ общественныхъ элементовъ въ Швеціи онъ дѣйствовалъ противъ аристократіи, держался высшаго духовенства, защищалъ города и крестьянъ, по возможности выдвигая значеніе послѣднихъ. Онъ первый пригласилъ на государственный сеймъ представителей не только городовъ, но и земледѣльческаго люда. Основанный имъ въ Упсалѣ университетъ служитъ лучшимъ памятникомъ благотворной дѣятельности этого мудраго правителя. Онъ не домогался королевскаго вѣнца, да и не имѣлъ въ немъ надобности. Онъ стоялъ на стражѣ самостоятельности Швеціи, не допуская мысли объ уніи, можетъ быть потому что не считалъ ее выраженіемъ народныхъ интересовъ и порожденіемъ народной воли. При жизни онъ устранялъ возможность всякаго соглашенія. Того же взгляда держался его сынъ, Стенъ Младшій.

Кальмарская мировая грамота. Когда Христіанъ I убѣдился въ невозможности склонить Швецію на свою сторону, онъ, желая оправдать себя въ глазахъ потомства, сознавая всю отвѣтственность, которая лежала на немъ, взялъ отъ государственнаго совѣта Даніи документъ, въ которомъ было изложено что король съ своей стороны сдѣлалъ всевозможное, чтобы возстановить унію. Его сынъ Іоаннъ былъ счастливѣе (1481 – 1531 г.). Онъ прибѣгнулъ къ дипломатическимъ переговорамъ и такъ какъ шведы все еще не избирали короля, то онъ, успѣвъ склонить на свою сторону дворянство самыми широкими льготами, временно

([1]) Hille. Registrum König Christian des Ersten.—I. Schlegel. G. der Königen von Dänemark aus dem Oldenburgischen Stamme, Kop. 1769.

([2]) О немъ старая шведская монографія Geiger (St. 1803).

возстановилъ союзъ и издалъ т. н. „Кальмарскую Мировую грамоту", которой подтверждалась унія. Дѣйствіе этой грамоты было непродолжительно. Преемникъ Іоанна Христіанъ II (1513—1523 г.) своею жестокостью способенъ былъ возстановить противъ себя не только шведовъ, но и датчанъ. Послѣ перваго столкновенія съ шведскимъ намѣстничествомъ, онъ двинулся съ войсками на мятежниковъ. Тогда въ Швеціи правилъ Стенъ Младшій. Онъ загородилъ королю дорогу, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ послѣдовали истязанія и казни. Тогда возстаніе, проникнувъ въ народъ, охватило всю Швецію. Во главѣ народнаго движенія всталъ Густавъ Ваза, родственникъ дома Стура, излюбленный герой шведской исторіи. Онъ жилъ уже въ началѣ новой исторіи, но его біографія украшена легендами. Онъ свергнулъ въ 1523 году датское владычество и, провозглашенный королемъ, открылъ свою династію въ Швеціи.

Кальмарская унія обратилась къ началу новаго времени въ союзъ двухъ государствъ Даніи и Норвегіи. Судьба грандіознаго кальмарскаго замысла еще разъ подтвердила историческое положеніе, въ силу котораго не можетъ осуществиться то, что не выходитъ непосредственно изъ народныхъ потребностей и что болѣе или менѣе искусственно и преждевременно насаждается сверху.

---

4) Южная Италія при Іоаннѣ II. Эпоха кондотьеровъ. Борьба за обладаніе неаполитанскимъ королевствомъ. Аррагонія и Альфонсъ V Мудрый. Венеція и Карманьола. Миланское герцегство и Франческо Сфорца.

Неаполь послѣ смерти Владислава.

Излагая исторію южной Италіи, мы остановились на смерти неаполитанскаго короля Владислава. Какъ только разнеслась вѣсть о кончинѣ Владислава, — все пришло въ смятеніе. Государство, такъ долго сооружаемое, разсыпалось и строитель его унесъ свои планы въ могилу. Всѣ пріобрѣтенія потерялись. Громадныя арміи стали расходиться. Ихъ предводители или искали другихъ господъ или обратились съ искательствами и съ услугами къ новой властительницѣ, чтобы получить долю участія въ правленіи. Новая королева легкомысленная Джіованна встревожилась, когда увидѣла сколько надо заботъ и труда, чтобы умиротворить разрозненные, разлагавшіеся элементы. Ея фаворитъ и первый министръ, бывшій придворный поваръ, молодой Пандольфелло Алопо, былъ плохимъ помощникомъ въ эту минуту. Но кромѣ его, ей не на кого было положиться.

Скоро въ Неаполѣ вспыхнула революція; сдержать ее было трудно. Кондотьеры искали только собственной наживы; они пользовались общею сумятицей. Аттендоло Сфорца, одинъ изъ талантливѣйшихъ наемниковъ, вышедшій изъ народа, которому Владиславъ поручилъ осаждать Тоди, вдругъ встрепенулся. Онъ понялъ, что ему открывается государственное поприще, что онъ можетъ много сдѣлать въ это смутное время. Онъ собралъ свой отрядъ и пошелъ на Неаполь. Онъ разсчитывалъ овладѣть королевою и правленіемъ. Вдругъ великій сенешалъ, въ лицѣ Алопо, хитрымъ образомъ овладѣваетъ имъ самимъ. Храбрый кондотьеръ, искавшій богатствъ и власти, очутился въ неаполитанской крѣпости....

Іоанна II.

Дочь Карла III Дураццо, послѣдняя въ родѣ старой династіи, старшая сестра Владислава, родившаяся въ 1370 году, Джіованна вступила на престолъ скорѣе въ почтенныхъ, нежели въ среднихъ лѣтахъ. При всемъ томъ, она сохранила замѣчательную красоту, такъ что заставила современниковъ заподозривать себя въ излишнемъ вниманіи къ своей особѣ.

Говорили напримѣръ, что она каждый день принимала ванну изъ ослинаго молока, для чего сотня ослицъ содержалась на дворцовой конюшнѣ. Джіованна не думала нисколько стѣсняться въ своихъ увлеченіяхъ, когда выдали ее безъ всякихъ личныхъ привязанностей за австрійскаго принца Вильгельма, сына Леопольда III. Открыто измѣняя мужу, безъ всякаго стыда отдаваясь фаворитамъ всѣхъ состояній и возрастовъ, она, благодаря своей удивительно сохранившейся красотѣ, никогда не теряла его любви, всегда и вездѣ оскорбляемой. Когда уже совѣсть говорила, что развратъ превосходитъ всякую мѣру, всякое чувство приличія, то Джіованна не останавливалась напримѣръ передъ такими мѣрами, чтобы убить своего любовника и тѣмъ зарыть въ могилу какой нибудь особенно пасквильный скандалъ. Очень часто неизвѣстно куда исчезали красавцы изъ придворной молодежи. Подставной, безгласный мужъ, не переставашій любить свою развратную жену, умеръ не задолго до Владислава, предоставивъ Джіованнѣ полную свободу. Она тотчасъ же усилила штатъ своихъ оффиціальныхъ любовниковъ, между которыми особенное предпочтеніе стала оказывать наглому и невѣжественному повару, Пандольфелло Алопо; ему тогда же были выхлопотаны важныя должности. Алопо пріобрѣлъ безграничное вліяніе на принцессу, относившуюся къ нему уже съ нѣкотораго рода уваженіемъ и страхомъ. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ревниваго стража королевы. Ревнуя къ Аттендоло Сфорцѣ, онъ передъ самою смертью Владислава, окончательно увѣрилъ Джіованну въ безграничномъ честолюбіи Сфорцы, намекнувъ только на то обстоятельство, что сильная армія кондотьера можетъ помѣряться со всѣми средствами неаполитанскаго королевства и что Аттендоло думаетъ не шутя прибѣгнуть къ ней, если королева откажетъ ему въ своей рукѣ. Пандольфо кончилъ тѣмъ, что принимая на себя личину добраго друга, совѣтовалъ королевѣ слѣдить за опаснымъ смѣльчакомъ, а главное позаботиться о томъ, какъ бы отвратить бѣду. Поступокъ Сфорцы послѣ смерти Владислава какъ нельзя болѣе подтвердилъ навѣты Алопо. Онъ заставилъ ее вполнѣ довѣриться клеветнику, который въ силу указа новой королевы, не замедлилъ самолично арестовать перваго полководца королевства.

Такой деспотическій поступокъ возмутилъ даже сторонниковъ королевской партіи, или, какъ она называлась тогда,

партіи Дураццо, въ противоположность Анжу, представителя французскихъ претензій. Избранная депутація изъ дворянъ отправилась къ королевѣ просить за Сфорцу. Цѣлью демонстраціи было желаніе избавиться отъ господства временьщика, который въ будущемъ грозилъ принести еще бо́льшее зло государству. Эта мысль явно сквозила въ рѣчи, которую депутаты держали передъ королевою. Многіе изъ нихъ были безкорыстно преданы интересамъ Дураццо и отъ всей души желали добра и счастливаго царствованія новой государынѣ.

Вообще Іоанна, при всѣхъ непростительныхъ слабостяхъ и порокахъ, пользовалась общею любовью всѣхъ сословій. Дворянство, и крупное и мелкое, любило ее за мягкость характера, за царственное величіе ея личности. На Іоаннѣ II отражается типъ общій для женщинъ съ ея слабостями. Она по своему образованію принадлежала къ передовому кружку современнаго общества. Между чтеніемъ и музыкой проходила бо́льшая часть времени, остававшагося ей отъ любовныхъ похожденій и романическихъ грезъ. Она читала все, что только можно было тогда читать; она знала латынь въ совершенствѣ и еще шестнадцати лѣтъ писала любовныя письма языкомъ Цицерона. Она въ научномъ отношеніи была знакома со всѣмъ тѣмъ, что было доступно тогда. Здравое развитіе не сдѣлало ея индифферентною въ области вѣры, какъ многихъ женщинъ ея образованія. Она была замѣчательно добродушна, дѣлая благодѣянія при всѣхъ представлявшихся случаяхъ. Она оказывала тысячу мелкихъ добродѣтельныхъ поступковъ, которыми не только не гордилась, а напротивъ держала въ тайнѣ. Добрая ко всѣмъ, она особенно была внимательна къ своимъ приближеннымъ, которые были въ восторгѣ отъ ея царственнаго величія. По замѣчанію современныхъ лѣтописей, она глядѣла истинною королевою.

Бракъ Іоанны II съ Жакомъ де-Бурбономъ и борьба партій.

Первое время власть ея, колеблемая постояннымъ вмѣшательствомъ дворянства не только въ государственныя, но даже въ домашнія дѣла, казалась непрочною. Личные враги Алопо не могли примириться съ мыслью о его господствѣ. Еще болѣе возмущалось ихъ чувство, когда они удачно проникнули въ тайныя мысли фаворита, въ тихомолку домогавшагося руки королевы, такъ слѣпо довѣрившейся ему. Новая депутація рѣшилась просить Іоанну о немедленномъ бракѣ съ какимъ нибудь изъ извѣстныхъ европейскихъ принцевъ, такъ какъ

въ противномъ случаѣ, за смертью бездѣтной королевы, должна будетъ прекратиться законная династія. Джіованнѣ указывали на французскій королевскій домъ, родственный союзъ съ которымъ могъ бы доставить неаполитанской династіи большія выгоды въ политическомъ отношеніи. Тамъ былъ одинъ принцъ, именно Жакъ Бурбонъ, графъ де-ла-Маршъ, который почелъ бы за счастье быть мужемъ неаполитанской королевы. Жакъ приходился родственникомъ неаполитанской титулярной династіи. Потому-то бароны и выбрали его, какъ болѣе надежнаго и болѣе сильнаго, разсчитывая что его всегда поддержитъ французское правительство. Іоанна должна была согласиться на убѣдительныя просьбы аристократіи, ссориться съ которою было опасно при настоящихъ обстоятельствахъ. Дано было знать въ Парижъ и бурбонскій принцъ съ величайшимъ удовольствіемъ устремился въ свое будущее королевство, въ которомъ онъ, по своему суровому характеру, не безъ основанія разсчитывалъ играть далеко не пассивную роль. Онъ готовился быть королемъ, со всѣми правами его, а не тою куклою, какою думала сдѣлать изъ него его будущая супруга. Съ радостью спѣшилъ изъ Венеціи молодой Жакъ къ своей 45-лѣтней невѣстѣ, не зная тѣхъ интригъ, которыя строила противъ него Іоанна, дѣятельно руководимая и поддерживаемая своимъ Алопо, возведеннымъ теперь въ достоинство графа и оберъ-каммергера, съ должностью котораго были сопряжены обязанности министра финансовъ.

Въ брачномъ контрактѣ была сдѣлана оговорка, что Жакъ не будетъ называться неаполитанскимъ королемъ, а только княземъ тарентскимъ и герцогомъ калабрійскимъ. Но Джіованна знала, что ея суровый мужъ не уступитъ даромъ своихъ правъ, что добровольно не согласится на ограниченіе власти. Ко всему этому можно будетъ принудить его только силою. Потому-то теперь для интимнаго кружка королевы необходима была прежде всего крѣпкая поддержка войска. Сфорца въ этомъ отношеніи могъ быть лучшимъ союзникомъ.

Фаворитъ самъ отправился въ тюрьму Сфорцы, уже отчаявшагося въ спасеніи, и предложилъ ему не только свободу, но даже санъ великаго конетабля и 8 тысячъ дукатовъ (176 тысячъ лиръ) въ мѣсяцъ ему и его бандамъ жалованья, —если онъ, Аттендоло, согласится во всемъ содѣйствовать лич-

нымъ видамъ королевы, если онъ будетъ способствовать ограниченію власти Жака и его партіи, если онъ, наконецъ, въ случаѣ надобности обязуется прибѣгнуть къ оружію, для поддержанія ихъ отнынѣ общаго дѣла ([1]).

Аттендоло Сфорца былъ освобожденъ, но только для того чтобы снова попасть въ тюрьму. Бароны королевства при встрѣчѣ принца Жака постарались выставить Сфорцу въ самомъ черномъ свѣтѣ, и онъ по приказанію будущаго супруга королевы, былъ снова подвергнутъ заключенію. Іоанна скоро узнала, что родовая аристократія, а за нею уже и все рыцарство, присягаетъ ея будущему супругу, не какъ герцогу калабрійскому, а какъ законному, равноправному королю Джьакомо. Благоразумно покоряясь необходимости, она приказала городскому муниципалитету привѣтствовать принца, какъ короля (13 августа 1415 г.). Когда Жакъ прибылъ во дворецъ, то и здѣсь, въ присутствіи всего двора, она, потерявъ отъ стеченія обстоятельствъ окончательно всякую энергію, при представленіи своего жениха, сама назвала его королемъ Джьакомо. Понятно, что придворные должны были отвѣчать крикомъ „да здравствуетъ король Джьакомо и королева Джіованна" ([2]).

Чувство страха овладѣло и правительствомъ и народомъ, когда, на другой же день послѣ свадьбы, новый король отдалъ приказъ арестовать и пытать Алопо. Пытка была безпощадна (fu atrocissimamente tormentato) и происходила въ присутствіи самого Джьакомо. Павшій временьщикъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ осужденъ на

([1]) Испанскій хроникеръ Çurita, — Anales de la corona de Aragon (III, 140) ошибочно относитъ къ 1420 году полученіе Сфорцою сана великаго конетабля, смѣшивая его съ подтвержденіемъ церковнаго гонфалоньерскаго достоинства. Упоминая случайно объ избраніи костницкаго папы, Цурита прибавляетъ: «del qual esperava, que seria coronado; y salio a la empresa Sforça fu capitan general; al qual hizo eran Condestable del reino (l. 13, c. 5)».—Срв. Muratori. Annali d' Italia (XIII, 29) и Corio (613, 621).

([2]) Giannone. Istoria civile del regno di Napoli; III, 237. — Испуганная королева, представляя двору своего угрюмаго жениха, должна была говорить такія слова: «Voi vedete questo Signore, a cui ho dato il dominio della persona mia, ed hor dono pel Regno: chi ama me, ed é affezionato di casa mea, voglia chiamarlo, tenerlo, e servirlo da Re». — Подробное описаніе пріема Жака сдѣлалъ Platen, 51.

публичную смертную казнь. Приговоръ читали въ вечерню 1 октября (1415 г.) и въ тотъ же день Пандолфо выдали на растерзаніе черни, которая такъ страшно ненавидѣла фаворита. Долго таскали его по улицамъ, тиранили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, пока не отрубили голову на торговой площади. Изуродованный, окровавленный трупъ потащили снова и при ликованіяхъ и хохотѣ толпы повѣсили за ноги ([1]). Королева была въ отчаяніи (con intenso dolore); она, уже отказавшаяся добровольно отъ всякой власти, опасалась за собственную безопасность. И ея предчувствіе оправдалось очень скоро. Она оказалась рабынею своего мужа, плѣнницею въ собственномъ дворцѣ. Можно сказать, что она была арестована домашнимъ образомъ, будто подозрѣваемая въ политическомъ преступленіи. За нею присматривалъ старый Жанъ Берленжье, французъ, который поселился на ея половинѣ; ее окружали французскія же женщины, слѣдившія за нею неотступно. Что касается короля, то онъ, нисколько не интересуясь своею женою, весь отдался государственнымъ дѣламъ. Надо замѣтить, что онъ былъ мало способенъ къ чему нибудь серьезному; если же и дѣйствовалъ, то очень безрасудно и потому всегда неудачно. Пользуясь жестокостью и грубоватостью короля, имъ во всемъ руководили его французскіе приближенные. Какъ нѣкогда при венгерскомъ узурпаторѣ, такъ теперь при французскомъ. страна, наполненная чужеземцами, приняла иной видъ. Снаружи французское чиновничество, внутри проявилось хищническое лихоимство.

Скоро національная партія возмутилась насиліями французовъ въ Неаполѣ и чужеземной администраціи. Это заставило Жака нѣсколько облегчить положеніе королевы. Присмотръ былъ значительно смягченъ; ей позволялось располагать собою по произволу, хотя ее и не пускали за черту города.

([1]) Большая часть писателей передаетъ эту казнь иначе,—какъ напр. Paolo Giovio (La vita di Sforza, Mil. 1558, p. 58). Но мы болѣе довѣряемъ кропотливымъ подробностямъ такой лѣтописи, какъ Giorn. nap. (Muratori, scrp. XXI, 1077). Тамъ читаемъ слѣдующее и видимо сочувственное описаніе казни: «Il primo di Ottobre Pandolfello fu menato a la Vicaria, e si lesse lo processo ad hora de Vespero; fu mandato a lo mercato, dove fu talamo, li fo tagliata la testa. Il corpo poi fu trascinato a Porto, e là fu appiccato per li piedi».

Когда богатый флорентійскій банкиръ давалъ народу обѣдъ и просилъ королеву удостоить праздникъ своимъ присутствіемъ, то она могла свободно отправиться съ своею свитою, не задерживаемая никѣмъ. Очень вѣроятно, что теперь въ числѣ ея приближенныхъ были люди, искренно ей преданные. Такъ былъ допущенъ къ ней между прочимъ одинъ красивый пажъ, впослѣдствіе искренно полюбившій ее, — Серджіанни Караччіоло. Подъ надежнымъ прикрытіемъ преданныхъ друзей, королева отправилась на пиръ (13 декабря 1416 года).

Изгнаніе короля Жака. Во всякомъ случаѣ комедія, разыгравшаяся въ началѣ праздника, была условлена заранѣе. Порядокъ не былъ нарушенъ до конца обѣда. Вдругъ Джіованна, собравъ всю свою рѣшимость, выходя изъ за стола, обратилась къ народу и воскликнула: „Друзья мои, во имя самого Господа, не покидайте меня!“ Электрическая искра пробѣжала по волнамъ народа, когда раздался этотъ голосъ мольбы. Неудержимое, подхваченное порывомъ общаго сочувствія: „да здравствуетъ королева Джіованна, долой Джьакомо“ — загудѣло въ толпѣ; народъ однимъ разомъ смѣло сбрасывалъ съ себя вериги. Въ одно мгновеніе Караччіоло и его друзья кидаются къ королевѣ, хватаютъ ее и бѣгутъ съ нею въ епископскій дворецъ. Порядокъ былъ нарушенъ; чернь рѣшительнымъ ударомъ сорвалась съ цѣпи, на которой до сихъ поръ держалъ ее страхъ французскаго имени. За неимѣніемъ наготовѣ сильныхъ регулярныхъ войскъ трудно было унять эту массу или даже сколько нибудь сдержать ея разрушительную силу. Въ исторіи Неаполя лазарони всегда играли роковую роль. Могучая сила ихъ не терялась никогда, хотя въ средніе вѣка она и была часто придавлена. Подъ тѣмъ же гнетущимъ вліяніемъ, въ извѣстную сторону направлялись и событія въ Неаполѣ послѣ знаменитаго обѣда. Уже къ вечеру того же дня положеніе дѣлъ радикально измѣнилось. Джьакомо съ 500 французовъ заперся въ своемъ Castel-nuovo, спустилъ подъемные мосты и готовился къ оборонѣ. Ему предстояло окончательно отказаться отъ всякой надежды на власть, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что наемники Сфорцы заняли городъ и провозгласили владычество королевы Іоанны (¹). Просидѣвъ 9 мѣся-

---

(¹) Giorn. nap. 1078.—Cribellus (De vita Sfortiae ducis); Muratori; XIX, 572.—Giannone; III, 239.—Crivelli. Giovanna, 128—130 etc.

цевъ въ Castel-nuovo, онъ сдалъ его и перешелъ въ другой, болѣе надежный замокъ Castel d'uovo, гдѣ его снова осадили наемники (22 сентября 1417 г.). Комендантъ этого замка былъ французъ и крѣпко стоялъ за Жака. Потребовалось болѣе трехъ мѣсяцевъ, чтобы одолѣть храбреца и при всемъ томъ, заключая условіе, онъ выговорилъ себѣ и своему гарнизону право свободнаго удаленія во Францію, выторговавъ 8 тысячъ флориновъ (6 января 1418 г.). Затрудненіе стало изъ за короля. Комендантъ хотѣлъ везти его съ собою. Іоанна не соглашалась, желая имѣть его своимъ плѣнникомъ. Комендантъ стоялъ на своемъ. Іоанна велѣла снова приступить къ осадѣ съ суши и съ моря. Наконецъ помирились на 3 тысячахъ флориновъ; за нихъ французъ продавалъ своего принца, котораго судьба ставила такимъ образомъ опять на старую дорогу. Роли перемѣнились. Караччіоло, получившій, по примѣру Алопо, титулы графа, оберъ-камергера и даже великаго сенешала, могъ по прежнему управлять всѣми гражданскими дѣлами. Сфорца, освободившійся изъ заточенія, въ дополненіе къ прежнимъ роскошнымъ помѣстьямъ и владѣніямъ, блистательно награжденный городами Троя, Аріано и нѣсколькими замками въ ихъ окрестностяхъ, удержавшій сверхъ того за собою санъ великаго конетабля, получилъ высшую военную власть въ государствѣ (1). Оба правителя, или точнѣе сказать министра, пользовались неодинаковою любовью королевы. Положеніе Караччіоло было всегда прочнѣе, нежели Сфорцы, уже потому, что послѣдній не совсѣмъ довѣрялъ королевѣ, которая съ своей стороны платила ему тою же монетою. Караччіоло же, безгранично владѣя Джіованною, могъ распоряжаться въ государственныхъ дѣлахъ по произволу. Онъ имѣлъ слабость считать себя призваннымъ къ политической дѣятельности, но его способности были не изъ выдающихся. Хорошій придворный, Караччіоло былъ не государственный человѣкъ. А между тѣмъ онъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ вовлекъ королеву и страну въ раздоры и междоусобія. Довольно смѣлый, предпріимчивый, дѣятельный, Караччіоло не имѣлъ ни хитрости, ни положительности, ни сдержанности, всего того,

(1) Giovio; 56, 59. — Crib. 683, 684. — Giorn. nap. 1078, 1079. — Corio, 611.—Raymo (R. n. I, 114). Bonincontrius (Annales Miniatensis a. 1360—1458) Muratori; XXI; 112—113.

что такъ необходимо было для итальянскаго государственнаго человѣка, захваченнаго бореніемъ самыхъ противоположныхъ элементовъ.

Новое правительство, съ Караччіоло и Сфорца во главѣ, дѣйствовало несравненно умѣреннѣе французскаго; оно даже не мстило ничему старому. Королю предоставлена была относительно очень широкая свобода. Если Іоанна не хотѣла выпускать его изъ королевства, то потому, что опасалась вооруженной поддержки его соотечественниковъ. Но Жакъ былъ не выдержаннаго характера; несчастія могли круто ломать его. Теперь онъ горько раскаявался въ своемъ честолюбіи; вся прежняя суровость исчезла. Онъ готовъ былъ съ покорностью переносить все, что ни послала бы ему судьба, а съ нимъ къ тому же обходились очень снисходительно. Его даже согласились отпустить на родину, когда за него сталъ хлопотать Мартинъ V, который прибѣгнулъ къ содѣйствію кондотьера Браччіо ди-Монтоне.

Браччіо въ Перуджіи и его тактика.

Этотъ кондотьеръ имѣетъ важное значеніе въ военной исторіи. Онъ удачнѣе другихъ ставилъ непріятеля въ критическое положеніе, то запутанными маршами, то внезапными диверсіями. Онъ умѣлъ какъ нельзя лучше отрѣзывать дороги противнику, быстро и смѣло обходить его; онъ часто даже раздѣлялъ его колонны на части и послѣ каждую разбивалъ порознь. Онъ первый ввелъ въ дѣло батальонныя построенія; такими отдѣльными колоннами онъ всегда выигрывалъ дѣла; его сплошныя, не широкія, но длинныя колонны шли впередъ и ломили всѣ преграды, не останавливаясь на пути. Знатокъ дѣла итальянскій тактикъ такъ характеризуетъ стратегическія способности перуджіанскаго генерала, превосходившаго современниковъ и своимъ талантомъ и своимъ счастьемъ:

„Браччіо первый ввелъ въ Италіи употребленіе боевыхъ колоннъ. Устроеніемъ резервовъ онъ сдѣлалъ важный шагъ въ военномъ искусствѣ; въ этомъ смыслѣ онъ положилъ прочное основаніе дальнѣйшему развитію тактики. Искусное введеніе резерва въ моментъ самаго разгара битвы окончательно рѣшало побѣду, конечно, если кто двигалъ имъ съ толкомъ. Браччіо постоянно примѣнялъ эту теорію, сообразуясь съ мѣстностью и обстоятельствами. По словамъ біографа (Cam-

panus), онъ не сражался по старинному, двумя массами (corna), а ввелъ съ большимъ успѣхомъ новый пріемъ въ сраженіяхъ, родъ битвы, которому впослѣдствіи подражали всѣ прочіе полководцы, — онъ строилъ своихъ солдатъ въ отдѣльныя колонны (батальоны). Каждую колонну онъ поручалъ особому капитану. Обыкновенно колонна шла за колонною. Часто только одна передовая, врѣзавшись въ непріятельскій фронтъ, нѣсколько поддерживаемая по сторонамъ кавалеріею, рѣшала бой однимъ разомъ" [1].

Какъ бо́льшая часть кондотьеровъ, Браччіо заботился главнымъ образомъ о пріобрѣтеніи земель и замковъ. Можно догадываться, что ему очень хотѣлось составить самостоятельное княжество въ Тосканѣ. Смерть Владислава, освободившая города Романьи и Тосканы, освободила между прочимъ и Перуджію, которой однако трудно было надѣяться на свободу и внутреннее самоуправленіе въ виду честолюбія и мстительности изгнанника. Браччіо, своими побѣдами сильно возвысившійся въ послѣднее время, не могъ отказаться отъ желанія утвердиться въ родномъ городѣ. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ къ себѣ Тарталлію, у котораго было 600 всадниковъ. Быстро переправившись черезъ Аппенины, онъ подступилъ къ Перуджіи въ то время, когда его тамъ ожидали менѣе всего. Уже пикеты его перешли черезъ тибрскій мостъ, уже они расположились у воротъ города, а жители не вѣрили, чтобы Браччіо могъ поспѣть такъ скоро. Однако они успѣли приготовиться къ оборонѣ. Первыя нападенія непріятеля были отражены. Но скоро Браччіо овладѣлъ однимъ изъ предмѣстьевъ господствующихъ надъ городомъ, и оттуда сталъ сыпать тучи стрѣлъ и мортирныхъ камней на Перуджію. Но и это не поколебало стойкій народъ. Не надѣясь болѣе на свои средства, перуджіанцы послали депутацію просить помощи флорентійцевъ, но тѣ отказали имъ, не желая ссориться съ Браччіо, содѣйствіе котораго было для нихъ всегда важно на будущее время. Между тѣмъ окрестности Перуджіи наемники жгли и раззоряли. Браччіо удачно достигъ обладанія замками, составлявшими для него цѣль экспедиціи. Уже 120 замковъ и 80 деревень признавали его власть.

---

[1] Canestrini, § 31. (Статья составленная по Ricotti, — Storia delle compagnie di ventura in Italia, — помѣщена въ Archivio storico italiano, t. XV, nuova ser. Fir. 1851).

Кромѣ Паоло Орсино, который и погибъ въ этой войнѣ, на сторонѣ Перуджіи были извѣстнѣйшіе капитаны, какъ Карлъ Малатеста и Анджело делла-Пергола, У нихъ вмѣстѣ было около 4000 кавалеріи. Съ такими силами они столкнулись съ Браччіо, который смѣлымъ обходомъ отрѣзалъ ихъ отъ соединенія съ отрядомъ Орсино, оставшимся слѣдовательно у него въ тылу. Битва произошла на берегахъ Тибра, недалеко отъ Ассизи (7 іюля 1416 года). Силы были равныя; одинаково опытные капитаны и одинаково храбрые солдаты готовились превзойти другъ друга. Своею кавалеріею Браччіо однимъ мигомъ охватилъ съ фланговъ разстроенные ряды непріятелей; съ фронта подоспѣла пѣхота. Малатеста былъ притѣсненъ къ рѣкѣ; только Пергола ускользнулъ изъ этой широкой цѣпи и прорвался съ 4000 человѣкъ. Малатестѣ оставалось выбирать одно изъ двухъ,—или сдаться или тонуть; черезъ глубокую и широкую рѣку переправиться было нельзя; къ тому же тогда плѣнъ не страшилъ никого. На тогдашнія битвы надо смотрѣть, какъ на шахматную игру въ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала битвы, интересная картина представилась бы наблюдателю. Вся непріятельская кавалерія, покорно стоявшая у берега въ самомъ критическомъ положеніи, просила пощады; безпрекословно сдалась она вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ (1). Такъ было плѣнено 3000 человѣкъ. Слава Малатесты, нѣкогда страшнаго кондотьера, считавшагося достойнымъ покровителемъ нѣсколькихъ тіаристовъ, затмилась навсегда; онъ заплатилъ 60 тысячъ золотыхъ флориновъ (aureorum) чтобы откупиться отъ плѣна,—сумма громадная (350 тыс. рублей на наши деньги). Между тѣмъ слава Браччіо упрочилась; его военному искусству стали подражать, его бойкой находчивости удивляются современные воители. Перуджія не могла и думать продолжать борьбу съ побѣдоноснымъ противникомъ. Она готова была покориться ему и отворить свои ворота. Браччіо достигнулъ своей завѣтной цѣли; онъ провозглашался синьоромъ своего роднаго города. Изгнанникъ, онъ являлся теперь государемъ изгнавшихъ его. Вотъ какого рода трактатъ онъ заключилъ съ перужіанцами, на дѣлѣ утрачивавшими всякую государственную самобытность.

(1) **Cribellus** (De vita Sfortiae ducis; Muratori, XIX) 672. — **Campanus** (Brachii Perusini vita Mur. XIX, 519 et sqq).—**Bonincontrius**, 111.

Мы передадимъ его цѣликомъ, такъ какъ онъ даетъ понятіе и о политическомъ значеніи наемниковъ, и объ отношеніи тогдашнихъ синьоровъ къ своимъ городамъ.

„Народъ перуджіанскій сдаетъ Браччіо свои поля, дороги, храмы, воды и самого себя (se ipsum). Граждане должны повиноваться ему и называть его своимъ господиномъ. По дѣламъ города они относятся къ нему безпрекословно, обязуясь съ своей стороны ни созывать совѣтовъ, ни устраивать никакихъ сходокъ безъ его разрѣшенія. Кто отнынѣ не повинуется ему, считается бунтовщикомъ и всякій можетъ безнаказанно убить такого. Однако изгнанникамъ, которые возвратились или имѣютъ возвратиться, дозволяется безъ запрета жить подъ своею кровлею. Во всемъ да будетъ миръ между гражданами и имъ, Браччіо. Кто осмѣлится возбуждать возстаніе, будетъ повѣшенъ (mala cruce) или казненъ какимъ либо другимъ образомъ. Но при этомъ синьоръ не касается общественныхъ доходовъ, никогда не обращаетъ ихъ въ свою пользу. Впрочемъ Браччіо и замѣщаетъ и выбираетъ всѣхъ городскихъ властей, кромѣ квестора и претора, избраніе которыхъ предоставляется народу. Онъ имѣетъ право голоса во всѣхъ случаяхъ; на его имя подается аппеляція даже по важнѣйшимъ дѣламъ и всякій, кто сопротивляется ей, уже тѣмъ самымъ обличаетъ свою неправоту. Синьоръ не будетъ никого изгонять изъ государства противъ воли народной (invito populo).... Лица, избранныя народомъ, обязаны исполнять все, что ни повелятъ имъ избиратели и повинуются только имъ. Синьоръ не имѣетъ права осуждать децемвировъ; онъ обязуется, напротивъ, исполнять всѣ декреты правителей. Онъ не уничтожаетъ произвольно тѣхъ учрежденій, которыя постановлены народомъ“ (1).

Этотъ договоръ, написанный испорченною латынью, сколокъ со всѣхъ договоровъ, какіе для вида заключали синьоры съ своими будущими подданными; ими побѣдители нѣсколько освящали свое узурпаторство. Замѣчательно, что военные тираны относились гораздо мягче къ побѣжденнымъ и часто, — какъ напр. тотъ же Браччіо, тотъ же Сфорца,— аккуратно исполняли условія трактатовъ. Они знали, что только тѣмъ можетъ удержаться ихъ случайная власть. Не то надо сказать про гражданскихъ тирановъ, въ родѣ Ви-

(1) Campanus. Brachii Perusini vita. Muratori; XIX, 537, 538.

сконти или многихъ ихъ послѣдователей, наводнявшихъ Ломбардію; тѣ, черезъ какой нибудь годъ, дѣлали изъ республиканской общины абсолютную монархію. Можно угадать, что не такого крайняго характера были намѣренія Браччіо, когда онъ, во главѣ молодыхъ перуджіанскихъ эмигрантовъ и своей побѣдоносной арміи, вступалъ въ покоренный городъ.

Браччіо могъ быть совершенно доволенъ въ эту минуту. Не одна перуджіанская территорія подчинялась ему. Послѣ тибрской битвы страхъ его имени прошелъ далеко. Сполета и Норчіа платили ему дань. Цѣлая Умбрія признавала его власть. Браччіо сильнѣе Сфорцы казался и для современниковъ, когда, не удовлетворенный своими побѣдами, бросился на новые подвиги и, желая упрочить свое политическое вліяніе въ дѣлахъ полуострова, началъ съ самаго виднаго пункта, съ Рима. Тамъ, во время кризиса англо-французской борьбы и засѣданій Костницкаго собора, не существовало почти никакого правительства; папы не было, по крайней мѣрѣ какъ власти. Всякому гражданину открывалось обширное поле для внутренней государственной дѣятельности, всякому полководцу просторъ для политическаго преобладанія. Браччіо, пользуясь случаемъ. и здѣсь задумалъ получить если не синьорство,—такъ какъ рано или поздно папа долженъ былъ занять свою столицу,—то хотя богатства, которыя очень удобно можно было добыть при такомъ случаѣ. Кардиналъ Джакопо Изолани, засѣвъ въ замкѣ св. Ангела, допустилъ Браччіо занять городъ и провозгласить себя временнымъ правителемъ на томъ пепелищѣ, гдѣ нѣкогда дѣйствовалъ Ріенци. Онъ оффиціально назвался защитникомъ Рима (іюнь 1417 года). Какъ легко было пріобрѣсть тріумфъ, такъ трудно было удержать за собою его результаты. Сфорца, поддерживаемый еще нѣсколькими капитанами, именемъ королевы неаполитанской шелъ освобождать Римъ отъ узурпатора. Напрасно говорить, что въ груди его кипѣла сильная злоба на Браччіо, который такъ недружелюбно обошелся съ нимъ, пользуясь его заточеніемъ.

Аттендоло Сфорца въ Римѣ въ 1447 г.

Какъ только Браччіо услыхалъ, что Сфорца приближается, то добровольно оставилъ Римъ и возвратился въ свою Перуджію, не желая вступать въ сраженіе съ Аттендоло, которое было и рискованно и во всякомъ случаѣ безполезно. Онъ хотѣлъ торжественно заявить, что не имѣетъ дерзкаго

честолюбія владѣть столь великимъ и славнымъ городомъ, и что если онъ занялъ Римъ, то съ цѣлью только устранить безпорядки, которые легко могутъ произойти въ анархической странѣ. Въ Перуджіи же онъ всегда могъ быть самовластнымъ повелителемъ; этотъ городъ легко могъ допустить узурпаторство и даже самовластіе такого славнаго солдата, — „leale e valente“, какъ толковали о немъ. Прибавимъ, что кромѣ Перуджіи ему подчинялось семь городовъ и множество окрестныхъ мѣстечекъ и замковъ. Однако его воины не могли утерпѣть, чтобы не попытать счастья съ сфорческами; мелкія банды схватывались, но обстоятельства всегда были таковы, что сфорчески побѣждали (¹). Между тѣмъ солдаты обѣихъ сторонъ дружно поживлялись на счетъ третьей; они жестово грабили и безъ того небогатую область и отъ такихъ насилій не могла удержать ихъ никакая дисциплина. Окрестности Рима и земли Романьи были положительно раззорены. Жители прятались въ укрѣпленныя мѣстности. Аттендоло, занявши Римъ, учредилъ новое правительство; въ этомъ ему содѣйствовалъ кардиналъ Изолани, прежде такъ сопротивлявшійся Браччіо. Съ этого времени Сфорца утвердился въ Римѣ именемъ королевы Іоанны II. Когда же онъ слѣдующею весною (1418 г.) уѣхалъ въ Неаполь, то городъ продолжалъ считать Іоанну своею покровительницею, а Сфорцу ея намѣстникомъ. Если бы дѣло обошлось безъ интригъ, то такое высокое положеніе неаполитанской короны, издавна оказывавшей покровительство Риму,—право весьма важное на глаза современниковъ,—могло бы возбудить серьезную оппозицію западныхъ государей. Но призрачное господство Неаполя продолжалось не долго, по его же винѣ. Сфорцы опасались при дворѣ неаполитанскомъ. Караччіоло и ревновалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ очень побаивался его возвышенія.

Скоро королева, желая заручиться поддержкою Мартина V, приказала Сфорцѣ очистить Римъ и сдать его папѣ. Мало того; королева все выискивала случаевъ угодить папѣ. По наслѣдству она продолжала именоваться въ титулѣ римскою королевою (regina Romae), а на дѣлѣ уступала Мартину всѣ завоеванія Владислава въ Церковной области; изъ нѣкоторыхъ городовъ она составила отдѣльныя княжества, кото-

(¹) Paolo Giovio. La vita di Sforza, che fu padre del conte Francesco; p. 64.

рыя и раздавала папскимъ родственникамъ въ независимые лены [1]. Всѣ главные пункты теперь же сдавались Мартину черезъ посредство Джьордано Колонна, считавшагося папскимъ довѣреннымъ. Со стороны королевы уполномоченнымъ былъ посланъ самъ Караччіоло, въ этотъ моментъ (январь 1419 г.) по видимому лишившійся своего прежняго могущества. Караччіоло, сдавши городъ папскимъ коммиссарамъ, поѣхалъ на личное свиданіе съ Мартиномъ V, который остановился и зажился во Флоренціи. Здѣсь было рѣшено наконецъ коронованіе Іоанны II, на которое, какъ видимъ, папа согласился только тогда, когда достигъ всего, чего только можно было достичь отъ неаполитанскаго правительства. Обрядъ коронаціи совершился 18 октября 1419 года. Спокойствіе было кратковременно. Скоро, вслѣдствіе пагубнаго вліянія фаворита, папа открыто поссорился съ Іоанною II и сманилъ на свою сторону Браччіо и Аттендоло. Мартинъ V вооружилъ противъ королевы недовольную анжуйскую партію, оказалъ ей всевозможныя пособія для поддержанія внутренней междоусобной распри и въ то же время пригласилъ 15-лѣтняго Луи III Анжу явиться въ Италію воевать съ его благословленія неаполитанскую корону.

Коалиція противъ Іоанны II.

Оппозиціонный союзъ составился изъ четырехъ могущественныхъ членовъ, — Луи III, Мартина V, Браччіо и Аттендоло. Каждый изъ нихъ приступилъ къ дѣлу въ одно время, съ одними намѣреніями, но съ разными пріемами. Въ этихъ пріемахъ удачно обрисовался характеръ каждаго изъ нихъ. Луи III, быстро согласившійся на союзъ, тотчасъ же отправилъ во Флоренцію пословъ для переговоровъ, тотчасъ же началъ готовиться къ походу и съ неудержимымъ увлеченіемъ летѣлъ за приключеніями въ страну, которая фатально губила и его отца, и его дѣда. Онъ пренебрегалъ и своими обязанностями къ дофину и несчастнымъ положеніемъ Франціи, которая готовилась подчиниться англійскимъ коро-

---

[1] Напрасно Giannone (III, 242) пытается перетолковать простой и ясный смыслъ «Regina Romae», принимая букву *a* вмѣсто *o*. Для него Rama часть Далмаціи, входившей тогда въ предѣлы Венгріи, а слѣдовательно и въ титулъ неаполитанскихъ государей. Все натянутое объясненіе не имѣетъ ни цѣли, ни смысла. Не было ничего предосудительнаго для средневѣковаго времени хранить титулъ, когда утерялось право на владѣніе.

лямъ, достигнувшимъ короткаго торжества послѣ долгой сопернической войны. Англичане давали въ Парижѣ законы странѣ, а ближайшій принцъ крови не только не думалъ оказать содѣйствіе, но даже рѣшился отнять у родины чуть не послѣднія средства къ оборонѣ. Онъ уводилъ за собою цвѣтъ французскаго рыцарства, искавшаго добычи и славы, увлекалъ лучшія силы французскаго наемничества. Такою отвагою онъ составлялъ полный контрастъ своему покровителю Мартину V, который въ душѣ имѣлъ враждебные замыслы противъ трона королевы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ совершалъ надъ нею обрядъ корнованія. За то поведеніе Сфорцы были искреннее; оно даже отличалось рыцарскимъ характеромъ. Уже стоило большихъ трудовъ одно то, чтобы уговорить его измѣнить Іоаннѣ и поднять на нее оружіе. Когда же чувство обиды и мщенія одержало верхъ, то онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ извѣстить королеву и, прощаясь съ ней навсегда, какъ другъ и государственный дѣятель, хотѣлъ возвратить ей все то, что имѣлъ отъ нея въ пору своего вліянія. Говорятъ, что когда во главѣ своей арміи онъ направился на Неаполь, то не прежде открылъ военныя дѣйствія, какъ вручивъ королевѣ знаки своего конетабльскаго достоинства, которое онъ покидалъ теперь такъ торжественно.

Если вѣрить Джьанноне, то Іоанна II, видя безвыходное положеніе королевства, призвала на помощь государственные чины и обратилась къ нимъ за совѣтомъ ([1]). Послѣ долгихъ преній ей предложили отправить довѣренное лицо къ папѣ, все еще жившему во Флоренціи и попытаться убѣдить св. отца отказаться отъ лиги, а если это не удастся, то просить содѣйствія герцога миланскаго и венеціанской республики. Королева согласилась и выбрала въ послы человѣка опытнаго, — проницательнѣйшаго и хитраго дипломата Антонію Караффу, который имѣлъ полное основаніе, не хвастая, сказать, что можетъ всегда обманывать, но никогда не обманывается ([2]).

([1]) Giannone. Istoria civile del regno di Napoli; III, 245.

([2]) Muratori,—Annali (XIII, 58) называетъ Караффу «uomo accortissimo».—Sismondi (VI, 200), слѣдуя его примѣру,—«esprit délié et dissimulé».—Giannone (III, 246) просто благоразумнымъ человѣкомъ, «prudenza di molto stima».

Мы болѣе однако вѣримъ указаніямъ современниковъ, приписывающихъ иниціативу переговоровъ папѣ, который, надѣясь на преданность союзниковъ, и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ затѣвать рискованной борьбы, не прочь былъ бы выговорить для себя хорошія условія [1]. Какъ бы то ни было, но Мартинъ V допустилъ переговоры и былъ очень внимателенъ къ посланнику королевы, хотя съ другой стороны можно объяснить это понятнымъ желаніемъ выиграть время до прибытія галеръ Луи. Такъ какъ папа не склоненъ былъ на уступки, то дѣло должно было кончиться ничѣмъ. Караффа продолжалъ убѣждать его святѣйшество „бросить снисходительный взоръ на неизмѣнную покорность такой вѣрной овцы, какъ его неаполитанскій ленъ и не поднимать оружія на него, не допуская до того другихъ". На все это папа продолжалъ толковать посланнику, что интересы Церкви нарушены оскорбленіемъ и удаленіемъ такихъ преданныхъ коронѣ лицъ, какъ его родственники или Сфорца. Изъ этого Караффа заключилъ, что папа приметъ совсѣмъ иной тонъ, если прибудетъ изъ Франціи его креатура.

Замыселъ Караффы.

Посланникъ королевы сошелся въ это время съ однимъ испанцемъ, представителемъ короля аррагоно-сицилійскаго Альфонса при папскомъ дворѣ. Это былъ валенсійскій дворянинъ донъ Гарсія Каванилья, человѣкъ предпріимчивый и дипломатъ довольно искусный, проживавшій во Флоренціи нарочно для переговоровъ съ Мартиномъ V. Однако Каванилья не рѣшился первый говорить за своего государя или тѣмъ болѣе предложить его услуги Джіованнѣ. Караффа же былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе его. Онъ очень удачно сообразилъ государственную комбинацію, на которую рѣшался самовольно, съ удивительною смѣлостью, безъ всякихъ полномочій, но которой тѣмъ не менѣе суждено было осуществиться и сдѣлаться причиною важныхъ политическихъ переворотовъ въ Европѣ. Караффа сказалъ, что молодой Альфонсъ, государь отважный, умный, ученый, могъ бы быть достойнымъ

---

[1] «Martinus Pontifex, ut erat mitis, et pius, nihil subesse fraudis ratus, cum et mulieris levitatem, et consulentium fraudes prius reprehendisset, cordi tamen sibi ejus salutem, et Regni quietem fore respondit, velleque se, si Regina acquevisset, omnem eam controversiam honestis conditionibus componet» (Crib. 704). См. также Sismondi; VI, 200 etc.

сыномъ его бездѣтной королевы, которая теперь властна располагать неаполитанскимъ престоломъ, какъ собственностью, и которая теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, нуждается въ защитникѣ въ виду своихъ многочисленныхъ враговъ. Понятно, что донъ Гарсія пришелъ въ восторгъ отъ такого неожиданнаго предложенія; онъ понималъ, что его государю представляется случай прибавить къ своей Аррагоніи, Сициліи, Сардиніи еще такое роскошное пріобрѣтеніе, какъ Неаполь, что Альфонсу предстоитъ со временемъ сдѣлаться могущественнѣйшимъ изъ монарховъ европейскихъ.... Дипломаты были основательно увѣрены, что ихъ повелителямъ не будетъ причины сердиться на ихъ находчивость и искусство. Караффа забылъ и Миланъ и Венецію, а слѣдуя совѣтамъ Кавакилья, отправился къ Альфонсу. Такъ какъ экспромтомъ бросить Флоренцію было не совсѣмъ удобно, то Караффа пустилъ слухъ, что возвращается въ Неаполь послѣ своего неудачнаго ходатайства передъ папою ([1]). Между тѣмъ, доѣхавъ до Піомбино, онъ сѣлъ вмѣстѣ съ Кавакилья на купеческое судно и пустился въ море искать счастья своей королевѣ....

Въ этотъ моментъ на сцену итальянской исторіи выступаетъ Пиринейскій полуостровъ съ типичнымъ характеромъ своего населенія. Первый шагъ выпалъ на долю симпатичнѣйшаго изъ монарховъ, лучшаго представителя вѣка въ его духовномъ смыслѣ. Нельзя не согласиться съ тою мыслью, что этотъ же моментъ послужилъ исходною точкою будущихъ политическихъ треволненій, неразлучныхъ съ понятіемъ о XVI столѣтіи, съ понятіемъ о міровомъ абсолютизмѣ Габсбургскаго дома. Какъ Іоанна I приглашеніемъ Луи анжуйскаго послужила невольною причиною знаменитыхъ французско-итальянскихъ войнъ, — такъ Іоанна II приглашеніемъ Альфонса аррагонскаго положила основной камень въ фундаментъ будущаго громаднаго могущества габсбурговъ. Слѣдовательно корень событій того и другаго порядка, событій, озарившихъ своимъ яркимъ свѣтомъ все XVI столѣтіе, кроется въ судьбахъ неаполитанскаго королевства и временемъ зарожденія этихъ явленій можно принять переходные годы отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Связь съ новой исторіей.

([1]) Bonincontrius; XXI, 122.

Аррагонія и Сицилія въ XIV и въ началѣ XV вѣка.

Въ то время, когда аррагонской коронѣ предстояло сплотиться съ неаполитанскою, ея положеніе было очень представительно снаружи, хотя не совсѣмъ обезпечено внутри,— что довольно часто случалось на Пиринейскомъ полуостровѣ. Четыре христіанскія державы, на которыя распалась сѣверная часть полуострова,—Наварра, Португалія, Кастилія, Аррагонія,—продолжали во всю среднюю исторію вести отдѣльную и самостоятельную политическую жизнь, развивавшуюся подъ вліяніемъ борьбы съ арабами. Наварра постоянно находилась въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Франціею и часто судьбы обоихъ государствъ сливаются вмѣстѣ; на ней потому не лежитъ чистаго отпечатка испанской крови. Португалія, несмотря на даровитость своихъ „побочныхъ бургундцевъ", въ XIV и XV столѣтіяхъ не играла особой роли. Что касается до Кастиліи и Аррагоніи, съ принадлежавшими къ послѣдней Каталоніею и Валенсіею, то оба эти государства, различаясь географическимъ положеніемъ, тѣсно сближались въ гражданской и политической жизни,—и потому могли образовать впослѣдствіи одно цѣлое безъ всякой насильственной ломки, если пренебречь такимъ частнымъ явленіемъ, какъ личною борьбою родовитыхъ грандовъ той и другой страны.

Мартинъ старшій († 1409).

За десять лѣтъ до тѣхъ сценъ, которыя готовились совершиться въ Неаполѣ, именно въ 1409 году, въ Аррагоніи смертью Мартина Старшаго прекратилась старая барселонская династія, господствовавшая еще съ 1137 года. Надо замѣтить, что барселонцы обогатили аррагонскій престолъ двумя пріобрѣтеніями. Когда донъ Петро III, король аррагоно-сицилійскій, по завѣщанію далъ только что пріобрѣтенной имъ Сициліи (1282 г.) особую династію, добровольно выдѣливъ островъ изъ своей короны (II, 490, 529), то его сынъ Іаковъ II, король аррагонскій, вознаградилъ себя покореніемъ Сардиніи, принадлежавшей до того времени пизанцамъ (до 1325 года). Этимъ пріобрѣтеніемъ Аррагонія была поставлена во враждебныя отношенія къ генуэзской республикѣ, владѣтельницѣ Корсики; потому то короли аррагонскіе, побуждаемые изъ стратегическихъ видовъ непреодолимымъ желаніемъ овладѣть сосѣднимъ островомъ, должны были вступить такимъ образомъ въ невольное и весьма естественное столкновеніе съ Италіею.

Но Сардиніею и хотя даже Корсикою не могли ограничиться намѣренія сарагосскаго кабинета; Сицилія, уже разъ подчинившись аррагонцамъ, не могла и впредь миновать ихъ рукъ. Родственныя отношенія являются въ такихъ случаяхъ лучшимъ средствомъ. Мартинъ старшій, послѣдній барселонецъ, успѣлъ обвѣнчать своего сына Мартина младшаго на послѣдней представительницѣ сицилійской династіи—Маріи. Островомъ страшно раздираемымъ и междоусобіями и хищными феодалами, управлять въ то время было чрезвычайно трудно, даже положительно невозможно. Достаточно того, что супруги должны были 12 лѣтъ жить въ Аррагоніи, чтобы не погибнуть среди этой кровавой анархіи. Когда Марія вскорѣ по пріѣздѣ на островъ умерла, то Мартинъ остался единодержавнымъ королемъ. Онъ женился на Бланкѣ наваррской, думая оставить потомство и тѣмъ продлить самостоятельное бытіе Сициліи. Но онъ умеръ бездѣтнымъ, поручивъ въ завѣщаніи своей женѣ управлять государствомъ до дальнѣйшаго распоряженія его отца, короля аррагонскаго (1409 г.). Мартинъ Старшій теперь положительно убѣдился, что престолъ сицилійскій въ его рукахъ и потому, прикрываясь законностью, смѣло могъ оставить за своею невѣсткою пожизненное обладаніе островомъ. Но ему не суждено было надѣть на свою голову вѣнецъ сицилійскій. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ умеръ и 1410 годъ застаетъ Аррагонію, Каталонію, Валенсію, Сицилію, Сардинію въ страшномъ волненіи.

Совѣтъ ученыхъ.

Теперь аррагонцамъ надо было выбирать себѣ новаго короля, которому предстояло вмѣстѣ съ тѣмъ получить и сицилійскій престолъ. На такое богатое наслѣдство явилось три претендента; между прочимъ предъявлялъ свои права вѣчный претендентъ Луи III анжуйскій. Пользуясь обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ броженіемъ, сословія начали отчаянную междоусобную рѣзню; распри залили кровью аррагонскія земли. Врядъ ли бы чѣмъ кончилось дѣло, если бы кортесы не придумали слѣдующую, очень дѣйствительную мѣру. Въ Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи было выбрано по три ученѣйшихъ представителя изъ духовенства каждой страны. Такимъ образомъ составился совѣтъ девяти ученыхъ; всѣ они принадлежали къ числу лучшихъ знатоковъ отечественнаго, римскаго и каноническаго правъ,

и, безъ сомнѣнія, никому лучше нельзя было ввѣрить рѣшеніе такого важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ запутаннаго государственнаго дѣла.

Фердинандъ III, король Аррагоніи (1412-1416 г.) и подчиненіе Сициліи аррагонской коронѣ.

Ученые съѣхались въ городкѣ Каспе на рѣкѣ Эбро; туда же всѣ три претендента прислали своихъ уполномоченныхъ. Послѣ мѣсячнаго разбирательства правъ каждаго кандидата, сдѣлана была 28 іюня 1412 года окончательная балотировка. Шесть голосовъ оказалось за Фердинанда, инфанта и регента кастильскаго, внука извѣстнаго Генриха Трастамаре. Фердинандъ, за малолѣтствомъ своего племянника управлявшій Кастиліею, принадлежалъ къ числу даровитыхъ правителей. Въ немъ было много того такта, какой былъ особенно необходимъ въ сношеніяхъ съ такимъ бурливымъ народомъ, съ такими гордыми грандами, какими были кастильцы и ихъ рыцари. Онъ умѣлъ поладить и пріобрѣсти рѣдкую популярность въ Кастиліи, управляя ею за неспособнаго Іоанна II. Принимая приглашеніе избирателей и вступая на аррагонскую землю, новый король Аррагоніи вносилъ на нее тотъ же духъ умѣренности, то же искусство, хотя нельзя было не предвидѣть, что здѣсь ему придется выдержать много непріятныхъ столкновеній съ учрежденіями болѣе свободными. Дѣйствительно дворянство, подъ конецъ его четырехгодичнаго правленія, встало къ нему во враждебныя отношенія, хотя не рѣшалось приступать къ рискованной борьбѣ. Фердинандъ III сдѣлался впрочемъ достаточно сильнымъ вслѣдствіе пріобрѣтенія Сициліи. Тамъ, съ самой смерти Мартина Старшаго, Бланка продолжала бороться съ непереставшими революціями. Одинъ изъ знатныхъ бароновъ, нѣкто Карпера, имѣвшій титулъ верховнаго судьи, вздумалъ даже объявить себя королемъ острова. Честолюбивый старикъ сталъ не шутя добиваться руки молодой и красивой Бланки; конечно та съ презрѣніемъ отвергла его предложенія. Карпера взялся за оружіе, началъ войну съ правительницею, но безуспѣшно старался захватить ее въ свои руки, употребляя то хитрость, то силу. Онъ былъ такъ несчастливъ, что послѣ формальной войны самъ попался въ плѣнъ къ Бланкѣ, которая поспѣшила выдать его Фердинанду королю аррагонскому. Тогда послѣдній не замедлилъ украсить Сициліею свой королевскій титулъ. Впрочемъ Фердинандъ не сталъ лично управлять островомъ, а

оставилъ Бланку своею намѣстницею, снабдивъ ее довѣреннымъ совѣтникомъ. Сицилія лишилась такимъ образомъ своей самостоятельности; она уже была не отдѣльное цѣлое, а скорѣе часть аррагонскаго государства; ею начинаютъ управлять намѣстники, называемые обыкновенно вицероями, вицекоролями. Когда Альфонсъ, послѣ долгой борьбы, утвердился наконецъ на неаполитанскомъ престолѣ, то Сицилія примкнула къ родному итальянскому материку и составила съ нимъ по прежнему нераздѣльное цѣлое.

Альфонсъ V Мудрый (1384-1458 г.), король Аррагоніи и Неаполя (съ 1418 г.).

Личность Альфонса Мудраго (el Sabio), безъ сомнѣнія, самая блестящая между всѣми государями XV вѣка. Альфонсъ представляетъ рѣдкое явленіе въ ряду монарховъ уже однимъ тѣмъ, что необыкновенно гармонично совмѣщалъ въ себѣ военныя и гражданскія достоинства государственнаго дѣятеля съ гуманными и просвѣщенными стремленіями гражданина. Великодушный государь былъ царственнымъ меценатомъ той эпохи, которой обязано современное человѣчество своимъ развитіемъ, своимъ пробужденіемъ къ новой жизни. Онъ не только способствовалъ зависящими отъ него средствами, поступательному движенію мысли и знанія, но и самъ вдался въ эту обаятельную жизнь. Всесторонне образованный мыслитель, онъ счастливо соединялъ съ богатымъ духовнымъ развитіемъ и доброе сердце и поэтическую восторженность. Это Фридрихъ II гогенштауфенъ безъ его рыцарскихъ аттрибутовъ. Изъ современниковъ не только его присяжные поклонники, какъ Бекателли и Фачіо, но даже писатели безпристрастные, какъ генуезецъ Брачелли и сициліецъ Фазелло, наполняютъ цѣлые десятки страницъ восторженнымъ описаніемъ его гражданскихъ подвиговъ, его государственной и практической мудрости, его правосудія, его религіозности, его образованности, мягкости его характера ([1]). Благодѣяніями онъ старался

([1]) Сочиненія Бекателли или Antonius Panormita. De dictis et factis Alphonsi, libri IV, cum respondentibus principium illius aetatis, ab Aeneo Silvio collectis et scoliis Jacobi Spiegelii, Vitt. 1585; 19—20 и Фачіо. (De rebus gestis ab Alphonso libri X, Lugd. 1560) написаны въ духѣ рѣшительнаго восхваленія; однако это нисколько не препятствуетъ намъ принять за истину большую часть ими сказаннаго; строгая провѣрка источниковъ другой партіи не даетъ повода для отрицательнаго отношенія къ личности Альфонса Мудраго. — Для исторіи тогдашней Испаніи см. Çurita, Blancas, Mariana и другія пособія, цитованныя у насъ выше, на стр. 520.

смягчать своихъ враговъ, говоритъ про него Фазелло, а ихъ было такъ много у Альфонса, что онъ рисковалъ обѣщать многое тамъ, гдѣ не было средствъ привести обѣщанное въ исполненіе. „Онъ прощалъ даже тѣхъ изъ своихъ заклятыхъ ненавистниковъ, которые употребляли всѣ мѣры, чтобы сгубить его. Правосудіе было для него святое дѣло; весь отдаваясь ему, онъ полагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы своихъ министровъ заставить подчиняться тому же чувству. Когда перечитываешь его письма и суровые наказы президентамъ сицилійскихъ судовъ, то видишь передъ собою живаго Альфонса (1)". При разнообразныхъ качествахъ ума и дѣятельности этого философа—короля и человѣка, въ немъ не было только одного,—военнаго героизма. Испанецъ родомъ, посвятивъ себя на служеніе Италіи изъ возвышенной любви къ ея духовнымъ богатствамъ, онъ — изъ желанія обладать ими — вступилъ въ борьбу съ коалиціею государствъ, борьбу, во всякомъ случаѣ тяжкую и не безопасную. Терпѣливо вынося неудачи, стоически выдерживая характеръ, онъ несмотря на все достигнулъ своей завѣтной цѣли,—обладанія неаполитанскою короною и неразлучнаго съ нею политическаго вліянія на весь полуостровъ,—цѣли, удовлетворявшей главнымъ образомъ его духовное честолюбіе, взлелѣянное идеальнымъ обожаніемъ Италіи. Онъ, не задумываясь, промѣнялъ на нее родину, выдѣлилъ пиринейскія земли изъ своего громаднаго государства, и завѣщалъ своему любимому сыну только одну Италію.

Вступивъ на престолъ аррагонскій въ очень молодые годы, Альфонсъ уже успѣлъ выказать свой правительственный талантъ умѣренностью и сдержанностью, какъ во время церковныхъ раздоровъ и костницкаго собора, такъ и по отношенію къ аррагонскимъ и каталонскимъ грандамъ, злоупотреблявшимъ своими привилегіями. Въ послѣднемъ случаѣ онъ

---

(1) Tomaso Fazello. Dell'historia di Sicilia (Ven. 1514); 870.—Этотъ безпристрастный монахъ такъ начинаетъ свою характеристику Альфонса. «Alphonso ne'primi anni della sua gioventù dette saggio di quanta grandezza d'animo, e ingegno doveva essere; imperoche, in sin allhora si vedeva rilucer in lui una gran prudenza con tutte l'altre doti dell'animo era vivace d'ingegno, accompagnato da tanta grandezza d'animo, che pareva veramente nato per governo tutte le cose humanè, ma sopra sutte l'altre a reggere state, si illustre per molte virtù (869)».

слѣдовалъ примѣру своего отца Фердинанда III. Зная характеръ рыцарственнаго народа, молодой Альфонсъ, обвѣнчавшись на своей двоюродной сестрѣ Маріи кастильской, предоставилъ ей взять на себя всѣ сношенія и сдѣлки съ гордыми дворянами и горожанами Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи. Онъ зналъ, что въ странѣ каталонской пѣсни, этой „gaya ciençia" тогдашнихъ испанцевъ, почтеніе къ женщинѣ могло сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ всякое оружіе, чѣмъ страхъ зыбкаго королевскаго авторитета. Каталонцы же первые и начали волненія. Лишь только Альфонсъ вступилъ на престолъ и поселился по обычаю предшественниковъ со всѣмъ дворомъ въ Валенсіи, какъ къ нему явилась депутація отъ каталонскихъ сословій, протестовавшихъ на лихоимство и пристрастную раздачу должностей. Этотъ протестъ послужилъ сигналомъ для Аррагоніи и Валенсіи. Обѣ страны такимъ же порядкомъ снарядили своихъ депутатовъ и поручили имъ нести такую же жалобу. Королю было представлено общее требованіе отъ трехъ столицъ,—Саррагосы, Барселоны и Валенсіи, — удалить изъ администраціи и отъ двора всѣхъ кастильцевъ и дать полный перевѣсъ національному элементу. Альфонсъ не намѣренъ былъ уступать не потому, чтобы не раздѣлялъ желанія и убѣжденій своихъ народовъ, но потому, что не могъ допустить назойливаго отношенія грандовъ и вообще насильственнаго образа дѣйствій со стороны подданныхъ. Онъ не далъ аудіенціи депутатамъ и велѣлъ передать имъ, что устроилъ свой дворъ по образцу прежнихъ королей; если же теперь его окружаютъ кастильцы, то они преданнѣйшіе и вѣрнѣйшіе его слуги, отказывать которымъ потому онъ не имѣетъ причинъ, да и не хочетъ. Отвѣтъ оканчивался тѣмъ, что король вообще не намѣренъ допускать вмѣшательства сословій въ дѣла постороннія для нихъ, что онъ не намѣренъ также слѣдовать никакимъ непрошеннымъ совѣтамъ а будетъ управлять по законамъ страны и по своимъ собственнымъ соображеніямъ. Депутаты оскорбились, когда вигуэръ (государственный судья) передалъ имъ эти слова; они между прочимъ дерзко замѣтили ему, что король нарушаетъ стародавнее право народа открыто выражать свои желанія и требованія, право, сдѣлавшееся основнымъ закономъ королевства. Вигуэръ имѣлъ полномочіе арестовывать безъ суда тѣхъ, кто дерзаетъ оскорблять въ его присутствіи величество; пользуясь этимъ, онъ

арестовалъ тотчасъ же самихъ дерзкихъ депутатовъ. Между тѣмъ Альфонсъ, понимая, что въ виду недовольства народнаго опасно доводить сопротивленіе до крайностей, теперь же сдѣлалъ необходимыя и разумныя уступки. Кастильцевъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, онъ удалилъ и немедленно замѣстилъ ихъ популярными аррагонцами. Уже однимъ этимъ угодивъ народу, онъ устранилъ возможность появленія всякой революціи. Онъ очень хорошо сознавалъ, что кастильцу занимать такую важную государственную должность, какъ напр. хустисіи, не слѣдуетъ безъ оскорбленія аррагонскаго патріотизма. Обязанность justicia состояла въ разбирательствѣ споровъ сословій съ королемъ и между собою. Съ 1390 года хустисія долженъ былъ отдавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ каждому собранію кортесовъ, для чего послѣдними назначалась всякій разъ коммисія, провѣрявшая всѣ распоряженія этого лица отъ одного собранія до другаго. Мы говорили уже, что постъ этотъ былъ очень важенъ и замѣщеніе его иностранцемъ должно было по справедливости вызвать волненіе народное, какъ вообще всякое преобладаніе чужеземнаго элемента. Потому исполненіемъ подобныхъ требованій сословій, Альфонсъ могъ съ первыхъ же дней не только задушить волненіе въ самомъ началѣ, но даже пріобрѣсти популярность въ народѣ.

Таково было положеніе дѣлъ у Альфонса въ Испаніи, когда готовилось столкновеніе его съ Италіею.

Первыя сношенія Альфонса съ Неаполемъ открылись по поводу супружества Іоанны II съ его братомъ Хуаномъ. Это было при ея вступленіи на престолъ, во время неограниченнаго тогда господства Алопо. Фаворитъ сопротивлялся замужеству своей королевы и успѣлъ очень ловко и искусно разстроить бракъ. Альфонсъ въ маѣ 1419 года осадилъ съ моря и съ сухаго пути столицу Корсики, Санъ-Бонифачіо, въ которой засѣли генуезцы. Городъ геройски сопротивлялся въ продолженіе 9 мѣсяцевъ и не сдался, не смотря на всю хитрость и искусство аррагонцевъ. Между тѣмъ генуезское правительство прислало вспоможеніе своимъ войскамъ, стѣсненнымъ въ Корсикѣ. При такихъ обстоятельствахъ Альфонсъ долженъ былъ отступить и отправиться въ Сардинію. Здѣсь-то засталъ его Караффа, вручившій ему неожиданное

и самовольное предложеніе будто отъ лица Іоанны II, усыновлявшей его и дѣлавшей своимъ наслѣдникомъ (1).

Напрасно прибавлять, что Альфонсъ былъ въ восторгѣ отъ такого предложенія (que estuviesse de buen animo). Случилось такъ, что незадолго передъ тѣмъ Луи анжуйскій у него же просилъ содѣйствія къ покоренію Неаполя. Альфонсъ отказалъ ему, ссылаясь на его союзъ съ генуезцами. Переговоривъ съ Караффою, Альфонсъ тотчасъ же послалъ необходимую помощь королевѣ, а о подробностяхъ усыновленія и наслѣдія повелъ особую рѣчь съ полученіемъ положительныхъ инструкцій изъ Неаполя. Понятно, что королева совершенно одобряла находчивость Караффы, ни въ чемъ не прекословя ему; лучшаго дипломата нечего было и искать для переговоровъ съ такими опытными казуистами, какими были аррагонскіе политики. Караффа перехитрилъ всѣхъ; его прозвали за то „malis"—передѣланное послѣ въ „Malizia", слово, обратившееся въ его родовое имя (2).

Военныя дѣйствія между двумя конкуррентами на неаполитанскій престолъ открылись почти въ одно время. Девять галеръ анжуйца приплыли въ Италію 23 августа; 12 галеръ и 3 галіота Альфонса, подъ начальствомъ адмирала Перильоса, 6 сентября (1420 г.). Перильосъ присталъ въ Неаполѣ, гдѣ былъ торжественно принятъ королевою, вручившею ему изъ своихъ рукъ золотую цѣпь, и тотчасъ же уступившею ему въ видѣ залога оба замка, Castel-nuovo и Castel-d'uovo (utramque maritimam). На другой день по улицамъ Неаполя герольды провозглашали Альфонса, Божіею милостію короля аррагонскаго и сицилійскаго,—сыномъ королевы Іоанны II и наслѣдникомъ неаполитанскаго престола (3).

---

(1) Çurita. Anales de Aragon; III, 141.—«Con el embaxador Garcia Aznar a Cerdena; y hallo al Sey en el Alguer, antes que la ciudad de Sacer se pusiesse en su obediencia».—Schlosser Weltgeschichte; (IX, 304) ограничивается довольно удачнымъ предположеніемъ въ томъ же родѣ, при чемъ слѣдуетъ однимъ итальянскимъ источникамъ.

(2) Что дѣйствительно въ Испаніи Караффа получилъ прозваніе Малиція,—это видимъ изъ слѣдующихъ словъ аррагонскаго исторіографа: «Para esto suo buen ministro a quel Antonio Carraffa, que los Catalones llamavan Malis Carraffa, y con mucha dissimulacion se despidio del Papa» (Çurita. III, 141; l. 13. c. 5).

(3) Crib. 705.—Costanzo; 306—308.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ полномочный представитель Альфонса въ сопровожденіи знатныхъ аррагонцевъ и каталонцевъ; 19 сентября онъ объявленъ былъ намѣстникомъ Калабріи, которая теперь же отдавалась подъ управленіе короля аррагонскаго, до того времени, когда, послѣ смерти королевы, онъ будетъ обладателемъ всѣхъ неаполитанскихъ земель (1). Съ блестящею свитою, весь въ золотѣ и пурпурѣ, въ гербахъ церковныхъ, неаполитанскихъ и аррагонскихъ, торжественною процессіею проѣхалъ новый намѣстникъ калабрійскій по улицамъ столицы. Народъ былъ доволенъ праздниками, пирами и играми, которые были предложены ему именемъ его будущаго короля Альфонса (2).

Лишь только Альфонсъ, находившійся тогда въ Сициліи, узналъ о ходѣ своего дѣла и о томъ, что храбрый и счастливый Браччіо на его сторонѣ, то собрался въ Неаполь, окруженный цвѣтомъ испанскаго и сицилійскаго дворянства. На островѣ Искіа его поджидалъ Караччіоло и съ нимъ нѣсколько знатныхъ бароновъ; Альфонса привѣтствовали отъ имени королевы, какъ будущаго государя. Браччіо уже занялъ Неаполь, являясь какъ бы авангардомъ испанцевъ. Въ сопровожденіи большой флотиліи, наполненной аррагонскими рыцарями и солдатами, на галерахъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами, въ полномъ блескѣ, среди пышныхъ испанцевъ и итальянцевъ, подъѣхалъ король къ своей будущей столицѣ. Тамъ его ожидалъ торжественный пріемъ. Іоанна приняла Альфонса съ искреннимъ восторгомъ; она публично поднесла ему ключи замка. Альфонсу оставалось только оружіемъ подтвердить свои права на Неаполь. Всегда предпочитая худой миръ хорошей войнѣ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ съ своими врагами. Впрочемъ иниціатива въ этомъ случаѣ принадлежала скорѣе папѣ, нежели ему. Въ то время, когда Браччіо задержанъ былъ стычками и незначительными столкновеніями съ Сфорцою, Альфонсъ съ одной стороны и Караччіоло съ другой осадили Ачерру, занятую папскими наемниками, предводительствуемыми Пьетро Ориллiа. Мартинъ, не надѣясь удержаться въ городѣ, послалъ двухъ кардиналовъ въ лагерь для переговоровъ съ ко-

(1) Çurita; III, 141.... «y despues de su muerte obedecerian al Rey de Aragon su hijo, por verbadero Rey y legitimo sucessor».

(2) Giorn. nap. 1084.

ролемъ. Альфонсъ принялъ ихъ, выслушалъ нѣсколько разъ ихъ условія, но съ намѣреніемъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта и не только не прекращалъ осады, но напротивъ продолжалъ ее въ еще болѣе сильныхъ размѣрахъ. Почти со слезами упрашивали кардиналы короля остановить губительное дѣйствіе осадныхъ машинъ, пощадить жителей и приступить къ серьезнымъ переговорамъ (¹). Вызнавъ такимъ образомъ слабость врага, Альфонсъ потребовалъ общаго отступленія союзниковъ изъ предѣловъ королевства. Мартинъ согласился, убѣдивъ къ тому же анжуйца. Казалось все должно было успокоиться, но ревность Караччіоло нарушила миръ.

Интриги наемниковъ.

Фаворитъ представилъ королевѣ, что вѣроломный Альфонсъ имѣетъ намѣреніе теперь же овладѣть престоломъ, что съ этою цѣлью онъ вооружалъ подданныхъ противъ нея, что онъ рѣшилъ взять ее подъ стражу и плѣнницею отправить въ Каталонію, и что все это онъ думаетъ привести въ исполненіе въ самомъ скоромъ времени. На взволнованную и уже настроенную къ тому королеву эти слова произвели желанное дѣйствіе. Она стала выказывать равнодушіе къ своему наслѣднику, а потомъ рѣшительную враждебность. Когда весною этого года страшная чума посѣтила Неаполь и разогнала жителей, то дворъ переѣхалъ въ Castellamare, но королева и тутъ держалась далеко отъ Альфонса. Въ это время столица опустѣла; только морскіе солдаты, составлявшіе гарнизонъ, бродили по улицамъ. Тысячи народа или умерли или бѣжали въ болѣе безопасныя мѣстности.

Они радовались тому, что Аттендоло Сфорца, который былъ на сторонѣ короля Альфонса, съ повинною головою являлся въ лагерь Браччіо, раскинутый на огромномъ пространствѣ и наполненный рыцарями и наемниками разныхъ націй. Послѣ часоваго разговора, недавніе соперники стали совершенными друзьями. Подобныя примиренія были въ ту пору дѣломъ очень обыкновеннымъ и нисколько не оскорбительнымъ для самолюбія побѣжденнаго. Наемники выигрывали побѣды обыкновенно не столько своимъ искусствомъ либо талантомъ, сколько богатствами своего патрона. Проигрышъ дѣла безъ всякихъ разсужденій сваливался обыкновенно на

(¹) Giannone; III, 247—248. — La-Bret; IV, 148—155.

недостатокъ золота, нисколько не компрометируя полководца. Побѣжденный не считалъ себя униженнымъ; онъ винилъ только своего нанимателя, у котораго нѣтъ средствъ, а слѣдовательно и лучшихъ солдатъ. Потому-то богатый потребитель военнаго товара могъ всегда разсчитывать, что его капиталъ принесетъ хорошіе проценты; бѣдный же могъ только предсказать себѣ положительный убытокъ. Потому такой первоклассный кондотьеръ, какъ Аттендоло, нисколько не замѣчалъ неловкости своего положенія, когда королева Іоанна II вновь привлекла его на свою сторону; она теперь крайне нуждалась въ талантливомъ полководцѣ. На Браччіо уже нельзя было разсчитывать, во первыхъ потому что онъ занялся своими дѣлами, открывъ непріязненныя дѣйствія въ Тосканѣ съ цѣлью приращенія доменовъ, во вторыхъ потому, что онъ болѣе симпатизировалъ Альфонсу нежели ей, и въ случаѣ возобновленія войны непремѣнно присталъ бы къ аррагонцамъ. Сфорца предъявилъ не малыя требованія; уполномоченные торговались съ нимъ. Остановка стала за формою клятвы. Сфорцѣ не хотѣлось подчиняться общей мѣркѣ, принятой въ такихъ случаяхъ. Онъ заупрямился и дѣло перешло на рѣшеніе королевы.

—„Пусть его дѣлаетъ какъ хочетъ, сказала Джіованна; ему столько приходилось на своемъ вѣку клясться и мнѣ, и моимъ врагамъ, что никто лучше его не знаетъ, какъ надо присягать и какъ отпираться (¹)".

Эти слова рельефно характеризуютъ положеніе наемниковъ и ихъ отношенія къ государямъ, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственность тогдашнихъ правителей, очень близко походившихъ въ моральномъ отношеніи на кондотьеровъ, испорченныхъ казармами и деньгами. Сфорца доставилъ королевѣ легкую побѣду надъ Альфонсомъ, но когда каталонская эскадра показалась передъ Неаполемъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Джіованной. Альфонсъ, благодаря помощи прибывшей своевременно, утвердился въ Неаполѣ и взялъ въ плѣнъ Караччіоло.

Это поразило королеву; теперь она готова была отдать за Серджіанни всѣ свои города, все будущее. Сфорца, какъ ни ненавидѣлъ Караччіоло, не могъ однако оставаться равнодушнымъ къ просьбамъ королевы. Онъ согласился возвратить

(¹) «Sat enim, quo modo iuretur et quo modo dicatur». Boninc. 127.

20 знатныхъ грандовъ, находившихся у него въ плѣну за промѣнъ одного Караччіоло. Альфонсъ согласился, такъ какъ равнодушіемъ къ плѣннымъ вельможамъ боялся вооружить противъ себя аррагонскіе чины. Во всякомъ случаѣ Альфонсъ проигралъ въ этомъ обмѣнѣ. Онъ дарилъ королевѣ опаснѣйшее оружіе, какое только могло быть обращено противъ него. Плѣнъ еще болѣе усилилъ въ Караччіоло непримиримое чувство ненависти къ Альфонсу. Теперь, изъ заточенія вернувшись въ объятія своей могущественной заступницы, онъ обдумывалъ новый планъ, который, казалось, долженъ былъ окончательно разрушить комбинацію, придуманную Караффою.

Приглашеніе Луи анжуйскаго.

Караччіоло присовѣтовалъ королевѣ формально лишить Альфонса престола и навсегда отказаться отъ союза съ Аррагоніею. Вмѣсто него онъ предлагалъ усыновить другаго претендента—Луи анжуйскаго. Джіованна безусловно согласилась, совершенно довольная выдумкою своего фаворита. Послали предложеніе Луи, который теперь, безъ всякихъ средствъ, оставленный всѣми союзниками, жилъ въ Римѣ. Этотъ столь счастливый поворотъ въ жизни французскаго авантюриста совершился 22 іюня 1423 года. Тѣмъ чѣмъ прежде былъ король аррагонскій, теперь сдѣлался принцъ анжуйскій. Точно такимъ же образомъ его провозгласили сыномъ королевы, принцемъ калабрійскимъ и наслѣдникомъ неаполитанскаго престола.

Альфонсъ не думалъ уступать свои права. Онъ привлекъ на свою сторону Браччіо; тогда за королеву выступилъ Сфорца.

Браччіо уже десять мѣсяцевъ осаждалъ Аквилу; около нея онъ собралъ многочисленную армію изъ лучшихъ своихъ полковъ. Всѣ усилія противниковъ были направлены къ тому, чтобы поразить Браччіо именно на этомъ пунктѣ. Ихъ побуждали къ этому и стратегическія соображенія и ужасное положеніе осажденныхъ, которые, рискуя скоро перемерѣть съ голоду, всюду кидались съ мольбою. Сфорца получилъ приказаніе, слѣдуя адріатическому прибрежью, двинуться на сѣверъ, миновать Абруццо, вступить въ Умбрію и зайти въ тылъ Браччіо. Онъ долженъ былъ или вызвать противника въ поле или разбить его подъ самыми стѣнами осажденнаго города. Время было самое неудобное для экспедиціи. Наступалъ январь 1424 года; онъ грозился простоять страшно холоднымъ. Горы Абруццо съ адріатической стороны бываютъ

мало доступны и лѣтомъ, а теперь ихъ покрывалъ глубокій снѣгъ, занесшій всѣ тропинки, а въ мѣстахъ болѣе высокихъ образовавшій груды льда, расположенныя почти отвѣсно къ поверхности моря. Съ величайшимъ трудомъ, подвергаясь ежеминутной опасности, карабкались сфорчески по страшнымъ тропинкамъ, будучи хорошо знакомы съ мѣстностью. Наконецъ они перебрались черезъ горы и, утомленные до нельзя, вышли къ устью рѣки Атерно или иначе Пескары, нѣсколькими лагунами изливающейся въ Адріатическое море.

Гибель Аттендоло Сфорцы (въ 1424 г.)

Предстояло переправиться черезъ эту рѣку. Аттендоло уже переплывъ на своемъ боевомъ конѣ готовъ былъ сойти на противоположный берегъ, какъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ, что его отрядъ переправился далеко не въ полномъ составѣ. Чтобы ускорить переправу, онъ поспѣшилъ обратно вплавь и утонулъ.

Неописанно было (fu incredibile) отчаяніе Франческо, когда онъ узналъ о гибели отца. Онъ былъ искренно привязанъ къ нему, какъ къ своему военному наставнику, какъ къ лучшему другу. Ему было уже 23 года, но онъ еще продолжалъ ходить на помочахъ отца и привыкъ во всемъ слѣпо повиноваться ему. Онъ получилъ роковую вѣсть въ моментъ разгара штурма замка, занятаго солдатами Браччіо. Какъ ни старались скрыть происшедшее отъ сфорческовъ, однако печальная новость пронеслась по всѣмъ рядамъ. Мгновенно пала энергія солдатъ (¹). Ихъ разбили и преслѣдовали. Франческо нельзя было долго бездѣйствовать и предаваться безсильному отчаянію.

Онъ удержалъ при себѣ воиновъ, а черезъ нѣсколько дней былъ уже у королевы, которой одинъ изъ первыхъ принесъ вѣсть о гибели великаго конетабля королевства.

Джіованна, подъ вліяніемъ скорби и сочувствія къ положенію Франческо, оставила за нимъ всѣ права, должности и владѣнія отца, утвердивъ въ его родѣ также имя „Сфорца", скоро вытѣснившее во всей фамиліи крестьянское „Аттендоло". Теперь же королева поручала Франческо собрать разсѣянныя войска отца и готовиться идти на Браччіо, могущество котораго надо было уничтожить во что бы то ни стало, такъ какъ оно дѣлалось серьезно опаснымъ для мно-

(¹) Corio, 635—636.

гихъ государствъ итальянскихъ. Но прежде должно было удовлетворить болѣе насущной потребности; слѣдовало отбить Неаполь, который съ цитаделью все еще стоялъ за Альфонса, почему и былъ оцѣпленъ съ моря галерами союзника королевы, миланскаго герцога Филиппа-Маріи.

Франческо собралъ на скоро все, что было у Джіованны подъ руками и обложилъ Неаполь съ сухаго пути. Изъ Аррагоніи не явилось помощи осажденнымъ. Въ Италіи въ то время считали дѣло Альфонса уже проиграннымъ; его уже не признавали королемъ неаполитанскимъ. Кальдора былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ стѣсниться словомъ или даже [illegible]. При первомъ серьезномъ натискѣ со стороны Франческо Сфорцы, Кальдора отворилъ ему ворота, а намѣстникъ Альфонса, братъ его донъ-Педро, долженъ былъ оставить городъ и съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ испанцевъ заперся въ Castel-nuovo. Теперь, подъ вліяніемъ первой побѣды, можно бы было безъ большаго труда овладѣть и замкомъ и намѣстникомъ, но Караччіоло запретилъ Франческо вести осаду (1). Въ интересахъ фаворита было поддерживать борьбу враждебныхъ партій и въ этихъ видахъ Альфонсъ былъ полезенъ какъ пугало для Людовика; чтобы держать въ страхѣ послѣдняго, слѣдовало по возможности щадить перваго.

Караччіоло сосредоточилъ всѣ усилія противъ Браччіо, опасаясь его солдатъ. Въ этой борьбѣ Браччіо былъ побѣжденъ молодымъ Сфорцей подъ Аквилой и взятъ въ плѣнъ. Израненнаго Браччіо (1 іюня 1424 г.) привели въ палатку начальника неаполитанскихъ войскъ. Напрасно Франческо окружалъ его вниманіемъ и попеченіемъ, напрасно ласками старался заставить его забыть о своемъ пораженіи,—ни одного слова, ни одного стона не вырвалось изъ груди Браччіо. Онъ не поднималъ глазъ на окружавшихъ его; онъ не отвѣчалъ врачу, приставленному къ нему; онъ не принималъ даже пищи, предлагаемой изъ вражескихъ рукъ. Ему оставили собственную охрану. Предчувствуя близкую смерть, онъ наединѣ дружески прощался съ ними, видимо стараясь оправдаться въ позорѣ, нанесенномъ его имени и такъ жестоко мучившемъ его въ послѣдніе дни жизни, — но онъ за- Плѣнъ Браччіо и смерть.

(1) Crib. 729.—Giorn. nap. 1091—1092.

молкалъ, лишь только въ комнату входило постороннее лицо. Врачи запретили ему пить и ѣсть впродолженіе трехъ дней, которые должны были быть рѣшительнымъ кризисомъ для больнаго. Но ничто не могло помочь раненому, страдавшему невыносимо, но не испускавшему даже звука. Спустя четыре дня Браччіо умеръ (15 іюня 1424 г.).

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Браччіо, составленныя имъ владѣнія разсыпались. Перуджія отворила ворота папскимъ наемникамъ и покорилась Мартину V, сдѣлавъ нѣсколько оговорокъ касательно своей свободы. Ея примѣру послѣдовали и другіе города, доселѣ подчинявшіеся Браччіо.

Гибель Караччіоло.

Восемь лѣтъ спустя насталъ конецъ и Караччіоло, тиранію котораго не могла больше сносить королева. Враги фаворита воспользовались удачнымъ моментомъ. Джіованна дала согласіе арестовать дерзкаго и до нельзя забывшагося временьщика, обѣщая примѣрно наказать его (che in ogni modo voleva abbassarlo). Ей подали мысль, нельзя ли совсѣмъ отдѣлаться отъ Караччіоло и теперь же убить его тайнымъ образомъ. Королева возстала однако противъ такого предложенія, прибавляя, что не хочетъ на старости лѣтъ брать тяжелаго грѣха на душу. Она позвала къ себѣ главнаго изъ заговорщиковъ, Оттино Караччіоло (приходившагося даже родственникомъ Серджіанни), просила его принять мѣры къ тому, чтобы какъ можно тише, безъ всякой огласки, захватить виновнаго и посадить подъ стражу (trovar il modo di porlo in carcere). Оттино обѣщалъ, но нисколько не раздѣляя въ душѣ состраданія къ временщику, приказалъ убить его ночью (17 авг. 1432 г.).

Возобновленіе претензій Альфонса.

Еще съ 1426 года, слѣдовательно три года спустя послѣ перваго отступленія изъ Италіи, Альфонсъ началъ снова добиваться неаполитанскаго престола. Съ этою цѣлью онъ началъ переговоры съ Миланомъ. Но когда Филиппъ-Марія потерялъ Геную и не могъ оказать ему помощи на морѣ, тогда оставалось согласиться на предложеніе неаполитанской аристократіи, исходившее главнымъ образомъ отъ лица князя тарентскаго. Такъ какъ необходимо было личное присутствіе Альфонса на мѣстѣ дѣйствій, а показаться ему въ Неаполѣ при настоящихъ обстоятельствахъ было неудобно,—то онъ, подъ предлогомъ похода на Тунисъ,

поплылъ въ Сицилію съ сильнымъ флотомъ изъ 22 галеръ и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, и уже оттуда направился къ берегамъ Африки (іюнь 1432 г.). Одержавъ значительный успѣхъ надъ тунисцами, отнявъ у нихъ островъ Джербе, Альфонсъ въ октябрѣ того же года направился къ Мессинѣ, немедленно открывъ свои сношенія съ Неаполемъ. Это было ровно черезъ два мѣсяца послѣ убійства Караччіоло. Временщица, герцогиня сесская, искренно дѣйствовала въ пользу аррагонскаго короля. Ради него она изъ всѣхъ силъ клеветала на анжуйца и энергично настаивала на усыновленіи Альфонса. Между тѣмъ претендентъ занялъ уже островъ Искію, но во время одумался и уѣхалъ въ свою Аррагонію, заключивъ десятилѣтнее перемиріе. Онъ опытомъ убѣдился, что вооруженный образъ дѣйствій, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чаще всего мѣшаетъ успѣху предпріятія, между тѣмъ какъ благоразумное выжиданіе событій, не истощая силъ, само приводитъ дѣло къ счастливымъ результатамъ.

Съ удаленіемъ Альфонса, его анжуйскій соперникъ заболѣлъ и умеръ.

Королева, столь слабая и безхарактерная въ послѣднее время, стала пѣнять на себя, когда услыхала о смерти своего пріемыша. Она съ живымъ сожалѣніемъ припоминала его уваженіе, его послушаніе къ ней, его покорную, сдержанную въ себѣ личность, его спокойствіе, невозмутимость при всѣхъ пошлыхъ интригахъ со стороны ея двора. Съ горечью Джіованна готовилась къ мысли о скорой смерти; мучительная подагра (una muy larga dolencia de gota) не давала ей покоя ([1]). Много пожившая, 64-лѣтняя королева уже смотрѣла въ могилу, хотя прощаясь съ жизнью, и теперь бы была готова на новыя наслажденія. Джіованна была полнѣйшею представительницею возрождавшагося эпикуреизма вѣка, эпикуреизма, явившагося первымъ результатомъ знакомства съ древностью, и подъ вліяніемъ Валлы, Бекателли, Филельфо и другихъ матеріалистовъ Италіи, готовившагося всецѣло охватить собою итальянцевъ Возрожденія. **Смерть Іоанны II 2 февр. 1435 г.**

Только тремя мѣсяцами Джіованна пережила Людовика, который въ минуту смерти казался ей единственнымъ уко-

---

([1]) Çurita; III, 227. (l. 14, c. 23).

ромъ проснувшейся совѣсти. Она думала примириться съ его тѣнью, оставляя свой престолъ его брату Ренэ Анжу, написавъ по этому поводу подробное завѣщаніе. Въ немъ между прочимъ говорилось, что ея величество не можетъ никому лучше завѣщать свое королевство, какъ одному изъ братьевъ блаженной памяти Людовика III калабрійскаго, а именно принцу Ренэ, герцогу беррійскому, что она не желаетъ неаполитанской землѣ никакихъ другихъ государей, какъ только представителей благороднѣйшей французской крови (ad suum clarissimum Francorum sanguinem), какъ только членовъ славнаго анжуйскаго дома (1). Надо замѣтить впрочемъ, что Джіованна нисколько не знала своего наслѣдника, которого современники считали за человѣка хитраго, пронырливаго и злаго (2). Когда на его долю выпадала неаполитанская корона, то онъ, нисколько не мечтая о ней, велъ жизнь авантюриста и въ арміи французскаго короля воевалъ противъ англичанъ. Его жена Изабелла,—женщина даровитая, дѣятельная, глубоко нравственная, во всемъ далеко опередившая мужа,—получивъ въ Марсели извѣстіе о кончинѣ Іоанны II, сѣла на галеры и отправилась въ Неаполь въ ожиданіи супруга, который прибылъ въ королевство уже гораздо позже (май 1438 г.).

Джіованна сильно страдала въ послѣднее время,—и физически и нравственно. Успокоивая мученія совѣсти, королева много молилась и каялась передъ смертью (3). Она

---

(1) Въ завѣщаніи между прочимъ говорилось: «Serenissimus et Illustrissimus Princeps Dominus Renatus Dux Bari etc. ipsius Majestatis Reginalis consaguineus, praefatique quondam Domini Ludovici germanus frater ab inclita, et Christianissima Regia stirpe domus Franciae, sicut ipsa Reginalis Majestas, suam claram trahit originem; volens praefatis futuris scandalis tacite providere, et salubriter obviare, et per consequens votis, et desideriis dictorum suorum Regnicolarum satisfacere, cupiensque praeterea, quod hoc Regnum potius perveniat ad suum clarissimum Francorum sanguinem, et inclitam progeniem, quam ad quamvis aliam nationem». Въ извлеченіи это завѣщаніе напечаталъ Giannone; III, 257 (Ven, 1574).

(2) Tomaso Fazello. Dell'historia di Sicilia, 875. Ven. 1574.

(3) Guijot (hist. des Jeannes) слѣд. словами кончаетъ свой разсказъ: «Замѣчательно то обстоятельство, что подобно тому, какъ Карлъ Анжу братъ Луи Святаго, утвердился въ Неаполѣ жестокими средствами, такъ всѣ преемники его могли держаться на тронѣ только тѣми же средствами,—и сами должны были пасть жертвами своей системы (220)».

умерла 2 февраля 1435 года, на шестьдесятъ пятомъ году жизни, послѣ двадцати-лѣтняго царствованія, завѣщавъ похоронить себя безъ всякой торжественности, въ самомъ бѣдномъ гробѣ.

Борьба за наслѣдство престола.

Теперь Неаполь и все королевство стали предметомъ раздора двухъ партій: французской и аррагонской. Законнѣе были права анжуйцевъ, обусловленныя завѣщаніемъ Іоанны II. Изабеллу многіе знали, какъ добрую, довольно даровитую, энергичную, и вообще рѣдкую женщину для того развращеннаго времени. Дѣйствительно, она совершенно оправдывала такую лестную молву; своимъ благороднымъ характеромъ она представляла отрадное исключеніе въ ряду нравственно испорченныхъ дѣятелей XV вѣка. Шлоссеръ насчитываетъ только трехъ порядочныхъ правителей въ XV вѣкѣ,—Козьму Медичи, Альфонса Мудраго и Изабеллу; онъ называетъ ихъ „благороднѣйшими людьми". Альфонсъ, по своей государственной дѣятельности и просвѣщенному уму, безъ сомнѣнія, совершенно заслуженно награжденъ симпатіею взыскательнаго и суроваго историка. Этотъ государь съ дѣтства вскормился любовью къ знаніямъ, къ искусству, и вмѣстѣ съ ними къ Италіи, которая только одна могла разсыпать все это щедрою рукою. Образъ этого „великодушнаго" (magnanimus) для современниковъ государя живо врѣзался въ памяти хроникеровъ. Этотъ симпатичнѣйшій изъ правителей откровенно говорилъ, что дворъ безъ ученыхъ походитъ на небо безъ звѣздъ, что монархъ безъ образованія тотъ же коронованный глупецъ ([1]). Потому то его дворъ былъ всегда наполненъ передовыми и даровитѣйшими людьми эпохи. Онъ понималъ, что въ наградахъ эти тщеславные люди нуждались тогда болѣе, чѣмъ кто нибудь. Онъ требуетъ у Лоренцо Валлы, Филельфо, Поджіо переводовъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Плутарха; отъ Георга Трапезунтскаго—цѣлаго Аристотеля,—но за то онъ каждому дарилъ крупныя суммы денегъ и по два драгоцѣнныхъ перстня. Онъ самъ надѣваетъ

([1]) Platen; 359. — О подробностяхъ жизни Альфонса съ особенною любовью говоритъ Mazella въ своихъ Vite de' re di Napoli. N. 1594—962 v. in. 4.—О мѣрахъ неаполитанской аристократіи см.—Giannone; III, 258.—Сборникъ анекдотовъ объ Альфонсѣ: Meri di la Canorgue. Le génie d'Alphonse V; Par. 1765 (составлено по Facio).

на ученыхъ алмазныя и золотыя цѣпи съ разными аллегорическими фигурами истины, славы и т. п., вѣрно угадывая, что это послужитъ для нихъ побудительнѣйшимъ средствомъ къ дальнѣйшему совершенствованію и къ ученой дѣятельности....

Битва у Понца въ (1438 г.).

При всѣхъ такихъ блестящихъ качествахъ даровитаго, привлекательнаго короля Аррагоніи и Сициліи, неаполитанскій народъ не оказывалъ никакой симпатіи къ нему и, если кто пользовался популярностью въ массѣ, то это Изабелла, ожидавшаяся съ видимымъ нетерпѣніемъ. Однако Альфонсъ, съ своей стороны, нисколько не расположенъ былъ играть спокойную роль наблюдателя. Онъ снарядилъ большой флотъ и отправился въ походъ съ своимъ союзникомъ, королемъ наваррскимъ, съ братьями донъ-Енрике (maestro de San-Iacobo), донъ-Педро и съ блестящею свитою первыхъ владѣтельныхъ вельможъ и рыцарей Аррагоніи, Каталоніи, Валенсіи. Его сопровождали также значительнѣйшіе изъ неаполитанскихъ эмигрантовъ, его старые неизмѣнные партизаны. Альфонсъ осадилъ Гаэту. Понятно, что безначаліе овладѣло городомъ; граждане не хотѣли покоряться насилію. Они скорѣе согласились бы на этотъ разъ принять подданство Висконти и дѣйствительно обратились къ Филиппу Маріи. Тотъ, опасаясь каталонцевъ, велѣлъ генуэзцамъ идти на выручку Гаэты и далъ имъ десантныя войска. Генуя была могущественна на морѣ; испанцевъ же, какъ своихъ соперниковъ, республиканское правительство никогда не любило. Альфонсъ отошелъ отъ Гаэты, вышелъ въ море и столкнулся съ генуэзскимъ флотомъ у острова Понца, гдѣ 5 августа 1438 года произошло кровопролитнѣйшее изъ морскихъ сраженій XV вѣка. У Альфонса флотъ состоялъ изъ 14 большихъ кораблей и 13 галеръ; десантъ, превышавшій 10 тысячъ человѣкъ, былъ обильно снабженъ всѣми запасами. Завязался горячій абордажный бой; враги не щадили другъ друга. Странно, что послѣ такого жаркаго рукопашнаго дѣла, продолжавшагося десять часовъ сряду, отъ восхода до заката солнца, послѣ гибели столькихъ галеръ, остались невредимы: король, его братья и вся знатная аррагонская свита. Генуэзцы наконецъ одолѣли; полный тріумфъ былъ ихъ наградою. Альфонсъ, король наваррскій, братъ его донъ-Енрике, князь тарентскій, герцогъ сесскій и всѣ вельможи аррагонскіе, каталонскіе,

сицилійскіе были взяты въ плѣнъ; короля со всею свитою отвезли въ Миланъ въ распоряженіе Висконти [1]. Только донъ-Педро успѣлъ спастись съ своимъ кораблемъ, и уплылъ въ Искію. Казалось, все дѣло было проиграно, но теперь-то и началось торжество Альфонса. Онъ искусно вкрался въ довѣренность обыкновенно подозрительнаго и мрачнаго Филиппа и представилъ ему, какъ опасно французское вліяніе въ Италіи, какъ гибельно оно подѣйствуетъ на его собственное герцогство. Быстро измѣнились политическіе планы Филиппа. Безъ всякаго выкупа, съ королевскими почестями, отпустивъ и Альфонса, и его брата, и свиту, онъ послалъ приказъ генуезскимъ властямъ снаряжать флотъ на помощь королю аррагонскому Альфонсу I, котораго теперь же призналъ королемъ неаполитанскимъ.

Изобелла анжуйская въ Неаполѣ (въ 1438 г.).

Между тѣмъ Изабелла на четырехъ галерахъ, съ двумя малолѣтними дѣтьми, Жаномъ и Луи, прибыла изъ Прованса. Въ началѣ октября (1438 г.) ее съ энтузіазмомъ встрѣтили въ Гаэтѣ, которую она тутъ же одарила за оказанную вѣрность многими привилегіями, а 18 октября имѣла торжественный въѣздъ въ столицу, гдѣ была въ тотъ же день провозглашена правительницею. Баронамъ и байльи не хотѣлось отказываться отъ власти, но всѣ послѣдовали примѣру графа Нола и присягнули Изабеллѣ и ея мужу. Самого Ренэ нельзя было скоро ждать. Онъ сидѣлъ покорнымъ плѣнникомъ у герцога бургундскаго, который не выпускалъ его, вѣроятно, въ угоду Альфонсу. Причиною вражды Ренэ съ герцогомъ былъ споръ за наслѣдство, въ которомъ герцогъ поддерживалъ его личнаго врага. Въ этихъ мелкихъ войнахъ, или лучше большихъ турнирахъ, обычныхъ во Франціи, роль кондотьеровъ играли такъ называемые bastardes, незаконные дѣти вельможъ; они, съ своими солдатами-разбойниками, развратничали хуже итальянцевъ; впрочемъ, дальше разбоя они не шли въ своихъ войнахъ. Ренэ освоодился только въ 1437 году за громадную сумму въ 300 тысячъ дукатовъ и то при посредничествѣ французскаго короля. Весь въ долгахъ, онъ только въ маѣ 1438 года на 13

[1] Çurita. Anales de la corona de Aragon; III, 229 (l. 14. c. 27).— Срв. Giorn. nap. XXI, 1100.

галерахъ могъ прибыть въ свою столицу, гдѣ съ такимъ успѣхомъ дѣйствовала его энергичная супруга. Въ Неаполѣ его встрѣтили также восторженно, какъ прежде жену. Съ маленькимъ сыномъ на рукахъ, проѣхалъ король по улицамъ города, оглушаемый криками и рукоплесканіями толпы. Онъ вооружилъ неаполитанскую молодежь и двинулъ ее на Абруццы унимать отложившихся бароновъ и отбивать города, уже покоренные Альфонсомъ. Наемниковъ было нанять не на что; притомъ въ эти годы, когда рѣшительно на всѣхъ пунктахъ полуострова кипѣла война, кондотьеры дошли до послѣдней степени безсовѣстности, пошлости и вмѣстѣ съ тѣмъ дороговизны. Однако Ренэ успѣлъ перехватить сына умершаго ветерана Джакопо Кальдоры, Антоніо, но надѣяться на этого капитана, готоваго всегда измѣнить, было безразсудно. Надо было разсчитывать на личную храбрость, на преданность народа. Впрочемъ, и тѣмъ, и другимъ Ренэ могъ гордиться совершенно основательно, хотя ни тѣмъ ни другимъ нельзя было пособить дѣлу. Недоставало главнаго двигателя тогдашнихъ политическихъ событій,—денегъ: у Альфонса же были собственные коронные солдаты; въ кассахъ аррагонскихъ кортесовъ, въ богатыхъ муниципіяхъ Каталоніи и Валенсіи можно было найти въ рѣшительномъ случаѣ щедрую поддержку. Къ тому же Альфонсъ былъ изъ способныхъ и благоразумныхъ государей; самое счастье покровительствовало его планамъ. Испанцы, пользуясь чумной паникой охватившей населеніе, овладѣли Гаэтой и Капуей. Изабелла (тогда еще не было Ренэ) пробовала обратиться за помощью къ папѣ, но дипломатическое искусство Евгенія было слишкомъ слабо. Впрочемъ, папа собралъ на свой счетъ 3000 всадниковъ и послалъ ихъ Изабеллѣ. Генуезцы, раздраженные внезапною милостью Висконти къ Альфонсу, тогда же выгнавшіе миланскихъ властей и провозгласившіе свою самостоятельность, также старались помочь анжуйской партіи изъ ненависти къ Филиппу, но ничего не могли сдѣлать, такъ какъ война происходила на материкѣ. Изабелла могла опираться только на нравственныя силы, на симпатію народа; войска у ней почти не было. Альфонсъ велъ осаду нѣсколькихъ городовъ; война грозила затянуться на долго. Въ одной изъ осадъ измѣннически пушечнымъ выстрѣломъ былъ убитъ дѣятельный помощникъ Альфонса, его лучшій другъ, донъ Педро; подозрѣваютъ, что неизвѣстный убійца мстилъ принцу за его отказъ дать ему

какое-то придворное мѣсто. „Да будетъ благословенно имя Господне“, воскликнулъ Альфонсъ, оплакавъ трупъ любимаго брата и облегчивъ сердце искренними слезами. Когда беретъ, упавшій съ головы убитаго былъ доставленъ Изабеллѣ, то и она заплакала, отъ всей души сожалѣя покойника. — „Хотя онъ былъ врагъ мой, но настало бы время, когда бы мы стали съ нимъ друзьями“, отвѣчала добрая женщина, на утѣшенія, раздавшіяся вокругъ нея ([1]). Она предложила Альфонсу похоронить донъ-Педро въ королевскомъ родовомъ склепѣ и прислать все, что необходимо для погребенія. Эти сцены характеризуютъ двухъ симпатичныхъ личностей того времени, столь бѣднаго людьми въ истинномъ смыслѣ этого слова....

Ренэ видѣлъ, что самыя напряженныя его усилія не вели ни къ чему. Онъ заподозрилъ Антоніо Кальдору въ замышляемой измѣнѣ и засадилъ своего капитана въ тюрьму. Этимъ онъ самъ лишилъ себя единственнаго полководца. Между тѣмъ, по совѣту Висконти, Альфонсъ бросился на богатыя помѣстья Франческо Сфорцы,—Беневенто, Манфредонію, и другія, — овладѣлъ ими и нашелъ тамъ рѣдкія сокровища, доставившія ему значительныя средства. При такихъ обстоятельствахъ Ренэ предложилъ Альфонсу годовое перемиріе, рекомендуя оставить спорные городскіе замки въ рукахъ французскихъ посланниковъ, которые къ тому времени прибыли отъ короля Карла IV съ цѣлью принять участіе въ посредничествѣ между соперниками. Альфонсъ не согласился, хорошо понимая плохое состояніе силъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Онъ предпочелъ лучше пожертвовать Castel-nuovo и d'uovo, находившимися въ критическомъ положеніи. Аррагонскіе дипломаты разсчитывали хорошо. Ренэ ослабѣлъ окончательно. Въ 1441 году были взяты Аверса и Ачерра, и Ренэ поспѣшилъ отправить жену съ семействомъ въ Провансъ, не надѣясь удержать за собою престолъ и не рѣшаясь подвергать ихъ опасностямъ войны ([2]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ поспѣшилъ отказаться отъ престола въ

([1]) «Dio tu perdoni frate caro: io aspettava da te altro piacere, che vederte a questo modo morto. Dio sia laudato» (Giorn. nap. 1111).

([2]) Подробности войны между Ренэ и Альфонсомъ у Çurita; III, 233, (l 14. c. 30) въ главѣ: La guerra que se hizo contra las fuerças que se teniar etc.

пользу сына Джіованни, который долженъ будетъ царствовать послѣ Альфонса, но Альфонсъ предложилъ вознагражденіе несчастному, но стойкому противнику въ 10 тысячъ червонцевъ (alfonsini d'oro) за военныя издержки подъ условіемъ его удаленія изъ предѣловъ королевства.

Взятіе Неаполя Альфонсомъ въ 1442 г. Сдѣлавъ нѣсколько завоеваній въ Апуліи, Калабріи и на островахъ, Альфонсъ въ началѣ 1442 года серьезно осадилъ Неаполь. Городъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; непріятель расположился подъ самыми стѣнами, но не стрѣлялъ. Альфонсъ, щадившій столицу, и будучи увѣренъ, что голодъ возьметъ свое, никакъ не соглашался на штурмъ. Однако граждане оказывали героическое упорство. Осада продолжалась уже полгода; между тѣмъ о сдачѣ еще не заговаривали. Альфонсъ отправилъ часть войска на Искію, а съ остальнымъ продолжалъ занимать свою позицію. Наконецъ у осажденныхъ почти не осталось припасовъ; стражамъ выдавалось ежедневно только по шести лотовъ хлѣба. Но вотъ въ городѣ оказалась измѣна. Какіе-то каменьщики указали испанцамъ подземный водопроводъ, тотъ самый, чрезъ который нѣкогда Велизарій проникнулъ въ Неаполь. Ренэ впрочемъ узналъ объ этомъ; онъ велѣлъ засыпать водопроводъ, оградить его и охранять. Но всѣ его старанія были напрасны. Аррагонцы быстро разлились по Неаполю (2 іюня 1442 года). Солдаты, наскучившись долгою стоянкою, бросились на грабежъ. Одинъ испанскій кирасиръ едва не захватилъ самаго Ренэ, который отбиваясь скакалъ въ замокъ. Альфонсъ, окруженный группою своихъ приближенныхъ, носился по улицамъ города, унимая алчныхъ и озлобленныхъ солдатъ. Съ трудомъ онъ успѣлъ остановить кровопролитіе и грабежъ, свирѣпствовавшій потому не болѣе четырехъ часовъ (¹). Чрезъ нѣсколько дней Альфонса I провозглашали королемъ неаполитанскимъ, — прежде знать, а потомъ и народъ, снова ликовавшій....

Ренэ нельзя было болѣе думать о Неаполѣ. Онъ писалъ къ Альфонсу, что лучше готовъ сдаться ему, достойному сопернику, нежели допустить, „чтобы какой-нибудь графъ Франческо (Сфорца) или другой предводитель разбойничьей шайки торговалъ его именемъ" (²). Эти слова характеризуютъ

(¹) Bartholommeo Facio 186, l. 7).—Fazello, 878—880.

(²) Giorn. nap. 1115—1119.—Hist. nap. (Mur. XXIII, 231).—Çurita; III, 278 (l. 15. c. 16).—Panormita; 94—101 (тріумфальный въѣздъ Альфонса I въ Неаполь).

и благородный характеръ Ренэ и безнравственность жадныхъ кондотьеровъ.

Онъ плылъ во Флоренцію на свиданіе съ Евгеніемъ IV. Здѣсь онъ съ насмѣшкою отвергнулъ новое предложеніе услугъ со стороны папы и черезъ три мѣсяца (въ октябрѣ 1442 г.), навсегда простившись съ Италіей, побѣжденнымъ, но гордымъ рыцаремъ вернулся во Францію....

Значеніе наемничества въ Италіи.

Намъ слѣдуетъ теперь ознакомится съ одновременнымъ династическимъ переворотомъ въ сѣверной Италіи. Уже Данте сказалъ: „Le terre d' Italia tutte piene son di tiranni“,—земля итальяннская переполнена тиранами,—а при жизни великаго патріота еще только начинало развиваться принципатство (¹). Наемники, за исключеніемъ развѣ чужеземцевъ, мерченари, послужили главнѣйшимъ органомъ образованія этого безотраднаго явленія. Безошибочно можно заключить, что *усиленіе абсолютизма и паденіе средневѣковыхъ общинъ было непосредственнымъ результатомъ возникновенія военнаго наемничества.* Это же съ грустью высказывалъ послѣ Макіавелли, хотя прибавлялъ, что для будущаго республики необходимо, чтобы всѣ итальянцы сдѣлались воинами, лично участвуя въ боевыхъ тягостяхъ. Мелкіе тираны, раздѣлившіе между собою Ломбардію и часть средней Италіи, были кондотьеры по преимуществу; всѣ они начинали свое возвышеніе съ небольшой дружины, если не получали по наслѣдству сильныхъ армій. Процессъ ихъ возвышенія Франческо Сфорца повторилъ на себѣ, но довелъ его до крайней высоты; его владѣнія сдѣлались виднымъ и крѣпкимъ государствомъ въ Европѣ. Изученіе этого факта даетъ понятіе о силѣ военнаго узурпаторства въ ту эпоху, силѣ случайности и меча (²).

(¹) Purgatorio VI. 124.

(²) Но для такого изученія нельзя слѣдовать ритору и льстецу Джіованни Симонетта, про котораго нельзя сказать вмѣстѣ съ Гассе, чтобы онъ писалъ, «какъ прекрасно, такъ и вѣрно». Simonetta, de vita Fr. Sfortiae (Muratori XXI, 167; s.) такъ отзывается о своемъ героѣ: «Majestate quadam supra mortalem, facie serena atque hilari, sermone mira suavitati condita.»—Срв. P. Candidus Decembrio. V. Fr. Sf. per epitomen scripta ab 1401—1462. (Mur. XX, 1023—1046).—Fr. Aleardus. Oratio in lau-

Утвержденіе этой династіи тѣсно связано съ судьбами послѣдняго изъ Висконти,—Филиппа-Маріи, о которомъ мы говорили выше (II, 735).

Филиппъ Марія.

Этотъ второй сынъ Джіованни-Галеаццо во многомъ походилъ на отца и по личному характеру и по своимъ политическимъ цѣлямъ. Онъ одинаково былъ жестокъ, двуличенъ, коваренъ, малодушенъ въ рѣшительныхъ случаяхъ и это послѣднее качество было развито въ немъ даже сильнѣе, нежели въ отцѣ. Подобно Джіованни-Галеаццо, онъ дѣйствовалъ съ извѣстнымъ тактомъ абсолютнаго централизатора. Онъ хотѣлъ неограниченно закрѣпить свою власть, расширить свои владѣнія, утвердиться въ большей части сѣверной и средней Италіи, уничтожить остатки старой республики и такимъ путемъ пріобрѣсти роль протектора надъ всѣмъ полуостровомъ,—роль перваго лица въ Италіи.

Онъ обладалъ большими матеріальными средствами, распоряжался лучшими полководцами времени. Франческо Бузо, иначе называемый графомъ Карманьолою и Франческо Сфорца были на его сторонѣ. Прежде деньги казненной имъ Беатриче ди-Тенда, а послѣ искусство избранныхъ полководцевъ доставили ему, если не абсолютно первое, то почетнѣйшее мѣсто на полуостровѣ и рѣшительное протекторство если не во всей Италіи, то по крайней мѣрѣ въ бо̀льшей части Тосканы, Умбріи и во всѣхъ частяхъ Ломбардіи, съ того времени лишившейся de facto старой гражданской свободы.

---

dem Fr. Sf. habita Veronae a. 1449 (Mur. XXV, 375—418.—См. Hasse III, 132. (Die Gesch. der Lombardei, 1826). Мы, напротивъ, предпочитаемъ лѣтописное изложеніе Пьетро Кандидо, не имѣвшаго ничего общаго съ своими героями. Тогда какъ Симонетта, находясь постоянно при дворѣ Франческо, былъ его лучшимъ другомъ и довѣреннѣйшимъ секретаремъ,—республиканецъ Кандидо эмигрировалъ изъ Милана тотчасъ же, какъ воцареніе Сфорцы дѣлалось видимо неизбѣжнымъ. Онъ занялъ мѣсто апостолическаго секретаря у папы Николая V и посвятилъ себя литературѣ, явившись однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ Возрожденія древности. При этомъ Кандидо лично былъ всегда такого убѣжденія, что возстановленіе древней римской литературы (въ подражательной формѣ) неразлучно съ возстановленіемъ древней римской республики. Извѣстно, какъ жестоко ошибались бойцы новыхъ идей, какъ осязательно они убѣждались, что жизнь несетъ совершенно иныя государственныя формы.

Генуя и Романья были истощены и разслаблены кондотьерами и революціями. Только Венеція и Флоренція, блестящимъ образомъ развивавшія свои экономическія силы, и потому стоявшія на высокой степени гражданской свободы, могли геройски и съ большимъ искусствомъ обороняться отъ деспота; онѣ отстояли свою самостоятельность. Но, если эти республики, защищая себя, не дошли до истощенія, то во многомъ насильственно надорвали нормальное положеніе своихъ силъ. Онѣ лишились, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Филиппа-Маріи, многихъ своихъ тетриторіальныхъ пріобрѣтеній, что вознаградилось только впослѣдствіи. Флоренція, поддерживаемая своею даровитою аристократіею, сдѣлала къ тому времени значительныя пріобрѣтенія въ Аппенинахъ, а Венеція на греческихъ островахъ Архипелага и на славянскихъ берегахъ Далмаціи и Иллиріи. Такія владѣнія были соблазнительны для Висконти; онъ не намѣренъ былъ допускать при жизни никакого посторонняго усиленія. Самъ не солдатъ и не полководецъ, онъ прекрасно воспользовался талантами знаменитаго Карманьолы...

Этотъ кондотьеръ только одинъ имѣлъ право стоять на ряду съ Браччіо. Онъ былъ замѣчательно храбръ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно счастливъ, хотя не создалъ ничего новаго въ дѣлѣ военномъ. Его жизнь, полная самыхъ драматическихъ приключеній, совершенно основательно обратила на себя вниманіе Манцони, который избралъ судьбу Карманьолы сюжотомъ для своей лучшей трагедіи ([1]). Прежде пастухъ, потомъ простой латникъ въ рядахъ Фачино Кане, этотъ человѣкъ достигъ высочайшихъ степеней, какихъ только можетъ желать подданный въ монархическомъ государствѣ. Онъ сдѣлался графомъ, обладателемъ огромныхъ богатствъ и земель, приносившихъ 40 тысячъ дукатовъ еже- **Карманьола.**

([1]) Il conte Carmagnola di Manzoni,—трагедія (въ 1820 г.), служащая образцомъ того рода поэтическихъ произведеній, которымъ достаточный интересъ даетъ уже одно движеніе политическихъ страстей, безъ всякаго романическаго элемента, — принадлежитъ къ числу классическихъ произведеній итальянской литературы. По красотѣ слога и отдѣлкѣ подробностей, она стоитъ выше другой трагедіи Манцони, — Adelchi (сынъ лангоб. короля Дезидерія), хотя ни та ни другая одинаково неудобны для сцены, за недостаткомъ дѣйствія.

годно, наконецъ полководцемъ до того сильнымъ и страшнымъ, что впослѣдствіи своимъ участіемъ могъ опредѣлять политическое счастіе даже могучихъ государствъ.

Военная дѣятельность Карманьолы началась тотчасъ по вступленіи на престолъ Филиппа-Маріи. Въ усмиреніи мелкихъ ломбардскихъ городовъ и въ возвращеніи ихъ подъ „ехидну", ясно обозначилось будущее значеніе и могущество. Карманьола покорилъ всѣ города между рѣками Тичино, и Аддою, и Альпами (1416 г.) Оставалось взять только Лоди. Вѣрный исполнитель воли своего государя, истый наемникъ по характеру, Бузо прибѣгнулъ къ коварству. Онъ заключилъ притворный миръ съ синьоромъ города Джіованни ди Виньате, между тѣмъ какъ самъ держалъ войска не вдалекѣ и наготовѣ. Герцогъ, хитростью заманивъ сына Виньате къ себѣ въ Миланъ, велѣлъ взять его, заковать и въ такомъ положеніи привести въ лагерь Карманьолы. На глазахъ отца обѣщали удавить сына, если только Лоди не сдастся герцогу. Въ то время какъ отецъ со стѣны переговоривался съ непріятелемъ, съ другой стороны вошли миланскіе наемники и городъ былъ взятъ. Теперь попался и старый Виньате; и отецъ и сынъ были отправлены въ Миланъ, гдѣ обоимъ отрубили головы на площади (¹).

На слѣдующій годъ также обманомъ Карманьола завладѣлъ Піаченцей, а такъ какъ самая цитадель не сдавалась, то полководецъ Филиппа прогналъ всѣхъ жителей изъ города, чтобы имѣть болѣе простора въ дѣйствіяхъ. Однако это не помогло дѣлу; крѣпость можно было взять только деньгами. За нѣсколько тысячъ флориновъ Арчелли, синьоръ города, продалъ цитадель Карманьолѣ, а между тѣмъ Піаченца весь годъ не могла собрать своихъ прежнихъ обитателей и по прежнему оставалась ненаселенною. Истреблять прежнихъ владѣтелей городовъ сдѣлалось звѣрскою тактикою Филиппа; такъ были захвачены и казнены Беккаріа и многіе другіе. Большая часть побѣжденныхъ спасалась бѣгствомъ, какъ напр. Пандольфо Малатеста изъ Бергамо и Брешіи, Бенцона

(¹) Лучшимъ источникомъ для исторіи Филиппа-Маріи до 1441 года служитъ; Andreae de Billis, rerum Mediolanensium historiae ab 1402—1431 annum (XIX, l. 3). Тутъ же вѣрный и лучшій очеркъ дѣятельности Карманьолы,—о которомъ спеціально писалъ Tenivelli въ изд. Biografia Piemontese.

изъ Кремы, Фондоло изъ Кремоны (1421 г.). Къ 1424 году большая часть монархіи Джіованни Галеаццо, благодаря оружію Карманьолы, была возстановлена. У Филиппа къ тому времени было уже 20 городовъ, частію пріобрѣтенныхъ женитьбою на несчастной Беатриче, частію покоренныхъ: Миланъ, Генуя (покоренная въ 1421 г. послѣ долгаго сопротивленія), Комо, Брешія, Бергамо, Лоди, Крема, Кремона, Піаченца, Парма, Фаэнца, Имола, Форли, Павія, Александрія, Тортона, Асти, Верчелли, Новара и Виджевано ([1]). Впрочемъ для полнаго возстановленія могущества миланскаго государства надо было еще отбить 15 городовъ. Потерпѣвъ пораженіе отъ Гонзаго мантуанскихъ, покровительствуемыхъ Венеціею, герцогъ обратился на сѣверъ, разсчитывая пріобрѣсти вліяніе на республиканскихъ швейцарцевъ. Уже Карманьола, занявъ Беллинцону, Оссолу и всю ливанскую долину, сбирался овладѣть проходами Санъ-Готарда. Но швейцарцы не привыкли покорствовать чужому игу. Три тысячи республиканцевъ изъ кантоновъ Ури, Люцерна, Цуга и Унтервальдена спустились съ горъ и при Арбедо разбили на голову 24-тысячную миланскую армію, предводительствуемую такими военными знаменитостями, какъ Карманьола и Пергола. Послѣ неудачъ на сѣверѣ, герцогъ снова кинулся на югъ. Овладѣвъ романскимъ городомъ Форли, онъ вызвалъ противъ себя силы флорентійской республики, почуявшей нешуточную опасность. Синьорія поспѣшила составить лигу и заключила союзы съ Мантуею, Феррарою, Венеціею, Сіеною, Савойею, наконецъ съ могущественнымъ Альфонсомъ аррагонскимъ. Съ этого момента завязалась рѣшительная борьба падающихъ республиканскихъ началъ съ абсолютизмомъ, энергично наступавшимъ въ лицѣ Филиппа-Маріи. Судя по силамъ и средствамъ обоихъ лагерей, побѣда Милана была болѣе чѣмъ сомнительна. Она окончательно стала невозможною, когда Висконти лишился своей главной опоры,— Карманьолы.

Его измѣна миланскому герцогу.

Причиною измѣны графа считаютъ обыкновенно недовѣріе, какое оказалъ ему герцогъ во время его управленія Генуею. Филиппъ, повѣривъ клеветамъ и разнымъ слухамъ, распускаемымъ про графа его завистниками, отрѣшилъ его отъ генуэзскаго намѣстничества. Карманьола просилъ только

([1]) Verri. Storia di Milano. 1851; I, 433.

одного, — позволить ему лично объясниться съ герцогомъ. На это послѣдовалъ отказъ съ заявленіемъ порицанія. Тогда графъ, опасаясь дальнѣйшихъ результатовъ гнѣва Филиппа, что было такъ понятно тогда въ Миланѣ, рѣшился на смѣлый поступокъ. Публично протестовавъ и гласно высказавъ свою невинность, онъ бѣжалъ изъ замка Аббатеграссо, куда ему велѣно было удалиться, выбралъ 300 лучшихъ всадниковъ и съ ними отправился въ Венецію. Говорятъ, что, садясь на коня, онъ произнесъ: „можетъ быть скоро раскается герцогъ, что полѣнился выслушать меня". — Во всякомъ случаѣ, его измѣна принесла много горя и вреда Филиппу.

Служба Венеціи.

Въ Венеціи новый Алкивіадъ держалъ торжественную рѣчь предъ сенатомъ, въ которой сразу высказалъ и планы миланскаго кабинета, такъ хорошо извѣстные ему и личную неспособность герцога, опиравшагося болѣе на искусство своихъ помощниковъ, нежели на собственный умъ, страшнаго скорѣе наружнымъ безобразіемъ, нежели дѣйствительнымъ могуществомъ (1). Подобное же говорилъ и флорентійскій посолъ, пріѣхавшій просить содѣйствія венеціанскаго правительства въ предстоявшей войнѣ съ Филиппомъ. Благодаря этимъ вліяніямъ, сенатъ рѣшился объявить войну Милану и довѣрить Карманьолѣ предводительство надъ соединенными войсками лиги, въ которой на дѣлѣ участвовала пока одна Венеція. Карманьола, торжественно, предъ алтаремъ св. Марка, принялъ знамя республики и жезлъ главнокомандующаго.

Съ первыхъ же дней войны, Филиппъ убѣдился кого онъ лишился въ Карманьолѣ. Брешія и нѣсколько другихъ сильныхъ крѣпостей покорились немедленно Венеціи. Войско республики пошло бы на Миланъ, пользуясь замѣшательствомъ герцога, который дѣйствительно работалъ болѣе чужими руками, если бы не вмѣшался Мартинъ V, скоро примирив-

---

(1) Эта рѣчь, съ видимымъ подражаніемъ классическому стилю, принадлежитъ Billius (XIX, 81—83: l. 5). У него не помѣщены всѣ пренія, веденныя по этому поводу въ сенатѣ, а равно и рѣчь флорентійскаго посланника, явившагося съ тою же цѣлью. Карманьола въ заключеніе сказалъ слѣд: Haec, ita Deum obtestor, primis belli intiis cognoscetis, meum nihil ultra censeo, quam, si quid deinceps Venetianae dignitati proferre possim, id vestro usui paratissimum cogitetis».

шій соперниковъ. Филиппъ уступалъ Венеціи не только всѣ свои завоеванія, но даже все уже пріобрѣтенное республикою въ Ломбардіи.

Такія унизительныя условія оскорбили миланцевъ. И народъ, и бароны теперь соединились вокругъ своего герцога и дали ему средства нанять 15 тысячъ латниковъ. Ими предводительствовали лучшіе кондотьеры того времени; между ними былъ и Франческо Сфорца, графъ котиньольскій, до того времени считавшійся по примѣру отца, церковнымъ гонфалоньеромъ, а теперь явившійся противникомъ прославленнаго венеціанскаго полководца.

Франческо Сфорца.

Франческо Сфорца, говоритъ Маколей, былъ рѣшительнымъ образцомъ итальянскихъ героевъ. Онъ и натроновъ и соперниковъ своихъ одинаково дѣлалъ своими орудіями. Сначала онъ одолѣвалъ явныхъ враговъ съ помощью вѣроломныхъ союзниковъ, потомъ вооружался противъ союзниковъ съ помощью добычи, отнятой у враговъ. Посредствомъ несравненной ловкости, онъ возвысился изъ шаткаго и зависимаго положенія военнаго авантюриста до перваго престола Италіи. Такому человѣку многое было прощено: и вѣроломная дружба, и неблагородная вражда и нарушенная вѣрность. „Въ такія противоположныя заблужденія впадаютъ люди, когда нравственность ихъ не наука, а мода, когда они покидаютъ вѣчныя начала ради случайныхъ обстоятельствъ“ (1).

Франческо былъ тиранъ, но тиранъ очень мягкій, умный, безспорно даровитый, замѣчательно образованный, и много способствовавшій духовнымъ стремленіямъ Возрожденія.

Вступая на миланскую службу, Сфорца не могъ тотчасъ же занять перваго мѣста въ герцогской арміи. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Карлъ Малатеста. Энергичный тиранъ, но трусливый солдатъ, онъ не могъ бороться съ Карманьолою. Въ первомъ же сраженіи при г. Малако на рѣкѣ Олліо, Малатеста проигралъ дѣло. Карманьола загналъ его въ болото и взялъ въ плѣнъ болѣе 8 тысячъ кирассировъ. Но побѣдитель не воспользовался своею побѣдою; онъ не шелъ далѣе, почему-то замедлилъ и въ добавокъ распустилъ плѣнныхъ, не обративъ вниманія на протестъ коммиссаровъ республики. Такое поведеніе Карманьолы возбудило сильныя

(1) Маколей. Сочиненія; I, 80.

подозрѣнія венеціанской олигархіи, всегда отличавшейся своею недовѣрчивостью. Съ этой минуты положеніе Карманьолы стало очень опаснымъ; за нимъ зорко наблюдали ревнивые и безпощадные патриціи, каждое движеніе его перетолковывалось и принималось за измѣну.

Франческо Сфорца между тѣмъ разными средствами сумѣлъ снискать расположеніе и даже особенную привязанность Филиппа, искусно избѣгнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ непріятностей и ссоръ съ завистливыми придворными. При открытіи новой войны съ Венеціею, графъ Сфорца внезапно былъ назначенъ главнокомандующимъ герцогскихъ войскъ, сухопутныхъ и морскихъ.

Новая измѣна Карманьолы. На рѣкѣ По, предводительствуя миланскими и генуезскими галерами, Сфорца разбилъ венеціанскую флотилію въ виду сильной кавалеріи Карманьолы, безцѣльно стоявшей на берегу, направился по брешіанской дорогѣ, къ замку Сончино на рѣкѣ Олліо, первому пункту тогдашней милано-венеціанской государственной границы. Жестоко отраженный, онъ отступилъ и далъ себѣ слово не дѣйствовать болѣе наступательно (¹). Венеціанскіе Совѣты теперь окончательно убѣдились въ измѣнѣ своего главнокомандующаго. Имъ казалось даже, что Карманьола, чрезмѣрно усилившійся своими богатствами и войсками, принялъ будто равноправный, почти повелительный тонъ относительно республики. Рѣшено было погубить его. Хотя тогда еще не существовало знаменитыхъ „трехъ“, однако и „десять“ умѣли прекрасно управляться съ такъ называемыми государственными измѣнниками, доставляя своею вѣроломною политикою блескъ и могущество Венеціи. И Карманьола зналъ это лучше чѣмъ кто другой. Онъ имѣлъ слишкомъ нелестное понятіе о честности людей, съ которыми ему приходилось быть въ постоянномъ столкновеніи. Онъ догадывался, что даромъ ему не можетъ пройти ослушаніе, оказанное правительству. Положеніе его сдѣлалось въ высшей степени критическимъ. Надо было въ одно время принимать мѣры и противъ Филиппа, не перестававшаго покушаться отравить своего бывшаго наперсника, и противъ Венеціи, устами своихъ „десяти“ приговорившей къ смерти мнимаго измѣнника. Находясь между двухъ огней.

(¹) Billius, 143—146.

онъ, казалось, достигъ до высшихъ ступеней могущества, до которыхъ только могъ дойти въ тѣ времена наемный полководецъ.

Обѣ стороны держались одна противъ другой въ наблюдательномъ положеніи,—но кажущіеся друзья на дѣлѣ были смертельными врагами. Вышло такъ, что „десять" перехитрили одного. Безъ сомнѣнія Карманьола предчувствовалъ свою гибель, когда ѣхалъ въ Венецію, приглашенный будто для переговоровъ о заключеніи мира. Онъ показывалъ видъ, что ничего не подозрѣваетъ, что твердо увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Кондотьеръ направлялся въ Венецію въ сопровожденіи блистательной свиты. По приказанію сената, его по всей дорогѣ встрѣчали со всевозможнымъ тріумфомъ, принимали съ необыкновеннымъ почетомъ. Между тѣмъ особые „proveditori" назначены были замѣнить графа въ арміи. Слѣдуя инструкціямъ десяти, они умѣли такъ искусно вести дѣло и такъ сохранить тайну, что Карманьола сталъ невольно сомнѣваться въ вѣроломствѣ правительства и сдѣлался довѣрчивъ. У города, при самомъ въѣздѣ въ „Rio grande", парадная галера съ почетными депутатами встрѣтила полководца. По выходѣ изъ гондолы, торжественная процессія направилась въ дворецъ дожей. Здѣсь графъ былъ чрезвычайно ласково принятъ дожемъ и десятью. Въ честь его былъ данъ во дворцѣ парадный обѣдъ, который съ намѣреніемъ продлили до вечера. Когда Карманьола изъявилъ желаніе ѣхать домой, то его просили повременить; синьоры повели его будто прощаться съ дожемъ, а между тѣмъ пригласили спуститься внизъ по дворцовой лѣстницѣ. Догадываясь куда ведутъ его сообразивъ всю опасность, графъ хотѣлъ крикнуть свой вѣрный конвой, но никого не было подъ окнами; конвой былъ давно отпущенъ. Вмѣсто дожа Карманьолѣ показали темницу. Вступая въ узкій казаматъ, онъ понималъ, что скоро предстоитъ разстаться съ жизнію и что эшафота теперь не миновать. „Я знаю, за мною стоитъ смерть", тутъ же сказалъ онъ. Въ темницѣ его держали 20 дней, подвергая самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы добиться показаній, достаточныхъ для смертнаго приговора. Но въ такихъ случаяхъ десять не стѣснялись отсутствіемъ доказательствъ. Осужденному прочли сентенцію уголовнаго судилища, обвинявшаго его въ государственной измѣнѣ и обрекавшаго на казнь; ему тотчасъ же

Его казнь.

дали свиданіе съ семействомъ и повели... Однако на площади св. Марка не было сдѣлано никакихъ приготовленій; палачи обошлись и безъ нихъ (5 мая 1432 г.). Преступника поставили на самой дворцовой лѣстницѣ, между двухъ колоннъ, и еще разъ прочли приговоръ. Опасаясь, что онъ будетъ говорить съ народомъ, который зналъ его героизмъ, его щедрость и блескъ, — ему заткнули ротъ платкомъ ([1]). Смерть его была мучительна; только послѣ третьяго удара скатилась съ топора окровавленная голова его.

Эта внезапная катастрофа должна была во многомъ повліять на положеніе боевыхъ лагерей противныхъ сторонъ. Венеціанцы не могли болѣе надѣяться на успѣхъ своего дѣла. Если ничего нельзя было сдѣлать при Карманьолѣ, то безъ него тѣмъ болѣе. Венеція съ радостью согласилась на предложеніе Филиппа оставить все такъ, какъ было до объявленія войны, — in statu quo. Республика удержала пріобрѣтенія, утвержденныя за нею послѣднимъ миромъ, и каждая сторона возвратила то, что послѣ было покорено оружіемъ.

Миланъ и Венеція.

Но этимъ борьба далеко не окончилась. До самой смерти Филиппа, т. е. до 1447 года, происходила борьба между Миланомъ и лигою республики и мелкихъ синьоровъ, опасавшихся нарушенія равновѣсія на сѣверѣ Италіи. Франческо въ каждой изъ слѣдующихъ войнъ играетъ значительную и видную роль, хотя, надо замѣтить, мѣсто и образъ дѣйствій измѣняются съ каждымъ разомъ. Въ этомъ послѣднемъ единоборствѣ итальянцевъ, охватившемъ своимъ пламенемъ всю Венецію, Ломбардію, Савойю, Тоскану, Умбрію и Романью, рѣзко обнаружилось все зло наемничества. Франческо, напримѣръ, нѣсколько разъ измѣняетъ Филиппу, не потому, чтобы имъ двигали какія нибудь политическія соображенія, а просто потому, что постоянное колебаніе, безконечная медленность, все это было выгодно и для него и для его латниковъ. Вооружаясь противъ тестя, онъ повидимому рискуетъ перспективою престола; на дѣлѣ же онъ этимъ самымъ достигаетъ его ступеней. Филиппъ, волнуемый своею государственою идеею, старается заискать въ счастливомъ

([1]) Объ этой казни подробнѣе всего; Poggius. Hist. fiorentina (Muratori, scrp. XX, 376).

полководцѣ и съ каждою измѣною старается вновь привлечь его на свою сторону для будущаго. При такомъ порядкѣ рушилось все, что только оставалось нравственнаго въ эпохѣ, въ ея дѣятеляхъ, въ высшихъ слояхъ общество. Совершается тьма злодѣйствъ и насилій... Но что было важнѣе всего—извратились понятія о чести. Какъ нарочно, самыя обстоятельства покровительствуютъ дурнымъ, а не честнымъ поступкамъ...

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи этихъ запутанныхъ междоусобій, этихъ безконечныхъ войнъ, что вовсе не относится къ нашей задачѣ. Этотъ бурный эпизодъ, который продолжался около 30 лѣтъ (мы считаемъ до общаго мира, наступившаго лишь за два года до смерти Франческо, именно въ 1464 году), не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Можно порадоваться развѣ только тому, что имъ закончилась междоусобная война, отличающая средневѣковую исторію Италіи; за этою многовѣковою рѣзнею наступаетъ миръ между правительствами полуострова, наступаетъ новый порядокъ, рѣзко отличавшійся отъ минувшаго,—общимъ ослабленіемъ республиканскаго элемента, столь богатаго блестящею историческою жизнью (1).

Филиппъ-Марія, всѣхъ отвращавшій отъ себя своею безобразною и угрюмою личностью, какъ жилъ такъ и умеръ одинокимъ. Незадолго передъ смертью онъ ослѣпъ, но самолюбіе его доходило до того, что онъ старался скрывать даже этотъ физическій недостатокъ. Когда же таковыя усилія становились безполезными, то онъ краснѣлъ отъ злобы (coecitatem sibi erubuit, какъ говоритъ лѣтописецъ). Умирая, онъ оставлялъ жену Марію савойскую, которую не любилъ во всю жизнь и съ которою не жилъ. Вся привязанность его обращалась къ Агнесѣ и ея дочери, женѣ Сфорцы; за нихъ по- Кончина Филиппа—Маріи.

(1) У старыхъ историковъ находимъ довольно отчетливое обозрѣніе исторіи Франческо отъ 1435 — 1447 г. напр. у Corio. 650 — 740. Между монографіями: Hoyer, Franz Sforza 1 Visconti,—исключительное изложеніе военной дѣятельности младшаго Сфорцы въ отдѣльныхъ, довольно картинныхъ очеркахъ. Такое же значеніе имѣетъ Steger, Gesch. Franz Sforza's und der italienischen Condottieri. Leipz. 1853. Менѣе важно Ratti. Memorie delle famiglie di Sforza.

стоянно молились въ церквахъ, какъ за членовъ герцогскаго дома, для чего была сочинена даже особая молитва. Объ этихъ-то двухъ женщинахъ думалъ Филиппъ въ минуту смерти, убѣжденный, что его Бланка сдѣлается герцогинею. Но обѣ онѣ не присутствовали при кончинѣ, а придворные, прежде трепетавшіе Филиппа, презрительно кинули герцога, когда убѣдились что смерть беретъ свои права (13 августа 1447 г.). Похороны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли очень безпорядочно (tumultuariamente). Народъ не тянулся за гробомъ. а съ волненіемъ ожидалъ новыхъ событій, грозившихъ одной изъ многолюднѣйшихъ столицъ европейскихъ кровью и междоусобіями. Придворныхъ, слѣдовавшихъ за погребальною колесницею, было немного, но и тѣ скоро разошлись, не дойдя даже до собора. Городское духовенство поступило точно такимъ же образомъ. Всѣхъ занимало темное будущее; всѣ съ трепетомъ готовились оберегать и себя и свое имущество на случай анархіи, которая, какъ всѣ ожидали должна была разразиться вслѣдъ за смертью послѣдняго Висконти. Являлся просторъ для осуществленія самыхъ разнообразныхъ государственныхъ формъ. Правительства не было; никто не сдерживалъ никого, никто не былъ сдерживаемымъ никѣмъ.

Амвросіанская республика.

Тогда собрался государственный совѣтъ, составленный изъ представителей разныхъ фракцій. Съ перваго же засѣданія ясно выяснились три партіи. Одна подала голосъ за графа Сфорцу, какъ за супруга дочери умершаго герцога, прямой наслѣдницы,—и это не выходило бы изъ предсмертной воли Филиппа. Другая,—къ ней между прочимъ примкнули дѣти кондотьера Пиччинино,—за короля Альфонса аррагонскаго, войска котораго, приглашенныя на помощь еще Филиппомъ, занимали городъ и цитадель. Но четверо изъ знатнѣйшихъ миланскихъ вельможъ,—именно: Антоніо Тривульчіо, Теодоро Босси, Джьорджьо Лампуньани, Инноченцо Котта,—открыто и энергично высказались за старую республику. Молодежь и образованное дворянство,—все, что было воспитано классическою мыслью Возрожденія,—восторженно поддержало мнѣніе этихъ популярнѣйшихъ аристократовъ. Увлеченіе было до того сильно, что противныя партіи смолкли. Народъ, поднятый на ноги, вспомнилъ о минувшихъ временахъ похищенной у него свободы и взялся за оружіе, отъ котораго такъ старалась отучать его тиранія. Улицы мгновенно покрылись

баррикадами; вооруженыя толпы показались у цитадели съ явнымъ намѣреніемъ прогнать аррагонцевъ. Едва могли въ такую суматоху собрать народное собраніе. Здѣсь граждане провозгласили амвросіанскую республику и начертали статутъ будущаго правительства, оказавшійся во многомъ сходнымъ съ венеціанскимъ. Тѣ же самые аристократы, которые первые оказали сопротивленіе монархіи, были назначены управлять государствомъ. На случай войны заключили условіе съ наемниками, служившими послѣднее время у Филиппа. Воины Альфонса, свидѣтели такого неожиданнаго переворота, увидѣли себя совершенно лишними въ городѣ и потому сочли за лучшее удалиться добровольно, во избѣжаніе столкновенія съ народною толпою. Чернь бросилась уничтожать все, что продолжало напоминать о монархіи, съ которой, какъ казалось пламенному увлеченію народа, уже были покончены всякіе счеты. Между прочимъ были срыты укрѣпленные замки Висконти, настроенные въ разныхъ мѣстахъ съ цѣлью держать народъ въ полномъ страхѣ. Но воротить прошлое было немыслимо; въ эпоху Возрожденія республика могла существовать только въ теоріи и въ quasi-классической латыни ученыхъ.

Амвросіанская республика,—скорѣе олигархическая, нежели демократическая, старавшаяся съ свободою туземныхъ гражданъ примирить рабство другихъ, — не могла существовать сколько нибудь продолжительное время безъ того, чтобы не вызвать серьезной оппозиціи со стороны прочихъ городовъ бывшей герцогской территоріи.

Такъ прежде всего отдѣлилась Павія, попавшая въ руки Франческо, провозгласившаго себя ея графомъ (¹). То же сдѣлали Парма и Тортона. Лоди и Піаченца приняли къ себѣ венеціанскій гарнизонъ. Всѣ прочіе крупные и мелкіе города ясно высказали такія же сепаратистическія наклонности. Но этого мало. Миланскому правительству предстояло выдержать жестокую борьбу съ цѣлою лигою враговъ. Противъ Милана соединились: венеціанская республика, генуезская республика, герцогъ савойскій, маркграфъ д'Эсте, маркграфъ монферратскій. Наконецъ сюда же присталъ Альфонсъ, король аррагонскій и въ то время уже неаполитанскій, опиравшійся на завѣщаніе, которое сдѣлалъ въ его пользу по-

(¹) Corio, 708.

слѣдній Висконти и которое чуть было не соединило большую часть Италіи въ однѣхъ рукахъ.

Находясь въ такой крайней опасности, миланское правительство рѣшилось обратиться за содѣйствіемъ къ Сфорцѣ. Ему обѣщали Брешію и Верону въ потомственное владѣніе на правахъ отдѣльнаго синьора и предлагали огромныя деньги. Кондотьеръ согласился на условія, далъ клятву въ соблюденіи ихъ, хотя въ душѣ думалъ совершенно иное. Зачѣмъ было довольствоваться двумя городами, когда безъ большаго труда можно было забрать цѣлую Ломбардію да еще съ Миланомъ во главѣ?....

Взятіе Піаченцы Сфорцею (въ 1447 г.).

Именемъ нанявшаго его правительства, Сфорца открылъ военныя дѣйствія. Быстро овладѣлъ онъ нѣсколькими важными пунктами, между прочимъ Пармою; легко онъ привлекъ на сторону Милана нѣсколькихъ даровитыхъ капитановъ, такъ какъ пользовался дружбою всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей военнаго міра Италіи. Соединенныя миланскія войска должны были выступить теперь противъ новаго врага, который тѣмъ временемъ занялъ ломбардскую территорію. Герцогъ орлеанскій Карлъ, французскій принцъ крови, женатый на Валентинѣ Висконти, также предъявилъ свои права на наслѣдство послѣ вымершей династіи. Но войска Карла, высланныя для поддержанія этихъ претензій, были незначительны, такъ что Сфорца легко выгналъ французовъ изъ Ломбардіи. Теперь онъ приступилъ къ Піаченцѣ, сильно укрѣпленной въ послѣднее время венеціанцами. Осада не предвѣщала счастливаго исхода. Сфорца хотѣлъ однимъ ударомъ покончить дѣло и велѣлъ штурмовать богатый городъ своимъ солдатамъ (16 ноября 1447 г.). Здѣсь въ первый разъ серьезнымъ образомъ заявила себя итальянская артиллерія, открывшая передъ штурмомъ страшную пальбу изъ всѣхъ орудій. Часть крѣпостной страны была разрушена ядрами; наемники Сфорцы ворвались въ брешь, одолѣли гарнизонъ, истребили его и неистово бросились на грабежъ (1). Впродолженіи 40 дней этотъ богатый городъ былъ жертвою ярости солдатъ; расхищено и уничтожено было все, что только было возможно. Нисколько не преувеличивая

(1) Candidus; XX. 1038. «Urbs praedae exposita, exercitum per multos menses ita aluit, ut stipendio non egeret».

можно сказать, что отъ Піаченцы остались только однѣ голыя стѣны. Истязанія женщинъ происходили во очію, на улицахъ. По замѣчанію оффиціальной лѣтописи, плѣнницъ было такъ много, что на нихъ играли въ кости; судьба несчастныхъ, какъ простаго товара, служила предметомъ забавы наемныхъ солдатъ ([1]). При взятіи Піаченцы, Сфорца заявилъ себя возмутительнымъ поступкомъ; онъ приказалъ продать въ рабство 10 тысячъ гражданъ ([2]). Этотъ фактъ лучше всего характеризуетъ нравственность даже лучшихъ изъ кондотьеровъ, нравственность, такъ страшно дисгармонировавшую съ блескомъ образованности тогдашняго высшаго общества. На долю средняго, а тѣмъ болѣе нисшаго класса, какъ всегда бываетъ, не выпадало духовнаго богатства эпохи.

Битва при Караваджіо (въ 1448 г.).

Уничтоживъ венеціанскій флотъ, Франческо въ августѣ того же года осадилъ Караваджіо. Для спасенія этого города сенатъ приказалъ своимъ полководцамъ во что бы то ни стало дать битву. Она произошла у самого города (15 сентября 1448 года). Это было кровопролитнѣйшее изъ сраженій, происходившихъ въ Италіи въ XV вѣкѣ. У венеціанцевъ, предводительствуемыхъ Лоренцо Котиньольскимъ, было до 25 тысячъ человѣкъ; у Сфорцы меньше, но за то это были солдаты бывалые, перемѣшанные съ ветеранами знаменитаго отца. Здѣсь дядя былъ жестоко побитъ племянникомъ; войско республики разсѣялось къ тому же вечеру. Убитыхъ было болѣе чѣмъ когда нибудь, хотя по обыкновенію тріумфъ состоялъ изъ плѣнныхъ. Какъ всегда, плѣнныхъ почти всѣхъ распустили, отобравъ у нихъ оружіе и коней и предварительно искупавъ въ рѣкѣ, чего требовалъ военный обычай. За это пораженіе Котиньола былъ отрѣшенъ сенатомъ отъ командованія арміею и отправленъ въ ссылку,— что, конечно, было весьма слабымъ наказаніемъ сравнительно съ участью Карманьолы.

Союзъ Сфорцы съ Венеціей.

Послѣ побѣды при Караваджіо могущество Сфорцы достигло высшей точки; миланское правительство приняло

([1]) Hoyer; I, 152.—Подробное описаніе осады Піаченцы, сдѣланное по современнымъ источникамъ, см. I, 136—154. Авторъ, поклонникъ своего героя, не скрылъ самыхъ ужасныхъ картинъ, хотя онѣ сильно компрометируютъ Франческо. Срв. Capella. De rebus gestis Fr. Sf. Ven. 1535.

([2]) Hasse; III, 30.

противъ него положительно враждебное положеніе. Теперь оно радо было бы отдѣлаться отъ него, но это оказывалось невозможнымъ. Тогда Сфорца задумалъ измѣнить Милану. Онъ передался Венеціи и рѣшился самовольно сдѣлать мирныя предложенія дожу въ полной увѣренности, что республика, замѣтно истощенная, не откажется отъ примиренія. Цѣною своего содѣйствія онъ ставилъ герцогскую корону Милана. Венеція должна будетъ выставить 4000 всадниковъ, 2000 пѣхоты и сверхъ того платить ежемѣсячно 13 тысячъ дукатовъ (до 60 тысячъ нашихъ рублей), пока онъ не сдѣлается обладателемъ Милана (1).

Этотъ договоръ Франческо торжественно на смотру прочелъ всему войску. Солдаты готовы были слѣдовать за нимъ. „Миланъ неблагодаренъ и къ вамъ и ко мнѣ, взывалъ онъ своимъ ветеранамъ. У меня республика отнимаетъ Павію и Кремону; у васъ, — плоды вашихъ трудовъ, вашихъ побѣдъ. За мной, за мной; накажемъ неблагодарный городъ! Венеція за насъ!“ (2).

Напрасно теперь правительство стало выкланиваться передъ нимъ; напрасно первые вельможи миланскіе пріѣхали извиняться, уговаривая его забыть прошлое и обѣщая сдѣлать всевозможныя уступки съ своей стороны (cercando con modi rispettosi di giustificare le cose passate, anzi offrendo ogni soddisfazione, salva sempre la repubblica). Непреклонный кондотьеръ, не считая нужнымъ болѣе скрываться, объявилъ рѣшительно, что можетъ примириться съ правительствомъ только тогда, если его назовутъ герцогомъ, а жену его Бланку герцогинею. Депутаты не были уполномочены трактовать о чемъ либо подобномъ. Они оставили лагерь Сфорцы и объявили въ Миланѣ роковую вѣсть объ измѣнѣ перваго полководца и о страшной опасности, которая грозитъ республикѣ съ его стороны.

---

(1) Verri; II, 20.—Странно, что историкъ считаетъ заключеніе трактата дѣломъ секретнымъ (segretamente stipulò un trattato), а послѣ прибавляетъ: «poichè il trattato fu concluso, il conte lo pubblicò nel suo esercito». На самомъ дѣлѣ Сфорца нисколько не старался держать втайнѣ свои переговоры, тѣмъ болѣе, что и скрыть ихъ было невозможно. Срв. Cusani St. di Mil. 1865.

(2) Hasse; III, 31.—Hoyer (II, 31) передаетъ ее нѣсколько иначе. Для исторіи Амвросіанской республики весьма важно изданіе L. Osio (Documenti diplomatici etc.), второй отдѣлъ котораго вышелъ въ 1867 году.

Сопротивление миланцевъ.

Здѣсь одинаково и народъ, и аристократія были противъ Франческо; все сплотилось и дружно поклялось мстить общему врагу, грозившему такъ нагло поработить только что возродившуюся свободу. Джьорджьо Лампуньяни, старый вельможа, впослѣдствіи сдѣлавшійся измѣнникомъ, а теперь болѣе всѣхъ содѣйствовавшій одушевленію, — увлекательными рѣчами подстрекалъ народъ къ отчаянной битвѣ. Замки были поставлены въ оборонительное положеніе. Гражданъ вооружили въ первый разъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; имъ дали мушкеты, тогда очень рѣдкіе и очень плохіе. Если вѣрить миланскимъ лѣтописямъ, то число такихъ стрѣлковъ доходило до 20 тысячъ, а кромѣ того 40 тысячъ было вооружено однимъ холоднымъ оружіемъ.

Не смотря на это, Сфорца имѣлъ основаніе въ близкомъ будущемъ разсчитывать на достиженіе своей цѣли. Его партія въ столицѣ возрастала значительно. Даже верховные члены правительства, какъ люди опытные и прозорливые, ясно видѣли, что герцогская корона не минуетъ головы Сфорцы и потому заранѣе старались снискать его благосклонность (¹). Они успѣли подобрать себѣ вліятельныхъ сторонниковъ во всѣмъ сословіяхъ. Но масса народа энергично стояла за свободу и внимательно слѣдила за измѣною, прорывавшеюся въ столицѣ. Карлъ Гонзаго, главнокомандующій арміями республики, былъ также противъ аристократіи, готовой къ измѣнѣ, но если Гонзаго по видимому держался народа, то никакъ не изъ любви къ свободѣ, а въ надеждѣ. пользуясь близкою сумятицею, самому захватить корону. Онъ предложилъ отправить Лампуньяни и Босси, организовавшихъ заговоръ въ пользу приглашенія Сфорцы, къ императору для переговоровъ; самъ же неотступно слѣдилъ за посланными. Въ Комо онъ успѣлъ вызвать Лампуньяни на откровенность, притворился его партизаномъ, далъ ему денегъ будто для достиженія общаго дѣла и, получивъ такимъ образомъ улики на лицо, безъ всякаго сношенія съ правительствомъ, велѣлъ солдатамъ схватить обоихъ пословъ и заковать. Въ Монцѣ онъ самовольно казнилъ Лампуньяни, голову его послалъ въ Миланъ, а Босси началъ пытать. Не выдержавъ истязаній, Босси открылъ заговорщиковъ. Черезъ нѣсколько дней шестерымъ родовитымъ вельможамъ рубили головы на миланской торговой площади.

(¹) Verri; II, 22. — Rosmini; Ist. di Milano (1830), II, 140.

Составъ правительства теперь радикально измѣнился. Демократическое начало восторжествовало. Чернь получила больщій просторъ дѣйствій. Въ городѣ, предоставленномъ самому себѣ, открылись сильные безпорядки. Безнаказанно совершались убійства и грабежи. Коріо прямо называетъ новое правительство,—„нахальнымъ и разбойническимъ“ (¹). Но если аристократы не хотѣли видѣть Сфорцу своимъ властителемъ, то демагоги должны были выказать чувства, еще болѣе непріязненныя. Это однако ни мало не опечалило Франческо, вполнѣ увѣреннаго, что рано или поздно, побѣда будетъ непремѣнно на его сторонѣ. Когда Венеція, коварно измѣнивъ ему, заключила въ Брешіи отдѣльный договоръ съ миланскою республикою и отозвала изъ его лагеря свои войска, разсчитывая въ переспективѣ подчинить Миланъ св. Марку,—то Франческо все таки чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что готовъ былъ бороться со всѣми своими врагами. Онъ кинулся на венеціанскую территорію, и однимъ ударомъ въ горахъ Бріанцы уничтожилъ обоихъ Малатеста, командовавшихъ войсками республики (ноябрь 1449 года).

Осада и занятіе Милана Сфорцею въ 1450 г.

Наказавъ Венецію и не обращая никакого вниманія на грозное положеніе, занятое Альфонсомъ неаполитанскимъ, Сфорца, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Миланъ и обложилъ городъ, терзаемый внутри и смутами и голодомъ (декабрь 1449 года). Въ январѣ и февралѣ слѣдующаго 1450 года, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ сдѣлался въ столицѣ до того ужаснымъ, что тысячи народа стали умирать съ голода. Но никто не думалъ о сдачѣ; на площадяхъ бушевали шумныя сходки; вездѣ говорили, что скорѣе сдадутся „турку или дьяволу“, но никакъ не Сфорцѣ (²). Нѣтъ сомнѣнія, что господство Неаполя или Венеціи, миланцы, стѣсненные и истощенные до невозможности, лишенные вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ средствъ къ сопротивленію, безпрекословно бы признали при настоящихъ обстоятельствахъ,— но войскамъ этихъ претендентовъ нельзя было показаться у столицы, плот-

---

(¹) Corio, 773.

(²) Verri; II, 24. Для подробностей см. Fr. Bertolini. Il conquisto di Milano per Fr. Sforza dietro i documenti raccolti dal Sickel, nell'archivio di s. Fedele in Milano (Arch. stor. it. XV, II, 30—47, nuova serie, Fir. 1862); впрочемъ эта статья не открываетъ ничего новаго.

но обложенной наемниками Сфорцы. Торжествовавшій Франческо могъ бы легко взять городъ штурмомъ, но онъ искренно щадилъ своихъ будущихъ подданныхъ и къ тому же для него въ сущности ничего не стоило подобное выжидательное положеніе, приближавшее его между тѣмъ лучшимъ путемъ къ желанной цѣли.

Нѣкоторыя изъ государствъ, прежде такъ враждовавшихъ съ Сфорцею, теперь подали ему руку помощи, вполнѣ прозрѣвая исходъ дѣла. Герцогъ савойскій заключилъ съ нимъ союзъ; флорентійская синьорія посылала ему деньги. Между тѣмъ стѣсненное положеніе осажденныхъ миланцевъ дошло до послѣдней крайности. Голодъ бралъ свое. Не только аристократы, но даже многіе изъ демагоговъ поговаривали о сдачѣ. Но большинство демократовъ, а оно всегда имѣло перевѣсъ надъ прочими слоями, по прежнему шумѣло, заправляло всѣмъ и жестоко карало измѣну. Но когда Сфорца успѣлъ склонить на свою сторону нѣсколько сотъ изъ нихъ, то фонды его поднялись значительно. Въ городѣ начался бунтъ; уличная толпа возстала противъ правительства. Мятежники ворвались въ ратушу, разогнали венеціанскихъ пословъ, возвысившихъ было голосъ. На слѣдующій день было назначено валовое народное сходбище въ каѳедральномъ соборѣ. Подъ мраморными стрѣльчатыми сводами открылись пренія довольно спокойныя, видимо сдержанныя. Положено было не расходиться до тѣхъ поръ, пока не рѣшится судьба города. Первое время никто не смѣлъ даже заикнуться о Сфорцѣ; имя страшнаго кондотьера, прослывшаго звѣремъ и безпощаднымъ грабителемъ, страннымъ образомъ было на душѣ у каждаго и ни у кого не дерзало сорваться съ языка. Довольно равнодушно предлагали отдаться Альфонсу, Венеціи, наконецъ папѣ, даже герцогу савойскому и будто совсѣмъ забыли про того, кто назойливо стоялъ подъ стѣнами, кого избѣгнуть было немыслимо. Наконецъ, одинъ изъ популярныхъ вельможъ (in primis dux, vir magnanimus, по словамъ Кандидо Дечембріо), нѣкто Гаспаро ди-Вимеркато, облегчилъ тяжесть, давившую всѣхъ гражданъ. Онъ убѣждалъ сдаться Сфорцѣ, выставляя это какъ горестную необходимость. Передъ гордымъ народомъ онъ являлся ходатаемъ за Франческо, который, по его словамъ, будетъ и на столько уменъ, и на столько умѣренъ, наконецъ на столько благороденъ, что власть его не будетъ слишкомъ обременительною.

Уже одинъ голодъ заставлялъ народъ торопиться и соглашаться на все, ибо иначе пришлось бы умирать страшною смертью....

Волновавшіяся массы головъ пріумолкли и грустно сознали свое жалкое положеніе.... Тотчасъ же нарядили депутацію и отправили ее въ непріятельскій лагерь. Сфорцу приглашали явиться въ столицу и короноваться; не было уже никакихъ оговорокъ. Обрадованный, совершенно счастливый кондотьеръ отправилъ возы хлѣба голодающимъ гражданамъ; въ лестныхъ выраженіяхъ онъ высказывалъ депутаціи свои восторгъ, не скупясь на обѣщанія. Во главѣ своихъ наемниковъ, онъ между тѣмъ спѣшилъ занять цитадель, немедленно приказавъ подвозить къ столицѣ хлѣбные запасы изъ всѣхъ концевъ Ломбардіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей падшаго правительства, Амброзіо Тривульчіо, думалъ ограничить герцогскую власть предложеніемъ нѣсколькихъ условій. Но Франческо гордо отвергнулъ всякое ограниченіе; онъ не считалъ нужнымъ склоняться на уступки тѣмъ болѣе, что видѣлъ полнѣйшее безпрекословіе со стороны народа. Вечеромъ, 26 февраля 1450 года, Сфорца съ женою имѣлъ торжественный въѣздъ въ свою столицу и густыя толпы привѣтствовали новаго государя восторженными кликами....

---

5) Паденіе Византійской имперіи.—Венгерцы и поляки за Балканами. Битва подъ Варной и на Коссовомъ полѣ. Попытки церковной уніи. Взятіе Константинополя турками и упроченіе турецкой власти на Балканскомъ полуостровѣ.

Мы оставили турокъ во время самого рѣшительнаго наступленія ихъ на христіанскій міръ. Султанъ Мурадъ II уже упрочился на Балканскомъ полуостровѣ. Его столица была въ Адріанополѣ. Независимой Болгаріи, Сербіи и Босніи болѣе не существовало. Владѣнія императора византійскаго ограничивались только Пелопоннесомъ, Ѳессаліей и небольшой полосой земли около столицы. Входы и выходы въ проливы, благодаря укрѣпленіямъ на азіатскомъ берегу, были во власти турецкаго флота, который не отличался качествомъ, но былъ внушителенъ многочисленностью шлюпокъ и бригантинъ. Но Мурадъ II, сынъ Магомета I, вступившій на престолъ въ 1421 году, еще не рѣшался напасть на Византію, хотя съ перваго же года своего правленія всталъ во враждебныя отношенія къ грекамъ, благодаря заносчивой политикѣ императора Мануила I. При византійскомъ дворѣ проживалъ дядя молодаго султана Мустафа, который считалъ за собою право опоясаться мечемъ халифовъ послѣ своего брата Магомета. Онъ послужилъ орудіемъ интригъ императора. Мануилъ гордымъ тономъ потребовалъ отъ Мурада выдачи въ заложники двухъ его малолѣтнихъ братьевъ; въ противномъ случаѣ грозилъ выпустить Мустафу и произвести волненія. Когда Мурадъ II отказалъ, то императоръ исполнилъ свою угрозу. Подъ условіемъ возвращенія имперіи Галлиполи, въ случаѣ достиженія султанской власти, Мустафа получилъ свободу. Онъ быстро нашелъ приверженцевъ; власть Мурада II поколебалась. Султанъ отправилъ янычаръ изъ Азіи противъ Мустафы, но увидавъ передъ собою брата покойнаго властителя, янычары какъ одинъ человѣкъ передались претенденту и выдали своего вождя, который былъ немедленно обезглавленъ. Янычары — или по-турецки еничари (т. е. новые воины, набираемые изъ потурченныхъ христіанъ),—это счастливое созданіе Оркана,— съ половины XIV вѣка составляли главную силу султановъ. Мурадъ II, пораженный такою неудачею, растерялся на первое время и даже вступилъ въ переговоры съ императоромъ Мануиломъ, предлагая свой союзъ, но тотъ настоятельно требовалъ выдачи малолѣтнихъ братьевъ, разсчитывая этимъ впредь держать султана въ зависимости

Султанъ Мурадъ II (1421-51 г.).

отъ себя. На это Мурадъ не согласился и рѣшился продолжать борьбу съ дядей, затаивъ непримиримую злобу противъ императорскаго двора. Въ этой обострившейся ненависти, которую Мурадъ II передалъ своему сыну, скрывались обстоятельства, ускорившія паденіе Византіи.

Мустафа переправился въ Азію. Послѣднія удачи внушили ему увѣренность въ побѣдѣ и излишнее самомнѣніе. Онъ скоро убѣдился въ обманчивости своихъ надеждъ. Оба соперника сошлись вблизи Олимпа. Здѣсь воины Мустафы съ такою же легкостью передались султану, какъ прежде перебросились на сторону претендента. Лишь съ немногими дружинами Мустафа вернулся въ Европу. Мурадъ, энергично преслѣдуя его, переправился на генуезскихъ судахъ черезъ Дарданеллы, вновь занялъ Галлиполи, перерѣзалъ тамошній гарнизонъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство Мустафу, и сопровождаемый 2000 услужливыхъ генуезцевъ вступилъ побѣдителемъ въ Адріанополь. Мустафа былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ.

Осада Царьграда въ 1422 г.

Теперь султанъ спѣшилъ наказать императора. Напрасно Мануилъ засылалъ пословъ къ Мураду II, напрасно онъ отказывался отъ прежнихъ требованій и изъявлялъ готовность жить въ мирѣ съ султаномъ. Мурадъ отвѣтилъ, что онъ отвѣтъ принесетъ самъ. Скоро 20 тысячъ турокъ появилось у стѣнъ Византіи. Это былъ только передовой отрядъ. Населеніе было въ отчаяніи. Но часъ паденія Константинополя еще не пробилъ.

Мурадъ II сдѣлалъ серьезныя приготовленія къ покоренію Византіи, но онъ ошибся въ одномъ, самомъ существенномъ. Когда онъ привелъ главныя силы, окрестности столицы были уже опустошены его передовыми полчищами, которыя обезлюдили всю мѣстность своимъ дикимъ звѣрствомъ, истязаніями, грабежемъ, пожарами. Султанъ долженъ былъ спѣшить штурмомъ. Онъ устроилъ много осадныхъ метательныхъ машинъ, а прежде всего велѣлъ насыпать высокій валъ противъ городской стѣны со стороны материка. Надо замѣтить, что главная часть стараго Константинополя, омываемаго съ юга Мраморнымъ моремъ, съ востока водами Золотаго Рога, а съ запада обнесенная двойною стѣной, имѣла видъ треугольника, вершина котораго была на сѣверѣ. На углахъ высились укрѣпленные замки: на западномъ у моря Циклобіонъ

или Пентапиргіонъ (пятибашенный), тамъ гдѣ теперь Семибашенный замокъ, на сѣверномъ у гавани, — Синегіонъ (Влахерна), на юговосточномъ — Акрополь, замокъ св. Димитрія, гдѣ теперь расположены дворцы Сераля. Усилія турокъ на этотъ разъ были направлены на ворота св. Романа, т. е. среднія изъ пяти воротъ двойной крѣпостной стѣны со стороны материка.

Въ то время когда мусульмане, одушевленные надеждой на добычу, обѣщанную имъ султаномъ и фанатизированные своими муллами, готовились штурмовать крѣпостныя стѣны Византіи, императоръ Мануилъ былъ въ крайне болѣзненномъ состояніи. Слабость привязывала 75-лѣтняго старца къ постели; его отвыкли видѣть во главѣ войска. Дворецъ былъ погруженъ въ безграничную печаль, которая еще усиливалась печальными предчувствіями и опасеніями. Вельможи и приближенные оплакивали самихъ себя и близкихъ. Скоро неистовые крики мусульманъ, взывавшихъ къ Аллаху, огласили воздухъ и достигли до покоевъ дворца. Имъ отвѣчали возгласы христіанъ, призывавшіе Христа и Богоматерь. Отчаянная рѣзня уже началась на стѣнахъ столицы. Турки были опрокинуты. Они спѣшили возобновить усилія. Вдругъ послѣдовало приказаніе султана остановиться и готовиться къ отступленію. Мурадъ II получилъ извѣстіе, что въ Малой Азіи вновь появился его дядя Мустафа, который будто бѣжалъ отъ висѣлицы и теперь призывалъ къ бунту города Анатоліи. Почти чудомъ спаслась Византія отъ неминуемой гибели. Греки видѣли въ этомъ заступничество Богоматери, которая, какъ говорили, своимъ внезапнымъ появленіемъ въ роковую минуту смутила турокъ и обратила ихъ въ бѣгство. Удаляясь отъ стѣнъ Константинополя, султанъ заключилъ съ императоромъ соглашеніе, въ силу котораго имперія уплачивала небольшую ежегодную дань, уступала города по Стримону и послѣдніе прибрежные пункты на Черномъ и Мраморномъ моряхъ. Это соглашеніе стало обязательнымъ и для преемника Мануила, императора Іоанна II.

Турки въ Венгріи.

Теперь, кромѣ столицы и Пелопоннеса, только Силиврія, Деркосъ и Солунь принадлежали имперіи. Когда Мурадъ II уничтожилъ силы мнимаго Мустафы въ Азіи, и повѣсилъ самозванца, то онъ послѣ кровопролитнаго штурма отнялъ и Солунь, гдѣ давно стоялъ венеціанскій гарнизонъ. Лати-

няне спаслись на галерахъ; греки были частію перерѣзаны, частію взяты въ плѣнъ, при чемъ церкви были или осквернены или обращены въ мечети, мощи, почившія въ нихъ истреблены, а городъ заселенъ мусульманами изъ Азіи. Тогда же Мурадъ II отнялъ отъ своего ставленника, сербскаго краля Григорія Бранковича (сына Стефана Лазаревича) Крушевацъ, наложивъ на него новую дань. Когда Георгій согласился выслать въ гаремъ султана свою дочь, то онъ получилъ позволеніе выстроить крѣпость Семендрію на Дунаѣ. Впрочемъ на любезности сербскаго вассала Мурадъ II мало обращалъ вниманія и свободно проходилъ черезъ его земли къ берегамъ Дуная. Здѣсь, подъ защитою той же Семендріи, онъ въ 1438 году переправился у Желѣзныхъ воротъ черезъ Дунай и въ первый разъ полчища турокъ появились въ предѣлахъ Венгріи, которую съ тѣхъ поръ не переставали посѣщать эти страшные въ то время гости. Турки на этотъ разъ проникли до Кронштадта, опустошили значительную часть Трансильваніи и увели оттуда 70 тысячъ плѣнныхъ. Георгій Бранковичъ, заподозрѣнный султаномъ въ тайномъ содѣйствіи венгерцамъ и пытавшійся скрыться бѣгствомъ, былъ схваченъ; ему выкололи глаза. Турки расположились въ Сербіи.

Тогда Венгрія нашла поддержку въ королѣ польскомъ Владиславѣ, которому скоро выпала на долю венгерская корона, а также въ императорѣ Сигизмундѣ. Оба государя уклонились отъ всякихъ переговоровъ съ Мурадомъ II, не смотря на всѣ заискиванія султана, который видимо смущался рискомъ войны въ средней Европѣ въ виду соединенныхъ силъ христіанства. Съ другой стороны личное самолюбіе побуждало султана покончить съ венгерцами. Послѣдніе нашли отважнаго защитника въ лицѣ геройскаго вождя Іоанна Гуніада. Когда турки въ 1442 году еще разъ попытались вторгнуться въ Трансильванію и осадили Германштадтъ, то Гуніадъ разбилъ ихъ подъ стѣнами этого города. Турецкая армія, потерявъ до 20 тысячъ человѣкъ, быстро отступила въ Валахію. На слѣдующій годъ султанъ отправилъ новыя войска въ Валахію, но Гуніадъ вторично разбилъ ихъ у Возага, взявъ 5000 плѣнныхъ, которыхъ венгерцы не щадили и большею частью перерѣзали. Побѣдители ликовали. Они рѣшились перейти въ наступленіе. Имъ казалось, что время турецкаго могущества миновало.

Между тѣмъ оно только что начиналось. Въ испытаніяхъ и неудачахъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого вѣка, Мурадъ II какъ бы почерпалъ новыя силы.

Когда венгры и поляки, подъ начальствомъ Гуніада, который руководилъ дѣлами отъ имени короля Владислава, переправившись черезъ Дунай у Семендріи, вступили въ Сербію, то славянское населеніе поднялось и свергнуло турецкое вдадычество. Казалось, это грозило большою опасностью для турокъ. Мурадъ II двинулся впередъ и пытался остановить христіанъ у Ниша, но здѣсь 3 ноября 1443 года потерпѣлъ жестокое пораженіе и отступилъ за Балканы.

Переходъ Гуніада черезъ Балканы въ дек. 1443 г.

Начиналось зимнее время года. Снѣгъ покрывалъ скаты и вершины горъ, дѣлая крайне затруднительными всякія передвиженія. Венгерцы и поляки были въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, но сербы хорошо знали край и всѣ тропинки, которыя вели къ переваламъ. Ихъ проводники повели Гуніада, который рѣшилъ перевалить за Балканы, пользуясь паникой турокъ. Тѣмъ самымъ путемъ, которымъ спустя 434 года шли русскія отборныя войска на Софію черезъ засыпанныя снѣгомъ ущелья Балканъ,—тамъ, вздымаясь на крутизны и скользя въ глубокіе овраги, таща за повода своихъ коней, съ страшными лишеніями пробирались венгерцы и поляки въ концѣ ноября и въ декабрѣ 1443 года по указанію сербскихъ проводниковъ. Гуніадъ держался Ташкиссена, направляясь къ Златицкому перевалу, такъ какъ Ихтиманскій проходъ былъ запертъ крѣпкою стѣною. Хотя Златица была заграждена каменными завалами и цѣлыя ледяныя поля представляли непреодолимую преграду, но наканунѣ Рождества 1443 года Гуніадъ достигъ высотъ и, прорвавшись черезъ перевалъ, сталъ спускаться къ Софіи, которая послѣ горячей битвы въ Рождественскій сочельникъ была занята христіанами. Турки бѣжали, но вновь пытались сопротивляться у Яловицъ, предводимые самимъ султаномъ. Гуніадъ снова побѣдилъ, но вмѣсто того чтобы продолжать преслѣдовать ошеломленныхъ турокъ, повернулъ назадъ именно тогда, когда только шесть дней пути отдѣляло его отъ Византіи. Турецкое владычество, которое было близко къ гибели, благодаря такому неразгаданному поступку Гуніада, теперь могло вновь окрѣпнуть, а звѣзда Царьграда, который въ волненіи ожидалъ рѣшенія своей участи, стала близка къ закату.

Гуніадъ, не умѣя пользоваться обстоятельствами, явился изъ врага спасителемъ турокъ.

Перемиріе и разрывъ.

Тогда счастье покинуло его и того государя Польши и Венгріи, котораго онъ опекалъ. Султанъ перемѣнилъ свою тактику. Онъ сталъ собираться съ силами и, нуждаясь въ отдыхѣ, заключилъ 10-лѣтнее перемиріе съ Гуніадомъ, предоставивъ венгерскому королю Владиславу Валахію, а Георгію Бранковичу Сербію и Герцеговину, подъ условіемъ платежа дани королю венгерскому и польскому. Для христіанъ не было ничего выгоднѣе этихъ условій. Оставалось твердо держаться договора, скрѣпленнаго клятвами на Евангеліи и Коранѣ, но настоянія кардинала Чезарини, сопутствовавшаго войску, легкомысліе молодаго короля и неумѣстное увлеченіе самого Гуніада погубили общее дѣло христіанъ.

Въ то самое время, когда венгерцы и поляки пожинали военные лавры за Балканами, произошло общее движеніе среди грековъ, которые напрягли послѣднія усилія въ надеждѣ свергнуть турецкое иго. Императоръ уже двинулся во Ѳракію, а итальянская флотилія поджидала побѣдителей на берегахъ Геллеспонта, чтобы принять ихъ на свои суда и разгромить берега Анатоліи. Узнавъ объ этомъ, кардиналъ Юліанъ Чезарини, высокообразованный гуманистъ, дѣятельный прелатъ, одушевленный ненавистью къ туркамъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы разорвать соглашеніе и возобновить войну. Если онъ прежде былъ противъ мира, то тѣмъ болѣе теперь возставалъ противъ дружбы съ невѣрными, когда узналъ о движеніи среди грековъ и о дѣйствіяхъ союзниковъ. Клятву, данную невѣрнымъ, онъ считалъ недѣйствительною и именемъ первосвященника разрѣшалъ отъ нея. Въ то же время онъ съ благороднымъ порывомъ взывалъ къ возвышеннымъ чувствамъ христіанъ, которые не должны отдавать на жертву туркамъ своихъ греческихъ единовѣрцевъ. Первый разъ—уже на закатѣ среднихъ вѣковъ — католическій прелатъ не считалъ православныхъ схизматиками, хотя греки въ подавляющемъ большинствѣ, держась вѣры предковъ, не приняли уніи, проектированной на флорентійскомъ соборѣ. Гуніадъ, который королемъ Владиславомъ за великія заслуги христіанству былъ возведенъ въ санъ великаго воеводы Трансильваніи, вмѣсто того чтобы хладнокровно обсудить доводы прелата, далъ увлечь себя и своего короля. Есть извѣстіе,

что онъ разсчитывалъ быть болгарскимъ королемъ, ибо союзники имѣли въ виду прежде всего освободить Болгарію отъ туровъ.

А между тѣмъ въ это самое время Мурадъ II, утомленный послѣдними испытаніями, думая объ отдыхѣ, удалился въ Магнезію. Онъ намѣревался уже передать престолъ еще при жизни своему 14-лѣтнему сыну Магомету; съ этою цѣлью онъ приставилъ къ нему надежныхъ руководителей, чтобы ознакомить его съ положеніемъ государства. Прежде чѣмъ султанъ устроился въ своемъ уединеніи, онъ долженъ былъ спѣшить въ Европу. Гуніадъ съ небольшимъ, но отборнымъ войскомъ, въ рядахъ котораго были послѣдніе рыцари Венгріи, Франціи и Германіи, вмѣстѣ съ валахами, отличавшимися только разбоями, переправившись у Никополя, шелъ по правому берегу Дуная, намѣреваясь проникнуть самымъ удобнымъ проходомъ за Балканы, а именно между восточными отрогами хребта и моремъ. По пути рыцари раззоряли болгарскія церкви и жгли селенія, показывая тѣмъ сколь мало общаго между широковѣщательными фразами Чезарини и дѣйствительнымъ настроеніемъ католическаго воинства. Быстро двигался Гуніадъ, но еще быстрѣе спѣшили съ юга турецкія войска, во главѣ которыхъ внезапно явился самъ султанъ, покинувшій свое кратковременное отдохновеніе. Когда венгерцы приступомъ взяли Балчикъ и подошли къ Варнѣ, которую избрали своимъ операціоннымъ базисомъ,—то турки въ числѣ 40 тысячъ уже предупредили ихъ и загородили путь, расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ (1). Совершенно неожиданное появленіе Мурада, казавшееся невозможнымъ, разстроило всѣ планы Гуніада. Разсказываютъ, что султанъ велѣлъ нести впереди войска свертокъ договора, воткнутый на копьѣ, разсчитывая этимъ смутить совѣсть христіанъ. Онъ громко молился Аллаху, призывая не только Бога, но и пророка Іисуса противъ тѣхъ клятвопреступниковъ, которые позорятъ его святое имя.

Битва подъ Варной въ 1444 г.

Гуніада смущали не укоры совѣсти, а неравенство силъ, при которомъ приходилось принимать бой. Сравнительно опытныхъ воиновъ у христіанъ было менѣе, чѣмъ тѣлохра-

(1) Варна — колонія Милета—была основана около 750 г. до Р. X. и прежде называлась Одессъ, въ честь Улисса.

нителей при особѣ султана. Гуніадъ готовъ былъ отступить, но король, увлеченный рѣчами кардинала, приказывалъ начинать бой, заявляя готовность умереть за дѣло Христово. Въ началѣ венгерцы имѣли успѣхъ. Отъ стремительнаго налета европейскихъ латниковъ, предводимыхъ Гуніадомъ, турецкіе ряды дрогнули и побѣжали, увлекая за собою Мурада. Смѣло одинъ старый янычаръ схватилъ за узды коня султана и насильно поворотилъ его противъ непріятеля. Янычары сплотились около Мурада и образовали непреоборимую живую стѣну. Тогда Владиславъ, увлеченный своею горячностью, пустился въ атаку во главѣ небольшой дружины венгровъ. Онъ былъ раненъ и упалъ съ коня; янычары отрубили ему голову и надѣли на копье. Тогда христіане смутились и обратились въ бѣгство. Гуніадъ, вернувшійся съ большими потерями послѣ преслѣдованія турецкой конницы, уже былъ не въ силахъ удержать своихъ и уравновѣсить условія боя. Онъ поспѣшилъ отступить съ валахами, пожертвовавъ лагеремъ, тяжестями и артиллеріей. Но храбрые венгерскіе рыцари не хотѣли отступать; потерявъ короля, они рѣшились лечь костьми, окружили себя повозками и продолжали сражаться на другой день. Они пали до послѣдняго человѣка; никто изъ нихъ не сдался. Султанъ гордился количествомъ рыцарскихъ доспѣховъ, которые покрывали поле сраженія и которые онъ велѣлъ собрать, чтобы показать азіатскимъ побѣдителямъ съ какими могучими воинами онъ сражался подъ Варной. Венгерцы потеряли около 10 тысячъ; турки столько же, если не болѣе, но для султана это количество павшихъ не имѣло никакого значенія (¹). Кардиналъ Чезарини, виновникъ несчастія, этотъ высокодаровитый ораторъ и прелатъ, человѣкъ

(¹) Подробности хроникеровъ: Callimachus (настоящее итальянское имя его Philippo Buonacorsi). — H. de rege Vladislao IV seu clade Varnensi libri tres (Aug. Vind. 1519, Fr. 1573, y Bongars, rerum Hung scrp.), который († 1496 г.) слышалъ многое отъ участниковъ. Bonfinius Asculanus († 1502 г.) — Rerum Hung. decades l. 45, — изложеніе доведено до 1502 г. (Виз. 1568). Оба они жили въ Польшѣ и Венгріи. Грекъ Chalcondilas жилъ во второй половинѣ XV вѣка и принималъ живое участіе въ современныхъ политическихъ движеніяхъ. Его—De rebus Turcorum et de imperii Graecorum interitu l. X (лучшее изд. Par. 1650 и въ Нибуровскомъ Bonn, 1843 г.) доведено до 1462 года. Послѣдній былъ, какъ всѣ византійцы выдающимися историкомъ. Онъ существенно важенъ для времени распаденія Византійской имперіи и взятія Константинополя турками.

обладавшій высокимъ умомъ и симпатичнымъ характеромъ, одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ цѣнятъ и друзья и враги,—былъ въ плѣну. Его кончина была мученическая; ею онъ искупилъ свое увлеченіе (1).

Послѣдствія битвы подъ Варной были весьма существенныя. Мурадъ II въ послѣднее время почувствовалъ свою слабость и уже въ значительной степени сузилъ кругъ своей политики. Покореніе Византіи послѣ неудачъ въ Венгріи и погромовъ нанесенныхъ ему Гуніадомъ, было отложено на неопредѣленное время. Сербія, Герцеговина и Валахія сбросили мусульманское иго; то же улыбалось Болгаріи. Теперь все перемѣнилось. Султанъ потерялъ вѣру въ клятву христіанъ; всѣ договоры лишались своей силы. Предстояло покончить съ послѣднимъ оплотомъ имперіи,—ея древней столицею, этимъ вторымъ Римомъ. Это дѣло Мурадъ II, уда-

---

(1) Прекрасно характеризуетъ этого глубоко симпатичнаго прелата проф. Надлеръ. «Изъ бѣднѣйшихъ условій жизни, благодаря только своему святому рвенію и желѣзному трудолюбію, онъ достигъ до высочайшей степени въ христіанствѣ. Но счастіе не сдѣлало его высокомѣрнымъ и рѣзкимъ въ отношеніи къ низшимъ. Рѣдкое смѣшеніе кротости и сознанія своего достоинства, чисто свѣтской тонкости обращенія и пламеннаго энтузіазма ко всему высокому, составляли основы его характера. Все, что онъ ни дѣлалъ, казалось прекраснымъ и достойнымъ удивленія; его манера говорить казалась всѣмъ блестящимъ образцомъ; многіе силились подражать ему, но ни у кого слова не шли такъ прямо отъ сердца, какъ у Чезарини. Онъ былъ основательнымъ знатокомъ каноническаго и папскаго права, но никто менѣе его не думалъ блистать этимъ знаніемъ въ безчисленныхъ и тяжелыхъ цитатахъ. Подобно д'Альи и Герсону, онъ чаще всѣхъ обращался къ Библіи, но онъ былъ далекъ отъ узкаго ригоризма, отъ страсти заподозрѣвать всякаго въ ереси; его гуманная человѣколюбивая натура съ отвращеніемъ отварачивалась отъ всякихъ инквизиторскихъ обязанностей. Добрая воля и христіанская любовь казались ему первѣйшими и существеннѣйшими обязанностями. Съ помощію ихъ онъ побѣдилъ упорство гуситовъ, съ помощію ихъ онъ надѣялся достигнуть желаемаго примиренія съ греками, ими онъ надѣялся предотвратить разрывъ между соборомъ и папою. Но когда это послѣднее не удалось ему, онъ, нисколько не колеблясь, покинулъ Базельское собраніе, отъ котораго такъ много ожидалъ, но которое не соотвѣтствовало теперь болѣе его надеждамъ и стремленіямъ. Съ такимъ же жаромъ ухватился онъ за новую дѣятельность: борьба съ турками занимала его до конца жизни и что онъ понималъ эту борьбу не такъ, какъ другіе кардиналы и папы, это доказываетъ его мученическая смерть на полѣ битвы». Баз. соборъ, 19—20.

лившійся снова на покой въ Магнезію, завѣщалъ своему сыну Магомету II. Онъ воспитывался на глазахъ отца, котораго продолжали отвлекать политическія событія, приближавшія паденіе имперіи.

Разрушеніе Коринеа и вторженіе турокъ въ Пелопоннесъ.

Одинъ изъ семи сыновей императора Мануила, Константинъ, засѣлъ въ Пелопоннесѣ, который намѣревался обезопасить отъ турецкихъ владѣній прочной стѣной, заграждавшей Коринѳскій перешеекъ. Онъ уже владѣлъ самымъ Коринѳомъ, Спартой, Ѳивами. Историкъ тѣхъ событій, Халкондиласъ явился посломъ къ Мураду II, испрашивая отъ имени молодаго Константина согласіе султана на самостоятельное обладаніе Мореей. Султанъ отказалъ, а когда узналъ, что Константинъ, не взирая на его запрещеніе, продолжаетъ укрѣпляться, двинулся на него съ 60-тысячной арміей. Подойдя къ перешейку, Мурадъ II потребовалъ пропуска и покорности. Константинъ отказалъ. Турки подвезли къ стѣнамъ метательныя машины, заложили мины и провели подземныя галереи. Черезъ недѣлю они полѣзли на приступъ, проникли въ бреши и перерѣзали защитниковъ, которые всѣ пали мертвыми въ этихъ новыхъ Ѳермопилахъ. Немногіе предпочли бѣгство смерти. Турки разрушили Коринѳъ и наводнили Пелопоннесъ. Константинъ смирился и обѣщалъ платить дань. Послѣдствіемъ этой неравной борьбы было опустошеніе прекрасной страны и уводъ 60 тысячъ плѣнныхъ. Морея пользовалась номинальною независимостью до 1459 года, когда уже сынъ Мурада II, Магометъ II, послѣ новаго похода, ознаменовавшагося нечеловѣческими жестокостями, окончательно присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ.

Послѣдняя попытка Гуніада.

Этотъ урокъ не исправилъ Гуніада. Послѣ гибели Владислава, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ королевства. Онъ не могъ простить Мураду своего пораженія и рѣшился возобновить войну. Его энергія и неутомимость не имѣли предѣловъ. Турецкіе ветераны говорили, что они всегда видятъ его передъ собою и не даромъ прозвали этого „бѣлаго рыцаря“ христіанъ „проклятымъ“,—„Янко-Лайнъ“. Чѣмъ бо̀льшія опасности грозили его родинѣ, тѣмъ онъ крѣпче казался духомъ, тѣмъ бо̀льшая самоувѣренность проявлялась въ его дѣйствіяхъ. Опять онъ не соразмѣрилъ свои слабыя силы съ громадными средствами противника.

Битва на Коссовомъ полѣ (29 окт. 1448 г.)

Онъ съ 20 тысячью венгровъ, валаховъ и нѣмцевъ вступилъ въ Сербію, вытѣснилъ мелкіе турецкіе отряды и расположился на знаменитомъ Коссовомъ полѣ. Мурадъ II двинулся противъ него съ 60 тысячами янычаръ, но остановился и повелъ рѣчь о мирѣ. Гуніадъ отвергъ переговоры. Мурадъ раздавилъ его массой своей пѣхоты, но герой оборонялся до третьяго дня и отступилъ съ ничтожнымъ остаткомъ, и то тогда только, когда валахи ему измѣнили и передались султану. Туркамъ дорого стоило эта побѣда, дороже чѣмъ когда-то здѣсь же надъ царемъ Лазаремъ; третьей доли арміи не существовало, но теперь Мурадъ II и его преемникъ могли не бояться Гуніада.

Защита Бѣлграда и смерть Гуніада.

Спасаясь въ лѣсахъ Валахіи, преслѣдуемый, онъ былъ захваченъ двумя разбойниками; ему предстояло погибнуть. Не теряя присутствія духа, пока злодѣи, уцѣпившись за его золотую цѣпь, спорили изъ за нея, онъ убилъ одного, а другаго обратилъ въ бѣгство. Его считали на родинѣ погибшимъ; потому появленіе его было совершенною неожиданностью. Оно было важно именно теперь, когда турецкія силы, двигаясь впередъ, грозили вторгнуться въ Венгріи. Но турки скоро повернули назадъ. Венгрія и Валахія могли вздохнуть свободнѣе. Старый султанъ искалъ успокоенія. Арабскій лѣтописецъ назидательно замѣчаетъ, что онъ умеръ легко, безъ страданій, потому что „любилъ бѣдныхъ и держалъ клятвы“. Но когда честолюбивый сынъ Мурада II, Магометъ II покорилъ Византію, то, подчиняя своей власти всѣ народы Балканскаго полуострова, молодой воитель вошелъ въ 1456 году въ предѣлы Сербіи, служившей теперь передовою областью Венгріи. Тогда Гуніадъ организовалъ сопротивленіе и задержалъ султана надъ стѣнами Бѣлграда. Здѣсь при защитѣ города дѣятельно помогалъ осажденнымъ францисканскій монахъ Капистрано, проявившій замѣчательныя инженерныя познанія. Болѣе мѣсяца простояли турки подъ Бѣлградомъ; наконецъ искусство Гуніада и его сотрудника заставило ихъ отступить. Гуніадъ вернулся въ Венгрію и черезъ мѣсяцъ скончался. Признательные венгерскіе чины избрали королемъ его сына, высокообразованнаго Матвѣя Корвина, друга и ученика гуманистовъ. Магометъ II сожалѣлъ, что Аллахъ не далъ ему счастья отмстить самому непримиримому и самому страшному врагу его самого и его отца.

Скандербегъ (1403-66 г.).

Онъ вновь нашелъ неутомимаго и безпощаднаго соперника въ лицѣ Георгія Кастріота, сына эпирскаго деспота. Когда-то онъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями, послѣ покоренія турками Эпира и Албаніи, былъ взятъ въ заложники ко двору султана. Мальчикъ Георгій особенно понравился падишаху; его обратили въ мусульманство, обучили военному искусству и по достиженіи совершеннолѣтія ввѣрили ему управленіе однимъ изъ санджаковъ. Братья его были замучены турками въ плѣну. Онъ обратилъ на себя вниманіе своею храбростью; турки прозвали его — Iskender-beg, Скандербегомъ (т. е. княземъ Александромъ). Ему довѣряли при дворѣ, но, не взирая на его просьбу, не возвратили наслѣдственнаго достоинства деспота. Тогда Георгій затаилъ мщеніе и при первомъ случаѣ бѣжалъ въ лѣса Албаніи, чтобы передаться христіанамъ, которые продолжали на берегахъ Дрины еще сопротивляться турецкой власти. Вставъ во главѣ ихъ, Георгій сдѣлался страшнымъ для турокъ. Онъ вновь принялъ христіанство, повелъ безпощадную партизанскую войну и впродолженіи 30 лѣтъ, начиная съ 1443 года, наводилъ трепетъ на самыхъ храбрыхъ янычаръ, которые считали его непобѣдимымъ и неуязвимымъ. Такимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Его личность въ глазахъ турокъ разрослась во что-то необычайное и стала достояніемъ легенды. Онъ отличался, кромѣ изумительной храбрости и отваги, замѣчательною изворотливостью, находчивостью, которая выручала его въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и замѣняла недостатокъ силъ и средствъ. Онъ сталъ грозою мусульманъ съ перваго дня своего успѣха. Его операціи на флангѣ турецкихъ силъ не разъ парализовали планы преемника Мурада II противъ Византіи и отдалили на нѣсколько лѣтъ взятіе Константинополя. Въ 1443 году онъ былъ уже обладателемъ всего Эпира. Онъ созвалъ всѣхъ окрестныхъ, еще независимыхъ владѣтелей, чтобы возбудить ихъ противъ турокъ. Между прибывшими былъ и черногорскій князь Степанъ Черноевичъ съ сыновьями. Тогда было созвано многочисленное христіанское ополченіе, наскоро набранное, не обученное, недостаточно дисциплинированное, но одушевленное однимъ геройскимъ духомъ и ненавистью къ невѣрнымъ. Оно содержалось на контрибуціи и на доходы съ соляныхъ копей въ Селинѣ, которыя захватилъ Скандербегъ. Въ рядахъ этого воинства встрѣчались авантюристы изъ Франціи и Германіи

рядомъ съ убѣжденными людьми, исполненными ненависти къ невѣрнымъ. Во главѣ этого воинства всталъ Скандербегъ, который разбилъ турокъ при первомъ столкновеніи. Съ тѣхъ поръ счастье не оставляло въ теченіе 20 лѣтъ бывшаго ренегата. Всѣ попытки турокъ вытѣснить Скандербега изъ Эпира оставались тщетными. Онъ наносилъ имъ пораженіе за пораженіемъ. Наконецъ самъ султанъ, еще разъ оставивъ свое уединеніе, выступилъ противъ него съ огромнымъ войскомъ.

Скандербегъ тогда прибѣгнулъ къ партизанской войнѣ; неожиданно по ночамъ онъ появлялся среди турокъ, производилъ панику въ лагерѣ, рѣзалъ враговъ гдѣ только могъ. Когда Мурадъ II, послѣ неудачной осады Кройя, столицы Скандербега, получивъ извѣстіе о смерти императора Іоанна II Палеолога, поспѣшилъ въ Адріанополь, то неутомимый противникъ, преслѣдуя его разсыпнымъ отрядомъ, въ горахъ нанесъ ему жестокое пораженіе. Съ тѣхъ поръ „проклятый" рыцарь, убившій своей рукой чуть не 3000 мусульманъ, сталъ предметомъ ужаса для турокъ, пока обстоятельства не заставили его укрыться на территоріи венеціанской республики. Его именемъ турчанки пугали своихъ дѣтей, а когда турки много лѣтъ спустя завладѣли Лиссой, гдѣ онъ былъ похороненъ, то враги, осквернивъ гробницу героя, по косточкамъ разобрали его скелетъ и изъ этихъ останковъ понадѣлали амулеты, которые будто обладали способностью дѣлать неуязвимымъ человѣка (1). Христіане, долго находившіеся подъ обаяніемъ его подвиговъ, называли его то „Великимъ", то Александромъ Македонскимъ.

Императоръ Константинъ XI (1450-53 г.).

Мурадъ II рѣшилъ не обращать вниманія на набѣги Кастріото, пока не уладитъ отношенія съ Византіей. Іоаннъ II Палеологъ былъ „послѣднимъ" императоромъ, при которомъ имперія, хотя была при послѣднемъ издыханіи, еще не дѣлилась и представляла нѣчто единое. Его смерть открывала просторъ

(1) Біографы украсили легендами жизнь Кастріото. Еще въ 1524 году вышелъ въ Римѣ цѣлый фоліантъ, посвященный его памяти. Затѣмъ наиболѣе распространенныя біографіи: Barlesio (De vita et moribus ac rebus adversus Turcas gestis G. Castrioti, qui propter celeberrima facinora Scanderbegus, hoc est Alexander Magnus cognominatus fuit; 1537, Arg. 1743, Zagr., переведено на разные языки). — Pontanus von Breitenberg (Fr. 1609), S. Pufendorf (St. 1684).— Dupoucet (P. 1709). — Le grand Castrioto, roi d'Albanie (Fr. 1779).

интригамъ при византійскомъ дворѣ; въ нихъ приняла участіе вдовствующая императрица, которая непремѣнно желала видѣть на престолѣ любимаго сына своего Димитрія, а не старшаго Константина, находившагося въ отсутствіи. Димитрій указывалъ на свое рожденіе отъ вѣнчаннаго императора, но Ѳома, младшій изъ братьевъ, отстоялъ права Константина и обратился къ султану за содѣйствіемъ, отправивъ къ нему пословъ. Мурадъ II одобрилъ избраніе Константина, но это одно доказывало фактическую зависимость послѣднихъ императоровъ Византіи отъ султановъ. Константинъ отказался отъ Пелопоннеса въ пользу своихъ братьевъ и, воцарившись въ Византіи, приложилъ всѣ усилія къ сохраненію имперіи.

Спустя два года, Мурадъ II умеръ и султаномъ былъ провозглашенъ его сынъ Магометъ II, которому было всего 21 годъ и которому суждено было водворить луну на куполѣ св. Софіи.

Султанъ Магометъ II (1451-81 г.). Памятники христіанскіе и мусульманскіе совершенно противоположно относятся къ личности Магомета II. Подъ перомъ однихъ — это кровожаднѣйшій изъ людей; со словъ другихъ — это великодушнѣйшій изъ властителей. Внезапно перенесясь изъ Азіи въ Адріанополь и безпощадно усмиривъ янычаръ, онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что приказалъ задушить своего младшаго брата во избѣжаніе могущихъ возникнуть междоусобій. Сынъ христіанки, которая по однимъ была законной женой султана, а по другимъ оставалась простой невольницей гарема, Магометъ оказывалъ уваженіе къ христіанству, хотя это не препятствовало ему оставаться искреннимъ мусульманиномъ. Онъ получилъ превосходное образованіе, понималъ и даже говорилъ, кромѣ роднаго, на пяти языкахъ: греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, персидскомъ и халдейскомъ. Онъ зналъ хорошо исторію и географію народовъ, подчиненныхъ его скипетру, читалъ съ восхищеніемъ жизнеописанія знаменитыхъ героевъ древности и приказалъ перевести Плутарха на арабскій языкъ. Онъ покровительствовалъ итальянскимъ художникамъ и знаменитый Джентиле Беллини, приглашенный ко двору султана, былъ осыпанъ самыми лестными знаками его вниманія и расположенія. Но вѣротерпимость и ученость не смягчили его характера. Можно игнорировать сказанія озлобленныхъ греческихъ историковъ о 14 пажахъ, у которыхъ были распороты желудки, чтобы

доискаться похитителя дыни, о красивой любимой невольницѣ, которой самъ султанъ отрубилъ голову съ цѣлью доказать янычарамъ, что ихъ падишахъ не можетъ влюбиться въ женщину, о рабѣ, который былъ обезглавленъ султаномъ, чтобы Беллини могъ ближе изучить игру мускуловъ,—все это можетъ быть выдумкой; но тѣмъ не менѣе безпощадность и кровожадность Магомета II подтверждаются фактами. Его страсти были свирѣпы и неумолимы; и во дворцѣ и во время походовъ онъ проливалъ потоки крови по самымъ ничтожнымъ поводамъ; часто самые знатные изъ его юныхъ плѣнниковъ бывали обезчещены его противоестественною склонностью (¹).

Принявъ обычныя поздравленія и дары отъ византійскаго императора, Магометъ II не скрывалъ своего намѣренія покончить съ жалкими остатками Византіи. Мысль объ этомъ преслѣдовала его неотступно, и на яву и во снѣ, какъ разсказываетъ греческій современный историкъ Дука. Однажды, въ безсонную ночь, султанъ послалъ за великимъ визиремъ Галилемъ, который былъ на сторонѣ греческой партіи и всегда являлся заступникомъ грековъ передъ султаномъ. Визирь ждалъ смерти, но Магометъ II обратился къ нему съ мольбою взять Константинополь — „Мнѣ ничего не нужно отъ тебя, убѣждалъ султанъ; я дамъ тебѣ больше, чѣмъ ты имѣешь, но прошу у тебя одного: отдай мнѣ городъ — (*τὴν πόλιν διδόναι μοι*)“. — Подъ городомъ султанъ разумѣлъ столицу имперіи. Напрасно успокоивалъ Галиль своего повелителя, обнадеживая его, что Византія не минуетъ своей судьбы.

— „Посмотри на мое изголовье, продолжалъ султанъ! Лежа безъ сна, я не могъ сомкнуть глазъ ни на одно мгновенье. Умоляю тебя, оставайся неподкупнымъ и не отказывайся отъ своихъ словъ. Будемъ храбро сражаться съ греками; волею Аллаха и молитвами пророка мы овладѣемъ городомъ“. Такъ, городомъ городовъ—*εἰς τὴν πόλιν* (Ис-тинполинъ, отсюда можетъ быть турецкое Стамбулъ) — казался Царьградъ султану, который всѣми помыслами и всѣми

(¹) **Гиббонъ**, весьма часто пристрастный, далъ, сколько мы знаемъ, наиболѣе вѣрную характеристику Магомета II (Исторія упадка Виз. имп. пер. Невѣдомскаго; VII, 311 и сл.). Византійскіе историки долго и односторонне трактующіе о Магометѣ, кромѣ упомянутаго **Халкондиласа**, были: **Франца**, **Дука**. О нихъ см. ниже, прим. на стр. 1070.

силами своими домогался водвориться на престолѣ императоровъ ([1]).

А между тѣмъ въ столицѣ Константина усиленно боролись два теченія: національное и иноземное; поборники послѣдняго готовы были идти на сдѣлку съ папствомъ и соглашались на церковную унію.

Здѣсь мы должны вернуться къ событіямъ нѣсколько раннимъ, повліявшимъ на положеніе Царьграда въ самую критическую минуту его исторіи.

Попытки церковной уніи. Еще императоръ Іоаннъ I Палеологъ (1341 — 91 г.), тѣснимый турками, рѣшился въ 1369 году искать помощи на Западѣ. Сынъ католички Анны Савойской, которая, вступая въ бракъ, только номинально приняла православіе, онъ

([1]) Δουκᾶς, историкъ тѣхъ событій, записавшій этотъ разсказъ, принадлежалъ къ латинской партіи. Онъ не былъ очевидцемъ самой осады, но не за долго до того былъ въ столицѣ, имѣлъ точныя свѣдѣнія обо всемъ отъ участниковъ. На все онъ смотритъ съ западной точки зрѣнія. Византія, по его словамъ, была обречена гибели, потому что не умѣла и не хотѣла въ тяжелыя годины сблизиться съ Западомъ. Онъ одобрялъ и поощрялъ вѣроотступничество. Его «Византійская исторія» (Bonn. 1834) имѣетъ потому лишь условную цѣну. — Гораздо выше его Γεώργιος Φραντζῆς (1401—65). Онъ служилъ при дворѣ послѣдняго императора Іоанна II, былъ посломъ его у султана, за что получилъ званіе протовестіарія (камергера), затѣмъ пользовался особымъ расположеніемъ Константина XI, для котораго отыскивалъ невѣсту въ Грузіи и Трапезунтѣ, когда турки уже объявили войну имперіи. Онъ былъ очевидцемъ осады, попалъ въ плѣнъ, счастливо откупился и постригся въ монахи, чтобы подъ старость лѣтъ описать тѣ великія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Это вполнѣ національный историкъ; онъ оплакиваетъ, какъ патріотъ, свою родину. Хроника его лучше всего издана въ сборникѣ Нибура (ред. Bekker, Bonn, 1834).— Леонардъ Хіосскій и другіе пользовались обыкновенно Франтцемъ и Дукою. Въ турецкой исторіографіи прославилась: Тай-Уттеварикъ, т. е. Корона хроникъ, соч. муфти Коджіа-еффенди (Магометъ Саадъ-еддинъ), относящаяся къ половинѣ XVI вѣка; въ извлеченіи—у Michaud (Bibl. des Croisades, t. III). — Кромѣ цитованныхъ византологовъ и историковъ Турціи,—для того времени превосходное соч. Finlay о Греціи въ средніе вѣка и его же: On the causes of the rapid conquests of the Ottoman Turks in Europe (L. 1853). М. М. Стасюлевичъ. Осада и взятіе Византіи турками (Уч. Зап. II Отд. Академіи Наукъ, 1854, кн. 1). См. также «Повѣсть о Цареградѣ», изд. М. Срезневскаго (тамъ-же, стр. 107—133) — изъ Царств. Лѣтописца и Никоновской лѣтописи.

готовъ былъ войти въ лоно Римской Церкви. Онъ рѣшился пасть къ ногамъ папы Иннокентія VI и черезъ него получить поддержку западныхъ государей. Черезъ тайныхъ агентовъ онъ велъ сношенія съ Римомъ, послѣдствіемъ коихъ было обязательство со стороны Іоанна признать главенство первосвященника и его преемниковъ. Оно было написано красными чернилами и скрѣплено золотой печатью. Въ залогъ своего послушанія императоръ отдавалъ своего сына Мануила и обязывался принимать съ должнымъ почетомъ папскихъ легатовъ и отвести церковь для совершенія католическаго богослуженія. Это тайное соглашеніе пока не касалось догматики, которая оставалась неприкосновенною (1). Но полная уступчивость со стороны императора и готовность обратиться въ католичество обнаружились впослѣдствіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Потеря Адріанополя и приближеніе турокъ къ Византіи до того смутили Іоанна I, что онъ рѣшился лично просить помощи на Западѣ. Онъ направился въ Венецію, а оттуда въ Римъ, гдѣ въ соборѣ св. Петра склонился въ прахъ передъ самымъ жалкимъ изъ первосвященниковъ, Урбаномъ V, который только что вернулся въ Римъ изъ Авиньона. Принужденный признать главенство папы и догматъ filioque, сознавая такимъ образомъ себя достаточно очищеннымъ, императоръ предсталъ передъ Урбаномъ V, который возсѣдалъ на тронѣ, предоставляя Іоанну цѣловать свои ноги, руки и уста (2). Императоръ отстоялъ католическую мессу и потомъ велъ за узду папскаго мула. Но это униженіе ни къ чему не повело. Папская курія не имѣла тогда никакого вліянія и могла располагать только обѣщаніями. Къ тому же у императора не было денегъ; въ Венеціи его задержали какъ несостоятельнаго должника, такъ что сынъ его Мануилъ прибылъ, чтобы выкупить отца и остаться за него заложникомъ. По возвращеніи домой, Іоаннъ тщательно скрывалъ свое вѣроотступничество, не имѣвшее никакихъ послѣдствій.

Его сынъ Мануилъ (1391—1425 г.) прибѣгалъ къ той же политикѣ заискиванья передъ Западомъ. Опытъ отца не научилъ его. Онъ въ 1400 г. ѣздилъ въ Венецію, Падую, Павію, Миланъ, но не захотѣлъ посѣтить Римъ, гдѣ по обычаю праздновался вѣковой юбилей. Обиженный этимъ, папа

(1) Raynaldi. Annales eccl. a. 1369.

(2) Vi a Urbani V. Muratori; scrpt. t. III, II; p. 623, 635.

предупредилъ всѣхъ западныхъ европейскихъ государей не оказывать грекамъ никакого содѣйствія. Потому дальнѣйшія странствія императора по Франціи и Англіи, гдѣ онъ являлся ходатаемъ за свой угнетенный народъ, оказались безплодны. Впрочемъ, изъ своего путешествія онъ вынесъ уваженіе къ силѣ Запада и къ тамошнему военному искусству. Онъ надѣялся только на одно, что Тимуръ-Ленкъ сокрушитъ Баязета, тѣмъ самымъ возвратитъ Византіи прежнее могущество, но и эти разсчеты оказались невѣрны. Мы говорили о тѣхъ испытаніяхъ, которыя суждено было вынести Мануилу въ послѣдній годъ его жизни во время осады 1422 года.

Западничество Іоанна II.

Мы знаемъ, что его сынъ Іоаннъ II вступилъ на престолъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ выросъ въ школѣ отца и сперва вѣрилъ въ политику угодничества передъ Западомъ, въ которой не разъ наставлялъ его отецъ. — „Необходимо сберечь послѣдніе остатки нашего наслѣдственнаго достоянія, внушалъ Мануилъ. Наша послѣдняя надежда заключается въ томъ страхѣ, который внушаютъ туркамъ воинственные народы Запада, способные насъ защитить, а ихъ истребить. Потому когда невѣрные будутъ угрожать намъ, хлопочи о созваніи собора, но избѣгай такихъ соборовъ, которые не доставятъ намъ ни духовной, ни мірской пользы. Латиняне высокомѣрны; греки упрямы. Потому попытка полнаго объединенія упрочитъ расколъ, поселитъ вражду между двумя Церквами и оставитъ насъ на произволъ варваровъ безъ всякой надежды на спасеніе и безъ всякой защиты“. Такія слова влагаетъ въ уста Мануила историкъ Франтца.

Этимъ совѣтамъ счелъ необходимымъ послѣдовать новый императоръ лишь черезъ 17 лѣтъ по вступленіи на престолъ, когда уже былъ стѣсненъ врагомъ на узкомъ пространствѣ одного города. Тогда шли засѣданія Базельскаго собора. Одержавъ побѣду надъ гуситами, отцы собора надѣялись побѣдить и ересь грековъ. Объ этомъ они говорили открыто. Палеологъ получилъ приглашеніе вступить въ переговоры. Онъ опасался поѣздки въ Базель. Дѣло едва не разстроилось, какъ враждебное отношеніе членовъ собора къ папѣ привело къ низложенію Евгенія IV. Послѣдній поспѣшилъ укрыться въ Феррарѣ, куда приглашалъ императора для бесѣды по церковнымъ дѣламъ. Папа оформилъ и обставилъ свое бѣгство изъ

собора, а равно свое пребываніе въ Феррарѣ подложнымъ протоколомъ мнимаго постановленія о перенесеніи засѣданій изъ Базеля въ Феррару. Здѣсь вокругъ папы было очень немного прелатовъ, когда предъ нимъ предстали: жалкій повелитель Восточной имперіи, его братъ Димитрій, патріархъ, окруженные высшими духовными властями, между которыми блисталъ никейскій іерархъ Виссаріонъ.

Императоръ ѣхалъ черезъ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ властями республики съ особеннымъ почетомъ. Такое же исключительное вниманіе было оказано ему въ Феррарѣ Евгеніемъ IV, котораго тщетно хотѣли лишить тіары отцы Базельскаго собора и который, смѣясь надъ ихъ угрозами, задумалъ грандіозное дѣло сліянія двухъ могущественныхъ Церквей. Начертана была подробная программа церемоніала, на чемъ настаивали греческіе іерархи. Императора не заставили колѣнопреклоняться передъ первосвященникомъ, который самъ встрѣтилъ его передъ дворцомъ, при чемъ папа, облобызавъ императора, далъ поцѣлуй и патріарху, энергично отстаивавшему свое достоинство. Грековъ смущала бѣдность папскаго двора. Было очевидно, что и Евгеній IV не можетъ ничего сдѣлать. Между тѣмъ онъ настаивалъ на уніи. Только подъ этимъ условіемъ онъ обѣщалъ выдавать греческимъ архіереямъ, монахамъ и священникамъ тѣ средства къ существованію на чужбинѣ, въ которыхъ они крайне нуждались. Изъ-за этой скудной подачки въ семьсотъ золотыхъ флориновъ въ мѣсяцъ на всю свиту, безъ чего приходилось умирать съ голода, греки явились на первое совѣщаніе. Вдругъ разнеслась громовая вѣсть, что въ городѣ показалась моровая язва и что миланскій герцогъ, который враждовалъ съ папой, стоитъ у воротъ Феррары. Папа рѣшился бѣжать окольными тропинками Апеннинъ во Флоренцію, увлекая за собою императора, предававшагося праздности въ окрестностяхъ Феррары, а съ нимъ и всѣхъ грековъ въ февралѣ 1439 года. **Соборъ въ Феррарѣ въ 1438 г.**

Во Флоренціи засѣданія собора стали болѣе оживленными. Тутъ кромѣ папы присутствовали: 2 патріарха, 8 кардиналовъ, 8 архіепископовъ, 52 епископа, 45 аббатовъ. Греческому духовенству было объявлено, что только тѣ получатъ содержаніе, которые будутъ вотировать за унію. Засѣданій соборныхъ было 25 въ теченіи полугода. Изъ іерарховъ восточныхъ перешли въ папскій лагерь митрополиты никейскій Виссаріонъ и московскій Исидоръ; они явились самыми ревностными побор- **Соборъ во Флоренціи въ 1439 г.**

никами уніи и за это, презираемые своими, получили кардинальскія шляпы. Въ противоположность имъ, ефесскій митрополитъ Маркъ не соглашался ни на какія сдѣлки, и, надо замѣтить, своею твердостью внушалъ къ себѣ уваженіе противниковъ.

Унія 1439 г. По существу вопросъ сводился къ четыремъ пунктамъ: 1) признаніе догмата исхожденія св. Духа и отъ Сына, 2) главенство папы, 3) свойства чистилища, 4) употребленіе прѣснаго хлѣба въ Евхаристіи. Изъ нихъ серьезныя затрудненія возбудилъ первый основной вопросъ; относительно прочихъ не было продолжительныхъ споровъ. Главнымъ ораторомъ и руководителемъ католической стороны былъ извѣстный намъ кардиналъ Юліанъ Чезарини. Онъ могъ назваться украшеніемъ католической Церкви и производилъ обаяніе даже на враговъ своей вѣры. Поборовъ гуситовъ въ Базелѣ, онъ хотѣлъ доводами богословія, діалектикой и присущей ему сердечностью побѣдить „старую ересь" грековъ. Свою преданность христіанству въ тотъ вѣкъ начинавшагося безвѣрія, когда католическіе прелаты показывали самый безнравственный примѣръ, онъ, какъ извѣстно, запечатлѣлъ черезъ пять лѣтъ на полѣ битвы подъ Варной. Въ сущности кардиналъ Юліанъ склонилъ огромное большинство православныхъ іерарховъ на принятіе трехъ послѣднихъ пунктовъ; по поводу перваго, чисто догматическаго, онъ выработалъ такую редакцію, которая допускала соглашеніе. Было принято, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и отъ Сына, какъ изъ одной сущности одно существо, и притомъ черезъ Сына, будучи одной съ нимъ субстанціи (¹).

Когда послѣдовало одобреніе большинства (24 голоса противъ 12), то митрополитъ Маркъ отказалъ въ своей подписи. Всѣ знали, что голоса подбирались за деньги, что устраняли неподатливыхъ и между прочимъ не допустили голосовать хоругвеносцевъ Софійскаго собора. Въ глазахъ папы отказъ Марка имѣлъ особое значеніе.—„И такъ, мы ничего не сдѣ-

(¹) Акты собора у Labbeus et Cossartius (Sacrosancta Concilia, t. XIII, P. 1672), Harduin (Acta, t. IX, P. 1714), Mansi (Collectio, t. XXXI. Ven. 1798). См. замѣчательную монографію проф. А. В. Горскаго. Исторія флорентійскаго собора. М. 1847. — Общее соч. греческаго ученаго Димитракопуло — Ἱστορία τοῦ σχίσματος (L. 1867).—О Виссаріонѣ превосходное изслѣдованіе H. Vast (Le card. Vissarion, P. 1878) и А. Садова, Виссаріонъ никейскій, его дѣятельность и значеніе въ исторіи гуманизма (Спб. 1883). Соч. Виссаріона изд. у Migne (Patrologia; series graeca, t. CLXI, P. 1866). Старое соч. Συροπουλος (Vera hist. unionis, Haga, 1660). Повѣсть Симеона суздальскаго о Флорент. соборѣ; см. Павлова (Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. (Спб. 1878, стр. 198 и сл.).

лали“, воскликнулъ Евгеній IV, когда увидѣлъ актъ соглашенія. За то Исидоръ подписался за себя и за патріарха антіохійскаго по уполномочію; за патріарха іерусалимскаго и александрійскаго также были заочныя подписи. Константинопольскій патріархъ Іосифъ умеръ до окончанія собора.

Какъ бы то ни было, соглашеніе было достигнуто, притомъ въ то самое время, когда Евгеній IV единогласно 25 іюня 1439 года былъ низложенъ Базельскимъ соборомъ по обвиненію въ симоніи, ереси, расколѣ и другихъ большею частію фантастическихъ преступленіяхъ. Надо замѣтить, что это охвостье Базельскаго собора состояло изъ лицъ, лишенныхъ всякаго авторитета; оно состояло большею частію изъ приходскихъ священниковъ, загоняемыхъ насильно. Когда это соборное опредѣленіе было получено во Флоренціи, на него не обратили вниманія. Дѣло говорило само за себя. Отрѣшенный папа могъ съ гордостью указать, что онъ даетъ Риму цѣлую половину христіанства. Отцы обоихъ соборовъ оказались въ очень затруднительномъ положеніи. Дѣло о низложеніи было замято. Избранный въ Базелѣ папа Феликсъ V скоро сложилъ съ себя свой громкій титулъ, а избраннаго тогда же схимника, герцога савойскаго Амедея VIII—и безъ того нигдѣ не признавали.

Тогда начались церемоніи, имѣвшія въ виду увѣрить всѣхъ въ прочности того соглашенія, которое не имѣло значенія.

Въ флорентійскомъ каѳедралѣ Santa Maria Maggiore, который и теперь поражаетъ красотою своей отдѣлки изъ чернаго и бѣлаго мрамора, 6 іюля 1439 года было торжественное засѣданіе. Преемникъ св. Петра и Константина Равноапостольнаго сидѣли на своихъ тронахъ. Кардиналъ Чезарини, а за нимъ кардиналъ Виссаріонъ прочли актъ соглашенія—одинъ по-латыни, другой по-гречески; затѣмъ оба прелата облобызались. Папа сталъ служить мессу. Тогда замѣтили, что греческіе архіереи отсутствуютъ. Обрядъ служенія былъ вполнѣ католическій; символъ вѣры былъ пропѣтъ съ filioque. Папа былъ недоволенъ. На другой день императоръ просилъ разрѣшить греческимъ архіереямъ совершить литургію по восточному обряду въ одной изъ католическихъ церквей. Папа отказалъ и требовалъ особаго предварительнаго служенія въ присутствіи кардиналовъ, ссылаясь на то, что не знаетъ греческихъ обрядовъ. Оказалось, что греки продали свою вѣру по очень дешевой цѣнѣ. Императоръ видѣлъ, что очутился въ подчиненномъ положеніи и покинулъ Флоренцію,

отказавъ папѣ въ немедленномъ выборѣ патріарха. Евгеній IV обѣщалъ давать ежегодную субсидію въ 12 тысячъ дукатовъ для содержанія 300 итальянскихъ наемниковъ, но подъ условіемъ, если унія дѣйствительно будетъ введена на Востокѣ.

Этого не случилось. Императора и отступниковъ-архіереевъ встрѣтило презрѣніе не только въ Византіи, но даже въ предѣлахъ венеціанской республики. Греки островахъ Корфу, Крита и др. предали унію анаѳемѣ, а въ Царьградѣ пришлось тщательно скрывать дѣянія, совершенныя во Флоренціи изъ опасенія возстанія. Императоръ Іоаннъ II и немногіе придворные въ душѣ остались вѣрными уніи. Онъ возвелъ на патріаршій престолъ митрополита Кизическаго Митрофана, одного изъ подписавшихъ соглашеніе, но среди духовенства не было явныхъ слѣдовъ уніи. Попытка Исидора провести унію въ Москвѣ едва не стоила ему жизни. Его титулъ апостольскаго легата въ „земляхъ литовскихъ, лифляндскихъ и русскихъ“ не имѣлъ смысла. Когда онъ на первой службѣ помянулъ папу римскаго, то былъ лишенъ сана и заточенъ въ Чудовъ монастырь; онъ успѣлъ бѣжать въ Литву, а оттуда поспѣшилъ въ Римъ. Здѣсь ему было дано порученіе содѣйствовать видамъ папства въ Константинополѣ. На московскомъ соборѣ 1448 года Исидоръ былъ осужденъ и впервые независимо отъ Византіи, гдѣ императоромъ былъ тогда уніатъ, поставленъ въ митрополиты московскіе рязанскій владыка Іона.

Византія въ послѣдніе годы.

Исидоръ явился глашатаемъ уніи въ Царьградѣ въ то время, когда слѣдовало собрать всѣ силы народныя во едино для борьбы съ врагомъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что большинство православнаго населенія питало такую ненависть къ латинянамъ, что предпочитало лучше подчиниться туркамъ, чѣмъ поминать папу. Соборъ св. Софіи, гдѣ уніаты пробовали пріобщать грековъ и гдѣ была провозглашена унія, сталъ предметомъ отвращенія для православныхъ и считался оскверненнымъ. А изъ Рима писали, что только тогда Византія получитъ помощь отъ священной имперіи и государей Запада, когда склонится на унію. Большинство мыслящихъ грековъ сознавало, что съ уніей государство теряетъ господствующую вѣру, языкъ, и если сохранитъ тѣнь политической независимости, то это не искупитъ потери національной особности. Такой взглядъ отпечатлѣлся въ тогдашнихъ литературныхъ и историческихъ памятникахъ, а населеніе инстинктивно раздѣляло это воззрѣніе. Большинство чувствовало, что если не-

вѣрнымъ суждено побѣдить, то владычество ихъ будетъ лишь временное, и никогда не отразится на свободѣ вѣры; содѣйствіе же Запада, обусловленное водвореніемъ уніи и католицизма, равно обезличенію національности и своего рода духовной смерти.

— „Какъ въ древности царство ассирійское было разрушено вавилонянами, пишетъ одинъ современный византіецъ, вавилонское — персами, персидское — македонянами, македонское — римлянами, такъ и Римская имперія будетъ разрушена Османами (τῶν Οτμανλίδων); впрочемъ и ихъ конецъ придетъ въ назначенное время“ ([1]). Истинные патріоты предпочитали, чтобы ихъ потомки подпали турецкому господству, въ надеждѣ возрожденія хотя бы въ отдаленномъ будущемъ; они не желали обречь себя безъисходной духовной смерти. Въ народной массѣ установилось такое убѣжденіе, вмѣстѣ съ готовностью пострадать, при чемъ ходили толки, что владычество невѣрныхъ продлится около трехъ съ половиною вѣковъ ([2]).

Такъ готовилась Византія къ гибели, которая казалась начертанною для нея неумолимой судьбой.

Впрочемъ самъ Константинъ XI былъ виновникомъ обострившихся непріязненныхъ отношеній съ новымъ султаномъ. Слѣдуя легкомысленнымъ совѣтамъ латинянъ, которымъ онъ имѣлъ несчастіе довѣриться, онъ оскорбилъ султана, потребовавъ отъ него двойныхъ денегъ на содержаніе его родственника Орхана, проживавшаго въ Византіи въ качествѣ заложника. Эти взносы греки называли данью. Магометъ II, затаивъ злобу и не чувствуя себя готовымъ, просилъ времени подумать. Но когда онъ усмирилъ возстаніе въ Азіи, то прекратилъ выдачу всякихъ суммъ.

Враждебное и непримиримое настроеніе со всею очевидностью сказалось, когда онъ задумалъ построить такое же сильное укрѣпленіе на европейскомъ берегу Босфора, какое уже было сооружено на азіатскомъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, тамъ гдѣ Дарій, вторгаясь въ Европу въ 513 году, приказалъ навести мостъ для переправы своихъ полчищъ ([3]).

([1]) Φραντζῆς (Bonn, 1838), 314. У другихъ это развито подробнѣе. Такъ Δουκᾶς, 253, 274, 289, 318. Χαλκονδίλας, 397, 405 etc.

([2]) Всѣ эти интересныя народныя гаданія и предсказанія, въ которыхъ главную роль играетъ народъ «Русовъ» (ξάνθον γένος) и «полуночный нѣкій самодержецъ», который сокрушитъ «иго агарянъ»,—собралъ Allatius (Vaticinium и Varia antiqua), не успѣвшій ихъ издать; въ извлеченіи у Banduri (Imperium Orientale; 1711, Ven. II, 872). См. также Повѣсть о Цареградѣ (Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, 1854, Памятники, 133—136).

([3]) Понтонный мостъ строилъ грекъ Мандроклъ, глава самосскихъ техниковъ. Геродотъ; IV, 87.

Магометъ II лично заложилъ второе укрѣпленіе (нынѣшнее Румили Гиссаръ) съ очевидною цѣлью заградить доступъ въ Византію всѣмъ судамъ идущимъ съ Запада и лишить ее подвоза хлѣба. Будучи увѣренъ, что никто изъ союзниковъ не посмѣетъ придти помочь столицѣ съ сухаго пути, султанъ разсчитывалъ изолировать Византію со стороны моря.

Правительство Константина XI поняло опасность грозившую Царьграду. Близость строившагося укрѣпленія къ столицѣ отдавала ее въ руки султана. Не разъ императоръ посылалъ пословъ султана, не просилъ, а молилъ его самымъ покорнымъ образомъ, обѣщая платить дань и указывая на невозможность при такихъ порядкахъ вести торговлю съ Западомъ. Султанъ былъ неумолимъ и съ ироніей замѣчалъ грекамъ, что ихъ земля ограничивается стѣнами „города". Постройка продолжалась самымъ энергичнымъ образомъ. Камень свозили съ разрушенныхъ храмовъ и зданій; 6000 рабочихъ трудились неустанно; самъ султанъ наѣзжалъ на работы и торопилъ сооруженіемъ. Онъ назвалъ крѣпость Багазъ-Кессенъ (головорѣзъ). Черезъ четыре мѣсяца (въ августѣ 1452 года) три башни, соединенныя куртинами, были готовы; онѣ были вооружены дальнобойными пушками, изготовленными на пагубу христіанъ венгерцемъ Урбаномъ, перебѣжчикомъ изъ Византіи. Между прочимъ Урбанъ, по особому заказу султана, отлилъ въ Адріанополѣ громадной величины пушку, изъ которой стрѣляли 30-пудовыми ядрами на 4 версты. Это орудіе, чудо тогдашняго артиллерійскаго искусства, приготовлено было для предстоящаго бомбардированія Византіи; оно дѣйствительно наводило страхъ на непріятеля, но впослѣдствіи разорвалось и стоило жизни его изобрѣтателю.

Когда несчастный императоръ узналъ о грозныхъ приготовленіяхъ султана и о сооруженіи Багазъ-Кессена, онъ значительно понизилъ тонъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Переговоры смѣнились мольбой. Прежде онъ настаивалъ на полученіи двойныхъ денегъ на содержаніе Урбана, называя эти выдачи данью, а теперь самъ соглашался платить дѣйствительную дань. Но султанъ, сбросивъ маску и сдѣлавъ послѣднія приготовленія, не скрывалъ, что хочетъ, во что бы то ни стало, овладѣть Константинополемъ. Тогда благородная гордость сказалась въ императорѣ.— „Ты желаешь войны, а не мира; я не могу успокоить тебя ни клятвами, ни повиновеніемъ; пусть будетъ по твоему. Теперь я прибѣгаю къ Богу. Если и Богъ опредѣлилъ и предназначилъ мой городъ пре-

дать тебѣ, то кто можетъ этому противорѣчить или противостоять? Если же онъ внушитъ тебѣ миролюбивыя намѣренія, то я буду тому радъ. Я освобождаю тебя отъ всѣхъ договоровъ и клятвъ и, запершись въ стѣнахъ города, буду защищать своихъ подданныхъ до послѣдней капли крови. Царствуй счастливо, пока Праведный Судья не призоветъ насъ обоихъ на судъ!" (1)

Тогда султанъ объявилъ войну императору, такъ какъ потерялъ всякую надежду, чтобы его гордый противникъ уступилъ свою столицу за какое либо вознагражденіе.... Отложивъ осаду до будущей весны, Магометъ II въ зиму 1453 года приказалъ тревожить городъ легкимъ отрядамъ, которые грабили и рѣзали окрестное населеніе безпощадно.

Осада Цареграда (2 апр. — 29 мая 1453 г.).

Когда настала рѣшительная минута, Константинъ согласился пожертвовать вѣрою предковъ, хотя понималъ всю практическую безполезность такой политики. Озлобленіе народа противъ латинянъ выразилось особенно сильно въ то время, когда турки готовились обложить столицу. Но императоръ напрасно разсчитывалъ на великодушіе западныхъ народовъ. Одни старались воспользоваться безъисходнымъ положеніемъ Византіи; такъ поступили венгерцы: самъ рыцарственный Гуніадъ требовалъ за содѣйствіе уступки Месамбріи и, когда на это согласилось правительство, онъ ограничился посылкой посольства къ султану, которое скорѣе повредило грекамъ, чѣмъ помогло. Другіе какъ венеціанцы, были явно враждебны, потому что недавно Константинъ отринулъ руку дочери дожа, чего еще не успѣли забыть въ Венеціи. Во всякомъ случаѣ, и тѣ, которые желали бы съ своей стороны оказать содѣйствіе и тѣ, которые только притворялись сочувствующими, — одинаково не могли проникнуть въ столицу послѣ окончанія укрѣпленій Босфора, особенно тогда, когда полчища Магомета въ числѣ 280 тысячъ человѣкъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Флотилія изъ 420 военныхъ судовъ поддерживала эту громадную армію, доставляя ей припасы и матеріалы для осады.

Противъ турокъ Константинъ имѣлъ только 4973 человѣка, какъ явствовало изъ подробной переписи, и 15 судовъ. Даже тогда когда къ осажденнымъ присоединилось до 2000 итальянцевъ, они представляли всего $^1/_{40}$ долю силъ непріятеля. Притомъ осажденные должны были защищать каждый

(1) Δουκᾶς, 245.

пунктъ стѣнъ, которыя раскинулись на протяженіи 50 верстъ въ окружности. На самый опасный пунктъ, именно у Романовскихъ воротъ, поставили генуезца Джустиніани, демарха, на котораго особенно надѣялись и эгоизмъ котораго погубилъ оплотъ православія. Кардиналъ Исидоръ, никогда не державшій меча, защищалъ сѣверную часть берега Золотаго Рога. Самъ императоръ, готовый сражаться какъ простой солдатъ, появлялся всегда тамъ, гдѣ грозила опасность. Замѣчательно, что въ спискѣ защитниковъ столицы преобладали итальянцы и вообще наемники. Магометъ заложилъ 14 батарей, поставилъ свою гигантскую пушку противъ воротъ св. Романа и приступилъ къ блокадѣ 2 апрѣля 1453 года. Первыя двѣ недѣли была безпрерывная канонада, но она не устрашила несчастное населеніе, которое давно готово было ко всякимъ ужасамъ. Смерть Урбана при разрывѣ гигантской пушки смутила турокъ; впрочемъ венгерскій посолъ постарался замѣнить Урбана и самъ наводилъ орудія на христіанъ. Послѣдствіемъ его усилій было разрушеніе башни у воротъ св. Романа, черезъ развалины которой турки могли проникнуть въ городъ. Императоръ смутился и отправилъ парламентеровъ для переговоровъ. Онъ предлагалъ платить ежегодную дань султану, но Магометъ II требовалъ безусловно Константинополя.

— „Мнѣ нельзя отступить, говорилъ султанъ; или я возьму городъ, или городъ возьметъ меня живаго или мертваго. Если ты желаешь уступить мнѣ городъ добровольно, я отдамъ тебѣ Пелопоннесъ, а братья твои получатъ другія области, и мы останемся друзьями; если же меня не впустятъ добровольно, то я войду силою, убью тебя и вельможъ твоихъ, а все прочее предамъ на разграбленіе войску“ (¹).

Тогда Константинъ устыдился своего униженія и рѣшился погибнуть, защищаясь на сколько хватитъ силъ.

Турки были увѣрены въ успѣхѣ штурма. Ровъ передъ разрушенной башнею былъ засыпанъ, при чемъ янычары не жалѣли даже своихъ слабыхъ и больныхъ товарищей, толкая ихъ въ яму и заглушая ихъ стоны грудами земли и всякими тяжестями, которыя обильно метали туда. Все это было исполнено въ теченіе дня подъ выстрѣлами греческихъ орудій. Но ночью осажденные снова разчистили ровъ и когда турки приготовились къ штурму, онъ оказался невозможнымъ. Не удался

(¹) Δουκᾶς, 276.

также подкопъ, который повели турецкіе инженеры подъ стѣны. На византійской службѣ тогда состоялъ одинъ изъ лучшихъ инженеровъ того времени, нѣмецъ Іоаннъ Грантъ, благодаря искусству котораго, несмотря на крайнюю малочисленность гарнизона, долго всѣ усилія турокъ обращались въ ничто [1]. Грантъ противъ турецкихъ минъ повелъ контръмины и, дорывшись до линіи турецкаго подкопа, взорвалъ его снизу греческимъ огнемъ, при чемъ погибло множество турокъ. Тогда султанъ велѣлъ выстроить подвижную громадную башню въ уровень высоты городской стѣны и подкатилъ ее къ воротамъ. Джустиніани ночью сдѣлалъ вылазку и зажегъ башню.

Обложивъ треугольникъ столицы съ двухъ сторонъ, съ сухаго пути, т. е. со стороны материка и Галаты, Магометъ II чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ со стороны Мраморнаго моря и Босфора. Гавань Золотаго Рога, составляющая часть Босфора, была загорожена цѣпью, которую нельзя было разорвать. За этой преградой стояла греческая эскадра изъ 15 кораблей, которая помогала оборонѣ и была недоступна для турокъ, потому что турецкая батарея изъ 130 орудій, стоявшая на другомъ берегу, въ Галатѣ, не могла дѣйствовать по ней свободно; глубина гавани давала возможность помѣщать суда внѣ сферы турецкаго огня. Турецкій флотъ, въ которомъ большихъ кораблей было менѣе 50, долженъ былъ играть вообще пассивную роль во время осады, вслѣдствіе неповоротливости судовъ, отсутствія искусныхъ моряковъ и недостатка распорядительности. Надо замѣтить, что командиры судовъ были большею частію ренегаты, а адмираломъ болгаринъ Палда, который нигдѣ еще на морѣ не проявилъ своего искусства. Потому весь турецкій флотъ изъ 430 судовъ не могъ помѣшать 4 генуэзскимъ кораблямъ, нагруженнымъ пшеницей, прорваться въ гавань Золотаго Рога безъ всякой потери. Турки, бросившись на абордажъ, были отбиты и даже отдали два корабля, по греческимъ извѣстіямъ, потерявъ 12 тысячъ убитыхъ. Тщетно султанъ, наблюдая съ берега, поощрялъ своихъ; самъ того не замѣчая, онъ на конѣ въѣхалъ въ море, и на его глазахъ была поднята цѣпь гавани, въ которую проскользнули генуэзцы, побѣдоносно уводя два турецкихъ судна и плѣнныхъ. Магометъ II

(1) Таково мнѣніе Finlay; II. 628. Въ новѣйшихъ соч. Mordtmann (Belagerung und Eroberung Constantinopels im J. 1453) и Krause (Die Erob. von Const. im XIII und XV Jahrh.) также оттѣняется участіе Гранта.

до того былъ возмущенъ позоромъ своего флота, что въ первомъ порывѣ гнѣва велѣлъ связать адмирала и собственноручно далъ ему сотню ударовъ золотымъ прутомъ. Озлобленные янычары едва не растерзали ренегата. Чтобы воспользоваться средствами своего флота и ускорить сдачу города, Магомету пришла въ голову смѣлая мысль: ввести часть эскадры, стоявшей противъ Рога въ самую гавань волокомъ, по примѣру Октавіана и русскаго князя Олега. Нѣсколько сѣвернѣе стѣны Галаты, у т. н. Святаго Устья быстро начались работы. Линія въ 8 верстъ между Устьемъ и сѣверной частью гавани была выровнена; на эту дорогу были положены деревянные рельсы смазанные саломъ. По этой настилкѣ, днемъ, съ музыкой и пѣснями, перетянули турки 80 судовъ, которые къ изумленію грековъ плавно скатились въ просторную гавань. Остается неразгаданнымъ—какъ могли допустить опытные генуезскіе моряки диверсію подобнаго рода, когда въ ихъ рукахъ была полная возможность устранить появленіе непріятеля.

Значеніе этой мѣры было роковое для Византіи. Надо знать, что издавна народная молва считала возможнымъ паденіе Царьграда только тогда, если вражескіе корабли переплывутъ сушу. Потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на населеніе это грозное исполненіе пророчества, само собою парализовало всѣ послѣднія отчаянныя усилія императора. Мрачныя опасенія, сознаніе безпомощности проникли въ душу каждаго и руки опускались у самыхъ стойкихъ и храбрыхъ защитниковъ. Помимо того, теперь уничтожалась всякая возможность получить хлѣбъ съ Запада, и столицѣ,—плотно обложенной и замкнутой въ довершеніе мостомъ, который выстроили турки въ сѣверной части Рога,—грозила съ теченіемъ времени голодная смерть. Казна истощилась. Впрочемъ Константинъ XI, нуждавшійся въ деньгахъ для удовлетворенія наемниковъ, съ разрѣшенія патріарха, взялъ золотыя и серебряныя церковныя сокровища, перелилъ ихъ въ монету, обѣщая въ случаѣ спасенія столицы, возвратить все въ храмы четверицею. Императоръ сулилъ большія богатства итальянскимъ морякамъ, если они уничтожатъ турецкій флотъ въ гавани, но всѣ попытки венеціанцевъ въ этомъ родѣ не удались. Въ свою очередь и турки не могли уничтожить греческую эскадру, не смотря на усиленный огонь съ судовъ и съ береговой батареи.

Султанъ, утомленный осадою, былъ вполнѣ увѣренъ, что теперь императоръ приметъ всякія условія. Онъ не жалѣлъ дальнѣйшихъ жертвъ; онъ привыкъ ни во что цѣнить человѣческую жизнь,— но его томило желаніе пріобрѣсти городъ какъ можно скорѣе и безъ риска. Если онъ чего опасался, то появленія флота франковъ, — какъ называли тогда латинянъ—, силу которыхъ онъ сознавалъ и къ которымъ питалъ страстную ненависть. Онъ предложилъ въ половинѣ мая свободный пропускъ императору Константину, предоставляя ему взять съ собою все что онъ пожелаетъ. Константинъ въ эту роковую для него минуту, когда гибель была неминуема, предпочелъ честь измѣнѣ своему долгу.

— „Мы будемъ благодарить Господа, отвѣчалъ императоръ султану, если ты пожелаешь заключить миръ съ нами на условіяхъ предшественниковъ нашихъ. Мы готовы даже уступить тебѣ наши области, неправильно тобою присвоенныя; наложи на насъ дань великую и тяжелую; приказывай намъ, но удались по заключеніи мира. Домогаясь добычи, ты и не предвидишь, что самъ впослѣдствіи можешь сдѣлаться добычею другихъ. Я не могу сдать тебѣ городъ; такъ не имѣетъ права поступить никто изъ гражданъ. Намъ дозволено только одно: продолжать умирать и не щадить своей жизни“ (¹).

Получивъ этотъ благородный отвѣтъ, султанъ на военномъ совѣтѣ назначилъ штурмъ въ ночь на 29 мая.

Послѣдній штурмъ Византіи.

Послѣдній императоръ приготовился умереть вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Пересчитали количество защитниковъ; оказалось только 4000, вмѣсто прежнихъ 7000; около 3000 уже погибло на стѣнахъ столицы. Спасенія не предвидѣлось; страшная неравномѣрность силъ,—когда приходилось одному защищаться противъ полсотни нападающихъ (²), — выгодныя позиціи, занимаемыя турками на сушѣ и на водѣ,—все предвѣщало несчастіе и смерть. Императоръ исповѣдался и пріобщился св. таинъ; тоже сдѣлали его приближенные и воины. Султанъ также назначилъ наканунѣ общественную молитву и семикратное омовеніе. Послѣдній вечеръ передъ штурмомъ христіане провели въ скорби и тишинѣ; турки пировали и веселились; лагерь и суда ихъ были иллюминованы безчисленными огнями.

(¹) Δουκᾶς, 280.

(²) Франтца (271) ошибочно считаетъ 500 вмѣсто 50.

Чтобы ободрить духъ своихъ воиновъ, Магометъ, объѣзжая ряды ихъ, напоминалъ о наслажденіяхъ будущей жизни.

— „Кто изъ васъ падетъ въ бою, взывалъ султанъ, тотъ будетъ вкушать яствы и пить вмѣстѣ съ Магометомъ въ раю, и возлежать съ гуріями, совершивъ благовонныя омовенія. Тѣ же, которые останутся живы послѣ побѣды, будутъ получать двойное жалованье до конца ихъ жизни. Покоренный городъ я отдаю вамъ на три дня, кромѣ крѣпостныхъ стѣнъ и зданій: всякая добыча, золото, серебро, одежды, женщины — все это ваше" (1).

Такой гордой увѣренности не слышалось въ словахъ императора, когда онъ обратился къ своимъ архонтамъ и гражданамъ съ послѣдними словами передъ роковой битвой. Это было скорѣе прощанье умирающаго съ окружающими. Константинъ высказывалъ полную покорность судьбѣ, которая хочетъ наказать народъ за грѣхи его.—„Подумайте, братья и товарищи. о томъ, говорилъ онъ, какъ надлежитъ пріобрѣсти свободу, вѣчную память и славу. Вамъ извѣстно, что султанъ, врагъ нашей вѣры, безъ всякой причины нарушилъ миръ и построилъ крѣпость для угнетенія насъ, опустошилъ наши поля, сжегъ сады и дома, умертвилъ нашихъ братьевъ.... Пусть на ихъ сторонѣ сила; за насъ Господь Богъ, Спаситель нашъ!"

Онъ обратился затѣмъ къ итальянскимъ наемникамъ, на которыхъ была послѣдняя надежда.—„Вы знаете, говорилъ онъ венеціанцамъ, что нашъ городъ былъ всегда вашимъ вторымъ отечествомъ; умоляю васъ оставаться въ эту тяжелую минуту друзьями, вѣрными союзниками и братьями". Повторивъ тоже генуезцамъ, онъ, въ заключеніи, вновь обращаясь ко всѣмъ, воскликнулъ: — „Передаю мой скипетръ въ ваши руки; берегите его. На небѣ ждетъ васъ лучезарный вѣнецъ, а въ этомъ мірѣ пребудетъ о васъ славная и вѣчная память!" (2)

Послѣднія слова дышали убѣжденностью. Императоръ былъ готовъ умереть. Штурмъ начался до разсвѣта при второмъ пѣніи пѣтуха. Самое важное мѣсто въ оборонѣ представляли Романовскія ворота, среднія въ стѣнѣ со стороны материка. Во всѣ осады турки били главнымъ образомъ эти ворота. Они были ввѣрены генуезцамъ Джустиніани, который былъ главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ императора во все время войны. Около него стояли справа три брата:

---

(1) Φραντζῆς, 270.
(2) Idem, 271—277.

Павелъ, Антоній и Троилъ, за ними Іоаннъ Грантъ съ нѣмцами, и снова генуезцы, а слѣва математикъ Өеофилъ Палеологъ и Мануилъ съ итальянцами. На Джустиніани собственно сосредоточились всѣ аттаки турокъ, а вмѣстѣ всѣ надежды грековъ; свою вѣрность императору онъ имѣлъ случай доказать не разъ; по крайней мѣрѣ на него до штурма не было заявлено никакого подозрѣнія. Противоположная стѣна, обращенная къ Золотому Рогу, не имѣла серьезнаго значенія въ оборонѣ; ее охраняли Лука Нотара, кардиналъ Исидоръ и венеціанцы, а стѣна со стороны моря оставалась безъ защиты.

На Джустиніани обрушились потому всѣ усилія турокъ. Онъ располагалъ 3000 воиновъ изъ 4000, составлявшихъ къ началу штурма весь гарнизонъ Византіи. Самъ императоръ, обнаруживая полное хладнокровіе и распорядительность, смотрѣлъ отважно въ глаза смерти; онъ поспѣвалъ вездѣ гдѣ требовала опасность, и чаще всего появлялся въ этомъ опасномъ пунктѣ. Отборныя турецкія войска подъ начальствомъ самого султана расположились противъ Джустиніани. Ранѣе ихъ были двинуты на приступъ новобранцы, подгоняемые плетьми и палками; по трупамъ ихъ разсчитывали пробраться янычары, когда утомится противникъ.

Штурмъ начался при громѣ орудій береговой и корабельной артиллеріи, при ревѣ трубъ и тимпановъ, которымъ хотѣли подбодрить аттакующихъ. Осажденные въ продолженіе двухъ часовъ отбили нѣсколько приступовъ и истребили массу непріятеля. Өеофилъ сдѣлалъ удачную вылазку и заставилъ турокъ попятиться отъ стѣнъ. Императоръ былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Вдругъ прошелъ слухъ, что Джустиніани, раненый, оставилъ свое мѣсто. Эта вѣсть лишила защитниковъ мужества. Слухъ оказался вѣрнымъ. Джустиніани былъ раненъ довольно легко: стрѣла задѣла ему колѣно; онъ могъ бы остаться на стѣнѣ послѣ перевязки. Императоръ умаливалъ его не покидать опаснаго поста; говорилъ, что отъ его присутствія зависитъ спасеніе города. Джустиніани отринулъ моленія императора и удалился въ Галату. Общее мнѣніе современниковъ объясняетъ этотъ поступокъ генуезца не столько измѣной, сколько преступнымъ самолюбіемъ и местью грекамъ за обиды ему нанесенныя (1).

---

(1) Только Дука, по понятной пріязни, принимаетъ сторону Джустиніани; мусульманскіе памятники также на его сторонѣ. Это показываетъ, что безъ злосчастнаго отступленія генуезца трудно было взять Византію.

Пользуясь наставшимъ смятеніемъ, турки повернули назадъ и снова бросились къ воротамъ. Какой-то великанъ Гассанъ съ 30 янычарами первый вскочилъ на стѣну. Его убили, но за нимъ хлынули цѣлыя массы. Магометанская луна взвилась надъ воротами св. Романа. Когда это знамя съ другой стѣны увидали критскіе стрѣлки, то бросили свои укрѣпленія и сѣли на корабли. Итальянцы, стоявшіе вправо отъ воротъ, также бросились бѣжать. Императоръ Константинъ, окруженный своими тѣлохранителями, кинулся къ воротамъ; онъ успѣлъ оттѣснить турокъ, но былъ охваченъ съ фланга новой толпою враговъ проникшихъ черезъ Керкопорту, ворота ближайшія къ Золотому Рогу. Спасенія не было. Константинъ кинулся въ толпу озлобленныхъ враговъ. Онъ искалъ смерти.—„Неужели нѣтъ ни одного христіанина, который бы отрубилъ мнѣ голову!" воскликнулъ онъ. Въ это самое время надъ нимъ скрестились копья и ятаганы. Бездыханный императоръ палъ смертью героя. Его трупъ послѣ признали по обуви, украшенной золотыми орлами.

Турки въ Царьградѣ. Было 6 часовъ утра. Населеніе не спало, но женщины большею частію были въ домахъ или въ церквахъ. Массы турокъ, то тутъ то тамъ, врывались сквозь крѣпостные ворота. Началось страшное избіеніе въ домахъ и на улицахъ. Женщинъ и дѣтей хватали и истязали. Кто могъ, спасался на корабли. Тысячи народа укрылись въ св. Софіи. Здѣсь несчастные ждали чуда; по преданію ангелъ долженъ былъ снизойти съ неба и принести мечъ для защиты народа Божьяго. Турки ворвались въ храмъ и всѣхъ перевязали безъ различія пола, возраста и сословія, для дѣлежа добычи. Тутъ было множество знатныхъ дамъ, только что отстоявшихъ заутреню; онѣ тотчасъ же были разобраны по рукамъ простыми воинами. Насилія и дикія звѣрства происходили открыто повсюду впродолженіи страшныхъ шести часовъ, пока султанъ не въѣхалъ въ столицу. На стѣнахъ, по берегу Золотаго Рога, греки еще продолжали сражаться и даже отразили приступъ непріятельскій, когда защитники были обойдены съ тыла. Одни были перерѣзаны, другіе бросались со стѣнъ въ волны гавани. Населеніе этихъ кварталовъ подверглось еще большимъ истязаніямъ; сюда кинулись тѣ изъ турокъ, которые еще не насытились местью. Немногіе, спасшіеся на берегъ за стѣнами, надрывали себѣ грудь крикомъ, прося ихъ принять на гре-

ческіе корабли, которые быстро снимались съ якорей и удалялись въ виду бездѣйствовавшаго турецкаго флота. Несчастные не избѣгли своей участи. Историкъ Франтца, плѣненный турками, описываетъ неистовства побѣдителей, которыхъ самъ былъ жертвою. „Во многихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, не видать было земли изъ за множества труповъ; повсюду слышались крики и стенанія почтенныхъ женъ и дѣвъ, посвятившихъ себя Богу. Турки извлекали ихъ за косы изъ храмовъ.... Здѣсь представлялась взорамъ божественная кровь Спасителя, разлитая по полу и тѣло Его, разбросанное по угламъ; переломанные священные сосуды валялись повсюду; тамъ—образа украшенные золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, были попираемы ногами или ставились вмѣсто столовъ. Священныя ризы, вытканныя шелкомъ и золотомъ, служили попонами для лошадей или клались подъ ноги, какъ ковры. Многое и другое, что возмутило бы душу каждаго и исторгло слезу, совершилось въ этотъ день руками предтечей антихриста.... Во храмѣ Премудрости Божіей, на алтаряхъ, бражничали турки и предавались неистовымъ страстямъ, окруженные женщинами, дѣвами и юношами.... Вездѣ плачъ и страданія, въ домахъ слезы, въ храмахъ стоны мужей, рыданія женщинъ, грабежъ, плѣнъ, оскорбленія. Нѣтъ ни одного угла, который бы не былъ ограбленъ" ([1]). Скоро послѣдовало распоряженіе: всѣхъ плѣнныхъ жителей выводить за городъ и загнать въ рогатки, какъ стадо, для дѣлежа живой добычи.

Во всемъ Константинополѣ не пострадало только предмѣстье Галата, населенное большею частію итальянскими моряками, безъ которыхъ не могло обойтись правительство султана. Магометъ II велѣлъ предупредить ихъ, чтобы они оставались спокойными и что сила прежнихъ договоровъ будетъ сохранена. Тѣмъ не менѣе многіе итальянцы уѣхали. Прочіе поднесли султану ключи города. Стѣны предмѣстья вскорѣ были разрушены.

Въ 12 часовъ дня, по улицамъ заваленнымъ трупами, Магометъ въѣхалъ въ столицу. Поѣздъ направлялся къ св. Софіи. Въ храмѣ, уже ободранномъ и оскверненномъ, продолжался грабежъ. Одинъ янычаръ безъ всякой надобности разбивалъ мраморный мозаичный полъ. Ударомъ меча сул-

---

([1]) Φραντζῆς, 288—9. Приведено у Стасюлевича; Осада 166.

танъ сразилъ злодѣя и приказалъ повсюду остановить насилія. Пораженный величіемъ св. Софіи, которое прельщало взоръ даже среди явныхъ слѣдовъ разрушенія, султанъ распорядился очистить храмъ, убрать кресты и иконы и, призвавъ муфтія, велѣлъ ему прочесть съ амвона молитву и объявилъ отнынѣ этотъ великолѣпный памятникъ христіанскаго зодчества мечетью. По выходѣ изъ храма, плѣнный Лука Нотара, одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ столицы, распростершись передъ султаномъ, поднесъ ему всѣ свои сокровища. Магометъ II сперва хотѣлъ даровать ему жизнь, а потомъ приказалъ убить его съ двумя старшими сыновьями; младшаго же, который привлекъ его вниманіе красотою, взялъ къ себѣ. Были казнены также плѣнные итальянскіе и каталонскіе предводители; спасся одинъ Контарини. Послѣ всѣхъ былъ казненъ великій визирь Галиль-паша, котораго султанъ уличилъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ греками.

Тѣло императора было отыскано и погребено съ почестями. Султанъ оказалъ полное вниманіе православному духовенству, открыто высказываясь противъ католическаго, такъ какъ ненавидѣлъ болѣе всего латинянъ, опасаясь силы западныхъ народовъ. Потому онъ объявилъ свое желаніе, чтобы всѣ возвращались въ свои дома и сохраняли бы по прежнему свою религію и обычай, (*καὶ βιῶναι ἔχα δτον κατὰ τὴν τάξιν*) пользуясь полною свободою и неприкосновенностью (¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мудрый правитель, онъ, отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Церкви, предоставилъ духовенству выбрать себѣ патріарха. Избраннымъ оказался епископъ Георгій Схоларій, подъ именемъ Геннадія, заклятой врагъ уніи. Султанъ утвердилъ выборъ, пригласилъ патріарха къ своему столу, чествовалъ его съ особеннымъ торжествомъ, наградилъ подарками, самъ провожалъ его на глазахъ всего двора до подъѣзда дворца, велѣлъ своимъ министрамъ сопутствовать ему до его резиденціи и въ заключеніе даровалъ фирманъ, по которому патріархъ и его имущество были освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ. Ему предоставлялось жить свободно, запрещалось притѣснять его и оскорблять. Такія же права распространялись на всѣхъ его преемниковъ, а также на всѣхъ подчиненныхъ епископовъ (²). Нельзя не замѣтить, что султаны честно соблюдали свое обѣщаніе цѣлые вѣка.

(¹) Это свидѣтельствуетъ Франтца, крайне враждебный къ туркамъ, 304.
(²) Φραντζῆς, 308.

Очистивъ городъ и добившись своей завѣтной цѣли, Магометъ приказалъ доставить въ столицу изъ Анатоліи, преимущественно изъ Синопа, 5000 мусульманъ; 60 тысячъ грековъ въ свою очередь было разселено по азіатскимъ городамъ. Плѣнныхъ тогда же перепродали или выкупили. Впрочемъ впослѣдствіи много бѣжавшихъ вернулись въ столицу и спокойно поселились въ ней. Громадная добыча, состоявшая изъ множества драгоцѣнныхъ вещей, главнымъ образомъ расхищенныхъ въ церквахъ и монастыряхъ, была снесена за городъ и раздѣлена между воинами, которые особенно дешево цѣнили манускрипты, продавая десятокъ томовъ за одинъ дукатъ.

Послѣдствія завоеванія. Незамѣнима была потеря литературныхъ памятниковъ классической древности, которые хранились издавна въ Византіи и которые погибли во время погрома; по предположеніямъ нѣкоторыхъ тогда исчезло до 120 тысячъ манускриптовъ ([1]). Впрочемъ многое ранѣе было перенесено въ Италію, благодаря просвѣтительной дѣятельности греческихъ ученыхъ, которые учили публично во Флоренціи, Венеціи и другихъ городахъ. Они содѣйствовали главнымъ образомъ развитію гуманизма. Если Петрарка и Боккачіо считали полезнымъ, а иногда и необходимымъ изученіе греческаго языка для образованнаго человѣка, то тѣмъ сильнѣе упрочилось сознаніе этой потребности въ XV вѣкѣ, что увидимъ при изложеніи начальныхъ явленій Возрожденія классической древности. Здѣсь турки—какъ это ни странно—явились невольной, косвенной причиной, повліявшей на развитіе европейской образованности.

Утвердившись въ Царьградѣ, Магометъ II считалъ себя властителемъ всей Восточной Имперіи. Онъ игнорировалъ безсильныя попытки папы Пія II (1458—64 г.) организовать противъ султана крестовый походъ ([2]). Когда послѣ собора

([1]) Таково мнѣніе Гиббона (VII, 352), основанное на Дукѣ и на письмѣ Квирина папѣ Николаю V.

([2]) Это былъ тотъ самый Эній Сильвіо Пикколомини, который подвизился на Базельскомъ соборѣ и который, заинтересовавшись чехами, написалъ ихъ исторію (II, 903, 940 прим.). Убѣдившись въ разладѣ европейскихъ государей, когда дѣло шло объ общихъ церковныхъ интересахъ, онъ выразился что тогдашняя Европа «это тѣло безъ головы, это республика, въ которой нѣтъ ни законовъ, ни должностиныхъ лицъ».

въ Мантуѣ, папа прибылъ въ гавань Анконы съ воинственною цѣлью, то увидѣлъ вокругъ себя ничтожную кучку наемниковъ и нѣмецкихъ пилигримовъ. Съ чувствомъ стыда папа долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Что касается до Магомета II, то онъ не могъ оставить и тѣни самостоятельности народамъ въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Въ 1459 году онъ, несмотря на неудачу подъ Бѣлградомъ (II, 1065), уничтожаетъ послѣ смерти Гуніада существованіе Сербіи. Это было сдѣлано великимъ визиремъ Махмудъ-пашею Въ томъ же году самъ султанъ вступилъ въ Пелопоннесъ, гдѣ продолжали считать себя независимыми братья погибшаго Константина, Димитрій и Ѳома. Первый изъ нихъ даже носилъ титулъ императора, считая себя преемникомъ правъ Палеологовъ. Это вызывало постоянную непріязнь къ нему Ѳомы, который, симпатизируя католицизму, призналъ унію еще до взятія Царьграда. Ѳома носилъ титулъ деспота Патраса. Вмѣсто того чтобы примириться послѣ ужаснаго несчастія, обрушившагося на послѣднихъ Палеологовъ, достойные братья воевали одинъ съ другимъ. Пользуясь этимъ, Магометъ овладѣлъ сѣвернымъ берегомъ Мореи, посѣтилъ Аѳины, гдѣ любовался монументальными памятниками древности и, присоединивъ весь Пелопоннесъ къ своимъ владѣніямъ, назначилъ этотъ городъ резиденціей своего намѣстника (1). Когда султанъ удалился, вспыхнуло возстаніе. Потребовался второй походъ; Димитрій и Ѳома наперерывъ искали расположенія султана, обѣщая ему повиновеніе, съ тѣмъ чтобы имъ предоставлено было управленіе. Но Магометъ не вѣрилъ ни одному изъ нихъ. Димитрій явился съ повинной къ султану и былъ сосланъ въ Айносъ, гдѣ султанъ выдавалъ ему пенсію, а Ѳома бѣжалъ въ Римъ, гдѣ окончательно перешелъ въ католицизмъ. Города Мореи были страшно наказаны. Султанъ велѣлъ не щадить въ нихъ никого; ужасныя жестокости были совершены надъ ихъ храбрыми защитниками. Начальники крѣпостей и городовъ подвергались жестокимъ мукамъ; ихъ пилили пополамъ тупыми пилами, пока они не испускали духъ. Въ 1459

(1) Gregorovius. G. der Stadt Athen im Mittelalter. St. 2 B. 1889. Прежнія изсл.—Finlay. (The hist. of Graece under Otoman and Ven. domination. Ed. 1856); Hopf (Griech. im Mittelalter: — Ersch und Gruber); Mendelssohn-Bartholdy (G. Griech. L. 1870); Hertzberg (G. Griech. vom Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart, 2 B. H. 1876—79).

году Пелопоннесъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ султана и заселенъ турками, которые тамъ перемѣшались съ греками.

Въ 1462 году Магометъ II двинулся въ Валахію противъ воеводы ея Влада, отказавшагося платить дань туркамъ и тиранившаго столько же своихъ подданныхъ какъ и враговъ. Влада прозвали сами валахи Дракуломъ, считая его за палача. Дракулъ прославился невѣроятными жестокостями и дикою страстью къ истязаніямъ. Это былъ маніакъ въ своемъ родѣ, помѣшанный на изобрѣтеніи мученій для людей. Самые безпощадные сподвижники Магомета, привыкшіе къ кровопролитіямъ, смущались отъ этой изобрѣтательности валашскаго палача. Владъ былъ счастливъ въ битвахъ. Онъ въ партизанской войнѣ наносилъ не разъ пораженія туркамъ, пока они добрались до Бухареста. По дорогѣ султанъ не могъ не содрогнуться, увидавъ до 20 тысячъ жертвъ Дракула, преимущественно болгаръ всѣхъ возрастовъ: сожженныхъ, распятыхъ и замученныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Когда Владъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ король Матвѣй посадилъ его въ тюрьму, султанъ поставилъ правителемъ его брата Радула. Въ слѣдующемъ 1463 году была покорена Боснія. Кралю ея была отрублена голова; его родственники были удавлены. Венгерскій король, пытавшійся вернуть Боснію, хотя и овладѣлъ Яйтце, но долженъ былъ отступить послѣ неудачной осады Зворника, преслѣдуемый самимъ султаномъ, который на крови сотенъ тысячъ жертвъ основалъ свою имперію. Послѣ смерти Радула, въ 1480 году Магометъ присоединилъ Молдавію и Валахію къ своимъ владѣніямъ. Страшный Владъ вырвался изъ тюрьмы, появился было снова, но былъ убитъ своимъ рабомъ.

Покореніе Валахіи.

Попытка Венеціи отнять Морею отъ турокъ повела къ 16-лѣтней войнѣ, которая была неудачна для республики. Отъ нея пострадали только греческіе города вслѣдствіе страшной турецкой расправы за содѣйствіе, оказанное республикѣ. Венеціанцы, отброшенные отъ Коринеа, должны были спасаться на корабляхъ, а турки въ 1474 году взяли островъ Негропонтъ послѣ пяти приступовъ, окруживъ его 300 судовъ. Послѣдніе поборники независимости Греціи скрывались въ развалинахъ древней Спарты, гдѣ потомки ихъ отбивались отъ турокъ впродолженіи двухъ столѣтій.

Война съ Венеціей.

Теперь Магометъ II считалъ себя наслѣдникомъ былаго могущества византійскихъ императоровъ. Онъ думалъ уже о покореніи Италіи и о подчиненіи своей власти стараго Рима. Турецкій десантъ въ 1480 году взялъ и разграбилъ Отранто. Это былъ ключь къ утвержденію въ Италіи. Уже папа Сикстъ IV (1471—84 года) собирался бѣжать изъ своей столицы. Вся Италія трепетала. Но въ слѣдующемъ году (2 іюля) не стало Магомета II; онъ скончался въ Вифаніи.

Несчастіе не примирило покоренныхъ съ ихъ участью. Идея христіанской Восточной Имперіи не умерла въ вѣрованіяхъ современниковъ, видѣвшихъ гибель Царьграда, переживших страшный погромъ и великія событія того времени. Эта идея перешла въ ряды позднѣйшихъ поколѣній. По этому представленію, только христіанскій, притомъ православный государь можетъ унаслѣдовать тѣ права, носителями которыхъ были издревле императоры Византіи. Эта идея выразилась между прочимъ въ фактѣ родственнаго союза дочери Ѳомы, племянницы Константина XI Софіи Палеологъ, съ великимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ.

Бракъ Софьи Палеологъ съ великимъ княземъ московскимъ.

Къ этому браку особенно сочувственно относились въ Римѣ, гдѣ въ видахъ прозелитизма разсчитывали не столько на самую княжну (ея отецъ Ѳома скончался въ Римѣ въ 1465 году), сколько на тѣхъ прелатовъ, которыхъ намѣревались послать въ Москву въ ея свитѣ. Московскіе великіе князья еще ранѣе состояли въ родствѣ съ Палеологами. Извѣстно, что тетка Іоанна III Васильевича, Анна Васильевна († 1417 г.) была супругою старшаго брата Константина XI, Іоанна, который, сдѣлавшись послѣ императоромъ подъ именемъ Іоанна II Палеолога, желая получить помощь съ Запада, отправился въ сопровожденіи своего брата Димитрія къ папѣ Евгенію IV (II, 1073). Затѣмъ, на соборахъ въ Феррарѣ и во Флоренціи въ 1439 году, онъ униженно согласился на унію, главнымъ условіемъ которой было признаніе главенства папы и догмата filioque. Изъ всѣхъ братьевъ его, только Ѳома раздѣлялъ сочувствіе къ Риму. Софья была воспитана во взглядахъ своего отца и матери, а послѣдняя была искренней католичкой. Бывшій никейскій архіепископъ Виссаріонъ, а потомъ кардиналъ Римской церкви, — тотъ самый, который публично лобызался въ флорентійскомъ каѳедралѣ съ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини и торжественно призналъ унію, за что былъ удостоенъ

высшихъ почестей,—подалъ мысль о брачномъ союзѣ Софьи съ московскимъ государемъ. Онъ велъ сношенія съ Русью черезъ итальянца Іоанна Фрязина, начальника монетнаго двора въ Москвѣ, нарочно два раза ѣздившаго въ Римъ по этому дѣлу. Великій князь, овдовѣвшій въ 1467 году, съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ совѣтъ вступить въ бракъ съ греческой царевной. Въ 1469 году было назначено невѣстѣ отбыть въ Москву, послѣ обрученія; въ этой церемоніи особу великаго князя изображалъ тотъ же Фрязинъ. Съ своей стороны умная и энергичная царевна съ охотой стремилась въ Москву; ее сопровождала греческая свита, но все веденіе дѣла и верховное наблюденіе было предоставлено папскому легату кардиналу Антонію, который занялъ главное мѣсто въ свитѣ царевны. Извѣстно, что россіянъ смутилъ красный костюмъ легата, его перчатки, которыя онъ не снималъ даже въ церкви, его отвращеніе отъ православныхъ иконъ, а особенно, большое литое распятіе, которое носили передъ ними. Извѣстно, что московскій митрополитъ Филиппъ, узнавъ о желаніи кардинала съ торжественностью вступить въ Москву, передалъ великому князю, что если папскій легатъ вступитъ съ своимъ крестомъ въ одни ворота, то онъ выйдетъ въ другія. Распятіе отобрали отъ легата, несмотря на его сопротивленіе.

Бракосочетаніе Іоанна было совершено въ день пріѣзда невѣсты (12 ноября 1472 г.) въ присутствіи грековъ. Тогда Іоаннъ III, считая себя наслѣдникомъ греческихъ императоровъ, принялъ византійскій гербъ — бѣлаго двуглаваго орла. Софья была достойною своего новаго положенія. Она оказалась вѣрной православію и бросила, по крайней мѣрѣ повидимому, уніатскіе церковные обряды и обычаи. Она имѣла значительное вліяніе на политику Іоанна III и главнѣйшія событія его царствованія современники связывали съ именемъ Софьи. Тѣмъ не менѣе она не пользовалась популярностью. Въ глазахъ русскаго народа вообще самое паденіе Царьграда представлялось наказаніемъ Божіимъ за великій грѣхъ грековъ, за измѣну православію, за замыселъ флорентійской уніи, которую старые русскіе бытописатели не могли простить Византіи, забывая, что унія не имѣла значенія, осталась только на бумагѣ и не была допущена въ Константинополѣ. Родство московскаго государя съ Палеологами нисколько не породнило русскихъ съ греками; напро-

тивъ, оно уменьшило прежнія симпатіи, тѣмъ болѣе что Софья, прибывъ отъ „великаго Рима и нѣмецъ", имѣла несчастіе быть по отцѣ „христіанска, а по матери латынска". Потому-то современники отмѣтили, что когда на Москву пришла „великая княгиня Софья съ греки, такъ наша земля замѣшалася" (¹).

Этотъ взглядъ сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ желанія папскаго легата воспользоваться высокимъ положеніемъ Софьи Палеологъ въ интересахъ католицизма. Не безъ вліянія княгини былъ допущенъ диспутъ между легатомъ и высшимъ православнымъ духовенствомъ, хотя самъ государь не изъявлялъ никакого намѣренія сдѣлать какія либо уступки католикамъ. Митрополитъ пригласилъ къ состязанію начетчика Никиту, который будто заставилъ замолчать своею ученостью Антонія. Кардиналъ сослался на неимѣніе книгъ подъ руками и диспутъ прекратился. Легатъ прожилъ 11 недѣль въ Москвѣ и былъ отпущенъ вмѣстѣ съ греками съ богатыми дарами.

Такъ къ полному разочарованію папства, кончился этотъ эпизодъ.

Пророчества. Тѣмъ не менѣе родственная связь Рюриковичей съ Палеологами получила въ воображеніи народовъ Восточной Европы огромное обаяніе. Въ виду возрастающаго могущества Московскаго государства, всѣ предсказанія о сверженіи турецкаго ига и о возрожденіи Византійской имперіи къ новой исторической жизни примѣнялись къ русскимъ государямъ. Сложились цѣлыя повѣсти и сказанія о Царьградѣ, на основаніи разныхъ пророчествъ и предсказаній, пытавшихся съ точностью опредѣлить время освобожденія града Константинова отъ невѣрныхъ. Когда указанные сроки проходили, то народное воображеніе, нисколько не смущаясь, перетолковывало цифры и откладывало наступленіе желанной минуты до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. И видѣніе Даніила, которое подтвердилось во многихъ событіяхъ, и преданія Льва Мудраго, и предвѣщанія Меѳодія, и таинственная надпись изъ согласныхъ греческихъ буквъ, начертанная какими-то мудрецами на гробницѣ Константина Равноапостольнаго, — все это отраженіе работавшей и неспокойной народной мысли,

---

(¹) Сборникъ князя Оболенскаго (М. 1828), 3.

имѣло одну цѣль обнадежить христіанскій Востокъ болѣе отраднымъ будущимъ (¹). Чѣмъ тяжелѣе былъ гнетъ, тѣмъ глубже народное чувство уходило въ поэтическую область этихъ идиллическихъ грезъ и упованій. Сами турки, — поспѣшившіе засыпать т. н. Золотые Ворота у Семибашеннаго замка, потому только, что по греческому народному преданію, черезъ нихъ побѣдно вступитъ христіанское воинство въ Стамбулъ, — придавали серьезное значеніе этимъ пророчествамъ.

(¹) Чтобы ознакомить съ характеромъ этихъ пророчествъ, приведемъ одно изъ нихъ, наиболѣе разработанное. Это «Видѣніе монаха Даніила», о которомъ упоминаетъ Ліутпрандъ въ 968 г. Оно вошло въ славянскія «Повѣсти о Цареградѣ»: — «Взыдетъ огнь отъ моря, и землю живую зажжетъ море, и наидетъ надъ Седьмохлъмаго, и обратитъ лице свое на западъ солнцу. И горе тебѣ, Седьмохолмый, отъ таковаго гнѣва, еда окружишися вои многими... и красныя стѣны твоя падутъ ꙗко смоковное листвіе. И внидетъ отроча въ тя, и умилено скипьтро поставитъ; и въ немъ не пребудетъ.... И возстанетъ змій спяи и поразитъ отроча, діадиму же его облекъ, и возвеличитъ имя свое въ малѣ. И сынове же погыбельніи утвердившеся дадятъ лица своя къ западу слнцу. И тако дасть зміи спяи смрть преподобному, и удръжитъ Седьмохолмаго. Русъ-же ꙗзыкъ шестыи и пятыи насадитъ въ немъ зеліе, и снѣдятъ отъ него мнози въ отмщеніе святымъ.... На западѣ же нѣкто промышляя восточною, и по сихъ воздвигнеться самозаконныи и со инымъ, и инъ великъ дивіевиденъ, избіютъ Измаилты и поженутъ ихъ.... и смутятся ꙗзыци сѣдящеи, и иже суть на сѣвернѣи странѣ, и вси сѣверниі поидуть съ лютѣйшимь гнѣвомь, и соидуть до великія рѣки.... тогда смутятся ꙗзыци сѣдящеи на южнѣмь углѣ. И востанетъ великии Филиппъ съ ꙗзыкы осьмнадесяте, и съберутся въ Седьмохолмомъ, и сразится бои иже не быть николи же, и потекутъ по удоліямъ и по улицамъ Седьмохолмаго ꙗко рѣки крови человѣческыя, и возмутится море отъ крове до Тѣснаго Устія. Тъгда Въоусъ возопіетъ, и Скерелафъ восплачетъ, и Стафоринъ речетъ: «Станите! миръ вамъ, и отмщеніе на непослушныхъ! Изъидѣте на десныя страны Седьмохолмаго, и обрящете человѣка у двою столпу стояща сѣдинами праведна и молитва носяща, взоромь остра, разумомъ же кротка, срѣдняго врѣстою, имѣюща на десной нозѣ посреди голени бѣлѣгъ. возъмѣте его, и вѣнчаите царя: то ѥсть вамъ владыка!....» И введутъ его во святую Софію, и вѣнчаютъ и царя, и дадятъ въ десную его руку оружіе, глаголюще ему: «мужаися и побѣждаи врагы своя». И восприімъ оружіе и поразитъ Измаилты, Ефіопы, Ѳруги, Татаре и всякъ родъ ихъ; и убо Измаилты раздѣлитъ на трое: первую часть погубитъ оружіемъ, вторую кретитъ, третью отженетъ съ великою яростію.... И открыются сокровища земная и всѣ обогатѣютъ, и никто же нищь будетъ, и земля дасть плодь свои седмирицею....» Повѣсть о Цареградѣ. Уч. Зап. II Отд. 1854, I, 135—136.

На государей Россіи переносилось такимъ образомъ то обаяніе, которое имѣла корона императоровъ византійскихъ. Народное пониманіе балканскихъ христіанъ высказало это въ одной сербской пѣснѣ о томъ: „Какъ отдаривалъ султанъ турецкій царя Московскаго" ([1]). Не желая уступить въ любезности и щедрости русскому государю, султанъ совѣщался съ любимымъ пашою, хаджи и кадіемъ. Всѣ они посовѣтовали обратиться къ патріарху, который знаетъ обычаи русскихъ. Патріархъ указалъ на такіе предметы, съ которыми было связано воспоминаніе о порабощенномъ на Балканахъ христіанствѣ. Это были вещи, которыя султану не пригодны, а Москвѣ будутъ весьма пріятны....

— «Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь сербскій Лазарь.

Султанъ согласился и поручилъ патріарху передать подарки посланцамъ московскимъ. Патріархъ, понимая высокое значеніе этихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, наказалъ посламъ ѣхать окольными путями, чтобы сберечь святыню отъ погони турецкой. Онъ зналъ, что ему не сносить головы, когда растолкуютъ султану: что значатъ эти дары въ глазахъ христіанъ. Его предчувствіе оправдалось. Паша, узнавъ отъ султана о томъ, чего лишился Стамбулъ, воскликнулъ:

— «Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты Царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ также кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать прійдется послѣ
И съ великимъ для тебя позоромъ!

([1]) Гербель. Поэзія славянъ (Спб. 1871); 84—85, пер. А Майкова. Вѣроятно, поводомъ послужила злосчастная исторія печскаго патріарха Гавріила I, который далъ царю Алексѣю Михайловичу совѣтъ противъ султана. За это онъ былъ повѣшенъ.

6) Послѣдняя реакція во имя среднихъ вѣковъ. Война Розъ въ Англіи и историческое значеніе ея.

Въ то время, когда правительства на Западѣ стремились уничтожить средневѣковыя формы, не гарантировавшія обществу ни историческаго развитія, ни безопасности, когда вездѣ старались создать общіе интересы, установить единство, организовать власть, когда государственный принципъ на Западѣ проявилъ свою силу, въ то время, когда въ сѣверной и средней Италіи исчезалъ рядъ маленькихъ республикъ, постепенно обращавшихся въ княжества,—въ Англіи была сдѣлана попытка произвести реакцію противъ молодаго государственнаго начала во имя умиравшаго феодализма, во имя старыхъ традиціонныхъ началъ. Эта реакція выразилась въ Англіи, въ борьбѣ политическихъ партій Алой и Бѣлой Розъ. Трудно обобщить, трудно установить съ точностью явленія борьбы Розъ; все таки болѣе или менѣе ясный характеръ протеста имѣетъ это очевидное стремленіе возстать противъ государственнаго начала, поддержать средневѣковую анархію хотя на короткое время. Эта послѣдняя реакція—во имя отходившаго въ область вѣчности средневѣковья—по времени относится къ новой исторіи, а по смыслу руководящей идеи завершаетъ средневѣковую исторію.

Междоусобія при Генрихѣ VI.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти короля Генриха V, при малолѣтнемъ сынѣ его Генрихѣ VI, для Англіи становится особенно гибельною вражда между обоими дядями короля, герцогомъ Глостеромъ и кардиналомъ Генрихомъ Винчестерскимъ. Около нихъ вращались приверженцы изъ среды пэровъ и второстепенной аристократіи. Пользуясь малолѣтствомъ короля, они ввергли Англію въ полный хаосъ; надо удивляться, какъ Англія находила средства продолжать вести борьбу съ Франціей. Самовольство этихъ людей было безграничное. Кардиналъ былъ алчный, скупой, высокомѣрный, властолюбивый человѣкъ. Какъ духовный, онъ имѣлъ большое вліяніе на слабаго, неспособнаго, суевѣрнаго Генриха. Онъ былъ непопуляренъ за свой чрезмѣрный папизмъ, за походъ противъ гуситовъ, а особенно за желаніе упрочить миръ съ Франціей. Онъ самъ зналъ за собой такъ много грѣховъ, что испросилъ у короля грамоту, которою ему проща-

лось все, что онъ когда бы то ни было сдѣлалъ. Противникомъ его былъ Глостеръ, который настаивалъ на продолженіи войны съ Франціей. По смерти герцога Бедфорда, намѣстника во Франціи, они горячо враждовали за назначеніе новаго правителя во Франціи. Кардиналу хотѣлось назначить туда своего племянника графа Бьюфорта Соммерсета, а Глостеръ имѣлъ въ виду герцога Ричарда Іорка, внука Эдмунда Іоркскаго (четвертаго сына покойнаго Эдуарда III). Пока соперники ссорились изъ за того, кто будетъ намѣстникомъ Англіи, Парижъ сдался королю Карлу VII и былъ навсегда потерянъ для Англіи. Вопреки проискамъ и интригамъ кардинала, Ричардъ вторично былъ назначенъ намѣстникомъ Франціи.

Такимъ образомъ въ Англіи образовалось двѣ враждебныхъ политическихъ партіи. Противники пользовались всякимъ удобнымъ средствомъ, чтобы вредить другъ другу. По интригамъ кардинала Генриха, за котораго было духовенство, жена Глостера, герцогиня Элеонора была обвинена въ колдовствѣ за то, что спрашивала у колдуньи: долго-ли проживетъ король Генрихъ VI. Партія кардинала Генриха женила короля на Маргаритѣ, дочери Ренэ анжуйскаго, носившаго титулъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго, и только что возвратившагося изъ безуспѣшнаго похода въ южную Италію, во время котораго онъ лишился всѣхъ своихъ владѣній во Франціи. Новая королева, отличавшаяся рѣшительнымъ характеромъ, скоро завладѣла слабымъ мужемъ, а покровительствуемый ею Соффолькъ сдѣлался всемогущъ. Королева и ея любимецъ не замедлили начать интриги противъ Глостера. Они желали его гибели главнымъ образомъ потому, что, пока король не имѣлъ дѣтей, герцогъ считался наслѣдникомъ престола, и пользовался большою популярностью въ народѣ, называвшемъ Глостера добрымъ герцогомъ. Паденію Глостера содѣйствовалъ также герцогъ Ричардъ Іоркъ, вернувшійся въ 1446 году изъ Франціи и принятый при дворѣ милостиво. Въ то время его не считали опаснымъ. По интригамъ королевы, враги Глостера обвинили его въ государственной измѣнѣ, въ покушеніи на свободу короля. Чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ въ заключеніи, вѣроятно насильственной смертью. Это не могло не раздражить народа, среди котораго герцогъ пользовался популярностью.

У жертвы нашелся замѣститель. Его роль взялъ на себя Ричардъ Іоркскій, который перешелъ на сторону нижней па-

латы. Ланкастерскій домъ былъ по прежнему на сторонѣ верхней палаты; во главѣ этой аристократической партіи стояла Маргарита, которая ввела девизомъ своей партіи алую розу; тогда Іорская партія лордовъ вмѣстѣ съ Ричардомъ сдѣлала своимъ девизомъ бѣлую розу. Эта послѣдняя партія борется съ аристократическими приверженцами, во главѣ коихъ стояли страннымъ образомъ король и королева, защищавшіе хаосъ и отрицавшіе потребность государственнаго порядка. Эта борьба принесла огромный вредъ Англіи. Она уничтожила аристократію въ Англіи и погубила многіе десятки тысячъ людей. Она началась въ 1455 году, ознаменовавшемся изобрѣтеніемъ книгопечатанія, и продолжалась 30 лѣтъ (¹).

(¹) Обращаясь къ изложенію событій исторіи Англіи во второй половинѣ XV столѣтія, слѣдуетъ отвести первое мѣсто хроникѣ Вурстера (Guillelmus Worcesterus) «Annales rerum Angliae». Разсказъ событій въ этой хроникѣ отъ 1324 года доведенъ до 1492 года. Самъ Вурстеръ жилъ только до 1480 года. Съ 1480 по 1492 годъ хронику составлялъ его сынъ. Эта хроника служитъ продолженіемъ лѣтописи—Joh. Whethamstade (1441—1461 года). Обычная оффиціальная хроника Сентъ-Альбанскаго монастыря доводитъ изложеніе до 1469 г. подъ редакціей аббата Ваврина. Хроника Варкворта излагаетъ событія отъ 1461—74 года. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить другой трудъ, тоже современника. Это хроника Іоанна Старшаго (Johannes Major)—De historia gentis Scotorum seu historia Majoris Britanniae libri sex, usque ad a. 1495. Эта хроника наиболѣе авторитетна. Іоаннъ Старшій собиралъ свѣдѣнія отъ самихъ участниковъ. Но есть матеріалъ, въ который внесено много баснословнаго; это хроника Роберта Фабіана, лондонскаго шерифа. Робертъ Фабіанъ—писатель XVI вѣка († 1512 году). Онъ на англійскомъ языкѣ изложилъ анекдотическую исторію войны Алой и Бѣлой Розы и моментъ финала этой борьбы (Concordance of stories. Camb. 1740). Но нельзя отрицать достоинствъ этой хроники со стороны подробностей и характеристики нравовъ. Эти детали характеристичны впрочемъ для историка. Непосредственно для послѣдняго момента борьбы важна хроника Томаса Мура. «Исторія Эдуарда V въ его кратковременномъ царствованіи» Томасъ Муръ жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Онъ пользовался сообщеніями позднѣйшихъ поколѣній. Хроника эта переведена въ 1689 году французомъ Лувэномъ. Томасъ Муръ составилъ еще исторію Ричарда, которою пользовался Рафаэль Голиншедъ (Holingshade); онъ былъ всегда компиляторомъ (Chronicles comprising the description and history of England, Irland and Scotland. L. 1577). Съ этой точки зрѣнія относится къ нему В. Шекспиръ. Моментъ замиравшей борьбы Алой и Бѣлой Розы былъ важенъ для Шекспира своимъ глубокимъ драматизмомъ. Характеръ Ричарда III для драматурга являлся исполненнымъ трагическаго смысла. Человѣкъ, или,

Битва при Таунтонѣ; король Эдуардъ IV (1461—83 г.).

Въ началѣ борьбы герцогъ Ричардъ Іоркскій явился явнымъ врагомъ аристократіи, которая группировалась вокругъ короля и королевы Маргариты. Было очевидно, что партія королевы защищала хаосъ и отрицала государственный порядокъ, а такъ называемые мятежники воевали ради государственнаго порядка съ тѣмъ, чтобы своему вождю дать королевскій престолъ или, по крайней мѣрѣ, неограниченное вліяніе въ государствѣ. При началѣ войны Розъ, Ричардъ былъ побѣжденъ и убитъ; но его сынъ, будущій король Эдуардъ IV, занялъ мѣсто своего отца и отомстилъ за него. Королева Маргарита и Эдуардъ соперничали другъ съ другомъ въ звѣрствѣ. Обѣ стороны отдавали своимъ войскамъ приказаніе убивать знатнѣйшихъ враговъ, которыхъ прежде щадили ради выкупа: поэтому къ концу столѣтія древнія могущественныя фамиліи почти всѣ были истреблены; титулы ихъ и часть владѣній перешли въ новые роды, а феодальныя права, которыми они пользовались въ силу обычая, большею частію прекратились. Эдуардъ, или точнѣе его талантливый полководецъ Варвикъ, встрѣтившись (12 марта 1461 г.) съ правительственными войсками между мѣстечками Таунтономъ и Секстономъ, разбилъ ихъ на-голову, причемъ пало болѣе 30 тысячъ воиновъ изъ партіи Ланкастеровъ. Это было кровопролитнѣйшее сраженіе, въ которомъ люди дрались грудь съ грудью до самой ночи и пало столько же народу, сколько въ нашъ вѣкъ при Бородинѣ. Варвикъ послѣ побѣды пошелъ на Лондонъ, взялъ его и провозгласилъ Эдуарда IV королемъ. Палата общинъ, интересы которой поддерживалъ новый король, объявила низвергнутой прежнюю династію, какъ незаконную, ибо нашли возможность доказать съ натяжкой изъ генеалогіи, что новый король по женской линіи ведетъ свое происхожденіе отъ второго сына Эдуарда III, тогда какъ Ген-

---

лучше сказать, дьяволъ въ образѣ человѣка, который, ради достиженія престола, устраняетъ съ пути всѣхъ своихъ родныхъ, бывшихъ ему помѣхою, который испытываетъ душевныя терзанія и все таки продолжаетъ злодѣйствовать, — такой характеръ вполнѣ просился подъ перо Шекспира. Великій драматургъ началъ свою литературную дѣятельность съ историческихъ хроникъ; иногда онъ буквально опирался на лѣтописный матеріалъ. Поэтому-то для тѣхъ, кто не можетъ читать хроникъ, чтеніе историческихъ трагедій Шекспира, въ особенности его трилогіи: «Генрихъ VI», «Ричардъ III» и «Генрихъ VII», будетъ поучительно.

рихъ VI происходитъ отъ третьяго его сына. Король Генрихъ VI былъ схваченъ и посаженъ въ Тоуэръ. Маргарита успѣла уѣхать во Францію. Іоркскій домъ съ 1461 года воцарился, а вмѣстѣ съ нимъ восторжествовали общины надъ аристократіей. Но борьба этимъ не кончилась. Сторона Алой Розы не могла забыть своего пораженія. Французскій король Луи XI принялъ подъ свое покровительство Маргариту, ибо въ его интересахъ было поддерживать въ Англіи борьбу партій: онъ стремился отнять у англичанъ всѣ завоеванія во Франціи. Сильныя аристократическія фамиліи были всегда за Маргариту, потому что послѣдняя искреняя дружина съ феодалами. Все правленіе Эдуарда IV прошло въ мятежахъ, возбужденыхъ агентами Маргариты. Онъ безнаказанно преслѣдовалъ лордовъ, казнилъ ихъ безъ разбору, конфисковалъ имѣнія или раздавалъ ихъ владѣнія своимъ приверженцамъ.

Разсчитываютъ такимъ образомъ, что имѣнія, конфискованныя королемъ въ различные періоды его царствованія, за дѣйствительную или кажущуюся измѣну владѣльцевъ, составляли по крайней мѣрѣ 1/5 часть всего государства. Затѣмъ отняты были всѣ награды, пожалованныя въ три послѣднія царствованія, и всѣ семейства, оказавшія услугу Ланкастерскому дому, были обвинены въ государственной измѣнѣ. Палата была къ услугамъ короля, котораго она прозвала милостивымъ. Эдуардъ IV однажды похвастался своей мягкостью и держалъ такую рѣчь къ депутатамъ: „Благодарю васъ отъ всей души, и съ помощью Всемогущаго Бога буду для васъ столь же добрымъ и милостивымъ неограниченнымъ властелиномъ, какъ едвали кто изъ моихъ предшественниковъ былъ для своихъ подданныхъ и вассаловъ. Благодарю васъ отъ глубины сердца за вѣрность и любовь ко мнѣ, доказанныя вами тѣми усиліями, которыя вы употребили, чтобы возвратить мнѣ мои права и престолъ, которыми я нынѣ обладаю“.

Королю Эдуарду IV все удавалось пока онъ былъ въ дружбѣ съ Варвикомъ, но послѣдній вскорѣ поссорился съ Эдуардомъ, такъ какъ король, вступивъ въ морганическій бракъ, былъ поставленъ въ такія обязательства, которыя никакъ не могли соотвѣтствовать дружескимъ отношеніямъ къ Варвику. Король женился на Елизаветѣ, женщинѣ незнатнаго происхожденія. Свадьба до тѣхъ самыхъ поръ

Свержение Эдуарда IV въ 1471 г.

сохранялась въ тайнѣ, пока въ сентябрѣ 1464 г. партія Ланкастерскаго дома была совершенно уничтожена и можно было пренебречь людьми, возведшими Іоркскій домъ на престолъ. Елизавета далеко не принадлежала къ числу талантливыхъ женщинъ; безъ образованія, недальновидная и честолюбивая, она злоупотребляла довѣріемъ короля. Друзья и приверженцы Елизаветы, слѣдовательно союзники и родственники Ланкастерскаго дома, стали получать мѣста и имѣнія и пользоваться вліяніемъ при дворѣ. Король осыпалъ всѣхъ родственниковъ своей жены милостями. Пять сестеръ королевы были выданы за знатнѣйшихъ графовъ государства и богатѣйшаго герцога; два брата ея женились на богатыхъ невѣстахъ; между прочимъ одинъ 20-ти лѣтній женился на 80-ти лѣтней вдовѣ ради ея наслѣдства. Вліяніе, пріобрѣтенное ланкастерскою партіею при дворѣ Іорка, возбудило въ графѣ Варвикѣ непримиримую ненависть къ королю. Варвикъ пользовался громадною популярностью среди народа, которому подслуживался подарками. Разрывъ между королемъ и Варвикомъ произошелъ тогда, когда король помолвилъ свою сестру Маргариту за бургундскаго герцога Карла Смѣлаго и при этомъ заключилъ съ нимъ союзъ на 30 лѣтъ, который доставилъ герцогу опору противъ французскаго короля. Варвикъ питалъ личную вражду къ Карлу Смѣлому и не формальнаго желалъ допустить утвержденія союза короля съ бургундскимъ герцогомъ. Это послѣднее вооружило Варвика противъ короля. Онъ воспылалъ такою же сильною ненавистью къ королю, какую питалъ прежде къ ланкастерскому дому. Варвикъ готовъ былъ совсѣмъ перейти на сторону ланкастерской партіи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію и здѣсь въ 1470 году въ Амбуазѣ заключилъ договоръ съ королевой Маргаритой; младшая дочь Варвика должна была выйти за мужъ за сына Генриха VI, котораго предполагали вновь посадить на тронъ; а Варвикъ во время малолѣтства его, долженъ былъ неограниченно управлять Англіей, именемъ Генриха и Маргариты.

Старый и изворотливый честолюбецъ достигалъ такимъ образомъ своихъ цѣлей; недаромъ онъ назывался „дѣлателемъ королей" въ Англіи. Варвикъ высадился на англійскій берегъ и пошелъ на Лондонъ, въ который вступилъ съ торжествомъ 6 октября 1471 года. Королева Елизавета, оставшаяся въ столицѣ, укрылась въ Вестминстерскомъ соборѣ, гдѣ родила сына Эдуарда, будущаго короля, а 13 октября того же года Ген-

рихъ VI былъ снова провозглашенъ королемъ и проѣхалъ съ короною на головѣ по улицамъ города. Въ страхѣ Эдуардъ IV бѣжалъ въ Бургундію, но онъ не отчаявался въ успѣхѣ своего дѣла.

Благодаря умѣренности Варвика, въ Лондонѣ не было совершено никакихъ жестокостей. Карлъ Смѣлый, которому теперь угрожала война со стороны Франціи и Англіи, не переставалъ поддерживать короля Эдуарда значительными денежными суммами и побуждать англійское рыцарство пристать къ королю, если тотъ сдѣлаетъ попытку возвратить себѣ престолъ. Въ мартѣ 1471 года Эдуардъ собралъ нѣсколько тысячъ англичанъ. Съ этимъ войскомъ на флотѣ, предоставленномъ Карломъ Смѣлымъ, Эдуардъ переплылъ море, высадился 14 марта 1471 года на берегъ Англіи и отправился въ Іоркъ. Между тѣмъ Варвикъ не могъ сойтись съ своими братьями. Монтегю, братъ Варвика, которому велѣно было захватить короля во время высадки и который могъ сдѣлать это,—но не сдѣлалъ изъ зависти къ старшему брату,—не двинулся съ мѣста. Эдуардъ выступилъ изъ Іорка. Варвикъ пошелъ на встрѣчу ему. Въ апрѣлѣ 1471 года произошла рѣшительная битва при Бернетѣ (между Сентъ-Альбансомъ и Лондономъ). Побѣда осталась за Эдуардомъ и Варвикъ вмѣстѣ съ братомъ Монтегю палъ въ бою. Послѣ гибели своихъ вождей іоркская армія разбѣжалась.

Битвы при Бернетѣ и Тьюксбери въ 1471 г. и возстановленіе Эдуарда IV.

На другой день послѣ битвы, королева Маргарита высадилась въ Англію съ своимъ сыномъ, принцемъ Валлійскимъ, и еще разъ стала во главѣ своихъ приверженцевъ, собравъ довольно значительное число друзей Ланкастерскаго дома. Въ началѣ мая Эдуардъ одержалъ при Тьюксбери вторую побѣду, и Маргарита съ сыномъ попалась въ плѣнъ. Эдуардъ повезъ ее съ тріумфомъ въ Лондонъ и заключилъ въ Тоуэръ, откуда она была освобождена лишь черезъ пять лѣтъ. Съ принцемъ Валлійскимъ король поступилъ варварски: онъ собственноручно ударилъ мальчика желѣзною перчаткою и потомъ велѣлъ его растерзать. Въ пылу мести онъ хотѣлъ избить лордовъ и рыцарей, скрывавшихся въ церкви, но священникъ удержалъ его съ святымъ причастіемъ въ рукахъ и не допустилъ войти въ храмъ. Черезъ два дня король послалъ въ церковь вооруженныхъ людей, которые вытащили несчастныхъ бѣглецовъ изъ ризницы и отвели ихъ на эшафотъ. Несчастный король

Генрихъ VI тотчасъ послѣ битвы при Бернетѣ былъ посаженъ въ Тоуэръ и лишенъ жизни въ самый день въѣзда Эдуарда IV въ Лондонъ.

Перемѣна въ характерѣ Эдуарда IV послѣ 1472 г.

Въ слѣдующіе годы, во второй періодъ своей власти, Эдуардъ правилъ сурово и жестоко, казнилъ вельможъ и рыцарей, отнималъ имущества. Филиппъ Коминъ, который былъ агентомъ Луи XI въ Англіи, разсказываетъ, что сраженіе при Тьюксбери было двѣнадцатою кровопролитною битвою въ войнѣ Алой и Бѣлой Розъ, въ теченіе которой погибло въ битвахъ и на эшафотѣ много принцевъ королевскаго дома, больше половины дворянства и до 60 тысячъ человѣкъ другихъ сословій (¹). Эдуардъ ограбилъ до чиста своихъ враговъ, на имущества которыхъ кинулись его братья и прислужники. Напримѣръ богатѣйшая графиня Варвикъ была лишена всего и принуждена была снискивать пропитаніе иголкой. Ея дочь

(¹) Филиппъ Коминъ (1445—1509 г.), по содержанію и характеру своей «исторіи», принадлежитъ скорѣе къ писателямъ новаго времени чѣмъ средневѣковаго. Онъ былъ аристократъ по происхожденію, служилъ у Карла Смѣлаго, потомъ его переманилъ къ себѣ Луи XI. Онъ послѣ сопутствовалъ Карлу VIII въ итальянскомъ походѣ и пользовался расположеніемъ Луи XII. Онъ холодный наблюдатель и строгій судья; онъ понимаетъ смыслъ преобразованій и стремленій такого короля, какъ Луи XI, хотя находитъ что политическія учрежденія Англіи лучше, потому что сдерживаютъ произволъ. Онъ излагаетъ исторію того что видѣлъ и слышалъ за періодъ 1460—88 г. въ соч. — Cronique et hystoire contenant les choses advenues durant le regne du Roy Lous XI tant en France, Bourgogne, Flandres, Arthois, Angleterre que Espoigne et lieux circonuoisins. (Изд. P. 1525, Ельзевира 1548, Lengles du Fresnoy, 1747; изъ новыхъ Buchon, P. 1876 вмѣстѣ съ мемуарами Olivier de la Marche о современныхъ бургундскихъ дѣлахъ). Барантъ въ «исторіи Бургундскихъ герцоговъ» замѣчаетъ о хроникѣ Комина, что нѣтъ книги болѣе полезной для политическаго назиданія, ибо она исполнена положительнаго содержанія и носитъ на себѣ слѣды опытности автора, оставаясь чуждою всякихъ теоретическихъ вліяній. О Коминѣ: F. von Hulst (Phil. de Comines, Liége, 1845), Kervyn de Lettenhove (Lettres et négociations de Comines, Br. 1867; его же Etudes sur les hist. du XV siècle въ Bull. de l'Ac de Belgique, 2 s. bII). Weber (Heid. 1875). — Для исторіи Ричарда III главнымъ образомъ служитъ продолжатель Gulelmi Worcestrii съ 1480 по 1492 г.. сынъ лѣтописца, носившій имя отца. У Alain Bouchard (Les grandes chronicques de Bretaigne etc. P. 1514, 1531, 1532, 1541), который касается также исторіи Англіи, много басенъ.

была взята на кухню брата королевскаго, Георга Кларенса, но третій братъ Ричардъ Глостеръ нашелъ ее тамъ и женился, чтобы воспользоваться огромнымъ наслѣдствомъ Варвика на законномъ основаніи. Овдовѣвшая Маргарита, вынесшая въ жизни столько несчастій, была выкуплена изъ плѣна французскимъ королемъ и скончалась изгнанницей во Франціи.

Эдуардъ V (1483 г.).

Здѣсь собственно кончается война Розъ, потому что вражда въ самомъ королевскомъ семействѣ между братьями, по сущности фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ исторіей Розъ. Королевскіе братья домогаются власти и удѣловъ. Эдуардъ IV, томимый подозрительностью, видитъ въ нихъ соперниковъ. Ему было предсказано, что онъ погибнетъ отъ человѣка, имя котораго начинается съ буквы G; тогда онъ казнилъ *Георга* (Georg) Кларенса, но его сына погубилъ третій братъ Ричардъ *Глостеръ*, который, убивъ малолѣтняго Эдуарда V, сталъ королемъ съ 1483 года подъ именемъ Ричарда III. Новый властитель былъ одушевленъ самыми энергичными намѣреніями и, попирая всякія человѣческія чувства и нравственныя начала, готовъ былъ дѣйствовать въ интересахъ усиленія королевскаго авторитета. Но его правленіе было кратковременно (1483—1485 г.) и прошло въ непрерывавшейся борьбѣ съ ненавидѣвшими его подданными. Исторія Ричарда III есть исторія злодѣйствъ, такъ пластично переданныхъ Шекспиромъ.

Мы остановимся только на немногихъ фактахъ, которые разъясняютъ сверженіе Ричарда и вступленіе новой династіи на англійскій престолъ, — такъ какъ время правленія Ричарда III относится собственно къ новой исторіи.

Ричардъ III (1483-85 г.) и борьба за престолъ.

Убійство дѣтей умершаго короля Эдуарда, совершившееся безъ согласія Букингэма, вооружило послѣдняго противъ Ричарда III. Тогда же герцогъ задумалъ отдѣлаться отъ короля и сталъ искать новаго претендента на англійскій престолъ. Сначала онъ обратилъ было свое вниманіе на 13-лѣтняго Эдуарда, сына Кларенса, этого послѣдняго представителя дома Плантагенетовъ. Ричардъ скоро узналъ объ этомъ и принялъ свои мѣры. Тогда явился новый, болѣе опасный претендентъ въ лицѣ графа Генриха Ричмонда, Тюдора. Непродолжительная исторія Ричарда III заключалась въ постоянныхъ опасеніяхъ за престолъ и въ борьбѣ съ Ричмондомъ. Ричмондъ принад-

лежалъ къ ланкастерской партіи и укрывался въ Бретани, откуда, не смотря на всѣ старанія, Ричардъ III не могъ его выманить. Фамилія Тюдоровъ была не нормандской крови, а принадлежала къ древней кельтской аристократіи. Дѣдъ Генриха Ричмонда, Оуэнъ Тюдоръ былъ женатъ на вдовѣ короля Генриха V, Екатеринѣ, дочери Карла VI, короля французскаго (на этой связи съ французскимъ королевскимъ домомъ основывались послѣ позднѣйшія претензіи Тюдоровъ на французскій престолъ). Такимъ образомъ права Тюдоровъ на престолъ Англіи въ сущности опирались на связь по женской линіи и, конечно, уже одно родство ихъ съ ланкастерскимъ домомъ въ глазахъ іоркскихъ герцоговъ было подозрительно. Ричмондъ зналъ это и заблаговременно постарался ускользнуть изъ Англіи и укрыться во Франціи, въ Бретани. Напрасно искали его здѣсь; онъ былъ подъ покровительствомъ бретонскихъ рыцарей, которые согласились бы скорѣе умереть, чѣмъ выдать человѣка, обратившагося къ нимъ за пріютомъ. Когда недовольство на Ричарда III охватило всю Англію, то было рѣшено выдать за Ричмонда дочь Эдуарда IV, чтобы такимъ образомъ узаконить права Ричмонда на англійскую корону. Ричардъ узналъ объ этомъ и почуялъ серьезную опасность; онъ напрягъ всѣ силы, чтобы устранить бѣду.

Въ самой Англіи образовалась огромная партія недовольныхъ. За Ричмонда рѣшительно всталъ Букингэмъ, прежній сторонникъ и клевретъ Ричарда, обиженный плохимъ вознагражденіемъ за услуги. Ричардъ не оробѣлъ и началъ отчаянную борьбу. Передъ рѣшительной битвой войско измѣнило Букингэму; онъ былъ выданъ своими же солдатами Ричарду и казненъ. Первая попытка такимъ образомъ не удалась.

Къ счастію для себя, Ричмондъ не высадился въ этотъ разъ на англійскій берегъ; онъ только подплылъ къ нему и, узнавши печальный исходъ возстанія Букингэма, воротился въ Бретань. Теперь Ричардъ принялся жестоко мстить своимъ врагамъ. Парламентъ подтвердилъ его права на престолъ и для начала присудилъ къ казни за измѣну одного епископа, трехъ бароновъ и пятерыхъ рыцарей. Почему-то Ричардъ не рѣшился погубить вдову Эдуарда IV; онъ даже вошелъ съ ней въ сношенія и предлагалъ ей отдать ему руку ея дочери Елизаветы. Одновременно съ этимъ и сторонники оппозиціи стараются устроить бракъ между той же Елизаветой и Ричмондомъ. Для характеристики времени интересно то обстоятельство, что сама Ели-

завета и ея мать соглашаются породниться съ Ричардомъ, котораго онѣ должны были ненавидѣть за убійство несчастныхъ дѣтей Эдуарда IV; Елизавета-дочь даже пишетъ любовное письмо къ убійцѣ своихъ братьевъ изъявляя желаніе поспѣшить бракомъ. Но на этотъ разъ оказалось, что Ричардъ былъ проницательнѣе и предусмотрительнѣе принцессы. Онъ догадался, говоритъ одинъ историкъ, что если эта женщина домогается быть его женой, то нельзя сомнѣваться, что она при первомъ удобномъ случаѣ перерѣжетъ горло своему мужу. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и заставило Ричарда отказаться отъ Елизаветы. Впослѣдствіи былъ улаженъ бракъ между Тюдоромъ и преемницею правъ Іорковъ. Ричардъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы заполучить изъ Бретани ненавистнаго Тюдора. Съ этою цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ герцогомъ бретанскимъ Франсуа и убѣждалъ его выдать Ричмонда, обѣщая съ своей стороны за это отказаться отъ притязаній на бретанское герцогство, а вмѣстѣ съ тѣмъ уступить герцогу графство Ричмондъ. За такую хорошую цѣну покупалъ Ричардъ своихъ враговъ. Казалось, что Франсуа согласенъ былъ продать Ричмонда, но не таково было рыцарство въ Бретани. Когда Ричмондъ узналъ о сдѣлкѣ Ричарда съ Франсуа и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ готовность рыцарей оказать ему содѣйствіе, то тотчасъ убѣжалъ съ ними въ Анжу; погоня, посланная за нимъ, только часомъ опоздала послѣ переѣзда его за границу Бретани.

Такимъ образомъ опасность для Ричарда еще не миновала; его врагъ былъ въ безопасности. Въ Анжу Ричмондъ набиралъ себѣ приверженцевъ, чтобы отвоевать у Ричарда англійскій престолъ. Интересно, что во время переговоровъ съ Елизаветой относительно брака съ ея дочерью, Ричардъ отстранялъ этотъ бракъ только потому, что его жена, королева Анна, всегда загнанная, по его соображеніямъ должна жить до 1485 года. Дѣйствительно, въ мартѣ 1485 года Анна была убита, несомнѣнно по приказанію своего мужа. Онъ считалъ необходимымъ умертвить жену, потому что она была свидѣтельницей его преступленій, своимъ присутствіемъ мучила его совѣсть и мѣшала ему упрочить свои права на престолъ союзомъ съ дочерью Эдуарда IV.

Высадка Тюдора и битва при Босфортѣ въ 1485 г.

Такія злодѣянія не могли остаться безнаказанными; приближалась гибель самого Ричарда. Казалось, что Анна была той счастливой звѣздой его, которая содѣйствовала его

успѣхамъ; съ ея смертью неудачи со всѣхъ сторонъ посыпались на короля. Во Франціи правительница, она же опекунша малолѣтняго наслѣдника престола, явно покровительствовала претенденту на англійскій престолъ, возмущенная злодѣяніями Ричарда. Надо замѣтить при этомъ, что Тюдоръ за содѣйствіе французовъ отказывался отъ своихъ правъ на Бретань и Лотарингію. Въ Англіи ждали только знака къ возстанію. Наконецъ, снарядивши на французскія деньги экспедицію, Ричмондъ съ двумя тысячами наемниковъ высадился въ августѣ 1485 года на англійскій берегъ. Онъ шелъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому что надѣялся на измѣну войскъ Ричарда III. Дѣйствительно, какъ и ожидали, Ричарду всѣ измѣнили. Напрасно громилъ онъ претендента бранными манифестами, — его манифестовъ не читали; даже курьерская почта, впервые устроенная Ричардомъ III и можетъ быть заимствованная изъ Германіи, — на этотъ разъ не предупредила во время короля о высадкѣ его противниковъ въ Мильфордѣ. Онъ убѣдился наконецъ, что всѣ его ненавидятъ и всѣ ему измѣняютъ. Онъ видѣлъ, что ему не на кого надѣяться; ему оставалось только дорого продать свою жизнь. Въ послѣдніе дни своей власти онъ наслаждался местью надъ заложниками, которые были у него. Между тѣмъ Генрихъ Тюдоръ смѣло шелъ впередъ; онъ теперь не боялся сраженія, въ полной увѣренности, что войско Ричарда не будетъ драться съ нимъ; надежда эта, дѣйствительно, отчасти осуществилась. При Босфортѣ въ августѣ 1485 года произошла битва между Ричмондомъ и Ричардомъ. Послѣдній видѣлъ, какъ часть его войска перешла на сторону Ричмонда. Съ немногими приверженцами Ричардъ бросился въ свалку; онъ всюду отыскивалъ своего врага, чтобы лицомъ къ лицу сразиться съ нимъ; онъ успѣлъ уже убить нѣсколько человѣкъ изъ свиты Ричмонда, но окруженный врагами, палъ мертвымъ, не успѣвъ встрѣтиться съ своимъ соперникомъ.

Такъ англійская корона перешла къ Тюдорамъ. Представитель этой династіи опирался не на генеалогическія права, не на происхожденіе, а на оружіе; онъ не нуждался въ бракѣ съ Елизаветой. Бракъ этотъ совершился только спустя нѣсколько времени. Соглашаясь на такой союзъ, Генрихъ руководился не любовью, а желаніемъ имѣть потомство. Впослѣдствіи онъ сталъ вести свой родъ отъ Эдуарда III, но самое происхожденіе Тюдоровъ было не англійское, а кельт-

ское. Всѣ Тюдоры, начиная съ Генриха VII, приносили на англійскій престолъ суровые пріемы государей новой исторіи. Они должны были присягать конституціи въ томъ видѣ, какъ она существовала прежде, но крутой нравъ этихъ королей часто вызывалъ столкновеніе съ парламентомъ, потому что какъ Тюдоры, такъ и наслѣдовавшіе имъ Стюарты, часто грозили нарушеніемъ средневѣковаго англійскаго государственнаго строя.

---

7) Политическое и умственное состояніе Италіи на закатѣ среднихъ вѣковъ. Начало Возрожденія классической древности. Книгопечатаніе.

Средневѣковой переворотъ.

Со смертью Карла VII во Франціи, съ прекращеніемъ гуситскаго движенія въ Чехіи, съ паденіемъ Царьграда въ 1453 году и съ прекращеніемъ войны Розъ въ Англіи кончается борьба государственнаго начала съ традиціонными элементами средневѣковой исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ кончается средневѣковая исторія Европы. Въ короляхъ—Луи XI, открывающемъ рядъ дѣятелей новой исторіи, и даже въ Ричардѣ III—средневѣковыя политическія начала встрѣчаютъ энергичныхъ поборниковъ монархическаго принципа; послѣднему приносятся въ жертву всѣ сословные, корпоративные интересы; государственная власть централизуется и имѣетъ наклонность подчинить себѣ даже Церковь. Всѣ идеи средневѣковаго уклада исчезли, и то движеніе, которое впервые зародилось въ половинѣ XIII столѣтія, достигло крупныхъ результатовъ. Хотя въ средніе вѣка не было государственныхъ интересовъ въ современномъ намъ смыслѣ, но тогда личность была поставлена въ болѣе самостоятельное положеніе, имѣла болѣе простора для самостоятельнаго образа дѣйствій, что̀ проявилось въ сложеніи общественныхъ элементовъ по корпораціямъ. Вотъ противъ этого-то корпоративнаго направленія были направлены всѣ усилія новыхъ государей, ибо таковое стремленіе расщепляло государство и общество на множество мелкихъ частей. Въ средніе вѣка каждый слой народа защищалъ себя, свою хижину, замокъ, городъ, но народъ въ общемъ былъ мало расположенъ къ своему отечеству и его представителю—королю; тогда даже

не подозрѣвали, что король можетъ принять опеку надъ народомъ, какъ надъ цѣлымъ, такъ и надъ частями его. Король въ средніе вѣка представлялся связью, условно и то лишь въ теоріи объединяющею многочисленныхъ, такъ или иначе титулованныхъ особъ; на основаніи общепринятыхъ установленій его вліяніе не простиралось на горожанъ и поселянъ, ибо виланы и буржуа знали лишь своихъ бароновъ, свои муниципалитеты. Теперь же заговорили о всесословныхъ государственныхъ интересахъ, и вмѣсто королей-феодаловъ явились монархи съ войскомъ, которое знаетъ ихъ однихъ, съ постоянной казной, которая пополняется изъ податей и которая употребляется на государственныя нужды, съ властью, которая равно караетъ и гордаго барона, и послѣдняго вилана.

Это одна сторона историческаго переворота того времени: другая заключается въ измѣненіи воззрѣній на міръ, на все окружающее, касается перемѣны, совершившейся въ духовной области. Если первое движеніе, чисто политическое, проявилось рѣзко во Франціи, то второе, духовное, сложилось въ Италіи. Одно движеніе, смѣна политическихъ началъ, породило государственную централизацію, другое породило Возрожденіе наукъ и искусствъ; одно пособляло другому, дѣйствуя въ тѣсной и неразрывной связи. Результаты того и другаго движенія выяснились гармонично лишь въ новой исторіи. Намъ остается теперь объяснить только причины позднѣйшаго политическаго и умственнаго движенія, которыя, какъ увидимъ, коренятся въ духовной, внутренней исторіи Италіи.

Его начало. Слѣдуетъ замѣтить, что оба отличительныхъ признака новой исторіи: стремленіе къ государственному сложенію и направленіе характера образованности по классическому образцу, появились одновременно на почвѣ Италіи. Политическое положеніе сѣверной и средней Италіи, раздробленной на мелкія республики и княжества, побуждало предпріимчивыхъ людей закрѣплять свою власть сначала въ стѣнахъ какого либо города, а затѣмъ распространять ее далѣе. Искусство государственной науки, безъ которой нельзя было обойтись честолюбцамъ, выработалось практически въ Италіи, гдѣ гораздо раньше поняли прямыя задачи государства, гдѣ давно уже развились государственныя начала, хотя въ маленькихъ предѣлахъ и сравнительно небольшими средствами. Удаляясь въ глубь среднихъ вѣковъ, ко временамъ первыхъ Вильгель-

мовъ и Рожеровъ нормандскихъ, устроившихся въ Неаполѣ, какъ бы въ своихъ помѣстьяхъ, можно наблюдать примѣненіе монархическихъ началъ новой исторіи (II, 744). Эти короли боролись съ баронами и съ феодальной оппозиціей, набирали изъ народа регулярное войско, зависимое только отъ нихъ, издавали законодательные сборники, установляли постоянныя подати,—однимъ словомъ, распоряжались неограниченно жизнью и имуществомъ подданныхъ, за три или четыре столѣтія осуществляя на практикѣ то, что впослѣдствіи привели въ исполненіе частію Карлъ VII, а особенно Луи XI во Франціи. Вспомнимъ, что когда вслѣдствіе брачныхъ связей нормандская династія, въ лицѣ послѣдней ея представительницы Констанціи, подала руку швабамъ, то Фридрихъ II гогенштауфенъ, занявъ престолъ обѣихъ Сицилій, пошелъ по слѣдамъ нормандцевъ. Онъ нанесъ ударъ средневѣковому государству изданіемъ законовъ (Constitutiones regni Siciliae), въ коихъ обычаи мѣстные были не только приведены въ порядокъ, но были закрѣплены связующей силой римскаго права (II, 347). Потому императоръ Фридрихъ II былъ первымъ коронованнымъ реформаторомъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ интересахъ всего новаго; его рука была тяжела въ особенности для феодаловъ, но положеніе народа улучшилось бы, если бы дали Фридриху болѣе простора для дѣйствій, хотя въ сущности онъ хотѣлъ обратить народъ въ дисциплинированную массу, лишенную воли, но вполнѣ способную платить подати, исполнять всякія повинности. Опираясь на сарацинскихъ солдатъ, онъ жестоко и безпощадно собиралъ подати, держалъ всю торговлю страны въ своихъ рукахъ. Онъ увлекся заразительнымъ примѣромъ управленія мусульманскихъ властителей, не допускалъ никакой самостоятельности въ народѣ, подобно тому какъ не любили этой самостоятельности подражатели Фридриха II въ новой исторіи, начиная съ Луи XI [1].

Князья въ Италіи.

Всѣ такъ называемые „принчипи“, князья Италии идутъ по его слѣдамъ, достигая власти кровавыми мѣрами. Не было

[1] Для обозрѣнія переходнаго періода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ до сихъ поръ имѣютъ значеніе: Kortüm. (G. Europas im Uebergange vom Mittellalter zur Neuzeit), а въ вопросахъ касающихся исторіи папства—классическое соч. Ranke (Röm. Päpste, ihre Kirche und ihr Staat, 5 Ausg. L. 1867; два русскихъ пер.) и составленное на основаніи послѣдняго—изсл. проф. Вызинскаго (Папство и св. Римская имп. въ XIV и XV стол.).

болѣе безпощаднаго деспота, какъ Фридрихъ II; онъ держался системы государственной централизаціи, которая составляетъ характерную особенность новой исторіи. Въ Италіи, во всѣхъ городахъ, въ которыхъ вмѣсто старыхъ республиканскихъ началъ утвердилось княжеское правленіе, стали взимать подати по росписямъ, составленнымъ заранѣе. Отъ имени же князя собирались пошлины съ предметовъ ввоза и вывоза. На эти доходы содержался маленькій дворъ, устроенный на подобіе позднѣйшихъ дворовъ, съ тѣлохранителями, набиравшимися изъ народа, съ рыцарями, услуги которыхъ были оплачиваемы. При дворѣ, кромѣ рыцарей, были образованные люди, которые, казалось, могли быть опасны для власти узурпаторовъ, но которые старались только смягчить своими совѣтами ихъ суровую политику. Положеніе ихъ при дворѣ и ихъ совѣты были очень полезны. Чувство беззаконности дѣйствій и сознаніе слабости отдѣльныхъ личностей разрывали связь этихъ князей узурпаторовъ съ народомъ и сближали ихъ между собою; общность интересовъ соединяла такіе дома, какъ Висконти, Эсте, Скала, Медичи. Мало по малу привыкли отъ такихъ государей ожидать всего хорошаго для страны, такъ какъ совсѣмъ отвыкли отъ самодѣятельности. Этотъ князь-узурпаторъ долженъ будетъ заботиться обо всемъ: республиканскіе граждане могутъ спокойно ожидать исполненія мѣропріятій правительства князя. Его власть простирается какъ на предметы серьезные, такъ и на мелочные: онъ и воюетъ и заключаетъ договоры, онъ строитъ общественныя зданія и наблюдаетъ за чистотой города; онъ вводитъ законы, помогаетъ бѣднымъ, ученымъ, которые славятъ его за это послѣ его смерти; онъ же смотритъ за полями земледѣльца и полицейскимъ порядкомъ на улицахъ городовъ, — однимъ словомъ и обязанности верховнаго, и обязанности мелкаго блюстителя порядка сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, а граждане мало по малу устраняются отъ управленія общественными дѣлами.

Съ теченіемъ времени интиллегенція вошла въ кругъ этихъ новыхъ интересовъ, хотя она старалась отстоять народную пользу. Петрарка говоритъ, что добрый князь обязанъ быть отцемъ своего отечества; онъ не долженъ быть тираномъ своихъ согражданъ, но долженъ любить подданныхъ какъ дѣтей, какъ часть своего тѣла. Оружіе тѣлохранителей и наемниковъ онъ долженъ обращать противъ враговъ; въ отношеніи же гражданъ онъ долженъ оказывать расположеніе, ограждая ихъ

отъ возмутителей. Подъ этими возмутителями Петраркою разумѣлись тѣ люди, которые хотѣли возстановить прежнія республиканскія формы. Страшное звѣрство тирановъ, 5000 собакъ какого-нибудь Бернабо Висконти, неумѣренное сладострастіе Лукино или Филиппа-Маріи—все это явилось слѣдствіемъ произвола, хотя должно сказать, что нельзя считать причиной этихъ явленій самую систему принципатства. Князья старались усилить производительность экономическихъ силъ, старались водворить порядокъ, возбудить въ публикѣ интересъ къ вопросамъ болѣе или менѣе идеальнымъ, къ вопросамъ философіи, литературы и искусствъ.

Античныя вліянія.

Весьма важно то, что идея абсолютной монархіи зародилась раньше, чѣмъ во Франціи, на почвѣ Италіи, гдѣ все прошлое не препятствовало укрѣпленію государственныхъ началъ. Важно также убѣдиться, что существуетъ связь между возрожденіемъ наукъ и мѣстными политическими условіями итальянской жизни, складомъ итальянскаго народнаго быта. Оттого-то съ такимъ успѣхомъ весь Западъ въ XV и XVI столѣтіяхъ подчинился умственному преобладанію итальянской цивилизаціи, что идеи просвѣтительнаго возрожденія въ Италіи не были заносными. Тамъ онѣ зародились и были поддерживаемы могуществомъ князей итальянскихъ, которые не видѣли вреда въ изученіи памятниковъ научнаго содержанія. Поддерживая стремленіе къ изученію античнаго міра, они въ то же время старались отвлечь народъ отъ политики, разсчитывая этимъ прочнѣе закрѣпить свою власть.

Обращеніе къ древнимъ за источниками знанія проявлялось собственно два раза: при Карлѣ Великомъ и затѣмъ рѣшительнымъ образомъ въ XIV столѣтіи. Но первый опытъ подражанія явился подъ сильнымъ вліяніемъ тевтонизма. Кромѣ того существенныя стороны образованности древняго міра не могли тогда найти простора вслѣдствіе узъ, наложенныхъ со стороны Церкви. Такое стѣсненіе образованности, поставившее ее въ узкія схоластическія рамки, продолжалось до тѣхъ поръ, пока церковный гнетъ преобладалъ въ той или другой странѣ. Нападенія на папскую власть въ XIV вѣкѣ обусловливали новыя попытки къ изученію древности. Движеніе теперь не ограничивается одной поэзіей; оно коснулось научной области. Начало такого рода подражательныхъ попытокъ можно прослѣдить еще раньше паденія Византійской имперіи, раньше

эмиграціи греческихъ ученыхъ изъ покореннаго Царьграда. Уже тогда занимались изученіемъ древнихъ поэтовъ и писателей при дворахъ узурпаторовъ, которые этому покровительствовали, въ замѣнъ чего безцеремонно требовали содѣйствія ихъ деспотическимъ стремленіямъ. Но въ этомъ изученіи было мало античнаго духа. Только тогда, когда итальянцы перестали бояться папскихъ громовъ, когда они увидѣли всю малевку папскихъ декорацій и дѣйствительную ничтожность папской силы, когда убѣдились въ успѣхахъ гражданственности въ городахъ, тогда это образованіе стало входить въ связь съ преданіями античнаго міра.

Усиленіе князей (principi) должно было упрочить это движеніе. Всѣ эти узурпаторы должны были такъ или иначе живымъ примѣромъ напоминать римскихъ императоровъ; для оправданія въ своихъ попыткахъ они ссылались на подражаніе великому прошлому. Они указывали, что не столько республиканскому, сколько монархическому принципу римляне были обязаны своимъ всемірнымъ величіемъ. Потому-то демократическій строй городовъ шелъ въ разладъ съ такими политическими идеалами.

Общее направленіе умовъ, все міровоззрѣніе переросло средневѣковые идеалы. Новое образованіе не могло, опираясь на одинъ опытъ, самостоятельно достигнуть солидныхъ знаній въ области міра физическаго и духовнаго; оно нуждалось въ руководителяхъ, которыхъ и нашло въ великихъ, безсмертныхъ дѣятеляхъ классическаго міра. Повсюду въ Италіи философы, поэты, историки, публицисты заимствуютъ формы и содержаніе своихъ твореній изъ греческой и латинской литературы. Близость Рима, обиліе великихъ воспоминаній давали еще болѣе силы новому духовному просвѣтительному движенію. Итальянцы стали гордиться, что они сродни тѣмъ гражданамъ, которые силою своего духа и меча побѣдили весь міръ.

Въ произведеніяхъ поэтовъ и историковъ XIV вѣка всегда просвѣчиваетъ сознаніе непосредственной родственной связи съ великими дѣятелями античнаго прошлаго. Писатели XIV вѣка интересуются собственно языческими древностями ради ихъ самихъ и относятся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ христіанскому міру. Извѣстно, что въ средніе вѣка, благодаря сильному клерикальному вліянію, преклонялись передъ памятниками, связанными съ пребываніемъ апостоловъ и первыхъ христіанскихъ мучениковъ Рима; интересы же языческой

древности отходили на второй планъ. Теперь настало нѣчто совершенно иное. Уже не интересуются болѣе сказаніями объ апостолахъ, а восторгаются храмомъ Венеры, термами Діоклетіана, руинами театровъ и термовъ, остатками форума. Всюду чувствовалось, что надъ обществомъ носится новый духъ. Обаяніе язычества стало всемогущимъ. Петрарка, взобравшись на руины термъ Діоклетіана и бесѣдуя съ историкомъ Джіованни Виллани, всѣ помыслы сосредоточиваетъ на исторіи языческаго міра, пронесшейся надъ почвой его родины. Онъ останавливается на античной философіи, на памятникахъ языческой литературы, онъ прямо отдаетъ превосходство тѣмъ отдаленнымъ интересамъ предъ современными. Все, чѣмъ прежде дорогъ былъ Римъ для христіанъ, теперь отступило на второй планъ, а все языческое стало безконечно выше. Отсюда всѣ симпатіи все болѣе и болѣе переходили на сторону язычества въ ущербъ христіанству. Оттого дѣятели Возрожденія во второй половинѣ XV вѣка порвали всѣ связи съ христіанствомъ и почти объязычились. Въ Италіи въ XV столѣтіи общество принимаетъ античныя воззрѣнія, и даже вѣрующіе не прочь были наградить христіанскихъ святыхъ языческими подвигами. Поджіо въ своемъ описаніи Рима рѣшительно выдѣляетъ произведенія, съ которыми были связаны христіанскія преданія изъ собственно классическихъ памятниковъ. Конечно при этомъ должны были сильно пострадать преданія начальной исторіи христіанства.

Тогда въ Италіи началось поклоненіе всему языческому, поклоненіе, въ которомъ коренились какъ положительныя такъ и отрицательныя стороны будущей исторіи. Любовь къ древнимъ рукописямъ и памятникамъ повела къ внутреннему обновленію европейской жизни. Съ легкой руки двухъ великихъ итальянскихъ поэтовъ—Петрарки и Боккачіо—началось то счастливое и многознаменательное время, когда открытіе классическаго манускрипта считалось важнѣе иного политическаго событія; когда въ честь этого общество, увлекшееся древностью до самозабвенія, давало пиры и праздники; когда драгоцѣнную находку, прикованную къ стѣнѣ золотыми цѣпями, не отдали бы за цѣлые замки и домены; когда изъ-за рукописи дрались бароны, мирились государи; когда филологическіе диспуты въ состояніи были отвлечь министровъ отъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Такое восторженное увлеченіе придало обаятельный колоритъ

эпохѣ Возрожденія. Это время обязано своимъ блескомъ предварительному духовному движенію въ Италіи и, будучи уже продуктомъ этого послѣдняго, по своей сущности всецѣло принадлежитъ новой исторіи. Но самыя причины Возрожденія коренятся, какъ мы видѣли, въ политическихъ условіяхъ положенія той же средневѣковой Италіи.

Такъ обѣ идеи новой исторіи, политическая и духовная, вышли изъ Италіи, которая дала другой разъ цивилизацію историческому міру.

Какое же духовное богатство проявила Италія того времени?

Послѣ Петрарки и Боккачіо, дѣйствовавшихъ въ XIV вѣкѣ, въ итальянской литературѣ должна была наступить долгая пауза, совершенно понятная. Она продолжалась въ строгомъ смыслѣ до половины XV вѣка. Такія явленія, какъ новеллисты Франческо Саккети и Доменико ди-Джіованни (онъ же циникъ Буркіелло) были слишкомъ посредственны, чтобы поддержать развитіе поэзіи. Дальше она не могла идти. Языкъ сравнительно въ короткое время достигъ такой отдѣлки, которая по настоящее время признана въ своемъ родѣ совершенною и почти не нуждающейся въ новыхъ редакціяхъ. Равныхъ геніевъ не могло явиться. Въ этотъ-то періодъ видимаго застоя, —на самомъ дѣлѣ необходимаго отдыха послѣ славной работы,—подготовился и совершился оригинальный переворотъ въ литературной и вообще умственной дѣятельности.

Историки въ Италіи. Для сужденія о суммѣ литературныхъ явленій въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка кинемъ взглядъ на положеніе историческихъ, философскихъ и юридическихъ наукъ въ Италіи. Безспорно, что историческое искусство всегда служитъ мѣриломъ гражданскаго роста эпохи, конечно, если оно не подвержено насильственному давленію со стороны. Но нигдѣ политическія обстоятельства такъ не благопріятствовали развитію исторіографіи, какъ въ Италіи. Потому нигдѣ исторіографія не выразила въ такой степени народной жизни, какъ на полуостровѣ; нигдѣ и никогда она не была такъ блистательно представлена, какъ въ Италіи послѣдняго періода среднихъ вѣковъ. Муниципальная вражда общинъ образовала обширную историческую литературу. Каждый городъ имѣлъ своихъ хронистовъ. Появленіе историческаго сочиненія было торжествомъ общественнымъ. Въ университетскихъ городахъ хроники слушались всенародно; ихъ содержаніе одобряли мѣст-

ные ученые и государственные люди. Этотъ классическій обычай переносилъ мысли гражданъ въ далекія времена, всегда увлекавшія ихъ своимъ обаяніемъ, на старыя аѳинскія площади, кипѣвшія жизнью, волнуемыя политикою и свободою. Почетную награду получалъ авторъ, если общественное мнѣніе одобряло его трудъ. Въ иныхъ городахъ было нѣсколько лѣтописцевъ, обязанныхъ оффиціально записывать событія, сперва по-латыни, а послѣ по-итальянски. Идеи Возрожденія требовали возобновленія правъ латыни. По причинѣ очень понятной, хроникеры, писавшіе на родномъ языкѣ, съ одной стороны пользовались бо̀льшею популярностью въ народѣ, съ другой оставили по себѣ бо̀льшую литературную славу. Они были гораздо даровитѣе латинистовъ и для насъ остались съ неоспоримо важнымъ значеніемъ, какъ онователи серьезной прозы итальянской. Сицилійцы и флорентійцы первые стали писать на родномъ языкѣ; генуезскіе, венеціанскіе и миланскіе хроникеры писали по-латыни.

Не безъ основанія считаютъ флорентійца Дино Компаньи за сжатость слога, за суровую простоту и неподкупность суда — Данте историческаго искусства. Шлоссеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Дино справедливъ, серьезенъ и глубокъ, какъ Ѳукидидъ, а его исторія строга, какъ приговоръ свѣта. За свою суровость онъ не могъ пользоваться популярностью между избалованными флорентійцами; аристократъ и скорѣе гибеллинъ по убѣжденіямъ, онъ порицаетъ гвельфовъ и часто называетъ ихъ варварами. Даже потомство забыло его и до Муратори, издавшаго Дино въ XVIII вѣкѣ, онъ не имѣлъ никакой извѣстности (¹). Какъ современникъ, онъ не могъ, по причинѣ очень понятной, угадать причины страстной вражды, обуревавшей улицы его роднаго города; она казалась ему результатомъ простыхъ домашнихъ раздоровъ и, что еще хуже, слѣдствіемъ мстительной ревности оскорбленнаго любовника. Можно прибавить, что въ его исторіи меньше занимательности и того увлекательнаго интереса, который ключемъ бьетъ у Виллани, но за то въ ней больше пользы, морали и какой-то симпатичной простоты.

Джіованни Виллани имѣлъ предвзятую идею въ своемъ трудѣ, обширномъ и по объему, и по содержанію, захватив-

---

(¹) О томъ, какъ безъосновательно новѣйшая нѣмецкая критика отрицаетъ самое существованіе Дино Компаньи, мы говорили выше.

шемъ всю флорентійскую исторію отъ миѳическихъ временъ до кончины автора (1348 г.); онъ хотѣлъ утвердить за Италіей ея древнюю римскую славу съ сохраненіемъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ формъ классической цивилизаціи. Эта самая идея повліяла на своеобразность колорита историческаго труда Виллани, относящагося скорѣе къ числу блестящихъ произведеній тогдашней публицистики, нежели глубокомысленныхъ историческихъ трудовъ. Онъ самъ сознается, что хочетъ примѣромъ римлянъ возбудить новыхъ итальянцевъ къ геройскимъ подвигамъ. Увлекательно изящный въ своемъ изложеніи, онъ доставитъ много удовольствія тѣмъ, кто требуетъ отъ исторіи занимательности, а главное государственныхъ цѣлей. Форма его изложенія до того близка къ древнимъ, особенно къ Ливію, что новѣйшіе итальянскіе историки изучаютъ его какъ образецъ.

Въ XV вѣкѣ національныя произведенія были не въ модѣ. Кромѣ городскихъ хроникъ, обнимающихъ обыкновенно событія, современныя автору, и припоминающихъ все важное изъ прошлаго, — стали появляться на латинскомъ языкѣ историческія сочиненія болѣе общаго содержанія. Риторизмъ ихъ содержанія высказывается въ самыхъ заглавіяхъ, — какъ „Историческое море“ Джіованни да-Колонна, „Яблочный садъ“ Рикобальдо и т. п. Нѣсколько сочиненій было посвящено древней исторіи, понимаемой и передаваемой въ духѣ вѣка. Такъ осталась „Всеобщая исторія“ нѣкоего Франческо, описаніе троянской войны Гвидо делле-Колонне, „жизнь знаменитыхъ мужей“ автора „Историческаго моря“ и др. Латинскіе писатели любили называть свои хроники „Commentaria suorum temporum“ и, какъ въ манерѣ изложенія, такъ и въ отдѣлкѣ языка, старались поддѣлаться подъ тонъ римскихъ историковъ. Разумѣется, копіи вышли далеко ниже даже самымъ плохихъ оригиналовъ, хотя съ другой стороны можно оправдать и это самое подражаніе, предпринятое въ видахъ воскрешенія древнихъ формъ въ политической и духовной жизни XV вѣка.

Если Флоренція еще оказываетъ нѣкоторое предпочтеніе народному языку, то этимъ не могли похвастать прочіе итальянскіе города, хотя историческіе писатели ихъ и достовѣрны и достойны полнаго уваженія за свою ученую дѣятельность. Веллути, Дуранте, Нери и цѣлый рядъ флорентійцевъ пишутъ по-латыни, подражая лучшимъ латинистамъ,

какъ венеціанцу Дандоло, падуанцу Муссато, миланцу Фламма, неаполитанцу Спечіале. Относительно послѣднихъ можно только высказать сожалѣніе, что при своемъ историческомъ талантѣ они уклонились отъ національныхъ традицій. Пятнадцатый вѣкъ, чрезъ посредство Италіи давшій Европѣ классическое Возрожденіе, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ способствовать развитію латинизма въ историческихъ сочиненіяхъ. Подчиняясь общимъ условіямъ вѣка, историки этого времени, если только они не сухіе лѣтописцы, до крайности подражательны и въ содержаніи и въ формѣ. Относительно манеры изложенія ихъ подражаніе въ высшей степени неудачно; слогъ съ претензіями на красоту періодовъ, полный сравненій и ходульныхъ параболъ, теменъ и неясенъ до крайности.

Впрочемъ къ концу вѣка качества исторіографіи улучшаются. Произведенія въ родѣ латиниста Аретино повторяются, но уже въ улучшенныхъ формахъ. Итальянская исторіографія пробудилась въ блестящихъ классическихъ образцахъ; она обновилась къ свѣжей жизни, воспитавшись на античныхъ памятникахъ; она сбросила съ себя всякую условность и совершенно простилась съ мертвящею латынью. Во Флоренціи пріобрѣли заслуженную славу имена: Макіавелли, Гвиччіардини, Нарди, Нерли, Варки, Питти, Аммирато, Бруто—блестящій рядъ писателей, изъ которыхъ каждый былъ гордостью этого просвѣщеннѣйшаго изъ городовъ средневѣковаго времени.

На долю итальянскихъ философовъ того періода могла выпасть только посредническая роль въ дѣлѣ знакомства Европы съ духовнымъ культомъ древнихъ и вмѣстѣ съ нею компилятивная переработка греческихъ системъ съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно извѣстнымъ историческимъ условіямъ. Итальянская мысль была единственнымъ свѣточемъ въ скудномъ средневѣковомъ умозрѣніи. Итальянцы хранятъ тайны греческихъ системъ, поддерживаютъ и лелѣютъ ихъ для Возрожденія. Они разносятъ свои идеи по всей Европѣ и съ этой миссіонерскою цѣлью покидаютъ родину. Особенности итальянскаго темперамента отразились и на этихъ мыслящихъ писателяхъ. Они поэтичны даже въ своей философіи и многіе изъ нихъ занимали высшія духовныя мѣста въ католическомъ мірѣ. Образовавъ двѣ противоположныя фазы мысли,—номиналистовъ и реалистовъ,—схоластики не уклонились отъ христіанской догматики, что̀, конечно, объясняет- Философія.

ся сильнымъ давленіемъ Церкви надъ умами средневѣковыхъ людей. Но, если имъ не было простора въ мышленіи, вслѣдствіе основной причины, то очевидно винить ихъ въ пустыхъ умствованіяхъ и напряженныхъ силлогизмахъ не слѣдуетъ. Надо только удивляться этому,—можно смѣло сказать,—не повторявшемуся болѣе обилію умственныхъ силъ, этой феноменальной способности наполнять десятки фоліантовъ одними логическими сопоставленіями, одними психологическими соображеніями, выведенными съ поразительною точностью и послѣдовательностью хорошаго математика.

Университеты въ Италіи.

Тѣ же университеты, которые разносили пріемы и идеи схоластиковъ, служили живымъ центромъ разработки права. Италія, передовая страна въ умственномъ движеніи среднихъ вѣковъ, дала Европѣ оригинальныя юридическія теоріи и передовыхъ юристовъ. Юриспруденція, болѣе чѣмъ всякій другой предметъ, слилась съ памятью объ итальянскихъ средневѣковыхъ университетахъ. Учебная дѣятельность въ тогдашней Италіи была въ полномъ смыслѣ поразительна. Въ то время и высшія, и среднія, и низшія учебныя заведенія были наполнены такъ, какъ никогда послѣ. Кромѣ школъ для обученія грамотѣ, въ каждомъ городѣ были высшія школы (въ родѣ нашихъ гимназій), а во всѣхъ сколько нибудь важныхъ городахъ—университеты. Во Флоренціи, въ половинѣ XIV вѣка, чтенію обучалось 10 тысячъ дѣтей; въ высшихъ школахъ насчитывалось до 600 молодыхъ людей. Шестнадцать университетовъ существовало въ Италіи еще къ началу XIV вѣка. Въ XIV и XV столѣтіяхъ, съ открытіемъ новыхъ, послѣдовалъ значительный приливъ числа слушателей, скоро достигшій поразительныхъ размѣровъ. Едва ли когда повторялась такая роскошная внутренняя жизнь, обусловленная громкой славой университетовъ, которая неразлучно связана съ послѣднимъ періодомъ средневѣковой исторіи. Такъ какъ тогда Италія стояла впереди Европы во всемъ,— то въ ней университетская дѣятельность должна была отразиться еще значительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Города гордились своими университетами и жили общею съ ними жизнью. Болонскій муниципалитетъ имѣлъ основаніе выбивать на своихъ монетахъ слова: „Bononia docet". Въ этотъ городъ стекались студенты со всей Европы; особенно много было нѣмцевъ. Безъ сомнѣнія, это былъ первый университетъ Италіи, и по качеству профессоровъ, и по числу студентовъ.

доходившему въ иные годы до 20 тысячъ человѣкъ. Въ немъ полнѣе всего развилось студенчество съ своими типичными особенностями, съ своимъ вѣчнымъ „Gaudeamus igitur“, сочиненнымъ, какъ полагаютъ въ XVI вѣкѣ, однимъ изъ болонскихъ студентовъ, Доминикомъ Страдою. Впослѣдствіи, болонскій профессоръ Кассини провелъ меридіанъ на линіи городской церкви св. Петронія. Множество фактовъ знаменуетъ ученую дѣятельность профессоровъ, не перестававшихъ дѣлать открытія въ разныхъ отрасляхъ знаній. Въ Феррарскомъ университетѣ, первомъ въ Ломбардіи, Эсте содержали на своемъ жалованьи пять профессоровъ. Въ Падуѣ, все время принадлежавшей венеціанцамъ, университетъ отличался и многочисленностью слушателей,— въ XIV вѣкѣ ихъ было около 18 тысячъ человѣкъ, — и вліятельнымъ положеніемъ своихъ профессоровъ. Когда страсть къ древнимъ стала модною и conditio sine qua non всякаго свѣтскаго человѣка, то представители знатнѣйшихъ фамилій города не разъ бывали преподавателями университета. На каѳедрахъ падуанскихъ появлялись даже женщины, какъ напр. Бланка Борромео. Въ Падуѣ же, извѣстный кардиналъ Бембо устроилъ впослѣдствіи библіотеку и ботаническій „музей“. Кромѣ этихъ трехъ университетовъ, въ сѣверной Италіи, именно въ Мантуѣ, въ XV вѣкѣ явилось среднее учебное заведеніе, основанное знаменитымъ латинистомъ и педагогомъ Витторино Рамбальдони (изъ Фельтре, ум. въ 1447 году). Это было привилегированное училище для образованія дѣтей высшей европейской аристократіи и даже коронованныхъ лицъ. Слѣдовательно этому заведенію между прочимъ обязана Европа щедрымъ меценатствомъ, уваженіемъ къ классицизму и внѣшнимъ гуманизмомъ своихъ повелителей въ послѣдующее время. Мантуя, болѣе чѣмъ всякій другой городъ, боготворила античную цивилизацію; она всегда жила воспоминаніями древности; она гордилась, что имѣла счастіе быть родиной Виргилія. Когда въ другихъ городахъ классицизмъ былъ распространяемъ воздѣйствіемъ ученыхъ,—здѣсь, и еще развѣ въ Римѣ, всегда считали его глубоко родственнымъ. Мантуанцы прозвали себя виргиліанцами и уже давно (съ 1257 г.) свою главную площадь украсили великолѣпною статуею знаменитаго пѣвца Августа. Весною юноши и дѣвицы увѣшивали ее вѣнками; день рожденія Виргилія всѣ граждане проводили въ танцахъ, пѣніи и ристаніи на коняхъ; потому-то Карлъ

Малатеста и велѣлъ бросить статую въ Минчіо. Въ такомъ городѣ было понятнѣе всего быстрое возрожденіе классицизма, являвшагося почвеннымъ растеніемъ. Здѣсь Витторино имѣлъ огромный успѣхъ. Образцовый педагогъ, онъ, не смотря на свою филологическую спеціальность, не упускалъ изъ виду преподаванія римскаго права, которое послѣ, состязаясь съ каноническимъ, много способствовало возникновенію новыхъ юридическихъ понятій.

Римское право. Въ университетахъ римское право сдѣлалось главнымъ предметомъ преподаванія. Потому въ Италіи съ профессорскихъ каѳедръ раздаются строгія монархическія теоріи. Въ этомъ отношеніи выдаются Болонья и Неаполь. Послѣдній далъ анжуйцамъ лучшихъ практиковъ-юристовъ, какъ Бартоломея-да-Капуа, Никколò, Алунно (извѣстныхъ еще при Робертѣ Мудромъ), Андрея д' Изернія (при Джіованнѣ I), автора нѣкогда знаменитыхъ „Commentarii sopra i feodi", называвшихся „евангеліемъ права", Блазіо-да-Марконе (при королѣ Карлѣ III), автора замѣчательнаго сочиненія о римскихъ и лангобардскихъ законахъ, наконецъ послѣдующій рядъ другихъ именъ, какъ Марино Боффа, главнаго сотрудника свода законовъ, составленннаго при неаполитанской королевѣ Джіованнѣ II, и пр. Юрисконсультовъ, какъ ихъ тогда называли, вообще было много въ Италіи; для образованія и подготовки ихъ существовали особыя спеціальныя школы. Упомянутыя нами имена принадлежатъ южной Италіи. На сѣверѣ же были свои дѣятели и между ними блеститъ личность Гаспарино да-Берциссо (1360—1431 года), образовавшаго множество учениковъ, будущихъ легистовъ Возрожденія. Онъ преподавалъ въ Падуѣ, Миланѣ и Венеціи. Чтò профессія юристовъ была обширна, объясняется и численностью ихъ корпорацій по городамъ—какъ напр. 200 въ одномъ Миланѣ — и удачной постановкой юридическихъ наукъ въ университетахъ. Въ Италіи раньше чѣмъ въ другихъ странахъ явились ученыя степени магистра и доктора правъ, а потомъ и по другимъ предметамъ. На практикѣ, въ дѣлѣ государственномъ, имъ предстояла обширная работа; они должны были провести въ жизнь соотвѣтственныя гражданскія формы, и примѣнять въ практикѣ то, что въ теоріи и общественномъ мнѣніи подготовляла литература. Дѣло ихъ было тѣмъ труднѣе, что юридическіе вопросы болѣе и болѣе усложнялись и переплетались въ городахъ полуострова.

Кромѣ каноническаго, дѣйствовали еще формулы права: римскаго, лангобардскаго и общиннаго (кутюмъ). Послѣднее было выработано новыми общественными потребностями и интересами. Разработать это право, изложить его въ системѣ было также задачею университетовъ, хотя въ основаніяхъ своихъ обычай давно дѣйствовалъ на практикѣ. Развитіе политической жизни, нѣкогда воспитанное университетами, теперь заставило послѣдніе измѣнить свою роль и по возможности сдерживать возбужденныя стремленія. Съ XIII вѣка стали прославлять достоинства Юстиніанова кодекса и примѣнять его къ потребностямъ итальянской жизни; слѣдомъ за тѣмъ на сцену явилось каноническое право, разработываемое въ стѣнахъ итальянскихъ университета. По основной идеѣ своей оно должно было имѣть суровый характеръ и потому пропаганда его ясно высказалась въ теоріи абсолютизма на поприщѣ государственномъ. Вмѣсто желаемаго императора, университеты навлекли на Италію тучу отдѣльныхъ тирановъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, характеръ стремленій круто измѣнился и къ XV вѣку заговорило въ тѣхъ же юристахъ желаніе республиканской свободы. Юрисконсульты, воспитанные идеями тѣхъ же университетовъ, дѣлаются теперь законодателями и министрами итальянскихъ государствъ; отъ нихъ зависитъ многое, но они сами нравственно испорчены.

Другая сторона духовной жизни итальянцевъ, касающаяся области изящныхъ искусствъ, развилась въ ту пору едва ли не шире и не блистательнѣе умственной. Благодаря этому художественному развитію, Италія заняла первое мѣсто въ исторіи искусства. И тогда, и послѣ никакое сколько нибудь важное явленіе въ области изящнаго не обходилось безъ прямого или косвеннаго участія Италіи. Въ музыкѣ, архитектурѣ, скульптурѣ и живописи итальянцы въ средніе вѣка вездѣ и всегда были впереди.

Въ половинѣ XV вѣка мы уже лицомъ къ лицу съ начинающимся Возрожденіемъ, лицомъ къ лицу съ результатами профессорской дѣятельности Хризолороса, Аргиропула, Өедора Газы, Виссаріона, съ честною и въ высшей степени полезною преподавательскою работою Витторино да-Фельтре, съ многочисленными каѳедрами латинскаго и греческаго языка съ ихъ литературою,—разсѣянными по полуострову, съ вели- **Содержаніе Возрожденія въ Италіи во второй половинѣ XV вѣка.**

кою просвѣтительною ролью итальянскихъ университетовъ. съ новымъ возрожденіемъ платонизма въ стѣнахъ флорентійской академіи, съ благотворнымъ меценатствомъ Медичи, Эсте и др. знатныхъ фамилій,—короче съ эпохою перерожденія Италіи, а за ней и всей Европы, эпохою, блиставшей дѣятельностью ученыхъ грековъ, жадныхъ до неприличія и тѣмъ не менѣе всемірно полезныхъ. Мы не имѣемъ въ виду говорить объ эпохѣ Возрожденія въ настоящее время; это предметъ новой исторіи, первый періодъ которой направило Возрожденіе. Мы выскажемъ только нѣсколько сжатыхъ и общихъ соображеній.

Родоначальникомъ ученыхъ филологовъ на Западѣ былъ Эммануилъ Хризолоросъ, грекъ по рожденію, прибывшій въ 1390 году изъ Византіи на Западъ за помощью къ папѣ и западнымъ государямъ, когда Византійской имперіи грозила опасность отъ меча турокъ. По этому дѣлу онъ обращался къ папѣ и другимъ итальянскимъ государямъ, но къ его предложенію отнеслись равнодушно. За то знаніемъ греческой литературы онъ обращалъ на себя вниманіе всюду; у него стали учиться греческому языку тѣ, которые прошли латинскихъ писателей у Джіованни Равеннскаго. Онъ обучилъ цѣлое поколѣніе филологовъ, которые потомъ стали распространять его идеи. Хризолоросъ преподавалъ въ разныхъ городахъ Италіи (въ Миланѣ, Римѣ, Флоренціи, Падуѣ, Венеціи), сначала странствуя изъ города въ городъ, а потомъ основывая постоянныя школы самъ и чрезъ своихъ учениковъ. Въ эту эпоху нѣкоторыя лица всю свою жизнь посвящали на отыскиваніе рукописей; это исканіе доходило до страсти, до увлеченія. Когда ученые находили рукописи, радости ихъ не было конца. Гуманисты считали всякое мѣсто священнымъ, гдѣ были остатки древности. Отрадно представить себѣ гуманиста, днемъ роющагося въ монастырскихъ библіотекахъ, а ночью читающаго съ жадностью отысканныя рукописи. Его фантазія переносится на эллинскій Востокъ; онъ не знаетъ ничего лучше древняго міра; тамъ была свобода мысли и совѣсти, тамъ не было монаховъ и аббатовъ. Все это прошлое, навсегда отлетѣвшее, ему хотѣлось воскресить въ настоящемъ; потому-то это увлеченіе приводило къ отрицательному отношенію современности.

Рядъ поэтовъ, философовъ, историковъ, юристовъ, ученыхъ ораторовъ, филологовъ, грамматиковъ, достаточно снабженныхъ оружіемъ изъ богатаго арсенала классической эру-

диціи, со всѣми порывами свѣжей мысли, съ яркимъ контрастомъ высокаго умственнаго развитія и внутренней нравственной и сердечной порчи—проходитъ передъ нами. Новые дѣятели, волнуясь сами новыми идеями, воспламеняютъ ими и другихъ. Скоро все образованное общество будетъ на ихъ сторонѣ; скоро правительство и государи станутъ угождать имъ; скоро они сами сдѣлаются людьми сильными и властительными.

Тогда ясно высказался риторизмъ большей части изъ нихъ, разладъ слова и дѣла. Ученые не стыдились унижаться до выпрашиванія, до обмана. Многіе изъ нихъ, сдѣлавшись придворными льстецами, льстили и герцогамъ и ихъ слугамъ, ради себялюбивыхъ цѣлей, ради перспективы пріобрѣсти этимъ путемъ богатства въ будущемъ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они писали похвальныя рѣчи и трескучія біографіи. Классическое образованіе, преимущественно внѣшнее, принесло результаты, не соотвѣтствовавшіе цѣли, даже по отношенію къ людямъ, особенно талантливымъ. Ученый преклонялся предъ авторитетомъ, въ силу котораго не позволялъ себѣ анализа чужой мысли; вмѣсто истиннаго анализа онъ вдавался въ словопренія. На блестящемъ мантуанскомъ съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ Пія II, собравшемся для разсужденія о замышляемомъ крестовомъ походѣ противъ Магомета II, правители забываютъ толковать о дѣлѣ. Всѣ восторгаются реторическими рѣчами Филельфо, написанными на чистѣйшей латыни, всѣ восхищаются образцовымъ латинскимъ панегирикомъ, сказаннымъ даровитою дочерью Франческо Сфорцы Ипполитою, въ привѣтствіе папѣ. Глубоко довольные цвѣтами римскаго краснорѣчія, всѣ спѣшили разъѣхаться, забывъ и про торжествующаго султана Магомета II и про несчастія балканскихъ христіанъ. Подобнымъ образомъ слово всегда расходилось съ дѣломъ въ устахъ даже лучшихъ дѣятелей Возрожденія. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти темныя стороны не даютъ права смотрѣть отрицательно на великій вѣкъ и его представителей, людей талантливыхъ, но нравственно испорченныхъ.

Три особенно благопріятныхъ обстоятельства расширили горизонтъ тогдашней дѣятельности. То были: миръ церковный, паденіе Византіи и, что самое капитальное, изобрѣтеніе книгопечатанія (1455 годъ для Германіи, 1466 годъ для Италіи). Это послѣднее событіе почти одновременно со вторымъ оканчиваетъ средніе вѣка; появленіе первой печатной книги открываетъ новое время. И конечно этимъ великимъ фактомъ, по

всей справедливости, должно быть завершено изложеніе исторіи средневѣковья.

Изобрѣтеніе книгопечатанія.

Открытіе типографскаго станка было важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи просвѣщенія народовъ. Извѣстно, съ какимъ трудомъ распространялись всякія новыя воззрѣнія въ средніе вѣка. Въ древнемъ Римѣ не чувствовали этого недостатка: тамъ былъ цѣлый классъ писцовъ, которые довели свое искусство до высокой степени совершенства и наполняли цѣлыя лавки своими трудами. Ничего подобнаго долго не было въ средніе вѣка. Классъ переписчиковъ книгъ, какъ ассоціація, явился только въ XIV вѣкѣ. Монахи едва успѣвали переписывать рукописи для церковнаго обихода. Все ихъ творчество уходило на украшеніе молитвенниковъ, и въ этомъ они достигли изящества. Рукописи монаховъ на пергаментѣ заставляютъ забываться читателей: читая ихъ, думаешь, что имѣешь дѣло съ печатной книгой, и до сихъ поръ, разсматривая раскрашенные рисунки, знатокъ всегда будетъ удивляться ихъ красотѣ, а равно богатству отдѣлки виньетокъ, — до такой степени каллиграфы успѣли обогнать искусство на четыре столѣтія. Но монахи занимались обыкновенно перепиской молитвенниковъ, на которые запросъ былъ у большинства, между тѣмъ какъ философскія и богословскія сочиненія были потребностью немногихъ. Не одинъ монахъ сидѣлъ за письменнымъ трудомъ; вмѣстѣ съ нимъ занималось много послушниковъ. Благодаря монахамъ, только и поддерживалась письменность. Можно представить себѣ, сколько труда нужно было положить на переписку, напримѣръ, сочиненій Ѳомы Аквинскаго, которыя теперь, отпечатанныя, занимаютъ десять громадныхъ фоліантовъ. Затѣмъ сколько требовалось труда для переписки рыцарскихъ романовъ, историческихъ хроникъ и всякихъ литературныхъ твореній среднихъ вѣковъ. Потому-то въ средніе вѣка было мало самостоятельнаго творчества. Большое количество труда и времени, занимаемое перепиской, дѣлало то, что литературное занятіе сводилось на копировку; потому-то такъ медленно развивалась цивилизація. Нечего говорить, какъ дорого цѣнились тогда рукописи; во Франціи рукопись средней величины стоила тогда 500 франковъ; за экземпляръ рукописи Тита Ливія можно было въ Италіи купить роскошную дачу,—а тогда деньги были значительно дороже. Извѣстно, что студенты часто платили профессорамъ перепискою ихъ трудовъ. Вотъ почему между прочимъ вся образованность среднихъ вѣковъ сводилась на повтореніе однѣхъ и тѣхъ же идей.

Гутенбергъ (1412-68 г.).

Открытіе Гутенберга какъ разъ поспѣло во время, чтобы двинуть впередъ просвѣщеніе, къ которому всюду стремились и чтобы оказать величайшую услугу цивилизаціи. Слѣдуетъ замѣтить, что Гутенбергъ имѣлъ предшественниковъ ([1]). Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что въ Китаѣ книгопечатаніе было въ употребленіи еще въ 933 году; важно то, что въ первой половинѣ XV столѣтія, еще за нѣсколько лѣтъ до открытія типографскаго станка (около 1442 года), была изобрѣтена ксилографія, т. е. умѣнье вырѣзывать на деревѣ буквы и рисунки, и отпечатывать ихъ. Въ 1442 году въ Голландіи уже были извѣстны такъ называемые печатчики (prenters) и иллюминаторы (verlichters), замѣнившіе прежнихъ переписчиковъ и рисовальщиковъ; тамъ умѣли вырѣзывать буквы и печатать ими произвольное число копій любой рукописи. Въ этомъ родѣ дѣятельности прославился гарлемецъ Янсонъ Костеръ, котораго долго считали въ Голландіи изобрѣтателемъ книгопечатанія и которому въ Гарлемѣ признательные соотечественники соорудили памятникъ. По преданію, онъ первый напечаталъ книгу „Зеркало спасенія“ а наборщики, разобравъ шрифтъ, унесли его въ Майнцъ. Здѣсь будто воспользовался его тайной Іоганъ Гутенбергъ Генсфлейшъ, котораго давно преслѣдовала мысль получать возможно большее число оттисковъ одной и той же рукописи.

По рожденію Гутенбергъ принадлежалъ къ знатнымъ горожанамъ Майнца и считался въ числѣ патриціевъ, которые цѣлыя столѣтія держали въ своихъ рукахъ управленіе городомъ. Въ началѣ XV вѣка злоупотребленія патриціевъ вызвали общее противъ нихъ озлобленіе цеховъ, которые, наконецъ, вытѣснили мѣстную аристократію изъ города и

([1]) Литература о Гутенбергѣ весьма обширна. Лучшія монографіи: Oberlin (Essai d'annales sur la vie de Gut. Str. 1801), Fischer (Essai sur les monuments typographiques M. 1802), Dahl (Die Buchdruckerkunst. M. 1832), Schulz (Gesch. der. Buchdruckerkunst, L. 1840), Ch. Schmidt (Nouveaux détails sur la vie de G. Str. 1841), Winaricky (I. de Gutenberg. Br. 1847), Sotzmann (G. und seine Mitbewerber. Raumer, Hist. Tasch.), Ham (Essai hist. sur Gutt. P. 1657).—Falkenstein (G. der Buchdr.), Bernard (De l'origine et des débuts de l'imprimerie en Europe, 2 v. 1867), Dupont (Hist. de l'imprimerie). Объ Альдѣ—Firmin Didot; о грекѣ Іоаннѣ Ласкарисѣ, который составлялъ библіотеку для Медичи —Vast.— Общее соч.:— Beckmann (Beiträge zur G. der Erfindungen, 5 B.).

захватали власть въ свои руки. Въ числѣ эмигрировавшихъ было семейство Гутенберга; всѣ Генсфлейшы бѣжали въ Страсбургъ. Тамъ Іоганъ провелъ свою молодость въ крайней бѣдности, представлявшейся еще ощутительнѣе послѣ того достатка и даже роскоши, которой прежде пользовались его родители. Бѣдность побуждала его обезпечить свое существованіе какимъ нибудь ремесломъ и какимъ нибудь открытіемъ. Онъ познакомился съ страсбургскими ювелирами и вошелъ съ ними въ компанію; этимъ дѣломъ издавна занимались его предки и онъ полагалъ найти себѣ хорошій заработокъ въ секретѣ новаго способа шлифовки драгоцѣнныхъ камней. Эта же компанія трудилась надъ изготовленіемъ зеркалъ, которыя тогда цѣнились очень высоко. Такъ какъ распродажа зеркалъ замедлилась, въ виду того что большая ярмарка въ Ахенѣ съ 1438 была перенесена на 1440 годъ, то товарищество Гутенберга воспользовалось этимъ временемъ, чтобы сосредоточиться на изученіи способа отпечатыванія рукописей. Собственно задача Гутенберга состояла лишь въ томъ, чтобы разрѣзать голландскія доски на отдѣльныя буквы. Когда онъ приступилъ къ работѣ, то сейчасъ же сообразилъ, что деревянныя буквы не вполнѣ удобны для успѣха дѣла. Тогда онъ открылъ секретъ отливки металлическихъ буквъ и, переѣхавъ въ Майнцъ, вмѣстѣ съ Фаустомъ и каллиграфомъ Петеромъ Шефферомъ, приступилъ въ 1450 году къ печатанію Библіи; она вышла изъ подъ станка черезъ пять лѣтъ (1455 г.). Во время печатанія Гутенбергъ разошелся съ своими сотрудниками.

Надо полагать, что причиной раздора между первыми типографщиками въ Майнцѣ были денежные счеты. Фаустъ вложилъ въ дѣло Гутенберга капиталъ въ 800 гульденовъ съ тѣмъ чтобы послѣдній отпечаталъ Библію, чего бы это ему ни стоило. Когда этихъ денегъ не хватило, Фаустъ помогъ еще 800 гульденовъ, но, не получая отчетовъ отъ Гутенберга въ веденіи дѣла, онъ, передъ самымъ выходомъ книги въ свѣтъ, затѣялъ съ нимъ процессъ, требуя возвращенія денегъ съ процентами. Судъ, въ виду несостоятельности отвѣтчика, обязалъ Гутенберга возвратить весь матеріалъ и инструменты Фаусту, а самую типографію оставилъ за нимъ. Вскорѣ Фаустъ породнился съ каллиграфомъ Петеромъ Шефферомъ, который считался лучшимъ изъ мастеровъ и отдалъ за него свою дочь. Оба они, Фаустъ и Шефферъ, основали

собственную типографію, въ которой, уже послѣ выхода „Библіи“, приступили къ печатанію сочиненія епископа Дюранда —Rationale (исполненнаго въ 1459 году); они же усовершенствовали способы отливки буквъ, приготовляя ихъ изъ свинца и сурьмы.—Первое изданіе Библіи разошлось съ изумительной быстротой. Отъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія въ настоящее время сохранился только одинъ экземпляръ,—именуемый теперь „Мазариновской Библіей“, которая найдена въ числѣ книгъ извѣстнаго кардинала Мазарини, перваго министра Франціи въ малолѣтство короля Луи XIV, и которая хранится теперь въ библіотекѣ Французской академіи. Замѣчательно, что въ той же Франціи появленіе печатной Библіи повело за собой преслѣдованіе и процессы о волшебствѣ. Монахи не хотѣли вѣрить, чтобы можно было, безъ участія сатаны, изъ одной рукописи извлечь столько экземпляровъ. Извѣстно, что Фаустъ, который принесъ эту Библію въ Парижъ, былъ заключенъ въ тюрьму. Монахи, можетъ быть, и сожгли бы его, если бы онъ къ своему счастію не умеръ въ тюрьмѣ, въ 1465 году. Гутенбергъ скончался черезъ три года (24 февр. 1468 г.), въ горькой бѣдности, которая преслѣдовала его всю жизнь. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что увидѣлъ наконецъ полный успѣхъ книгопечатанія ([1]). Задолго до смерти, онъ успѣлъ въ 1460 году издать сочиненіе Іоанна де-Януа,—Catholicon. Его работники были піонерами цивилизаціи.

Успѣхи книгопечатанія.

Еще при его жизни открылись типографіи въ Бамбергѣ, въ Кельнѣ и въ Гарлемѣ. Въ 1464 году книгопечатаніе перешло въ Италію и уже отсюда въ 1470 году упрочилось во Франціи. Трое нѣмецкихъ наборщиковъ, ученики Шеффера и Фауста, а именно Конрадъ Швейнгеймъ, Ульрихъ Ганъ и Арнольдъ Паннорцъ, рѣшились попытать счастья въ Италіи. Имъ пришлось вынести тяжелыя затрудненія, прежде чѣмъ они нашли мѣсто для типографіи. На нихъ смотрѣли недовѣрчиво. Первая итальянская книгопечатня была въ монастырѣ Суббіако близь Рима, а первою книгою, вышедшей въ 1466 году, было сочиненіе Лактанція, слѣдовательно еще при жизни Гутенберга; этого перваго труда итальянской типографіи теперь не существуетъ. Затѣмъ въ 1466 году является тамъ же трак-

([1]) По другимъ извѣстіямъ онъ умеръ въ 1467 году.

татъ Цицерона „De officiis“, а въ слѣдующемъ — сочиненіе Августина. Въ 1468 году типографія переносится въ Римъ. Въ Италіи это искусство стало распространяться съ замѣчательной быстротой. Появляются книги въ Венеціи, а потомъ и въ другихъ городахъ. Въ Италіи типографское дѣло могло скорѣе найти прочную почву и дѣйствительно итальянцамъ Европа обязана тѣмъ, что оно не заглохло, а развилось по всей Европѣ. Въ Италіи духовенство и папы съ энтузіазмомъ отнеслись къ нему. Отсюда печатныя книги распространялись хотя по высокимъ цѣнамъ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 1470 года книгопечатаніе въ Италіи стало обыкновеннымъ дѣломъ. Отъ 1470 до 1500 года тамъ было напечатано до 5400 сочиненій; изъ нихъ въ первое десятилѣтіе 1500, —значитъ, съ годами дѣло развивалось съ поступательной быстротой. Во всей Европѣ до 1500 года насчитываютъ около четырехъ милліоновъ печатныхъ экземпляровъ, при чемъ въ одной Италіи вышло около половины этого числа. Въ Москвѣ, какъ извѣстно, первая книга появилась черезъ 100 лѣтъ послѣ открытія книгопечатанія, тогда какъ въ Чехіи типографскій станокъ работалъ уже въ 1470 году, т. е. тогда, когда онъ только что утвердился въ Италіи. Такъ важна была для просвѣщенія близость Чехіи къ западной Европѣ и такъ невыгодна была отдаленность отъ нея Московскаго государства. Всѣ книги, вышедшія до 1500 года, называются инкунабулами. Съ 1490 г. книги стали печататься такъ называемымъ готическимъ шрифтомъ. Чѣмъ красивѣе была отпечатана книга, тѣмъ она цѣнилась дороже. По красотѣ своихъ издѣлій въ то время отличался венеціанецъ Альдъ Мануцій. Съ теченіемъ времени печатаніе идетъ быстрѣе; отъ 1500 до 1536 г. вышло около 17½ милл. экземпляровъ. Понятно, что съ появленіемъ книгопечатанія цѣнность рукописей значительно упала въ сравненіи съ прежней стоимостью. Такъ какъ рукописи цѣнились все таки выше печатныхъ книгъ, то впослѣдствіи явились поддѣлки: стали выдавать печатныя книги за писанныя; потомъ какъ бы въ отличіе отъ рукописей стали на книгахъ обозначать, что онѣ написаны безъ пера и чернилъ,—свинцовою рукой.

Послѣдствія. Трудно въ общемъ очеркѣ передать всѣ великія послѣдствія книгопечатанія. Первые типографщики, которые трудились около первыхъ печатныхъ станковъ, тѣ князья

и частныя лица, которые оказывали имъ содѣйствіе, — всѣ они сослужили великую службу образованности и исторіи вообще, пріобрѣли право на вѣчную признательность за услуги, оказанныя ими просвѣщенію человѣчества. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія авторъ могъ распространять свои идеи и говорить съ образованнымъ большинствомъ совершенно свободно, не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ. Духовенство въ первое же время поняло, что книгопечатаніе благопріятно для распространенія вѣроученія, а французскій король Луи XII поспѣшилъ заявить что это скорѣе божеское, чѣмъ человѣческое изобрѣтеніе. Посредствомъ типографскаго станка стали быстро распространяться и классическія сочиненія, благодаря чему облегчилось пониманіе древняго міра, а въ общественную жизнь удобнѣе и скорѣе проникли новыя начала, подорвавшія церковный авторитетъ. Духовенство послѣ приняло свои мѣры, но уже было поздно. Теперь всякій могъ завести типографію; никто не обязывалъ содержателя ея печатать только духовныя книги. И вотъ, при королѣ Франсуа I, Сорбонна проситъ короля прекратить книгопечатаніе. Неожиданно парижскій епископъ вступился за типографію; онъ высказалъ, что при помощи ея явилась возможность противодѣйствовать злу и что, если иногда она приноситъ вредъ, то тѣмъ не менѣе въ ней есть и польза. Необходимость бороться со зломъ, на которое жаловалось духовенство, вызвала особое учрежденіе, — цензуру, учрежденную въ первое время въ интересахъ охраны чистоты догматовъ.

Само собою понятно, что съ книгопечатаніемъ классическія рукописи стали доступны всякому, знавшему по-латыни и по-гречески. Между тѣмъ кругъ идей расширился невѣроятнымъ образомъ; греческій языкъ разносился учителями изъ государства въ государство; ученые филологи, въ свою очередь, обязательно распространяли знаніе латинскаго языка. Книгопечатаніе какъ разъ явилось во время, чтобы облегчить и ускорить развитіе гуманизма.

Благодаря гуманистамъ, въ области человѣческой мысли произошелъ громадный переворотъ; богатый матеріалъ древней жизни снова сталъ общимъ достояніемъ. Надъ схоластикой смѣялся еще Петрарка; онъ считалъ средневѣковую науку ниже простаго здраваго смысла гребцовъ и земледѣльцевъ. —„Я, говорилъ онъ, предпочитаю такую науку, которая дѣлаетъ меня лучше,—науку добродѣтели“. Цѣль науки, по сло-

вамъ Петрарки, облагороживать человѣческую природу. Чутьемъ угадывалъ Петрарка и Аристотеля и Платона. За Платона въ то время гуманисты боролись какъ за собственное свое дѣло. какъ за дѣло родины, и друзья становились врагами изъ-за несходства во взглядахъ. Впослѣдствіи въ честь Платона былъ основанъ особый культъ, такъ называемая Платоническая академія. Поклоненіе Платону доходило до забавныхъ и наивныхъ выходокъ со стороны гуманистовъ. Результатомъ этого увлеченія было то, что христіанскія идеи замѣнились античными. Марчелло Фичино, бывшій августинскій монахъ, въ этой же академіи рѣзко высказывалъ антихристіанскія мысли. Таково было непосредственное первое вліяніе античной образованности: прежніе монахи, сдѣлавшись послѣдователями Платона, не менѣе другихъ подрывали авторитетъ христіанства. Между тѣмъ въ то время духовные интересы преобладали и открытіе рукописей возбуждало интересъ въ значительной части общества.

Тогда-то познали цѣну книги; она стала потребностью не только духовныхъ или знатныхъ, но всѣхъ людей безъ различія происхожденія.

Въ послѣдовательномъ движеніи руководящихъ историческихъ идей Возрожденіе классицизма вело къ Реформаціи, но слѣдуетъ съ признательностью помнить, что успѣхи самого Возрожденія обусловливались изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Это изобрѣтеніе, по всей справедливости, отдѣляетъ старый міръ отъ новаго. Открывая неизвѣданные горизонты человѣчеству, оно, по прекрасному выраженію одного историка, вселило въ людей новыя чувства, которыми мы одарены съ XV вѣка.

Тогда все дышало отрадной духовной атмосферой; умственные интересы были на первомъ планѣ. Казалось не было границъ полету освобождавшагося человѣческаго духа. Люди съ трепетомъ ждали отъ будущаго чего-то особеннаго, доселѣ незнакомаго, чего-то необычайнаго и великаго. Всѣ помыслы были напряжены.

То было истинное возрожденіе человѣчества къ новой жизни. Имъ началась новая исторія.

1133.

Полный списокъ памятниковъ по средневѣковой исторіи Германіи, помѣщенныхъ въ изданіи:

PERTZ, MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA
(scriptores, leges, diplomae).

T. V. — Scriptorum t. III.

Vitae.

Supplementa tomorum I—XII.

Vitae aliaque historiae minores.

Frisia et nollandiae.

Anglia.

Gallia.

Lotharingia.

Saxonia.

Lotharingia.

Francia Rhenensis.

Livonia.

Silesia

Polonia.

Annales. Notae breves.

Genealogiae Series principum.

Chronica minora saeculi XII et XIII

Gesta episcoporum abbatum comitum saec XII et XII.

Gesta episcoporum, abbatum, ducum aliorumque principum saeculi XIII.

Ex rerum Francogallicarum scriptoribus.

Ex rerum Anglicarum scriptoribus saeculi XIII.

Diplomata imperii t. I.

RERUM BRITANNICARUM MEDII AEVI SCRIPTORES.

(Lond. Oxf. Cambr. 1858—89).

1. The Chronicle of England, by John Capgrave (до 1417 г.). 1885.
2. Chronicon Monasterii de Abingdon. 2 Vols. 1858.
3. Lives of Edward the Confessor. I. — La Estoire de Seint Aedward le Rei II. — Vita Beati Edvardi Regis et Confessoris. III. — Vita Æduuardi Regis qui apud Westmonasterium requiescit. 1858.
4. Monumenta Franciscana. Vol. I. — Thomas de Eccleston de adventu Fratrum Minorum in Angliam. Adæ de Marisco Epistolæ. Registrum Fratrum Minorum Londoniæ. Vol. II. – De Adventu Minorum; re-edited, with additions. Chronicle of the Grey Friars. The ancient English version of the Rule of St. Francis. Abbreviatio Statutorum, 1451.
5. Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico. Ascribed to Thomas Netter, of Walden, Provincial of the Carmelite Order in England, and Confessor to King Henry the Fifth. 1858.
6. The Buik of the Chroniclis of Scotland; or, a Metrical Version of the History of Hector Boece, By William Stewart. 1859.
7. Johannis Capgrave—Liber de Illustribus Henricis. 1858.
8. Historia Monasterii S. Augustini Cantuariensis, by Thomas of Elmham, formerly Monk and Treasurer of that Foundation. 1858.
9. Eulogium (Historiarum sui temporis): Chronicon ab Orbe condito usque ad Annum Domini 1366; a Monacho quodam Malmesbiriensi exaratum. 3 Vols. 1858—1863.

10. Memorials of Henry the Seventh: Bernardi Andreæ Tholosatis—Vita Regis Henrici Septimi; nec non alia quædam ad eundem Regem spectantia. 1858.
11. Memorials of Henry the Fifth. I. — Vita Henrici Quinti, Roberto Redmanno auctore II. — Versus Rhythmici in laudem Regis Henrici Quinti. III. — Elmhami Liber Metricus de Henrico V. 1858.
12. Munimenta Gildhallæ Londoniensis; Liber Albus, Liber Custumarum, et Liber Horn, in archivis Gildhallæ asservati. Vol. I., Liber Albus.—Vol. II. (in Two Parts), Liber Custumarum.—Vol. III., Translation of the Anglo-Norman Passages in Liber Albus. Glossaries, Appendices and Index. 1859—1862.
13. Chronica Johannis de Oxenedes.
14. A Collection of Political Poems and Songs, relating to English History, from the Accession of Edward III. to the Reign of Henry VIII. 2. Vols. 1859—1861.
15. The „Opus tertium," „Opus Minus," &c., of Roger Bacon. 1859.
16. Bartholomæi de Cotton, Monachi Norwicensis, Historia Anglicana: 449—1298: nec non ejusdem Liber de Archiepiscopis et Episcopis Angliæ. 1859.
17. Brut y Tywysogion; or, The Chronicle of the Princes of Wales. 1860.
18. A Collection of Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV, 1399—1404—1860.
19. The Repressor of over much Blaming of the Clergy. By Reginald Pecock, sometime Bishop of Chichester; 2 Vols. 1860.
20. Annales Cambriæ. 1860.
21. The Works of Giraldus Cambrensis. 7 Vols. 1861—1877.
22. Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England. 2 Vol. 1861—1864.
23. The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several Original Authorities. 2 Vol. 1861.
24. Letters and Papers illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. 2. Vols. 1861—1863.
25. Letters of Bishop Grosseteste, illustrative of the Social Condition of his Time. 1861.
26. Descriptive Catalogue of Manuscripts relating to the

History of Great Britain and Ireland. Vol. 1. (2 ч.) до Нормандскаго завоеванія Vol. II.; 1066 — 1200. Vol. III.; 1200—1327. By T. Hardy. 1862—1871.

27. Royal and other Historical Letters illustrative of the Reign of Henry III. Vol. I., 1216—1235. Vol. II., 1236—1272.—1862—1866.

28. Chronica Monasterii S. Albani. — 1. Thomæ Walsingham Historia Anglicana; Vol. I.; 1272—1381: Vol. II., 1381—1422.—2. Willelmi Rishanger Chronica et Annales, 1259—1307.—3. Johannis de Trokelowe et Henrici de Blaneforde Chronica et Annales, 1259—1296; 1307—1324; 1392—1406.—4. Gesta Abbatum Monasterii S. Albani, a Thoma Walsingham, regnante Ricardo Secundo, ejusdem Ecclesiæ Præcentore, compilata; Vol. I., 793 — 1290: Vol. II., 1290 — 1349: Vol. III., 1349—1411.—5. Johannis Amundesham, Monachi Monasterii S. Albani, ut videtur, Annales; Vols. I. and II.—6. Registra quorundam Abbatum Monasterii S. Albani, qui sæculo XVmo floruere; Vol I., Registrum Abbatiæ Johannis Whethamstede, Abbatis Monasterii Sancti Albani, iterum susceptæ; Roberto Blakeney, Capellano, quondam adscriptum: Vol. II., Registra Johannis Whethamstede, Willelmi Albon, et Willelmi Walingforde, Abbatum Monasterii Sancti Albani, cum Appendice, continente quasdam Epistolas, a Johanne Whethamstede conscriptas.—7. Ypodigma Neustriæ a Thoma Walsingham, quondam Monacho Monasterii S. Albani, conscriptum. 1863—1876.

29. Chronicon Abbatiæ Eveshamensis, auctoribus Dominico Priore Eveshamiæ et Thoma de Marleberge Abbate, a fundatione ad Annum 1213, una cum Continuatione ad Annum 1418. 1863.

30. Ricardi de Cirencestria Speculum hisroriale de gestis Regum Angliæ. Vol. I., 447—871. Vol. II., 872—1066. 1863—1869.

31. Year Books of the Reign of Edward the First. Годы 20—21, 21—22. Edward I. 30—31, 32—33, и 33—35. Edward. Годы 11—14. 1863—1886.

32. Narratives of the Expulsion of the English from Normandy 1449—1450.—Robertus Blondelli de Reductione

Normanniæ: Le Recouvrement de Normendie, par Berry, hérault du Roy: Conferences between the Ambassadors of France and England. 1863.

33. Historia et Cartularium Monasterii S. Petri Gloucestriæ. Vols. I., II., and III. 1863—1867.

34. Alexandri Neckam de Naturis Regum libri duo; съ поэмой: De Laudibus Divinæ Sapientiæ. 1863.

35. Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft of Early England; съ документами для изученія исторіи знаній въ Англіи до норманскаго завоеванія, I—III, 1864—66.

36. Annales Monastici. Vol. I.: — Annales de Margan, 1066—1232; Annales de Theokesberia, 1066—1263; Annales de Burton, 1004—1263. — Vol. II.:—Annales Monasterii de Wintonia. 519—1277; Annales Monasterii de Waverleia, 1—1291. — Vol. III:—Annales Prioratus de Dunstaplia, 1—1297. Annales Monasterii de Bermundesεia, 1042—1432.--Vol. IV: – Annales Monasterii de Oseneia. 1016—1347; Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomæ Wykes, 1066—1289; Annales Prioratus de Wigornia, 1—1377. — Vol. V.: — Index and Glossary. 1864—1869.

37. Magna Vita S. Hugonis Episcopi Lincolniensis. 1864.

38. Chronicles and Memorials of the Reign of Richard the First. Vol. I.: — Itinerarium peregrinorum et gesta Regis Ricardi. Vol. II.: — Epistolæ Cantuarienses; the Letters of the Prior and Convent of Christ Church, Canterburu; 1187 to 1199. 1864—1865.

39. Recueil des Croniques et anchiennes Istories de la Gkant Bretaigne apresent nomme Engleterre, par Jehan de Waurin. Vol. I. Albina тн 688.--Vol. II., 1399—1422.–Vol. III., 1422—1431. Vol. IV. 1431—1443—1864—79. 1884.

40. A Collection of the Chronicles and ancient Histories of Great Britain, now called England, by John de Wavrin. Albina to 688. 2 Vols. transl 1864—1887.

41. Polychronicon Ranulphi Higden, with Trevisa's Translation. Vols. I.—II. 1865—1886.

42. Le Livere de Rei de Brittanie e Le Livere de Reis de Engletere (Peter of Jekham?). 1865.

43. Chronica Monasterii de Melsa ab anno 1150 usque ad annum 1406. Vols. I., II., and III. 1866—1869.

44. Matthæi Parisiensis Historia Anglorum, sive ut vulgo dicitur, Historia Minor. 3 Vols. aba. 1067 — 1253. Ed. by Madden. 1866—1869.
45. Liber Monasterii de Hyda: a Chronicle and Chartulary of Hyde Abbey, 455—1023. Winchester, Ed. by Edwards.—1866.
46. Chronicon Scotorum: a Chronicle of Irish Affairs, from the earliest times to 1135; and Supplement, containing the events from 1141 to 1150.—1866.
47. The Chronicle of Pierre de Langtoft, in French Verse, from the earliest period to the death of Edward I. 2 Vol. 1866—1868.
48. The War of the Galdhil with the Gaill, or The Invasions of Ireland by the Danes and other Norsemen. *Edited, with a Translation by* James Henthorn Todd, Dublin. 1867.
49. Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis Chronicle of the Reigns of Henry II. and Richard I., 1169—1192, known under the name of Benedict of Peterborough. 2 Vols. 1867.
50. Munimenta Academica, or Documents illustrative of Academical Life and Studies at Oxford; 2 Vols. 1868.
51. Chronica Magistri Rogeri de Houedene. 4 Vols. Ed. by Stubss. 1868—1871.
52. Willelmi Malmesbiriensis Monachi de gestis Pontificum Anglorum libri quinque. 1870.
53. Historic and Municipal Documents of Ireland, from the Archives of the City of Dublin, &c. 1172 — 1320. 1870.
54. The Annals of Loch Cé. A Chronicle of Irish Affairs, from 1041 to 1590. 2 Vols. 1871.
55. Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty, with Appendices, 4 Vols. 1871—1876.
56. Memorials of the Reign of Henry VI.:—Official Correspondence of Thomas Bekynton, Secretary to Henry VI., and Bishop of Bath and Wells. 1872.
57. Matthæi Pärisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora. Vol. I. usque ad 1066.—Vol. II. 1067—1216.—Vol. III. 1216—1239.—Vol. IV. 1240—1247.—Vol. V. 1248—1259.—Vol. VI. Additamenta.—Vol. VII. Index. *Edited by* Henry Richards Luard, 1872—1884.

58. Memoriale Fratris Walteri de Coventria.—The Historical Collections of Walter of Boventry. 2 Vols. 1872—1873.
59. The Anglo-Latin Satirical Poets and Epigrammatists of the Twelfth Century 2 Vols. I. and II. 1872.
60. Materials for a History of the Reign of Henry VII, from original Documents preserved in the Public Record Office. 2 Vols. 1873—1877.
61. Historical Papers and Letters from the Reign of Northern Registers. 1873.
62. Registrum Palatinum Dunelmense. The Register of Richard de Kellawe, Lord Palatine and Bishop of Durham; 1311—1316. 4 Vols. 1873—1878.
63. Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury. 1874.
64. Chronicon Angliæ, ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388, auctore Monacho quodam Sancti Albani. 1874.
65. Thomas Saga Erkibyscups. A Life of Archbishop Thomas Becket. in Icelandic. 2 Vols. Ed. by Magnasson. 1875—1884.
66. Radulphi de Coggeshall Chronicon Anglicanum. 1875.
67. Materials for the History of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury. 7 Vols. 1875—85.
68. Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica. The Historical Works of Master Ralph de Diceto, Decan of London. 2 Vols. 1876.
69. Roll of Proceedings of the King's Council in Ireland, for a portion of the 16th Year of the Reign of Richard II, 1392—93.—1877.
70. Henrici de Bracton de Legibus et Consuetudinibus Angliæ libri quinque in varios Tractatus distincti. Ad diversorum et Vetustissimornm Codicum collationem typis vulgati. 6 Vols. I,, 1878—1883.
71. The Historians of the Church of York, and its Archbishops. 2 Vols. 1879—1886.
72. Registrum Malmesburiense. The Register of Malmesbury Abbey; preserved in the Public Record Office. 7 Vols. 1878, 1880.
73. Historical Works of Gervase of Canterbury. 2 Vols. The Chronicle of the reigns of Stephen, Henry II and

Richard I., by Gervase, the Monk of Canterbury. 1879--1880.

74. Henrici Archidiaconi Huntendunensis Historia Anglorum. (8 книгъ). 1879.
75. The Historical Works of Symeon of Durham. 2 Vols. 1882—1885.
76. Chronicles of the reigns of Edward and Edward II. 2 Vols. 1882 — 1883.
77. Registrum Epistolarum Fratris Johannis Peckham, Archiepiscopi Cantuariensis. 3 Vols. 1882—1886.
78. Register of S. Osmund. 2 Vols. 1883, 1884.
79. Chartulary of the Abbey of Ramsey, 2 Vols. 1884,—86.
80. Chartularies of St. Mary's Abbey, Dublin, with the Register of its house at Dunbrody, County of Wexford, and Annals of Ireland, 1162—1370. 1884,'1885.
81. Eadmeri Historia Novorum in Anglia et opuscula duo de Vita Sancti Anselmi et quibusdam Miraculis ejus. 1884.
82. Chronicles of the reigns of Stephen, Henry IIo and Richard 3 Vols. (William of Newburgh, Drac Normannicus of Etienne de Rouen, Richard of Hexmat, Richard; of Devizes. 1884—1886.
83. Chronicle of the Abbey of Ramsey 1886.
84. Chronica Rogeri de Wendover, sive Flores Historiarum. 2 Vols. 1886—1887.
85. The Letter Books of the Monastery of Christ Church Canterbury. 2 Vols. 1887—1888.
86. The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester. 1887.
87. Chronicle of Robert of Brunne. 2 части; 1887.
88. Icelandic Sagas and other historical Documents relating to the Settlements and Descents of the Northmen on the British Islcs. Vol. I. Orkneyinga Saga, Magnus Saga. Vol. II. Hakonar Saga, Magnus Saga. 1887.
89. The Tripartite Life of St. Patrick, 2 Parts 1887.
90. Willelmi monachi Malmesbiriensis de Regum gestis Anglorum, libri V.; Historiæ Novellæ, libri III. Vol. I. 1887.
91. Lestorie des Engles solum; transtation fo Geffrei Gaimar. 2 Vols. 1888 — 1889.

MIGNE, J. P.: PATROLOGIAE CURSUS COMPLETUS,

sive bibliotheca universalis, omnium SS. Patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum, sive Latinorum, sive Graecorum, qui ab aevo apostolico ad aetatem Innocentii III pro Latinis, ei ad Photii tempora pro Graecis floruerunt, Parisiis 1844—57. (Series latina Vol. 1—217. 217^{a-d}=221 vol.; series graeca 20 vol.; 241 vol.

Series I. A Tertulliano ad Gregorium Magnum. Tom. 1—79. (1. Scriptores qui in II-IV. saec. floruerunt. Tom. 1—19.—2. Scriptores V. saec. Tom. 20—61.—3. Scriptores VI. saec. Tom. 62—79).

Series II. A Gregorio Magno ad Innocentium III Tom. 80—217. (1. Scriptores qui in VII. saec. prima parte floruerunt. Tom. 80—86.—2. Scriptores qui in VII. saec. secunda parte floruerunt. Tom. 87. 88.—3. Scriptores ecclesiastici VIII. saec. Tom. 89—96.—4. Scriptores IX. saec. Tom. 97—130.—5. Scriptores X. saec. Tom. 131—138.—6. Scriptores XI. saec. Tom. 139—151.—7. Scriptores XII. saec. Tom. 152—191.—8. Scriptores XIII. saec. Tom. 192—217 a-d.

Series graeca. Tom. 1—7; 15; 17—21; 23—25; 27—30.

Abaelardus, opera omnia	178
Abbaudus abbas	166
Abbo abbas Floriacens.	139
Abbo episc. Mettens.	87
Abbo Sangerm. monach.	132
Abedoc abbas Hibernus	96
Absalon abb. Sprinckirsbac.	211
Achardus abb. S. Victoris	196
Adalbero ep. Laudun.	141
Adalbero archiep. Remensis	137
Adalbertus ep Mogunt.	172
Adalbertus ep. Pragens.	137
Adalbertus scholast. Metens.	136
Adalgerus ep. incertae sedis.	134
Adalhardus abbas Corbeiensis	105
Adamnanus abbas Hiiensis.	88
Adamus abbas Perseniae	211
Adamus Bremensis	146
Adamus Scotus	198
Adamus S. Victoris	196
Adelboldus ep. Traiect.	140
Adelgorius archiepiscop. Magdeb.	157
Adelmannus ep. Brixiens.	143
Ademarus S. Cibardi monachus	141
Adeodatus papa	87
Ado archiep. Vienn.	123
Adrevaldus monachus Floriac.	124
Adrianus I papa	96
Adrianus II papa	122
Adrianus III papa	126
Adrianus IV papa	188
Adso Dervensis	137
Adventius ep. Mettens.	121
Aegidius Paris	212
Aelfricus abb. Riev.	195
Aelredus Rhievallus	195
Aeneas ep. Paris.	121
Agano ep. Augustodun.	150
Agapetus I papa	66
Agapetus II papa	133

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

ДЛЯ ОБОИХЪ ТОМОВЪ [1]

[1] Первый томъ (I) не отмѣчается.

ЕПИСКОПЫ И ПАПЫ РИМСКІЕ.

Св. Петръ, 42 г. (?)—29 іюня 66.
Св. Линъ, 66—23 сент. 78.
Св. Анаклетъ, 79—91.
Св. Климентъ, 91—23 д. 100.
Св. Еваристъ, 100—27 окт. 109.
Св. Александръ, 109-3 мая 119.
Св. Сикстъ, 119—127.
Св. Телесфоръ, 127—2 янв. 139.
Св. Гигинъ, 139—10 янв. 142.
Св. Пій, 142—11 іюля 157.
Св. Аницетъ, 157-17 апр. 168.
Св. Сотеръ, 168—177.
Св. Элевтеръ, 177--26 мая 192.
Св. Викторъ, 193-28 іюля 202.
Св. Зефиринъ, 202-20 дек. 218.
Св. Калистъ, 219--14 окт. 222.
Св. Урбанъ, 223—25 мая 230.
Св. Понтіанъ, 22 іюля 230—28 сент. 235.
Св. Антеръ, 11 н. 235-3 янв. 236.
Св. Фабіанъ, 10 янв. 236—20 янв. 250.
Св. Корнилій, 4 іюня 251—14 сент. 252.
Св. Луцій, 25 с. 252—5 м. 253.
Св. Стефанъ, мартъ 253—2 авг. 257.
Св. Сикстъ II, 14 авг. 257—6 авг. 258.
Св. Діонисій, 22 іюля 259—26 дек. 269.
Св. Феликсъ, 29 дек. 269—22 дек. 274.
Св. Евтихій, 5 янв. 275-7 дек. 283
Св. Кай, 17 дек. 283-22 апр. 296.
Св. Марцеллинъ, 30 іюня 296—24 окт. 304.
Св. Маркелъ, 19 мая 308—16 янв. 310.
Св. Евсевій, 20 мая 310—26 сент. 310.
Св. Мильтіадъ, 2 іюля 311—11 янв. 314.
Св. Сильвестръ, 31 янв. 314—31 дек. 335.
Св. Маркъ, 18 янв. 336—7 окт. 336.
Св. Юлій, 6 ф 337-12 апр. 352.
Либерій, 22 мая 352-24 сент. 366
(Феликсъ II, 355—22 н. 365).
Св. Дамаскъ, 366—10 дек. 384.
Св. Сириций, 22 дек. 384—25 н. 398.
Св. Анастасій, 5 дек. 398—14 дек. 401.
Св. Иннокентій I, 21 д. 401—янв. 417.
Св. Зосимъ, 18 марта 417—26 дек. 418.
Св. Бонифацій, 28 дек. 418—4 сент. 422.
Св. Целестинъ, 10 сент. 422—30 іюля 432.
Св. Сикстъ III, 31 іюля 432—18 авг. 440.
Св Левъ I Великій, 29 сент. 440—5 ноября 461.
Св. Гиларій, 10 н. 461-21 ф. 468.
Св. Симплицій, 25 ф. 468—27 ф. 483.
Св. Феликсъ II, 2 марта 483—24 ф. 492.
Св. Геласій, 1 март. 492-19 н. 496.
Св. Анастасій I, 24 н. 496—17 н. 498.
Св. Симмахъ, 22 н. 498—19 іюля 514.
Гормиздъ, 27 іюл. 514-6 авг 523.
Св. Іоаннъ I, 13 авг. 523—18 мая 526.
Феликсъ III, 24 іюля 526—18 сент. 530.

Бонифацій II, 15 окт. 530—16 окт. 532.
Іоаннъ II, 22 янв. 533—27 мая 535.
Агапетъ, 3іюня 535-22 апр. 536.
Сильверъ, 8 іюня 536—17 н. 537 († 20 іюня 538).
Вигилій, 22 н. 537-10 янв. 555.
Пелагій, 1 апр. 555-1 марта 560.
Іоаннъ III, 18 іюня 560—13 іюля 573.
Бенедиктъ Бонова, 3 іюня 574—30 іюля 578.
Пелагій II, 30 н. 578—8 ф. 590.
Св. Григорій I Великій, 9 ф. 590—12 марта 604.
Сабиніанъ, 1 сент. 604-22 ф. 607.
Бонифацій III, 29 ф. 607—10 н. 607.
Бонифацій IV, 25 авг. 608—7 мая 615.
Deusdedit, 19 окт 615-8 н. 618.
Бонифацій V, 23 окт 619—22 окт. 625.
Гонорій, 14 мая 625 12 окт. 638.
Северинъ, 28 мая 640-1 авг. 640.
ІоаннъIV, 24 д. 640-11 окт. 642.
Ѳедоръ, 24 н. 642—13 мая 649.
Св. Мартинъ, 5 іюля 649—19 іюня 653 († 16 сент. 655).
Св. Евгеній, 8 сент. 654—1 іюня 657.
Виталіанъ, 30 іюля 657—27 янв. 672.
A Deo-datus, 22 апр. 672—26 іюня 676.
Домнусъ, 2 н. 676--11 апр. 678.
Агафонъ, 27 іюня 679—10 янв. 682.
Св. Левъ II, 19 окт. 682—3 іюля 683.
Бенедиктъ II, 26 іюня 684—7 мая 685.
Іоаннъ V, 10 іюня 685—7 авг. 686.
Кононъ, 21 окт. 686—21 с. 687.
Сергій, 15 д. 687—8 сент. 701.
Іоаннъ VI, 28 окт. 701—9 янв. 705.
Іоаннъ VII, 1 марта 705—17 окт. 707.
Сисиній, 18 янв. 708—7 ф. 708.
Константинъ, 25 марта 708—9 апр. 715.
Св. Григорій II, 19 мая 715—10 ф. 731.
Григорій III, 18 марта 731—28 н. 741.
Захарія, 30н. 741-14 марта 752.
Стефанъ II, 26 марта 752—24 апр. 757.
ПавелъI, 29мая757-28іюня767.
СтефанъIII, 7 авг. 768-1 ф. 772.
Адріанъ I, 9 ф. 772-25 окт. 795.
ЛевъIII, 27дек. 795-11іюня816.
Стефанъ IV, 22 іюня 816—24 янв. 817.
ПасхалійI, 25янв. 817-10ф. 824.
ЕвгенійII, 16 ф. 824-10авг. 827.
Валентинъ, авг. 827—окт. 827.
ГригорійIV, н. 827-29 янв. 844.
Сергій II, 10 ф. 844-27 янв. 847.
Левъ IV, апр. 847--16 іюня 855.
Бенедиктъ III, 29 сент. 855—8 апр. 858.
НиколайI, 24 апр. 858-13 н. 867.
Адріанъ II, 14 д. 867—д. 872.
Іоаннъ VIII, 14 д. 872-15 д. 882.
Марино I, д. 882—май 884.
Адріанъ III, 884—сент. 885.
Стефанъ V, сент. 885-сент. 890.
Формозъ, 890—4 апр. 896.
БонифаційVI, апр. 896-май896.
СтефанъVI, 20авг. 896 сент. 897.
Романъ, 15 окт. 897—янв. 898.
Ѳедоръ II, янв. 898—ф. 898.
Іоаннъ IX, іюнь 898—іюнь 900.
БенедиктъIV, авг. 900-окт. 903.
Левъ V, 28 окт. 903—н. 903.
Христофоръ, н. 903—май 904.

Сергій III, іюнь 904—авг. 911.
Анастасій III, авг. 911-окт. 913.
Ландъ, окт. 913—26 апр. 914.
Іоаннъ X, апр 914—928.
Левъ VI, іюнь 928—3 февр. 929.
Стефанъ VII, февр. 929 — 15 марта 931.
Іоаннъ XI, 15 марта 931 — янв. 936.
Левъ VII, 9 янв. 936-18 іюля 939.
Стефанъ VIII, іюль 939-д. 942.
Марино II, 4 февр. 943-іюнь 946.
Агапетъ II, іюнь 946-20 авг. 956.
Іоаннъ XII, авг. 956-6 мая 964.
Бенедиктъ V, 15 мая 964— сент. 965.
Іоаннъ XIII, окт. 965—6 с. 972.
Бенедиктъ VI, 28 н. 972—974.
Домнусъ II, 974—975.
Бенедиктъ VII, 25 марта 975 —10 іюля 983.
Іоаннъ XIV, н. 983-мартъ 985.
Іоаннъ XV, апр. 985-іюнь 985 [1])
Іоаннъ XVI, д. 985—апр. 996.
Григорій V, 3 мая 996-18 ф. 999.
Сильвестръ II, 2 апр. 999— 3 мая 1003.
Іоаннъ XVII, іюнь 1003 — 7 дек. 1003.
Іоаннъ XVIII, 26 дек. 1003 —май 1009.
Сергій IV, іюнь 1009—1012.
Бенедиктъ VIII, 1012—1024.
Іоаннъ XIX, 6 іюня 1024-1033.
Бенедиктъ IX, 1033—1044.
Сильвестръ III,—1044.
Григорій VI, 1044—д. 1046.
Климентъ II, 25 д. 1046 — 9 окт. 1047.
Дамасъ II, 17 іюля 1048 — 10 авг. 1048.
Св. Левъ IX, 12 ф. 1049 — 19 апр. 1054.

([1]) Не всѣми признается папою.

Викторъ II, 13 апр. 1055.— 28 іюля 1057.
Стефанъ IX, 2 авг. 1057 — 29 марта 1058.
Бенедиктъ X, антипапа, 30 марта 1058—18 янв. 1059.
Николай II, 28 дек. 1058 — 22 іюля 1061.
Александръ II, 1 окт. 1061— 21 апр. 1073.
Григорій VII, 22 апр. 1073— 25 мая 1085.
Викторъ III, 24 мая 1086— 16 сент. 1087.
Урбанъ II, 12 марта 1088— 29 іюля 1099.
Пасхалій II, 12 авг. 1099— 21 янв. 1118.
Геласій II, 25 янв. 1118 — 29 янв. 1119.
Калистъ II, 1 фев. 1119 — 12 д. 1124.
Гонорій II, 21 дек. 1124 — 14 ф. 1130.
Иннокентій II, 15 ф. 1130— 24 сент. 1143.
Целестинъ II, 26 с. 1143 — 9 марта 1144.
Лучій II, 12 марта 1144 — 25 ф. 1145.
Евгеній III, 27 ф. 1145 — 8 іюля 1153.
Анастасій IV, 9 іюля 1153— 2 д. 1154.
Адріанъ IV, 20 д. 1154 — 1 с. 1159.
Александръ III, 7 с. 1159 — 30 авг. 1181.
Лучій III, 1 с. 1181-24 н. 1185.
Урбанъ III, 25 н. 1185 — 19 окт. 1187.
Григорій VIII, 20 окт. 1187 —17 д. 1187.
Климентъ III,—19 д. 1187— 27 марта 1191.

Целестинъ III, 30 марта 1191 —8 янв. 1198.
Иннокентій III, 8 янв. 1198 —17 іюля 1216.
Гонорій III, 18 іюля 1216— 18 марта 1227.
Григорій IX, 19 марта 1227 —21 авг. 1241.
Целестинъ IV, 22 с. 1241— 8 окт. 1241.
Иннокентій IV, 25 іюня 1243 —7 д. 1254.
Александръ IV, 12 д. 1254— 25 мая 1261.
УрбанъIV,27а.1261-2окт.1264
Климентъ IV, 5 ф. 1265 — 29 н. 1268.
Григорій X, 1 сент. 1271 — 10 янв. 1276.
ИннокентійV,21ф.-22іюн.1276
Адріанъ V, 15 іюля 1276 — 18 авг. 1276.
Іоаннъ XX, антипапа.
Іоаннъ XXI, 13 сент. 1276— 17 мая 1277.
Николай III, 25 н. 1277 — 22 авг. 1280.
Мартинъ IV, 22 ф. 1281 — 28 марта 1285.
Гонорій IV, 2 апр. 1285 — 3 апр. 1287.
Николай IV, 15 ф. 1288 — 4 апр 1292.
Целестинъ V, 5 іюля 1294— 13 д. 1294.
Бонифацій VIII, 24 д. 1294 —11 окт. 1303.
Бенедиктъ XI, 22 окт. 1303 - 7 іюля 1304.
Климентъ V, 5 іюня 1305— 20 апр. 1314.
(съ 1309 г. въ Авиньонѣ)
Іоаннъ XXII, 7 авг. 1316— 4 д. 1334.
Бенедиктъ XII, 20 д. 1334— 25 апр. 1342.
Климентъ VI, 7 мая 1342— 6 д. 1352.
Иннокентій VI, 18 д. 1352— 2 с. 1362.
Урбанъ V, 28 окт. 1362 — 19 д. 1370.
Григорій XI, 30 д. 1370 — 27 марта 1378.

Римскіе.

Урбанъ VI, 9 апр. 1378— 18 окт. 1389.
Бонифацій IX. 2 н. 1389 —1 окт. 1404.
Иннокентій VII, 17 окт. 1404—6 н. 1406.
Григорій XII, 30 н. 1406 —1409.

Авиньонскіе.

Климентъ VII, 21 с. 1378 —16 с. 1394.
Бенедиктъ XIII, 28 сент. 1394—1409.

Пизанскіе.

Александръ V, 26 іюня 1409—3 мая 1410.
Іоаннъ XXIII. 17 мая 1410 —29 мая 1415.

Послѣ раскола. Римскіе.

Мартинъ V, 11 н. 1417 — 21 ф. 1431.
Евгеній IV, 6 марта 1431 — 23 ф. 1447.
Николай V, 6 марта 1447— 24 марта 1455.
Калистъ III, 8 апр. 1455 — 8 авг. 1458.
ПійII, 27авг.1458-16авг.1464.
Павелъ II, 31 авг. 1464 — 28 іюля 1471.
СикстъIV,9авг.1471-13а.1484.
Иннокентій VIII, 29 авг. 1484. —25 іюля 1492.
Александръ VI, 11 авг. 1492 —18 авг. 1503.
ПійIII, 22 с. 1503-18 окт. 1503.
Юлій II, 1 н. 1503-21 ф. 1513.
ЛевъX,11 марта 1513-1 д.1521.

ERRATA.

I ТОМЪ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
15	2 св.	какъ	такъ
19	2 св.	Деномакса	Демонакса
126	4 сн.	466	род. въ 466
129	25 св.	чуть	чуть не
139	16 св.	наслѣдникомъ	обладателемъ
140	10 св.	5)	6)
159	4 сн. прим.	Dun.	Dumelmensis.
227	5 сн.	Simeon	Simson
289	7 св.	998	898
295	3 св.	Людовикъ VI	Людовикъ IV
301	9 сн.	своихъ	къ нему его
307	9 св.	у западныхъ ученыхъ	западнымъ ученымъ
309	7 сн.	Muralto	Muralt
312	1 сн. прим.	χαραλλινός	χαβαλλινός
369	3 сн.	сестрѣ	дочери
454	5 сн.	Генрихъ	Генрихъ Люксембургскій, какъ послѣ при подобныхъ обстоятельствахъ противъ императора Фридриха II былъ выдвинутъ Генрихъ
459	16 св.	отъ	изъ
454	1 сн. прим.	П.	Кіевъ
460	9 св.	Послѣ	Какъ послѣ (въ XIII вѣкѣ)
460	9 св.	и	, такъ и послѣ
464	8 сн.	1123	1122
529	20 св.	свидѣтелемъ	временемъ

ИСТОРІОГРАФІЯ.

6	19 св.	Абладіемъ	Аблавіемъ
7	3 сн. (прим.)	1866.	1866, а также Моммсена
10	4 сн. (прим.)	Bouquet	Bouquet и Арндтъ
35	7 св.	1203	1150—1218 г.
35	13 св.	VI	IV
41	17 сн.	кончаетъ	вѣнчаетъ
42	5 св.	кончаетъ	иллюстрируетъ
43	9 св.	1188	1193

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
45	9 св.	Бернаръ,	вѣроятно Эрнуль до 1229 г., а съ этого времени Бернаръ,
45	10 св.	1240 г.?	1250 г.?
45	12 св.	до 1250 г.;	до 1250 г., а можетъ быть только до 1231 года;
48	11 св.	пророковъ	пороковъ
66	2 сн. прим.	Muralto	Muralt
101	16 св.	1634	1346

II ТОМЪ.

99	13 св.	ученикомъ	послѣдователемъ
103	23 св.	сцена	арена
103	4 сн.	Slowin	Słowian
105	15 св.	никогда	по большей части
106	11 св.	сполатрскому	сплѣтскому
184	9 св.	сдыхали	слыхали
593	4 св. прим.	81)	81), также Gaspary (G. der ital. Lit. 1884)
593	10 св. прим.	1891	1841
593	7 сн. прим.	XIII ст.	XIV ст.
593	13 св. прим.	Witte	Witte, а также Lubin (1881)
597	2 сн.	Въ	«Въ
598	8 св.	міра.	міра».
789	17 св.	7)	6)
868	16 сн.	себѣ	къ себѣ
876	10 сн.	on	ou
889	4 сн.	отъ	съ
898	8 св.	послѣднее	послѣдній
903	20 св.	Томка	Томекъ
911	2 св.	только	только что
911	5 св.	тожественной	торжественной
937	9 св.	Томка	Томекъ
978	16 сн.	81	87
994	5 св.	и	а
1056	21 св.	1422 г.	1423 г.
1069	1 сн.	Франца	Франтца
1070	8 св. прим.	Φραντφῆς	Φραντζῆς
1072	11 св.	1422 года	1423 года.

ЛУИ IX Свято

ФИЛИППЪ III

ФИЛИППЪ IV

КАРЛЪ V Мудрый,
(† 1380).

Короли франц. до бурбонской династіи. (Валуа и Орлеанцы).

ь 1) Стефаномъ Сербскимъ,
зсѳемъ Мурзуфломъ, февр.
4, 3) Львомъ, десп. Коринѳ.

декабря 1259 переноситъ рези-
нстантинополь, имп. съ 1261.

съ 1282, низл. 1328; 1) Анна, д. Сте-
в, д. Вильгельма Монферратскаго.

320.

имп. 1328.

ѳеологъ, 1332—91, имп. 1341.

1348—1425, соправ. 1371, имп. 1391—1425.

XI,
1450.

Елена за Лаза-
ремъ Сербскимъ.

Димитрій
Силимбр.

Ѳома † 1465.
Ахайскій.

Софья. Съ 1471 за

Г

)0.

ца,

ТЕ

. С
имя

ЕН
Да

(Алиса) † 1102; съ 1085 за графомъ Блуа.

104—54, съ 1135 к. Англіи; Генрихъ. Матильда.
Евстахія, г. Булонскаго.

НОРМАНДСКАЯ.

у

М

Ь

Эдмондъ, г. Іоркскій, 1341—1402.
1372 Изабелла, д. Петра Жест., к. Кастиліи † 1394.

Ричардъ Іоркскій, † 1415.
1) Анна Мортимеръ, 2) Матильда Клиффордъ.

Ричардъ, † 1470. Съ 1455 протекторъ.

. Англіи, 1471 низл., изавета Грей.

Георгъ Кларенсъ, † 1477. Съ 1469 Изабелла Невиль, д. г. Варвикъ.

РИЧАРДЪ III, 1452—85. Съ 1471 Анна Невиль съ 1483 к. Англіи.

ЭДУАРДЪ V, 1570—83. 1471 принцъ Валл. 1483 к. Англіи.

Эдуардъ, 1470—99. 1486 закл. въ Тоуэръ (послѣдній Плантагенетъ).

Эдуардъ, 1275—80. Съ 1483 принцъ Валл.

Сочиненія того же автора:

Савонарола и Флоренція. Историческая монографія въ двухъ частяхъ. К. 1865.

Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II. Съ изложеніемъ исторіи утвержденія аррагонской династіи въ Неаполѣ и Сфорцы въ Миланѣ. К. 1866.

Личный и историческій характеръ Оливера Кромвеля. К. 1868.

Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III. Исторія Альбигойцевъ и ихъ времени, томъ I. К. 1869. Цѣна 3 р.

Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами. Исторія Альбигойцевъ и ихъ времени, томъ II. К. 1872. Цѣна 3 р.

Неаполитанскіе государи XIV вѣка. Разсказы изъ итальянской исторіи. К. 1873.

Къ біографіи Паоло Сарпи. Неизданный документъ Венеціанскаго Государственнаго Архива. К. 1880.

Процессъ Екатерины Аррагонской по новымъ документамъ. Съ англійскаго переводъ А. К. О. подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. А. Осокина. К. 1885. Ц. 50 к.

Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Казанскаго университета 5 ноября 1885 г. К. 1885. Цѣна 75 к.

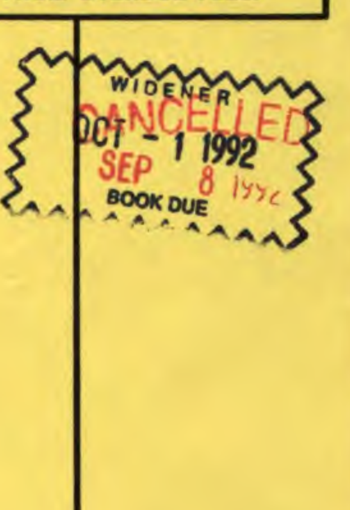
Исторія среднихъ вѣковъ Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи, томъ первый (до XIII столѣтія). К. 1888. Ц. 3 р. 50 к.

Очеркъ средневѣковой исторіографіи. Унив. чтенія. К. 1888. Ц. 1 р. 25 к.

Генеалогическая таблица Каролинговъ въ связи съ династіями: Саксонской, Франконской, Гогенштауфеновъ, Бабенберговъ, Габсбургской, Лотарингской, Люксембургской, Капетинговъ, Валуа, Бурбоновъ, Орлеанской и Гогенцоллернской. К. 1888. Ц. 35 к.

Въ *КАЗАНИ*, въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина, коммиссіонера Императорскаго Казанскаго Университета.

3 2044 014 617 658

WIDENER
CANCELLED
OCT - 1 1992
SEP 8
BOOK DUE